This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav
605
25

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

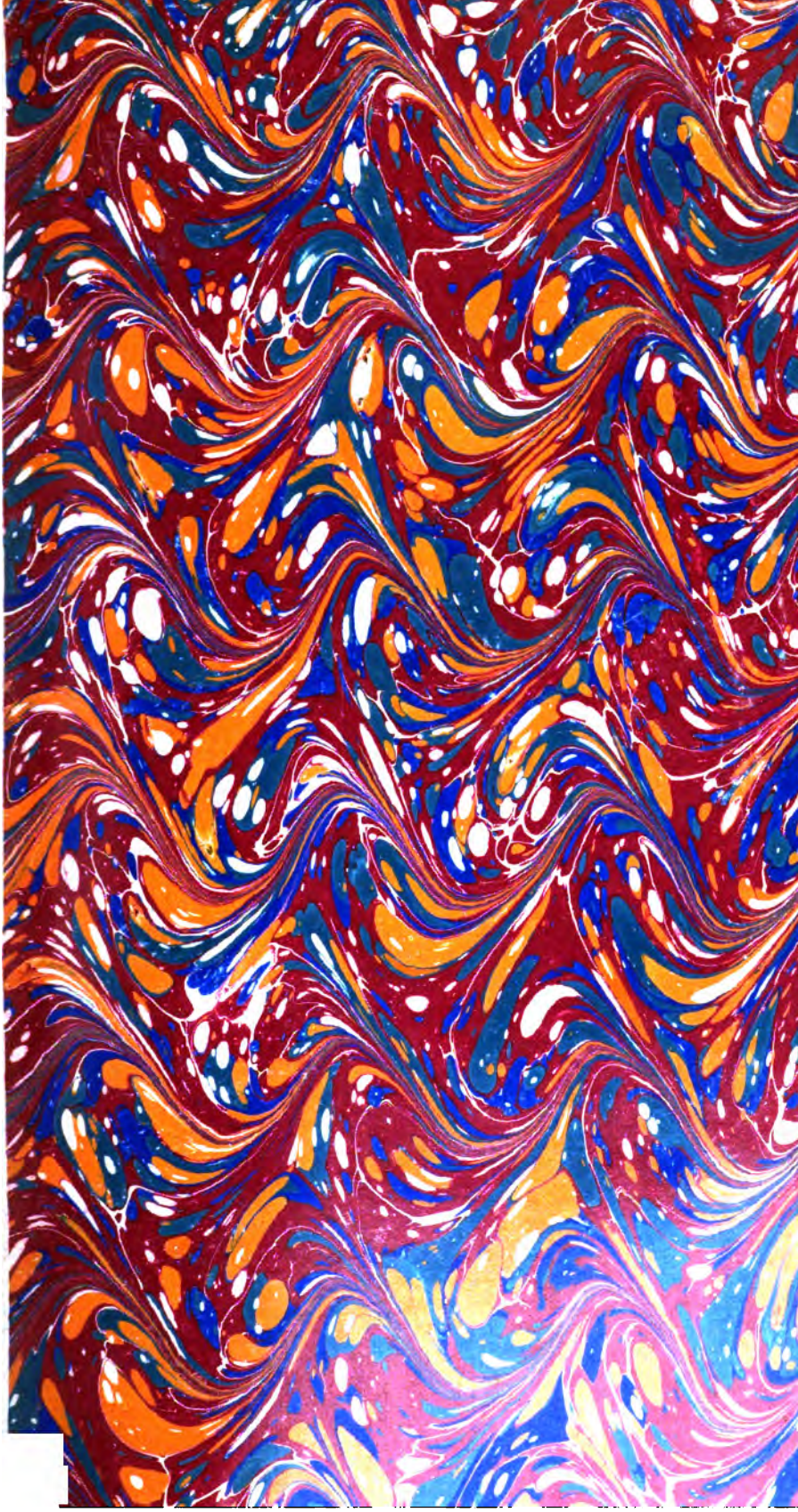
FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE

OF BOSTON

Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1898

JAN 10 1902



RUSSKAIA STARINA,

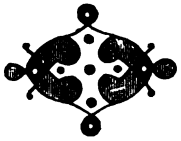
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАНО 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

Мих. Ив. Семевскимъ.



1892 г.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ — СЕНТЯБРЬ.

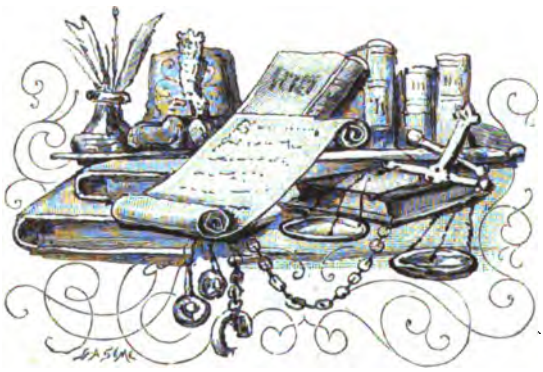
ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

P Slav 605.25
~~Slav 23,10~~

Harvard College Library
Jan. 1[illegible], 1902
PIERCE FUND.



Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., д. № 80.
1892.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать третій. ІЮЛЬ. 1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Русскіе достопамятные люди.** Замѣтки и воспом. Рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго. (Окончаніе) 1

II. **Письма императора Павла Петровича** къ ген.-лейт. П. М. Бердяеву, екатеринославскому военному губернатору, 1796—1797 гг. 49

III. **Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ**, 1757—1835 гг. Очерки изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX в. Главы III и IV. Сообщ. П. Мороховъ. 71

IV. **Императорскій московскій университетъ** въ воспоминаніяхъ Михаила Прохоровича Третьякова, 1798—1830 гг. Главы I—II. . 105

V. **Станиславъ Романовичъ Лепарскій**, комендантъ нерчинскихъ рудниковъ и читинскаго острога, 1759—1838 гг. Біографич. очеркъ. Состав. В. В. Тимощукъ. . . 143

VI. **Въ Закаспійской области.** Воспоминанія о Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ врача О. Ф. Гейфельдера, 1879—1887 гг. . . 181

VII. **Дмитрій Петровичъ Лебедевъ.** 1851—1891 гг. Сообщ. Е. П. Некрасова 217

VIII. **Изъ помѣщичьяго быта XVIII в.:** 1) Смерть помѣщика Савина. — 2) Секундъ-маіоръ Романовъ и его попечительница.—3) Секундъ-маіоръ Аненковъ. Сообщ. А. Г. Пупаревъ 225

IX. **Иванъ Андреевичъ Крыловъ:** первое изданіе его басенъ, 1809 г. Сообщ. П. В. Масловичъ . . 182

X. **Харьковскіе баснописцы:** Григорій Сковорода, А. П. Нахимовъ и В. Г. Масловичъ. Сообщ. П. В. Масловичъ. 136

XI. **Матеріалы и замѣтки:** Челобитье холопа на своего боярина, 1709 г. (47). — Дѣло о битьѣ подьячаго, 1709 г. (178).—Сенатскій указъ о непосредственномъ къ службѣ неграмотныхъ людей, 1831 г. (70).—Гор. Олевскъ (238). — Поправки (180 и 224).

XII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Михаила Дмитріевича Скобелева**, † 25-го іюня 1882 г., съ фотографіи, исполненной 5-го февраля 1881 г., послѣ штурма Геокъ-Тепе. Гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1892 г.

Можно получать „Русскую Старину“ изд. 1891 г. (Осталось 47 экз.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1892.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1892 г.

Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828). Ея біографія. Сост. К. С. Шумигорскій. Томъ I. Спб. 1892.

Выдающаяся личность супруги Павла I и матери двухъ, послѣдовательно царствовавшихъ другъ за другомъ, императоровъ давно уже ожидала своего біографа. Отрывочныя о ней воспоминанія и замѣтки, разбросанныя въ разныхъ журналахъ и книгахъ, не давали читателю возможности составить себѣ ясное понятіе объ этой, во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательной, женщинѣ. Возстановить передъ нами величавый образъ ея взялся теперь г. Шумигорскій, и — судя по I тому его труда — можно надѣяться, что онъ вполнѣ удачно справится съ возложенною имъ на себя задачей. По намѣченному авторомъ плану, біографія императрицы Маріи Ѳеодоровны будетъ состоять изъ четырехъ томовъ. Первый томъ, нынѣ выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ, заключаетъ въ себѣ разсказъ о жизни Маріи Ѳеодоровны до вступленія на престолъ Павла I и имѣетъ цѣлью выяснить тѣ условія, при которыхъ создавалась ея нравственная личность въ періодъ времени, предшествовавшій ея самостоятельной политической и благотворительной дѣятельности. Послѣдующіе три тома авторъ имѣетъ въ виду посвятить изложенію этой дѣятельности въ связи съ исторіею учрежденій вѣдомства императрицы Маріи и культурнымъ состояніемъ современнаго ей русскаго общества. Программа, какъ видно,—широкая. Можно лишь пожелать, чтобы г. Шумигорскій столь-же удачно выполнилъ остальныя ея части, какъ выполненъ имъ первая. Обширный историческій матеріалъ (въ массѣ котораго не мало документовъ, впервые появляющихся въ печати) вылился изъ-подъ пера автора въ стройный и, въ высшей степени, занимательный разсказъ. Передъ нами ясно раскрывается картина дѣтства и молодости бѣдной нѣмецкой принцессы, которой, волею Провидѣнія, суждено было стать супругою и матерью владѣтелей величайшей имперіи въ свѣтѣ; искусно обрисована авторомъ та обстановка, подъ впечатлѣніемъ которой развивалась будущая царица, и та внутренняя работа, которую ей пришлось возложить на себя при переселеніи въ совершенно новую, чуждую ей, среду. Попутно съ графическимъ разсказомъ говорится [illegible] современныхъ политическихъ обстоятельствахъ Россіи, и о томъ, какъ отражались они на жизни великокняжеской четы, совершенно расходившейся характеромъ и симпатіями съ императрицею Екатериною. Вся книга, повторяемъ, въ высшей степени занимательна и является собою прекрасный вкладъ въ нашу историческую литературу.

Очерки Кореи. Составлено по запискамъ М. А. Поджіо. Съ прилож. карты полуостр. Кореи. Спб., 1892 г.

Корея, ставшая нашею непосредственною сосѣдкою, вслѣдствіе пріобрѣтенія нами Уссурійскаго края, была до сего времени совершенною „terra incognita“ для европейцевъ. Проникали туда, съ конца прошлаго столѣтія, лишь католическіе миссіонеры; но они, вслѣдствіе гоненій на христіанъ, поставлены были въ крайне неблагопріятныя условія для изученія края, и большинство ихъ погибло мученическою смертью. Только въ 80-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія корейскій правитель рѣшился заключить торговые договоры съ Сѣверо-Американскими штатами и нѣкоторыми европейскими державами, въ томъ числѣ и съ Россіею (въ 1885 г.). Михаилъ Александровичъ Поджіо, прослуживъ 5 лѣтъ при нашей миссіи въ Пекинѣ, былъ въ 1881 г. назначенъ, для занятій по дипломатической части, въ распоряженіе начальника нашихъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ, генералъ-адъютанта Лесовскаго, которому, помимо особой политической миссіи въ Китаѣ и Японіи, вмѣнено въ обязанность войти въ сношенія съ нашими сосѣдями по Приморской области—корейцами. Новое служебное положеніе дало возможность М. А. Поджіо собрать обширныя и разнообразныя свѣдѣнія о Кореѣ и ея жителяхъ и возвратиться въ Россію (1882) съ богатѣйшимъ матеріаломъ личныхъ наблюденій, записанныхъ въ веденномъ имъ дневникѣ. Дополнивъ эти наблюденія наиболѣе достовѣрными свѣдѣніями о названной странѣ, разбросанными въ европейской литературѣ (въ томъ числѣ, въ нашихъ „Запискахъ географическаго общества“), М. А. Поджіо окончилъ свой интересный трудъ, который и посланъ былъ имъ (въ 1886 г.) изъ Б[illegible]

МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ

СЪ ФОТОГРАФІИ ИСПОЛНЕННОЙ 5 ФЕВРАЛЯ 1881 Г.
ПОСЛѢ ШТУРМА ГЕОКТЕПЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

РУССКІЕ ДОСТОПАМЯТНЫЕ ЛЮДИ.

Замѣтки и воспоминанія по поводу труда Д. Н. Бантыша-Каменскаго: „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, изд. 1847 г., Спб., и нѣкоторыхъ другихъ изданій того времени.

[Рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго].

„Иллюстрація“ и цензура въ 1847 г. [1]).

Съ іюля мѣсяца настоящаго (1847) года журналъ „Иллюстрація“ поступилъ отъ Кукольника подъ редакцію А. П. Башуцкаго (д. ст. сов., камергера и помощника статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ). Онъ принялся за дѣло со свойственною ему горячностію. Желая придать журналу характеръ народнаго изданія, онъ заказалъ статьи и доски, изображающія станцію московско-петербургской желѣзной дороги (embarcadère) и другіе виды на протяженіи ея къ первой станціи—Колпино. Когда ихъ оттиснули и послали къ цензору, онъ возвратилъ редактору, отозвавшись, что не смѣетъ пропустить статьи безъ особеннаго дозволенія главноуправляющаго надъ путями сообщеній. Башуцкій бросился въ товарищу его Рокасовскому, по случаю отсутствія самого гр. Клейнмихеля. Рокасовскій ужаснулся желанію редактора и объявилъ ему, что все, что можетъ онъ для него

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, май, стр. 217 — 245; іюнь, стр. 457—487.

сдѣлать, это отослать къ графу. Сказано—сдѣлано. Чрезъ нѣсколько дней возвратился посланный съ отвѣтомъ: „отнюдь не печатать“.

Та-же исторія повторилась со статьею и рисунками строющагося на Невѣ каменнаго моста, съ такимъ, говорятъ, прибавленіемъ: „какая надобность имъ знать напередъ что дѣлается,— когда будетъ кончено—увидятъ“.

Найдутся, вѣроятно, и есть люди, которые скажутъ, что гр. Клейнмихель поступилъ весьма благоразумно и самобытно, національно, памятуя, что мы живемъ не во Франціи и Англіи, и что требовать иного образа дѣйствій отъ русской администраціи значитъ не понимать нашего положенія и быть между небомъ и землею. Можетъ быть, все это и такъ, но тогда для чего-же утверждать было программу „Иллюстраціи“, въ которую именно входило все, что касается государственныхъ сооруженій и построекъ. Для чего-же было публиковать цензурный уставъ, весьма умѣренный и довольно пространный, если существуютъ секретныя статьи, уничтожающія въ основаніи публично извѣстное его содержаніе и сущность?...

.... Тутъ есть немного мистицизма, Анахарсизъ-Клоотства, но это не бѣда. Бѣда въ томъ, что графу Петру Андреевичу Клейнмихелю и въ голову не входило имѣть этакія „завиральныя идеи“, а ворочаетъ онъ просто въ своемъ кругу „какъ чортъ въ болотѣ“, по народной поговоркѣ. Здѣсь, какъ видимъ, поговорка имѣетъ свое простѣйшее и наиближайшее приложеніе. Новая желѣзная дорога пройдетъ чрезъ болота, если они ее пропустятъ, въ чемъ многіе скептики сомнѣваются. Еще объясняю я себѣ выходку Клейнмихеля тѣмъ, что онъ имѣетъ противъ „Иллюстраціи“ злопамятованіе. Имя ея противно ему, какъ полагаю . . . . . .

. . . . . .

Памятенъ также имъ Башуцкій съ статьею своею „Водовозъ“, появившеюся въ иллюстрированномъ изданіи „Наши“, въ началѣ 1842 года. Статья была открыто возмутительная въ смыслѣ христіанства, соціализма, коммунизма. Написана тепло, одушевленно, если нѣсколько, можетъ быть, и односторонне. Его звали къ Бенкендорфу, въ то время, какъ умерла его теща (М-me Квитка), сдѣлали выговоръ по особому повелѣнію „за

возстановленіе низшихъ классовъ противъ высшихъ, аристократіи"; говорятъ, будто Башуцкій отвѣчалъ, что онъ не имѣлъ въ виду аристократіи, по той простой причинѣ, что ея у насъ не существуетъ, а есть чиновники... Я плохо этому вѣрю. Не жить-бы ему на бѣломъ свѣтѣ, не видать-бы ни камергерства, ни государственнаго совѣта и не печатать вовсе „Иллюстраціи". Изданіе „Наши" вскорѣ прекратилось.

Пословица говоритъ: „куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней". У насъ выходитъ наоборотъ. Клейнмихель, котораго, конечно, никто не назоветъ конемъ, въ смыслѣ построенія дорогъ, ибо онѣ подвигаются въ родѣ рака, исправляясь и переправляясь съизнова,—Клейнмихель запретилъ, какъ я сказалъ выше, двѣ статьи въ „Иллюстраціи"; вотъ за нимъ и другіе тянутся туда-же . . . . . .

. . . . . .

По поводу возмущенія крестьянъ въ Витебской губерніи въ 1847 г.

23-го сентября 1847 г.

Сегодня двое витебскихъ помѣщиковъ Х. и І. разсказывали мнѣ объ ужасахъ, у нихъ въ губерніи происходившихъ весною нынѣшняго года и жертвою которыхъ одинъ изъ нихъ едва было не сдѣлался. Число возмутившихся крестьянъ они полагаютъ до 25-ти тысячъ въ уѣздахъ Дриссенскомъ, Невельскомъ и Себежскомъ. Насилій и убійствъ совершено ими не было, но сопротивленіе мѣстнымъ властямъ и даже вооруженной силѣ было ожесточенное. Многіе были изъ нихъ убиты солдатами, сопротивляясь имъ съ оружіемъ въ рукахъ. Многія женщины показали свое участіе. Цѣль возстанія ихъ была, кажется, непосредственное освобожденіе изъ-подъ власти помѣщиковъ, чему подало поводъ составленіе инвентарей, отъ которыхъ они надѣются облегченія своего положенія. „Намъ будетъ лучше, говорили эти несчастливцы, — когда пріѣдетъ господинъ Инвентаръ". Они, кажется, считаютъ его лицомъ одушевленнымъ и не предполагаютъ, что подобно тому, какъ есть уже въ другихъ мѣстахъ, положеніе ихъ будетъ еще тягостнѣе. Инвентари приводятъ въ неумолимую ясность обязанности крестьянъ, мало

облегчая ихъ, мало возвышая личное ихъ значеніе и мало увеличивая права ихъ. Теперь нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ за себя невѣдѣніе помѣщиками всего пространства правъ своихъ; имѣютъ за себя какое-то еще старинное, патріархальное безразличіе пользованія владѣніями. Между ними не проведена еще та рѣшительная и безвозвратная черта отчужденія, которая лишитъ ихъ со временемъ участія и состраданія къ положенію ихъ, какъ людей совершенно чуждыхъ помѣщику, наемниковъ—не болѣе, а не семейныхъ, не домочадцевъ. Это слово, столько лѣтъ смягчавшее что было жестокаго и колющаго въ учрежденіяхъ нашихъ о крестьянствѣ, исчезаетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изъ нашего словаря гражданской жизни. Мы смотримъ (1847 г.) другъ на друга, господа и крестьяне, съ подозрѣніемъ. . . . . .

. . . . . .

Я, живши и служа долго въ губерніяхъ, не тороплюсь обвинять начальство, зная какія у него средства въ рукахъ и какъ въ Петербургѣ не любятъ печальныхъ извѣстій, почитая ихъ преувеличенными. Какія средства имѣютъ губернаторы во внутреннихъ юго-восточныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ? Сотни гарнизонныхъ солдатъ и казаковъ—и только.

Мы были свидѣтелями въ 1841 году, по Саратовской губерніи, во время бунта крестьянъ въ трехъ уѣздахъ, какія у насъ средства къ усмиренію. Едва могли послать изъ губернскаго города сотню солдатъ, да 40 казаковъ. Ослабить уѣздныя команды, безъ опасности распустить арестантовъ изъ остроговъ, было невозможно. Поневолѣ должны были обратиться къ командиру конно-артиллерійскаго резерва, генералу А** (извѣстному потерею ноги и плутовствомъ), и просить на усмиреніе его батареи. Сперва было онъ отказалъ, имѣя въ виду запрещеніе употреблять артиллерію на усмиреніе и экзекуцію, но послѣ убѣдился не столько, полагаю, нашими доводами, сколько мыслью, что губернаторъ доѣдетъ его справочными цѣнами и отводомъ пастбищъ. Одинъ видъ войска регулярнаго и съ пушками произвелъ огромное вліяніе на крестьянъ—и они вездѣ покорились волѣ начальства и не довели до дѣйствія. Нѣсколько ударовъ нагайками да розги сдѣлали свое дѣло. Впрочемъ, мы играли въ игру опасную. Артиллерія не имѣла при себѣ боевыхъ зарядовъ, или, по крайности, орудій не заряжала....

Послѣ примѣра, бывшаго въ Тамбовѣ при усмиреніи бунта въ 1831 году, во время холеры, невольно станешь сомнѣваться, что самые солдаты могутъ измѣнить своему знамени и протянуть руку мятежникамъ. Что въ такомъ случаѣ ожидаетъ высшіе классы и управляющихъ—извѣстно одному Богу. Симптомы становятся (1847 г.) страшны и многозначительны. Въ Витебской губерніи нѣкоторые грамотные крестьяне читали своимъ собратьямъ публичные листы, въ которыхъ разсказывались ужасы, происшедшіе въ Галиціи въ 1846 году. Одинъ пошелъ далѣе и, вѣроятно, по тайному наущенію эмиссаровъ Польши, разсказывалъ крестьянамъ притчу о зернахъ... Грозная, многозначительная притча. Въ ней заключена, можетъ статься, вся будущая судьба царства и всего міра. Кто поживетъ, тотъ увидитъ, но, къ сожалѣнію, нельзя тутъ сказать, какъ сказалъ нѣкогда Вольтеръ въ письмѣ къ маркизу д'Аржансону, пророчествуя о революціи: „Des jeunes gens sont bien heureux: ils verront des belles choses"... [1]). И онъ даже обманулся во многомъ, потому что дорого куплены тѣ прекрасныя вещи, которыхъ еще зарю видитъ его отечество

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ.

28-го октября 1847 г.

Примѣчанія къ исторіи Пугачевскаго бунта А. С. Пушкина, имъ писанныя и оставшіяся въ рукописи.

Стр. 16. Пугачевъ былъ уже пятый самозванецъ, принявшій на себя имя императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ, или желалъ вѣрить сему слуху. По восшествіи на престолъ, первый вопросъ государя гр. Гудовичу былъ: „живъ-ли мой отецъ?

Стр. 18. Пугачевъ говорилъ, что сама императрица помогла ему скрыться.

Стр. 20. Первое возмутительное воззваніе Пугачева къ яицкимъ казакамъ есть удивительный образецъ народнаго красно-

---

[1]) „Счастливы молодые люди: они увидятъ прекрасныя вещи".

рѣчія, хотя и безграмотнаго. Оно тѣмъ болѣе подѣйствовало, что объявленія или публикаціи Рейнсдорпа были писаны столь-же вяло, какъ и правильно, длинными обиняками, съ глаголами на концѣ періодовъ.

Стр. 34. Упоминаемый здѣсь Нащокинъ былъ тотъ самый, который далъ пощечину Суворову (послѣ того, Суворовъ, встрѣчая его, всегда крестился и говорилъ: „боюсь, боюсь, онъ дерется"). Нащокинъ былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей того времени. Сынъ его написалъ его записки; отроду не читывалъ я ничего забавнѣе. Государь Павелъ Петровичъ любилъ его и, при восшествіи своемъ на престолъ, звалъ его въ службу. Нащокинъ отвѣчалъ государю:

„Вы горячи, и я горячъ: служба впрокъ мнѣ не пойдетъ".

Государь пожаловалъ ему деревни въ Костромской губерніи, куда онъ и удалился. Онъ былъ крестникъ императрицы Елисаветы и умеръ въ 1809 году.

Стр. 56. Императрица уважала Бибикова и увѣрена была въ его усердіи, но никогда его не любила. Въ началѣ ея царствованія былъ онъ посланъ въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство несчастнаго Іоанна Антоновича, для тайныхъ переговоровъ. Бибиковъ возвратился влюбленнымъ безъ памяти въ принцессу Екатерину, что весьма не понравилось государынѣ. Бибикова подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая будто-бы желала возвести на престолъ вел. кн. Павла Петровича. Симъ призракомъ безпрестанно смущали государыню, и тѣмъ отравляли сношеніе между матерью и сыномъ, котораго раздражали и ожесточали ежедневныя мелочныя досады и подлая дерзость временщиковъ.

Бибиковъ не разъ бывалъ посредникомъ между императрицею и великимъ княземъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ: великій князь, разговаривая однажды о военныхъ движеніяхъ, подозвалъ полковника Бибикова (брата Александра Ильича) и спросилъ—во сколько времени полкъ его (въ случаѣ тревоги) можетъ поспѣть въ Гатчину? На другой день Александръ Ильичъ узнаетъ, что о вопросѣ великаго князя донесено и что у брата его отнимаютъ полкъ. Александръ Ильичъ, разспросивъ брата, бросился къ императрицѣ и объяснилъ ей, что слова великаго князя были не что иное, какъ военное сужденіе, а не заговоръ Государыня успокоилась, но сказала:

— „Скажи брату своему, что, въ случаѣ тревоги, полкъ его долженъ итти въ Петербургъ, а не въ Гатчино".

Стр. 78. Уральскіе казаки (особливо старые люди) до нынѣ привязаны къ памяти Пугачева: „грѣхъ сказать, говорила мнѣ 80-ти-лѣтняя казачка, на него мы не жалуемся: онъ намъ зла не сдѣлалъ".

Когда упоминалъ я объ его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: „не его воля была: наши пьяницы его мутили".

Стр. 84. Казни, производимыя въ Башкиріи генераломъ княземъ Урусовымъ, невѣроятны.

Стр. 93. Князь Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой человѣкъ и красавецъ. Императрица замѣтила его въ Москвѣ на балу (въ 1775 г.) и сказала: „какъ онъ хорошъ! настоящая куколка".

. . . . . .

Стр. 137. Кто были сіи смышленные сообщники, управлявшіе дѣйствіями самозванца? Перфильевъ? Шигаевъ? Это должно явствовать изъ процесса Пугачева, но, къ сожалѣнію, я его не читалъ, не смѣлъ распечатать безъ высочайшаго на то соизволенія.

Стр. 157. Настоящая причина, по которой Румянцевъ не захотѣлъ отпустить Суворова, была зависть, которую питалъ онъ къ Бибикову, какъ вообще ко всѣмъ людямъ, коихъ соперничество казалось ему опаснымъ.

Стр. 164. Падуровъ, какъ депутатъ, въ силу привиллегій, данныхъ именнымъ указомъ, не могъ ни въ какомъ случаѣ быть казненъ смертію. Не знаю, прибѣгнулъ-ли онъ къ защитѣ сего закона: можетъ быть, онъ его не зналъ; можетъ быть, судьи о томъ не подумали; тѣмъ не менѣе, казнь сего злодѣя противозаконна.

Общія замѣчанія. Пугачевъ имѣлъ въ народѣ множество сторонниковъ. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но выгоды ихъ были слишкомъ противоположны. NB. Классъ приказныхъ и чиновниковъ былъ еще малочисленъ и рѣшительно принадлежалъ простому народу. То-же можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офицерахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ были въ шайкахъ Пугачева. Шванвичъ одинъ былъ изъ хорошихъ дворянъ.

Всѣ нѣмцы, находившіеся въ среднихъ чинахъ, сдѣлали честно свое дѣло. Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Дицъ, Демаринъ, Дуве и пр. Но всѣ тѣ, которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ, дѣйствовали слабо, робко, безъ усердія: Рейнсдорпъ, Брантъ, Каръ, Фрейманъ, Корфъ, Валленштернъ, Биловъ, Декалонгъ и пр. и пр. Разбирая мѣры, предпринятыя Пугачевымъ и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самыя надежныя и дѣйствительныя къ своей цѣли; правительство, съ своей стороны, дѣйствовало слабо, медленно, ошибочно.

Нѣтъ зла безъ добра: Пугачевскій бунтъ доказалъ правительству необходимость многихъ перемѣнъ, и въ 1775 году послѣдовало новое учрежденіе о губерніяхъ. Государственная власть была сосредоточена; губерніи слишкомъ пространныя раздѣлились; сообщеніе всѣхъ частей государства сдѣлалось быстрѣе etc.

Замѣтка о двухъ статуяхъ, находящихся въ музеяхъ Италіи.

О точильщикѣ и гладіаторѣ—статуяхъ во Флоренціи и Римѣ, представляющихъ типы славянина, какъ думаютъ Мицкевичъ и Байронъ, смотри Шевырева „Исторію русской словесности“, лекція вторая; Мицкевича „L'eglise officielle et le messianisme“, 1842—43, partie 1-re, и „Child-Harold“ Байрона.

Меценаты былаго времени.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ № 26-й, отъ 3-го февраля 1848 г., напечатано парижское письмо Н. И. Греча, въ которомъ онъ называетъ представительное правленіе кукольною комедіею.

Въ той-же „Пчелѣ“ отъ 9-го февраля 1848 г. № 31, въ фельетонѣ, по случаю драмы А. Дюма „Монте-Кристо“, рѣчи Одилльона-Барро названы лаемъ.

Любопытно сравнить эти выходки съ мнѣніемъ Пушкина, написавшаго, между прочимъ, и „Къ клеветникамъ“, и „Бородинскую годовщину“, и „Родословчую моего героя“, и „О ценсурѣ“,—любопытно, говорю, сравнить съ стихотвореніемъ его

„Къ вельможѣ“ (Собр. сочин. 1838 г., т. III, стр. 173), гдѣ онъ, говоря о представительномъ правленіи, выражается такъ:

„Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой“.

Можно только улыбнуться тому, что съ этими политическими разсужденіями Пушкинъ обратился къ человѣку, оставившему по себѣ память одного изъ неисправимыхъ представителей временъ регентства (du bon vieux temps), которому въ голову, вѣроятно, никогда не входили этакія отвлеченности. Мнѣ осталось памятно то представленіе меня князю Н. Б. Юсупову (вельможа) въ 1824 году, которое имѣло цѣлію опредѣленіе меня въ училище какое-то (кажется дворцовое), находившееся въ его завѣдываніи. Помню эти огромныя залы, убранныя во вкусѣ Людовика XV, множество картинъ и статуй, множество грубой челяди; наконецъ, кабинетъ сибарита, его пресыщенную, сонную фигуру, бѣлый шлафоръ и церемонію его пудренія головы.

Странно, что Пушкинъ не нашелъ въ Россіи къ кому обратиться съ прекрасными своими стихами. Тогда еще живы были и Мордвиновъ и Витгенштейнъ... Конечно, нельзя задавать поэтамъ темъ для ихъ сочиненій; но неужели нельзя требовать, чтобы они оставались вѣрными дѣйствительности, времени, лицу... Намъ непремѣнно хочется имѣть представителей по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, célébrités de tous genres [1]), и, благодаря этому усилію, мы производимъ въ меценаты и покровители искусства людей тщеславныхъ и самыхъ незначительныхъ. Пора-бы намъ опомниться и опредѣлить ясно что̀ такое были покровители свободныхъ искусствъ во времена Екатерины, Александра I-го и наше (1848 г.). По всему можно, кажется, заключить, что мало, если вовсе не было людей, понимавшихъ искусство въ высшемъ его значеніи. Чтобы убѣдиться въ томъ, надобно припомнить исторію Тредьяковскаго съ Волынскимъ, участь Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера, пріѣзжавшаго

[1]) Знаменитостей всякаго рода.

въ Россію и вовсе не оцѣненнаго; обращеніе Вяземскаго (генералъ-прокурора) съ Державинымъ; положеніе Карамзина, самого Пушкина... Что-же касается до искусствъ, то можно убѣдиться сколько понимали въ немъ толку по коллекціямъ Эрмитажа, академіи, дворцовъ и домовъ нашихъ вельможъ, гдѣ на сто посредственностей едва-ли приходится одна порядочная. Много въ этомъ отношеніи открылъ глаза Л. Віардо (мужъ пѣвицы, переводчикъ на французскій языкъ съ помощію другихъ, части „Героя нашего времени", „Тараса Бульбы" и „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ") своею книгою „Musées de l'Europe" [1]), гдѣ онъ разсказываетъ исторію основанія нашего Эрмитажа. Что мы до сихъ поръ едва лепечемъ въ искусствахъ—доказательство тому отсутствіе народной школы въ живописи и архитектурѣ и жалкое состояніе академіи художествъ, едва доступной (1848 г.) безъ разныхъ формальностей и протекцій. Монферанъ въ великолѣпномъ (парижскомъ) изданіи „L'église de St. Isaak" пресерьезно увѣряетъ, что съ построеніемъ ея началась новая эра для искусствъ въ Россіи, долженствующая прославить настоящее царствованіе. Я дозволяю себѣ сомнѣваться и укажу г. Монферану, что вѣкъ Людовика XIV, конечно столь громкій постройками и предпріятіями, едва не стоившими погибели государству, ничего не произвелъ безсмертнаго и общевсемірнаго. Два-три имени всплыли изъ рѣки забвенія, поглотившей посредственности, трудившіяся исполнять причуды и фантазіи Людовика XIV: Мансаръ, Перольтъ... можетъ быть еще Ле-Бренъ, Ле-Нотръ, но и то какъ хорошіе спеціалисты. Еслибъ мнѣ не указали на конныя группы, стоящія у входа въ Елисейскія поля и Тюльерійскій садъ, знаменитаго и прославленнаго Куту (Coustou)—я право и не догадался-бы... такъ это все ложно и оляповато.

[1]) „Музеи Европы".

Къ библіографіи переводныхъ и отечественныхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина.

Въ библіографіи, помѣщенной въ № 31-мъ отъ 7-го февраля 1848 г. „Спб. Вѣдомостей“, подписанной К. П. (Ксенофонтъ Полевой) находится извѣстіе о переводѣ Евстафіемъ Ольдекопомъ, извѣстнымъ нашимъ лексикографомъ, на нѣмецкій языкъ „Кавказскаго Плѣнника“ съ текстомъ русскимъ (en régard), едва не подавшемъ поводъ къ процессу между поэтомъ и переводчикомъ. Полевой находитъ, что эта черта любопытная. Въ чемъ-же? Неужели Пушкину должно было оставаться равнодушнымъ къ этому, едва-ли и нынѣ законами опредѣленному, нарушенію права авторской собственности? Я удивляюсь даже, что онъ не имѣлъ дѣла насчетъ этого. Вспомнимъ процессы Вольтера съ издателями Байрона, Шатобріана et tant d'autres. Ксенофонту Полевому не слѣдовало-бы трогать этихъ щекотливыхъ предметовъ, чтобы не тревожить праха покойнаго брата Николая Алексѣевича. Лучше-бы онъ сдѣлалъ, еслибъ означилъ съ точностію—когда и гдѣ именно сдѣлано изданіе нѣмецкаго перевода Ольдекопомъ?

Кстати объ изданіяхъ Пушкина:

Въ Росписи россійскимъ книгамъ Смирдина (изд. 1828 г.) изданія разныхъ сочиненій Пушкина означены такъ:

1) № 6637. Стихотворенія Александра Пушкина. Спб., въ тип. Деп. Народн. Просвѣщ. 1826 г. (8).

2) № 6751. „Бахчисарайскій фонтанъ“, соч. Ал. Пушкина. М., въ т. Семена, 1824 г. (8). То-же, изданіе 2-е, исправленное. Спб., въ т. Деп. Народн. Просв. 1827 г. (16). (NB. Кажется, въ 1827 г. или 1826 г. вышелъ въ свѣтъ переводъ на нѣмецкій или французскій языкъ. Такъ-ли и чей онъ?).

3) № 6752. „Братья разбойники“, соч. Ал. Пушкина. М., въ тип. Семена, 1827 г. (8).

Въ переводѣ соч. Пушкина, вышедшемъ въ Парижѣ въ концѣ 1846 года (Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine par H. Dupont, 1847), въ библіографической статьѣ, кажется сообщенной переводчику Плетневымъ (П. А.), см. стр. IX предисловія, я нашелъ на стр. 20-й слѣдующее: „il ajouta au second („Les frères brigands“) une introduction courte, il est vrai, mais si remar-

quable par la nouveauté de son caractère, qu'elle pourrait soutenir le parallèle avec les fragments du plus grand mérite" [1]). Что это за интродукція? Если здѣсь говорится о введеніи или прологѣ къ „Братьямъ разбойникамъ", начинавшемся такъ: „Не стая вороновъ слеталась" и проч., то онъ былъ напечатанъ еще въ „Полярной Звѣздѣ" на 1825 годъ, гдѣ вся, кажется, помѣщена была и поэма, кромѣ развѣ нѣсколькихъ стиховъ. Вѣроятно, съ нея печаталось изданіе и 1827 года. Нужно сличить: „Полярную Звѣзду" изд. 1827 г. и изд. 1838—1841 гг.

4) „Евгеній Онѣгинъ", романъ въ стихахъ, соч. Ал. Пушкина. Шесть главъ. Спб., въ тип. Деп. Народн. Просвѣщ., и М., въ тип. Семена, 1825—1828 гг. (12).

Странно, что здѣсь не различено съ ясностью къ какому году отнести должно появленіе каждой главы. Это важно для историка Пушкина. Теперь нужно рыться и доставать подлинники. Когда-же вышли послѣднія? Осьмая, кажется, явилась въ концѣ 1831 г. или началѣ 1832 г.

Здѣсь кстати упомянуть: сотрудникъ „Сѣверной Пчелы" Я. Я. Я. (псевдонимъ Бранта, автора „Аристократки", „Жизнь какъ она есть" и „Русской критики или критиковъ русскихъ"), помѣщая въ „Сѣверной Пчелѣ", 19-го января 1848 г., № 14, девятую (IX) главу своего разсказа: „Черезъ десять лѣтъ", избралъ къ ней эпиграфомъ стихи Пушкина изъ IX главы „Онѣгина", не изданной:

Пора: перо покоя просить;
Я восемь пѣсенъ написалъ;
На берегъ радостный выноситъ
Мою ладью девятый валъ.

Надъ словомъ валъ г. Брантъ поставилъ звѣздочку (*) и внизу сдѣлалъ слѣдующую оговорку или примѣчаніе: „Авторъ обязанъ оговориться въ ничтожномъ, впрочемъ, измѣненіи одного цифернаго слова въ этихъ четырехъ стихахъ знаменитаго поэта:

---

[1]) Онъ предпослалъ второму сочиненію („Братья разбойники") предисловіе, которое, несмотря на его краткость, настолько замѣчательно по новизнѣ изложенія, что оно могло-бы выдержать сравненіе съ самыми выдающимися отрывками (изъ лучшихъ произведеній).

у Пушкина сказано не восемь, а девять пѣсенъ; но въ послѣднемъ случаѣ выносилъ-бы пѣвца на „радостный берегъ“ не девятый, а уже десятый, не опасный, валъ, и стихи не представляли-бы точнаго эпиграфа для окончательной пѣсни разсказа“ и проч.

Авторъ „разсказа“ хотѣлъ, кажется, въ этомъ сближеніи и примѣчаніи быть остроумнымъ, но намѣреніе это не удалось. Пушкинъ назвалъ именно девятымъ валомъ свою послѣднюю пѣсню „Онѣгина“ (если-бы она была окончена), именно потому, что конецъ сочиненія—вещь самая трудная и опасная. Только истинные художники и поэты выдерживаютъ до конца, не уставая, не выдыхаясь и не задыхаясь. Слѣдовало г. Бранту обратить вниманіе на то примѣчаніе Пушкина о „неизданныхъ строфахъ Онѣгина“, гдѣ онъ именно говоритъ, что „онъ исключилъ цѣлую главу романа „Путешествіе Онѣгина“, поставилъ вмѣсто IX восьмой нумеръ и пожертвовалъ окончательными строфами: „Пора: перо покоя проситъ... Хвала вамъ, девяти Каменамъ“ и проч.

Г. Бранту хочется, кажется, доказать, что онъ обладаетъ бо́льшимъ логическимъ смысломъ, нежели Пушкинъ. Ему и книги въ руки. Только я нахожу оговорку его объ измѣненіи стиховъ Пушкина—не важномъ, ничтожномъ, по его мнѣнію—безподобною. Elle est d'une naiveté charmante [1]). Что̀ если мы примемся безъ оговорокъ измѣнять стихи Пушкина?..

5) № 6762. „Кавказскій плѣнникъ“, повѣсть, соч. Ал. Пушкина. Спб., въ тип. Греча, 1822 г. (8). То-же изданіе на россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Спб., въ тип., состоящей при особенной канцеляріи мин. внутр. дѣлъ, 1824 г. (8). Послѣднее, вѣроятно, есть переводъ Евст. Ольдекопа, о которомъ говоритъ К. А. Полевой въ своемъ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ отъ 7-го февраля 1848 г., № 31. NB. Въ росписи Смирдина г. Ольдекопъ (Евстафій) означенъ на стр. 469, подъ № 5962 (Карманный словарь россійско-нѣмецкій) и только. Что изъ этого заключить? Или Смирдинъ пропустилъ по ошибкѣ его имя, какъ переводчика, или на переводѣ вовсе не было

[1]) Она очаровательно наивна.

означено имени переводчика, но тогда на какомъ основаніи г. Полевой приписываетъ ему этотъ переводъ, и дѣйствительно-ли вѣрно его замѣчаніе или предположеніе. Требуетъ поясненія.

6) № 6773. „Русланъ и Людмила", въ 6-ти пѣсняхъ, соч. Ал. Пушкина. Спб., въ тип. Греча, 1820 г. (8). Нужно имѣть въ виду, что въ первомъ изданіи не было эпилога, начинающагося словами: „У лукоморья дубъ зеленый, на дубѣ томъ златая цѣпь" и проч. Эпилогъ этотъ явился гораздо позже, въ одномъ, кажется, изъ журналовъ или альманаховъ [1]). А можетъ статься и прямо въ полномъ собраніи сочиненій 1838—1841 гг. Не утверждаю навѣрное. Еще пунктъ, требующій справки и подтвержденія. Дюпонъ переводитъ слово лукоморье: „un lieu circulaire sur le bord de la mer" (Oeuvres choisies, 1847, tome I, pag. 323). Не правда-ли, какъ вѣрно и поэтически?

7) № 6778. „Цыганы", соч. Ал. Пушкина. М., въ тип. Семена, 1827 г. (12). Теперь нужно обратиться къ каталогу Ольхина. Увидимъ.

Библіографическія замѣтки о сочиненіяхъ кн. А. Д. Кантемира.

Кантемиръ, Антіохъ Дмитріевичъ, князь. Родился въ Константинополѣ, въ 1709 г., скончался 11 апрѣля 1744 г. (гдѣ?).

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (8-го февраля 1848 г., № 32) есть статья (И. И—а) подъ заглавіемъ: „Кантемиръ и его сатира". Въ ней, между прочимъ, означены сочиненія и переводы его на русскій языкъ, отчасти напечатанные при жизни, отчасти оставшіеся въ рукописяхъ, а именно:

1) Первое его произведеніе: „Симфонія" или согласіе на Боговдохновенную книгу псалмовъ царя и пророка Давида (у Смирдина въ Росписи подъ № 117, 1727 г. (2). То-же, изданіе 2-е, М., въ Синодальной тип., 1821 г. (4). 2) Неоконченная поэма „Петріада" (у Смирдина одна „Петріада", Грузинцева, подъ № 6695). 3) „Изложеніе алгебры" (у Смирдина не показано).

---

[1]) Не въ „Телескопѣ"-ли, „Наблюдателѣ", „Московскомъ Вѣстникѣ", или не было-ли новаго изданія „Руслана и Людмилы"? Авт.

4) „Разсужденіе о стихосложеніи“, въ которомъ онъ опровергаетъ Тредьяковскаго и проч. (нѣтъ у Смирдина). 5) Сатиры и другія стихотворныя сочиненія кн. Ант. Кантемира съ историческими примѣчаніями и съ краткимъ описаніемъ его жизни. Спб., въ тип. Акад. Наукъ, 1762 г. (у Смирдина подъ № 8188). NB. Сочинитель статьи говоритъ, что въ эту книгу вошли: нѣсколько пѣсенъ (одъ), писемъ (посланій и басенъ въ стихахъ, 8 сатиръ, писанныхъ силлабическимъ размѣромъ съ риѳмами). 6) „Разговоры о множествѣ міровъ“, соч. Фонтенеля, перев. съ франц. кн. Ант. Кантемиръ, изд. 2-е, Спб., въ тип. Академіи Наукъ, 1761 г. То-же, изданіе 3-е, Спб., въ тип. Академіи Наукъ, 1802 г. (по Смирдину, у коего значится подъ № 4123). Авторъ статьи говоритъ, что было изданіе въ Спб., 1740 г., но кѣмъ и въ какой типографіи—не объясняетъ. Онъ также замѣчаетъ, что при этой книгѣ особеннаго стоютъ вниманія примѣчанія, въ которыхъ Кантемиръ объясняетъ значеніе словъ, употребляемыхъ на русскомъ языкѣ. 7) „Персидскія письма“, сочиненіе Монтескье (у Смирдина есть, подъ № 9,176, подъ этимъ заглавіемъ переводъ Ефима Разнотовскаго. Спб., въ типографіи Шнора, 1792 г. (8). 8) „Исторія Юстина“ (у Смирдина означено: а) подъ № 3,262, Юстинъ, древней универсальной исторіи Трога Помпея сократитель, перев. съ латинскаго Никита Поповъ. Спб., въ тип. акад. наукъ, 1768 г. (8); в) подъ № 3,263 „Всеобщая исторія“ Юстина и пр., перев. съ лат. Семенъ Борзецовскій. Спб., въ тип. Іоанеслова, 1824 г. (8). Кантемировскаго перевода нѣтъ). 9) „Корнелій Непотъ“ (у Смирдина значатся переводы Корнелія Непота подъ № 3,253, Василія Лебедева, 1748 и 1785 гг.; подъ № 3,254, Н. Кошанскаго, 1816 г., и № 5,918 того-же Кошанскаго, 1816 г., вѣроятно, измѣненный, сказано: изданіе учебное. 10) „Нравоученіе Епиктета“ (у Смирдина есть подъ № 1,274: Епиктета, стоическаго философа картина и пр., перев. съ греческаго Григорія Полетики. Спб., въ тип. акад. наукъ, 1759 и 1767 гг. (12). 11) Картина Кивитова (у Смирдина подъ № 1,288, есть книга точно подъ этимъ-же заглавіемъ, но сказано, что переводъ съ нѣмецк., Спб., въ тип. Плавильщикова, 1818 г. (12). Въ азбучной росписи именъ сочинителей и переводчиковъ, при словѣ Кивитъ, сказано: см. Кевитъ, а при семъ послѣднемъ есть ссылка на № 1274 и

1288. Подъ № же 1274 показано, какъ значится выше, Епиктетъ. 12) „Разговоры Альгаротти“. Подъ симъ названіемъ у Смирдина не показано книги, а есть подъ № 3,099: „Опытъ исторіи Инковъ“, соч. гр. Альгаротти, перев. съ итальянскаго Александръ Рихтеръ [1]), Спб., въ тип. Воспит. дома, 1825 г. (8). При имени Алгаротти (графъ) въ азбучной росписи только и есть одинъ этотъ нумеръ. 13) „Оды Анакреонтовы“. Подъ симъ названіемъ книги у Смирдина не показано, а есть подъ №№ 6,671 и 6,672: „Стихотворенія Анакреона Тійскаго на росс. и греч. язык., Спб., въ типогр. чужестранныхъ единовѣрцовъ, 1794 г., безъ имени переводчика (4) и Анакреоновы стихотворенія, перев. съ греческ. Ивана Мартынова, Спб., въ имп. тип., 1801 г. (12). 14) „Посланія Горацієвы“ (Квинта Горація Флакка, десять писемъ первой книги, перев. съ лат. и примѣчаніями, изъяснены отъ знатнаго нѣкотораго охотника до стихотворства, съ пріобщеннымъ при томъ письмомъ о сложеніи русскихъ стиховъ, Спб., 1744 г.). У Смирдина, подъ № 8045, есть книга, но безъ означенія имени переводчика и съ нѣкоторымъ измѣненіемъ заглавія въ началѣ, а именно: „Квинта Горація Флакка десять писемъ“ и пр., а не „Посланія Горацієвы“. Спб., въ тип. акад. наукъ, 1744 и 1788 гг. (стало быть, было два изданія?) (4).

Странно и жаль, что переводчикъ, взявшись говорить о сочиненіяхъ и переводахъ Кантемира, упоминаетъ о нихъ такъ неясно и неполно. Какъ не объяснить было, откуда заимствованы имъ библіографическія его извѣстія, и гдѣ именно и у кого находятся рукописи. Особенно интересно должно быть сочиненіе объ Альгаротти. Вѣдь онъ сказалъ о Петрѣ, что имъ прорублено въ Европу окно. Пушкинъ взялъ у него въ своемъ стихотвореніи: „Мѣдный Всадникъ“.

Авторъ статьи о Кантемирѣ говоритъ, что онъ началъ было составлять русскій словарь и хотѣлъ написать русскую исторію. Все это голословно, не доказано.

Въ „Спб. Вѣдомостяхъ“, 10-го февраля № 33, въ окончаніи

---

[1]) Какой Александръ Рихтеръ? Тотъ-ли, который теперь, въ 1848 г., директоромъ медиц. деп. (Алекс. Андр.) или нашъ знакомый Алекс. Борис. (служ. въ мин. ин. дѣлъ)? думаю—первый. Авт.

статьи: „Кантемиръ и его сатиры“, между прочимъ, говорится, что восемь сатиръ, вмѣстѣ съ нѣсколькими посланіями и одами въ одной книгѣ in 4°, вышли въ свѣтъ въ 1762 г. въ С.-Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Сатиры и другія стихотворныя сочиненія князя Антіоха Кантемира; потомъ въ собраніи русскихъ классиковъ, предпринятомъ (?) І. Г. Языковымъ, Толстымъ и Есиповымъ, съ портретомъ и біографіею автора (какого года?). Теперь вновь они являются вмѣстѣ съ баснями Хемницера въ изданіи Смирдина (1847 г.).

Дѣльны замѣчанія автора статьи о неоговоренныхъ оттѣнкахъ стариннаго языка и ошибкахъ въ новомъ изданіи и пропускѣ „Письма Кантемирова о сложеніи русскихъ стиховъ“, написанныхъ подъ вымышленнымъ именемъ Харитона Макентина, помѣщеннаго при его-же переводѣ Гораціевыхъ посланій. Видно также, что переводы Кантемира, напр., „О множествѣ міровъ“ и „Персидскихъ писемъ“ не удостоились Смирдинскаго изданія.

Здѣсь кстати упомянуть, что Булгаринъ издалъ „Избранныя оды Гораціевы“, съ комментаріями. Часть I, Спб., въ тип. Греча. 1821. 8 д. (См. роспись Смирдина книгамъ 1828 г., стр. 577, № 7844). Я не имѣлъ объ этомъ понятія.

Иностранные журналы о русскихъ дѣлахъ.

9-го февраля 1848 г. Спб.

Въ политической статьѣ („Premier Paris“) журнала „La Presse“, отъ 8-го февраля 1848 г., между прочимъ, нахожу слѣдующій грамматическій оборотъ: „Nous sommes dans l'opposition, nous ne sommes pas de l'opposition. Pour être de l'opposition, il faudrait que nous partageassions ses illusions. Or, nous ne les partageons pas“ etc. [1]).

Этимъ примѣромъ, полагаю, достаточно разрѣшается споръ относительно этого оборота, длящійся цѣлые годы entre mes honorables amis Serge P—ky et Serge d'Oubrit [2]), изъ

[1]) Мы въ оппозиціи, но мы не принадлежимъ къ оппозиціи. Чтобы принадлежать къ оппозиціи, надобно было-бы раздѣлять ея заблужденія, а мы ихъ не раздѣляемъ, и т. д.

[2]) Между достопочтенными моими друзьями Сергѣемъ П—кимъ и Сергѣемъ Убри.

которыхъ послѣдній никогда не можетъ равнодушно слышать: „il faudrait que nous nous aimassions“ и проч. и проч.

Кстати. Въ этой-же самой статьѣ „Presse“ нашелъ слѣдующія строки: „donnez à la Russie, sans préparation, la liberté de la presse telle, qu'elle existe en France, la Russie en abusera. Donnez nous la liberté d'association telle, qu'elle existe en Angleterre, et nous en abuserons, si nous passons sans transitions du régime de la prohibition à l'importation des meetings!“ [1]).

И то и другое для меня еще вопросъ. Никто не даетъ намъ уроковъ какъ обращаться съ ножами и бритвами, и, однако, мы ходимъ всѣ еще съ неповрежденными горлами. Въ настоящее-же время (1848 г.), законы о книгопечатаніи, съ сентября 1835 г., таковы во Франціи, что больше, кажется, опасности страдать отъ тупости бритвы и проскоблить себѣ кожу, нежели перерѣзать себѣ горло. Другое дѣло Англія, гдѣ именно, при чрезвычайной политической свободѣ, существуетъ необъяснимое и тяжкое невольничество обычаевъ, нравовъ и преданій,—невольничества, какого, можетъ статься, нѣтъ не только въ Россіи, но и въ самой Хивѣ или Китаѣ.

12-го февраля 1848 г., четвергъ.

Вчера въ „Siècle“, отъ 12-го февраля, въ „Revue“ (par Guinot Pièrre Durand) нашелъ разныя враки насчетъ прибытія Бальзака въ Россію (en Volynie) [2]), съ молодою женою, родственницею будто-бы Мнишекъ и Ржевуцкихъ. Встрѣча его на таможнѣ [3]).

Въ „Presse“, отъ 14-го февраля, напечатано слѣдующее: „on écrit de Turin à la gazette d'Augsbourg: „il parait décidément faux que la rédaction de la dernière note des puissances, adressée à la diètte suisse, ait reçu aussi la participation de la Russie, comme l'a dit le „Journal de Debats“. Au contraire, on

---

[1]) Дайте Россіи, безъ подготовки, свободу печати, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ во Франціи, Россія злоупотребитъ ею.

Дайте намъ свободу ассоціацій въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ Англіи, и мы злоупотребимъ ею, ежели мы перейдемъ непосредственно отъ системы запрещеній къ митингамъ.

[2]) На Волынь.

[3]) Есть объ этомъ въ фельетонѣ „Спб. Вѣдомостей“, 15 февр. 1848, № 38.

Авт.

dit que M. Krudener a reçu l'ordre formel de ne rien signer sans ordre spécial de l'Empereur. On ne veut plus à Saint-Pétersbourg compromettre l'autorité des pouvoirs légaux par demi-mesures, et l'on déclare catégoriquement que, pour rétablir d'une manière durable l'état légal en Europe, la Russie met toute son armée et toutes ses ressources à la disposition des autres puissances continentales" [1]).

Я не знаю забавнѣе этого журнальнаго пуфа. И есть люди,— между прочимъ, славящіеся своимъ остроуміемъ, Сергѣй Александровичъ Соболевскій, пріятель Пушкина, авторъ знаменитой шарады, помѣщенной въ 1832 году, кажется, княземъ Шаликовымъ, въ его „Дамскомъ Журналѣ", заключавшей акростихъ: „Шаликовъ глупъ какъ колода",—находятся люди, говорю я, которые считаютъ „Аугсбургскую газету" газетою „la mieux redigée et la mieux instruite" [2]). Есть-ли здравый смыслъ писать подобныя вещи и говорить, что Россія предоставитъ другимъ державамъ „всю свою армію и всѣ средства", для водворенія ниспровергнутаго порядка. Нужно потерять всю память и не знать, что въ 1832 году Россія признала отдѣленіе Бельгіи, потомъ конституцію въ Португаліи помимо Донъ-Мигеля; дозволила провозгласить королевою испанскою Изабеллу помимо Донъ-Карлоса и мужской линіи, и хотя не пишетъ ея въ академическомъ календарѣ королевою, но въ газетахъ дозволяетъ ей давать сей титулъ. Мы даже не протестовали по сему случаю противъ брака герц. Монпансьерскаго, хотя этого очень хотѣлось Англіи. Мы уже видѣли много перемѣнъ въ правительственныхъ формахъ и благоразумно никому не навязываемъ своего образа мыслей. Не пойдемъ навязывать его и

---

[1]) Изъ Турина въ Аугсбургскую газету пишутъ: „Извѣстіе, сообщенное въ „Journal des Debats", объ участіи Россіи въ редакціи послѣдней ноты, съ которою державы обратились къ швейцарскому сейму, оказывается совершенно ложнымъ. Напротивъ того, говорятъ, будто, г. Крюднеръ получилъ положительное приказаніе ничего не подписывать безъ особаго разрѣшенія императора. Въ С.-Петербургѣ не хотятъ болѣе компрометировать авторитетъ законной власти полумѣрами, и заявляютъ категорически, что, желая содѣйствовать прочному возстановленію законнаго порядка въ Европѣ, Россія предоставляетъ всю свою армію и всѣ свои средства въ распоряженіе континентальныхъ державъ".

[2]) Наилучше редактируемою и получающею наиболѣе вѣрныя свѣдѣнія.

Италіи и Швейцаріи. Это вѣрно, что-бы ни говорили петербургскіе политики, посадившіе уже на корабли въ Черномъ морѣ 65,000 войска для Неаполя и учредившіе лазареты на границахъ Австріи на 45,000. Мы не тронемъ, пока насъ не задѣнутъ—и дѣльно. Вчера у Доминика два господина громогласно разсуждали объ интервенціи и разсматривали карту. Дай только намъ волю!

Кстати объ Испаніи. Булгаринъ, разбирая академическій календарь на 1848 годъ, выставилъ наружу это противорѣчіе съ дѣйствительностію и замѣтилъ, что академія въ одной книгѣ называетъ Изабеллу и королевою и дщерью Фердинанда VII. Потѣха!

Сочиненія И. В. Лопухина.

Въ Росписи книгамъ Смирдина (1828 г.) значатся принадлежащими Ив. Влад. Лопухину (тайн. совѣтнику и сенатору) разные сочиненія и переводы подъ №№ 330, 370, 1135, 2228, 6548, 6555 и 7612. Замѣтить здѣсь должно, что одно его сочиненіе: „Изліяніе сердца“ и проч. напечатано въ Калугѣ, 1794 г., въ тип. Пономарева. Нетерпѣливо ожидаемъ изданія „Записокъ“ Лопухина, недавно мною читанныхъ въ рукописи. Изданіе ихъ возвѣщено „Сыномъ Отечества“ въ объявленіи его объ изданіи сего журнала на 1848 г. (см. „Сынъ Отечества“, ноябрь 1847 г., объявленіе, стр. 6). Печатаніе предполагается въ журналѣ. Издатели объявляютъ, что доставленіемъ этой любопытной рукописи редакція „Сына Отечества“ обязана Ѳ. В. Булгарину. Я имѣлъ въ рукахъ рукопись, принадлежащую кн. Петру Андреевичу Вяземскому. Любопытнаго много, особенно слѣдствія надъ авторомъ при Екатеринѣ; свѣдѣнія о кн. Прозоровскомъ, о раскольникахъ, о милиціи, объ ополченіи, объ Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ. Любопытно-бы прочесть сочиненіе Лопухина, означенное у Смирдина подъ № 6555, „Отрывки“, сочиненія одного стариннаго судьи, и его-же замѣчанія на извѣстную книгу Руссо: „Du contrat social“, Москва, въ университетской тип., 1809 г.

Лопухинъ не отличается блестящими мыслями, глубокостью и изяществомъ слога, но у него видно здравомысліе, большая

начитанность и много благонамѣренности. У Бантыша-Каменскаго, въ его Словарѣ достопримѣчательныхъ россіянъ, нѣтъ этого имени и только въ біографіи митрополита Платона слегка упоминается о „порученномъ ему разсмотрѣніи книгъ, изданныхъ масонами и возбудившихъ подозрѣніе правительства“ (см. „Слов. достопамятн. людей“ Бантыша-Каменскаго, изд. 1847 г., т. II, стр. 17, дополненія). Лопухинъ говоритъ объ этомъ подробно. Извѣстнаго Новикова поручено было испытать въ вѣрѣ, и Платонъ отозвался, что желалъ-бы видѣть всѣхъ такими христіанами. Я читалъ объ этомъ и прежде гдѣ-то, не у Лопухина, а въ біографіи Новикова, чуть-ли не напечатанной когда-то. Въ новомъ словарѣ Бантыша-Каменскаго нѣтъ и біографіи Новикова. Имена все, какъ видимъ, неудобныя къ печати. Было что-то въ „Москвитянинѣ“.

О нѣмецкихъ переводахъ «Бориса Годунова».

Пушкинъ (Алекс. Серг.). Въ „Сынѣ Отечества“ (февраль 1848 г.) есть статья барона Розена: „Прогулка по Рейну“, гдѣ онъ говоритъ о переводѣ „Бориса Годунова“ на нѣмецкій языкъ его собственномъ и другомъ—Кнорринга, не объясняя, изданы-ли эти оба перевода, когда и гдѣ именно. Тамъ-же упоминается о сочиненіяхъ и переводахъ съ русскаго, между прочимъ, А. Мельгунова „Кенига“ и „Варнгагенъ-фонъ-Энзе“. Нужно имѣть въ виду эти книги, чтобы видѣть что̀ именно персведено изъ Пушкина.

Въ №№ 4 и 6 „Литературной Газеты“ на 1848 годъ есть двѣ статьи, заключающія большія разсужденія и планы относительно классификаціи книгъ и библіографіи.

Банкротство Плита.—Общество «Саламандра».

Въ „Сѣверномъ Обозрѣніи“ (бывшій „Финскій Вѣстникъ“) за январь 1848 г., въ смѣси, на стр. 44-й, есть забавная статейка объ открытіи, будто-бы сдѣланномъ однимъ ученымъ, что миѳологическія саламандры, считавшіяся доселѣ несгораемыми, могутъ быть сжигаемы на плитѣ. (Это слово напечатано курси-

вомъ). Для вразумленія незнающихъ и будущаго потомства, замѣчу здѣсь, что это намекъ на банкротство купца Плита (Іоганна, выборгскаго и временнаго петербургскаго 1-й гильдіи купца), бывшаго однимъ изъ директоровъ страховаго общества отъ огня „Саламандры“. Сей мужъ и прежде, какъ говорятъ, имѣвшій подобныя дѣла, несмотря на то, былъ выбранъ въ директоры и велъ дѣла такъ, что въ кассѣ не оказалось 160 тысячъ рублей, да на нѣсколько сотъ тысячъ акцій, проданныхъ имъ, будто-бы, за-границею въ кредитъ и погибшихъ въ переломѣ торговомъ 1847 года, отразившемся на всѣхъ рынкахъ Европы. О банкротствѣ Плита и арестованіи его возвѣщено въ январьскихъ и февральскихъ журналахъ 1848 г.: „Débats“, „Presse“, „Journal de Francfourt“, пропущенныхъ цензурою. Наконецъ, въ объявленіи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, 13-го февраля 1848 г., № 36, напечатано отъ губернскаго правленія объявленіе о наложеніи запрещенія на всѣ его имѣнія „по открывшимся важнымъ безпорядкамъ въ управленіи страховаго общества“. Общественное мнѣніе этою мѣрою нисколько не успокоено и открыто обвиняетъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ другихъ директоровъ.... Всѣ знаютъ напередъ, что они выйдутъ цѣлы и невредимы, а пострадаетъ одинъ Плитъ, котораго уже и посадили было подъ арестъ, но послѣ выпустили. Разсказываютъ, что комиссія, учрежденная по особому повелѣнію по сему случаю, предположила было покрыть преимущественно и прежде всего убытки общества, но одинъ изъ заграничныхъ кредиторовъ Плита подалъ просьбу, гдѣ выставилъ всю несправедливость подобной мѣры. Вѣроятно, будетъ сдѣлана ликвидація и общество понесетъ огромныя потери и, вѣроятно, лопнетъ. Вотъ какъ уничтожаются самыя благія предпріятія тамъ, гдѣ не существуетъ гласности и гдѣ всякое дѣло можетъ быть прикрыто извѣстнымъ именемъ. Статья „Сѣвернаго Обозрѣнія“ не иное что, какъ слабое и возможное отраженіе общественнаго негодованія въ шутливой формѣ. Мнѣ говорятъ, что это ровно не произведетъ никакого вліянія. Я противнаго мнѣнія. Завтра можетъ явиться новый намекъ, послѣзавтра другой и т. д. У насъ начинаетъ развиваться страсть къ памфлетамъ и карикатурамъ.

Пусть взглянутъ на сцену и Ералашъ, карикатурный аль-

бомъ. Въ немъ уже открыто смѣются надъ холерою и докторами. Такъ начиналось во Франціи при Ришелье и Мазарини. Кончилось отцомъ Дюшеномъ и „другомъ народа“. Самое худое въ этомъ, что у насъ всякая насмѣшка и хула неминуемо должна восходить до высшей власти, начала и конца всѣхъ вещей. Chez nous c'est le principe, qui est toujours attaqué [1]). Статья „Сѣвернаго Обозрѣнія“ пропущена двумя цензорами: Никитенко и Кутургою. Богъ знаетъ—сойдетъ-ли имъ это еще съ рукъ.

Бюффонъ.

Buffon. Въ „Revue Etrangère“ (Février, № 4) есть статья Арсена Гуссе (Arsène Houssaye) подъ заглавіемъ „Buffon“. Въ ней, между прочимъ, находятся слѣдующія любопытныя строки [2]):

„Его имя внушало уваженіе иноземнымъ монархамъ, которые тщетно дѣлали ему всевозможныя предложенія съ цѣлью привлечь его въ свои государства. Бюффонъ послалъ императрицѣ Екатеринѣ II часть самого себя,—свой бюстъ, работы Гудона; „цифра 74 года, высѣченная на этомъ мраморѣ“, писалъ онъ ея величеству, „способна только еще болѣе охладить его“. Бюффонъ скончался за годъ до революціи (7-го апрѣля 1788 года, въ Парижѣ). Сынъ Бюффона былъ пораженъ потокомъ крови, разлившимся надъ могилою его отца. Знаменитый естествоиспытатель, написавшій исторію древнихъ потоповъ, не предвидѣлъ этого послѣдняго. Сынъ Бюффона путешествовалъ по Европѣ. Русская императрица принимала его и привѣтствовала въ своихъ владѣніяхъ.

„Вольтеръ ставилъ Бюффону въ упрекъ его слишкомъ напыщенный и торжественный слогъ. Всѣмъ извѣстенъ стихъ, направленный имъ противъ автора „Теоріи мірозданія“.

„Напыщеннымъ слогомъ говорите намъ объ естествознаніи. (Dans un style ampoulé parlez nous de physique). Однажды, когда въ присутствіи Вольтера упомянули объ „Естественной исто-

[1]) У насъ всегда нападаютъ на принципъ.

[2]) Приводятся онѣ здѣсь въ переводѣ.

ріи“—„которая вовсе не такъ естественна“, возразилъ онъ. Наконецъ Вольтеръ, негодуя на потопъ, позволилъ себѣ оспаривать взглядъ Бюффона на счетъ наслоеній раковинъ, встрѣчающихся на земной поверхности, которыя, по мнѣнію естествоиспытателя, были отложены морскою водою. По мнѣнію Вольтера, раковины, которыя мы находимъ во Франціи, въ нѣдрахъ земли, были нанесены богомольцами изъ Сиріи, во время крестовыхъ походовъ. Только человѣкъ ученый, какимъ былъ Бюффонъ, могъ отнестись къ этой шуткѣ серьезно. Сначала онъ разсердился, но потомъ сознался, что сердился напрасно. Эта маленькая ссора вскорѣ была забыта; каждый изъ противниковъ окончилъ ее посвоему. Вольтеръ прекратилъ ее сразу: „Я не хочу быть въ ссорѣ съ Бюффономъ изъ-за раковинъ“, сказалъ онъ, а Бюффонъ сказалъ по этому случаю красивую фразу: „Многимъ могло показаться“, замѣтилъ онъ, „какъ то кажется и мнѣ самому, что я отнесся къ Вольтеру не достаточно серьезно; сознаюсь, что мнѣ слѣдовало лучше игнорировать это мнѣніе, нежели опровергать его шуткою, это было-бы лучше какъ для Вольтера, такъ и для потомства“. Обмѣнъ любезностей на этомъ не остановился. Бюффонъ послалъ Вольтеру экземпляръ своихъ произведеній, Вольтеръ написалъ благодарственное письмо, въ которомъ онъ упомянулъ о предшественникѣ Бюффона — Архимедѣ II. Бюффонъ отвѣчалъ, что никогда не будетъ втораго Вольтера.

„Бюффонъ принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ писателей, коими восхищаются, но не къ числу тѣхъ, которыхъ особенно любятъ. „Въ слогѣ высказывается весь человѣкъ“, сказалъ Бюффонъ, и я объ этомъ сожалѣю, такъ какъ въ слогѣ этого естествоиспытателя не достаетъ болѣе всего чувства; когда онъ говоритъ о построеніи птицами гнѣздъ, называя этотъ трудъ ихъ дорогимъ дѣломъ, я не чувствую ни трепета крыльевъ, ни біенія сердца матери (будущихъ птенцовъ). Когда онъ перечисляетъ собакъ всѣхъ породъ и, такъ сказать, всѣхъ сословій, онъ умѣетъ, правда, заинтересовать меня овчаркой, но онъ забываетъ о собакѣ, ведущей слѣпца. Шатобріанъ находитъ, что Бюффонъ-христіанинъ былъ-бы чувствительнѣе, — я этому не вѣрю: въ немъ не было чистоты сердца, которая одна дѣлаетъ человѣка истинно религіознымъ. На первомъ чтеніи „Павла и

Виргиніи", происходившемъ у г-жи Неккеръ, Бюффонъ привелъ въ смущеніе автора этого сочиненія нескромными зѣвками и когда Бернарденъ де-Сенъ Пьеръ продолжалъ чтеніе, естествоиспытатель громко потребовалъ карету, чтобы не слышать подобныхъ глупостей. Бюффонъ не въ состояніи былъ понять всей прелести зарождающейся первой любви. „Эта глупость пойдетъ далеко", сказала по этому случаю одна умная дама.

„Бюффона спросили однажды сколько онъ насчитываетъ великихъ людей, онъ отвѣчалъ: „пять: Ньютонъ, Бэконъ, Лейбницъ, Монтескье и я".

„Живя уединенно, Бюффонъ интересовался, однако, толками и злословіемъ современниковъ: „вамъ писали, можетъ быть, сообщалъ онъ аббату Бефону, что у Вольтера исполняютъ всѣ пьесы, забракованныя артистами. Онъ доказываетъ, что они были правы".

„Риваролъ, несмотря на свое восхищеніе Бюффономъ, не хвалилъ всѣхъ произведеній этого великаго человѣка; онъ говорилъ о его сынѣ: „это самая плохая глава изъ естественной исторіи его отца: между сыномъ и отцомъ лежитъ цѣлая бездна".

„Бюффонъ занимаетъ въ XVIII вѣкѣ особое мѣсто: философъ по преимуществу, въ эпоху господства философіи, онъ превосходно изложилъ гармонію Творца и вселенной. Уступая по уму Вольтеру и въ смѣлости Жанъ Жаку Руссо, онъ былъ равенъ Монтескье по силѣ мышленія и по искусству излагать свои мысли письменно; по мнѣнію Гримма, у Монтескье былъ „слогъ генія", а Бюффонъ обладалъ „геніемъ слога".

А. С. Пушкинъ у душетскаго городничаго.

Вчера, между прочимъ, разсказанъ мнѣ въ Царскомъ Селѣ живущимъ тамъ ст. сов. Ник. Ник. Геслингомъ забавный анекдотъ о Пушкинѣ, который можно поставить въ pendant къ анекдоту, недавно разсказанному въ газетахъ о Викторѣ Гюго и А. Дюма, бывшихъ свидѣтелями на одной деревенской свадьбѣ и оставшихся вовсе неизвѣстными для мера деревни.

Пушкинъ во время поѣздки въ Грузію и Закавказье, имѣлъ спутникомъ молодаго графа Мусина-Пушкина, съ которымъ поссорился въ дорогѣ, тѣмъ болѣе, что экипажъ принадлежалъ Мусину-Пушкину, — онъ взялъ свои вещи и отпра-

вился пѣшкомъ до первой станціи, которая была г. Душетъ, (въ 52-хъ верстахъ отъ Тифлиса), надѣясь найти по дорогѣ какую-нибудь телѣгу или арбу, чтобы доплестись до города. Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ и принужденный нести на себѣ свои вещи подъ солнцемъ Грузіи (это было весною), онъ едва имѣлъ силъ добрести до города. Узнавъ, что въ городѣ нѣтъ ни трактира, ни гостинницы, ничего кромѣ отвратительнаго нечистотою грузинскаго духана, онъ рѣшился отправиться прямо въ домъ городничаго, твердо надѣясь найти у него обычное русское гостепріимство. Городничаго не было дома: путешественника встрѣтила ключница или управительница и ввела его въ комнаты. Пушкинъ едва доплелся до дивана, упалъ какъ полумертвый, снялъ съ себя платье и въ однихъ кальсонахъ растянулся на диванѣ. По просьбѣ его, ключница подала ему для утоленія жажды стакана два чихиря (краснаго вина), и онъ уже началъ засыпать. Внезапно возвращается хозяинъ дома и, узнавъ отъ людей о неизвѣстномъ человѣкѣ, расположившемся въ его гостинной, съ шумомъ и яростію врывается туда и спрашиваетъ у Пушкина что̀ онъ за человѣкъ и какъ смѣлъ войти къ нему? Тотъ преспокойно, и не думая одѣваться, разсказываетъ ему все какъ случилось и проситъ извиненія въ его смѣлости и нецеремонности. Городничій, не внимая ничему, требуетъ, чтобы онъ ту-же минуту оставилъ его домъ, грозя въ противномъ случаѣ велѣть его вывесть.

Тутъ уже Пушкинъ рѣшился объявить ему свое имя, надѣясь несомнѣнно на магическое его вліяніе. Каково-же было его замѣшательство, когда городничій, не измѣняя своего тона, объявилъ ему, что это все равно, что онъ какой-то Пушкинъ и что много ихъ братьевъ сочинителей таскается тамъ, и что ему не принимать-же всѣхъ.

Послѣ такого пріема, разумѣется, Пушкинъ не заставилъ себя долго просить и, пріѣхавъ въ Тифлисъ, не могъ не разсказать анекдота въ смѣхъ, а не въ жалобу. Геслингъ (товарищъ Пушкину по лицею), бывшій въ то время правителемъ канцеляріи военнаго губернатора (ген.-адъют. Сипягина), послалъ предписаніе душетскому городничему явиться въ Тифлисъ для объясненій по дѣламъ службы. Можно себѣ представить что̀ было съ бѣдняжкою и какъ ему досталось отъ неумолимой

молодежи. Его напоили допьяна и заставили на колѣняхъ просить прощенія у поэта, который больше всѣхъ забавлялся приключеніемъ. Дѣйствующее лицо сей комедіи, вѣроятно не однажды повторявшейся съ знаменитостями, былъ отставной изъ кавалеріи маіоръ Ягушовъ или Егушовъ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Еще анекдотъ почти въ томъ-же родѣ, случившійся съ знаменитымъ баснописцемъ, разсказанный мнѣ тѣмъ-же Геслингомъ, а ему переданный М. Н. Коншинымъ, короткимъ пріятелемъ Крылова.

Иванъ Андреевичъ, жившій, какъ извѣстно, долгое время въ зданіи Публичной библіотеки, имѣлъ привычку ежедневно прохаживаться вокругъ Гостиннаго двора. Это продолжалось нѣсколько лѣтъ. Надобно-бы полагать, что всѣ купцы и лавочники должны уже привыкнуть къ его лицу и узнать его, по-крайней мѣрѣ, по наслышкѣ. Вышло напротивъ.

Однажды Крыловъ, имѣя надобность купить какую-то бездѣлицу, вошелъ въ одну лавку и, сторговавъ вещь, сказалъ, что съ нимъ денегъ нѣтъ, но что вынесетъ ихъ послѣ. Отказъ хозяина лавки. Удивленный Крыловъ спрашиваетъ у него—неужели онъ не узнаетъ кто онъ, и на отрицательный отвѣтъ объявляетъ, что онъ Крыловъ, который пишетъ басни.

Новое отрицаніе невѣдѣніемъ.

Изумленный Крыловъ оставилъ вещь и тутъ-же первому попавшемуся разсказалъ о случившемся.

— „Ну, признаюсь, добавилъ онъ, это меня удивило; я думалъ, что тутъ-то, по крайней мѣрѣ, меня знаютъ. Вижу, что ошибся“.

Я готовъ вѣрить этому разсказу и всегда утверждалъ подобное въ спорахъ нашихъ въ началѣ 1845 года, когда дѣло шло о подпискѣ на сооруженіе памятника И. А. Крылову. Пышная программа, написанная княземъ Вяземскимъ и Плетневымъ, разослана была по всей Россіи и не могла не показаться иным смѣшною. Вотъ уже три года тому прошло; подписка еще не кончена; собрано, правда, 100 тыс. руб. асс., но не должно забывать, что въ ней принимаютъ участіе лица служеб-

ныя и казенныя вѣдомства. Сколько я видѣлъ, мнѣ кажется, что двѣ трети подписчиковъ принадлежатъ сему классу, нашему tiers-état. Мало купцовъ, еще менѣе крестьянъ, духовныхъ и дворовыхъ людей. Камердинеръ графа Соллогуба (В. А.), котораго мы мучили насчетъ Крылова, откровенно и добродушно сознался, что не слыхалъ о немъ и никогда не читывалъ басенъ. Вотъ такъ превозносимая народность и извѣстность... и еще въ Петербургѣ, въ центрѣ просвѣщенія, въ домѣ литератора! „Нѣсть пророка въ своемъ отечествѣ“. Крыловъ лучше и остроумнѣе всѣхъ объяснялъ множество изданій его басенъ: „меня читаютъ дѣти, а извѣстно какъ они обращаются съ книгами“.

Впечатлѣніе, произведенное у насъ февральскими событіями.

Сегодня вечеромъ достигла до всего Петербурга вѣсть по телеграфу объ удаленіи министерства Гизо, вслѣдствіе бывшихъ демонстрацій со стороны оппозиціи и волненія въ Парижѣ. Государь объявилъ объ этомъ на утреннемъ балѣ, бывшемъ у него на половинѣ. Новое министерство поручено составить гр. Моле подъ его предсѣдательствомъ. Гизо, несмотря на его способности, не унесетъ съ собою большихъ сожалѣній. Подъ конецъ его управленія, оно приняло слишкомъ сильный отпечатокъ его личнаго характера и малаго уваженія къ общественному мнѣнію. . . . . .

. . . . . .

Г. А. Папахристо.

20-го февраля 1848 г.

Въ газетахъ нашихъ (см. „Сѣв. Пчелу“ и „Спб. Вѣдомости“ сего 19-го февраля) возвѣщено о кончинѣ вице-адмирала Григорія Аргировича Папахристо („Сѣв. Пчела“ напечатала Папа а „Спб. Вѣдом.“ Папо), на 68-мъ году отъ рожденія, 16-го февраля послѣдовавшей. Онѣ не сочли нужнымъ замѣтить необыкновенность этой кончины. Онъ умеръ въ Зимнемъ дворцѣ, послѣ большаго придворнаго бала и поужинавъ преблагополучно. Его

снесли въ швейцарскую полумертваго, пробовали пустить кровь, но все было уже безполезно. У покойника высыпались даже изъ кармана конфекты, взятыя отъ царскаго стола.

Государь, узнавъ о случившемся, самъ сходилъ внизъ и отдавалъ приказанія.

Это случилось во 2-мъ часу утра 16-го февраля; 19-го числа его отпѣвали въ адмиралтейской церкви и похоронили на Смоленскомъ кладбищѣ. Императоръ присутствовалъ при отпѣваніи и шелъ за гробомъ до Исаакіевскаго моста. Всѣ удивлены были этою почестію.

Теперь разсказываютъ случай изъ жизни Папахристо довольно замѣчательный.

Въ 1828 году этотъ адмиралъ командовалъ кораблемъ, на которомъ плылъ императоръ Николай Павловичъ изъ Варны въ Одессу, спѣша въ Петербургъ къ умирающей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Всѣ помнятъ, что этотъ корабль былъ застигнутъ страшною бурею, продолжавшеюся три дня. Всѣ отчаялись въ спасеніи и потеряли голову. Одинъ Папахристо оставался твердъ и отдавалъ приказанія экипажу спокойно и хладнокровно. Свита государя, видя его равнодушіе и относя это къ потерѣ всякой надежды, покушалась было вмѣшаться въ управленіе кораблемъ, но, получивъ отказъ, сочла долгомъ довести до свѣдѣнія государя и умолять его принять команду. Царь, говорятъ, поколебался и сталъ отдавать приказанія, но Папахристо послалъ офицера доложить ему, что по регламенту онъ одинъ начальствуетъ, а всѣ прочіе должны повиноваться. Государь, видя непреклонность его, оставилъ его дѣйствовать, и корабль благополучно достигъ берега. Но съ того времени, говорятъ, запало къ нему въ душу неблаговоленіе къ Папахристо, продолжавшееся будто-бы до кончины его.

Не знаю, насколько справедливъ этотъ разсказъ, но невольно припоминаешь стихъ Пушкина въ его „Мѣщанинѣ“ или „Моей родословной“: „не любитъ спора властелинъ“.

Спектакль у гр. П. А. Клейнмихеля.

21-го февраля 1843 г.

Третьяго дня, т. е. въ четвергъ 19-го февраля, былъ данъ балъ главноуправляющимъ путями сообщеній, графомъ П. А. Клейнмихелемъ, а предъ нимъ спектакль и живыя картины. Мнѣ не умѣли хорошо передать названіе и содержаніе пьесы, писанной нарочно для этого случая по-французски аматерами и, между прочимъ, гр. Сологубомъ (В. А.). Знаю, что въ ней игралъ Ѳ. М. Толстой, нашъ даровитый музыкантъ, пѣвецъ и остроумный разсказчикъ. Мнѣ совѣстно было его разспрашивать подробно и показать свое любопытство. Весь дворъ присутствовалъ при представленіи. Изволили хлопать, смѣяться, и вызывать автора. Никто не вышелъ, и объявлено, что не одинъ, а четыре: „qu'ils se sont mis en quatre pour amuser les spectateurs“ [1]). Не достало, видно, духу выйти. Напрасно. Надо-бы итти до конца. У насъ даже нѣтъ убѣжденія въ этихъ вещахъ: „nous n'avons pas le courage de notre crime“ [2]).

...Вечеръ совершенно во вкусѣ временъ Людовика XIV. Это дѣлаетъ честь начитанности хозяина дома и гг. авторовъ. Не знаю только, какъ нашли ихъ пьесу и стихи и хоры — гости. Какъ увижу Сологуба, то спрошу, подходилъ-ли онъ и спрашивалъ-ли, какъ нѣкогда Вольтеръ спросилъ: „Troyan est-il content?“ и получалъ въ отвѣтъ одно холодное молчаніе (см. Biographie de Voltaire въ Encyclopédie du dix-neuvième siècle (1846), article Voltaire, par Philarète Chasles, p. 494 du tome XXV). Утѣшительна должна быть для гг. авторовъ слѣдующая фраза Филарета Шаль: „bientôt madame de Pompadour, succédant à mademoiselle de Châteauroux comme sultane favorite, fit obtenir à Voltaire le brevet d'historiographe en France et la charge de gentilhomme du roi, qu'il eut le droit de revendre sans en quitter le titre [3]). Здѣсь кстати замѣ-

[1]) Игра словъ, означаетъ: 1) что пьеса сочинена четырьмя авторами и 2) что они приложили всѣ старанія къ тому, чтобы позабавить зрителей.

[2]) У насъ даже не хватаетъ мужества сознаться въ своемъ преступленіи.

[3]) Вскорѣ госпожа Помпадуръ смѣнила mademoiselle де-Шатору въ качествѣ любимой султанши; она выхлопотала Вольтеру патентъ на званіе исторіографа Франціи и должность камергера, которую онъ получилъ право перепродать, не лишаясь самаго званія.

тить, что г. Моленъ въ знаменитомъ фельетонѣ своемъ 17-го ноября 1846 г. въ „Journal des Débats“, по случаю перевода на французскій языкъ сочиненій Пушкина [1]), вотъ что говорилъ на счетъ этого: „si jamais un homme subit une domination dans toute sa vie, dans ses actions et dans son âme, ce fut Pouchkine. Il mourut gentilhomme de l'Empereur, et non pas gentilhomme comme Voltaire l'était de Louis XV, c'est à dire ne vaquant point à son service, vivant dans ses terres et faisant prudemment d'y vivre. Pouchkine était à Saint-Pétersbourg, où il remplissait très exactement les devoirs de sa charge quand il fut atteint de la balle qui l'envoya dans la mort“ [2])...

Мнѣ разсказывалъ также въ 1838 году Гончаровъ, братъ Пушкиной, сцену, бывшую у Пушкина съ графомъ Литтою, оберъ-церемоніймейстеромъ. Литта однажды вздумалъ сдѣлать Пушкину замѣчаніе насчетъ несоблюденія имъ формъ и сказалъ:

— „Il y a des règles pour tout, mon cher ami“ [3]).

Пушкинъ вспыхнулъ и отвѣчалъ ему: „pardon, monsieur le comte, je pensais toujours qu'il n'y avait de règles que pour les mesdemoiselles d'honneur!“ [4]).

Вотъ какъ онъ исполнялъ свою должность.

Господа біографы не хотятъ держаться середины и не могутъ понять того, что Пушкинъ добивался должности скорѣе для поправленія своихъ денежныхъ дѣлъ, если это можетъ извинять отступничество отъ прежнихъ идей и правилъ, весьма, впрочемъ, непрочныхъ и шаткихъ въ Пушкинѣ, что оправдывается его воспитаніемъ и примѣрами, имъ видѣнными... Пушкинъ — камеръ-юнкеръ, въ его небрежной одеждѣ, съ его смѣлою по-

---

[1]) Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, traduites par H. Dupont à Petersbourg et à Paris. 2 t. 1847. Авт.

[2]) „Ежели кому-нибудь приходилось подчиняться въ своей жизни, въ своихъ поступкахъ и убѣжденіяхъ, такъ это Пушкину. Онъ скончался въ должности камеръ-юнкера, но исполнялъ ее не такъ, какъ Вольтеръ при Людовикѣ XV, который не отправлялъ своихъ обязанностей и жилъ въ своемъ помѣстьи, поступая въ этомъ случаѣ весьма осмотрительно. Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ весьма точно отправлялъ обязанности своей должности, въ то время, когда его настигла пуля, пресѣкшая его жизнь“.

[3]) Есть правила на все, любезный другъ.

[4]) Извините, графъ, я полагалъ всегда, что ..... существуютъ только для фрейлинъ.

ступью и необдуманною рѣчью,—былъ, можетъ статься, опаснѣе и тяжелѣе для нѣкоторыхъ, нежели гдѣ-нибудь на краю Россіи, съ его вольнолюбивыми рѣчами и одою „На вольность“. Я такъ думаю. Взвѣсивъ все, едва-ли не найдемъ, что былъ въ проигрышѣ не онъ. Ему также обѣщано, говорятъ, было мѣсто историографа, оставшееся послѣ Карамзина незанятымъ доселѣ...

Польскія симпатіи французовъ въ 1848 г.

21-го февраля 1848 г.

Въ засѣданіи французской палаты депутатовъ 4-го февраля 1848 г. (нов. ст.), по поводу адреса королю § 7, заключавшагося въ словахъ [1]):

„Сочувствуя національному дѣлу храбраго народа, Франція напоминаетъ Европѣ о правахъ польской націи, столь торжественно провозглашенныхъ трактатами“. Одинъ изъ депутатовъ оппозиціи, г. Вавенъ, произнесъ, между прочимъ, слѣдующее: „Поляки имѣютъ обыкновеніе собираться ежегодно въ ноябрѣ мѣсяцѣ утромъ у подножія алтарей, а вечеромъ—на обѣдъ, въ ознаменованіе годовщины ихъ революціи, не столь счастливой, но не менѣе славной, нежели была наша революція. Мнѣ не разъ довелось предсѣдательствовать на этомъ банкетѣ и я могу утверждать, что никогда въ произнесенныхъ на немъ рѣчахъ не было сказано ни слова противъ правительства: у поляковъ довольно ихъ собственнаго дѣла и нѣтъ надобности заботиться о нашихъ дѣлахъ. Въ настоящемъ году одинъ изъ эмигрантовъ, преслѣдуемый Австріею (sic), г. Бакунинъ, былъ вынужденъ оставить Парижъ... Когда г. министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтитъ на этотъ первый фактъ, я приведу другой.

Нѣсколько голосовъ. „Говорите тотчасъ“.

Г. Вавенъ. „Вотъ этотъ фактъ: нѣсколько времени тому назадъ польскіе эмигранты, желая выразить свою признательность князю Чарторыйскому, желая почтить его преклонныя лѣта и услуги, оказанныя имъ народному дѣлу, рѣшили поднести ему медаль и дать въ честь его обѣдъ. Князя Чарторыйскаго, безъ сомнѣнія, нельзя назвать человѣкомъ слишкомъ

[1]) Приводятся здѣсь въ переводѣ.

крайнихъ взглядовъ, такъ какъ онъ говорилъ своимъ соотечественникамъ: „будемъ благодарны королю прусскому за гласность, допущенную имъ при разборѣ дѣла нашихъ несчастныхъ друзей“. И что-же, господа, когда приглашенные явились въ назначенный часъ, они нашли двери запертыми, и имъ было воспрещено собраться со столь невинною цѣлью, хотя распорядители обѣда объ этомъ не были вовсе предувѣдомлены. Таковы факты, по поводу которыхъ я требую объясненій“.

Г. Дюшатель, министръ внутреннихъ дѣлъ: „Я ограничусь отвѣтомъ на факты, приведенные почтеннымъ ораторомъ. Г. Вавенъ высказалъ, во-первыхъ, что польскіе эмигранты не получаютъ отъ правительства тѣхъ пособій, которыя имъ были обѣщаны во имя великодушнаго гостепріимства. Палатѣ извѣстно, что она утверждаетъ ежегодно на этотъ предметъ отъ 12-ти до 15-ти тысячъ франковъ. Мнѣ кажется, это довольно щедрая плата за гостепріимство. Почтенный членъ палаты говорилъ вслѣдъ затѣмъ объ изгнаніи одного русскаго, произнесшаго рѣчь въ общественномъ собраніи. Во-первыхъ, г. Бакунинъ не политическій эмигрантъ (?), онъ также и не русскій эмигрантъ, такъ какъ въ Россіи нѣтъ эмиграціи. Онъ проживалъ во Франціи просто въ качествѣ иностранца; правительство имѣло весьма серьезныя причины не терпѣть его дальнѣйшаго пребыванія. Я не могу входить въ подробности, но полагаю, что съ моей стороны достаточно будетъ сказать, что этотъ фактъ вовсе не относится къ вопросу о польской эмиграціи.

„Третій фактъ касается обѣда, который нѣкоторые изъ польскихъ эмигрантовъ желаютъ дать кн. Адаму Чарторыйскому,— человѣку, коего я, со своей стороны, глубоко уважаю. Во-первыхъ невѣрно, будто распорядители этого обѣда не были предувѣдомлены о несогласіи на него со стороны властей. Лишь только было заявлено о намѣреніи устроить этотъ обѣдъ, полицейскій префектъ извѣстилъ ихъ, что онъ состояться не можетъ, и въ этомъ случаѣ правительство дѣйствовало, мнѣ кажется, въ интересахъ самого польскаго дѣла (?).

„Дѣйствительно, что могло-бы произойти, ежели-бы правительство допустило этотъ банкетъ? Различныя фракціи польской эмиграціи приняли-бы участіе въ разныхъ банкетахъ и тѣмъ

самымъ выказали-бы свое разномысліе (!!). Ничто, по моему мнѣнію, не могло быть противнѣе ихъ интересамъ".

Г. Вавенъ. „Позвольте мнѣ возразить, г. министръ: мнѣ казалось, что г. Бакунинъ былъ вынужденъ удалиться изъ Парижа вслѣдствіе рѣчи, произнесенной имъ въ собраніи 29-го ноября, поэтому я и довелъ объ этомъ фактѣ до свѣдѣнія палаты; мнѣ кажется, что, поступая подобнымъ образомъ по отношенію къ человѣку, мы не только нарушили права людей, но дѣйствовали также вопреки сочувствію, нами ежегодно высказываемому къ Польшѣ. Какъ, вы принуждаете человѣка оставить Парижъ на томъ основаніи, что онъ, русскій подданный, высказалъ въ собраніи мысли, благопріятныя Польшѣ! Это неподражаемо! Поэтому-то я и счелъ долгомъ обратить на это вниманіе палаты".

Г. Фердинандъ Лабейри. „Я долженъ обратить вниманіе палаты на успѣхи, сдѣланные нами съ того дня, когда намъ было сказано, что порядокъ возстановленъ въ Варшавѣ (шумъ), до того дня, когда намъ могли сказать также вѣрно, что порядокъ возстановленъ въ Краковѣ. Припомните, господа, съ какимъ восторгомъ поляки были приняты во Франціи при ихъ эмиграціи; они были приняты съ распростертыми объятіями и вначалѣ французамъ и полякамъ было дозволено безпрепятственно собираться для празднованія годовщины ихъ достопамятной революціи. Но вскорѣ отъ нихъ начали требовать, чтобы рѣчи произносились только на польскомъ языкѣ и, наконецъ, дошли до того, что, когда русскій подданный высказалъ нѣкоторыя мнѣнія, дѣйствительно не особенно почтительныя по отношенію къ русскому правительству, то сочли долгомъ принудить этого русскаго подданнаго немедленно оставить Парижъ и Францію.

„Я обращу по этому случаю вниманіе на то, что̀ произошло во вчерашнемъ засѣданіи; въ этой залѣ были произнесены слова оскорбительныя для союзнаго намъ правительства, а немного раньше человѣкъ былъ наказанъ за нѣсколько словъ, произнесенныхъ имъ противъ русскаго правительства. Правда, что положеніе этихъ двухъ правительствъ не одинаково:... одно слабое, другое имѣетъ восемьсотъ-тысячное войско" (движеніе).

Г. Вавенъ. „Я принимаю во вниманіе сказанное мнѣ г. министромъ иностранныхъ дѣлъ, что г. Бакунинъ изгнанъ изъ

Франціи не потому, что онъ дурно отозвался о русскомъ правительствѣ".

Г. Шербеттъ. „Я понимаю, что правительства стараются внушить къ себѣ уваженіе и что они требуютъ, чтобы къ каждому изъ нихъ относились съ тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ должны относиться другъ къ другу порядочные люди. Но я спрашиваю г. министра иностранныхъ дѣлъ, можетъ-ли онъ сказать, на основаніи имѣющихся у него свѣдѣній, что за-границею соблюдаютъ по отношенію къ императору французовъ ту осторожность въ словахъ, съ какою онъ требуетъ, чтобы относились здѣсь къ прочимъ монархамъ!" (очень хорошо!).

Г. Гизо, президентъ совѣта. „Мой отвѣтъ будетъ весьма простъ. Почтенный ораторъ правъ, говоря, что уваженіе къ правамъ людей должно быть одинаково для всѣхъ государствъ. Онъ можетъ быть увѣренъ, что если-бы кто-нибудь выказалъ неуваженіе къ императору французовъ, то мы протестовали-бы немедленно".

„... Но позвольте предложить вамъ одинъ вопросъ, вызванный, если хотите, простымъ любопытствомъ: какъ-бы вы отнеслись къ тому, ежели-бы кто-нибудь сказалъ это нынѣ про швейцарское правительство?" (продолжительный шумъ).

Г. Гизо. „Никто не говорилъ ничего подобнаго о швейцарскомъ правительствѣ" (протестующіе возгласы).

Г. Тьеръ. А „Journal des Débats?"

Когда подумаешь, что это преніе происходило за 17 дней до дня, рѣшившаго участь министерства, династіи, Франціи, можетъ быть Европы и всего міра,—невольно приходятъ на память тѣ риторы Царьграда, разсуждавшіе объ этимологіи, когда варвары стучались у воротъ... Сколько лжи, сколько недобросовѣстности, забвенія правъ и своего долга... а для чего .. чтобъ упасть съ бо́льшею силою и бо́льшимъ шумомъ!

Въ „Journal des Débats", въ отвѣтѣ Гизо, кажется есть измѣненія; его заставляютъ сказать такъ: „я не думаю, что въ Петербургѣ позволили-бы отзываться неправильно о комъ-бы то ни было! (sic) Жаль, что онъ не читалъ „Сѣв. Пчелы"..

Принципъ невмѣшательства.

Въ теченіе десяти послѣднихъ дней общественное мнѣніе сдѣлало новый шагъ. Всѣ, кромѣ les aristocrates endurçis [1]), желаютъ оставаться на мѣстѣ et se prononcent hautement pour e non-intervention [2]). Кажется, этому много способствовали, кромѣ циркуляра Ламартиновскаго (voy. „Presse", mars 5), и послѣднія событія въ Германіи, съ изумительною быстротою одно за другимъ слѣдовавшія. Тамъ всѣ боятся, пуще коммунизма и санкюлотовъ, нашего вмѣшательства... Кто это такъ намъ удружилъ? Разсказываютъ сегодня даже, что король прусскій согласился на нѣкоторыя уступки и далъ повелѣніе о срокахъ собранія сейма. Онъ будто-бы пишетъ къ императору, чтобы мы, ради Аллаха, оставались тихими и покойными; что всякая демонстрація, а еще пуще переходъ нашихъ солдатъ Вислы, — будетъ сигналомъ ихъ паденія и всеобщей гибели...

Обрескова о Паскевичѣ.

Въ „Débats" отъ 9-го марта н. с. помѣщено, при письмѣ къ редактору изъ Неаполя отъ 27-го февр., письмо Обрескова (въ „Débats" напечатано Abreskaw), тайнаго совѣтника и камергера, ancien-envoyé ministre à Stuthgard, Turin [3]) и пр., къ Толстому (Якову Николаевичу), нашему корреспонденту министерства народнаго просвѣщенія въ Парижѣ, гдѣ онъ, разбирая его давнишнюю брошюру, вышедшую въ маломъ числѣ экземпляровъ: „Essai biographique sur le comte Eriwansky-Paskevitch" [4]), изъявляетъ свое удивленіе и негодованіе о томъ, что въ ней не упоминается ни слова объ участіи его въ заключеніи Туркменчайскаго мира съ Персіею въ 1827 году (февраль), какъ дипломатическаго чиновника, и, между прочимъ, говоритъ, что „онъ не раздѣляетъ его мнѣній насчетъ военныхъ достоинствъ и заслугъ героя его, хотя вѣритъ искренности похвалъ; что такъ

[1]) Ярыхъ аристократовъ.
[2]) И высказываются за невмѣшательство.
[3]) Бывшаго посланникомъ въ Штутгардѣ, Туринѣ.
[4]) Біографическій очеркъ графа Паскевича Эриванскаго.

какъ брошюра, вѣроятно, была читана кн. Паскевичемъ и одобрена къ печати, то онъ считаетъ его виновнымъ въ непростительномъ и обидномъ пропускѣ (omission), и что на сей конецъ онъ издастъ особое сочиненіе, появленіе котораго, вѣроятно, не слишкомъ будетъ пріятно фельдмаршалу". Всѣ поражены небывалою смѣлостью и непривычнымъ тономъ этого письма и предсказываютъ автору онаго всевозможные ужасы... Забавное положеніе общества... Я съ моей стороны убѣжденъ, что г. Обресковъ заперъ этимъ письмомъ для себя навсегда двери въ Россію. Говорятъ, онъ и безъ того не думалъ возвращаться въ sara patria. Хорошо еще, если не потребуютъ и, въ случаѣ ослушанія, не (сдѣлаютъ распоряженія) какъ въ 1845 г. о Головинѣ и Бакунинѣ...

La grande nouvelle.

22-го февраля 1848 г.

Сегодня утромъ, во 2-мъ часу, поѣхалъ съ визитомъ къ А. А. Грессеру, съ тѣмъ, чтобы отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ брату его П. Александровичу, директору Дворянскаго полка, которому онъ хотѣлъ меня представить. Его не было еще дома. Пока я ходилъ наверхъ въ 5-ю роту, чтобы повидаться съ племянникомъ моимъ, онъ возвратился съ развода. Оба они встрѣтили меня извѣстіемъ, что Людовикъ Филиппъ отрекся въ пользу внука своего графа Парижскаго подъ регентствомъ герцогини Орлеанской, матери его, помимо принца Немурскаго. Тутъ-же сообщилъ мнѣ вкратцѣ его прокламацію къ французамъ.

Отъ нихъ я заѣхалъ въ кафе Доминика, чтобы прочесть журналы. Почты не было. Мнѣ это показалось странно. Тудаже пришелъ гр. Сологубъ и потомъ полковникъ Кнорринтъ. Стали толковать о происшествіи. Сологубъ отзывался съ величайшимъ равнодушіемъ и презрѣніемъ о случившемся, между прочимъ, сказалъ, что это все кончится чистою монархіею... monarchie pure (textuel)... и что призваны будутъ вновь Бурбоны [1]). Это происходило въ 4 часа съ $^1/_4$ пополудни. Отъ Доми-

[1]) Я говорилъ, что даю три года до республики. Всѣ мы хороши пророки. Авт.

ника поѣхалъ къ Пашковымъ обѣдать. Войдя, нашелъ всѣхъ въ галлереѣ о чемъ-то съ жаромъ толкующихъ. Увидя меня, они всѣ закричали: „ахъ, какъ кстати вы приходите, мы хотѣли посылать за вами, pour vous annoncer une grande nouvelle [1])... но подумали, что будете обѣдать“... Я сказалъ имъ, что уже знаю... Пошли толки, предположенія, безпокойства о своихъ, въ Парижѣ находящихся... Сѣли обѣдать, а потомъ сей-же часъ за карты, по той причинѣ, что дамамъ нужно было ѣхать на балъ во дворецъ. Въ 7¼ ч. внезапно вбѣгаетъ къ намъ флиг.-адъют. Т—въ и говоритъ: „знаете, знаете, ужасныя новости!“ Что̀ еще такое, отвѣчаемъ мы равнодушно. „Стрѣляли по Людовику Филиппу, когда онъ вышелъ объявить народу о своемъ отреченіи и представить новаго короля. Стрѣляли по графу Парижскому и герцогинѣ Орлеанской; все семейство оставило Парижъ и отправилось къ прусской границѣ... La République était déclarée... [2]). (Тутъ уже мы всѣ положили карты и привстали кажется... дамы поблѣднѣли...). Лувръ и Тюильери разграблены и сожжены (?). Часть муниципальной гвардіи истреблена... какъ швейцарцы въ 1792 году... Hôtel du ministère des affaires étrangères [3]) тоже разграбленъ. Домъ княгини Ливенъ тоже... Гизо успѣлъ выѣхать изъ Парижа, что только, вѣроятно, спасло его отъ ярости народной... Народъ бросился во дворецъ, опрокинулъ тронъ, выбросилъ его на площадь и тамъ предалъ сожженію... Генералъ Себастьяни убитъ... множество избито и изранено... Волненіе неописанное... Обо всемъ этомъ будто-бы императоръ передалъ лично обѣдавшимъ у него особамъ (въ этотъ день у наслѣдника на половинѣ былъ déjeûner dansant... [4]). Онъ, говорятъ, твердъ, но разсказъ былъ веденъ d'une voix émue... [5]). Цесаревна, говорятъ, разстроена .. Онъ вчера еще говорилъ многимъ изъ военныхъ, что скоро понадобятся... Сегодня будто отправленъ уже курьеръ въ Вѣну, чтобы увѣрить императора, что онъ можетъ считать на помощь нашу и на наши войска, какъ на свои собственныя... Всѣ эти извѣстія

[1]) Чтобы сообщить вамъ великую новость.
[2]) Провозглашена была республика.
[3]) Домъ министерства иностранныхъ дѣлъ.
[4]) Завтракъ съ танцами.
[5]) Взволнованнымъ голосомъ.

привезъ курьеръ изъ Берлина. Сообщенія по Сѣверной дорогѣ изъ Парижа будто прекращены; въ нѣсколькихъ мѣстахъ она сломана, какъ и кѣмъ—еще неизвѣстно"...

Отъ Пашковыхъ заѣхалъ къ Беру и Бибиковымъ—перваго не засталъ, послѣдніе еще ничего не знали... grande consternation... [1]). Отъ нихъ къ Доминику... Почты еще нѣтъ... Множество лицъ и, кажется, все иностранцы, входятъ съ безпокойствомъ, спрашиваютъ журналы—и уходятъ... вѣрно, еще всего не знали.

Возвратясь домой въ $11^1/_4$, нашелъ письмо отъ С. Д. П. изъ Парижа отъ 23-го (11-го) февраля. Въ немъ описаніе перваго дня безпокойствъ, подробное, бывшихъ 22-го числа, о которомъ мы съ нѣкоторыми измѣненіями знали уже изъ журналовъ отъ 23-го февраля. Одну фразу стоитъ подчеркнуть: „сегодня утромъ барабанятъ, сзываютъ національную гвардію, но я надѣюсь и полагаю, что ничего не будетъ и что мутители (возмутителями, à la rigueur [2]), нельзя еще ихъ назвать) образумятся и мутить перестанутъ"...

Вотъ человѣческія предвидѣнія и предусмотрительность! Въ то время, какъ писалось это письмо, туча уже созрѣвала и чрезъ нѣсколько часовъ разразилась надъ Парижемъ и Франціею.

Въ этой тучѣ, можетъ статься, заключена была участь Европы, участь человѣчества!!!

А человѣкъ еще надѣялся и полагалъ! Занавѣсъ поднятъ, великая драма начинается... Что ждетъ человѣчество?

Февральскія событія во Франціи.

1848 г., 24-го февраля, вечеръ.

Иностранная почта не привезла парижскихъ журналовъ. „Journal de Trancfort" 28 fevr. оканчивается словами: „La République est proclamée. La famille royale est en fuite. Les Tuilleries étaient saccagées" [3]). „Journal de St.-Pétersbourg",

---

[1]) Всеобщій ужасъ.

[2]) Собственно.

[3]) Республика провозглашена. Королевская фамилія бѣжала. Тюльери разграблено.

сегодня появившійся, сообщаетъ вкратцѣ подробности 22-го и 24-го февраля, говоря, что получены парижскіе журналы только отъ 24-го. Оканчиваетъ тоже извѣстіемъ о провозглашеніи республики и прибытіи королевской фамиліи въ Фолькстонъ (Англію). Сегодня разнесся слухъ, что Гизо былъ повѣшенъ или убитъ чернью. „Journal de S.-Pétersbourg“ упоминаетъ объ этомъ тоже какъ о слухѣ, прибавляя, что, по другимъ извѣстіямъ, онъ тоже спасся въ Англію.

Вчера и сегодня только и разговору что о случившихся событіяхъ. Всѣ въ изумленіи, что нѣтъ журналовъ, кромѣ нѣмецкихъ [1]). Не хотятъ понять, что въ Парижѣ бо́льшая часть прежнихъ, здѣсь дозволенныхъ, журналовъ уже, вѣроятно, не существуетъ. Писемъ тоже, говорятъ, не получили. Письмо ко мнѣ отъ 23-го изъ Парижа провалялось гдѣ-то двое сутокъ. Меня всѣ увѣряютъ, что было читано. Плохо вѣрю. Былъ на почтѣ объявить о семъ. Извинялись и обѣщали наказать за это почтальона. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ отъ 23-го числа напечатали кратко о событіяхъ 22-го (10-го) февраля, присовокупивъ, что „подробности объ этихъ движеніяхъ, описанныхъ очевидцемъ (Гречемъ, вѣроятно) сообщатъ въ завтрашнемъ нумерѣ“. Окончено извѣстіемъ объ отставкѣ, поданной министрами, и что съ послѣднею почтою не получено парижскихъ газетъ. Завтрашній нумеръ (24-го февраля, вторникъ, № 42) явился, а обѣщаннаго письма не было. „Пчела“ описала засѣданіе палаты депутатовъ 22 ч., когда положенъ былъ обвинительный актъ противъ министерства, и присовокупила слѣдующія строки: „мы должны ограничиться сообщеніемъ извѣстій, изъ которыхъ многіе уже имѣютъ нынѣ лишь историческое значеніе“... Богъ знаетъ что̀ значитъ подобная фраза. M. Boulgarin voulait être profond, il n'etait que niais [2]). Какое-же правительственное событіе не имѣетъ историческаго значенія? Просто нужно было сказать, что эти разсужденія не повели ни къ чему.

„Спб. Вѣдомости“, вышедшія сегодня (№ 43) въ первый разъ послѣ карнавала, гораздо откровеннѣе и смѣлѣе. Онѣ выходятъ безъ цензуры, подъ отвѣтственностію редактора. Извѣстивъ вкратцѣ о событіяхъ 22-го и утра 23-го февраля, они потомъ

[1]) „Journal de Francfort“ истрепанъ въ лоскутки. Авт.

[2]) Булгаринъ хотѣлъ быть глубокомысленъ, но былъ только глупъ.

извѣщаютъ объ удаленіи министерства Гизо, отреченіи Людовика-Филиппа, провозглашеніи королемъ графа Парижскаго, регентшею герцогинею Орлеанскою, первымъ министромъ Одилліона-Барро. Потомъ въ припискѣ телеграфическую депешу изъ Берлина отъ 28-го: „Регентство въ Парижѣ было очень не продолжительно (!!). Тамъ провозглашена республика и учреждено временное правленіе, состоящее изъ гг. Одилльона-Барро [1]), Ламартина, Ледрю-Ролльена и проч.". Это извѣстіе по сличенію съ „Journal de St.-Pétersbourg" оказывается совершенно ложнымъ. Въ Парижѣ, повидимому, все кончилось иначе. 23-е прошло-бы благополучно, еслибъ войска не вздумали вечеромъ стрѣлять по народу, окружавшему Hôtel du ministère des affaires étrangères (des Capucines). Это рѣшило участь династіи, Франціи и, можетъ быть, всего міра. Король отрекся 24-го утромъ. Герцогиня Орлеанская отправилась съ сыновьями пѣшкомъ въ палату и тамъ провозглашена была регентшею, а сынъ ея—королемъ. Но ворвавшійся народъ не далъ привести этого въ дѣйствіе. Ледрю-Ролленъ взошелъ на каѳедру и провозгласилъ республику. Женщина какая-то выставила трехцвѣтное знамя. Палата признала новый образъ правленія подъ наведенными на нихъ ружьями и поднятыми саблями. Регентшѣ закричали: „il est trop tard" [2]) и, говорятъ, освистали. Новое правительство образовалось подъ предсѣдательствомъ не Одилльона-Барро, а Дюпонъ де Л'ёръ (я такъ и ожидалъ и удивлялся, что имени его не было видно), изъ Араго, Ламартина, Ледрю-Роллена, Марраста, Сюбервика, Кремье и Мари и одного ремесленника (ouvrier) Альбера. Гарнье Пажесъ назначенъ меромъ Парижа (пророчествую, что будетъ человѣкомъ историческимъ), Ламорисьеръ—начальникомъ національной гвардіи. Какъ согласить всѣ эти извѣстія, разнорѣчащія уже, ничего не видя. Имена Дюпона и Ламартина служатъ нѣкоторою порукою, что не будетъ кровопролитія законнаго, но я не увѣренъ въ томъ, чтобы они могли остаться. Ils se verront bientôt depassés, и тогда Богъ знаетъ что̀ будетъ... Имя Марраста (редактора National) и другаго редактора de la Reforme (Flocon, кажется) и ремесленника

---

[1]) Съ чего это взяли всѣ журналы? Авт.

[2]) Слишкомъ поздно.

Альбера, особенно послѣдняго, знаменательно и многозначительно. Франція 1848 года начинаетъ съ того, чѣмъ только кончила Франція 1789 года послѣ трехъ лѣтъ попытокъ и пробъ. Начинается царство народа, такъ называемыхъ sarasités... Увидимъ. По моему мнѣнію, все это рановременно и ни къ чему доброму повести не можетъ.

Правительство, возникающее подъ выстрѣлами и поднятыми саблями, погибнетъ отъ нихъ-же. Замѣчательно сближеніе, не знаю—умышленное-ли, сдѣланное въ „Сѣверной Пчелѣ“ (№ 41, февраль, 23, понедѣльникъ, стр. 162, въ смѣси): это извѣстіе о просьбѣ марсельскаго палача въ палатѣ депутатовъ о принятіи улучшенной имъ гильотины, посредствомъ которой можно будетъ казнить разомъ до десяти преступниковъ, щадя ихъ отъ ужасовъ видѣть казнь другихъ. Я объ этомъ не читалъ нигдѣ въ иностранныхъ газетахъ французскихъ. Если это выдумка „Сѣверной Пчелы“, то она крайне неумѣстна и въ дурномъ тонѣ. Можно утвердительно сказать, что весь настоящій переворотъ есть слѣдствіе книги Луи-Блана: „Dix ans“, обнаружившей безпощадно всю безнравственную сторону іюльскаго правительства. Жирондисты Ламартина также много распалили воображеніе молодаго поколѣнія, особенно женщинъ. На нихъ лежитъ страшная отвѣтственность. Имя Дюпона де-Л'ёра, полагаю, рѣшительно вышло наружу по милости Блана, представившаго его какимъ-то героемъ древнихъ республикъ. Я признаюсь, ничего не нахожу. Увидимъ, что сдѣлаютъ съ Луи-Бланомъ новые правители и попадетъ-ли онъ во что-нибудь въ народномъ переворотѣ послѣ своего памфлета contre la bourgeoisie [1]). Это нѣкоторымъ образомъ укажетъ чего должно ждать. Я убѣжденъ, что буржуазія, т. е. богатство, всплыветъ снова и все захватитъ. Мнѣ уже не понравился первый фактъ, что народъ пошелъ къ Ротшильду, заставилъ его освѣтить домъ и кричать: „vive la réforme“ [1]) и пр. Это значитъ невольное сознаніе значенія и силы богатства. Если-же шли грабить, какъ говорятъ, то еще хуже. Нетерпѣливо тоже желаю знать—кто и что причиною истребленія будто пожаромъ Пале-Рояля и ограбленія Тюльери, т. е. случай, буйство, неистовство или желаніе грабить? Если правда послѣд-

[1]) Да здравствуетъ переворотъ.

нее, то чего ждать отъ революціи, начинающей грабежомъ и пожаромъ!

При осадѣ Тюльери въ 1792 году, вѣшали за воровство подсвѣчника. Это не должно забывать французамъ. Я вообще сомнѣваюсь, чтобы единодушно во всемъ государствѣ была признана республика... Никто не приготовился, не ожидалъ, застало всѣхъ врасплохъ... Сама оппозиція не мечтала... Нѣсколько радикаловъ можетъ, статься, помышляли, внутренно не надѣясь... И въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ-ли положеніи развращенные и изнѣженные удобствами нынѣшняго комфорта люди, люди торговцы и чувственники, чтобы помышлять о республикѣ... Это вещь не своевременная и едва-ли во Франціи когда-либо, прежде 100 лѣтъ, возможная. У нихъ у всѣхъ въ крови аристократизмъ и изящество формъ; нѣтъ простоты нравовъ, нѣтъ спокойствія и стойкости. Желаю обмануться въ моихъ предположеніяхъ. Если они будутъ продолжать какъ начали, то ожидать должно эмиграціи богачей, буржуазіи. Останутся чернь и ci-devant aristocrates, которымъ терять, кажется, много нечего. Имъ можетъ быть предназначена великая роль примиренія народа съ аристократіею и облагороженіе его дикости и кровожадности. Во всякомъ случаѣ, это было-бы два чистѣйшихъ элемента во Франціи. Буржуазія если останется и захватитъ власть (что крайне вѣроятно)—развратитъ все вновь, хоть и не скоро. Увидимъ, что скажутъ въ новой конституціи о религіозномъ вопросѣ... вѣроятно, всѣ религіи будутъ терпимы и ни одна не назовется „religion de la majorité des français“ [1]), какъ было въ хартіи 1830 года, оказавшейся уже не „правдою“ послѣ 17-ти лѣтъ и 6-ти мѣсяцевъ. Я предвижу великія вещи въ этомъ отношеніи и не удивлюсь, если провозглашена будетъ „натуральная религія“ или что-нибудь въ этомъ родѣ...

Сегодня уже положительно разсказываютъ о повелѣніи сблизить войска къ границамъ и даже о приказѣ идти гвардейской кавалеріи легкой. Если это только демонстрація, мѣра осторожности противъ покушеній, то сказать нечего. Но если это рѣшенный планъ пособлять Австріи и защищать ее противъ ломбардцевъ... Въ это время, какъ пишу, можетъ быть, нѣтъ уже

[1]) Религія большинства французовъ.

нѣмцевъ въ Италіи. Но если это зародышъ коалиціи 1790-хъ годовъ? Неужели мы втунѣ читали и учили исторію... тогда можно будетъ сказать: nous n'avons rien appris et tout oubliés [1]). Безъ сомнѣнія, Англія признала уже или признаетъ республику... Италія тоже. Бельгія, говорятъ, сама уже провозгласила себя республикою; мелкія нѣмецкія государства представительныя— тоже... Остаются: Испанія (которая, вѣроятно, сама кончитъ тѣмъ-же не нынѣче—завтра); Пруссія (у которой рейнскія провинціи и Польша); Австрія, у которой Польша и Ломбардія... Остаемся мы одни, можно сказать, отъ голоса которыхъ рѣшится участь всего міра. Если мы признаемъ республику (разумѣется, признанную Франціею) и объявимъ ей, что будемъ пріятелями, буде она не вмѣшается въ чужія дѣла, то дѣла въ Европѣ могутъ пойти еще кое-какъ... но если-же нѣтъ и мы составимъ коалицію съ Австріею и Пруссіею, то нельзя предвидѣть конца бѣдствіямъ... ce sera un embrasement et conflagration générales [2]). Спокойствіе государя и умѣренность его выраженій при объявленіи о случившемся, наконецъ, обдуманность и умѣренность газетъ, представляютъ нѣкоторыя ручательства. Дай Богъ, чтобы такъ продолжалось. Военная молодежь, напротивъ, куражится и бушуетъ... также было и въ Пильницѣ и въ Кобленцѣ. Знаю только, что Луи-Филиппъ не вмѣшается ни во что явно и не попроситъ сажать внука его на престолъ. Къ счастью-же, его и не жалуютъ самого. Онъ будетъ сидѣть у моря и ждать погоды. Графъ Парижскій еще ребенокъ и можетъ ждать лѣтъ десятокъ и побольше... много еще воды утечетъ... Погубилъ себя старикъ и всѣхъ ни за грошъ... онъ могъ спокойно умереть въ Тюльери, это вѣрно, и похороненнымъ быть въ Дрё, въ приготовленной имъ для себя могилѣ. Тяжело будетъ умирать ему, изгнаннику... Разсказываютъ, что депеша его отъ 24-го числа къ королю прусскому заключалась въ двухъ строкахъ: „sire, mon frère, j'ai abdiqué. Que Dieu vous garde“ [3]). Ужъ точно, да сохранитъ Господь! Каламбуръ многозначащій.

---

[1]) Мы ничему не научились и все позабыли.

[2]) Настанетъ всеобщее смятеніе, всеобщее волненіе.

[3]) Ваше величество, братъ мой. Я отрекся отъ престола. Да сохранитъ васъ Господь.

Переводъ Пушкина на нѣмецкій языкъ.

Пушкинъ, А. С. Въ мартовской книжкѣ (1848 г.) „Современника", по случаю разбора появившейся книги К. Павловой, урожденной Янишъ, „Двойная жизнь", замѣчено, что она извѣстна, между прочимъ, какъ переводчица нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина на нѣмецкій языкъ. Какія именно, когда и гдѣ напечатаны — не сказано. Нужно спросить мужа ея Н. Ф. Павлова.

Насчетъ перевода ея пушкинскихъ стихотвореній, изъ которыхъ мнѣ извѣстны только „Полководецъ" (въ „Отечественныхъ Запискахъ", іюнь, 1839 г.), мнѣнія чрезвычайно раздѣлены. Кажется, она перевела тоже Лермонтова „Послѣднее новоселье" на французскій языкъ. Здѣсь кстати замѣтить, что въ новомъ изданіи Лермонтова Смирдинымъ, „Русскіе классики", эта пьеса напечатана неисправно, и что листокъ этотъ былъ перепечатанъ, но не извѣстно, доставленъ-ли всѣмъ подписчикамъ и купившимъ эту книгу. Не знаю даже—всѣми-ли замѣченъ пропускъ и ошибка.

Письмо Жуковскаго и манифестъ 14-го марта 1848 г. по поводу февральскихъ событій.

Теперь всѣ умы заняты двумя печатными документами: а) письмомъ русскаго изъ Франкфурта, напечатаннымъ въ 57-мъ № „Сѣверной Пчелы", приписываемымъ Жуковскому, и b) высочайшимъ манифестомъ отъ 14-го марта. Въ первомъ поразило многихъ выраженіе, что мы должны оградить себя отъ внѣшней заразы Китайскою стѣною и что не будемъ отброшены въ Азію, какъ кричатъ нѣмецкіе журналы; въ послѣднемъ фраза: „Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и Нашей, Богомъ намъ ввѣренной, Россіи".

Цензурный комитетъ.

24-го марта 1848 г.

Въ мартовской книжкѣ (1848 г.) „Сѣвернаго Обозрѣнія", по случаю выхода въ свѣтъ новаго изданія (Смирдина) сочиненій Лермонтова, находится оцѣнка сего поэта. Между прочимъ, говорится, что извѣстность его началась пѣснью, раздавшеюся надъ могилою могучаго его предшественника, никогда не напечатанною. Это намекъ на оду, по случаю смерти Пушкина, оканчивавшеюся словами: „и вы не смоете всей вашей черной кровью поэта пламенную кровь", за которую, будто-бы, Лермонтовъ былъ переведенъ на Кавказъ изъ гвардіи. Удивительно, какъ при теперешней строгости цензуры могъ пройти этотъ намекъ. Учрежденіе тайнаго комитета (тайнаго на бумагѣ) для цензуры, подъ предсѣдательствомъ кн. Меншикова (морскаго министра, сдѣлавшаго себѣ имя остротами, каламбурами и вольнодумными выходками), изъ гг. Корфа, Модеста Андреевича, члена государственнаго совѣта, Павла Ивановича Дегая, сенатора, и графа Александра Григорьевича Строгонова (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ), начинаетъ свои дѣйствія тѣмъ, что въ той-же книжкѣ „Сѣвернаго Обозрѣнія" не пропущена статья „Орфеи", юмористическая, и на особой страницѣ крупными словами сказано: „не могла быть напечатана по независящимъ отъ редакціи причинамъ" (sic)! Увидимъ, что̀ будетъ дальше.

24-го апрѣля 1848 г.

Секретный комитетъ измѣнился въ своемъ составѣ. Окончивъ пересмотръ журналовъ за послѣднее время, призвавъ редакторовъ и сдѣлавъ имъ внушеніе и наставленіе „какъ и что писать", предсѣдателемъ сдѣланъ директоръ библіотеки публичной (никѣмъ не посѣщаемой), членъ государственнаго совѣта, Д. П Бутурлинъ (авторъ Исторіи 1812 года, на французскомъ языкѣ, и Исторіи смутнаго времени), принадлежащей, какъ въ свѣтѣ думаютъ, не знаю почему, къ русской партіи... Сей мужъ обязанъ подавать, будто-бы, еженедѣльно замѣчанія обо всемъ напечатанномъ... да объ чемъ-же? Кто-же и что пишетъ теперь кромѣ льстивыхъ, ложныхъ и угождающихъ статей, напол-

ненныхъ грубыми, неприличными выходками противъ всего дѣлающагося въ Европѣ..... Хотѣли отдать подъ сюркупъ Башуцкаго за то, что въ одномъ нумерѣ „Иллюстраціи“ статьи о постѣ и молитвѣ раздѣлены портретомъ піанистки Софіи Бореръ, что найдено высшимъ неуваженіемъ къ святынѣ. Вотъ каковы! Краевскій, говорятъ, на волоскѣ; у Никитенко отнята, будто, редакція „Современника“; „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ данъ съ 9-го апрѣля цензоръ, чего прежде не было. Редакторъ Очкинъ будетъ, яко-бы, отставленъ. Журналисты въ отчаяніи—какъ довести до окончанія года свои дѣла....

Явочное челобитье холопа на своего боярина [1])

1709 г.

Въ ноябрѣ 1709 года билъ челомъ въ московскомъ судномъ приказѣ Илья Григорьевичъ Сандыревъ о дачѣ ему крѣпости на его человѣка Іуду Гурьева съ женою и дѣтьми по отпускной князя Петра Михайловича Долгорукого; въ свою очередь, Іуда Гурьевъ на судѣ объяснилъ, что онъ поступилъ на службу къ Сандыреву въ мартѣ того-же года какъ вольный человѣкъ, и рядился служить на годъ, а отпускную свою онъ далъ Сандыреву вмѣсто порукъ, крѣпости-же на себя дать вовсе не хотѣлъ.

Несмотря на это объясненіе, по приговору боярина Алексѣя Петровича Салтыкова, Іуда былъ битъ кнутомъ и крѣпость на него Сандыреву была выдана. Тогда Гурьевъ подалъ въ московскій судный приказъ челобитную, въ которой писалъ:

„Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Въ прошломъ, государь, въ 1704 году, вѣдомо буди, на Москвѣ живетъ стольникъ Илья Григорьевъ сынъ Сандыревъ, а на службу твою великаго государя не ходитъ, сказываетъ, что нога болитъ, а лекарей къ ногѣ никого не приводитъ. А знатно, что онъ ногу затравливаетъ, не хотя быть на службѣ твоей государевой, все дома лежитъ, Богу не молится, все пьетъ; зачнетъ съ половина дня пить, да и всю ночь пьетъ, и ходитъ всю ночь по сѣнямъ съ передняго крыльца на

[1]) Москов. Арх. М-ва Юст. Разрядныя вязки, № 4.

заднее, и сторожамъ дву человѣкамъ все велитъ по двору ходить съ копьемъ, да съ бердышемъ. А когда Богу молится, никто не видаетъ, и не ходитъ въ церковь Божію къ вечернѣ, и къ заутренѣ, и къ обѣднѣ въ воскресные дни, и въ праздники Господскіе, и въ Свѣтлое Воскресенье не ходитъ и жены не пускаетъ молиться. А ему, государь, подобаетъ безпрестанно за государское здравіе Бога молить! И никто его и жены его не видали въ церкви Божіей или гдѣ въ людѣхъ или у него кто былъ въ дому: и ворота обои велитъ запирать и не велитъ людей своихъ пускать и въ день. А какую онъ, Илья Григорьевъ, сынъ Сандыревъ вѣру вѣруетъ, Богъ вѣсть, потому что по вся дни обѣдни и въ праздники все просыпаетъ. А буде кто станетъ приказныхъ людей спрашивать изъ приказовъ, и онъ дома не велитъ сказывать, сказывайте де, что стольникъ на службѣ. А какъ напьется пьянъ, только людей бьетъ, да мучитъ. Всемилостивѣйшій государь! прошу вашего величества, вели государь, взять въ приказъ его, Илью Григорьева, сына Сандырева, да которыя у него вверху живутъ: баба Авдотья, да трехъ дѣвокъ Степаниду, да Окулину, да Маланью, и допросить, что отъ его рукъ померло дворовыхъ людей и крестьянъ отъ его битья; будетъ, что онъ, Илья, скажетъ бабѣ и дѣвкамъ не велитъ сказывать, прикажи, государь, ихъ пытать, чтобъ правду сказали и не запирались, сколько отъ его рукъ людей померло. А хотя-бы онъ, Илья Григорьевъ сынъ, и ногою худо ходилъ, а въ приказѣ-бы явился, а то никому не кажется. Прикажи, государь, отъ него, Ильи Григорьева, сына Сандырева, съ женою и съ дѣтьми и съ рухлядью! А мнѣ у него жить, государь, такое-же мученье принять, что бабѣ и дѣвкамъ его: на всякіе сутки бьетъ и мучитъ по дважды и по трижды, и такою-же смертью умереть, что и прежніе его люди. Вашего величества нижайшій рабъ Іуда Гурьевъ. 709 ноября въ—день. Къ сей челобитной Іюда Гурьевъ сынъ руку приложилъ".

Помѣта внизу челобитной: „1709 года ноября въ 9-й день. По указу великаго государя, бояринъ Алексѣй Петровичъ Салтыковъ съ товарищи сіе челобитье и того человѣка Іюду Гурьева приказалъ отослать въ разрядъ съ памятью".

Разрядная помѣта: „Записавъ, взять къ списку и того человѣка привесть и роспросить и выписать; а Сандырева поставить къ смотру и роспросить и выписать-же".

Дальнѣйшаго производства по этому дѣлу пока не найдено.

Сообщ. А. Востоковъ.

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

къ Н. М. Бердяеву, екатеринославскому военному губернатору,

1796 — 1797 гг.

Спб., 21-го декабря 1796 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. При нынѣшнемъ отправленіи вашемъ къ мѣсту, вамъ ввѣренному, нужнымъ почитаемъ предписать вамъ, чтобъ всѣ нижніе военные чины, которые по прежнимъ злоупотребленіямъ найдутся у кого-либо по домамъ, дачамъ и деревнямъ въ разныхъ партикулярныхъ услугахъ и употребленіяхъ, какъ нѣискорѣе собраны были къ ихъ полкамъ и командамъ, и чтобъ впредь отнюдь никто не осмѣливался людей военныхъ употреблять въ свои услуги и работы, зачѣмъ вы по званію своему наблюдать не оставьте.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Спб., 17-го генваря 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и новороссійскій губернаторъ Бердяевъ. Инженеръ-капитана Игнатьева, бывшаго въ вознесенской казенной палатѣ совѣтникомъ и недавно умершаго, вдовѣ Надеждѣ Игнатьевой, которая ново-московскому казенному магазейну осталась должна разнаго хлѣба до шестидесяти четвертей, сей долгъ всемилостивѣйше прощаемъ, повелѣвая онаго съ нея не взыскивать.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Спб., 27-го генваря 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Препровождая при семъ прошеніе, дошедшее къ намъ отъ славянина Бечича, содержащее жалобу на находящихся въ Черноморскомъ греческомъ дивизіонѣ маіоровъ Бечилли и Буа, которые, во время служенія ихъ въ послѣднюю войну на флотѣ нашемъ въ Средиземномъ морѣ, будто-бы продали просителя съ двѣнадцатью его товарищами въ неволю, изъ коей онъ родственникомъ его искупленъ, а прочіе понынѣ въ оной страдаютъ, повелѣваемъ вамъ, отыскавъ къ себѣ какъ жалобщика, такъ и отвѣтчиковъ, изслѣдовать сіе дѣло и, приведя оное въ ясность, намъ донести, въ удовлетвореніи-же обиженнаго и въ наказаніи виновныхъ поступить по законамъ.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Спб., 30-го генваря 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Увидѣли мы, что издавна отпущается ежегодно семьдесятъ пять тысячъ на содержаніе албанцевъ, поселенныхъ въ Екатеринославской губерніи, для чего, желая узнать о точномъ существѣ, числѣ и мѣстѣ ихъ пребыванія, повелѣваемъ вамъ, справясь обо всемъ предписанномъ, намъ не медля донести.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Спб., 2-го февраля 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Узнавъ о смерти запорожскихъ казаковъ войсковаго старшины Чепѣги, повелѣваемъ вамъ, избравъ на мѣсто его достойныхъ каидидатовъ, донести намъ.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Спб., 8-го февраля 1797 г. [1]).

По полученнымъ, Николай Михайловичъ, отъ Оболенскаго извѣстіямъ долженъ быть какъ въ Крыму, такъ и у васъ по губерніи заговоръ между татаръ и турковъ, о чемъ получите отъ генералъ-прокурора свѣдѣніе, то и имѣйте о семъ наблюденіе и назначенныхъ Оболенскимъ людей заарестуйте, возьмите должныя мѣры и наблюдѣнія, имѣйте доносы о всемъ мнѣ.

Вашъ благосклонный Павелъ.

---

[1]) Все письмо писано имп. Павломъ собственноручно.

Спб., 27-го февраля 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По поводу послѣдняго рапорта вашего нужнымъ нахожу дать вамъ примѣтить, что донесенія ко мнѣ о состояніи крѣпостей, по силѣ военнаго устава, относятся безпосредственно до комендантовъ тѣхъ крѣпостей.

Вашъ благосклонный Павелъ.

Павловское, 2-го марта 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Взятыхъ вами подъ караулъ вслѣдствіе доносу губернатора князя Оболенскаго всѣхъ выпустить, ибо ни заговоръ, ни подозрѣніе не существуютъ. Обозрѣніе губерніи вашей находя нужнымъ, позволяю вамъ оное произвести въ дѣйство.

Пребывая вамъ благосклоинный Павелъ.

Павловское, 3-го марта 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Изъ рапорта дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Оболенскаго усмотрѣвъ, что онъ отправилъ къ вамъ подъ стражею грека Панаіоти и переводчика Пасхали, повелѣваемъ вамъ отпустить оныхъ къ прежнимъ ихъ должностямъ, объявя имъ, что мы не полагаемъ, чтобъ они имѣли какой-либо умыселъ въ лживыхъ переводахъ присланныхъ къ намъ бумагъ княземъ Оболенскимъ, но что сіе могло только случиться оть невѣдѣнія ихъ татарскаго и турецкаго языковъ, подтверждая имъ поступать впредь съ большею осмотрительностію въ дѣлахъ, имъ поручаемыхъ. Бумаги-же, присланныя съ переводчикомъ Пасхали, имѣете прислать къ намъ.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Валдай, 12-го марта 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Донесеніе ваше отъ 5 марта получилъ, поселенные въ Тавріи греки, названные Греческимъ егерскимъ баталіономъ, остаются въ разсужденіи жалованья, имъ опредѣленнаго, на прежнемъ положеніи. Провіантъ-же имъ производить сообразуясь съ ихъ основаніемъ.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Тверь, 14-го марта 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. По присланному отъ васъ списку найденнымъ въ партикулярныхъ услугахъ воинскимъ

нижнимъ чинамъ, возьмите немедля нимало безъ зачету рекрутъ: съ тайнаго совѣтника Попова одного, съ коллежскаго ассесора Цнихина одного, съ генералъ-маіорши Синельниковой двухъ, съ казенной деревни Волоской одного, съ генералъ-маіора Сталя пять, съ маіора Клейна три, съ порутчика Панкратьева одного и генералъ-лейтенанши Гейкиной семь.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Москва, 21-го марта 1797 г. [1]).

По присланному отъ васъ донесенію, Николай Михайловичъ, нѣтъ сумнѣнія о выборѣ въ войсковые атаманы Головатаго, (въ) чемъ его и утверждаю, о чемъ и указъ даю.

Вашъ благосклонный Павелъ.

Москва, 31-го марта 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По рапорту вашему отъ 12-го сего мѣсяца я предписалъ генералъ-лейтенанту херсонскому коменданту графу Де-Витту пойманныхъ изъ бѣговъ Херсонскаго гренадерскаго полку казначея Липоля, адъютанта Алексѣева и унтеръ-офицеровъ Васильева, Леонтьева и Лукьянова за похищеніе казны, побѣгъ и смертоубійство предать на мѣстѣ воинскому суду для поступленія съ ними по всей строгости законовъ.

Пребываемъ вамъ благсклонны Павелъ.

Москва, 19-го апрѣля 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. По дѣлу Обескому нарядить военный судъ, составя его изъ военныхъ и изъ морскихъ, и производить надъ всѣми тѣми, на коихъ были и есть доносы, стараясь какъ возможно найти и обнаружить совершенно виновныхъ и тѣхъ, кои оклеветаны были ложными доносами.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Троице-Сергіева лавра, 24-го апрѣля 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Изъ находящихся въ губерніи, вамъ ввѣренной, казенныхъ строеній, тѣ, которыя за помѣщеніемъ присутственныхъ мѣстъ останутся праздны, повелѣваемъ обратить на казармы для воинскихъ чиновъ или на шпитали и тому подобное, донеся намъ гдѣ, какія и на что именно употреблены будутъ.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

---

[1]) Все письмо писано имп. Павломъ собственноручно.

Москва, 30-го апрѣля 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Новомиргородскаго уѣзда деревни Новогригорьевскую и Сердечную, умершимъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ подаренныя племянницѣ его княгинѣ Голицыной, рожденной Энгельгардтъ, и потомъ, какъ она въ прилагаемомъ у сего поданномъ намъ прошеніи доноситъ, сенатомъ за нею утвержденныя съ принадлежащими къ нимъ дачами всего пять тысячъ четыреста девяносто десятинъ, повелѣваемъ отдать ей, княгинѣ Голицыной, во владѣніе, а о числѣ собранныхъ съ 791-го года по нынѣ съ тѣхъ деревень доходовъ и куда оные поступили намъ донести.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Смоленскъ, 6-го мая 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Препровождая при семъ прошеніе, поданное въ проѣздъ мой чрезъ Вязьму, отъ тамошняго мѣщанина Чамова съ жалобою на волокиту, какая дѣлается ему екатеринославскою гражданскою палатою по дѣлу его съ умершимъ Фалѣевымъ, повелѣваемъ вамъ понудить кого слѣдуетъ о немедленномъ рѣшеніи сего дѣла и о доставленіи обиженному законнаго удовлетворенія, не оставя безъ должнаго взысканія и тѣхъ, кто причиною таковой волокиты и неисполненія прежнихъ по тому дѣлу указовъ.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

20-го мая 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Въ резолюцію на рапортъ вашъ отъ 18-го апрѣля о состояніи города Одессы предписываю слѣдующее: первое: когда жители сего города по родамъ и званіямъ ихъ уже сочтены и переписаны, то и въ новой ревизіи не настоитъ никакой надобности; второе: грековъ, албанцевъ, молдаванъ, болгаръ и прочихъ иностранцевъ, причисля въ купцы и мѣщане, кто изъ нихъ въ какое состояніе по капиталамъ, промысламъ и ремесламъ своимъ записаться пожелаетъ, учредить для нихъ магистратъ на томъ самомъ основаніи, какъ оный существуетъ въ нѣмецкихъ нашихъ городахъ: Ригѣ, Ревелѣ и тому подобныхъ; греки-же хотя и могутъ быть вѣдомы особо избранными изъ ихъ рода магистратскими судьями, но состоять должны въ зависимости общаго городоваго магистрата и не по примѣру нѣжинскаго, который имѣетъ собствен-

ныя свои древнія привилегіи, кои жителямъ одесскимъ присвоены быть не могутъ; третье: войска черноморскаго старшинъ и казаковъ, которые уже въ Одессѣ завели хозяйство и домостроительство, сходно съ ихъ желаніями оставить тутъ навсегда и изъ войска черноморскаго исключить, землею-же долженствуютъ они довольствоваться вообще съ прочими обитателями города Одессы, коему по примѣру прочихъ назначить узаконенную препорцію выгодныхъ земель, а тѣмъ изъ нихъ, которые объявили желаніе переселиться на пожалованныя черноморскому войску земли въ Фанагоріи, дозволить таковое переселеніе, что-же касается до неполученныхъ всѣми рядовыми казаками за работы и за кампанію 1795 года денегъ трехъ тысячъ двухъ сотъ девяноста трехъ рублей, какъ суммы для того отпускались въ распоряженіе бывшаго екатеринославскаго генералъ-губернатора князя Зубова, то и взыскать оныя деньги изъ имѣнія его, князя Зубова, безъ малѣйшаго продолженія времени, и по взысканіи раздать оныя кому что слѣдуетъ; четвертое: Греческій дивизіонъ совсѣмъ уничтожить, исчислявшихся въ ономъ обратить въ то состояніе, кто куда вписаться пожелаетъ; пятое: изъ числа безпаспортныхъ бродягъ, изъ разныхъ мѣстъ и въ разныя времена бѣжавшихъ, оказавшихся по разбору вашему купцовъ, мѣщанъ и другихъ вольныхъ людей оставить въ Одессѣ, причисля ихъ по ихъ званіямъ и состояніямъ, крестьянъ-же казеннаго вѣдомства и помѣщичьихъ возвратить на прежнія жилища, а буде первыхъ селенія, а послѣднихъ владѣльцы ихъ принять не пожелаютъ, въ такомъ случаѣ оставить и сихъ въ Одессѣ; шестое: сохраненіе въ городѣ всякаго порядка и тишины относится къ военному коменданту, коего званіе пріемлетъ на себя начальникъ того полку, который тутъ непремѣнныя квартиры имѣетъ. Полиціймейстеромъ-же въ семъ городѣ быть избранному вами бывшаго черноморскаго гренадерскаго корпуса маіору Кирьянову.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Рига, 23-го мая 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Находящагося въ Одессѣ греческаго архимандрита Валсамаки по прошенію его повелѣваемъ уволить съ абшитомъ въ Букарестъ къ мѣсту, которое ему тамъ синайскимъ архіепископомъ назначено.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Вольмаръ, 24-го мая 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Я получилъ единовременно три прошенія отъ офицеровъ Сибирскаго гренадерскаго полку, а именно: подпоручиковъ Карели и Маркелова и прапорщика Писаренкова о причисленіи ихъ по прежнему въ Бѣлозерскій мушкетерскій полкъ. Отказавъ имъ въ таковомъ недѣльномъ прошеніи, арестовать ихъ не надолго [1]), объ ономъ васъ извѣщаю.

Пребывая впрочемъ вашъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 29-го мая 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Въ резолюцію на рапортъ вашъ отъ 1-го сего мая предписываю: находящагося въ Николаевѣ турка Ибрагима возвратить безпрепятственно въ его отечество, подаря ему тѣ деньги триста двадцать рублей, кои ему изъ казны заимообразно выданы были.

Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 1-го іюня 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Полученную мною отъ находящагося въ Ладожскомъ мушкетерскомъ полку священника Григорьева жалобу на шефа того полку генерала-маіора Шишкова препровождаю при семъ къ вамъ въ оригиналѣ для надлежащаго по инспекторскому вашему званію изслѣдованія прекращенія злоупотребленій, есть-ли подлинно какія въ помянутомъ полку найдутся, и доставленія просителю справедливой защиты и удовлетворенія.

Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Павловское, 6-го іюня 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Изъ приложеннаго при семъ письма увидите, что венгерскій дворянинъ Монастерли со всею своею фамиліею, въ двадцати душахъ состоящею, выѣхалъ въ нашу имперію, желая основать въ ней вѣчное пребываніе и въ нашемъ подданствѣ остаться. Мы всемилостивѣйше снисходя на прошеніе сей фамиліи, повелѣваемъ вамъ отвесть ей мѣста и земли свободныя и для нихъ

[1]) Напечатанныя разрядкою слова приписаны собственноручно императоромъ Павломъ.

способныя въ Екатеринославской губерніи по усмотрѣнію вашему, и при томъ объявить старику Монастерли, что дѣтей и племянниковъ его мы охотно примемъ въ нашу службу, какую они изберутъ въ лейбъ-гусарскомъ-ли или-же въ другихъ полкахъ, для чего и могутъ они пріѣхать въ здѣшнюю нашу столицу, а остающимся на мѣстѣ вы имѣете подавать всякое пособіе и покровительство.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Павловское, 7-го іюня 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и военный губернаторъ екатеринославскій Бердяевъ. Изъ приложеннаго при семъ въ копіи указа отъ насъ къ тайному совѣтнику Алопеусу посланнаго усмотрите, что дѣло настоитъ о переходѣ войскъ французскихъ, подъ командой принца Конде состоящихъ, въ нашу имперію; а какъ многіе изъ нихъ пожелаютъ, можетъ быть, основать у насъ свое поселеніе, а съ нимъ выѣдутъ и другіе оставшіеся въ вѣрности къ королю французскому и его дому, кои въ прежнее ихъ отечество возвратиться не смѣютъ; то мы для таковаго поселенія и назначаемъ въ новороссійской губерніи тѣ самыя земли, кои въ 1794 году на подобное употребленіе предопредѣлены были, и именно: близь Азовскаго моря между рѣки Берды и Молочныхъ водъ, гдѣ болѣе шести сотъ тысячъ десятинъ земли считается, разумѣя, чтобъ желающимъ селиться количество оной отводимо было участками, сообразно первоначальнымъ планамъ, для Новороссійской губерніи изданнымъ. Для новыхъ таковыхъ поселенцевъ потребна и помощь на обзаведеніе ихъ въ хозяйствѣ, которую и располагаемъ мы, первое: въ построеніи домовъ, второе: въ снабдѣніи скотомъ и деньгами на покупку необходимо нужныхъ земледѣльческихъ орудій и прочихъ домашнихъ надобностей. Что до перваго касается, мы будемъ ожидать отъ васъ увѣдомленія въ какую сумму обойдется таковой домъ для поселенца, располагая оный безъ излишества и принимая мѣры хозяйственныя для доставленія водою лѣсовъ и прочаго къ тому потребнаго, а равнымъ образомъ и относительно скота, ограничивая снабдѣніе онымъ всякаго полнаго хозяина въ двухъ лошадяхъ или кобылахъ, двухъ коровахъ и шести овцахъ, которыя въ донскихъ селеніяхъ или близь оныхъ по способности дешевыми цѣнами пріобрѣсть удобно; деньгами-же полагая на инструменты земледѣльческіе и всякія домашнія надобности на дворъ отъ двѣнадцати до пятнадцати рублей. Возвратъ такимъ образомъ употребленныхъ суммъ можетъ расположенъ быть на поселянъ по прошествіи двѣнадцати льготныхъ лѣтъ, разсчисляя оный съ податью на восемь

или на десять лѣтъ. На семъ основаніи мы будемъ ожидать отъ васъ подробнаго донесенія, какія сдѣлаете распоряженія къ производству того въ дѣйство, а между тѣмъ, есть-ли бы сіи колонисты явилися такъ скоро, что еще съ исполненіемъ того и успѣть было нельзя, въ такомъ случаѣ надобно вамъ принять мѣры къ расположенію ихъ по частямъ въ другихъ селеніяхъ, гдѣ удобнѣе и неотяготительно для обывателей найдете.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Павловское, 6-го іюня 1797 г.

Копія. Господинъ тайный совѣтникъ Алопеусъ. Въ 1794 году настояло дѣло о дачѣ убѣжища въ имперіи нашей принцу Конде съ фамиліею и подъ его начальствомъ служившимъ войскамъ, и въ то-же время назначены были мѣры къ переводу ихъ въ Россію. Предпріятія между тѣмъ усиленныя со стороны державъ, противу Франціи воевавшихъ, особливо-же вознамѣренная отъ Англіи диверсія на сѣверные французскіе берега и разныя другія обстоятельства, хотя и не лучшіе успѣхи принесшія, остановили исполненіе того, и деньги, на переходъ помянутаго принца и его войска отпущенныя, обращены были безплодно на новое его вооруженіе и содержаніе. Нынѣ, когда, съ приближающимся общимъ примиреніемъ. дѣла пріемлютъ иной видъ и когда принцъ Конде и подчиненные ему не имѣютъ другой цѣли, какъ искать для себя безопаснаго пристанища, мы не можемъ отказать имъ онаго въ предѣлахъ нашихъ какъ по сродному намъ человѣколюбію, такъ и изъ уваженія къ принцу Конде по его личнымъ качествамъ и по тому усердію, которое онъ и ему приверженные доказали до самой крайности къ законному ихъ государю и его дому; а потому чтобъ дѣло сіе наилучше распорядить, признали мы за благо поручить вамъ въ настоящихъ вашихъ путешествіяхъ по Германіи поѣхать къ принцу Конде, вручить ему прилагаемое у сего письмо и сообщить, что мы васъ уполномочили вступить съ нимъ въ соглашеніе и распорядить, когда и какимъ образомъ произвести въ дѣйство переселеніе его одноземцевъ. Въ ожиданіи покуда вы рѣшительно отъ него отберете желанія его, на первый случай сдѣлайте ему отъ имени нашего обнадеживаніе: 1-ое, что онъ и вся фамилія его приняты будутъ со всѣми принадлежащими породѣ и сану ихъ уваженіями, и что мы по возможности потщимся учинить ему выгодное пристроеніе. 2-ое, что войска его въ нашу службу приняты и наравнѣ съ нашими трактованы будутъ. 3-е, что для поселенія его одноземцевъ опредѣлятся земли, въ Новороссійской губерніи лежащія, тѣ самыя,

кои въ 1794 году были имъ назначены, съ надлежащею помощію въ устройствѣ ихъ домашнемъ и съ двѣнадцати-лѣтней льготою по установленіямъ о той губерніи, положенной для новыхъ поселенцевъ. 4-ое, что наконецъ и сумма, потребная на переходъ его войска, ассигнована будетъ въ ваше распоряженіе, какъ скоро узнаемъ отъ васъ, сколько именно потребно по вѣрному и подробному разсчету. Переходъ сей не инако можетъ имѣть мѣсто, какъ малыми партіями, достигая Галиціи, а оттуда вступая въ губерніи наши: Волынскую и Подольскую: для сего вы не оставите вступить въ сношеніе съ посломъ нашимъ въ Вѣнѣ графомъ Разумовскимъ, дабы получить дозволеніе пройти чрезъ земли императора римскаго, да и съ другими министрами, буде нужно, чтобъ одержать таковую-же свободу; но впрочемъ по полученіи отъ васъ обстоятельнаго донесенія, мы не преминемъ какъ означеннаго посла, такъ особливо нашихъ военныхъ и земскихъ начальниковъ снабдить потребными наставленіями относительно перехода и препровожденія сихъ войскъ.

Пребываемъ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственной его императорскаго величества рукою тако: Павелъ.

Павловское, 7-го іюня 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Получивъ изъ Чернигова рапортъ, что 17-го минувшаго маія прошелъ мимо того города по рѣкѣ Деснѣ водяною коммуникаціею, на девяти военныхъ баркасахъ, лейбъ-гвардіи прапорщикъ Демидовъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ изъ Брянска въ Херсонъ, и зная, что изъ полковъ гвардіи ни одного офицера нѣтъ ни въ какой командировкѣ, не могу домыслиться, кто-бы такой былъ вышесказанный плаватель, съ какимъ грузомъ и куда отправился и какая съ нимъ есть военная команда? И для того повелѣваю вамъ послать въ Херсонъ освѣдомиться подробно, что за человѣкъ означенный Демидовъ, съ чѣмъ, за чѣмъ и на какихъ судахъ онъ туда прибылъ и какая при немъ команда? И что явится—немедленно ко мнѣ донести. Павелъ.

Павловское, 11-го іюня 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Препровождая при семъ прошеніе бывшей польской службы поручика Ибрагимовича съ жалобою, что имѣніе умершаго въ Херсонѣ брата его полковника Ибрагимовича тамошнимъ начальникомъ отдано невѣдомо кому и по требованію литов-

скаго губернскаго правленія, не дано знать ни объ имени того, кто получилъ оное, ни въ чемъ точно состояло имѣніе, ему отданное, повелѣваемъ вамъ истребовать отъ кого слѣдуетъ подробное о семъ имуществѣ свѣдѣніе и доставить его прямо отъ себя къ генералъ-фельдмаршалу князю Рѣпнину.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Павловское, 21-го іюня 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и новороссійскій военный губернаторъ. Пріемля съ благоволеніемъ представленіе ваше относительно поселенія въ порученной вамъ губерніи открывшихся бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ до четырехъ сотъ человѣкъ, изъ коихъ большая часть совершенно къ воинской службѣ неспособныхъ, на пустопорожжихъ казенныхъ земляхъ, къ большимъ дорогамъ прилежащихъ особенными селеніями, устроя оныя на счетъ тѣхъ, у кого бѣглые сіи рекруты и солдаты укрывались, повелѣваемъ вамъ: во всемъ согласно сему вашему представленію приступить немедленно къ прочному ихъ на мѣстахъ удобныхъ водворенію, взыскавъ сверхъ того со всѣхъ владѣльцевъ, у коихъ сіи люди понынѣ укрывались и въ работахъ и въ услугахъ находились, за каждаго человѣка натурою по одному рекруту.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Павловскъ, 23-го іюня 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Донесеніе ваше отъ 5-го іюня я получилъ и апробую мѣры, вами предлагаемыя для починки казармъ въ городѣ Очаковѣ. Сдѣлайте смѣту, что будутъ стоить новыя и пришлите планъ мѣсту, признанному вами способнымъ для построенія оныхъ. Позволяю вамъ также расположить одинъ цѣлый полкъ или отъ двухъ по баталіону въ ближайшихъ отъ Очакова селеніяхъ. Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Петергофъ, 3-го іюля 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По содержанію рапорта вашего отъ 10-го іюня я не могу ничего инаго сказать вамъ, какъ только возложить на собственное ваше попеченіе и осмотрительность разборъ переселяющихся въ нашу имперію подданныхъ венеціанскихъ склавонцевъ, дабы подъ видомъ населенія добрыхъ и полезныхъ, не напустить бродягъ, а еще больше людей безпокойныхъ или подозрительныхъ или-же и правилами какими-либо неистовыми зараженныхъ. При

таковомъ разборѣ вы можете пріѣзжающимъ семействамъ назначить свободныя мѣста для поселенія въ околичности Одессы или-же и въ Крыму по сношенію вашему о томъ съ генераломъ отъ инфантеріи графомъ Каховскимъ, но въ томъ и другомъ мѣстѣ ничего имъ на заведеніе изъ казны не давать.

Пребываю впрочемъ вамъ благосклоннымъ Павелъ.

Петергофъ, 23-го іюля 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По обстоятельствамъ, изъясненнымъ въ рапортѣ вашемъ отъ 30-го іюня, повелѣваемъ Новомиргородскаго уѣзда деревень Новогригорьевской и Сердечной, подаренныхъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ племянницѣ его княгинѣ Голицыной, не отдавать ей, а оставить оныя въ нынѣшнемъ ихъ положеніи.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Павловскъ, 2-го августа 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По доходящимъ до насъ разнымъ извѣстіямъ заблагоразсудили мы предписать вамъ имѣть наблюденіе, чтобы со стороны турковъ не были дѣлаемы у насъ большія воинскія заготовленія какъ-то провіантомъ, такъ и другимъ чѣмъ, остерегаясь, однакожъ, всячески, чтобы торговлю не затруднить чрезмѣрно и не лишить чрезъ то нашихъ подданныхъ единаго и обыкновеннаго ихъ промысла.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Павловскъ, 5-го августа 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Вслѣдствіе получаемыхъ извѣстій объ усиливающейся моровой язвѣ, за-границу перешедшей, примите всевозможныя предосторожности отъ сего зла, подтвердивъ приказаніе по кордону и по карантинамъ.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Павловскъ, 16-го августа 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Пришлите мнѣ свѣдѣніе, есть-ли возможность помѣстить Сибирскій гренадерскій полкъ въ Екатеринославлѣ и въ окрестныхъ селеніяхъ по-ротно.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 29-го августа 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Донесенія ваши отъ 21-го августа я получилъ. Бунтующихъ казаковъ черноморскаго войска судить, поступая во всемъ по примѣру сдѣланнаго при покойной императрицѣ въ подобномъ случаѣ надъ донскими казаками, и прислать мнѣ на конфирмацію. Полкъ-же Вятскій мушкетерскій, для приведенія бунтующихъ скорѣй въ повиновеніе, можете оставить доколь нужда въ ономъ предвидиться будетъ.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 5-го сентября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и Екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Установленное вами управленіе надъ нагайскими татарами Джембулуцкой, Едисанской и Едичкулской ордъ мы апробуемъ, тѣмъ болѣе что таковымъ управленіемъ и сами нагайцы остаются довольны.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, 12-го сентября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Вы имѣете уже сообщеніе отъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія объ открывшейся заразительной болѣзни на прибывшемъ изъ Константинополя въ Одессу россійскомъ купеческомъ суднѣ «Св. Николай», изъ коего нѣсколько матросовъ со шкипером 22-го августа на шлюпкѣ бѣжали. Для соблюденія строжайшей предосторожности отъ внесенія сей смертоносной заразы внутрь предѣловъ нашихъ, повелѣваемъ принять всѣ надежныя мѣры, дабы вышепомянутые бѣжавшіе матросы со шкипером гдѣ-либо на берегахъ ввѣренной вашему наблюденію дистанціи выйтить и въ селеніяхъ пристанища взять не могли, но коль скоро покажутся, то, не допуская ихъ ни до малѣйшаго сообщенія, препроводить въ карантинъ, и какъ съ ними, такъ и вообще съ пріѣзжающими изъ турецкихъ предѣловъ поступать со всевозможною осторожностью по тѣмъ правиламъ и предписаніямъ, какія на подобные несчастные случаи предписаны, и о всемъ, что въ мѣстахъ вашего пребыванія происходить будетъ, намъ доносить.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, 22-го сентября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринсславскій военный губернаторъ Бердяевъ. Получивъ вновь донесенія о продолжаю-

щейся въ Молдавіи моровой язвѣ, которая распространяется къ сторонѣ Могилева, что на Днѣстрѣ, нужнымъ почитаю еще подтвердить вамъ о усугубленіи всевозможнаго бдѣнія и о принятіи строжайшихъ мѣръ осторожности пограничной, дабы сія зараза внутрь предѣловъ нашихъ, отъ чего Боже сохрани, прорваться не могла. О послѣдствіяхъ-же таковой осторожности, о всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ къ наблюденію оной и вообще о происшествіяхъ тамошняго края и объ извѣстіяхъ, вами изъ внѣ получаемыхъ, не оставьте намъ обстоятельно доносить.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, сентября... 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Донесенія ваши отъ 5-го сентября я получилъ. Апробую распредѣленіе, вами сдѣланное, земель для поселенія французскихъ выходцевъ. Признаю нужнымъ приступить къ приготовленію лесовъ (?), для чего распоряженія ваши сдѣлать вы имѣете, составя къ свѣдѣнію моему смѣту во что станутъ всѣ сіи поселенія.

Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 10-го октября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Получивъ прошеніе отъ бывшаго Греческаго полку поручика Страти объ увольненіи его по старости отъ службы съ пенсіономъ и объ отводѣ ему для фамиліи и родственниковъ его, изъ венеціанскаго владѣнія сюда переселяющихся, трехъ тысячъ десятинъ земли, въ мѣстахъ имъ означаемыхъ, препровождаю оное къ вамъ въ оригиналѣ съ тѣмъ, чтобы вы донесли мнѣ о качествахъ и службѣ просителя и чѣмъ его удовлетворить можно.

Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 10-го октября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По содержанію препровождаемаго при семъ прошенія, дошедшаго ко мнѣ изъ Одессы, отъ одного маіора бывшаго командиромъ надъ уничтоженнымъ Греческимъ дивизіономъ, о неполученныхъ тѣми греками понынѣ деньгахъ, еще въ въ 1795 году пожалованныхъ имъ какъ на хозяйственныя заведенія, такъ и на заимообразную ссуду, повелѣваю вамъ доставить ко мнѣ о сихъ деньгахъ надлежащее свѣдѣніе и объясненіе, почему оныя по сю пору не дошли до рукъ тѣхъ людей, коимъ были пожалованы?

Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 12-го октября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По случаю распространенія язвы въ окружностяхъ Каменца-Подольскаго, сверхъ тѣхъ предосторожностей, которыя уже отъ васъ предписаны, нужнымъ находимъ подтвердить вамъ о принятіи надлежащихъ мѣръ въ разсужденіи сообщенія пріѣзжающихъ съ той стороны и пропуску какъ товаровъ, такъ и почтъ, поступая въ осмотрѣ оныхъ по правиламъ карантинпымъ и употребляя всевозможное бдѣніе и попеченіе къ пресѣченію сей опасной болѣзни и къ недопущенію ея далѣе простираться.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, 18-го октября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Запретя нашимъ пограничнымъ начальникамъ вступать въ переписку съ министрами нашими безъ предварительнаго дозволенія нашего, имѣли мы свои достаточныя причины, министрамъ-же предоставили мы, по всѣмъ нужнымъ и службѣ полезнымъ дѣламъ, относиться къ пограничнымъ начальникамъ, увѣдомляя ихъ о всемъ происходящемъ, вслѣдствіе чего вамъ и не возбраняемъ, по текущимъ или время не терпящимъ дѣламъ, имѣть переписку съ сосѣдними начальниками, а особливо въ тѣхъ случахъ, гдѣ вы можете требовать исполненія трактатовъ; а таковую вашу переписку и отповѣди имѣете вы представлять при донесеніяхъ вашихъ на усмотрѣніе наше.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, 19-го октября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По рапорту вашему о жалобѣ, принесенной Портою Оттоманскою, на грабежъ, учиненный за Кубанью нашими казаками, какое послано отъ меня повелѣніе генералу отъ-инфантеріи графу Гудовичу прилагается при семъ копія, по содержанію коего равномѣрное обвѣщеніе сдѣлайте и въ черноморскомъ войскѣ и не оставьте имѣть и съ своей стороны должное о томъ наблюденіе.

Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 19-го октября 1797 г.

Копія. Господинъ генералъ отъ-инфантеріи графъ Гудовичъ. Вамъ уже сообщилъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ объ изслѣдованіи въ семейномъ казачьемъ Кубанскомъ полку, не изъ его-ли селеній сдѣланъ пере-

ходъ за Кубань трехсотъ человѣкъ, коими захвачено у поколѣнія, именуемаго „Демиръ Кеміои", пять тысячъ барановъ, а потому и подтверждаю вамъ таковое изслѣдованіе со всею должною строгостію и справедливостію учинить для наказанія виновныхъ и для возвращенія захваченнаго. Впрочемъ ради сохраненія сосѣдственнаго спокойствія, нужнымъ почитаю, чтобъ въ селеніяхъ какъ казачьихъ, такъ и другихъ пограничныхъ, объявлено было именемъ моимъ всѣмъ и каждому, что есть-ли впредь дойдутъ до меня на подобныя хищничества жалобы, я прикажу виновныхъ, въ примѣръ и страхъ прочихъ, отдать головою въ руки тѣмъ, на коихъ они набѣги дѣлали, а когда таковыхъ виновныхъ въ селеніяхъ скрывать будутъ, въ такомъ случаѣ принужденнымъ найдусь выдать изъ селенія, гдѣ виновные утаены, толикое число людей, сколько переходило на противную сторону, и то же количество общаго ихъ скота возвратить, каковое ограблено самовольцами. О семъ способѣ, необходимостію вынужденномъ, потщитеся внушить колико можно сильнѣе, дабы отвратить всякіе поводы къ ссорамъ съ сосѣдними народами и къ взаимнымъ съ ихъ стороны набѣгамъ, и о всѣхъ сего рода происшествіяхъ мнѣ доносите. Пребываю вамъ благосклонный.

Подлинный подписанъ собственною его императорскаго величества рукою тако: Павелъ.

Гатчино, 24-го октября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. За неисполненіе объявленной воли нашей, чтобъ воинскихъ нижнихъ чиновъ въ партикулярныхъ услугахъ не держать, капитана Якунина, колежскаго совѣтника Алтегтія, полковника Куликовскаго и корнета Чернова, взявъ подъ арестъ, отошлите подъ присмотромъ къ генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову второму. Пребываемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 26-го октября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Указомъ нашимъ, отъ 7-го іюня текущаго года къ вамъ посланнымъ, поручили мы вашему попечепію поселеніе французскихъ выходцевъ на земляхъ, лежащихъ около Азовскаго моря, между рѣки Берды и Молочныхъ водъ. Предоставляя окончаніе сего дѣла наилучшимъ вашимъ распоряженіямъ, повелѣваемъ держаться относительно раздѣленія земли на участки конфирмованному плану Новороссійской губерніи и, вступая въ сношеніе съ гражданскимъ губернаторомъ, требовать силой сею (?) зависящую отъ него помощь къ скорѣйшему и наилуч-

шему пристроенію помянутыхъ выходцевъ; изъ приложеннаго здѣсь списка съ указа, нынѣ-же отправляемаго къ нашему тайному совѣтнику Алопеусу, вы усмотрите какія мѣры брать вамъ надлежитъ къ отвращенію всякихъ неудобствъ по прибытіи тѣхъ выходцевъ. Оставляя въ полной силѣ указъ нашъ отъ 7-го іюня, мы ожидать будемъ вашихъ донесеній касательно распоряженій, дѣлаемыхъ вами какъ въ построеніи домовъ, такъ и обзаведеніи ихъ всѣмъ, въ помянутомъ указѣ имъ назначаемымъ; буде-же, по числу колонистовъ, въ землѣ покажется недостатокъ или же есть-ли оная мѣстами неудобна найдется по какимъ-либо причинамъ, мы вамъ дозволяемъ отводить ту-же самую пропорцію на каждаго хозяина въ другихъ мѣстахъ изъ земель, впустѣ и колико можно ближе къ назначеннымъ прежде лежащихъ, истребовавъ предварительно нашихъ повелѣній.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, 26-го октября 1797 г.

Копія. Господинъ тайный совѣтникъ Алопеусъ. Изъ списка указа, отъ насъ даннаго нашему генералу-лейтенанту Бердяеву отъ 7-го прошедшаго іюня мѣсяца, вы усмотрите подробно на какомъ положеніи принять мы положили въ предѣлы наши французскихъ поселенцевъ и какія имъ помощи и выгоды сдѣлать повелѣли съ самаго прибытія ихъ въ Россію; мы дозволяемъ вамъ о томъ извѣстить тѣхъ, которые пожелаютъ воспользоваться даруемымъ нами имъ убѣжищемъ.

Усмотрѣвъ изъ донесенія вашего отъ 5-го (16-го) сего мѣсяца, что множество французовъ какъ земледѣльцевъ, такъ и ремесленниковъ, бѣжавшихъ изъ своего отечества, желаютъ поселиться въ Россіи, уполномочивая васъ выдать подъ росписку каждому хозяину, разумѣется старшему въ семьѣ, съ женою и малолѣтними дѣтьми, отъ тридцати до пятидесяти рублей на проѣздъ ихъ до земель, имъ показанныхъ, холостымъ-же отъ двадцати пяти до тридцати рублей на человѣка, дали мы нынѣ-же указъ нашъ по поводу сего генералу-лейтенанту Бердяеву, въ спискѣ для вѣдѣнія вашего у сего приложенный. Отъ вашей осторожности и усердія зависѣть будетъ: во-первыхъ, чтобъ кромѣ самыхъ честныхъ и прямо добромыслящихъ людей не вкрались подъ именемъ поселенцевъ какіе-либо люди неспокойные или-же злонамѣренные, а во-вторыхъ: выдачу денежной помощи разложить по разнымъ городамъ пути, такъ, чтобъ иногда нѣкоторые изъ нихъ, взявъ оную, не вздумали по дорогѣ остаться гдѣ-нибудь и перемѣнить намѣренія

своего. Выходцамъ, коимъ отъ васъ будетъ сдѣлана денежная помощь, объявите, что тѣ деньги даются имъ заимообразно и что по прошествіи льготныхъ 12-ти лѣтъ тѣ, кои получатъ только то, что сказано въ указѣ къ генералу-лейтенанту Бердяеву отъ 7-го прошедшаго іюня мѣсяца, должны выплатить долги свои въ теченіе восьми или десяти лѣтъ; тѣхъ-же, которые сверхъ того еще отъ васъ получатъ нынѣ денежную помощь на проѣздъ, должны непремѣнно выплатить какъ сію сумму, такъ и употребленную на заведеніе ихъ въ теченіе 15 лѣтъ, разумѣя однакожъ по истеченіи первыхъ льготныхъ 12 годовъ. Мы повелѣли нашему тайному совѣтнику и государственному казначею барону Васильеву доставить къ вамъ на первое время сто тысячъ рублей, въ которыхъ обязаны вы прислать какъ прямо къ намъ, такъ и къ нему подробные отчеты, и которые назначаемъ для сего употребленія во ожиданіи отъ васъ донесеній сколько точно выходцевъ отправятся въ предѣлы наши, дабы въ случаѣ надобности перевесть еще къ вамъ сколько потребно будетъ денегъ. Поименныя списки выходцамъ и семействамъ ихъ, съ означеніемъ кто какого состоянія, поручаемъ вамъ прислать къ намъ по мѣрѣ отправленія ихъ и доставлять такіе-жъ къ генералу отъ инфантеріи Беклешову для препровожденія оныхъ въ назначенныя мѣста чрезъ губерніи, управленію вашему ввѣренныя, такъ и генералу-лейтенанту Бердяеву для принятія надлежащихъ мѣръ къ пристроенію ихъ сходственно намѣреніямъ нашимъ.

Мы ожидаемъ, что въ исполненіи порученнаго вамъ нынѣ дѣла сбережете поколику возможно выгоды нашей казны и тѣмъ удостоитесь нашего монаршаго благоволенія, и пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною его императорскаго величества рукою тако: Павелъ.

Собственноручная имп. Павла I приписка на особомъ листѣ:

„Прошу васъ изъ виду не выпустить того, что съ колонистами при Потемкинѣ здѣлалось, которые померли съ голоду и холоду.

Павелъ“.

Гатчино, 29-го октября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По донесенію вашему относительно французскихъ выходцевъ, какъ неизвѣстно еще точное ихъ число, то и предписалъ я съ нарочнымъ курьеромъ подполковнику князю Горчакову, чтобы онъ прямо къ вамъ доставилъ вѣрное свѣдѣніе

сколько по его счету семей и въ каждой обоего пола душъ выйдетъ въ Россію французовъ, разумѣя однихъ мастеровыхъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, кромѣ военнослужащихъ, а во ожиданіи таковаго свѣдѣнія, вамъ должно приступить къ нужнымъ заготовленіямъ для построенія имъ жилищъ, располагая селенія и въ нихъ число домовъ по своему усмотрѣнію и по лучшей удобности положенія мѣста. Но, между тѣмъ, покуда все устроено будетъ, выходцы сіи найдутся уже въ мѣстахъ своего назначенія, то и нужно вамъ теперь-же распорядить гдѣ ихъ на временное пребываніе помѣстить и какъ продовольствовать, донеся мнѣ о мѣрахъ, для сего вами принятыхъ и доставя счетъ, сколько хотя на первыя приготовленія и содержаніе ихъ потребно денегъ, дабы по прибытіи къ мѣсту не остались они внѣ всякаго призрѣнія.

Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 31-го октября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Разсмотрѣвъ представленныя отъ васъ справки по содержанію прошенія доктора Севи, повелѣваемъ назначенную ему въ Тавридѣ въ окружности татарской деревни Усеинъ-Аджи землю триста десятинъ, на которой онъ уже завелъ строенія и посадилъ нѣсколько тысячъ виноградныхъ лозъ, утвердить за нимъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, а капитану Саитъ-Агѣ отдать другія сто семь десятинъ, принадлежащія ему послѣ выѣхавшихъ за-границу братьевъ его Али-Аги и Муратъ-Мурзы; оставшіяся-же затѣмъ уже въ той окружности земли предоставить во владѣніе татарскимъ деревнямъ.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, 3-го ноября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Какое наставленіе заблагоразсудили мы дать нашему флигель-адъютанту и лейбъ-гвардіи коннаго полку ротмистру Кутузову при отправленіи его къ вамъ—для свѣдѣнія вашего въ копіи у сего прилагаемъ; мы надѣемся, что вы употребите съ вашей стороны всевозможныя средства къ скорѣйшему, выгоднѣйшему и для казны нашей неотяготительному устроенію всего потребнаго для французскихъ выходцевъ; вручитель сего будетъ вамъ наилучшимъ помощникомъ, ему-же отъ насъ поручается слѣдовать на встрѣчу къ помянутымъ выходцамъ и оныхъ довести до мѣстъ, къ принятію ихъ приготовленныхъ, а вы не оставьте сдѣлать съ вашей стороны нужныя

распоряженія соразмѣрно числу поселянъ, идущихъ для продовольствія ихъ какъ по пути, такъ и на первое время въ домашнемъ ихъ хозяйствѣ, доколѣ они трудами своими судя по времени въ состояніи будутъ себя кормить.

Объ успѣхахъ сего дѣла мы будемъ ожидать дальнихъ вашихъ донесеній, пребывая впрочемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Гатчино, ноября 1797 г.

Копія. Господинъ лейбъ-гвардіи коннаго полку ротмистръ Кутузовъ. По прибытіи вашемъ въ мѣсто пребываніе нашего генералъ-лейтенанта Бердяева, поручается вашему особливому попеченію распорядить пристроеніе французскихъ выходцевъ, о коихъ повелѣнія наши помянутому генералъ-лейтенанту во всемъ пространствѣ уже даны и которыя онъ сообщитъ вамъ. Вы изъ тѣхъ предписаній усмотрите, что мы назначили для таковыхъ поселенцевъ земли, лежащія около Азовскаго моря между Молочныхъ водъ и рѣки Берды, участки земли на каждый домъ повелѣли отводить, слѣдуя конфирмованному плану о Новороссійской губерніи; устроеніе жилищъ ихъ предоставили мы въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Бердяева по сношенію его съ гражданскимъ губернаторомъ; инструментами земледѣльческими повелѣли мы ему-же снабдить ихъ по возможности, а хозяйственная часть каждаго поселенца состоять имѣетъ—изъ двухъ лошадей, двухъ коровъ и шести овецъ на правилахъ нами принятыхъ относительно возвращенія употребленныхъ суммъ по прошествіи льготныхъ первыхъ 12-ти годовъ.

Изъ донесенія тайнаго совѣтника Алопеуса усмотрѣли мы, что принцъ Конде отправилъ, вслѣдствіе нашей съ нимъ переписки, нѣсколько особъ, въ спискѣ здѣсь для свѣдѣнія вашего приложенномъ поименованныхъ, для наилучшаго соображенія выгодъ ихъ соотчичей, въ предѣлы наши идущихъ, отъ коихъ узнаете вы для собственнаго вашего руководства и для донесенія намъ о числѣ выходцевъ и состоянія ихъ. Мы поспѣшаемъ отправить васъ, дабы вы, заставъ оныхъ еще тамъ, могли облегчить генералъ-лейтенанта Бердяева въ исполненіи воли нашей и отправиться, когда уже все готово будетъ къ принятію поселянъ, на встрѣчу къ нимъ, предпринявъ путь вашъ чрезъ мѣсто пребыванія генерала отъ инфантеріи Беклешева, которому указомъ нашимъ, отъ 26-го октября, повелѣли мы расположить до весны тѣхъ выходцевъ по губерніямъ, управленію его ввѣреннымъ, имѣя, между тѣмъ, сношеніе съ генералъ-лейтенантомъ Бердяевымъ объ успѣхахъ части,

ему порученной. Вашему-же попеченію мы предоставляемъ часто упоминаемыхъ поселенцевъ проводить до мѣстъ для жилища ихъ устроенныхъ и, сдавъ тогда всѣхъ гражданскому начальству, отправиться къ намъ. Доколѣ-же комиссія ваша будетъ продолжаться, а особливо по прибытіи на мѣсто, не оставьте намъ доносить что именно уже сдѣлано и съ какимъ успѣхомъ впредь будетъ сіе устроиваться.

Пребываемъ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною его императорскаго величества рукою тако: Павелъ.

С.-Петербургъ, 17-го ноября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. По причинѣ отдаленности мѣста пребыванія генерала отъ инфантеріи Беклешева, поручается вамъ инспекція надъ всѣми гарнизонными полками днѣстровской дивизіи, почему вы съ полученія сего и въ отправленіе должности инспектора вступить имѣете.

Пребывая вамъ благосклонный. Павелъ.

Сообщ. **А. Бердяевъ.**

Указъ изъ правительствующаго сената

о наблюденіи, чтобы къ статскимъ дѣламъ не были опредѣляемы люди, не умѣющіе грамотѣ,

1831 г.

По указу его императорскаго величества, правительствующій сенатъ въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ, слушавъ записку изъ дѣла о состоявшемъ на службѣ титулярномъ совѣтникѣ Федоровѣ, не умѣющемъ грамотѣ, и постановивъ въ разрѣшеніе сего случая свое опредѣленіе, между прочимъ, приказали: дабы на будущее время не могло вкрасться подобнаго безпорядка въ опредѣленіи къ статскимъ дѣламъ людей безграмотныхъ, и въ представленіи ихъ къ производству въ классные чины, вопреки указа 1731 года ноября 23-го дня, то подтвердить отъ правительствующаго сената о непремѣнномъ и неослабномъ наблюденіи сего узаконенія. И о томъ послать указы: во всѣ губернскія правленія, палаты, равныя имъ мѣста привиллегированныхъ губерній, присутственныя мѣста, къ гг. министрамъ, военнымъ генералъ-губернаторамъ, военнымъ губернаторамъ, управляющимъ и гражданскою частію, генералъ-губернаторамъ и градоначальникамъ; а во всѣ департаменты правительствующаго сената, общія оныхъ собранія и святѣйшій правительствующій синодъ, сообщить вѣлѣнія. Февраля 10 дня 1831 г.

Сообщ. А. П. Пупаревъ.

ГРАФЪ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ

1757—1835 гг.

Очерки изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX вѣка.

III [1]).

Графъ Хвостовъ, при жизни своей, нѣсколько разъ издавалъ полныя собранія своихъ стихотвореній, причемъ всякій разъ передѣлывалъ и дополнялъ ихъ, снабжая каждое стихотвореніе обширными примѣчаніями и варіантами. Первое изданіе сдѣлано было имъ въ 1818 г. въ 4 томахъ, и затѣмъ повторено въ 1821—22 гг.; въ 1827 г. вышелъ 5-й томъ, подъ заглавіемъ „Разныя стихотворенія гр. Хвостова, сочиненныя послѣ полнаго изданія", съ портретомъ автора. Въ 1828—29 гг. эти пять томовъ были изданы вновь съ прибавленіемъ шестаго, въ которомъ помѣщены прозаическія статьи; наконецъ, уже черезъ четыре года послѣ смерти гр. Хвостова, въ 1839 г. кто-то издалъ небольшую книжку его стихотвореній. Кромѣ того, по нѣскольку разъ были изданы его „Притчи" (1-е изд. 1802 г.), переводъ „Науки Стихотворной" Буало (1804 г.) и „Андромахи" Расина. Всѣ эти книги расходились очень плохо, такъ-что самъ авторъ скупалъ и уничтожалъ прежнія изданія и вслѣдъ за тѣмъ дѣлалъ новыя, чтобы показать, что на его сочиненія существуетъ большой запросъ въ публикѣ, которая въ то время знала уже лучшія произведенія Жуковскаго и Пушкина. При 4-мъ томѣ „Полнаго Со-

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1892 г., т. LXXIV, стр. 569—589.

бранія“ 1822 г. приложенъ, по обычаю того времени, списокъ подписавшихся на эту книгу—всего только на 55 экземпляровъ; отсюда нужно еще исключить лицъ, получившихъ даровые экземпляры, напр.—гр. Румянцева, А. И. Красовскаго, митр. Евгенія и др., такъ что дѣйствительныхъ подписчиковъ едва-ли можно считать болѣе 20. Ясно, что „творенія“ графа Хвостова лежали въ книжныхъ лавкахъ, „не оскверняемыя дерзновенною рукою читателей“, какъ сказалъ о нихъ Пушкинъ. Немногіе изъ современниковъ графа читали его произведенія; теперь, когда прошло уже болѣе 55 лѣтъ послѣ его смерти, онъ забытъ совершенно, такъ что смѣло можно сказать, что послѣднія два поколѣнія вовсе незнакомы съ его трудами. Между тѣмъ, для того, чтобы наглядно представить себѣ тѣ причины, изъ-за которыхъ почтенный и заслуженный сенаторъ навлекъ на себя такое гоненіе въ литературѣ и въ обществѣ, необходимо хоть нѣсколько познакомиться съ его авторскою дѣятельностью. Этотъ бѣглый пересмотръ полнаго собранія его стихотвореній будетъ еще нужнѣе, если принять въ соображеніе, что гр. Хвостовъ въ своихъ стихахъ является послѣднимъ представителемъ ложно-классической теоріи, оставаясь до конца вѣрнымъ послѣдователемъ французской піитики, видѣвшей въ поэзіи только стихотворную науку, т. е. искусство писать стихи правильнымъ размѣромъ. Стихотворенія гр. Хвостова служатъ наглядным доказательствомъ крайняго упадка этой литературной школы, правила которой, благодаря подражательному характеру нашей литературы, тяготѣли надъ нею въ продолженіе цѣлаго столѣтія.

I-й томъ „Полнаго Собранія“ 1821 года заключаетъ въ себѣ „Лирическія творенія“. Эпиграфомъ къ нему поставленъ стихъ:

„За трудъ не требую и не чуждаюсь славы“.

Въ предисловіи гр. Хвостовъ говоритъ о себѣ:

„При скудости моихъ дарованій, любя словесность и почитая высокую цѣль оной, т. е. просвѣщеніе, благонравіе и распространеніе вкуса, я могъ, подобно другимъ, въ счастливыя минуты моего, хотя недостаточнаго восторга, чувствовать поразительныя красоты міра тѣлеснаго и духовнаго. Безъ всякаго притязанія на право стихотворца, по чувству любви, долженствующей оживлять каждаго человѣка и особенно писателя, не запрещено мнѣ ввѣрять мои понятія и чувства бумагѣ и раздѣлять оныя съ моими пріятелями и современниками. Вотъ исторія моего авторства. Есть-ли непреодолимое нѣкое влеченіе можетъ дозволить каждому съ посредственными и слабыми дарованіями писать въ стихахъ или прозѣ, то не

слѣдуетъ изъ сего, чтобы каждый могъ оставлять свои сочиненія въ томъ видѣ, какъ они въ первомъ жару выльются изъ-подъ пера сочинителя. Многіе, можетъ быть, порицали меня за часто повторенныя изданія. Я дѣлалъ оныя, и есть-ли жизнь моя продолжится, всегда дѣлать буду насчетъ авторскаго славолюбія, единственно для удобнѣйшаго исправленія погрѣшностей...".

„Лирическія творенія" открываются одою „Богъ". Эта ода написана въ 1795 г., черезъ 11 лѣтъ послѣ знаменитой оды Державина. Какъ высоко Хвостовъ самъ цѣнилъ свое твореніе, видно изъ слѣдующаго анекдота: разъ, отправляясь въ Царское Село, онъ взялъ съ собою секретаря своего, Ильинскаго, и дорогою требовалъ, чтобы тотъ откровенно сказалъ ему—которую изъ двухъ одъ, Державина или Хвостова, онъ находитъ выше. Услышавъ искреннее мнѣніе своего сопутника, которое было въ пользу Державинской оды, оскорбленный піитъ хотѣлъ было высадить его середь дороги, и съ трудомъ согласился везти его дальше [1]).

Вотъ начало этой оды:

„Громада велелѣпна свѣта,
Волшебной прелестью одѣта,
Какою силою течетъ?
Кто цѣпь содержитъ чина вѣчна
Среди пространства безконечна?
Кѣмъ бѣгъ равняется планетъ?
Одна другую тянетъ, клонитъ,
Не тратя разстоянья, гонитъ
Въ необъятномъ полѣ звѣздъ;
А солнце, во едино время
На множество сіяя мѣстъ,
Міровъ свободно движетъ бремя", и т. д.

Извѣстна эпиграмма Державина на эту оду:

„Какъ нравится тебѣ моя о Богѣ ода?"
Самхваловъ у меня съ надменностью спросилъ:
„Я фантастическа не написалъ урода,
„О коемъ намъ въ письмѣ Горацій говорилъ;
„Но всяку строку я набилъ глубокой мыслью
„И должный моему далъ Богу видъ и ростъ".
— „То правда, я сказалъ: нелѣпицу ты кистью
„И быть-бы гдѣ главѣ, нарисовалъ тутъ... хвостъ" [2]).

---

[1]) Соч. Державина, 1-е акад. изд., I, 191.
[2]) Ibid., III, 518.

За этою одою слѣдуютъ разныя духовныя стихотворенія, большею частью переложенія псалмовъ; затѣмъ, во второмъ отдѣлѣ, помѣщены „Оды на разные случаи". Здѣсь есть, напр., ода Ломоносову, въ которой гр. Хвостовъ обращается къ нему такъ:

„Взлети на Пиндъ высокимъ духомъ,
Парящимъ вѣтра на крылахъ;
Пѣвецъ! сердцами смертныхъ, слухомъ
Владѣй въ невѣдомыхъ странахъ;
Высокіе утесы, горы,
Свирѣпость бурь, стихіевъ споры
Ты въявѣ кистью предъявлялъ;
Ты, силы воспріявъ орлины,
Чрезъ степи, ровный путь, стремнины
Неустрашимо пролеталъ.
. . . . . .
Вступи въ смиренную обитель,
Гдѣ солнце ты узрѣлъ, пѣвецъ,
Гдѣ сребровласый твой родитель
Былъ въ царствѣ влажномъ рыбъ ловецъ,
Гдѣ музъ прельщенному красою
Тебѣ назначено судьбою
Отвергнуть множество препонъ
И року вопреки сурову,
Шагнуть, оставя сѣнь отцову,
Отъ Бѣлыхъ водъ на Гелликонъ".

Здѣсь-же (стр. 90) находится пресловутая ода „Рѣкѣ Кубрѣ", за которую гр. Хвостовъ всегда называлъ себя „пѣвцомъ Кубры":

„Кубра! ты первая поила
Меня пермесскою водой,
Младое чувство возбудила
Прельщаться нѣжныхъ лиръ игрой!
. . . . . .
Хребетъ свирѣпаго Нептуна
Лети, кто хочетъ попирать
И стрѣлу грозную Перуна
Держай, кичливецъ, отражать!
Трезубцемъ богъ вооруженный
Смиряетъ мысли напыщенны;
Когда наскучитъ бурный валъ,
Къ пенатамъ кормчій возвратится;
Тогда раскаянье родится,
Что тщетно въ подвигѣ страдалъ".

Въ другомъ стихотвореніи „Деревня и сельскій праздникъ" наступленіе августа мѣсяца описывается такимъ образомъ (стр. 121):

„Ужасну челюсть затворяетъ
Огнемъ дышащій въ небѣ левъ;

Уже смиренно водворяетъ
Коней въ обитель дѣвы Фебъ;
Палящи зной удалились,
Прохладны вѣтерки явились,
Волнуютъ класы какъ моря.
Тамъ жатвы нимфами любимы,
Тряхнувъ кудрями золотыми,
Спѣшатъ встрѣчать свѣтилъ царя".

Во второмъ томѣ, съ эпиграфомъ:

„Люблю писать стихи и отдавать въ печать"

помѣщены „Посланія": „О красотѣ россійскаго слога", „О пользѣ словесности", „О притчахъ" и др., за которыя гр. Хвостовъ требовалъ себѣ „непостыднаго мѣста среди поэтовъ-дидактиковъ". Въ посланіи „О красотѣ россійскаго слога" интересны слѣдующіе стихи:

„У насъ Мароны всѣ, и всѣ восторгомъ дышутъ;
Возьмутъ чернильницу, перо, бумагу—пишутъ.
Въ искусствѣ не узнавъ ни правилъ, ни конца,
Печатаютъ стихи и ждутъ отъ музъ вѣнца.
Но если бредни ихъ вѣнчаетъ смѣхъ народный,—
Творецъ не виноватъ;—а кто-жъ?—языкъ безплодный!
Не диво, что у насъ стиховъ негодныхъ тьма,
Въ которыхъ смысла нѣтъ, ни вкуса, ни ума".

Далѣе авторъ даетъ молодому стихотворцу такой совѣтъ:

„Будь мыслями высокъ, а въ слогѣ плавенъ, чистъ;
Являя бури гнѣвъ, представь намъ вѣтровъ свистъ;
Коль чуждъ тебѣ языкъ иль скуденъ даръ природный,
Простися съ музами, твой будетъ трудъ безплодный;
Отъ стихотворнаго отстань ты ремесла,
Ползущихъ на Парнасъ не умножай числа".

Изъ этихъ стиховъ видно, что гр. Хвостовъ отлично понималъ всю неумѣстность и нелѣпость рифмоплетства, но замѣчая этотъ порокъ въ другихъ, никогда и не думалъ, что самъ онъ грѣшитъ тѣмъ-же, надъ чѣмъ смѣется. Напротивъ, онъ нисколько не стѣсняется печатно говорить о себѣ:

. . . „ступай теперь, Хвостовъ,
Награду получить достойную трудовъ;
Стань смѣло на ряду съ безсмертными творцами,
И, скромность отложа, красуйся ихъ вѣнцами".

Особенно интересны посланія „Къ А. А. Писареву о ложныхъ критикахъ", „Н. И. Гнѣдичу о истинномъ критикѣ",

ему-же „О мелкихъ критикахъ“. Здѣсь довольно опредѣленно высказывается взглядъ автора на мучившихъ его „зоиловъ“, въ отместку которымъ, какъ видно, и написаны эти посланія. Вотъ что говоритъ онъ о новѣйшей критикѣ:

„Сей судъ, благодаря проворнымъ языкамъ,
Невѣжи разнеся въ столицѣ по домамъ,
Безъ доказательства худое превозносятъ,
Безъ доказательства хорошее поносятъ;
А книга бѣдная, стѣсненная судомъ,
На время долгое покрытая стыдомъ,
Отъ невскихъ береговъ, бѣжа поносной брани,
Летитъ на почтовыхъ до Вятки и Казани.
Прямую критику, чистѣйшій музы свѣтъ,
Міръ, имена смѣшавъ, пасквилями зоветъ“.

Примѣчаніе. Изъ всѣхъ золъ самое опаснѣйшее для словесности есть подобные критики. Не смысля оцѣнить сочиненіе, не умѣя обратить на оное вниманіе публики, они разносятъ повсюду кривые и вредные свои толки, и сколько отъ сего погибло сочиненій достойныхъ! сколько, по крайней мѣрѣ, на время находится въ забвеніи! и сколько молодыхъ писателей, устрашенныхъ сими ядовитыми эхиднами, оставили поприще поэзіи! Злоба и безуміе похищаютъ славу, единственное одобреніе и награду талантовъ, и преграждаютъ успѣхи словесности. Это, смѣю сказать, преступники, достойные всеобщаго омерзѣнія“.

При этомъ гр. Хвостовъ замѣчаетъ о себѣ:

„Не ставя въ рядъ себя къ пѣвцамъ, вѣнчаннымъ славой,
Довольно, что стихи считаю я забавой.
Хвала правительству!—на рифмы пошлинъ нѣтъ!
Ни чей отъ нихъ меня не отвратитъ совѣтъ.
Пусть Бавій на меня сатирой злобной грянетъ,—
Ругать мои стихи и опечатки станетъ;
Пусть скоро въ городѣ распуститъ глупый бредъ:
Въ мое творенье онъ свой геній не вдохнетъ.
Мнѣ будетъ жаль его, а не за что сердиться:
Кто Бавія уйметъ—съ разсудкомъ не бранится!“

Тутъ-же помѣщено „Посланіе къ Ломоносову о рудословіи“, читанное въ минералогическомъ обществѣ — стихотвореніе, которое особенно превозносили хвалители гр. Хвостова. Все это написано стихами въ родѣ слѣдующихъ:

„Металловъ, камней онъ вдругъ міріады зритъ;
Звѣздятся соли тамъ,—и въ каждой лучъ горитъ.
Вникаетъ ревностно въ ихъ образъ перемѣну,

И свойство внутренно, и тягость, блескъ и цѣну.
Срѣтаетъ множество блистательныхъ рядовъ
Отъ сущей древности извѣстнѣйшихъ родовъ:
Кремнистый, глинистый, цирконный и глицинный!
Истрійскій, тальковый, ториновый, стронцинный,
Тяжелый, названный по-гречески баритъ,
Затѣмъ галлитовый, какъ Вернеръ говоритъ", и проч.

Въ третьемъ томѣ помѣщены басни, раздѣленныя на 4 книги, съ эпиграфомъ:

„Вотъ книга рѣдкая: подъ видомъ небылицъ
Она уроками богато испещренна;
Она—комедія; въ ней много разныхъ лицъ,
А мѣсто дѣйствія— пространная вселенна" [1]).

Виньетка изображаетъ лавровое дерево, на вѣтвяхъ котораго виситъ медальонъ съ портретомъ гр. Хвостова; подъ деревомъ сидитъ муза съ свирѣлью, а вокругъ нея стоятъ и лежатъ разные звѣри. Подъ этимъ подпись:

„Всѣ звѣри говорятъ, а самъ молчитъ поэтъ".

Объ этихъ басняхъ гр. Хвостовъ былъ очень высокаго мнѣнія. Въ біографіи говорится, что „басни его суть первыя послѣ Сумарокова"; въ письмѣ къ дерптскому профессору Вас. Мих. Перевозчикову гр. Хвостовъ замѣчаетъ:

„Одинъ остроумецъ, вечеркомъ, въ веселой компаніи сказалъ, что Сумароковъ нашелъ басню на полѣ, Хемницеръ привелъ ее въ городъ, Дмитріевъ ввелъ ее во дворецъ, Крыловъ вывелъ на площадь, а Измайловъ повелъ въ кабакъ. Я нахожу, что мои басенки.. не безъ достоинства; а что касается до 1-й и 3-й книги, въ коихъ всѣ 60 басенъ переложены съ французскаго славнаго баснописца (Лафонтена), то мнѣ кажется, что оныя могутъ быть переведены снова (какъ уже и есть) кѣмъ угодно, и едва-ли затмятъ мой переводъ, который имѣетъ достоинство при сохраненіи мыслей автора и собственной по языку оригинальности".

Въ автобіографической запискѣ онъ высказывается откровеннѣе:

„Вотъ стихи изъ притчей моихъ: говоря о женщинахъ—

„За ихъ вины у нихъ прощенья не просилъ".

говоря о кражѣ стихотворцевъ:

„Выкрадывать стихи не важное искусство:
Украдь Корнельевъ духъ, а у Расина чувство".

---

[1]) Подражаніе Лафонтену:

Une ample comédie en cent actes divers
Et dont la scène est l'univers". П. М.

еще:

„Ползя
Упасть нельзя"

или:

„Козлоглаголивымъ органомъ
Витійствуетъ передъ болваномъ".

Ежели-бы я прожилъ на свѣтѣ сто лѣтъ, и тутъ отъ сихъ стиховъ не откажуся и надѣюся, что будетъ мнѣ много товарищей. Но бѣда вся въ томъ, что не слѣдовалъ стиху Буало: „Съ срединой согласи начало и конецъ". Вотъ отчего притчи мои, исполненныя—смѣло скажу — оригинальностью, живостью и простотою, подобною Хемницеровой, имѣютъ честь десять лѣтъ, какъ Федровы, лежать въ книжной лавкѣ. Я надѣюся ихъ скоро, исправя, выдать въ свѣтъ, и тогда, можетъ быть, о нихъ заговорятъ. Я на сіе и не сержусь, и до тѣхъ поръ, пока не зыдамъ ихъ вторымъ изданіемъ, молчу".

Митрополитъ Евгеній, къ которому гр. Хвостовъ часто обращался съ просьбами высказать свое мнѣніе о его сочиненіяхъ, писалъ ему:

„Любя и почитая васъ, я вижу только хорошее въ вашихъ сочиненіяхъ. Въ одахъ вашихъ я многимъ любовался, а въ притчахъ большую часть оныхъ полюбилъ, и твердо увѣренъ, что въ храмѣ вкуса притчи ваши будутъ на ряду съ Сумароковыми. Никакой Вольтеръ не исключитъ васъ изъ класса почтенныхъ фабулистовъ, и это вашъ преимущественный классъ въ авторствѣ".

Въ другомъ письмѣ о томъ-же предметѣ онъ говоритъ:

„Что о притчахъ вашихъ никто о сю пору ничего не говоритъ—это само по себѣ ясный гласъ, увѣщевающій васъ и ихъ во многомъ поправить, передѣлать и поубавить ихъ къ новому изданію. Тогда сами заживо услышите, что заговорятъ о нихъ. Не нужно много писать, чтобы много заслужить славы. Пиндаръ, Горацій, Федръ—всѣ въ маленькомъ карманѣ помѣстятся; но кто не носилъ ихъ въ своихъ карманахъ? А Сумарокова нынѣ уже не могутъ и изъ книжныхъ лавокъ выжить, несмотря на то, что современники величали его и Расиномъ, и Ла-Фонтеномъ и пр. и пр... Не все надобно писать что хочется:

Le moyen le plus sûr d'ennuyer, c'est tout dire".

Одну изъ своихъ басенъ гр. Хвостовъ начинаетъ такъ:

„Я въ царствѣ басенокъ пчела:
Вездѣ летаю,
Читателей своихъ

Чужимъ питаю.
Видали Федра и другихъ
Въ стихахъ моихъ;
Признаюся, люблю я очень Лафонтена
И вымыслы его стараюсь перенять.
Нещастіе—онъ горче хрѣна:
Нѣтъ дарованія такъ ловко разсказать", и проч.

О слогѣ переводныхъ басенъ можно составить себѣ понятіе по оригинальнымъ, которыя интересны различными намеками автора на собственное положеніе въ литературѣ. Напр.:

Оселъ, хозяинъ и собачка.

„Хозяинъ въ милости собачку содержалъ
И ей лизать себя подчасъ не запрещалъ.
На бархатной она подушкѣ почивала
И космы у нея служанка завивала.
Увидя то
Оселъ ушами хлопъ, и говоритъ: „я что?
И чѣмъ собаки хуже?
Не все голоднымъ быть и зябнуть вѣкъ на стужѣ".
Оселъ, раздумавшись о томъ,
Какъ миленькій прыгнулъ хозяину на шею
И громко заревѣлъ: „ласкаться я умѣю".
Сталъ барина лизать широкимъ языкомъ,
Визжать открытымъ ртомъ.
Слуги помѣщика отъ друга свободили,
А длинноухаго дубиной проводили.

Хотъ близко и ко мнѣ, а, право, грѣхъ смолчать:
Нельзя безногому въ балетѣ
И прыгать, и скакать;
Коль дара нѣтъ въ поэтѣ,
Нельзя ему на Пиндъ смекать".

Въ другой баснѣ онъ говоритъ:

„Пѣвцы надменны! Ступя на Геликонъ,
Снимайте балахонъ!
Пусть вы богаты вдохновеньемъ;
Но если услаждать своимъ хотите пѣньемъ
Священныхъ музъ,
Старайтесь, чтобъ была вездѣ своя отдѣлка,
Блюдите чистый слогъ, любите вѣрный вкусъ;
А вкусъ въ словесности,—ну, право, не бездѣлка".

Интересна еще слѣдующая басня:

Змѣя и Пила.

„Лежала на столѣ у слесаря пила.
Не вѣдаю, зачѣмъ туда змѣя пришла,
Не бывши никогда въ знакомствѣ съ слесарями.
Но лишь увидѣла, что солнышко лучами,
Рѣзвясь съ пилой,
По ней разсыпало чудесный отливъ свой,
Богатый, золотой
(Бѣда завистнику смотрѣть на блескъ такой)—
Трудится надъ пилой хотя змѣя усердно,—
Ея стараніе пилѣ вредить не вредно.
Пила сказала ей: „мой свѣтъ!
Ты пощади себя, оставь ухватки грубы".

А мой сатирику отвѣтъ:
Брани мои стихи, когда тебѣ не любы".

„Примѣчаніе. Симъ совѣтомъ автора хорошіе писатели могутъ воспользоваться. Дѣльно говоритъ Буало Расину:

„Мимотекущему посмѣйся воплю ихъ",

„или въ томъ-же посланіи:

„Хорошіе стихи отъ толковъ не погибнутъ".

Для любителей стихотворныхъ курьезовъ каждая басня гр. Хвостова представляетъ достаточный матеріалъ; выбирать изъ нихъ примѣры—значило-бы переписать всю книгу. Вотъ нѣсколько отрывковъ, взятыхъ на удачу:

„Въ сосѣдствѣ межь собой искусство и природа.
Трубами изъ пруда
Была проведена вода
Въ потѣху для народа.
Умовъ затѣйливыхъ на свѣтѣ семъ не нѣтъ.
Богатый водометъ
Успѣлъ въ мигъ нарядиться
И возгордиться.
Пускаетъ воду въ ростъ,
Несется къ облакамъ высоко;
Оттолѣ, захватя пространство мѣстъ широко,
Стучитъ о жестяной помостъ.
Или, прозрачными мячами
Играя солнышка съ лучами,
Приноситъ съ высоты
На землю радуги цвѣты".

„Мужикъ представленъ на картинѣ:
Благодаря дубинѣ,
Онъ льва огромнаго терзалъ.
Всѣ зрители въ овинѣ
Слетали множество художнику похвалъ".

Въ баснѣ „Пѣтухъ и Лисица"

„Летятъ собаки
Пята съ пятой".

Наконецъ, вотъ нѣсколько стиховъ изъ басни „Щука и Уда":

„Щука уду проглотила;
Оттого въ тоскѣ была,—
И рвалася, и вопила.
Близь ея плотва жила;
Вопрошаетъ щуку:
Мнѣ, кума, повѣдай муку,
Рветъ которая тебя.
—Ненавижу я себя,
Щука отвѣчаетъ:
Все меня здѣсь огорчаетъ,
И въ другую я рѣку
Плыть хочу прогнать тоску", и пр.

Эпиграфомъ къ четвертому тому служитъ двустишіе:

„Что само по себѣ естественно, прекрасно,
То вновь перерождать и украшать опасно".

Въ этомъ томѣ помѣщены переводы „Науки о стихотворствѣ" Буало, нѣсколькихъ сатиръ и посланій Буало и Ламартина и трагедія Расина „Андромаха". Въ началѣ книги помѣщено небольшое предисловіе, подписанное: „издатель Андрей Ивановъ"; здѣсь, между прочимъ, говорится:

„Что касается до достоинства перевода, то можно справедливо сказать, что трудъ гр. Хвостова въ преложеніи Стихотворной Науки г. Боало заслуживаетъ признательность любителей словесности. Многія мѣста сего творенія, заключающаго въ себѣ правила, принятыя всѣми просвѣщенными народами, выражены на русскомъ языкѣ столь удачно, что имѣютъ всю живость и красоту, свойственную оригиналу. Напр., какъ хорошо сказано объ основаніи и достоинствѣ оды:

„Богато чувствіе и мыслей быстрота
Суть лирна пѣнія источникъ, красота.
Слогъ въ одѣ пламененъ, а ходъ въ пути не гладокъ;
Искусство часто въ ней—прекрасный безпорядокъ".

Или о разстановкѣ буквъ:

„Смотри, чтобъ гласная, спѣша, не спотыкнулась
И съ гласною другой въ дорогѣ не столкнулась".

Намѣренно или ненамѣренно, „издатель" приводитъ такіе образцы красотъ Хвостовскаго перевода, которые сразу даютъ читателю понять съ какою книгою онъ имѣетъ дѣло. Впрочемъ, вотъ еще нѣсколько отрывковъ изъ этого перевода, которымъ такъ гордился гр. Хвостовъ:

„Слогъ ровной, все одно имѣя направленье,
Хоть гладокъ и красивъ—наводитъ усыпленье:
Нельзя съ пріятностью тѣхъ авторовъ читать,
Чей столповой напѣвъ способенъ докучать.
Счастливъ, кто лирой насъ къ веселію приводитъ,
Свободно съ пиру въ бой, въ садъ съ бури переходитъ.
Творенью этому читатель очень радъ;
У Слѣнина [1]) его берутъ всѣ на расхватъ".

„Вильонъ въ толпѣ невѣждъ сталъ первый затѣвать,
Какъ лады пѣвуновъ старинныхъ очищать;
Маротъ, всѣхъ пріуча любить его баллады,
Затѣялъ тріолетъ, на рифмахъ маскарады;
Припѣвамъ правильнымъ рондо поработилъ,
Не битуя тропу поэтамъ проложилъ.
Лишь возгремѣлъ Малгербъ, одолѣвая трудность,
Прелестную въ стихахъ открылъ на Сейнѣ звучность".

„Спѣши медлительно, имѣй въ трудахъ терпѣнье;
Сто разъ пересмотри стиховъ своихъ творенье,
Гладь, чисти въ равные безперестанно дни;
Ты иногда прибавь, но чаще ихъ черни.
Ошибокъ множество когда стихи являютъ,
То мало, что красы въ нихъ нарѣдка сіяютъ.
Всѣ вещи по мѣстамъ расположи, пѣвецъ,

[1]) Московскій книгопродавецъ того времени. П. М.

Съ срединой согласи начало и конецъ.
Составь, сливая быль и вмѣстѣ небылицу,
Изъ множества частей ты въ цѣломъ единицу,
Чтобъ содержанію приличный духъ стиховъ
Не сталъ отыскивать въ дали кудрявыхъ словъ".

„Средь шума школьныхъ бурь возросшій Ювеналъ
Гиперболъ колкій свой чрезъ мѣру простиралъ;
Въ твореніяхъ его всѣ истины жестоки,
Хотя отрывки есть прекрасны и высоки".

Слѣдующій отрывокъ интересенъ какъ по складу стиха, такъ и потому, что представляетъ невольную эпиграмму гр. Хвостова на самого себя:

„Иные обуявъ надменіемъ пѣвцы,
Сладкорѣчивые стиховъ своихъ писцы,
Гостей балладами усердно угощаютъ,
Протопресвитерамъ элегіи читаютъ;
Въ самой обители у алтарей святыхъ
Нельзя избавиться отъ наглой музы ихъ".

Переводъ „Андромахи" сдѣланъ такими-же неуклюжими стихами, какими переводились и писались въ то время почти всѣ ложно-классическія трагедіи. Въ предисловіи переводчика сохранился намекъ, что актеры передѣлывали многіе стихи, вѣроятно, для того, чтобы скрыть въ представленіи слишкомъ явные недостатки текста. Достаточно выписать одну небольшую сцену, чтобы дать понятіе о стилѣ цѣлаго произведенія:

Дѣйствіе III, явленіе VI.

Пирръ, Андромаха, Феникъ и Сефиза.

П. Гдѣ дщерь Атридова? она мнѣ душу гнѣвну
И болѣ воспалитъ.

А. Се взоровъ власть моихъ!

П. Что говоритъ она?

А. Ахъ! всѣ въ напастяхъ злыхъ
Оставили меня.

Ф. Пойдемъ, царь, къ Герміонѣ.

С. Прерви молчаніе! что пользы въ тщетномъ стонѣ?

А. Пирръ сына обѣщалъ...
С. И не вручилъ его.
А. Слезами не спасу я сына моего.
П. Не хочетъ взорами своими удостоить.
Кичливая! пойдемъ.
А. Пойдемъ царя спокоить [1]).

П. Н. Араповъ разсказываетъ, что экземпляры „Андромахи" во время ея представленія продавались при входѣ въ театръ. Авторъ спросилъ у продавца піесъ: „Много-ли вы продали экземпляровъ моей Андромахи?"—„Да всего одинъ".—„Какъ это? у меня въ недѣлю разошлось больше пятидесяти".—„Это дѣло другое, в. с-во, отвѣчалъ книгопродавецъ: вы сами изволите раздавать, такъ у васъ всякій возьметъ книжку, а здѣсь другой посмотритъ, да и положитъ".

Въ пятомъ томѣ помѣщены „разныя стихотворенія"—переложенія псалмовъ, посланія, басни, мадригалы и пр. Нѣтъ нужды выбирать особенно курьезныя стихотворенія, и въ этомъ томѣ ихъ не меньше, чѣмъ прежде. Едва-ли не самое замѣчательное въ этомъ отношеніи—„Описаніе майскаго гулянья въ Екатерингофѣ". Вотъ здѣсь, напр., пароходъ изображается такъ:

„Огнемъ богатая гора,
Крутя пучину волнъ, сребра,
Вмигъ силой пламени прибавить,
Непокоренная вѣтрамъ,
Умѣетъ скорый бѣгъ судамъ.
Поднявъ на рамена громады,
Въ рѣкахъ не опасаясь бѣдъ,
Петрополю даря отрады,
Клокочетъ, опѣняя слѣдъ.
За нею скоро вѣтръ стремится,
И дымъ, несясь столбомъ, курится;
Летаетъ по равнинѣ водъ
Полезный Берта пароходъ.
На быстроогненное зданье
Идетъ и дама, и герой,
А съ палубы и на гулянье,
Любуясь видовъ красотой.

Интересенъ также слѣдующій мадригалъ „На представленіе Поликсены, трагедіи г. Озерова":

„Когда-бы ты цвѣла въ Пергамахъ, Поликсена,

[1]) Лѣтопись русскаго театра, стр. 300.

Тебя, прекрасную, Пирръ страстно-бъ полюбилъ,
Завѣтъ родителя навѣрное-бъ забылъ,
И къ намъ-бы безъ вѣнца явилась Мельпомена".

Наконецъ, вотъ еще эпиграмма:

„Рифмушкинъ говоритъ:
Я славою не сытъ;
Собранье полное моихъ стиховъ представлю,
По смерти я себя превозносить заставлю:
Изданье полное — прямой вѣнецъ труда!
Нѣтъ нужды въ справкѣ,
Остаться я хочу, остаться навсегда...
Пріятель возразилъ:—у Глазунова въ лавкѣ"

Приведенными выписками изъ сочиненій гр. Хвостова достаточно опредѣляется его значеніе въ литературѣ и становится понятнымъ, почему этотъ трудолюбивый стихотворецъ служилъ посмѣшищемъ для своихъ современниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ эпоху Жуковскаго и Пушкина нельзя было безнаказанно писать такіе стихи. Было-бы ошибкою сказать, что въ то время уже не было такихъ плохихъ поэтовъ; ихъ всегда много, а во времена Хвостова было много и такихъ, которые по своимъ дарованіямъ стоятъ гораздо ниже его; но они давно забыты, да и въ свое время едва-ли многимъ были извѣстны, между тѣмъ, какъ гр. Хвостовъ, именно благодаря своему страстному желанію прославиться, пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность. Желая во что-бы то ни стало добиться безсмертія, онъ не щадилъ никакихъ трудовъ и издержекъ для осуществленія своей завѣтной мечты—и публика невольно знакомилась съ его произведеніями, потому что видѣла ихъ всюду, куда только могъ доставить ихъ заботливый авторъ. Въ результатѣ получилась слава совершенно особаго рода: имя гр. Хвостова перешло въ потомство какъ нарицательное и затмило имена другихъ версификаторовъ, можетъ быть еще болѣе бездарныхъ, но зато и болѣе скромныхъ. Страсть его къ стихотворству, доходившая до такихъ крайностей, конечно, сама по себѣ, не возбудила-бы такого гоненія, если-бы онъ самъ не подалъ къ тому повода немилосерднымъ навязываніемъ своихъ стиховъ всѣмъ и каждому. Кажется, ни на кого не писалось такого множества эпиграммъ, какъ на гр. Хвостова ни о чемъ не разсказывалось такихъ смѣшныхъ анекдотовъ, какъ объ его неудержимой стихоманіи. Не даромъ талантливый водевилистъ А. А. Писаревъ въ сатирѣ своей „Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнасса", гдѣ одинаково досталось Воейкову и Грибоѣдову Полевому и Каченовскому, сказалъ о Хвостовѣ:

„Хвостову нашему хвала!
Онъ славно сочиняетъ;
Его Россія не прочла —
Онъ самъ себя читаетъ.
Онъ всѣмъ извѣстенъ, какъ уродъ
Физическій, моральный
И будетъ славенъ въ родъ и родъ,
Какъ мученикъ журнальный“ [1]).

Что касается до его литературныхъ мнѣній, то они, въ сущности, представляютъ мало оригинальнаго; это мнѣнія—общія цѣлому литературному лагерю, къ которому принадлежалъ гр. Хвостовъ, воспитанный на произведеніяхъ ложно-классической поэзіи XVIII вѣка. Разсматривая эти мнѣнія, необходимо имѣть въ виду положеніе русской литературы и взаимныя отношенія различныхъ литературныхъ школъ въ то время, когда жилъ гр. Хвостовъ.

IV.

Первая четверть XIX вѣка представляетъ въ высшей степени интересный періодъ въ исторіи русской литературы и общественной жизни—періодъ, только еще недавно сдѣлавшійся предметомъ серьезнаго изученія. Характерныя черты литературы этого періода—быстрая смѣна направленій, разнообразіе и обиліе выдающихся фактовъ, стремленіе къ самобытности. Въ XVIII в. французская литература, безспорно, была первою въ Европѣ какъ по числу талантливыхъ дѣятелей, такъ и по своему общественному значенію; потому понятно, что она должна была имѣть рѣшительное вліяніе на литературы другихъ странъ, и особенно на русскую, тогда только-что вступившую въ новый, европейскій фазисъ развитія. Первые представители нашей новой литературы: Тредьяковскій, Ломоносовъ, Кантемиръ, подчиняясь вліянію господствовавшаго въ то время литературнаго вкуса, должны были подражать французскимъ образцамъ — и съ тѣхъ поръ литературное направленіе, достигшее во Франціи при Людовикѣ XIV своего апогея, надолго утвердилось у насъ и достигло высшаго развитія въ царствованіе Екатерины II. Это направленіе, извѣстное подъ именемъ псевдоклассицизма и получившее строгую регламентацію въ теоретическихъ трудахъ Буало (1636—1711) и Баттё, почти исключительно господствуетъ въ русской поэзіи XVIII в., такъ что всякое

[1]) Библіогр. Записки, II (1859), 613.

нарушеніе правилъ поэтическаго уложенія считается доказательствомъ отсутствія вкуса. Форма до такой степени беретъ верхъ надъ содержаніемъ, условный способъ выраженія — надъ мыслью, что эстетическая критика развивается въ направленіи исключительно формальномъ, обращая вниманіе только на внѣшнюю сторону поэтическаго произведенія и находя его совершенно достойнымъ занять мѣсто въ ряду образцовыхъ, если оно удовлетворяетъ условіямъ правильности въ стилѣ и въ псстроеніи стиха. Писателямъ щедро раздаются громкіе титулы россійскихъ Пиндаровъ, Гомеровъ, Расиновъ, Лафонтеновъ и пр.; публика, не привыкшая отличать поэзію отъ стихотворства, видитъ во всякой мѣрной рѣчи „языкъ боговъ"; при общей безсодержательности и безжизненности псевдоклассическаго направленія, развивается въ литературѣ страсть къ громкимъ фразамъ, лишеннымъ всякаго реальнаго содержанія; эта страсть находитъ свое выраженіе въ огромномъ количествѣ высокопарныхъ и хвалебныхъ одъ на всевозможные случаи; ода считается необходимою принадлежностью всякаго торжества, общественнаго или частнаго, и, несмотря на постоянныя нападки на нее въ литературѣ, продолжаетъ существовать до 30-хъ годовъ XIX в. Большая часть произведеній этой торжественной лирики представляется только наборомъ рифмъ; рифмѣ и стиху нерѣдко жертвовали смысломъ, сочиняя необыкновенныя слова или, по выраженію Пушкина, ломая ихъ въ упрямый стихъ. Ничего не стоило, напримѣръ, перенести въ словѣ удареніе на другой слогъ, сказать „Аршеневскъ" вм. Аршеневскій или даже „Кольбакъ" вм. Колюбакинъ, какъ у Петрова въ одѣ на Кагульскую баталію. Такое предпочтеніе формы содержанію замѣтно не только у заурядныхъ стихотворцевъ, но даже и у лучшихъ поэтовъ того времени, напримѣръ, у Петрова и у Державина. Впрочемъ, наиболѣе талантливые представители литературы чувствуютъ безсодержательность такого направленія и стараются освободиться отъ его вліянія, создать нѣчто новое, болѣе соотвѣтствующее требованіямъ настоящей поэзіи и условіямъ дѣйствительной жизни. Нападки, сначала направляемыя исключительно на формы лирики, направляются теперь уже и на ея содержаніе; съ началомъ XIX в. старому направленію противополагается новое, тоже подражательное, но уже болѣе реальное—такъ называемый сентиментализмъ, главнымъ представителемъ котораго является, какъ извѣстно, Карамзинъ. Это новое направленіе, и по формѣ и по содержанію рѣзко отличавшееся отъ стараго, вызвало въ средѣ защитниковъ старины цѣлую бурю; новая литературная школа считалась ересью, пред-

ставителей ея обвиняли не только въ непониманіи основныхъ законовъ поэтическаго творчества, не только въ искаженіи и въ профанаціи „высокаго штиля“, но даже въ политической неблагонадежности, въ вольнодумствѣ, въ якобинствѣ, въ развратѣ. Борьба стараго направленія съ новымъ велась не только въ книгахъ и журналахъ; гдѣ не помогала антикритика, тамъ часто, нисколько не затрудняясь, прибѣгали къ другимъ, совершенно не литературнымъ, средствамъ. Извѣстно, что попечитель московскаго университета П. И. Голенищевъ-Кутузовъ (1767—1827), другъ графа Хвостова и родственникъ Шишкова, не разъ „торжественно представлялъ министру народнаго просвѣщенія“ выписки изъ сочиненій Карамзина съ указаніемъ мѣстъ, „гдѣ открывается пагубное о вѣрѣ и нравственности ученіе“ и не разъ писалъ гр. Аракчееву [1]). Подобныя-же средства пускались въ ходъ и впослѣдствіи, и не всегда оставались безъ успѣха...

Въ борьбѣ литературныхъ партій неизмѣннымъ защитникомъ старины явился А. С. Шишковъ, авторъ знаменитаго „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“, видѣвшій въ вопросѣ о слогѣ вопросъ религіозный и политическій; Карамзинъ стоитъ въ сторонѣ отъ этого спора, и сторонниками „новаго слога“ являются его послѣдователи. Рядомъ съ споромъ о слогѣ идетъ война изъ-за содержанія поэтическихъ произведеній: классики отстаиваютъ Буало и французскую піитику, ратуютъ за Расина и Корнеля противъ Шекспира и „мѣщанской драмы“; сторонники новаго направленія требуютъ естественности, реальности и нападаютъ на напыщенную псевдо-классическую ходульность. Сентиментализмъ скоро мельчаетъ; бездарные послѣдователи Карамзина доводятъ свою поддѣльную чувствительность до пошлости, вмѣсто

---

[1]) П. И. Голенищевъ-Кутузовъ былъ попечителемъ московскаго университета и округа съ 1810 по 1817 г. Одинъ изъ его доносовъ на Карамзина напечатанъ въ „Чт. Общ. Ист. и Др.“ 1858 г., кн II, смѣсь, стр. 185—186. Припомнимъ злой куплетъ въ „Домѣ сумасшедшихъ“ Воейкова („Русская Старина“, изд. 1874 г., т. IX, стр. 610):

Вотъ Кутузовъ: онъ зубами
Бюстъ грызетъ Карамзина;
Пѣна съ устъ течетъ клубами,
Кровью грудь обагрена.
Но напрасно мраморъ гложетъ,
Только время тратитъ въ томъ:
Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.

классической безсодержательной фразы является фраза сентиментальная, можетъ быть еще болѣе лишенная содержанія и смысла. Послѣдніе представители сентиментализма поражаютъ отсутствіемъ всякаго пониманія дѣйствительной жизни и ея потребностей; въ этомъ не трудно убѣдиться всякому, кто потрудится заглянуть, напримѣръ, въ „Журналъ для милыхъ", издававшійся въ 1804 г. М. Н. Макаровымъ или въ „Сентиментальныя путешествія" кн. П. И. Шаликова, издателя „Аглаи" (1808—1812) и „Дамскаго Журнала" (1823—32). Князь Шаликовъ, извѣстный въ эпиграммахъ того времени подъ именемъ Вздыхалова, можетъ считаться послѣднимъ представителемъ сентиментализма въ нашей литературѣ, какъ гр. Хвостовъ—послѣднимъ классикомъ; оба они—живой примѣръ того, до чего, въ концѣ концовъ, дошло то и другое направленіе; при совершенной бездарности, сочиненія кн. Шаликова представляютъ такой-же наборъ сентиментальныхъ фразъ, какъ сочиненія гр. Хвостова — наборъ громкихъ словъ и рифмъ, часто не только безъ содержанія, но и безъ смысла. Они доживаютъ свой вѣкъ подъ градомъ насмѣшекъ со стороны представителей новаго направленія, во главѣ котораго стоятъ Жуковскій и Пушкинъ. Это новое направленіе, въ то время не совсѣмъ удачно названное романтическимъ, скоро привлекаетъ на свою сторону наиболѣе талантливыхъ литературныхъ дѣятелей и пріобрѣтаетъ симпатіи лучшей части публики. Одновременно съ нимъ развивается новая критика, основанная на серьезномъ изученіи внутренняго содержанія литературныхъ произведеній. Являются новые философскіе и эстетическіе взгляды, новыя требованія; поднимается вопросъ о литературѣ, какъ силѣ, имѣющей общественное значеніе... Старое литературное развитіе окончательно осуждено и забыто; немногіе, оставшіеся въ живыхъ, представители его чувствуютъ, что ихъ время прошло, и прошло безвозвратно, сѣтуютъ на быстрое распространеніе новаго „развращеннаго" вкуса, но въ то-же время должны сознаваться, что борьба съ этою новизною становится для нихъ все болѣе и болѣе непосильною. Среди этихъ представителей прошлаго времени, гр. Хвостовъ неутомимо продолжаетъ свою авторскую дѣятельность все въ томъ-же направленіи, въ какомъ онъ началъ ее за полвѣка предъ тѣмъ, и съ тѣмъ-же „неувядающимъ геніемъ", который такъ превозносился его панегиристами. Недовольный равнодушіемъ публики и насмѣшливыми отзывами журналовъ, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что „новая развращенная мода" скоро пройдетъ и тогда талантъ его найдетъ себѣ достойныхъ цѣнителей. Считая себя лирикомъ по преимуществу,

онъ называетъ своими образцами Ломоносова и Петрова, и особенно высоко цѣнитъ послѣдняго, вѣроятно потому, что высокопарный языкъ его одъ приходился Хвостову болѣе по вкусу чѣмъ, сравнительно простой способъ выраженія Ломоносова. По мнѣнію гр. Хвостова и другихъ писателей того-же лагеря, „лирикъ долженъ быть благонравенъ, любить свое отечество и выставлять примѣры знаменитые. Онъ долженъ пѣть Екатерину, Суворова или подобныхъ имъ". Вотъ почему онъ не совсѣмъ благопріятно отзывается о Сумароковѣ:

„Сумарокова лучше опредѣлить нельзя, какъ мнѣ то удалось сдѣлать въ первомъ посланіи о критикѣ:

„Гремѣла на зарѣ его въ Россіи лира!"

„Онъ былъ поэтъ; но, къ сожалѣнію, мало былъ просвѣщенъ, поздно сталъ изучаться языку своему и совсѣмъ не былъ философъ. Нравственность его не соотвѣтствовала піитическому достоинству, а Буало говоритъ:

„Душевной подлости не скроетъ гордый стихъ".

Такого мнѣнія о сущности и значеніи лирики гр. Хвостовъ держался всю свою жизнь и старался подкрѣпить его своими лирическими произведеніями.

Въ 1804 г. гр. Хвостовъ, вмѣстѣ съ гр. Григоріемъ Сергѣевичемъ Салтыковымъ (1777—1814) и П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ началъ издавать въ Москвѣ журналъ „Другъ Просвѣщенія", гдѣ всѣ трое стали помѣщать свои стихи. Каждый изъ трехъ издателей всегда восхвалялъ напередъ стихи своихъ товарищей, и притомъ самые плохіе, въ надеждѣ, что собственные стихи его покажутся лучше, если рядомъ прочтутъ еще худшіе. На этотъ журналъ тотчасъ-же явилась эпиграмма:

„Картузовъ (т. е. Кутузовъ) другомъ просвѣщенья
Въ листкахъ провозгласилъ себя:
О времена! О превращенья! —
Вотъ каковы въ нашъ вѣкъ друзья!"

Заглавіе журнала плохо оправдывалось его содержаніемъ. Онъ издавался крайне неопрятно, былъ наполненъ опечатками и имѣлъ только 62 подписчика, въ числѣ которыхъ было не мало и такихъ, которые получали его даромъ. Для историка литературы „Другъ Просвѣщенія" важенъ по сотрудничеству въ немъ митр. Евгенія (Болховитинова), который печаталъ тамъ свой словарь русскихъ

писателей (отъ А до К); изъ другихъ сотрудниковъ укажемъ на кн. Дашкову, помѣстившую тамъ двѣ—три статьи и доставившую митр. Евгенію свою автобіографію. Въ стихотворномъ отдѣлѣ, кромѣ самихъ издателей, участвовали: извѣстный сатирикъ кн. Д. П. Горчаковъ (р. 1756 г., † 1824 г.), родственникъ гр. Хвостова, впослѣдствіи членъ „Бесѣды любителей росс. слова“, и Державинъ, который, по просьбѣ гр. Хвостова, прислалъ ему нѣсколько піесъ. Въ 1806 г. журналъ прекратился, „по причинѣ обстоятельствъ“, какъ сказано было въ заявленіи издателей, а въ слѣдующемъ году гр. Хвостовъ переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, у Державина и Шишкова, собирались иногда писатели для чтенія своихъ сочиненій. Въ концѣ 1810 г. явилась мысль сдѣлать эти собранія правильными и публичными, устроить, какъ тогда говорили, лицей или атеней. Составленъ былъ проектъ устава, и въ ожиданіи высочайшаго утвержденія шли приготовленія къ открытію засѣданій. Гр. Хвостовъ подробно описалъ всѣ эти проекты и разсужденія. По словамъ его, „главныя черты лицея суть четыре разряда, въ коихъ 16 членовъ. Предсѣдатели разрядовъ: Державинъ, сенаторъ Захаровъ († 1816), А. С. Хвостовъ и Шишковъ. Цѣль сего заявленія — чтобы пріохотить публику, а особливо дамъ, къ русской словесности и языку. Публичное чтеніе будетъ каждомѣсячно. Всѣ разряды по очереди приготовляютъ сіе чтеніе, потомъ назначается общее собраніе, которое, утвердя статьи для чтенія, объявляетъ о публичномъ лицеѣ съ приглашеніемъ гостей по билетамъ. Сверхъ 16-ти членовъ, называемыхъ должностными, назначается еще 16-ть членовъ при нихъ, называемыхъ сотрудники, кои на убылыя мѣста поступаютъ въ дѣйствительные члены. Еще будутъ почетные члены лицея. Въ лицеѣ будетъ издаваться два журнала—одинъ собственно о языкѣ, а другой о словесности“.

„2-го декабря было собраніе предполагаемаго лицея въ домѣ Г. Р. Державина. Опредѣлено быть въ каждомъ разрядѣ по 6 членовъ, кои суть: Державинъ, гр. Хвостовъ, Ив. Матв. Муравьевъ, Лабзинъ, Ф. П. Львовъ, Д. Барановъ; Захаровъ Политковскій, Карабановъ, Дружининъ, П. Ю. Львовъ, А. А. Писаревъ; Шишковъ, Оленинъ, кн. Д. П. Горчаковъ, кн. С. А. Шихматовъ, Крыловъ, Кикинъ; А. С. Хвостовъ, кн. Голицынъ, кн. Шаховской, Филатовъ, Соколовъ, Маринъ. Нѣкоторые предлагали назвать собраніе Афинеемъ; князь Горчаковъ сказалъ, что Атеней—хорошо, но не надобно выговаривать Афиней, ибо скажутъ—ахинея!“

Наконецъ, по настоянію Шишкова, не любившаго иностранныхъ

словъ, рѣшено было назвать новое общество „Бесѣдою любителей русскаго слова“; но утвержденія все еще не было: „сказывали, замѣчаетъ гр. Хвостовъ, что у государя за столомъ, говоря о новой Бесѣдѣ, сказано было, что она вмѣсто слова билетъ намѣрена употреблять звальце. Сіе произвело всеобщій хохотъ, и Бесѣда остается безъ утвержденія“. Утвержденіе послѣдовало въ мартѣ 1811 г., а 14-го числа происходило первое публичное чтеніе въ Бесѣдѣ, которое, по словамъ гр. Хвостова, „всѣмъ полюбилося и попало въ моду“. Съ тѣхъ поръ гр. Хвостовъ сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ членовъ этого „литерернаго собранія“ или „обители Невскихъ музъ и кореннаго слова“, какъ называетъ онъ „Бесѣду“. Онъ не пропускалъ ни одного засѣданія и подробно записывалъ въ своихъ тетрадяхъ все, что тамъ происходило, прибавляя свои замѣчанія о читанныхъ въ собраніяхъ статьяхъ [1]), напр.: „1811 г. апрѣля 22-го числа читаны были:

1. Трактатъ Державина о лирической поэзіи — никуда не годится.

2. Ода „Истина“, его-же,—мистическая и такъ-же плоха, какъ и трактатъ.

3. Первая сатира Горація, съ маленькимъ предисловіемъ о его философіи, переводъ въ прозѣ г. Муравьева — очень хорошъ только жаль, что въ прозѣ, ибо такъ можно перевести каждому ученику.

4. „Письмо о критикѣ“, гр. Хвостова.

5. Двѣ идилліи Ф. П. Львова—безъ вымысла, огня и чувствъ, только очень щеголевато, напр. теплицы онъ называетъ стеклянными латами цвѣтовъ, и пр.

„8-го декабря, на посмѣяніе здраваго разсудка и вкуса было чтеніе въ „Бесѣдѣ“ г. Захарова, въ коемъ не было метровъ и цесуръ, и, наконецъ,—подлое и вялое стихотвореніе Карабанова. Въ заключеніе—басни (по обычаю) Крылова, о коихъ говорить нечего: право, хороши“ и т. п.

Вскорѣ, однако, у гр. Хвостова начались непріятности съ членами „Бесѣды“, особенно съ Державинымъ, котораго нашъ поэтъ не долюбливалъ за несовсѣмъ лестные отзывы о его произведеніяхъ. Гр. Хвостову, конечно, извѣстны были эпиграммы Державина: „На Скрыплева“ и „На Самохвалова [2]); въ 1803 г., когда епископъ

---

[1]) Сочиненія, читанныя въ этомъ обществѣ, составили особое изданіе; „Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова“ (19 книжекъ, 1811—1815 гг.).

[2]) Соч. Державина, 2-е акад. изд., III, 392, 406 и слѣд.

Евгеній (Болховитиновъ) жилъ въ Новгородѣ, гр. Хвостовъ заѣхалъ къ нему, и, не заставъ его дома, началъ перелистывать лежавшую на столѣ рукопись „Ключа къ стихотвореніямъ Державина", причемъ наткнулся на замѣчаніе не особенно лестное для своего авторскаго самолюбія; онъ тотчасъ-же написалъ на поляхъ: „Гаврила Романовичъ, кажется, ошибается, полагая, что названный имъ поэтъ неспособенъ къ лирическому роду", и въ доказательство тутъ-же исчислилъ нѣкоторыя свои оды [1]). Державинъ совѣтовалъ гр. Хвостову „не торопиться писать скоро стиховъ, а паче не предавать скоро въ печать"; „что прибыли,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ немногихъ писемъ къ неутомимому стихотворцу,— что прибыли отдавать себя безъ строгой осмотрительности суду критиковъ? Вы знаете, что не количество, а качество парнасскихъ произведеній вѣнчаетъ авторовъ". Въ то-же время Державинъ писалъ Дмитріеву: „Относительно стиховъ Д. И. и прочихъ господъ, коими они спѣшатъ наводнять ихъ журналы, я ничего другаго сказать не могу, какъ предать ихъ волѣ Божіей, ибо публика равнодушно ихъ терпитъ". Оскорбленное самолюбіе, а отчасти и зависть, нашли себѣ выраженіе въ многочисленныхъ замѣткахъ гр. Хвостова о произведеніяхъ Державина. Напр., вотъ что говоритъ онъ по поводу извѣстнаго разсужденія Державина о лирической поэзіи:

„Сочиненіе сіе такъ огромно по наружности, что надобно быть хорошему горлу, чтобы прочитать въ три битыхъ часа, а по существу такъ мелко, что не займетъ разумъ и душу ни на одну минуту. Оное есть слѣпокъ несообразный изъ разныхъ учебныхъ книгъ, а большею частью изъ нѣмецкихъ эстетикъ, и не представляетъ въ себѣ ни духа, ни мыслей; словомъ, сочиненіе голое, безъ красокъ, безъ толка, наполненное примѣрами, по большей части, неудачными и такое, которое можетъ составить всякій школьникъ".

Въ той-же тетради находится слѣдующая замѣтка: „Сказывали мнѣ, что Д. всѣ предполагавшіяся къ чтенію въ 3-мъ разрядѣ статьи отворачиваетъ по недостатку изящества, а сообщаетъ повѣствованіе Терамена изъ трагедіи Расиновой о кончинѣ Ипполита, имъ переведенное. О, невѣжественное самолюбіе!"

При разныхъ мелкихъ недоразумѣніяхъ, большею частью изъ-за стиховъ гр. Хвостова, которыхъ Державинъ иногда не допускалъ до публичнаго чтенія, легко могъ явиться поводъ къ настоящей ссорѣ. Дѣло было такъ: Дмитрій Ивановичъ написалъ „Посланіе

[1]) Ibid., 307—308.

къ Стамбулову", въ которомъ явно мѣтилъ на своего двоюроднаго брата и члена „Бесѣды", Александра Семеновича Хвостова, бывшаго одно время при посольствѣ въ Константинополѣ. На просьбу прочитать въ „Бесѣдѣ" это посланіе, Державинъ отвѣчалъ автору (3-го января 1813 г.):

„Предлагалъ я вчерась собранію Посланіе ваше къ Стамбулову, но, къ сожалѣнію моему, примѣчена тутъ личность нащетъ члена, который тутъ-же присутствовалъ; то это весьма непріятно. А для того и возвращаю оное къ вамъ обратно, прося покорнѣйше уволить меня и впредь отъ такихъ сочиненій, гдѣ чья-либо уязвляется честь... Богъ съ вами, ссорьтесь какъ хотите, только меня въ ссоры ваши не вмѣшивайте. Вѣрьте, что очень прискорбно мнѣ видѣть не токмо письменныя колкости другъ другу, но и тайныя насмѣшки и переговоры между сочинителями, которыхъ у насъ еще такъ мало. Мое правило: сказать правду въ глаза что хорошо или дурно по моему разумѣнію; а заочно пересмѣхать и научать противъ ближняго какія-либо писать сатиры или критики несправедливыя право не могу и не терплю, тѣмъ больше, что самъ никогда на это не попущусь. Я желаю отъ искренняго сердца, чтобъ съ новымъ годомъ водворился между нашими авторами миръ и согласіе, о чемъ и васъ покорнѣйше прося, пребываю и проч. Гавріилъ Державинъ".

Гр. Хвостовъ, обидѣвшись этимъ письмомъ, поссорился съ Державинымъ, говоря, что Державинъ называетъ его пасквилянтомъ. Державинъ написалъ ему второе письмо слѣдующаго содержанія:

„Я пасквилемъ сочиненія вашего не называлъ и въ томъ на письмо мое къ вамъ ссылаюся. Что-же касается до Стамбулина и до сочиненія епиграммъ, то извѣстно кто былъ въ Стамбулѣ и кто сочиняетъ епиграммы; а потому и очевидно на кого вы метили. Я и прежде это видѣлъ; но дабы васъ не огорчить, не хотѣлъ вамъ отказать въ прочтеніи онаго въ „Бесѣдѣ", думая, что мое заключеніе несправедливо. Когда-же это всѣмъ въ глаза бросилось, то, признаюсь, что не могу себѣ позволить кого-либо обижать съ намереніемъ (sic). Извините меня въ томъ, графъ, да и вы, кажется мнѣ, напрасно обидѣлись моею искренностью. Пѣчать-же (!) или не пѣчать (!) въ томъ воля ваша, лишь-бы я къ тому былъ незамешенъ (sic). Вашего сіятельства и проч. Гавріилъ Державинъ".

Ссора эта продолжалась года два; потомъ Хвостовъ помирился съ Державинымъ и записалъ въ одну изъ своихъ тетрадей слѣдующій разсказъ объ этомъ случаѣ:

„Державинъ, по хитрому наущенію другихъ и по семидесятилѣтней вѣтренности своей, почелъ посланіе мое къ Стамбулову сатирою на А. С. Хвостова и отпотчивалъ меня оскорбительнымъ письмомъ. Я не ѣздилъ къ нему два года; но кто можетъ сердиться на Державина? У сего знаменитаго современника часто погрѣшала голова, а не сердце. А. С. Хвостовъ, тотъ самый, за котораго онъ при чтеніи Стамбулова такъ горячо вступился, выпустилъ на него въ рукописи весьма обидное сатирическое сочиненіе подъ именемъ „Весна въ 1801 году». Державинъ, не разобравъ который Хвостовъ то былъ, во дворцѣ сильно на меня напалъ, хотя я сатирическо-пасквильными произведеніями всегда гнушался, а особливо безыменными. Что-же я сдѣлалъ? Убѣдя неосмотрительнаго поэта, что не я былъ сочинителемъ творенія тьмы, простилъ Державина въ его ошибкѣ, и мы помирились".

Но гр. Хвостовъ и послѣ смерти Державина долго еще не могъ простить ему его славы и его нелестныхъ отзывовъ о Хвостовѣ-лирикѣ; когда въ 1829 г. Городчаниновъ сообщилъ нашему поэту, что казанское общество задумало поставить Державину памятникъ, гр. Хвостовъ отмѣтилъ на этомъ письмѣ: „сей памятникъ, какъ видно, сооружается, только не знаю, по недостатку въ логикѣ и по небрежности слога будетъ-ли памятникъ памятенъ".

Въ „Біографіи" говорится, что гр. Хвостовъ „Сумарокова и Державина разумѣлъ стихотворцами, только не образцовыми, по недостатку въ нихъ вкуса, а въ послѣднемъ—по недостатку знанія въ языкѣ и большимъ ошибкамъ противъ правильности языка. Державинъ не умѣлъ ни въ молодости, ни подъ старость писать по-русски".

Александръ Семеновичъ Хвостовъ [1]), изъ-за котораго произошла эта ссора, двоюродный братъ гр. Дмитрія Ивановича, былъ въ короткой пріязни съ Державинымъ и Шишковымъ и славился своими остроумными эпиграммами, которыя нерѣдко касались гр. Хвостова и его стиховъ. Обиженный поэтъ мстилъ ему по своему—нескладными эпиграммами, которыя старательно вносилъ въ свои записныя тетради. Вотъ нѣсколько такихъ замѣчаній:

---

[1]) Род. 13-го ноября 1873 г., учился въ академической гимназіи, въ 1772 г. поступилъ на службу въ коллегію иностр. дѣлъ, потомъ, при генералъ-прокурорѣ кн. Вяземскомъ, былъ секретаремъ въ сенатѣ; въ 1779 г. перешелъ въ военную службу подполковникомъ; въ 1791 г. былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ, впослѣдствіи былъ директоромъ государственнаго заемнаго банка; умеръ 14-го іюня 1820 г.

„А. С. Хвостовъ на меня, какъ сказываютъ, нѣгдѣ (sic), между прочимъ, помѣстилъ:

„А графъ—сказать-ли безъ укоръ?
Танцуетъ какъ Вольтеръ, а пишетъ какъ Дюпоръ!“ [1]).

„Я ту-же минуту, вспомня о похищеніи его у Шуазель-Гуфье денегъ, къ сему Екатериною II посланныхъ, за что ему и худо было, сказалъ:

„Конечно, графъ Хвостовъ въ дарахъ Хвостова ниже;
Объ этомъ вѣдаютъ въ Царьградѣ и Парижѣ:
Извѣстный въ наши дни посольствомъ при дворахъ,
Любитель Греціи, защитникъ Періандра,
Писатель Шуазель Хвостова Александра
Европѣ показалъ въ разительныхъ чертахъ“.

Чрезъ нѣсколько страницъ гр. Хвостовъ замѣчаетъ:

„Хвостовъ говоритъ, что эпиграмма „Танцуетъ какъ Вольтеръ, а пишетъ какъ Дюпоръ“,—не его, а Княжнина. Богъ ихъ души вѣдаетъ“.

„Я сочинилъ оду на освященіе Казанскія церкви (1812 г.). Амвросій митрополитъ (Подобѣдовъ) сказалъ кн. Голицыну, что прочитавъ прежде мою оду, не говорилъ самъ проповѣди, затѣмъ, что новаго нечего было сказать. Сказываютъ, впрочемъ, что А. С. Хвостовъ, хваля сію оду мою, слѣдующее сдѣлалъ двустишіе:

„О, храма новаго неизрѣченно чудо!
Хвостовъ стихи скропалъ—и, говорятъ, не худо!“

Вотъ отвѣтъ:

„Я вѣрю чудесамъ
То вѣрно, графъ Хвостовъ воспѣлъ Казанскій храмъ;
Другой Хвостовъ, хоть громъ небесный грянетъ,
Отъ чуда не воспрянетъ:
Онъ сердцемъ и умомъ,
Рукой и языкомъ
Грѣшить не перестанетъ“.

Александръ Семеновичъ не оставался въ долгу у графа и скоро отвѣтилъ ему экспромптомъ, подписавъ на одной изъ новыхъ его одъ:

„Когда сіи стихи покажутся въ столицу,
То первые пойдутъ обертывать корицу“.

---

[1]) Знаменитый въ свое время танцоръ. См. Воспоминанія Вигеля („Русск. Вѣстн.“ 1864 г., августъ стр. 452).

Другіе члены „Бесѣды“, напротивъ, писали гр. Хвостову похвальныя письма, ни по формѣ, ни по содержанію нисколько не уступавшія наименѣе слабымъ изъ его произведеній. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ очень длиннаго посланія А. Д. Боровкова (1788—1856 гг.), которое трудно принять за насмѣшку надъ стихотворцемъ уже и потому, что авторъ—членъ „Бесѣды“—былъ въ близкомъ отношеніи съ гр. Хвостовымъ.

„Тонкій твой очистилъ вкусъ
Для тебя стези Парнасскія,
Мхомъ заросши и утесисты;
Музы праведны, разборчивы,
Въ сонмъ піитовъ знаменитѣйшихъ
Помѣстили тамъ давно тебя,
Всѣ открывши свои таинства.
Твои оды философскія,
Услаждая разумъ-сердце вдругъ,
Всѣхъ склоняютъ къ восхищенію;
Твоей нѣжностью влечешь ты всѣхъ
Къ берегамъ Кубры сребристыя
Предаваться меланхоліи...
. . . . . .
Ты возноспшься, какъ быстръ орелъ,
Разсѣкая воздухъ крыльями,
Прославляешь дѣла славныя
Громче барда вдохновеннаго.
Иногда-жь уроки нравственны
Стихамъ легкимъ, вразумительнымъ
Подаешь намъ въ острыхъ басенкахъ;
Иногда-же, звуки лирные
Согласуя съ Боало-Деспрё,
Научаешь ты соотчичей
Основаніямъ словесности,
Вкусу тонкому, изящному
И пути имъ открываешь тѣмъ
Къ Геликону неприступному“, и пр.

Въ 1813 г. Шишковъ назначенъ былъ президентомъ Россійской академіи, и вслѣдъ затѣмъ многіе изъ „бесѣдистовъ“ сдѣлались академиками. Въ это время извѣстный споръ о старомъ и новомъ слогѣ достигъ крайнихъ предѣловъ, и „бесѣдисты“ за одно съ академиками не скупились на обвиненія своихъ противниковъ въ порчѣ языка и нравовъ. Гр. Хвостовъ, постоянно ратовавшій за чистоту и правильность слога, однако, не принималъ активнаго участія въ этомъ спорѣ, хотя, какъ защитникъ стараго направленія вообще, долженъ былъ стоять на сторонѣ „любослововъ“ Бесѣды

и Академіи. Онъ оставилъ нѣсколько замѣтокъ объ этомъ вопросѣ и въ одной изъ нихъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Сей Парнасской враждѣ я оставался чуждъ. Начальники сего: стихотворческаго (?) пренія были Шишковъ и Карамзинъ — и оба, какъ я думаю, правы. Все дѣло испортили ревностные ихъ подражатели и ратоборцы, а особливо со стороны Карамзина: В. Л. Пушкинъ, А. Е. Измайловъ, Д. В. Дашковъ — нескромными и колкими насмѣшками, а другіе — какъ-то: московскій Измайловъ [1]), князь Шаликовъ и подобные до безчисленности— неискуснымъ подражаніемъ пріятному слогу сочинителя „Марфы посадницы". Зараза распространилась даже до безмолвныхъ обителей, гдѣ святые отцы гласили о сентиментальности и о милой... Ничего писать нельзя достойнаго печати и потомства, не изучася прежде, какъ толкуетъ Шишковъ, книжному языку, который находится у насъ въ Св. Писаніи. Языкъ Ломоносова въ самыхъ одахъ его есть удобопонятный, и именно оттого, что основалъ онъ языкъ свой на знаніи языка церковнаго. Послѣдователи Карамзина хотятъ быть сочинителями, не учася ничему, и почитаютъ за большую премудрость отверженіе словъ славянскихъ единственно оттого, что не вникаютъ въ силу ихъ и не умѣютъ кстати употреблять. По моему мнѣнію, смѣшно быть кн. Шихматовымъ [2]) и жалко — кн. Шаликовымъ: первый будетъ надутъ, а второй, не читая псалтыри, скуденъ не только въ выраженіяхъ, но даже въ мысляхъ и оборотахъ".

Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается откровеннѣе: „Желаю убѣдить питомцевъ музъ, что неистовыя ополченія на А. С. Шишкова, знаменитаго благодѣтеля русской словесности, на меня и на другихъ почтенныхъ по авторству собраній не иное что въ виду имѣли, какъ цѣль безначалія, препятствующую разсматривать и видѣть достоинство въ тѣхъ людяхъ, кои не могли по талантамъ, по совѣсти, по разсудку и опытамъ быть ихъ соучастниками... Зачѣмъ напоминать объ эпиграммахъ, которыя съ торжествующимъ удовольствіемъ отступники порядка и въ самой словесности разсыпали?"

Въ „Біографіи" то-же мнѣніе подкрѣпляется ссылкою на сочиненія графа, „ибо въ разныхъ родахъ, лирическомъ, басенномъ и

[1]) Владиміръ Васильевичъ (р. 1773 г., † 1830 г.), издатель журналовъ: „Патріотъ" (1804), „Вѣстникъ Европы" (1814) и „Россійскій музеумъ" (1815), авторъ сентиментальнаго „Путешествія въ полуденную Россію" (1800—1802).

[2]) Сергѣй Александровичъ (р. 1783 г.,† 1837 г.), авторъ сочиненій: „Ночь на гробахъ" (Спб., 1812) и „Ночь на размышленія" (Спб., 1814), членъ „Бесѣды" стихотворецъ и вѣрный сторонникъ Шишкова. П. М.

учебномъ — вездѣ виденъ одинъ, такъ сказать, почеркъ, т. е. точность, правильность мыслей и словъ. Онъ среди молвы и жаркихъ споровъ на Парнассѣ, и, можетъ быть, вражды на себя отъ непросвѣщенныхъ защитниковъ моднаго краснорѣчія, умѣлъ сохранить дружбу и уваженіе знаменитыхъ своихъ современниковъ: Державина, Шишкова, Карамзина, Н. М. Муравьева, Ив. Ив. Дмитріева и другихъ, что доказываетъ огромная переписка его со всѣми сими особами, коихъ письма у него хранились".

Къ Карамзину гр. Хвостовъ относился, какъ видно, не особенно дружелюбно, что̀ объясняется, между прочимъ, близкими отношеніями нашего поэта къ заклятому врагу историографа, П. И. Голенищеву-Кутузову; тѣмъ не менѣе, онъ считалъ нужнымъ постоянно посылать ему свои произведенія, о которыхъ Карамзинъ еще въ 1791 г. писалъ Дмитріеву: „то-то поэзія! то-то вкусъ! то-то языкъ — Боже! умилосердися надъ нами!" [1]). Въ 1811 г., по поводу одной стихотворной присылки, гр. Хвостовъ получилъ отъ Карамзина такую записку:

„Искренно благодарю ваше сіятельство за обязательное письмо и за доставленіе мнѣ оды достойнаго произведенія вашей музы. Съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаю прекрасные стихи: три послѣдніе во второй строкѣ, два первые въ пятой, седьмой, восьмой и девятый въ шестой, шесть послѣднихъ въ седьмой, два послѣдніе въ восьмой и средніе въ девятой. Вотъ какъ надобно писать нашимъ стихотворцамъ: учите ихъ".

Дмитріевъ укорялъ Карамзина за это письмо, говоря, что Хвостовъ будетъ всѣмъ его показывать и имъ хвастаться; что оно будетъ принято одними за чистую правду, другими—за лесть; что и то, и другое не хорошо. „А какъ-же ты пишешь?" спросилъ Карамзинъ.—„Я пишу очень просто. Онъ пришлетъ ко мнѣ оду или басню, я отвѣчаю ему: ваша ода или басня ни въ чемъ не уступаетъ старшимъ сестрамъ своимъ!" Онъ и доволенъ, а между тѣмъ это правда [2]). Гр. Хвостовъ, дѣйствительно, поступилъ съ письмомъ Карамзина такъ, какъ предсказалъ Дмитріевъ, т. е. сталъ вездѣ его показывать, приписавъ къ нему слѣдующее замѣчаніе: „Безуменъ-бы я былъ, когда-бы дерзнулъ при жизни выдать сіе письмо въ печать, но не менѣе чувствую лестнѣйшій отзывъ о моей поэзіи знаменитаго историографа. Онъ совѣтуетъ юнымъ

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 19.
[2]) Ibid., стр. 65.

поэтамъ у меня учиться, а, вмѣсто того, они меня переучить хотѣли и понынѣ хотятъ".

Письма Дмитріева всѣ очень коротки и написаны по приведенному выше рецепту, напримѣръ:

„Москва, 4-го августа 1812 г. Спѣшу принести чувствительнѣйшую мою благодарность вашему сіятельству за присланныя мнѣ стихотворенія, изъ которыхъ оду вашу я успѣлъ уже прочесть съ необыкновеннымъ удовольствіемъ, какое всегда мнѣ приносятъ произведенія вашей музы".

„Москва, 31-го августа 1815 г. Напрасно вы по скромности вашей не довѣряете вашему генію. Новѣйшее произведеніе вашей музы во всѣхъ отношеніяхъ не уступаетъ прежнимъ".

„Москва, 7-го апрѣля 1827 г. Спѣшу изъявить вашему сіятельству чувствительную благодарность мою за почтенное ваше письмо и подарокъ шестымъ томомъ вашихъ новыхъ и старыхъ стихотвореній, котораго цѣну чувствую въ полной мѣрѣ".

Всѣ подобныя изъявленія благодарности гр. Хвостовъ принималъ за чистую монету, усердно награждалъ Дмитріева своими стихами и гордился своею продолжительною дружбою съ нимъ, несмотря на то, что ему извѣстна была эпиграмма на переводъ Буало, помѣщенная въ „Учебной книгѣ" Греча съ полною подписью Дмитріева:

„Ты-ль это, Буало? какой смѣшной нарядъ!
Тебя узнать нельзя: совсѣмъ перемѣнился!"
— „Молчи! нарочно я Графовымъ нарядился:
Сбираюсь въ маскарадъ".

Дмитріеву-же, вообще не упускавшему случая за глаза уязвить кого-бы то ни было, принадлежитъ слѣдующая эпиграмма, едва-ли не самая злая изъ всѣхъ, обижавшихъ злополучнаго поэта:

„Пегасъ подъ тяжестью лирическихъ стиховъ
Съ надсаду . . . . . — и выскочилъ Хвостовъ".

Разсылая свои произведенія своимъ знакомымъ, гр. Хвостовъ требовалъ отъ нихъ самой строгой критики; но такъ какъ критиковать ихъ было очень затруднительно, то этимъ занимались только панегиристы нашего поэта, посылавшіе ему хвалебные разборы и восторженныя похвалы; другіе-же всегда находили какой-нибудь благовидный предлогъ къ отказу отъ критики. Напримѣръ, въ 1811 г. Каченовскій отвѣчалъ на подобное требованіе такъ:

„Вы изволите требовать, чтобы я сдѣлалъ свои замѣчанія на Андромаху. Къ чему они послужили-бы? Я передъ вами ученикъ,

котораго мнѣнія не должны и не могутъ имѣть никакой важности. Самую справедливую похвалу мою сочтутъ за ласкательство; а показаніе погрѣшностей (если-бы предположить, что они находятся въ Андромахѣ) вмѣнятъ мнѣ въ дерзость".

Подобные-же благовидные предлоги отыскивались издателями журналовъ, чтобы не печатать присылаемыхъ гр. Хвостовымъ стиховъ, которые, несмотря на всѣ его старанія, рѣдко появлялись гдѣ-нибудь кромѣ „Дамскаго Журнала" кн. Шаликова и „Сѣверной Минервы" Вѣтринскаго, находившаго въ нихъ „счастливое сочетаніе религіи, философіи и поэзіи". Въ числѣ писемъ Каченовскаго есть одно, показывающее какимъ путемъ нашъ поэтъ иногда добивался того, что стихи его печатались въ наиболѣе распространенныхъ журналахъ: „Надѣюсь (пишетъ Каченовскій), что ваше с—ство дозволите мнѣ просить васъ объ одномъ дѣлѣ. Ежели заблагоразсудите удостоивать меня присылкою вашихъ сочиненій, то покорнѣйше прошу доставлять ихъ прямо ко мнѣ. Употребляемое вами посредство начальника моего и благодѣтеля, Павла Ивановича [1]), очень много затрудняетъ меня и ставитъ въ положеніи весьма непріятномъ. Просьбы его пр—ства о немедленномъ напечатаніи стиховъ въ журналѣ имѣютъ всю силу приказаній, коимъ я, какъ подчиненный по службѣ, долженъ повиноваться; между тѣмъ, какъ изданіе „Вѣстника Европы" есть такое дѣло, которымъ я занимаюсь по доброй моей волѣ и съ которымъ совмѣстны однѣ только литературныя отношенія, а не какія-либо другія. Я заключилъ съ типографіею письменный договоръ и одному себѣ предоставилъ распоряженіе касательно прозы и стиховъ, о помѣщеніи коихъ совѣтуюсь съ моими сотрудниками, людьми для меня необходимыми по изданію журнала. Сверхъ того, будучи занятъ службою и нужнѣйшими по моему профессорскому званію упражненіями (не говорю уже о продолжительной болѣзни, которая отнимаетъ у меня много времени), я не могу исполнять срочныхъ требованій, возлагаемыхъ на меня нашими литераторами".

Другой издатель „Вѣстника Европы", Вл. Измайловъ (1814), также умѣлъ отдѣлываться отъ притязательнаго поэта. Напримѣръ, вотъ что писалъ онъ однажды гр. Хвостову:

„Въ разсужденіи вашей рукописной піесы „Даръ" я не могу, къ великому моему сожалѣнію, помѣстить ее въ „Вѣстникѣ", ибо она не входитъ въ планъ моего журнала по нѣкоторымъ уваже-

[1]) Голенищева-Кутузова, попечителя московскаго университета и округа.

ніямъ, о которыхъ долго было-бы говорить въ письмѣ. Надѣюсь, что при личномъ свиданіи и объясненіи, вы оправдаете и сами мои побужденія".

Объ Измайловѣ „петербургскомъ" (Александрѣ Ефимовичѣ), котораго гр. Хвостовъ побаивался и старался задобрить, въ одной изъ его записныхъ тетрадей есть такая замѣтка: „сей Измайловъ на меня писалъ многіе пасквили и сочинилъ на мое лицо басню „Чортъ и Поэтъ", которая у него изъ лучшихъ. Я всегда отвѣчалъ ему молчаніемъ и радушнымъ доброжелательствомъ".

Въ журналѣ „Благонамѣренный", издателемъ котораго былъ А. Е. Измайловъ, нерѣдко являлись эпиграммы на бездарныхъ стихотворцевъ и полу-серьезныя, полу-комическія рецензіи на сочиненія гр. Хвостова, который иногда рѣшался опровергать эти рецензіи въ частныхъ письмахъ къ Измайлову. Въ публичныхъ засѣданіяхъ разныхъ литературныхъ обществъ, Измайловъ, иногда въ присутствіи Хвостова, брался читать его стихи, и читалъ ихъ такъ карикатурно, что публика покатывалась со смѣху, а авторъ выходилъ изъ себя, но, не рѣшаясь высказать прямо свою досаду, ввѣрялъ ее своей записной тетради, въ которой осталось нѣсколько замѣтокъ о „пересмѣшливомъ буянѣ". Вотъ одна изъ такихъ замѣтокъ:

„Измайловъ, сочинитель чего?—не знаю, пустился на пасквили на Шишкова, Захарова, многихъ другихъ и на меня. Между прочимъ, Анастасевича за похвалу мнѣ называетъ подлымъ. Анастасевичъ отдѣлался остро:

„Достоинства люблю,
Такъ нѣтъ диковинки, что ихъ хвалю;
За что-же пасквилянтъ меня ругаетъ
И подлымъ называетъ?
У пасквилянта вы спросите самого:
Хвалилъ-ли я его? [1]).

Измайловъ былъ предсѣдателемъ „Спб. общества любителей словесности, наукъ и художествъ" и въ 1812 г. предложилъ избрать гр. Хвостова въ почетные члены этого общества. Когда, извѣщенный объ этомъ избраніи, поэтъ явился въ собраніе общества (14-го марта), тогда одинъ изъ молодыхъ его членовъ, Дм. Вас. Дашковъ, талантливый противникъ Шишкова въ спорѣ о слогѣ и впослѣдствіи членъ „Арзамаса", привѣтствовалъ гр. Хвостова тор-

[1]) Эта эпиграмма сочинена самимъ гр. Хвостовымъ, какъ ясно видно изъ поправокъ и передѣлокъ въ стихахъ. П. М.

жественно-комическою рѣчью, въ которой слогомъ „Бесѣды“ иронически превозносилъ его творенія. Рѣчь эта разошлась по рукамъ во множествѣ списковъ и была уже напечатана вполнѣ (въ „Чтен. Общ. Ист. и Др.“, 1861, кн. IV). Вотъ главныя мѣста изъ нея:

„Любезные сочлены! Нынѣшній день пребудетъ всегда незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашего общества. Нынѣ въ первый разъ возсѣдаетъ съ нами краса и честь россійскаго Парнасса, счастливый любимецъ Аонидъ и Феба, геній, единственный по быстрому своему паренію и по разнообразію тьмочисленныхъ произведеній. Тщетно мрачныя облака сокрывали на время сіяніе солнца: оно расторгнуло ихъ и снова озарило землю. Такъ и зависть тщетно старалась помрачить блистательный полетъ почтеннѣйшаго сочлена нашего, гр. Д. И. Хвостова. Труды его необъятны: единый взоръ на нихъ утомляетъ память и воображеніе; а знаменія побѣдъ его изумляютъ насъ, поражаютъ. Онъ вознесся превыше Пиндара, унизилъ Горація, посрамилъ Лафонтена, побѣдилъ Мольера, уничтожилъ Расина... Хранилища всѣхъ россійскихъ книгопродавцевъ, исполненныя его твореніями, служатъ прочнѣйшимъ основаніемъ его славы“.

Далѣе слѣдуетъ характеристика сочиненій гр. Хвостова, конечно, въ такихъ-же двусмысленныхъ, высокопарныхъ выраженіяхъ, причемъ Дашковъ предлагаетъ своимъ сочленамъ заняться подробнымъ разборомъ и комментированіемъ сочиненій этого великаго поэта и такимъ образомъ воздвигнуть ему достойный литературный памятникъ. Самъ онъ беретъ на себя часть драматическую и тотчасъ-же разбираетъ нѣсколько стиховъ изъ Андромахи и такъ заключаетъ свою рѣчь:

„Такимъ образомъ, занимаясь каждое засѣданіе разборомъ нѣсколькихъ страницъ изъ Андромахи, мы откроемъ, можетъ быть, глаза многимъ изъ соотечественниковъ нашихъ, которые имѣютъ еще слабость предпочитать Расина русскому переводчику, потому только, что первый писалъ по-французски“.

Разсказъ объ этомъ происшествіи занесенъ гр. Хвостовымъ въ одну изъ его записныхъ тетрадей, а оттуда попалъ и въ „Біографію“. Оскорбленный стихотворецъ передаетъ это дѣло такъ:

„Дм. Вас. Дашковъ, извѣстный антагонистъ Шишкова (въ „Біографіи“: „одинъ молодой человѣкъ, Сеидъ новословія и ревностный наперсникъ оракуловъ онаго“), знакомый мнѣ по дому Ив. Ив. Дмитріева и служащій въ томъ-же департаментѣ экзекуторомъ, гдѣ я сенаторомъ [1]), кромѣ вѣжливости и ласки отъ меня

[1]) Д. В. Дашковъ род. въ 1784 г., воспитывался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, служилъ въ архивѣ министерства иностранныхъ

ничего не видалъ; приноситъ мнѣ отъ г. Измайлова, писавшаго на меня прежде пасквили, которыхъ я не читывалъ, оффиціальное, какъ отъ президента, письмо, что я избранъ въ почетные члены общества любителей словесности. Я пріѣзжаю въ собраніе, послѣ котораго, думая меня разсердить или считая, что я похвалу его приму за наличныя деньги, Дашковъ сталъ заикаться и читать, что я великій человѣкъ, что я потопталъ Горація и Лафонтена; я послѣ чтенія улыбнулся и сказалъ, что сіи похвалы мнѣ не принадлежатъ; потомъ, приглася къ себѣ г. Дашкова, помылъ ему въ прозѣ голову. Вотъ чѣмъ кончилась съ моей стороны непростительная шутка г. Дашкова. Но общество иначе на сіе посмотрѣло и выключило Дашкова за дерзкій его поступокъ".

П. О. Морозовъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

дѣлъ, въ министерствѣ юстиціи, въ сенатѣ, состоялъ при нашей миссіи въ Константинополѣ (1818—1820 гг.). Въ 1826 г. назначенъ статсъ-секретаремъ. въ 1832 г.—министромъ юстиціи, въ 1839 г.—членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента законовъ. Скончался въ Петербургѣ, 26-го ноября 1839 г.

ИМПЕРАТОРСКІЙ МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

въ воспоминаніяхъ Михаила Прохоровича Третьякова

1798—1830.

„Другу не дружить и не другу не мстить".
Слова изъ древней русской присяги.

Сынъ чиновника почтоваго вѣдомства, Михаилъ Прохоровичъ Третьяковъ родился въ Москвѣ, 5 сентября 1786 г., но вскорѣ переѣхалъ съ родителями въ г. Елецъ, гдѣ отецъ его получилъ мѣсто почтмейстера; съ семи лѣтъ посѣщалъ тамошнее народное училище; когда же семейство его переѣхало обратно въ Москву, то онъ былъ помѣщенъ въ одну изъ гимназій московскаго университета. Рано лишившись отца, онъ долженъ былъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба въ томъ юномъ возрастѣ, когда сверстники его занимались однѣми только науками, и по недостатку средствъ былъ лишенъ возможности получить высшее образованіе. Такимъ образомъ, имѣя всего 14 лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ 1799 г. на службу въ университетскую канцелярію писцомъ, со скуднымъ жалованьемъ 50 р. въ годъ, но въ то же время продолжалъ посѣщать гимназію, что, разумѣется, было для него весьма не легко; съ этихъ поръ начинается многолѣтняя служебная дѣятельность Третьякова, протекшая въ стѣнахъ московскаго университета.

Въ 1805 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго регистратора, продолжая служить въ правленіи университета до 1817 года, когда онъ занялъ должность старшаго письмоводителя или правителя канцеляріи попечителя московскаго учебнаго округа, коимъ былъ въ то время кн А. П. Оболенскій; въ этой должности Третьяковъ состоялъ до выхода своего въ отставку въ 1828 году.

Въ этотъ длинный, тридцатилѣтній, періодъ своей службы, стоя все время близко къ московскому университету, зная въ подробности всѣ происходившія въ немъ перемѣны, преобразованія, отношенія профессоровъ другъ къ другу; видя вблизи всю мелкую игру страстей, зависти, честолюбія, подъчасъ и недоброжелательства, присущихъ, впрочемъ, каждому человѣческому обществу, Третьяковъ имѣлъ случай также близко ознакомиться съ бытомъ студентовъ, съ правилами, примѣнявшимися къ нимъ и къ воспитан-

никамъ подвѣдомственныхъ московскому университету гимназій и благороднаго пенсіона, и результатомъ всѣхъ этихъ наблюденій явились помѣщаемыя нынѣ на страницахъ „Русской Старины“ его воспоминанія, въ которыхъ событіямъ его частной жизни отведено весьма мало мѣста, а главную роль играютъ воспоминанія о московскомъ университетѣ и о другихъ учебныхъ заведеніяхъ московскаго учебнаго округа 1798—1830-хъ годовъ, въ силу чего онѣ представляютъ весьма значительный интересъ.

Лично для М. П. Третьякова наиболѣе счастливымъ и наиболѣе благотворнымъ періодомъ его служебной дѣятельности слѣдуетъ считать время попечительства кн. А. П. Оболенскаго, съ 1817 по 1825 гг.; изъ всѣхъ попечителей, при которыхъ ему довелось служить, кн. Оболенскій наиболѣе оцѣнилъ его трудолюбіе и усердіе къ дѣлу, относился къ нему постоянно съ довѣріемъ, съ особымъ расположеніемъ и, оставляя постъ попечителя, выхлопоталъ ему пожизненную пенсію 1000 р. въ годъ. Генералъ-маіоръ Писаревъ, заступившій мѣсто кн. Оболенскаго, относился вначалѣ къ правителю своей канцеляріи также съ полнымъ доброжелательствомъ и довѣріемъ, но затѣмъ онъ поддался мало по малу вліянію партіи, интриговавшей противъ Третьякова, завидовавшей его положенію и близости къ попечителю, что и было причиною выхода Михаила Прохоровича въ отставку въ то время, когда онъ былъ еще полонъ силъ и могъ-бы продолжать службу съ пользой для себя и для служебнаго дѣла, которое онъ въ теченіе тридцатилѣтняго служенія зналъ, конечно, въ совершенствѣ. Ред.

I.

Дѣтство.—Несчастье, постигшее моего отца.—Поступленіе въ гимназію.—Я поступаю на службу.—Московскій университетъ.—Профессора университета.—Оклады. — Матеріальныя средства университета. — Университетскія гимназіи.—Правила, въ нихъ соблюдавшіяся.—Попеченія о студентахъ И. П. Тургенева.—Надзоръ за учащими и за учащимися.—Публичныя испытанія.—Вакаціи и праздники. — Высочайшая грамота университету.

По сказанію родителей моихъ—Прохора Козьмича Третьякова и матери Марьи Ивановны, рожденной Булатовой, я родился въ Москвѣ, 5 сентября 1786 года. Отецъ мой служилъ тогда въ московскомъ почтамтѣ и вскорѣ, по распоряженію начальства, отправился въ городъ Елецъ почтмейстеромъ. Такимъ образомъ, и я, пеленами обвитый, переведенъ былъ родителями моими въ тотъ же городъ. Первыя лѣта каждаго человѣка проходятъ обыкновенно въ неизвѣстности для него самого. Въ это время все вниманіе роди-

телей обращено бываетъ на то, чтобъ дитя ихъ было сыто, здорово и почивало сладкимъ сномъ,—такъ поживалъ и я. Отецъ мой и мать моя, Марья Ивановна, любили меня чрезвычайно: я былъ у нихъ единственный сынъ, надежда ихъ и радость. На седьмомъ году заставили меня приняться за ученье. Помню еще теперь какъ учитель Елецкаго народнаго училища Садыковъ сажалъ меня и товарищей моихъ Петра и Константина Калайдовичей [1]) не первыя мѣста и обращалъ на насъ особое вниманіе свое; помню и то, что я очень неохотно принялся за книгу. Несмотря на всѣ трудности, сопряженныя для мальчика съ первоначальнымъ ученьемъ, я выучился читать и писать по-русски и по-славянски, прошелъ краткій катехизисъ, узналъ первыя правила ариѳметики и даже награжденъ былъ книгою за прилежаніе.

Отецъ мой, по должности елецкаго почтмейстера, имѣлъ большое знакомство и въ уѣздѣ и въ городѣ; но ни съ кѣмъ онъ не былъ такъ друженъ, какъ съ кумомъ своимъ, протоколистомъ елецкой дворянской опеки Поздѣевымъ. Этотъ человѣкъ умѣлъ снискать себѣ полную довѣренность отца моего, приходилъ къ нему весьма часто, ѣлъ, пилъ и веселился. Однажды вечеромъ, отецъ мой, разбирая при Поздѣевѣ орловскую почту, усмотрѣлъ адресованный изъ орловской дворянской опеки въ елецкую пакетъ, и тогда же отдалъ его Поздѣеву безъ росписки. Такая оплошность отца моего имѣла гибельныя для насъ послѣдствія, ибо Поздѣевъ заперся въ полученіи имъ означеннаго пакета. Почтовое начальство, найдя отца моего виновнымъ по должности, предало его за то уголовному суду! Орловская уголовная палата, не принявъ въ уваженіе чистосердечнаго показанія отца моего, что пакетъ дѣйствительно отданъ имъ былъ лично Поздѣеву, лишила его права на поступленіе вновь на службу по почтовому вѣдомству. Во время производства этого несчастнаго для насъ дѣла, мать моя переѣхала со мною въ Москву къ отцу своему, коллежскому секретарю Ивану Артемьевичу Булатову, имѣвшему близь Таганки собственный домикъ, куда по прошествіи года явился изъ Орла и отецъ мой, истратившій въ уголовной палатѣ и послѣднее небольшое имущество свое.

---

[1]) Отецъ ихъ тогда служилъ въ городѣ Ельцѣ штабъ-лекаремъ.

Первою заботою отца моего было опредѣлить меня въ гимназію московскаго университета, на казенное содержаніе, въ чемъ, однакожъ, не имѣлъ онъ успѣха; меня приняли въ гимназію своекоштнымъ ученикомъ. Много горя перенесъ я въ ежедневныхъ переходахъ изъ Таганки на Моховую, особливо въ зимнее время. Ученье начиналось въ университетѣ поутру въ восемь часовъ, а оканчивалось вечеромъ въ шесть, слѣдовательно, я долженъ былъ выходить изъ дому зимою до разсвѣта, а возвращаться поздно вечеромъ. На завтракъ и обѣдъ родители мои выдавали мнѣ по двѣ копейки, да добрая нянька моя снабжала меня копейкою, а иногда и двумя, о чемъ я всегда вспоминаю съ особенною благодарностію. На эти-то копейки я покупалъ себѣ ситный хлѣбъ, выпивалъ стаканчикъ сбитню и даже лакомился. Въ то время въ Москвѣ все было дешево.

Отецъ мой, пріискивая себѣ новую должность, простудился, занемогъ горячкою и 26 августа 1798 г. скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, въ то самое время, когда попеченія его и совѣты были для меня необходимо нужны. Вѣчная память ему! Онъ былъ добрый человѣкъ, конечно, съ слабостями, но кто же изъ смертныхъ не имѣетъ ихъ, въ томъ или другомъ видѣ? Почтенный дѣдъ мой, Булатовъ, несмотря на слабое здоровье свое и самое посредственное состояніе, поусердствовалъ матери моей предать землѣ прахъ несчастнаго супруга ея по приличію на Калитинскомъ кладбищѣ за Покровской заставой, и былъ столько добръ, что не лишилъ насъ своего покровительства и пособія. Мать моя осталась вдовою 28 лѣтъ, безъ всякаго состоянія, и не имѣла никакихъ средствъ снабжать меня ни учебными книгами, ни приличною одеждою, ни обувью. Тщетно хлопотала она о помѣщеніи меня въ гимназію на казенное содержаніе: просьбы ея не были уважены подъ разными предлогами, и я, оставаясь своекоштнымъ ученикомъ, терпѣлъ во всемъ большую нужду. Однажды мать моя пришла въ университетъ освѣдомиться объ успѣхахъ моего ученія. Тутъ она встрѣтилась съ однимъ изъ чиновниковъ, служившимъ въ университетской канцеляріи, и разсказала ему про свое горе. Этотъ чиновникъ далъ совѣтъ матери моей опредѣлить меня въ упомянутую канцелярію писцомъ и вызвался быть ходатаемъ по этому дѣлу у своихъ начальниковъ, въ томъ предположеніи, что я, сверхъ занятій по службѣ,

найду еще время продолжать и начатое мною въ гимназіи ученье. Эту мысль мать моя поспѣшила передать отцу своему, а онъ рѣшился привести ее немедленно въ исполненіе. Такимъ образомъ, я, имѣя отъ роду только 14 лѣтъ, вступилъ, въ концѣ 1799 года, въ университетскую службу, съ жалованіемъ по 50-ти рублей въ годъ. Въ скоромъ времени членъ канцеляріи Крупениковъ обратилъ на меня благодѣтельное вниманіе свое и дозволилъ мнѣ обѣдать и ужинать съ находившимися подъ его начальствомъ сверхкомплектными учениками, а почивалъ я въ самой канцеляріи, и за всѣхъ дежурилъ. Многому начиналъ я учиться во время службы, но своя воля и шаткость мыслей отталкивали меня въ другую сторону, часто грязную и для молодаго человѣка неприличную. Несмотря, однакожъ, ни на что, я въ каждое воскресенье посѣщалъ мать свою и давалъ ей отчетъ во всемъ, до меня касавшемся, и, увы, часто несправедливый. О, какъ нѣжно, горячо любила меня мать моя и какъ краснорѣчиво напутствовала на всякое добро. Такъ,—ея святой образъ носился надо мною и въ отдаленіи; ея сердечныя молитвы ко Всевышнему сохраняли меня отъ послѣдняго ниспаденія въ бездну нечестія и разврата, и если я остался живъ еще на бѣломъ свѣтѣ и имѣю что-нибудь, то всѣмъ обязанъ доброй и разсудительной матери моей. Да будетъ же память ея благословляема мною отнынѣ и до вѣка!

Проведя большую часть жизни въ московскомъ университетѣ, я съ душевнымъ удовольствіемъ вспоминаю теперь все, что относится къ сему первому въ Россіи святилищу наукъ.

Московскій университетъ и при немъ двѣ гимназіи: дворянская и разночинская основаны были въ 1755 г. императрицею Елисаветою Петровною, по предстательству знаменитаго любителя наукъ Ивана Ивановича Шувалова, и находились до 1804 г. подъ управленіемъ трехъ господъ кураторовъ, пользовавшихся довѣріемъ высочайшей власти; но ближайшимъ начальникомъ университета былъ директоръ изъ гражданскихъ чиновниковъ. Для совѣщанія по дѣламъ ученымъ, профессора присутствовали въ университетской конференціи подъ предсѣдательствомъ директора, и мнѣнія свои, утвержденныя большинствомъ голосовъ, по разнымъ предметамъ, представляли кураторамъ на разрѣшеніе. Дѣла-же хозяйственныя возло-

жены были на канцелярію университета, имѣвшую особыхъ членовъ изъ гражданскихъ чиновниковъ: Лихарева, Перелыкина, Крутеникова, Наумова и Невзорова, пожалованнаго въ 1801 г. изъ студентовъ въ коллежскіе ассесоры. Канцелярія открыта была ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ праздниковъ подъ предсѣдательствомъ директора. Эту многотрудную и многозаботливую должность исправлялъ, съ 15 ноября 1796 г. до новаго преобразованія университета, дѣйств. ст. сов. и кавалеръ И. П. Тургеневъ, начальникъ добрый, честный и справедливый [1]).

Кромѣ директора находился въ университетѣ и вице-директоръ, изъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ университетѣ преподавались лекціи по всѣмъ отраслямъ наукъ, удовлетворявшимъ современнымъ требованіямъ. Профессора были, по большей части, русскіе, извѣстные въ ученомъ свѣтѣ: Чеботаревъ, Страховъ, Прокоповичъ-Антонскій, Политковскій, Забѣлинъ, Брянцевъ, Панкевичъ, Аршеневскій, Сохацкій, Снигиревъ, Гавриловъ, Черепановъ, Горюшкинъ, Венсовичъ, Барсукъ-Моисеевъ, Андреевскій, Данилевскій; изъ иностранныхъ: Баузе, Керестури, Скіаданъ, Рихтеръ; да лекторы языковъ: нѣмецкаго Геймъ, французскаго Авія-Деватай и англійскаго Белли; исчисляя имена профессоровъ, слѣдуетъ присовокупить къ нимъ и почтеннѣйшаго протоіерея Архангельскаго собора Алексѣева, преподававшаго студентамъ богословіе и церковную исторію.

---

[1]) Тургеневъ имѣлъ 4 сыновей: Андрея, Александра, Николая и Сергѣя. Всѣ они получили отличное воспитаніе. Старшій изъ нихъ, Андрей, перевелъ съ нѣмецкаго языка библейскую правоучительную книжку для взрослыхъ дѣтей въ селѣ Тургеневѣ, которая и напечатана въ Москвѣ въ 1795 г., въ университетской типографіи; но скоро по вступленіи въ службу умеръ; второй сынъ, Александръ, былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ и пользовался полнымъ довѣріемъ министра кн. А. Н. Голицына; третій Николай служилъ въ государственномъ совѣтѣ и издалъ книгу своего сочиненія: Теорія налоговъ. Экземпляръ этой книги Ник. Тургеневъ прислалъ въ даръ, если не ошибаюсь въ 1815 г., бывшему своему наставнику, почтенному ректору московскаго университета Ив. А. Гейму, а Геймъ отдавалъ ее для прочтенія профессору россійскаго законоискусства Н. Н. Сандунову. Сандуновъ отозвался о сочиненіи Тургенева съ самой невыгодной стороны. О четвертомъ сынѣ, Сергѣѣ, я не имѣлъ никакого свѣдѣнія. М. Т.

Жалованье производилось гг. профессорамъ по рѣшеніямъ кураторовъ, смотря по времени службы и заслугамъ каждаго лица. Самый значительный окладъ жалованья получалъ старшій профессоръ Чеботаревъ, по 1,300 р. въ годъ. Профессору Страхову производилось за двѣ должности, профессорскую и инспекторскую въ гимназіяхъ, по 1,000 рублей, и прочимъ отъ шести до семи сотъ рублей. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ имѣли казенныя квартиры, столь бѣдныя, что въ нынѣшнее роскошное время едвали кто изъ профессоровъ согласился-бы пользоваться такими квартирами. Замѣчательно, что изъ всѣхъ профессоровъ украшены были орденомъ св. Владиміра 4-й степени только двое: Страховъ и Забѣлинъ.

До 1804 г. находилось въ университетѣ 40 студентовъ на опредѣленномъ жалованьи отъ 90 до 110 руб. въ годъ; да нѣкоторые изъ нихъ получали еще по 20 руб. за надзоръ въ комнатахъ за казенными учениками. На эти-то деньги студенты обязаны были имѣть приличную одежду, обувь и столъ! Выдавая студентамъ жалованье, начальство имѣло въ виду пріучать ихъ заблаговременно къ заботамъ общественной жизни. Кромѣ жалованья, многіе изъ студентовъ умѣли пріобрѣтать себѣ деньжонки на сторонѣ: давали уроки дѣтямъ богатыхъ родителей и переводили съ иностранныхъ языковъ книги для содержателей типографій и книгопродавцевъ.

Сверхъ казенныхъ студентовъ, учились въ университетѣ и своекоштные. Сколько было таковыхъ студентовъ—утвердительно сказать теперь нѣтъ никакой возможности; однакожъ, извѣстно, что въ прежнее время не такъ-то легко было получить званіе студента: ибо всякій, гдѣ бы онъ ни учился и какія-бы ни имѣлъ основательныя свѣдѣнія въ языкахъ и наукахъ, не имѣлъ право вступить прямо въ университетъ студентомъ, а въ гимназію ученикомъ, хотя на самое короткое время! Было еще нѣсколько баккалавровъ, приготовлявшихся для занятія профессорскихъ каѳедръ. Вообще, должно сказать, что до 1804 г. университетъ не могъ похвалиться большимъ числомъ студентовъ, но могъ похвалиться тѣмъ, что всѣ они имѣли прекрасныя свѣдѣнія въ языкахъ и наукахъ, были душевно преданы государю и отечеству, и по вступленіи въ службу многіе изъ нихъ занимали важныя должности въ государствѣ! Къ чести универ-

ситета слѣдуетъ присовокупить еще и то, что онъ, приготовляя питомцевъ своихъ къ разнымъ отраслямъ государственной службы, въ то же время заботился и о замѣщеніи профессорскихъ каѳедръ русскими учеными, возросшими въ нѣдрахъ самаго университета! Кому не извѣстны имена профессоровъ: Мудрова, Двигубскаго, Цвѣтаева, Болдырева, Ивашковскаго, Тимковскаго, Ризенко, Грузинова, Давыдова и пр.

Кураторы и директоръ получали жалованья по 1875 руб. въ годъ, университетъ-же и гимназіи по 60 тысячъ; да типографія, отдававшаяся до 1806 г. на откупъ, приносила университету ежегодно по 23,100 руб., да и то въ послѣднее четырехлѣтіе. Изъ этихъ денегъ производилось жалованье профессорамъ, учителямъ, студентамъ, чиновникамъ по хозяйственной части и сторожамъ. На эти-же деньги содержимы были 150 учениковъ и болѣе ста сверхъ-комплектныхъ. Такимъ образомъ, университетъ, имѣя въ распоряженіи своемъ 83 тысячи рублей, умѣлъ дѣлать очень много добра: ибо благотворилъ трехъ стамъ юношамъ самобѣднѣйшаго состоянія, и поддерживалъ всѣ зданія свои въ должномъ порядкѣ и чистотѣ.

Гимназіи открыты были для дѣтей всѣхъ состояній и всѣхъ возрастовъ. Число ихъ простиралось болѣе 1,000 человѣкъ. Ученики раздѣлялись на казеннокоштныхъ, сверхъ-комплектныхъ, пансіонеровъ и своекоштныхъ. Предметы ученія были слѣдующіе: законъ Божій; языки: русскій, греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій и англійскій; исторія отечественная и всеобщая; математика; гражданская архитектура; искуства: чистописаніе, рисованіе, танцы, фехтованіе, вокальная и инструментальная музыка. Ученики вступали въ гимназіи во всякое время года и избирали себѣ предметы ученія по своему выбору, кромѣ казенныхъ, для которыхъ существовалъ особый порядокъ! Да иначе и быть не могло, ибо въ гимназіяхъ обучались дѣти всѣхъ состояній.

На полномъ казенномъ содержаніи находилось 150 воспитанниковъ изъ дворянъ и разночинцевъ. Они жили въ двухъ отдѣленіяхъ, именовавшихся: одно дворянскимъ, а другое—разночинскимъ; но учились и обѣдали всѣ вмѣстѣ. Въ каждой комнатѣ помѣщалось отъ 10 до 15 человѣкъ, подъ надзоромъ избранныхъ студентовъ. Поутру ученики вставали въ шесть ча-

совъ и занимались повтореніемъ уроковъ; въ половинѣ осьмаго сходились въ столовую, гдѣ, по принесеніи Господу Богу утреннихъ молитвъ, получали на завтракъ по ситной булкѣ и расходились по классамъ. Въ 12 часовъ оканчивалось утреннее ученіе, затѣмъ слѣдовалъ обѣдъ, состоявшій въ будничные дни изъ трехъ, а въ праздники изъ четырехъ блюдъ. Для учениковъ, отличавшихся особеннымъ прилежаніемъ и поведеніемъ, былъ такъ называемый прилежный столъ, за которымъ подавали ученикамъ какое-либо лакомство. Всѣ посты, а также среда и пятница, соблюдаемы были по правиламъ нашей православной церкви. Въ два часа послѣ обѣда ученики снова расходились по классамъ и оставались тамъ до 6-ти часовъ. Возвратясь въ комнаты, ученики занимались нѣкоторое время невинными играми или гуляли по двору, разумѣется, въ хорошую погоду. Въ 7 часовъ принимались за уроки; въ восемь ужинали, а въ 9 час. ложились спать. Послѣ того, такъ называемый, урядникъ осматривалъ всѣ комнаты и замѣчалъ имена отсутствовавшихъ студентовъ. Съ уходомъ урядника, двери наружныя запирались сторожами и водворялась тишина и спокойствіе. По утрамъ, въ 6-мъ часу, тотъ-же урядникъ ходилъ по комнатамъ и если узнавалъ, что кто-либо изъ студентовъ не ночевалъ дома или поздно приходилъ, то о таковомъ доносилъ кому слѣдуетъ.

Всѣ казенные студенты и ученики находились подъ надзоромъ двухъ эфоровъ, изъ которыхъ одинъ наблюдалъ за успѣхами въ ученіи, а другой—за нравственностью. Эти многозаботливыя должности исправляли до 1804 г. профессора, безъ особаго за то жалованья: первую—Андр. Михайловичъ Брянцовъ, а вторую—Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ. Вотъ его-то особенно опасались и студенты и ученики, ибо онъ никому потачки не давалъ и отличался неусыпною дѣятельностью и прозорливостью. Не проходило почти ни одного дня безъ того, чтобы Гавриловъ не посѣтилъ всѣхъ комнатъ и притомъ всегда въ неизвѣстное время. Да и ученики, съ своей стороны, не зѣвали и зорко слѣдили за каждымъ шагомъ строгаго блюстителя ихъ нравственности. Слова: „Гавриловъ ходитъ по комнатамъ“ разносились вездѣ съ неимовѣрною быстротою. Въ случаяхъ, превышающихъ власть эфоровъ, они обо всякомъ значительномъ происшествіи доносили директору, который, какъ чадолюбивый

отецъ, употреблялъ надъ провинившимися однѣ только исправительныя мѣры и никого не сдѣлалъ несчастнымъ. Любимый выговоръ почтеннаго директора состоялъ, по большей части, въ словахъ: „экой ты шатунъ, впередъ того не дѣлай!“ Нерѣдко и сами гг. кураторы осматривали университетъ и дѣлали нѣкоторыя замѣчанія.

Кромѣ казенныхъ студентовъ и учениковъ, помѣщалось въ университетѣ болѣе ста юношей, подъ именемъ сверхъ-комплектныхъ. Добрый Тургеневъ, желая по возможности облегчить участь самобѣднѣйшихъ сиротъ, придумалъ новое средство благотворить несчастнымъ. Сначала онъ принялъ на попеченіе университета человѣкъ двадцать; потомъ еще нѣсколько и, наконецъ, число ихъ возросло болѣе ста человѣкъ. Скажемъ правду, что они тѣсно помѣщались въ комнатахъ, однако-жъ, имѣли казенный столъ, а нѣкоторые одежду и обувь на счетъ благоразумной бережливости отъ содержанія штатныхъ казенныхъ учениковъ. Такимъ благотворительнымъ подвигомъ, основаннымъ на истинной любви къ ближнему, спасено было много дѣтей отъ гибели и разврата, и имъ указанъ путь къ благородной цѣли—посвятить себя на службу государю и отечеству. Облагодѣтельствовавъ бѣдныхъ сиротъ высокимъ покровительствомъ своимъ, Тургеневъ обратилъ вниманіе и на тѣхъ дѣтей, которыхъ родители имѣли хотя небольшое состояніе. Онъ открылъ въ особо выстроенномъ, по Никитской улицѣ, домѣ пансіонъ, гдѣ за самую умѣренную цѣну ученики воспитывались наравнѣ съ казенными. Этимъ пансіономъ, а также сверхъ-комплектными учениками завѣдывалъ членъ канцеляріи университета Крупениковъ и, подъ его начальствомъ, нѣсколько студентовъ, въ числѣ которыхъ находился извѣстный впослѣдствіи попечитель Одесскаго учебнаго округа,—Н. Ф. Покровскій. Въ этомъ же пансіонѣ воспитывался Н. И. Гнѣдичъ, переводчикъ Иліады.

Казенные ученики имѣли форменную одежду: въ будни—суконный сюртукъ верблюжьяго цвѣта, а въ торжественные дни темно-зеленый мундиръ съ малиновымъ воротникомъ, обшлагами и бѣлыми пуговицами съ гербомъ имперіи и атрибутами учености. За чистотою въ комнатахъ надзиралъ урядникъ. Бѣлье перемѣняли ученики разъ въ недѣлю, а въ баню ходили чрезъ двѣ недѣли.

Начальство университета, имѣя въ виду, что просвѣщеніе юношества должно быть основано на благочестіи, поставляло всѣмъ своимъ воспитанникамъ обучаться закону Божію. Сверхъ того, въ главномъ корпусѣ существовала до 1812 г. церковь во имя великомученицы Татьяны, празднуемой 12-го января. Въ этотъ день въ 1755 г. императрица Елисавета Петровна подписала указъ объ учрежденіи въ Москвѣ университета. Богослуженіе совершалъ въ воскресные и праздничные дни, при отличномъ хорѣ пѣвчихъ изъ воспитанниковъ, извѣстный протоіерей Ф. Ав. Малиновскій. Всѣ казенные ученики и студенты находились въ церкви при богослуженіи, а во время великаго поста исповѣдывались и пріобщались Святымъ Тайнамъ. Самъ почтенный директоръ, не смотря на слабое здоровье свое, весьма часто присутствовалъ въ церкви и съ благоговѣніемъ читывалъ Апостолъ. Повторю еще разъ, что Тургеневъ, начальствуя надъ университетомъ семь лѣтъ, былъ одинъ изъ самыхъ добрыхъ честныхъ и справедливыхъ начальниковъ. Зная лично достоинства и слабости гг. профессоровъ, учителей и другихъ чиновниковъ, Тургеневъ умѣлъ вести каждаго изъ нихъ къ предположенной цѣли и самое взысканіе его по службѣ не сдѣлало ни одного изъ служившихъ въ университетѣ несчастнымъ. Нужно-ли послѣ того говорить, что всѣ любили и уважали Тургенева какъ своего отца и благодѣтеля.

Кромѣ казенныхъ учениковъ, сверхъ-комплектныхъ и пансіонеровъ, жившихъ въ самомъ университетѣ, весьма много было учениковъ и своекоштныхъ. Они приходили въ классы въ назначенное время, учились вмѣстѣ съ прочими и одѣвались во что имъ Богъ посылалъ: о форменномъ платьѣ для своекоштныхъ учениковъ никто и не думалъ, да и къ чему оно?

Пріемъ въ гимназію во всякое время производился очень просто: директоръ, принявъ просьбу отъ желающаго учиться, посылалъ его къ инспектору гимназій. Инспекторъ, сдѣлавъ просителю испытаніе, записывалъ его въ тотъ или другой классъ, выдавалъ табель, съ которою новиціатъ являлся къ учителямъ, въ табели поименованнымъ, и дѣлу конецъ. Всѣ своекоштные ученики находились подъ вѣдѣніемъ особаго инспектора. Эту многотрудную должность исправлялъ профессоръ физики Страховъ. Не имѣя при себѣ ни помощника ни даже писца, Стра-

ховъ самъ занимался составленіемъ алфавитной книги всѣмъ ученикамъ; экзаменовалъ ихъ при вступленіи въ гимназіи; переписывалъ ихъ изъ одного класса въ другой, что отдавалось на волю каждаго ученика, и выдавалъ свидѣтельства тѣмъ изъ нихъ, которые, не кончивъ ученія, выходили изъ гимназіи во всякое время. Поистинѣ должно сказать, что никто изъ профессоровъ не трудился столь много по дѣламъ службы, сколько трудился Страховъ.

Былъ еще въ университетѣ особый, можно сказать, полицейскій надзоръ за всѣми учащими и учащимися. Этотъ надзоръ производился ежедневно во время ученія чрезъ очередныхъ, опредѣленныхъ для того, гражданскихъ чиновниковъ слѣдующимъ порядкомъ: по утру въ 8 часовъ, по пробитіи звонка, дежурные посѣщали всѣ классы и замѣчали — всѣ-ли профессора и учителя находились при своихъ мѣстахъ, и въ случаѣ отсутствія кого-либо изъ нихъ дежурные размѣщали учащихся по другимъ классамъ, и каждую субботу доносили обо всемъ директору, а онъ кураторамъ. Во время перемѣны классовъ, бывшей по утру въ 10, а послѣ обѣда въ 4 часа, а также и по окончаніи ученія, дежурные наблюдали за поведеніемъ учениковъ и замѣченныхъ ими въ неприличныхъ шалостяхъ препровождали къ инспекторамъ. Всѣхъ дежурныхъ находилось въ университетѣ 8, а иногда и больше. Они дежурили по очереди по два. Въ числѣ ихъ были люди и богатые: Демидовъ, Хозиковъ, кн. Долгорукій—шуринъ куратора Голенищева-Кутузова, Безобразовъ и др.

При окончаніи годоваго ученія, директоръ и профессора производили въ большой аудиторіи всѣмъ учащимся публичное испытаніе, начиная съ низшихъ классовъ. Каждый учитель приводилъ учениковъ своихъ по два въ рядъ въ аудиторію и представлялъ директору и профессорамъ именные ихъ списки. Послѣ сего начиналось испытаніе. Профессора, вызывая къ себѣ по одному или по два ученика, предлагали имъ вопросы изъ пройденныхъ предметовъ и тутъ-же назначали заслуженную каждымъ ученикомъ награду. Наконецъ, начиналось испытаніе высшаго класса изъ греческаго и латинскаго языковъ для производства въ студенты. Это испытаніе, смотря по числу учениковъ, продолжалось иногда по нѣсколько дней и было самое трудное

для учащихся. Всѣ-же испытанія заключались танцами, музыкою, фехтованіемъ и разсматриваніемъ ученическихъ прописей, рисунковъ и архитектурныхъ чертежей.

Испытанія студентовъ, уже слушавшихъ профессорскія лекціи, происходили тѣмъ-же порядкомъ и оканчивались прекрасными физическими опытами изъ класса физики проф. Страхова, читавшаго лекціи съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ.

Директоръ, сдѣлавъ съ профессорами окончательное совѣщаніе по всѣмъ частямъ годоваго ученія, назначалъ въ университетѣ торжественное собраніе почти всегда 30-го іюня.

Наканунѣ этого дня университетъ разсылалъ печатныя приглашенія къ именитымъ особамъ, въ Москвѣ находившимся. По утру 30-го іюня, въ присутствіи директора, учащихъ и учащихся, совершаема была въ университетской церкви божественная литургія и молебствіе о здравіи государя и августѣйшаго его дома. Въ шесть часовъ вечера, по прибытіи въ большую аудиторію кураторовъ и многочисленныхъ посѣтителей, которые встрѣчались игрою на трубахъ и литаврахъ, торжество открывалось оркестромъ музыки съ хоромъ пѣвчихъ. Послѣ того очередные профессора произносили рѣчи: одинъ на русскомъ, а другой на латинскомъ языкѣ, а также нѣкоторые изъ студентовъ и учениковъ читали сочиненія свои въ стихахъ и прозѣ. Въ промежутокъ между чтеніями посѣтители угощаемы были прохладительными напитками. Наконецъ, провозглашались имена студентовъ, удостоенныхъ награды золотыми и серебрянными медалями, имена новопроизведенныхъ студентовъ и учениковъ, получавшихъ книги за прилежаніе, а также и переводимыхъ изъ низшихъ въ высшіе классы. Для большей торжественности, медали и шпаги вручали студентамъ сами кураторы и именитыя особы, всегда съ удовольствіемъ посѣщавшія университетъ въ этотъ торжественный для него день.

Почитаю не излишнимъ сказать здѣсь, что начальство университета столь высоко цѣнило благонравное поведеніе студентовъ и учениковъ, что ежегодно награждало за то самыхъ отличнѣйшихъ изъ нихъ золотою и серебряною медалью. Торжество заключалось благодарственною рѣчью къ посѣтителямъ и открытіемъ для нихъ ученыхъ сокровищъ, т. е. кабинета естественной исторіи и библіотеки.

Во время вакаціи, продолжавшейся съ 30-го іюня по 17-го августа, остававшіеся въ университетѣ ученики занимались военною экзерциціею; затѣмъ часто подъ надзоромъ камерныхъ студентовъ, выходили за городъ подышать чистымъ воздухомъ. Любимымъ мѣстомъ для таковыхъ прогулокъ назначались Воробьевы горы, бывшія тогда во всей красѣ своей и великолѣпіи. Проведя тамъ цѣлый день въ разнообразныхъ забавахъ, ученики поздно вечеромъ возвращались домой. Нечего таить грѣха,— надобно сказать, что нѣкоторые изъ взрослыхъ учениковъ умѣли находить въ окрестностяхъ Воробьевыхъ горъ и запрещенное. Обѣдъ-же и ужинъ для всѣхъ вообще состоялъ изъ холодныхъ кушаній, привозимыхъ туда заранѣе изъ университета помощникомъ эконома съ прислугою.

Въ другія вакаціи о святкахъ и масляницѣ студенты и ученики устраивали въ столовой театръ и давали на немъ нѣсколько представленій. Зрителями были профессора съ семействами. Въ другіе дни, свободные отъ театральныхъ представленій, студенты и ученики разыгрывали музыкальныя піесы, танцевали, играли въ фанты, а иногда давали и маскарады съ приличнымъ угощеніемъ! Да, въ прежнее время любили и—умѣли веселиться.

Вотъ краткая исторія Московскаго университета за время съ 1799 по 1804 годъ. Остается мнѣ только присовокупить къ ней, что всѣ гг. профессора, учителя и чиновники по хозяйственной части, вѣрные святому долгу гражданина предъ Богомъ и отечествомъ, проходили должности свои не за страхъ, а за совѣсть; отличались правотою, добродушіемъ, любовью другъ къ другу и тою патріархальною простотою, которая неизвѣстна уже въ наше время, подавленное лицемѣріемъ и коварствомъ. Русскіе ученые, получая самое посредственное жалованье, проводили полезную жизнь свою въ тишинѣ, довольствуясь тѣмъ, что Богъ имъ посылалъ, а о другихъ наградахъ никто изъ нихъ и не думалъ!

Императоръ Александръ I, учреждая новые университеты, гимназіи и училища, удостоилъ въ грамотѣ своей изъявить торжественно московскому университету высокомонаршую признательность „за великое участіе его въ образованіи людей способныхъ для государственной службы, въ распространеніи знаній

и наипаче въ усовершенствованіи отечественнаго языка" (подлинныя слова изъ высочайше дарованной грамоты). Итакъ, цѣль учрежденія московскаго университета была достигнута самымъ блестящимъ образомъ.

II.

Преобразованіе университета.—Первый попечитель.—Выборъ ректора.—Новый уставъ.—Юбилей университета.—Ректорство Страхова.—Мой дѣдъ Булатовъ.—Продажа имъ дома.—Совмѣстная жизнь съ матерью.—Кончина М. Н. Муравьева.—Попечительство гр. Разумовскаго.—Переходъ „Московскихъ Вѣдомостей" къ новому редактору.—Дѣйствія новаго попечителя.—Увольненіе Чеботарева.—Мои занятія въ канцеляріи попечителя.—Занятія у Бекетова.—Новый законъ о производствѣ въ чины.—Лекціи, читанныя чиновникамъ.—Поступленіе въ университетъ В. И. Оболенскаго.

Въ 1804 г. университетъ преобразованъ былъ по новому уставу и штату. Вмѣсто трехъ кураторовъ, которые до того времени начальствовали надъ университетомъ, назначенъ попечитель; вмѣсто постояннаго директора, допущено избраніе ежегодно ректора изъ профессоровъ; канцелярія университета, имѣвшая особыхъ членовъ изъ гражданскихъ чиновниковъ, переименована въ правленіе; мѣста совѣтниковъ заступили непремѣнный засѣдатель изъ старшихъ профессоровъ, по назначенію попечителя, и деканы отдѣленій; гимназіи были уничтожены. Въ то-же время поступили въ распоряженіе университета вновь заводимыя въ 10-ти губерніяхъ гимназіи, уѣздныя и приходскія училища. Для управленія этими заведеніями, открытъ былъ при университетѣ, подъ предсѣдательствомъ ректора, училищный комитетъ, а для цензуры книгъ—цензурный. Итакъ, сколько дѣятельности и опытности въ дѣлахъ надлежало имѣть профессорамъ и въ особенности ректору при исполненіи столь важныхъ и разнообразныхъ обязанностей.

Первымъ попечителемъ университета и учебнаго его округа назначенъ былъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, обучавшійся нѣкогда и самъ въ этомъ же университетѣ. Любя и почитая мѣсто воспитанія своего, Муравьевъ всемѣрно старался о возведеніи его на высшую степень совершенства. Съ этою цѣлію пригласилъ онъ изъ Гер-

маніи въ Москву 11 ученыхъ мужей по разнымъ отраслямъ наукъ. Для помѣщенія новоприбывшихъ на казенныхъ квартирахъ, куплены были смежные съ университетомъ два дома: первый—у Мосоловой, по Никитской улицѣ, а другой—у Пушкиной, по переулку.

Выборъ въ ректоры, по новому уставу на одинъ годъ, палъ по баллотировкѣ на старшаго проф.—Харитона Андреевича Чеботарева. Для бо́льшаго почета къ сану ректора, присвоенъ ему чинъ 5-го класса заурядъ [1]). Завелись партіи, интриги, и лицо временнаго начальника не имѣло уже для служащихъ въ университетѣ того достоинства, какое привыкли мы видѣть въ постоянномъ директорѣ. Облеченный въ это званіе высочайшею властію, знавшій порядокъ службы и не имѣвшій равнаго себѣ по чину между подчиненными, директоръ имѣлъ всѣ средства быть истиннымъ начальникомъ. Хотя всѣмъ извѣстно было, что новый ректоръ отличался примѣрною честностію, простотою, добродушіемъ, обходился со всѣми по-дружески, говорилъ каждому ты; однако-же, извѣстно было и то, что онъ нерѣдко впадалъ въ нѣкоторую слабость и велъ жизнь безпечную. Не странно-ли было смотрѣть на почтеннаго ректора, когда онъ, часовъ въ семь послѣ обѣда, одѣтый въ длиннополый сюртукъ, обутый въ спальные сафьяновые сапоги, имѣя на головѣ трехъ-угольную шляпу съ плюмажемъ, а въ рукахъ длинную натуральную трость, посѣщалъ студенческія комнаты. Могъ-ли начальникъ въ такомъ нарядѣ снискать себѣ должное уваженіе отъ подчиненныхъ ему лицъ? Зналъ-ли онъ хоть сколько-нибудь хозяйственную часть и канцелярскій порядокъ? Смѣло отвѣчаю—нѣтъ, не зналъ.

Въ то время засѣданія въ правленіи университета происходили два раза въ недѣлю; въ промежутокъ этого времени, секретарь правленія Тимоновъ, получая отъ ректора разныя входящія бумаги, заготовлялъ по нимъ резолюціи и составлялъ журналъ для наступавшаго присутствія. Ректоръ, прибывъ въ назначенный день въ правленіе и потолковавъ кое о чемъ съ деканами, обращался къ секретарю съ вопросомъ: „готовъ ли журналъ?“ Тогда опытный секретарь представлялъ ректору

[1]) До 1804 г. никто изъ профессоровъ не имѣлъ чина выше коллежскаго совѣтника. М. Т.

изготовленный заранѣе журналъ, и—дѣлу конецъ! Да и при другихъ ректорахъ дѣлопроизводство въ правленіи шло немного лучше описаннаго мною, такъ что деканъ Панкевичъ дѣлалъ попечителю гр. Разумовскому доносъ о замѣченномъ имъ, Панкевичемъ, въ правленіи отступленіи отъ законнаго порядка.

Новый уставъ университета даровалъ молодымъ людямъ право получать званіе студента гдѣ-бы они ни учились и даже подвергать себя экзамену на высшія ученыя степени кандидата, магистра и доктора, которымъ присвоены слѣдующіе классные чины: кандидату 12-й, магистру 9-й, доктору 8-й, а студентамъ, кончившимъ курсъ наукъ—14-й классъ. Цѣль правительства была, конечно, самая благонамѣренная—привлечь молодыхъ богатыхъ дворянъ къ образованію въ университетѣ; но слѣдствіемъ такого распоряженія было, однако-же, то, что многіе юноши начали входить въ университетъ студентами съ самыми ограниченными свѣдѣніями въ языкахъ и наукахъ [1]). Прослушавъ годъ, а много два профессорскія лекціи, они получали безъ экзамена студентскіе аттестаты съ правомъ на чинъ 14-го класса, ибо тогда не было еще издано особенныхъ правилъ, по которымъ назначался срокъ для производства по экзамену въ ученыя степени.

30-го іюня 1805 г. университетъ торжественно праздновалъ полувѣковой юбилей своего основанія. По утру, въ присутствіи ректора Чеботарева, профессоровъ и студентовъ, совершена была въ университетской церкви божественная литургія и молебствіе о здравіи и благоденствіи августѣйшаго покровителя наукъ государя императора Александра I-го и всего царскаго дома. Въ 6 часовъ пополудни по прибытіи въ большую аудиторію университета многихъ именитыхъ особъ и прочихъ любителей народнаго просвѣщенія, торжество открыто было огромнымъ оркестромъ музыки съ хоромъ пѣвчихъ, а затѣмъ избранные профессора произнесли приличныя этому торжеству рѣчи, обратившія на себя особенное вниманіе всѣхъ почтенныхъ посѣтителей, а особливо рѣчь профессора Сохацкаго. Ораторъ, исчисливъ въ ней заслуги московскаго университета на

[1]) Лекторъ французскаго языка Виллерсъ содержалъ по близости университета свой частный пансіонъ, изъ котораго богатые юноши и поступали въ университетъ студентами. Виллерсъ имѣлъ особенную способность вести это дѣло самымъ выгоднымъ для себя образомъ. М. Т.

пользу воспитанія и образованія юношества, сказалъ, что „отличительныя черты характера воспитанниковъ университета и поведенія суть честность, прямодушіе, вѣрность и любовь къ отечеству—плоды истиннаго просвѣщенія“.

По окончаніи ученаго торжества, профессора собрались на дружескую бесѣду къ ректору Чеботареву, во время которой посреди университетскаго двора горѣлъ великолѣпный щитъ съ приличными изображеніями.

Ректоръ Чеботаревъ, выслуживъ въ этой должности опредѣленный срокъ, сдалъ ее вновь избранному университетскимъ совѣтомъ въ ректоры ординарному профессору физики Петру Ивановичу Страхову, а самъ, по распоряженію попечителя, опредѣленъ безсмѣннымъ засѣдателемъ въ правленіе университета.

Въ ректорство Страхова послѣдовали въ университетѣ слѣдующія крупныя перемѣны.

Совѣтъ университета, основываясь на 9 § Устава, высочайше утвержденнаго 5-го ноября 1804 г., открылъ въ зданіяхъ своихъ, по плану попечителя Муравьева, новую гимназію подъ названіемъ академической, для которой 28-го октября 1806 г. министромъ народнаго просвѣщенія утверждено было особое постановленіе. Число гимназистовъ ограничивалось средствами хозяйства университетскаго, но никогда не должно было быть менѣе 60-ти, дабы, послѣ четырехъ-годичнаго курса ученія, гимназія могла снабжать университетъ ежегодно 15-ю студентами для замѣщенія ими праздныхъ мѣстъ въ числѣ студентовъ, кандидатовъ и магистровъ университетскаго содержанія, составляя какъ-бы разсадникъ ученыхъ чиновниковъ московскаго учебнаго округа. Кромѣ содержимыхъ университетомъ 60-ти воспитанниковъ, дозволено было учиться и своекоштнымъ ученикамъ, по усмотрѣнію инспектора гимназіи, безъ всякой за то платы [1]). Ученье производилось чрезъ адъюнктовъ, лекторовъ и магистровъ университета за опредѣленное имъ штатное жалованье и раздѣлялось на четыре года.

Замѣчательно, что въ этой гимназіи началъ свое поприще

---

[1]) Прежнее благодѣтельное училищное начальство никогда и не думало взимать какую-либо плату съ учащихся какъ въ университетахъ, такъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. А теперь что мы видимъ? М. Т.

извѣстный впослѣдствіи времени ординарный профессоръ и литераторъ Каченовскій, преподававшій въ 1805 году ученикамъ риторику.

Послѣ 1812 г. это прекрасное и полезное заведеніе, стоившее университету небольшихъ издержекъ, не было уже возстановлено, и новое начальство университета не обратило на него никакого вниманія.

Принадлежавшая университету типографія, отдававшаяся на откупъ содержателямъ: Люби, Гари и Попову за 23,000 руб. въ годъ, поступила съ 1-го генваря 1806 г., по предложенію попечителя Муравьева, въ полное распоряженіе университетскаго правленія на особыхъ правилахъ, утвержденныхъ главнымъ правленіемъ училищъ 11-го октября 1806 г., и поручена особому чиновнику подъ названіемъ начальника типографіи. Отъ такой перемѣны въ управленіи типографіею доходы университета ежегодно увеличивались и дошли, наконецъ, до ста тысячъ рублей ассигнаціями.

Страховъ, любимый и уважаемый и учащими и учащимися въ университетѣ, исправлялъ должность ректора два года, и 14-го іюля 1807 г. сдалъ ее вновь избранному ректору—ординарному профессору Ѳедору Григорьевичу Баузе.

Продолжая службу въ правленіи университета, я въ 1805 г. награжденъ былъ чиномъ коллежскаго регистратора. Мать моя жила въ это время въ Таганкѣ, въ домѣ отца своего, куда приходилъ и я въ свободное отъ служебныхъ занятій время и выслушивалъ отъ нея превосходные совѣты къ огражденію себя отъ сѣтей разврата, весьма часто погубляющаго неопытнаго юношу.

Долгъ благодарности велитъ мнѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о дѣдѣ моемъ съ матерней стороны, изъ дворянъ, коллежскомъ секретарѣ Иванѣ Артемьевичѣ Булатовѣ. Получая жалованья по 150 рублей въ годъ и владѣя небольшимъ домомъ, Булатовъ проводилъ жизнь свою въ уединеніи, чуждый свѣтской разсѣянности и роскоши. Этотъ почтенный мужъ вставалъ поутру весьма рано, прочитывалъ утреннія молитвы, потомъ отправлялся къ ранней обѣднѣ, а потомъ къ должности. Нынѣшнее молодое чиновное поколѣніе можетъ предложить мнѣ вопросъ: „да когда-же дѣдъ мой пилъ чай?“ отвѣчаю, что дѣдъ мой и все

семейство его пили чай только по воскресеньямъ и праздникамъ, и то послѣ обѣда. Вечеръ оканчивалъ Булатовъ чтеніемъ вечернихъ молитвъ. Когда я приходилъ къ матери, то Булатовъ заставлялъ меня молиться съ нимъ вмѣстѣ и читать псалтирь и акаѳисты. Признаюсь откровенно, что я весьма неохотно исполнялъ волю Булатова; ворчаньямъ и выговорамъ его мнѣ не было конца, а больше всего доставалось бѣдной матери моей, которая, по словамъ Булатова, избаловала меня. И дѣйствительно, я баловался, но не отъ матери. Живя по своей волѣ, я рано познакомился съ разгульною жизнью. И кто-же были первою причиною моего соблазна? Люди семейные, пожилые, старшіе меня по службѣ. Они-то, ввели меня, неопытнаго юношу, въ трактиры; они-то поднесли мнѣ первую чашу того питья, которое дѣлаетъ человѣка хуже скота. Въ Москвѣ до 1812 года было гораздо больше разгула, нежели теперь: во всѣхъ трактирахъ гремѣла музыка и раздавались веселые клики цыганокъ; во всѣхъ трактирахъ разрумяненныя нимфы разгуливали по комнатамъ и прельщали посѣтителей безстыдными своими взглядами и тѣлодвиженіями. Мудрено-ли, что и я полюбилъ эти вертепы разврата и безславія. Горе юношѣ, у котораго преждевременная смерть похитила отца его; еще болѣе ему горя, если онъ лишился и матери. Къ счастію моему, я имѣлъ у себя добрую, умную мать и мысль, что она блюдетъ за мною и въ отдаленіи, возвращала меня на путь правды и чести.

Наконецъ, непредвидѣнныя обстоятельства поставили меня въ самое затруднительное положеніе. Дѣдъ мой, Булатовъ, отстраняя отъ себя, по старости лѣтъ и по слабости зрѣнія, хлопоты по дому, продалъ этотъ домъ въ другія руки и въ то-же время передалъ мнѣ мать мою на мое попеченіе. Долго думалъ я съ нею—гдѣ и чѣмъ намъ жить; жалованье производилось мнѣ по 150 руб., особой квартиры въ университетѣ я не имѣлъ, ну, право, мы не знали какъ-бы намъ повыгоднѣе устроить себя. Одинъ счастливый случай привелъ мать мою въ домъ пономаря церкви Николая Чудотворца, что въ Хлыновѣ. Тамъ наняли мы небольшую комнату за 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ и мать моя завелась въ третій разъ своимъ хозяйствомъ. Я ходилъ къ ней обѣдать и ужинать, что продолжалось около года. Въ то время (1807 г.) находился въ университетѣ экзекуторскимъ

помощникомъ чиновникъ Осипъ Игнатьевичъ Янковскій, выходецъ изъ Польши, плохо знавшій русскій письменный языкъ. Янковскій полюбилъ меня и поручалъ мнѣ составлять и переписывать разныя бумаги, до должности его касавшіяся. Этотъ-то добрый человѣкъ пріискалъ для меня съ матерью въ самомъ университетѣ небольшую квартиру, которою мы, съ дозволенія ректора, и воспользовались съ особенною благодарностью.

Доселѣ мать моя не знала за мною никакихъ шалостей; теперь-же она замѣчала, что я приходилъ иногда на квартиру въ нетрезвомъ видѣ. О! какъ больно, какъ тяжело было смотрѣть матери моей на любимаго ею сына въ такомъ отвратительномъ видѣ. Но я былъ вспыльчивъ, упрямъ и хотѣлъ жить, какъ и прежде, по своей волѣ. Увы: много, очень много виноватъ я былъ предъ доброю матерью моею, о чемъ вспоминаю всегда съ душевнымъ раскаяніемъ и соболѣзнованіемъ. Только одно обстоятельство можетъ хотя нѣсколько извинить меня въ прежней разгульной жизни моей, что я къ должности былъ усерденъ и всегда являлся въ правленіе въ положенное время.

28-го іюля 1807 года скончался въ С.-Петербургѣ добрый, великодушный попечитель московскаго учебнаго округа Михаилъ Никитичъ Муравьевъ. Имя Муравьева дважды дорого для московскаго университета: какъ имя славнаго его воспитанника и какъ перваго попечителя, преобразовавшаго университетъ по всѣмъ его частямъ. Кандидатъ Н. Ф. Кошанскій (впослѣдствіи извѣстный профессоръ Царскосельскаго лицея) сочинилъ и напечаталъ въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ 1807 г. прекрасную элегію на преждевременную кончину Михаила Никитича, незабвеннаго въ лѣтописяхъ московскаго университета.

Мѣсто Муравьева заступилъ, 2-го ноября того-же 1807 года, проживавшій въ Москвѣ, богатый вельможа гр. Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, пожалованный изъ тайныхъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Этотъ новый начальникъ рѣдко посѣщалъ университетъ, развѣ только во дни торжественныхъ его собраній; но зато правитель попечительской канцеляріи Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ университетѣ и его учебномъ округѣ и всемѣрно старался, чтобы всѣ профессора, директора гимназіи и учителя дѣйствовали сообразно съ изданными по ученой части узаконе-

ніями. Такимъ образомъ, попечительство гр. Разумовскаго надъ университетомъ и его учебнымъ округомъ было довольно строго, но вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумно и справедливо.

14-го апрѣля 1808 г. гр. Разумовскій всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго. 11-го декабря 1809 г. графъ имѣлъ счастіе принимать въ университетѣ государя императора Александра Павловича и удостоился получить отъ е. в. высокомонаршее благоволеніе. Хотя многіе изъ чиновниковъ университета считали графа человѣкомъ гордымъ и недоступнымъ, однако-же, извѣстно было, что нѣкоторые изъ профессоровъ пользовались благосклоннымъ его расположеніемъ и нерѣдко трапезовали за графскимъ столомъ. Въ то время графъ воспитывалъ у себя трехъ юношей, именовавшихся Перовскими. Всѣ они включены были въ число дворянъ бывшихъ польскихъ губерній и имѣли грамоты на дворянское достоинство. Старшій Перовскій, Алексѣй, получилъ отъ университета (разумѣется, по экзамену) ученую степень доктора физико-математическихъ наукъ; а другіе Перовскіе, Левъ и Василій, выпущены были изъ университета кандидатами. Изъ этого обстоятельства можно заключить, что графъ имѣлъ причину угощать у себя обѣдами нѣкоторыхъ ученыхъ мужей московскаго университета.

11-го апрѣля 1810 г. гр Разумовскій всемилостивѣйше пожалованъ министромъ народнаго просвѣщенія и переселился на житье въ С.-Петербургъ. 14-го мая того-же 1810 г. назначенъ попечителемъ московскаго учебнаго округа сенаторъ, тайный совѣтникъ, Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, тотъ самый, который до преобразованія университета въ 1804 году находился въ числѣ трехъ кураторовъ, управлявшихъ этимъ заведеніемъ.

Первыя замѣчательныя или, вѣрнѣе сказать, самовластныя дѣйствія новаго начальника были слѣдующія:

По случаю кончины въ 1809 г. почтеннаго редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ В. П. Иванова, помощникъ его г. Ильинскій принялъ на себя эту многотрудную обязанность въ томъ предположеніи, что университетъ не замедлитъ утвердить его настоящимъ редакторомъ означенныхъ Вѣдомостей; но попечитель, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1810 г., заблагоразсудилъ опре-

дѣлить на мѣсто Иванова шурина своего, коллежскаго ассесора кн. Владиміра Долгорукаго, который до преобразованія университета находился въ числѣ дежурныхъ офицеровъ, имѣвшихъ надзоръ за поведеніемъ учениковъ въ прежнихъ университетскихъ гимназіяхъ. Хотя почтенный князь и воспользовался тѣми выгодами, которыя предоставлены редакторамъ „Московскихъ Вѣдомостей"; но при всемъ томъ всѣ труды и хлопоты по этому изданію остались на г. Ильинскомъ, уже помощникѣ кн. Долгорукаго. За что-же Кутузовъ обидѣлъ г. Ильинскаго, бывшаго въ числѣ отличныхъ студентовъ университета?

Пользуясь довѣріемъ къ себѣ министра, попечитель представлялъ ему, что занимающій въ университетѣ каѳедру россійскаго практическаго законоискусства и вмѣстѣ съ тѣмъ исправляющій должность синдика въ правленіи университета Захарій Аникѣевичъ Горюшкинъ, по старости лѣтъ своихъ, не можетъ уже съ успѣхомъ исправлять возложенныхъ на него должностей, а потому убѣдилъ министра уволить Горюшкина вовсе отъ службы, съ пенсіономъ по положенію, что и было исполнено 10-го февраля 1811 года. Но такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ. Кутузовъ желалъ имѣть въ университетѣ такого профессора-юриста, который-бы пользовался полнымъ его довѣріемъ и поддерживалъ-бы всѣ его распоряженія. Съ этою цѣлью Кутузовъ опредѣлилъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того-же 1811 года на мѣсто Горюшкина любимца своего, сенатскаго оберъ-секретаря, Сандунова, человѣка дерзкаго и неуступчиваго.

Предсѣдатель состоявшаго при университетѣ Общества исторіи и древностей россійскихъ заслуженный профессоръ Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ не угодилъ чѣмъ-то Кутузову, и по его интригамъ принужденъ былъ сложить съ себя это почетное званіе, въ которомъ находился онъ со времени открытія общества въ 1804 г. Мѣсто предсѣдателя въ этомъ обществѣ занялъ отставной маіоръ Платонъ Петровичъ Бекетовъ, находившійся въ дружескихъ сношеніяхъ съ Кутузовымъ.

Не довольствуясь такимъ униженіемъ стараго Чеботарева, Кутузовъ обрушился гнѣвомъ своимъ и на сына его, адъюнкта московскаго университета, Андрея Чеботарева. Этотъ молодой человѣкъ обучался первоначально въ университетской гимназіи и, по полученіи ученой степени, былъ посланъ, на счетъ универ-

ситета, въ чужіе края для усовершенствованія въ наукахъ. По возвращеніи-же оттуда, удостоенъ начальствомъ званія адъюнкта по части химіи и технологіи. Отличаясь острымъ умомъ и прекраснымъ даромъ слова, Чеботаревъ отзывался иногда о нѣкоторыхъ особахъ нашихъ не такъ-то хорошо, въ томъ числѣ, вѣроятно, и о Кутузовѣ. Это-ли обстоятельство или другое мнѣ не извѣстное раздражило Кутузова до того, что онъ въ представленіяхъ своихъ къ министру назвалъ Чеботарева вреднымъ не только для учащихся въ университетѣ, но и для общества. Министръ, уваживъ представленіе Кутузова о Чеботаревѣ, изъявилъ согласіе свое на перемѣщеніе его учителемъ въ одну изъ гимназій московскаго учебнаго округа, чего, однако, не сдѣлали, а уволили Чеботарева изъ университета для поступленія въ другой родъ службы.

Продолжая заниматься письменными дѣлами въ правленіи университета, я, сверхъ ожиданія моего, сдѣлался извѣстенъ Кутузову по слѣдующему обстоятельству: однажды, вечеромъ, въ концѣ 1810 г., а котораго мѣсяца и числа не упомню, секретарь правленія Тимоновъ прислалъ мнѣ на квартиру приказъ явиться немедленно къ е. пр—ству попечителю, жившему у Покровскихъ воротъ. Доселѣ я зналъ главнаго начальника своего издали; теперь-же предсталъ предъ него лично со страхомъ и трепетомъ въ сердцѣ. Узнавъ отъ меня чинъ мой, фамилію и службу, Кутузовъ велѣлъ мнѣ переписать набѣло нѣсколько бумагъ, подъ наблюденіемъ находившагося при немъ сенатскаго чиновника Матвѣева. Кончивъ эту работу часу въ 11-мъ, я получилъ за нее начальническое спасибо. Черезъ нѣкоторое время Кутузовъ потребовалъ меня опять къ себѣ и приказалъ являться къ нему всякій день въ назначенное время. Кутузовъ былъ человѣкъ гордый, вспыльчивый, любившій дѣлать все съ неимовѣрною скоростью, часто безтолковою и для исполненія приказаній его невыносимою. Самая канцелярія его была расположена въ столовой въ безпорядкѣ. Правитель канцеляріи Облеуховъ и помощникъ его Волоцкой, сыновья богатыхъ родителей, приходили къ Кутузову когда имъ было угодно и, поговоривъ съ е. пр—ствомъ кое-очемъ, расходились въ разныя стороны. Рѣдко принимались они за дѣло и то на короткое время. Оставался въ запасѣ еще одинъ чиновникъ Матвѣевъ,

но и онъ, служа въ то время въ сенатѣ, являлся къ Кутузову въ два часа и занимался по большей части переписываніемъ самоважнѣйшихъ бумагъ. Такимъ образомъ, я частенько одинъ исправлялъ всѣ дѣла канцеляріи попечителя и, право, смѣшно теперь вспомнить, сколько выговоровъ и угрозъ досталось на мою долю отъ его пр—ства. Почитая себя за великаго и опытнаго знатока въ дѣлахъ, Кутузовъ весьма часто самъ, какъ-будто вдохновенный какою-либо важною мыслью, принимался за перо и связнымъ почеркомъ сочинялъ разныя представленія къ министру и другія бумаги. Переписывать ихъ набѣло скоро, безъ ошибокъ, не было для меня никакой возможности; ошибиться—бѣда, спросить Кутузова—другая бѣда, ибо онъ и самъ не всегда могъ разбирать свое рукописаніе. Впрочемъ, долгъ справедливости заставляетъ меня сказать здѣсь, что Кутузовъ, хотя и былъ очень вспыльчивъ, но, однако-же, скоро приходилъ въ себя и все предавалъ забвенію. Къ чести его слѣдуетъ присовокупить еще и то, что когда случалось много дѣла, то Кутузовъ оставлялъ меня обѣдать за своимъ столомъ.

Кромѣ занятій моихъ у Кутузова, я, по приказанію его, исправлялъ за небольшую плату письменныя дѣла у предсѣдателя состоящаго при университетѣ Общества исторіи и древностей россійскихъ Платона Петровича Бекетова, друга Кутузова. Платонъ Петровичъ жилъ тогда уединенно на дачѣ своей за Симоновымъ монастыремъ, на высокомъ прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи. Пріѣзжая къ Платону Петровичу раза два или три въ мѣсяцъ въ назначаемое имъ время и на его счетъ, я иногда довольно долго просиживалъ у него за бумагами и оставался обѣдать, разумѣется, по его приглашенію. Платонъ Петровичъ обходился со мною ласково и привѣтливо, о чемъ я вспоминаю всегда съ особеннымъ удовольствіемъ.

Незадолго до вступленія Кутузова въ должность попечителя, послѣдовалъ, 6 августа 1809 г., высочайшій указъ, преграждавшій производство въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника всѣмъ тѣмъ чиновникамъ, которые не представятъ аттестата отъ университета въ знаніи поименованныхъ въ томъ указѣ наукъ и языковъ. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ достопамятный указъ могъ относиться къ чиновникамъ, находившимся уже въ службѣ, но только къ тѣмъ молодымъ

людямъ, готовившимся вновь на службу, ибо всѣмъ было извѣстно, что новый законъ воспринимаетъ свое дѣйствіе со дня публикаціи и имѣетъ силу только на будущее время. Многіе даже ожидали скораго поясненія означеннаго указа, что у насъ нерѣдко и случается. Но такое толкованіе уничтожилъ московскій университетъ открытіемъ у себя, въ лѣтніе мѣсяцы 1810 и 1811 гг., чтенія лекцій именно для чиновниковъ, службою обязанныхъ. Я объявилъ желаніе посвятить себя новому ученію. Насъ собралось около ста человѣкъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, большею частію бѣдняковъ. Намъ объясняли профессора слѣдующіе предметы: логику, ораторію, всеобщую исторію, россійскую исторію, права и политическую экономію, статистику, географію, математику, опытную физику и французскій языкъ. Ученье начиналось ежедневно въ два часа пополудни, то есть въ такое время, въ которое чиновники оканчивали служебныя занятія свои, слѣдовательно должны были приходить въ университетъ усталые, голодные и оставаться тамъ до 6-ти часовъ. Можно-ли было ожидать хорошаго успѣха въ ученіи отъ людей, находившихся въ такомъ невыгодномъ положеніи и притомъ плохо приготовленныхъ къ слушанію такихъ важныхъ предметовъ. Хотя-же всѣ чиновники посѣщали лекціи прилежно, въ чемъ и выданы имъ отъ университета, 16 декабря 1811 года, свидѣтельства; но при всемъ томъ никто изъ нихъ не рѣшился въ то время подвергнуть себя экзамену для полученія аттестата на основаніи указа 6-го августа 1809 г., ибо программа этого указа требовала основательныхъ свѣдѣній во всѣхъ наукахъ кромѣ богословскихъ и медицинскихъ, чего въ одинъ сокращенный курсъ никто, даже изъ лучшихъ студентовъ, исполнить не можетъ.

Нѣсколько позже молодые достаточные дворяне и чиновники нашли для себя другой способъ получить отъ университета аттестаты, открывавшіе имъ дорогу къ чинамъ и почестямъ. Этотъ способъ состоялъ въ томъ, что экзаменаторы читали для нихъ особыя приватныя лекціи за условленную плату.

Въ числѣ молодыхъ людей, изъявившихъ желаніе слушать лекціи на основаніи указа 6-го августа 1809 г., находился канцелярскій служитель московскаго губернскаго правленія Василій Ивановичъ Оболенскій, родомъ изъ духовнаго званія. Посѣтивъ

раза три означенныя лекціи, Оболенскій счелъ за лучшее вступить въ университетъ студентомъ. Явясь съ прошеніемъ и аттестатомъ къ секретарю правленія Тимонову, Оболенскій получилъ отъ него отказъ въ принятіи просьбы своей потому, что онъ одѣтъ былъ бѣдно. Не зная какъ поступить ему въ такомъ неожиданномъ и, можно сказать, несчастномъ обстоятельствѣ, Оболенскій прибѣгнулъ къ моей помощи. Я скрытно отъ секретаря представилъ просьбу Оболенскаго находившемуся въ то время въ присутствіи правленія ректору Гейму. Онъ потребовалъ просителя къ себѣ, проэкзаменовалъ его вмѣстѣ съ деканами въ языкахъ и наукахъ и тогда-же удостоилъ званія студента. Впослѣдствіи времени Оболенскій находился старшимъ учителемъ въ Тверской гимназіи, а послѣ въ московской и, наконецъ, въ самомъ университетѣ адъюнктомъ по каѳедрѣ греческаго языка. Въ 1827 г. Оболенскій принесъ мнѣ въ даръ изданную имъ книгу „Платоновы разговоры“ и изъяснилъ, что онъ всегда помнитъ и никогда не забудетъ сдѣланнаго ему мною одолженія при вступленіи его въ университетъ студентомъ. Удивленный такимъ рѣдкимъ и благороднымъ поступкомъ почтеннаго Василія Ивановича, я только могъ благодарить его за сдѣланную имъ мнѣ честь, и съ того времени находился съ Оболенскимъ въ дружескихъ отношеніяхъ по самую смерть его, въ 1847 году послѣдовавшую.

М. П. Третьяковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

Первое изданіе его басенъ, 1809 г.

Въ антикварномъ отдѣлѣ моей домашней библіотеки есть рѣдкій экземпляръ собранія басенъ нашего славнаго баснописца „Дѣдушки Крылова“ — первое изданіе его басенъ: „Басни Ивана Крылова. С.-Петербургъ, въ типографіи губернскаго правленія. 1809 г.“. На оборотѣ: „Съ дозволенія с.-петербургскаго цензурнаго комитета“.

Всѣхъ басенъ въ сборникѣ XXIII, изъ которыхъ оригинальныхъ двѣнадцать, а одиннадцать переводныхъ. Вотъ ихъ перечень:

„*Ворона и лисица“ [1]), „*Дубъ и Трость“, „Музыканты“, „*Два голубя“, „*Лягушка и Волъ“, „Ларчикъ“, „*Моръ звѣрей“, „*Пѣтухъ и жемчужное зерно“, „Невѣста“, „*Волкъ и Ягненокъ“, „Парнасъ“, „*Левъ и Комаръ“, „*Стрекоза [2]) и Муравей“, „Оракулъ“, „Левъ на ловлѣ“, „Роща и Огонь“, „*Лягушки, просящія царя“, „Человѣкъ и Левъ“, „Старикъ и трое молодыхъ“, „Орелъ и Куры“, „Муха и дорожные“, „Обезьяны“, „*Пустынникъ и медвѣдь“.

Всѣ эти басни представляютъ болѣе или менѣе значительные варіанты въ сравненіи съ редакціею ихъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Отмѣтимъ варіанты въ нѣкоторыхъ изъ этихъ басенъ, сличивъ изданіе первое—1809 г. и тринадцатое полное изданіе Юнгмейстера и Веймара, вышедшее въ Петербургѣ въ 1873 году, съ рисунками В. Шпака.

Н. Масловичъ.

---

[1]) Знакомъ * обозначены переводныя басни.

[2]) Сохраняемъ тогдашнее правописаніе. **Н. М.**

Ворона и Лисица.

По изданію 1809 г., послѣ строки: „Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочикъ сыру“ слѣдуетъ [1]):

Ворона, сидя на суку
Сбиралась ужъ клевать кусочикъ свой сырку,
Да призадумалась, и проч.

Послѣ: „Разсказывать такъ, право, сказки!“, по первому изданію:

„Какой умильненкой носокъ!
И вѣрно ангельской быть долженъ голосокъ.
Спой, свѣтикъ, не стыдись, будь съ лисынькой дружнѣе
Я чай вѣдь ты поешь и соловья нѣжнѣе“.
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу духъ сперло
И вздумавъ оправдать лисицыны слова,
Ворона, и проч.

Дубъ и Трость.

Басню эту списываю всю по изданію 1809 г., такъ такъ въ ней только нѣсколько строкъ остались неизмѣненными.

Тростинкѣ какъ-то дубъ изволилъ сдѣлать честь,
Съ ней разговоръ завесть.
„Куда тебя обидѣла природа!
Онъ началъ, вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка;
Чуть мелкой рябью лишь погода,
Подернетъ по водѣ съ легка,
Нагнешься такъ ты сиротливо,
Не такъ какъ я—чело подъемля горделиво,
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазурь,
Спокойно вѣтви вкругъ мои распространяю,
Долинамъ цѣлымъ здѣсь я солнце заслоняю,
И посмѣваяся порывамъ злѣйшихъ бурь
Я наслаждаюсь тихимъ миромъ
Среди стихій войны.

---

[1]) Набраны разрядкою—варіанты по изданію 1809 г. **Н. М.**

Какъ разно мы съ тобой сотворены!
Тебѣ все бурей, мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя-бъ ужъ ты изъ окружности росла
Моею тѣнію покрытой,
То былъ-бы я тебѣ защитой.
Но васъ природа разнесла,
По влажнымъ берегамъ Эолова владѣнья.
Конечно, въ ней о васъ ни мало нѣтъ радѣнья".
„Ты очень жалостливъ, сказала трость въ отвѣтъ,
Однако, не крушись; мнѣ столько худа нѣтъ,
Не за себя я вихрей опасаюсь:
Хотя я гнусь, но не ломаюсь;
А ты, такъ ты еще не уклонялъ лица,
Какъ здерживалъ порывы ихъ ужасны;
Погнуть тебя досель всѣ силы ихъ напрасны;
Но подождемъ конца".
Едва лишь это трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
Взвивая пыль столбомъ, рѣвущій Аквилонъ —
Уперся дубъ; къ землѣ тростиночка припала,
Бунтуетъ вѣтръ—всѣ силы собралъ онъ
И вырвалъ съ корнемъ вонъ
Тово, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

Два голубя.

Въ баснѣ „Два голубя" передъ строкою: „Диковинки земнаго круга" въ позднѣйшихъ изданіяхъ прибавлена строка: „Увидѣть, осмотрѣть", а послѣ строки: „Диковинки земнаго круга", въ изданіи 1809 г. напечатано:

Судить и видѣть самъ собой;
Ложь съ истинной сличить, повѣрить быль съ молвой.
Во снѣ и на яву походъ лишъ видитъ свой
И ни о чемъ другомъ не можетъ рта разинуть.
„Куда ты?", говоритъ сквозь слезъ ему другой
Иль братца хочешь ты покинуть?
Жестокой! ежели меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны
И все, чемъ странствія опасны,
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль,

Ужь я тебя тогда упрашивать не буду [1]).
Теперь и кормъ такъ скуденъ, малъ —
Да, чу! и воронъ прокричалъ:
Вѣдь это вѣрно къ худу.
Останься, другъ любезный мой...

Черезъ три строки, вмѣсто: „да коршуны", въ первомъ изданіи: „да ястреба".

Послѣ словъ: „замѣчу на полетѣ", въ первомъ изданіи: „И лучшіе узнавъ диковинки на свѣтѣ", вмѣсто позднѣйшей поправки: „И осмотрѣвъ что есть диковиннѣй на свѣтѣ". Послѣ словъ: „каждое мѣстечко" — въ первомъ изданіи:

Тамъ это слышалъ я, тамъ то попалось мнѣ,
А тамъ такое видѣлъ диво! и проч.
. . . . со мной въ той сторонѣ.
По сихъ словахъ, друзья и проч.

Послѣ словъ: „прижался подъ плетнемъ", въ первомъ изданіи такъ:

И тутъ не всѣ бѣды окончились на немъ—
Мальчишка въ близости рѣзвился:
Набравши камушковъ, онъ въ цѣль метать учился
И, чтобъ узнать вѣрна-ль рука,
Хвать камнемъ въ голубка—
Какъ срѣзалъ съ ногъ онъ бѣдняка,
Тогда-то, и проч.

Ограничусь приведенными примѣрами того, какъ Крыловъ тщательно просматривалъ и совершенствовалъ свои басни для послѣдующихъ изданій: отдѣльныя слова замѣнялъ онъ болѣе удачными и подходящими; цѣлые стихи — болѣе звучными и гладкими. Въ первомъ изданіи нѣтъ ни одной басни, которая-бы не подверглась поправки для послѣдующихъ изданій.

Н. Масловичъ.

---

[1]) По изд. 1873 г. „удерживать".

ХАРЬКОВСКІЕ БАСНОПИСЦЫ.

I.

Григорій Сковорода.

Въ 1837 году, по распоряженію императорскаго человѣколюбиваго общества, московскимъ попечительнымъ комитетомъ были изданы: „Харьковскія басни“ Г. В. Сковороды. Басни эти посвящены авторомъ „Любезному другу Аѳонасію Кондратовичу Панкову“. Всѣ тридцать басенъ изложены въ прозѣ, причемъ каждая сопровождается иногда очень пространнымъ разсужденіемъ на тему духовно-нравственнаго содержанія, многочисленными ссылками и выписками изъ книгъ Священнаго Писанія, вслѣдствіе чего и вся книжка подвергалась цензурѣ ректора виѳанской семинаріи архимандрита Агапита. Въ началѣ книжки, авторъ, вмѣсто предисловія, обращается къ другу своему и говоритъ, между прочимъ, о себѣ слѣдующее: „Любезный пріятель! Въ седьмомъ десяткѣ нынѣшняго вѣка [1]), отставъ отъ учительской должности и уединяясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, селахъ, деревняхъ и пчельникахъ, обучалъ я себя добродѣтели и поучался въ Библіи; притомъ благопристойными игрушками забавляясь, написалъ полтора десятка басенъ, не имѣя съ тобою знаемости. А сего 1774 года, въ селѣ Бабаяхъ [2]), умножилъ оныя до тридцати. Между тѣмъ какъ писалъ прибавочныя, казалось, будто, ты всегда притомъ присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о нихъ со мною причащаясь. Дарую-жъ тебѣ три десятка басенъ: тебѣ и—подобнымъ тебѣ!

Отеческое наказаніе заключаетъ въ горести своей сладость; а мудрая игрушка утаеваетъ въ себѣ силу“.

Далѣе Г. Сковорода говоритъ своему пріятелю о баснѣ:

„Картинка сверху смѣшна: но внутрь боголѣпна. Другъ мой! Не презирай

---

[1]) XVIII-го.

[2]) 10 верстъ отъ Харькова. Н. М.

баснословія. Басня и притча есть то-же. „Не по кошельку суди сокровище“ Праведенъ судъ судитъ! Басня тогда бываетъ скверная, и бабія, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины: похожа на орѣхъ свищъ“.

„Сей забавный и фигурный родъ писаній былъ домашній самымъ лучшимъ древнимъ любомудрцамъ“.

„Не одни краски не изъясняютъ розу, лилію, нарцисса столько живо, сколько благолѣпно у нихъ образуетъ невидимую Божію истину тѣнь небесныхъ и земныхъ образовъ. Отсюда родились символы, притчы, басни, подобія, пословицы“...

„Самое солнце всѣхъ планетъ и царица библія, изъ тайно-образующихъ фигуръ, притчей и подобій есть Богосозданна“.

Кончаетъ Г. Сковорода свое обращеніе къ пріятелю такъ:

„Притаймо-жъ дружбу! Пріими и кушай четвероногая, звѣри, гади и птицы. Богъ тебѣ да благословляетъ! Съ нимъ не вредитъ и самый ядъ языческій. Они ни что суть, какъ образы, прикрывающіе какъ полотномъ истину. Кушай, поколь вкусишь съ Богомъ лучшее“.

Подписано: „Любитель Священныя Библіи Григорій Сковорода 1774 г. Въ селѣ Бабаяхъ, наканунѣ пятидесятницы“.

Вышесказанный сборникъ басенъ Г. В. Сковороды составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Беремъ изъ него три басни: I, XX и XXIX.

Собаки.

Въ селѣ у хозяина жили двѣ собаки. Случилося мимо воротъ проѣзжать незнакомому.

Одна съ нихъ выскочивъ и полаявъ, поколь онъ съ виду ушелъ, вернулась на дворъ. „Что тебѣ изъ сего прибыло!“ спросила другая. „По крайней мѣрѣ не столько скучно“, отвѣчала она. „Вишь не всѣ-жъ, сказала разумная, проезжіе таковы, чтобъ ихъ почитать за непріятелей нашего хозяина; а то бы я и сама должности своей не оставила, несмотря на то, что прошедшей ночи нога моя волчьими зубами повреждена“. Собакою быть дѣло не худое, но безъ причины лаять на всякаго дурно.

Сила: разумный человѣкъ знаетъ, что осуждать, а безумный болтаетъ безъ разбора!

Верблюдъ и Олень.

Африканскій олень часто питается зміями. Сей нажрався ихъ досыта и не терпя внутрь палящія ядомъ жажды, быстрѣе птицъ въ полудни пустился на источники водныя и на горы высокія. Тутъ увидѣлъ онъ верблюда, піющаго въ поточкѣ мутную воду. „Куда спѣшишь, господинъ рогачъ?“ отозвался верблюдъ, „напійся со мной въ семъ ручайкѣ“. Олень отвѣчалъ, что онъ мутной пить въ сладость воды не можетъ. „То-то ваша братья чрезмѣрно нѣжны и замысловати. А я нарочно смущаю: для меня мутная вода слаще“. —„Вѣрю, сказалъ олень, но я родился пить самую прозрачнѣйшую изъ родника воду. Сей меня поточекъ доведетъ до самой своей головы. Оставайся, господинъ горбачъ“.

Сила: Библія есть источникъ. Сей живыя воды фонтанъ подобенъ киту, испущающему выспрь изъ ноздрей сокровенную нетлѣнія воду, о коей писано: иже піетъ отъ воды, юже азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный. Іоан. 4, 14. Кто верблюдъ, тотъ возмущеніе потопныхъ глаголовъ пьетъ, не достигая къ той источничей главѣ. А елень къ чистой водѣ востекаетъ съ Давидомъ: „Кто напоитъ мя водою изъ рова, иже въ Виѳлеемѣ при вратѣхъ?“ 2 Царствъ, 23, ст. 15. Кто не раздѣляетъ словесные знаки на плоть и духъ. сей не можетъ различить, между водою и водою, красотъ небесныхъ и росы. Взглянь на 14 главу Второз.: „тамъ есть скотъ не чистый, нераздвояющій копыто“. А каковъ есть самъ: такова ему и библія. О ней-то точно сказано: Съ преподобнымъ преподобенъ будеши, и съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будеши, со строптивымъ напротивъ. Пс. 17, 27. Описатели звѣрей пишутъ, что верблюдъ, пить приступая, всегда возмущаетъ воду. Но елень чистыя воды любитель.—Сія басня писана въ свѣтлое Воскресенье по пополудни 1774 г., въ Бабаяхъ.

Старуха и Горшечникъ.

Старуха покупала горшки. Амуры молодыхъ лѣтъ еще и тогда ей отрыгалися. „А что за сей хорошенькій?“ За того, за того возму хоть три полушки, отвѣчалъ горшечникъ. „А за того гнуснаго: конечно, полушка?“ За того ниже двухъ копѣекъ не возьму... „Что за чудо?...“ У насъ, бабко, сказалъ мастеръ, не глазами выбираютъ: мы испытуемъ, чисто-ли звонитъ? Баба, хотя была не подлаго вкуса, однако, не могла больше говорить, а только сказала: что и сама она давно сіе знала, да вздумать не могла!

Сила: конечно сія премудрая Ева есть прабабою всѣмъ тѣмъ востряками, которые человѣка цѣнятъ по одеждѣ, по тѣлу, по деньгамъ, по угламъ, по имени: не по его житія плодамъ. Сіи правнуки, имѣя тотъ-же вкусъ, совершенно доказуютъ, что они суть плодъ отъ сей райской яблони. Чистое и независтное сердце, милосердное, терпѣливое, куражное, прозорливое, воздержное, мирное, вѣрующее въ Бога и уповающее на Него во всемъ: вотъ

чистый звонъ и честная души нашей цѣна! Воспоминаетъ и сосудъ избранный Павелъ о сосудахъ честныхъ и благочестныхъ. 2 къ Тим., гл. 2. ст. 20, и къ Рим. 9, ст. 21: „Утробо буяго, яко сосудъ сокрушенъ и всякаго разума не удержитъ". Сирахъ 21, ст. 17. Изрядная великороссійская пословица сія: „Не красна хата углами, красна пирогами!" Довелось мнѣ въ Харьковѣ, между премудрыми емблематами, на стѣнѣ залы видѣть слѣдующій написанъ, схожій на черепаху, гадъ съ долговатымъ хвостомъ: средѣ черепа сіяетъ большая золотая звѣзда, украшая оной. Но подъ нимъ толкъ написанъ слѣдующій: „подъ сіяніемъ язва!" Сюда принадлежитъ пословица, находящаяся въ Евангеліи: „гробы повапленныя".

II.

А. Н. Нахимовъ,

1782 — 1814 гг.

Объ Акимѣ Николаевичѣ Нахимовѣ, одномъ изъ харьковскихъ сатириковъ-баснописцевъ, въ „Русской Старинѣ", изд. 1880 г., томъ XXIX, помѣщена была обстоятельная статья Г. С. Чирикова, поэтому мы объ А. Н. Нахимовѣ только упоминаемъ.

III.

Василій Григорьевичъ Масловичъ,

1793 — 1841 гг.

В. Г. Масловичъ род. въ 1793 году. Окончилъ курсъ въ харьковской гимназіи въ 1810 году и тогда-же поступилъ въ харьковскій университетъ, по словесному отдѣленію. Вскорѣ послѣ окончанія курса выдержалъ онъ экзаменъ на степень доктора изящныхъ наукъ (ex-lettres), которой и былъ удостоенъ университетомъ въ 1815 году. Тогда-же издалъ онъ книжку „О баснѣ и баснописцахъ разныхъ народовъ", опытъ распространенный изъ первой его лекціи, читанной въ университетѣ по случаю докторскаго экзамена. Опытъ этотъ посвященъ авторомъ достопочтеннымъ мужамъ и дѣйствительнымъ членамъ харьковскаго университета. Въ томъ-же году, В. Г. Масловичъ поступилъ въ число членовъ харьковскаго общества наукъ. Во время пребыванія въ университетѣ, В. Масловичъ усиленно занимался литературою, написалъ нѣсколько театральныхъ піесъ во вкусѣ того времени пасторалей, комедій; но излюбленнымъ его родомъ поэзіи была басня [1]).

Басенъ В. Масловича было два изданія, послѣднее въ 1825 г., — первое въ 1814 г.

Въ 1816 году, В. Масловичъ издавалъ въ Харьковѣ юмористическій сборникъ „Харьковскій Демокритъ", въ которомъ сотрудничалъ Г. Ф. Квитка (Основьяненко) и въ которомъ впервые напечатаны были многія изъ произведеній Акима Нахимова, скончавшагося въ 1814 году. „Харьковскій Демокритъ" просуществовалъ недолго: всего вышло шесть ежемѣсячныхъ

[1]) См. отрывокъ изъ автобіографіи В. Масловича „Мои стихи": Харьковскій календарь—Альманахъ на 1888 г., стр. 62. Н. М.

выпусковъ (Январь—Іюнь). Кромѣ того, В. Масловичъ написалъ біографію А. Нахимова, вышедшую особою книжкою, и издалъ сочиненія А. Нахимова, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Скончался В. Г. Масловичъ въ 1841 г., 15-го іюня. Помѣщаемъ нѣсколько его басенъ.

Кукушка и Скворецъ.

Кукушка нѣкогда спросила у скворца:
„Что говорятъ про соловья—пѣвца?“
—Любителямъ давно извѣстно,
Что онъ поетъ прелестно.
„А о чижѣ какъ идетъ толкъ?“
—Жалѣютъ, что умолкъ.
„Неужели? кукушка вопрошала.
Я-бы весьма обязана вамъ стала,
Когда-бъ,—нельзя-ли мнѣ открыть,
Что слышно обо мнѣ, позвольте васъ спросить?
Признаться вамъ, и я пѣвала
И на Парнасъ не разъ летала“.
—Объ васъ, сударыня? но я боюсь сказать...
„Не бойтеся, ну что-же-съ, что-же-съ?“
—О вашихъ пѣсенкахъ все что-то не пригоже-съ
Изволятъ толковать.
„Добро-жъ, когда такіе люди стали,
Мои всѣ пѣсни освистали
И не хотятъ меня хвалить;
Такъ всѣхъ поставлю ни въ полушку
И буду о себѣ сама я говорить“...
Есть много авторовъ, похожихъ на кукушку.

Полевой цвѣтокъ.

Однажды полевой цвѣтокъ
Нечаянно попалъ въ вѣнокъ,
Изъ розъ пастушкою сплетенный,
И сталъ какъ роза благовонный.
Большая польза въ томъ,
Когда кто съ умными знакомъ.

Молодой Оселъ.

Младый оселъ фонъ-Долгоухъ,
Узнавши о своемъ признаменитомъ родѣ,
Когдъ ходилъ пастись на лугъ,
Все только думалъ о породѣ.
Сколь былъ его почетенъ дѣдъ,
Ему такъ няни толковали:
Его святые папы знали —
Садились на его хребетъ!
Фонъ-Долгоухъ нашъ симъ кичился;
И этихъ словъ не проронилъ—
Ужь съ лошаками не рѣзвился,
Когда пастись на лугъ ходилъ.
Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ учиться
И быть знакомымъ лошакамъ.
„Ученье черни лишь годится,
Оно не нужно знатнымъ намъ".
Такъ думалъ онъ и билъ баклуши,
А, между тѣмъ, все росъ, да росъ.
Чѣмъ больше становились уши,
Тѣмъ выше задиралъ онъ носъ.
Межъ тѣмъ какъ велъ онъ жизнь такую,
Ученье кончилось конямъ
И повели ихъ въ Коренную [1]),
Продать чтобъ съ Долгоухомъ тамъ.
Коней одинъ баронъ богатой
Велѣлъ прикащику купить,
Какой-бы ни было то платой —
Въ златую сбрую нарядить.
Осла-жъ за цѣну небольшую
Сердитый мельникъ сторговалъ,
Надѣлъ веревочную сбрую
И за упрямство отхлысталъ.
Фонъ-Долгоухъ мой пуще злился
И уши вверхъ приподымалъ,
Весьма барону онъ дивился,
Что онъ осламъ цѣны не зналъ!
Качалъ со злости головою,
Глаза съ досады закрывалъ,
Бракъ, бросалъ на всѣхъ землею,
І-а, і-а, і-а кричалъ,
Что значило на ихъ языкѣ:
„Въ какихъ рожденъ я временахъ!
Бывало грозные владыки
Ѣзжали гордо на ослахъ!

---

[1]) Ярмарка при Знаменскомъ монастырѣ въ Курскомъ уѣздѣ.
Н. М.

Теперь ослам предпочитают,
Кого-же? подлых лошадей,
Въ златую сбрую наряжают—
Вотъ справедливость у людей!“

Дурилъ и Лоръ.

Дурилъ, узря при смерти Лора,
Ему такъ началъ говорить:
Дружокъ, нельзя-ли возвратить
Тобою взятые четыре лудора!
—Оставь меня спокойно умереть,
Отъ Лора слабый былъ отвѣтъ.
„Не слушаю сего я вздора,
Пустое братъ, пустое лжешь!
Отдай четыре лудора,
Или ты прежде не умрешь!“
Какъ тяжело, когда долгами заведешься:
Отъ нихъ и смертію никакъ не отобьешься!

Быкъ и Корова.

„Ахъ, какъ судьба твоя сурова,
Сказала такъ быку корова,
Ты день и ночь въ трудахъ
И чуть заря, опять потѣшь на работѣ,
Какъ, между тѣмъ, я на лугахъ
Пасуся по своей охотѣ!“
Чрезъ день ведутъ корову въ зевсовъ храмъ,
Чтобы принесть ее Юпитеру на жертву.
Увидя быкъ ее унылу, полумертву,
Сказалъ со свойственной холодностью волам:
„Какъ не завидовать твоей, корова, долѣ?
Тебя ведутъ на пиръ богамъ,
Меня-же работать опять погонятъ въ поле“.

Сообщ. **Н. В. Масловичъ.**

СТАНИСЛАВЪ РОМАНОВИЧЪ ЛЕПАРСКІЙ,

комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ и Читинскаго острога

1759—1838 гг.

Біографическій очеркъ.

Имя Станислава Романовича Лепарскаго, бывшаго въ теченіе двѣнадцати лѣтъ комендантомъ Нерчинскихъ рудниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ близкимъ къ декабристамъ лицомъ во время ихъ ссылки въ восточную Сибирь, мало извѣстно въ Россіи, несмотря на то, что оно тѣсно связано съ исторіею русской общественной жизни 1825—1840-хъ годовъ.

Занявъ должность коменданта въ Нерчинскѣ, заключавшуюся въ томъ, чтобы имѣть главный надзоръ за лицами, сосланными въ этотъ край за участіе ихъ въ событіи 14-го декабря 1825 г., Лепарскій, какъ человѣкъ безупречной честности и притомъ несомнѣнно доброй души, представлявшей совершенную противоположность съ его непривлекательною, угрюмою и даже суровою наружностью, былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе: ему приходилось постоянно согласовать долгъ службы, возложенный на него государемъ лично, съ чувствами гуманнаго человѣка, приходилось вести постоянную борьбу между строгими предписаніями, коими онъ былъ снабженъ въ Петербургѣ, и внушеніями своего добраго сердца, и надобно отдать ему полную справедливость—онъ вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ, снискавъ уваженіе и искреннее расположеніе узниковъ, ввѣренныхъ его попеченію,

которые сохранили о немъ самыя свѣтлыя воспоминанія, какъ свидѣтельствуютъ собственноручныя ихъ письма къ племяннику коменданта, Осипу Адамовичу Лепарскому, бывшему плацъ-маіоромъ Читинскаго острога; то-же самое подтверждаютъ и многочисленныя воспоминанія и записки декабристовъ и ихъ женъ, появлявшіяся на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій; всѣ эти лица, какъ увидимъ — за исключеніемъ одного только Дмитрія Иринарховича Завалишина, разсказывая о пребываніи своемъ въ Сибири, помянули добрымъ словомъ своего старика коменданта и всѣ они подтверждаютъ единогласно, что ихъ жизнь въ острогѣ была сносна и возможна только благодаря его человѣчному къ нимъ отношенію, тогда какъ, при иныхъ обстоятельствахъ, она сдѣлалась бы совершенно невыносимою. Несмотря на свою ворчливость и педантичную строгость и требовательность, С. Р. Лепарскій никогда не отказывался удовлетворить, въ предѣлахъ возможнаго, справедливыя требованія узниковъ, доставлялъ имъ разныя удобства и льготы, заботился объ ихъ матеріальномъ благосостояніи и, входя въ ихъ положеніе, терпѣливо переносилъ всѣ нападки съ ихъ стороны и укоры, коими они осыпали его вначалѣ.

Полякъ по происхожденію, Станиславъ Романовичъ родился въ прошломъ столѣтіи, въ 1754 г., въ нынѣшней Могилевской губерніи, воспитывался въ полоцкой іезуитской школѣ, и для своего времени былъ человѣкъ весьма образованный: зналъ латинскій языкъ, свободно и правильно писалъ и объяснялся по-французски и по-нѣмецки и читалъ даже классическихъ писателей на этихъ языкахъ [1]). Служебное поприще свое Лепарскій началъ въ 1775 г., поступивъ рядовымъ, по вольному найму, въ Каргопольскій карабинерный полкъ; 22-го сентября 1779 г. онъ былъ произведенъ изъ вахмистровъ въ первый офицерскій чинъ; во время конфедератской войны былъ уже маіоромъ и съ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе—отвести въ Сибирь партію польскихъ конфедератовъ, чѣмъ пріобрѣлъ извѣстность въ арміи. Бо́льшая часть его служебной карьеры протекла въ Сѣверскомъ конно-егерскомъ полку, съ которымъ Лепарскій участвовалъ во всѣхъ походахъ 1806—1810 гг.; въ 1808 г., въ чинѣ подполковника, онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Яссы, гдѣ находилась въ то время главная квартира дѣйствующей арміи, а въ 1810 г. получилъ командованіе конно-егерскимъ Сѣверскимъ полкомъ и исполнялъ эту обязанность вплоть до производства въ генералы,

[1]) Зап. бар. Розена, стр. 215.

19 марта 1826 г., и до назначенія своего комендантомъ Нерчинскихъ рудниковъ.

Во время долголѣтняго командованія полкомъ, Лепарскій пріобрѣлъ славу человѣка безупречно честнаго и обладавшаго замѣчательнымъ умѣніемъ ладить съ подчиненными; „когда въ полкахъ гвардіи случались непріятности между офицерами, вслѣдствіе коихъ приходилось перевести ихъ въ другіе полки, армейскіе, то такъ называемыхъ безпокойныхъ перемѣщали обыкновенно въ полкъ Лепарскаго, который умѣлъ обходиться со всѣми, умѣлъ жить не наживая себѣ личныхъ враговъ и даже на печати своей вырѣзалъ ёлку съ надписью: „не перемѣняется“ [1]). Во время командованія имъ полкомъ, ни одинъ рядовой его полка не былъ оштрафованъ или наказанъ по суду, ни одинъ офицеръ не подвергся взысканію или непріятностямъ по службѣ“ [2]). Всѣ эти факты характеризуютъ, безъ сомнѣнія, полковаго командира Сѣверскаго полка съ самой лучшей стороны; „строгій и малообщительный со своими подчиненными, даже нѣсколько придирчивый и ворчунъ въ требованіяхъ служебнаго дѣла, крайне ревнивый и взыскательный къ обязанностямъ чести офицеровъ, Станиславъ Романовичъ, при упорномъ, непоколебимомъ исполненіи своего дѣла, могъ въ то-же время служить образцомъ кротости, доброты и человѣколюб ія“

Шефомъ Сѣверскаго полка, во время командованія имъ Лепарскимъ, былъ великій князь Николай Павловичъ; интересуясь не только фронтовою службою, но и малѣйшими подробностями внутренняго быта своего полка, который великій князь желалъ довести до возможной степени совершенства, онъ нерѣдко удостоивалъ полковаго командира собственноручными письмами, весьма интересными какъ для характеристики заботливости Николая Павловича и строгой требовательности его въ дѣлѣ военной службы, такъ и его личныхъ отношеній къ командиру Сѣверскаго полка, къ которому вел. князь питалъ высокое уваженіе за его честность и педантичное исполненіе служебныхъ обязанностей; эти письма сохранились въ бумагахъ покойнаго Лепарскаго въ оригиналахъ вмѣстѣ съ двумя, тремя письмами къ нему-же великаго князя Михаила Павловича и графа В. Ѳ. Адлерберга, адъютанта Николая Павловича, и свидѣтельствуютъ о превосходномъ состояніи Сѣверскаго полка, заслужившаго, во время командованія имъ Лепарскимъ, одобренія такого строгаго судьи, въ военномъ дѣлѣ, какимъ былъ

[1]) Зап. бар. Розена, стр. 215.

[2]) С. Р. Лепарскій. „Русск. Ст.“ 1880 г., т. XXIX, стр. 712.

великій князь Михаилъ Павловичъ, о чемъ его августѣйшій братъ съ особеннымъ удовольствіемъ сообщилъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, Станиславу Романовичу.

Во время своей поѣздки на югъ Россіи въ 1816 г., для инспектированія войскъ, великій князь Николай Павловичъ, находясь близъ мѣста расположенія Сѣверскаго полка, пожелалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣть полкъ лично.

„Станиславъ Романовичъ“,—писалъ великій князь по этому случаю изъ Кіева, 30 мая 1816 года,—„проѣзжая столь близко отъ квартиръ нашего полка, прискорбно было-бы мнѣ его не видать; итакъ, съ позволенія Е. И. В. и фельдмаршала, буду я къ вамъ, если мнѣ возможно будетъ, 5-го числа.

„Я желаю видѣть сей полкъ въ настоящемъ его видѣ и до послѣдней мелочи, сначала въ мѣстѣ, гдѣ удобнѣе вы найдете — я-бы желалъ въ Крыловѣ, потому что мнѣ далеко нельзя отдаляться отъ Полтавы—потомъ 1-й дивизіонъ обстоятельно, и какъ пѣше по конному, такъ и по манежному.

„Я не считаю нужнымъ о томъ увѣдомлять дивизіоннаго и бригаднаго командировъ; впрочемъ дѣлайте, какъ вамъ долгъ повелѣваетъ. Николай“.

Оставшись вполнѣ доволенъ произведеннымъ смотромъ, найдя въ полку все въ должномъ порядкѣ, великій князь, по возвращеніи въ Москву, былъ озабоченъ нѣкоторыми хозяйственными распоряженіями по полку, о которыхъ онъ увѣдомилъ Лепарскаго письмомъ отъ 18-го іюля, слѣдующаго содержанія:

Москва, 18 іюля 1816 г.

„Станиславъ Романовичъ, я получилъ здѣсь письмо ваше и вотъ вамъ отвѣтъ мой:

1) Серебряныя трубы съ кистями въ скоромъ времени будутъ вамъ доставлены.

2) Закревскій и также государь изволилъ мнѣ сказывать, что всѣ формы для конно-егерскихъ полковъ утверждены; итакъ касательное сего поступайте по точно присылаемой вамъ формѣ.

3) Касательно лошадей офицеры могутъ рубить хвосты и не рубить, какъ хотятъ; отъ государя и то и другое позволено.

4) Какъ вы переходите въ Курскую губернію, то манежъ вамъ дѣлается ненужнымъ; старайтесь его продать; ежели-же нельзя, то Богъ съ нимъ, другой постараемся построить.

5) Люди ваши прибыли и поступили въ науку.

6) Лекарь отмѣнно хорошій, отъ Виллié скоро будетъ къ вамъ присланъ.

7) 8,000 будутъ вамъ доплачены, но болѣе денегъ нѣтъ и никоимъ образомъ достать нельзя.

8) Кантонистовъ не отдавайте, а будутъ записаны въ полкъ Закревскимъ.

9) Вотъ 2,500 руб. отъ тульскаго купечества, которые вы раздавайте выходящимъ нижнимъ чинамъ, смотря по ихъ поведенію; унтеръ-офицерамъ по 70 руб., рядовымъ по 50 р. единовременно.

10) Вотъ форменная дощечка для крестовъ и медалей.

11) Вы получите англійское сукно въ будущій срокъ.

Старайтесь, чтобы на маршѣ ни исторій, ни жалобъ не было, и чтобы вы и вами довольны были.

Кланяйтесь всѣмъ нашимъ и не забывайте своего товарища. Николай“ [1]).

Подобнымъ-же мелкимъ распоряженіямъ по полку посвящены и слѣдующія два письма великаго князя, изъ коихъ видны, между прочимъ, его заботы о подготовкѣ для полка хорошихъ ветеринаровъ, берейторовъ и о закупкѣ для полка хорошихъ лошадей.

„Письмо ваше, Станиславъ Романовичъ, получилъ я въ Воронежѣ“, пишетъ великій князь изъ Орла, 24-го іюля 1816 г., „и благодарю за успѣшную покупку лошадей, равно и за капельмейстера; боюсь только, чтобы арзамасцы не разсердились на меня за это. Я совершенно согласенъ на все то, что мнѣ писали вы; только не забудьте прислать берейторскаго и ветеринарнаго учениковъ въ Петербургъ.

„Я обо всемъ писалъ къ Петру Петровичу и къ Закревскому; впрочемъ, государь уже все то знаетъ чрезъ мои письма.

„Прошу васъ продолжать увѣдомлять меня обо всемъ происходящемъ въ полку и кланяться всѣмъ нашимъ. Я получилъ приказъ о переводѣ къ намъ поручика кн. Шелешпанскаго; какъ прибудетъ въ полкъ, равно и Хлоповъ, то напишите каковы будутъ.

„Прощайте, будьте увѣрены въ истинномъ моемъ уваженіи. Николай“ [2]).

12-го сентября того-же 1816 года, великій князь сообщилъ Лепарскому о пріобрѣтеніи для полка лошадей:

„Станиславъ Романовичъ,—читаемъ мы,—честь имѣю вамъ объявить, что ремонтеры лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка приведутъ къ вамъ 16 или 18 лошадей, мною выбранныхъ для полка, опись коимъ получится отъ Михаила Павловича. Есть гнѣдыя, есть и

---

[1]) На письмѣ помѣта: „Получено 26-го іюля“.

[2]) Помѣта: „Получено 4-го августа“.

вороныя—добрыя лошади. Оставьте мой эскадронъ гнѣдымъ, какъ прежде, но предлагаю вамъ перевести рыжій—пятый ко мнѣ въ первый дивизіонъ; тогда старайтесь сдѣлать третій и четвертый сѣрыми, а третій дивизіонъ весь на темныхъ. Трубачей посадите на пѣгихъ лошадей. Регентенко учится теперь у Левашева; а когда будетъ знать новое учрежденіе и посадку, будетъ къ вамъ возвращенъ братомъ. Молодые всѣ учатся и, надѣюсь, черезъ годъ сдѣлать ихъ годными къ службѣ. Лекаря вамъ дали прекраснаго.

„ Я завтра ѣду въ чужіе края и не буду назадъ по апрѣль мѣсяцъ; продолжайте присылать сюда рапорты попрежнему. Николай“ [1]).

Слѣдующее письмо великаго князя адресовано Лепарскому уже изъ-за-границы, изъ Гласкова; несмотря на новыя впечатлѣнія, на недостатокъ времени, занятаго постоянными переѣздами, Николай Павловичъ продолжалъ изъ своего далека живо интересоваться полковыми дѣлами и попрежнему не оставлялъ полковаго командира безъ своихъ распоряженій, вновь подтверждая ему, между прочимъ, высказанное имъ уже однажды желаніе, чтобы переходъ полка въ Курскую губернію и расположеніе его на новыхъ квартирахъ совершились благополучно и въ должномъ порядкѣ.

„Станиславъ Романовичъ“,—пишетъ Николай Павловичъ по этому поводу изъ Гласкова 14-го (26-го) декабря 1816 г.,—„мнѣ сообщенъ маршрутъ нашъ, по которому вы выступаете 2-го февраля; надѣюсь, что будетъ все благополучно и что нигдѣ ни отъ кого жалобъ не будетъ, за чѣмъ предписываю вамъ строго смотрѣть; равно и по прибытіи на мѣсто старайтесь о томъ-же. Займитесь также (вопросомъ) о доставленіи себѣ манежа; мѣста для ученій есть безподобныя; итакъ, всѣ способы есть довести полкъ до совершенства.

„Пришли-ли къ вамъ лошади? Ежели не годятся, продайте, но думаю, что лошадей 10 будетъ очень хорошихъ. Регентенко, говорятъ, учится славно. Какова наша музыка? Я для васъ купилъ серебряныя трубы, которыя будутъ къ вамъ присланы. Какъ вы довольны успѣхами нашими? Что лучше-ли ѣздятъ по даннымъ правиламъ и хорошо-ли стрѣляютъ? Поздравляю съ новымъ корпуснымъ росписаніемъ.

„Хорошо-ли ведутъ себя офицеры и довольны-ли новыми? Въ Курскѣ найдете вы стараго шефа, что должно вамъ быть пріятно. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ. Николай“ [2]).

---

[1]) Помѣта: „Получено 12-го октября“.

[2]) Помѣта: „Получено 27-го января“.

Приведенныя нами пять писемъ великаго князя Николая Павловича не имѣютъ, какъ мы видимъ, прямаго отношенія къ характеристикѣ С. Р. Лепарскаго, но такъ какъ они подтверждаютъ частыя письменныя сношенія съ нимъ шефа полка и обрисовываютъ весьма характерно личность великаго князя въ его заботахъ о Сѣверскомъ полку и о военномъ дѣлѣ вообще, то мы сочли вполнѣ умѣстнымъ помѣстить ихъ въ настоящемъ очеркѣ, въ связи съ нижеслѣдующими письмами великаго князя Николая Павловича къ Станиславу Романовичу, въ которыхъ августѣйшій шефъ полка неоднократно высказываетъ ему свое полное удовольствіе за порядокъ, соблюдаемый въ полку, за точное исполненіе всѣхъ его распоряженій и за то прекрасное состояніе, въ которомъ нашелъ Сѣверскій полкъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

„Станиславъ Романовичъ“,—пишетъ великій князь изъ С.-Петербурга, 10-го мая 1817 года,—„только сегодня получилъ я три ваши рапорта съ вашими записками и планомъ манежа, за которое все вамъ очень благодаренъ; изъ всего вижу ваше и господъ офицеровъ стараніе довести полкъ до должнаго порядка; оно тѣмъ нужнѣе, что весьма быть можетъ, что государь самъ всѣ наши полки смотрѣть станетъ.

„Мнѣ остается благодарить васъ за соблюденный порядокъ; равно и за мѣры, принятыя для постройки манежа и госпиталя. Теперь прошу заняться посадкою людей, выѣздкою лошадей и тогда уже сводить эскадроны и полкъ; наиболѣе наблюдать за тишиною и равенствомъ во фронтѣ; за правильностью алюровъ и, какъ государь требуетъ, въ церемоніальномъ маршѣ по эскадронно и по полуэскадронно, чтобы рысь и галопъ были правильны и чтобы офицеры всегда наблюдали сами тотъ-же алюръ, какъ и эскадронъ; чтобы тишина и равненіе были совершенны и проч.

„Подтверждаю вамъ насчетъ офицеровъ: нерадивыхъ и дурнаго поведенія отнюдь не терпѣть и тотчасъ рапортовать Арсенію Андреевичу Закревскому, а въ кондуитныхъ спискахъ атестовать по достоинствамъ.

„Трубы будутъ вамъ присланы тотчасъ по полученіи; я радъ слышать, что музыка такъ успѣваетъ и отнюдь не отдавайте капельмейстера. Насчетъ ремонта я буду стараться вамъ доставить способы достать хорошихъ.

„Соблюдайте во всемъ форму по государевымъ образцамъ; получили-ли вы новыя бляхи? довольно красиво.

„Новые два офицера Чаплыгинъ и Беренсъ очень порядочны и ѣздятъ хорошо; маіоръ Х. находится у ген.-маіора Левашева

для узнанія кавалерійской службы; впрочемъ, очень хорошій и благородный офицеръ. Равно и капитанъ Бервиль, бывшій долго и отличнымъ адъютантомъ у генерала Василычикова.

„Сіи деньги можете употребить или на ремонтъ, или на другія полковыя надобности.

„Прошу кланяться господамъ офицерамъ; если можно мнѣ будетъ, то изъ Москвы отправлюсь на нѣсколько дней къ вамъ. Николай.

„Если-бы можно было, не разстроя полка, сдѣлать такъ, чтобы всѣ вторые эскадроны были сѣрые, то весьма-бы хорошо было; а между тѣмъ, могли-бы сдѣлать третій—сѣрымъ, четвертый—темный, пятый—сѣрымъ, а шестой оставить какъ есть; впрочемъ, дѣлайте, какъ вамъ лучше кажется“ [1]).

„Получивъ отъ Михаила Павловича извѣстіе, сколь онъ былъ доволенъ взводомъ нашимъ, который у него былъ въ караулѣ, равно и ученьемъ и ѣздою ихъ въ манежѣ [2]), объявляю вамъ искреннюю мою признательность и желаю, чтобы всегда доходили до меня подобные о васъ слухи.

„Присылаю вамъ прекрасную коллекцію маршей на трубахъ. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ и Бороздину за труды его. Я постараюсь пріѣхать къ вамъ, когда можно будетъ. Вашъ навсегда Николай“ [3]).

И далѣе [4]): „Я имѣлъ вторично удовольствіе получить отъ брата письмо, въ которомъ онъ не можетъ довольно нахвалиться слышаннымъ и видѣннымъ имъ въ нашемъ полку. Онъ сказываетъ, что васъ самого видѣлъ въ Воронежѣ и что вы ему поручили меня увѣдомить, что стараніемъ вашимъ трубачи уже всѣ на пѣгихъ, а третій эскадронъ почти весь на сѣрыхъ лошадяхъ.

„Покуда я буду имѣть честь командовать полкомъ, нельзя мнѣ будетъ согласиться дать эскадронъ полковнику Зыбину; что даже не можетъ отъ меня зависѣть, ибо надъ нимъ приказано имѣть особенный присмотръ, какъ надъ человѣкомъ вовсе ненадежнымъ. Что-же касается до маіора Хлопова, я его давно зналъ хорошимъ офицеромъ и былъ совершенно увѣренъ въ скоромъ его усовершенствованіи по новому роду службы. Прошу васъ вручить ему тотчасъ который эскадронъ захотите; я думаю—бывшій Бернса, которому

---

[1]) Помѣта: „Получено 21-го мая“.

[2]) Писано изъ С.-Петербурга отъ 18-го сентября 1817 г.

[3]) Помѣта: „Получено 2-го октября“.

[4]) Письмо изъ Москвы отъ 8-го октября 1817 г.

не слѣдуетъ носить о сю пору его имя, а съ назначеніемъ Хлопова разываться его именемъ.

„Братъ въ восхищеніи отъ трубачей и музыки, особливо отъ первыхъ; вотъ перстень для капельмейстера за труды.

„Я рѣдко имѣлъ бо́льшее удовольствіе, какъ когда получилъ это письмо отъ брата. Продолжайте такъ и вѣрно заслужите особенную благодарность государя, когда будетъ смотрѣть вашъ корпусъ.

„Прилагаю присемъ просьбу бывшаго берейтора; онъ хочетъ опредѣлить старшаго сына въ военную службу; если можно, примите вольноопредѣляющимся.

„Прошу кланяться Николаю Михайловичу Бороздину и благодарить за его стараніе для полка. Равно поручаю вамъ благодарить моимъ именемъ всѣхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ за порядокъ, устройство и ревность ихъ къ доведенію полка до должной исправности. Вамъ преданный Николай“ [1]).

„Не будете-ли въ отпуску въ Москву?“

Этимъ отпускомъ Лепарскій не замедлилъ, повидимому, воспользоваться; предположеніе о поѣздкѣ его въ Москву подтверждается коротенькою запискою великаго князя, писанною, какъ видно изъ помѣты на ней Лепарскаго, въ томъ-же 1817 году [2]).

„При отправленіи вашемъ сюда въ отпускъ, говорится въ этой запискѣ, прошу васъ взять съ собою нашего капельмейстера и, если можно, одного изъ лучшихъ трубачей; капельмейстеръ нуженъ будетъ для музыки измайловской, да и для него полезно будетъ послушать методу нашу гвардейскую. Николай“.

Рядъ писемъ бывшаго августѣйшаго шефа Сѣверскаго полка, бережно сохраненныхъ генераломъ Лепарскимъ до самой своей кончины, оканчивается слѣдующимъ письмомъ изъ Москвы отъ 23-го февраля 1818 года:

„Станиславъ Романовичъ, получивъ отъ государя императора позволеніе ѣхать смотрѣть полкъ нашъ, отправлюсь отсюда около 14-го или 15-го чиселъ на Тулу, гдѣ, осмотрѣвъ находящійся тамъ 1-й саперный баталіонъ, сейчасъ-же къ вамъ отъѣду; такъ что надѣюсь быть въ Ельцѣ около 18-го или поздно 19-го числа, и хочу непремѣнно [3]) у васъ остановиться на квартирѣ; со мною ѣдетъ

---

[1]) Помѣта: „Получено 16-го октября“.

[2]) Получено изъ Москвы 1817 года.

[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

одинъ адъютантъ и два человѣка; итакъ, мнѣ немного надо мѣста. Прошу васъ дать знать объ этомъ дивизіонному командиру. Если трудно полкъ свести, то буду смотрѣть по-дивизіонно; во фронтъ не выводить ни рекрутъ, ни молодыхъ лошадей; даже такъ, чтобы болѣе 12-ти рядовъ во взводѣ не было, но, однако, не менѣе; буду смотрѣть всѣхъ унтеръ-офицеровъ и карабинеровъ въ манежѣ, равно и офицеровъ, весь ремонтъ и рекрутъ и резервный эскадронъ; пѣшій строй или разводъ и проч.

„Приготовьте все какъ слѣдуетъ; мнѣ прошу выбрать хорошую фронтовую лошадь, хотя изъ-подъ вахмистра моего эскадрона.

„Чтобы никакихъ пріемовъ отъ города, ни другихъ никакихъ приготовленій не было, о томъ всѣмъ предписываю дать знать.

„О полученіи сего письма увѣдомьте меня тотчасъ какъ получите, а также о мѣрахъ, вами взятыхъ, и можно-ли будетъ полкъ собрать. Вашъ на вѣки Николай".

Какъ видно изъ этой переписки, Лепарскій, какъ командиръ кавалерійскаго полка, вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ строгаго и взыскательнаго своего шефа и своими распоряженіями постоянно заслуживалъ его одобреніе; то-же подтверждаютъ и письма, адресованныя ему адъютантомъ великаго князя, графомъ Адлербергомъ; сообщая Станиславу Романовичу, въ одномъ изъ этихъ писемъ (отъ 25-го сентября 1818 г.), различныя распоряженія великаго князя по полку, графъ пишетъ, что его высочествомъ вполнѣ одобрилъ всѣ предложенныя Лепарскимъ мѣры для переформировки эскадроновъ и проч. и присовокупляетъ:

„Великій князь чрезвычайно радъ, что главнокомандующій при смотрѣ полка былъ доволенъ, и приказалъ вамъ сказать, что никогда въ томъ не сомнѣвался, зная всѣ усердныя старанія, которыя вы прилагаете къ усовершенствованію полка"...

Другой разъ [1]) графъ пишетъ Станиславу Романовичу по порученію великаго князя: „поставляю себѣ въ удовольствіе объявить вамъ благодарность его высочества за всѣ старанія, прилагаемыя вами въ покупкѣ лошадей, вамъ порученной; сверхъ того, великій князь объявляетъ вамъ и всѣмъ гг. эскадроннымъ командирамъ совершенное свое удовольствіе и признательность за хорошій видъ людей, выбранныхъ въ гвардію изъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, кои отличились отъ всѣхъ прочихъ полковъ выправкою, стойкою и одеждою, что было замѣчено и самимъ государемъ императоромъ. Особливо обратили на себя вниманіе люди изъ эскадрона

[1]) 10-го ноября 1819 г.

его высочества, за что и объявляетъ особенное свое благоволеніе командиру онаго, капитану Гофману".

Наконецъ, извѣщая Лепарскаго, 28-го апрѣля 1820 г., о посылкѣ за ремонтомъ прапорщика Ладыженскаго и передавая ему просьбу великаго князя взять этого офицера подъ свое покровительство и помочь ему въ исполненіи возложенныхъ на него порученій своими совѣтами и опытностью, графъ еще разъ передаетъ ему лестное о немъ мнѣніе Николая Павловича: „его высочество въ ревности и усердіи вашемъ совершенно увѣренъ, пишетъ онъ, но зная сколь много у васъ уже своихъ обязанностей по командуемому вами полку, не желаетъ обременять васъ еще посторонними" и т. д.

Эти выписки достаточно объясняютъ намъ причину, вызвавшую назначеніе Лепарскаго, въ 1826 г., на трудную и отвѣтственную должность коменданта нерчинскихъ рудниковъ; оцѣнивъ его рѣдкія нравственныя качества, во время своихъ частыхъ сношеній съ нимъ, какъ съ командиромъ Сѣверскаго полка, Николай Павловичъ, по восшествіи на престолъ, въ трудную для него годину внутреннихъ неурядицъ, вспомнилъ о своемъ прежнемъ товарищѣ по службѣ, извѣстномъ ему съ такой прекрасной стороны, и на немъ остановилъ свой выборъ.

Назначеніе это, сдѣланное по личному выбору государя, притомъ выбору, прибавимъ мы, вполнѣ сознательному, основанному на совершенномъ знакомствѣ съ нравственными качествами избраннаго лица, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣннымъ доказательствомъ рыцарскихъ чувствъ императора Николая Павловича: назначая Лепарскаго комендантомъ нерчинскихъ рудниковъ и дѣлая его ближайшимъ лицомъ къ ссылаемымъ туда государственнымъ преступникамъ, императоръ былъ вполнѣ убѣжденъ, что онъ будетъ имѣть въ немъ не только ревностнаго и точнаго исполнителя своихъ повелѣній, но, главное, исполнителя гуманнаго, способнаго разумно понять его цѣли и намѣренія и привести ихъ въ исполненіе, за что ручалась вся его прошлая жизнь. Поэтому далеко несправедливы слова декабриста Михаила Александровича Бестужева, который говоритъ по поводу назначенія Лепарскаго комендантомъ въ Нерчинскъ слѣдующее:

„Государь зналъ его (Лепарскаго) потому только, что онъ когда-то въ польскую войну съумѣлъ огромную партію конфедератовъ, его соотчичей, довести до мѣста заключенія подъ весьма малымъ конвоемъ. Это обстоятельство дало ему большую цѣну въ глазахъ императора, но мудрое предвидѣніе ошиблось въ одномъ. Подъ генеральскою звѣздою билось благородное сердце. Этою

ошибкою онъ остался въ потерѣ, потому что мы остались живы, а мы выиграли, пріобрѣтя добраго, умнаго, снисходительнаго тюремщика". Что государь зналъ Лепарскаго гораздо лучше, нежели предполагалъ М. А. Бестужевъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, а что онъ былъ далекъ отъ мысли стереть декабристовъ съ лица земли—доказываютъ тѣ секретныя предписанія, коими были снабжены лица, приставленныя къ этимъ узникамъ; эти предписанія, коими повелѣвалось всячески щадить и оберегать здоровье и жизнь ссыльныхъ, между прочимъ, крайне стѣсняли дѣйствія начальника нерчинскихъ заводовъ, Бурнашева, человѣка въ высшей степени жестокаго и безжалостнаго, который довелъ своихъ узниковъ до открытаго возмущенія [1]); онъ неоднократно жаловался и сѣтовалъ на эти секретныя предписанія, не зналъ какъ согласовать ихъ съ другими, оффиціальными, предписаніями и говорилъ, что не будь ихъ, онъ съумѣлъ-бы „вывести всѣхъ узниковъ въ расходъ".

Подобныхъ, не въ мѣру ревностныхъ, исполнителей царской воли можно было-бы найти не мало.

Слѣдующій разсказъ Муравьева подтверждаетъ какъ нельзя лучше тотъ фактъ, что императоръ Николай Павловичъ, желая казаться, по отношенію къ политическимъ преступникамъ суровымъ и непреклоннымъ, въ душѣ относился къ нимъ съ состраданіемъ и желалъ хоть чѣмъ-нибудь усладить ихъ жизнь въ ссылкѣ.

„Его (государя) вниманіе къ сосланнымъ иногда выражалось въ формѣ весьма своеобразной, пишетъ Муравьевъ, и съ принятіемъ всѣхъ мѣръ, чтобы не возникли слухи о его мягкосердіи; слѣдующій случай подтверждаетъ это.

Бывшій экзекуторъ въ управѣ благочинія, П. Г. Подгорный, служившій прежде въ фельдъегерскомъ корпусѣ, незадолго предъ своею смертью разсказывалъ: „бывъ неоднократно посылаемъ е. в. съ бумагами въ Сибирь, предъ отправленіемъ я обыкновенно призывался въ кабинетъ государя; онъ выдавалъ мнѣ нѣсколько сотъ рублей съ приказаніемъ купить пудъ чаю, а на остальныя деньги Жукова табаку и все раздать въ Сибири сосланнымъ по 14-му декабрю. Отпуская меня, его величество грозилъ пальцемъ, примолвливая: „но да сохранитъ тебя Богъ примѣшивать тутъ мое имя,—чтобы ни одна живая душа не знала, что посылка идетъ отъ меня, а если спросятъ отъ кого, то отвѣчай, что изъ Москвы отъ неизвѣстныхъ благотворителей".

---

[1]) Извѣстное дѣло Сухинова.

II.

Генералъ маіоръ С. Р. Лепарскій былъ извѣщенъ о послѣдовавшемъ назначеніи его въ Сибирь слѣдующимъ письмомъ отъ начальника главнаго штаба, барона Дибича, полученнымъ имъ 24-го іюля 1826 г. въ Курскѣ, гдѣ онъ проживалъ послѣ сдачи Сѣверскаго полка новому командиру.

17-го іюля 1826 г.

„М. г. Станиславъ Романовичъ. Государь императоръ, полагаясь въ полной мѣрѣ на правоту вашего превосходительства, строгія правила чести и преданность вашу къ Престолу, намѣренъ ввѣрить вамъ весьма важный, особенно по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, постъ въ Нерчинскѣ, ибо государственные преступники, требующіе особеннаго надзора строгаго и благоразумнаго, большею частію будутъ находиться въ работахъ въ тамошнихъ рудникахъ,—мѣсто, представляющее вамъ случай обратить на себя особенное вниманіе государя императора и оправдать высочайшую довѣренность. При такомъ назначеніи на сіе мѣсто его величество соизволилъ опредѣлить вамъ жалованья по 8,000 руб. и столовыя деньги по 12,000 р. въ годъ и, сверхъ того, вы можете надѣяться, что его величество уважитъ просьбу вашу о всемъ томъ, что признаетъ нужнымъ къ успокоенію вашему при семъ назначеніи.

„Посему его величеству угодно знать: согласны-ли ваше превосходительство принять сіе мѣсто? О чемъ прошу покорно увѣдомить меня, съ симъ-же фельдъегеремъ, для доклада его величеству. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. Иванъ Дибичъ“.

Отвѣчая на это письмо въ тотъ-же день по полученіи его, т. е. 24-го іюля, Лепарскій извѣстилъ барона Дибича о своемъ согласіи принять новое назначеніе, выражая только опасеніе „дозволятъ-ли малыя его способности и пожилыя лѣта (ему было въ то время 70 лѣтъ) исполнить порученную обязанность съ такимъ успѣхомъ, какого онъ желать долженъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просилъ начальника главнаго штаба „объ исходатайствованіи у государя императора отпуска, кромѣ путевыхъ издержекъ, 25 тысячъ рублей“, въ виду его крайне стѣсненныхъ домашнихъ обстоятельствъ, требующихъ, по случаю удаленія его изъ Россіи, уплаты долговъ и устроенія дѣлъ, „съ тѣмъ, чтобы таковая сумма ежегодно пополнялась третью частью изъ назначенныхъ ему жалованья и столовыхъ денегъ“.

На первый взглядъ кажется удивительнымъ, что Лепарскій, командуя тамъ долго кавалерійскимъ полкомъ, ведя жизнь умѣренную, не позволяя себѣ никакихъ излишествъ, притомъ не имѣя даже родныхъ, которыхъ ему приходилось-бы поддерживать, не только имѣлъ крупный долгъ, уплатою котораго былъ озабоченъ, но былъ даже вынужденъ продать для устройства своихъ дѣлъ домъ и движимое имущество, которое онъ имѣлъ въ Кіевѣ. „Это обстоятельство объясняется отчасти добротою и снисходительностью старика, который расходовалъ всѣ свои сбереженія на дѣло благотворительности и на помощь ближнему: говорятъ, что ни одинъ солдатъ его полка не выходилъ въ отставку не обезпеченнымъ для дальнѣйшаго своего существованія“ [1]), кромѣ того, Лепарскому пришлось, однажды, взять заимообразно изрядную сумму денегъ (до 21,000 руб.) на заготовку фуража для полка, вслѣдствіе невысылки его комиссіею кіевскаго комиссаріатскаго депо; онъ доносилъ объ этомъ своевременно начальству, но хотя переписка по этому дѣлу, какъ видно изъ подлинныхъ документовъ, продолжалась съ 1815 по 1826 г., однако, къ желаемому результату она не привела; денегъ, въ возвратъ израсходованныхъ суммъ, Лепарскій не получилъ, и при сдачѣ полка долженъ былъ пополнить ихъ изъ своего кармана.

Изъ отношенія главнаго штаба отъ 29-го сентября 1826 г., коимъ С. Р. Лепарскій былъ оффиціально извѣщенъ о назначеніи ему по новому мѣсту вышеупомянутаго оклада жалованья и столовыхъ денегъ, мы узнаемъ объ условіяхъ, на которыхъ формировалось новое комендантское управленіе нерчинскихъ рудниковъ.

„Плацъ-маіору, двумъ плацъ-адъютантамъ и лекарю, при назначеніи въ Читу, повелѣно производить четверное жалованье, говорится въ этомъ отношеніи, и, сверхъ того, при опредѣленіи дать имъ слѣдующіе чины и выдать не въ зачетъ третное жалованіе по четверному окладу. Послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ службы, по засвидѣтельствованіи начальства, производить въ чины: плацъ-маіора до генералъ-маіора, а плацъ-адъютантовъ до маіорскаго чина. Тремъ писарямъ по канцеляріи (которыхъ Лепарскому разрѣшалось взять изъ иркутскаго военно-сиротскаго отдѣленія по его выбору), назначеннымъ изъ кантонистовъ — жалованье двойное по окладу писарей, одному старшаго и двумъ — младшаго, и по положенію провіантъ и аммуницію“.

---

[1]) Станиславъ Романовичъ Лепарскій. „Русск. Ст.“ 1880 г., т. XXVIII, стр. 723—724.

„Выборъ плацъ-маіора, по высочайшей государя императора волѣ, предоставляется вашему превосходительству изъ армейскихъ капитановъ, въ случаѣ-же, если изъ нихъ желающихъ не будетъ, то дозволяется вамъ въ проѣздъ вашъ на пути пригласить изъ плацъ-маіоровъ городовъ на пути лежащихъ или другихъ офицеровъ капитанскаго чина съ тѣмъ, чтобы того, кто согласится, мѣстное начальство отправило въ то-же время къ новому назначенію, не ожидая отданія въ приказѣ и донеся только отъ себя своему начальству".

Какъ видно, назначеніе должностныхъ лицъ нерчинскаго комендантскаго управленія было обставлено самыми выгодными, съ матеріальной стороны, условіями, что давало возможность привлечь на эту службу лицъ вполнѣ достойныхъ, каковыми и оказались на дѣлѣ всѣ ближайшіе помощники Станислава Романовича. Однимъ изъ первыхъ былъ приглашенъ имъ на должность плацъ-маіора единственный близкій къ нему человѣкъ, горячо имъ любимый родной племянникъ его, Осипъ Адамовичъ Лепарскій, служившій въ то время, въ чинѣ капитана, въ Сѣверскомъ полку; предлагая ему служить вмѣстѣ съ нимъ въ Сибири, Станиславъ Романовичъ писалъ ему, 25-го сентября 1826 г., изъ Москвы, слѣдующее: „бывъ назначеннымъ комендантомъ въ Нерчинскъ, соблюдаю по привязанности моей къ тебѣ долгъ родства, дѣлаю тебѣ предложеніе принять тамъ мѣсто плацъ-маіора, ни мало не совѣтуя послѣдовать оному или нѣтъ, ибо ты въ такихъ лѣтахъ, что уже можешь располагать собою весьма зрѣло. Согласіе твое въ томъ мнѣ сдѣлаетъ удовольствіе, а противное тому не обратитъ къ тебѣ моего негодованія и не уменьшитъ моей привязанности". Перечисливъ извѣстныя уже намъ преимущества, связанныя съ этою службою, Лепарскій продолжаетъ: „это выгоды; теперь обязанности: надо жить въ отдаленныхъ краяхъ безъ общества благородныхъ людей и находить только удовольствіе въ исполненіи долга службы. Непоколебимость вѣрности къ монарху и исполненіе правилъ по моей инструкціи, строгой и человѣколюбивой". Перечисленныя въ этомъ письмѣ обязанности ни мало не устрашили Осипа Адамовича, и онъ съ благодарностью принялъ мѣсто, предложенное ему дядею, съ которымъ его связывали самыя искреннія, дружескія отношенія. Какъ человѣкъ весьма добрый, наслѣдовавшій въ значительной мѣрѣ качества своего дяди, онъ заслужилъ, въ бытность свою въ Сибири, расположеніе всѣхъ декабристовъ, являлся ихъ всегдашнимъ парламентеромъ, ходатаемъ и заступникомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было добиться какой-нибудь уступки или

льготы со стороны коменданта; по смерти Лепарскаго, Осипъ Адамовичъ занималъ нѣкоторое время его мѣсто въ Нерчинскѣ, впослѣдствіи былъ комендантомъ въ Смоленскѣ и Шлиссельбургѣ и въ теченіе своей многолѣтней службы (О. А. скончался 4-го апрѣля 1876 г.) былъ всегда всѣми любимъ и уважаемъ за доброту, ласку и привѣтливость" [1]).

Итакъ, ближайшимъ, непосредственнымъ начальствомъ декабристовъ во время ихъ ссылки на отдаленной окраинѣ ихъ отечества явились двѣ прекрасныя по своимъ нравственнымъ качествамъ личности, каковыми были С. Р. Лепарскій и его племянникъ, Осипъ Адамовичъ. Въ должность плацъ-адъютантовъ были назначены, по представленію Лепарскаго, штабъ-ротмистръ Куломзинъ, его племянникъ по сестрѣ, уволенный изъ Новгородскаго кирасирскаго полка, и поручикъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка Розенбергъ, произведенный въ штабсъ-капитаны. Впослѣдствіи изъ Иркутска были прикомандированы: штабъ-лекарь Ильинскій [2]) и священникъ Петръ Громовъ. Вотъ весь составъ комендантскаго управленія нерчинскихъ рудниковъ, не считая писарей, служителей и роты пѣхоты, да полсотни сибирскихъ казаковъ съ ихъ офицерами, которые занимали караулы въ острогѣ.

Генералъ-маіоръ Лепарскій, снабженный въ Петербургѣ подробною и строгою инструкціею, поспѣшилъ отправиться въ Восточную Сибирь въ томъ-же 1826 году, съ цѣлью приготовить для своихъ узниковъ казематъ тамъ, гдѣ найдетъ болѣе удобнымъ. Передъ отъѣздомъ, онъ представлялся государю въ Москвѣ. „Государь, во время разговора одѣвался и аудіенція продолжалась около часа. Станиславъ Романовичъ вышелъ изъ кабинета очень взволнованнымъ и растроганнымъ; но въ чемъ именно заключались указанія, данныя ему государемъ, объ этомъ онъ никому ничего не сообщилъ" [3]).

Мысль содержать декабристовъ въ одномъ общемъ острогѣ принадлежитъ бывшему генералъ-губернатору Восточной Сибири Лавинскому. Государь, прощаясь съ нимъ послѣ коронаціи въ Москвѣ и разговаривая съ нимъ о декабристахъ, сказалъ ему между прочимъ:

„Смотри-же, ты отвѣчаешь мнѣ за этихъ господъ!"

---

[1]) С. Р. Лепарскій, „Русск. Стар." изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 723.

[2]) Ильинскій, уроженецъ Сибири, происходилъ изъ духовнаго званія окончилъ курсъ въ медико-хирургич. отдѣленіи Московскаго университета.

[3]) С. Р. Лепарскій, „Русск. Ст." изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 714.

На это генералъ-губернаторъ отвѣчалъ, что всякій надзоръ за ними будетъ невозможенъ, ежели они будутъ распредѣлены въ различныхъ мѣстахъ различныхъ рудниковъ Сибири; такимъ образомъ, возникла благодѣтельная мысль помѣстить ихъ въ одномъ острогѣ, что, по словамъ самихъ заключенныхъ, было для нихъ спасеніемъ: „соединивъ насъ вмѣстѣ, это дало намъ опору другъ въ другѣ, говоритъ М. А. Бестужевъ, и черезъ нашихъ хранителей-дамъ соединило насъ съ тѣмъ міромъ, отъ котораго мы были навсегда оторваны политическою смертію, соединило насъ съ родными, дало намъ охоту жить, чтобы не убивать любящихъ насъ и любимыхъ нами, наконецъ, дало намъ матеріальныя средства къ существованію; казематъ далъ намъ политическое существованіе за предѣлами политической смерти“.

Во исполненіе этой благой для декабристовъ мѣры, С. Р. Лепарскій, по обозрѣніи Нерчинскаго края, избралъ для ихъ временнаго пріюта селеніе Читу, гдѣ находился старинный острогъ, который можно было приспособить наскоро для пріема первой партіи декабристовъ; впослѣдствіи предполагалось выстроить въ подходящей мѣстности обширную тюрьму, по образцу американской пенитенціарной системы.

„Небольшое селеніе горнозаводскаго вѣдомства, въ 400 верстахъ отъ Нерчинска, лежавшее на большомъ почтовомъ трактѣ, съ ветхою церковью, съ 20 дворами горнозаводскихъ крестьянъ и домомъ ихъ управителя, Смольянинова, да съ небольшимъ хлѣбнымъ магазиномъ и амбаромъ для склада угольевъ“—вотъ что представляла собою въ 1826 г., по словамъ декабристовъ, Чита, гдѣ они провели три съ половиною года.

„Селеніе это было расположено между Байкальскими и Нерчинскими горами, на возвышенной мѣстности, съ двухъ сторонъ окруженной горами, при впаденіи р. Читы въ Ингоду климатъ этой мѣстности былъ довольно суровъ, но весьма благопріятный для здоровья, небо почти всегда ясное, за исключеніемъ августа мѣсяца, когда бывали сильныя грозы, а растительная сила почвы неимовѣрная; вообще Читинская долина славилась во всей Сибири своимъ плодородіемъ; читатели „Русской Старины“ помнятъ, безъ сомнѣнія, то, что разсказывала въ своихъ интересныхъ запискахъ, помѣщенныхъ на страницахъ этого изданія, жена декабриста, Прасковья Егоровна Анненкова объ изумительныхъ результатахъ, полученныхъ ею отъ перваго посѣва огородныхъ овощей, изъ коихъ многіе не только не разводились до тѣхъ поръ мѣстными жителями, но были имъ даже совершенно незнакомы.

Жители Читы, „несмотря на самыя благопріятныя условія климата и почвы, были малочисленны и бѣдны"; за время пребыванія декабристовъ въ Читѣ, мѣстечко это совершенно преобразилось и разрослось въ цѣлый городокъ, но благосостояніе его жителей оказалось непрочнымъ; привыкнувъ въ это время къ легкому пріобрѣтенію денегъ, вскорѣ по отъѣздѣ декабристовъ въ Петровскъ они „впали опять въ бѣдность, еще бо́льшую прежней; лѣнь пошла объ руку съ пьянствомъ, и такъ прогрессивно упадая, они дожили до той эпохи, когда ихъ бѣдная деревушка была переименована въ уѣздный городъ Забайкальскаго края, а сами они переименованы въ казаковъ и выселены въ Атамановку, въ 12 верстахъ отъ Читы" [1]).

Генералу Лепарскому, въ самомъ началѣ его служебной дѣятельности въ Читѣ, пришлось быть исполнителемъ весьма тяжелой для него обязанности.

24 мая 1828 г., Нерчинскаго горнаго вѣдомства въ Зарентуйскомъ рудникѣ былъ открытъ, посредствомъ доноса ссыльнаго Казакова, заговоръ ссыльно-каторжныхъ къ побѣгу и произведенію разнаго рода буйствъ, подъ руководствомъ ссыльнаго Ивана Сухинова. Надобно замѣтить, что первые изъ декабристовъ (числомъ двадцать), были отправлены изъ Петербурга не въ Читу, а въ Нерчинскіе заводы, гдѣ содержались и работали разные другіе преступники; начальникомъ этихъ заводовъ былъ нѣкто Бурнашевъ, человѣкъ въ высшей степени грубый и жестокій, который всячески притѣснялъ заключенныхъ, доводя строгость до несправедливости; особенно натерпѣлись отъ него княгини Трубецкая и Волконская, первыя изъ женъ декабристовъ, которыя послѣдовали за своими мужьями въ Сибирь. „Изъ писемъ этихъ лицъ къ роднымъ, въ Петербургъ, тамъ узнали о неистовствахъ Бурнашева, которыя были приняты совсѣмъ не такъ, какъ онъ ожидалъ, потому что онъ потерялъ свое мѣсто и только черезъ длинный промежутокъ времени получилъ другое мѣсто въ Барнаулѣ, гдѣ и умеръ" [2]).

Между тѣмъ ссыльные, выведенные изъ терпѣнія всѣми строгостями и притѣсненіями Бурнашева, рѣшились, подстрекаемые къ тому Сухиновымъ, поднять всѣхъ каторжныхъ, „взять насильственно въ Зарентуйскомъ рудникѣ порохъ, пушки, денежную

---

[1]) Записки М. А. Бестужева (рукопись)

[2]) Записки Прасковьи Егоровны Анненковой. „Русск. Ст." изд. 1888 г., т. LVIII, стр. 373.

казну и итти по прочимъ рудникамъ и заводамъ, разбивать всюду тюрьмы для присоединенія къ себѣ колодниковъ, приглашать и принуждать проживающихъ отдѣльно въ казармахъ рабочихъ ссыльныхъ и ихъ жителей къ общему бунту, истребляя все, что только имъ будетъ противиться, а чиновниковъ, находившихся въ Зарентуйскомъ рудникѣ, забрать въ тюрьму и зажечь оную; усиливъ-же свою разбойничью шайку, пробраться въ Читинскій острогъ, гдѣ освободить государственныхъ преступниковъ, и принять тогда съ ними рѣшительныя мѣры къ дальнѣйшимъ злодѣяніямъ“ [1]).

Большинство нерчинскихъ рудокоповъ согласилось принять участіе въ возмущеніи и все было уже условлено, когда за день до того утра, въ которое было рѣшено обезоружить караулъ и начать дѣйствовать, одинъ изъ ссыльныхъ, Козаковъ [2]), открылъ начальнику заводовъ о заговорѣ, и Сухиновъ, съ главными сообщниками, были захвачены и закованы. По донесеніи о случившемся въ Петербургъ, былъ наряженъ военный судъ, коего предсѣдателемъ былъ назначенъ комендантъ Лепарскій. Изъ числа обвиняемыхъ шестеро было приговорено (13-го августа 1828 г.) къ смертной казни разстрѣляніемъ, но приговоръ могъ быть исполненъ только по отношенію къ 5 преступникамъ [3]), такъ какъ шестой, Сухиновъ, наканунѣ исполненія приговора, повѣсился въ тюрьмѣ; 13 человѣкъ были наказаны кнутомъ и плетьми и оставлены въ каторжныхъ работахъ. Лепарскому, по должности коменданта Нерчинскихъ рудниковъ, пришлось исполнить приговоръ военнаго суда по этому дѣлу, что, безъ сомнѣнія, было для него обязанностью весьма тяжелою: „добрѣйшій Лепарскій былъ жестоко разстроенъ этимъ печальнымъ событіемъ, говорила Прасковья Егоровна Анненкова, тѣмъ болѣе, что ему пришлось присутствовать при самомъ исполненіи приговора. Мнѣ пришлось видѣть его тотчасъ по возвращеніи изъ Нерчинска: онъ весь еще находился подъ впечатлѣніемъ казни, и, право, жаль было смотрѣть на бѣднаго старика“.

Послѣ этого событія, трое декабристовъ, находившихся еще въ то время въ нерчинскихъ рудникахъ: Соловьевъ, Мозалевскій и Быстрицкій были немедленно переведены въ Читу.

---

[1]) Изъ доклада коменданта Лепарскаго исправляющему должность начальника Нерчинскихъ заводовъ, берггауптману фонъ-Фришу, по военно судному дѣлу о возмущеніи ссыльнаго Сухинова съ его сообщниками въ Зарентуйскомъ рудникѣ отъ 29 ноября 1828 г.

[2]) Онъ былъ убитъ за доносъ другимъ ссыльнымъ—однимъ изъ главныхъ сообщниковъ Сухинова—Голиковымъ.

[3]) Записки Анненковой, „Русск. Ст.“ изд. 1888 г. т. LVIII, стр. 374.

Въ сентябрѣ 1827 г. былъ оконченъ постройкою новый, но все еще временный Читинскій острогъ, имѣвшій всего четыре комнаты, общія сѣни и дежурную для офицера комнату; въ него была неме д ленно переведена часть заключенныхъ. Въ началѣ ихъ пребыванія въ Читѣ соблюдались по отношенію къ нимъ большія строгости, смягчаемыя до извѣстной степени справедливымъ и великодушнымъ комендантомъ, но, мало по малу, они начали пользоваться разными льготами и облегченіями, а въ 1828 г., черезъ полтора года по пріѣздѣ ихъ въ острогъ, съ заключенныхъ были сняты, по повелѣнію государя, оковы. „8-го іюля, въ день Казанской Божіей Матери, выходя изъ храма, государь приказалъ отправить фельдъегеря въ Читу, съ повелѣніемъ снять желѣзы съ тѣхъ государственныхъ преступниковъ, которые того заслуживали своимъ хорошимъ поведеніемъ. Получивъ это повелѣніе въ началѣ августа, комендантъ рѣшился утаить его на время, пока не получитъ отвѣта на свой запросъ. Онъ донесъ, что всѣ равно отличаются хорошимъ поведеніемъ и испрашивалъ позволенія снять желѣзы со всѣхъ преступниковъ безъ исключенія, что и было ему дозволено [1]), и исполнено съ большою торжественностью, въ его присутствіи.

Въ томъ-же году заключеннымъ было разрѣшено получать русскіе и иностранные журналы и газеты.

Между тѣмъ, приближалась къ концу постройка постояннаго острога; сначала предполагали перевести декабристовъ изъ Читы въ Акотую, гдѣ находятся главные серебряные рудники, но комендантъ Лепарскій и тутъ явился на стражѣ интересовъ своихъ заключенныхъ и, по осмотрѣ мѣстности, поспѣшилъ донести, что воздухъ ея, постоянно насыщенный вредными испареніями, будетъ пагубнымъ для ихъ здоровья, и вслѣдъ засимъ избралъ для постройки постояннаго каземата Петровскій желѣзный заводъ, находившійся недалеко отъ Верхнеудинска, всего въ 200 в. отъ Иркутска, въ весьма здоровой, гористой мѣстности, гдѣ и былъ, наконецъ, выстроенъ обширный острогъ; въ сентябрѣ мѣсяцѣ декабристы простились съ Читою и пустились въ путь на новое мѣсто ихъ жительства, въ Петровскій заводъ.

[1]) Зап. бар. Розена, стр. 233,

III.

Вновь построенный въ Петровскомъ заводѣ казематъ представлялъ собою „огромное строеніе, на высокомъ каменномъ фундаментѣ о трехъ фасахъ, изъ коихъ главный былъ вдвое длиннѣе боковыхъ; наружныя стѣны его не имѣли оконъ, только въ срединѣ передняго фасада было продѣлано нѣсколько оконъ въ выдавшейся пристройкѣ, гдѣ была караульня, гауптвахта и единственный входъ. Высокій частоколъ раздѣлялъ все внутреннее пространство на 8 отдѣльныхъ дворовъ; каждый дворъ имѣлъ свои особенныя ворота; въ каждомъ отдѣленіи было помѣщено 5 или 6 арестантовъ. Каждое крыльцо вело въ свѣтлый коридоръ, шириною въ 4 арш.; въ немъ, на разстояніи 2-хъ саженъ, находились двери въ отдѣльныя кельи, каждая изъ нихъ имѣла 7 арш. длины и 6 ширины, но онѣ были почти совершенно темныя, оттого что получали свѣтъ изъ коридора чрезъ окно, прорубленное надъ дверью и забитое рѣшеткою [1]). Два отдѣленія въ тюрьмѣ, 1-е и 12-е, какъ крайнія, были назначены для женатыхъ“ [2]).

Въ бумагахъ С. Р. Лепарскаго сохранился общій видъ Петровскаго завода и 7 отдѣльныхъ его видовъ, а также видъ Читинскаго острога; изъ нѣсколькихъ оффиціальныхъ бумагъ, за собственноручною подписью коменданта, сохранившихся вмѣстѣ съ этими видами, мы знакомимся съ порядками, соблюдавшимися въ Петровскомъ казематѣ.

Таковы: а) инструкція дежурному по карауламъ при арестантской казармѣ офицеру ко всегдашнему исполненію (отъ 17-го сентября 1830 г.), б) приказъ дежурному по карауламъ офицеру, какимъ порядкомъ приказать топить печи арестантскихъ комнатъ и во всѣхъ караульныхъ (отъ 4-го октября 1830 г.), в) приказъ дежурнымъ офицерамъ при караулахъ арестантской казармы (отъ 15-го октября 1831 г.), г) приказъ отъ 22-го іюня 1832 г., относительно порядка свиданія женатыхъ заключенныхъ съ ихъ семействами, д) списокъ государственныхъ преступниковъ, съ означеніемъ очередной работы (отъ 21-го марта 1837 г.), и нѣкоторыя другія бумаги.

Изъ этихъ документовъ мы узнаемъ, напр., что дежурному по карауламъ офицеру строго вмѣнялось въ обязанность ни въ какомъ

[1]) Впослѣдствіи, по просьбѣ декабристовъ, изъ коихъ многіе начали страдать глазами, въ казематахъ были прорублены окна.

[2]) Записки бар. Розена, стр. 252.

случаѣ не отлучаться изъ казармы, ни днемъ, ни ночью. Въ 10 часовъ вечера, во всѣхъ арестантскихъ казематахъ предписывалось тушить свѣчи и запирать двери задвижками и замками, кромѣ тѣхъ, гдѣ будутъ тяжело больные; по утру, въ 6 часовъ, отпирать всѣ комнаты и дозволять зажигать свѣчи, но, до пробитія зари, арестанты не имѣли право ходить изъ одного отдѣленія въ другое, равнымъ образомъ и послѣ пробитія вечерней зари. Въ 6 часовъ утра было приказано затапливать всѣ печи, полагая по 8 полѣнъ въ каждую печь; если-же кто изъ арестантовъ пожелаетъ другой разъ топить въ сутки, говорилось въ инструкціи, то сіе дѣлать послѣ обѣда, въ 4 часа, и отнюдь не позже. Въ 7 часовъ утра дежурный офицеръ долженъ былъ обойти всѣ комнаты, осмотрѣть всѣ-ли арестанты по мѣстамъ, не заболѣлъ-ли кто изъ нихъ. Днемъ онъ былъ обязанъ посылать чрезъ каждый часъ младшаго унтеръ-офицера или ефрейтора съ рядовымъ по всѣмъ отдѣленіямъ, для смотрѣнія за порядкомъ; ночью-же, съ унтеръ-офицеромъ долженъ былъ посылать по два рядовыхъ въ обходъ съ фонарями каждый часъ, для порядка и смотрѣнія не зажегъ-ли кто изъ арестантовъ въ комнатѣ огня.

Весьма подробно изложены въ этихъ инструкціяхъ обязанности сторожей и правила для часовыхъ, которымъ предписывалось лишняго съ арестантами не говорить и не разсуждать ничего; никому изъ солдатъ не дѣлать преступникамъ грубостей, не заводить съ ними ссоръ, не чинить имъ ни въ чемъ упрековъ, не принимать отъ нихъ и ихъ женъ подарковъ вещами или съѣстными припасами.

Вначалѣ было предписано комендантомъ всѣ комнаты запирать на ночь замками, но это распоряженіе было вскорѣ отмѣнено, какъ занимавшее слишкомъ много времени, и велѣно было запирать только дворы отдѣленій, а на кухнѣ разрѣшалось имѣть ночью на очагѣ небольшой огонь для теплой воды и припарокъ для больныхъ.

Два раза въ день арестантовъ выводили на работы земляныя, внѣ стѣнъ острога; но они „работали по силамъ, безъ принужденія, и этимъ снисхожденіемъ были обязаны коменданту, который на свое представленіе о томъ, что декабристы, послѣ продолжительнаго путешествія и долговременнаго содержанія въ крѣпости, не въ состояніи совершать усиленную работу, что между ними есть люди пожилые и слабаго здоровья и раненые, получилъ изъ Петербурга разрѣшеніе, за подписью А. Х. Бенкендорфа, поступать относительно работъ по своему соображенію.

Послѣ этого декабристы de facto были освобождены отъ работъ,

но для соблюденія правилъ, изложенныхъ въ инструкціяхъ въ Петровскомъ заводѣ, было устроено нѣсколько мельницъ въ саду казармы, куда, по очередному списку, преступники, въ сопровожденіи конвойныхъ, отправлялись на работу, хотя эту работу производили тѣ-же конвойные, а ихъ спутники занимались садоводствомъ, огородничествомъ или-же просто прогулкою“ [1]).

Что касается внутренняго быта декабристовъ, во время ихъ пребыванія въ Сибири, то они не были стѣснены комендантомъ въ выборѣ занятій и въ препровожденіи времени; во дворѣ Петровскаго острога было разрѣшено впослѣдствіи выстроить два домика, въ которыхъ помѣстили станки столярные, токарные и переплетные, рояль и фортепіано [2]); нѣкоторые узники имѣли тамъ и другіе инструменты; такъ, напр., Ѳ. Ѳ. Вадковскій игралъ на скрипкѣ, П. Н. Свистуновъ на віолончелѣ, А. П. Юшневскій на роялѣ; иные, какъ, напр., Н. А. Бестужевъ, занимались живописью, писали со своихъ товарищей портреты; нѣкоторые изучали языки; Ф. Б. Вольфъ, бывшій докторъ медицины, получилъ разрѣшеніе лечить въ острогѣ и его окрестностяхъ, для чего могъ во всякое время выходить изъ тюрьмы, въ сопровожденіи караульнаго вѣстоваго [3]).

Къ свиданію мужей съ женами Лепарскій относился довольно снисходительно; вначалѣ ихъ отпускали къ женамъ только въ случаѣ серьезной болѣзни послѣднихъ, а жены имѣли право ходить на свиданіе черезъ два дня въ третій; но уже на второй годъ мужей стали отпускать къ женамъ на квартиру каждый день; только на ночь они должны были возвращаться въ острогъ [4]).

Необходимо, наконецъ, отмѣтить заботы коменданта объ устройствѣ артельнаго хозяйства въ казематѣ; но такъ какъ объ этомъ предметѣ писали весьма подробно въ своихъ запискахъ рѣшительно всѣ декабристы, то было-бы излишне повторять здѣсь весь ходъ организаціи этой артели; достаточно напомнить, что, несмотря на огромныя суммы, которыя тратились казною на содержаніе петровскихъ узниковъ [5]), однимъ казеннымъ содержаніемъ пропитать и

---

[1]) Станисл. Роман. Лепарскій. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 618.

[2]) Зап. бар. Розена, стр. 230.

[3]) Зап. бар. Розена, стр. 257.

[4]) Зап. Анненковой. „Русск. Стар.“ 1888 г., т. LVIII, стр. 24 и 371.

[5]) На содержаніе ихъ съ 1827 по 1838 годъ издержано казною 70,032 р. 51 к., слѣдовательно, на каждый годъ среднимъ числомъ приходилось 6,371 р. 14 коп. Кромѣ того, постройка Петровскаго каземата обошлась 33,689 р. 83 к.

одѣть себя имъ было невозможно, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, „по бѣдности родныхъ, не получали отъ нихъ никакого вспоможенія и бывъ, по постановленію, всегда запертыми въ казематѣ, лишены были способовъ что-либо заработать трудами рукъ своихъ“ [1]); просить отъ казны прибавки содержанія небогатымъ Лепарскій не рѣшался, опасаясь повредить этимъ другимъ, такъ какъ это могло-бы повести къ „ограниченію новыми правилами присылки въ Сибирь денегъ для арестантовъ и ихъ женъ“; на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, онъ предложилъ имъ устроить хозяйство на артельныхъ началахъ.

Любопытны цифры, приводимыя Лепарскимъ о количествѣ денегъ, которыя тратились узниками въ Сибири, гдѣ, какъ извѣстно, богатые дѣлились всѣмъ, что имѣли, съ неимущими своими товарищами. Съ 1827 по 1833 годъ декабристами было получено, кромѣ массы посылокъ книгами и вещами, 183,272 р., въ общей сложности на 66 человѣкъ, а съ 1833 по 1838 г., по выходѣ многихъ на поселеніе, оставшіеся 39 человѣкъ получили изъ Россіи 163,350 руб., что составляетъ въ общемъ, съ 1827 по 1838 г., до 346,622 р. (съ копейками); въ то-же время женами ихъ получено отъ родныхъ 778,135 р. Всѣ эти деньги отсылались, въ бытность преступниковъ въ читинскомъ острогѣ, къ находившемуся тамъ комиссіонеру нерчинскихъ горныхъ заводовъ, а по перемѣщеніи ихъ въ Петровскій заводъ—къ управляющему онымъ, для храненія съ прочими заводскими казенными суммами и для употребленія, съ разрѣшенія коменданта, на ихъ необходимыя потребности. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1833 г. послѣдовало отъ шефа жандармовъ предписаніе коменданту рудниковъ пересылать деньги, получаемыя на имя государственныхъ преступниковъ, если сумма ихъ превыситъ 10,000 рублей, на храненіе въ иркутскій приказъ общественнаго призрѣнія.

Относительно храненія и расходованія этихъ денегъ велась строгая отчетность; выдавая ихъ узникамъ и женамъ ихъ, по мѣрѣ надобности, Лепарскій требовалъ отъ нихъ всякій разъ письменнаго отчета въ израсходованной суммѣ. Въ казематѣ были придуманы для этого разныя уловки, на которыя комендантъ смотрѣлъ сквозь пальцы, требуя только, чтобы ему былъ представленъ подробный отчетъ въ истраченныхъ деньгахъ и не заботясь, истрачены-ли

---

[1]) Предложеніе Лепарскаго заключеннымъ объ устройствѣ хозяйства на артельномъ началѣ, 1830 г.

онѣ именно на тотъ предметъ, на который были показаны въ отчетѣ [1]).

Кромѣ контроля за денежными расходами декабристовъ, Лепарскій былъ обязанъ прочитывать ихъ письма, которыя они должны были отдавать ему не запечатанными; эти письма шли затѣмъ черезъ III отдѣленіе; наконецъ, онъ долженъ былъ просматривать и всѣ книги, высылаемыя ссыльнымъ изъ Россіи. Не имѣя физической возможности исполнить это предписаніе, тѣмъ болѣе, что иногда попадались книги на иностранныхъ языкахъ, ему неизвѣстныхъ, Лепарскій не желалъ въ то-же время удерживать книгу у себя и тѣмъ лишать узниковъ единственнаго ихъ утѣшенія—что многіе сдѣлали-бы, вѣроятно, на его мѣстѣ—онъ придумалъ для себя формулу, разрѣшавшую недоразумѣніе, къ обоюдному удовольствію,—и въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣсть не позволяла ему писать на книгѣ „читалъ", онъ писалъ характеристичное слово „видалъ"; „книги съ этою надписью нѣсколько разъ попадались мнѣ въ руки въ Сибири", говоритъ очевидецъ, М. Л. Дубецкій, въ своей замѣткѣ о портретѣ С. Р. Лепарскаго, сообщенной имъ редакціи „Русской Старины".

Всѣ приведенные нами факты характеризуютъ глубокую и сердечную заботливость Станислава Романовича о своихъ узникахъ, заботливость чисто отеческую, клонившуюся къ тому, чтобы облегчить имъ, по мѣрѣ возможности, пребываніе въ острогѣ; судя по нимъ, можно сказать, что личность его была двойственная: съ формальной, такъ сказать съ оффиціальной стороны, это былъ угрюмый, неприступный генералъ, привыкшій командовать и требовать безпрекословнаго повиновенія; въ обыденной жизни—старикъ образованный, внимательный и снисходительный, способный горячо сочувствовать горю". „Онъ былъ строгъ и придирчивъ къ малѣйшимъ мелочамъ внѣшняго порядка, къ исполненію установленныхъ формальностей и обрядовъ; но зато не стѣснялъ свободы внутренней жизни каземата". „Въ помѣщеніе декабристовъ Станиславъ Романовичъ заходилъ рѣдко и всегда во всеоружіи власти и комендантскаго достоинства. Различныя просьбы отъ декабристовъ онъ выслушивалъ угрюмо и строго, и для всѣхъ у него былъ всегда одинъ отвѣтъ: „не могу". Это прозвище было дано ему жителями каземата и за нимъ осталось. Женъ декабристовъ комендантъ принималъ не иначе, какъ стоя, съ угрюмостью стараго солдата; но отправлялись къ нимъ съ визитомъ, онъ держалъ себя

[1]) Записки Якушкина

свѣтскимъ человѣкомъ, былъ любезенъ и доступенъ ко всевозможнымъ просьбамъ и желаніямъ“ [1]).

Кромѣ врожденной доброты и гуманности, старикъ Лепарскій обладалъ удивительнымъ хладнокровіемъ и умѣніемъ владѣть собою,—качество неоцѣнимое при его частыхъ столкновеніяхъ съ узниками, которые вначалѣ относились къ нему недовѣрчиво и даже враждебно, и при посѣщеніи имъ каземата осыпали его градомъ упрековъ и укоризнъ, на что онъ съ кротостью говорилъ имъ: „Messieurs, je vous en prie, grondez-moi en français, les soldats peuvent vous entendre“, или: „messieurs, venez chez moi, alors vous pouvez me gronder même en russe“ [2]).

„Всякій другой генералъ,—русскій, нѣмецъ, полякъ, но не Лепарскій,—не въ состояніи былъ-бы сохранить настолько хладнокровія и терпѣнія, чтобы выдерживать ежедневно, ежечасно бурныя столкновенія съ сотнею горячихъ головъ, раздражительныхъ, съ неугомонившимся самолюбіемъ и поставленныхъ въ неестественное, напряженное состояніе. Половина изъ насъ была-бы разстрѣлена, другая еще того хуже—была-бы обречена на болѣе постыдное наказаніе“, такъ говорилъ въ своихъ запискахъ декабристъ М. А. Бестужевъ.

Трудность и щекотливость своего положенія какъ нельзя лучше понималъ самъ Лепарскій; по словамъ барона Розена, когда ему, въ качествѣ хозяина или старосты артели, приходилось бывать у коменданта по общимъ нуждамъ, тотъ часто заговаривалъ съ нимъ о своемъ странномъ положеніи: „что скажутъ и напишутъ обо мнѣ въ Европѣ? говорилъ онъ. Скажутъ, что я бездушный тюремщикъ, палачъ, притѣснитель, а я дорожу этимъ мѣстомъ только для того, чтобы защитить васъ отъ худшихъ притѣснителей, отъ несправедливостей безсовѣстныхъ чиновниковъ. Какая польза мнѣ отъ полученныхъ чиновъ и звѣздъ, когда здѣсь некому показать? Дай Богъ, чтобы меня скорѣе освободили отсюда, но только вмѣстѣ съ вами“ [3]).

Эти слова были непритворны, они шли у старика изъ глубины души; такимъ онъ остался до самой кончины своей, заслуживъ, съ теченіемъ времени, искреннее, неподдѣльное расположеніе своихъ узниковъ.

---

[1]) Ст. Р. Лепарскій. „Русск. Стар.“ 1880 т., т. XXIX, стр. 719.

[2]) „Господа, прошу васъ, браните меня по-французски, солдаты могутъ васъ услышать“, или: „господа, приходите ко мнѣ, тогда вы можете бранить меня даже по-русски“.

[3]) Зап. бар. Розена, стр. 234.

Впрочемъ, Лепарскій не ограничивалъ своихъ заботъ о декабристахъ только временемъ ихъ пребыванія подъ непосредственнымъ его начальствомъ: какъ видно изъ писемъ его къ генералъ-губернатору Восточной Сибири, Броневскому и къ родственникамъ самихъ декабристовъ, онъ принималъ живое участіе въ ихъ дальнѣйшей судьбѣ и по выходѣ ихъ изъ каземата, въ бытность ихъ на поселеніи.

Такъ, напримѣръ, отвѣчая 6-го января 1835 г. на письмо отца декабриста кн. Оболенскаго и поблагодаривъ его за поздравленіе съ Новымъ годомъ, онъ пишетъ:

„Затѣмъ обращаюсь къ предмету наиболѣе близкому сердцу нѣжнаго отца, оплакивающаго судьбу несчастнаго сына, въ которомъ, по долгу человѣчества, принимаю искреннее участіе. Помышляя объ его будущности, я всегда обращалъ вниманіе на тѣ-же самыя обстоятельства, которыя ваше сіятельство въ письмѣ своемъ изъясняете. При недавнемъ свиданіи съ И. Б. Цейдлеромъ, я просилъ его внушить сыну вашему отъ моего имени, сколько необходимо убѣдить тетушку его, Варвару Александровну, дабы обезпечили будущее его содержаніе; къ сему представляется одно только средство, состоящее въ томъ, чтобы при жизни своей она положила въ сохранную казну капиталъ, съ такою оговоркою, чтобы слѣдуемые съ онаго проценты выдаваемы были ежегодно на содержаніе сына вашего, по жизнь его; а дабы еще болѣе упрочить его будущность, надлежитъ распространить полученіе сихъ процентовъ на его дѣтей и на все его потомство (если-бы онъ вздумалъ когда-либо жениться). Безъ такого распоряженія ожидаетъ сына вашего въ заточеніи совершенная нищета... Я совѣтую черезъ Ивана Богдановича представить все это Варварѣ Александровнѣ не въ однихъ только лаконическихъ выраженіяхъ, а именно въ такомъ видѣ, какъ оно дѣйствительно быть можетъ. О дозволеніи-же учинить таковое распоряженіе нѣтъ никакой надобности утруждать правительство, такъ какъ каждому предоставлено право располагать своими деньгами, отдавая оныя кому заблагоразсудится... Сынъ вашъ лишенъ, по законамъ, права на прежнее свое имущество, но не лишенъ права на состраданіе ближнихъ и родственниковъ. Правительство, вмѣсто того, чтобы возбранять ему пользоваться ихъ вспомоществованіемъ, напротивъ, само подаетъ тому примѣръ, опредѣляя пособіе всѣмъ ссыльнымъ и нуждающимся поселенцамъ".

По счастливому, для декабристовъ, стеченію обстоятельствъ, генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, во время ихъ ссылки въ этотъ край, былъ назначенъ ген.-лейт. Сем. Богд. Броневскій, человѣкъ весьма образованный и развитый, который также принялъ

въ ихъ судьбѣ большое участіе и былъ готовъ со своей стороны оказать имъ и ихъ женамъ всякое содѣйствіе.

Семенъ Богдановичъ Броневскій прибылъ на службу въ Сибирь въ 1808 г., 22-хъ лѣтъ отъ роду, въ чинѣ поручика; во время поѣздки въ этотъ край Сперанскаго, имѣвшей цѣлью составленіе для Сибири новаго положенія, молодой офицеръ, своими способностями обратилъ на себя вниманіе этого сановника и по его представленію былъ назначенъ, уже въ чинѣ полковника, первымъ начальникомъ вновь открытой Омской области; будучи впослѣдствіи лично извѣстенъ императору Николаю Павловичу, онъ былъ назначенъ имъ на постъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, и ознаменовалъ свою дѣятельность многими благими мѣропріятіями; между прочимъ, онъ первый основалъ русскія колоніи въ Сибирской степи и привелъ въ исполненіе мысль правительства объ образованіи военныхъ силъ въ Восточной Сибири. Прослуживъ въ Сибири 29 лѣтъ, Семенъ Богдановичъ возвратился въ Россію въ 1837 г. генералъ-лейтенантомъ и сенаторомъ, и остатокъ дней своихъ провелъ въ отставкѣ, въ Петербургѣ, гдѣ онъ скончался 14-го февраля 1858 г.

Во время пребыванія въ Сибири декабристовъ, Семенъ Богдановичъ по службѣ имѣлъ частыя сношенія съ комендантомъ нерчинскихъ рудниковъ и велъ съ нимъ довольно частую, неоффиціальную переписку по поводу его узниковъ, для которыхъ онъ исполнялъ разныя порученія. Приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этихъ писемъ, хотя не имѣющихъ особеннаго интереса, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ для насъ какъ доказательство того сердечнаго участія, которое принималъ въ декабристахъ генералъ-губернаторъ, что, безъ сомнѣнія, также не мало способствовало къ облегченію ихъ участи, доставляя имъ нѣкоторыя удобства и льготы, которыми они иначе не могли-бы воспользоваться.

30-го сентября 1830 г. генералъ-губернаторъ писалъ С. Р. Лепарскому: „хотя всякое приличіе требуетъ, чтобы я отвѣчалъ княгинямъ Волконской и Трубецкой на ихъ письма, но, слѣдуя установленнымъ правиламъ, я долженъ воздержаться и ходатайствую позволенія вашего превосходительства чрезъ васъ засвидѣтельствовать имъ мое почтеніе и благодарность за привѣтливость и увѣрить ихъ, что я ничего не упущу, что по правиламъ представится возможнымъ сдѣлать къ ихъ удовольствію... Покупки, какія для нихъ нужно сдѣлать въ Иркутскѣ, если будетъ ваше дозволеніе, пусть мнѣ заказываютъ, я поручу надежному человѣку,

который купить и отправить къ вамъ... Транспортъ для княгини (Трубецкой) изъ Петербурга, съ разными продуктами, пришелъ сегодня и я тороплю отправить, чтобы жидкости не померзли. Корреспонденція въ Россію и оттуда взаимно идетъ и будетъ итти исправно, безъ всякаго промедленія, ибо я знаю по себѣ, какъ это пріятно на чужбинѣ".

Въ 1836 г., когда большая часть петровскихъ узниковъ собиралась оставить казематъ и отправиться на поселенія, Броневскій не отказался принять на себя нѣкоторыя хлопоты по ихъ перемѣщенію; между прочимъ, онъ былъ озабоченъ пріисканіемъ экипажа для г-жи Муравьевой.

„Прощенные преступники, я чаю, нетерпѣливо ожидаютъ своего выѣзда, пишетъ онъ по этому поводу Лепарскому 22 апрѣля 1836 г., но это не можетъ послѣдовать прежде утвержденія мѣстъ ихъ водворенія, что въ скорости должно быть отъ гр. Бенкендорфа...

„Позвольте обременить васъ, Станиславъ Романовичъ, нѣкоторыми обстоятельствами, до вашихъ узниковъ касающимися. Сильныя хлопоты я имѣлъ отыскать и исправить разможденную карету для внучки г-жи Муравьевой. Это угодно было г-жѣ Уваровой, которая, зная, что новая карета отправлена на долгихъ изъ Москвы и по скорому разрѣшенію, воспослѣдовавшему „о прощеніи", не успѣетъ во-время, обязала меня какъ можно скорѣе отправить ее къ вамъ. Я уѣхалъ въ Якутскъ, отдавъ нужныя здѣсь приказанія поспѣшить отправленіемъ кареты, а между тѣмъ и новая пріѣхала и теперь вмѣсто одной — двѣ. И я, право, не виноватъ, что ввелъ въ излишнія издержки".

„Узники, бывшіе у васъ, кое-какъ размѣстились [1]), извѣщаетъ онъ коменданта 14 декабря 1836 г., „но не совершенно довольны мѣстами. Муравьевы въ 18 верстахъ отъ Иркутска, въ селеніи Урикѣ, и съ ними Вольфъ, Лунинъ, да ожидаемъ Волконскихъ. Эта позиція обращаетъ вниманіе разныхъ иркутскихъ мудрецовъ. Митьковъ недавно по самой удобной дорогѣ переѣхалъ на житье въ Красноярскъ, но здоровье его не весьма удовлетворительно", и т. д.

Четыре съ небольшимъ мѣсяца спустя по полученіи этого письма, Станислава Романовича не стало: 30 мая 1837 года его поразилъ ударъ и ровно черезъ двадцать сутокъ, т. е. 17-го іюня, онъ тихо скончался на рукахъ своего племянника Осипа Адамовича Лепарскаго, 84-хъ лѣтъ отъ роду, и похороненъ въ оградѣ

[1]) На поселеніи.

церкви св. Петра и Павла въ Петровскомъ соборѣ; могила его украшена памятникомъ, въ видѣ чугуннаго креста съ якоремъ. Замѣчательно, что Лепарскій, будучи полякомъ, во всю свою жизнь ни одной строки не написалъ, ни одного слова не сказалъ на польскомъ языкѣ, и только передъ смертію, за нѣсколько часовъ до того, когда онъ лишился языка, онъ заговорилъ съ племянникомъ ласково и тепло на своемъ родномъ языкѣ" [1]).

О томъ, какъ относились декабристы къ памяти своего покойнаго коменданта, съ какою любовью вспоминали о немъ послѣ его смерти—свидѣтельствуютъ письма и записочки ихъ, найденныя въ бумагахъ Осипа Адамовича, писанныя ими въ 1838 г., по случаю его отъѣзда изъ Петровскаго завода, который онъ покинулъ, напутствуемый благословеніями декабристовъ. Таковы письма Арт. Зах. Муравьева, Якубовича, Давыдова, Энтальцевой, позднѣе (1858 г.) письмо Оболенскаго и др.

„Не могу до сей минуты привыкнуть къ мысли, что съ вами, добрѣйшій и благороднѣйшій другъ мой Осипъ Адамовичъ, разстаемся, и разстаемся, вѣроятно, на вѣки, пишетъ ему Артамонъ Захарьевичъ Муравьевъ; прощайте-же, почтеннѣйшій мой другъ, не забывайте того, который близокъ вамъ по многимъ обстоятельствамъ; одно то, что мы стояли вмѣстѣ у смертнаго одра незабвеннаго Станислава Романовича, достаточно, чтобы сблизить насъ, какъ родныхъ. Дай вамъ Богъ всѣхъ благъ, всего счастія, вами такъ заслуженнаго. Вы оставили память прочную въ Петровской тюрьмѣ, жители которой за васъ вѣрно всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ будутъ молиться... Не забывайте, повторяю вамъ со слезами, того, который всею душою любитъ и чтитъ васъ какъ почтеннѣйшаго человѣка. По гробъ вашъ Артамонъ Муравьевъ".

Не менѣе тепло и дружественно отнесся къ Осипу Адамовичу и Якубовичъ.

„Добрѣйшій Осипъ Адамовичъ",—пишетъ онъ, узнавъ объ отъѣздѣ изъ Петровска плацъ-маіора Лепарскаго,—„Петръ Александровичъ увѣдомилъ меня, что вы будете не одинъ дома; это извѣстіе лишаетъ меня истиннаго сердечнаго удовольствія подъ вашимъ кровомъ сказать, что̀ чувствую и буду чувствовать до могилы къ памяти добродѣтельнаго Станислава Романовича и къ вамъ за все, что вы дѣлали для меня. Душою васъ уважающій и преданный А. Якубовичъ".

Эта записочка безъ даты, но писана, очевидно, 18 февраля

---

[1]) С. Р. Лепарскій, ст. Кучаева. „Р. Ст." над. 1880 г., т. XXIX, стр. 719.

1838 г., такъ какъ этимъ числомъ помѣчена приписка, сдѣланная на ней рукою Давыдова, который просилъ Осипа Адамовича сдѣлать ему „удовольствіе отобѣдать у него на слѣдующій день или назначить какой-либо другой на этой недѣлѣ — для насъ все равно, говоритъ Давыдовъ, лишь-бы васъ залучить къ себѣ и побесѣдовать на просторѣ съ человѣкомъ, котораго мы любимъ и уважаемъ всею душою".

„Вы насъ оставляете, добрѣйшій Осипъ Адамовичъ, пишетъ Якубовичъ въ письмѣ (отъ 15 марта 1838 г.) и я быть можетъ въ послѣдній разъ пишу къ вамъ, а навѣрно могу полагать, что до гробовой доски не увидимся и потому позволяю себѣ сказа ть что память добродѣтельнаго покойнаго вашего дяди и вы никогда не изгладится изъ памяти моей души; бѣдный узникъ, послѣ 12 лѣтъ заключенія и каторжной работы, если признателенъ къ памяти умершаго коменданта и бывшаго плацъ-маіора, то, вѣрно, ихъ обоихъ Богъ одарилъ душою возвышенною, сердцемъ благороднымъ". Кромѣ этихъ двухъ писемъ Якубовича, свидѣтельствующихъ о доброй памяти, которую оставили въ его сердцѣ оба Лепарскіе, дядя и племянникъ, сохранилась еще одна записочка, указывающая на дружественныя отношенія, существовавшія между нимъ и Осипомъ Адамовичемъ. Записка эта была написана имъ еще при жизни коменданта Лепарскаго; онъ поздравляетъ въ ней плацъ-маіора съ Пасхою [1]), благодаритъ за присланный куличъ и проситъ передать отъ него поздравленіе Станиславу Романовичу.

Надъ письмомъ находится виньетка, изображающая ангела, изъ котораго вылетаютъ слова: „Христосъ Воскресе!"

„Не только я, но и мой ангелъ хранитель Христа славитъ", поясняетъ Якубовичъ эту виньетку.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ сохранилась шутливая картинка, рисованная также Якубовичемъ, въ которой фигурируетъ маіоръ Казимірскій, преемникъ Осипа Адамовича въ должности плацъ-маіора Петровскаго острога; по свидѣтельству декабристовъ, онъ былъ человѣкъ „въ полномъ смыслѣ благородный и заслужилъ всеобщую пріязнь, несмотря на свой голубой мундиръ". Особеннымъ расположеніемъ Казимірскаго пользовались братья Николай и Михаилъ Александровичи Бестужевы, которые часто бывали у него въ Петровскѣ и продолжали съ нимъ знакомство по выходѣ на поселеніе. По его усиленнымъ просьбамъ, Н. А. Бестужевъ ѣздилъ для свиданія съ нимъ даже въ Иркутскъ, когда онъ, какъ окруж-

[1]) Какого года—неизвѣстно, такъ какъ письмо не имѣетъ даты.

ной жандармскій генералъ, объѣзжалъ по обязанности службы свой округъ. Вышеупомянутая картинка изображаетъ Якубовича въ колодкѣ, которую затягиваетъ цѣпью Казимірскій, одѣтый въ полную форму и въ треугольной шляпѣ. Портреты того и другаго отличаются большимъ сходствомъ.

Всѣ эти картинки и письма декабристовъ указываютъ несомнѣнно на дружественныя отношенія, существовавшія между казематскимъ начальствомъ и его узниками. Чтобы исчерпать находящійся передъ нами матеріалъ для характеристики отношенія декабристовъ къ памяти С. Р. Лепарскаго, намъ остается привести еще двѣ записки В. Давыдова и княгини Трубецкой, писанныя тому-же Осипу Адамовичу Лепарскому, по поводу его отъѣзда, и письмо, къ нему-же, князя Е. П. Оболенскаго, особенно интересное потому, что оно помѣчено 1858 годомъ, слѣдовательно, было писано 21 годъ спустя послѣ отъѣзда Осипа Адамовича изъ Сибири: если кто-либо могъ-бы заподозрить искренность всѣхъ прочихъ писемъ, на томъ основаніи, что декабристы, при отъѣздѣ Осипа Адамовича изъ Петровскаго завода, могли еще находиться подъ его вліяніемъ и, можетъ быть, до извѣстной степени нуждались въ немъ, такъ какъ ему были даны различныя порученія въ Россію, то этого отнюдь нельзя сказать о письмѣ, адресованномъ ему по прошествіи 20-ти слишкомъ лѣтъ; вотъ это интересное, во многихъ отношеніяхъ, письмо, продиктованное, несомнѣнно, самымъ искреннимъ чувствомъ, сохранившимся неизмѣно въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Калуга, 24-го мая 1858 г.

„Почтеннѣйшій и многоуважаемый Осипъ Адамовичъ, хочу вамъ напомнить вашего стараго знакомаго, во времена былыя, давно прошедшія, имѣвшаго случай неоднократно видѣть въ васъ и участіе искреннее и сердце готовое отвѣтить чувству искреннему и и готовность всегдашнюю помочь въ скорби и оказать услугу, и скажу вамъ, что ваша память сохранилась неизмѣнно во всѣхъ сибирскихъ вашихъ знакомыхъ, съ тою-же свѣжестію чувства, съ которымъ они васъ встрѣчали, когда въ дни труда и годины испытанія вы приходили къ нимъ со словомъ утѣшенія и съ готовымъ отвѣтомъ на всякое доброе. Не одинъ разъ старался узнать о вашей послѣдующей службѣ, когда мы съ вами разстались, едва-ли не въ 1837 г., и послѣ нѣсколько лѣтъ; наконецъ, съ радостью увидѣлъ я ваше назначеніе комендантомъ въ Смоленскъ. Вслѣдъ затѣмъ услышалъ и о вашей женитьбѣ и порадовался за васъ. Между тѣмъ, года протекли и вотъ уже болѣе 20-ти лѣтъ протекло

со дня нашего разстанія: и вы и я—мы постарѣли: я болѣе вашего, потому что былъ во время нашего знакомства не однимъ годомъ старше васъ и мнѣ теперь 62 года и я женатъ съ 1846 года и у меня дѣти—четверыхъ оставилъ въ землѣ сибирской, двухъ молодыхъ князей—милостію государя получившихъ княжескій титулъ, привезъ сюда; здѣсь у меня родилась дочь Елена и скоро еще жду того, кого Богъ пошлетъ намъ...

„Не стану говорить вамъ о многихъ и многихъ вашихъ знакомыхъ, чтобы вамъ не повторить давно уже вамъ извѣстное... я-же спрошу васъ единственно о васъ самихъ: желаю знать—давно-ли вы вступили въ супружеское состояніе, давно-ли пользуетесь счастіемъ семейнаго быта, сколько у васъ дѣтей, какъ и гдѣ вы живете... Васъ самихъ обниму крѣпко, въ память искренняго чувства, которое хранитъ къ вамъ искренно васъ любящій и уважающій Е. Оболенскій".

Письмо это говоритъ само за себя, и чувства, выраженныя въ немъ, безъ сомнѣнія, должны были порадовать получившаго его; а вотъ и записки Давыдова и княгини Трубецкой, о которыхъ мы упоминали выше:

.... „Не стану вамъ болѣе говорить о томъ, что̀ на сердцѣ у меня и у жены,—такъ пишетъ Давыдовъ (1837 г.),—Богъ видитъ, что незабвенный почтенный дядя вашъ и вы никогда не могли найти людей, которые-бы такъ цѣнили благородныя сердца ваши, какъ мы. Да воздастъ вамъ Богъ за изгнанниковъ!"

„При разставаніи съ вами, не умѣла я вамъ передать всего того, что чувствовала, писала Осипу Адамовичу вскорѣ послѣ его отъѣзда княгиня Трубецкая, примите-же искреннѣйшее желаніе вамъ всего хорошаго. Да наградитъ васъ Богъ за чистое, благородное ваше постоянное къ намъ участіе. Память ваша всегда сохранится въ сердцѣ моемъ, и гдѣ-бы я ни была, мнѣ радостно будетъ узнать, что вы пользуетесь тѣмъ счастіемъ, какого я вамъ желаю".

Отрадное впечатлѣніе, производимое приведенною нами перепискою, поддерживается при чтеніи многочисленныхъ записокъ и воспоминаній декабристовъ и ихъ женъ, относящихся до пребыванія ихъ въ Сибири; всѣ они единодушно отзываются о своемъ бывшемъ комендантѣ какъ нельзя болѣе тепло; одинъ только Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ подалъ голосъ противъ него, поэтому слова его звучатъ какъ рѣзкій диссонансъ между похвальными отзывами, коими узники Петровскаго завода почтили старика Лепарскаго въ воздаяніяхъ за его гуманное къ нимъ отношеніе.

Завалишинъ называетъ остальныхъ декабристовъ панегиристами

Лепарскаго и его племянника и говоритъ: „это былъ опытный и хитрый тюремщикъ, котораго главною задачею было сдѣлать насъ неопасными и уничтожить наше нравственное значеніе, не забывая и своихъ личныхъ расчетовъ, и въ этомъ смыслѣ онъ дѣйствовалъ, конечно, искусно.

„Онъ содѣйствовалъ всему, что только могло поддерживать между нами несогласіе, убаюкивалъ ложными надеждами и былъ преступно снисходителенъ къ тѣмъ, которые своими дѣйствіями бросали тѣнь на казематское общество. Зная чьи голоса имѣютъ наиболѣе значенія въ Петербургѣ, онъ доставлялъ всевозможныя льготы съ нарушеніемъ всякаго порядка богатымъ и имѣющимъ важныя связи, но о массѣ насъ, не имѣлъ никакой заботы, какую обязанъ имѣть всякій тюремщикъ по человѣчеству“.

Этой выписки достаточно, чтобы напомнить читателямъ въ общихъ чертахъ то, что было высказано Д. И. Завалишинымъ въ его Запискахъ [1]); немногіе изъ его товарищей по заключенію были живы въ то время, когда появились (1882 г.) на страницахъ „Русской Старины“ его Записки, тѣмъ не менѣе одинъ изъ нихъ, Фроловъ, тотчасъ откликнулся на нихъ отъ себя лично и отъ имени оставшихся еще въ живыхъ декабристовъ, желая опровергнуть высказанное въ нихъ авторомъ суровое обвиненіе противъ достойной личности С. Р. Лепарскаго.

„Непонятны ни мнѣ, ни кому-либо изъ насъ выходки автора (Д. И. Завалишина) противъ коменданта Лепарскаго,—говоритъ Фроловъ,—который снискалъ нашу общую любовь и оставилъ по себѣ добрую память среди жителей читинскихъ и петровскихъ. Никто изъ насъ въ казематѣ не подозрѣвалъ скрытой ненависти автора къ Лепарскому, которую онъ никогда не высказывалъ; проявленіе этой ненависти скорбно поразило насъ всѣхъ“.

По словамъ Фролова, Д. И. Завалишинъ самъ пользовался въ казематѣ снисходительностію коменданта, часто уходилъ подъ разными предлогами изъ тюрьмы къ управителю завода, Смольянинову, дочь котораго была его невѣстою, и это дѣлалось въ то время, когда узниковъ содержали еще строго; „кстати, не могу умолчать о себѣ,—прибавляетъ Фроловъ,—я никогда не имѣлъ никакой руки, не только въ Петербургѣ, но даже въ Иркутскѣ, и несмотря на это, Лепарскій разрѣшилъ мнѣ устроить мастерскую внѣ каземата, гдѣ я и работалъ. Правда, при мнѣ постоянно былъ часовой, который большею частію все спалъ. Однажды, комендантъ вошелъ

[1]) См. „Русск. Стар.“ изд. 1882 г., т. XXXVI, стр. 432.

неожиданно въ мастерскую, я бросился будить часоваго, но онъ остановилъ меня, сказавъ: „оставьте его, я знаю, что не онъ, а вы его караулите. Онъ усталъ, не спавши ночь".

Вотъ примѣръ истинно гуманнаго отношенія къ людямъ.

Почему именно Дмитрій Иринарховичъ называетъ Лепарскаго опытнымъ тюремщикомъ въ своихъ Запискахъ — онъ не объясняетъ; совершенно непонятно, какимъ образомъ могъ Станиславъ Романовичъ пріобрѣсти эту опытность во время командованія Сѣверскимъ полкомъ? — дѣятельность, съ ролью тюремщика ничего общаго не имѣющая. Съ другой стороны, обвиненіе въ томъ, будтобы Лепарскій старался уничтожить нравственное значеніе декабристовъ—поражаетъ своею несостоятельностью. Желая этого достигнуть, неужели комендантъ разрѣшилъ-бы ссыльнымъ чтеніе книгъ, занятіе рисованіемъ, музыкою, разными ремеслами — словомъ, все то, что могло поддержать въ нихъ энергію и бодрость духа, что не давало уснуть и притупиться ихъ умственнымъ способностямъ; даже на письменныя ихъ занятія, строго запрещенныя инструкціею, онъ смотрѣлъ сквозь пальцы, говоря при случаѣ: „не вижу"; смѣло можно сказать, что, только благодаря этимъ льготамъ, благодаря этому гуманному отношенію, тѣ изъ декабристовъ, которые дожили до манифеста 1856 года, сохранили такую бодрость духа и отзывчивость ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни, остались, можно сказать, настолько вѣрны своимъ идеаламъ, что могли явиться полезными и дѣятельными участниками великихъ реформъ императора Александра II.

Вѣра Тимощукъ.

Дѣло о «смертномъ боѣ» подьячаго Микульшина

1709 г.[1]).

1709 года марта въ 30-й день великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу билъ челомъ, а въ разрядѣ боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи словесно разрядный подъячій Митрофанъ Микульшинъ, а въ словесномъ своемъ челобитьѣ сказалъ: сего-жъ де марта вышеписаннаго числа въ приказѣ, въ азовскомъ столѣ, того-жъ приказа подъячій Андріанъ Тороповъ бранилъ его, Митрофана, и билъ смертнымъ боемъ въ томъ азовскомъ столѣ при подъячихъ Ѳедорѣ Максимовѣ сынѣ Назимовѣ съ товарищи. А сидитъ де онъ, Митрофанъ, въ разрядѣ въ приказномъ столѣ въ подъячихъ съ 201 года (1693), а его, великаго государя, жалованьемъ, помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ неверстанъ; а отецъ-де его служилъ по Рязани съ городомъ и окладъ отцу его былъ четыреста четей, денегъ изъ чети двѣнадцать рублей. И великій государь пожаловалъ-бы его, велѣлъ въ разрядѣ челобитье его записать и бой на немъ, Митрофанѣ, осмотрить и описать и въ томъ бою противъ своего великаго государя указа и уложенья и новоуказныхъ статей указъ учинить.

А по осмотру въ разрядѣ боярина Тихона Никитича Стрешнева съ товарищи бою на немъ, Митрофанѣ: выше брови съ лѣвой стороны разбито до крови и рана знатна. А у досмотру онъ, Митрофанъ Микульшинъ, сказалъ, что билъ его въ разрядѣ подъячій Андріанъ Тороповъ въ то время, какъ въ разрядѣ сидѣлъ боярин Тихонъ Никитичъ Стрешневъ съ товарищи, незнамо за что. Митрофанъ Микульшинъ руку приложилъ.

Помѣта: „допросить отвѣтчика и свидѣтелей по указу и выписать“.

И того-жъ числа Андріанъ Тороповъ противъ того челобитья въ разрядѣ передъ бояриномъ Тихономъ Никитичемъ Стрешневымъ съ товарищи допрашиванъ словесно, и въ томъ бою не запирался и сказалъ, что де онъ, Андріанъ, для самаго нужнаго и скораго дѣла просилъ у него, Митрофана, книги уложенья и посылалъ къ нему молодого подъячаго Андрея Некрасова дважды, и самъ къ нему въ столъ приходилъ; и онъ той книги не далъ и просилъ росписки. И онъ, Андріанъ, на него, Митрофана, дьяку Ѳедору Ефимьеву сказывалъ, и дьякъ велѣлъ ему книгу отдать. И онъ, Митрофанъ вышедъ изъ судейскаго въ азовской столъ, тое книгу въ руку ему, Андріану сунулъ съ невѣжествомъ и называлъ его, Андріана, пьянымъ, и онъ де, Ан-

---

[1]) Московскій Архивъ Мин. Юстиціи, Разрядныя вязки, № 4.

дріанъ, взявъ у него тое книгу, и тою книгою ткнулъ его въ голову, а никакою бранью его, Митрофана, не бранилъ. Андреянъ Тороповъ руку приложилъ.

А свидѣтель Ѳедоръ Назимовъ сказалъ по евангельской заповѣди Господней въ правду: подъячій де Андріанъ Тороповъ Митрофану Микульшину говорилъ, для чего онъ ему книги уложенья не даетъ? и онъ, Митрофанъ, сказалъ: безъ росписки де уложенья давать ему никому не велѣно! И онъ, Андріанъ, назвалъ его, Митрофана, пьянымъ, а онъ, Митрофанъ, сказалъ ему Андріану: „самъ де ты пьянъ!“ и онъ, Андріанъ, тою книгою ударилъ его въ лобъ совкомъ и его, Митрофана, окровянилъ. А иной брани межъ ими не было. Ѳедоръ Назимовъ руку приложилъ.

А въ разрядѣ въ подъяческомъ спискѣ нынѣшняго 709 году написанъ онъ, Митрофанъ, неверстаннымъ.

А по справкѣ въ разрядѣ въ рязанскомъ списку 187 г. написано: Иванъ Степановъ сынъ Микульшинъ написанъ съ городомъ; помѣстный ему окладъ 400 четьи, денегъ изъ чети 12 рублей.

А Митрофанъ Микульшинъ сказалъ, что де вышепоказанный Иванъ Степановъ сынъ Микульшинъ отецъ ему родной.

А въ указѣ великаго государя и въ уложеньи 10-й гл. 105-я статья напечатано: „кого судьи велятъ поставить къ суду, и истцу и отвѣтчику, ставъ передъ судьями, искать и отвѣчать вѣжливо, и смирно и не шумно, и передъ судьями никакихъ невѣжливыхъ словъ не говорить и межъ себя не браниться; а буде передъ судьями истецъ или отвѣтчикъ межъ себя побранятся, и кто кого изъ нихъ обезчеститъ словомъ передъ судьями, за судейское безчестье посадить въ тюрьму на недѣлю, а кого онъ словомъ обезчеститъ, и тому велѣть на немъ доправить безчестье по указу. А будетъ кто кого передъ судьями съ дерзости рукою зашибетъ, а не ранитъ, и на томъ велѣть тому, кого онъ зашибетъ, доправить безчестье вдвое, и буде онъ передъ судьями на кого замахнется какимъ-нибудь оружіемъ или ножемъ, а не ранитъ, и ему за то учинити наказаніе—бити батоги, а буде ранитъ — и его бити кнутомъ“.

Въ 136-й ст.: „и буде кто на комъ учнетъ искать бою и грабежу, и отвѣтчикъ въ бою не запрется, а про грабежъ скажетъ, что не грабилъ, и на немъ велѣть истцу за увѣчье и за безчестье доправить противъ окладу вдвое, а въ пенѣ его, что государь укажетъ“. Справилъ Акимъ Вырновъ.

„1709 г. апрѣля въ 1-й день. По указу великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, боярин Тихонъ Никитичъ Стрешневъ съ товарищи, слушавъ сей выписки, приговорили: истца, разряднаго подъячаго Митрофана Микульшина оправить, а отвѣтчика, того-же приказа подъячаго Андріана Торопова обинить и за бой и за безчестье его, истцова, противъ отцовскаго оклада вполы и того за бой и за безчестье двѣнадцать рублей, и съ того иску пошлины по указу и по уложенью на немъ, отвѣтчикѣ, доправить, а доправя, пошлины записать въ приходъ, а истцовъ искъ отдать истцу съ росписко, и о томъ дать выпись на правежъ“. Ѳоминъ.

И апрѣля въ 1-й день, противъ сей помѣты, для правежу того иску и съ того иску пошлинъ дана о томъ выпись на правежъ разрядному сыну боярскому Іову Баширинову, велѣно тотъ искъ и съ того иску пошлины на немъ, Андріанѣ доправить. И апрѣля съ 1-го апрѣля по 30 число нынѣшняго

709 года по-той правежной памяти сынъ боярскій Іовъ Баширинов истцова иску и съ того иска пошлинъ въ разрядъ не приносилъ.

А мая во 2-мъ числѣ нынѣшняго-жъ 709 г. билъ челомъ Митрофанъ Микульшинъ, чтобъ тотъ его искъ на немъ, отвѣтчикѣ, доправить по прежнему, а что не платилъ, и о томъ-бы у сына боярскаго взять сказку.

А сынъ боярскій Іовъ Баширинов сказалъ, что де тотъ искъ Митрофана Микульшина и съ того иску пошлинъ апрѣля съ 1-го мая по 2-е число нынѣшняго 709 года, онъ, Андріанъ Тороповъ, по той правежной памяти ему, Іову, не приносилъ и упрямствомъ своимъ на правежѣ не стоялъ..

Примѣчаніе. На этомъ производство дѣла оканчивается; стоялъ-ли отвѣтчикъ на правежѣ или примирился съ истцомъ—неизвѣстно.

Сообщ. А. Востоковъ.

Къ Запискамъ доктора де-ла-Фліза

[См. Русскую Старину" изд. 1892 г., книга III, стр. 575—604].

Въ „Русской Старинѣ" за мартъ мѣсяцъ 1892 г., на стр. 578, 579, 580 и 592, вкралась опечатка: вмѣсто—„пожилой полякъ, по фамиліи Галинскій" слѣдуетъ читать: „Голынскій". Бывшій губернскій предводитель дворянства Могилевской губерніи Михаилъ Голынскій проживалъ, въ описываемое Флизомъ время, въ своемъ имѣніи Холобинъ, Чериковскаго уѣзда, близъ мѣстечка Кричева. Фамилія Голынскихъ, старинная, дворянская, принадлежитъ и теперь къ разряду богатыхъ и вліятельныхъ землевладѣльцевъ Могилевской губерніи. Имѣнія Голынскихъ расположены въ уѣздахъ Климовичскомъ, Мстиславскомъ, Чериковскомъ и отчасти въ Рогачевскомъ и Чаусовскомъ. (См. Опытъ описанія Могилевской губерніи Дембовецкаго изд. 1882—1884 гг., книга III).

Ѳ. А. Рахунковичъ.

г. Витебскъ.

ВЪ ЗАКАСПІЙСКОЙ ОБЛАСТИ.

Воспоминанія о М. Д. Скобелевѣ врача О. Ф. Гейфельдера

1879—1887 гг.

Въ 1887 г. мнѣ довелось посѣтить вновь тѣ самыя мѣста, гдѣ мы пережили и испытали такъ много въ 1880—1881 годахъ. Во время этого путешествія знакомые не разъ выражали мнѣ желаніе видѣть продолженіе моихъ „Воспоминаній“, для которыхъ обильная пища встрѣчалась тутъ на каждомъ шагу. Побуждаемый къ этому также со стороны многоуважаемаго редактора „Русской Старины“, я рѣшился вновь взяться за перо.

О. Ф. Гейфельдеръ.

I.

Мои воспоминанія о Каспійскомъ морѣ, о походахъ, совершенныхъ въ Закаспійской области, и о моемъ участіи въ нихъ начинаются съ 1879 г. и первыя впечатлѣнія связаны съ портомъ Петровскимъ.

Петровскъ, въ настоящее время незначительный, мирный городокъ, съ слабымъ гарнизономъ, былъ, во время обѣихъ экспедицій, при Лазаревѣ (1879 г.) и при Скобелевѣ (1880 г.), военнымъ центромъ. Въ немъ помѣщался въ то время штабъ и находился командиръ 19-й дивизіи, участвовавшей въ обоихъ походахъ. Оттуда наши войска переправлялись на судахъ на восточный берегъ Каспійскаго моря, и туда-же, во время обоихъ похо-

довъ, направлялись раненые и больные. Вотъ почему я прибылъ въ Петровскъ осенью 1879 г., гдѣ и начались мои сношенія съ войсками, участвовавшими въ экспедиціи, и съ главнымъ уполномоченнымъ отъ Краснаго Креста, камергеромъ N. Окружнымъ медицинскимъ инспекторомъ мнѣ было поручено принимать раненыхъ изъ разбитаго отряда и оказывать имъ хирургическую помощь. Въ Петровскѣ существовалъ тогда еще военный госпиталь, образцовое учрежденіе, помѣщавшееся въ весьма красивомъ зданіи, вполнѣ соотвѣтствовавшемъ своему назначенію. Главнымъ врачемъ госпиталя былъ тогда докторъ Адамовичъ, еще питомецъ виленскаго университета, который, какъ всѣ бывшіе виленскіе студенты, прекрасно владѣлъ латинскимъ языкомъ. Изъ Ахалъ-Теке нѣсколько сотъ раненыхъ солдатъ и офицеровъ были доставлены въ Петровскъ на судахъ; по прибытіи въ госпиталь, разсортированы и частью эвакуированы далѣе въ госпиталь Темиръ-ханъ-Шуры и Хассавъ-Юрты, частью оставлены въ Петровскѣ. Осмотръ больныхъ, изслѣдованіе, діагнозъ и операціи заняли почти цѣлую недѣлю. Затѣмъ я исполнялъ тѣ-же самыя обязанности хирурга-консультанта въ темиръ-ханъ-шуринскомъ и хассавъ-юртскомъ госпиталѣ. Эта командировка оказалась для меня въ высшей степени интересною и, кромѣ того, полезною, какъ подготовка къ будущей дѣятельности въ Ахалъ-Текѣ. Мы наслушались разсказовъ офицерства объ испытанныхъ ими бѣдствіяхъ, объ особенностяхъ этой негостепріимной страны, объ отступленіи отряда и проч.

Всѣ раненые, которые не умерли тотчасъ отъ полученныхъ ими поврежденій, выздоравливали замѣчательно быстро: раны ихъ заживали необыкновенно скоро, что слѣдуетъ приписать пребыванію на свѣжемъ воздухѣ и замѣчательной сухости атмосферы и почвы въ этой мѣстности. Въ 1880—1881 гг. наши раненые были поставлены въ менѣе благопріятныя условія, во-1-хъ потому, что дороги были заражены тысячами разлагавшихся труповъ, и во-2-хъ потому, что войскамъ пришлось дѣйствовать въ ноябрѣ и декабрѣ, самое дождливое время года; къ тому-же февраль и мартъ мѣсяцы въ томъ году также были обильны дождями.

Въ Баку опять новыя воспоминанія. Я извѣстилъ о своемъ пріѣздѣ жившаго тамъ сотоварища моего Шимановскаго, вмѣстѣ съ которымъ мы служили въ турецкую кампанію въ 1877 году и участвовали въ Ахалъ-Текинской экспедиціи въ 1880 году но онъ не встрѣтилъ меня на желѣзнодорожной станціи — моя телеграмма не застала его въ живыхъ. Зато я увидѣлся тутъ съ городскимъ головою, Деспотъ-Зеновичемъ, оказавшимъ намъ

во время войны самое дѣятельное и просвѣщенное содѣйствіе при устройствѣ въ городѣ Баку помѣщенія для больныхъ и раненыхъ.

Во время втораго похода было принято за правило оставлять больныхъ какъ можно меньше на восточномъ, негостепріимномъ берегу Каспійскаго моря, эвакуируя ихъ постоянно въ Баку и Петровскъ. Съ этою цѣлью въ Баку былъ расширенъ мѣстный военный лазаретъ. Сверхъ того, городской голова предоставилъ въ наше распоряженіе пустое зданіе (нынѣ прекрасно отстроенное), стоявшее возлѣ гавани и пароходной пристани, которое, при помощи Краснаго Креста, было приспособлено для временнаго помѣщенія нашихъ больныхъ воиновъ. Мы быстро съ нимъ согласились относительно распредѣленія и приспособленія зданія къ нашей цѣли, а также относительно пріема и продовольствія больныхъ и способа дальнѣйшей ихъ эвакуаціи или возвращенія къ отряду. Уже при вторичномъ моемъ посѣщеніи, я нашелъ зданіе занятымъ больными и вполнѣ соотвѣтствовавшимъ своему назначенію. По этимъ воспоминаніямъ, г. Баку мнѣ показался не чужимъ городомъ. Съ пріятнымъ удивленіемъ я замѣтилъ, что за это короткое время онъ сдѣлалъ замѣчательный шагъ впередъ какъ въ своемъ наружномъ видѣ и благоустройствѣ, такъ и въ торговлѣ.

О Каспійскомъ морѣ приходилось не разъ слышать, что оно иногда бываетъ очень бурное, но за всѣ мои десять переѣздовъ я его видѣлъ всегда спокойнымъ. Переѣздъ изъ Баку въ Узунъ-Ада продолжался всего 18 часовъ. Тогда какъ прежде мы сворачивали у пловучаго маяка влѣво, чтобы подойти къ Красноводску и выѣхать затѣмъ на маленькомъ пароходѣ въ излучины Михайловской бухты; теперь нашъ „Цесаревичъ Александръ“ держалъ почти прямо между Красноводскою косою и островомъ Чекеленъ, къ желтоватому песчаному берегу. Дымившійся передъ нами какой-то пароходъ внезапно исчезъ, какъ-бы утонувъ между двумя песчаными холмами. „Тамъ лежитъ Узунъ-Ада“, заявили мнѣ спутники, но пока ничего еще не было видно. Наконецъ, мы описали большой полукругъ вправо и передъ нами открылся рейдъ и небольшой городокъ.

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ: намъ случалось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проѣзжать мимо этой пустынной группы песчаныхъ острововъ и холмовъ, на которыхъ не было видно тогда никакого жилья, и взоръ нигдѣ не встрѣчалъ на этомъ пустынномъ берегу ни одного кустика, ни одного живаго существа; теперь-же передъ нами лежалъ цѣлый городокъ, съ деревянными домами, бѣлѣющими виллами, съ пароходными пристанями, оживленными толпою народа,

вышедшею на встрѣчу пароходу. У берега, идущаго полукругомъ, стояло, какъ въ гавани, множество барокъ и судовъ; мы насчитали не менѣе 9-ти большихъ пароходовъ, принадлежавшихъ разнымъ обществамъ. Справа и слѣва высились золотисто-желтые песчаные холмы, а впереди разстилалось лазуревое море. Панорама, открывшаяся передъ нашими глазами, могла-бы послужить И. К. Айвазовскому или Гильдебрандту сюжетомъ роскошной картины.

Что́ за суматоха и толкотня начались лишь только мы пристали! Представители разныхъ торговыхъ конторъ и транспортныхъ обществъ разыскивали среди пассажировъ своихъ патроновъ или агентовъ, освѣдомлялись о прибывшей клади и корреспонденціи. На пароходъ явились флотскіе офицеры и таможенные чиновники; смуглолицые носильщики-персы, атлетическаго сложенія, предлагали свои услуги для разгрузки судна; пассажиры спѣшили на берегъ. На берегу-же различныя конторы совершали дѣловыя сдѣлки подъ своими деревянными крышами съ такою правильностію, какъ будто онѣ существовали тутъ уже десятки лѣтъ. Среди песковъ возвышается телеграфная станція, почтовая контора и управленіе желѣзной дороги. Служба въ нихъ идетъ также исправно, какъ во всякомъ давно заселенномъ городѣ. Нѣкоторые изъ служащихъ поселились тутъ даже со своими семьями. На маленькомъ базарѣ можно получить все необходимое. Прѣсную воду доставляетъ желѣзная дорога изъ Казанъ-Джикскихъ источниковъ и изъ „опрѣснителя", находящагося въ Михайловскѣ. Словомъ, этотъ городокъ, возникшій всего два года тому назадъ, поразилъ пріѣзжихъ.

Мы вспомнили, что на пустынномъ берегу этой бухты стоялъ, еще во времена Столѣтова, близъ Михайловска, передовой постъ и что молодой Скобелевъ, бывшій въ то время офицеромъ генеральнаго штаба, познакомился съ этою песчаною мѣстностью впервые въ 1872 году. Невольно припомнилось, сколько времени требовалось тогда (въ 1880—1881 гг.) для перевоза людей, орудій, аммуниціи, съѣстныхъ припасовъ и матеріаловъ для строившейся тогда Закаспійской дороги; тогда приходилось направляться въ Красноводскъ и, послѣ перегрузки въ Михайловской бухтѣ, къ тогдашнему мѣсту выгрузки, гдѣ стоитъ теперь Михайловская станція. Теперь мы садимся въ вагонъ и ѣдемъ быстро и безъ малѣйшаго утомленія по пустынной, безводной степи, черезъ которую мы нѣкогда совершали путь въ потѣ лица своего, а за нами слѣдовали и постоянно тревожили насъ летучіе конные отряды текинцевъ. Теперь трудно себѣ и представить, какъ все это происходило въ то время, хотя передъ нами высились, на подобіе воротъ, тѣ-же горныя

очертанія обоихъ Балханъ, между которыми мы проходили, и до нашего слуха долетали все тѣ-же названія: Мулла-Кара, Балла-Ишемъ, Айдинъ и другія. Разница въ томъ, что теперь стоитъ станція и привѣтливо кипитъ самоваръ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы располагались прежде на плоской равнинѣ на ночлегъ, безъ всякихъ удобствъ, и зачастую должны были довольствоваться солоноватою водою, добытою изъ лужи или цистерны.

Въ настоящую поѣздку я прибылъ на восточный берегъ Каспійскаго моря 16-го іюля 1887 г.. въ самый разгаръ лѣта, точно также, какъ и семь лѣтъ тому назадъ, но все окружающее произвело теперь на меня совершенно иное впечатлѣніе.

Нигдѣ желѣзная дорога не является столь крупною побѣдою, одержанною человѣкомъ надъ стихіями, какъ въ этой негостепріимной мѣстности, на протяженіи отъ моря до оазиса, гдѣ ни одинъ кустикъ, ни одно деревцо не манитъ усталаго путника отдохнуть и освѣжиться подъ его тѣнью и гдѣ все пространство, доступное взору, представляетъ безконечную сѣрую равнину, которая своимъ убійственнымъ однообразіемъ наводитъ на путешественника унынie.

Въ 1880 году мы и не подозрѣвали значенія и послѣдствій похода, а думали, что дѣло идетъ только о реваншѣ за неудачную экспедицію 1879 г. и о наказаніи непокойныхъ ахалъ-текинцевъ, хотя Анненковъ и Хилковъ строили уже свою стратегическую дорогу, преодолѣвая съ рѣдкимъ терпѣніемъ и настойчивостью всѣ встрѣчавшіяся на пути ихъ естественныя препятствія, и хотя Скобелевъ часто говорилъ о постройкѣ этой дороги и о будущемъ ея значеніи для русской торговли.

На бивакахъ или во время переходовъ намъ не разъ приходилось слышать мнѣніе о походѣ солдатъ, говорившихъ: „должно быть генералы невѣрно представили царю о здѣшней землѣ, иначе онъ не послалъ-бы насъ завоевывать ее. На что русскимъ эта пустыня? Такихъ у насъ самихъ довольно“. Подобно тому, какъ солдаты высказывали при этомъ втихомолку предположеніе, что побудительною причиною ахалъ-текинской экспедиціи было стремленіе къ завоеваніямъ и личное честолюбіе военныхъ, точно такъ-же смотрѣла на нее и вся Европа; этотъ взглядъ яспо выразился въ отзывахъ современной прессы и въ дипломатической тревогѣ, поднятой Англіею. Судя по обнародованнымъ нынѣ документамъ, канцлеръ кн. Горчаковъ и само правительство не имѣли въ 1880 г. иной цѣли, кромѣ наказанія туркменъ-текинцевъ; занятіе Мерва, напр., отнюдь не входило въ планы нашихъ полководцевъ и государственныхъ

людей. (См. Афганское разграниченіе, переговоры между Россіею и Великобританіею 1872—1885 гг. С.-Петербургъ, 1886. № 2. Письмо сэръ Эдуарда Торнтона статсъ-секретарю Гирсу, стр. 37, 39, 41).

Въ этомъ письмѣ говорится:.

„18-го іюля, ваше высокопр—во въ депешѣ къ графу Шувалову отвѣтили, что единственною цѣлью экспедиціи было наказаніе туркменскихъ скопищъ, совершенно отдѣльныхъ отъ мервскихъ текинцевъ; что начальнику колонны строго предписано не переступать инструкцій, обязывающихъ его ограничиться поддержаніемъ порядка на границѣ. Весною 1879 г. съ восточнаго берега Каспійскаго моря отправилась, подъ начальствомъ г. Лазарева, экспедиція, единственною цѣлью коей, согласно даннымъ графомъ Шуваловымъ 16-го мая лорду Салисбюри увѣреніямъ, было установленіе, посредствомъ укрѣпленныхъ постовъ, сухопутнаго сообщенія между Красноводскомъ и Чикишляромъ (стр. 41). Отпоръ, встрѣченный русскими въ сентябрѣ 1879 г. подъ Геокъ-Тепе, повлекъ за собою въ слѣдующемъ году снаряженіе экспедиціи въ болѣе широкихъ размѣрахъ, начальство надъ которою было ввѣрено г. Скобелеву. В. высокопр — во признали, что дѣлаются приготовленія для вышеупомянутой экспедиціи, но что таковая предпринимается Россіею крайне не охотно... и что прежнія положенія нисколько не измѣнились... Послѣ побѣды, одержанной г. Скобелевымъ подъ Геокъ-Тепе въ январѣ 1881 г., ваше высокопр — во замѣтили лорду Дефферину, что для русскаго правительства настало время доказать свою умѣренность и позаботиться о томъ, чтобы не быть втянутыми въ дальнѣйшія военныя дѣйствія въ этой части свѣта“.

Читая эти документы и сравнивая съ ними тогдашнія газеты, становится понятнымъ, что намъ и въ голову не могла придти мысль о томъ, что наша экспедиція будетъ имѣть столь важныя послѣдствія, каковыми оказались расширеніе нашихъ владѣній и постройка желѣзной дороги до Самарканда. Впрочемъ, и въ то время находились люди, обращавшіе наше вниманіе на громадное значеніе этого военнаго предпріятія. Французскій генеральный консулъ графъ Шаппеделенъ (Chappedelaine) сказалъ мнѣ въ Тифлисѣ прямо: „вы идете на Мервъ, а не на Геокъ-Тепе“, и Скобелевъ тогда уже обсуждалъ въ Красноводскѣ значеніе желѣзной дороги, если она будетъ проведена далѣе.

Когда я посѣтилъ берега Каспійскаго моря вторично въ 1887 г., то перемѣны, происшедшія въ этой мѣстности, были слишкомъ велики, чтобы не вызвать моего удивленія и не наводить ежеминутно на сравненіе настоящаго съ прошлымъ. Среди пустынныхъ песчаныхъ холмовъ выросъ городокъ съ хорошею гаванью; переѣздъ моремъ сократился болѣе, нежели на 24 часа; отъ Узунъ-Ада мы ѣхали по пустынѣ въ удобныхъ вагонахъ, защищенные отъ жары, пыли и песка, и черезъ 10 часовъ были уже въ Кизиль-Арватѣ, до котораго въ 1880 г. приходилось ѣхать изъ Красноводска 3—4 дня,

употребляя 2 дня на переходъ отъ берега моря. Кизиль-Арватъ, со своими прохладными горными источниками, былъ уже въ то время для насъ идеальною ночною стоянкою. Возможность напиться вволю, выкупаться, освѣжить и умыть воспаленные, полные пыли, глаза, проспать хотя одну ночь подъ крышею въ стѣнахъ укрѣпленнаго лагеря было истинною отрадою, величайшимъ счастіемъ послѣ всѣхъ невзгодъ и лишеній, испытанныхъ во время перехода. Это можетъ понять только человѣкъ, испытавшій, подобно намъ, голодъ и жару, спавшій безъ палатки и кровли на голой землѣ и которому приходилось, какъ намъ, отказаться на время отъ всѣхъ привычекъ чистоплотности и комфорта.

Когда я вступилъ, въ началѣ октября 1880 г., съ моимъ конвоемъ въ Кизиль-Арватъ, нашъ укрѣпленный лагерь лежалъ на обнаженномъ плоскогорьѣ. Комендантомъ его былъ полковникъ Навроцкій, человѣкъ опытный и весьма уважаемый всѣми нами. Въ 1887 году мы уже съ удивленіемъ смотрѣли здѣсь на красивые дома, вполнѣ приспособленные для жилья, на сады и палисадники, на станціонный порядочный буфетъ, и удивлялись многочисленному населенію. Начальникъ станціи, бывшій офицеръ Скобелевскаго отряда, привѣтствовалъ меня какъ стараго знакомаго... Особенно привлекательнымъ кажется Кизиль-Арватъ, когда въѣзжаешь въ него ночью. Непроглядная тьма и безмолвіе степи смѣняются вдругъ электрическимъ освѣщеніемъ улицъ и желѣзнодорожной станціи, производя поразительное впечатлѣніе.

Отъ Кизиль-Арвата до Бами 54 версты; мы проѣхали этотъ путь въ 2 часа 10 мин., тогда какъ прежде онъ требовалъ цѣлаго дня усиленной ѣзды верхомъ и двухдневнаго перехода по степи. Нашъ лагерь и большая госпитальная палатка стояли ближе къ горамъ, на скалистой почвѣ. Тутъ оканчивалась въ Бендесенскомъ ущельи атрекская линія, иначе говоря, военная дорога, шедшая по теченію Атрека, и соединялась съ Михайловскою линіею. Начальникомъ атрекской военной дороги былъ командиръ казацкаго полка, полковникъ Арцишевскій, неутомимый наѣздникъ и искусный организаторъ. Онъ умѣлъ найтись при всякихъ обстоятельствахъ и всегда имѣлъ подъ рукою то, что требовалось въ данную минуту.

Мнѣ довелось посѣтить Бами впервые во время объѣзда лазаретовъ и госпиталей обѣихъ военныхъ линій въ октябрѣ 1880 г., когда Бами былъ еще нашимъ передовымъ пунктомъ. Старшимъ офицеромъ былъ въ немъ артиллерійскій полковникъ Вержбицкій, нынѣ покойный. Онъ скончался почти одновременно со Скобелевымъ въ 1882 году. Баминскій гарнизонъ, состоявшій изъ пѣхоты,

артиллеріи и сотни казаковъ, укрѣпилъ небольшой четыреугольникъ, т. е. обнесъ его стѣною, окопалъ рвомъ и помѣщался самъ въ кибиткахъ. Текинцы тревожили его почти каждую ночь. Несмотря на это обстоятельство, настроеніе маленькаго гарнизона было самое веселое и вечернія собранія офицерства оживлялись пѣніемъ и декламаціею.

Бами былъ избранъ пунктомъ, гдѣ Скобелевъ велѣлъ сосредоточить всякаго рода запасы для 7,000 человѣкъ на два мѣсяца, прежде чѣмъ двинуться далѣе. Какъ мѣсто соединенія обѣихъ военныхъ дорогъ и какъ богатая житница, Бами какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ этой цѣли. Помимо муки, зерноваго хлѣба и сѣна, доставленнаго туда изъ Россіи съ большимъ трудомъ на верблюдахъ, мы тамъ нашли обширныя, хорошо воздѣланныя поля, засѣянныя пшеницею, кукурузою и клеверомъ.

Такъ какъ мы заняли Бами въ началѣ іюня и оттѣсненные текинцы не успѣли еще собрать жатву, то въ нашихъ рукахъ неожиданно очутились огромные запасы. Поэтому Скобелевъ, въ своемъ приказѣ за № 93-й, даннымъ въ Бами 11-го іюня 1880 г., дѣлаетъ распоряженіе какимъ образомъ поступить съ этою жатвою, предписывая сдать все то, что не потребуется немедленно для продовольствія войска, въ Баминскій складъ, исправить водяныя мельницы въ Беурмѣ, смолоть на нихъ зерно и, наконецъ, озаботиться поливкою клеверныхъ и джугурныхъ полей.

Въ томъ-же Бами, отъ 10-го іюня, былъ данъ приказъ за № 91-мъ, которымъ возвѣщалось начало враждебныхъ дѣйствій противъ текинцевъ: „послѣ девяти-мѣсячной остановки, августѣйшему главнокомандующему угодно повелѣть вновь вступить въ предѣлы Ахалъ-Текинской земли“ и т. д. 21-го іюня произошло серьезное дѣло на Бендесенскомъ перевалѣ, стоившее намъ сравнительно весьма дорого ранеными и убитыми. Получивъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ, его императорское высочество главнокомандующій телеграфировалъ: „жалую отъ себя знаки военнаго ордена первой степени всѣмъ оставшимся въ живыхъ казакамъ, геройски защищавшимся 21 іюня. Семействамъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ назначаю единовременно по 100 рублей пособія“.

Всѣ участвовавшіе въ экспедиціи помнятъ, что во время лѣтней пріостановки военныхъ дѣйствій гарнизоны обѣихъ военныхъ дорогъ, и въ особенности баминскій гарнизонъ были постоянно тревожимы текинцами и вслѣдствіе своей малочисленности несли весьма тяжелую службу. Скобелевъ былъ вынужденъ сформировать летучій отрядъ изъ команды охотниковъ 4-й сотни Таманскаго

коннаго полка (см. приказъ за № 216 отъ 21-го августа 1880 г. изъ Бами). „Назначеніе летучаго отряда", по собственнымъ словамъ Скобелевскаго приказа, было „оборонять, отъ могущихъ вторгаться текинскихъ шаекъ, раіонъ Маргизъ—Каракала—Нукуръ—Арчманъ—Егинъ и западнѣе; предупреждать гарнизоны Бами, Бендесена и Ходжамъ-Калы о появленіи непріятеля". Начальникъ этого летучаго отряда долженъ былъ широко пользоваться лазутчиками для ознакомленія съ намѣреніями противника, и получалъ для уплаты лазутчикамъ даже нѣсколько сотъ рублей. Однако, этотъ расчетъ оправдался не совсѣмъ. Лазутчиковъ не было; за все время экспедиціи текинцы никогда не являлись въ нашей средѣ въ качествѣ бѣглецовъ или шпіоновъ.

Впрочемъ, летучій отрядъ охотниковъ оказалъ большія услуги войску: онъ поддерживалъ въ горахъ сообщеніе между гарнизонами Бендесена, Ходжамъ-калы, Бами и Кизиль-Арвата, охранялъ геліографическія станціи [1]) и во время извѣстнаго дѣла подъ Келатомъ доставилъ обратно къ отряду пропавшаго ночью начальника нашего, Михаила Дмитріевича Скобелева, какъ разсказано о томъ въ предыдущей статьѣ (см. „Русская Старина", 1885 г., апрѣль, май, іюнь. Очеркъ Шаховскаго: „Экспедиція противъ ахалъ-текинцевъ", 1880—1881 г.). Отрядъ этотъ существовалъ до ноября мѣсяца 1880 г., до тѣхъ поръ, пока наши главныя силы не отступили въ Бами, и отсюда въ декабрѣ войска двинулись окончательно противъ Геокъ-Тепе. Весною 1881 г. мы возвратились опять въ Бами, гдѣ находился военный госпиталь № 5, подъ завѣдываніемъ доктора Крестникова. Я распорядился совершенно отдѣлить хирургическое отдѣленіе, для изолированія раненыхъ отъ тифозныхъ больныхъ. Оно было перемѣщено за $^1/_2$ версты отъ остальныхъ частей госпиталя. Благодаря содѣйствію Краснаго Креста, хирургическое отдѣленіе было снабжено въ изобиліи всѣмъ, что для него требовалось, и вообще представляло собою вполнѣ образцовое учрежденіе. Почва, на которой оно стояло, была чрезвычайно каменистая,—обстоятельство весьма благопріятное въ гигіеническомъ отношеніи. Только желтыя кибитки Краснаго

[1]) Для солнечнаго телеграфа. Упоминаніе о геліографическомъ телеграфѣ требуетъ нѣкотораго объясненія. На высокихъ пунктахъ—горѣ или башнѣ ставится зеркало, которое отражаетъ солнечные лучи съ одного пункта и передаетъ отраженіе въ другой такой-же высокій пунктъ; извѣстные знаки съ одного пункта передаются на другой; эти знаки соотвѣтствуютъ извѣстнымъ буквамъ. Такимъ образомъ происходитъ передача извѣстій съ одного мѣста въ другое. О. Г.

Креста стояли на изолированномъ мѣстѣ, поросшемъ абрикосовыми деревьями.

Проѣзжая въ 1887 году по желѣзной дорогѣ, я увидѣлъ изъ вагона это зеленѣющее мѣстечко и оно показалось мнѣ этотъ разъ такимъ ничтожнымъ и незначительнымъ, тогда какъ прежде оно было въ нашихъ глазахъ уголкомъ рая. Мѣсто, на которомъ стоялъ прежде лагерь, выглядитъ снова пустынно, и даже казармы и дома, построенные позднѣе, имѣютъ видъ заброшенныхъ и развалившихся зданій. Европейская жизнь сосредоточилась вблизи желѣзной дороги, не оказавъ никакого вліянія на текинцевъ, которые и теперь живутъ въ своихъ кибиткахъ и землянкахъ.

Въ теченіе пути и другія поселенія, мелькавшія мимо насъ. какъ-то: Дурунъ съ каменною мечетью, Арчманъ съ его теплыми сѣрными источниками, Бахарденъ съ фруктовыми садами и Келета съ башнею, которую намъ пришлось въ 1880 году брать приступомъ, казались въ 1887 г., изъ окна вагона, ничтожными мѣстечками, тогда какъ, послѣ перехода черезъ степь, всѣ эти заселенныя и воздѣланныя поселенія производили на насъ гораздо болѣе внушительное впечатлѣніе. Ихъ постройки все-же представляютъ собою не болѣе какъ глиняныя мазанки,—контрастъ большой съ красивыми каменными зданіями, украшающими въ настоящее время желѣзнодорожныя станціи. Текинцевъ почти не видно было по пути, что объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что ихъ много погибло во время бѣгства и преслѣдованія ихъ войсками Скобелева послѣ взятія Геокъ-Тепе. Не берусь рѣшить, дѣйствительно-ли ихъ племя такъ уменьшилось или-же они стали такъ робки и боязливы, и поэтому держатся въ сторонѣ, но фактъ налицо: проѣхавъ въ 1887 году по желѣзной дорогѣ черезъ всю Закаспійскую область, мы видѣли весьма мало текинцевъ: тамъ и сямъ мелькнетъ на необозримой равнинѣ одинъ или два всадника или погонщикъ верблюдовъ; иногда явится на станцію желѣзной дороги текинецъ, предлагающій вамъ купить у него пару яицъ, живую курочку или молока, налитаго въ бутылку изъ-подъ водки. поднятую на желѣзнодорожной насыпи. Въ Бахарденѣ мы купили у мальчика-текинца къ чаю бутылку молока. Черномазый мальчуганъ, въ своей высокой лохматой бараньей шапкѣ, не выпуская руки отца. обошелъ вокругъ веранды, на которой мы сидѣли, и принялся караулить свою бутылку. Когда мы опорожнили ее, я всталъ съ тѣмъ, чтобы отдать ее мальчику. Въ эту минуту онъ выскочилъ изъ своей засады, подобно хищному звѣрьку, вырвалъ бутылку у меня изъ рукъ, взглянулъ съ радостною улыбкою на

отца и исчезъ вмѣстѣ съ нимъ за ближайшимъ угломъ. Хищническіе инстинкты, какъ видите, все еще присущи этому племени и сдерживаются только страхомъ.

II.

На разстояніи часа ѣзды отъ Келата, у самаго полотна желѣзной дороги, мы увидѣли обширный треугольникъ, окруженный стѣнами и рвомъ. Это Геокъ-Тепе! Всѣ взоры были обращены на остатки знаменитой крѣпости. Въ сторонѣ виднѣлись намъ, при проѣздѣ въ 1887 г., зеленыя деревья и отдѣльно стоящія зданія,— это Мельничная кала [1]), отъ которой храбрый полковникъ Гайдаровъ двинулся на приступъ съ третьею штурмовою колонною.

„Развѣ стѣны Геокъ-Тепе не были выше?“, спросилъ меня одинъ изъ спутниковъ.

— „Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, но верхняя часть ихъ была употреблена на засыпку многочисленныхъ труповъ людей, лошадей и верблюдовъ. Я испросилъ у Скобелева разрѣшеніе сдѣлать подобное употребленіе изъ верхней части этихъ стѣнъ, и самъ первый приступилъ къ ихъ разрушенію“.

Въ передней стѣнѣ видна еще брешь, произведенная нами взрывомъ пороха, а направо отъ нея другая брешь, произведенная динамитомъ, который своимъ взрывомъ поселилъ панику среди текинцевъ. Черезъ эту брешь наши войска ворвались въ крѣпость и этимъ-же путемъ впослѣдствіи мы постоянно въѣзжали и выѣзжали изъ крѣпости. При воспламененіи динамита былъ тяжело раненъ текинскими пулями мичманъ Мейеръ, во время приступа раненъ въ голову полковникъ Поповъ, благополучно излечившійся отъ этой раны, а графъ Орловъ-Денисовъ получилъ поврежденіе бедра, отъ котораго онъ умеръ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль. Масса раненыхъ, тысячи труповъ, усѣявшихъ крѣпостныя стѣны, женщины, взятыя въ плѣнъ, и покинутыя дѣти—все это воскресаетъ въ моей памяти. Вотъ и памятникъ, возвышающійся надъ могилою убитыхъ. Много горестнаго припомнилось при видѣ этихъ мѣстъ; мои спутники были также подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о всѣхъ страданіяхъ, трудахъ и опасностяхъ, которые пришлось испытать на этомъ мѣстѣ русскимъ войскамъ.

---

[1]) Кала значитъ фортъ: у насъ были Ольгинская кала, Великокняжеская кала, Мельничная кала, Опорная кала, окружавшія крѣпость Геок-Тепе.

О. Г.

Буфетъ на станціи содержалъ армянинъ, участвовавшій въ походахъ въ качествѣ маркитанта. Мы у него завтракали, сидя въ верандѣ; позади насъ, въ станціонномъ саду, игралъ фонтанъ, цвѣли цвѣты,—нельзя было узнать этого мѣста.

Начальникъ станціи, офицеръ, бывшій въ 1880 г. молоденькимъ юнкеромъ въ отрядѣ Скобелева, привѣтствовалъ меня какъ стараго знакомаго. Мы съ нимъ быстро осмотрѣли окрестности и старались узнать среди этихъ большихъ перемѣнъ гдѣ былъ фронтъ лагеря, гдѣ проходили траншеи, гдѣ находился Ставропольскій редутъ, гдѣ Великокняжеская кала.

Вдругъ онъ прервалъ: „пора садиться въ вагонъ, третій звонокъ". Воспоминанія наши были прерваны, мы пожали другъ другу руки—и машина умчала поѣздъ далѣе.

Исторія всего человѣчества аналогична съ нашею исторіею на этомъ клочкѣ земли, на поляхъ Геокъ-Тепе. Хищническое племя владѣло этою страною, наводя страхъ на всѣ окрестные народы. Земля эта должна была сдѣлаться нашимъ достояніемъ, кровь должна была пролиться для того, чтобы здѣсь были водворены порядокъ и законность, чтобы были проложены рельсы, по которымъ можно было-бы двинуться далѣе на востокъ. Безъ тѣхъ жертвъ, которыя покоятся подъ могильнымъ памятникомъ въ Геокъ-Тепе, не было-бы русско-азіатской желѣзной дороги. Ихъ память почтена не только надписью, высѣченною на этомъ памятникѣ, но и всѣми слѣдами культуры и цивилизаціи, намѣченными въ этой варварской странѣ.

Къ чести Россіи служитъ разница, существующая между настоящимъ и прошедшимъ, весьма лестная и для всякаго участника славнаго похода 1880—1881 гг.

Мои обязанности какъ отряднаго врача привели меня въ соприкосновеніе съ самою печальною стороною похода. Безконечно было поле, усѣянное трупами, безчисленны мертвыя тѣла, усѣявшія землю въ самой крѣпости и внѣ ея стѣнъ, также безчисленны были трупы вѣрныхъ спутниковъ человѣка—лошадей, которыя убитыя и раненыя валялись во рвахъ, заражая воздухъ. Въ этомъ случаѣ на мнѣ лежала суровая обязанность врача и гигіениста. Я не участвовалъ въ движеніи войска на Асхабадъ, не объѣзжалъ военныхъ дорогъ и тыла арміи, но цѣлыхъ два мѣсяца не отлучался изъ Геокъ-Тепе и исполнилъ свое дѣло до конца: похоронилъ или сжегъ тѣла умершихъ, ассенизировалъ рѣки и почву, настоялъ на томъ, чтобы лагерь былъ перенесенъ на другое мѣсто и предохранилъ наше отечество (прежде всего Кавказъ, а затѣмъ, быть можетъ, прие-

гающія губерніи остальной юго-восточной Россіи) отъ тифозной эпидеміи, которая могла быть занесена въ нее войсками, возвращавшимися изъ похода, какъ это случилось послѣ турецкой кампаніи 1877—1878 гг.

По словамъ Марвина, Скобелевъ исчислялъ, въ его присутствіи, число текинцевъ, убитыхъ во время бѣгства и преслѣдованія, въ 16,000. Допуская, что число это было вдвое меньше, все-же получается страшная картина убитыхъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, животныхъ, усѣявшихъ своими трупами тотъ путь, по которому они бѣжали въ пустынѣ; такое огромное количество труповъ должно было неминуемо оказать весьма вредное вліяніе на здоровье войскъ. Въ стѣнахъ крѣпости Геокъ-Тепе мы нашли до 7,000 убитыхъ, почти столько-же труповъ было зарыто около крѣпости, едва засыпанныхъ землею, или подвергалось разложенію въ рѣкахъ. Вотъ на какой почвѣ стоялъ нашъ лагерь, съ семью—восемью тысячами человѣкъ войска; тутъ-же ютилось подъ открытымъ небомъ до 3,000 женщинъ и дѣтей, взятыхъ нами въ плѣнъ или, лучше сказать, оставшихся на нашихъ рукахъ.

13-го января 1881 г., по утру, я явился къ Михаилу Дмитріевичу и подалъ ему рапортъ съ самымъ добрымъ отзывомъ о дѣятельности моихъ коллегъ-докторовъ и подчиненныхъ; генералъ разрѣшилъ мнѣ представить всѣхъ къ наградамъ. Но пока это представленіе составлялось и переписывалось, Скобелевъ уже былъ въ Асхабадѣ и, словомъ, генералъ подписалъ его такъ поздно, что оно прибыло въ Петербургъ 3-го марта 1881 г., т. е. два дня послѣ смерти государя.

13-го января, Михаилъ Дмитріевичъ, въ теченіе нашего разговора, сказалъ мнѣ:

— „Ахъ, какъ я скучаю!“

— Какъ, воскликнулъ я въ изумленіи, вы скучаете на другой день послѣ побѣды? какая-же тому причина?

— „Потому что болѣе нечего дѣлать. Я скучаю, когда пули не свистятъ и когда болѣе не предвидится никакихъ дѣйствій“.

Я тогда-же указалъ на необходимость ассенизаціи и начерталъ планъ необходимыхъ для этой цѣли работъ. Михаилъ Дмитріевичъ изъявилъ на него свое согласіе съ тою быстрою проницательностью, съ какою онъ схватывалъ всякій новый, даже до тѣхъ поръ чуждый ему, вопросъ. Онъ предоставилъ въ мое распоряженіе нѣсколько тысячъ рублей и назначилъ меня предсѣдательствующимъ ассенизаціонной комиссіи, которая была составлена изъ коменданта лагеря, одного

офицера Ставропольскаго полка, одного врача отъ общества „Краснаго Креста", одного фармацевта и одного переводчика.

Когда войско двинулось 18-го января 1881 г. въ Асхабадъ, то офицеръ и докторъ отправились вмѣстѣ съ нимъ; нѣсколько дней спустя, туда-же былъ откомандированъ переводчикъ, старый кавказецъ, и такъ какъ комендантъ былъ заваленъ другими занятіями, то я остался, въ сущности, единственнымъ представителемъ комиссіи. Впослѣдствіи я взялъ себѣ въ помощники военнаго доктора, въ которомъ я встрѣтилъ усерднаго и знающаго сотрудника. Вмѣстѣ съ нимъ я обратился къ медицинскому инспектору въ Тифлисъ съ просьбою о присылкѣ дезинфекціонныхъ средствъ, такъ какъ весь запасъ, заготовленный мною съ этою цѣлью въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1880 г., оказался весьма незначительнымъ въ сравненіи съ ужасающею потребностью. Изъ Тифлиса немедленно были посланы большіе запасы, доставленные намъ со всевозможною поспѣшностью, но такъ какъ желѣзная дорога доходила только до Айдина, то дезинфекціонныя средства получены были лишь по прошествіи 5 недѣль. Тѣмъ временемъ приходилось какъ-нибудь изворачиваться. Я отправилъ нѣсколько посланцевъ въ Персію закупить сѣры и извести.

Генералъ Скобелевъ не нашелъ возможнымъ дать солдатъ для этой работы; оставалось нанимать рабочихъ, а такъ какъ въ степи не было иныхъ работниковъ, кромѣ бывшихъ въ плѣну у текинцевъ и нами освобожденныхъ персовъ, то я и обратился къ нимъ (многимъ изъ нихъ, по моему личному приказанію, были перепилены ножныя оковы). Персы оказались, однако, плохими работниками. Они вырывали ямы такъ неглубоко и засыпали трупы столь тонкимъ слоемъ земли, что намъ пришлось большинство изъ нихъ закапывать вновь, на этотъ разъ болѣе глубоко. Между тѣмъ, пока мы надсматривали за одними рабочими, другіе приняли участіе въ грабежѣ, снимали иной разъ съ труповъ одежду, причемъ въ оправданіе своихъ поступковъ говорили: „текинцы много лѣтъ грабили насъ, теперь нашъ чередъ вернуть то, что намъ принадлежитъ".

Если кому-либо изъ нихъ удавалось стянуть пару ковровъ, халатъ или оружіе, то онъ исчезалъ ночью и бѣжалъ съ добычею домой. По прошествіи восьми дней, у насъ не осталось ни одного рабочаго. Наконецъ, мнѣ была дана въ распоряженіе, временно, небольшая команда пѣхоты и казаковъ. Послѣднихъ я заставилъ осмотрѣть и очистить рѣчки, изъ которыхъ мы брали воду для питья и варки кушанья. Въ чертѣ лагеря изъ этихъ ручейковъ было вытащено и предано землѣ 32 трупа. По прошествіи нѣкотораго вре-

мени, текинцы начали возвращаться въ свои аулы и нанимались къ намъ въ работники. Но, несмотря на хорошую плату, они исполняли это дѣло неохотно, смотрѣли на него какъ на барщину и каждая группа въ четыреста—пятьсотъ человѣкъ, проработавъ нѣсколько дней и пріучившись къ порядку, непремѣнно являлась къ намъ съ просьбою освободить ее и вызвать рабочихъ изъ другихъ ауловъ. Вслѣдствіе постоянной смѣны рабочихъ, безъ того сложное и трудное дѣло ассенизаціи становилось еще болѣе затруднительнымъ; при этомъ только часть текинцевъ являлась со своими лопатами; персы и наши солдаты таковыхъ не имѣли, поэтому я получалъ каждое утро лопаты, заступы, кирки отъ саперной команды и долженъ былъ сдавать ихъ вечеромъ обратно. Когда-же саперы сами выходили на работу, то мнѣ выдавали лишь половину или четверть нужныхъ мнѣ лопатъ и кирокъ. Въ такіе дни работа подвигалась у насъ медленно. По вечерамъ рабочіе сходились на площадку передъ моею кибиткою, усаживались на землю полукругомъ и клали передъ собою инструменты, которые отъ нихъ отбирались и сдавались по принадлежности. Тогда-же имъ выдавались заработанныя деньги. Азіаты не брали нашихъ бумажекъ, поэтому мнѣ приходилось каждый вечеръ имѣть наготовѣ отъ ста до двухсотъ рублей звонкою монетою. Вначалѣ меня снабжало ею отрядное казначейство, но затѣмъ кассиръ заявилъ, что я одинъ потребляю весь запасъ серебра и что они не могутъ выдавать его въ такомъ количествѣ. Тогда я сталъ посылать каждое утро своего денщика и одного писаря, фельдшера или унтеръ-офицера на базаръ и въ лагерь, чтобы они намѣняли требуемую сумму русскою или персидскою серебряною монетою. Они бывали въ отсутствіи всегда по нѣсколько часовъ, а иногда и цѣлыми днями. Вечеромъ, нѣсколько человѣкъ насъ раздавало сидѣвшимъ въ кругу рабочимъ ихъ дневной заработокъ серебряною монетою, причемъ отъ нихъ требовалась квитанція въ полученіи денегъ. Иногда между ними оказывался грамотный, который и писалъ квитанцію отъ имени всѣхъ на татарскомъ или на персидскомъ языкѣ; иногда надо было искать писца на базарѣ. Квитанція препровождалась немедленно въ управленіе коменданта лагеря, гдѣ она переводилась на русскій языкъ и скрѣплялась подписью коменданта и приложеніемъ казенной печати. Безъ исполненія этой процедуры контроль не признавалъ израсходованною мною суммы законною; если у меня не хватало серебряной монеты, то рабочіе не являлись на слѣдующій день. Такимъ образомъ, я былъ связанъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока происходили ассенизаціонныя работы, и не могъ отлучиться ни на одинъ день.

Рабочіе исполняли свое дѣло какъ слѣдуетъ только тогда, когда за ними былъ строгій надзоръ. Я ѣздилъ изъ лагеря въ крѣпость рано утромъ и послѣ полудня и проводилъ ежедневно часовъ семь или восемь, наблюдая за этою ужасною работою. Мало помалу у меня выработалась цѣлесообразная метода. Вначалѣ дѣло это было для меня совершенно незнакомое. Все то, что мнѣ пришлось видѣть и примѣнять на дѣлѣ во время франко-прусской войны, не могло служить образцомъ здѣсь, въ Азіи. Тамъ мы имѣли въ достаточномъ количествѣ, даже въ изобиліи, перевозочныя средства, всѣ нужные инструменты, дезинфекціонныя средства и рабочихъ. Сосѣднія государства, въ особенности Бельгія, выслали намъ на помощь нѣсколько колоннъ своихъ собственныхъ могильщиковъ, которые привезли съ собою повозки, дезинфекціонныя средства и всевозможныя принадлежности. Всего этого не было теперь въ нашемъ распоряженіи. Дезинфекціонныхъ средствъ, закупленныхъ, по моему распоряженію, въ Баку, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1880 г., не хватило для огромнаго и непредвидѣннаго количества человѣческихъ и животныхъ труповъ, которые лежали незарытыми или были зарыты слишкомъ поверхностно, и для той массы грязи, которая накопилась въ крѣпости Геокъ-Тепе отъ пребыванія въ ней во время осады этой крѣпости 35,000 человѣкъ съ ихъ стадами. Я разсчитывалъ быстро достигнуть своей цѣли при помощи огня, но былъ знакомъ лишь съ устройствомъ герметическихъ печей, употребляемыхъ для сожиганія за-границею, и не зналъ, какъ производится сжиганіе труповъ на открытомъ воздухѣ. 14-го января 1881 г., въ присутствіи цѣлой комиссіи, мы сложили первый костеръ, положили на него до десяти труповъ и подожгли его. Пламя взвилось высоко, дерево быстро сгорѣло, но трупы были только до нѣкоторой степени обуглены. На костеръ былъ, между прочимъ, положенъ одинъ текинецъ въ полномъ одѣяніи; когда подпорки рушились, онъ чуть не вывалился изъ огня.

Въ ту минуту, какъ я толкнулъ этотъ трупъ обратно въ пламя съ помощью длиннаго шеста, патроны, бывшіе у него за поясомъ, воспламенились; сотрясеніе воздуха отбросило меня аршина на три отъ этого мѣста; вокругъ меня засвистали пули, но я остался невредимъ на этотъ разъ, точно также какъ и во все время похода. Этотъ способъ сожиганія требовалъ слишкомъ много дровъ, которыхъ у насъ было весьма мало, и не разрушалъ окончательно человѣческихъ труповъ, большіе-же трупы животныхъ оставались совсѣмъ нетронутыми. Впослѣдствіи я изыскалъ другой, вполнѣ цѣлесообразный, способъ, который и предлагаю примѣнять во всѣхъ

походахъ. Въ одномъ изъ рвовъ, коихъ было много въ крѣпости, я приказалъ сложить другъ на друга два и отнюдь не болѣе четырехъ труповъ, и завалить ихъ всевозможными вещами, подлежавшими истребленію, соломою, навозомъ, домашнею утварью, прутьями, тряпками, а подъ ними оставить каналъ для притока воздуха. Все это прикрывалось войлокомъ со всѣхъ зараженныхъ кибитокъ, которыя я также долженъ былъ истребить. Такую кучу, устроенную на подобіе обыкновенныхъ угольныхъ ямъ, мы поджигали съ вечера и уходили. Огонь тлѣлъ подъ войлочнымъ покровомъ цѣлую ночь и на утро мы находили только обуглившіеся комки въ грудѣ золы. Огромное преимущество этого способа сжиганія заключалось въ отсутствіи того нестерпимаго запаха жаренаго мяса, который при открытомъ огнѣ былъ неустранимъ. Такимъ способомъ я ежедневно сжигалъ по нѣсколько труповъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Но для массы мертвыхъ тѣлъ, лежавшихъ незарытыми слѣдовало придумать что-нибудь иное. Глинистая почва была слишкомъ тверда, наши инструменты слишкомъ для нея слабы, а рабочіе черезъ чуръ неумѣлые. Могилы вырывались не довольно глубокія, а сжиганіе труповъ по нѣсколько въ день занимало много времени, въ этомъ случаѣ надобно было придумать что-либо иное. Поэтому мы запрудили воду въ одномъ изъ каналовъ, окружавшихъ Геокъ-Тепе, и, осушивъ его, получили такимъ образомъ глубокую и широкую яму, которая могла служить обширною общею могилою. Половину ея мы наполнили человѣческими трупами, а въ другую половину стащили трупы вереблюдовъ. Нерѣдко приходилось 20-ти и даже 30-ти человѣкамъ приложить свои силы къ такому исполинскому животному, чтобы стащить его съ мѣста. Дабы имѣть достаточно земли для засыпки этой громадной могилы, я испросилъ у Скобелева разрѣшеніе разрушить верхній этажъ глиняныхъ стѣнъ Геокъ-Тепе. Итакъ, стѣны знаменитой текинской крѣпости были разрушены частью для санитарныхъ цѣлей; вотъ причина, вслѣдствіе которой онѣ кажутся теперь столь незначительными. Я самъ направилъ на нихъ первый ударъ лома. Не зная тогда ни одного азіатскаго языка, мнѣ приходилось постоянно объяснять всякое дѣло, лично прилагая къ нему руки. Я поставилъ, напримѣръ, на верхней стѣнѣ около сотни рабочихъ, другую сотню на средней террасѣ и третью на землѣ, между тѣмъ какъ остальные рабочіе были заняты въ другомъ мѣстѣ. Верхнимъ ста рабочимъ я показалъ собственноручно какъ разбивать стѣну и бросать землю на среднюю террасу, затѣмъ я спустился ко второму ряду рабочихъ, схватилъ лопатку передняго изъ нихъ и откинулъ

землю далѣе къ тому мѣсту, гдѣ стояла третья сотня. Сойдя къ ней, я взялъ снова въ руку лопату и бросилъ нѣсколько комовъ земли на трупы, лежавшіе въ ямѣ, затѣмъ спросилъ рабочихъ: поняли-ли они меня? Громкое алла или ура было мнѣ отвѣтомъ и въ полъ-дня значительная часть стѣны была разрушена и обширная могила съ ея печальнымъ содержимымъ наполовину засыпана землею. Этотъ способъ далъ въ теченіе недѣли бо́льшіе и лучшіе результаты, нежели сжиганіе труповъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Когда Скобелевъ возвратился изъ Асхабада, то, объѣзжая съ нимъ крѣпость, я могъ показать ему, что въ стѣнахъ ея не было болѣе труповъ.

На площадкѣ самой высокой стѣны я нашелъ пять убитыхъ воиновъ, въ сидячемъ и лежачемъ положеніи, вокругъ недоконченнаго обѣда. Посреди нихъ стоялъ еще треножникъ на угольяхъ, а на немъ желѣзная сковорода съ кашею; одинъ изъ убитыхъ стоялъ возлѣ него на колѣняхъ, прислонившись къ стѣнѣ, другой упалъ прямо на лицо, третій лежалъ, вытянувшись на спинѣ. Граната застигла ихъ во время ѣды и всѣхъ уложила на мѣстѣ. Никто изъ текинцевъ не позаботился во время осадъ и канонадъ похоронить этихъ несчастныхъ; я нашелъ ихъ въ этомъ положеніи и приказалъ снести полуразложившіеся ихъ трупы внизъ и сжечь ихъ въ одеждѣ и съ вооруженіемъ.

Между прочимъ, были и такіе случаи: внутри крѣпости, на открытой равнинѣ, на всемъ пространствѣ, доступномъ взору, не было ничего видно, и, однако, сильный трупный запахъ обнаруживалъ присутствіе вблизи мертваго тѣла. Наконецъ, мы открыли чрезъ маленькое отверстіе въ землѣ, что въ одной саклѣ, входъ въ которую былъ заваленъ, лежалъ непогребенный одинъ или нѣсколько труповъ.

Работы, казалось, близились уже къ концу, когда я посѣтилъ отдѣльно стоявшій фортъ на западной сторонѣ внѣ крѣпостныхъ стѣнъ. Я нашелъ все внутреннее пространство этого форта наполненнымъ трупами людей, лошадей и коровъ, лежавшихъ на соломѣ и навозѣ. Этотъ фортъ былъ атакованъ 12-го января 1881 года утромъ, съ внѣшней стороны, третьею штурмовою колонною, подъ командою подполковника Гайдарова. Бо́льшая часть гарнизона успѣла спастись, перелѣзши черезъ стѣны, но животные были заперты въ немъ, такъ какъ доступъ въ фортъ находился съ внѣшней стороны. Поэтому текинцы перерѣзали своимъ чуднымъ скакунамъ горло, чтобы они не достались въ руки непріятеля, но они

такъ спѣшили, что не имѣли времени снять съ лошадей сѣделъ и серебряной сбруи. Такимъ образомъ, мы не поживились ни одною порядочною лошадью,—текинцы или увели ихъ вмѣстѣ съ собою, или сами убили ихъ на мѣстѣ.

Этотъ фортъ представлялъ ужасное зрѣлище. Я приказалъ сжечь всю его внутренность, а затѣмъ мы разломали одну стѣну и засыпали этою землею все то, что не было уничтожено пламенемъ. Нашъ лагерь былъ также усѣянъ только-что зарытыми трупами. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы часто ходили или ѣздили, изъ земли высовывались черепа и нерѣдко чья-нибудь палатка стояла надъ свѣжею могилою, въ которой трупъ былъ засыпанъ самымъ тонкимъ слоемъ земли.

При работахъ въ крѣпости намъ мѣшали, между прочимъ, безчисленныя собаки текинцевъ. Онѣ были двухъ породъ: знаменитыя, красивыя борзыя и большія, сильныя дворовыя собаки. Собаки днемъ обыкновенно убѣгали отъ насъ, но по ночамъ возвращались въ крѣпость, вырывали своихъ хозяевъ изъ земли, ложились возлѣ нихъ и караулили ихъ.

III.

Вслѣдствіе ассенизаціонныхъ работъ, мнѣ пришлось быть вдали отъ раненыхъ и отказаться на время отъ моей спеціальности—хирургіи. Только рано утромъ, принявъ холодную душу и перемѣнивъ ту одежду, въ которой былъ на ассенизаціонныхъ работахъ, я посѣщалъ раненыхъ и справлялся объ ихъ здоровьи. Полковникъ Ципринскій, нынѣшній комендантъ Пятигорска, получилъ во время штурма незначительную, повидимому, пулевую рану въ плечо, но съ пораженіемъ главнаго нерва, причемъ рука его оказалась парализована. Понятно, что онъ былъ крайне огорченъ этимъ и я выслушивалъ каждое утро его горькое сѣтованье на судьбу; зато князь Андрониковъ встрѣчалъ меня всегда съ одинаково любезною улыбкою. Ему раздробила пуля кости предплечья; онъ страдалъ сильно и долго, но отдѣлался отъ своей раны благополучнѣе, нежели Ципринскій. Они служили оба въ Ставропольскомъ полку. Моряки Шемамъ и Майеръ, также тяжело раненые, переносившіе свои страданія мужественно, оба принадлежали къ Кронштадской морской батареи. Полковникъ Апшеронскаго полка Поповъ былъ раненъ при штурмѣ въ голову и получилъ сотрясеніе мозга. Жизнь его внушала намъ долгое

время серьезныя опасенія, однако, онъ выздоровѣлъ и посѣтилъ меня впослѣдствіи въ Пятигорскѣ совершенно здоровый и цвѣтущій, съ живѣйшею благодарностью вспоминая о нашихъ заботахъ о немъ. Онъ не позабылъ того, какъ я нашелъ его вечеромъ, въ день штурма, облитаго кровью, перевязалъ рану, обчистилъ и переодѣлъ его. При этой перевязкѣ помогала мнѣ сестра милосердія Стрякова, всѣми глубоко уважаемая, весьма дѣльная женщина. При пользованіи Шемама я примѣнилъ съ успѣхомъ чисто консервативный способъ леченія подъ струпъ.

Въ общемъ, пребываніе на мѣстности, покрытой трупами, было неблагопріятно для исхода леченія ранъ. Весьма опасно было также появленіе во всѣхъ палаткахъ и кибиткахъ захваченныхъ у непріятелей вещей, въ особенности ковровъ и халатовъ, которые находились, можетъ быть, по нѣсколько недѣль въ соприкосновеніи съ трупами.

Трехдневное разграбленіе Геокъ-Тепе было такою мѣрою, которая въ нравственномъ и физическомъ отношеніи принесла побѣдителю не менѣе вреда, нежели побѣжденному. Она распространила среди насъ въ первые-же дни сыпной или, такъ называемый, военный тифъ. Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать устраненію заразы и грязи, солдаты, принимавшіе участіе въ разграбленіи, перерыли всѣ уголки, такъ какъ нѣкоторымъ изъ нихъ удалось найти спрятанные или зарытые горшки съ серебряною монетою, что и возбудило алчность прочихъ. Единственное что мнѣ оставалось дѣлать, было то, что я не позволилъ никому, изъ находившихся со мною въ непосредственныхъ сношеніяхъ по службѣ или изъ подчиненныхъ мнѣ, принять участіе въ разграбленіи, и не скрывалъ моего негодованія по этому поводу отъ генерала.

— „Вы этого не понимаете, любезный докторъ, это особенность азіатской войны“, сказалъ на это Михаилъ Дмитріевичъ.

— Она кажется мнѣ черезчуръ азіатскою. Единственнымъ оправданіемъ нашего появленія въ этой странѣ и того, что мы внесли сюда войну, служитъ распространеніе европейской цивилизаціи; въ такомъ случаѣ, мы не должны, кажется, поступать хуже, нежели сами азіатцы.

— „Вотъ этого-то именно вы и не можете вполнѣ понять, такъ какъ вы не жили въ Азіи. Если-бы я не разрѣшилъ разграбленія Геокъ-Тепе, то азіатцы не считали-бы себя побѣжденными. Разрушеніе и разграбленіе должны сопровождать побѣду, иначе они не будутъ считать ее побѣдою“.

Я долженъ сознаться, что теперь, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, благодаря пріобрѣтенной опытности и знакомству съ азіатскою жизнію, мнѣ понятнѣе аргументація Скобелева въ этомъ отношеніи, но въ то время онъ не могъ убѣдить меня.

Кромѣ поистинѣ ужасныхъ и крайне противныхъ ассенизаціонныхъ работъ, въ то время приходилось переносить вообще много непріятнаго и тяжелаго. Эвакуація раненыхъ шла, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, какъ-то: дурныхъ дорогъ, недостаточныхъ перевозочныхъ средствъ и т. п., весьма медленно, а я считалъ пребываніе въ Геокъ-Тепе раненыхъ опаснымъ для ихъ жизни, и тогда же предложилъ Михаилу Дмитріевичу перенести нашъ лагерь выше по теченію рѣкъ, на здоровую почву, что было разрѣшено мнѣ впослѣдствіи, въ началѣ марта 1881 г. Но въ первый разъ слова мои привели Скобелева въ совершенную ярость и онъ воскликнулъ:

— „Какъ, вы рѣшаетесь предложить мнѣ подобную вещь, вы, участвовавшій въ столькихъ войнахъ. Я долженъ, видите-ли, оставить Геокъ-Тепе, этотъ символъ побѣды, изъ за однихъ только санитарныхъ соображеній. Никогда!“

— Я не говорю о томъ, чтобы оставить его, мы отодвинемъ только лагерь нѣсколько верстъ ближе къ Копетъ-Дагу, гдѣ въ рѣкахъ нѣтъ труповъ, гдѣ земля не переполнена убитыми, подальше отъ ужасной, смертоносной атмосферы этой крѣпости; здѣсь можетъ оставаться усиленный караулъ, который смѣняется черезъ день или ежедневно; мы будемъ являться каждое утро съ рабочими, а вечеромъ будемъ возвращаться назадъ. Но госпиталь слѣдуетъ удалить отсюда, точно также какъ войска и нашихъ офицеровъ; вамъ самимъ не слѣдуетъ жить на этой зараженной почвѣ.

— „Примите иныя мѣры противъ тифа, но мы должны пробыть еще нѣкоторое время на мѣстѣ побѣды, на завоеванномъ полѣ битвы“.

Точно также нельзя было добиться вначалѣ строгаго исполненія приказанія не держать въ палаткахъ текинской одежды и ковровъ и наблюдать извѣстную скромность на счетъ питанія. Солдаты съ наслажденіемъ предавались давно неизвѣданному удовольствію полакомиться обильною пищею. Двое изъ нихъ съѣли въ одинъ день цѣлаго барана. Другіе пекли цѣлыми днями пышки изъ найденныхъ запасовъ муки и жира и, обременяя желудокъ, тѣмъ самымъ подготовляли благопріятную почву для тифа. Первымъ заболѣлъ тотъ баталіонъ Апшеронскаго полка, который первый вступилъ въ караулъ въ крѣпость, за нимъ заболѣла часть Дагестанскаго полка. Въ первый день было 30 заболѣваній, во второй 40, на третій 50. Я уединилъ тифозныхъ больныхъ отъ раненыхъ; они не только лежали въ совершенно отдѣльныхъ палаткахъ, но и санитарному персоналу не было дозволено сообщаться между собою. Военно-временный госпиталь № 4 былъ переведенъ изъ Самурска

въ Геокъ-Тепе; палатки дезинфецированы и ежедневно обкуривались карболкою.

Скобелевъ подтрунивалъ надо мною за то, что я потребовалъ, между прочими дезинфекціонными средствами, карболоваго мыла.

— Не желаете-ли вы выписать одеколону и туалетнаго уксуса? спросилъ онъ меня шутя.

— Почему-же нѣтъ, если бы это было возможно? возразилъ я. Во время франко-прусской войны, когда я былъ главнымъ врачемъ въ Нейвидѣ, мнѣ прислали изъ Кёльна такъ много одеколона, что я дѣйствительно могъ употреблять его для больныхъ. Когда я путешествовалъ впослѣдствіи по Швеціи, то король шведскій спросилъ меня:—„правда-ли, что у меня въ госпиталяхъ дамы натирали больныхъ и раненыхъ одеколономъ? Дѣло было такъ. Сотни раненыхъ, по большей части французовъ, которые, по сдачѣ Меца, прибыли изъ тамошнихъ госпиталей, не были перевязываемы, какъ оказалось, по нѣсколько дней, иногда даже по нѣсколько недѣль. Они были покрыты запекшеюся кровью, присохшимъ гноемъ и липкимъ пластыремъ. Весь санитарный персоналъ Нейвида: врачи, сестры милосердія и члены дамскаго кружка, цѣлые три дня были заняты отчисткою этихъ несчастныхъ: приготовляли для нихъ ванны, перевязывали и переодѣвали ихъ. По этому случаю я пустилъ въ ходъ мой запасъ одеколона и, соединяя пріятное съ полезнымъ, посовѣтовалъ намачивать въ него вату и оттирать ею пластырь и т. п.

Скобелевъ посмѣялся надъ моимъ разсказомъ, найдя, что съ моей стороны было весьма любезно облегчить дамамъ ихъ тяжелую работу благоуханіемъ.

— Я вижу, что вы избаловались въ школѣ европейской войны. Вы предъявляете слишкомъ большія требованія. Я считаю ложною всю современную систему черезъ чуръ большаго нѣжничанья съ ранеными солдатами [1]). Но какимъ образомъ король шведскій могъ узнать этотъ маленькій анекдотъ?

— Нашъ госпиталь въ Нейвидѣ считался образцовымъ и былъ извѣстенъ русскими шатрами, присланными императрицею Маріею Александровною; шатры эти я снабдилъ къ зимѣ печами и окнами. Изъ Америки, Россіи и Германіи пріѣзжали врачи осматривать это заведеніе, между ними было 4 доктора изъ Швеціи, командированныхъ правительствомъ на мѣсто военныхъ дѣйствій. Они находились у насъ, въ Нейвидѣ, въ то время, когда были привезены

[1]) Приблизительно то-же самое говорилъ императоръ Вильгельмъ I, когда онъ принималъ въ Берлинѣ депутата санитарнаго конгресса.

О. Г.

раненые изъ Меца. Кромѣ того, предсѣдательницею женскаго кружка и владѣтельницею Нейвида была принцесса Видская, сестра королевы шведской и мать королевы румынской. Она принимала постоянно участіе въ уходѣ за больными. Если я не ошибаюсь, то принцесса сама была свидѣтельницею наводненія „госпиталя одеколономъ".

Тифъ добрался, мало по малу, до врачей, офицеровъ и ординарцевъ генерала Скобелева. Наконецъ, 27-го февраля 1881 года, Михаилъ Дмитріевичъ, прощаясь со мною на персидской территоріи, сказалъ мнѣ:

— „Передайте начальнику штаба полковнику Гродекову, чтобы лагерь былъ перенесенъ на новую территорію, и возьмите на себя выборъ наиболѣе удобнаго для него мѣста".

Въ началѣ марта 1881 г. мы переселились на здоровую почву, и эпидемія прекратилась.

Между мною и Скобелевымъ возникали разногласія и по поводу другихъ санитарныхъ мѣропріятій. Когда вопросъ о дислокаціи и распущеніи войска былъ рѣшенъ, то Михаилъ Дмитріевичъ заявилъ мнѣ:

— „Я отправлю прямо на тотъ берегъ зараженные баталіоны Апшеронскаго, Дагестанскаго, Самурскаго и Ширванскаго полковъ, которые находятся уже такъ долго на этомъ берегу".

— Мы не имѣемъ права этого сдѣлать, ваше пр—во, мы рисковали-бы этимъ заразить Кавказскую армію и, быть можетъ, занести тифъ въ населеніе края. Мы не смѣемъ повторить ошибку, сдѣланную послѣ турецкой войны, вслѣдствіе которой войска, возвращавшіяся съ театра военныхъ дѣйствій, распространили тифъ по всей Россіи. Почемъ знать, можетъ быть ветлянская чума была не что иное, какъ самая тяжелая форма сыпнаго тифа?

— „Ваше дѣло, сказалъ командующій, только заботиться о здоровьи ввѣренныхъ мнѣ войскъ. На то вы и отрядный врачъ; вѣдь мы согласны съ вами относительно дислокаціи въ принципѣ".

— Михаилъ Дмитріевичъ, не сердитесь, если я не соглашаюсь съ вами. Мы можемъ совершить дислокацію инымъ способомъ, не отправляя войска немедленно на тотъ берегъ. Мы можемъ дать заразѣ развиться здѣсь, дать войскамъ переболѣть во время ихъ медленнаго передвиженія на родину. Мы имѣемъ на обѣихъ военныхъ дорогахъ достаточно госпиталей для пріема больныхъ. Баталіоны должны быть еще дезинфецированы и надобно дать властямъ на томъ берегу время принять съ своей стороны необходимыя мѣры предосторожности.

Скобелевъ не хотѣлъ уступить. Я не могъ уступить. Мы разстались, не придя къ соглашенію, и генералъ былъ сердитъ на меня. Полчаса спустя, онъ прислалъ за мною ординарца Д.

— Voyons, docteur, il faut pourtant trouver le moyen de nous entendre. Присядьте и изложите мнѣ письменно вашъ планъ и ваши доводы, противорѣчащіе моему намѣренію.

Такъ и было. Прочтя написанное мною, генералъ сказалъ по нѣмецки:

— Превосходно; вотъ это я понимаю. Теперь отправимте одинакаго содержанія телеграммы, подобно тому, какъ дипломаты пишутъ одинакія ноты, я—великому князю главнокомандующему, а вы—медицинскому инспектору; тогда на томъ берегу могутъ быть приняты необходимыя мѣры предосторожности, а мы двинемъ тѣмъ временемъ войска медленно къ морю.

Войска, подлежавшія отправленію на тотъ берегъ, были двинуты по Атрекской и Михайловской дорогамъ къ приморскимъ пунктамъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились госпитали или лазареты, они имѣли 2—3 дневную дневку, какъ-то: въ Дурунѣ, Бами, Ходжамъ-Калѣ, Чикишлярѣ и на Михайловской дорогѣ въ Кизиль-Арватѣ, Айдинѣ, Михайловскѣ и Красноводскѣ. Больные поступали тутъ въ госпитали, выздоравливающіе выписывались и присоединялись къ войску. Я объѣзжалъ въ это время обѣ дороги и контролировалъ выполненіе этой мѣры. На берегу моря, въ Чикишлярѣ и Михайловскѣ, были устроены дезинфекціонныя камеры и бани. Солдаты должны были сжигать всѣ старыя тряпки и мундиры, раздѣваться до-нага и вымыться въ банѣ. Тѣмъ временемъ ихъ вещи дезинфецировались въ сѣрныхъ парахъ и, по выходѣ изъ бани, имъ выдавались на другой сторонѣ свѣжее бѣлье и дезинфекцированная ихъ одежда. Для перевозки солдатъ были наняты особыя суда, на которыхъ пассажировъ и товаръ не перевозили. Когда войска достигали берега моря послѣ 3—4-хъ-недѣльнаго перехода по степямъ Закаспійской области, къ нимъ успѣли уже присоединиться не мало выздоровѣвшихъ отъ тифа, а въ самомъ батальонѣ не осталось болѣе людей зараженныхъ. Они справились съ болѣзнью на пройденной территоріи, такъ сказать, на вольномъ воздухѣ. Среди нашихъ войскъ, когда они прибыли на другой берегъ, не было уже ни одного случая заболѣванія сыпнымъ тифомъ, точно также мы не занесли болѣзни ни въ Кавказскую армію, ни въ среду туземнаго населенія края. Я считаю этотъ фактъ торжествомъ гигіены и смотрю на него, какъ на награду за все тяжелое и трудное, что довелось перенести.

Скобелевъ былъ слишкомъ уменъ, развитъ и хорошо образованъ, а потому быстро понялъ правильность моихъ медицинскихъ и гигіеническихъ мѣропріятій и, въ концѣ концовъ, изъявилъ на нихъ свое согласіе.

Но тотъ фактъ, что для примѣненія ихъ мнѣ часто приходилось вначалѣ выдерживать борьбу, изъясняется тѣмъ, что, 7 — 8 лѣтъ тому назадъ, принципы гигіены, ихъ важность для народнаго здоровья еще не такъ вошли въ общее сознаніе, какъ теперь. Съ другой стороны, мое противорѣчіе командующему войсками принималось военными какъ нарушеніе дисциплины. Эти столкновенія между медицинскими требованіями съ одной стороны и военною дисциплиною съ другой — всегда существовали и до извѣстной степени всегда будутъ. Но я надѣюсь, что важность предупредительныхъ гигіеническихъ мѣръ будетъ болѣе и болѣе признаваема какъ обществомъ, такъ и военною администраціею.

Изъ восточной войны припоминаю подобный-же случай, гдѣ мое заступничество за раненыхъ и больныхъ едва не вызвало столкновенія съ военнымъ начальникомъ, генераломъ Тергукасовымъ, бывшимъ старшимъ по лѣтамъ Михаила Дмитріевича Скобелева и болѣе его опытнымъ. Тергукасовъ принялъ дѣло иначе и далъ ему другой оборотъ.

Лѣтомъ 1877 года, по личному приказанію е. и. высочества великаго князя главнокомандующаго, я отправился изъ Александрополя въ Эривань и въ Игдиръ, въ качествѣ полеваго хирурга, и исполнялъ операціи, особенно резекціи на раненыхъ. Когда командиръ Эриванскаго отряда, генералъ Тергукасовъ, посѣтилъ госпиталь и, собравъ медицинскій персоналъ, объявилъ, что раненые и больные должны быть эвакуированы въ Эривань въ теченіе сутокъ и что для этой цѣли извѣстное число арбъ будетъ въ распоряженіи врачей къ слѣдующему утру, въ 4 часа,—я вступился за вновь резекціонныхъ, исцѣленіе которыхъ вполнѣ зависитъ отъ спокойствія и недвижимости, и просилъ для нихъ исключенія. Помню, что у меня въ разговорѣ проскользнуло слово: „я не позволю ихъ тащить на арбахъ“.

Тергукасовъ посмотрѣлъ на меня весьма серьезно, почти строго, но потомъ спросилъ:

— А если я ихъ велю на рукахъ нести въ носилкахъ, это вы позволите?

Такъ и было сдѣлано. Резекціонныхъ я опять встрѣтилъ въ Эривани; переноску на рукахъ они вынесли хорошо.

IV.

Тяжелое было время, пережитое нами въ Геокъ-Тепе. Не легко было перенести пребываніе среди скучной, пустынной равнины, быть оторваннымъ отъ культурнаго міра, отъ семьи, общества музыки, литературы и науки. Вся библіотека заключалась въ XIII-мъ томѣ свода законовъ. Всякая книга была такимъ сокровищемъ, что я помню малѣйшія подробности, при которыхъ я получилъ ту или другую книгу или кто именно затерялъ мнѣ какое-нибудь сочиненіе.

Моя семья выслала мнѣ „Les rois en exil", Доде, книгу, которая тогда только-что вышла. Она перешла отъ меня къ Михаилу Дмитріевичу, а отъ него попала въ другія руки и такъ обошла весь лагерь; обратно я получилъ книгу отъ полковника Куропаткина. У покойнаго NN. находилось „Путешествіе Вамбери по Средней Азіи"; особенно интересно было прочесть эту книгу на мѣстѣ; онъ одолжилъ намъ ее всѣмъ поочереди. Я получалъ во все время похода медицинскую и политическую газету весьма аккуратно, т. е. съ каждою почтою, а это случалось разъ, а впослѣдствіи два раза въ недѣлю. Какъ только приходила полевая почта, въ мою палатку являлись гости.

„Почта пришла", говорилъ одинъ.

„Получили вы уже газету?" освѣдомлялся другой.

Третій являлся одновременно съ почталіономъ. Офицеры, врачи, фармацевты наполняли мою маленькую юламейку; пока я проглатывалъ письма, они читали газеты; двое просматривали главный листъ, третій — прибавленіе. Телеграммы читались вслухъ. Но газету никто не смѣлъ брать съ собою, такъ какъ поздно вечеромъ или ночью Скобелевъ присылалъ ординарца или кого другаго съ просьбою одолжить ему газету. Я отмѣчалъ для него болѣе важныя статьи.

Я почти одинъ во всемъ отрядѣ получалъ газеты и письма такъ аккуратно, и это стоило мнѣ много денегъ, хлопотъ и не мало заботъ, но зато я не оставался безъ извѣстій изъ дома и изъ Европы. Всякій разъ, какъ мы мѣняли мѣсто стоянки, я оставлялъ на почтѣ письменное заявленіе, съ просьбою пересылать мнѣ письма и газеты въ новое наше мѣстопребываніе; въ то-же время я сообщалъ по телеграфу эту просьбу и мой новый адресъ въ Бакинскій почтамтъ, въ Петербургъ, въ редакціи газетъ и моему семейству. Скобелевъ-же выписывалъ 15 журналовъ и газетъ, на русскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, и французскомъ языкахъ, между

прочимъ, разныя спеціальныя и политическія газеты, но они высылались вначалѣ въ Красноводскъ и адресъ этотъ не измѣнялся въ теченіе цѣлыхъ десяти мѣсяцевъ. Когда мы прибыли, по окончаніи похода въ Красноводскъ, Михаилъ Дмитріевичъ привелъ меня въ залу, у стѣнъ которой были наложены цѣлыя груды его журналовъ.

— „Предлагаю вамъ вознаградить себя за ваши газеты. Вы можете теперь получить все это“, сказалъ онъ, улыбаясь.

V.

Во время нашего пребыванія въ Геокъ-Тепе, случилось еще нѣсколько интересныхъ эпизодовъ.

Вскорѣ послѣ умиротворенія Ахалскаго оазиса, Скобелевъ пришелъ однажды ко мнѣ, сіяющій, съ письмомъ въ рукахъ, и сказалъ:

— Вотъ первый политическій результатъ нашей побѣды! Персидскій шахъ отправилъ посланцевъ, чтобы привѣтствовать насъ. Меня спрашиваютъ письменно, приму-ли я посольство. Разумѣется, приму. Пусть только пріѣдетъ!

Онъ отправилъ джигита съ пригласительнымъ письмомъ къ персидскому послу, Шуджаудъ-Дауле-хану, дядѣ шаха и губернатору Киджана, который былъ уже въ пути съ большою свитою.

Въ лагерѣ начались приготовленія. Въ чертѣ нашей стоянки былъ отдѣленъ четыреугольникъ для персовъ; музыканты разучивали персидскій національный гимнъ; казаки упражнялись въ джигитовкѣ; наводились справки—кто изъ переводчиковъ или офицеровъ понималъ по-персидски. Оказалось, что подполковникъ Самурскаго полка Гайдаровъ былъ превосходный знатокъ персидскаго языка. Когда все было приготовлено какъ слѣдуетъ, для персовъ отведено нѣсколько кибитокъ, убранныхъ коврами, и получено извѣстіе, что Шуджаудъ-Дауле-ханъ, сопровождаемый 300 всадниковъ, находится уже въ Копетъ-Дагѣ, на разстояніи одного только дня ѣзды, Скобелевъ внезапно уѣхалъ въ Асхабадъ, отдавъ приказаніе принять персидскаго сановника съ подобающею почестью, выставить почетный караулъ и т. д., и когда посолъ пріѣдетъ въ лагерь, послать о томъ гонца съ извѣстіемъ къ нему, Михаилу Дмитріевичу, въ Асхабадъ.

Узнавъ черезъ своихъ шпіоновъ, что Скобелевъ уѣхалъ изъ лагеря, Шуджаудъ-Дауле-ханъ не двинулся съ мѣста. На слѣдующій день отъ Михаила Дмитріевича явился гонецъ съ вопросомъ: „прибыли-ли персы?“ Ему отвѣчаютъ: „нѣтъ“.

Вслѣдъ затѣмъ явился посланный отъ Шуджаудъ-Дауле-хана, съ вопросомъ: „вернулся-ли генералъ“, ему также отвѣчаютъ: „нѣтъ“.

Такимъ образомъ оба посылали джигитовъ, справляясь другъ о другѣ; каждому изъ нихъ хотѣлось, чтобы другой пріѣхалъ сперва, а затѣмъ уже совершить свой собственный въѣздъ. Наконецъ, персамъ стало въ горахъ холодно — тогда былъ февраль мѣсяцъ (1881 г.)—и они рѣшились пріѣхать въ лагерь. На встрѣчу имъ выѣхала казацкая сотня. Мы видѣли изъ лагеря, какъ они встрѣтились у подошвы горной цѣпи, какъ казаки произвели джигитовку, и вслѣдъ затѣмъ весь поѣздъ тронулся; Арцишевскій ѣхалъ рядомъ съ ханомъ, за ними адъютанты и офицеры хана, потомъ сотня казаковъ и обозъ: сокольничьи, повара, тѣлохранители, верблюды, ослы, лошади, бараны. Такимъ образомъ, составился большой караванъ. Когда они подъѣхали къ лагерю, наши музыканты заиграли персидскій маршъ, ханъ далъ знакъ своему шталмейстеру Рамазанъ-хану и нѣсколькимъ слугамъ снять его съ лошади и направился къ намъ, ожидавшимъ его близь устроенной для него палатки. Послѣдовало взаимное представленіе; ханъ освѣдомился о томъ, гдѣ находится генералъ и скоро-ли онъ возвратится. Въ его присутствіи, къ Михаилу Дмитріевичу былъ отправленъ джигитъ съ извѣстіемъ о прибытіи посольства.

Шуджаудъ-Дауле-хану было лѣтъ подъ пятьдесятъ, но на видъ онъ былъ гораздо старше, въ высшей степени худощавъ; лицо имѣлъ продолговатое, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, прищуренными глазами и весьма пріятною улыбкою. Выраженіе его лица было интеллигентное и разговоръ былъ пріятенъ, какъ рѣчь человѣка образованнаго. Руки и ноги у него были длинныя, узкія, и послѣднія, очевидно, не привыкли къ ходьбѣ. Онъ опирался при ходьбѣ на двухъ приближенныхъ, которые почти тащили его. Лицо его было обрамлено длинными крашенными усами, по персидской модѣ. Онъ носилъ восточную саблю, осыпанную драгоцѣнными камнями; одежда его была сдѣлана изъ темной шелковой матеріи, опушенная дорогимъ мѣхомъ; на ногахъ были обыкновенные башмаки и бѣлые англійскіе нитяные чулки; въ торжественныхъ случаяхъ онъ надѣвалъ высокіе сапоги. На персидской мѣховой шапкѣ у него былъ аграфъ изъ рубинъ и бриллiантовъ. Хана сопровождали два сына, 23-хъ и 16-ти лѣтъ; дядя его, слабенькій старичекъ, одинъ артиллерійскій генералъ исполинскаго роста, шталмейстеръ Рамазанъ-ханъ и изрядное количество офицеровъ и чиновниковъ, все болѣе или менѣе богато одѣтые и вооруженные. Въ нашемъ

отрядѣ находился одинъ подполковникъ персидской службы Сульфагаръ-ханъ, совершившій съ нами весь походъ и говорившій по-французски. Онъ перезнакомилъ насъ съ персами. Между тѣмъ, ихъ свита прибыла также въ лагерь и начала устраиваться по домашнему. Мигомъ были разбиты красивыя четыреугольныя, двойныя палатки, разложенъ огонь, вбиты колья для лошадей, сдѣланы загородки для коровъ и овецъ. Среди прислуги мы замѣтили негровъ, музыкантовъ въ мундирахъ и погонщиковъ верблюдовъ въ пестрыхъ одѣяніяхъ. У нихъ было съ собою все необходимое для большаго хозяйства и они устраивались ловко и проворно.

Мы предложили гостямъ чаю; они достали своиизящные чубуки. Слуга-негръ подалъ чубукъ камерлакею, тотъ передалъ его шталмейстеру, а шталмейстеръ — хану. Затянувшись нѣсколько разъ, ханъ предложилъ намъ курить, и чубукъ передавался по очереди всѣмъ присутствующимъ. Съ наступленіемъ сумерокъ, начался фейерверкъ, спущенный по этому случаю артиллеристами. Для Геокъ-Тепе въ 1881 году фейерверкъ былъ довольно сносный. Въ настоящее время въ Закаспійской области можно увидѣть что-нибудь получше и поэфектнѣе въ области пиротехники.

Нашимъ гостямъ фейерверкъ понравился чрезвычайно; точно также имъ доставили большое удовольствіе русскія, нѣмецкія и итальянскія мелодіи, разыгранныя нашими музыкантами. Наконецъ мы сѣли за столъ. Хозяева были голодны не менѣе гостей. За войскомъ слѣдовалъ итальянецъ-маркитантъ, который за хорошую плату доставлялъ намъ хорошія вина и сносную ѣду [1]). Столъ былъ накрытъ въ трехъ соединенныхъ кибиткахъ. Ханъ былъ посаженъ на почетное мѣсто, прочіе сидѣли по чинамъ, каждый изъ русскихъ рядомъ съ персомъ. Позади насъ стояли переводчики и переводили. Съ Сульфагаръ-ханомъ, говорившимъ по-французски, мы могли бесѣдовать безъ переводчика; съ Гайдаровымъ могли говорить персы безъ посторонней помощи. Было весьма оживленно. Гости пили вино также охотно, какъ и мы, и въ особенности дѣлали честь шампанскому.

На слѣдующее утро я поѣхалъ къ Шуджаудъ-Дауле-хану освѣдомиться объ его здоровьи. Въ то-же время я сказалъ ему, что если онъ или его спутники будутъ нуждаться въ медицинской помощи или совѣтѣ, то они могутъ обращаться ко мнѣ и что я считаю

[1]) Этотъ самый итальянецъ живетъ теперь въ Кизиль-Арватѣ, а его сынъ содержитъ заводъ сельтерской воды въ Чарджуѣ (1887 г.). О. Г.

себя отвѣтственнымъ за ихъ благополучіе въ этомъ отношеніи. Наши восточные гости охотно воспользовались моимъ предложеніемъ, совѣтывались со мною по цѣлымъ часамъ и затѣмъ преспокойно прятали рецепты или лекарства въ карманъ, говоря, что займутся ими дома на покоѣ, теперь-же, во время празднествъ, неудобно лечиться. Тогда я имѣлъ случай убѣдиться впервые въ томъ, что впослѣдствіи подтверждалось постоянно на моихъ глазахъ на Востокѣ, а именно, что посѣщеніе врача, прикосновеніе его, дотрогиваніе до больнаго рукою или полученіе отъ него какой-нибудь вещи, почитаемой амулетомъ (рецептъ, лекарство и т. п.), считается главнымъ, а сами паціенты отнюдь не думаютъ что-нибудь предпринимать для своего излеченія или исполнять предписанія врача. „Ты врачъ, одаренный отъ Бога искусствомъ врачеванія, ты долженъ помочь мнѣ, а не я самъ“, говорятъ восточные люди. Такимъ образомъ, больной носитъ при себѣ изреченіе Корана, пришитое къ шапкѣ или привѣшенное на шнуркѣ на шеѣ, или прячетъ рецептъ европейскаго врача въ халатъ, но упорно не хочетъ ни брать ваннъ, ни глотать пилюль или дѣлать гимнастику.

Въ то-же утро ханъ отдалъ намъ оффиціальные визиты, пріѣхавъ верхомъ, и подарилъ каждому изъ насъ верховаго коня хорошей персидской породы [1]). Въ этотъ день ханъ пригласилъ насъ къ себѣ на обѣдъ, отвѣдать персидской стряпни. Столъ былъ накрытъ по-европейски и кругомъ были поставлены стулья. Насъ сѣло за обѣдъ 12 человѣкъ. На столѣ стояло нѣсколько сладкихъ блюдъ, фрукты и желтое хиросское вино въ пестрыхъ хрустальныхъ графинахъ. Передъ каждымъ приборомъ лежалъ круглый плоскій хлѣбъ, похожій на еврейскую мацу. Этотъ хлѣбъ часто замѣняетъ на Востокѣ тарелки; но для насъ были поставлены фарфоровыя тарелки, вилки, ножи и ложки. Къ этому обѣду утромъ былъ заколотъ баранъ, и сокольничьи хана выѣзжали на охоту на фазановъ. Во время обѣденнаго стола, оркестръ струнныхъ инструментовъ и барабановъ, напоминавшій кавказскую зурну, игралъ попеременно съ нашимъ военнымъ оркестромъ.

— „Вчера въ честь васъ я старался ѣсть вилкою, сказалъ Пуджаудъ-Дауле,—сегодня позвольте мнѣ ѣсть по-азіятски, пальцами“.

---

[1]) Теперь, когда желѣзная дорога проходитъ черезъ Закаспійскій край, Бухарское ханство до Самарканда, когда европейцы сотнями ежегодно посѣщаютъ Бухару и представляются эмиру, — подарки халатами, лошадьми, уборами и проч. представляются уже анахронизмомъ.

О. Г.

Дѣйствительно, онъ принялся ѣсть руками, предварительно обмывъ и обтеревъ свои тонкія руки тутъ-же за столомъ, причемъ Рамазанъ-ханъ держалъ передъ нимъ металлическую чашку, въ которой онъ мылся. Ханъ ѣлъ такъ прилично, пользовался пальцами такъ искусно, что его способъ ѣды вовсе не казался грубымъ или дикимъ. Жаркое подавалось слѣдующимъ образомъ: у входа палатки появился поваръ съ большимъ вертеломъ, на которомъ было насажено штукъ восемь фазановъ. Одинъ изъ лицъ свиты взялъ у него вертелъ изъ рукъ и передалъ шталмейстеру, тотъ вручилъ его, подобно шпагѣ, хану, который снялъ собственноручно верхняго фазана съ вертела, разорвалъ его пополамъ и положилъ своимъ сосѣдямъ, каждому по половинѣ фазана, на тарелку. Для насъ было подано французское вино. Тосты были предложены ханомъ съ шампанскимъ. Онъ пилъ за здоровье Скобелева и каждаго изъ насъ въ отдѣльности. Подъ конецъ обѣда онъ выразилъ свое удовольствіе, по поводу знакомства съ нами и благодарилъ за радушный пріемъ, но затѣмъ прибавилъ:

— „Но такъ какъ я посланъ сюда моимъ монархомъ, чтобы привѣтствовать лично генерала Скобелева, а его здѣсь нѣтъ, то я уѣду завтра рано утромъ".

Что Скобелевъ отлично понималъ въ какое затруднительное положеніе онъ поставилъ своимъ отсутствіемъ стараго сановника, оффиціальнаго посланника дружественной намъ державы, о томъ свидѣтельствуетъ его письмо къ коменданту лагеря Арцишевскому, сообщенное этимъ генераломъ въ „Русской Старинѣ", изд. 1883 г., кн. май. Скобелевъ писалъ 19-го февраля 1881 года изъ Луфтабада:

„21-го февраля буду въ лагерѣ подъ Геокъ-Тепе; Шуджаудъ-Дауле настоятельно прошу удержать, во что-бы то ни стало, безпрерывнымъ угощеніемъ и тамошой", а 21-го февраля 1881 года онъ извѣщалъ изъ Асхабада:

„Передайте Шуджаудъ-Дауле, что я вчера вечеромъ выѣхалъ изъ Луфтабада, гдѣ задержанъ былъ крайне важными и благопріятными извѣстіями изъ Мерва. Вмѣсто вечера 22-го февраля, какъ предполагалъ сначала быть въ Геокъ-Тепе, буду завтра утромъ. Передайте ему, какъ я доволенъ его прибытіемъ въ нашу страну и какъ пріятно будетъ государю императору и великому князю доказательство его дружбы къ русскимъ властямъ. М. Скобелевъ".

Комендантъ лагеря послалъ вновь нарочнаго въ Асхабадъ къ Михаилу Дмитріевичу, прося его болѣе не медлить и возвратиться

какъ можно скорѣе, такъ какъ въ персидскомъ лагерѣ дѣйствительно дѣлались приготовленія къ отъѣзду. Рано утромъ прибылъ изъ Асхабада гонецъ съ извѣстіемъ, что генералъ слѣдуетъ за нимъ по пятамъ. Въ 11 или 12 часовъ прискакалъ Скобелевъ, забрызганный грязью, весь въ поту: онъ проѣхалъ 40 верстъ отъ Асхабада до Геокъ-Тепе, перемѣняя по пути лошадей.

Генералъ поспѣшилъ первый сдѣлать визитъ хану; они долго бесѣдовали между собою. Затѣмъ Шуджаудъ-Дауле поѣхалъ со своею свитою къ кибиткѣ генерала, отдалъ ему визитъ и также подарилъ ему лошадь, само собою разумѣется, бѣлаго цвѣта. Вечеромъ Шуджаудъ-Дауле посѣтилъ госпиталь и лазаретъ, поздоровался отдѣльно съ каждымъ офицеромъ и хотѣлъ вручить мнѣ для раздачи солдатамъ нѣкоторую сумму денегъ. Я отказался отъ этого, поблагодаривъ, и прибавилъ: „русскій солдатъ получаетъ все необходимое отъ казны; о нѣкоторой возможной роскоши заботится „Красный Крестъ“. Я не считаю себя вправѣ принять для нихъ денежный подарокъ“.

Нѣкоторые изъ военныхъ не одобрили моего отказа, но Скобелевъ нашелъ, что я поступилъ совершенно согласно его взгляду.

Персамъ чрезвычайно понравились у насъ больничныя палатки, желѣзныя кровати, чистое бѣлье, хорошо обставленная отрядная аптека. Но присутствіе сестеръ милосердія вызвало съ ихъ стороны улыбку удивленія. Ханъ разговаривалъ весьма любезно со всѣми сестрами и врачами, которыхъ я представилъ ему, и откровенно высказывалъ свое удивленіе по поводу всего видѣннаго. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что въ Геокъ-Тепе свирѣпствовала каждый годъ какая-то эпидемія, похожая на тифозную. Названіе тифъ было ему незнакомо, но онъ описывалъ эту болѣзнь такъ подробно. что мы признали ее за тифъ. Вообще азіаты отличаются тонкою наблюдательностью; старый сановникъ говорилъ хорошо и охотно разсказывалъ. Онъ описалъ мнѣ постоянныя пограничныя столкновенія, происходившія между текинцами и персами, набѣги текинцевъ на сосѣднія земли и экспедиціи, которыя предпринимались персами для наказанія ихъ. Въ одной изъ нихъ онъ самъ участвовалъ въ качествѣ командующаго. „Благодаря умиротворенію оазиса, персы будутъ пользоваться спокойствіемъ, говорилъ онъ, оживится торговля и поправится земледѣліе“. Поэтому они имѣли полное основаніе желать намъ успѣха и поздравить насъ съ побѣдою. Дѣйствительно, между нами и Хороссаномъ происходили оживленныя сношенія. Черезъ Копетъ-Дагъ переходили ежедневно караваны, привозившіе намъ муку, зерновый хлѣбъ, фрукты, сушеные

плоды, дичь и т. д. Персы торговали у насъ бирюзою, шелковыми матеріями. Базаръ въ Геокъ-Тепе заключалъ въ себѣ три ряда лавокъ и магазиновъ.

На другой день по пріѣздѣ Михаила Дмитріевича, въ честь персидскихъ гостей долженъ былъ состояться маневръ войскъ и парадный обѣдъ у Скобелева.

Я присутствовалъ на многихъ парадахъ и маневрахъ, гораздо болѣе величественныхъ и блестящихъ, въ Петербургѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Парижѣ, но болѣе интереснаго, своеобразнаго и увлекательнаго какъ этотъ, никогда не видалъ. Тутъ былъ изображенъ, въ концентрическомъ масштабѣ, штурмъ и взятіе Геокъ-Тепе. Справа, слѣва и съ фронта были двинуты въ атаку, точно также какъ въ дѣйствительности, три колонны, меньшія только численностью; на заднемъ планѣ былъ выстроенъ резервъ и артиллерія. Въ довершеніе иллюзіи, внутри крѣпости собралась масса текинцевъ, свита персовъ верхами, словомъ, многочисленная толпа зрителей, среди которыхъ преобладали азіятцы. Когда штурмующія колонны ворвались въ крѣпость черезъ бреши, то зрителямъ пришлось отступить. Иллюзія была полная. Скобелевъ находился посреди маневрирующихъ войскъ и командовалъ сраженіемъ. Во время битвы онъ воодушевился до такой степени, что всѣхъ увлекъ за собою. Я былъ болѣе взволнованъ во время этихъ маневровъ, нежели во время дѣйствительнаго штурма. Въ эту минуту можно было понять, до какой степени появленіе Скобелева и его дѣйствія должны были воодушевлять и увлекать массу. Ни прежде, ни послѣ я не видѣлъ его до такой степени въ своей сферѣ и не любовался имъ такъ, какъ въ это утро. Насколько я могъ замѣтить, пріѣзжіе гости также были совершенно увлечены этимъ зрѣлищемъ.

Нѣсколько часовъ спустя, мы собрались у генерала на обѣдъ. Онъ приказалъ соединить двѣ кибитки вмѣстѣ, такъ что столъ могъ быть накрытъ на 16 персонъ. Онъ былъ накрытъ ослѣпительно бѣлою камчатною скатертью и уставленъ хрусталемъ и серебромъ. Откуда досталъ Михаилъ Дмитріевичъ такъ быстро всѣ эти предметы роскоши—осталось загадкою; по всей вѣроятности, они были привезены наскоро изъ Красноводска. Это было возможно только потому, что желѣзная дорога шла уже отъ Михайловска до Айдина, сокративъ такимъ образомъ длинный и трудный путь.

Возлѣ палатки стоялъ оркестръ военныхъ музыкантовъ и оттуда доносились вальсы Штрауса и мелодіи Верди, Чайковскаго и Глинки.

Скобелевъ сидѣлъ во главѣ стола, по правую руку отъ него Даудъ-Дауле, за нимъ я, далѣе старшій сынъ хана, полковникъ Вержбицкій; по лѣвую руку Скобелева сидѣлъ дядя хана, далѣе полковникъ Гродековъ, далѣе персидскій артиллерійскій генералъ; подполковникъ Меллеръ-Закомельскій, пріѣхавшій передъ самымъ обѣдомъ и привезшій генералу Георгіевскій крестъ 2-й ст.

Едва успѣли подать двѣ перемѣны, какъ Михаилъ Дмитріевичъ оставилъ свое мѣсто, подъ предлогомъ будто ему дуетъ въ спину, и сѣлъ возлѣ молодаго флигель-адъютанта Меллера, а на почетное мѣсто, въ концѣ стола, Скобелевъ посадилъ одного полковника. Ханъ, видимо, былъ смущенъ этимъ поступкомъ; съ минуту все общество сидѣло молча, до того всѣ были удивлены случившимся.

Такъ прошло съ четверть часа; затѣмъ Шуджаудъ-Дауле-ханъ поднялся съ своего мѣста, а вслѣдъ за нимъ и всѣ персы; поклонившись вѣжливо генералу, онъ приказалъ переводчику сказать, что онъ находитъ, что ему пора удалиться. Услыхавъ это, Скобелевъ воскликнулъ:

„Какъ, посреди обѣда, это невозможно!“

Но замѣтивъ обиженное лицо посланника и смущеніе всѣхъ присутствовавшихъ, онъ приказалъ переводчику передать его извиненіе хану и просить его снова занять оставленное имъ мѣсто.

— Я забылся, но я не могъ устоять передъ желаніемъ поговорить о Петербургѣ и о важныхъ мнѣ дѣлахъ съ пріѣхавшимъ флигель-адъютантомъ. Прошу извинить меня за это нарушеніе этикета.

Когда-же переводчикъ, также крайне смущенный, началъ, запинаясь, передавать его слова, то Михаилъ Дмитріевичъ закричалъ на него:

— Вы говорите совсѣмъ не то, что я сказалъ. Вы не можете переводить. Полковникъ Гайдаровъ, будьте такъ добры, передайте хану мои слова совершенно точно, безъ малѣйшаго измѣненія.

Гайдаровъ перевелъ слова Скобелева и ханъ, послѣ минутнаго замѣшательства, занялъ снова свое мѣсто. Скобелевъ сѣлъ противъ него, присутствующіе оживились и обѣдъ окончился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа.

На слѣдующее утро персидское посольство отправилось назадъ на родину.

Теперь, послѣ почти десятилѣтняго періода, можно сказать, что Персія болѣе всѣхъ выиграла отъ русской побѣды при Геокъ-Тепе. Сѣверная граница Персіи нынѣ спокойна; торговля развилась и даже часть индійской торговли съ Бухарою идетъ чрезъ Персію.

Желѣзная дорога, проходящая недалеко отъ персидской границы, и колесныя дороги изъ Персіи къ ней облегчили путешествіе и увеличили взаимныя сношенія народовъ. По всему Закаспійскому краю и Бухарѣ встрѣчаются во множествѣ персы, какъ рабочіе, ремесленники и торговцы. При устройствѣ закаспійской военной желѣзной дороги, персидскіе рабочіе тысячами находили занятіе и хлѣбъ. Тысячи изъ нихъ возвратились на родину, унося съ собою заработанныя деньги, и это на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ текинцы до 1880 года грабили людей и увозили ихъ въ плѣнъ. Если русскимъ настоящее состояніе края все еще кажется весьма дикимъ, то персы должны восхищаться неожиданнымъ и непредвидѣннымъ въ той странѣ благосостояніемъ, за которое они всецѣло обязаны Россіи и ея героямъ-сынамъ, павшимъ при взятіи Геокъ-Тепе.

О. Гейфельдеръ.

1887 г.

Примѣчаніе. Составителю настоящихъ очерковъ и воспоминаній — О. Ф. Гейфельдеру принадлежитъ рядъ другихъ воспоминаній о Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г., томъ LII, стр. 391—404; изд. 1887 г., томъ LIV, стр. 217 — 239; томъ LV, стр. 203—225.

Сообщаемъ краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ этихъ Воспоминаній, нынѣ покойномъ († въ 1890 г.):

„Гейфельдеръ, Оскаръ, докторъ, родился 7-го апрѣля 1828 г. въ Трирѣ, гдѣ отецъ его занимался врачебною практикою, изучалъ медицину въ Германіи, въ университетахъ вюрцбургскомъ, гейдельбергскомъ и эрлангенскомъ. Отецъ его, Фердинандъ Гейфельдеръ, бывшій профессоръ хирургіи въ Эрлангенѣ, былъ вызванъ имп. Николаемъ I въ Россію. Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣдовала за нимъ туда и вся его семья. Оскаръ Гейфельдеръ началъ карьеру военнаго хирурга въ Польшѣ (Варшавѣ и Ивангородѣ); участвовалъ впослѣдствіи во франко-прусской войнѣ 1870—1871 гг., въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., затѣмъ служилъ на Кавказѣ и принималъ участіе въ Ахалъ-Текинской экспедиціи, подъ начальствомъ Скобелева, въ 1880 — 1881 гг. Былъ главнымъ врачемъ Пятигорскаго госпиталя до 1885 г., когда этотъ госпиталь былъ закрытъ. Вышелъ въ отставку по болѣзни, будучи контуженъ въ голову, при взятіи Геокъ-Тепе. Писалъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ о хирургіи, и статьи его были переведены на языки—французскій, голландскій и итальянскій“. („Альбомъ М. И. Семевскаго: Знакомые“. Спб. 1888).

Сверхъ записокъ О. Ф. Гейфельдера, о Мих. Дм. Скобелевѣ были помѣщены въ „Русской Старинѣ“ Воспоминанія извѣстнаго нашего художника В. В. Верещагина:

„Набѣгъ на Адріанополь въ 1877 г.“ („Русская Старина“ изд. 1888 г., т. LX, стр. 445—468, 671—688);

„Переходъ черезъ Балканы.—М. Д. Скобелевъ, 1877—1878 гг.“ („Русская Старина“ 1889 г., т. LXI, стр. 587—630);

„Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ 1870—1882 гг.“ („Русская Старина“ 1889 г., т. LXII, стр. 389—410).

См. также замѣтку М. Богаевскаго о могилѣ М. Д. Скобелева („Русск. Стар.“ изд. 1891 г., т. LXIX, стр. 467—468).

Къ настоящей, іюльской, книгѣ „Русской Старины“ мы прилагаемъ портретъ Михаила Дмитріевича Скобелева, † 25-го іюня 1882 г., съ фотографіи, исполненной 5-го февраля 1881 г., послѣ штурма Геокъ-Тепе.

Ред.

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ ЛЕБЕДЕВЪ

1851—1891.

Все также твердо, непоколебимо стоитъ бѣлое красивое зданіе Московскаго Румянцевскаго музея на своемъ зеленомъ холмѣ, какъ стояло и много лѣтъ тому назадъ. Ничего не перемѣнилось въ наружномъ видѣ зданія, оно все то-же: красивое, величавое, спокойное. Ничего не говоритъ оно прохожему о томъ, что̀ творится подъ его кровлею. А тамъ, въ стѣнахъ самаго зданія, идутъ свои перемѣны, рядъ смѣняющихся жизнію утратъ. Утраты эти преимущественно сосредоточиваются на рукописномъ отдѣленіи музея. Давно-ли оно лишилось своего хранителя Алексѣя Егоровича Викторова. А не прошло еще десяти лѣтъ, какъ пришлось хоронить и другаго: Дмитрія Петровича Лебедева. Онъ скончался 8-го декабря 1891-го года, послѣ долгой мучительной болѣзни.

На службу въ музей онъ былъ приглашенъ еще А. Е. Викторовымъ, въ качествѣ помощника хранителя отдѣленія. Дмитрій Петровичъ представлялъ для музея рѣдчайшаго человѣка, а для Викторова — идеальнаго помощника. При необычайной любви къ древне-русскимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, любви безкорыстной, беззавѣтной, при которой занятіе любимымъ дѣломъ обращается въ наслажденіе, Дмитрій Петровичъ обладалъ тою спеціальною подготовкою, найти которую въ своемъ помощникѣ такъ долго мечталъ Алексѣй Егоровичъ Викторовъ. Дмитрій Петровичъ, кромѣ окончанія курса въ московскомъ университетѣ на филологическомъ факультетѣ и спеціальныхъ занятій русскою литературою, подъ руководствомъ дорогаго профессора и учителя Ѳ. И. Буслаева, совѣтами и указаніями котораго онъ не переставалъ пользоваться до конца жизни, прошелъ еще курсъ Археологическаго института въ Петербургѣ, занимаясь спеціально подготовкою къ тому дѣлу, которому

съ такою любовью предался по поступленіи въ Румянцевскій музей. Еще въ институтѣ Дмитрій Петровичъ выдѣлился своими археологическими трудами. Онъ былъ награжденъ серебряною медалью за два спеціальныхъ сочиненія: «О мировыхъ сдѣлкахъ въ древней Руси» и «Обзоръ документовъ, выбранныхъ для ученаго архива при Археологическомъ институтѣ изъ уничтожаемыхъ дѣлъ въ рязанскомъ архивѣ министерства государственныхъ имуществъ».

Поступивъ 1-го февраля 1880 года въ музей въ помощники хранителя отдѣленія рукописей, онъ считалъ себя счастливымъ, что ему пришлось быть помощникомъ у такого знатока рукописнаго дѣла, какимъ былъ А. Е. Викторовъ. Дмитрій Петровичъ одинаково уважалъ его какъ человѣка и какъ ученаго, хотя самъ какъ человѣкъ составлялъ съ нимъ во многомъ большую противоположность. Мягкій, тихій, въ высшей степени деликатный, скромный по натурѣ, всегда готовый къ услугамъ другихъ, онъ пріобрѣлъ любовь всѣхъ служащихъ въ музеѣ, съ которыми А. Е. Викторовъ не рѣдко принужденъ бывалъ ссориться, близко принимая къ сердцу всѣ дѣла музея. Дмитрій Петровичъ уже въ силу мягкости своей натуры, въ силу прирожденной деликатности, которая сквозила во всѣхъ его манерахъ, голосѣ, движеніяхъ, даже въ походкѣ, держался въ сторонѣ отъ тѣхъ дѣлъ музея, которыя не касались его отдѣленія; зато дѣла рукописнаго отдѣленія были ему не менѣе близки и дороги, чѣмъ дѣла его родной семьи, и въ такихъ случаяхъ онъ поступалъ съ рыцарскою прямотою и рѣшительностью.

Онъ занимался дѣлами рукописей и старопечатныхъ книгъ со всею любовью, не ограничиваясь временемъ обязательныхъ часовъ, съ 11-ти до 3-хъ. Онъ весь, всею душою отдавался тому кропотливому дѣлу, которое ни для кого не видно, которое не даетъ ни славы, ни богатства, а только облегчаетъ другимъ ихъ ученыя изслѣдованія. До наступленія болѣзни, его можно было застать въ отдѣленіи рукописей въ каждый праздникъ, въ каждое воскресенье. «Никакъ не справиться со всѣми дѣлами въ будни, да отчего не поработать и въ праздникъ?», говаривалъ онъ, когда бывало его станутъ убѣждать не утомлять себя такъ работою. Музейскимъ-же дѣломъ занимался и вечеромъ, придя домой. И все-таки постоянно жаловался на недостатокъ времени: «Не знаю, куда это такъ торопится время?», писалъ онъ въ сентябрѣ 1884 года.

Еще при жизни А. Е. Викторова онъ занятъ былъ составленіемъ отчетовъ по рукописному отдѣленію музея, а по смерти Алексѣя Егоровича, когда занялъ его мѣсто, составленіе отчетовъ заняло у него массу времени. Имъ составлены были отчеты за слѣдующіе года: 1879—1882, 1883—1885, 1886—1888; было составлено «Описаніе историко-юридическихъ актовъ собранія И. Д. Бѣляева», а въ послѣднее время въ 1890 году—«Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи», по матеріаламъ, собраннымъ А. Е. Викторовымъ.

Послѣдняя работа есть замѣчательный трудъ, какъ по своей серіозности, такъ и характерной для Дмитрія Петровича скромности и безкорыстію. Вотъ исторія этого труда. А. Е. Викторовъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ лѣтнее каникулярное время, предпринималъ поѣздки въ разные города и монастыри сѣверной Россіи, съ цѣлью сдѣлать описаніе тамошнихъ хранилищъ. Между прочимъ, съ этою-же цѣлью имъ была совершена поѣздка и въ Соловецкій монастырь. Матеріалъ собирался долго, собирался безпорядочно по клочкамъ, на отдѣльныхъ листкахъ, въ разныхъ тетрадкахъ... Самому собирателю, разумѣется, не представило-бы большой трудности справиться и разобраться во всемъ хаосѣ этихъ разрозненныхъ записей. Но внезапная смерть не позволила Алексѣю Егоровичу воспользоваться собраннымъ матеріаломъ.

Послѣ смерти всѣ его бумаги пришлось разбирать Дмитрію Петровичу. Найдя всю эту безпорядочную груду матеріала, которая, казалось, положительно невозможною къ возстановленію, Дмитрій Петровичъ рѣшилъ употребить всѣ старанія, чтобы не дать погибнуть собранному матеріалу. «Развѣ возможно дать пропасть такому богатству труда?! Сколько силъ, любви, энергіи было положено дорогимъ Алексѣемъ Егоровичемъ на это дѣло!» И насколько это была утомительная, кропотливая работа, за которую такъ рѣшительно брался Дмитрій Петровичъ, но которая и его минутами, кажется, чуть не приводила въ отчаяніе,—едва-ли въ силахъ представить себѣ тотъ, кому не приходилось дѣлать или видѣть что-нибудь подобное. Дмитрій Петровичъ упорно принялся за трудъ. Онъ положилъ на него массу времени, убилъ массу силъ, и добился, несмотря на всю трудность дѣла, что «Описи рукописныхъ собраній» были готовы, и петербургская археографическая коммиссія въ 1890 году издала ихъ въ прекрасномъ большомъ фоліантѣ.

Вотъ какой большой памятникъ воздвигъ Алексѣю Егоровичу Д. П. Лебедевъ! И какъ скромно, безкорыстно была сдѣлана эта постановка! Весь трудъ приписывался покойному Викторову, а о своемъ громадномъ участіи, которое единственно сдѣлало возможнымъ появленіе этого труда, объ этомъ нигдѣ не подчеркивалось и даже не упоминалось.

Вотъ что говоритъ объ этомъ трудѣ С. О. Долговъ, бывшій помощникъ Дмитрія Петровича по отдѣленію рукописей, а теперь занявшій его мѣсто: «Изданіе труда Алексѣя Егоровича онъ (Дмитрій Петровичъ) сдѣлалъ по отрывочнымъ замѣткамъ Алексѣя Егоровича и употребилъ массу труда на справки, помѣстилъ нѣсколько приложеній, составилъ указатель, и все вполнѣ безкорыстно приписалъ Алексѣю Егоровичу» [1]).

---

[1]) Матеріаломъ для настоящаго некролога, кромѣ моихъ личныхъ воспоминаній о покойномъ Дмитріи Петровичѣ, послужили любезно доставленныя мнѣ свѣдѣнія: С. О. Долговымъ, черезъ него-же г. Шенрокомъ и затѣмъ братомъ покойнаго И. П. Лебедевымъ. Всѣмъ этимъ лицамъ приношу мою глубокую благодарность. Е. Н.

Это рѣдчайшее безкорыстіе, эта необычайная скромность составляли отличительную черту Дмитрія Петровича еще чуть не съ ранняго дѣтства. „Еще будучи гимназистомъ, какъ передаетъ о немъ его школьный товарищъ В. И. Шенрокъ, онъ не имѣлъ привычки выставляться или выдвигать себя. Держался всегда незамѣтно и скромно". Эта черта съ теченіемъ времени становилась все рельефнѣе, словно съ каждымъ годомъ крѣпла и усиливалась. Для него всегда, прежде всего, важно было самое дѣло, а не шумъ и слава, которые являются наградою честолюбію. Онъ съ дѣтства пріучилъ себя обходиться и дѣйствовать безъ такихъ стимуловъ. Въ данномъ-же случаѣ, по поводу котораго я заговорилъ объ его характерѣ, ему важно было, съ помощью собственныхъ усилій и трудовъ, воздвигнуть еще одинъ лишній памятникъ въ честь любимаго и глубокоуважаемаго человѣка. И когда «Описи рукописныхъ собраній» появляются въ печати, онъ снимаетъ съ карточки покойнаго Алексѣя Егоровича медальонные портреты и приклеиваетъ ихъ на экземпляры, предназначенные для подарковъ, и только при такомъ аксессуарѣ скромно упоминаетъ въ дѣлаемой надписи о своемъ трудѣ: «На память о покойномъ другѣ трудъ его и свой трудъ подноситъ Д. Лебедевъ, 24-го ноября 1890 года».

Дмитрій Петровичъ былъ скроменъ и какъ ученый и какъ хранитель рукописнаго отдѣленія, съ которымъ многимъ посѣтителямъ пришлось имѣть дѣло. И кто не вспомнитъ его привѣтливый пріемъ, скромную до конфузливости обязательность и безконечную услугу? Его должны хорошо помнить и посѣтители изъ простаго народа, крестьяне-старообрядцы. Они должны живо помнить этого высокаго, худаго блондина, всегда безукоризненно и даже нѣсколько щеголевато одѣтаго, какъ онъ весело, привѣтливо встрѣчаетъ ихъ, боязливо отворяющихъ дверь въ отдѣленіе и осторожно ступающихъ по паркетному полу въ своихъ смазныхъ сапогахъ или въ деревенскихъ лаптяхъ. Господинъ провожаетъ ихъ въ слѣдующую комнату—читальный залъ, доводитъ до мѣста и не рѣдко самъ выдвигаетъ имъ изъ-подъ стола стулья и приглашаетъ садиться. Усадивъ и успокоивъ непривычныхъ посѣтителей, словно хорошій докторъ своего паціента, быстро отыскиваетъ и подаетъ требуемыя книги или рукописи. Читатели удовлетворены, книги выданы, теперь, казалось, Дмитрій Петровичъ можетъ идти и сѣсть за свою работу, отъ которой его оторвали новые посѣтители. Но онъ никогда не успокоивался на этомъ, никогда не забывалъ о своихъ «новичкахъ». Я сама не разъ была свидѣтельницею, какъ онъ, спустя 10—15 минутъ, снова отрывался отъ работы, вскакивалъ, подбѣгалъ къ нимъ своею быстрою, осторожною, едва слышною походкою. Низко нагибался къ нимъ и, словно старый знакомый, заботливо шепталъ: «Ну все-ли разбираете?.. Все-ли понятно?..»

Такъ онъ относился къ читателямъ изъ простаго народа [1]). А вотъ что

[1]) Не даромъ всѣ крестьяне въ имѣніи его жены со слезами встрѣтили извѣстіе объ его смерти. Е. Н.

пишетъ о немъ въ некрологѣ «Русскихъ Вѣдомостей» интеллигентный посѣтитель рукописнаго отдѣленія:

„Его привѣтливость и полная готовность помочь совѣтомъ каждому, кто къ нему обращался, по поводу какой-либо рукописи или старопечатной книги даютъ ему право на память и признательность со стороны всѣхъ работавшихъ за послѣдніе годы въ рукописномъ отдѣленіи Румянцевскаго музея"...

И я вполнѣ присоединяюсь къ высказаннымъ мыслямъ. Я знаю по себѣ, какъ свободно и легко было обращаться къ нему за тѣми или другими указаніями, за требованіемъ той или другой даже изъ современныхъ книгъ, доставленіе которыхъ уже совсѣмъ не входило въ его обязанность. Никогда не страшно и даже не неловко было оторвать его для этого отъ занятій. Сидитъ-ли онъ, приводя въ порядокъ разрозненные клочки какой-нибудь рукописи, нагнувшись надъ своимъ столомъ, до верху заваленнымъ грудами большихъ и маленькихъ книгъ, огромныхъ фоліантовъ въ кожанныхъ почернѣлыхъ переплетахъ, или занятъ описаніемъ новаго полученнаго собранія рукописей, онъ всякую минуту на готовѣ служить всѣмъ и каждому. Эта готовность не могла не привлекать читателя, и онъ шелъ въ рукописное отдѣленіе какъ въ такой кабинетъ, гдѣ ему хорошо и удобно какъ дома.

«Такой молодой—и такъ рано!», сказала какая-то низенькая старушка, покрытая чернымъ платкомъ, стоя въ церкви Бориса и Глѣба, когда происходило отпѣваніе тѣла Дмитрія Петровича, заглянувъ въ гробъ, гдѣ лежалъ онъ, худой, блѣдный съ почернѣвшими за время болѣзни волосами.

Да, въ самомъ дѣлѣ: отчего такъ рано? Такой вопросъ задавали и зададутъ многіе, не близко знавшіе покойнаго.

Отвѣтомъ на это служитъ все прошлое, вся жизнь бѣдноты и труда въ дѣтствѣ и въ юные годы.

Дмитрій Петровичъ родился въ Рязани; былъ вторымъ сыномъ въ многочисленной бѣдной семьѣ канцелярскаго служителя, Петра Алексѣевича Лебедева, котораго самый большой заработокъ, даже въ самые счастливые годы, никогда не превышалъ 50-ти руб. Возможно-ли было отъ такихъ средствъ, при семьѣ въ двѣнадцать человѣкъ, удѣлять что-нибудь на воспитаніе дѣтей, хотя необходимость воспитанія и образованія прекрасно сознавалась отцемъ, нѣкогда учившимся въ семинаріи. Петръ Алексѣевичъ нашелъ единственный выходъ въ своемъ затруднительномъ положеніи: «учатся-же другія дѣти въ приходскомъ и уѣздномъ училищахъ! Ну, пусть и мои мальчуганы идутъ этою-же дорогою. А если силы окажутся выше, сами выбьются». Разсужденія отца оказались вѣрными: оба первыхъ мальчика прекрасно прошли оба училища. Дмитрій Петровичъ выдѣлился съ первыхъ-же мѣсяцевъ и скоро занялъ мѣсто перваго ученика, которое осталось за нимъ и по вступленіи въ гимназію. Окончивъ курсъ въ первыхъ двухъ училищахъ, онъ вышелъ съ награ-

дами первой степени. Въ гимназіи былъ не только первымъ по счету, но и однимъ изъ выдающихся по уму и способностямъ учениковъ.

«Отвѣты его отличались осмысленностью, говоритъ о немъ его школьный товарищъ, г. Шенрокъ. Въ концѣ гимназическаго курса Лебедевъ сталъ обращать на себя общее вниманіе и имъ интересовались... Въ древнихъ языкахъ онъ также оказывалъ большіе успѣхи, такъ что могъ безъ затрудненія переводить экспромтомъ трудныя мѣста, а на выпускномъ экзаменѣ отличился особенно. Когда очередь дошла до него, то учителя, желая подвергнуть его особому испытанію и считая для него излишнимъ обыкновенный экзаменъ, предложили ему произнесть что-нибудь наизустъ изъ Энеиды, и были очень озадачены его вопросомъ: «Изъ какой пѣсни?» Оказалось, что при богатой памяти и нѣкоторой начитанности онъ зналъ кое-что наизустъ изъ разныхъ мѣстъ Энеиды, изъ разныхъ пѣсенъ».

И въ гимназіи Дмитрій Петровичъ кончилъ съ золотою медалью, хотя во время гимназическаго ученья уже съ 3-го класса ему пришлось давать частные уроки. «Вотъ какъ распредѣлялся его день за это время (по словамъ его любимаго старшаго брата): съ утра до трехъ онъ въ гимназіи, затѣмъ наскоро обѣдъ, частные уроки до восьми или девяти часовъ вечера, а тамъ занятія съ младшими братьями и сестрами и большая часть ночи на приготовленіе своихъ уроковъ (въ большинствѣ по чужимъ учебникамъ)».

Кончивъ курсъ въ гимназіи, онъ перебрался въ Москву, поступилъ въ московскій университетъ на филологическій факультетъ, и здѣсь былъ въ большей еще необходимости давать частные уроки, такъ какъ самъ долженъ былъ содержать себя. А тутъ еще въ 1873 году, когда перешелъ на третій курсъ, разразилась новая бѣда: умеръ отецъ. Семья изъ одиннадцати человѣкъ (мать, семь человѣкъ дѣтей, бабушка, тетка съ сыномъ) остались всѣ разомъ безъ средствъ. Теперь вся эта семья всею своею тяжестью легла на юнаго студента, у котораго былъ только одинъ помощникъ, старшій братъ Иванъ Петровичъ—онъ только что кончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ (въ настоящее время онъ состоитъ членомъ рязанскаго окружнаго суда).

Теперь работать приходилось сверхъ силъ, а силъ, казалось, такъ безконечно много! И вотъ тутъ-то именно онѣ и были окончательно подорваны. «Поступивъ въ университетъ, говоритъ В. И. Шенрокъ, Лебедевъ не столько жилъ въ Москвѣ, сколько въ какомъ-то имѣніи въ Тамбовской губерніи, гдѣ онъ давалъ уроки, получая, какъ я слышалъ, около или болѣе 1000 рублей». Но экзамены, тѣмъ не менѣе, онъ сдавалъ удачно. Въ 1874 году онъ кончилъ курсъ вторымъ кандидатомъ и тотчасъ, не давая себѣ отдыха, уѣхалъ на мѣсто учителя русскаго языка въ реальное училище въ Иваново-Вознесенскъ.

Силы растрачивались безъ всякой жалости и безъ всякаго сбереженія!

Пріѣзжая въ свободное отъ занятій время къ роднымъ въ Рязань, онъ сильно привязался къ своей прежней ученицѣ, молоденькой красивой блон-

динкѣ, Маріѣ Константиновнѣ, дочери помѣщицы Протопоповой. Въ 1876 году женился на ней, и только черезъ годъ, въ сентябрѣ 1877 года, покинулъ мѣсто учителя въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. И будучи уже женатымъ, въ 1878 году, онъ позволяетъ себѣ маленькую роскошь, надѣясь на неисчерпаемый запасъ своихъ умственныхъ и физическихъ силъ,—поступаетъ въ только что открывшійся въ Петербургѣ Археологическій институтъ, гдѣ кончаетъ курсъ, а въ 1880 году на службу въ Румянцевскій музей.

Теперь, благодаря опредѣленному жалованью, а также и средствамъ жены, можно-бы было отдохнуть, хотя-бы полѣниться немного, чтобы оправиться, окрѣпнуть, такъ какъ непосильная работа дѣтства и юности стали уже рѣзко сказываться на силахъ. Но Дмитрій Петровичъ словно боялся, что не передѣлаетъ всего дѣла, какъ и случилось на самомъ дѣлѣ, когда смерть не дала ему докончить много начатыхъ работъ и довести до конца много задуманныхъ плановъ,—онъ изо всѣхъ силъ работалъ. Работалъ днемъ, работалъ ночью, работалъ въ будни и въ праздникъ, зимою и лѣтомъ, и, наконецъ, дошелъ до такого состоянія, что докторъ въ 1888 г. послалъ его на лѣто въ Кисловодскъ, запретивши всякія занятія. Онъ былъ дѣйствительно плохъ. И безъ того всегда худой, онъ тутъ осунулся еще больше, ослабъ и грустилъ, что не можетъ работать. Вотъ что онъ писалъ изъ Кисловодска: «Вмѣстѣ съ кисловодскими цвѣточками шлетъ..... сердечный свой привѣтъ и старый московскій грибъ, занесенный случаемъ на Кавказъ. Грибъ этотъ въ настоящее время въ такомъ положеніи, что не только читать что-либо (хотя-бы и корректуру), но даже и писать письма ему запрещено... Подробностей не пишу, не могу. Извините, Христа ради. Вы не повѣрите, что, написавши эти десять строкъ, я почувствовалъ головокруженіе».

Понятно, что при такомъ положеніи надо было бросить всѣ занятія, а онъ, въ августѣ, за нихъ снова принялся и работалъ съ прежнею лихорадочностью и запоемъ. Лѣтомъ 1889 года онъ чувствовалъ себя не лучше. Докторъ предписалъ ему физическія упражненія и никакихъ занятій. Понятно, что при такомъ положеніи онъ чуть не захандрилъ. «Моя жизнь, писалъ онъ, 16-го іюля 1889 г., изъ деревни Егольники Рязанской губерніи, такъ однообразна и даже безóбразна (даже, если хотите, «безобрàзна»; какъ не читайте, все будетъ вѣрно); вдали отъ всѣхъ, съ запрещеніемъ не только заниматься, но даже и читать что-либо, отъ меня трудно услышать что новое. Живу, обрѣтаюсь въ деревнѣ, изрѣдка развлекаюсь корректурою (и то противъ приказанія слугъ эскулаповыхъ), совершаю маленькія поѣздки по Рязанской губ... Въ началѣ августа думаю отправиться въ путешествіе по мордовскимъ землямъ Тамбовской губерніи; сначала, конечно, по Окѣ. Вотъ вамъ и все. Даже писать болѣе боюсь».

Въ 1890 году онъ чувствовалъ себя еще хуже и продолжалъ черезъ силу работать, а въ 1891-мъ въ музей приходилъ уже рѣдко, двигался едва-едва, совсѣмъ черезъ силу, а 8-го декабря его не стало.

Его спокойное, блѣдное лицо въ гробу, съ неподвижно-скрещенными на груди руками, и молодая жена, колѣнопреклоненная со свѣчею въ рукахъ у изголовья гроба, и рядомъ съ ней три крошечныя дѣтскія ручонки съ поднятыми вверхъ восковыми свѣчами.... являются олицетвореніемъ жизненной трагедіи, которая трудно, да и едва-ли когда забывается.

Медленно задвигался балдахинъ по направленію къ рязанскому вокзалу: гробъ должны опустить въ могилу на родинѣ въ Рязани, гдѣ его встрѣтитъ и проводитъ на покой горемъ убитая старушка мать и родные.

За гробомъ не тянулся кортежъ экипажей и не много было провожатыхъ,— только тѣ, кто случайно узналъ о похоронахъ. Не было ни публикацій въ газетахъ, ни отдѣльныхъ приглашеній. Дмитрій Петровичъ и уходилъ въ вѣчное жилище такъ-же скромно и тихо, какъ жилъ и трудился. И слава ему, скромному и вѣрному себѣ до конца труженику!

Е. Некрасова.

Къ статьѣ Е. С. Некрасовой: „Н. А. Герценъ въ перепискѣ съ А. Г. Кліентовой“.

[См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., книга III, стр. 771—792].

Е. С. Некрасова, въ предисловіи къ сообщеннымъ ею письмамъ Н. А. Герценъ къ Александрѣ Григорьевнѣ Кліентовой (стр. 771), говоритъ, между прочимъ, о поэтессѣ Антонинѣ Григ. Кліентовой, сестрѣ корреспондентки Н. А. Герценъ, и приводитъ для характеристики ея таланта стихотвореніе: „А годы проходятъ, а годы летятъ“. Это стихотвореніе авторъ предисловія неправильно приписалъ Кліентовой: оно принадлежитъ М. Розенгейму и въ первый разъ было напечатано въ 1856 году въ 14-мъ № „Русскаго Вѣстника“ за Лермонтовское. Впослѣдствіи оно вошло въ собраніе стихотвореній Розенгейма, изданное въ 1858 году. Здѣсь оно напечатано въ исправленномъ видѣ и озаглавлено „Дума“, въ позднѣйшихъ-же изданіяхъ сочиненій Розенгейма перепечатывалось уже безъ перемѣнъ и съ сохраненіемъ этого заглавія.

Москва.

Ив. Немолякинъ.

ИЗЪ ПОМѢЩИЧЬЯГО БЫТА КОНЦА XVIII В.

Смерть помѣщика Савина.

Дѣло 1796—1797 г.

Утромъ 7-го сентября 1796 года сотскому села Долгаго въ Ливенской округѣ дано было знать, что помѣщикъ этого села, отставной подпоручикъ Иванъ Абрамовичъ Савинъ, ночью, скоропостижно умеръ. Сотскій осмотрѣлъ умершаго. Видѣлъ, что онъ лежитъ въ своей горницѣ, на кровати, въ бѣльѣ и сапогахъ.

Сотскій донесъ объ этомъ нижнему земскому суду. Оттуда посланъ былъ для изслѣдованія дворянскій засѣдатель Скуридинъ. На мертвомъ боевыхъ знаковъ не оказалось; по вскрытіи-же внутренностей, докторъ Квятковскій по долгу присяги, удостовѣрилъ, что «отъ приключившагося сильнѣйшаго въ груди стѣсненія воспослѣдовало въ легкомъ возженіе, а оттого и смерть».

Слѣдствіе Скуридина не выяснило обстоятельствъ событія; выѣхалъ на дѣло исправникъ Есковъ и обнаружилъ слѣдующее:

Савинъ былъ изъ мелкопомѣстныхъ; ему, кажется, и принадлежало всего только двѣ мужскія души, по крайней мѣрѣ, о другихъ его крестьянахъ мы не встрѣтили ни разу упоминанія. Былъ онъ женатъ на священнической дочери Матренѣ Даниловнѣ и имѣлъ малолѣтнюю дочку Татьяну. Теща жила въ домѣ-же Савина.

Особо отъ сына, жила, въ селѣ Долгомъ, мать Савина, помѣщица Аксинья Андреяновна.

Утромъ, въ субботу, 6-го сентября, Иванъ Абрамовичъ позвалъ къ себѣ въ горницу крестьянъ своихъ Илью Снапкова и Ѳону Семенова, разбранилъ ихъ за то, что они поздно встали въ тотъ день, не свозили съ загоновъ гречи, и побилъ палкою. Досталось также и 12-ти лѣтней дочери

Ѳомы, Елизаветѣ. Дѣвушка скрылась отъ барина, но онъ приказалъ отцу отыскать ее и привести. Крестьяне отправились возить снопы; дѣвушка перевязывала ихъ на гумнѣ и къ барину не пошла.

Вскорѣ послѣ полденъ, Савинъ приказалъ своей женѣ позвать крестьянъ съ гумна. Какъ только они пришли въ горницу, онъ спросилъ Ѳому о дочери; тотъ отозвался, что не нашелъ ея; Савинъ разбранилъ Ѳому, принялся таскать его за волосы, затѣмъ велѣлъ Ильѣ принесть палку, заставилъ его держать Ѳому, и билъ его палкою.

Матрена Даниловна попробовала было остановить безчинства мужа, но онъ пригрозилъ, что и ее побьетъ. Характеръ мужа ей уже былъ извѣстенъ; она поскорѣе скрылась изъ дому, зашла было къ свекрови, но и тутъ боялась остаться, опасаясь, что мужъ тамъ найдетъ ее, возьметъ къ себѣ и станетъ бить. Матрена Даниловна отправилась въ лѣсъ, оттуда къ однодворцу Савину, а когда уже стемнѣло, воротилась къ свекрови и у нея ночевала. Туда же съ гумна пришла ночевать и дѣвушка Елизавета.

Теща Савина ушла также ночевать въ чужой домъ, къ однодворцу. Оставалась въ барскомъ домѣ еще 85-тилѣтняя нянька дочери Савина и мать Ильи, Марѳа. Баринъ приказалъ ей идти съ дочкой въ деревню помѣщицы Русановой и тамъ остаться ночевать.

Скоро Савинъ хватился жены своей; посылалъ за ней къ матери, тамъ сказали, что Матрена Даниловна ушла въ лѣсъ. Ему пришло въ голову объявить о побѣгѣ жены сотскому, и онъ приказалъ приготовить лошадь и ѣхать съ нимъ обоимъ своимъ крестьянамъ. Домъ оставленъ былъ на позванную съ огорода работницу, однодворку Агафью Рудневу, женщину еще не старую. Ей было 32 года.

Хотя нехитрый экипажъ—сноповозная телѣга—и безъ того уже былъ заложенъ, но Савинъ поспѣшилъ, предварительно, справиться о женѣ у матери и вмѣстѣ съ Ильею прошолъ къ ней. Мать сказала, что жена его приходила къ ней и ушла неизвѣстно куда.

Между тѣмъ подъѣхала телѣга съ Ѳомою. Савинъ отправился на ней съ своими людьми къ помѣщицѣ Русановой. Ея не оказалось дома. Савинъ зашолъ къ сыну Русановой, разсказалъ ему, что люди его не слушаютъ и онъ намѣренъ просить ливинскихъ властей, чтобъ наказали ихъ.

Побывъ недолго у Русанова, Савинъ заѣхалъ въ питейный домъ въ селѣ Долгомъ. Денегъ при Савинѣ не случилось и онъ, требуя водки, заложилъ сидѣльцу свою опояску. Это былъ простой, самодѣльный, шерстяной полосатый кушакъ. Савинъ взялъ, сначала, вина на 15 коп., но какъ вскорѣ пришли въ кабакъ двое однодворцевъ, то онъ спросилъ вина еще на 17 коп., выпилъ его съ однодворцами и затѣмъ, уѣзжая, выпросилъ у сидѣльца, также въ счетъ заложеннаго кушака, бутылку вина на 18 коп., и взялъ ее съ собою.

Въ закатъ солнца, Савинъ пріѣхалъ къ сотскому, въ село Долгій Колодезь, и объявилъ о побѣгѣ изъ дому своей жены.

Домой воротился Савинъ уже ночью; велѣлъ работницѣ Агафьѣ подать огня, Илью послалъ разыскивать Матрену Даниловну, а Ѳомѣ приказалъ привести къ нему дочь Елизавету. Ѳома отказался исполнить барскій приказъ и получилъ за это четыре пощечины. Вырвавшись, наконецъ, изъ барскихъ рукъ, Ѳома бѣжалъ изъ комнаты; Савинъ бросилъ вслѣдъ ему топоръ. Онъ угодилъ въ притолку.

Оставшись съ Агафьей, Савинъ потребовалъ, чтобъ она ложилась съ нимъ. Получивъ также нѣсколько пощечинъ за непослушаніе, она бѣжала на дворъ и тамъ встрѣтилась съ Ильей и Ѳомой.

Снова всѣ трое слугъ пришли въ горницу, къ Савину. Онъ спросилъ Илью: «нашолъ-ли ты барыню?»

Илья отозвался, что освѣдомлялся о ней у старушки Савиной и въ другихъ мѣстахъ, но нигдѣ не нашолъ. Савинъ его выбранилъ, а Ѳому сталъ опять бить, уже палкой, за то, что не привелъ дочь.

По предварительному-ли уговору на дворѣ, или просто не выдержавъ барскаго безобразія, Илья въ это время кинулся на Савина, повалилъ его на кровать, схватилъ руками за шею и сталъ душить; Ѳома помогъ ему въ томъ, такъ что Савинъ успѣлъ крикнуть только одинъ разъ, и то слабо.

Видѣла все это Агафья, на которую убійцы закричали, чтобъ она шла вонъ. Агафья отправилась ночевать къ однодворцу и сказала тамъ, что баринъ согналъ ее со двора.

Но была еще другая свидѣтельница, дочь Ѳомы, Елизавета. Она, вечеромъ, прибѣгала домой изъ дома старой барыни, и изъ сѣней передъ горницею видѣла послѣднюю сцену, незамѣченная никѣмъ, а когда отецъ ея и Илья закричали работницѣ, чтобъ она шла вонъ, то опять убѣжала обратно. Тамъ она даже не сказала, что бѣгала на барскій дворъ.

Ѳома провелъ остатокъ ночи въ соломѣ на гумнѣ, а Илья заходилъ ночью въ разные дворы, будто для розысковъ барыни и, наконецъ, зашолъ, передъ свѣтомъ, къ однодворцу Демидову. Тамъ также спрашивалъ барыню и просилъ, чтобъ ему позволили отдохнуть.

—У тебя свой дворъ, тамъ отдохнешь, говорилъ ему Демидовъ.

Илья, однакожъ, легъ подлѣ него на дворѣ, полежалъ недолго, и на разсвѣтѣ ушолъ. По восходѣ солнца, онъ заходилъ въ домъ къ старой барынѣ, справился—тамъ-ли Матрена Даниловна и привелъ къ ней мать свою, няньку Марѳу, съ барскою дочкою.

Прошло еще часа три; извѣстій изъ дома Савина не было, и мать послала Марѳу справиться всталъ-ли Иванъ Абрамовичъ. Марѳа принесла отвѣтъ, что онъ спитъ, запершись извнутри. Анисья Андреяновна опять послала Марѳу съ приказомъ, чтобъ Илья влезъ въ окно и разбудилъ барина. Едва

Марѳа успѣла уйдти, какъ на дворѣ Савиной послышался крикъ Ѳомы и Ильи, что баринъ умеръ. Семейные кинулись къ нему въ домъ и застали всѣ двери уже растворенными.

Дѣло это представляетъ интересный образецъ изъ быта мелкопомѣстныхъ дворянъ конца XVIII вѣка и ихъ отношеній къ своимъ крестьянамъ. Помимо этого, оно замѣчательно и въ юридическомъ отношеніи. Ни при первомъ, ни при второмъ слѣдствіяхъ отъ семейныхъ Савина не было заявлено даже предположенія, что онъ умеръ насильственною смертію. Объ этомъ не упоминается и въ отзывѣ доктора Квятковскаго. Свѣдѣнія о катастрофѣ съ Савинымъ исправникъ получилъ, первоначально, отъ дѣвушки Елизаветы, затѣмъ и однодворка Руднева высказала обстоятельства смерти Савина. На первомъ же слѣдствіи она говорила, что Савинъ воротился домой очень пьяный, послалъ Илью разыскивать жену, а Ѳома и Руднева раздѣли, разули барина и уложили въ постель. Разсказавъ потомъ исправнику извѣстныя уже намъ подробности, она объясняла, что Илья и Ѳома угрожали убить ее, если она на нихъ покажетъ, и завѣрили ее также, что, въ такомъ случаѣ, она во всемъ останется только одна въ бѣдѣ, потому что при допросѣ они скажутъ, что Ѳома почевалъ въ соломѣ, а Илья ходилъ по селу искать барыню.

Такъ, дѣйствительно, они и сказали потомъ, при слѣдствіи, отвергая взводимое на нихъ обвиненіе въ убійствѣ.

Присланная вмѣстѣ съ ними въ уѣздный судъ, Руднева отвергнула тамъ данное исправнику показаніе и возвратилась къ первоначальному. Она доказывала, что исправникъ допрашивалъ ее пристрастно: велѣлъ обнажиться ей по поясъ, и когда она не хотѣла было этого исполнить, то ударилъ ее въ подбородокъ и продержалъ ее цѣлую ночь привязанною къ кадушкѣ. Впрочемъ, извѣтъ этотъ никѣмъ не былъ подтвержденъ.

Ливенскій уѣздный судъ постановилъ: всѣхъ обвиняемыхъ учинить отъ дѣла свободными, а смерть Савина, дондѣ-же сама послѣ откроется — предать волѣ Божіей.

Совершенно иначе отнесся къ этому дѣлу 1-й департаментъ орловской палаты суда и расправы. Въ приговорѣ 26-го іюня 1797 года палата приняла основаніемъ, что дѣвушка Елизавета—родная дочь Ѳомы и, конечно, не сказала-бы на отца напрасно [1]), что показаніе Рудневой исправнику сходно съ разсказомъ Елизаветы, что Руднева сама собою выдумать не могла, какъ потомъ покажутъ о себѣ Ѳома и Илья, что въ допросахъ ихъ вышло разнорѣчіе и ясно видно ожесточеніе на господина своего, Савина, за побои, дѣланные имъ въ тотъ день. Потому палата пришла къ заключенію, что «нѣтъ сомнѣнія почесть ихъ виновными въ задушеніи помѣщика своего, и запирательство ихъ въ томъ недостойно никакого уваженія».

---

[1]) Она въ судъ не представлялась и передопроса ей не было.

А. П.

Послѣдствіемъ этого было для Ильи Снапкова и Ѳомы Семенова наказаніе 25-ю ударами кнутъ, вырѣзаніе ноздрей, поставленіе штемпельныхъ знаковъ и ссылка вѣчно въ каторгу. Рудневу за ложное показаніе велѣно наказать, при собраніи довольнаго количества людей, плетьми и отдать въ жительство.

Уѣздному суду за неосновательное рѣшеніе сдѣлано замѣчаніе съ внушеніемъ, чтобы онъ основывалъ рѣшенія свои на существѣ дѣла и законахъ.

Секундъ-маіоръ Ромашовъ и его домоправительница.

Дѣло 1796—1801 гг.

Утромъ 29-го ноября 1796 г., священникъ Троицкой церкви въ г. Кромахъ, Николай Григорьевъ, получилъ приглашеніе отъ своего прихожанина, секундъ-маіора Ромашова, притти къ нему. Для чего нуженъ былъ священникъ—посланный Ромашова не упомянулъ.

Отецъ Николай посѣтилъ Ромашова, который разсказалъ, что у него въ домѣ умерла восьмилѣтняя дѣвочка Дарья, его крѣпостная, и просилъ похоронить ее. Ромашовъ говорилъ, что пришлетъ вновь за священникомъ, когда будутъ готовы гробъ и могила.

Въ тотъ-же день, къ вечеру, священникъ былъ позванъ для похоронъ и пришелъ съ діакономъ. Ромашова они не застали дома, домоправительница его просила ихъ о похоронахъ и привела ихъ въ людскую избу, находившуюся черезъ сѣни отъ барскихъ комнатъ. Въ избѣ, на лавкѣ подъ образами, лежала въ гробу мертвая; она была накрыта. Служители церкви раскрыли покойницу, замѣтили на лицѣ и головѣ ея боевые знаки и отказались хоронить дѣвочку безъ осмотра полиціи, ссылаясь и на то, что она не была исповѣдана.

Ромашовъ уѣзжалъ въ тотъ день за городъ и воротился домой послѣ полуночи. Извѣстіе, что священникъ отказался хоронить, было для него непріятно. Онъ приказалъ своимъ людямъ тотчасъ отвезти гробъ къ священнику на домъ.

— Если попъ васъ къ себѣ не пуститъ, расколите у него двери, поставьте тѣло въ горницу или бросьте у дверей его, строго наказалъ людямъ Ромашовъ, и велѣлъ имъ на этотъ случай взять топоръ.

Крѣпостной Ромашова Андрей Тимофеевъ и наемный работникъ Потапъ Абакумовъ положили гробъ на салазки и отправились къ дому священника. Разбуженный стукомъ въ сѣнную дверь, онъ вышелъ къ нимъ и спросилъ:

— Зачѣмъ вы пришли?

Тимофеевъ передалъ приказаніе барина, и когда священникъ отказался хоронить и принять къ себѣ въ домъ мертвую,—оставили салазки съ гробомъ у сѣней, а сами ушли.

— Пусть попъ что хочетъ, то и дѣлаетъ, сказалъ имъ Ромашовъ, когда они доложили объ исполненіи его приказанія.

Утромъ, 30-го ноября, священникъ объявилъ о случившемся городничему, секундъ-маіору Осипову.

Умершая была осмотрѣна. На головѣ ея, въ двухъ мѣстахъ, кожа оказалась пробитою до кости; на правомъ вискѣ къ глазу, на лбу выше лѣваго глаза, на лѣвомъ вискѣ—раны; на носу, на груди, на обѣихъ рукахъ повыше локтей—синія боевыя пятна; на правомъ паху—тоже; правое ляжее все синее, а правое колѣно вспухло и въ ранахъ; плюсна лѣвой ноги вспухла же и синяя; подошвы и пальцы обѣихъ ногъ всѣ изноблены; на спинѣ мелкіе знаки отъ сѣченья; заднепроходная кишка выдавлена; у правой ноги, подъ сгибомъ колѣна, примѣтна старая рана.

Штабъ-лекарь Филиповичъ удостовѣрилъ, что дѣвочка умерла отъ разныхъ на ея тѣлѣ ранъ и боевыхъ знаковъ, также и отъ выдавленія кишки.

Дѣвочку похоронили и началось слѣдствіе. Вотъ добытыя имъ свѣдѣнія.

Дворянинъ Осипъ Петровичъ Ромашовъ воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и потомъ служилъ въ арміи; былъ при осадѣ и взятіи штурмомъ Бендеръ, при взятіи Мачина и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ турками. Въ 1775 г. онъ вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ, а съ 1793 г. находился въ г. Кромахъ расправнымъ судьею [1]). Въ 1796 г. ему было 48 лѣтъ.

Ромашовъ имѣлъ населенное имѣніе въ селѣ Ржавѣ, Кромскаго уѣзда; впрочемъ, крестьяне по ревизіи числились не за нимъ, а за братомъ его, да и сами считали себя принадлежащими послѣднему. Въ 1795 г. между ними обнаруживалось непослушаніе помѣщичьей власти, и еще за годъ до того бѣжалъ изъ Ржавы крестьянинъ Степанъ Максимовъ съ семействомъ.

---

[1]) По учрежденію о губерніяхъ 1775 г., нижняя расправа была первою судебною инстанціею по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, для однодворцевъ, крестьянъ: государственныхъ, приписанныхъ къ заводамъ, экономическихъ, дворцовыхъ, ямщиковъ и прочихъ, временно въ коронномъ управленіи состоящихъ (ст. 335). А. П.

Отъ него осталась малолѣтняя дочь Дарья. Эту Дарью Ромашовъ взялъ къ себѣ въ Кромы, для ухода за домашнею птицею и скотомъ.

Въ Кромахъ Ромашовъ жилъ въ своемъ домѣ, въ однѣхъ комнатахъ съ своею 30-ти-лѣтнею дворовою дѣвкою Дарьею Ильиною. Она находилась при немъ уже лѣтъ 18 и завѣдывала всѣмъ его хозяйствомъ. Домоправительница, по общему отзыву, тирански и безчеловѣчно обходилась съ людьми Ромашова, бивала ихъ немилосердно, безъ всякой пощады. Но болѣе всего доставалось беззащитной дѣвочкѣ. Ильина била ее чѣмъ попало. Слѣды побоевъ, въ видѣ гнойныхъ струпьевъ, и раны на лицѣ и на головѣ не сходили у ней. Это разсказываютъ всѣ, кто видалъ ее, въ томъ числѣ и священникъ, приглашенный для ея похоронъ. Губернскій регистраторъ Привaловъ жилъ объ изгородь съ Ромашовымъ и почти всякій день видалъ какъ Ромашовъ и Ильина наказывали дѣвочку розгою, палкою; били также и руками.

Для дѣвочки заведена была цѣпь. Одинъ конецъ ея оканчивался запиравшимся на замокъ ошейникомъ, а другой ввинчивался въ стѣну или въ столбъ. Изъ сосѣдей, одни видали дѣвочку на этой цѣпи при конюшнѣ, другіе — въ сѣняхъ,—тамъ видѣлъ ее также и священникъ, наконецъ, третьи — въ саду, оставленною на цѣпи на всю ночь.

Дѣвочку морили голодомъ и холодомъ. Весною, когда она сторожила гусей и утокъ, она имѣла возможность отлучаться изъ дому, и тогда нерѣдко прибѣгала къ сосѣднимъ, чтобъ выпросить кусокъ хлѣба. Она сказывала, что Ильина и самъ Ромашовъ не приказываютъ давать ей ѣсть.

Иногда дѣвочка убѣгала изъ дому; но ее находили и снова тиранили. Посадскій Звѣгинцовъ видѣлъ однажды, какъ крестьянинъ и женщина вели ее по улицѣ къ дому Ромашова. Дѣвочка умоляла ихъ, чтобъ не водили ея домой къ господину на муку. Изъ сожалѣнія къ дѣвочкѣ, Звѣгинцовъ пошелъ съ ними попросить Ромашова, чтобъ ея не наказывалъ. Ромашова дома не случилось, а домоправительница, какъ только увидѣла дѣвочку, схватила ее за волосы, ударила о-земь и била, пока сама не устала.

Показанія домашней прислуги ярко обрисовываютъ бѣдственное житье дѣвочки въ послѣднее время. Хотя прислуга эта находилась при Ромашовѣ не долго, но на многое удалось ей насмотрѣться.

За двѣ недѣли до смерти дѣвочки, былъ вытребованъ изъ села Ржавы, для работъ при домѣ, молодой парень Андрей Тимофеевъ, племянникъ Ильиной. При немъ домоправительница постоянно била дѣвочку кулаками, а иногда палками, и одинъ разъ рубалемъ, которымъ катаютъ бѣлье; колола ее и жгла ухватомъ для горшковъ, топтала ногами, поднимая за волосы, бивала о-земь. Вообще била всѣмъ, что только попадалось въ руки. Сама не давала и другимъ запрещала давать ей ѣсть.

18-го ноября привезена изъ Ржавы въ домъ къ Ромашову родная бабушка

дѣвочки, 70-ти-лѣтняя Домна Матвѣева. Она застала на дѣвочкѣ множество знаковъ отъ побоевъ; голова была въ двухъ мѣстахъ проломана и кровь запеклась. Дѣвочка была больна и сказывала, что Ильина всегда ее бьетъ. Послѣдняя запрещала Домнѣ давать внучкѣ ѣсть и пить. Дѣвочка, по большей части, находилась на дворѣ, для корму и прибору птицы и скота. 23-го ноября домоправительнице ударила ногою дѣвочку такъ сильно, что та упала и поползла. Ильина схватила палку и еще шесть разъ, изо всей силы, ударила ею дѣвочку по боку. Слабая дѣвочка только дважды крикнула.

При этомъ былъ въ избѣ нанимавшійся къ Ромашову въ работники Потапъ Абакумовъ. Для него показалось страннымъ, отчего дѣвочка едва ходитъ и когда бьютъ ее, не кричитъ. Онъ обратился съ вопросомъ объ этомъ къ Андрею и Домнѣ, и тѣ разсказали, что дѣвочка измучена побоями Дарьи, которая каждый день ее бьетъ.

Утромъ, въ пятницу, 28-го ноября, больная дѣвочка обмаралась. Увидѣла это Ильина, избила ее и въ одной ветхой рубашкѣ, босую, посадила на цѣпь въ холодныхъ сѣняхъ, общихъ для избы и барскаго помѣщенія. Слабые крики ребенка: «тетушка Дарья, выпусти меня, я иззябла», слышали и посторонніе, проходившіе сѣнями. Уже передъ обѣдомъ она была спущена съ цѣпи. Едва незамерзшая дѣвочка ползкомъ пробралась въ избу. Ей хотѣлось пить и она, по земляному полу избы, поползла къ тазу съ грязною водою. Поступившій окончательно въ этотъ день въ работники къ Ромашову, Абакумовъ хотѣлъ было подать ей чистой воды, но бабушка Домна сказала, чтобъ онъ этого не дѣлалъ, потому что Ильина запретила давать дѣвочкѣ давать пить и ѣсть, и если увидитъ, что онъ давалъ ей пить, то прибьетъ ихъ.

Дѣвочка начала пить изъ таза. Въ это время вошелъ въ избу возвращавшійся изъ присутствія Ромашовъ. Онъ схватилъ ее за рубашку, оттащилъ отъ таза, ударилъ подъ животъ ногою. Она отлетѣла подъ печной приступокъ.

— Сиди тутъ, сказалъ Ромашовъ и вышелъ.

Дѣвочка разъ вскрикнула. Сидѣть она не могла, упала внизъ лицомъ, стонала и дрожала. Бабушка прикрыла ее кафтаномъ.

Ильина подтвердила прислугѣ, чтобы провинившейся не давали ни пить, ни ѣсть.

Долго-ли еще мучилась несчастная—неизвѣстно. Повидимому, въ этотъ день на нее никто уже не обращалъ вниманія, но на слѣдующій, еще до разсвѣта, Ильина пришла въ избу съ огнемъ и осмотрѣла дѣвочку.

— Насилу твою внучку чортъ задавилъ и наши руки опростались, — сказала она старухѣ Домнѣ. Дѣвочка, дѣйствительно, была уже мертвою. Бабушка обмыла ее, надѣла на нее чистую рубашку, положила на скамейку подъ образа и закрыла.

Разсвѣтало; пришелъ въ избу Ромашовъ и послалъ за священникомъ. Читатель уже знаетъ, что̀ еще происходило въ этотъ день.

На слѣдующее утро, когда народъ собирался ко двору священника для осмотра мертвой, Ромашовъ приказалъ Тимофееву вытащить изъ стѣны цѣпь, на которой держали дѣвочку, и спрятать. Тимофеевъ забросилъ ее надъ потолкомъ сѣней. Тамъ она и найдена потомъ городничимъ и стряпчимъ. Цѣпь была въ полтора аршина, съ пробоемъ и желѣзнымъ ошейникомъ. Судя по незначительной величинѣ послѣдняго, слѣдователи пришли къ убѣжденію, что она была сдѣлана исключительно для малолѣтняго. На стѣнѣ въ сѣняхъ они видѣли слѣды отъ вытащенной цѣпи.

Дарья Ильина высказала на допросахъ, что за шалости и за то, что дѣвочка маралась въ избѣ, она сѣкла ее розгами и за волосы драла. Весною 1796 г., она раза два, на короткое время, садила дѣвочку на цѣпь, для острастки, потому что дѣвочка плохо смотрѣла за утками. Все это Ильина дѣлала безъ вѣдома барина. Въ пятницу, передъ обѣдомъ, дѣвочка обмаралась и Домна высадила ее на улицу. Вскорѣ дѣвочка воротилась въ избу и почему-то упала на земь. Случившійся въ это время въ избѣ Ромашовъ «прикапнулъ ее ногою къ полу».

Ромашовъ сказалъ, что цѣпь, дѣйствительно, была у него года съ два для людей. Онъ не знаетъ какъ поступала Дарья съ дѣвочкою и приказанія наказывать ребенка не давалъ. Въ пятницу, онъ, изъ сожалѣнія, чтобъ кто не раздавилъ больную, ползавшую по земляному полу избы, дѣвочку, хотѣлъ ее помѣстить въ безопасное мѣсто и для того потащилъ за рубашку, а «потомъ тихонько пододвинулъ ногою не подъ приступокъ у печи, а къ полу». Ромашовъ старался доказать, что дѣвочка была повреждена умомъ, страдала припадками падучей болѣзни и изметками по головѣ и по тѣлу, отъ которыхъ на головѣ и лицѣ ея были гноившіеся струпья. Струпья эти потомъ прогнили до кости и получили видъ ранъ. Ознобъ на ногахъ, по мнѣнію Ромашова, произошелъ оттого, что дѣвочка, по словамъ старухи Домны, въ безумствѣ часто забивалась подъ печь, выскакивала оттуда и затѣмъ находили ее на дворѣ. Онъ утверждалъ, что кишка у дѣвочки не выдавлена, но еще назадъ тому четыре года, когда дѣвочка жила въ деревнѣ, она упала съ печи, и съ того времени кишка у ней тронулась и начала выходить. Въ этомъ онъ опять ссылался на Домну и на находившихся въ бѣгахъ отца и мать дѣвочки. Ромашовъ потомъ доказывалъ ссылкою на разныхъ лицъ, что дѣвочка съ первыхъ чиселъ ноября была такъ больна, что едва могла ходить. Священникъ не былъ приглашенъ къ ней для исповѣди потому, что «она хотя и слаба была отъ падучей болѣзни, но имѣла движеніе».

Никто, однако-же, кромѣ Домны, не высказалъ того, что хотѣлось доказать Ромашову. Случая паденія дѣвочки съ печи и тѣхъ послѣдствій, о

которыхъ говорилъ Ромашовъ, въ домѣ, гдѣ жила дѣвочка при отцѣ, да и вообще въ селѣ Ржавѣ, не было извѣстно. Указанная Домною женщина, которая будто-бы лечила дѣвочку отъ выпаденія кишки, отозвалась, что она дѣвочку не лечила ни отъ чего. Въ с. Ржавѣ утверждали, что за два года до того дѣвочка доставлена была въ домъ Ромашова совершенно здоровою.

Въ городѣ также сказали, что она имѣла умъ соотвѣтственный возрасту, казалась изнуренною голодомъ и холодомъ; струпья на лицѣ и головѣ ея были не отъ болѣзни, а отъ побоевъ; падучей болѣзни она не имѣла; о выпаденіи у ней кишки никто не слыхалъ.

Ромашовъ объяснялъ еще, что просилъ священника похоронить дѣвочку въ день ея смерти потому, что слѣдующій день, воскресенье, былъ табельный, а по церковнымъ уставамъ въ табельные дни не хоронятъ. Пришлось-бы держать покойницу у себя въ домѣ до понедѣльника, а онъ «имѣетъ къ мертвымъ великій, боязливый страхъ». Эта-же причина заставила его ночью отослать гробъ съ покойницею къ священнику. Онъ приказывалъ людямъ просить священника поставить гробъ въ церкви, и если, по позднему времени, священникъ не захочетъ идти въ церковь, то поставилъ-бы мертвую у себя. Тимофеевъ взялъ топоръ безъ приказанія; впрочемъ, Ромашовъ слышалъ, какъ Тимофеевъ говорилъ Абакумову:

— Если священникъ не возьметъ тѣла, то расколемъ у него дверь и насильно ему отдадимъ.

На время производства суда, велѣно Ромашова содержать подъ присмотромъ, «яко штабъ-офицера»; Дарья Ильина заключена въ тюремную избу. Содержалась также въ тюрьмѣ и прочая прислуга Ромашова, т. е. Тимофеевъ, Абакумовъ и Домна; но они вскорѣ были выпущены на поруки.

29-го апрѣля 1797 г. состоялся приговоръ орловской палаты суда и расправы. Палата нашла, что Ромашовъ не только далъ поводъ къ жестокостямъ Ильиной, о которыхъ, какъ хозяинъ дома не могъ не знать, но и самъ, когда дѣвочка спущена была съ цѣпи и отъ изнуренія и изнобленія ногъ едва могла только ползать, поднялъ ее за рубашку и отбросилъ къ печкѣ, ударя подъ животъ ногою. Послѣдствіемъ этого поступка палата признала выходъ кишки, а оттого и смерть дѣвочки. Палата опредѣлила Ромашова, вмѣсто смертной казни, по лишеніи дворянскаго достоинства и чиновъ, наказать кнутомъ 20-ю ударами, вырѣзать ему ноздри, поставить штемпельные знаки и сослать навѣчно въ каторжную работу [1]); Ильину

---

[1]) „Какъ скоро снято дворянство, то уже и привиллегія до него не касается". Слова собственноручнаго указа императора Павла, 3-го января 1797 г. П. С. З. Т. XXIV, № 17916.

также наказать на мѣстѣ преступленія кнутомъ, давъ ей 40 ударовъ, и потомъ сослать въ Сибирь.

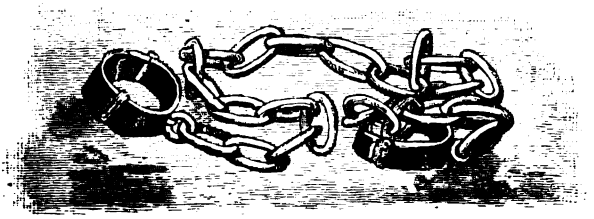
Губернаторъ, дѣйств. ст. сов. Вас. Ив. Воейковъ, нашелъ Ильину достойною присужденнаго ей наказанія и возвратилъ опредѣленіе о ней къ исполненію. Что-же касается до Ромашова, то, представляя дѣло о немъ, какъ о дворянинѣ, въ сенатъ, онъ писалъ:

«Поелику Ромашовъ и самъ неправъ, что попустилъ оной дѣвкѣ надъ малолѣтнею дѣвочкою производить по дѣлу выведенныя жестокости и тиранства, то непосредственно надлежитъ и съ него учинить за то взысканіе, токмо соразмѣрное винѣ, хотя опредѣленіемъ на церковное покаяніе, а не такимъ наказаніемъ, къ какому приговорила палата суда и расправы, не принявъ въ соображеніе ни лѣтъ, ни понесенныхъ имъ трудовъ въ сраженіи".

Не ближе, какъ черезъ полгода по восшествіи на престолъ императора Александра I, состоялся приговоръ сената:

«Какъ изъ обстоятельствъ дѣла сего видно, что означенная дѣвочка умерла дѣйствительно отъ производимыхъ ей дѣвкою Ильиною безчеловѣчныхъ побой и изнуреній, что Ромашовъ попущалъ, вмѣсто того, чтобъ, по обязанности хозяина и господина, отъ онаго отвращать и зло такое прекратить, и что ясно открываетъ его жестокость, которая весьма еще обнаруживается чрезъ самимъ имъ признанный поступокъ его съ тою малолѣтнею дѣвкою, о коей онъ показалъ самъ, что, видя ее больною, ползшую къ тазу пить, отодвинулъ ее отъ онаго ногою, каковой поступокъ съ младенцемъ и страждущимъ свойственъ только тиранской холодности и безчеловѣчной души, и ежели оная дѣвочка и не отъ толчка точно умерла, но все-же онъ, Ромашовъ, долженъ быть наказанъ за свою жестокость и небреженіе о человѣчествѣ, лишенъ средствъ къ вреднымъ дѣйствіямъ, по таковому расположенію своему, впредь и очиститься долженъ покаяніемъ въ разсужденіи участія, которое онъ могъ имѣть въ причинахъ смерти той невинной дѣвочки. А для того, онаго Ромашова заключить въ тюрьму на одинъ годъ, а потомъ предать церковному покаянію, послѣ чего учинить его свободнымъ. Но дабы онъ, Ромашовъ, впредь не могъ впасть въ подобное преступленіе, то, въ отвращеніе сего, ему, Ромашову, отъ исправленія имѣніемъ съ людьми и крестьянами отказать, опредѣливъ къ оному опеку».

Указъ объ исполненіи посланъ изъ сената 28-го сентября 1801 года.



Секундъ-маіоръ Анненковъ.

Дѣло 1799—1802 гг.

Въ концѣ 1788 года вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ орловскій помѣщикъ Николай Анненковъ.

Въ началѣ 1799 г. мы встрѣчаемъ его въ собственныхъ деревняхъ. 20-го января, подъ вечеръ, онъ пріѣхалъ въ имѣніе свое, Новую Слободку. Здѣсь господскій домъ не былъ еще отстроенъ, и Анненковъ расположился въ людской избѣ, гдѣ жилъ, завѣдывавшій господскимъ хозяйствомъ, крестьянинъ Иванъ Макаровъ. Важное дѣло занимало въ то время барина. Возвратился изъ побѣговъ дворовый Степанъ Осиповъ. Его Анненковъ назначилъ къ отдачѣ въ рекруты и велѣлъ беречь пуще глазу. Случилось, что Осиповъ успѣлъ опять скрыться. Барское негодованіе по этому случаю отразилось на всѣхъ, кого Анненковъ считалъ прямо или косвенно виновными въ упускѣ Осипова. Какъ только Анненковъ пріѣхалъ въ свою деревню, у Макарова и другаго крестьянина Дмитрія Ѳедорова тотчасъ слетѣли волосы съ головы и бороды; у крестьянки Павловой острижены волосы на головѣ. Ѳедорова, Павлову и крестьянина Ивана Тимофеева баринъ приказалъ привязать на дворѣ къ сохамъ и оставить на морозѣ. Впрочемъ, Ѳедоровъ возвращенъ былъ въ избу къ барину. Анненковъ велѣлъ его, Макарова, и десятскаго Емельяна Петрова бить по голымъ пятамъ лубочною дощечкою, затѣмъ Ѳедорова посадилъ въ сѣняхъ въ стулъ [1]), а Макарова приказалъ скрючить, притянуть веревкою верхнія части тѣла къ ногамъ насколько было возможно. При этомъ, чтобы туже натянуть веревку, для скручиванія ея была употреблена палка. Должно быть плохо выполнялъ барское приказаніе скручивавшій Макарова дворовый Евграфъ Петровъ. Въ избѣ подъ лавкою лежалъ осиновый подъемъ для телѣгъ, употребляемый для смазки колесъ. Анненковъ ударилъ по головѣ Петрова подъемомъ.

Скрюченный Макаровъ сидѣлъ на полу; Анненковъ продолжалъ бранить его за упускъ Осипова и три удара тѣмъ-же подъемомъ по головѣ Макарова были дополненіемъ къ брани. Макаровъ упалъ, даже не крикнувъ; отвѣчать на спросы барскіе онъ не могъ. Анненковъ ударилъ его нѣсколько разъ каблукомъ сапога.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня пріѣхалъ къ Анненкову посланный отъ помѣщика Каратаева—дворовый человѣкъ Николаевъ. Онъ видѣлъ въ избѣ на полу связаннаго. Макаровъ тогда шевелилъ еще ногою.

---

[1]) Мы уже объясняли значеніе стула. См. „Русскую Старину“ 1871 г., т. IV, стр. 418. А. П.

Скрюченный умеръ тутъ-же въ избѣ, а скрывшійся дворовый Осиповъ подалъ извѣтъ въ убійствѣ.

Члены орловскаго нижняго земскаго суда нашли, что Макаровъ былъ битъ подъемомъ и оттого умеръ. Въ избѣ, гдѣ совершилось преступленіе, они видѣли кровь на полу и на палкѣ, которою былъ скрюченъ Макаровъ, также на печи и на ножкахъ стола, стоявшаго подлѣ лавки, гдѣ была постель убитаго, и на простынѣ постели; у Макарова и другихъ оказались остриженными волосы на головѣ и бородѣ, у дворовaго Петрова—знакъ на головѣ отъ удара подъемомъ.

Анненковъ не сознался. При слѣдствіи онъ сказалъ, что пріѣхалъ въ деревню Новую Слободку утомленный отъ худой дороги, никого въ тотъ день изъ людей не призывалъ, легъ спать, и во время сна кто-то принесъ къ нему убитаго; въ уѣздномъ судѣ Анненковъ припомнилъ, что Макаровъ приходилъ къ нему однажды за приказаніями, а въ орловской палатѣ суда и расправы заявилъ предположеніе, что крестьяне сами убили Макарова за доносы на нихъ барину, и обвиняютъ барина, чтобы избавиться отъ повиновенія ему. Но этого предположенія онъ не могъ доказать. Двухъ женщинъ, которыя находились въ избѣ, вмѣстѣ съ Анненковымъ, онъ не допускалъ къ свидѣтельству: одну потому, что она его крѣпостная, а другую, солдатку, обвиняя ее въ прелюбодѣйствіи; дворовaго человѣка Николаева, видѣвшаго Макарова живымъ утромъ, свидѣтелемъ также не хотѣлъ признать, потому что у отца Анненкова была приказная ссора съ Каратаевымъ.

Сенатъ согласился съ мнѣніемъ орловскихъ судебныхъ мѣстъ и призналъ Анненкова виновнымъ въ «оказанной имъ надъ людьми своими, въ битьѣ, жестокости, отъ чего крестьянину Макарову смерть приключилась», и опредѣлилъ: «лиша всѣхъ чиновъ и дворянскаго достоинства, сослать на поселеніе въ Сибирь».

Это заключеніе утверждено имп. Александромъ I 9-го августа 1802 г. Въ томъ-же мѣсяцѣ въ Орлѣ полученъ указъ сената. Содержавшійся съ 8 мая этого года въ тюрьмѣ Анненковъ былъ сосланъ.

Сообщ. **А. Г. Шупаревъ.**

ГОРОДЪ ОЛЕНСКЪ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1889 г., т. LXV, въ февральской книгѣ,—помѣщены «Посмертныя записки Николая Васильевича Берга». Статья эта, написанная очень живо и интересно, въ первой своей главѣ заключаетъ довольно подробное описаніе постройки города Оленска, составленное, главнымъ образомъ, изъ воспоминаній матери автора,—г-жи Бергъ, родившейся и проведшей свою молодость въ Оленскѣ.

Отсутствіе указанія на мѣсто и на время постройки города, нѣкоторыя неточности въ самомъ описаніи возбудили у Н. В. Латкина сомнѣніе въ существованіи когда-либо подобнаго города, что вызвало возраженіе со стороны Г. К. Рѣпинскаго. Эта легкая полемика, отсутствіе указанія на мѣсто нахожденія Оленска возбудили у меня желаніе узнать—дѣйствительно-ли, de facto, существовалъ городъ Оленскъ, гдѣ именно и что̀ съ нимъ сталось, или, какъ выражается самъ Николай Васильевичъ (стр. 302): «что̀ теперь на ого мѣстѣ? Поселились-ли якуты или опять засѣли прежнія тайги, поросли травы—и ревутъ тамъ только медвѣди, волки да лисицы—сказать трудно». Попытаемся приподнять завѣсу прошедшаго, порыться въ событіяхъ, относящихся къ описываемой эпохѣ края,—можетъ быть и найдемъ мы въ нихъ удовлетворительный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, и рѣшеніе его не такъ трудно. Такъ какъ мнѣ придется ссылаться не только на данныя Н. В. Берга, указывающія на мѣсто постройки города Оленска, но и на нѣкоторыя неточности самаго разсказа, дающія ошибочное представленіе объ описанной имъ мѣстности, то я считаю необходимымъ сдѣлать полную выборку всего, относящагося до описанія постройки города. Вотъ что говоритъ объ этомъ Н. В. Бергъ: «немного раньше того времени, когда отецъ мой отправился изъ Петербурга въ Томскъ съ чиновниками, отправился точно также одинъ чиновникъ изъ Малороссіи, Ефремъ Ѳедоровичъ Ромадинъ въ Якутскую область. Ему, какъ имѣвшему понятіе о стройкѣ избъ, дѣланіи телѣгъ и т. п., и даже лично владѣвшему топоромъ и рубанкомъ, было поручено, по повелѣнію государыни, выстроить въ тысячѣ верстахъ отъ Якутска на сѣверѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, кедровыхъ и другихъ хвойныхъ (по-сибирски въ тайгѣ), гдѣ жили одни только якуты—городъ Оленскъ, руками сосланныхъ въ тѣ страны уральскихъ казаковъ и башкиръ Пугачева. Подъ ихъ топорами, и отчасти подъ топоромъ самого начальника Ромадина, очень скоро выросъ небольшой городокъ въ 15 богатыхъ избъ, названный Оленскомъ. Ефремъ Ѳедоровичъ принадлежалъ къ такимъ личностямъ, которыхъ нельзя было не слушать... По окончаніи постройки жилыхъ и нежи-

лыхъ строеній, часть ихъ назначена подъ присутственныя мѣста: уѣздный судъ, полицію, врачебную управу и т. д., часть на житье чиновникамъ... Зимы были суровыя, но лѣто почти тропическое. Все росло быстро: хлѣбъ, травы чрезвычайныя... Лѣса и луга, тянувшіеся на необъятное пространство и принадлежавшіе жителямъ города настолько, насколько кто могъ захватить, дышали дѣвственною, дикою поэзіею и были полны звѣрей и птицъ, никогда еще не пуганныхъ человѣкомъ... Дикіе гуси и утки прилетали на городской прудъ, вырытый строителемъ. Чернобурыя лисицы грѣлись на солнцѣ по соломеннымъ крышамъ домовъ, медвѣдь ходилъ въ одинъ дворъ изъ лѣсу пить молоко... При необычайномъ изобиліи молока (такъ какъ каждый чиновникъ имѣлъ большое количество коровъ, которыхъ содержаніе стоило немного), никто не смущался шалостями Мишки... Лѣто представляло еще для этого (развлеченія) средства: ѣздили всею гурьбою, всѣмъ населеніемъ города, въ лѣсъ, верхами на дикихъ лошадяхъ... Въ лѣсахъ—сбираніе ягодъ, грибовъ... Какое имѣлъ оффиціальное положеніе въ Оленскѣ Ефремъ Ѳедоровичъ—это мнѣ въ точности неизвѣстно. Знаю только то, что его всѣ боялись и всѣ слушались. Высшее начальство губернскаго города Якутска знало о жесткихъ, своеобычныхъ и рѣзкихъ свойствахъ строителя Оленска и потому рѣшилось поручить ему въ окрестностяхъ новаго города, на довольно большомъ пространствѣ, въ раіонѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, что по-сибирски вовсе не много,—вводить въ употребленіе картофель, тогда еще очень мало извѣстный въ Сибири. Ефремъ Ѳедоровичъ, названный засѣдателемъ (по-якутски «отъ»), сѣлъ на телѣгу, въ другую посадилъ двухъ казаковъ съ хорошими нагайками и началъ скакать по разнымъ окрестнымъ селамъ, деревнямъ и городкамъ, заглядывая въ печи простыхъ обывателей, мѣщанъ и крестьянъ, русскихъ и якутовъ... Нѣсколько позже, точно такимъ-же образомъ, тотъ-же самый «отъ» вводилъ въ Оленскѣ и окрестностяхъ употребленіе телѣгъ... Вскорѣ затѣмъ правительство нашло невыгоднымъ имѣть городъ въ такихъ лѣсныхъ трущобахъ; чиновникамъ предписано, по выдачѣ извѣстной суммы на подъемъ каждому, оставить Оленскъ и отправиться на службу или на житье кому куда угодно... Такъ мудреный городокъ, какая-то прихотливая фата-моргана, явившаяся по мановенію волшебнаго жезла среди непроходимой тайги и тундръ, пересталъ вдругъ существовать, имѣвъ въ 15 лѣтъ жизни, всего на всего, только 8 дѣлъ».

Названіе города—«Оленскъ», указанія г. Берга о постройкѣ его на сѣверъ отъ Якутска въ тысячѣ верстахъ, указъ 2 марта 1783 г. (т. XXI. № 15675) объ учрежденіи Оленскаго уѣзда и указъ 1790 г. (т. XXIII, № 16913) о дарованіи городу Оленску, съ другими городами Якутской области, Жиганскомъ, Зашиверскомъ, Средне-Колымскомъ и Олекминскомъ, герба, (причемъ указано на оставленіе въ послѣднемъ городѣ прежняго), приводятъ невольно къ заключенію о нахожденіи Оленска на рѣкѣ Оленскѣ. Изъ упомянутыхъ городовъ Жиганскъ и Зашиверскъ болѣе не существуютъ и хотя имѣютъ только нѣ-

сколько жалкихъ полуразрушенныхъ лачугъ, но значатся заштатными городами, остальные два города—Олекминскъ и Средне-Колымскъ нынѣ—окружные города; объ одномъ только Оленскѣ не осталось никакого воспоминанія; служа въ Якутской области въ 1859 и 1860 гг., мнѣ никогда не приходилось при распросахъ о краѣ слышать этого названія. Гдѣ причина этого забвенія? Справки, относящіяся къ наиболѣе близкой эпохѣ существованія Оленска, категорически указываютъ на нахожденіе этого города на рѣкѣ Оленскѣ, у Ледовитаго океана, т. е. на мѣстѣ понынѣ существующаго селенія Усть-Оленскаго или Балкалакъ, основаннаго въ концѣ XVII вѣка казаками, какъ говоритъ Н. В. Латкинъ. Въ «Новомъ полномъ географическомъ словарѣ» и т. д. (Льва Максимовича), 1788 г., Москва, ч. IV, мы читаемъ: «Оленскъ, городъ Иркутскаго намѣстничества, лежитъ при рѣкѣ Оленскѣ, впадающей въ Ледовитое море, разстояніемъ отъ С.-Петербурга 9,309 в., отъ Москвы 8,579, а отъ Иркутска 3,496 в.». Въ этомъ-же словарѣ разстояніе г. Якутска отъ Иркутска показано въ 2,486 в., а Верхне-Вилюйское зимовье, при р. Вилюѣ, въ Якутскомъ уѣздѣ, отъ города въ 500 в. Затѣмъ, въ словарѣ Аф. Щекатова и Максимовича, 1805 г., въ ч. IV, говорится: «Оленскъ, новоучрежденный уѣздный городъ Иркутской губерніи, Якутской области, лежитъ при рѣкѣ Оленскѣ, впадающей въ Ледовитое море, разстояніемъ отъ С.-Петербурга 9,214 в., Москвы 8,486, отъ губернскаго города Иркутска, къ сѣверу 3,198 в. Верхне-Вилюйское зимовье (ч. 1-я, 1801 г.) показано уже въ Олёкминскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу р. Вилюя; а въ описаніи рѣки Вилюя говорится, что она «течетъ по границамъ Олёкминскаго съ Оленскимъ и Жиганскаго съ Якутскимъ уѣздами. Въ древней «Россійской Вивліоѳикѣ» и т. д. Н. Новикова, 1791 г., въ XVIII ч., въ топографическомъ описаніи Иркутскаго намѣстничества, о Якутской области, между прочимъ, указано на то, что Оленскій уѣздъ составленъ будто-бы изъ бывшаго Верхоянскаго и Жиганскаго комиссарствъ; а Жиганскій уѣздъ—изъ Верхоянскаго, Верховилюйскаго и Жиганскаго комиссарствъ. Въ «Землеописаніи Россійской Имперіи» и т. д. Е. Зябловскаго, 1810 г., въ V ч., Якутскъ значится областнымъ городомъ, въ разстояніи отъ Иркутска 2,588 в., и далѣе говорится: «въ Якутскомъ уѣздѣ имѣются слѣдующіе приписные города: Олёкминскъ (отъ Иркутска 1,997 в.), Оленскъ, при устьѣ Оленска, въ сосѣдствѣ коего кочуютъ якуты, разстояніемъ отъ Иркутска 3,198 в., Жиганскъ (3,388 в.), Зашиверскъ и Охотскъ»; кромѣ этихъ городовъ перечислены имѣвшіеся въ Якутскомъ уѣздѣ—остроги и указано на нахожденіе соляныхъ промысловъ—Вилюйскаго ключа, въ бывшемъ Оленскомъ уѣздѣ. Затѣмъ въ этомъ-же описаніи говорится, что Якутскій уѣздъ по великому пространству раздѣленъ на семь частныхъ комиссарствъ: Удское, Ангинское, Олёкминское, Верховилюйское, Жиганское, Зашиверское и Средне-Колымское, а объ Оленскѣ не упоминается. Вся эта путаница, съ неправильнымъ указаніемъ на мѣсто нахожденія Оленска, произошла отъ смутнаго понятія, которое имѣли объ этомъ отдаленномъ краѣ

составители статей, пользовавшіеся для своихъ описаній исключительно появлявшимися указами, которые, какъ увидимъ ниже, не всегда были приводимы въ исполненіе.

Обращаясь къ исторіи XVIII в., т. е. ко времени сильной ломки стараго порядка по устройству управленія въ Сибири, видимъ, что первоначально и довольно продолжительное время Якутская область составляла отдѣльное воеводство, причисленное въ 1708 г. къ Сибирской губерніи; въ 1764 г. Якутскъ значится уѣзднымъ городомъ Иркутской губерніи, а въ 1775 г. переименованъ въ провинціальный городъ, подчиненный иркутскому губернатору. При учрежденіи въ 1783 г. иркутскаго намѣстничества, Якутская провинція переименована въ область и управлялась комендантами, въ 1796 комендантство упразднено и съ 1797 г. Якутскъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Иркутской губерніи и управлялся городничимъ. Въ 1805 г. въ Якутскѣ открыто областное правленіе, и область раздѣлена на комиссарства. Затѣмъ въ 1822 г., при раздѣленіи Сибири на Восточную и Западную, Якутская область раздѣлена на пять округовъ, причемъ Якутскъ отнесенъ къ категоріи среднихъ городовъ, а остальные города области—къ малолюднымъ, въ которыхъ управленіе соединено въ одномъ званіи исправника. Изъ всѣхъ этихъ распоряженій для насъ наибольшій интересъ имѣетъ высочайше утвержденный докладъ сената отъ 31 января 1776 г. (т. XX, № 14,242), по которому въ тогдашнемъ Якутскомъ уѣздѣ, составлявшемъ часть Иркутской губерніи, велѣно было учредить: одинъ провинціальный городъ—въ Якутскѣ, а другой—воеводскій, въ 329 верстахъ отъ перваго, по Охотскому тракту, на рѣкѣ Алданѣ, въ 70 в. ниже впаденія рѣки Бѣлой; эта воеводская канцелярія должна была называться по рѣкѣ—Алданскою, съ причисленіемъ къ ней Удскаго острога; кромѣ того, велѣно образовать 4 комиссарства: Жиганское, Верхоянское, Среднеколымское и Олёкминское. 13 марта 1777 г. (т. XX, № 14,598) утвержденъ былъ и гербъ для города на рѣкѣ Алданѣ: «въ серебряномъ полѣ протекающая по срединѣ щита голубая извитая полоса, показующая самую ту рѣку, по которой сіе правительство наименовано и учреждено». Но ни городу, ни воеводству не суждено было появиться въ назначенной мѣстности, вѣроятно, вслѣдствіе, встрѣченныхъ затрудненій въ приведеніи этого распоряженія въ исполненіе; мы дозволяемъ себѣ высказать это предположеніе потому, что въ слѣдующихъ затѣмъ преобразованіяхъ нигдѣ не упоминается о городѣ Алданскѣ и о воеводствѣ. Точно такъ-же и управленіе Оленскимъ округомъ никогда не было въ Усть-Оленскомъ или Оленскомъ селеніи, а находилось въ Верхне-Вилюйскѣ, гдѣ, по указу 31 января 1775 г., назначено было открыть комиссарство, а въ указѣ 2 марта 1783 г., объ учрежденіи въ Якутской области пяти уѣздовъ, въ томъ числѣ и Оленскаго, предоставлено: «селенія въ оныхъ уѣздахъ, кои къ тому способнѣе окажутся, переименовать городами»; мы полагаемъ, что наиболѣе подходящимъ селеніемъ мѣстнымъ

начальствомъ и было признано Верховилюйское комиссарство, переименованное въ городъ Оленскъ; что это такъ и было—подтверждаютъ и слѣдующія данныя: А. Уклонскій въ своемъ медико-топографическомъ описаніи Вилюйскаго округа (Журн. Министр. Внутр. Дѣлъ, 1841 г., ч. XXXIX, № 1), указывая на важнѣйшія рѣки въ округѣ Вилюй и Оленскъ, прибавляетъ: «по званію которыхъ и самый округъ удерживаетъ двоякое именованіе—Вилюйскаго и Оленскаго». Въ памятныхъ книжкахъ Якутской области на 1863 и 1867 гг., мы находимъ въ статьѣ: «Хронологическій перечень различныхъ событій Якутской области» у города Вилюйска, въ скобкахъ, наименованіе—Оленскъ. Но наиболѣе близкое разъясненіе высказаннаго нами предположенія о мѣстонахожденіи Оленска мы имѣемъ въ статьѣ о Верхневилюйскѣ, помѣщенной въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, (изданіе Плюшара, въ 9 т., 1837 г.), гдѣ говорится: «Верхневилюйскъ или Оленскъ, городъ Якутской области, на правой сторонѣ рѣки Вилюя, въ 610 верст. отъ Якутска; въ немъ 30 домовъ и 1 церковь. Власть земская по уѣзду и полицейская по городу сосредоточена въ лицѣ одного исправника. Верхне-Вилюйское зимовье построено мангазейскими казаками въ 1630 г., затѣмъ учреждено здѣсь комиссарство (годъ не показанъ, но это было, какъ выше нами указано, въ 1775 г.), а въ 1774 г.—городъ (ошибка—городъ учрежденъ въ 1783 г.), которому въ 1790 г. пожалованъ гербъ съ изображеніемъ на зеленомъ полѣ (ошибочно въ указѣ сказано: въ нижней части въ голубомъ полѣ серебряный олень...) бѣгущаго оленя. Въ 1805 г. городъ уничтоженъ, и учреждено комиссарство, которое въ 1822 г. опять возведено на степень города. Вилюйскъ назывался Оленскомъ еще потому, что сначала предположено было помѣстить городское управленіе въ Оленскѣ,—мѣстечкѣ, которое лежитъ при рѣкѣ Оленскѣ, впадающей въ Ледовитое море». Жаль только, что составителемъ не указаны источники, на основаніи которыхъ имъ сдѣлано это изложеніе. Это указаніе на мѣстонахожденіе Оленска въ Вилюйскѣ находитъ себѣ подтвержденіе и въ картинномъ и живомъ описаніи г. Вергомъ, въ его Запискахъ, мѣстности постройки Оленска, а именно: богатой травяною растительностію и дремучими хвойными лѣсами, съ континентальнымъ климатомъ, т. е. суровою зимою и жаркимъ лѣтомъ, съ значительно развитымъ скотоводствомъ среди якутскаго населенія,—все это указываетъ на нахожденіе города въ отдаленіи отъ Ледовитаго океана, у береговъ котораго, какъ извѣстно, растилается голая, болотистая тундра, совершенно лишенная лѣсной растительности, съ довольно холоднымъ лѣтомъ. И дѣйствительно, какъ могли-бы остаться въ воспоминаніяхъ г-жи Бергъ, если-бы она провела молодость свою у береговъ Ледовитаго океана,—дремучіе лѣса, собираніе въ нихъ ягодъ и грибовъ, скачка на дикихъ лошадяхъ..., скорѣе остались-бы у ней воспоминанія о ѣздѣ на собакахъ или оленяхъ, не заходящее лѣтомъ солнце и продолжительная зимняя ночь, съ ея чудными сѣверными сіяніями... Указаніе г. Берга на положеніе города на сѣверъ отъ Якутска и въ тысячѣ верстахъ, а также и нѣко-

торыя другія неточности, о которыхъ мы ниже укажемъ, явились вслѣдствіе его незнанія описанной имъ мѣстности, въ которой онъ никогда самъ не былъ, а многое допущено имъ и ради картинности изображенія.

Такъ, мы видимъ, что и раньше было здѣсь поселеніе, а г. Ромадину, вѣроятно, поручено было выстроить нѣсколько только зданій для управленія уѣзднаго города, но никакъ не подъ врачебную управу, которой нигдѣ въ уѣздныхъ городахъ никогда не было. Едва-ли лѣса были полны звѣрей и птицъ, никогда еще не пуганныхъ человѣкомъ..., такъ какъ звѣриный промыселъ составлялъ съ незапамятныхъ временъ главный источникъ существованія тунгусовъ, аборигеновъ этого края; а ради самой пушнины, отчасти, двигались и сами казаки все далѣе и далѣе на сѣверо-востокъ. Чернобурыя лисицы не могли грѣться на соломенныхъ крышахъ домовъ, такъ какъ такихъ крышъ не было, по крайней мѣрѣ, я ихъ нигдѣ не видѣлъ въ Якутской области въ 1859 и 1860 гг. Да и вообще разсказъ о лисицѣ и медвѣдѣ носитъ легендарный характеръ и сильно напоминаетъ распространенное въ былое время мнѣніе о богатствѣ Сибири пушниною, гдѣ, какъ говорится, и бабы бьютъ коромыслами соболей. «При введеніи картофеля, Ефремъ Ѳедоровичъ, названный засѣдателемъ (по якутски «отъ»), сѣлъ на телѣгу, въ другую посадилъ двухъ казаковъ»..., а черезъ нѣсколько строкъ г. Бергъ говоритъ: «нѣсколько позже тотъ-же «отъ» вводилъ въ Оленскѣ и окрестностяхъ употребленіе телѣгъ...», — это какъ-то не вяжется, да и скакать въ телѣгахъ, какъ сказано, по разнымъ окрестнымъ селамъ, деревнямъ и городкамъ.... г. Ромадинъ не могъ: во-первыхъ, и по настоящее время все сообщеніе въ Вилюйскомъ округѣ производится лѣтомъ — верхомъ, или водою — въ лодкахъ, а зимою въ небольшихъ саняхъ, такъ какъ никакихъ дорогъ черезъ лѣса и болота не проложено, а ведутъ только—тропы; во-вторыхъ, ни селъ, ни деревень, а тѣмъ болѣе трактовъ не было въ Вилюйскомъ или Оленскомъ округѣ, а все населеніе состояло изъ бродячихъ тунгусовъ, да осѣдло, но разсѣянно жившихъ въ своихъ ночлегахъ, якутовъ, среди которыхъ была и небольшая горсть русскихъ. Въ настоящее время все русское населеніе Вилюйскаго округа, кромѣ небольшаго числа казаковъ и служащихъ, состоитъ изъ 458 д. об. пола крестьянъ и 526 д. ссыльныхъ всѣхъ категорій. Причемъ все крестьянское населеніе собрано впервые въ 1848 г., въ двѣ неб. деревушки, на оз. Норьбѣ, лежащемъ въ 250 в. отъ города, и въ Сунтирѣ въ 470 в. отъ Вилюйска. Существовавшее въ то время Оленское (Усть-Оленское) селеніе русскихъ находилось отъ Вилюйска не менѣе какъ въ 2,000 верстахъ и добраться до него можно было только черезъ Якутскъ или по рр. Вилюю и Ленѣ, а затѣмъ отъ Булуна перевалить черезъ тундру къ устью Оленска. Никакихъ печей у населенія, жившаго среди якутовъ, не могло быть, такъ какъ въ якутскихъ жилищахъ—«юртахъ» отопленіе производится посредствомъ особаго рода камина (саха-осохъ), который служитъ и для варки пищи и въ которомъ зимою огонь почти-что не гаснетъ,

иначе въ юртѣ дѣлается невыносимо холодно. Слово «отъ» по-якутски значитъ не засѣдатель, а огонь, и это мѣткое названіе дали якуты — г. Ромадину за его взбалмошный, горячій характеръ, какъ можно судить изъ описанія г. Берга, который самъ называетъ его самодуромъ и деспотомъ; естественно, что такого человѣка якуты боялись, какъ говорится, «пуще огня». Хлѣбопашество и разведеніе картофеля хотя и имѣетъ мѣсто въ Вилюйскомъ округѣ, но въ очень ограниченныхъ размѣрахъ: такъ, въ 1889 г. засѣяно было до $1185^1/_4$ дес., а подъ огородными овощами и картофелемъ только 127 дес., причемъ изъ хлѣбовъ сѣется преимущественно ячмень; но, вообще, хлѣба часто страдаютъ отъ рано наступающихъ лѣтнихъ холодовъ (инеевъ), появляющихся иногда въ концѣ іюля и вліяющихъ на недородъ хлѣбовъ.

Изъ Записокъ г. Берга видно, что Е. Ѳ. Ромадинъ прожилъ въ Оленскѣ 15 лѣтъ, слѣдовательно прибылъ въ городъ около 1790 г.; принимая выѣздъ его въ 1805 году, при переименованіи Оленска въ Вилюйское комиссарство, это обстоятельство опять указываетъ, что онъ не былъ строителемъ новаго города, который до его пріѣзда просуществовалъ уже около 7 лѣтъ. Въ указѣ отъ 6 марта 1783 г. (т. XXI, № 15680) объ устройствѣ Иркутскаго намѣстничества сказано: «Въ Якутской области состоять коменданту. По великой обширности уѣздовъ, для пособія земскимъ исправникамъ въ удобнѣйшемъ отправленіи должности ихъ, назначили мы въ нижнихъ земскихъ судахъ всѣхъ четырехъ областей Иркутской губерніи дворянскихъ засѣдателей; а какъ тамъ жительствующихъ дворянъ нѣтъ, то и наполнять сіи мѣста со стороны правленія дворянами другихъ губерній; то-же разумѣется и о засѣдателяхъ дворянскихъ совѣстнаго суда». На основаніи этого распоряженія можно предположить, что Ромадинъ былъ назначенъ въ Оленскъ засѣдателемъ земскаго суда.

Такъ какъ Верхне-Вилюйское зимовье (волость) до переименованія въ городъ Оленскъ носило названіе Верхне-Вилюйскаго, а, за упраздненіемъ города, Вилюйскаго комиссарства и, наконецъ, города Вилюйска, то вполнѣ понятно совершенное забвеніе мѣстнымъ населеніемъ названія Оленскъ—города, недолго существовавшаго.

Фр Шперкъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подъяческая ул., д. №. 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получатъ книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Альведингенъ, А. На всякій случай! Научно-практическіе совѣты. Ч. II. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Ан—въ, Е. П. Скаковая настольная книжка на 1892 г. М. Ц. 1 р.

Арсеньевъ, А. В. Старыя бывальщины. Историческіе очерки и картинки. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Безобразова, М. В. Философскіе этюды. М., 1892 г. Ц. 80 к.

Бенъ, А, и **Оппель**, А. Compendium микроскопической техники. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бердниковъ, И. О воспріемничествѣ при крещеніи и о духовномъ родствѣ какъ препятствіи къ браку. Казань, 1892 г. Ц. 40 к.

Берендтсъ, Э., проф. Меркантилисты и физіократы въ Швеціи въ 18-мъ столѣтіи. Ярославль, 1892 г. Ц. 60 к.

Berkovich, S. M. Nouveau vocabulaire systematique français-russe. Одесса, 1892 г. Ц. 75 к.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: Ф. Шопенъ.—Аристотель. Съ портретами. Спб., 1892 г. Ц. кажд. т. 25 к.

Біографія профессора А. П. Доброславина. Спб., 1891 г. Ц. 30 к.

Блокъ, Ю. Велосипедъ. Его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ и пр. М., Ц. 2 р.

Борисовъ, И. О главнѣйшихъ врачебныхъ растеніяхъ, находимыхъ въ дикомъ видѣ въ предѣлахъ средней Россіи. М., 1892 г. Ц. 30 к.

Берингеръ, М. О вліяніи хозяйственныхъ мѣръ на ходъ прироста и доходность лѣснаго хозяйства. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Бубновъ, С. Ѳ., д-ръ. Фотометрическія наблюденія надъ распредѣленіемъ дневнаго свѣта въ комнатахъ. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Будринъ, П. В. Опыты съ земнымъ удобреніемъ и замѣтки о значеніи его для русскаго сельскаго хозяйства. Спб., 1892 г. Цѣна 40 к.

Буренинъ, В. Пѣсни и шаржи. Изданіе 2-е дополн. новыми стихотвореніями. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бухаревъ, І, священ. Житія всѣхъ святыхъ, празднуемыхъ православною церковью. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

* **Бѣлозерскій**, Е. Правда и вымыселъ. Разсказы. М., 1892 Ц. 1 р.

Васильевъ, А. проф. Изъ исторіи и философіи. Понятія о цѣломъ положительномъ числѣ. Казань. Ц. 30 к.

Васъ, Б. А. Вольно—оправиться! Сборникъ анекдотовъ изъ военнаго быта. Спб., 1892 г. Ц. 1 р,

Веберъ, К. К. Нужды нашего народнаго хозяйства. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

---

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины“.

Ведровъ, С. В., проф. Иванъ Ефимовичъ Андреевскій. Спб., 1891 г. Ц. 20 к.

Вендрихъ, фонъ, А. Центральныя желѣзнодорожныя разсчетныя конторы. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Вилинскій, Д. А. Бытовые охотничьи разсказы. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Витбергъ, Ѳ. А. Н. В. Гоголь и его новый біографъ. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

Вознесенскій, Н. Къ вопросу о роли правительства и частной иниціативы въ дѣлѣ устройства, оборудованія и эксплоатаціи нашихъ торгов. портовъ. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Вознесенскій, Н. Портовые бассейны. 3 листа чертеж. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Газенвинкель, К. Б. Государево жалованье послужникамъ сибирскимъ. Къ исторіи Сибири XVII в. Тобольскъ, 1892 г. Ц. 30 к.

Гейслеръ, Ѳ. К. Историческое развитіе ученія о болѣзнетворныхъ бактеріяхъ. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Гиѣдичъ, П. П. Семнадцать разсказовъ. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

* **Гоголь**, Н. В., и его новый біографъ. (По поводу книги г. Шенрока: «Матеріалы для біографіи Гоголя». Т. I. Москва. 1892 г. Витберга. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

***Гольмстенъ**, В., д-ръ. Холера. Предохранительныя мѣры противъ холеры въ домахъ и семьяхъ. Съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Здекауера. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.

Горбуновъ. Программы, учебные планы и правила реальн. училищъ. М., 1892 г. Ц. 35 к.

Гринъ, Дж. Р. Исторія англійскаго народа. Т. III. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Давыдова, Софія. Русское кружево и русскія кружевницы. Изслѣдованіе историческое, техническое и статистическое. Спб., 1892 г. Ц. за 2 т. 20 р.

Давыдовъ, А. О. Краткія указанія о посадкѣ и обрѣзкѣ плодовыхъ деревьевъ и о защитѣ отъ мороза. Спб., 1892 г. Ц. 20 к.

* **Джаншіевъ**, Гр. Изъ эпохи великихъ реформъ. (Освобожденіе крестьянъ.—Отмѣна тѣлеснаго наказанія.—Цензурная реформа.—Новый судъ и пр.). Историческія справки. 2-е дополн. изд. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Дементьевъ, П. М. Справочная книжка Фотограф. Ежегодника. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Денисовъ, Я. Дохмій. Глава изъ греческой метрики. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Десницкій, Н. В. Курорты и водолечебницы. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. (Мысли въ картинахъ и образахъ). М., 1892 г. Ц. 1 р.

Дьяконовъ, Д. И., и **Лермантовъ**, В. Е. Руководство къ обработкѣ стекла на паяльномъ столѣ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Жирмунскій, М. С., д-ръ. Краткое руководство къ ушнымъ болѣзнямъ. Съ рисунками. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 20 к.

Заводская книга русскихъ рысаковъ. Подъ редакц. Ю. И. Юрлова. Т. XIII. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

Здекауеръ, Н. Ѳ., проф. О рыбномъ ядѣ. Спб., 1892 г. Ц. 20 к.

Зиминъ, Н. П. Хозяйственно-противопожарная водопроводная система. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Знаменскій, П. На память о Николаѣ Ивановичѣ Ильминскомъ. Съ портретомъ и факсимиле. Казань, 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общ. при Импер. Спб. университетѣ. Подъ редакц. Н. И. Кареева. Т. IV. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Кайгородовъ, Дмитрій. Изъ зеленаго царства. Популярные очерки изъ міра растеній. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Книга о книгахъ. Толковый указатель для выбора книгъ по важнѣйшимъ отраслямъ знаній подъ редак. И. И. Янжула. М., 1892 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Ковальковскій, Е. П., проф. Санитарныя учрежденія Берлина, Парижа и Лондона. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій технич. словарь. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Краевскій, Д. М. Дешевыя огнестойкія краски и чернила, на жидкомъ (фусовомъ) стеклѣ приготовл. Спб., 1892 г. Ц. 10 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Собраніе сочиненій. Т. IV. Спб., 1892 г. Ц. за 5 т. по подпискѣ 12 р.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. Съ рисунками. М., 1892 г. Ц. 70 к.

Лейкинъ, Н. А. Наши заграницею. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ, Николая Ивановича и Глафиры Семеновны, въ Парижъ и обратно. Изд. 5-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лейкинъ, Н. А. Медаль. Шуточныя сцены. Изд. 4-е. Спб. Ц. 25 коп.

Леандръ, Н. Волжскій спутникъ. Съ картою. Изд. 4-е. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

* **Личный составъ** Уральскаго Общества любителей естествознанія, учрежденнаго 11-го сентября 1870 года, въ г. Екатеринбургѣ. Екатеринбургъ, 1892 г.

Лоря, Андрэ. Наслѣдникъ Робинзона. Съ рисунками. М., 1892 г. 1 р. 60 к.

Массальскій, В. И., кн. Хлопковое дѣло въ Средней Азіи и его будущее. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

* **Мартенсъ**, Ф. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію Министерства иностр. дѣлъ. Т. IX (X). Трактаты съ Англіею. 1710—1801. Спб., 1892 г.

Мартосъ, Г. Руководство ѣзды на велосипедѣ. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Масляниновъ, К.И. Постройка саманно-толевыхъ огнеупорныхъ зданій. Съ рисунками. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Матченко, И. П. Опытъ руководства по сравнительной географіи. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

Медзаботта, Э. Іезуитъ. Черный папа. Историческій романъ. Перев. съ итальян. Н. А. Попова. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Миллардэ, А., проф. Гибридизація виноградной лозы. Ц. 40 к.

Михайловъ, А. (Шеллеръ). Хлѣба и зрѣлищъ. Романъ. Изд. 2. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Моргенштернъ, Сѣра въ подвальномъ хозяйствѣ. (Магарач. лабораторіи). Ц. 20 к.

Нетовичъ, С. К. Спутникъ мельника-механика. Одесса, 1892 г. Ц. 3 р.

Огіевскій, М. Новые элементы въ южно-русскомъ пѣснотворчествѣ. Спб. Ц. 20 к.

Оже, Дюсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Памяти Николая Ивановича Студенскаго. Сборникъ статей врачей Казанской губ. земской больницы. Казань, 1892 г. Ц. 2 р.

Полетаевъ, Н. Иски изъ незаконнаго обогащенія. Спб. Ц. 40 к.

Полный карманный путеводитель по Россіи. Лѣто и осень 1892 г. Спб. Ц. 50 к.

Предтеченскій, Е. А. На память о Волгѣ. Съ рисунк. Спб., 1892 г. Ц. 15 к.

Программа изслѣдованій по медицинской зоологіи Бланшара. Перев. и дополнилъ д-ръ Н. Слюнинъ. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Т. III, вып. 3-й. Аристидъ и Катонъ старшій. (Дешевая библ.). Спб. Ц. 15 к.

Путеренъ-Ванъ, М. Д. Значеніе и способы искусственнаго вскармливанія дѣтей. Публичная лекція. Спб., 1892 г. Ц. 35 к.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Реверсовъ, И. Очеркъ западной апологетической литературы II и III вв. Казань, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рибо, Ш., д-ръ. Психологія вниманія. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Русскіе народы. Рисунки Л. Л. Бѣлинкина. Текстъ подъ редакціею проф. Н. Ю. Зографа. Ч. I. Вып. 2-й. М. Ц. 60 к.

С. А. Э. Жизнь миссіонера отца Даміана Вейстеръ. (Весь чистый доходъ поступаетъ въ пользу прокаженныхъ Якутской области). Спб., 1892 г. Ц. 20 к.

Сабанѣевъ, Л. П. Рыбы Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. Т. II. Изд. 2-е, передѣл. М., 1892 г. Ц. за 2 т. 6 р.

Сабанѣевъ, Л. П. Охотничій календарь. Справочная книга для ружейныхъ и псовыхъ охотниковъ. Изд. 2-е, дополн. Съ рисунк. М., 1892 г. Ц. 5 р.

Салтыковъ, М. Е. Дневникъ провинціала въ Петербургѣ.—За рубежемъ. (Полное собр. соч. т. VIII). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Сборникъ узаконеній объ охотѣ, дѣйствующихъ въ Россійской имперіи, съ разъясненіями и приложеніемъ уставовъ охотничьихъ обществъ. Спб. Ц. 1 р.

Семеновъ, А. М. Заслуги женщинъ на

врачебно-фармацевтическомъ поприщѣ. М., 1892 г. Ц. 50 к.

Сенговъ, І. Народное воззрѣніе на дѣятельность Іоанна Гр. Спб., 1892 г. Ц. 60 г.

Симанскій, К. К. Спутникъ петербуржца. Спб., 1892 г. Ц. 15 к.

Сниткинъ, М. Н. Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. Ц. 2 р.

Скабичевскій, А. М. Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 гг.). Спб., 1892 г. Цѣна 2 р.

Соколовъ, А. Замѣчанія на словарь русскаго языка, издаваемый Академіею. Казань, 1892 г. Ц. 15 к.

Соколовъ, В. А. Елизавета Тюдоръ, королева англ. Сергіевъ посадъ. 1892 г. Ц. 1 р.

Сообщенія Спб. отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Вып 4-й. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Сорель, А. Европа и французская революція. Перев. съ французскаго, съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб., 1892 г. Ц. за 2 т. 6 р.

Спенсеръ, Гербертъ. Философія въ сокращенномъ изложеніи г. Коллинса, съ пред. Г. Спенсера. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Справочная книжка велосипедиста. Спб., Цѣна 50 коп.

Старчевскій, А. В. Русскій морской переводчикъ во всѣхъ портахъ Азіи на 25 языкахъ. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Степановъ, П. В. Деревенскій домъ-дача: главн. условія постройки домовъ. Ц. 20 к.

Столповская, А. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Съ прилож. рецензіи на стат. В. С. Соловьева: «Китай и Европа». М., 1891 г. Ц. 3 р.

Субботинъ, А. П. Чай и чайная торговля въ Россіи и др. государствахъ. Съ прил. картъ и рис. Спб., 1892 г. Ц. 5 р.

Судейкинъ, Власій. Биржа и биржевыя операціи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Соломонъ, Д. Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумуляторами. Съ рисунками. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

* **Титовъ**, А. А. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія члену Императорскаго Русскаго Археол. Общ. И. Вахрамѣеву. Вып. II. Москва, 1892 г.

Томпсонъ, Сильванусъ. Электромагниты и электромагнитные механизмы. Съ 210 фигурами въ текстѣ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Торнау, баронъ. Особенности мусульманскаго права. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Тьерри, Огюстенъ. Разсказы изъ временъ Меровинговъ. Переводъ Н. Трескина. (Дешевая библіотека). Спб. Ц. 35 к.

Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ за 1890 г. Подъ ред. В. К. Сомовскаго. Годъ 19-й. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.

Утинъ, Е. И. Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Фарина, С. Запрещенные плоды. Романъ. Перев. съ итальян. Н. А. Попова. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Чеховъ, Александръ. Историческій очеркъ пожарнаго дѣла въ Россіи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шелонскій, Н. Н. Въ мірѣ будущаго. Фантастическій романъ. Съ рисунками. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Шереметевъ, А. Д., гр. Краткій статистическій обзоръ пожарныхъ командъ Россійской имперіи. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Эбштейнъ, проф. Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Кіевъ. Ц. 15 к.

Эльпе. Обиходная рецептура. Вторая серія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Яроцкій, В. Г. Обезпеченіе народнаго продовольствія въ связи съ хлѣбною промышленностью. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

По желанію гг. заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетѣ. Цѣна переплетовъ: шагреневый съ коленкоромъ—80 коп., сафьяннокорешковый—50 коп.

☞ Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ «Русской Старины» безъ малѣйшаго замедленія.

...ло (гдѣ онъ въ то время состоялъ вер-
...мъ секретаремъ русской миссіи), въ ре-
...кцію „Русскаго Вѣстника". Но своего
...руда въ печати ему не суждено было уви-
...ть: вскорѣ послѣ отправки рукописи
...ватель „Русскаго Вѣстника", М. Н. Кат-
...въ, умеръ, и долголѣтній трудъ г. Под-
...затерялся въ редакціонныхъ пучинахъ.
...1888 г., проѣздомъ изъ Бѣлграда на
...ое служебное мѣсто въ Тегеранъ, онъ
...сѣтилъ редакцію „Русскаго Вѣстника",
...ходящуюся уже въ Петербургѣ, и ему
...ось отыскать часть затерянной руко-
...си; по желанію его—возстановить преж-
...е сочиненіе и издать его отдѣльною кни-
...ю—тоже не пришлось быть исполнен-
...мъ, такъ какъ самъ онъ скоро сошелъ
...могилу (13 декабря 1889 г.).

Обработку оставшихся послѣ него части
...кописи и черновыхъ замѣтокъ приняли
...себя нынѣшніе издатели,—и нельзя не
...благодарить ихъ за это. Хотя, по соб-
...ственному ихъ сознанію, нѣкоторыя части
...Очерка" вышли далеко не полными; но и
...въ томъ видѣ, въ какомъ является намъ
...ванная книга, она исполнена большаго
...тереса, написана живо и смѣло можетъ
...ть рекомендована не только лицамъ,
...ціально занимающимся землевѣдѣніемъ,
...и всякому просвѣщенному читателю.

Исторія Апшеронскаго полка.
...00—1892 гг. Составилъ А. Богуслав-
...скій, штабсъ-капитанъ 81-го пѣхотнаго
...Апшеронскаго полка. 3 тома. Спб. 1892.

Въ послѣдніе годы военная литература
...ша все болѣе и болѣе обогащается исто-
...ріями отдѣльныхъ полковъ. Важность та-
...ихъ полковыхъ бытописаній нельзя отри-
...ать. Повѣствуя о прошлой жизни полка,
...подвигахъ, имъ совершенныхъ, историкъ
...ставляетъ своихъ товарищей гордиться
...ундеромъ той части, къ которой они при-
...ыкаютъ, и поддерживать честь, ею заслу-
...женную. Въ особенности можно отнести
...тѣхъ полкамъ, подобнымъ Апшеронскому,
...который стяжалъ себѣ блестящую репу-
...цію въ русской арміи. Сформированъ
...онъ былъ въ 1724 г., изъ расположенныхъ
...въ Кавказѣ войсковыхъ частей, и сначала
...назвалъ Астрабадскимъ полкомъ; настоя-
...щее названіе присвоено ему въ 1732 г.,
...въ царствованіе императрицы Анны Іоан-
...ны. Съ тѣхъ поръ исторія его пред-
ставляетъ рядъ незабвенныхъ военныхъ подвиговъ. Дрался онъ съ горцами, крымскими татарами, турками, французами, пруссаками, шведами — и всегда являлъ себя достойнымъ. Особенно-же прочно утвердилась за полкомъ его репутація во время постояннаго квартированія на Кавказѣ (съ 1818 года). Имя апшеронцевъ тѣсно связано со всею кавказскою эпопеею, и одного уже такого подвига, какъ штурмъ Гуниба, причемъ апшеронцы положили начало успѣху, взобравшись на почти отвѣсный утесъ,—одного такого подвига достаточно для того, чтобы имя полка никогда не изгладилось со скрижалей военной исторіи.

Какъ видимъ, трудъ г. Богуславскаго имѣлъ подъ собою благодарную почву, и, надо отдать справедливость автору, онъ удачно воспользовался имѣвшимся въ его распоряженіи матеріаломъ. Книга богата содержаніемъ и читается легко. Внѣшній видъ изданія, благодаря содѣйствію августѣйшаго шефа Апшеронскаго полка, вел. князя Георгія Михаиловича, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Портреты членовъ императорской фамиліи, а также нѣкоторыхъ полководцевъ, подъ начальствомъ которыхъ приходилось сражаться апшеронцамъ (Суворовъ, Милорадовичъ), вполнѣ удачны. Также хорошо исполнены изображенія форменной одежды, присвоенной полку въ разныя эпохи его существованія.

Списки титулованнымъ родамъ и лицамъ Россійской имперіи. — Изданіе департамента герольдіи правительствующаго сената. С.-Петербургъ, 1892 г.

Изданіе весьма полезное, какъ справочная книга, не только для правительственныхъ учрежденій, но и для частныхъ лицъ, интересующихся происхожденіемъ тѣхъ или другихъ титулованныхъ особъ. За вѣрность помѣщенныхъ въ этомъ изданіи свѣдѣній, сосредоточенныхъ теперь въ департаментѣ герольдіи, ручается то, что права каждаго рода на пользованіе почетнымъ титуломъ своевременно разсматривались соотвѣтствующими правительственными органами. Книга раздѣлена на слѣдующіе пять отдѣловъ: 1) князья, 2) графы, 3) бароны, 4) татарскіе и калмыцкіе князья и 5) маркизы.

И. О.

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коза), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Польскую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., *(10 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., *(51 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., 12 книгъ *(31 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., 12 книгъ *(28 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1880 г., второе изд. *(53 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1881 г., 12 книгъ *(27 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1884 г., 12 кн. изд. второе *(50 экз.)*, съ портр., 9 руб.
„Русская Старина" 1885 г., 12 книгъ *(45 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1888 г., 12 книгъ *(59 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1891 г., 12 книгъ *(47 экз.)*, съ портретами, 9 руб.

Издательница **Е. М. Семевская.** Врем. редакторъ **А. С. Лонгинскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать третій. АВГУСТЪ. 1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ**, 1739—1814 гг., и его письмо къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Сообщ. кн. В. Дабижа 297

II. **Императорскій московскій университетъ въ воспоминаніяхъ Михаила Прохоровича Третьякова**, 1738—1830 гг. Главы III—V . 307

III. **Императоръ Александръ I и король прусскій въ Англіи въ 1814 г.** Выдержки изъ англійскихъ газетъ Юрія Васильевича Толстаго. 347

IV. **Карлъ Ѳедоровичъ Модерахъ**, 1747—1819 гг. Біографическій очеркъ. Сост. Н. В. Тимощукъ. 364

V. **Адмиралъ Ѳаддей Ѳаддеевичъ Беллингсгаузенъ**, 1778—1852 гг. Сообщ. баронъ П. Г. 373

VI. **Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ**, 1757—1835 гг. Очерки изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX в. (Окончаніе). Сообщ. П. О. Морозовъ. 396

VII. **Путевые очерки и воспоминанія.** Поѣздка на окскія минеральныя воды. Рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго. 245

VIII. **Александръ Петровичъ Хрущовъ**, 1806—1875 гг. Выдержки изъ его писемъ 1853—1859 гг . . 431

IX. **Театральныя воспоминанія Н. И. Куликова**: с.-петербургскіе театры въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ. . 451

X. **Доброе старое время.** Главы I и II. Сообщ. Н. С. 479

XI. **Изъ помѣщичьяго быта XVIII в.**: 1) Возмущеніе крестьянъ помѣщика Арсеньева въ 1724 г. — 2) Торговля вольными людьми, 1727 и 1791 гг. 496

XII. **Матеріалы и замѣтки**: Къ характеристикѣ вел. кн. Константина Николаевича (346). — Артисты имп. русскихъ театровъ въ Спб., въ 1858 г. (478).

XIII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ-группа артистокъ императорскихъ русскихъ театровъ въ Спб., въ 1858 г. Фототипическій снимокъ.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1892 г.

Можно получить «Русскую Старину» изд. 1891 г. (Осталось 45 экз.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1892.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1892 г.

Д. И. Эварницкій. Исторія Запорожскихъ казаковъ. Томъ I, съ 22 рисунками. С.-Петербургъ. 1892.

Вольная запорожская община, просуществовавшая болѣе двухъ вѣковъ, представляетъ весьма своеобразное историческое явленіе, особенно интересное для насъ, русскихъ. Гоголь обезсмертилъ главныя характеристическія черты южно-русскихъ „лыцарей" въ своей великолѣпной поэмѣ „Тарасъ Бульба"; но полнаго, всесторонняго изслѣдованія быта запорожцевъ, равно какъ причинъ, повліявшихъ на возникновеніе, развитіе и, наконецъ, паденіе знаменитой „Сѣчи"—до сихъ поръ у насъ не было. Г. Эварницкій еще въ дѣтствѣ пораженъ былъ чтеніемъ вышеназванной поэмы, и красоты ея, очевидно, глубоко запали ему въ сердце, такъ какъ, затѣмъ, всѣ молодые годы свои онъ провелъ не только въ штудированіи историческихъ документовъ, касавшихся до излюбленной имъ темы, но и въ личномъ изслѣдованіи того раіона мѣстности по низовьямъ Днѣпра и Буга, гдѣ возникло и развилось запорожское казачество. Отдѣльныя монографіи его по этому предмету напечатаны были уже въ предшествовавшіе годы; настоящій-же трудъ является сводомъ всего обработаннаго авторомъ матеріала. Вся „Исторія запорожскихъ казаковъ", по плану г. Эварницкаго, будетъ заключаться въ трехъ томахъ; причемъ второй и третій томы посвятятся фактическому изложенію событій казацкихъ дѣяній, начиная съ конца XV и кончая второю половиною XVIII вѣка. Нынѣ вышедшій первый томъ раздѣляется на слѣдующія 26 главъ: 1) границы вольностей запорожскихъ казаковъ, 2) гидрографія, топографія и климатъ запорожскаго края, 3) производительность земли: флора, фауна и времена года въ запорожскомъ краѣ, 4) исторія и топографія восьми запорожскихъ Сичей, 5) составъ, основаніе и число славнаго запорожскаго низоваго товарищества, 6) войсковое и территоріальное дѣленіе Запорожья, 7) войсковыя, куренныя и паланочныя рады у запорожскихъ казаковъ, 8) административныя и судебныя власти въ запорожскомъ низовомъ войскѣ, 9) суды, наказанія и казни у запорожскихъ казаковъ, 10) одежда и вооруженіе, 11) запорожскіе войсковые клейноды, 12) характеристика запорожскаго казака, 13) домашняя жизнь запорожскихъ казаковъ въ Сѣчи, на зимовникахъ и бурдюгахъ, 14) церковное устройство у запорожскихъ казаковъ, 15) Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь, 16) охрана границъ вольностей запорожскихъ, 17) мусульманскіе сосѣди запорожскихъ казаковъ, 18) положеніе христіанъ въ османской неволѣ, 19) христіанскія связи запорожскихъ казаковъ, 20) вооруженныя силы и боевыя средства казаковъ въ сухопутные и морскіе походы, 22) хлѣбопашество, скотоводство, рыболовство, пчеловодство, огородничество и садоводство у казаковъ, 23) торговля, промыслы и ремесла, 24) доходы войска запорожскаго низоваго, 25) грамотность, канцелярія и печать, 26) почтовыя учрежденія у казаковъ.

Изъ вышеизложеннаго уже видно, какъ богата содержаніемъ и занимательна первая часть труда г. Эварницкаго, надо надѣяться, что и этомъ отношеніи не уступятъ ей и послѣдующіе два тома.

Исторія 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго его имп. полка за 250 лѣтъ (1642—1892). Спб. 1892.

25-го іюня сего года исполнилось 250 лѣтъ со времени основанія Бутырскаго пѣхотнаго полка—родоначальника нынѣшняго лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго. Къ этому времени и появилась въ свѣтъ первая часть исторіи, подъ названіемъ „Выборный Московскій полкъ создательскаго строя, извѣстный подъ названіемъ Бутырскаго". Вполнѣ обстоятельный трудъ этотъ принадлежитъ перу генералъ-лейтенанта П. О. Бобровскаго, имѣвшаго возможность воспользоваться богатымъ матеріаломъ какъ военныхъ, такъ и другихъ архивовъ и доведенъ имъ до 1699 г.—года смерти генерала Гордона, двѣнадцать лѣтъ командовавшаго Бутырцами. Вслѣдствіе того Бутырскаго полка выдѣлены были въ составъ войскъ, дѣйствовавшихъ на Азовѣ, при чемъ за нимъ сохранены заслуги полку отличія, которыя она съ честью донесла до послѣдняго часа его существованія, подъ названіемъ 2-гренад. Эриванскаго полка. Долговременное пребываніе его на Кавказѣ ознаменовано блестящими подвигами, описаніе которыхъ и должно войти въ послѣдующія части исторіи.

М. Максимовъ. *И. И. Сосницкій.* *П. А. Каратыгинъ.* *И. Е. Чернышевъ.* *И. Ѳ. Горбуновъ.* *П. И. Малышевъ.*
А. А. Алексѣевъ. *П. И. Григорьевъ.*

АРТИСТЫ ИМПЕРАТОРСКИХЪ РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ 1858 г.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко.

Приложеніе къ журналу «Русская Старина» изд. 18

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

Поѣздка на Экскія минеральныя воды.

(Рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго).

Сборы или предисловіе.

Чтобъ ни сулило вамъ воображеніе,
Но вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

Крыловъ.

Въ концѣ іюня [1]) рѣшился я оставить Парижъ и ѣхать на воды въ Эксъ-Савойскій. Тамъ, думалъ я, сѣрныя ванны, подобно жуванскому ключу, возвратятъ мнѣ молодость или, по крайней мѣрѣ, здоровье. Но зачѣмъ сравнивать съ жуванскимъ ключемъ? Наши народныя преданія упоминаютъ также о какой-то живой и мертвой водѣ, имѣвшей свойство воскрешать мертвыхъ. Какъ-бы то ни было, а все это еще не весьма ободрительно для больнаго, ѣдущаго черпать здоровіе въ минеральныхъ источникахъ.

О! еслибъ не эти понудительныя причины, я-бы не рѣшился оставить Парижа, гдѣ я прожилъ два года въ истинныхъ наслажденіяхъ и столько привыкъ къ сему несравненному городу, что продолжалъ-бы жить въ немъ по самое нельзя: „какъ трудно

[1]) Годъ поѣздки въ точности не извѣстенъ, но надо полагать, что поѣздка эта совершена въ началѣ 1850-хъ годовъ. Ред.

быть своихъ привычекъ властелиномъ!“ Сначала думалъ я ѣхать въ своей коляскѣ, на почтовыхъ и со всѣми прихотями избалованнаго туриста; но строгій взглядъ на домашній бюджетъ заставилъ меня помышлять о дилижанѣ. Я утѣшалъ себя мыслію, что, такъ какъ я еще никогда не ѣзжалъ въ публичныхъ каретахъ, для меня будетъ любопытно и занимательно испытать новаго рода поѣздку. Въ таковомъ расположеніи духа отправился я въ улицу Notre Dame de Victoires, гдѣ контора дилижансовъ, взялъ мѣсто до Женевы, и сѣлъ на каменную скамью, чтобы отдохнуть и посмотрѣть на отъѣзжающія лица. Картина любопытная для наблюдателя! Здѣсь мать прощается съ сыномъ, снабжаетъ его съѣстными припасами и проситъ беречься отъ сквозныхъ вѣтровъ. Тутъ юная прелестница въ слезахъ обнимаетъ молодаго человѣка въ дорожномъ платьѣ; тамъ сестра разстается съ братомъ:

„Я буду говорить: ахъ! гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ-ли, сытъ-ли онъ, укрытъ-ли отъ ненастья?“

Безпрестанно слышны слова: „пишите мнѣ какъ скоро пріѣдете на мѣсто.“ „Будемъ-ли мы къ утру въ Реймсѣ?“ „Послѣ завтра мы пріѣдемъ въ Кале и, можетъ быть, застанемъ ихъ“ и т. д.

Но я заслушался, а мнѣ пора приготовляться. Приготовляться. Мои сборы незначительны; я ѣду налегкѣ; мнѣ оставалось только запастись дорожнымъ картузомъ, зонтикомъ и записною книжкою. За первыми предметами я отправилъ слугу, а книжку пошелъ покупать самъ. Я вошелъ въ лавку, гдѣ весьма пригожая, словоохотливая и живая дѣвица предлагала мнѣ на выборъ 12 разнообразныхъ книжекъ.

„Tenez, monsieur, voyez, monsieur, choisissez; voici du cuir de Russie“... [1]).

Я выбралъ одну, на коей напечатано было золотыми буквами „Mes confessions“.

„Съ какимъ-бы любопытствомъ я прочла, воскликнула дѣвица, завертывая мою книжку, то, что будетъ написано на этихъ листкахъ“.

[1]) Вотъ, милостивый государь, извольте, выбирайте, это русская кожа.

Я шутилъ съ нею и предлагалъ удариться объ закладъ, что она ничего не пойметъ.

„О, конечно, вы пишете по-англійски, а я не много понимаю этотъ языкъ".

—„Нѣтъ, по-русски!"

„Я знаю нѣсколько словъ и по-русски; впрочемъ, чтобъ выиграть закладъ, я-бы стала учиться, и черезъ 2 или 3 мѣсяца выучилась-бы".

—„Что-же вы понимаете по-русски?", спросилъ я.

„Я знаю нѣсколько словъ", отвѣчала она, и дѣйствительно произнесла два слова, которыя, вѣроятно, выучилъ какой-нибудь повѣса, которыя я, ради благопристойности, конечно, не повторю. Провожая меня изъ лавки, она сказала мнѣ:

„Surtout tâchez de n'écrire que la pure vérité" [1]).

—„О! безъ всякаго сомнѣнія, возразилъ я, святая истина будетъ управлять карандашемъ моимъ".

„Descends du haut des cieux auguste vérité,
Fait briller dans mes écrits ton style et la clareté".

Итакъ, прошу читателя не сомнѣваться въ моемъ повѣствованіи. Онъ не найдетъ большихъ чудесъ; но правдоподобное изложеніе нѣсколькихъ забавныхъ происшествій весьма незначительныхъ, но и не вымышленныхъ, хотя иногда и пріукрашенныхъ.

Если-бы я призвалъ на помощь мое воображеніе, то, можетъ быть, написалъ-бы что-нибудь занимательнѣе; но я повторяю: въ мою записную книжку помѣщалась одна правда съ нѣкоторою позолотою. Послѣ этого читатель воленъ вѣрить или не вѣрить. Впрочемъ, бѣда не велика, ежели путешествіе въ дилижансѣ и съ ветуринами описано не со всею историческою достовѣрностію; никто отъ этого не въ потерѣ, никому нѣтъ отъ этого безславія. Мы видимъ и въ исторіи вымышленныя происшествія, коимъ вѣрили цѣлыя тысячелѣтія. По сію пору не рѣшено, существовалъ-ли Гомеръ или Омиръ (и мы поставимъ или—чтобы журналы не бранили). Ежели существовалъ, то былъ-ли онъ слѣпъ или кривъ, или видѣлъ обоими глазами.

[1]) Всего болѣе старайтесь вписывать одну чистую истину.

Многіе ученые слагаютъ трудъ Иліады на рапсодовъ. Одинъ-же славянофилъ утверждалъ, что Омиръ былъ русскій пѣвчій или запѣвало и что послѣ взятія Трои онъ воспѣвалъ въ славянскомъ государствѣ бѣдствія Троянской войны; народъ-же, слыша ужасы кровопролитія, восклицалъ „О миръ“, отколѣ происстекаетъ прозваніе Омиръ или Гомеръ. Велисарій также былъ ослѣпленъ какимъ-то историкомъ XII-го столѣтія, кажется, Сицесомъ. Мармонтель, опираясь на эту сказку, написалъ романъ, въ коемъ онъ изобразилъ его слѣпцомъ, и всѣ стали вѣрить этой выдумкѣ; лучшіе художники подтвердили сію небылицу; живописцы, ваятели, граверы представляли Велисарія безъ глазъ, въ рубищѣ; но достовѣрнѣйшія повѣствованія современныхъ историковъ утверждаютъ противное: „Велисарій не лишался милостей императора Юстиніана, былъ чрезвычайно богатъ и въ глубокой старости начальствовалъ войсками“.

Впрочемъ, немудрено, ежели въ отдаленныя историческія событія, скрывающіяся во мракѣ временъ, вкрались нѣкоторыя погрѣшности; но странно то, что въ происшествіяхъ ближайшихъ временъ мы встрѣчаемъ точно то-же. Сожженіе Іоанны д'Аркъ, орлеанской дѣвицы или, какъ нѣкоторые наши писатели называютъ ее, дѣвственницы (какъ будто выраженіе дѣвицы или дѣвы недостаточно для перевода французскаго эпитета), оспариваемо было многими сочинителями. Во французскомъ „Меркуріи“, 1683 года, въ ноябрѣ, была помѣщена статья, въ коей утверждали, что Іоанна д'Аркъ, сожженная англичанами за колдовство въ Руанѣ въ 1431-мъ году, вышла замужъ въ Метцѣ въ 1436 г. за Шевалье десъ-Армуазъ [1]).

Редакторъ „Меркурія“ г-нъ Визе основывается на слѣдующихъ документахъ. Отецъ Винье отыскалъ въ Метцѣ рукопись, списанную въ присутствіи королевскаго нотаріуса, который скрѣпилъ и засвидѣтельствовалъ точность списка съ подлинникомъ, написанномъ на старинномъ французскомъ языкѣ. Вольтеръ въ своемъ философическомъ лексиконѣ утверждаетъ, что прото-

[1]) Не помню, какой-то писатель, упоминая о древнихъ колдунахъ, сказалъ: „въ старинныя времена появлялись весьма часто колдуны; наши добрые предки сожигали ихъ; но, не взирая на то, они не переводились; съ тѣхъ-же поръ, какъ ихъ не жгутъ, о нихъ не слыхать. Изъ этого должно заключить, что колдуны любили, чтобъ ихъ жарили“ Авт.

колъ суда и казни сей героини существуетъ и что та, которая вышла замужъ въ Реймсѣ за Шевалье десъ-Армуазъ, должна быть самозванка; но Вольтеръ написалъ поэму, основанную на прежнихъ преданіяхъ; слѣдовательно, выгоды его требовали опроверженія противныхъ открытій. Во всякомъ случаѣ, мудрено рѣшить, кто изъ нихъ ошибся, болѣе-же всѣхъ, мнѣ кажется, обманулся г. рыцарь десъ Армуазъ, который думалъ жениться на настоящей дѣвицѣ Орлеанской [1]).

Но я прошу извиненія у читателя за то, что отклонился отъ предмета и подъ статью сборы написалъ длинную диссертацію объ историческихъ заблужденіяхъ. Впрочемъ, я уже собрался; итакъ, прощайте до утра!

Отъѣздъ.

Non si ama un amico, quando
la sua assenza non affligge molto!

Прощайте, мои милые! Прощай очаровательный Парижъ! Какъ грустно разставаться съ первымъ городомъ въ мірѣ, особенно, когда предметомъ путешествія предстоитъ скучный маленькій городишко, гдѣ бо́льшая часть лицъ изображаетъ страданіе, гдѣ пахнетъ все могилою. Поѣзжайте куда угодно, объѣздивъ весь шаръ земный, вы найдете прекрасные города, великолѣпныя столицы; но всѣ должны уступить Парижу. Эта мысль омрачаетъ ваши чувства, когда вы оставляете прелестную Лютецію.

Я сѣлъ въ ветхій и безпокойный дилижансъ, едва кинулъ

---

[1]) Англійскій историкъ (кажется Юмъ) писалъ однажды исторію свою, сидя у окна, какъ вдругъ сдѣлался шумъ на улицѣ. Юмъ послалъ узнать причину этого шума; ему донесли, что все произошло отъ пустой ссоры между мужчиною и женщиною. Черезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ къ нему знакомый и спросилъ: „неужели ты не слыхалъ что́ случилось въ твоемъ сосѣдствѣ насупротивъ твоихъ окошекъ?“ И тутъ разсказалъ ему самое ужасное происшествіе, вовсе не схожее съ ссорою мужчины съ женщиною. Тогда Юмъ съ отчаяніемъ бросилъ перо и сказалъ: „могу-ли я писать событія давнопрошедшихъ временъ, когда въ глазахъ моихъ, подъ носомъ моимъ, случилось происшествіе и мнѣ передаютъ его въ двухъ противоположныхъ видахъ. Авт.

смущенный взглядъ на моихъ спутниковъ и снова обратилъ оный на улицы покидаемой столицы. Вотъ великолѣпные бульвары; вотъ пассажъ панорамы, черезъ который я часто хаживалъ въ единственный Пале-Рояль; вотъ театръ Варіете, гдѣ я столько разъ хохоталъ отъ души, слушая уморительныя пьесы; вотъ клубъ мой, въ которомъ я проводилъ пріятныя минуты; но вотъ и Жимназъ — и здѣсь восхищался я прелестными водевилями Скриба. Несносный дилижансъ не даетъ мнѣ времени вполнѣ насытиться воспоминаніями—и уже ворота Сенъ-Мартенъ предъ моими глазами: и тутъ нѣкогда утѣшалъ меня Фредерикъ Леметръ и другіе актеры, и тутъ..., но вотъ уже бульваръ дю-Тампль, театры Амбигю-Комикъ, Гейте, Франкони и проч. и проч. и проч., куда я иногда захаживалъ поплакать и посмѣяться. Вотъ садъ и кофейный домъ, называемый турецкимъ! Такъ пожиралъ я взорами и мыслями панораму бульваровъ и улицъ съ ними смежныхъ, доколѣ не переѣхалъ заставы. „Нечего дѣлать“, сказалъ я про себя и, вынувъ дорожный платокъ, на коемъ изображена карта Европы, отеръ послѣднюю слезу тѣмъ мѣстомъ, гдѣ напечатано „Парижъ“.

Теперь время заняться внутреннею частію дилижанса и сдѣлать описаніе моихъ сострaнствователей. Рядомъ со мною сидитъ морской французскій офицеръ, лѣтъ 25-ти, ѣдущій въ Дижонъ для свиданія съ родственниками. Еслибъ на немъ и не было мундира, то и тогда-бы можно было угадать его ремесло. Во Франціи (да и въ другихъ государствахъ) существуетъ обычай, въ силу коего морской офицеръ долженъ быть крутъ, грубъ и пьянъ; но добродушенъ и откровененъ, а не то называютъ его „marin à l'eau douce“. Въ Англіи этотъ обычай также съ давнихъ временъ существуетъ; еще Шекспиръ сказалъ, описывая военнаго: „full of strange oaths, and bearded like the pard, jealous in honour, sudden and quick in quarrel, seeking the bubble reputation“...

Древніе также считали моряковъ людьми грубыми „statique in limine barbis herentibus nauta“, говоритъ Лукіанъ въ своемъ трагическомъ Юпитерѣ. Гомеръ въ Одиссеѣ говоритъ то-же о ѳеакахъ, нынѣшнихъ корфіотахъ.

Нашъ флотскій офицеръ съ истиннымъ талантомъ комическаго актера поддерживалъ нравъ и обычаи, присвоенные питом-

цамъ океана. Напримѣръ, онъ, ѣдучи изъ Бреста, заѣзжалъ въ Парижъ, гдѣ пробылъ только четыре дня, прожилъ три луидора, имѣлъ двѣ ссоры и сдѣлалъ одно замѣчаніе, а именно, что въ кофейныхъ домахъ и эстаминетахъ слуги слишкомъ жеманны, а посѣтители слишкомъ чинны.

Подлѣ него сидѣла нянька, незначительная особа. Насупротивъ насъ двѣ дамы и одинъ мужчина. Вы спросите: „кто такіе?“ По одеждѣ и лицамъ не возможно ошибиться въ породѣ ихъ,—одни островитяне могутъ смотрѣть такими чудами:

„Отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ британцахъ есть особый отпечатокъ“.

Этотъ длинный, рыжій, сухощавый, кривоpотый, но притомъ добродушный человѣкъ одѣтъ въ синемъ фракѣ, на который надѣтъ спенсеръ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, когда полы фрака износятся, можно было сдѣлать изъ него другой спенсеръ; вмѣсто сапогъ на немъ штиблеты; въ рукахъ держитъ онъ шляпу съ длинными полями и низкою тульею; на головѣ-же картузъ; зато бѣлье на немъ превосходное; имя его мистеръ Арчибальдъ. По обѣимъ сторонамъ его сидятъ дамы, называющія себя другъ друга миссами, слѣдственно дѣвицы; одна изъ нихъ не дурна, лѣтъ 20-ти, миссъ Перкъ; другой-же имени не упомню, ибо она мало говорила и все почти хворала.

Я заглядѣлся на деревню Шарантонъ, какъ вдругъ слышу шумъ въ каретѣ: что-жъ тому причиною? Англичанинъ, разговаривая съ флотскимъ офицеромъ, назвалъ его, по незнанію: „m-r le matelot“ (г-нъ матросъ); офицеръ вспыхнулъ, бранился непощадно, клялся стопушечнымъ кораблемъ, что не намѣренъ спускать такихъ обидъ, называлъ англичанина: „m-r le corsaire, l'arabe, le chameau“ [1]) и проч. Англичанинъ извинялся; мнѣ стало его жаль и я взялъ его сторону, замѣчая французу, что это была ошибка отъ незнанія языка: „hé! qu'il vienne l'étudier à fond de cole!“ [2]), возразилъ обиженный; но, къ счастію, морякъ поступалъ систематически: ему слѣдовало по всѣмъ правиламъ вспыхнуть, сильно ругаться и въ одно мгновеніе

---

[1]) Корсаръ, арабъ, верблюдъ.

[2]) Такъ пусть-же онъ его изучитъ основательно!

все забыть; такъ и случилось къ великому утѣшенію мистера Арчибальда, который съ этой минуты сталъ моимъ большимъ пріятелемъ.

Часто въ продолженіе нашего путешествія я имѣлъ случай вступаться за него; французъ безпрестанно надъ нимъ трунилъ; особенно надъ его произношеніемъ, ежеминутно вопрошалъ его: „въ какой улицѣ онъ жилъ въ Парижѣ“? Англичанинъ, не замѣчая насмѣшки, отвѣчалъ: „въ Рю де-ла-Шексъ“, вмѣсто де-ла-Ше, и т. п.

Впереди, въ такъ называемомъ купѐ, сидѣла француженка не первой, не второй и даже не третьей молодости, съ 10-ти лѣтнею дочерью и собачкою, прозванною „комъ-ву“. Няня-же, сидѣвшая близъ моряка, принадлежала также къ ихъ обществу. Съ двумя первыми мы познакомимся за столомъ. Англичанинъ, пользуясь минутою отдохновенія, просилъ провожатаго позволить дамамъ его влѣзть на имперьялъ, т. е. верхъ дилижанса, куда онѣ и отправились. Француженка, выглядывая изъ купѐ, пожимала плечами, произнося сквозь зубы, славной работы извѣстнаго дантиста Дезирабода: „quelle inconvenance!“ [1]).

Намъ сдѣлалось просторнѣе; я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить у мистера Арчибальда—не сестры-ли его эти дамы? И весьма удивился, когда онъ мнѣ объявилъ, что онъ вовсе съ ними не былъ знакомъ, что онѣ дѣвицы изъ графства Лейстерскаго, откуда и онъ тоже родомъ; онѣ встрѣтились съ нимъ нечаянно и, узнавъ, что ѣдутъ въ тѣ-же почти мѣста путешествовать, пригласили его въ свои сопутники.

Обѣдъ.

Devant moi justement on plante un grand potage
D'où les mouches à jeun se sauvaient à la nage.
Regnier.

Изъ всѣхъ пословицъ и поговорокъ, употребляемыхъ для изображенія голода, ни одна мнѣ не нравится. Самая правильная изъ нихъ: „голодный волкъ—и обертки рветъ“, кажется,

[1]) Какое неприличіе.

еще не совсѣмъ достигла своей цѣли; ежели голодный волкъ и рветъ обертки, то, конечно, не съ тѣмъ, чтобы насытиться, а болѣе отъ злости: „голодъ—не тетка“ также невыразительно: если-бы тетушки нынѣшняго вѣка были также гостепріимны, какъ древнія наши прапратетки, то, можетъ статься, поговорка эта сохранила-бы свой смыслъ, ибо наши прапраотцы, вѣроятно, разумѣли подъ сими словами: тетка накормитъ, у нея дескать не умрешь съ голода, ergo—голодъ не тетка. Но самая неправильная, по моему мнѣнію, есть слѣдующая: „голодному Ѳедоту и шти въ охоту“. Шти, какъ писалъ Ломоносовъ, или, какъ нынѣ произносятъ, щи, есть одно изъ вкуснѣйшихъ и сытнѣйшихъ кушаній русскаго стряпанія; прямой руссакъ предпочитаетъ ихъ самымъ затѣйливымъ блюдамъ новѣйшихъ гастрономовъ.

Такъ разсуждалъ я, возбуждаемъ будучи ежеминутно возрастающимъ ропотомъ брюзгливаго моего желудка. Перемѣняя лошадей въ мѣстечкѣ Нанжисѣ, всѣ поочереди вопрошали проводника дилижанса: „скоро-ли мы будемъ обѣдать?“ „Въ Провенъ (Provins), отвѣчалъ безжалостный возничій, не прежде 8-ми часовъ“. Морской офицеръ клялся штурмомъ и ураганами Атлантическаго океана, что онъ съѣстъ самого проводника и поглотитъ весь дилижансъ, ежели онъ не накормитъ насъ прежде. Я просилъ шутя француза не кушать всѣхъ вдругъ, pour éviter une indigestion (дабы не разстроить желудка),. а начать съ лошадей, которыя едва насъ тащили, а слѣдовательно не были ни къ чему годны. Онъ былъ очень ко мнѣ благосклоненъ, полагаю по той причинѣ, что я владѣлъ хорошо французскимъ языкомъ; а потому, внявъ моему совѣту, не тронулъ никого.

Англичанинъ съ своимъ причетомъ грызъ какой-то plum cak, приговаривая: „shocking“; подчивалъ насъ, но мы, по разнымъ причинамъ, рѣшились не прикасаться къ этому карманному блюду. Наконецъ, показался городъ Provins: „берегъ, берегъ!“, закричалъ морякъ, „обѣдъ, обѣдъ!“, повторили всѣ прочіе. Съ поспѣшностію всѣ сѣли мы за столъ. Скатерть и салфетки, имѣя видъ географическихъ раскрашенныхъ картъ, явно свидѣтельствовали, что мы не первые обѣдали въ этомъ трактирѣ. Супъ безподобный для госпиталя, постный предвѣстникъ прочаго обѣда, не весьма утѣшилъ наши желудки; говядина подобная гнилому пню, по первому удару тупаго ножа,

развалилась на тонкія и длинныя частицы; дыня, которую здѣсь ѣдятъ съ говядиною, имѣла вкусъ сырой рѣпы; рыба была столь костлява, что казалось будто-бы ее нарочно начинили иголками, чтобы отучить странниковъ отъ этого блюда. Пара голубей, по сухощавости своей, заставила насъ думать, что жестокая кухарка убила двухъ нѣжныхъ любовниковъ, сохнувшихъ отъ любви другъ къ другу. Всѣ прочія блюда походили на вышеописанныя. Вино!... гдѣ-жъ? на границахъ Шампаніи... было во сто кратъ хуже того, которое мнѣ подали на почтѣ въ Зимогорьѣ, за 5 лѣтъ тому назадъ. О, благодатная промышленность, съ помощью твоею мы даже и въ степяхъ пьемъ нектаръ! Когда я замѣтилъ нашему кондуктору, что въ Россіи, даже въ азійскихъ ея предѣлахъ, пьютъ вино лучше этого, онъ отвѣчалъ мнѣ: „тамошнее вино поддѣльное, а здѣшнее—настоящее“. Давайте намъ поддѣльнаго, лишь-бы было вкусно. Какое мнѣ дѣло, что въ русскомъ городѣ Осташковѣ, на вывѣскѣ погреба написано было: „здѣсь продается самоиграющее шемпанское вино, не уступающее нѣмецкому“. Я-бы охотно помѣнялся на здѣшнее, которое, подобно уксусу, разъѣло мнѣ ротъ, горло и желудокъ. Французъ, казалось, не замѣчалъ кислоты напитка; онъ пилъ за всѣхъ, говоря, что на кораблѣ пьютъ хуже этого, а именно воду съ уксусомъ. Я замѣтилъ ему, что уксусъ съ водою гораздо сноснѣе голаго уксуса.

„Паукъ, паукъ въ шпинатѣ!“, закричала француженка, и воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы упасть въ обморокъ. Англичанинъ, желая показать усердіе, вылилъ на нее цѣлый графинъ воды и притомъ съ такою поспѣшностію, что француженка не успѣла остановить его дѣйствія. Если вылить графинъ спирта на огонь, то, конечно, пламя не вспыхнетъ съ такою силою, съ каковою вспыхнулъ яростный гнѣвъ француженки; персикъ, нѣжный фруктъ, выросшій для услажденія вкуса нашего, первый попался ей въ руки и сдѣлался орудіемъ ея изступленія; онъ ударился прямо о багряную щеку несчастнаго британца и отъ сильнаго отраженія утратилъ свою первобытную круглость. Трогательныя именованія полились изъ устъ француженки: „chien d'anglais, bourru polichinel, ogre“ и проч. Сіи отборные эпитеты привели бѣднаго Арчибальда въ какое-то окаменѣлое положеніе. Желая оказать услугу, онъ ни мало не

воображалъ, что можно было по произволу безъ всякихъ приготовленій упасть въ искуственный обморокъ.

„Messieurs et dames, à vos places!“ [1]), прокричалъ возничій и тѣмъ прекратилъ бой, который могъ-бы имѣть пагубнѣйшія послѣдствія. Дама просила дать ей двѣ минуты сроку для перемѣны платья и бѣлья, а мы усѣлись по мѣстамъ и долго хохотали насчетъ этой дамы.

Метеоръ.

Je regardai le ciel! une étoile tombante
Vint à fendre les airs!
Empedocles par J. Polonius.

Ранній часъ отъѣзда, хлопоты, качка экипажа, а можетъ быть и дурной обѣдъ— скоро усыпили насъ. Англичанинъ, желая дать намъ болѣе простора, сѣлъ на имперіялъ; однако-же, мы не совсѣмъ избавились его. Часу въ третьемъ ночи, дилижансъ, подъѣзжая къ Pont-sur-Seine, остановился; мы спали такъ крѣпко, что даже не слышали, какъ посадили къ намъ еще одну спутницу. Вдругъ сильный крикъ разбудилъ насъ; англичанинъ толкалъ насъ всѣхъ по одиночкѣ, крича во все горло на дурномъ французскомъ языкѣ: „посмотрите! ради Бога, посмотрите!“ Мы перепугались, протерли глаза, смотримъ.... и не видимъ ничего. Признаюсь, этотъ разъ и я не много разсердился на мистера Арчибальда: погруженный въ глубокій сонъ, сладкія грезы переносили меня въ міръ истинныхъ наслажденій, коихъ вкушать наяву мнѣ не дано. Вдругъ просыпаюсь съ невольнымъ страхомъ,—обыкновенное ощущеніе внезапнаго пробужденія. Но что тому было причиною?

Англичанинъ нашъ, великій астрономъ или, по крайней мѣрѣ, страстный охотникъ до этой науки, увидѣлъ, какъ онъ увѣрялъ насъ, метеоръ, который зажегся въ небѣ и пролетѣлъ медленно, огненною струею. Усердный любитель воздушныхъ явленій, онъ воображалъ, что и мы предпочтемъ метеоръ сладкому сну, и жалѣлъ только, что мы поздно проснулись и не видѣли огненнаго шара....

---

[1]) Господа, по мѣстамъ!

Морякъ воспользовался опять этимъ случаемъ, чтобы показать свой морской характеръ; но вышедъ нѣсколько изъ предѣловъ учтивости, я напомнилъ ему, что онъ не на кораблѣ. Хотя я и самъ былъ въ досадѣ на неловкаго британца, но жалкое положеніе и извиненія раскаянія тронули меня и я взялъ сторону слабаго. Я говорю это не для того, чтобы показать предъ вами, любезные читатели, мое молодечество и храбрость; повѣрьте, что нѣтъ; но я на опытѣ видѣлъ неоднократно въ продолженіе моей жизни, что на свѣтѣ существуютъ два рода людей весьма неопасныхъ и которымъ много спускаютъ, благодаря ихъ наружности и наглости. Подъ первымъ родомъ я разумѣю тѣхъ, которые носятъ огромные усы, хмурятъ брови и смотрятъ тиграми; эти люди въ сраженіи большею частію дѣйствуютъ какъ ягнята: они подобны дурной книгѣ въ пышномъ переплетѣ. Подъ другимъ родомъ (впрочемъ, сіи два рода часто сливаются въ одинъ) я разумѣю людей, которые громко кричатъ и разсказываютъ свои подвиги. Истинно неустрашимый человѣкъ не превозноситъ самого себя; ему не нужно этого, чтобы заставить себя уважать; слушая сихъ крикуновъ, не трудно угадать ихъ свойства и невольно скажешь: „ай моська! знать она сильна, что лаетъ на слона!“

Эти люди подобны дурной книгѣ съ привлекательнымъ предисловіемъ. Если кто-нибудь, говоря о себѣ, скажетъ: „божусь! я прескромный человѣкъ“,—повѣритъ-ли кто его скромности? Точно также и тому, который увѣряетъ, что онъ неустрашимъ, рѣдко кто повѣритъ.

Я далъ почувствовать мичману мой образъ мыслей на сей счетъ, и онъ хотя приправлялъ свои рѣчи сто тысячами бомбъ и не помню сколькими милліонами ядеръ, кончилъ, однако-же, тѣмъ, что сказалъ: „du reste, je suis bon enfant“ (впрочемъ, я добрый малый), и мы снова заснули крѣпкимъ сномъ.

Таинства туалета.

Que chez toi se prodigue et le rouge et
le fard
Et qu'une main savante, avec tant d'artifice,
Bâtit de tes cheveux le galant édifice.
Boileau. Satir X.

Въ 7 часовъ утра пріѣхали мы въ Трою или въ Труа, столицу Шампаніи, а не древній Иліонъ. Вожатый объявилъ, что мы можемъ отдохнуть здѣсь $^3/_4$ часа. Всѣ путники спѣшили въ трактиръ, чтобы умыться и выпить чашку кофе. Дама, сидѣвшая въ передней части дилижанса съ молодою дочерью, вылѣзая оттуда, уронила свертокъ чего-то. Англичанинъ—тутъ какъ тутъ, желая услужить, поднялъ упавшій свертокъ, но столь не осторожно, что салфетка развернулась, коробка, обращенная верхомъ книзу, отдѣлилась отъ крышки, которая упала, а за нею и вещи, состоявшія изъ фальшивыхъ зубовъ, горшечковъ румянъ и бѣлилъ, накладокъ, парика и прочихъ снарядовъ, употребляемыхъ на заблужденіе себя и на обманъ другихъ въ настоящемъ итогѣ прожитыхъ лѣтъ:

„Pour réparer de l'âge
L'irréparable outrage".

Натуральная краска выступила на лицѣ француженки. Однако-же она не бранила бѣднаго англичанина, а только съ досадою и съ замѣшательствомъ говорила: „c'est un ratelier et un faux toupé que j'ai acheté pour une de mes amies [1]). Англичанинъ былъ внѣ себя отъ радости, что ему сошла съ рукъ такая неловкость; онъ прыгалъ и похожъ былъ на медвѣдя; да и надо согласиться, что онъ поступилъ какъ сущій Мишенька, который

„Не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгрёбъ,
. . . . . .
Что силы есть, хвать друга камнемъ въ лобъ".

Комната, въ коей мылась француженка, была отдѣлена отъ

[1]) Эти зубы и накладку я купила для одной изъ моихъ подругъ.

моей деревянною перегородкою, и я слышалъ, какъ она говорила нянькѣ: „oh! mon Dieu, mon Dieu, quelle imprudence! J'ai cru que j'étais partie avec tant de précipitation que j'avais oublié toutes ces vetilles à Paris“ [1]). Я вспомнилъ слѣдующую эпиграму одного моего пріятеля:

Намедни Дарьюшка такъ скоро укатила
Въ несносный дальній путь,
Что на столѣ она забыла:
Платокъ, перчатки, зубы, грудь“.

Радость англичанина увеличилась, когда за завтракомъ француженка, вмѣсто упрека, говорила съ нимъ, противъ обыкновенія, ласково; она спросила какой у него платокъ на шеѣ. Это былъ огромный галстухъ, застегивающійся пряжкою сзади, съ длинными концами, покрывающими грудь; онъ былъ изъ алаго плюша. Англичанинъ надѣлъ его на ночь для предохраненія себя отъ холода во время астрономическихъ наблюденій; онъ съ улыбкою снялъ его съ шеи и, подавая его француженкѣ, омакнулъ концы въ чашку кофе, передъ нею стоявшею. Француженка вздохнула, подняла брови и плечи и покривила голову, съ досадою приказавъ подать другую чашку, за что слѣдовало заплатить. Мистеръ Арчибальдъ, съ радости не замѣчая новой неловкости, увѣрялъ, что этотъ галстухъ безподобная вещь для дороги и, пристегнувъ концы къ заду, составилъ шапку, которую надѣлъ на голову. Никакой гнѣвъ не могъ устоять предъ этою фигурою! Я видѣлъ Потье въ водевилѣ: „Je fais mes farces“. Я видѣлъ актера, имени коего не упомню, выглядывающаго изъ слуховаго окошка въ „Казакѣ стихотворцѣ“; но вѣрно никогда столько не смѣялся. Молодая дочь француженки хохотала до слезъ и мать боялась, чтобы съ ней не сдѣлался обморокъ; однѣ англичанки съ удивленіемъ смотрѣли на всѣхъ, выпуча глаза.

[1]) Боже мой, Боже мой, какая неосторожность. Мнѣ казалось, что въ торопяхъ я позабыла всѣ эти принадлежности въ Парижѣ.

Земной метеоръ.

Игорный духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи!
Батюшковъ.

Хочу садиться въ карету и вижу, что входитъ въ нее какая-то воздушная сильфида, какъ пальма стройная и гибкая какъ лоза, легка какъ вѣтръ пустынный, а ножка!... чудо изъ чудесъ!

О вѣрно, думалъ я, садясь на свое мѣсто, розы съ лиліями слились на ея лицѣ. Гляжу, и густое покрывало препятствуетъ удовлетворить мое любопытство; но прелести природы видны иногда изъ-за густаго тумана. Сколько могъ я замѣтить сквозь дымку, скрывавшую ея черты, онѣ казались очаровательны! Это была спутница, сѣвшая въ нашъ дилижансъ въ прошедшую ночь; она не завтракала съ нами, хранила глубокое молчаніе, вздыхала и часто плакала. Сердце мое билось, глядя на нее. Прочіе товарищи наши еще не пришли; я хотѣлъ начать разговоръ; но сильное впечатлѣніе, произведенное во мнѣ необыкновенною красотою, волновало мои чувства и я не находилъ словъ. Спустя нѣсколько минутъ, я, однако-же, собрался съ духомъ, но только лишь разинулъ ротъ, какъ подошелъ морской офицеръ и занялъ свое мѣсто. На первой станціи, думалъ я, буду искать случая непремѣнно съ нею поговорить; между тѣмъ не сводилъ съ нея глазъ. Но вотъ уже всѣ усѣлись и дилижансъ покатился:

„Куда вы ѣдете сударыня?“ спросилъ морякъ. Ахъ! я услышу (вѣроятно) сладкозвучный ея голосъ, мыслилъ я про себя...

Красавица ничего не отвѣчала.

—„Я не думалъ, что обезпокою васъ столь обыкновеннымъ вопросомъ“, продолжалъ французъ...

Красавица молчала.

„Извините меня сударыня, я морякъ и откровененъ, обычаевъ свѣтскихъ вашихъ не знаю; а любопытенъ какъ и сухопутный или какъ и всѣ люди, чортъ меня возьми!...“

Красавица хранила глубокое молчаніе, сильные вздохи вол-

добной гармоніи. Несмотря на то, морякъ нашъ пѣлъ, и часъ отъ часу хуже. Я хотѣлъ было сказать ему:

„Сосѣдушка! поешь ты славно.
Но жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ!“

Однакожъ, вспомнилъ, что французъ не понимаетъ по-русски, а чтобы перевесть Крылова стихи на французскій языкъ, надо родиться Лафонтеномъ; итакъ, я прибѣгнулъ къ другому средству и увѣрилъ француза, что ежели и есть разбойники, то они легко могутъ проспать дилижансъ когда онъ проѣдетъ въ тишинѣ; но пѣсни его разбудятъ самаго заспаннаго разбойника. Съ симъ словомъ мгновенно кончилась серенада и все утихло. Я уже начиналъ засыпать; но воображеніе мое, встревоженное картинами ужаса, описанными наканунѣ флотскимъ офицеромъ, составляло страшныя сновидѣнія, и въ самую ту минуту, когда мнѣ снилось, что разбойники напали на насъ и что я, объятый трепетомъ, хотѣлъ обратиться въ бѣгство, но ноги мои отказывались спасти меня:

„Бѣжать хотѣлъ, моя нога
Дрожитъ, недвижима замлѣла;
Махнулъ рукой, моя рука
Подъята вверхъ... окостенѣла!...

Въ самую ту минуту просыпаюсь и слышу выстрѣлы, визгъ женщинъ, лай собачки и вопль мужчинъ. Признаюсь, неописанный ужасъ овладѣлъ мною; всѣ члены мои трепетали и я не помнилъ гдѣ я.

„Они бѣжали, трусы“, воскликнулъ морякъ.

—„Много-ли ихъ было?“ спросила француженка.

„Семь человѣкъ“, отвѣчалъ англичанинъ.

—„Двадцать“, прервалъ мичманъ.

„Семь“, повторилъ англичанинъ.

—„Двадцать семь!“ закричала француженка. „О ужасъ!“ И оправдала пословицу, что у страха глаза велики. Одинъ проводникъ хохоталъ во все горло, и подлинно было о чемъ.

Вотъ какъ дѣло произошло: передъ нами ѣхала какая-то коляска; слуга сидѣвшаго въ ней господина, сидя на запяткахъ дремалъ, заснулъ и свалился. Коляска уѣхала и онъ остался

на дорогѣ. Когда-же проѣзжалъ мимо его нашъ дилижансъ, онъ просилъ остановиться и взять его съ собою; но такъ какъ никто не внималъ ему, онъ сильно заревѣлъ, разбудилъ мистера Арчибальда, который выстрѣломъ подалъ сигналъ; морской офицеръ выстрѣлилъ изъ окошка вверхъ, пуля пролетѣла мимо носа британца и задѣла козырекъ его картуза

Арчибальдъ, полагая, что выстрѣлъ со стороны непріятеля, отвѣчалъ другимъ и—поднялась потѣха! Съ трудомъ успокоили мы нашихъ дамъ; француженка лишилась чувствъ, ее надобно было оттирать; миссъ Перкъ повторяла ежеминутно: „shocking!“ Наконецъ, пріѣхали мы на почту.

Завтракъ.

„И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!“

За двѣ мили не доѣзжая Дижона, мы остановились перемѣнять лошадей и нѣсколько отдохнуть.

„Я подъѣзжаю къ моей родинѣ, сказалъ мнѣ морякъ, и долженъ васъ попотчевать національнымъ завтракомъ; здѣшняя деревня славится превосходными лепешками (galettes) и барбарисовыми мармеладами, на особый манеръ изготовляемыми“.

Онъ повелъ меня въ избу и приказалъ подать вышесказанныя лакомства. Если-бы я не боялся сдѣлать неучтивости, то, конечно-бы, выбросилъ лепешки и ягоды за окошко. Я въ жизни моей не ѣдалъ ничего жестче и безвкуснѣе выхваленной лепешки, и никогда языкъ мой не прикасался къ ягодамъ приторнѣе и кислѣе варварскаго барбариса. Морякъ-же ѣлъ съ величайшимъ апетитомъ, приговаривая: „ахъ! какъ вкусно, какъ пріятно! мнѣ кажется, какъ будто я никогда отсюда не выѣзжалъ“. Я морщился, давился, но ѣлъ изъ приличія, проклиная безвкусіе жителей департамента Золотаго берега (de la côte d'or). Я говорю безвкусіе, но что-бы сказалъ французъ, отвѣдавъ русскую грешневую кашу, которую миліоны людей считаютъ усладительнѣйшимъ блюдомъ! Я помню, что одинъ французъ, котораго я потчевалъ кашею, дѣлалъ точно такую гримасу, какъ и я въ теперешнемъ случаѣ, увѣряя, что ему сдѣлалось тошно, и называлъ ее катаплазмомъ. Изъ сего должно заклю-

чить, что вкусъ есть вещь условная. Англичане съ французами самые близкіе сосѣди, а, между тѣмъ, какая чувствительная разница въ ихъ вкусахъ, даже въ съѣстныхъ предметахъ. Англичанинъ долго не можетъ привыкнуть къ супамъ, фрикасеямъ и другимъ замысловатымъ блюдамъ французской кухни. Равнымъ образомъ, французы съ трудомъ привыкаютъ къ ростбифамъ, безсупнымъ обѣдамъ, разнообразнымъ картофелямъ и прочимъ блюдамъ англійскаго стряпанія. Какъ-бы то ни было, я хотя имѣю космополитный желудокъ, но радъ радехонекъ былъ, когда избавился отъ несноснаго завтрака бургонскаго Амфитріона.

Дижонъ.

„Sie könnt, des Meeres stoltze Flotte,
Der Ocean sah ihres gleichen nie,
Unüberwindlich nennt man sie.
Schiller.

Здѣсь разстались мы съ храбрымъ и неустрашимымъ мичманомъ. Прощаясь со мною, онъ просилъ меня дать ему мой адресъ: „я-бы охотно далъ вамъ, отвѣчалъ я, если-бы онъ могъ быть вамъ полезнымъ; но такъ какъ флотъ вашъ не скоро отправится въ Балтійское море, на устьяхъ коего я обитаю, то и адресъ мой не можетъ вамъ служить ни къ чему“.

— „Какъ! вы не парижанинъ, воскликнулъ морякъ, а знаете, Парижъ какъ свои карманы“.

„Нѣтъ, сударь, я русскій“.

— „О! это мистификація. Я по произношенію угадалъ, что вы французъ, и никогда въ этихъ случаяхъ не ошибался“.

„Вотъ мой паспортъ“.

— „Ну, теперь понимаю, вы мой соотечественникъ и находитесь въ русской службѣ; ибо имя ваше французское“. Тщетно старался я истолковать значеніе моей фамиліи, мичманъ утверждалъ, что она составлена изъ двухъ французскихъ словъ, и что первый слогъ означаетъ желѣзные листы, а послѣдній, который онъ произносилъ своимъ манеромъ, значитъ крыша.

Во время сего разговора подошелъ Арчибальдъ и, простясь съ морякомъ, заключилъ свои желанія тѣмъ, чтобы французскій флотъ достигъ-бы когда-нибудь совершенства англійскаго.

Французъ взбѣсился и началъ доказывать, что ихъ морская сила превосходнѣе англійской, что ихъ матросы храбрѣе и что отъ нихъ зависитъ сжечь всѣ великобританскіе порты и доки и обратить въ пепелъ всѣ корабли. Мистеръ Арчибальдъ доселѣ былъ образцомъ кротости; но при сихъ словахъ ретивое сердце его вспыхнуло, онъ вышелъ изъ себя, патріотизмъ электризовалъ всѣ душевныя его силы и онъ заставилъ молчать моряка. Къ нему присоединилась миссъ Перкъ и когда морской офицеръ, уступивъ на сушѣ поле сраженія, удалялся, говоря: „je vous attendrai au premier abordage!“ [1]), англичанинъ съ своими спутницами торжественно запѣлъ самымъ фальшивымъ и хриплымъ голосомъ: „Rule Britannia“. Все это происходило на улицѣ, передъ почтою, въ 5 часовъ утра. Всѣ жители, уже возставшіе отъ сна, выбѣжали изъ домовъ; тѣ-же, которые спали, проснулись отъ шума, отворяли окна и, въ колпакахъ, въ спальныхъ чепцахъ выглядывали на улицу; но пѣвцы наши, не заботясь тревогою, пропѣли всѣ куплеты отъ доски до доски; послѣ сего концерта хладнокровно усѣлись по своимъ мѣстамъ.

Коротко да ясно.

„Si la persone, objet de votre hommage,
Ne peut pour vous des mêmes feux brûler,
Cherchez ailleurs un plus doux esclavage:
On trouve assez de quoi se consoler“.

Voltaire.

Стеченіе забавныхъ происшествій, о коихъ я отдалъ подробный отчетъ въ предыдущихъ страницахъ, отвлекло меня отъ романическихъ помышленій; но будучи чистосердеченъ, не умолчу и о нихъ и не скрою ничего. Миссъ Перкъ, наша спутница, хотя не одарена была блестящею красотою, имѣла, однако-же, весьма пріятную наружность и сильную вспомогательницу — молодость! Сначала скромно мы обращались другъ съ другомъ, она—по застѣнчивости, приличной женскому полу, а я—по враждебной неловкости обращаться съ незнакомыми дамами; однакоже, вскорѣ сношенія наши сдѣлались свободнѣе и, наконецъ, я

[1]) Мы встрѣтимся при первомъ абордажѣ.

удостовѣрился, что она весьма образованная дѣвица, много читала, знаетъ почти всего Байрона и Шекспира наизусть, читаетъ цѣлыя тирады изъ его трагедій, а также отрывки изъ Байрона, Мура и проч. Узнавъ, что я русскій, объявила, что она читала Буринга „Русскую антологію“ и въ доказательство прочла нѣсколько стиховъ изъ Батюшкова „Мои пенаты“,—піеса, которая ей болѣе всѣхъ нравилась.

Но это все еще не то: я замѣтилъ, что она смотрѣла на меня съ большимъ вниманіемъ; часто, проснувшись внезапно отъ дремоты, я встрѣчалъ взоры ея, быстро на меня направленные. Что-жъ? думалъ я, миссъ Перкъ не совершенная красавица, однако-же, можетъ послужить героинею дилижанснаго романа! Я началъ составлять въ воображеніи моемъ различные планы волокитства, но ни одинъ мнѣ не нравился; оригинальность англичанки противилась всякому сентиментализму, а безъ него нельзя приступить ни къ какой интригѣ. Какъ-бы то ни было, я сталъ взглядывать на нее нѣжнѣе, давалъ ей чувствовать, что я къ ней неравнодушенъ и надѣюсь, что она ко мнѣ тоже. Вдругъ представился благопріятный случай. Мистеръ Арчибальдъ съ другою англичанкою отправился на имперіялъ; я-же остался во внутренней части дилижанса съ миссъ Перкъ и нянею, которая спала богатырскимъ сномъ. Долго не рѣшался я сдѣлать декларацiи; разныя фразы рождались на устахъ моихъ и съ поспѣшностью умирали.... Надо-же было кончить когда-нибудь!

Итакъ, я собрался съ духомъ, понюхалъ табаку, три раза прокашлялъ и дерзнулъ ей сказать слѣдующія слова, въ надеждѣ, что она не пойметъ и половины. „Участіе, которое вы принимали во мнѣ..., ваше любезное обхожденіе..., ваши милые взгляды..., все удостовѣрило меня, что я...“.

Я не успѣлъ кончить фразы, какъ миссъ Перкъ прервала меня слѣдующими словами: „да, я давно хотѣла съ вами объ этомъ переговорить“.

Восхищеніе мое было неизъяснимо! Сама миссъ хочетъ сдѣлать мнѣ декларацію и дѣло въ шляпѣ! Я просилъ ее говорить тише и не разбудить няни. „Nonsense! [1]), зачѣмъ-же, отвѣ-

[1]) Пустяки.

чала миссъ Перкъ, она успѣетъ выспаться. Но вотъ въ чемъ дѣло: я на васъ смотрѣла съ большимъ участіемъ и даже нѣжностью, потому что мой родной братъ чрезвычайно на васъ похожъ; я съ роду не видывала такого сходства: лицо, ростъ, голосъ; словомъ сказать, все, и если-бы мой братъ не былъ горбатъ, то я-бы приняла васъ за него: бѣдный Джонъ, продолжала она, онъ такъ дуренъ и безобразенъ, что дамы наши толпою бѣгали отъ него, когда онъ появлялся въ какомъ-нибудь обществѣ; его иначе не называли, какъ уродомъ изъ уродовъ, канибаломъ, пугали имъ даже дѣтей. О! вы чрезвычайно на него похожи! Но безобразная наружность его скрывала прекрасную душу".

И какъ будто желая смягчить язвительный ударъ, мнѣ нанесенный, она присовокупила: „впрочемъ, вы попригожѣе его; но за то въ душевныхъ и нравственныхъ качествахъ вы, конечно, должны уступить ему, потому что онъ сущій ангелъ". Всякій можетъ догадаться, что такого рода объявленіе заградило мнѣ уста; тѣмъ и кончилась моя интрига.

Умный человѣкъ.

De Paris au Pérou, du Japon
jusqu' à Rome,
Le plus sot animal, à mon avis,
c'est l'homme.
Boileau.

Ничто не можетъ быть глупѣе умнаго человѣка, когда онъ находится внѣ своей сферы: онъ умствуетъ тамъ, гдѣ надо просто поступать, и напоминаетъ Крылова басню „Ларчикъ". Какъ часто въ продолженіе жизни моей домогался я знакомства, такъ называемыхъ, умныхъ людей, „luminum mundi", и всегда почти былъ въ дуракахъ. Берегитесь, любезные друзья, избѣгающіе скуку и досаду, берегитесь бесѣды умныхъ людей, особенно такихъ, которые знаютъ, что ихъ считаютъ таковыми. Вы являетесь передъ ними съ полною недовѣрчивостью къ своимъ собственнымъ достоинствамъ и познаніямъ, ожидаете чего-то необыкновеннаго, надѣетесь услышать что-нибудь образцовое, перенять кое-что чудесное и всегда почти обмануты въ ожида-

ніи своемъ; слушаете и... nascetur ridiculus... mus. Замѣтьте, какъ эти люди стараются выставить свои умственныя способности; они знаютъ, что ихъ слушаютъ съ пріуготовительнымъ мнѣніемъ объ ихъ превосходствѣ и думаютъ превзойти себя; силятся парить умомъ и часто, часто впадаютъ въ серебряную посредственность.

Вы слышите сужденія, тысячу разъ изложенныя, писанныя, печатанныя въ прозѣ и стихахъ, слышите выспреннюю болтовню, такъ что умъ ихъ заходитъ за разумъ. Если-бы мнѣ довелось когда-нибудь играть роль умнаго человѣка, я-бы поступилъ точь въ точь, какъ сдѣлалъ однажды Мольеръ, котораго одинъ вельможа пригласилъ къ обѣду напоказъ: я-бы, какъ и онъ, упрямымъ молчаніемъ отыгрался отъ труднаго званія умнаго человѣка; хорошо слыть мудрецомъ тихомолкомъ, а разговорами поддерживать свою репутацію—Боже упаси! Ну, если, неравно, проврешься! Прощай слава, пріобрѣтенная долгою удачею! Впрочемъ, что называютъ умнымъ человѣкомъ? Умъ имѣетъ столько отраслей, что мудрено рѣшить эту задачу. Можно, однако-же, раздѣлить его на нѣкоторые разряды, гдѣ, по моему мнѣнію, здравый смыслъ занимаетъ первый чинъ; потомъ слѣдуетъ уже не по порядку: тонкость, дальновидность, присутствіе духа, острота ума, память, воображеніе, расчетливость, способность переимчивости, соображеніе и проч., всѣми-же разрядами руководствуетъ удача. Виноватъ, я забылъ одну изъ важнѣйшихъ вѣтвей ума, французы называютъ ее esprit de conduite (умъ поведенія). Жаль, что мы не имѣемъ яснаго слова для выраженія этого дара; тѣмъ болѣе, что, какъ я могъ замѣтить, въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо встрѣчаемъ мы людей, одаренныхъ умомъ поведенія. Сколько я знавалъ особъ, лишенныхъ всѣхъ вышеименованныхъ отраслей ума и поддерживающихъ себя умомъ поведенія. Рѣшительно можно сказать, что эти разные отпрыски ума никогда не соединяются въ одной и той-же головѣ; но въ Россіи часто здравый смыслъ, генералъ всѣхъ отраслей, присоединяется къ одному изъ нихъ.

За всѣмъ тѣмъ, не разъ въ жизни, встрѣчалъ я людей, пріемлющихъ титло умныхъ и, дѣйствительно, кажущихся таковыми, когда смотрѣть на нихъ съ одной точки зрѣнія. Напримѣръ, А. разсуждаетъ прекрасно, отпускаетъ метафизическія

фразы и часто кстати; но зато какъ безтолково ведетъ онъ свои домашнія дѣла! Б. имѣетъ дарованія судить съ тонкостью о предметахъ современной политики; онъ изъясняется сладко и даже красно; но прочтите его мадригалъ къ Софіи, его элегіи, сатиры, Праздное время и скажите: есть-ли что глупѣе? В. славный экономистъ, агрономъ, расчетливый хозяинъ; вы заслушаетесь, когда онъ говоритъ объ этихъ предметахъ; но не дуракъ-ли онъ, когда цѣлый вѣкъ терзаетъ себя расчетами, которые его отнюдь не обогатили? онъ не жилъ, а страдалъ. Сверхъ того, В. слѣпо повинуется своей женѣ, трепещетъ передъ нею; она-же, замѣтимъ мимоходомъ, слыветъ самою простою женщиною. Но оставлю въ покоѣ Г., Д., Е., Ж., З., И., К., Л. и всѣхъ прочихъ умниковъ до буквы Ѳ. включительно, потому что между ними нѣкоторые могутъ себя узнать, а я боюсь „гусей раздразнить“. Итакъ, буду продолжать описаніе моего путешествія.

Къ величайшему нашему горю, попалъ въ нашъ дилижансъ какой-то геній здѣшняго околодка. Въ городѣ Доль простились мы съ француженкою, съ дочерью ея, нянею и собачкою; а на ея мѣсто въ купе сѣлъ мужчина лѣтъ 45-ти, дородной наружности, въ очкахъ, съ обширнымъ лбомъ, широкою головою, (а отъ умной головы отъемлятся власы), съ важнымъ взглядомъ, съ подавшимися впередъ губами; словомъ сказать, онъ имѣлъ наружность умнаго человѣка, а на носу его написана была кровавыми чертами склонность его къ крѣпкимъ напиткамъ. Путеводитель, спустя нѣсколько минутъ подошедъ къ намъ, сказалъ, что господинъ, сидящій въ купе, скучаетъ одинъ и, желая присоединиться къ нашему обществу, приказалъ справиться, есть-ли мѣсто на передней лавкѣ, ибо онъ на задней ѣхать никакъ не можетъ? Путеводитель присовокупилъ къ этому, что онъ умный, весьма умный человѣкъ, что весь Дольскій уѣздъ считаетъ его первоклассным мудрецомъ нашего вѣка и, что всего хуже, что онъ отличный поэтъ и пишетъ стихи не хуже Вольтера. Добрый мистеръ Арчибальдъ сейчасъ-же уступилъ ему свое мѣсто, перешедши на заднюю лавку, и нашъ умникъ съ важностью втащился въ карету.

Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ морякомъ, миръ и тишина царствовали въ дилижансѣ и продолжались все время, доколѣ въ немъ не было слишкомъ много ума. Все было хорошо;

толковали о предметахъ доступныхъ общему понятію; каждый изъ насъ, не полагая быть умнѣе другаго, излагалъ свои мнѣнія не въ видѣ законовъ, а часто въ спорахъ соглашался въ истинахъ своего сопротивника. Читатель могъ выше сего замѣтить, что мистеръ Арчибальдъ, впрочемъ, кроткій и добродушный человѣкъ, выходилъ изъ себя какъ скоро разговоръ касался отечественной славы. Умный человѣкъ не проникъ этого таинства англійскаго характера; онъ началъ говорить о политикѣ...

Друзья мои! позвольте мнѣ сдѣлать небольшое отступленіе и дать вамъ совѣтъ: въ бесѣдѣ съ незнакомыми людьми избѣгайте елико возможно разговоровъ, относящихся до политики и религіи; въ противномъ случаѣ вы подвергаетесь опасности наткнуться на фанатиковъ, отъ коихъ, какъ отъ пожара, избави Боже! Умный человѣкъ, при всемъ своемъ умѣ, задѣлъ сіи двѣ нѣжныя струны—и внутренность дилижанса превратилась въ шумное позорище! Дипломатическія и ѳеологическія теоремы, смѣшанныя съ колкими и бранными словами, лились со всѣхъ сторонъ, текли, смѣшивались и волновались подобно бурному морю или... Я хотѣлъ было сдѣлать еще маленькое метеорологическое или психологическое сравненіе, но боюсь попасть въ романтики или въ послѣдователи натуральной школы; а потому прекращу и воздержусь отъ духовныхъ сравненій. О, зачѣмъ я не могу, какъ Осиповъ въ „Энеидѣ, вывороченной наизнанку“, уподобить бурю кипящему горшку со щами! Я искалъ какого-нибудь оригинальнаго сравненія; но воображеніе мое отозвалось неурожаемъ. Дѣло въ томъ, что чуть не дошло до драки. Къ счастію, вскорѣ пріѣхали въ Полиньи, гдѣ избавились умнаго человѣка, который снова пересѣлъ въ купе и тишина паки водворилась въ дилижансѣ. Избави, Боже, насъ отъ ума такого!

Еще умный человѣкъ.

Philosophen verderben die Sprache,
Poeten—die Logik,
Und mit den Menschverstand kommt
man durch's Leben nicht mehr.
Schiller.

Читатель, видя это заглавіе, безъ сомнѣнія, перепугается; онъ скажетъ: „одинъ умъ надѣлалъ столько тревоги, что-же надѣлаютъ два?“ И, въ самомъ дѣлѣ, не обошлось безъ смятенія. Мы обѣдали въ Полиньи. Почтовая коляска, ѣхавшая съ нами по одному тракту, остановилась здѣсь и путешественники присоединились къ намъ для обѣда. Между ними находилась одна замѣчательная особа,—высокій, сухощавый, блѣдный и рябой человѣкъ. Изъ первыхъ словъ его узнали мы, что онъ докторъ философіи и членъ всѣхъ ліонскихъ, дижонскихъ и марсельскихъ ученыхъ обществъ; слѣдственно, умный человѣкъ. „Рыбакъ рыбака видитъ изъ далека“, гласитъ пословица. За обѣдомъ, не знаю, по чутью, инстинкту или другому сочувствію, сухощавый философъ сѣлъ рядомъ съ дороднымъ піитомъ. Всякій догадается (а можетъ быть и не всякій), что разговоръ между ними происходилъ объ ученыхъ и литературныхъ предметахъ. Дородный разумникъ развернулъ всѣ свои познанія въ философіи, приправляя аргументы свои исковерканными цитатами изъ Горація, Виргилія и проч. Онъ сталъ доказывать, что ученость остановилась на Декартѣ и далѣе никакъ уже не подвигалась. Блѣдный философъ толковалъ ему о нѣмецкихъ ученыхъ и, что удивительно въ французѣ, имѣлъ понятія, хотя поверхностныя, о системахъ Фихте, Шелинга, Окена, Якобія и проч., но имена ихъ произносилъ по-своему. Дюжій-же мудрецъ не подозрѣвалъ даже ихъ существованія и отдѣлывался все каламбурами, да стишками.

Послѣ долгихъ и горячихъ споровъ, сухощавая философія разгнѣвалась до такой степени невѣжествомъ жирнаго поэта, что не утерпѣла и въ пылу спора воскликнула: „je pense, que monsieur n'a point achevé ses études!“ [1]). Обида смертельная

[1]) „Я полагаю, м. г., что вы не окончили курса“.

для самолюбиваго умнаго человѣка. Зато уже толстякъ нашъ не щадилъ ругательствъ и кончилъ тѣмъ, что вызвалъ сухощаваго на дуэль. Сей послѣдній, не будучи одаренъ воинственнымъ духомъ, рѣшительно отказался, хотя дородный и говорилъ ему, что онъ будетъ считать его за послѣдняго человѣка (pour le dernier des hommes); тщедушный педантъ заключилъ ссору слѣдующими словами: „милостивый государь, ежели-бы я рѣшился драться съ вами на поединкѣ, тогда-бы всякій былъ въ правѣ назвать меня безчестнымъ человѣкомъ: вы здоровы, я—боленъ; вы располагаете прожить еще, по малой мѣрѣ, тридцать лѣтъ, мнѣ-же медицинскій факультетъ не позволяетъ прожить болѣе полугода. Чахотка, отъ коей я ѣду лечиться въ Ниццу, не дастъ прожить мнѣ болѣе шести мѣсяцевъ; слѣдовательно, стрѣляясь со мною, вы рискуете 30 лѣтъ, а можетъ быть и болѣе, а я только полгода: бой не равенъ! Я хочу быть великодушнымъ на закатѣ жизни моей, вашъ слуга покорный!“

Съ сими словами хилый философъ взялъ свой картузъ, поклонился всѣмъ и уѣхалъ, оставя умнаго человѣка въ дуракахъ.

Альбомъ.

Die Weisheit wohnte sonst auf grossen Folirbogen,
Der Freundschaft war ein Taschenbuch bestimmt.

Что значитъ альбомъ? Книжка, въ которую вписываютъ для памяти знакомые и незнакомые, знаменитые и незнаменитые люди всякую всячину въ прозѣ и въ стихахъ, остроумныя, чаще-же пошлыя, иногда новыя, по большей части-же старыя мысли; кто-же учился рисовать—рисуетъ аллегорическія и другія изображенія. Но я хочу знать, откуда взялось слово альбомъ? На латинскомъ языкѣ album означаетъ бѣлые листки, списокъ, регистръ, въ который вписывали имена чиновниковъ или вымарывали недостойныхъ, если вѣрить Тациту, albo senatorio crudere aliquem. Французы, не умѣя выразить латинскій умъ (um) какъ слѣдуетъ, выговариваютъ вмѣсто умъ — омъ; а вмѣсто альбумъ—альбомъ; мы-же, усердные подражатели французскаго произношенія, усыновили на своемъ языкѣ искаженное латин-

ское слово и воспользовались галлицизмомъ. Извините, любезные читатели, меня въ томъ, что я посвятилъ нѣсколько строчекъ на истолкованіе слова извѣстнаго всякому образованному человѣку, но, признаюсь, я не зналъ съ чего начать эту главу и прибѣгнулъ къ пустой диссертаціи, въ видѣ вступленія, надѣясь на ваше снисхожденіе.

Теперь приступимъ къ дѣлу: въ Шампаніолѣ присталъ къ намъ еще англичанинъ, весьма молодой человѣкъ, 19-ти или 20-ти лѣтъ, скромный и даже застѣнчивый, однако-же, оригиналъ, какъ и всѣ его соотечественники. Спускаясь съ горы Жюра, мы вышли изъ кареты и восхищались прелестями природы, которыхъ я, однако-же, описывать не буду, а прошу читателей, ежели они хотятъ имѣть понятіе объ окрестностяхъ Женевы, прочесть путешествія многихъ нашихъ соотечественниковъ и иноземцевъ, которые въ подробности описали всѣ горы, горки, пригорки, холмы, холмики, курганы, курганчики и даже камешки, разсѣянные по швейцарскимъ предѣламъ; а я скажу вамъ, что мы благополучно доѣхали до Женевы. Мистеръ Арчибальдъ съ дѣвицами остановился загородомъ, не доѣзжая Женевы за полмили, въ трактирѣ, называемомъ „Сешеронъ“ („Sécheron“); а я съ молодымъ англичаниномъ въ самомъ городѣ, въ трактирѣ „Aux Balances“.

Часу въ 9-мъ вечера, сидѣлъ я въ нашей комнатѣ и приводилъ въ порядокъ записки и наблюденія, дѣланныя мною во время забавнаго моего путешествія, и помышлялъ о поѣздкѣ моей въ Эксъ, куда я ѣду на водопой или на воды; вдругъ отворяются двери и мистеръ Арчибальдъ съ миссъ Перкъ являются передо мною: „завтра ѣдемъ мы въ Шамуни, сказалъ мнѣ добрый англичанинъ, а оттуда въ Швейцарію; мы долго, можетъ быть, не увидимся, итакъ, я пришелъ проститься съ вами и поблагодарить за ласки, которыя вы намъ оказывали во время нашего путешествія“. Я не стану описывать нашего разговора, мой отвѣтъ, мое привѣтствіе; все это ничуть не занимательно. Мистеръ Арчибальдъ замѣтилъ на столѣ мою записную книжку, которую я купилъ въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: „Mes confessions“, и спросилъ, не альбомъ-ли это мой? Я отвѣчалъ машинально „да“, хотя никто кромѣ меня ничего въ немъ не писалъ. „А! въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ что-нибудь въ немъ написать на

память". Тщетно старался я его отклонить, говоря, что я назвалъ эту книжку альбомомъ только потому, что всѣ почти листки въ ней бѣлые; англичанинъ говорилъ, что у нихъ такой обычай; онъ присѣлъ къ столу, сталъ думать, потирать лобъ и дѣлать всѣ прочія тѣлодвиженія человѣка сочиняющаго.

Надо замѣтить, что г. Арчибальдъ имѣлъ слабость воображать, что онъ отлично владѣетъ французскимъ языкомъ, хотя коверкалъ его безъ всякаго милосердія. Я сначала ожидалъ англійскихъ стиховъ или прозы, но онъ предупредилъ меня, говоря: „я намѣренъ оставить вамъ доказательство, что и англичанинъ можетъ писать на французскомъ языкѣ; впрочемъ, не прогнѣвайтесь, если стихи мои будутъ дурны,—на чуждомъ языкѣ мудрено писать, какъ на своемъ собственномъ; черезъ пять минутъ скропалъ онъ слѣдующіе два стиха:

„Je désire beaucoup, qu'en arrivant à Aix
Vous y trouviez santé, bonheur et paix".

Послѣ чего вынулъ онъ изъ кармана свой альбомъ, подалъ мнѣ его, прося написать тоже что-нибудь; признаюсь, я сначала былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи, самолюбіе шептало мнѣ: надо написать что-нибудь хорошее, что не легко!... но, впрочемъ, думалъ я, напишу такіе-же стихи и мы будемъ квиты, вѣрно никто не прочтетъ ихъ; если-же и прочтетъ, то, конечно, незнакомый; я взялъ перо и написалъ:

„Je fais des voeux qu'en voyageant en Suisse
Vous menagiez vos pieds et votre cuisse!"

(NB. Г-нъ Арчибальдъ подъ Ватерло былъ раненъ въ ляшку). Кажется, я не остался въ долгу и оправдалъ пословицу: „долгъ платежемъ красенъ". Миссъ Перкъ со слезами повторяла: „God bless you!" [1]).

[1]) Да благословитъ васъ Господь!

Лунатикъ.

Quid quid luce fuit, tenebris agit.
Petronius.

Какія чудеса разсказываютъ о лунатикахъ! Иные ползаютъ по стѣнамъ какъ мухи, другіе по крышамъ на самомъ краю, не спотыкаясь; нѣкоторые-же отличаются разными талантами, коихъ они лишены въ бдительномъ состояніи: играютъ отлично на фортепіано, а на яву не имѣютъ никакого понятія о музыкѣ, рисуютъ безподобно, пишутъ стихи, говорятъ по-латыни, по-гречески и, словомъ сказать, риторствуютъ на всѣхъ живыхъ и усопшихъ языкахъ; проснулись—и снова становятся бездарными невѣждами. Мудрѣйшіе люди подтверждаютъ всѣ эти сверхъестественныя явленія. Въ энциклопедіи описаны о лунатикахъ такіе чудесные случаи, что волосы становятся дыбомъ. Потомъ появился Месснеръ съ животнымъ магнетизмомъ и усилилъ вѣру къ этому странному чудотворству. До сихъ поръ, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ сколько людей, не совсѣмъ животныхъ, поклоняются животному магнетизму и слѣпо уповаютъ на него. Что-жъ касается до меня, не имѣвъ чести въ продолженіе моей жизни быть знакомымъ ни съ однимъ лунатикомъ, ни даже съ проказникомъ, выдающимъ себя за таковаго, я, въ этомъ случаѣ, совершенный скептикъ, и полагаю, что суевѣріе и воображеніе было основаніемъ всѣхъ этихъ басней; предразсудки, вкравшіеся съ дурнымъ воспитаніемъ, усилили упованіе слабыхъ людей и, наконецъ, наклонность человѣка видѣть вездѣ сверхъестественное сохранила и предала потомству безчисленныя сказки о чудесахъ лунатизма. Читатель увидитъ изъ этой статьи, какъ легко люди обманываются.

Мистеръ Арчибальдъ со своими спутницами, какъ я выше сказалъ, остановился въ загородномъ постояломъ домѣ; мы-же въѣхали въ Женеву вдвоемъ, т. е. я и молодой англичанинъ, и пошли искать квартиры въ гостинницахъ; мы пришли въ трактиръ „A l'Ecu de Genève“, знакомый мнѣ по письмамъ почтеннаго друга моего Н. И. Греча; намъ отвѣчали, что всѣ комнаты заняты; мы отправились „A la Couronne“, гдѣ намъ отвѣчали

то-же. Вообще, принимали насъ весьма дурно, ибо мы шли пѣшкомъ, а передъ нами на телѣжкѣ везли наши пожитки:

„О, бѣдность! горько жить съ тобою,
Нельзя и чувствамъ воли дать!“

Такъ выражается князь Н. М. Долгорукій простымъ и чувствительнымъ языкомъ. Многіе ему подражали, хотя съ неравною удачею; но ни о какомъ предметѣ столько не писали въ прозѣ и стихахъ, какъ о богатствѣ, и что всего страннѣе, всегда и вездѣ не порицали, а превозносили богачей. Мы безпрестанно читаемъ и слышимъ всюду: бренность, ничтожество золота, лживый металлъ и проч. „L'or est une chimère“ [1]), пѣлъ однажды въ оперѣ „Robert Diable“ актеръ Нури, а изъ партера голосъ отвѣчалъ ему: „surtout quand on n'en a pas!“ [2]). Браните сколько хотите, гг. Катоны, золото и изобиліе, но я никакъ не соглашусь съ вами и буду вѣчно повторять, что богатство—безподобнѣйшая вещь! Наконецъ, въ гостинницѣ „Aux Balances“ были къ намъ снисходительнѣе и объявили, что въ сосѣдствѣ съ облаками есть одна комната, въ коей находятся двѣ постели. Не желая ночевать на чистомъ воздухѣ, мы рѣшились поселиться близь чердака и попирать ногами всѣхъ прочихъ обитателей дома. Мы взошли по лѣстницѣ высокой, крючковатой и основали тамъ свой ночлегъ. Вовсе не зная другъ друга, кажется, трудно было согласиться; но нужда, властительница смертныхъ, разрушила всѣ препятствія. Поужинавъ плотно въ общей залѣ, мы снова вскарабкались наверхъ. Я принялся писать, англичанинъ-же, помолясь Богу, сѣлъ и началъ дремать.

„Что-же вы не ложитесь спать?“ спрашивалъ я у него нѣсколько разъ.

—„Я лягу тотчасъ“, отвѣчалъ мнѣ каждый разъ мой юноша. Наконецъ, полагая, что онъ дожидаетъ меня, я оставилъ свою работу и хотѣлъ раздѣваться; въ это самое время британецъ подошелъ ко мнѣ съ робкимъ видомъ, потупя глаза, и сказалъ: „я хотѣлъ спросить у васъ объ одной вещи, но боюсь васъ разсердить“.

---

[1]) Золото—химера.

[2]) Въ особенности, когда его не имѣемъ.

„Говорите, не бойтесь“, былъ мой отвѣтъ.

—„Извините, продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ,... но... но... не лунатикъ-ли вы?“

Съ симъ словомъ я громко расхохотался и объявилъ ему, что за мною, кажется, такой причуды не водится, впрочемъ, присовокупилъ я шутя,—„не отвѣчаю,—я слыхалъ, что лунатики сами не знаютъ своей болѣзни“.

—„Я такъ напуганъ былъ лунатиками, возразилъ юноша, что нынѣ одна мысль о нихъ приводитъ меня въ трепетъ“.

Послѣ сего разговора мы улеглись. Англичанинъ въ мигъ заснулъ. Что-же касается до меня, лишь только я началъ засыпать, какъ вдругъ почувствовалъ сильную боль въ ногахъ: три ночи и четыре дня, проведенные въ дилижансѣ, гдѣ я принужденъ былъ держать ноги въ вертикальномъ положеніи, произвели въ нихъ столь жестокія судороги, что я закричалъ во все горло и, вспомнивъ, что лучшее средство для избавленія себя отъ судоръ въ ногахъ состоитъ въ томъ, чтобы скорѣе стать на ноги, я ни мало не медля выскочилъ изъ постели и продолжалъ кричать. Англичанинъ проснулся, протеръ глаза и, увидя меня въ одной рубашкѣ, стоящаго передъ нимъ и вопіющаго дикимъ голосомъ, испугался, закрылъ голову одѣяломъ и спряталъ ее въ подушки. Какъ скоро судороги мои унялись, я подошелъ къ нему и, видя по волненію его тѣла, съ силою воздымавшагося, до какой степени онъ перепугался, я хотѣлъ успокоить его, толкалъ, кричалъ ему, но онъ видно полагая, что я дѣлалъ все это въ лунатизмѣ, не внималъ мнѣ, крѣпко уцѣпившись за одѣяло; такъ что, не предвидя успѣха, я снова легъ въ постель, заснулъ и проспалъ до семи часовъ утра. При пробужденіи моемъ, первая мысль моя была разувѣрить моего товарища и доказать ему, что я былъ въ полной памяти и въ сознаніи самого себя, а не въ магнетическомъ бреду. Взглянулъ на его кровать — она пуста! окинулъ взоромъ комнату—и не вижу ни чемодана, ни другихъ вещей, ему принадлежавшихъ! Вскорѣ послѣ того я кликнулъ слугу, который объявилъ мнѣ, что молодой человѣкъ въ 5 часовъ утра расплатился съ хозяиномъ за ночлегъ и ужинъ, съ величайшею осторожностію вынесъ свои вещи и отправился искать другой квартиры. Съ тѣхъ поръ, онъ какъ въ воду канулъ, и я не имѣлъ о немъ никакого слуха, хотя всячески старался

узнать гдѣ онъ поселился; я-же во мнѣніи его остался лунатикомъ.

Ферней.

Son cœur se trouve ici, et son esprit partout.

Какое-то уваженіе къ памяти великихъ людей невольно влечетъ насъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они обитали во время ихъ жизни. Мы вступаемъ въ ихъ комнаты съ благоговѣніемъ, какъ будто въ святилище мудрости или въ храмъ генія; каждый уголокъ, каждая дощечка, которую они попирали, намъ кажутся освященными духомъ этихъ мужей. Многіе надѣются однимъ прикосновеніемъ почерпнуть нѣсколько унцій ума. Какія странныя, можно даже сказать смѣшныя, чувства объемлютъ воображеніе смертныхъ! Не все-ли равно, ежели Вольтеръ или другой мудрецъ писалъ свои сочиненія тамъ, а не здѣсь, спалъ, ѣлъ и думалъ тутъ или въ другомъ мѣстѣ? Мы ищемъ въ пустыхъ комнатахъ слѣдовъ генія, давно угасшаго во мракѣ гробовомъ. Вольтеръ господствовалъ надъ мнѣніями своихъ современниковъ, управлялъ ими, удивлялъ свѣтъ своею дивною умственною дѣятельностію; но палъ какъ и прочіе смертные, а со временемъ, можетъ статься, попадетъ въ посредственные писатели, если умъ человѣческій разовьется болѣе и болѣе. И теперь уже не такъ гремитъ его имя, какъ въ прошедшемъ столѣтіи. Коллективная умственность, подъ формою журнализма, нынѣ управляетъ мнѣніями съ бо́льшимъ самовластіемъ, нежели могъ управлять одинъ человѣкъ. Говорятъ, что болѣе 100 тысячи листковъ появляются во всѣхъ частяхъ свѣта ежедневно, ежечасно и даютъ направленіе мыслямъ и дѣйствіямъ людей и часто затмѣваютъ разсудокъ, волнуютъ смыслъ народный, возмущаютъ порядокъ, и что-же? Отвѣтственность не падаетъ ни на кого, ибо имя ихъ легіонъ! При этомъ нашествіи журнализма, вліяніе Вольтера исчезаетъ яко дымъ отъ лица огня. Теперь уже мода во Франціи порицать Вольтера и смѣяться надъ вольтеріянцами: Вольтера въ Парижѣ называютъ рококо: „sic transit gloria mundi!“

Такъ разсуждалъ я про себя, шедши нанимать шаръ-а-банъ или, какъ здѣсь называютъ, просто шаръ, въ коемъ намѣренъ былъ покатиться въ Ферней. Покуда я торговался, подошелъ

опять таки англичанинъ съ такимъ-же намѣреніемъ; я предложилъ ему изъ экономіи нанять экипажъ пополамъ и ѣхать вмѣстѣ; онъ согласился, и мы отправились. Читатель не долженъ удивляться частымъ встрѣчамъ моимъ съ англичанами. Кто путешествовалъ по Швейцаріи, особенно около сентября, тотъ безъ сомнѣнія знаетъ какое здѣсь множество ихъ. Въ трактирѣ „Aux Balances“ за обѣдомъ насъ сидѣло 36 человѣкъ, въ числѣ коихъ 23 человѣка англичанъ обоего пола.

Взошедъ въ комнаты Вольтера, я не могъ воздержаться отъ нѣкотораго душевнаго волненія. Здѣсь, думалъ я, зародились въ его необыкновенной головѣ очаровательныя мысли; здѣсь обработалъ онъ ихъ сильнымъ и рѣзкимъ своимъ краснорѣчіемъ; здѣсь изобильное воображеніе его служило имъ источникомъ; отсюда разлились его мнѣнія, подобно наводненію, и потопили весь міръ! Кровать, картины, портреты и аллея, по которой онъ любилъ прогуливаться, не разгорячили моего воображенія и, послѣ мгновеннаго энтузіазма, я глядѣлъ на все прочее какъ на домъ, садъ и утварь посредственнаго помѣщика. Кто хочетъ имѣть понятіе о селѣ Фернейскомъ, тотъ пусть прочтетъ письма остроумнаго пріятеля моего Н. И. Греча, В. А. Жуковскаго и другихъ туристовъ; первые описали все достойное замѣчанія умно, достовѣрно и увлекательно; а я скажу вамъ, что англичанинъ не былъ такъ равнодушенъ, какъ я. Подъѣзжая къ калиткѣ, онъ уже прыгалъ отъ восхищенія, взошедъ въ комнаты, онъ вынулъ изъ кармана записную книжку огромнаго формата и началъ дѣлать подробную опись комнатамъ, мебели, словомъ сказать, всему, что только хранилось въ домѣ; потомъ, отозвавъ въ сторону женщину, водившую насъ, онъ просилъ ее украдкою о чемъ-то; когда-же мы, кончивъ посѣщеніе, пошли опять къ своему экипажу, замѣтивъ, что мой англичанинъ шелъ тише и не съ такою свободою какъ прежде, я взглянулъ и увидѣлъ, что одинъ карманъ у него пооттопырился. Я не утерпѣлъ и сталъ терзать его нескромными вопросами. Мой чудакъ сперва не хотѣлъ удовлетворить моего любопытства, но когда мы отъѣхали съ полверсты, онъ сказалъ мнѣ: „впрочемъ, я могу удѣлить вамъ часть пріобрѣтеннаго мною...“

Какъ вы думаете, любезные читатели, чего? Кто не знаетъ англичанъ, тотъ вѣрно скорѣе угадаетъ дюжину загадокъ, лого-

грифовъ и сотню шарадъ, помѣщаемыхъ въ „Инвалидѣ“ и въ другихъ благонамѣренныхъ журналахъ: это былъ огромный камень, вѣсомъ въ 30 фунтовъ по крайней мѣрѣ, тяжелый образчикъ помѣщичьяго дома усадьбы покойнаго дѣйствительнаго камергера и прусскаго ордена „За достоинства“ кавалера Франца Францевича Вольтера. Я смѣялся отъ души и благодарилъ моего товарища за щедрое предложеніе вовсе не драгоцѣннаго камня.

„Ежели въ продолженіе путешествія вашего по Европѣ, сказалъ я ему, вы будете брать по камню съ каждаго дома, служившаго жилищемъ какому-нибудь знаменитому человѣку, я увѣренъ, что, возвратясь въ Англію, вы наберетесь довольнымъ запасомъ, чтобы выстроить домъ“.

—„О! это мысль безподобная, отвѣчалъ онъ, впрочемъ, ежели я не выстрою дома, то, по крайней мѣрѣ, сооружу памятникъ въ паркѣ отца моего близъ Ливерпуля“.

Мы заѣзжали въ Копетъ, село, принадлежавшее его превосходительству г. министру финансовъ... Некеру и доставшееся по наслѣдству дочери его баронессѣ Сталь-Гольстейнъ; нынѣже принадлежитъ оно дочери баронессы—ея сіятельству княгинѣ Брогліевой. Англичанинъ и тутъ умудрился и выпросилъ камень, за который заплатилъ 1 франкъ. Ежели-бы княгиня, нынѣшняя помѣщица, захотѣла разбогатѣть, то, конечно, лучшее средство было-бы сломать домъ и продавать камни по франку англичанамъ, подобнымъ моему спутнику; эта спекуляція былабы лучше всѣхъ финансовыхъ системъ покойнаго ея дѣдушки.

—„Вы смѣетесь, сказалъ англичанинъ,—это происходитъ отъ того, что вы не знаете цѣны такимъ вещамъ; Россія не достигла еще до такой степени просвѣщенія, чтобы чтить память великихъ мужей; а у насъ это въ обыкновеніи, и всякій путешествующій англичанинъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность пріобрѣтеніе подобныхъ памятниковъ“.

Британецъ мой горячился, а я смѣялся усердно.

„Ежели высочайшая степень просвѣщенія состоитъ въ томъ, чтобы сбирать камни строеній, служившихъ жилищемъ знаменитымъ покойникамъ, въ такомъ случаѣ я долго останусь въ числѣ варваровъ. Пукай любопытные путешественники нагружаютъ свои чемоданы подобными рѣдкостями и запасаются камнями сколько имъ угодно; что-жъ касается до меня, то я не намѣ-

ренъ участвовать въ столь тяжелой работѣ и предоставляю другимъ честь собирать каменья и даже, ежели хотятъ, вымащивать классическую мостовую.

Сумасшедшій, актеръ и министръ.

All the world's a stage
And all the men and women merely players

Изъ Женевы пустился я въ путь рано по утру; мракъ мѣшалъ мнѣ разсмотрѣть моихъ товарищей, но, проѣхавъ предмѣстье Каружъ, стало нѣсколько разсвѣтать и я счелъ трехъ мужчинъ и одну даму съ мальчикомъ; тріумвиратъ состоялъ изъ женевскаго судьи, часоваго мастера и негоціанта. Кинувъ на нихъ взглядъ, я снова опустилъ его и задремалъ. И вотъ, Аврора розовыми перстами отверзла врата востока, и алая черта, подернувшая небесную синеву, рисовалась на грязныхъ стеклахъ дилижанса. Ночь въ маковомъ вѣнцѣ удалялась...

„Тише, тише! закричалъ сухощавый купецъ, сидѣвшій насупротивъ меня, не видишь развѣ какой оврагъ!“ Сіи слова прервали мое романтическое размышленіе, и уже

„Изъ за горъ глядитъ заря,
Брусничный морсъ льетъ на моря,
И вотъ ужъ Фебъ огнистый, лучезарный....“

„Какой вздоръ, какой сумбуръ я видѣла во снѣ“, сказала, пробуждаясь, гренобльская дама, покрывая шалью девятилѣтняго сына своего, который, къ счастью нашему, еще почивалъ.

—„А что вы видѣли во снѣ?“, вопросилъ ее женевскій судья.

„Представьте, мнѣ снилось, что минеральныя воды Экса возвратили бѣдному сыну моему умственныя его способности и что.. о прочемъ вздорѣ умолчу“.

—„Какъ, сынъ вашъ страдаетъ сумасшествіемъ и вы надѣетесь исцѣлить его въ Эксѣ?“

„Безъ сомнѣнія, сильныя души [1]) приводятъ въ движеніе усыпленныя чувства ума“.

---

[1]) Прошу читателей не думать, что здѣсь дѣло идетъ о душѣ, живящей человѣческій составъ; это просто водометъ, который играетъ и ниспадаетъ на болѣзненную часть тѣла. Я говорю играетъ, какъ говорится здѣсь, а не бьетъ, какъ говорятъ у насъ, потому что только у насъ фонтаны и души бьютъ; а сіи послѣднія не рѣдко бываютъ биты. Авт.

—„Повѣрьте мнѣ, что воды не въ силахъ дать того, чего лишила природа“.

—„Многіе наши женевцы по сосѣдству должны-бы въ такомъ случаѣ съѣздить за умомъ въ Эксъ“, сказалъ смѣючись женевскій часовыхъ дѣлъ мастеръ.

Но вотъ и дуракъ нашъ пробудился; окинувъ дикими взорами путешественниковъ, онъ началъ плакать и притомъ такъ громко, что мы принуждены были затыкать уши. Часовщикъ, сидѣвшій близъ дурачка, спустилъ колпакъ и картузъ на глаза и на уши; эта предосторожность не понравилась умалишенному мальчику, который кинулся на него, сорвалъ съ него картузъ и выбросилъ за окно.

Чрезвычайное возмущеніе вспыхнуло въ дилижансѣ: часовыхъ дѣлъ мастеръ хотѣлъ остановить карету, проводникъ не слушался; судья отгонялъ мальчика, который силился и съ него сорвать шляпу. Сухощавый купецъ бранился съ дамою... Мой слабый духъ, боясь малѣйшаго волненія, подъ ваточнымъ плащемъ искалъ себѣ спасенья!... Наконецъ, дамѣ удалось успокоить сына коврижкою; послѣ чего, она въ самыхъ жалостныхъ выраженіяхъ извинялась передъ пассажирами и обѣщала, что сцена эта не возобновится и что по пріѣздѣ въ Эксъ, часовщикъ получитъ новый картузъ и, сверхъ того, она доставитъ ему случай продать нѣсколько часовъ. Но коврижка имѣетъ свой конецъ, какъ и все въ подлунномъ мірѣ. Мы съ ужасомъ взирали на приближеніе кончины сего пряника; но мать тотчасъ-же замѣнила коврижку, и дала ребенку книжку. Не думайте, чтобы я помѣстилъ книжку для риѳмы коврижкѣ; нѣтъ, я пишу не въ стихахъ, мнѣ риѳма не нужна, не такъ какъ покойному князю П. М. Долгорукому въ прекрасномъ стихотвореніи его „Пиръ“; хотя онъ тоже увѣряетъ, что взялъ книжку не для риѳмы:

„Не риѳму здѣсь хочу для книжки прибирать,
Нѣтъ, истинно люблю я пряники жевать“.

Книжка съ картинками развлекла на время дурь сумасшедшаго ребенка, какъ вдругъ, за грѣхи мои, вздумалось понюхать табаку; мальчикъ, увидѣвъ табакерку мою, украшенную портретомъ славнаго графа Платова, которую я хранилъ въ продол-

женіе многихъ лѣтъ, употребляя лишь въ дорогѣ, бросился отнимать у меня табакерку; я-же, не желая подвергнуть ее участи картуза, защищался unguibus et rostro, угрожая выбросить его самого за окошко, но повѣса сорвалъ съ меня очки и не премѣнно выбросилъ-бы ихъ, подобно картузу, еслибъ окошко съ моей стороны не было заперто; очки ударились о стекло, расшибли его и сами разбились. Тутъ началась опять тревога! Вожатый, видя разбитое окно, этотъ разъ остановился; весь дилижансъ былъ въ бунтѣ. Къ счастію, были мѣста: одно на имперіялѣ, куда я поспѣшно вскарабкался, другое въ купе, куда сѣлъ судья, а часовой мастеръ въ одномъ колпакѣ, съ купцемъ, пошли пѣшкомъ. Проводникъ хотѣлъ заставить даму выйти, но она горько плакала и, изъ уваженія къ ея нѣжному полу, всѣ согласились оставить ее въ каретѣ. Однако-же купецъ и часовщикъ, которые съ горяча рѣшились итти пѣшкомъ, покуда дилижансъ въѣзжалъ на гору, не говорили ни слова, но потомъ стали кричать, чтобы остановились и предложили просить единогласно двухъ вояжеровъ, сидѣвшихъ въ купе уступить свои мѣста дамѣ съ сыномъ, а самимъ пересѣсть во внутренность дилижанса; послѣ нѣкоторыхъ затрудненій все устроилось благополучно.

О новыхъ нашихъ товарищахъ, покуда пересаживались, я успѣлъ спросить у кучера—кто они? Онъ мнѣ отвѣчалъ: „одинъ изъ нихъ министръ, а другой комическій актеръ Шамберійскаго театра“. Такимъ образомъ дилижансъ снова тронулся; всѣ смѣялись кромѣ меня и часоваго мастера, ибо намъ жаль было нашихъ вещей. Одинъ изъ новыхъ спутниковъ нашихъ, веселый и словоохотливый старичекъ, забавлялъ своими разсказами всѣхъ странствующихъ. Я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ касательно Шамберійскаго театра; меня удивило то, что онъ отвѣчалъ неудовлетворительно, какъ будто вовсе въ немъ не бывалъ; слѣдовательно, думалъ я, онъ принадлежитъ къ другому театру и причисленъ къ Шамберійскому недавно. Сказалъ нѣсколько словъ насчетъ сценическаго искуства и декламаціи, на что онъ мнѣ не отвѣчалъ. Потомъ я обратился къ моему, сосѣду мрачному, пасмурному человѣку лѣтъ 50-ти. Это долженъ быть министръ, думалъ я, и, вѣроятно, министръ финансовъ, ибо погруженъ въ глубокое размышленіе, надо полагать,

что онъ занимается государственными расчетами. Обернувшись, толкнулъ я его нечаянно и, желая завесть разговоръ, сказалъ: „извините, ваше превосходительство!“ Пасмурный человѣкъ взглянулъ на меня изъ-подлобія и спросилъ: „что значитъ выраженіе ваше превосходительство? я иногда бываю имъ, продолжалъ онъ, но не болѣе какъ на одинъ вечеръ“.

Громкій смѣхъ прервалъ нашъ разговоръ, и что-жъ? Оказалось, что пасмурный мой сосѣдъ былъ комическій актеръ, а весельчакъ министръ; однако-же, не финансовъ, не юстиціи, не народнаго просвѣщенія, не военный и даже не морской, а министръ слова Божія, т. е. пасторъ, которыхъ здѣсь называютъ, не знаю почему, министрами.

Послѣ сего разговора завелъ я другой съ сухощавымъ купцомъ о Россіи; купецъ весьма неосторожно изъяснялся насчетъ любезнаго моего отечества, отчего между нами разгорѣлась сильная ссора и чуть было не дошло до поединка. Дерзкій женевецъ сказалъ мнѣ: „au fait il vaut mieux être russe que rustre“. На что я тотчасъ-же возразилъ: „il vaut mieux être suisse que cuistre“. Хотя онъ и извинялся, говоря, что выраженія эти вырвались невольно и что онъ не имѣлъ умысла обидѣть меня, но онъ задѣлъ мой родимый край, славу русскихъ, и я уже въ продолженіе всего пути съ нимъ ни слова не говорилъ и мы даже не глядѣли другъ на друга.

Экъ-Савойскій.

Питая злость ко мнѣ, Микстуринъ далъ
мнѣ жить;
Онъ вылечилъ меня, желая уморить.

Уже среди высокихъ Савойскихъ Альпъ, между живописною природою, видны крышки Экса. Прелестная природа, коею восхищался Иванъ Яковъ Руссо, восхищала и меня. Шарметье, Шамуни! никогда не забуду васъ. Но не взирая на красоту природы, часто говорилъ я самъ про себя: „все прекрасно, все величественно! Но, ахъ! отдайте мнѣ родныя ели, русскія сосны и рябины; онѣ ростутъ среди людей мнѣ по сердцу и милѣе для меня образцовой природы Швейцаріи и Савои, гдѣ не рѣдко между ароматомъ прелестныхъ цвѣтовъ и очарователь-

ныхъ фруктовъ встрѣчаешь людей похожихъ на дурманъ, чертополохъ и трынъ-траву! Восхищаться природою хорошо; но восхищеніе мгновенно, человѣкъ ищетъ другихъ наслажденій...

Виноватъ, я, кажется, обѣщалъ описывать только одну быль, а не горы, горки и ручейки, а потому не сказалъ вамъ ни слова даже о Монбланѣ, да что и говорить? Гора она превысокая, дорога къ ней не гладкая; но вотъ и все тутъ. Однако-же, хочется вамъ сказать, что между разными надписями прозою и стихами, вписанными путешественниками, я нашелъ тамъ одну родную надпись; рука русскаго патріота начертала слѣдующіе стихи:

„Какъ Бѣлая гора предъ прочими горами,
Такъ точно Бѣлый царь предъ прочими царями".

Впрочемъ, не воображайте, чтобы она была вся бѣлая, какъ сахарная голова, нѣтъ, она такого-же цвѣта, какъ и наши валдайскіе карлики, съ тою разницею, что на вершинѣ ея снѣгъ никогда не таетъ, какъ и на многихъ другихъ альпійскихъ горахъ. Въ дѣтствѣ моемъ, когда я учился географіи, юное воображеніе представляло мнѣ ее всю бѣлую, какъ мѣлъ; Красное море—краснымъ какъ кровь, а Черное море какъ чернила. Какъ часто и въ зрѣломъ возрастѣ воображеніе насъ обманываетъ! Какъ часто мы по названію судимъ о сущности! Но вотъ мы уже въ Эксѣ. Первый визитъ мой былъ сдѣланъ доктору М.... Живое воображеніе медицинскаго ветерана. Онъ принялъ меня съ важностью, приличною главному врачу здѣшняго заведенія; я-же привѣтствовалъ его съ благоговѣніемъ больнаго, чающаго движенія минеральной воды и воображающаго, что жизнь его въ рукахъ лѣкаря.

„Всѣ больные мои вообще, сказалъ мнѣ хирургъ, получили исцѣленіе отъ нашихъ водъ, особенно-же отъ образа леченія моего; вы счастливы, что попали въ мои руки"...

—„Вы погубили меня!" прервалъ грубый голосъ, и съ словомъ симъ отворилась дверь; я увидѣлъ вошедшаго на костыляхъ пожилаго піемонтскаго офицера; „вашими лекарствами, продолжалъ онъ, недуги мои усилились до нестерпимой степени; я почти совсѣмъ потерялъ движеніе ногъ".

„Это происходитъ отъ того, что вы не слѣдовали буквально моимъ наставленіямъ", отвѣчалъ равнодушно докторъ.

—„Слишкомъ, сударь, слишкомъ!“

„Впрочемъ“, присовокупилъ врачъ, прошу меня оставить и взять другаго доктора, ежели я вамъ не нравлюсь“.

— „Ты испортилъ мою болѣзнь и гонишь меня вонъ!“ воскликнулъ съ гнѣвомъ офицеръ. „Я ѣду; но знай, сынъ язвы и чумы, блѣдный данникъ ада! Знай, что вся Европа извѣстится о твоемъ невѣжествѣ, весь шаръ земной узнаетъ, что ты шарлатанъ!“.

Офицеръ хлопнулъ дверью и удалился.

„Это сумасшедшій“, сказалъ докторъ М....

Опять сумасшедшій, думалъ я; когда я отъ нихъ отдѣлаюсь! Между тѣмъ, этотъ діалогъ разсѣялъ мои мечты о будущемъ здравіи и я, раскланявшись съ штабъ-лекаремъ, пошелъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ другому доктору, г-ну Д.... По дорогѣ зашелъ также съ такимъ-же письмомъ, которое мнѣ дали въ Парижѣ къ здѣшнему негоціанту. Я вхожу въ прекрасные покои; обо мнѣ докладываютъ, я вступаю въ кабинетъ; въ вечернемъ сумракѣ не могу разобрать лица хозяина дома, но подошедши ближе и вручая ему письмо, взглянулъ—и что-же? узнаю сухощаваго купца моего спутника, съ коимъ я повздорилъ за Россію; быстрымъ движеніемъ вырвалъ я письмо изъ рукъ его, положилъ опять въ карманъ, обернулся—и поминай какъ звали!

Ванны.

Non ha in voi fatta alcuna impressione,
E gia dimenticaste, a quel che osservo,
L'esempio di Calisto e d'Atteone,
Quella cangiata in orsa, e questi in cervo.
Casti, Novella XXIII.

Докторъ Дес..., хотя и пользуется меньшею славою, чѣмъ лекарь М...., съ перваго взгляда показался мнѣ человѣкомъ свѣдущимъ, искуснымъ и образованнымъ, а впослѣдствіи и дѣйствительно оправдалъ доброе мнѣніе, которое я возымѣлъ о немъ при первой встрѣчѣ, излечивъ совершенно мои страданія.

Я хотѣлъ было умолчать объ одномъ забавномъ происшествіи, но такъ какъ я обѣщалъ читателямъ писать обо всемъ откро-

венно и ничего не таить, рѣшаюсь слѣдовать моему обѣщанію и приступаю къ разсказу. Докторъ Дес...., къ которому я имѣлъ особенное рекомендательное письмо, принялъ меня весьма ласково; онъ предложилъ показать мнѣ заведеніе бань. Мы отправились съ нимъ туда около трехъ часовъ пополудни, осматривали строеніе, источники, души. Наконецъ, онъ сказалъ мнѣ, указывая на дверь: „этотъ басейнъ имѣетъ самую высокую душу, она называется шотландскою“; съ симъ словомъ отворилъ онъ дверь и ввелъ меня въ эту избу, но что-жъ мы увидѣли? восемь дамъ, купающихся болѣе, нежели

„Dans le simple appareil
D'une beauté qu'on arrache au sommeil“ [1]).

Громкіе крики и звонкіе визги раздались въ сѣрной атмосферѣ. Докторъ-же не потерялъ присутствія духа и съ важностью сказалъ громкимъ голосомъ: „mesdames, soyez tranquilles, ce monsieur est complétement aveugle; il a la goutte sereine (будьте покойны, сударыни, этотъ господинъ совершенно слѣпъ; у него темная вода); хотя онъ вытаращилъ глаза и кажется будто смотритъ на васъ съ любопытствомъ и жадностью; но я увѣряю васъ, онъ ни зги не видитъ“.

Крики умолкли; мы намѣревались выйти вонъ, я не утерпѣлъ, обернулся опять назадъ—и крики снова начались, но вскорѣ успокоились. Докторъ понуждалъ меня скорѣе итти, но я выпятилъ глаза, говоря: „куда-же вы меня ведете? дайте мнѣ, слѣпцу, вздохнуть“ и проч., а, между тѣмъ, смотрѣлъ, какъ:

„Allo specchio d'un chiaro rusceletto,
Lascia ondeggiar nuda le braccio e il petto“.

Наконецъ, однако-же, мы вышли; докторъ хохоталъ до слезъ. „Но, присовокупилъ онъ, я не виноватъ, что больныя мои, по лѣности и вопреки моему приказанію, выбрали такой поздній часъ для купанія; я имъ ежедневно твержу и предписываю принимать ванны не позже шести часовъ утра“.

Иногда случается, что мы радуемся болѣзни; эту радость я вкусилъ. Въ самый день посѣщенія мною баннаго заведенія я

[1]) Въ простомъ одѣяніи красавицы, пробужденной отъ сна.

къ вечеру занемогъ простудою и пролежалъ двѣ недѣли; между тѣмъ изъ восьми купавшихся дамъ семь уѣхали и осталась только одна и самая пригожая изъ нихъ, г-жа де К... Ну если-бы онѣ остались и встрѣтили-бы меня въ редутѣ? я-бы, новый актеонъ, испыталъ-бы, можетъ быть, гнѣвъ ихъ и тогда-бы онѣ могли выцарапать мнѣ глаза и сдѣлать истинно слѣпымъ, что мнѣ и объявила г-жа де К., та, которая осталась въ Эксѣ. Надо было видѣть съ какимъ миловиднымъ гнѣвомъ она на меня бросилась, воскликнувъ: „да вы, сударь, вовсе не слѣпы! Это непростительная насмѣшка доктора. C'est un guet-à-pan!“ [1]). Я началъ увѣрять ее, что докторъ возвратилъ мнѣ зрѣніе и что я никогда не былъ ему такъ благодаренъ какъ сегодня, потому что онъ доставилъ мнѣ наслажденіе видѣть одну изъ прелестнѣйшихъ дамъ въ мірѣ..., но кончилъ тѣмъ, что разсказалъ ей все откровенно и мы черезъ нѣсколько дней сдѣлались съ нею самыми закадычными друзьями.

Ламартинъ.

„Que j'aime le tableau de ta barque incertaine,
Cédant en vers si doux au souffle qui l'entraine!“
Casimir Delavigne, Epitre à Lamartine.

Будучи въ Дрезденѣ, я смотрѣлъ въ Grüne Gewölde драгоцѣнные камни королевской сокровищницы; мнѣ показывали огромный брильянтъ и я восхищался имъ, полагая, что это былъ настоящій; но когда мнѣ сказали, что для публики выставлены были фальшивыя модели настоящихъ, которые хранятся подъ спудомъ, заблужденіе мое рушилось, и я въ воображеніи искалъ недостатки, которыхъ не замѣтилъ прежде. Точно то-же можно сказать и о людяхъ; укажите мнѣ на человѣка и скажите: это такой-то; онъ прославился такимъ-то подвигомъ или такимъ-то геніальнымъ произведеніемъ; подойдя къ нему, я объятъ буду особеннымъ чувствомъ уваженія и въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ буду искать искры дарованій его. Еслижъ не

[1]) Это ловушка.

зная его я подступлю къ нему, то стану смотрѣть на него какъ на обыкновеннаго смертнаго, буду вести съ нимъ разговоръ, какъ съ послѣднимъ Ванькою. Впрочемъ, бываютъ исключенія; есть люди, одаренные необыкновеннымъ умомъ, познаніями, соединенными съ сладкимъ краснорѣчіемъ; эти люди съ перваго прикосновенія поражаютъ васъ. Другіе-же, изучившіе нѣкоторыя спеціальности, толкуя о нихъ велерѣчиво, производятъ также впечатлѣніе. Надо признаться, что даръ слова много благопріятствуетъ людямъ, даже и такимъ, которые только схватили вершки, но съ искусствомъ выставляя ихъ и прикрашивая разговорами, могутъ прослыть даровитыми людьми. Одинъ круглый невѣжда молча взглядываетъ пасмурно и думаетъ про себя—не производитъ-ли на другихъ какого-либо благопріятнаго дѣйствія.

Вотъ что случилось со мною, когда за общимъ столомъ посадили меня рядомъ съ мужчиною, наружность коего, хотя и означала умнаго человѣка, но не имѣла особеннаго типа и казалось чуждою поэтическаго пламени, которое-бы я однако-же непремѣнно замѣтилъ, когда-бы приступилъ къ нему будучи предупрежденъ. Я сѣлъ рядомъ съ человѣкомъ весьма порядочнымъ, лѣтъ подъ сорокъ, и сначала не заводилъ съ нимъ рѣчи, по обыкновенной привычкѣ моей какъ можно менѣе вступать въ разговоръ съ незнакомыми. Но за третьимъ блюдомъ сосѣдъ мой спросилъ меня: „слышали-ли вы сильный ураганъ въ прошедшую ночь?“

„Нѣтъ, не слышалъ, я спалъ богатырскимъ сномъ“.

— „Возможно-ли, страшные перекаты грома, ужасный вой вихря не разбудили васъ?“

„О! я такъ усталъ съ дороги, что еслибъ поставили пушки около ушей моихъ и стали-бы палить изъ нихъ, я-бы и тогда не проснулся“, отвѣчалъ я моему сосѣду, съ видомъ не очень довольнымъ; мнѣ не нравились его выспреннія фразы.

—„Гроза, продолжалъ онъ, ужаснѣе и величественнѣе гремитъ въ горахъ; я хотѣлъ воспользоваться этимъ зрѣлищемъ и отправился, при свѣтѣ молніи, къ подошвѣ горы Le dent du chat“.

„Дивлюсь любопытству вашему и никакъ бы не согласился быть вашимъ сопутникомъ въ этомъ ночномъ сентиментальномъ путешествіи“.

— „Вы, вѣроятно, не любите поэзіи?“ продолжалъ онъ.

„Люблю страстно читать хорошіе стихи, но только дома, сидя за письменнымъ столомъ или лежа на диванѣ. J'aime assez peu les vers, j'adore la poésie“ [1]).

— „Кого вы предпочитаете изъ нынѣшнихъ французскихъ поэтовъ?“ спросилъ онъ.

„Никого, отвѣчалъ я, ни одинъ рѣшительно мнѣ не нравится: Беранже начинилъ патріотизмомъ и радикализмомъ застольныя и плясовыя пѣсни. Я люблю за столомъ хорошо ѣсть и пить, въ шумномъ обществѣ отъ души веселиться и въ это время запираю политику подъ замокъ, и вашъ Беранже могъ-бы избрать другую форму для изображенія несомнѣнной храбрости французскихъ солдатъ и другихъ воинскихъ добродѣтелей. Ламартинъ пишетъ весьма милые стишки, но имѣетъ болѣе вдохновенія, нежели мысли; впрочемъ, онъ родился вѣкомъ позже: въ XVII-мъ столѣтіи Ламартину соорудили-бы статую, а въ нашъ прозаическій вѣкъ онъ можетъ разориться изданіемъ своихъ сочиненій. Что-же касается до Казимира Делавиня, я до него вовсе неохотникъ: онъ наводитъ на меня стужу, его „Месеньены“ не что иное, какъ журналъ „Le Constitutionnel“ въ стихахъ“.

— „Какъ вы строго судите о двухъ первыхъ поэтахъ нашихъ“, возразилъ съ нѣкоторымъ жаромъ сосѣдъ мой.

„Я ни слова не говорю о Ламартинѣ, je vous le livre (я предаю вамъ его), но за Беранже и Делавиня постою горою“.

—„А я, напротивъ, предпочитаю Ламартина двумъ другимъ; у него есть, по крайней мѣрѣ, піитическій жаръ, пылкое воображеніе. Однако-же и у него встрѣчаются иногда странные стихи. Напримѣръ, въ его „Chant d'amour“, въ коемъ онъ, обращаясь къ женѣ своей, восклицаетъ:

„Que ton sommeil est doux, o vierge, o ma colombe!“

Далѣе въ той-же строфѣ:

„Deux vogues que blanchit le rayon de la lune,
D'un mouvement moins doux viennent l'une après l'une...
Murmurer ou mourir“.

Надлежало-бы сказать: l'une après l'autre; но злодѣйка риѳма заставила поэта написать безсмыслицу“.

[1]) Я не особенно люблю стихи, но обожаю поэзію.

Я замѣтилъ, что сосѣдъ мой перемѣнился въ лицѣ, но, не обращая вниманія, я продолжалъ: „Впрочемъ, по мнѣнію моему, стихосложеніе всегда будетъ препятствовать развитію воображенія; истинная поэзія должна выражаться въ прозѣ. Когда вы пишете стихами, вы часто должны жертвовать прекрасными мыслями, порождающимися въ воображеніи вашемъ, потому что нельзя пригнать ихъ въ мѣру, ни прибрать къ нимъ риѳмы, чего въ прозѣ не можетъ случиться. Древніе поэты Гомерова вѣка писали свои поэмы для пѣнія, гексаметры то-же, что гаммы въ музыкѣ. По-моему Шатобріанова проза имѣетъ болѣе поэзіи, чѣмъ стихи Делавиня...“

—„Въ этомъ я совершенно съ вами согласенъ, но замѣчу только, что прозу Шатобріана нельзя положить на музыку“...

Въ это время подъ окнами заиграла шарманка и фальшивый голосъ затянулъ заунывную пѣсню (Une complainte), какъ недавно братъ убилъ свою сестру, за что былъ казненъ:

„Messieurs et dames. pour vous complaire,
Je vais chanter l'amour d'un frère! [1]).

Мы посмотрѣли другъ на друга и громко расхохотались.

„Et l'orgue même poussa un long mugissement!“ [2]).

Вскорѣ пришелъ слуга и позвалъ моего сосѣда, который, поклонясь и пожавъ мнѣ руку, сказалъ: „Вы не знаете сколько вы мнѣ доставили удовольствія; можетъ быть, когда-нибудь встрѣтимся и вы вспомните нашъ разговоръ!“

Я собирался спросить имя моего сосѣда когда мы встанемъ изъ-за стола. Еще съ полчаса сидѣли мы, съ обѣихъ сторонъ подлѣ меня мѣста были пусты. Вдругъ раздались удары бича почталіона, коляска тронулась, почти всѣ обѣдавшіе вскочили и подбѣжали къ окошку, говоря: „г. Ламартинъ уѣзжаетъ!“ Я взглянулъ—въ коляскѣ сидѣлъ мой застольный сосѣдъ!

[1]) Господа, чтобы потѣшить васъ, я намѣренъ воспѣть любовь брата.
[2]) И даже самая шарманка испустила глубокій вопль.

Шарметы. (Les charmettes).

> Ce séjour est celui du bonheur et de l'innocence. Si nous ne les trouvons pas ici, il ne les faut chercher nulle part.
>
> J. J. Rousseau. „Confessions".

Между посѣтителями эксскихъ бань встрѣтилъ я трехъ соотечественниковъ, въ томъ числѣ графа Дев..., весьма милаго и образованнаго молодаго человѣка, но влюбчиваго и метромона, такъ что онъ не успѣвалъ лечиться,—вся дѣятельность его истощалась въ волокитствѣ и въ сочиненіи мадригаловъ. Онъ страстно влюбился въ одну русскую барышню, которая съ матерью должна была вскорѣ ѣхать въ Римъ, и онъ рѣшился ѣхать за ними вслѣдъ и уже готовилъ стансы на отъѣздъ ихъ подъ заглавіемъ „Отлетающему ангелу". Я помню, что онъ однажды, сидя въ ваннѣ, пріискивалъ риѳму къ желѣзу и, вмѣсто предписаннаго одного часа, просидѣлъ въ ней два часа; вышедъ изъ нея, простудился и не нашелъ риѳмы. Если кто-нибудь будетъ справляться о достоинствахъ эксскихъ минеральныхъ ключей, то не совѣтую распрашивать объ этомъ людей не исключительно занятыхъ пользованіемъ своихъ болѣзней; они навѣрное скажутъ, что воды ни куда не годятся! Стихи графа Дев... отзывались желаніемъ всегда отыскивать трудныя риѳмы. Долго онъ ломалъ себѣ голову, чтобы найти риѳмы къ колесо и память и, наконецъ, рѣшилъ, что этотъ подвигъ невозможенъ.

Въ одно прекрасное утро условились мы съ нимъ съѣздить въ Шарметы. Осмотрѣвъ жилище женевскаго философа, гдѣ онъ велъ цѣломудренную жизнь съ г-жею де-Варенсъ, намъ подали книжку, въ которую путешественники, посѣщающіе это капище, вписываютъ на память имена свои, стихи и всякую дребедень [1]). Я взялъ перо и написалъ слѣдующее четырестишіе:

„Временъ вертится колесо.
Его нельзя переупрямить:
Погибъ и ты, Жанъ-Жакъ Руссо.
Но о тебѣ не гибнетъ память!"

[1]) Тутъ нашелъ я нѣкоторыя русскія замысловатости; выписываю нѣкоторыя, которыя показались мнѣ поострѣе:

Поэтъ мой, прочтя эти стишонки, вздрогнулъ.

„Какъ! воскликнулъ онъ, я вѣкъ свой мучалъ воображеніе, истощалъ силы и не могъ до сихъ поръ найти этихъ двухъ трудныхъ риѳмъ; а вы, не записной поэтъ, какъ разъ ихъ отыскали!“

Тутъ сталъ онъ просить меня найти риѳму къ желѣзу. Признаюсь, мнѣ хотѣлось поддержать мнѣніе его о моемъ дарованіи и я сказалъ ему: „въ родительномъ падежѣ сколько угодно“.

„А я искалъ всегда, возразилъ онъ, въ именительномъ!“

Послѣ чего я тотчасъ-же скропалъ стишки; вотъ они:

„Любовь къ красавицѣ твоей
Прочнѣй гранита и желѣза;
Она чужда другихъ страстей;
Къ чему тебѣ богатства Креза?
Ты милымъ ангеломъ любимъ,
И самъ ты любишь до зарѣза;
За нею скачешь въ древній Римъ...
Все прочее—мечта и греза,
Все сущій вздоръ, все прахъ и дымъ!“

Графъ Д..... прочелъ эти плохіе стихи съ неизъяснимымъ восхищеніемъ и провозгласилъ меня геніальнымъ стихотворцемъ; въ заключеніе-же съ жаромъ вдохновенія импровизировалъ слѣдующіе два стиха:

„Ваша теза
Стоитъ злата, не желѣза!“

Послѣ этого онъ чуть самъ себя не помѣстилъ въ число геніевъ.

Написавъ стихи въ альбомѣ, составленномъ для посѣтителей бывшаго жилища Ж.-Ж. Руссо, я отнюдь не полагалъ выхва-

---

„Ты геніемъ своимъ довольно истинъ взвѣсилъ,
Но много также начудесилъ!“

Другіе:

„Скажи, премудрый, мнѣ, Жанъ-Жакъ:
Зачѣмъ ты взялъ жену невѣжду?
Зачѣмъ ты, снявъ французскій фракъ,
Надѣлъ армянскую одежду?“

лять этого премудраго дурака и долженъ сознаться, что я до него не большой охотникъ. Онъ имѣлъ великія дарованія и обладалъ необыкновенными способностями мыслить и писать, но писалъ вредныя и пагубныя книги. Его „Общественный контрактъ“ („Contrat social“), его „Эмилій“, о воспитаніи, его „Новая Элоиза“ и самыя его „Исповѣди“ не скрываютъ-ли ядовитыхъ правилъ подъ прелестью очаровательнаго слога и силы выраженій? Онъ употребилъ во зло безцѣнный даръ слова или, лучше сказать, писанія и рѣзкими софизмами вскружилъ многія головы и возмутилъ воображенія, особенно юнаго тогдашняго поколѣнія. Въ „Discours sur l'inégalité des conditions“ [1]) онъ заставляетъ ненавидѣть родъ человѣческій, ставя выше его состояніе скотовъ. Въ „Contrat social“ онъ изложилъ пагубныя теоріи, которыя впослѣдствіи сдѣлались источникомъ дѣйствій главныхъ основателей царства ужаса (règne de la terreur). Въ „Исповѣдяхъ“ своихъ, злословя благодѣтелей своихъ, клевеща многихъ и сознаваясь въ порокахъ, слабостяхъ и грязныхъ страстяхъ своихъ, онъ начерталъ пагубные примѣры, коимъ многіе молодые люди послѣдовали, говоря: „Если Ж.-Ж. Руссо, столь знаменитый философъ, лгалъ, кралъ, обманывалъ, то почему-же и намъ не дѣлать того-же?“

Г-жа де-Варенсъ, которая приняла его въ свой домъ, обходилась съ нимъ какъ съ сыномъ, была оклеветана имъ. Г. де-Севеленжъ зналъ ее и утвердительно говоритъ, что она была добродѣтельная и цѣломудренная женщина и что въ то время, когда Жанъ-Жакъ познакомился съ нею, ей было 50 лѣтъ. За гостепріимство, оказанное ему, онъ заплатилъ ей самою низкою неблагодарностью: укралъ ея травникъ (herbier), деньги и ушелъ и, къ довершенію всего, представилъ се въ своихъ „Запискахъ“ распутною женщиною и предалъ поруганію потомства.

Служа лакеемъ у графа де-Гувона и у графини де-Верселисъ, онъ былъ выгнанъ изъ дома перваго; въ домѣ-же послѣдней онъ укралъ ленточку и въ покражѣ обвинилъ молодую служанку Маріонъ, которую выгнали изъ дому, какъ воровку, и которая, можетъ быть, отъ этого погибла навсегда. Въ этомъ

[1]) Рѣчь о неравенствѣ состояній.

онъ сознается и раскаивается въ своихъ „Исповѣдяхъ“. Но г. де-Севеленжъ увѣряетъ, что по наведеннымъ справкамъ на мѣстѣ оказалось, что Жанъ-Жакъ укралъ не розовую ленту съ серебряною каймою, а серебряный приборъ. Онъ перемѣнилъ религію и потомъ снова обратился къ прежнему закону. Женился на кухаркѣ Терезѣ Левасёръ, которая была пошлая, безграмотная и не могла никогда выучиться читать и писать. Прежде женитьбы своей, прижилъ съ нею пятерыхъ дѣтей, которыхъ отдалъ въ воспитательный домъ и не хотѣлъ никогда ихъ видѣть, и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Гр. де-Жерарденъ хотѣлъ увѣрить, что это неправда, что онъ умеръ натуральною смертью и по этому случаю напечаталъ письмо. Но г. Мюсе-Пате возразилъ ему и доказалъ неопровержимыми доводами, что онъ дѣйствительно убилъ себя, опираясь въ этомъ случаѣ на мнѣнія доктора Короназа, Лебего де-Прелъ и другихъ лекарей, которые осматривали его тѣло, а также и на знаменитую г-жу де-Сталь, которая положительно утверждаетъ, что онъ самъ лишилъ себя жизни.

Причиною сего самоубійства были не только мизантропическій характеръ женевскаго философа, но и подозрѣніе въ невѣрности безграмотной Терезы, которая влюбилась въ конюха графа Жирардена и, не дождавшись года послѣ смерти знаменитаго мужа своего, вышла за него замужъ, не постыдясь промѣнять прославленное имя на имя Монтретона (Николая), пьянаго лакея,—порокъ, къ которому она сама имѣла склонность, придерживаясь крѣпкихъ напитковъ. Впрочемъ, любить было трудно такого чудака, каковъ былъ Ж.-Ж. Руссо, со всѣми его причудами, капризами, недугами, и который, особенно въ послѣдніе годы жизни своей, былъ просто отвратителенъ; отростивъ себѣ бороду, онъ нарядился въ армянскую одежду. Въ Шамбери, гдѣ еще есть старожилы, которые помнятъ его, гдѣ много такихъ людей, коихъ отцовъ и матерей онъ порицаетъ въ своихъ „Исповѣдяхъ“, Жанъ-Жакъ ненавидимъ почти всѣми обывателями этого околодка. Надобно согласиться, что его слишкомъ баловали; за нимъ ухаживали и льстили ему самыя важнѣйшія особы того времени и онъ всѣмъ платилъ неблагодарностью и дерзостями. Если-бы онъ жилъ въ нашъ вѣкъ, когда на дарованія смотрятъ какъ на вещь обыкновенную, то его-бы, конечно,

заперли въ сумасшедшій домъ. Но это-бы его не исправило и не было-бы для него наказаніемъ. Вольтеръ справедливо говоритъ о немъ въ письмѣ своемъ къ д'Аламберу: „Jean Jacques est un maître fou et aussi fou que vous êtes sage. La lettre de m-r Hume me prouve que les anglais ne sont point de tout hospitaliers, puisqu'ils n'ont pas donné une place dans Bedlam à Jean Jacques. Ce petit bon homme aurait été enchanté d'y être logé, pourvu qu'on eût mis son nom sur la porte et que les gazettes en eussent parlé“ [1]).

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Жанъ-Жакъ человѣкъ безумный и столь-же безумный, сколь вы умны. Письмо г. Юма доказываетъ мнѣ, что англичане отнюдь не гостепріимны, такъ какъ они не дали Жанъ-Жаку мѣста въ Бедламѣ. Этотъ человѣкъ былъ-бы въ восторгѣ тамъ пріютиться, лишь-бы на дверяхъ было написано его имя и газеты-бы объ этомъ говорили.

БЕРНАРДЕНЪ ДЕ-СЕНЪ-ПЬЕРЪ,

род. 1739 г., † 1814 г.,

и его письмо къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Кто читалъ „Поля и Виржини“—прелестную идиллію, которою когда-то увлекалось современное общество, кто восторгался картинами тропической природы, щедро расточавшей цвѣты и благоуханія передъ трогательно наивнымъ чувствомъ дѣтской любви, тому едва-ли придетъ мысль, что авторъ этого произведенія, такъ поэтично изображавшій тихія семейныя радости и счастіе въ уединеніи, провелъ свою жизнь, чуть-ли не съ самаго дѣтства, среди неудачъ, суеты, тревогъ и бурь всякаго рода и что только въ глубокой старости ему пришлось осуществить тотъ идеалъ, къ которому онъ не переставалъ стремиться...

Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ родился въ 1739 году, въ Гаврѣ де Грассѣ. Родители его, изъ небогатой буржуазной аристократіи, старались дать ему приличное образованіе; но ученіе пришлось ему не по вкусу, и двѣнадцатилѣтній мальчикъ предпочелъ отправиться со своимъ дядею, капитаномъ коммерческаго судна, на островъ Мартинику. Казалось, роскошная южная природа и новыя условія жизни должны были, по крайней мѣрѣ на время, привязать его къ себѣ. Но, напротивъ, Бернарденомъ овладѣла безотчетная тоска; къ ней присоединилась размолвка съ своимъ родственникомъ, и онъ возвратился во Францію.

По пріѣздѣ на родину, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ былъ помѣ-

щенъ въ школу въ Жизорѣ, откуда вскорѣ былъ переведенъ къ о.о. іезуитамъ, въ Руанъ; здѣсь онъ впервые почувствовалъ влеченіе къ литературѣ. Окончилъ онъ свое ученіе въ Канскомъ (Caen) университетѣ. Готовясь вступить въ жизнь, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ пришелъ къ сознанію, что полученное имъ образованіе не обезпечиваетъ его будущности, и что только одни техническія познанія могутъ способствовать пріобрѣтенію матеріальныхъ средствъ. Съ цѣлію пополнить этотъ пробѣлъ, онъ началъ посѣщать курсы въ школѣ путей сообщенія, а потомъ поступилъ въ институтъ военныхъ инженеровъ. Черезъ годъ Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ отправился въ Мальту, ожидавшую вторженія турокъ. Съ турками, однако-же, не удалось воевать молодому искателю приключеній: у него вышли серьезныя непріятности съ сослуживцами, съ которыми онъ не хотѣлъ сближаться. Онъ долженъ былъ оставить Мальту.

Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ отправился въ Голландію, откуда хотѣлъ проѣхать въ Португалію, бывшею въ войнѣ съ Испаніею; въ Португаліи онъ намѣревался искать снова счастія на военномъ поприщѣ. Въ это-же время разгоралась война и на сѣверѣ. По повелѣнію императора Петра III, русскія войска готовились занять Голштейнъ. Опасность угрожала и Любеку, гдѣ начальствовалъ французскій генералъ кавалеръ Шассо. Не долго думая, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ предложилъ свои услуги соотечественнику и поступилъ въ мѣстныя войска. Въ Любекѣ со дня на день ожидали прибытія русскихъ; но вмѣсто нихъ пришло извѣщеніе о восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II и полученъ приказъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій.

Русская государыня, всегда покровительствовавшая наукамъ и искусствамъ, не замедлила предложить мѣсто директора академіи художествъ Торелли, тестю защитника Любека. Съ нимъ отправился въ Петербургъ Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ. Въ слѣдующихъ строкахъ онъ описываетъ свое пребываніе въ Россіи.

„Въ концѣ сентября мы уже были въ Кронштадтѣ, откуда немедленно выѣхали въ Петербургъ. Тамъ намъ сообщили, что императрица находится въ Москвѣ. Это обстоятельство было причиною, что я могъ воспользоваться моими рекомендательными письмами только въ январѣ, по пріѣздѣ въ Москву. Я былъ весьма привѣтливо принятъ фельдцейхмейстеромъ (grandmaître d'artillerie) [1]) и, благодаря его покровительству, поступилъ въ инженерное вѣдом-

[1]) Князь Григорій Орловъ.

ство съ чиномъ поручика. Быть можетъ, я остался-бы въ Россіи навсегда, если-бы мое здоровье могло выносить суровыя зимы этой страны, продолжающіяся почти шесть мѣсяцевъ, и если-бы не грубые нравы жителей“ [1]).

Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ умалчиваетъ о неудачѣ, постигшей его проектъ колоніи на Аральскомъ озерѣ. Подобно другимъ реформаторамъ своего времени, и въ ихъ числѣ Ж. Ж. Руссо, не мирившихся съ окружавшею дѣйствительностію, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ хотѣлъ основать новое общество людей, для счастія которыхъ были необходимы хорошія климатическія условія и республиканское устройство. Избирая для своей колоніи берега Аральскаго озера, онъ расчитывалъ на покровительство русскаго правительства, которому указывалъ на торговые интересы и на путь въ Индію. Но проекту колоніи не суждено было осуществиться, также точно какъ и другимъ его предположеніямъ относительно защиты Финляндіи. Разочарованный въ своихъ надеждахъ, никогда не подчинявшійся охотно военной дисциплинѣ и непостоянный въ своихъ сношеніяхъ съ людьми, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ подалъ въ отставку. Его тревожный характеръ и жажда новизны и приключеній то и дѣло создавали въ его воображеніи другія, болѣе счастливыя, страны и другихъ людей, посреди которыхъ могли безпрепятственно осуществиться мечты реформатора. Онъ спѣшилъ оставить Россію, гдѣ находился всего полтора года, намѣреваясь посвятить свою дѣятельность и свои способности родинѣ. Но по пути во Францію Бернарденъ де-Сенъ-Пьеру пришлось проѣзжать черезъ Польшу. Тамъ въ то время боролись различныя политическія партіи. Не теряя времени, онъ вступилъ въ отрядъ Радзивила и въ первой-же стычкѣ съ русскими войсками былъ взятъ въ плѣнъ. Получивъ вскорѣ свободу подъ условіемъ оставленія военной службы, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ отправился въ Варшаву, гдѣ провелъ цѣлый годъ, принимая самое дѣятельное участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ, плѣняясь красавицами-аристократками и, въ свою очередь, плѣняя ихъ. Романическое приключеніе съ одною изъ нихъ заставило черезъ-чуръ пылкаго героя разстаться съ веселою столицею, гдѣ, среди очарованій всякаго рода, легко забывались всѣ проекты, имѣвшіе въ виду счастіе человѣчества.

Что-же дѣлать теперь? И куда направить свои благодѣтельные порывы и намѣренія? Бернарденъ уже помышлялъ о Турціи, кото-

---

[1]) Notice de Bernardin de Saint Pierre, écrite par lui-même.

рую почему-то считалъ „прекраснѣйшею страною въ мірѣ“.... Но вдругъ попалъ въ Дрезденъ, городъ веселья и разгула, откуда переѣхалъ въ Берлинъ, по его словамъ, представлявшій одну безконечную казарму. Здѣсь ему предстояла служба въ корпусѣ инженеровъ; но офицерское содержаніе было такъ ничтожно, что имъ не обезпечивались даже самыя необходимыя средства къ жизни, и онъ отказался. Не понравилась Бернардену де-Сенъ-Пьеру и великолѣпная Вѣна: необычайная гордость и недоступность вѣнской аристократіи, кажется, были особенно чувствительны для его самолюбія. Немедля онъ отправился во Францію. Мысль о колонизаціи, завѣтная мысль, тѣсно связанная съ мечтою о человѣческомъ счастіи, снова овладѣла имъ. И вотъ реформаторъ на пути въ Иль-де-Франсъ (l'Ile de France), съ цѣлію принять участіе въ устройствѣ на Мадагаскарѣ французской колоніи. Онъ былъ назначенъ въ штатъ инженеровъ крѣпости Дофенъ (Ze Dauphin). Два года провелъ Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ въ этой должности. Но и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, онъ разошелся и съ властями и съ товарищами по службѣ. Кромѣ того, ограниченность содержанія, выдававшагося бумажными знаками, цѣнность которыхъ постоянно падала, не покрывала его расходовъ; а безчеловѣчное обращеніе съ туземцами неграми, противъ чего онъ тщетно возставалъ, породило въ немъ сильное душевное разстройство. Бернарденъ рѣшился оставить островъ.

Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ ни къ чему серьезно не привязывался и нигдѣ не уживался,—ни въ гарнизонной жизни офицеровъ товарищей, ни въ придворныхъ сферахъ Петербурга, ни среди свѣтскихъ развлеченій Варшавы и Дрездена. Вездѣ ему было не по себѣ, и онъ не переставалъ жаловаться то на несправедливость начальства, то на непріязнь своихъ сослуживцевъ, то на грубость нравовъ окружавшаго его общества. Эти жалобы дѣйствительно были воплемъ страдающей души. Подобно Ж. Ж. Руссо, онъ не питалъ симпатій къ отдѣльнымъ личностямъ; но будучи по природѣ своей болѣе общительнымъ, чѣмъ женевскій философъ, онъ не скрывался отъ людей, не убѣгалъ отъ нихъ, а напротивъ, живя съ ними, стремился быть имъ полезнымъ. Но не имѣя въ себѣ ни терпимости, ни способности прощать, онъ постоянно возмущался недостатками своей среды и постоянно былъ ею недоволенъ. „Если-бы вы знали въ какой пустотѣ я вращаюсь, писалъ Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ своему другу, если-бы вы знали какъ эти танцы и празднества одуряютъ меня“ [1]). И посреди шумныхъ свѣтскихъ удовольствій

[1]) Correspondance, oeuvres compl.

передъ нимъ постоянно носился его идеалъ счастія человѣчества, манившій въ невѣдомую даль...

Въ 1771 году Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ находится въ Парижѣ. Съ твердымъ намѣреніемъ не обращаться болѣе къ другимъ, онъ рѣшается въ себѣ самомъ искать опоры и необходимыхъ для существованія средствъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Провидѣніе, управляющее законами вселенной, располагаетъ и судьбою людей, и что оно придетъ и къ нему на помощь.

Занятія литературою составляли давнишнюю мечту Бернарденъ де Сенъ-Пьера. Первое его произведеніе, написанное послѣ знакомства съ сѣверомъ Европы, имѣло политическій характеръ. Авторъ, изображая современное положеніе Голландіи, Пруссіи, Польши и Россіи, предсказываетъ раздѣлъ Польши между тремя окружающими ее государствами. Вслѣдъ за этимъ появляется описаніе его путешествія на Иль-де-Франсъ (Voyage à l'île de France, 1773), въ которомъ, между прочимъ, говорится о существовавшихъ во французской колоніи безпорядкахъ и о заслуживающемъ горячаго сочувствія положеніи негровъ. Этотъ трудъ былъ встрѣченъ въ Версалѣ крайне неблагопріятно: въ немъ увидѣли порицаніе принимаемыхъ правительствомъ мѣръ. Около этого времени послѣдовало сближеніе Бернарденъ де Сенъ-Пьера съ Ж. Ж. Руссо, съ которымъ у него было много общаго какъ въ любви къ природѣ, такъ и въ самомъ языкѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ напечаталъ свои знаменитые Этюды (Etudes de la Nature, 1784) Въ нихъ авторъ, также какъ и Ж. Ж. Руссо, вооружается противъ господствующихъ въ обществѣ предразсудковъ и злоупотребленій, и для успѣшной борьбы съ ними указываетъ на необходимость жизни, устроенной согласно съ неизмѣнными законами природы. Между прочимъ, онъ говоритъ о неизбѣжности революціи, на которую смотритъ какъ на естественное послѣдствіе истощенія силъ и терпѣнія народа. Къ сожалѣнію, у Бернарденъ де Сенъ-Пьера не доставало основательнаго образованія и положительныхъ знаній, вслѣдствіе чего онъ нерѣдко выдавалъ мечты своей фантазіи за непреложный законъ вселенной. Тѣмъ не менѣе, „Этюды природы“ имѣли громадный успѣхъ. Искренность и сердечность, съ которыми авторъ высказываетъ свои положенія, горячее участіе къ страданіямъ народа и образцовый языкъ сразу поставили его на ряду съ первоклассными писателями. Это сочиненіе доставило Бернарденъ де Сенъ-Пьеру пенсію и должность директора Jardin des Plantes и музея естественной исторіи. Черезъ три года появился другой его трудъ—знаменитая поэма-идиллія, привлекшая къ себѣ

вниманіе всей образованной Европы. Въ „Paul et Virginie“ (1787) представлены съ поразительнымъ чувствомъ правды картины тропической растительности, море, ласкающее подножіе прибрежныхъ скалъ, стоящія на нихъ банановыя рощи, съ высоко поднявшимися пальмами; струящійся въ воздухѣ ароматъ цвѣтущихъ лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, повсемѣстно золотое отраженіе южнаго солнца, повсюду свѣтло и радостно... И среди этого торжества природы... два идеально прекрасныхъ существа, въ душѣ которыхъ распускаются пышные и благоухающіе цвѣты дѣтски наивной первой любви!... Далѣе ихъ разлука, исполненная глубокаго горя... И все это разсказано съ удивительною простотою и спокойствіемъ тона, какъ будто слышится не человѣческая рѣчь, имѣющая свою страстность, но тихое, ничѣмъ не возмущенное біеніе сердце младенца... По мнѣнію Бернарденъ де Сенъ-Пьера, природа вызываетъ въ человѣкѣ нравственныя стремленія, и жизнь на лонѣ ея, сообразно съ господствующимъ въ ней закономъ, ведетъ къ добродѣтели (vertu). Эта мысль лежитъ въ основаніи „Paul et Virginie“. Она высказывается авторомъ и въ слѣдующихъ его произведеніяхъ: „L'Arcadie“ (неоконченный романъ), „Voeux d'un solitaire“ (1791) и „Harmonies de la Nature“ (1796).

Казалось, что прежнимъ житейскимъ тревогамъ Бернардена де Сенъ-Пьера насталъ конецъ и счастіе начало окружать его своими дарами. Бернарденъ женился; его двое дѣтей носили поэтическія имена Поля и Виржини. Къ несчастію, сдѣланному имъ предсказанію [1]) суждено было осуществиться: вспыхнула революція и въ своемъ бурномъ потокѣ унесла его пенсію, правительственную должность и всѣ трудовыя сбереженія... Осталась только одна жизнь, да и въ ней былъ воленъ каждый народный трибунъ, прихотливо заботящійся объ общественной безопасности. Сильное раздумье овладѣваетъ Бернарденомъ. Невольно онъ обращается къ своему прошедшему. Онъ сравниваетъ свою жизнь съ продолжительнымъ мореплаваніемъ: его настигаютъ бури; преслѣдуютъ людская несправедливость и всякія неудачи и болѣзни; по временамъ, раздаются вокругъ него громы сраженій и стоны умирающихъ; ихъ смѣняютъ клевета, вражда и процессы; повсюду царитъ полная нравственная несостоятельность. На рукахъ у него жена съ зародышемъ смертельнаго недуга и маленькія дѣти. Ему пошелъ 65-й годъ. Изданія его сочиненій подвергаются безчисленнымъ контрафакціямъ. Всѣ средства жизни приходятъ къ концу... Что дѣлать?

[1]) „Etudes da la Nature“.

Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ вспомнилъ о Россіи, куда въ молодые годы манили его честолюбивыя мечты и благодѣтельныя для счастья человѣчества надежды; тамъ многіе его соотечественники, также какъ и онъ, жертвы общественнаго переворота, нашли радушный пріютъ. Вспомнилъ онъ снова о странѣ шестимѣсячнаго суроваго холода, но тутъ-же воспоминаніе подсказало ему, что и подъ ледянымъ покровомъ бились горячія сердца, искреннимъ участіемъ которыхъ онъ когда-то пользовался... До него доходили вѣсти, что на престолѣ могущественной имперіи сіяетъ счастливое сочетаніе просвѣщеннаго ума и великодушнаго, обильнаго любовью сердца. И Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ обратился къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и откровенно изложилъ передъ нею свое плачевное положеніе въ слѣдующемъ письмѣ.

Парижъ, 24 вандеміера [1]), годъ 12.

„Государыня! Я служилъ въ Россіи въ корпусѣ инженеровъ, въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II. Полагая, что моя дѣятельность на пользу человѣчеству можетъ имѣть болѣе широкое примѣненіе, я возвратился на родину и промѣнялъ оружіе на занятія литературою. Радушный пріемъ, оказанный мнѣ въ моей молодости въ Россіи, заставлялъ меня не разъ думать о ней, въ надеждѣ найти послѣднее убѣжище для моей старости, въ особенности, когда мнѣ стало извѣстно, что всѣ добродѣтели возсѣдаютъ тамъ на тронѣ, въ лицѣ вашего величества и вашего августѣйшаго сына императора Александра.

„Но меня привязываютъ къ моей родинѣ трое малолѣтнихъ дѣтей, которыя тѣмъ болѣе мнѣ дороги, что бури, волновавшія мою жизнь, начинаютъ подниматься и на ихъ горизонтѣ: несостоятельность одного торговаго дома отняла у нихъ всѣ плоды моихъ сбереженій. Желая возвратить имъ хоть часть того, что они потеряли, я предпринялъ послѣднее изданіе „Поля и Виржини“, имя которыхъ носятъ мои старшіе. Вольтеръ убѣдилъ Екатерину Побѣдительницу принять участіе въ подпискѣ на изданіе трагедій Пьера Корнеля, съ цѣлію выдать замужъ внучку великаго поэта, я-же осмѣливаюсь обратиться къ вамъ, государыня, во имя моихъ дѣтей, съ просьбою подписаться на изданіе хотя и обыкновенной идилліи, но имѣющей право на вниманіе, ибо она удостоилась, какъ мнѣ

[1]) Vendemiaire, отъ латинскаго vindemiae—сборъ винограда. Этимъ названіемъ обозначался первый мѣсяцъ республиканскаго календаря во Франціи, начинавшійся 22-го сентября и оканчивавшійся 21 октября.

Кн. В. Д.

передавали, вашего одобренія. Если вы соблаговолите оказать ему ваше участіе и если добродѣтельная Марія приметъ подъ свое покровительство колыбель моихъ дѣтей, то я сочту себя болѣе счастливымъ чѣмъ Вольтеръ, и болѣе польщеннымъ, чѣмъ Корнель.

„Пребываю съ почтеніемъ ва шего величества нижайшій и послушнѣйшій слуга Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ“ [1]).

Ярко взошедшее солнце императора Наполеона окончательно разсѣяло тучи, нависшія надъ знаменитымъ писателемъ. Его пенсія была возстановлена, а литературныя заслуги почтены орденомъ Почетнаго Легіона. Король испанскій, Жозефъ Бонапартъ, назначилъ ему отъ себя пенсію въ 6,000 франковъ. Счастіе снова улыбнулось писателю.

---

[1]) Приводимъ французскій оригиналъ этого письма, находящійся въ архивѣ собственной е. и. в. канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи.

A Paris. Ce 24 vendemiaire, an 12,
17 (5) octobre 1803.

Madame. J'ai servi en Russie dans le corps du génie au commencement du règne de Catherine II; depuis, croyant être plus utile aux hommes, je revins dans ma patrie et je quittai les armes pour les lettres. Le bon accueil que j'avais reçu en Russie dans ma jeunesse, m'a fait songer plus d'une fois à y chercher un dernier asile dans ma vieillesse, surtout lorsque j'ai appris que toutes les vertus étaient sur le trône dans la personne de Votre Majesté et dans celle de votre auguste fils l'empereur Alexandre.

Cependant je tiens à ma patrie par trois enfans en bas âge; ils me sont d'autant plus chers, que les orages, qui ont agité ma vie, s'élèvent déjà sur leur horison: une banqueroute vient de leur enlever tout le fruit de mes économies. Afin de leur rendre une partie de ce qu'il ont perdu, j'ai entrepris une dernière édition de „Paul et Virginie“ dont les deux ainés portent les noms. Voltaire fit agréer à Catherine Victorieuse des souscriptions des tragedies de Pierre Corneille pour marier la petite nièce de ce grand poëte. je prends la liberté Madame, de vous adresser en faveur de mes enfans, des souscriptions pour une simple pastorale à la vérité, mais qui ne peut être d'un faible intéret puisqu'elle a, ;dit-on, déjà obtenu votre suffrage: si vous avez la bonté de vous y intéresser, si la vertueuse Marie prend sous sa protection le berceau de mes enfans, je me trouverai plus heureux, que Voltaire et plus honoré que Corneille.

Je suis avec respect de Yotre Majesté le trèshumble et très obéissant serviteur Bernardin de St.-Pierre.

Примѣчаніе. Въ дѣлѣ, изъ котораго извлечено это письмо, нѣтъ указаній о послѣдствіяхъ ходатайства Бернардена де Сенъ-Пьера. Но можно съ увѣренностью предположить, что просьба писателя, произведенія котораго пользовались сочувствіемъ повсюду въ образованномъ обществѣ, получила полное удовлетвореніе. Кн. В. Д.

Обезпеченный матеріально, любящій отецъ, нашедшій для своихъ дѣтей нѣжную мать въ молодой красавицѣ-женѣ, бодро несшій свои 72 года, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ имѣлъ полное основаніе считать себя счастливымъ. Любимыми его занятіями, попрежнему, были философія и поэзія. Въ своемъ Эрмитажѣ, живописномъ и удобномъ помѣстьѣ на берегу Уазы, въ 7-ми миляхъ отъ Парижа, окруженный семьею, онъ проводилъ дни, мѣсяцы и годы. „Итакъ, говоритъ Бернарденъ, мой корабль, долго носившійся по бурнымъ волнамъ, подвигается теперь, благодаря попутнымъ вѣтрамъ, къ жизненной пристани. Но прежде чѣмъ бросить мертвый якорь, я стараюсь украшать его свѣжими цвѣтами".

Но этому уединенію поэта и философа угрожала серьезная опасность. Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ уступилъ убѣжденіямъ друзей и принялъ должность профессора въ Нормальной школѣ. Онъ вступалъ въ знаменитую среду, членами которой были Лагранжъ, Монжъ, Лапласъ, Вольней, Добантонъ... Понятно, что имъ овладѣла боязнь за свою репутацію, за свои болѣе чѣмъ скромныя познанія... Между нимъ, никогда систематически не учившимся, и его сослуживцами, въ полномъ смыслѣ свѣтилами науки, уровень былъ черезъ-чуръ не подходящій... Въ не меньшей мѣрѣ смущала его и мысль, что авторъ „Поля и Виржини" и „Этюдовъ" можетъ показаться ниже своихъ произведеній. Какъ-бы то ни было, но шагъ сдѣланъ. Громадный залъ полонъ и массы слушателей нетерпѣливо ожидали творца „Поля и Виржини". И вотъ онъ, блѣдный, дрожащій, съ разсыпавшимися по плечамъ бѣлоснѣжными кудрями, входитъ на каѳедру. При видѣ его воцаряется глубокое молчаніе... На мгновеніе Бернарденъ сосредоточивается и тихимъ, разстроганнымъ голосомъ говоритъ:

„Я отецъ семейства и живу въ деревнѣ—Je suis père de famille et j'habite la campagne"... И едва послышались эти два слова — семейство и деревня, слова, выражавшія его идеалъ и смыслъ дѣятельности всей его жизни — слова, всю правду которыхъ инстинктивно сознавали присутствующіе, какъ раздались оглушительные аплодисменты... Бернарденъ, потрясенный до глубины души, заплакалъ. Онъ хотѣлъ продолжать, но новыя выраженія восторга заглушали его голосъ... Такъ закончилась его первая и послѣдняя лекція. Но благодаря ей, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ пріобрѣлъ не только славу великаго оратора, но и выказалъ себя очень умнымъ человѣкомъ.

Многіе обвиняли Бернардена де Сенъ-Пьера за его холодность и эгоизмъ, упрекали его въ желаніи рисоваться. Говорили, что онъ

принадлежитъ къ числу людей, которые любятъ однихъ себя и, подобно Гёте, милостиво допускаютъ любовь другихъ... Въ послѣднемъ предположеніи нѣтъ ничего невозможнаго, тѣмъ болѣе, что и Бернарденъ, какъ и геніальный германскій поэтъ, внушалъ юнымъ сердцамъ серьезныя привязанности, несмотря даже на восьмой десятокъ своихъ годовъ. Но независимо отъ его человѣческихъ слабостей, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ обладалъ великими достоинствами какъ писатель, поэтъ и моралистъ. Онъ способствовалъ пробужденію въ обществѣ любви къ природѣ, энергически вооружался противъ господствовавшихъ въ его время искусственности и ходульности, вмѣсто которыхъ требовалъ отъ людей правды въ жизни и простоты. Онъ училъ понимать природу и находить въ ней истину и красоту, отъ которыхъ такъ далеко стоятъ наши измѣнчивые вкусы и условные обычаи. Не даромъ онъ сказалъ, что „на нашихъ лугахъ растутъ исполненные чудной прелести и чарующаго благоуханія цвѣты, мимо которыхъ, къ сожалѣнію, многіе проходятъ равнодушно и не замѣчая ихъ“ [1]). Въ этомъ заключается неоспоримая заслуга Бернарденъ де Сенъ-Пьера, и эта заслуга даетъ ему право на признательность потомства.

Бернаденъ де Сенъ-Пьеръ умеръ 21-го января 1814 года.

Сообщ. кн. **В. Дабижа.**

[1]) „Paul et Virginie“, lettre de Virginie.

ИМПЕРАТОРСКІЙ МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

въ воспоминаніяхъ Михаила Прохоровича Третьякова

1799—1830.

III [1]).

Появленіе кометы.—Назначеніе въ Москву главнокомандующимъ гр. Ѳ. В. Растопчина.—Высочайшій рескриптъ.—Рѣчь Наполеона, распространившаяся въ Москвѣ.—Какимъ образомъ поплатился за нее В. Верещагинъ.—Пріѣздъ въ Москву императора, пожертвованія дворянства и купечества.—Роль Москвы въ войну 1812 г.—Отъѣздъ изъ Москвы ея жителей.—Мѣры предосторожности, принятыя гр. Растопчинымъ.—Извѣщніе Москвы о Бородинскомъ сраженіи.—Отправка университетскаго имущества въ Новгородъ.—Отъѣздъ попечителя.—Дѣла университетской типографіи.—Созывъ народа на три горы.—Афиша гр. Растопчина.—Отъѣздъ ректора.—Студентъ Лидинъ.—Мы уѣзжаемъ въ Коломну.—Вѣсть о взятіи Москвы.—Мы укрываемся въ Радовицкій монастырь.—Возвращеніе въ Москву.—Печальный конецъ Верещагина.—Отъѣздъ изъ Москвы главнокомандующаго.

1812 г.

Осенью 1811 г. появилась на московскомъ горизонтѣ великолѣпная комета краснаго цвѣта съ длиннымъ хвостомъ. Смотря на это рѣдкое явленіе природы, многіе изъ жителей Москвы предавались тревожнымъ опасеніямъ и ожидали для себя какихъ то неминуемыхъ бѣдствій. Хотя мы знали по слухамъ, что между Россіею и Франціею возникли тогда важныя несогласія, и что обѣ державы вооружаются и увеличиваютъ ратныя силы свои, однакоже,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., томъ LXXV, іюль, стр. 105.

надѣялись, что властелинъ Франціи Наполеонъ не осмѣлится напасть на Россію въ собственныхъ ея предѣлахъ.

Весною достопамятнаго 1812 года выступила изъ Москвы съ поспѣшностію къ городу Смоленску вновь сформированная пѣхотная дивизія генерала Невѣровскаго. 14-го мая главнокомандовавшій въ Москвѣ, престарѣлый генералъ-фельдмаршалъ гр. Н. В. Гудовичъ, по прошенію, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности. 29 того-же мая опредѣленъ на мѣсто Гудовича оберъ-камергеръ гр. Ѳ. В. Растопчинъ, съ переименованіемъ его въ генералы-отъ-инфантеріи. Гр. Растопчинъ былъ нѣкогда въ числѣ любимцевъ императора Павла I, отличался умомъ, краснорѣчіемъ, твердостью характера и пламенною любовію къ отечеству. Такая перемѣна въ управленіи Москвою была тогда какъ-бы сигналомъ къ предстоящей жестокой войнѣ съ властолюбивымъ императоромъ французовъ Наполеономъ I, ибо едва графъ Растопчинъ вступилъ въ исправленіе назначенной ему должности, особенно важной по тогдашнимъ обстоятельствамъ, какъ получено было извѣстіе, что Наполеонъ, 12 іюня, съ многочисленною арміею, собранною съ двадцати покорныхъ ему народовъ, перешелъ черезъ границы имперіи нашей и быстро началъ непріятельскія дѣйствія. Императоръ Александръ I, присутствуя лично въ главной квартирѣ первой арміи въ Вильнѣ, высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 13-го іюня на имя предсѣдателя государственнаго совѣта гр. Салтыкова, извѣстилъ Россію о начавшейся войнѣ съ французами и заключилъ тотъ рескриптъ слѣдующими достопамятными словами: „я не положу оружія доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ!“

Жители Москвы внимали съ восторгомъ словамъ возлюбленнаго монарха и ожидали отъ твердости души его счастливыхъ для Россіи событій... Войска наши, несравненно малочисленнѣйшія противъ непріятельскихъ, расположенныя вдоль западной границы, раздѣленныя на двѣ арміи, должны были отступать для соединенія одной арміи съ другою, и на каждомъ шагу отражать нападенія отважнаго непріятеля. Въ это смутное время появилась въ Москвѣ на русскомъ языкѣ рѣчь Наполеона, говоренная имъ въ Дрезденѣ владѣтельнымъ князьямъ рейнскаго союза не задолго до вторженія его въ Россію и заключавшая

въ себѣ предсказаніе, что, прежде шести мѣсяцевъ, двѣ сѣверныя столицы, Москва и Петербургъ, увидятъ въ стѣнахъ своихъ побѣдителей свѣта. Я имѣлъ у себя эту рѣчь, и откровенно скажу, что бо́льшая часть жителей Москвы шутили надъ нею и отпускали насчетъ Наполеона разныя остроты. Если-бы и градоначальникъ Москвы гр. Растопчинъ потрудился въ то время публично осмѣять Наполеоново хвастовство, то, конечно, поселилъ-бы въ жителяхъ новую ненависть къ человѣку, возмечтавшему покорить подъ свое владычество всю Россію. Но гр. Растопчинъ смотрѣлъ на это происшествіе съ другой точки зрѣнія. Онъ, 3-го іюля, издалъ слѣдующее объявленіе: „Графъ Растопчинъ симъ извѣщаетъ, что въ Москвѣ показалась дерзкая бумага, гдѣ, между прочимъ вздоромъ, сказано, что французскій императоръ Наполеонъ обѣщается чрезъ 6 мѣсяцевъ быть въ обѣихъ россійскихъ столицахъ. Въ 14 часовъ полиція отыскала и сочинителя и отъ кого вышла бумага. Онъ есть сынъ московскаго 2-ой гильдіи купца Верещагина, воспитанный иностранцемъ и развращенный трактирною бесѣдою. Гр. Растопчинъ признаетъ нужнымъ обнародовать о семъ, полагая возможнымъ, что списки сего мерзкаго сочиненія могли дойти до свѣдѣнія и легковѣрныхъ и наклонныхъ вѣрить невозможному. Верещагинъ-же, сочинитель, и губернскій секретарь Мѣшковъ, переписчикъ, преданы суду и получатъ должное наказаніе за ихъ преступленіе!“

По прочтеніи этого объявленія, тѣ изъ жителей Москвы, которые по легкомыслію своему и невѣжеству всегда готовы вѣрить всякому печатному вздору, проклинали Верещагина какъ измѣнника государю и отечеству; а другіе, поумнѣе и разсудительнѣе, никакъ не соглашались, чтобы молодой купеческій сынъ могъ сочинить пагубную для него рѣчь, что вскорѣ и объяснилось тѣмъ, что Верещагинъ, получивъ по дружбѣ отъ одного изъ чиновниковъ московскаго почтамта для прочтенія тотъ номеръ запрещенныхъ иностранныхъ газетъ, въ которыхъ напечатана была хвастливая рѣчь Наполеона, перевелъ ее на русскій языкъ, подѣлился ею съ своими друзьями, и она быстро распространилась по всей Москвѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и московскій почтъ-директоръ Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ, по приказанію гр. Растопчина, былъ арестованъ и подъ стражею увезенъ въ Воронежъ. Все это доказываетъ, что гр. Растопчинъ

въ 1812 году имѣлъ неограниченную власть дѣлать все, что онъ заблагоразсуждалъ!...

Императоръ Александръ, оставивъ воинскій станъ первой арміи при Полоцкѣ, изволилъ прибыть въ Москву ночью на 12-е іюля и остановился въ Кремлевскомъ дворцѣ. Жители первопрестольнаго града привѣтствовали возлюбленнаго государя своего съ чувствами безпредѣльной къ нему любви и преданности. 15-го іюля собрано было въ Слободскомъ дворцѣ дворянство и купечество, гдѣ, по прочтеніи воззванія къ Москвѣ, даннаго государемъ императоромъ 6-го іюля въ лагерѣ близь Полоцка о составленіи по всей Россіи ополченія, для защиты отечества отъ нашествія иноплеменниковъ, дворянство опредѣлило вооружить отъ 9-ти десятаго человѣка, съ провіантомъ на три мѣсяца. Купцы и другіе граждане спѣшили другъ передъ другомъ жертвовать имуществомъ своимъ на военныя потребности. 18-го іюля, передъ отъѣздомъ государя императора въ С.-Петербургъ, обнародованы были правила о составленіи московскаго ополченія. Съ того времени Москва представляла величественную картину народной любви къ отечеству, и превратилась, можно сказать, въ шумный воинскій станъ: въ ней формировалось московское ополченіе; въ ней вербовались молодые люди свободныхъ состояній въ конные полки графовъ Мамонова и Салтыкова; чрезъ нее проходили разные отряды войскъ въ дѣйствовавшую противъ непріятеля армію, и, наконецъ, изъ Москвы распространилась по всѣмъ предѣламъ отечества нашего та пламенная любовь къ родинѣ, тотъ воинскій жаръ и мщеніе противъ враговъ, дерзнувшихъ нарушить наше спокойствіе!

Хотя въ московскомъ университетѣ и не было въ описываемое мною время ученія, и многіе изъ питомцевъ его разъѣхались по разнымъ мѣстамъ, однако-же, тѣ, которые оставались въ университетѣ, охотно жертвовали собою для спасенія отечества въ минуту величайшей для него опасности. Такъ, кандидаты: Кон. Калайдовичъ, Шелеховъ, чиновникъ университетскаго правленія Глушицкій, студенты: Кувичинскій, Шубинъ, Азбукинъ, Ефановъ, Масленниковъ, Соболевъ стали въ ряды храбраго русскаго воинства; а обучавшіеся медицинѣ и получившіе званіе лекаря: Рябчиковъ, Грѣшинцевъ, Добровъ, Пантѣевъ, а равно знаменитый профессоръ анатоміи

Грузиновъ посвятили себя военно-медицинской службѣ. Я самъ порывался вступить въ московское ополченіе, но горькія слезы бывшей на моемъ попеченіи матери и слова ея: „на кого-же ты меня, несчастную, оставишь“, положили предѣлъ моей храбрости.

Между тѣмъ, пламя гибельной войны все ближе и ближе приближалось къ Москвѣ; палъ, наконецъ, и Смоленскъ, древняя, крѣпкая защита Россіи съ западной стороны. Вотъ съ этого-то времени нѣкоторые изъ жителей Москвы, не обязанные никакою должностью, начали выѣзжать въ разныя стороны налегкѣ, съ однѣми только необходимо нужными вещами, а остальное имущество запирали въ кладовыя и подвалы, изъ числа которыхъ рѣдкіе остались цѣлы отъ хищныхъ рукъ непріятелей. Грустно было смотрѣть, какъ народъ нашъ, встрѣчая на улицахъ отъѣзжавшихъ, указывалъ на нихъ пальцами и называлъ трусами и измѣнниками. Да и въ самомъ дѣлѣ: бо́льшая часть жителей Москвы не думала еще и не воображала, чтобы непріятель могъ когда-либо овладѣть нашею первопрестольною столицею, что́ подтвердилъ и графъ Растопчинъ въ выданномъ имъ 18-го августа печатномъ объявленіи, въ которомъ помѣстилъ слѣдующія достопамятныя слова: „я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москву не будетъ!“

Вспомнимъ, что эти слова произнесены были доблестнымъ графомъ тогда, когда еще не было между нашею арміей и непріятельскою генеральнаго сраженія, отъ котораго зависѣла и участь Москвы. Съ какимъ-же намѣреніемъ графъ Растопчинъ отвѣчалъ жизнью своею, что злодѣй въ Москву не будетъ? Если съ тѣмъ, чтобы укрѣпить сердца малодушныхъ, колебавшихся между страхомъ и надеждою, то цѣль графа была достигнута, ибо, дѣйствительно, многіе изъ достаточныхъ жителей Москвы, какъ будто очарованные словами графа, не брали уже для спасенія своего никакихъ мѣръ предосторожности—и дорого заплатили за свое легковѣріе. Напротивъ того, другіе, несмотря на краснобайство гр. Растопчина, спѣшили искать себѣ убѣжища въ мѣстахъ менѣе опасныхъ отъ нашествія непріятелей, что, по тогдашней чрезвычайной дороговизнѣ найма лошадей, было очень трудно, а для многихъ и невозможно.

Хотя гр. Растопчинъ и отвѣчалъ жизнью своею, что злодѣй въ Москву не будетъ, однако-же, самъ графъ принималъ въ то-же

время и мѣры осторожности. Съ этою цѣлью онъ, 18-го августа, отнесся ко всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ, чтобы они, въ случаѣ нужды, изготовили къ вывозу, куда назначено будетъ, находящіяся въ вѣдѣніи ихъ драгоцѣнности и важныя бумаги, обѣщая съ своей стороны доставить въ свое время необходимое для каждаго мѣста число лошадей съ подводами. Такое отношеніе было прислано и къ нашему попечителю, а отъ него передано въ совѣтъ университета для исполненія.

Пользуясь свободнымъ отъ должности временемъ, я бродилъ ежедневно по улицамъ и площадямъ московскимъ, прислушивался къ говору разнаго званія людей, просиживалъ вечера за бутылкою пива въ публичныхъ мѣстахъ и все болѣе и болѣе увѣрялся, что такъ названныя афиши гр. Растопчина произвели въ народѣ необыкновенный восторгъ и самонадѣянность, готовые на всякое пожертвованіе. Не разъ мнѣ случалось видѣть, какъ эти патріоты дѣлали разныя глупыя придирки къ проживавшимъ въ Москвѣ иностранцамъ, говорившимъ плохо по-русски, придирки, которыя, кромѣ нѣкоторыхъ, не имѣли никакихъ важныхъ послѣдствій, ибо полиція тотчасъ мирила ссорившихся и, вообще, бдительно наблюдала за всѣмъ происходившимъ въ городѣ. Кромѣ того, по приказанію гр. Растопчина, отослано было въ Нижній-Новгородъ, подъ надзоромъ квартальнаго надзирателя Тверской части, болѣе ста человѣкъ иностранцевъ, вѣроятно, сомнительнаго поведенія.

27-го августа гр. Растопчинъ извѣстилъ жителей о сраженіи съ французами при селѣ Бородинѣ слѣдующимъ объявленіемъ:

„Вчерашній день, 26-го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе; съ помощью Божіею русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь я (кн. Кутузовъ), возлагая мое упованіе на Бога и на московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться. Потеря непріятеля неисчетная; онъ далъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать некого) и что французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сегодня, съ помощью Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то и злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча. Я посылаю въ армію 4,000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на

250 пушекъ снаряды и провіанта. Православные, будьте спокойны, кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества; наша готова, и если придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ русской!"

Не смѣя дѣлать никакого замѣчанія на такое объявленіе гр. Растопчина, я только спрошу: „можно-ли было намъ, жителямъ Москвы, быть спокойными тогда, когда армія наша, послѣ ужаснаго Бородинскаго сраженія, отступала къ Москвѣ, а вслѣдъ за нею стремился и многочисленный непріятель, о чемъ мы знали очень вѣрно отъ лицъ, нарочно посылавныхъ въ армію отъ московскаго купечества по нѣсколько разъ ежедневно, а равно и отъ раненыхъ, привозимыхъ въ Москву тысячами въ продолженіе двухъ или трехъ дней. Да, мы очень безпокоились насчетъ судьбы первопрестольнаго града и насъ самихъ, томимыхъ неизвѣстностію, тѣмъ болѣе мучительною, что и самъ гр. Растопчинъ уже рѣшительно распоряжался о вывозѣ изъ Москвы казеннаго имущества.

Выше сего я объяснялъ, что попечитель нашъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, исполняя отношеніе къ нему гр. Растопчина, предлагалъ совѣту московскаго университета отобрать и изготовить къ вывозу изъ Москвы принадлежавшія ему драгоцѣнныя вещи и бумаги. Трудно было профессорамъ рѣшить—какія-же вещи спасать отъ непріятеля, ибо университетъ имѣлъ тогда въ распоряженіи своемъ множество разныхъ учебныхъ пособій? Наконецъ, университетъ, послѣ бородинской битвы, испросивъ отъ мѣстнаго начальства лошадей съ подводами, отправилъ на нихъ избранныя вещи въ самомъ ограниченномъ числѣ въ Нижній-Новгородъ, подъ надзоромъ одного изъ профессоровъ. Приводя въ исполненіе эту важную, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, мѣру, начальство университета оплошало тѣмъ, что изъ числа присланныхъ въ его распоряженіе лошадей съ подводами отослало обратно до 30-ти, какъ будто-бы ненужныхъ. Вообще должно сказать, что попечитель нашъ дѣйствовалъ въ то время довольно странно и, какъ-бы не довѣряя гр. Растопчину, испрашивалъ во всѣхъ случаяхъ разрѣшенія отъ министра народнаго просвѣщенія гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, такъ что графъ былъ принужденъ пред-

писать Кутузову исполнять немедленно всѣ распоряженія градоначальника Москвы, ибо онъ гораздо скорѣе получаетъ извѣстія о тогдашнемъ положеніи военныхъ дѣлъ. Наконецъ, Кутузовъ, заботясь единственно о своей безопасности, вытребовалъ изъ принадлежавшей университету денежной казны 2,000 руб., и 30-го августа, поздно вечеромъ, выѣхалъ съ семействомъ своимъ въ городъ Кострому, оставивъ на произволъ случая ректора Гейма, нѣсколькихъ профессоровъ, чиновниковъ и учениковъ академической при университетѣ гимназіи. 30-го и 31-го августа правленіе университета имѣло два послѣднихъ засѣданія: въ первомъ оно выдало всѣмъ находившимся налицо чиновникамъ жалованье за два мѣсяца впередъ, и то на половину мѣдною монетою, полученною правленіемъ не задолго передъ тѣмъ изъ московской казенной палаты на содержаніе университета на сентябрьскую 1812 года треть, въ числѣ 20,000 руб. Во второмъ засѣданіи правленіе, соболѣзнуя объ участи типографскихъ чиновниковъ и рабочихъ людей, отпустило подъ росписку начальника типографіи Невзорова, для раздачи тѣмъ чиновникамъ жалованья за августъ и сентябрь, а рабочимъ сверхъ жалованья и задѣльныхъ за августъ всего 6,000 руб., по недостатку въ то время типографскихъ доходовъ, изъ суммы, назначенной въ уплату купцу Колокольникову за поставленную имъ для типографіи бумагу, и за неявкою его къ полученію хранившейся на лицо въ правленіи [1]).

Недостатокъ въ типографскихъ доходахъ въ августѣ мѣсяцѣ

---

[1]) Деньги сіи 6,000 руб. возвращены были 25-го іюля 1813 г. въ сумму Колокольникова изъ типографскихъ доходовъ; напротивъ того, начальникъ типографіи отъ 19-го мая 1814 года увѣрялъ г. попечителя, что будто-бы, по жестокости и невниманію членовъ правленія къ бѣдности чиновниковъ и рабочихъ людей типографіи, онъ долженъ былъ на выдачу имъ жалованья и заработныхъ денегъ за августъ и сентябрь мѣсяцы 1812 года пожертвовать собственныхъ процентныхъ денегъ 6,000 руб. Этотъ замѣчательный случай правленіе объяснило г. попечителю слѣдующимъ образомъ, что жертвовалъ-ли Невзоровъ типографскимъ чинамъ и рабочимъ своими 6,000 руб., и единственно яко-бы потому, что люди сіи не могли получить отъ правленія по заслугѣ принадлежащихъ денегъ, о томъ ни временной комиссіи, бывшей при университетѣ, ни правленію извѣстно не было. Такое тщеславіе Невзорова опровергается тѣмъ, что типографскіе чины и рабочіе если-бы получили отъ него такое пожертвованіе въ видѣ подаянія, конечно, не оставили-бы просить заслуженнаго отъ мѣстнаго начальства, но сего ими не сдѣлано. Къ этому объясненію было-бы излишне присоединять что-либо другое.

М. Т.

1812 г. произошелъ отъ того, что типографія, помѣщавшаяся до 1811 г. въ одномъ зданіи съ университетскимъ благороднымъ пансіономъ на Тверской улицѣ весьма тѣсно и неудобно, купила въ этомъ году, по дозволенію начальства, особый домъ для распространенія типографскихъ работъ за сорокъ тысячъ рублей. Половина этой суммы заплачена была продавцу г. Власову при совершеніи купчей изъ доходовъ университетскаго благороднаго пансіона, а другую половину, двадцать тысячъ рублей, типографія въ началѣ 1812 года уплатила изъ своихъ доходовъ; да на передѣлку дома издержала около десяти тысячъ рублей. Въ этомъ-же 1812 г. правленіе университета, по предварительномъ обревизованіи приходо-расходныхъ книгъ типографіи за 1806, 1807, 1808 и 1809 годы, выдало чиновникамъ процентныя деньги съ чистаго дохода, принесеннаго въ тѣхъ годахъ типографіею, 3,212 руб., и назначило въ выдачу начальнику типографіи Невзорову 4,316 руб., но г. Невзоровъ пожертвовалъ ихъ въ пользу университета, за что всемилостивѣйше пожалованъ, въ томъ-же 1812 г., драгоцѣннымъ перстнемъ.

А какъ къ вывозу изъ Москвы громоздкихъ и тяжелыхъ типографскихъ принадлежностей никакихъ распоряженій сдѣлать было невозможно, да онѣ и не заключали въ себѣ тѣхъ драгоцѣнностей, которыя предполагалось тогда спасать отъ непріятеля; притомъ участь Москвы никому еще не была извѣстна и университетъ не имѣлъ права прекратить печатанія „Московскихъ Вѣдомостей“, читаемыхъ во всѣхъ концахъ обширной Россійской имперіи, то по этимъ обстоятельствамъ ректоръ Геймъ предписалъ начальнику типографіи Невзорову не отлучаться отъ должности впредь до приказанія. Что-же касается до выѣзда изъ Москвы какъ самого ректора Гейма, такъ и другихъ, то мы не имѣли о томъ никакого свѣдѣнія.

Желая спасти мать свою и тетку отъ угрожавшей имъ опасности, я прежде этого времени, и именно 28-го августа, отыскалъ на Яблочной площади малоярославскаго крестьянина, изъявившаго желаніе отвезти меня въ Коломну на двухъ небольшихъ подводахъ за 38 руб. съ тѣмъ, однако-же, что онъ отправится со мною въ путь не прежде какъ въ субботу 31-го августа, ибо онъ долженъ былъ отвезти въ подмосковную деревню кого-то изъ своихъ родныхъ, проживавшихъ въ Москвѣ. Я при-

велъ крестьянина въ университетъ на свою квартиру, угостилъ водкою и далъ ему въ задатокъ 5 руб. Паспорта у него не было, я повѣрилъ его совѣсти и только записалъ гдѣ отыскать его въ случаѣ, если онъ не пріѣдетъ ко мнѣ въ назначенное время, 31-го августа.

Гр. Растопчинъ, все еще не объявляя жителямъ Москвы объ угрожавшей имъ опасности, вздумалъ сзывать народъ съ оружіемъ въ рукахъ, какимъ-бы то ни было, на Три горы, для подкрѣпленія арміи нашей въ рѣшительной битвѣ съ непріятелемъ, куда и самъ обѣщалъ явиться предводительствовать народомъ. 31-го августа вооруженныя толпы народа спѣшили за Прѣсненскую заставу на Три горы и Москва представляла уже картину всеобщаго смятенія, своеволія, пьянства и дракъ. Я боялся не за себя, а за мать свою: мысль, что она подвергается явной опасности, приводила меня въ совершенное уныніе и разстройство. Я даже полагалъ, что гр. Растопчинъ, предъ сраженіемъ съ французами подъ Москвою, вышлетъ изъ нея всѣхъ женщинъ и дѣтей, ибо и въ этотъ день, т. е. 31-го августа, графъ увѣренъ былъ, что непріятели погибнутъ въ сраженіи съ русскою арміею, подкрѣпленною народомъ, что видно изъ слѣдующаго, уже послѣдняго, объявленія его жителямъ Москвы:

„Я завтра рано ѣду къ свѣтлѣйшему князю, чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ; станемъ и мы изъ нихъ духъ искоренять и этихъ гостей къ чорту отправлять; я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло, обдѣлаемъ, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ!“

Ѣздилъ-ли гр. Растопчинъ къ свѣтлѣйшему князю и какое сдѣлали они рѣшеніе насчетъ Москвы, намъ уже не было объявлено.

Въ такомъ затруднительномъ для меня положеніи я рѣшился на отчаянное средство выйти изъ Москвы съ матерью и теткою куда глаза глядятъ; но и для этого путешествія мнѣ нужно было имѣть какой-либо письменный видъ отъ своего начальства. Съ этою цѣлью я въ тотъ-же день, т. е. 31-го августа вечеромъ, пришелъ къ ректору Гейму и засталъ его за разборкою бумагъ, книгъ и проч. Объяснивъ ему всѣ обстоятельства, до себя и матери моей касающіяся, я просилъ его сказать мнѣ откровенно: „можно-ли мнѣ надѣяться, что онъ возьметъ меня съ собою при

выѣздѣ его изъ Москвы?“ На этотъ вопросъ ректоръ Геймъ изъяснилъ мнѣ, что онъ и самъ не имѣетъ еще никакого свѣдѣнія насчетъ выѣзда своего изъ Москвы, потому что мѣстное начальство не выслало ему въ то время ни одной подводы. Не надѣясь уже болѣе ни въ чемъ на ректора Гейма, я просилъ его подписать мнѣ билетъ на всѣ четыре стороны, что онъ и исполнилъ, простился со мною и пожелалъ мнѣ счастливаго пути.

1-го сентября поутру, я, къ удивленію моему, узналъ, что ректора Гейма нѣтъ уже въ Москвѣ. Какъ-же это случилось? Очень просто. Московскій гражданскій губернаторъ, по личному уваженію къ Гейму (такъ объяснилъ мнѣ экзекуторскій помощникъ Янковскій, провожавшій Гейма съ университетскаго двора) прислалъ въ университетъ, уже ночью, 22 подводы съ лошадьми, на которыхъ 1-го сентября передъ разсвѣтомъ ректоръ Геймъ съ профессорами Страховымъ и Брянцевымъ, докторомъ Ромодановскимъ, кандидатомъ Каменецкимъ (любимцемъ Гейма), секретаремъ правленія Тимоновымъ, казначеемъ Лазаревымъ и немногими студентами и гимназистами отправились въ Нижній-Новгородъ. Для охраненія-же зданій университета съ невывезенными вещами и мѣдною монетою до 5,000 рублей оставлены: экзекуторъ Артемьевъ, помощникъ его Янковскій и смотритель музея Ришардъ. Я не могу винить ректора Гейма въ томъ, что онъ не взялъ меня съ собою, потому что въ то время находились при мнѣ двѣ женщины; но нельзя похвалить его за то, что онъ оставилъ въ Москвѣ на произволъ случая нѣсколькихъ чиновниковъ безсемейныхъ, а именно: архиваріуса правленія Карнопелева, который и погибъ во время пребыванія въ Москвѣ французовъ; письмоводителей: Подхватова, Карасева и Персона. Первый изъ нихъ много пострадалъ отъ непріятелей, а послѣдніе, вмѣстѣ съ корректорами университетской типографіи Войновымъ и Правиковымъ, добрались пѣшкомъ до Нижняго-Новгорода и вступили въ тамошнее ополченіе. Въ то-же ополченіе вступили студенты Петровъ, Тито, Серафимовъ, Завойчинскій, Фоглеръ и другіе.

Имѣя въ рукахъ своихъ билетъ на всѣ четыре стороны, я, прежде всего, побѣжалъ къ малоярославскому крестьянину, взявшемуся отвезти меня въ Коломну, и засталъ его за уборкою

лошадей. Увидѣвъ меня, онъ сказалъ, что до Коломны давали ему за пару лошадей 100 руб., но онъ не захотѣлъ обмануть меня. Поблагодаривъ крестьянина за его честность, мы въ скоромъ времени пріѣхали въ университетъ. Дорогою, нѣкоторые изъ жителей упрашивали крестьянина продать имъ хотя одну лошадь, а другіе, какъ будто въ отчаяніи, грозили отнять насильно и обѣихъ лошадей; но я счастливо отдѣлался отъ тѣхъ и другихъ и обрадовалъ мать мою извѣстіемъ, что мы скоро удалимся изъ Москвы, въ которой не было уже никакого благоустройства. Уложивъ въ телѣги самонужнѣйшія вещи и помолившись со слезами Господу Богу, я съ матерью и теткою готовы были отправиться въ предлежащій путь. Въ это самое время вошелъ къ намъ въ комнату студентъ Лидинъ. Онъ жилъ у меня на хлѣбахъ и на лѣтнее, свободное отъ ученія, время ѣздилъ въ Коломну къ дядѣ своему, архимандриту тамошняго монастыря Іоанникію. Поздоровавшись съ Лидинымъ, я спросилъ его, зачѣмъ онъ воротился въ Москву? „Учиться“, отвѣчалъ мнѣ Лидинъ. Я объяснилъ ему весь ходъ тогдашнихъ событій и намѣреніе мое искать въ Коломнѣ временнаго пристанища.

„Такъ отправимся туда всѣ вмѣстѣ“, отвѣчалъ мнѣ Лидинъ.

Мы очень обрадовались столь благопріятному для насъ случаю, тѣмъ болѣе, что Лидинъ обѣщалъ помѣстить меня съ матерью и теткою въ монастырскомъ зданіи. Въ два часа пополудни мы выѣхали изъ квартиры моей въ университетѣ и остановились на короткое время у дѣда моего Булатова, жившаго у Яузскаго моста. Тяжело было почтенному старцу прощаться со мною и съ двумя дочерьми своими, но дѣлать было нечего; „поѣзжайте съ Богомъ, сказалъ намъ Булатовъ, а я остаюсь въ Москвѣ,—не имѣю средствъ выбраться изъ нея; я старъ, слѣпъ и бѣденъ; не думаю, чтобы французы обидѣли меня“.

Увы, онъ не предвидѣлъ тогда какая плачевная участь ожидала его впереди.

Простившись съ дѣдомъ, мы съ большою остановкою и опасностью перебрались черезъ Яузскій мостъ, загроможденный въ то время военными обозами, артиллеріею и подводами съ вещами того знаменитаго шара, которымъ гр. Растопчинъ надѣялся истребить французскую армію, стремившуюся къ заставѣ съ величайшею поспѣшностью. Не теряя времени, мы надѣялись тотчасъ

выѣхать на большую рязанскую дорогу, но у Покровской заставы насъ остановили и велѣли представить караульному офицеру увольнительные наши билеты для записки ихъ въ книгу по заведенной формѣ, что исполнить тогда было уже довольно трудно, ибо у заставы собралось множество разнаго рода экипажей. Преодолѣвъ и это, можно сказать, стѣснительное распоряженіе графа Растопчина, мы, наконецъ, оставили Москву въ самомъ грустномъ расположеніи духа. Предавъ себя во власть Божію и отъѣхавъ отъ заставы четыре версты, мы остановились для корма лошадей въ деревнѣ Хохловкѣ. Видя жителей этой деревни укладывавшими на телѣги пожитки свои и готовившимися къ чему-то чрезвычайному, я спросилъ у хозяина дома, въ которомъ мы остановились, куда они собираются?

На этотъ вопросъ крестьянинъ отвѣчалъ мнѣ, что казаки выгоняютъ ихъ изъ деревни и готовятся зажечь ее.

Расплатившись съ хозяиномъ дома за постой и кормъ лошадямъ, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Впереди ѣхалъ студентъ Лидинъ въ кибиткѣ на парѣ видныхъ монастырскихъ лошадей; съ нимъ помѣстилась мать моя; за кибиткою слѣдовалъ нанятый мною малоярославскій крестьянинъ съ теткою моею; а на послѣдней подводѣ расположился я самъ. Надобно знать, что мнѣ никогда не случалось править лошадьми, а потому положеніе мое въ то время было очень трудное, а подчасъ и смѣшное. Какъ-бы то ни было, однако-же, мы доѣхали до Бронницъ 2-го сентября, довольно рано, благополучно; но по выѣздѣ изъ этого города, мы нѣсколько разъ подвергались грубымъ укоризнамъ и даже остановкамъ отъ разнаго рода войскъ, спѣшившихъ къ Москвѣ по Рязанской дорогѣ. Прибывъ въ Коломну ночью на 3-е сентября, студентъ Лидинъ тотчасъ увѣдомилъ дядю своего, престарѣлаго архимандрита, какъ о самомъ себѣ, такъ и о насъ, бѣдныхъ странникахъ. Почтенный старецъ былъ въ недоумѣніи, какъ помѣстить ему двухъ женщинъ въ монастырскомъ зданіи? Однако-же, уваживъ тогдашнее положеніе дѣлъ, приказалъ племяннику своему, студенту Лидину, помѣстить насъ въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ, выходящихъ окнами въ садъ.

3-го сентября ужасная вѣсть, что Москва оставлена нашими войсками, занята французами и предана пламени, разнеслась въ Коломнѣ съ быстротою молніи. Это плачевное событіе

погрузило меня въ совершенное разстройство и уныніе, ибо я не имѣлъ средствъ проживать долгое время на чужой сторонѣ. Теперь, когда извѣстны намъ всѣ послѣдствія отечественной войны съ могущественнымъ Наполеономъ, кажется, и случай отдачи Москвы непріятелю былъ обыкновенный; но тогда какой-то невыразимый страхъ и ужасъ распространился по всей Россіи, и казалось, что она подпала надолго постыдному безславію.

Вскорѣ получено было въ Коломнѣ извѣстіе, что французы подходятъ къ Бронницамъ. Страхъ и смятеніе объяли коломенскихъ жителей до такой степени, что городъ въ нѣсколько часовъ опустѣлъ. Самъ архимандритъ началъ собираться въ дорогу, предполагая взять меня съ собою, а мать мою и тетку оставить въ Коломенскомъ женскомъ монастырѣ. Я былъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи и не зналъ на что мнѣ рѣшиться. Въ это самое время, одинъ изъ коломенскихъ мужиковъ вызвался отвезти меня въ Радовицкій монастырь въ Егорьевскомъ уѣздѣ, куда и отецъ архимандритъ направлялъ свой путь. Я съ радостію согласился на предложеніе ямщика, уговорился съ нимъ въ цѣнѣ и и вмѣстѣ съ архимандритомъ выѣхалъ изъ Коломны, взявъ съ собою мать мою и тетку. На другой день мы прибыли въ Радовицы, въ 60-ти верстахъ отъ Коломны. Игуменъ тамошняго монастыря отецъ Аврамій, по просьбѣ архимандрита, велѣлъ помѣстить насъ въ монастырской гостинницѣ. Радовицкій монастырь расположенъ въ мѣстѣ лѣсистомъ и болотномъ. Несмотря на то, двѣ довольно обширныя гостинницы и деревушка близь монастыря наполнены были разными выходцами, искавшими убѣжища въ мѣстахъ, можно сказать, пустынныхъ, куда и я попалъ по милости всемощнаго тогда Наполеона. Чрезъ нѣсколько времени отецъ архимандритъ получилъ извѣстіе, что Коломна избавилась отъ непріятельскаго нашествія, отправился въ свой монастырь и на прощаньи со мною подарилъ мнѣ 10 руб.

Въ Радовицахъ я познакомился съ архимандритомъ Софроніемъ Грибовскимъ. Онъ нѣкогда находился іеродіакономъ въ университетской церкви, а послѣ прожилъ 11 лѣтъ въ Пекинѣ, столицѣ Китайской имперіи, настоятелемъ тамошней православной русской церкви, и, получивъ пенсіонъ, пребывалъ на покоѣ въ Москвѣ, въ Новоспасскомъ монастырѣ. Узнавъ, что я изъ

университета, Софроній обходился со мною самымъ дружескимъ образомъ! Отслушавъ обѣдню, я заходилъ къ отцу архимандриту. „Что новаго?“ былъ первый его вопросъ.

„Увы, ничего не знаю“, отвѣчалъ я почтенному старцу.

„Такъ садись-же, братъ, да давай выпьемъ горилки“, продолжалъ добрый Софроній.

Между тѣмъ, время летѣло; важныя событія на театрѣ войны быстро слѣдовали одно за другимъ; наконецъ, и радостная вѣсть объ освобожденіи Москвы отъ лютаго врага достигла до нашего пустыннаго жилища. Мнѣ оставалась одна только забота, какъ-бы скорѣе выѣхать изъ Радовицъ; но неимовѣрно высокая цѣна за наемъ двухъ лошадей и худая проселочная дорога удержали меня тамъ до 21-го ноября. Въ этотъ день мы дотащились кое-какъ до Коломны и остановились въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ у знакомаго мнѣ учителя. Войдя въ переписку со смотрителемъ университетской больницы Полубояриновымъ, уже возвратившимся въ Москву, я получилъ отъ него извѣстіе, что начальство наше также находится въ Москвѣ и вступило въ управленіе по всѣмъ частямъ университета, а потому слѣдуетъ и мнѣ явиться немедленно къ своей должности. Это извѣстіе очень обрадовало меня и мать мою, тѣмъ болѣе, что Полубояриновъ предлагалъ мнѣ остановиться у него на квартирѣ, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ было для меня чрезвычайно важно, ибо тотъ домъ, въ которомъ я квартировалъ, сгорѣлъ до основанія. Продавъ за безцѣнокъ кое-что, мы пріѣхали въ Москву 3-го января 1813 г. Кто опишетъ изумленіе наше и ужасъ при видѣ древней столицы русскаго государства, недавно блиставшей изящнымъ величіемъ своимъ и красотою, а теперь сожженной, опустошенной и разграбленной? Со слезами на глазахъ въѣхали мы въ открытый со всѣхъ сторонъ обширный дворъ университета и помѣстились весьма тѣсно въ больничномъ корпусѣ, въ одной комнатѣ, и то проходной.

Изъ всѣхъ зданій университета уцѣлѣли отъ московскаго пожара только два: первое, больничное, по Никитской улицѣ; другое на дворѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Пушкинскаго, въ которомъ помѣщались до вторженія французовъ въ Москву: ректоръ Геймъ и профессоръ Штельцнеръ. Послѣдній оставался въ квартирѣ своей во все время пребыванія непріятеля

въ Москвѣ и утверждалъ, что онъ спасъ тотъ домъ отъ зажигателей. Главный-же корпусъ университета, по Моховой улицѣ, съ большею частію ученыхъ его сокровищъ и такъ называемые два корпуса Барятинскій и Мосоловскій, а также анатомическій театръ и всѣ деревянныя постройки сдѣлались добычею пламени.

Я старался имѣть достовѣрное свѣдѣніе о томъ, кто-же первый зажегъ Москву—французы или русскіе? Между многими разсказами объ этомъ ужасномъ событіи оказались такіе, которые заслуживаютъ полнаго вниманія, напримѣръ: смотритель университетскаго музея Ришардъ объяснялъ по секрету, что, незадолго до пожара, засталъ онъ, Ришардъ, на чердакѣ главнаго университетскаго корпуса переодѣтаго подозрительнаго человѣка, что-то раскидывавшаго по чердаку. Другіе самовидцы увѣряли меня, что 2-го сентября поутру были уже зажжены находившіяся противъ Кремля москательныя лавки, а по вступленіи непріятеля въ Москву такой-же участи подвергся и каретный рядъ, чтобы ни одинъ экипажъ не достался въ руки французскихъ генераловъ и офицеровъ. Были, конечно, и другіе поджоги, но уже по большей части отъ непріятельскихъ войскъ, бродившихъ по всей Москвѣ для снисканія себѣ пищи и грабежа и обращавшихся съ огнемъ безъ всякой предосторожности, отъ чего во многихъ частяхъ города повторялись пожары. Тушить ихъ было не кому, да и не чѣмъ, ибо гр. Растопчинъ, наканунѣ вторженія наполеоновыхъ полчищъ въ Москву, выпроводилъ изъ нея во Владиміръ всю пожарную команду и всѣ пожарныя трубы. Такимъ образомъ, огонь при сильномъ вѣтрѣ истребилъ въ Москвѣ въ три или четыре дня болѣе семи тысячъ домовъ.

Далѣе узналъ я, что армія наша, обезсиленная ужаснымъ Бородинскимъ сраженіемъ, не могла уже вступить въ новую битву съ многочисленнымъ непріятелемъ и, отступая къ Москвѣ, расположилась у Поклонной горы, въ трехъ верстахъ отъ Дорогомиловской заставы. Поутру 1-го сентября, главнокомандовавшій арміею фельдмаршалъ Голенищевъ-Кутузовъ имѣлъ у заставы свиданіе съ гр. Растопчинымъ и увѣрялъ его о намѣреніи своемъ дать еще сраженіе; но вечеромъ того-же 1-го сентября на военномъ совѣтѣ, происходившемъ въ главной квартирѣ арміи, деревнѣ Филяхъ, положено было оставить Москву безъ сраженія и отступить на рязанскую дорогу.

Гр. Растопчинъ не былъ приглашенъ Кутузовымъ на военный совѣтъ, рѣшившій участь первопрестольнаго града. Многіе утверждали, будто-бы Кутузовъ опасался, чтобы Растопчинъ не привлекъ членовъ военнаго совѣта къ тому, чтобы еще разъ сразиться съ непріятелемъ подъ самою Москвою. Съ этою цѣлію гр. Растопчинъ 31-го августа даже созвалъ на Три горы, предмѣстіе за Прѣсненскою заставою, многочисленный и кто чѣмъ могъ вооруженный народъ. Утверждали еще и то, что Кутузовъ находился съ Растопчинымъ въ непріязни со временъ императора Павла I, когда Растопчинъ былъ любимцемъ этого государя. Какъ-бы то ни было, однако-же, я долженъ сказать здѣсь, что и начальникъ нашъ, Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, будучи родственникомъ главнокомандующаго арміею, отзывался о Растопчинѣ не такъ-то уважительно или, лучше сказать, съ пренебреженіемъ.

Но ничто такъ не удивило меня, какъ разсказъ очевидца о выѣздѣ самого гр. Растопчина изъ Москвы 2-го сентября. Въ этотъ достопамятный день, поутру, толпы вооруженнаго народа, по большей части пьянаго, не дождавшись графа на Трехъ горахъ, согласно обѣщанію его сіятельства предводительствовать ими во время отраженія французской арміи отъ Москвы, явились къ нему на дворъ, находившійся на Лубянской улицѣ, и съ крикомъ требовали, чтобы гр. Растопчинъ велъ ихъ противъ непріятеля. Графъ, уже готовый къ выѣзду изъ Москвы, рѣшился прекратить народное волненіе самымъ варварскимъ образомъ. Вышедъ на крыльцо дома своего и указывая народу на несчастнаго молодаго купеческаго сына Верещагина (о которомъ я уже говорилъ выше сего), приведеннаго на дворъ графа изъ тюрьмы, объявилъ его измѣнникомъ и что отъ него погибаетъ Москва. Верещагинъ едва успѣлъ выговорить нѣсколько словъ въ свое оправданіе, какъ гр. Растопчинъ махнулъ рукою, и стоявшій подлѣ Верещагина ординарецъ Бурдаевъ ударилъ его саблею въ лице; несчастный упалъ на землю, испуская стоны. Въ ту-же минуту народъ бросился добивать его и уже мертваго волочилъ по Лубянской улицѣ. Растопчинъ, занявъ народъ исполненіемъ кровавой воли своей, сошелъ съ крыльца и выѣхалъ въ заднія ворота дома своего на дрожкахъ. Вотъ какимъ подвигомъ отличилъ себя тотъ знаменитый мужъ, который 18-го августа

отвѣчалъ жизнію своею, что злодѣй, т. е. Наполеонъ, въ Москву не будетъ, и даже послѣ Бородинской битвы хвасталъ, что этотъ злодѣй положитъ кости свои въ землѣ русской.

IV.

Участь, постигшая казенное и частное имущество г. Москвы. — Положеніе университетской типографіи во время пребыванія въ Москвѣ непріятеля.— Бѣдствія, постигшія старика Булатова.—Смерть его.—Приведеніе въ порядокъ дѣлъ московскаго учебнаго округа.—Торжественное собраніе университета 10 іюля 1814 г. — Ода, сочиненная попечителемъ. — Назначеніе новаго главнокомандующаго.—Услужливость попечителя передъ ген. Тормасовымъ.— Поѣздка Кутузова въ С.-Петербургъ.—Какимъ образомъ получилъ Виноградовъ ученую степень.—Мои служебныя дѣла.—Назначеніе министромъ кн. Голицына. — Попечитель кн. Оболенскій. — Его семейныя отношенія.— Я получаю новую должность.

Теперь, по собраннымъ свѣдѣніямъ, скажемъ нѣсколько словъ объ оставшемся въ Москвѣ казенномъ и частномъ имуществѣ и о числѣ жителей, имѣвшихъ несчастіе попасть въ руки непріятельскихъ войскъ на жестокія мученія. Хотя главнокомандовавшій арміею фельдмаршалъ Голенищевъ-Кутузовъ доносилъ государю императору отъ 4-го сентября, изъ селенія Жилина, на Рязанской дорогѣ, между прочимъ, что всѣ сокровища, арсеналъ и всѣ почти имущества какъ казенныя, такъ и частныя изъ Москвы вывезены и ни одинъ почти житель въ ней не остался; но желательно знать—отъ кого-же Кутузовъ получилъ столь подробныя свѣдѣнія? Если отъ гр. Растопчина, то они уже слишкомъ преувеличены по слѣдующимъ обстоятельствомъ: всѣмъ было извѣстно, что казенныя имущества начали вывозить изъ Москвы послѣ Бородинской битвы. Такимъ образомъ, 31 августа, ночью, по распоряженію духовнаго начальства были отправлены въ Вологду соборныя и нѣкоторыя монастырскія драгоцѣнности, а равно древнія рукописи и книги синодальной библіотеки. Прочія-же вещи какъ соборныя, такъ и принадлежавшія монастырямъ и приходскимъ церквамъ оставались на своихъ мѣстахъ по неимѣнію, вѣроятно, ни времени, ни средствъ къ ихъ спасенію или по другимъ какимъ-либо важнымъ обстоятельствамъ. То-же самое случилось и съ казеннымъ имуществомъ: много изъ этого имущества было спасено,

а нѣкоторое оставлено; въ томъ числѣ и весь архивъ вотчиннаго департамента. Что-же касается до частнаго имущества, то оно потерпѣло огромный ущербъ, такъ что многіе богатые люди сдѣлались надолго нищими.

Наконецъ, сколько-же жителей оставалось въ Москвѣ 2-го сентября? Кутузовъ провозглашалъ, что ни одинъ почти житель въ ней не остался. Графъ-же Растопчинъ утверждалъ, что число такихъ несчастливцевъ простиралось отъ 12 до 15 тысячъ человѣкъ, которые, по увѣренію графа, были изъ простаго званія народа и ни одного значительнаго человѣка изъ дворянства, духовенства или купечества. Но и это исчисленіе очень, очень сомнительно, ибо при выѣздѣ самого графа изъ Москвы и по выходѣ изъ нея полиціи не было уже возможности имѣть ему вѣрное свѣдѣніе о числѣ оставшихся жителей и къ какому классу они принадлежали. Только по выходѣ изъ Москвы непріятельскихъ войскъ открылось, что 2-го сентября оставались въ ней начальникъ воспитательнаго дома Тутолминъ, членъ вотчиннаго департамента Бестужевъ-Рюминъ, профессоръ Штельцнеръ и нѣкоторые другіе чиновники, а особливо служившіе въ университетской типографіи; оставались многіе священники, купцы [1]), мѣщане, рабочіе въ типографіяхъ, сторожа въ казенныхъ заведеніяхъ и прислуга во многихъ частныхъ домахъ. Большая часть этихъ несчастливцевъ были ограблены солдатами, многіе изнурены подъ ношами, а нѣкоторые приняли и самую смерть. Кого-же винили москвичи въ постигшихъ ихъ бѣдствіяхъ?—гр. Растопчина и фельдмаршала Кутузова: перваго за то, что онъ ни одного раза не объявилъ имъ объ угрожавшей Москвѣ опасности, а напротивъ того отвѣчалъ жизнію своею, что злодѣй въ Москву не будетъ, и, не зная плана полководца, собралъ, по своему произволу, на Три горы огромную толпу народа съ оружіемъ въ рукахъ для подкрѣпленія арміи нашей въ рѣшительной битвѣ съ непріятелемъ, которой, однакоже, не было. Кутузова-же за то, что онъ, отступая отъ Бородина въ продолженіе шести дней къ самой Москвѣ, не далъ гр.

---

[1]) Въ учрежденномъ французами муниципалитетѣ находился градскимъ головою московскій 1-ой гильдіи купецъ Находкинъ и 65 членовъ изъ разнаго сословія жителей Москвы. М. Т.

Растопчину хотя секретнаго предписанія о принятіи на всякій случай дѣятельныхъ мѣръ къ удаленію остававшихся въ Москвѣ жителей въ другія безопасныя мѣста, а равно и къ вывозу изъ нея остальнаго казеннаго и частнаго имущества.

Кромѣ потерь, понесенныхъ московскимъ университетомъ отъ пожара и расхищенія ученыхъ его сокровищъ во время пребыванія въ Москвѣ непріятельскихъ войскъ, подверглись той-же участи и всѣ подвѣдомственныя университету воспитательныя заведенія, какъ-то: благородный пансіонъ на Тверской улицѣ, губернская гимназія у Варварскихъ воротъ, уѣздное и частныя училища. Только одна университетская типографія, находящаяся противъ Петровскаго бульвара, потерпѣла убытка менѣе другихъ заведеній. Этимъ, можно сказать, счастіемъ она обязана была присутствію нѣкоторыхъ чиновниковъ и рабочихъ людей, остававшихся, по распоряженію университетскаго начальства, при своихъ мѣстахъ. Одинъ изъ этихъ чиновниковъ, помощникъ издателя „Московскихъ Вѣдомостей“ Ильинскій, описалъ мнѣ происшествія, до типографіи касающіяся, со дня вступленія въ Москву французскихъ войскъ, въ слѣдующемъ видѣ:

2-го сентября, въ четвертомъ часу пополудни, потянулась мимо типографіи отъ Тверскихъ къ Петровскимъ воротамъ французская конница съ обнаженными саблями. А какъ незадолго до этого времени распущены были по Москвѣ слухи, что скоро вступятъ въ нее англійскія вспомогательныя войска, то нѣкоторые изъ чиновниковъ типографіи, почитая проходившую мимо ихъ французскую конницу за союзную англійскую, спрашивали у офицеровъ и солдатъ: „далеко-ли непріятель?“,—отвѣта не было. Наконецъ, одинъ изъ проѣзжавшихъ офицеровъ, и вѣрно ужъ полякъ, махнувъ грозно саблею, вскричалъ по-русски: „мы непріятели“.

Къ вечеру явился въ типографію французскій жандармъ и принялъ ее подъ свое охраненіе. Вскорѣ прислана была въ типографію для напечатанія наполеоновская прокламація къ жителямъ Москвы. Чиновники и рабочіе, сохраняя свято вѣрность свою къ государю и отечеству, не рѣшились сами собою исполнить требованія французовъ, а чрезъ посланныхъ рабочихъ людей испрашивали на то дозволенія у начальника типографіи Невзорова, квартировавшаго тогда близь Покровки, въ домѣ из-

вѣстнаго Лопухина. Невзоровъ объявилъ посланнымъ, что онъ уже не начальникъ типографіи и ни въ какое распоряженіе вступаться не можетъ. Послѣ такого отказа Невзорова, чиновники и рабочіе принуждены были напечатать въ типографіи первую непріятельскую прокламацію къ жителямъ Москвы. Во вторникъ и среду хотя и безпокоили типографію разныя партіи мародеровъ французской арміи, но онѣ каждый разъ были отгоняемы жандармомъ, который велѣлъ даже снять съ главнаго типографскаго дома государственный гербъ, ибо по этому гербу непріятельскіе солдаты принимали типографію за кабакъ [1]). Въ четвергъ жандармъ получилъ другое назначеніе. Съ отбытіемъ его изъ типографіи, отряды непріятельскихъ полчищъ начали грабить чиновниковъ и рабочихъ столь жестоко, что они уже не знали что́ предпринять имъ для своего спасенія. Въ такомъ ужасномъ положеніи одинъ изъ чиновниковъ присовѣтовалъ пробраться всѣмъ имъ на Никольскую улицу и укрыться до времени въ извѣстномъ ему домѣ. Предводимые помощникомъ издателя „Вѣдомостей“ Ильинскимъ, свободно объяснявшимся на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, чиновники и большая часть рабочихъ вышли изъ типографіи и, на пути къ Никольской улицѣ, подвергались отъ французовъ неоднократнымъ грабежамъ. Подходя къ Воскресенскимъ воротамъ, непріятельскіе пикеты вернули несчастныхъ странниковъ къ Кузнецкому мосту и, наконецъ, другіе пикеты, впереди этого моста расположенные, прогнали ихъ на Рождественку въ домъ медико-хирургической академіи. По прекращеніи-же въ Москвѣ пожара и водвореніи кое-какого порядка, нѣкоторые изъ чиновниковъ и рабочихъ, подвергая жизнь свою явной опасности, вышли изъ опустошенной и разграбленной столицы, а другіе, возвратясь въ типографію, дождались въ ней до радостнаго дня освобожденія Москвы отъ лютаго врага.

Мать моя имѣла счастіе отыскать слѣпаго престарѣлаго отца своего. Булатовъ и жена его очень много пострадали отъ французовъ; но Всевышнему благоугодно было спасти невинныхъ страдальцевъ отъ совершенной гибели. Они, посреди всеобщаго пожара и грабежа, остались живы и нашли себѣ пріютъ въ домѣ

[1] Въ 1812 г. кабаки украшены были московскимъ гербомъ.

священника церкви Гавріила Архангела, близь почтамта. Этотъ священникъ былъ родной братъ второй жены Булатова, оставался въ Москвѣ, битъ французами и вскорѣ умеръ. Новый священникъ отказалъ Булатовымъ отъ квартиры, и они, не имѣя средствъ проживать въ Москвѣ, отправились на время къ родному племяннику Булатовой, діакону въ селѣ Пятницы-Берендѣевой, въ 60-ти верстахъ отъ столицы. Пробывъ тамъ около мѣсяца, Булатову не понравилось ни обхожденіе съ нимъ хозяина, ни самый образъ жизни его, а потому почелъ онъ за лучшее возвратиться въ Москву и вступить съ женою въ Екатерининскую богадѣльню. Казалось-бы, что несчастія ихъ должны были этимъ и кончиться, но, кому изъ насъ неизвѣстно, что въ жизни нашей встрѣчаются иногда такія гибельныя обстоятельства, которыхъ никакой умъ человѣческій предотвратить и уничтожить не можетъ. Такъ случилось и съ Булатовыми. Они, не зная, найдутъ-ли себѣ пристанище въ богадѣльнѣ, оставили у діакона нѣкоторыя вещи, по цѣнѣ весьма мало значущія. За этими-то вещами Булатова, вопреки совѣта мужа своего, отправилась въ село Пятницы-Берендѣевой. Племянникъ принялъ тетку чрезвычайно ласково; пенялъ ей за то, что мужъ ея не долго гостилъ у него и старался удерживать ее у себя, подъ предлогомъ неимѣнія въ виду надежнаго попутчика. Наконецъ, объявилъ ей, что знакомый ему крестьянинъ согласился отвезти ее въ Москву за условленную цѣну, обѣщая проводить ее и самъ на нѣкоторое разстояніе. Въ назначенный день, рано по утру, всѣ трое выѣхали изъ селенія, и, отъѣхавъ верстъ пять, злодѣй-діаконъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ напалъ на старую, беззащитную женщину, родную тетку свою, и варварски умертвилъ ее, зарывъ тѣло въ оврагѣ. Впослѣдствіи открылось, что такое неслыханное злодѣйство сдѣлано было діакономъ по подозрѣнію, что родная тетка его, и вмѣстѣ съ тѣмъ и крестная мать, имѣла при себѣ значительную сумму денегъ, взятую, будто-бы, ею при смерти брата ея, которою убійцы и хотѣли воспользоваться. Долго Булатовъ не имѣлъ вѣрнаго свѣдѣнія о плачевной участи жены своей; но, наконецъ, истина открылась; злодѣи были схвачены, признались въ содѣянномъ ими преступленіи и, когда правосудіе уже готово было наказать ихъ за неповинную кровь страдалицы, въ то время извергъ-діаконъ умеръ въ тюрьмѣ отъ

принятаго имъ, будто-бы, яда, а о товарищѣ его, крестьянинѣ, мы свѣдѣнія не имѣли, равно и о томъ, куда дѣвались вещи Булатовой. Хлопотать по этому дѣлу было некому: Булатовъ, по старости лѣтъ своихъ и слѣпотѣ, не могъ ѣхать въ зимнее время на мѣсто преступленія; притомъ-же онъ твердо былъ увѣренъ, что жена его не имѣла при себѣ ни денегъ, ни цѣнныхъ вещей. Предавъ себя въ волю Всевышняго Творца, Булатовъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ прекращенія и своей многострадальной жизни. Это время наступило скоро: Богъ услышалъ молитву земнаго труженика, и душа его воспарила на небо осенью 1814 г, на 72-мъ году отъ рожденія. Я много обязанъ былъ Булатову; воспоминаю о немъ всегда съ благодарностью и крайне сожалѣю, что, въ тяжкое время всеобщаго бѣдствія, мнѣ невозможно было принять его на свое попеченіе. Увы, онъ умеръ въ богадѣльномъ домѣ.

Явясь къ попечителю университета, Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову, я получилъ отъ него замѣчаніе за опоздалое возвращеніе мое въ Москву, въ чемъ легко мнѣ было оправдаться предъ его превосходительствомъ. Надобно знать, что Кутузовъ открылъ уже до меня, съ разрѣшенія министра, въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара домѣ своемъ, у Покровскихъ воротъ, временную комиссію для управленія текущими дѣлами московскаго учебнаго округа, въ которой и я занялся письмоводствомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ канцеляріи попечителя.

Въ это время Кутузовъ усердно принялся за приведеніе въ возможный порядокъ университета, благороднаго пансіона, гимназіи и училищъ, въ Москвѣ находящихся, и всякую почту доносилъ министру объ успѣхахъ своихъ дѣйствій. Однажды, министръ прислалъ Кутузову собственноручное письмо на полулистѣ. Кутузовъ до того восхитился этимъ письмомъ, что, показывая его приближеннымъ своимъ, восклицалъ съ восторгомъ: „графъ ни къ кому такъ много не писывалъ своею рукою!“

Въ то-же время Кутузовъ заботился и о своихъ выгодахъ, чему можетъ служить доказательствомъ слѣдующее обстоятельство: калужскій первостатейный купецъ Билибинъ пожертвовалъ въ пользу общества исторіи и древностей россійскихъ 10,000 руб., за что, по представленію Кутузова, и награжденъ былъ золотою медалью на Анненской лентѣ. Деньги эти Куту-

зовъ употребилъ въ свою пользу и уже послѣ смерти его приступлено было ко взысканію ихъ съ имѣнія Кутузова въ Тверской губерніи.

10-го іюля 1814 г. университетъ имѣлъ торжественное собраніе на Кисловкѣ, въ домѣ Ланга, гдѣ помѣщалась московская губернская гимназія по найму. Рѣчи профессоровъ обращены были на занятіе русскими войсками Парижа и другія славныя событія. Градоначальникъ Москвы гр. Растопчинъ не былъ въ собраніи. Кутузовъ, какъ-бы въ укоръ графу, хотѣлъ доставить ему въ тотъ-же вечеръ экземпляръ читанныхъ въ собраніи рѣчей, но такое намѣреніе его было уничтожено самымъ страннымъ образомъ: предъ окончаніемъ собранія, въ которомъ находился и я, Кутузовъ приказалъ мнѣ чрезъ экзекутора явиться къ его превосходительству на Покровку. Скорымъ шагомъ пришелъ я къ Кутузову и засталъ у него кн. Шаховскаго, извѣстнаго драматическаго писателя. Они критиковали тогда похвальное слово императору Александру I, произнесенное въ собраніи профессоромъ Мерзляковымъ и извлекшее у слушателей слезы сердечнаго умиленія. Кутузовъ, отдавая мнѣ экземпляръ рѣчей, приказалъ задѣлать ихъ въ конвертъ и адресовать графу, а какому не сказалъ. Я исполнилъ приказаніе Кутузова, но на конвертѣ сдѣлалъ слѣдующую надпись: „графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому, въ С.-Петербургѣ“.

Кутузовъ, прочтя надпись, вспылилъ на меня и сказалъ уже очень громко: „графу Растопчину; сдѣлай другой конвертъ“, а сдѣлать-то его было не изъ чего, ибо не нашлось другаго листа бумаги, годнаго для конверта. Такимъ образомъ, гр. Растопчинъ получилъ экземпляръ рѣчей на другой уже день.

Точно такія-же собранія, по предписанію Кутузова, происходили и во всѣхъ гимназіяхъ московскаго учебнаго округа. Самъ Кутузовъ сочинилъ въ честь императора Александра торжественную оду и представилъ въ общее собраніе московскихъ правительствующаго сената департаментовъ мнѣніе свое о присоединеніи къ священному имени императора Александра титула Великаго. Ода разослана была ко всѣмъ министрамъ и даже въ главную квартиру дѣйствовавшей арміи къ государственному секретарю Шишкову, котораго Кутузовъ называлъ „милостивымъ государемъ дядюшкою!“

30-го августа 1814 г. знаменитый гр. Растопчинъ былъ уволенъ отъ должности главнокомандующаго въ Москвѣ и на его мѣсто поступилъ генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ. Кутузовъ не пощадилъ ничего, чтобы польстить и угодить новому градоначальнику. Однажды, Кутузовъ устроилъ въ столовой дома своего театръ; главными дѣйствующими лицами были сынъ и дочь хозяина, Иванъ Павловичъ и Авдотья Павловна, да студенты Корецкій и Александровъ. Разучили оперу: „Ямъ или посидѣлки“. Въ назначенный для представленія день Кутузовъ пригласилъ къ себѣ генерала Тормасова и другихъ особъ. Представленіе оперы шло обыкновеннымъ порядкомъ; зрители восхищались прекрасною игрою дѣйствовавшихъ лицъ, а особливо русскими плясками, исполненными сыномъ и дочерью хозяина. Но вотъ что обратило на себя всеобщее вниманіе зрителей: въ одномъ изъ дѣйствій игранной пьесы входитъ къ станціонному смотрителю проѣзжій офицеръ для перемѣны лошадей. Смотритель, видя изъ подорожной, что офицеръ ѣхалъ черезъ Москву, спрашиваетъ у него: „скажите-ка, ваше благородіе, что новаго въ Москвѣ?“ На этотъ вопросъ офицеръ объясняетъ съ восторгомъ смотрителю: „о, въ Москвѣ, слава Богу, все хорошо теперь и благополучно; всѣ жители веселы, довольны и не нахвалятся новымъ своимъ градоначальникомъ!“

Эти слова были вставлены въ пьесу самимъ Кутузовымъ и произнесены въ присутствіи самого новаго градоначальника генерала Тормасова. Какова лесть!

Въ 1815 г., въ августѣ мѣсяцѣ, Кутузовъ отправился въ С.-Петербургъ съ женою, сыномъ и дочерью. Главная цѣль поѣздки Кутузова состояла въ надеждѣ получить царскую милость за усердную службу свою по должностямъ: попечителя московскаго учебнаго округа и сенатора, что казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что Кутузовъ былъ родственникомъ умершаго незадолго передъ тѣмъ свѣтлѣйшаго князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Въ свитѣ Кутузова находились: докторъ медицины Сидорацкій и сенатскій чиновникъ Матвѣевъ. Вскорѣ пріѣхалъ къ Кутузову докторъ словесныхъ наукъ Бекетовъ, пользовавшійся особеннымъ его расположеніемъ, и съ Бекетовымъ нѣкто Виноградовъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ побочный сынъ богатаго барина, слушалъ въ университетѣ профессорскія лекціи и находился

съ Бекетовымъ въ самыхъ короткихъ сношеніяхъ. Бекетовъ, представляя Виноградова Кутузову, убѣдилъ е. пр—ство (а какими средствами—неизвѣстно) оказать ему, Виноградову, начальническое покровительство свое въ полученіи имъ отъ университета ученой степени доктора словесныхъ наукъ, на каковый конецъ представлена была Кутузову сочиненная будто-бы Виноградовымъ на латинскомъ языкѣ диссертація. Кутузовъ, препроводивъ ее въ совѣтъ университета, изъяснилъ, что такъ какъ Виноградовъ, находясь въ С.-Петербургѣ, не можетъ лично явиться въ совѣтъ университета для защищенія диссертаціи своей, то, по мнѣнію Кутузова, совѣтъ можетъ и безъ этой формальности удостоить Виноградова искомой имъ степени доктора словесныхъ наукъ, что совѣтъ, къ удовольствію Кутузова, и исполнилъ. Такимъ образомъ Виноградовъ получилъ или, вѣрнѣе сказать, пріобрѣлъ высшую ученую степень доктора словесныхъ наукъ, а съ нею и право на чинъ 8-го класса и сопряженное съ нимъ дворянское достоинство.

Хотя Кутузовъ и пробылъ въ С.-Петербургѣ болѣе полугода, однако-же, не получилъ себѣ никакой награды и даже не имѣлъ удачи въ доставленіи сыну своему званія камеръ-юнкера, а дочери—званія фрейлины. Равнымъ образомъ, и ходатайство Кутузова объ ассигнованіи на возобновленіе зданія университета исчисленныхъ по смѣтѣ 500 тыс. руб. осталось безъ всякаго дѣйствія.

Не задолго до отъѣзда Кутузова въ С.-Петербургъ, непремѣнный засѣдатель университетскаго правленія профессоръ россійскаго практическаго законовѣдѣнія Сандуновъ, довѣренная особа Кутузова, опытный въ дѣлахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дерзкій на словахъ, привыкшій дѣлать все по своему произволу, напалъ на устарѣлаго уже секретаря нашего Тимонова и принудилъ его оставить службу при университетѣ. Я, какъ старшій изъ чиновниковъ правленія, вступилъ въ должность секретаря и исправлялъ ее съ 16-го августа 1815 г. по 28-е іюля 1816 г. Сандуновъ, повидимому, былъ доволенъ мною по службѣ, такъ что правленіе, по его ходатайству, увеличило мое жалованье 150-ю рублями, но скрылъ отъ меня одно важное обстоятельство, состоявшее въ томъ, что Кутузовъ уже давно назначилъ секретаремъ правленія находившагося съ нимъ въ С.-Петербургѣ сенат-

скаго чиновника Матвѣева. Много трудился я въ правленіи, стараясь угодить Сандунову; много получалъ отъ него пылкихъ замѣчаній по производству дѣлъ; но, при всемъ томъ, по возвращеніи Кутузова въ Москву и по вступленіи Матвѣева въ означенную должность, я остался ни причемъ и уже думалъ пріискивать себѣ занятіе въ другомъ вѣдомствѣ; но, къ счастью моему, послѣдовала въ скоромъ времени въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія перемѣна: это министерство въ 1816 г. было поручено оберъ-прокурору синода кн. А. Н. Голицыну, а потомъ вошло въ составъ новаго министерства—духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Само собою разумѣется, что Кутузовъ всемѣрно старался угодить новому начальнику и снискать себѣ доброе его расположеніе; но, при всемъ томъ, сношенія кн. Голицына съ Кутузовымъ были какъ-то холодны и недовѣрчивы. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1816 г., Кутузовъ послалъ кн. Голицыну пышное донесеніе о томъ, что главный корпусъ университетской типографіи оконченъ былъ постройкою вчернѣ въ самое короткое время, а потому Кутузовъ и просилъ кн. Голицына объ исходатайствованіи университетскому архитектору Соболевскому за бдительный надзоръ его за означеннымъ строеніемъ, послужившимъ украшеніемъ Москвы, ордена св. Владиміра 4-й ст. [1]). Князь Голицынъ, какъ будто ожидавшій какой-либо оплошности въ дѣйствіяхъ Кутузова по службѣ, замѣтилъ ему, что каменныя работы, въ позднюю осень, обширнаго типографскаго зданія не могутъ быть прочны (что и сбылось на самомъ дѣлѣ, ибо весною 1817 г. обрушились въ новомъ зданіи своды). Послѣ сдѣланнаго кн. Голицынымъ замѣчанія, Кутузовъ уже не могъ удержать за собою должности попечителя московскаго учебнаго округа. Въ эту должность былъ назначенъ, 1-го января 1817 г., другъ новаго министра, отставной д. ст. сов. кн. Андрей Петро-

[1]) Назначеніе такой щедрой награды объясняется слѣдующими обстоятельствами: до 1815 г. находился въ университетѣ архитекторъ Бужинскій. Кутузовъ поручилъ ему смотрѣніе за домомъ типографіи, а въ университетъ, на мѣсто Бужинскаго, опредѣлилъ молодаго архитектора Соболевскаго. Этотъ Соболевскій былъ двоюроднымъ братомъ близкой къ графу Разумовскому особы, Маріи Михайловны Перовской. Вотъ и причина особеннаго благорасположенія Кутузова къ Соболевскому. М. Т.

вичъ Оболенскій. Отецъ этого достопримѣчательнаго человѣка, кн. Петръ Александровичъ, былъ женатъ на княгинѣ Вяземской и имѣлъ 6 сыновей и 4-хъ дочерей. Владѣя небольшимъ селомъ Акулининымъ, по каширской дорогѣ, въ которомъ считалось до 60 душъ крестьянъ, кн. Петръ Александровичъ старался по возможности дать дѣтямъ своимъ приличное воспитаніе. Такимъ образомъ старшій сынъ его, кн. Андрей Петровичъ, въ царствованіе Екатерины II служилъ въ гвардіи въ оберъ-офицерскихъ чинахъ; потомъ взятъ ко двору ея вел. камеръ-юнкеромъ [1]). Императоръ Павелъ I пожаловалъ его церемоніймейстеромъ ордена св. Анны, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и съ тѣмъ-же чиномъ и званіемъ въ 1799 г. онъ уволенъ отъ службы. Что-же понудило князя чрезъ 17 лѣтъ вступить опять на служебную дѣятельность? Этотъ вопросъ я разрѣшаю описаніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ: князь Андрей Петровичъ вступалъ въ супружество два раза. Первая супруга его, урожденная Маслова, имѣла за собою болѣе 4-хъ тысячъ душъ крестьянъ, много денегъ и вещей; но чрезъ годъ послѣ замужества умерла, оставивъ на попеченіе отца дочь, княжну Екатерину, и все принадлежащее ей родовое имѣніе. Вторая супруга князя была княжна Софья Павловна Гагарина, родственница оберъ-гофмейстера Родіона Александровича Кошелева, извѣстнаго масона, находившагося въ самыхъ дружескихъ связяхъ съ министромъ нашимъ кн. Голицынымъ. По этимъ-ли отношеніямъ или по другому тонкому расчету, князь Андрей Петровичъ выдалъ въ 1816 г. дочь свою, отъ перваго брака, княжну Екатерину за роднаго племянника Кошелева, Николая Аполлоновича Волкова, служившаго тогда адъютантомъ у московскаго военнаго генералъ-губернатора Тормасова. При этомъ случаѣ новобрачная сдѣлала мачихѣ своей, княгинѣ Софьѣ Павловнѣ, богатый подарокъ; да и самъ князь Андрей Петро-

---

[1]) Однажды, за обѣдомъ въ селѣ Троицкомъ, князь разсказывалъ, что онъ, служа въ гвардіи, терпѣлъ большую нужду въ деньгахъ и нерѣдко питался однимъ только вареным картофелемъ, и, будучи при дворѣ государыни камеръ-юнкеромъ, частенько дежурилъ въ Гатчинѣ у наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича и не въ очередь, потому что другіе камеръ-юнкеры, случайные и богатые, пренебрегали дежурствомъ въ Гатчинѣ и сказывались больными. М. Т.

вичъ не остался въ накладѣ, ибо онъ, управляя имѣніемъ дочери своей во время ея малолѣтства и не давъ въ этомъ управленіи подробнаго отчета, умѣлъ благопріобрѣсть лично для себя тысячи три душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ. Эти свѣдѣнія вѣрны; вѣрно и то, что Кошелевъ и кн. Голицынъ убѣдили государя назначить кн. А. П. Оболенскаго попечителемъ московскаго учебнаго округа.

Прежній попечитель, Голенищевъ-Кутузовъ, уволивъ заблаговременно отъ должности письмоводителей своихъ, прислалъ къ кн. Оболенскому дѣла попечительской канцеляріи въ совершенномъ безпорядкѣ, и то съ 1813 года. Итакъ первою заботою князя было избрать себѣ способнаго правителя дѣлъ его канцеляріи. Въ эту должность напрашивались С. Д. Нечаевъ, впослѣдствіи сенаторъ, бывшій въ то время адъюнктомъ И. И. Давыдовъ; но князь почелъ за лучшее имѣть при себѣ чиновника не развлеченнаго никакими другими занятіями. Такимъ образомъ я, по отличному обо мнѣ отзыву ректора Гейма и профессоровъ: Прокоповича, Антонскаго и Сандунова, поступилъ къ его сіятельству старшимъ письмоводителемъ и исправлялъ эту хлопотливую должность во все время начальства князя надъ московскимъ учебнымъ округомъ, т. е. съ января 1817 г. по 12-е августа 1825 г.

Князь Андрей Петровичъ отличался. превосходнымъ природнымъ умомъ; умѣлъ владѣть собою; обходился со всѣми ласково и привѣтливо; былъ любимъ и уважаемъ въ обществѣ, и, располагая довольно значительнымъ богатствомъ, соблюдалъ въ хозяйствѣ своемъ довольно значительный порядокъ и бережливость.

V.

Отношеніе кн. Оболенскаго къ профессорамъ. — Катастрофа въ университетской типографіи. — Дѣло Невзорова; назначеніе ему пенсіи. — Награды по университету. — Вопросъ объ увеличеніи стипендіатовъ медиковъ. — Проекты профессоровъ Мухина и Мудрова. — Назначеніе Мудрова директоромъ медицинскаго института. — Назначеніе ему помощниковъ. — Возобновленіе университетскихъ зданій. — Вопросъ объ университетской церкви. — Покупка у Лодера анатомическихъ препаратовъ. — Образованіе въ университетѣ двухъ партій.

Желая поближе познакомиться со всѣми гг. профессорами московскаго университета, князь приглашалъ ихъ къ себѣ по очереди на обѣдъ по два человѣка. Инспекторъ университетскаго благороднаго собранія, Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, болѣе всѣхъ понравился князю и въ скоромъ времени снискалъ себѣ полную довѣренность и расположеніе его сіятельства. Я предполагалъ, что князь дастъ мнѣ квартиру въ своемъ домѣ, но такое предположеніе мое не исполнилось: я остался попрежнему въ однокомнатной квартирѣ въ университетскомъ домѣ, и скоро убѣдился, что при исполненіи возложенной на меня должности предстоятъ мнѣ большіе труды и терпѣніе. Князь, по какому-то непонятному для меня распоряженію, приказалъ мнѣ являться къ должности по два раза въ день: поутру въ 8 и послѣ обѣда въ 5 часовъ, не исключая воскресныхъ и табельныхъ дней. Такое распоряженіе князя было для меня и тягостно и убыточно, ибо, дѣлая четыре конца въ день съ Моховой на Рождественку, мѣстопребываніе князя, и притомъ во всякую погоду, я поневолѣ долженъ былъ имѣть лишнее платье, обувь и тратить иногда деньги на наемъ извозчиковъ. Жалованья назначено мнѣ было на первый годъ 1,000 руб., а послѣ увеличено постепенно до 1,500, изъ тѣхъ 4,000 рублей, которые отпускались изъ казначейства на содержаніе канцеляріи попечителя московскаго учебнаго округа.

Два обстоятельства, представившіяся князю при самомъ вступленіи его въ должность попечителя, могутъ послужить доказательствомъ того, что его сіятельство обладалъ возвышеннымъ, благороднымъ характеромъ и охотно дѣлалъ добро при каждомъ удобномъ случаѣ.

Въ 1817 году, весною, во вновь выстроенномъ обширномъ каменномъ корпусѣ университетской типографіи обрушились своды. Строеніе производилось при прежнемъ попечителѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ, подъ надзоромъ архитектора Соболевскаго и начальника типографіи Курбатова. И тотъ и другой подвергались строгой отвѣтственности за причиненный ими ущербъ казенному интересу. Что-же сдѣлалъ князь послѣ осмотра означенныхъ сводовъ? Онъ далъ предложеніе правленію университета, что для лучшей удобности размѣщенія во вновь отстроенномъ типографскомъ корпусѣ признано его сіятельствомъ за полезное произвесть въ немъ нѣкоторыя передѣлки и поправки, съ употребленіемъ на нихъ исчисленной по смѣтѣ суммы изъ типографскихъ доходовъ. Такимъ образомъ упавшіе своды перестроены были вновь и—всѣ концы въ воду.

Бывшій начальникъ университетской типографіи, кол. сов. Невзоровъ, отъ 21-го августа 1816 г. просилъ управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія кн. Александра Николаевича Голицына о возвращеніи ему, Невзорову, прежней должности начальника типографіи [1]). Князь Голицынъ удержалъ

---

[1]) Причины, по которымъ Невзоровъ уволенъ былъ отъ должности, изъяснены въ отношеніи бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго, отъ 11-го февраля 1815 г., къ попечителю слѣдующимъ образомъ: „По неоднократнымъ представленіямъ вашего превосходительства, видя безпокойный нравъ начальника типографіи кол. сов. Невзорова, неповиновеніе его начальству, странныя мысли и выраженія въ доставленныхъ имъ непосредственно къ нему, министру, рапортахъ и основываясь на заключеніяхъ вашихъ и университетскаго правленія насчетъ сего чиновника, также убѣждаясь тѣмъ, что члены правленія, оскорбительными насчетъ ихъ отзывами принужденными нашлись просить или удаленія его отъ университета или увольненія ихъ самихъ отъ своихъ должностей, я согласенъ на увольненіе Невзорова. Посему прошу стараться о пріисканіи другаго способнаго чиновника на мѣсто начальника университетской типографіи; а между тѣмъ препоручить оное временно кому-либо изъ профессоровъ или другихъ чиновниковъ университета. Что-же касается до испрашиваемой вами Невзорову пенсіи въ вознагражденіе долговременной его службы, то не могу приступить къ ходатайству о семъ, не имѣя въ виду постановленія, на основаніи коего можно-бы производить ему пенсію, притомъ всей его службы при университетѣ только 14 лѣтъ".

Я сохранилъ въ бумагахъ своихъ выписку изъ одного донесенія Невзорова къ попечителю Кутузову, замѣчательнаго по многимъ отношеніямъ, писаннаго послѣ 1812 г.:

„Вашему превосходительству осмѣливаюсь по самой чистой христіанской

у себя просьбу Невзорова, вѣроятно, потому, что главный обвинитель его, попечитель университета Голенищевъ-Кутузовъ, не былъ еще уволенъ отъ этой должности. 5-го апрѣля 1817 года Невзоровъ повторилъ свою просьбу. Голицынъ, бывши уже министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, отъ 24-го апрѣля того-же 1817 года потребовалъ отъ кн. Оболенскаго мнѣнія: „какое пособіе можно-бы сдѣлать Невзорову?“ Кн. Оболенскій, отъ 10-го мая того-же 1817 г., отвѣчалъ министру, что входя въ совершенно бѣдственное положеніе Невзорова и отдавая справедливость его правиламъ, отъ которыхъ иногда природная запальчивость его отступать заставляла, просилъ министра исходатайствовать ему въ пенсіонъ хотя половинную часть изъ тысячерублеваго оклада, положеннаго по штату начальнику типографіи. Мнѣніе это было утверждено 11-го іюля того-же 1817 года главнымъ правленіемъ училищъ, а 17-го октября послѣдовалъ высочайшій указъ о производствѣ Невзорову

совѣсти объявить, что нынѣ Ветхій деньми возсѣлъ на пламенный свой престолъ, одежда его бѣла какъ снѣгъ, власы главы его чисты какъ волна и очеса его огнь палящъ, предъ нимъ течетъ огненная рѣка; тысяща тысячь служатъ ему и тьмы темъ предстоятъ ему; судище открыто. и книги дѣяній всѣхъ отверсты, и Вышній дастъ судъ святымъ своимъ, которые пріемлютъ царство; время приспѣло и путь нечестивыхъ погибаетъ. Сынъ человѣческій, сидя на облацѣхъ небесныхъ, дошелъ до Ветхаго деньми, которой дастъ ему власть, честь и царство; вси людіе, племена и языки поработаютъ ему: власть его—власть вѣчная, которая не прейдетъ, и царство его не разсыплется. Воскресаетъ въ небѣ Богъ, враги его расточаются и нечестивыхъ въ царствѣ видимомъ и невидимомъ объемлетъ страхъ и ужасъ. Понмъ Господевн, славно бо прославися. Предъ вами предстоитъ огнь и вода. Я стою теперь на Іосафатовой долинѣ, куда созываются и созваны уже всѣ съ Гороховаго поля и съ Покровки, съ Моховой и изъ Заиконоспасскаго монастыря, изъ Чудова и съ Лубянки. Я смѣлъ предлагать истины Великой Екатеринѣ чрезъ гр. Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина и Степана Ивановича Шишковскаго; меня не изжарилъ Наполеонъ, а теперь пройду сквозь огнь и воду! Съ нами Богъ!“

Должность Невзорова была поручена на время проф. Каченовскому. Кутузовъ назначилъ было на мѣсто Невзорова отставнаго кол. секретаря Венкстерна, собрата своего по масонству; но министръ гр. Разумовскій утвердилъ начальникомъ типографіи надв. сов. Петра А. Курбатова, женатаго на побочной дочери графа. Для Венкстерна-же придумали новую должность въ типографіи—смотрителя за матеріалами. Эта должность была совершенно лишняя и Венкстернъ не имѣлъ нужды ею заниматься, а между тѣмъ бралъ жалованье очень исправно. М. Т.

въ пенсіонъ по 500 руб. въ годъ изъ университетской типографской суммы.

Въ другомъ именномъ указѣ, данномъ правительствующему сенату въ Москвѣ въ 1-й день декабря того-же 1817 года, изображено: „Въ вознагражденіе усердной службы по министерству народнаго просвѣщенія, начальствомъ засвидѣтельствованной, кол. сов. Невзорова, всемилостивѣйше повелѣваемъ: производить ему въ пожизненный пенсіонъ по 1,000 руб. въ годъ изъ государственнаго казначейства".

Замѣчательно, что бывшій министръ народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскій, увольняя Невзорова отъ должности, отказалъ ему въ пенсіи, а другой министръ, кн. Голицынъ, подъ начальствомъ котораго Невзоровъ и не служилъ, выпросилъ ему въ пенсіонъ все содержаніе по прежней его должности, т. е. жалованье по 1,000 руб. и квартирныхъ по 500 р. Чѣмъ-же объяснить такую милость? Развѣ тѣмъ, что Невзоровъ принадлежалъ къ обществу масоновъ!

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля я отправился съ княземъ въ подмосковное село его Троицкое по серпуховской дорогѣ. Мы имѣли съ университетомъ безпрестанныя сношенія, и, сверхъ того, каждую недѣлю ѣздили въ Москву для осмотра построекъ главнаго университетскаго корпуса. Я употреблялъ все стараніе и дѣятельность, чтобы заслужить милостивое къ себѣ благорасположеніе начальника своего, и былъ столь счастливъ, что князь, будучи доволенъ отличнымъ усердіемъ моимъ къ службѣ и поведеніемъ, а равно и разборомъ дѣлъ попечительской канцеляріи за прежніе четыре года, присланныхъ отъ Кутузова въ безпорядкѣ, самъ вызвался представить меня къ ордену при первомъ удобномъ случаѣ. Осенью 1817 г. государь императоръ прибылъ въ Москву, а также и министръ нашъ кн. Голицынъ. Попечитель, желая обратить вниманіе министра на профессоровъ московскаго университета, не получавшихъ долгое время никакихъ наградъ, испросилъ дозволенія представить нѣкоторыхъ изъ нихъ къ знакамъ отличія и къ чинамъ. Однажды по утру князь призвалъ меня въ свой кабинетъ, приказалъ сѣсть за столъ противъ себя и писать что онъ будетъ диктовать. Это былъ списокъ тѣмъ чиновникамъ, которыхъ князь находилъ достойными высокомонаршей милости. Я уже заранѣе восхищался мыслью, что

услышу и свое имя, но, къ удивленію моему, удостовѣрился, что князь, несмотря на свое обѣщаніе, не назначилъ мнѣ никакой награды. Смущеніе мое столь было явно, что его сіятельство спросилъ меня: „растолкуй-же ты мнѣ, что все это значитъ?“

Не умѣя владѣть собою, я отвѣчалъ князю довольно вспыльчиво, что смущеніе мое произошло отъ того, что я лишился обѣщанной мнѣ его сіятельствомъ награды. Съ того времени князь началъ обходиться со мною очень холодно, такъ что я едва не лишился своего мѣста. Скажу откровенно, что означенный списокъ былъ составленъ съ большимъ искусствомъ и знаніемъ не только профессоровъ, но и чиновниковъ московскаго учебнаго округа. Это дѣло не князя, а Антонскаго. Выпрашивая себѣ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, чинъ, которымъ прежде никто изъ профессоровъ жалованъ не былъ, Антонскій убѣдилъ князя удостоить такой-же награды и проф. Сандунова потому, чтобы онъ впослѣдствіи времени не кричалъ во все горло на мнимую свою обиду, ибо онъ находился при университетѣ не болѣе шести лѣтъ; назначая помощнику своему по должности инспектора благороднаго пансіона, адъюнкту Давыдову, орденъ св. Анны 3-й степени, Антонскій присоединилъ къ Давыдову и любимца ректора Гейма—Каменецкаго [1]). Много было включено и другихъ и все по разнымъ отношеніямъ или самого князя или Антонскаго, но ничто такъ не удивило меня какъ то, что въ числѣ представленныхъ къ ордену св. Владиміра 4-й степени находился издатель „Московскихъ Вѣдомостей“ кн. Владиміръ Долгорукій, шуринъ прежняго попечителя Кутузова, поступившій въ университетскую типографію въ 1810 г. и ничѣмъ не занимавшійся. Вѣроятно, что Антонскій угождалъ этою продѣлкою Кутузову, а также и то, что князь, по внушенію Антонскаго, не назначилъ мнѣ никакой награды.

Недостатокъ въ арміи врачей заставилъ правительство вновь обратить вниманіе свое на этотъ важный предметъ. Министръ

---

[1]) Князь, уважая заслуги ректора Гейма, приказалъ мнѣ спросить его: „какую награду желаетъ онъ получить—чинъ-ли дѣйствительнаго статскаго совѣтника или орденъ св. Владиміра 3-й степени?“ Геймъ пожелалъ имѣть орденъ, говоря, что титулъ превосходительства тяжелъ для профессора.

М. Т.

потребовалъ отъ попечителя свѣдѣнія: „нѣтъ-ли возможности увеличить въ московскомъ университетѣ число казенныхъ студентовъ по медицинской части?“ Это обстоятельство приблизило къ князю двухъ старшихъ профессоровъ медицинскаго факультета: Мухина и Мудрова. Первый изъ нихъ хотя и честолюбивый [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ усердный, дѣятельный до излишества, любившій все русское и желавшій имѣть во всей Россіи русскихъ врачей; другой, хитрый масонъ, льстивый, лицемѣрный, искательный, готовый пожертвовать всѣмъ для своего честолюбія. Отъ этихъ-то ученыхъ мужей попечитель потребовалъ мнѣнія ихъ насчетъ увеличенія въ московскомъ университетѣ числа казенно-коштныхъ студентовъ. Мухинъ предлагалъ устроить въ покровскихъ казармахъ обширное медицинское училище, какъ-бы отдѣльное отъ университета. Легко было понять, что Мухинъ назначалъ себя въ начальники этого училища. По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, до предмета сего касающихся, оказалось, что предположеніе Мухина, какъ требующее большихъ издержекъ и взятія у города военныхъ казармъ, не могло приведено быть въ исполненіе и оставлено безъ вниманія.

Что-же касается до Мудрова, то онъ признавалъ за лучшее устроить при самомъ университетѣ особый медицинскій институтъ, имѣя воспитанниковъ подъ надзоромъ директора изъ профессоровъ. Предположеніе Мудрова было одобрено попечителемъ, министромъ и, наконецъ, самимъ государемъ. Само собою разумѣется, что Мудровъ получилъ должность директора этого

---

[1]) Однажды князь приказалъ мнѣ запечатать письмо его къ Мухину. Исполняя волю начальника, я сдѣлалъ на конвертѣ слѣдующую надпись: «Его высокоблагородію милостивому государю Ефрему Осиповичу Мухину». То-же самое повторилъ я и въ другой разъ. Спустя нѣкоторое время князь говоритъ мнѣ, что я обидѣлъ Мухина и долженъ просить у него прощенія; „вы, продолжалъ князь, надписали къ нему на конвертѣ „его высокоблагородію“, а слѣдовало-бы надписать его высокородію, что онъ почелъ за насмѣшку и даже не хотѣлъ принимать другаго письма“.

Я остолбенѣлъ отъ удивленія и не зналъ что̀ отвѣчать мнѣ князю на такую вину. Ошибка моя произошла отъ того, что Мухинъ, по представленію московской медико-хирургической академіи, получилъ незадолго предъ сношеніемъ съ нимъ князя чинъ статскаго совѣтника, о чемъ не было еще объявлено въ газетахъ и не дано знать университету. Каково честолюбіе ученаго мужа!

заведенія. При этомъ случаѣ я нелишнимъ почитаю изъяснить, что ни совѣтъ университета, ни врачебное отдѣленіе не участвовали въ разсмотрѣніи предположеній Мудрова объ учрежденіи при университетѣ означеннаго института. Равнымъ образомъ не участвовали они и въ назначеніи Мудрову трехъ помощниковъ по должности директора этого института: первымъ помощникомъ своимъ Мудровъ избралъ приближеннаго къ нему докторанта Страхова [1]), вторымъ—докторанта Терновскаго, а въ третьи, сверхъ желанія Мудрова, поступилъ лекарь Тихоновичъ, о чемъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Въ 1819 г. окончательно возобновленъ главный университетскій корпусъ по Моховой улицѣ, на всемилостивѣйше пожалованную государемъ императоромъ 26-го января 1817 г. сумму, простиравшуюся до пяти сотъ тысячъ рублей, и 4-го іюля того-же 1819 г. университетъ, къ общему удовольствію, имѣлъ годовое торжественное собраніе свое въ этомъ возобновленномъ уже корпусѣ. При этомъ случаѣ ректоръ и гг. профессора принесли сердечную дань благодарности попечителю московскаго учебнаго округа князю А. П. Оболенскому, за особенные труды его и полезныя наставленія при производствѣ разныхъ работъ въ означенномъ корпусѣ. Жалѣли только о томъ, что кн. Оболенскій, внявъ совѣту любимца своего, заслуженнаго профессора Прокоповича-Антонскаго, не заблагоразсудилъ возобновить бывшей въ томъ корпусѣ церкви во имя великомученицы Татіаны, празднуемой 12-го января, а призналъ за лучшее ходатайствовать у духовнаго начальства о присоединеніи къ университету смежной съ нимъ приходской церкви великомученика Георгія, имѣвшей два предѣла—верхній во имя архангела Михаила, выгорѣвшій въ 1812 году, и нижній во имя великомученика Георгія, находившійся въ самомъ бѣдномъ положеніи. Такое предположеніе основано было на томъ, что какъ церковь великомученика Георгія, такъ и дома церковниковъ входили нѣсколько въ задній дворъ университета, отъ чего происходили съ обѣихъ сторонъ разныя неудовольствія, да и самый дворъ университета представлялъ безобразный видъ; по этому

[1]) У профессора Харитона Андр. Чеботарева была законная дочь Софья Харитоновна, да воспитанница Варвара Харитоновна. На первой былъ женатъ Мудровъ, а на второй Страховъ. М. Т.

обстоятельству составлено было отношеніе князя къ архіепископу московскому Августину и испрашиваемо согласіе его на присоединеніе къ университету навсегда церкви великомученика Георгія съ землею. Мнѣ поручено было вручить лично его высокопреосвященству означенное отношеніе князя, что, разумѣется, я и исполнилъ. Высокопреосвященный владыка, прочтя это отношеніе, изволилъ сказать: „князь пишетъ хорошо".

Потомъ продолжалъ: „возьмите любую изъ двухъ церквей или Георгіевскую или Ильинскую, находящуюся въ переулкѣ къ Тверской улицѣ, тоже смежную съ заднимъ дворомъ университета", о чемъ и обѣщалъ дать консисторіи надлежащее предписаніе.

Хотя кн. Оболенскій и остался очень доволенъ рѣшеніемъ Августина, но, къ удивленію своему, встрѣтилъ въ скоромъ времени препятствіе на присоединеніе къ университету Георгіевской церкви со стороны приходскаго священника Захарія Яковлевича и прихожанъ. Первый отклонилъ отъ себя перемѣщеніе въ другой выгоднѣйшій приходъ, а пожелалъ умереть при церкви Георгія; а вторые обязались возобновить и расширить эту церковь въ другомъ лучшемъ видѣ. Этотъ новый неожиданный оборотъ дѣла утвержденъ былъ консисторіею и самимъ владыкою съ тѣмъ, однако-же, чтобы верхній престолъ церкви Георгія, выгорѣвшій въ 1812 году, отданъ былъ въ вѣдомство и содержаніе университета, а нижній оставался-бы для прихожанъ.

Такимъ образомъ, университетъ принужденъ былъ въ 1820 г. возобновить и благолѣпно украсить верхній престолъ церкви Георгія, посвятивъ его имени великомученицы Татіаны, въ воспоминаніе дня основанія университета.

Въ 1834 г. присоединены къ университету, купленные на счетъ казны у г. Пашкова, два обширныхъ дома, изъ коихъ въ одномъ, по Никитской улицѣ, университетъ устроилъ свою уже церковь во имя той-же св. великомученицы Татіаны. Причисленная-же къ университету приходская Георгіевская церковь, на основаніи высочайшаго повелѣнія, возвращена въ духовное вѣдомство.

Итакъ, все пришло въ тотъ-же порядокъ, въ какомъ находилось и въ 1812 году.

Въ то самое время, какъ производилась отстройка главнаго

университетскаго корпуса подъ непосредственнымъ распоряженіемъ самого попечителя, кн. Оболенскаго, и избраннаго имъ архитектора Жилярди, началъ увиваться около князя старичекъ небольшаго роста, худощавый, льстивый, бойкій на словахъ, бывшій старшиною въ какой-то масонской ложѣ. Этотъ старичекъ былъ лейбъ-медикъ Лодеръ. Онъ просилъ князя о покупкѣ у него для университета собранія анатомическихъ препаратовъ за сто тысячъ рублей. Князь, соображая, что университетъ лишился въ 1812 году почти всѣхъ ученыхъ сокровищъ своихъ, убѣдилъ министра кн. Голицына пріобрѣсть у Лодера продаваемое имъ собраніе анатомическихъ препаратовъ за 125,000 рублей на счетъ суммъ, принадлежавшихъ департаменту министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, Лодеръ, положа въ свой карманъ весьма значительный капиталъ и какъ будто проникнутый патріотизмомъ, вызвался преподавать медицинскимъ студентамъ анатомію шесть разъ въ недѣлю, по два часа, безъ жалованья, что и было принято попечителемъ и министромъ съ признательностью. Для лучшаго-же въ этомъ дѣлѣ успѣха, Лодеръ принялъ участіе въ отстройкѣ анатомическаго театра и убѣдилъ князя вызвать въ университетъ изъ Іены извѣстнаго ему, Лодеру, прозектора Гумбурга съ профессорскимъ жалованьемъ по 2,000 руб. въ годъ и казенною квартирою. (Русскій прозекторъ не годился Лодеру). При этомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что Лодеръ, какъ лейбъ-медикъ, уклонился отъ сношеній своихъ съ университетомъ и велъ переписку съ однимъ только попечителемъ, слѣдовательно ни совѣтъ университета, ни правленіе не имѣли права разсуждать о всѣхъ затѣяхъ Лодера, клонившихся къ личной его пользѣ.

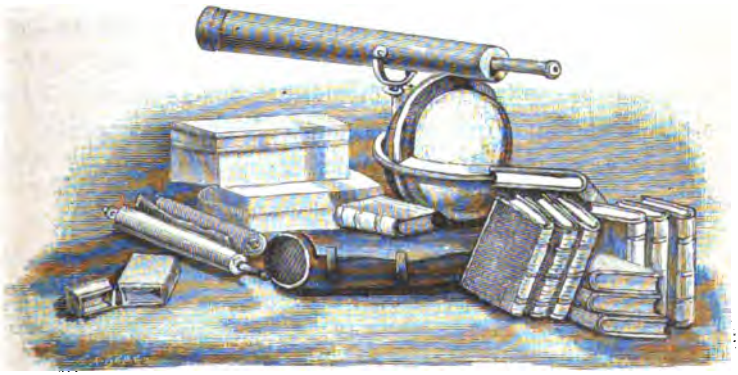
Доселѣ чтеніе анатомическихъ лекцій въ университетѣ возложено было на профессора Мухина, теперь это чтеніе перешло къ Лодеру. Мухинъ не могъ уже равнодушно смотрѣть на своего соперника—и они стали въ непріязненныя другъ къ другу отношенія. Зато директоръ медицинскаго при университетѣ института, проф. Мудровъ, взялъ явно сторону Лодера, посѣщалъ его лекціи и отзывался о нихъ вездѣ съ величайшею похвалою. Это происшествіе основало въ медицинскомъ факультетѣ московскаго университета двѣ партіи: лодеро-мудровскую и мухинскую, что имѣло для студентовъ дурныя послѣдствія.

Лодеръ—какъ хитрый политикъ, втершись въ университетъ, оставилъ въ своемъ завѣдываніи и проданный имъ анатомическій кабинетъ; слѣдовательно, никто изъ профессоровъ не принималъ отъ него всего кабинета по описи. Говорили съ достовѣрностью, что нѣкоторые дорогіе препараты были утрачены. Чтобы замѣнить ихъ новыми, Лодеръ и вызвалъ къ себѣ нѣмецкаго прозектора Гумбурга. Что-же касается до безмезднаго чтенія Лодеромъ анатомическихъ лекцій, то и оно вскорѣ, по ходатайству попечителя, было вознаграждено самымъ блистательнымъ образомъ: Лодеръ получилъ аренду въ 1,000 руб. сер. При этомъ случаѣ невольно вспомнишь стихи Пушкина:

„Не вѣрю я чести игрока;
Не вѣрю я французской дружбѣ,
Любви къ Россіи поляка
И нѣмца безкорыстной службѣ!“

М. П. Третьяковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Къ характеристикѣ вел. князя Константина Николаевича

† 13-го января 1892 г.

Къ числу множества фактовъ, характеризующихъ свѣтлую личность въ Бозѣ почившаго 13-го января 1892 г. сотрудника Царя-Освободителя—великаго князя Константина Николаевича, можетъ быть отнесенъ нижеслѣдующій, рѣзко противорѣчащій общему настроенію того времени, къ которому онъ относится.

Въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника Норова, по цензурѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія, отъ 23-го апрѣля 1854 г., сказано:

„Въ одной рукописи, предназначавшейся къ напечатанію, оказались, между прочимъ, разсужденія о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ русскаго флота въ нынѣ начавшейся войнѣ съ Англіею и Франціею. Разсужденія эти имѣли патріотическій характеръ, но состояли, большею частью, изъ предсказаній нашему флоту и его августѣйшему начальнику блистательныхъ успѣховъ въ этой войнѣ. Вслѣдствіе изъявленнаго е. и. выс. государемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ желанія, покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить по цензурѣ ввѣреннаго вамъ, милостивый государь, округа, чтобъ впредь были отклоняемы отъ печатанія похвалъ будущимъ, т. е. не состоявшимся еще, дѣйствіямъ нашего флота, и положительно не допускаемы похвалы и одобренія дѣйствіямъ и намѣреніямъ его императорскаго высочества". (Акты, собранные кавказскою археографическою комиссіею, Тифлисъ, 1888 г., томъ XI, 755).

Сообщ. С. И. К.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I И КОРОЛЬ ПРУССКІЙ ВЪ АНГЛІИ

въ 1814 году.

Выдержки Юрія Васильевича Толстаго изъ англійскихъ газетъ.

„Times“. Среда, 8-го іюня 1814 г.

Прибытіе ихъ величествъ императора россійскаго и короля прусскаго. Эти два великіе государя, которымъ Европа столь глубоко обязана за ихъ достославное участіе въ сверженіи великаго колебателя образованнаго свѣта и за возобновленіе благословеннаго мира, вступили на британскій берегъ въ Дуврѣ въ понедѣльникъ, въ половинѣ седьмаго часа пополудни. Это второй разъ, что русскій императоръ и первый, что король прусскій посѣщаютъ нашу страну.

Ихъ величества сѣли на кораблѣ „Impregnable“ („Неприступный“) въ Булонѣ, около часа пополудни, при усиленныхъ залпахъ артиллеріи. Какъ только они были въ виду флота, корабль его величества „Монархъ“ (Monarch of Deal) выкинулъ королевскій флагъ и разные другіе флаги и далъ королевскій салютъ. Флотъ состоялъ изъ „Impregnable“ („Неприступный“), на которомъ сидѣлъ его королевское высочество герцогъ Кларенскій, фрегата „Язонъ“, „Royal Sovereign“, „Royal Charlotte“ и нѣсколькихъ другихъ кораблей. Вѣтеръ дулъ довольно сильный, но входъ кораблей въ рейдъ задержался на нѣкоторое время до начатія прилива. „Impregnable“ бросилъ якорь гдѣ-то около полуторы мили отъ берега, почти напротивъ входа въ гавань, около $^3/_4$ пятаго. Вѣтеръ дулъ съ вос-

тока и море поднялось на значительную высоту. Герцогъ Кларенскій послалъ на берегъ свой катеръ, чтобы найти лучшее мѣсто для высадки, и платформа, по данному приказанію, была въ скорости выстроена для бо́льшаго удобства именитыхъ посѣтителей. Однако-же, случилась неудача: во время этихъ приготовленій отливъ до того удалился, что безопасная высадка на назначенномъ мѣстѣ была-бы чрезвычайно затруднительна; поэтому избрали болѣе удобное мѣсто и высадка совершилась легко въ половинѣ седьмаго. Пушки „Impregnable“ и другихъ военныхъ кораблей выпалили салютъ въ самую минуту, когда государи сошли съ корабля, и повторили то-же, когда они вступили на берегъ, причемъ имъ отвѣчалъ полный залпъ артиллеріи съ береговыхъ батарей и радостныя восклицанія тысячъ британскаго народа, раздиравшія воздухъ. Видъ былъ великолѣпенъ: матросы, всѣ одѣтые въ новыя голубыя куртки и бѣлые штаны, стоя на реяхъ, присоединяли свои громкія, искреннія привѣтствія къ рукоплесканію толпы.

Главныя лица изъ высадившихся на берегъ съ императоромъ Александромъ и королемъ прусскимъ были: наслѣдный принцъ прусскій принцъ Вильгельмъ, второй сынъ короля, принцъ Фридрихъ, племянникъ короля, принцъ Августъ, двоюродный братъ его величества, марш. Блюхеръ, бар. Гумбольдтъ, королевскій камергеръ гр. Гарденбергъ, гр. Нессельроде, бар. Анштетъ, князь Адамъ Чарторижскій, ген. Чернышевъ, д-ръ Виллье, медикъ императора россійскаго, сэръ Чарльсъ Стюартъ, полковн. Кукъ, кап. Вудъ и проч.

Менѣе чѣмъ полчаса спустя, знаменитые государи вмѣстѣ отправились къ принцу регенту въ его покои въ Christ Church; канцлеръ и деканъ приняли ихъ у воротъ, съ обнаженною головою. Принцъ, одѣтый въ академическую форму, въ черной бархатной шапкѣ, съ золотою кистью, вышелъ въ сопровожденіи императора и его сестры, герцога Іоркскаго и короля прусскаго, молодыхъ прусскихъ принцевъ, принца Оранскаго и множества иностранныхъ благородныхъ особъ; ихъ сопровождали герцогъ Девонширскій, графъ Фортескью, графъ Эссексъ, и нѣсколько другихъ знаменитыхъ лицъ. Прежде всего пошли въ залу Christ Church, которая, повидимому, чрезвычайно имъ понравилась; осматривали соборъ и библіотеку; оттуда прошли въ Мертонъ (Merton), гдѣ директоръ д-ръ Воганъ (Vaughan) провелъ ихъ по коллегіуму и по садамъ и вывелъ чрезъ садовыя ворота въ Brood Walk Christ Church'a. Вниманіе ихъ было занято попеременно коллегіумами Magdalen (Магдалина), Queen (королевы), All Souls; но долѣе всего высокіе посѣтители оставались и болѣе

всего показали удовольствія при осмотрѣ церкви въ New College (новый коллегіумъ). Они почтили посѣщеніемъ и Clarendon Press и оттуда прошли въ Bodleian Library (библіотека Бодлея), которая весьма имъ понравилась.

Потомъ предметомъ любопытства публики былъ банкетъ въ Radcliffe Library. Свиты государей собрались въ библіотекѣ коллегіума All Souls. Въ половинѣ восьмаго они пошли въ библіотеку по ковру, постланному черезъ улицу, и сѣли за обѣдъ. Верхняя галлерея была открыта для народа; видъ поистинѣ былъ любопытенъ. Посреди зданія, прямо надъ куполомъ, былъ поставленъ столъ, покрытый серебряною посудою. Кругомъ былъ поставленъ почти круглый столъ, столь обширный, что онъ занималъ весь кругъ внутри зданія; идя вѣтвями отъ него, въ видѣ радіусовъ, протянутыхъ отъ центра, были поставлены пять столовъ въ промежуткахъ восьми арокъ, которыми раздѣленъ наружный фасадъ библіотеки. По серединѣ круглаго стола сидѣлъ канцлеръ со своими высокими посѣтителями. Гостей было до двухсотъ человѣкъ, изъ коихъ пятьдесятъ составляли свиту принца и занимали часть стола ближайшую отъ его королевскаго высочества. Столы были заставлены красивыми сосудами; одежды посѣтителей были великолѣпны; многіе были въ военныхъ мундирахъ или въ придворныхъ платьяхъ, на которыя наброшены были алыя академическія мантіи (robes). Все представляло зрѣлище ни съ чѣмъ несравнимое, благодаря красотѣ зданія, удобному размѣщенію зрителей, знатности гостей и единственному и классическому эффекту, придаваемому всей сценѣ ихъ парадными одеждами. Принцъ былъ весьма веселъ и всякій разъ, по провозглашеніи какого-нибудь любимаго тоста, когда зрители громко изъявляли одобреніе, его королевское высочество милостиво по нѣсколько разъ, съ веселымъ и восторженнымъ видомъ, дѣлалъ одобрительный знакъ рукою. Гости разошлись около одиннадцати, чтобы смотрѣть на иллюминаціи, которыя были зажжены по всѣмъ улицамъ Оксфорда. Между двѣнадцатью и часомъ, ужасная гроза съ громомъ и молніею внезапно разразилась надъ городомъ и проливной дождь вскорѣ погасилъ всѣ огни.

„The Gentleman's Magazine", іюнь 1814. стр. 612—619.

Diary of the proceedings of the Allied Sovereigns. (Дневникъ препровожденія времени союзныхъ монарховъ).

Іюня 6-го. Понедѣльникъ. Два государя, императоръ россійскій и король прусскій, коимъ Европа столь много обязана за участіе

ихъ въ свергнутіи всеобщаго поработителя образованнаго міра и за возстановленіе благословеннаго мира, сошли на британскіе берега въ Дуврѣ, съ кораблей „Impregnable“ и „Язонъ“, сегодня, въ половинѣ седьмаго часа пополудни. Это второй разъ, что русскій императоръ и первый, что прусскій король посѣщаютъ нашу страну. Ихъ величества были въ сопровожденіи двухъ старшихъ сыновей короля прусскаго, принца Вильгельма (его брата), принца Фридриха (его племянника), пр. Августа (его двоюроднаго брата), фельдмарш. Блюхера, бар. Гумбольдта, графовъ Гарденберга и Нессельроде, бар. Анштета, князя Чарторыйскаго (Galdriske), ген. Чернышева, д-ра Виллье (мед. императора), сэра Ч. Стюарта, полк. Кука (Cooke), кап. Вуда (Woode) и т. д. Ихъ величества были приняты на берегу лордами Ярмутъ, С. Бентинкъ и граф. Рослинъ. Герцогъ Кларенскій, который привезъ ихъ изъ Булоня, распорядился великолѣпнымъ угощеніемъ, которымъ воспользовалась бо̀льшая часть августѣйшихъ и знаменитыхъ особъ. Графы Платовъ, Барклай-де-Толли, Толстой и кн. Меттернихъ (австрійск. министръ) высадились прежде. Императоръ Александръ, принявъ адресъ жителей Дувра, отвѣчалъ депутаціи по-англійски слѣдующими словами: „although, gentlemen, I understand your language. I dont feel myself sufficiently acquainted with it to reply you in englisch, and I must therefore request those gentlemen of the Deputation who speak french to be my interpretors to those who do not (хотя, джентельмены, я и понимаю вашъ языкъ, но недостаточно знакомъ съ нимъ, чтобы отвѣчать вамъ по-англійски, и поэтому я прошу тѣхъ господъ депутатовъ, которые говорятъ по-французски, передать мои слова всѣмъ остальнымъ). Остальная часть отвѣта его величества была сказана по-французски, въ такомъ смыслѣ:

— „Я много доволенъ видѣть по чувствамъ, вами выраженнымъ, что заслуги, оказанныя моими войсками въ великомъ дѣлѣ (grande cause), въ которомъ мы участвовали, столь высоко оцѣнены британскою націею. Могу васъ увѣрить, что отнюдь не малое удовольствіе, полученное мною отъ послѣдней войны, состоитъ въ возможности, которую она мнѣ доставила посѣтить Англію, страну, которую я издавна высоко почитаю. Господа, прошу васъ принять мою благодарность за этотъ знакъ вашего вниманія и мои лучшія пожеланія о благѣ вашего города, и будьте увѣрены, что я всегда буду стараться сохранить искреннюю дружбу между Англіею и Россіею“.

7-го іюня. Съ ранняго утра дорога отъ Лондона до Дувра представляла ни съ чѣмъ въ своемъ родѣ несравненное зрѣлище. Все окрестное народонаселеніе, казалось, высыпало для привѣтствованія

нашихъ союзниковъ, благодѣтельныхъ монарховъ, принцевъ патріотовъ и генераловъ, отличившихся мужествомъ и успѣхомъ. Въ три часа толпа сдѣлалась нетерпѣливою, когда въ Shooters' Hill пришло извѣстіе, что въ Welling'ѣ докторъ Чарльзъ Стюартъ сказалъ, что ихъ величества, два часа тому назадъ, въѣхали въ городъ совершенно частнымъ образомъ. Дѣйствительно, императоръ въѣхалъ въ Лондонъ около половины втораго, въ запряженной четвернею каретѣ гр. Ливена, русскаго посланника, не имѣя ни одного провожатаго; впереди его, въ почтовой каретѣ, ѣхали лорды Ярмутъ и Бентинкъ. Когда узнали, что императоръ прибылъ въ Putteney hotel (отель Путтне) въ Пикадилли, народъ выразилъ свою радость криками „ура" и „да здравствуетъ императоръ". Его императорское величество вскорѣ вышелъ на балконъ и самымъ благосклоннымъ образомъ кланялся (что онъ, по временамъ, повторялъ до одиннадцати часовъ ночи), причемъ народъ отвѣчалъ радостными восклицаніями. Въ половинѣ пятаго императоръ, въ сопровожденіи гр. Ливена, отправился посѣтить принца регента въ Cartton house. Онъ былъ принятъ частнымъ образомъ регентомъ, который отъ всего сердца привѣтствовалъ его величество. Король прусскій, его сыновья и ихъ многочисленныя свиты также приватно пріѣхали и остановились въ Clarence house (приготовленный для ихъ пріема), въ Сентъ-Джемскомъ предмѣстьѣ, около трехъ часовъ. Около 4-хъ, его величество поѣхалъ въ Cartton house и былъ дружески принятъ регентомъ, съ которымъ онъ оставался полчаса. Потомъ его величество посѣтилъ герцога и герцогиню Іоркскихъ, которыхъ домъ стоялъ напротивъ. Въ 6 ч. марш. Блюхеръ пріѣхалъ въ Сентъ-Джемскій паркъ черезъ Horse Guards въ открытомъ экипажѣ принца регента. Его наружность чрезвычайно мужественна и выразительна и носитъ слѣды воинскихъ трудовъ и лишеній, имъ понесенныхъ; усы замѣтно выдаются надъ его верхнею губою. Его прямо повезли въ Cartton house. Какъ только ворота были отворены, люди верхомъ и пѣшая публика ринулись во дворъ; не было никакой возможности удержать ихъ; двое часовыхъ у воротъ, съ ихъ ружьями, были сбиты съ ногъ и привратникъ также былъ не въ силахъ сопротивляться. Толпа ринулась во дворъ, оглашая воздухъ криками въ честь Блюхера. Полковники Блумфильдъ и Конгревъ вышли на встрѣчу генералу съ непокрытыми головами и такимъ образомъ проводили его до главнаго входа въ Cartton house. Толпа, собравшаяся въ Pall Mall, потеряла всякое уваженіе къ благопристойности мѣста; въ одну минуту она взобралась на стѣны; въ удовлетвореніе ихъ восторженнаго усердія, главныя двери въ залу были отворены.

Послѣ перваго свиданія генерала съ принцемъ замѣчательная сцена имѣла мѣсто. Принцъ регентъ возвратился съ доблестнымъ Блюхеромъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ и посреди главной залы, окруженной народомъ, собственноручно навязалъ на его плечо голубую ленту, на которой висѣлъ медаліонъ съ портретомъ принца, богато украшеннымъ алмазами. Маршалъ Блюхеръ преклонилъ колѣно, пока принцъ отдавалъ ему эту почесть и, вставъ, поцѣловалъ его руку. Принцъ и генералъ послѣ того кланялись публикѣ, которой восклицанія присемъ превосходятъ всякое описаніе. Потомъ генералъ, сопровождаемый огромною толпою, отправился въ домъ г. Гортина (M-r Gortin) въ Сентъ-Джемскій дворецъ, возлѣ дома герцога Кумберляндскаго.

8-го іюня. Препровожденіе времени императора Александра, равно какъ и сестры его, великой княгини Ольденбургской, являетъ очевидныя доказательства достохвальной ихъ любознательности и хорошаго вкуса. Императоръ вполнѣ равнодушенъ ко всякой пышности и параду, до того дѣятеленъ, что, дабы за нимъ хорошо наблюдать, нужно вставать, по крайней мѣрѣ, такъ-же рано, какъ и онъ. Утромъ онъ завтракалъ въ восемь, и гулялъ со своею сестрою въ садахъ Кензингтонскаго дворца. Возвратившись въ Puttney House въ десять, отправился осмотрѣть Westminster Hall and Abbey (Вестминстерское аббатство), гробницы именитыхъ умершихъ, и потомъ посѣтилъ Британскій музей.

Въ часъ у него былъ пріемъ въ Cumberland House, который отведенъ ему для парадныхъ покоевъ, и былъ посѣщенъ принцемъ регентомъ, который потомъ отправился къ пріему прусскаго короля въ Clarence House. Между пятью и шестью, оба знаменитые государя со своими свитами отправились на выходъ ея величества, назначенный нарочно для свиданія съ ними, въ королевскомъ дворцѣ. Потомъ ея высочества принцессы, союзные государи, ихъ семейные и прочія лица обѣдали у принца регента въ Cartton House.

9-го іюня. Между семью и восемью часами императоръ Александръ и другіе ѣздили въ Гайдъ-паркѣ въ сопровожденіи лорда Ярмута и полковн. Блумфельда. Оттуда они проѣхали въ Вестминстеръ, и черезъ Саутваркъ (Southrwark) въ Сити, проѣхавъ черезъ королевскую биржу, и черезъ скверъ Финсбери и New Rood возвратились черезъ Edgeware rood и Гайдъ-паркъ въ отель Путтне. Послѣ завтрака императоръ съ великою княгинею и нѣкоторыми почетными лицами выѣхали изъ отеля въ каретахъ безъ воинскаго конвоя и поѣхали черезъ набережную и Сити къ лондонскимъ докамъ, этимъ великимъ сооруженіямъ,—символу безпримѣрнаго коммерческаго благосостоянія.

10-го іюня. Союзные государи завтракали вмѣстѣ въ отелѣ Путтне съ великою княгинею и потомъ отправились на скачки въ Аскотъ, въ сопровожденіи маршала Блюхера, ген. Платова и многочисленной свиты; они ѣхали по Фульгамской дорогѣ, и прибыли въ девять къ Richmond Hill'ю, въ Stor и Garter tavern (трактиръ), гдѣ имѣли холодную закуску. Потомъ всѣ отправились на террасу и были восхищены великолѣпнымъ видомъ. Государь былъ въ простомъ коричневомъ сюртукѣ, съ маленькимъ крестомъ, въ гусарскихъ сапогахъ. Король прусскій въ синемъ пальто. Между 10 и 11 часами они поѣхали въ Гамптонъ Кортъ (Hampton Court) и осматривали красоты онаго съ тѣмъ вниманіемъ, какое допускала краткость времени. Императоръ россійскій со своею сестрою прибыли въ Аскотъ около часа. Король прусскій и его свита вслѣдъ за ними; потомъ пріѣхали королева англійская и принцессы; вслѣдъ затѣмъ принцъ регентъ со свитою. Всѣ августѣйшія особы занимали королевскую ложу. Около четырехъ именитыя лица отправились въ Фрагморъ, гдѣ королевою былъ заказанъ обѣдъ на сто персонъ.

11-го іюня. Около одинадцати часовъ императоръ россійскій и герцогиня Ольденбургская, въ сопровожденіи принца Оранскаго, гр. Ливена, лорда Ярмута и другихъ почетныхъ особъ, проѣхали черезъ Сити и остановились у воротъ банка въ Лотбери (Lothbury). Смотритель и директоръ проводили посѣтителей черезъ разныя отдѣленія этого огромнаго зданія. Его императорское величество слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ данныя ему объясненія разныхъ частей управленія и выразилъ удивленіе систематическому распредѣленію дѣлопроизводства. Онъ прибавилъ съ большою привѣтливостью и снисхожденіемъ, что онъ много обязанъ за вѣжливое вниманіе, оказываемое ему и его сестрѣ, и что по тому, что онъ видѣлъ и слышалъ, онъ убѣжденъ, что значеніе, пріобрѣтенное англійскимъ народомъ черезъ ихъ обширную торговлю, его богатство и его щедрость, нисколько не преувеличено противъ дѣйствительности. Въ пять часовъ, его императорское величество со свитою отправился въ парадные покои Сентъ-Джемса. Около шести къ нему представился лордъ меръ, городской судья, шерифы, всѣ алдерманы и вся городская дума, въ торжественныхъ одеждахъ, съ поздравительнымъ адресомъ. Его имп. величество милостиво благодарилъ за оказанную ему честь короткою англійскою рѣчью, произнесенною чрезвычайно изящно и ловко.

Вечеромъ гр, Ливерпуль давалъ обѣдъ принцу регенту, союзнымъ государямъ и прочимъ знаменитымъ лицамъ, которыя такъ

украшаютъ британскій дворъ. Въ семь часовъ принцъ регентъ выѣхалъ одинъ въ своей каретѣ въ Cartton House, съ обыкновеннымъ конвоемъ; его сопровождали громкія восклицанія народа. Императоръ Россіи съ великою княгинею вскорѣ появились, сопровождаемые конвоемъ голубыхъ (of the Blues); онъ былъ въ британскомъ мундирѣ, въ томъ-же, въ какомъ принималъ адресъ въ Сити. Потомъ пріѣхалъ король прусскій, въ сопровожденіи коннаго конвоя, герцоги Іоркскій и Кентскій, ген. Платовъ и пр.

По публичномъ объявленіи намѣренія союзныхъ государей посѣтить оперу, какъ только двери были отворены, зданіе наполнилось и театръ представилъ блестящее и безпримѣрное зрѣлище собравшихся сановниковъ и знати. Знаменитые посѣтители прибыли не прежде половины одиннадцатаго. Первый вошелъ въ ложу принцъ регентъ, посреди самыхъ восторженныхъ привѣтственныхъ кликовъ, за нимъ слѣдовали императоръ россійскій и герцогиня Ольденбургская, король прусскій, его два сына и прочія сановныя лица, обѣдавшія въ Fife House. Клики зрителей продолжались нѣсколько минутъ. Гимнъ, сочиненный въ честь нашихъ августѣйшихъ гостей, отлично пропѣтый, былъ принятъ съ восторгомъ. „God save the King“ былъ два раза пропѣтъ. Передъ самымъ началомъ втораго акта оперы, принцесса Валійская съ леди Шарлотою Кампбель (Campbell) вошла въ свою ложу, на противоположной сторонѣ театра. Зрители вновь огласили театръ громкими и много разъ повторенными кликами, причемъ принцъ регентъ и два знаменитые государя встали и поклонились принцессѣ Валлійской, которая отвѣчала граціознымъ поклономъ. Удовольствіе зрителей было невыразимо. Благодаря огромной толпѣ, внутреннія двери оперная зданія были изломаны и до двухъ тысячъ человѣкъ ворвалось въ театръ.

„Times“, 14-го іюня. Вечеромъ въ субботу, виконтъ и виконтесса Кастлеро (Castlereugh) давали большой ужинъ императору россійскому, королю прусскому, герцогини Ольденбургской, принцу регенту и ихъ многочисленнымъ свитамъ, по возвращеніи ихъ изъ оперы. Августѣйшіе посѣтители разъѣхались не прежде трехъ часовъ утра.

Представленіе было: „Opera of Aristodemo“, поставленная синьоромъ Buonovoglio, музыка д-ра Pucitta.

Въ концѣ перваго акта, шотландскій дивертиссементъ; послѣ оперы новый балетъ „Le Calife voleur“.

Между оперою и балетомъ будетъ пропѣтъ въ первый разъ г-жею Грассини, синьоромъ Трамецрони и Марцонхи гимнъ въ честь пріѣзда въ Англію императора Александра Благо-

словеннаго (sic) и его величества короля прусскаго. Слова Бонавогліо, музыка Пуцитта.

12-го іюня. Въ полдень союзные государи являлись въ Гайдъ-Паркѣ верхомъ, чтобы удовлетворить любопытству публики. Императоръ выѣхалъ изъ отеля Путтне верхомъ на отличномъ конѣ, одѣтый въ красный англійскій мундиръ, съ большимъ султаномъ изъ перьевъ на шляпѣ. Онъ проѣхалъ въ Сентъ-Джемскій дворецъ и заѣхалъ въ Clarence House за прусскимъ королемъ, но такъ какъ его лошади не были готовы, то онъ отправился одинъ въ Гайдъ-Паркъ, а его величество поѣхалъ за нимъ. По приказанію принца регента, лордъ Сидней, его смотритель парка, въ виндзорскомъ мундирѣ, ѣхалъ во главѣ всадниковъ. Тутъ-же ѣхалъ герцогъ Монтрозъ (Montrose), оберъ-шталмейстеръ, въ полномъ мундирѣ, со знаками ордена подвязки, полк. Мелишъ, дежурный шталмейстеръ и др. Оставались въ паркѣ до пяти часовъ, къ великому удовольствію Джонъ Буля и его многочисленной семьи, которые принимали монарховъ самыми восторженными возгласами, чѣмъ они, повидимому, были весьма тронуты. Вечеромъ принцъ регентъ далъ второй банкетъ знаменитымъ монархамъ и ихъ свитамъ, причемъ пажи явились въ новыхъ мундирахъ, а тѣлохранители — гвардейцы и прислуга, въ парадныхъ платьяхъ. Принцъ регентъ и государи потомъ съ отборнымъ обществомъ были у маркиза Салисбери.

13-го іюня. Именитые гости и принцъ регентъ сѣли въ Вайтъ-Голѣ (White hall) на катера и шлюпки и направились въ Вульвичъ. Всего было семнадцать катеровъ, а съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку лодокъ съ военныхъ кораблей, для содержанія порядка, съ двумя большими оркестрами музыки. Зрѣлище было великолѣпное. По прибытіи къ новой пристани въ королев. Ареколѣ, его королевское высочество принцъ регентъ высадился при пушечномъ салютѣ и повелъ наверхъ по лѣстницѣ принцессу Ольденбургскую, императора и короля. Почетный караулъ конной гвардіи и королевской артиллеріи стоялъ въ гавани. Ген. Ллойдъ и офицеры гарнизона приняли августѣйшихъ посѣтителей и сперва повели ихъ по кладовымъ, гдѣ всевозможныя военныя принадлежности хранятся въ величайшемъ порядкѣ. Въ модельной комнатѣ они осматривали любопытную модель Квебека и оттуда отправились на Ракетный плацъ (Rocket Ground), гдѣ были приготовлены нѣкоторые опыты. чтобы показать силу и дѣйствіе ракетъ полковника Конгрева (Congreve). Великолѣпная палатка была раскинута на возвышеніи для именитыхъ посѣтителей и ихъ свитъ, и когда они заняли свои мѣста, началось весьма занимательное зрѣлище. По знаку, данному

полк. Конгревомъ, начальникомъ ракетнаго отдѣленія, былъ показанъ опытъ силы ракетнаго состава; на разстояніи около двухъ сотъ ярдовъ къ с.-в. отъ возвышенія, на которомъ стояли августѣйшіе посѣтители, нѣкоторое количество этого состава, положенное на трехъ деревянныхъ пластинахъ, было взорвано и произвело три огромныхъ столпа пламени. Взрывъ имѣлъ видъ изверженія вулкана и сопровождался страшнымъ шумомъ, но замѣчательнѣе всего было горючее свойство состава. Послѣ взрыва, пластинки продолжали горѣть, пока не истлѣли въ золу. Затѣмъ были показаны опыты употребленія ракетъ при осадахъ. Онѣ поднимались довольно высоко, унося съ собою на значительное разстояніе трубку, наполненную горючимъ составомъ, и производили страшную пальбу. Слѣдующій опытъ служилъ доказательствомъ разрушенія, которое эти ракеты могутъ произвести на полѣ сраженія. Ими палили съ противоположнаго берега Темзы горизонтально по береговой низменности, на разстояніи 800 или 1000 ярдъ. Невозможно описать дѣйствіе, произведенное этими выстрѣлами. Зрители изъявили изумленіе. Гранаты, выкидываемыя ракетами, пролетѣвъ назначенное разстояніе, разрывались съ ужаснымъ трескомъ. Нѣтъ сомнѣнія что одного выстрѣла достаточно, чтобы разстроить кавалерійскій отрядъ. Онѣ особенно дѣйствительны противъ конницы, потому что не только убиваютъ, но и пугаютъ лошадей. Иностранные офицеры были поражены дѣйствіемъ этого новаго военнаго снаряда. Полюбовавшись этимъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, августѣйшія особы отправились въ новую пильную мельницу, гдѣ человѣческая изобрѣтательность, кажется, достигла весьма высокой степени. Пилка какъ вертикальная, такъ и горизонтальная, производится здѣсь посредствомъ механизма, приводимаго въ движеніе единственно паромъ. При этомъ огромныя, еловыя бревна были распилены на доски, съ изумительнымъ порядкомъ и точностью. Потомъ ихъ провели въ Royal Carriage Departement, гдѣ былъ дежурнымъ ген.-маіоръ Кеппеджъ (Cuppage), и, осмотрѣвъ другіе механическіе приводы, они прошли въ казармы кадетовъ, гдѣ была приготовлена изысканная закуска. Принцъ со своимъ штабомъ занялъ свое мѣсто, и бригада производила почти до шести часовъ разныя эволюціи и учащенную стрѣльбу. Ген. Блюхеръ, король и принцъ прусскіе и иностранные генералы, повидимому, весьма были заинтересованы общимъ устройствомъ этой бригады. Подъ конецъ былъ осмотрѣнъ Royal Repository, составляющій огромное депо, и, послѣ подробнаго осмотра, они отправились въ каретахъ въ городъ, при королевскомъ салютѣ; обѣдали у принца Стаффорда.

Оксфордъ, іюня 14-го. Въ $^1/_2$ 11-го утра прибылъ принцъ регентъ и былъ принятъ въ полномъ парадѣ. Около часа спустя, Александръ со своею любезною и образованною сестрою показался въ открытой коляскѣ принца регента, запряженной простою почтовою четвернею. Императоръ былъ одѣтъ въ простомъ синемъ платьѣ, безъ пудры въ волосахъ, и не переставалъ шляпою кланяться публикѣ весьма благосклонно по всему протяженію Highst. Императоръ и сестра его проѣхали въ Мертонъ-колледжъ, гдѣ ихъ принялъ директоръ и проводилъ въ красиво убранные покои.

Іюня 15-го. Еще до восьми часовъ дамскія мѣста въ театрѣ, гдѣ 600 мѣстъ, были всѣ заняты; въ переднемъ ряду, непосредственно за августѣйшими особами, помѣщалось общество леди Греноаль (Grenoilles). Верхняя галлерея и оркестръ помѣщали не менѣе девятисотъ студентовъ и баккалавровъ. Въ партерѣ (arba) — магистры, юристы и др. и посторонніе по билетамъ. Около десяти часовъ главная дверь театра была отворена. Д-ръ Крошекъ на органѣ, съ аккомпаниментомъ всего оркестра, игралъ маршъ въ Occasional Overture; но, по желанію герцогини Ольденбургской, музыка умолкла незадолго до входа процессіи въ театръ.

Наконецъ, на порогѣ появились съ непокрытыми головами принцъ регентъ, предшествуемый прокурорами, вице-канцлеромъ и канцлеромъ (въ такомъ порядкѣ они шли) и въ одну минуту со всѣхъ сторонъ поднялись громы рукоплесканій. Вслѣдъ за е. к. высочествомъ шли императоръ и за нимъ король прусскій, оба въ одѣяніи доктора правъ. За ними слѣдомъ герцогиня Ольденбургская, сопровождаемая герцогомъ Іоркскимъ; русскіе и иностранные принцы и сановники, всѣ почетные члены университета, предсѣдатели палатъ и доктора заключали это великолѣпное и единственное шествіе. Рукоплесканія продолжались долго послѣ того, какъ они заняли мѣста, и собраніе отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ оставалось стоя, пока принцъ громко изъявилъ желаніе, объявленное послѣ него канцлеромъ, что е. к. высочество желаетъ, чтобы сѣли. Невозможно описать общаго эффекта зрѣлища. Выше остальныхъ членовъ университета, слѣва отъ принца, сидѣлъ канцлеръ въ черной мантіи съ золотомъ и длинною отдѣлкою изъ великолѣпнѣйшихъ кружевъ. На одной высотѣ съ канцлеромъ, справа, сидѣла герцогиня Ольденбургская, въ простомъ бѣломъ атласномъ платьѣ, безъ всякаго украшенія на головѣ. Еще выше, чѣмъ всѣ они, сидѣли три государя на великолѣпныхъ креслахъ пунцоваго бархата съ золотомъ, имѣя подъ ногами такія-же скамьи. Надъ кресломъ принца регента былъ султанъ изъ золотыхъ

перьевъ и вся платформа съ этими пятью сѣдалищами была обита пунцовымъ бархатомъ. Какъ только водворилось молчаніе, канцлеръ открылъ засѣданіе со свойственнымъ ему достоинствомъ. Восхищеніе собранія не имѣло предѣла; нѣсколько времени порядокъ не могъ быть возстановленъ, пока имена принца регента, Александра, Фридриха, герц. Ольденбургской, герцога Іоркскаго и канцлера были поочередно и внятно провозглашаемы съ верхней галлереи и покрываемы взрывами одобренія. При этомъ высокія особы поочередно вставали и кланялись. Въ это время народный ораторъ явился на трибунѣ и оттуда обратился къ регенту и августѣйшимъ гостямъ съ латинскою рѣчью, которая, кромѣ чистоты и изящества слога, имѣла и всю силу выраженій, которая такъ свойственна г. Крове (Crowe) и за которую онъ такъ давно славится. Его кор. высочество почтилъ эту рѣчь особеннымъ замѣтнымъ вниманіемъ. Потомъ д-ръ Филлиморъ (Phillimore), профессоръ гражданскаго права, произнесъ панегирикъ двумъ великимъ монархамъ, по случаю поднесенія имъ дипломовъ на званіе докторовъ гражданскаго права, въ которое они были возведены. При семъ канцлеръ отдалъ дипломъ императора двумъ прокторамъ, съ приказаніемъ поднести его е. имп. величеству, что и было исполнено. То-же было сдѣлано и для короля прусскаго. Потомъ канцлеръ предложилъ ученую степень (diploma degree) для герц. Веллингтона и почетныя степени (honorary degrees) кн. Меттерниху, первому министру императора австрійскаго, гр. Ливену, русскому посланнику, и князю Блюхеру Три послѣдніе были немедленно введены и представлены королямъ профессоромъ гражданскаго права. Латинскія рѣчи д-ра Филлимора, при представленіи каждаго кандидата, были чрезвычайно классичны, но особенно эффектна и умѣстна была та. которою онъ рекомендовалъ доблестнаго Блюхера университету; она была безпрестанно прерываема самыми громкими одобреніями; шумъ рукоплесканій продолжался нѣсколько времени уже и послѣ того, какъ маститый воинъ, послѣ многократныхъ поклоновъ собранію, принцу и своему государю, занялъ назначенное ему мѣсто. Потомъ были прочтены восемь поздравительныхъ адресовъ въ стихахъ, двѣ греческія оды, одна латинская и пять англійскихъ. Потомъ канцлеръ закрылъ засѣданіе и шествіе вышло изъ театра въ томъ-же порядкѣ, какъ вошло.

Принцъ регентъ, въ сопровожденіи союзныхъ государей и ихъ свитъ, удостоилъ оксфордское общество (Corporation of Oxford) посѣщеніемъ ихъ совѣтной палаты. Дума уставила всю городскую залу скамьями для 600 зрителей, отдѣливъ рѣшетками проходъ, застлан-

ный коврами для шествія процессіи. При входѣ шествія въ палату совѣта, дворянинъ Еліасъ Таунтонъ (Elias Taunton), секретарь думы (town clerk) прочелъ принцу регенту всеподданнѣйшій адресъ, который е. к. высочество принялъ весьма милостиво и по окончаніи коего онъ пожаловалъ ему званіе кавалера. То-же отличіе было пожаловано и городскому головѣ, нынѣ сэру Іосифу Локкъ (Joseph Lock). Потомъ объявлена почетная вольность города; это предложеніе было поддержано императоромъ россійскимъ, королемъ прусскимъ, наслѣднымъ принцемъ Оранскимъ, пр. Мекленбургскимъ, кн. Меттернихомъ, кн. Блюхеромъ и многими другими знаменитыми особами. Въ часъ августѣйшіе посѣтители, въ сопровожденіи канцлера и лорда Сидмута (Sidmouth, одного изъ кураторовъ) посѣтили обсерваторію. Въ два часа имѣли изящный завтракъ въ колледжѣ All Soul. Вскорѣ затѣмъ императоръ россійскій, король прусскій и ихъ свита выѣхали въ поѣздку въ Бленгеймъ и Стовъ (Stowe).

16-го іюня. Императоръ, герцогиня Ольденбургская и король прусскій, со свитою, возвратились изъ Бленгейма въ пять и выѣхали въ Лондонъ.

17-го іюня. Императоръ съ герцогинею возвратился вчера утромъ, между двумя и тремя часами утра, изъ Оксфорда въ отель Путтне; они ѣхали въ открытомъ экипажѣ и на возвратномъ пути въ Лондонъ были застигнуты грозою; несмотря на то, государь, по обѣщанію, немедленно переодѣвшись въ отелѣ, отправился на балъ графини Джерзей (Jersey), гдѣ онъ оставался до шести часовъ.

Вставъ въ десять, въ половинѣ двѣнадцатаго съ лордомъ Ярмутъ отправился въ St. Paul, гдѣ видѣлъ годичное собраніе нѣсколькихъ тысячъ призрѣнныхъ дѣтей разныхъ приходовъ столицы.

Вечеромъ ихъ императорское и королевское величества обѣдали у лорда Кастлеро; тутъ-же были принцы Прусскіе, Оранскій, Виртембергскій, Метернихъ, Гарденбергъ, герцогиня Іоркская, герцогъ Іоркскій, Кларенскій, Кентскій, Суссексъ, Кембриджскій, Саксенъ-Веймарскій и Орлеанскій, графъ и графиня Ливенъ и др. Въ половинѣ одиннадцатаго государи отправились въ Друри-лэнъ (Drury lane) и были приняты распорядителемъ съ такою-же церемоніею, какая бываетъ при посѣщеніи театра нашимъ монархомъ. При пѣніи „God save the King“ императоръ сердечно присоединился къ хору и при концѣ, также какъ и прусскій король, усердно хлопалъ. Послѣ театра, оба государя отправились къ маркизѣ Гертфордъ

18-го іюня оставался императоръ до половины шестаго утра; въ одиннадцать осматривалъ военный пріютъ (для дѣтей воиновъ,

убитыхъ на войнѣ) и госпиталь Chelsea, вмѣстѣ съ герцогомъ Ольденбургскимъ и лордомъ Ярмутъ и свитою; оттуда ѣздили въ госпиталь Гринвичъ, въ обсерваторію. По возвращеніи въ отель Путтне, принималъ двухъ джентльменовъ-американцевъ, недавно прибывшихъ изъ Америки.

Въ восемь часовъ вмѣстѣ съ герцогинею Ольденбургскою былъ въ Сити на обѣдѣ въ Merchants Tailors hall. Вмѣсто принца регента первое мѣсто занималъ герцогъ Іоркскій. Обѣдъ кончился въ одиннадцать часовъ. Оттуда въ половинѣ двѣнадцатаго прибыли въ театръ Ковентъ Гарденъ.

20-го іюня, въ субботу. Императоръ и великая княгиня не выѣзжали до четырехъ часовъ по причинѣ дождя и тогда поѣхали въ парадной каретѣ регента въ Guild hall (Гильдъ голъ). Король прусскій ѣхалъ въ каретѣ регента. Торжественное шествіе; возвращеніе съ факелами. Изъ Сити императоръ и герцогиня заѣхали къ лорду Катгарту (Catheart).

Въ воскресенье, вскорѣ послѣ десяти, императоръ и великая княгиня были въ Вельбекѣ, въ русской церкви. Оттуда въ половинѣ двѣнадцатаго отправились на митингъ общества друзей (обыкновенно называемыхъ квакерами) въ Peters court S. Martine's Lane, гдѣ оставались около часа; по возвращеніи въ отель Путтне, у нихъ былъ пріемъ разныхъ лицъ въ парадныхъ придворныхъ платьяхъ. Около трехъ часовъ императоръ съ герцогинею поѣхали къ принцессѣ Шарлотѣ, Warwick house, пробыли полчаса; оттуда въ Чисвикъ къ герцогу Девонширскому; возвратились въ отель Путтне въ семь часовъ; въ десять часовъ вечера оба ѣздили въ Cartton house, для свиданія съ ея величествомъ на раутѣ.

Обѣдали въ Guild hall'ѣ. Изъ русскихъ на обѣдѣ были: Гагаринъ, Щербатовъ, Чарторійскій, кн. и княгиня Волконскіе, ген. Платовъ, Толстой, Чернышевъ, Воронцовъ, Барклай-де-Толли, Потемкинъ.

22-го іюня. Вчера утромъ императоръ вышелъ инкогнито изъ отеля Путтне и нѣсколько времени разговаривалъ на улицѣ съ гр. Ярмутъ, прежде чѣмъ народъ, его ожидавшій, узналъ его; потомъ со своимъ адъютантомъ и проч. отправился верхомъ на смотръ въ Гайдъ паркъ (войска болѣе 12-ти тысячъ человѣкъ).

Обѣдали императоръ и великая княгиня у себя въ три часа въ отелѣ Путтне. Въ десять поѣхали на празднество въ White club (Бѣлый клубъ) въ домѣ Берлингтона. Императоръ танцовалъ. Въ комнатѣ, гдѣ августѣйшія особы ужинали, на стѣнѣ былъ панорамическій видъ пріѣзда ихъ въ Дувръ. Ужинъ начался въ два

часа; на немъ присутствовало 2,500 человѣкъ; императоръ вскорѣ подалъ примѣръ первый вставъ изъ-за стола, и танцовалъ до восхода солнца, между пятью и шестью часами; возвратились въ отель въ половинѣ седьмаго.

Въ понедѣльникъ, отказавшись отъ обѣда у герцога Кембриджскаго за многими другими приглашеніями, августѣйшія лица были на вечерѣ, раутѣ и концертѣ съ девяти часовъ до половины одиннадцатаго, откуда поѣхали на празднество въ White club.

Вторникъ. Послѣ завтрака пріемъ депутаціи общества друзей, съ адресомъ и нѣсколькими книгами, излагающими ихъ религіозныя понятія.

Принимали визиты герц. Іоркскаго, Кентскаго и Глочестерскаго, принцессы Шарлотты, принца Оранскаго, кн. Меттерниха и др. Ихъ вводилъ къ императору великій маршалъ. Вечеромъ государь обѣдалъ у графа Ливена.

Во вторникъ были представлены регенту герцогъ Ольденбургскій и наслѣдный принцъ Виртембергскій.

23-го іюня. Императоръ и герцогиня легли вчера не ранѣе трехъ часовъ утра; встали въ восемь. Они благодарили хозяина отеля г. Эзедье (Eseudier) и черезъ почт. Смирнова священника церкви въ Бельбинъ. Императоръ послалъ госпожѣ Эзедье богатую брошку. Гр. Орловъ, гр. Воронцова, бар. Николаи, посл. Фаншо и множество другихъ русскихъ, остающихся въ Англіи, прощались съ государемъ, по обычаю ихъ—цѣлуясь съ нимъ. Ровно въ девять часовъ государь, великая княгиня, герцогъ Ольденбургскій и пр. Виртембергскій сѣли въ открытый экипажъ принца регента и поѣхали при громкихъ ура столпившихся посѣтителей. Они поѣхали въ лондонскую тюрьму (Tower); по данному обѣщанію заѣхали на канатную фабрику Тернера, хотя и не успѣли осмотрѣть ее. Въ двѣнадцать переѣхали Лондонскій мостъ, завтракали въ Coombewood, загородномъ домѣ графа Ливерпуля на пути въ Портсмутъ; тамъ встрѣтились съ королемъ прусскимъ.

24-го іюня. Въ Портсмутъ пріѣхалъ принцъ регентъ въ среду въ пять часовъ пополудни. Императоръ и король не поспѣли къ обѣду принца регента.

25-го іюня. Въ половинѣ десятаго принцъ регентъ съ герцогомъ Іоркскимъ заѣхалъ за императоромъ и королемъ и оттуда прошли около одиннадцати часовъ къ королевской пристани, гдѣ всѣ суда, подъ командою адмирала флота, герцога Кларенскаго, ожидали ихъ. На кораблѣ „Impregnable“ Александръ Павловичъ присутствовалъ при раздачѣ грога въ 12-ть часовъ; узнавъ, что

въ немъ одна часть рома разбавлена шестью частями воды, выпилъ матроскую порцію и заставилъ выпить и сестру; у матросовъ сѣлъ за обѣдъ и далъ денегъ (то-же дѣлалъ и при переправѣ изъ Дувра, давъ 50 ф. стер.).

Закуска на кораблѣ; за хозяина былъ адмиралъ Блаквудъ. Въ восемь часовъ большой пиръ, данный регентомъ на пятнадцать человѣкъ.

27-го іюня. Рано утромъ пр. регентъ, герц. Іоркскій, король прусскій съ разными германскими принцами и множествомъ знатныхъ лицъ отправились къ императору Александру (at Commissioner grey's house), откуда отправились для осмотра разныхъ заведеній для построенія и починки кораблей, въ запасные магазины канатнаго заведенія, мѣдиплавильнаго завода и пр. и пр.

Принцъ регентъ съ королевскими принцами прусскими сѣли на яхту „Royal sovereign", императоръ Александръ съ герц. Кларенскимъ на „Impregnable". Флотъ состоялъ изъ пятнадцати линейныхъ кораблей и почти столькихъ-же фрегатовъ, вытянувшихся на семь или восемь миль передъ островомъ Вайтъ (Wight). Послѣ салюта они снялись съ якоря и пустились въ путь при свѣжемъ с.-в. вѣтрѣ. Впереди плылъ „Royal Sovereign", а за флотомъ слѣдовало до двухъ сотъ разныхъ судовъ. Около пяти часовъ всѣ августѣйшія лица съ „Royal Sovereign" пріѣхали на „Impregnable", который поднялъ королевскій флагъ къ императору Александру. Передніе корабли ушли на двѣнадцать миль; имъ велѣно возвратиться. Въ половинѣ восьмаго императоръ, король, регентъ и принцы сѣли на отдѣльные катера и возвратились при салютахъ въ Портсмутъ, при пальбѣ съ батарей разныхъ укрѣпленій. По возвращеніи, регентъ засталъ у себя герцога Веллингтона; между восемью и девятью часами обѣдъ у регента.

Въ субботу смотръ семи тысячъ человѣкъ. Сошедъ съ лошадей, всѣ посѣтители отправились въ Goodwood на завтракъ къ герцогу Ричмондъ, оттуда въ 6-ть часовъ на обѣдъ въ Petworth къ Эгремонту.

Императоръ и король между 11 и 12 часами отправились въ Брейтонъ. Принцъ регентъ остался ночевать у Эгремонта.

27-го іюня. Императоръ по прибытіи въ Дувръ сядетъ на корабль „Чародѣйка" (Magicienne), куда перенесъ свой флагъ герц. Кларенскій; кор. прусскій на „Язонѣ" поѣдетъ въ Кале подъ флагомъ адм. Блаквуда. Корабль „Нимфы" (The Nymphen) предназначенъ для свиты.

5-го іюля. Императоръ прибылъ въ Антверпенъ 29-го іюня.

Примѣчаніе. Напечатанныя выше выдержки изъ англійскихъ газетъ о пребываніи въ 1814 году императора Александра I въ Англіи—сдѣланы покойнымъ Юріемъ Васильевичемъ Толстымъ въ бытность его въ Англіи, въ теченіе двухъ недѣль, въ 1867-мъ году. „Болѣзнь моего мужа, писала редактору „Русской Старины", 14-го февраля 1878 г., вдова покойнаго Юрія Васильевича, нынѣ также покойная, графиня Елена Толстая, затѣмъ наше путешествіе за-границу воспрепятствовали Юрію Васильевичу сообщить, какъ онъ того желалъ, означенныя выдержки для декабрьской книги „Русской Старины" (въ которой были собраны матеріалы къ жизнеописанію Александра I). Графиня тогда-же, 18-го февраля 1878 года, передала въ редакцію „Р. Ст." этотъ трудъ, который теперь, четырнадцать лѣтъ спустя, извлекается изъ богатаго архива покойнаго редактора „Р. Ст." — М. И. Семевскаго, какъ матеріалъ, не лишенный историческаго интереса и значенія.

Ред.

КАРЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ МОДЕРАХЪ

род. 1747 г., † 1819 г.

Біографическій очеркъ.

Въ 1819 г. скончался въ С.-Петербургѣ тайный совѣтникъ, сенаторъ и почетный опекунъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, Карлъ Ѳедоровичъ Модерахъ. Несмотря на то, что личность покойнаго была изъ числа выдающихся и заслуги его немаловажны, до сихъ поръ о немъ не появлялось ни воспоминаній, ни сколько-нибудь обстоятельной его біографіи, между тѣмъ у его внуки Варвары Александровны Модерахъ сохранилось нѣсколько указовъ и рескриптовъ къ ея дѣду, за собственноручною подписью императрицы Екатерины II, императоровъ Павла и Александра I и императрицы Маріи Ѳедоровны,—указовъ довольно интересныхъ какъ для характеристики служебной дѣятельности К. Ѳ. Модераха и отношенія къ нему царственныхъ лицъ и какъ любопытный памятникъ нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій того времени.

Эти документы, а также небольшая замѣтка о личности Модераха, появившаяся 1858 г. въ «Сѣверной Пчелѣ», и воспоминанія его внуки, любезно сообщившей въ ред. „Р. Ст.“ помянутые документы, послужили матеріаломъ для нижеслѣдующей замѣтки о служебной дѣятельности этого государственнаго человѣка.

Карлъ Ѳедоровичъ Модерахъ, сынъ члена академіи наукъ Ѳ. Модераха, родился въ С.-Петербургѣ, 27-го сентября 1747 года; получивъ отличное образованіе, развившее его блистательныя природныя дарованія, онъ поступилъ въ 1764 г. на службу, инженернымъ офицеромъ, подъ начальство знаменитаго генерала Баура и былъ однимъ изъ строителей великолѣпныхъ зданій, коими украсилась столица въ царствованіе императрицы Екатерины II; между прочимъ принималъ участіе въ постройкѣ Большаго (каменнаго) театра, одѣлъ берега Фонтанки и Екатерининскаго канала гранитною мостовою, соорудилъ на нихъ всѣ мосты и съ умѣніемъ и вкусомъ построилъ много другихъ зданій.

Въ 1783—1789 гг., Модерахъ, уже въ чинѣ подполковника, находился при водяныхъ работахъ и, по свидѣтельству тогдашняго его начальника, генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, «исправлялъ оныя по части его не

токмо съ похвальнымъ прилежаніемъ и раченіемъ, но и со отмѣннымъ всегда попеченіемъ о сохраненіи казеннаго интереса»; «чрезъ все время трудами, ревностію, расторопностію, а не менѣе того и самымъ знаніемъ, соотвѣтствующимъ чину его (Модераха), будучи совершенно доволенъ», кн. Вяземскій „неоднократно о томъ всеподданнѣйше доносилъ ея и. в. императрицѣ Екатеринѣ II"; во вниманіе къ столь лестному о немъ отзыву начальства, Карлъ Ѳедоровичъ былъ произведенъ въ 1789 г. въ полковники, а въ ноябрѣ того-же года ему былъ пожалованъ, за 25-лѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ, Георгіевскій крестъ 4-й степени.

Въ слѣдующемъ, 1790 году, инженеръ-полковникъ Модерахъ былъ уволенъ, по прошенію, въ отставку и перешелъ на службу въ гражданское вѣдомство, будучи назначенъ губернаторомъ въ Пермь.

Дѣятельность свою на этомъ новомъ поприщѣ онъ ознаменовалъ замѣчательною распорядительностью и даже въ кратковременное царствованіе императора Павла успѣлъ обратить на себя вниманіе правительства энергичными мѣрами, принятыми имъ при усмиреніи взбунтовавшихся крестьянъ въ деревнѣ Всеволожскаго, за что удостоился слѣдующаго собственноручнаго рескрипта императора Павла I, даннаго 12-го февраля 1797 г. въ Спб.:

«Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Модерахъ, усматривая изъ донесеній вашихъ благоразумныя распоряженія, вами учиненныя, по случаю бывшихъ въ деревнѣ Всеволожскаго неустройства, объявляемъ вамъ за сіе монаршее наше благоволеніе, пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ».

Весьма успѣшны были также мѣры, принятыя Модерахомъ для предупрежденія дальнѣйшаго развитія эпидемической болѣзни рогатаго скота, обнаружившейся въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ Пермской губ. въ 1797 г. Дѣятельность его по управленію губерніею была награждена въ 1799 г. пожалованіемъ ему ордена св. Анны 2-й степени.

Весьма любопытными для характеристики предшествовавшаго царствованія и какъ свидѣтельство о неусыпномъ стараніи молодаго императора загладить несправедливыя кары, постигшія нѣкоторыхъ личностей въ послѣдніе годы царствованія Павла I, являются указы на имя «тайнаго совѣтника и пермскаго гражданскаго губернатора Модераха», данныя императоромъ Александромъ I тотчасъ по вступленіи на престолъ; по смыслу этихъ указовъ, освобождалась «отъ каторжной работы» масса лицъ, сосланныхъ въ Пермскую губернію при покойномъ императорѣ, съ дозволеніемъ этимъ лицамъ немедленно возвратиться къ прежнему мѣсту жительства «въ ихъ домы» или «къ родственникамъ». Таковое разрѣшеніе, при освобожденіи отъ каторжной работы, служитъ лучшимъ доказательствомъ, въ какой степени были виновны эти лица.

Изъ приводимыхъ вслѣдъ засимъ указовъ видно также къ какимъ разнообразнымъ слоямъ общества принадлежали эти ссыльные и какъ велико было ихъ число, такъ какъ по одному только указу отъ 17-го марта 1801 г. ихъ повелѣно было возвратить изъ Пермской губерніи 50 человѣкъ.

Въ С.-Петербургѣ, 17-го марта 1801 г.

«Господинъ тайный совѣтникъ и пермскій гражданскій губернаторъ Модерахъ. Находящихся въ Екатеринбургѣ въ работѣ духоборцевъ губерній: Слободской-Украинской однодворцевъ девятнадцать, да Новороссійской крестьянъ тридцать одного человѣка мужеска и женска пола, повелѣваемъ освободить и отпустить въ ихъ селенія, отправя гражданскимъ губернаторамъ первыхъ слободскому-украинскому Зильбергарнишу, а послѣднихъ новороссійскому Николеву, снесясь какъ съ оными о пріемѣ и водвореніи въ ихъ прежнихъ жительствахъ, такъ и съ другими лежащихъ по пути губерній и провожаніи ихъ отъ мѣста до мѣста. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Александръ».

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 15-го 1801 г.

«Господинъ тайный совѣтникъ, пермскій гражданскій губернаторъ Модерахъ. Бывшихъ смотрителя тираспольскаго магазейна провіантмейстера 9-го класса Радуловича, Нижегородскаго мускетерскаго полка поручика Волкова и вознесенскаго магазейна смотрителя 13-го класса Ковалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства, въ силу конфирмаціи, въ 1799 г. послѣдовавшей, сосланныхъ въ Екатеринбургъ въ каторжную работу, всемилостивѣйше повелѣваемъ освободить отъ оной и дозволить имъ возвратиться въ ихъ домы или къ родственникамъ, снабдивъ для пропуска ихъ и безпрепятственнаго пребыванія надлежащими видами. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Александръ».

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 19-го 1801 г.

«Господинъ тайный совѣтникъ, пермскій гражданскій губернаторъ Модерахъ. Бывшихъ лейбъ-гренадерскаго полку капитана Шевкина и штабсъ-капитана Саницкаго, по силѣ конфирмаціи, генваря 31 дня 1799 года, сосланныхъ въ Екатеринбургъ въ работу, повелѣваю: освободивъ отъ оной, дозволить имъ возвратиться въ домы ихъ или къ родственникамъ, снабдивъ для пропуска ихъ и свободнаго жительства надлежащими видами. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный. Александръ».

Отдавая полную справедливость «усердію къ службѣ и трудамъ» Модераха по управленію ввѣренной имъ губерніи, которые были подтверждены въ 1801 г. сенатскою ревизіею, произведенною сенаторомъ Селифонтовымъ [1]), императоръ Александръ I пожаловалъ ему послѣдовательно, въ награду, орденъ св. Анны 1-й ст. (въ 1802 г.), прибавку къ получаемому имъ содержанію 200 р. столовыхъ денегъ въ мѣсяцъ (въ 1803 г.), бриллiантовые знаки ордена св. Анны 1-й степени (въ 1704 г.) и, наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1804 г. назначилъ его пермскимъ и вятскимъ генералъ-губернаторомъ.

[1]) Дѣдъ нынѣшняго государственнаго дѣятеля, сенатора и д. тайн. сов. Н. Н. Селифонтова.

Въ этомъ новомъ званіи К. Ѳ. Модерахъ оставилъ по себѣ въ краѣ неизгладимую память любовью къ порядку, строгимъ правосудіемъ и безпристрастіемъ; живымъ памятникомъ его дѣятельности служатъ до сихъ поръ дороги въ этихъ губерніяхъ, которыя, до принятія имъ должности генералъ-губернатора, были въ самомъ плохомъ состояніи и, только благодаря его неусыпнымъ трудамъ и заботливости, при весьма скудныхъ средствахъ, доведены были до удивительной степени совершенства. Дороги эти тянутся почти на 900 верстъ по всему направленію отъ Перми до Вятской губерніи, соединяя Россію торговую съ Сибирью, китайскими и киргизскими владѣніями, и имѣли въ свое время громадное значеніе для Пермскаго горнаго края; благодаря этимъ усовершенствованнымъ путямъ сообщенія, сырыя произведенія горныхъ заводовъ могли быстрѣе и легче доставляться къ судоходнымъ рѣкамъ.

При немъ-же начаты, въ 1805 г., работы по проведенію Сѣверо-Екатерининскаго канала, и Модерахъ, какъ старый и опытный инженеръ, принялъ въ этомъ сооруженіи живое участіе; заботясь, какъ всегда, о выгодахъ казны онъ вошелъ съ представленіемъ о разрѣшеніи ему производить работы по сооруженію этого канала хозяйственнымъ образомъ.

«Усматривая изъ отношенія вашего къ главному директору водяныхъ коммуникацій, что вы почитаете выгоднѣе для казны производить вѣренныя вамъ работы Сѣверо-Екатерининскаго канала хозяйственнымъ образомъ, не допуская къ тому особыхъ подрядчиковъ», говорится въ указѣ, данномъ по этому случаю на имя генералъ-губернатора, отъ 23-го ноября 1806 г., за собственноручною подписью императора Александра I, «я въ семъ уваженіи позволяю вамъ руководствоваться сею мѣрою, не ограничиваясь обрядами, въ подобныхъ случаяхъ соблюдаемыми, и увѣдомляя о семъ главнаго директора водяныхъ коммуникацій; мнѣ пріятно быть въ полной увѣренности, что опытъ и извѣданное усердіе ваше на пользу службы доставятъ вамъ всѣ способы привести къ успѣшному окончанію сіе дѣло».

Ревизія, произведенная въ Пермской губ. въ 1805 г. сенаторомъ графомъ Головинымъ, послужила новымъ поводомъ къ изъявленію Модераху монаршей признательности и благоволенія за «успѣшное теченіе дѣлъ по губернскому правленію и особенное вниманіе къ скорому рѣшенію дѣлъ о колодникахъ въ мѣстахъ, ему подчиненныхъ, дѣятельность городской и земской полиціи, устройство дорогъ, распорядокъ земскихъ повинностей, безостановочное движеніе казенныхъ сборовъ и исправное состояніе запасныхъ сельскихъ магазейновъ и заведеній приказа общественнаго призрѣнія» [1]).

По представленію Модераха, была уважена просьба вятскаго городскаго общества о постройкѣ черезъ р. Вятку, при самомъ городѣ, плавучаго моста,

---

[1]) Указъ, данный императоромъ Александромъ I на имя пермскаго и вятскаго генералъ-губернатора 18-го ноября 1805 г., въ мѣстечкѣ Кшижановицы, что въ Моравіи.

который доставилъ обывателямъ «сообщеніе несравненно удобнѣйшее и безопаснѣйшее, нежели перевозъ», дотолѣ на этомъ мѣстѣ существовавшій; такъ какъ городъ не имѣлъ достаточно средствъ для этого капитальнаго сооруженія, то былъ учрежденъ съ проходящихъ и съ проѣзжающихъ по оному денежный сборъ, въ размѣрѣ «одной деньги съ пѣшаго, одной копѣйки съ ѣдущаго въ телѣгѣ или дрожкахъ на 1 лошади, двухъ копѣекъ съ повозки на 2 или 3 лошадяхъ, съ коляски или кареты парою по 4, а четверней по 5 копѣекъ». Сборъ этотъ для обывателей не былъ обременителенъ, «какъ по умѣренности его, такъ и потому, что и за перевозъ ранѣе производилась плата»; такимъ образомъ, Вятка, благодаря этой мѣрѣ, обогатилась однимъ полезнымъ сооруженіемъ, безъ обремененія государственной и городской казны на его сооруженіе.

Видя недостатокъ въ Пермской губерніи въ хорошихъ и умѣлыхъ ремесленникахъ, генералъ-губернаторъ предложилъ, въ 1806 г., «оставлять при рабочемъ домѣ приказа общественнаго призрѣнія, въ Перми, для производства разныхъ издѣлій, до 50 человѣкъ изъ отсылаемыхъ на поселеніе въ Сибирь за маловажныя вины», что и было ему разрѣшено, а нѣсколько лѣтъ спустя, по его-же представленію, повелѣно, «для наполненія ремесленниками нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ Пермской губерніи, нуждающихся въ оныхъ», отдѣлять изъ числа этихъ 50 человѣкъ «нужное въ эти города число ремесленниковъ», по усмотрѣнію генералъ-губернатора, «изъ тѣхъ оставляемыхъ въ Перми маловажныхъ преступниковъ, кои поведеніемъ и трудолюбіемъ своимъ заслуживать будутъ дозволеніе завестись собственнымъ хозяйствомъ, отводя имъ въ тѣхъ городахъ, куда они назначены будутъ, мѣста и оказывая имъ, смотря по ремеслу, денежную ссуду». «Дѣтямъ-же оныхъ ремесленниковъ, не участвовавшимъ въ преступленіяхъ отцовъ своихъ, позволять записываться въ цехи и другія свойственныя званію ихъ состоянія, по правиламъ, въ законахъ предписаннымъ» [1]).

Такимъ образомъ въ губерніи завелись искусные ремесленники, и тѣ изъ преступниковъ, которые хотѣли вернуться къ честной, трудовой жизни, получали къ тому полную возможность.

Весьма важнымъ, для оцѣнки взгляда правительства на служебную дѣятельность и нравственныя качества К. Ѳ. Модераха, является указъ, данный ему отъ 28-го ноября 1806 года, по случаю преобразованій по горному вѣдомству; въ силу проекта о новомъ горномъ положеніи, утвержденнаго 13-го іюля 1806 г., главный надзоръ по управленію этою частью соединялся въ одномъ лицѣ съ управляющимъ гражданскою частью въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились горные заводы.

«Поелику ввѣренныя вамъ губерніи изобилуютъ болѣе прочихъ губерній

[1]) Указъ пермскому и вятскому генералъ-губернатору отъ 26-го января 1811 года.

горными заводами, говорится въ этомъ указѣ, то и означенное положеніе главнѣйше до оныхъ относится.

«Отличное ваше служеніе, нами замѣченное, обращаетъ по справедливости на васъ наше благоволеніе и мы всемилостивѣйше опредѣляемъ васъ, на основаніи утвержденнаго нами горнаго положенія, начальникомъ сей части; будучи начальникомъ сей части, можете вы употреблять и мундиръ горный, когда заблагоразсудите.

«Извѣстная намъ ваша ревность къ службѣ и дѣятельность по дѣламъ удостовѣряетъ насъ, что и сіи дѣла, подъ главнымъ вашимъ начальствомъ, пойдутъ наилучшимъ образомъ и что горное положеніе доставитъ всю ту пользу, которой мы отъ него ожидаемъ, тѣмъ болѣе, что всѣ должности въ ономъ опредѣлены, отвѣтственность возложена на извѣстныя лица и надзоръ по всѣмъ частямъ установленъ надлежащимъ образомъ. Главнѣйшее ваше попеченіе по сей части будетъ состоять въ томъ, чтобъ согласить ее съ гражданскою по тѣмъ предметамъ, въ которыхъ по сіе время встрѣчалось столько затрудненій. Конечно, могутъ и нынѣ встрѣтиться нѣкоторыя неудобства, но мы ожидаемъ отъ испытаннаго вашего благонамѣренія, коимъ вы одушевляетесь во всѣхъ дѣяніяхъ по службѣ, что вы найдете сіи неудобства и затрудненія для того только, чтобъ вашими начальническими распоряженіями отвратить ихъ и замѣтить на будущее время для постановленія правилъ къ совершенному оныхъ уничтоженію. По дѣламъ, до васъ доходящимъ, вы, конечно, не оставите всякаго побуждать къ ревностному прохожденію своей должности. Опытами дознанная ваша справедливость по службѣ, приверженность къ оной, попеченіе о ввѣренныхъ вамъ частяхъ и благосклонность къ подчиненнымъ, будутъ служить всякому изъ служащихъ подъ вашимъ начальствомъ по сей части примѣромъ и произведутъ въ нихъ ту довѣренность и единодушіе, которые между подчиненнымъ и начальникомъ для пользы службы, необходимо нужны. Сей новый подвигъ, на васъ возлагаемый, даетъ вамъ новое право на нашу признательность и благоволеніе, съ которымъ пребываемъ вамъ благосклонны. Александръ».

Какъ видно, правительство обратило въ это время особенное вниманіе на то, чтобы поднять и упрочить горную промышленность, «составляющую одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ государственнаго и народнаго богатства» Россіи, такъ какъ вслѣдъ за вышеупомянутомъ преобразованіи по управленію горнымъ вѣдомствомъ, были учреждены, «для скорѣйшаго обревизованія по казеннымъ горнымъ заводамъ книгъ, документовъ и отчетовъ, накопившихся въ большомъ числѣ съ 1797 по 1806 годъ», «пять ревизіонныхъ столовъ, изъ коихъ четыре при заводахъ Екатеринбургскихъ, Гороблагодатскихъ, Пермскихъ и Банковскихъ-Богословскихъ, а пятый, для повѣрки краткихъ отчетовъ, при пермскомъ горномъ правленіи», причемъ генералъ-губернатору предписывалось «имѣть всемѣрное наблюденіе, дабы чиновники, на

коихъ показанное обревизованіе счетовъ возложено будетъ, употребляли всевозможное раченіе о успѣшнѣйшемъ, колико возможно, окончаніи сего дѣла».

Въ 1808 г. возникло дѣло о неповиновеніи мастеровыхъ на заводахъ наслѣдника Турчанинова; причиною ихъ буйства было «принужденіе ихъ къ работамъ въ отмѣненные бывшіе праздничные дни»; воинская команда, посланная для возстановленія порядка, была ими опрокинута; потребовалось послать на заводы новый отрядъ. Тѣмъ временемъ сама владѣлица заводовъ, «убѣдясь ихъ просьбою, освободила ихъ отъ работъ въ эти отмѣненные бывшіе праздничные дни» и, такимъ образомъ, волненіе улеглось; но подобное рѣшеніе вопроса не согласовалось съ мнѣніемъ правительства, которое считало, что «требованія непокорныхъ къ отмѣну сдѣланныхъ отъ правительства постановленій ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть пріемлемы въ уваженіе, такъ какъ частное удовлетвореніе ихъ, безъ сомнѣнія, послужитъ впредь для другихъ примѣромъ соблазна», поэтому генералъ-губернатору было предписано «привести сихъ неповинующихся въ надлежащій порядокъ, не допуская, по снисхожденію къ просьбамъ ихъ, нарушенія въ постановленіи о праздничныхъ дняхъ, которое должно быть ими исполнено», расположивъ съ этою цѣлью на этихъ заводахъ достаточное число воинской команды, и взыскать по строгости законовъ со всѣхъ тѣхъ, кто покусится уклониться отъ предписаннаго повиновенія».

При производствѣ слѣдствія о причинахъ пожара, вспыхнувшаго 18-го мая 1810 г. на Камскоижевскомъ оружейномъ заводѣ, причемъ «сгорѣло казенныхъ и обывательскихъ домовъ и имуществъ слишкомъ на 220,000 рублей, генералъ-губернатору было повелѣно «войти въ разсмотрѣніе настоящаго положенія и хозяйственнаго распорядка по всѣмъ частямъ завода и обнаружить, по какимъ причинамъ заводъ сей, при толико важныхъ на учрежденіе его пожертвованіяхъ казны и при настоящемъ числѣ чиновниковъ и мастеровыхъ, оставался донынѣ почти безъ всякаго дѣйствія и не только не соотвѣтствовалъ цѣли своего заведенія, но едва-ли приступилъ еще къ дѣлу оружія» [1]).

Эти заботы правительства о горныхъ заводахъ и строгія мѣры, которыя оно считало нужнымъ принять для искорененія внѣдрившихся въ нихъ злоупотребленій, свидѣтельствуютъ о томъ, какое значеніе придавалось въ то время поднятію горной промышленности въ краѣ, который, въ силу естественныхъ условій, являлся центромъ горнозаводской дѣятельности. Энергичный, неутомимый и безукоризненно честный генералъ-губернаторъ явился дѣятельнымъ и наиболѣе подходящимъ исполнителемъ намѣреній правительства, и его «долговременная и усердная служба» была оцѣнена по достоинству; уже по оставленіи имъ должности главнаго начальника края, К. Ѳ. Модерахъ получилъ въ награду «особыхъ трудовъ, оказанныхъ имъ въ бытность пермскимъ и вятскимъ генералъ-губернаторомъ и по управленію имъ горною

[1]) Указъ 7-го іюля 1810 г.

частью въ тамошнемъ краѣ» и въ знакъ «особаго монаршаго благоволенія» въ вѣчное и потомственное владѣніе двѣ тысячи десятинъ земли. при нижеслѣдующемъ указѣ правительствующему сенату, данномъ въ С.-Петербургѣ 10-го марта 1812 года:

«Тайному совѣтнику сенатору Модераху, въ вознагражденіе усердной службы и отличныхъ трудовъ, оказанныхъ имъ въ бытность пермскимъ и вятскимъ генералъ-губернаторомъ, всемилостивѣйше пожаловали мы въ вѣчное и потомственное владѣніе изъ свободныхъ казенныхъ земель, состоящихъ въ Вятской губерніи, двѣ тысячи десятинъ, по его избранію, объ отдачѣ коихъ и имѣетъ правительствующій сенатъ учинить надлежащее распоряженіе».

Въ 1812 г. Карлъ Ѳедоровичъ былъ членомъ комиссіи, учрежденной въ Москвѣ, для водворенія въ ней какъ наружнаго, такъ и внутренняго порядка, по изгнаніи непріятеля.

Въ 1816 г., императоръ Александръ Павловичъ, желая привести въ благоустройство новоприобрѣтенную Бессарабскую область, обратилъ вниманіе на Модераха; по этому предмету возникла интересная переписка между Модерахомъ и статсъ-секретаремъ граф. Каподистрія. употреблявшимъ, по волѣ государя, всѣ средства и способы, чтобъ склонить его къ принятію званія намѣстника бессарабскаго. Модерахъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не согласился принять на себя должность, которой не надѣялся исполнить, какъ того ожидалъ государь и какъ требовала собственная его совѣсть. Онъ рѣшительно отказался отъ громкаго званія намѣстника, но принялъ съ радостью предложеніе императрицы Маріи Ѳедоровны быть ея помощникомъ и исполнителемъ ея благихъ намѣреній въ служеніи обществу, въ должности почетнаго опекуна опекунскаго совѣта, а затѣмъ и завѣдующаго хозяйственною частью с.-петербургскаго воспитательнаго дома. При назначеніи своемъ на эту должность, Модерахъ получилъ слѣдующія весьма для него лестныя письма императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ С.-Петербургѣ, августа 28-го дня 1818 г.

«Карлъ Ѳедоровичъ! Отличное мое мнѣніе о вашихъ правилахъ и образѣ мыслей побудило меня испросить согласіе императора, любезнѣйшаго моего сына, на опредѣленіе васъ въ почетные члены с.-петербургскаго опекунскаго совѣта и его величество совершенно изволилъ одобрить мой выборъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ пріемля васъ подъ мое начальство, я совершенно увѣрена, что вы усердіемъ своимъ болѣе и болѣе потщитесь обратить на себя мое уваженіе и истинное доброжелательство, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонною. Марія».

Въ С.-Петербургѣ, января 1-го дня 1819 г.

«Карлъ Ѳедоровичъ! Г. почетный опекунъ кн. Шаховскій неоднократно просилъ меня, во уваженіе многихъ другихъ его занятій, уволить его отъ управленія воспитательнымъ домомъ, по части хозяйства и питомцевъ. Имѣвъ

уже случай теперь видѣть, колико вы оправдываете довѣріе, побудившее меня къ избранію васъ въ почетные опекуны, и будучи тѣмъ удостовѣрена, что управленіе толико важной части, каковы хозяйственная и деревенская экспедиціи, не могу ввѣрить лучшимъ рукамъ, какъ вашимъ, я рѣшилась удовлетворить прошеніе кн. Шаховскаго и управленіе оныхъ экспедицій возложить на васъ, о чемъ и дано мною опекунскому совѣту повелѣніе. Я въ полной мѣрѣ увѣрена, что усердіе ваше и ревностное и неизмѣнное вседневное попеченіе о препоручаемыхъ вамъ питомцахъ соотвѣтствовать будетъ моей довѣренности и что вы будете доставлять мнѣ пріятные случаи, для изъявленія моей признательности и совершеннаго доброжелательства, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонною. Марія».

Неусыпно заботясь о нравственномъ и умственномъ развитіи питомцевъ тѣхъ заведеній, коихъ она состояла покровительницею, императрица Марія Ѳеодоровна, вскорѣ по назначеніи Модераха завѣдующимъ Воспитательнымъ домомъ, даетъ ему указанія насчетъ введенія для воспитанниковъ новаго метода обученія.

«Карлъ Ѳедоровичъ, пишетъ императрица 18-го апрѣля 1819 г., по усмотрѣніи теперь хорошаго успѣха заведенія у воспитанницъ здѣшняго (с.-петербургскаго) Воспитательнаго дома ланкастеровой методы ученія, я прошу васъ приступить немедленно къ заведенію того-же образа взаимнаго ученія и для воспитанниковъ, приглашая къ тому извѣстнаго по ревности къ сему дѣлу коллежскаго ассессора Греча. Назначая для сего ученія часы въ разныя для обоихъ половъ времена, тотъ-же устроенный уже соотвѣтственно сему покой можетъ, при соблюденіи надлежащихъ предосторожностей, служить также для воспитанниковъ. Препоручая сіе вашему попеченію, я съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благосклонною. Марія».

Къ сожалѣнію, дѣятельный и добросовѣстный труженикъ и ревностный исполнитель благихъ предначертаній императрицы, въ ея заботахъ о петербургскомъ воспитательномъ домѣ, К. Ѳ. Модерахъ не долго имѣлъ возможность посвятить свои силы этому заведенію: годъ спустя, послѣ назначенія почетнымъ опекуномъ, его не стало; но своею распорядительностію, попеченіемъ о ввѣренныхъ ему питомцахъ и добрымъ сердцемъ онъ и въ этотъ короткій срокъ оставилъ о себѣ добрую память.

В. В. Тимощукъ.

АДМИРАЛЪ ѲАДДЕЙ ѲАДДЕЕВИЧЪ БЕЛЛИНГСГАУЗЕНЪ

р. 1778 г., † 1852 г.

Во время пребыванія вдовы адмирала Беллингсгаузена въ Висбаденѣ, ей понадобилась книга, которая не находилась въ продажѣ, причемъ ей сообщили, что существовавшая еще тогда герцогская Нассауская библіотека, вѣроятно, не откажетъ ей въ одолженіи этой книги. Прибывши въ библіотеку, она случайно застала тамъ цѣлое засѣданіе по управленію оной и когда она, назвавши свою фамилію, на вопросъ, не въ родствѣ-ли она со знаменитымъ русскимъ мореплавателемъ, отвѣтила, что она его вдова, то все собраніе встало и выразило ей свое уваженіе къ памяти и трудамъ ея покойнаго мужа.

Привожу этотъ случай въ доказательство того, какое придаютъ за-границею значеніе имени Беллингсгаузена, этого замѣчательнаго на поприщѣ землевѣдѣнія русскаго дѣятеля, между тѣмъ, какъ у насъ въ Россіи, кромѣ моряковъ и спеціалистовъ ученыхъ, рѣдко встрѣчаются люди, слыхавшіе что-либо о заслугахъ какъ его, такъ и цѣлаго ряда другихъ знаменитыхъ русскихъ моряковъ, на долю которыхъ выпала, главнымъ образомъ, трудная задача описывать и изслѣдовать неприступныя сѣверныя и южныя полярныя страны.

Передавая печати разсказы о Беллингсгаузенѣ, я полагаю, что они въ настоящее время, сорокъ лѣтъ послѣ его смерти, возбудятъ интересъ не только моряковъ, но и всѣхъ просвѣщенныхъ читателей къ одному изъ наиболѣе выдающихся людей въ исторіи морскихъ открытій и исторіи нашего флота.

При составленіи ихъ я руководствовался, главнымъ образомъ, его собственными разсказами, твердо запечатлѣвшимися въ моей, хотя и состарѣвшейся, памяти. Кромѣ того мною выписано изъ его собственнаго путешествія въ антарктическое полярное море, изъ вышедшей въ 1877 году брошюры о немъ адмирала Ѳ. Д. Нордмана, изъ симпатичной статьи о немъ г-на М. Меншикова, помѣщенной въ критико-біографическомъ словарѣ Венгерова, изъ сообщенія о немъ знаменитаго географа Петерманна, изъ статей русскаго и нѣмецкаго энциклопедическихъ лексиконовъ Брокгауза, изъ нѣмецкаго энциклопедическаго лексикона Майера и изъ другихъ источниковъ.

Баронъ П. Г.

I.

Адмиралъ Ѳаддей Ѳаддеевичъ Беллингсгаузенъ родился въ 1778 году, на островѣ Эзелѣ, въ имѣніи, принадлежавшемъ его отцу, дворянину древняго рода.

Первые годы своей жизни онъ провелъ частію въ деревнѣ, частію въ городѣ Аренсбургѣ, на о. Эзелѣ. Уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ онъ былъ опредѣленъ въ Морской кадетскій корпусъ, находившійся тогда въ Кронштадтѣ, въ томъ самомъ строеніи, гдѣ впослѣдствіи помѣщался Штурманскій корпусъ, а потомъ Техническое училище.

Когда Беллингсгаузенъ поступилъ въ корпусъ, онъ русскаго языка вовсе не зналъ, но, не имѣя въ Кронштадтѣ ни родственниковъ, ни знакомыхъ, онъ скоро выучился русскому языку, забывъ почти нѣмецкій, такъ что, по выходѣ изъ корпуса, онъ въ совершенствѣ усвоилъ себѣ русскій языкъ, который такимъ образомъ сдѣлался его роднымъ языкомъ. Кромѣ того, Беллингсгаузенъ, уже бывши офицеромъ, ознакомился съ англійскимъ языкомъ.

Воспитаніе того времени было въ Морскомъ корпусѣ, какъ вообще и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, весьма суровое. По словамъ Беллингсгаузена, съ кадетами обращались не какъ съ воспитанниками, а болѣе какъ съ преступниками.

Тогдашній корпусъ представлялъ особый малый міръ тьмы. Все было сурово и грязно; чтобы не замерзнуть въ спальняхъ, воспитанники замѣняли выбитыя въ окнахъ стекла подушками и таскали ночью изъ Адмиралтейства дрова.

Хотя программа преподаваемыхъ наукъ была весьма пространная, и въ нее входили даже нравственная философія, правовѣдѣніе,

итальянскій и латинскій языки, но въ сущности болѣе основательно проходились только математика и навтическія науки, подъ руководствомъ невѣжественныхъ учителей, требовавшихъ заучиванія уроковъ наизусть отъ слова до слова, а на прочіе предметы почти не обращалось вниманія, за невозможностію отыскать сколько-нибудь порядочныхъ учителей и за скудностью опредѣленнаго имъ въ тѣ времена содержанія. Тѣмъ не менѣе, корпусъ, въ которомъ онъ провелъ восемь лѣтъ дѣтства и отрочества, остался для Беллинсгаузена пріятнымъ воспоминаніемъ.

Уже съ 16-ти-лѣтняго возраста онъ участвовалъ въ большихъ плаваніяхъ, а эти плаванія, въ тѣ парусныя времена, не имѣли ничего общаго съ теперешними: это было своего рода подвижничество, исполненное лишеній, борьбы съ природою и своеобразной поэзіи.

Произведенный въ 1797 году въ мичманы, онъ былъ назначенъ въ ревельскую эскадру. Въ этомъ городѣ онъ зимовалъ шесть лѣтъ вмѣстѣ съ тремя товарищами по корпусу, и хотя онъ не имѣлъ никакихъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ тогдашняго скуднаго жалованія, тѣмъ не менѣе оставилъ этотъ городъ безъ долговъ.

Лѣтніе мѣсяцы онъ проводилъ въ плаваніи на судахъ разныхъ ранговъ, а зимніе употреблялъ, съ необыкновеннымъ для молодыхъ людей того времени рвеніемъ, на усовершенствованіе себя во всѣхъ навтическихъ наукахъ, черезъ что онъ обратилъ на себя особое вниманіе тогдашняго вліятельнаго адмирала Ханыкова, по настоятельному требованію котораго онъ былъ назначенъ мичманомъ на фрегатъ „Надежда“ для перваго кругосвѣтнаго плаванія русскихъ.

Во время этого славнаго трехлѣтняго кругосвѣтнаго путешествія, обезсмертившаго имя Крузенштерна, извѣстнаго безчисленными изслѣдованіями многихъ странъ свѣта по разнымъ отраслямъ наукъ, на долю молодаго Беллинсгаузена выпали всѣ картографическія работы, которыя, касаясь большею частію странъ, до того времени почти неизвѣстныхъ или никѣмъ не описанныхъ, обратили на себя общій интересъ науки.

Назначенный въ 1809 году командиромъ корвета „Мельпомена“, Беллинсгаузенъ въ томъ-же году участвовалъ въ Балтійскомъ портѣ въ, печальной памяти, военномъ совѣтѣ, состоявшемся на кораблѣ адмирала Ханыкова, причемъ Беллинсгаузенъ принадлежалъ къ меньшинству членовъ, совѣтовавшихъ предложить англичанамъ сраженіе въ открытомъ морѣ. Затѣмъ Беллинсгаузенъ въ томъ-же году крейсировалъ до поздней осени въ Финскомъ

заливѣ, между островами Гогландомъ и Сескаромъ для наблюденія за англійскою эскадрою, державшеюся почти все лѣто около Гогланда.

Въ 1811 году онъ былъ назначенъ командиромъ гребной флотиліи въ Ригѣ, а въ 1812 г. переведенъ въ Черное море командиромъ фрегата „Минерва", которымъ командовалъ до 1818 года, а потомъ фрегатомъ „Флора", причемъ ему было поручено гидрографическое описаніе береговъ Чернаго моря, но этого порученія онъ не окончилъ, за назначеніемъ его начальникомъ экспедиціи въ Южное полярное море.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1819 года императоръ Александръ I, по собственному своему благоусмотрѣнію и единственно съ цѣлью научныхъ открытій, приказалъ отправить два отряда—одинъ къ южному, а другой къ сѣверному поясамъ. Первому приказано осмотрѣть тѣ части южнаго полярнаго океана, въ которомъ никто еще не бывалъ, а въ мѣстахъ, уже открытыхъ другими мореплавателями, провѣрить сдѣланныя ими изслѣдованія. Насколько второму изъ сихъ отрядовъ не удалось принести какую-либо пользу наукѣ, настолько первый изъ нихъ, открывъ множество до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ острововъ, обогатилъ науку свѣдѣніями о южномъ полушаріи.

Сначала предположено было ввѣрить начальство надъ этимъ отрядомъ извѣстному моряку, капитану перваго ранга Макару Ивановичу Ратманову, который вмѣстѣ съ этимъ долженъ былъ командовать шлюпомъ „Востокъ", а командиромъ другаго корабля отряда, вновь выстроеннаго транспорта „Ладога", переименованнаго въ шлюпъ „Мирный", былъ назначенъ лейтенантъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, знаменитый впослѣдствіи адмиралъ, прославившійся возрожденіемъ и устройствомъ Черноморскаго флота.

Получивъ это назначеніе уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1819 г., Лазаревъ, со свойственною ему опытностію, немедленно потребовалъ отъ государственной адмиралтействъ-коллегіи надлежащаго исправленія своего корабля и, получивши на то согласіе коллегіи, онъ, надъ собственнымъ наблюденіемъ своимъ, удвоилъ все внутреннее скрѣпленіе шлюпа, а главное, обшилъ всю подводную часть двойною обшивкою, черезъ что бывшій транспортъ сдѣлался довольно крѣпкимъ морскимъ судномъ, которое, хотя и осталось дурнымъ ходокомъ, но скрѣпленіемъ своимъ было достаточно приготовлено къ предстоявшей ему борьбѣ съ океаномъ и льдами.

Не въ такомъ видѣ суждено было шлюпу „Востокъ" отправиться въ путь. Командиръ его, Ратмановъ, только-что потерпѣвшій крушеніе у Скагена, получилъ назначеніе свое въ Копенгагенѣ, гдѣ онъ лежалъ одержимый тяжкою болѣзнью и потому, отказываясь

въ принятіи начальства надъ отрядомъ, просилъ морскаго министра маркиза де-Траверзе назначить на его мѣсто Беллингсгаузена, съ которымъ онъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе подъ начальствомъ Крузенштерна. Такимъ образомъ, Беллингсгаузенъ изъ Чернаго моря прибылъ въ Кронштадтъ только въ послѣднихъ числахъ мая 1819 года.

Такъ какъ до пріѣзда его со стороны порта не было принято никакихъ мѣръ къ скрѣпленію осиротѣвшаго шлюпа „Востокъ", только-что построеннаго изъ сыраго сосноваго лѣса, то Беллингсгаузену, въ виду скораго выхода изъ Кронштадта, необходимаго для того, чтобы поспѣть въ южныя страны къ наступленію тамъ лѣта, не представлялось въ такой короткій срокъ возможности предпринять болѣе капитальныхъ работъ для скрѣпленія своего корабля и для болѣе тщательнаго приготовленія его къ такому опасному плаванію, а потому онъ довольствовался уменьшеніемъ рангоута, поразившаго его своею вышиною и самыми необходимыми скрѣпленіями, причемъ большая часть этихъ работъ была сдѣлана впослѣдствіи, подъ парусами.

Доказательствомъ изъ какого дурнаго матеріала былъ построенъ шлюпъ „Востокъ" служитъ то, что въ первое-же плаваніе въ Южномъ океанѣ открылась сильная течь и когда, во время бури во льдахъ, должны были осмотрѣть деревянный румпель [1]), то половина конца его отъ гнилости осталась въ гнѣздѣ руля, а, при второмъ плаваніи въ южный океанъ, течь уже дошла до того, что слышно было журчаніе воды, просачивавшейся въ корабль около носовой части.

На такомъ кораблѣ Беллингсгаузенъ проплавалъ два года въ океанахъ и дважды совершилъ свои изысканія въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ.

Тѣмъ не менѣе, „Востокъ" былъ порядочный ходокъ, между тѣмъ, какъ „Мирный", бывшій „Транспортъ" и построенный единственно для перевозки грузовъ, принадлежалъ къ самымъ дурнымъ ходокамъ.

О такомъ неравенствѣ обоихъ шлюповъ Беллингсгаузенъ выражается въ описаніи своего путешествія (стр. 219), что, при всемъ искусствѣ и попечительствѣ М. П. Лазарева, оно производило громадное неудобство, препятствуя на каждомъ шагу успѣшному плаванію, ибо въ виду инструкціи, воспрещавшей разлучаться, Беллингсгаузенъ часто лишался случаевъ проникать далѣе къ югу, теряя время въ поджиданіи или отыскиваніи своего товарища.

---

[1]) Рычагъ, вкладываемый въ вершину руля и служащій для управленія имъ.

Оставивъ 4-го іюля 1819 г. Кронштадтъ и вышедши 22-го ноября изъ Ріо-Жанейро, отрядъ достигъ острова Георгія 15-го декабря и, держась около него 16-го и 17-го декабря, исправилъ и дополнилъ опись восточнаго берега острова, произведенную, за 20 лѣтъ тому назадъ, Кукомъ; 20-го декабря отрядъ въ широтѣ 56° уже встрѣтился впервые съ плавающими ледяными горами, ограждающими въ видѣ страшныхъ исполиновъ непроницаемую тайну антарктическихъ странъ; 22-го и 23-го декабря въ широтѣ около 56° и зап. долготѣ 27° открыты три неизвѣстныхъ до того времени острова, названные первые два по фамиліямъ офицеровъ шлюпа „Востокъ", Завадовскаго и Лѣскова, а третій Высокимъ, которымъ было дано общее названіе острововъ маркиза де-Траверзе, тогдашняго морскаго министра.

На островѣ Завадовскаго находился вулканъ, извергавшій густые смрадные пары.

21-го января 1820 года Беллингсгаузенъ достигъ южной широты 69° 25′ при 1° 11′ зап. долготы, южнѣе чего до него никто не доходилъ.

Пробираясь затѣмъ къ востоку между плавающими ледяными полями и горами, при температурѣ около и ниже точки замерзанія, въ не прекращающейся борьбѣ со страшными бурями, мятелями, непроницаемыми туманами и дождями, Беллингсгаузенъ обошелъ вдоль раіона постоянныхъ непроницаемыхъ тогда льдовъ въ южной широтѣ между 70° и 60° до 124° вост. долготы и, отпустивши 5-го марта шлюпъ „Мирный", онъ до 15-го марта еще держался около льдовъ, послѣ чего направилъ курсъ въ меньшія широты и послѣ 130-ти-дневнаго утомительнаго и опаснаго плаванія, прибылъ въ портъ Джексонъ, находящійся противъ города Сиднея въ Южной Австраліи.

Чтобы познакомить читателей съ характеромъ ужасовъ этого плаванія, дѣлаемъ краткую выписку изъ путешествія Беллингсгаузена (стр. 229), въ которой описывается плаваніе шлюпа 9-го марта, дающую понятіе о всемъ плаваніи со дня вступленія кораблей въ большія широты, съ тою только разницею, что ежедневныя непогоды сопровождались большею частью еще снѣгомъ, дождями и туманами:

„Въ пять часовъ утра порвало всѣ паруса, кромѣ фокъ-стакселя [1]), который я приказалъ скорѣе спустить, дабы имѣть хотя одинъ

[1]) Нижній передній парусъ.

цѣлый парусъ на всякій случай. Буря ревѣла, волны подымались до необычайной высоты; море какъ будто смѣшалось съ воздухомъ, ревъ бури и трескъ частей шлюпа заглушали все.

Оставшись совершенно безъ парусовъ, на произволъ свирѣпствовавшей бури, мы утѣшались только тѣмъ, что не встрѣчали льдовъ, но въ 8 часовъ съ передней части палубы закричали: „ледяныя горы впереди"; это извѣстіе поразило всѣхъ ужасомъ. Видя, что насъ несло на одну изъ льдинъ, я приказалъ поднять уцѣлѣвшій передній парусъ и положить руль на вѣтеръ, на бортъ, но это не произвело желаемаго дѣйствія; между тѣмъ, одну льдину пронесло подъ кормою, а другая неслась прямо на середину шлюпа и мы ожидали неминуемаго удара, но, къ счастью, огромная волна, вышедшая изъ-подъ шлюпа, отодвинула льдину на нѣсколько саженъ и пронесла ее у самой кормы. При столкновеніи, льдина эта неминуема проломила-бы бортъ".

Оставшись въ портѣ Джексонѣ, куда скоро прибылъ и Лазаревъ для отдыха послѣ такого труднаго и долгаго плаванія и для исправленія значительныхъ и многочисленныхъ поврежденій шлюповъ, отрядъ снялся 8-го мая 1820 года съ якоря и по невозможности плаванія въ южныхъ широтахъ, по причинѣ наступившей тамъ зимы, направился на изысканія въ Тихій океанъ, для чего Беллингсгаузенъ избралъ путь сѣвернѣе Новой Зеландіи, въ мѣста, въ то время менѣе извѣстныя, а именно, въ часть океана, расположенную между названнымъ Рогевейномъ: „Сердитымъ моремъ" и открытымъ Бугенвилемъ архипелагомъ, названнымъ имъ: „Опаснымъ", одни наименованія которыхъ заставляли мореплавателей того времени избѣгать эти мѣста, и потому, по малоизвѣстности ихъ, предполагалось скорѣе всего сдѣлать тамъ новыя открытія.

Предположеніе это не обмануло его, ибо съ 8-го по 19-е іюля были открыты въ ю. ш. отъ 15—17° и въ в. д. отъ 213—219° цѣлый архипелагъ коралловыхъ, обитаемыхъ и не заселенныхъ острововъ, пространствомъ до 50 верстъ въ длину, а именно: Моллеръ, Аракчеевъ, князь Волконскій, Барклай де-Толли, Ермоловъ, князь Голенищевъ-Кутузовъ, генералъ Раевскій, графъ Остенъ-Сакенъ, адмиралъ Чичаговъ, графъ Милорадовичъ, графъ Витгенштейнъ и адмиралъ Грейгъ, которымъ Беллингсгаузенъ далъ общее наименованіе острововъ Россіянъ.

Прибывъ 22-го іюля въ Отаити, Беллингсгаузенъ 27-го іюля отправился на новыя изысканія и открылъ 31-го іюля въ ю. ш. 15° и в. д. 211° островъ, названный имъ въ честь товарища его, командира „Мирнаго", „Лазаревымъ", затѣмъ 3-го августа былъ открытъ

островъ „Востокъ“ и 8-го августа въ ю. ш. 10° и в. д. 199° островъ „Великій Князь Александръ“. Отсюда Беллингсгаузенъ направился обратно въ портъ Джексонъ и, провѣряя въ пути описанія и мѣстонахожденіе многихъ острововъ, открытыхъ до него другими мореплавателями, 19-го августа открылъ еще два неизвѣстныхъ до того времени острова въ ю. ш. 21° и в. д. 181°, названные имъ по фамиліямъ сопровождавшихъ его астронома Симанова, впослѣдствіи знаменитаго профессора казанскаго университета, и живописца Михайлова, а 9-го сентября отрядъ опять бросилъ якорь въ портѣ Джексонѣ, гдѣ снова необходимо было подвергнуть расшатавшіеся корабли весьма капитальному исправленію.

Свободное время употреблялось тамъ на астрономическія обсерваціи, провѣрку хронометровъ и компасовъ и на другія научныя занятія.

Весьма замѣчательны собранныя тогда Беллингсгаузеномъ подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ англійскимъ правительствомъ управленія краемъ и объ учрежденіи колоній для ссыльныхъ, которыя въ настоящее время, по истеченіи 70 лѣтъ, въ виду предпринятаго нами заселенія острова Сахалина ссыльными, представляютъ особый интересъ. Такимъ-же образомъ Беллингсгаузенъ весьма живо описалъ бытъ и нравы какъ туземныхъ дикихъ, такъ и пришлаго европейскаго населенія.

31-го октября 1820 года отрядъ снова снялся съ якоря и, починивши насколько было возможно свои утлые корабли, отправился опять въ неизвѣстныя ледяныя страны Южнаго океана.

Уже 8-го ноября въ носовой части шлюпа „Востокъ“, какъ выше упомянуто, оказалась сильная течь, но тѣмъ не менѣе Беллингсгаузенъ, слѣдуя, какъ онъ выражался, „принципу своему“, что „отважность иногда ведетъ къ успѣхамъ“ (стр. 157, II часть), онъ продолжалъ путь для достиженія поставленной себѣ цѣли.

Миновавъ островъ Макварія 20-го ноября, корабли, утромъ 28-го ноября, въ широтѣ 62 и в. д. 164° встрѣтили первыя плавающія ледяныя горы, а къ вечеру уже увидѣли къ югу сплошной ледъ, заграждавшій путь къ югу и заставившій экспедицію держаться болѣе восточнаго курса.

Съ этихъ поръ начались опять страданія прошлогодняго плаванія между льдами, при температурѣ нѣсколькихъ градусовъ ниже точки замерзанія, съ тѣми-же страшными бурями, вьюгами, туманами, но съ тою разницею, что на шлюпѣ „Востокъ“, еще болѣе расшатавшемся, течь съ каждымъ днемъ увеличивалась.

Пробираясь такимъ образомъ въ широтѣ между 62° и 70°, между плавающими льдинами и ледяными пространствами, о присутствіи коихъ отважные пловцы ночью и во время тумановъ узнавали только отъ гула разбивающихся о нихъ буруновъ, и рискуя такимъ образомъ, въ продолженіе всего плаванія, ежечасно подвергнуться безслѣдной гибели, Беллингсгаузенъ, въ западной долготѣ 92°, достигъ 11-го января наибольшей широты 69°57′, и вскорѣ раздался на шлюпѣ радостный крикъ: „берегъ!“, который оказался довольно значительнымъ островомъ, названнымъ Беллингсгаузеномъ именемъ основателя русскаго флота, Петра I. Та-же радость распространилась въ отрядѣ и вознаградила отважныхъ моряковъ, когда 17-го января, въ широтѣ 68°29′ и долготѣ западной 73° повторились тѣ-же крики радости и открытъ былъ берегъ, принятый Беллингсгаузеномъ, по величинѣ занимаемаго имъ пространства, за материкъ и названный имъ именемъ виновника экспедиціи: берегомъ императора Александра I-го.

Такимъ образомъ Беллингсгаузенъ первый опровергъ мнѣніе Кука, что въ южныхъ полярныхъ странахъ нѣтъ земли.

Получивъ во время пребыванія въ портѣ Джексонѣ отъ нашего посланника при португальскомъ дворѣ барона Тейля сообщеніе, что южнѣе Огненной земли былъ открытъ капитаномъ китобойнаго корабля Смитомъ материкъ, оказавшійся впослѣдствіи островомъ, названнымъ имъ Южнымъ Шетландомъ [1]), Беллингсгаузенъ направилъ плаваніе свое въ тѣ мѣста и открылъ 25-го января, въ широтѣ 63° и такой-же западной долготѣ, три острова, названныхъ имъ Бородино, Малый Ярославецъ, а третій, изъ благодарности за сообщенныя свѣдѣнія, островомъ Тейля.

На слѣдующій день опять были открыты пять острововъ, принадлежащіе къ тому-же архипелагу, названные Смоленскъ, Березина, Полоцкъ, Лейпцигъ и Ватерлоо, а 26-го января Камень Елена. 28-го января, въ широтѣ 61° 41′ и долготѣ 58° опять были открыты три малые острова, названные: „Трехъ братьевъ“, и нѣсколько западнѣе ихъ четвертый, названный „Рожновымъ“. Въ тотъ-же день „Востокъ“ едва не разбился о неизвѣстный до того времени подводный рифъ. На слѣдующій день опять были открыты три острова, названные фамиліями адмираловъ: Мордвинова, Михайлова и Шишкова. 30-го января настала страшная буря, отъ которой „Востокъ“ окончательно потекъ и расшатался до такой степени, что дальнѣйшее плаваніе на немъ становилось опаснымъ, вслѣдствіе

[1]) Вѣроятно, видѣнный уже въ 1599 году Дикъ-Шеритомъ (Der Erdball und seine Wunder, Zimmermann, 1883 г.).

чего Беллингсгаузенъ взялъ курсъ на сѣверъ и 27-го февраля 1821 г. прибылъ послѣ, четырехмѣсячнаго плаванія, въ Ріо-Жанейро, гдѣ за необходимыми починками оставался до 22-го апрѣля. Въ это время тамъ совершался переворотъ въ управленіи вслѣдствіе того, что португальскій король Іоаннъ IV, превратившій въ 1807 г. Ріо-Жанейро въ свою столицу, далъ Португаліи и Бразиліи конституцію и возвратился въ Лиссабонъ, а потому посланникъ нашъ, баронъ Тейль, воспользовался предложеніемъ Беллингсгаузена и отправился съ нимъ въ Лиссабонъ, откуда отрядъ, послѣ двухгодоваго путешествія, не останавливаясь нигдѣ, прибылъ 24-го іюня 1821 г. въ Кронштадтъ, пробывъ 527 дней подъ парусами и проплывъ въ это время восемьдесятъ шесть съ половиною тысячъ верстъ, т. е. пространство въ $2^1/_4$ раза болѣе окружности земнаго шара.

Въ продолженіе этого плаванія открыты двадцать девять острововъ, изъ которыхъ въ южномъ полярномъ поясѣ—два, а именно, Петра I и Александра I, южнѣе которыхъ до того времени не были извѣстны никакія земли и острова; въ южномъ умѣренномъ восемь и девятнадцать въ жаркомъ поясѣ; кромѣ того, открыты—одна коралловая мель и нѣсколько подводныхъ рифовъ и мелей.

Беллингсгаузенъ никогда не смотрѣлъ на совершенный имъ подвигъ какъ на нѣчто выходящее изъ ряда обыкновенныхъ событій, а считалъ его простымъ исполненіемъ своего долга, принесшимъ нѣкоторую пользу наукѣ.

Императоръ Александръ I щедрыми наградами вполнѣ доказалъ ему свое благоволеніе, но величайшею наградою для Беллингсгаузена былъ милостивый пріемъ государя, пожелавшаго узнать устно отъ него самого подробности его подвига.

Въ собственномъ кабинетѣ его, въ Царско-сельскомъ дворцѣ, принялъ его императоръ и со свойственною ему любезностію, очаровывавшею всю Европу, сказалъ ему, улыбаясь и указывая на стулъ: „вы вернулись изъ далекаго путешествія и вѣрно устали, садитесь, капитанъ“. Часы эти остались незабвенными въ памяти почтеннаго старца, который часто вспоминалъ и разсказывалъ объ этомъ.

Черезъ три года Беллингсгаузенъ представилъ адмиралтейскому департаменту описаніе своего путешествія со всѣми картами и рисунками, но дѣло объ этомъ было оставлено безъ движенія—и только въ 1827 г., по открытіи морскаго ученаго комитета, Беллингсгаузенъ снова просилъ объ изданіи его сочиненія, отказываясь даже отъ авторскаго права. Комитетъ нашелъ, что „можетъ случиться и едва-ли уже не случилось, что учиненныя капитаномъ

Беллингсгаузеномъ обрѣтенія, по неизвѣстности оныхъ, послужатъ къ чести иностранныхъ, а не нашихъ мореплавателей".

По высочайшему повелѣнію императора Николая I было назначено изъ кабинета его величества 10,840 рублей [1]) на изданіе сочиненія Беллингсгаузена съ тѣмъ, чтобы оно было обращено въ пользу автора; такимъ образомъ въ 1831 г. вышло въ свѣтъ „Двукратныя изысканія въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ и плаваніе вокругъ свѣта въ продолженіе 1819, 1820 и 1821 годовъ, совершенныя на шлюпѣ „Востокъ" и „Мирный", подъ начальствомъ капитана Беллингсгаузена, командира шлюпа „Востокъ".

Изданіе въ видѣ двухъ роскошныхъ томовъ in 4°, съ атласомъ изъ 19 картъ и 44-хъ литографированныхъ рисунковъ, печаталось въ типографіи Глазунова и вышло въ числѣ 600 экземпляровъ. Въ настоящее время оно представляетъ библіографическую рѣдкость. Несмотря на нѣсколько устарѣвшій языкъ, оно читается и теперь съ большимъ интересомъ, какъ всякое „первое" путешествіе въ неизвѣстные до того края. Случайный недостатокъ натуралиста въ этой экспедиціи частью вознаграждается описаніемъ непосредственныхъ наблюденій надъ природою и величественными явленіями полярнаго міра и описаніемъ незнакомыхъ морскихъ животныхъ, птицъ, рыбъ и туземцевъ.

Глубокая религіозность и теплота души Беллингсгаузена, соединенныя съ неустрашимостью, прекрасныя отношенія начальствующихъ и подчиненныхъ (за всѣ два года кругосвѣтнаго путешествія ни одинъ матросъ не былъ наказанъ тѣлесно,—это въ ту-то эпоху безпощаднаго дранья!), постоянное попеченіе о здоровьѣ экипажа, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ, мирныя и даже идиллическія отношенія къ дикарямъ,—все это придаетъ путешествію отпечатокъ особенно симпатичный [2]).

Путешествіе это въ такой славѣ въ ученомъ мірѣ Европы, что Джемсъ Россъ, въ описаніи путешествія своего 1841 г., постоянно называетъ нашего покойнаго адмирала „неустрашимый Беллингсгаузенъ" (the intrepid B.).

Англійскій картографъ Аросмитъ, въ своемъ позднѣйшемъ изданіи всесвѣтной меркаторской карты, нанесъ на оную только пути кругосвѣтныхъ плавателей: Кука, Беллингсгаузена, Дюрвиля, Биское, Росса и Кемпа.

Вотъ что говоритъ о Беллингсгаузенѣ знаменитый, авторитетный

---

[1]) 38,000 рублей ассигн.

[2]) М. Меншиковъ, „Критико-біографическій лексиконъ Венгерова".

нѣмецкій географъ, докторъ А. Петерманнъ, въ статьѣ своей объ обязанности для Германіи отправить экспедицію къ сѣверному полюсу для изслѣдованія центральнаго арктическаго пространства (Mittheilungen aus Justus Perthas geographischer Anstalt, 16 Ergänzungsheft. Gotha, 1865, Die Erforschung der arktischen Central-Region durch eine deutsche Nordfahrt, стр. 5):

„Къ націямъ, которыя до сихъ поръ оказали наибольшія услуги арктической и антарктической географіи, слѣдуетъ прежде всего причислить англичанъ, которые дѣйствительно оказали на этомъ поприщѣ необычайные успѣхи и принесли величайшія жертвы; за ними слѣдуютъ русскіе, французы, американцы, голландцы, шведы, норвежцы и датчане; всѣ они отправляли экспедиціи, болѣе или менѣе научныя, къ сѣверному и южному полюсамъ, только мы одни, нѣмцы, никого не посылали. Почти всѣ эти экспедиціи были отправляемы не съ матеріальными цѣлями, а лишь для пользы науки, и обошлись навѣрное болѣе ста милліоновъ талеровъ, причемъ онѣ не только прославили свои націи, но послужили тоже къ образованію и къ развитію ихъ морскаго дѣла.

Самымъ достойнымъ примѣромъ для Германіи слѣдуетъ поставить одну изъ этихъ многочисленныхъ экспедицій, а именно русскую, подъ начальствомъ капитана Беллинсгаузена.

Послѣ Вѣнскаго конгресса 1815-го года императоръ Александръ I, этотъ не только энергичный и сильный, но мудрый и просвѣщенный государь, первый изъ всѣхъ монарховъ Европы остановившій порывы завоевателя свѣта, отправилъ цѣлый рядъ научныхъ морскихъ экспедицій, послужившихъ къ неувядаемой славѣ Россіи, съ которыми по высоконаучному смыслу и блистательному исполненію едва-ли могутъ сравниться другія націи.

Имена русскихъ мореплавателей Крузенштерна, Коцебу, Литке, Врангеля и Анжу являются звѣздами первой величины на географическомъ небосклонѣ. Къ этимъ экспедиціямъ слѣдуетъ причислить и открытія Беллинсгаузена въ антарктическихъ моряхъ. Еще можно допустить, что Россія направляла свои изысканія къ сѣверному полюсу, не только съ одною научною цѣлью, но такъ-же и для матеріальныхъ выгодъ, таковы экспедиція къ Шпицбергену, въ Сибирское Ледовитое море, въ Беринговъ проливъ, въ Восточную Азію и въ Сѣверо-Западную Америку; но этого невозможно допустить относительно русскихъ кругосвѣтныхъ путешествій и плаваній въ южномъ полушаріи, которыя уже представляютъ высоконаучную заслугу; плаваніе-же, направленное прямо къ южному полюсу, дѣлаетъ русскому научному стремленію величайшую честь

и особенно при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда знаменитый англійскій мореплаватель Кукъ убѣдилъ весь свѣтъ, что приблизиться къ южному полюсу дальше, чѣмъ сдѣлалъ онъ, нѣтъ никакой возможности, что за рубежемъ, котораго достигъ онъ, нѣтъ ничего примѣчательнаго, нечего искать и нечего открывать. Этому-то много значительному рѣшенію величайшаго мореплавателя своего времени, осмѣлился пойти наперекоръ русскій капитанъ Беллингсгаузенъ, плывшій прямо изъ Балтійскаго моря къ обрисованному Кукомъ самыми мрачными красками поприщу величайшихъ трудностей и невозможностей. И что-же! Ему вполнѣ удалось опровергнуть мнѣніе Кука и приблизиться на протяженіи 250° долготы ближе къ южному полюсу, чѣмъ англійскій предшественникъ его.

На моей картѣ проложены пути Кука и Беллингсгаузена и по исчисленію моему, площадь, лежащая между этими двумя путями и пріобщенная Беллингсгаузеномъ къ изслѣдованнымъ Кукомъ пространствамъ, равняется 214,000 нѣмецкимъ квадратнымъ милямъ.

Заслуги Беллингсгаузена до сихъ поръ еще не были оцѣнены во всемъ ихъ значеніи. Ни одинъ мореплаватель послѣ него не изслѣдовалъ такого громаднаго пространства поверхности земнаго шара, какъ онъ.

Большая французская экспедиція Дюрвиля (d'Urville) въ 1838—1840 гг. пріобщила къ количеству изысканныхъ пространствъ земли только 3.200, большая американская экспедиція Уилькеса (Wilkes) только 12,000, а всѣ англійскія: Уедделя, (Weddell) Биское, Кемпъ, Баллени, Россъ и Муръ (Moore) съ 1828 по 1845-ый годъ вмѣстѣ 123,000 нѣмецкихъ квадратныхъ миль.

Но эта наименьшая заслуга Беллингсгаузена. Важнѣе всего то, что онъ безстрашно попралъ созданный за 50 лѣтъ передъ тѣмъ такимъ великимъ человѣкомъ, какъ Кукъ, крѣпко вкоренившійся предразсудокъ. Это составляетъ дѣйствительно успѣхъ и великій подвигъ, а потому Беллингсгаузенъ въ этомъ отношеніи долженъ быть поставленъ на ряду съ Колумбомъ, Магелланомъ, Джемсомъ Россъ и другими мореплавателями, не обратившими вниманія на созданныя ихъ предшественниками затрудненія и воображаемыя невозможности, но шедшими своею самостоятельною дорогою, разрушая всякія преграды и достигшими своихъ цѣлей, создавая каждый разъ въ исторіи морскихъ открытій важную эпоху.

Вотъ чего не достаетъ Германіи для изысканій арктическаго центральнаго пространства,—свободнаго отъ предразсудковъ мужа, каковы были Беллингсгаузенъ или Джемсъ-Россъ.

Найдется-ли у насъ въ Германіи такой мужъ?... Неужели

Германія не приметъ на себя у сѣвернаго полюса ту-же роль, которую такъ блистательно исполнила Россія у южнаго полюса".

II.

По возвращеніи изъ плаванія Беллингсгаузенъ продолжалъ строевую службу и съ 1821 года послѣдовательно былъ назначаемъ командиромъ 15-го флотскаго экипажа, исправляющимъ должности цейхмейстера и дежурнаго генерала.

Въ 1826 году онъ былъ назначенъ начальникомъ отряда, состоявшаго изъ корабля „Константинъ" и фрегата „Елена", для практическаго плаванія съ гвардейскимъ экипажемъ въ Средиземномъ морѣ, и, произведенный во время этого плаванія въ контръ-адмиралы, онъ, по возвращеніи въ 1827 году, былъ назначенъ командиромъ этого экипажа, съ которымъ онъ въ 1828 году отправился сухимъ путемъ въ Турцію, для принятія участія въ начавшейся тогда турецкой войнѣ.

Достигши, безъ выдающихся дѣлъ съ непріятелемъ, города Коварны, экипажъ былъ перемѣщенъ, для комплектованія корабельныхъ командъ, на корабли Черноморскаго флота, блокировавшаго тогда, подъ начальствомъ адмирала Самуила Алексѣевича Грейга, крѣпость Варну.

Имѣя свой флагъ на кораблѣ „Парменъ", Беллингсгаузенъ съ 13 по 21 сентября принималъ выдающееся участіе при обстрѣливаніи крѣпости, стараясь всегда поражать ее залпами, цѣлыми лагами на самомъ близкомъ разстояніи.

Въ слѣдующемъ 1829 году Беллингсгаузенъ съ 12-го апрѣля по 13-ое ноября находился съ командуемымъ имъ гвардейскимъ экипажемъ на кораблѣ „Парижъ" подъ флагомъ того-же адмирала Грейга. Походъ этотъ, по бездѣйствію своему, остался въ недоброй памяти у Беллингсгаузена, который, при пылкости и отважности своей, не могъ примириться съ тѣмъ, что флотъ нашъ, вмѣсто того, чтобы напасть въ Босфорѣ на малочисленную непріятельскую эскадру, состоявшую изъ остатковъ послѣ Наваринскаго погрома, оставался все время почти на Сизопольскомъ рейдѣ, довольствуясь, посредствомъ высылаемыхъ крейсеровъ, лишь наблюденіемъ за непріятелемъ и очередною посылкою нѣсколькихъ кораблей въ кратковременное крейсерство.

Кромѣ этого, нѣкоторыя части флота имѣли незначительныя дѣла у городовъ Мезембріи, Мидіи и Инадѣ, а крейсеры наши овладѣли нѣкоторыми призами, состоящими изъ мелкихъ коммерческихъ судовъ.

Самымъ-же радостнымъ событіемъ долговременнаго бездѣйствія нашей эскадры былъ геройскій подвигъ маленькаго брига „Меркурій“ подъ командою славнаго Козарскаго.

Находясь въ первыхъ числахъ мая въ крейсерствѣ близь входа въ Босфоръ, онъ послѣ густаго тумана очутился на самомъ близкомъ разстояніи между двумя турецкими линейными кораблями, обсыпавшими его своими тяжелыми снарядами, но „Меркурій“, отстрѣливаясь своею мелкою артиллеріею, воспользовался совершеннымъ безвѣтріемъ и ушелъ отъ нихъ на веслахъ, прибывъ простреленный, какъ рѣшето, въ Сизополь съ вѣстію о выходѣ турокъ въ море. Обстоятельство это подтвердилось грустнымъ извѣстіемъ о катастрофѣ съ фрегатомъ „Рафаилъ“, который, находясь въ крейсерствѣ на высотѣ Требизонда, около того-же времени былъ взятъ тою-же турецкою эскадрою, о которой донесъ Козарскій.

Этотъ фрегатъ, еще много лѣтъ спустя, лежалъ въ Золотомъ Рогѣ, въ видѣ трофея.

Посланный, по полученіи печальнаго извѣстія о „Рафаилѣ“, отрядъ контръ-адмирала Ивана Семеновича Скаловскаго для отысканія турецкой эскадры, конечно, не нашелъ ея, а довольствовался сожженіемъ въ Требизондѣ новаго, еще не вооруженнаго, турецкаго шестидесяти-пушечнаго корабля.

Находясь на одномъ кораблѣ съ начальникомъ флота, Беллингсгаузенъ, какъ вполнѣ знакомый съ Босфоромъ, неоднократно высказывалъ ему свое мнѣніе относительно нападенія на турокъ въ самомъ Босфорѣ, обративъ главныя силы флота на пресловутыя турецкія береговыя укрѣпленія, а остальныя на вступленіе въ бой съ незначительною турецкою эскадрою; но предложеніе это, къ крайнему огорченію его, всегда отклонялось въ виду риска, сопряженнаго съ такимъ предпріятіемъ, отъ котораго, въ случаѣ неуспѣха могла-бы послѣдовать гибель всего флота.

Конечно, такой выводъ не былъ согласенъ съ вышеупомянутымъ тезисомъ Беллингсгаузена, что „отважность иногда ведетъ къ успѣхамъ“,—и потому онъ еще въ старости выражалъ твердое убѣжденіе свое, что рѣшительное нападеніе на турецкій флотъ имѣло-бы полнѣйшіе шансы на успѣхъ.

Прибывъ 13-го ноября въ Севастополь и окончивши кампанію, гвардейскій экипажъ, вскорѣ отправился сухимъ путемъ въ Петербургъ, но самъ Беллингсгаузенъ остался въ Севастополѣ для исполненія возложеннаго на него изслѣдованія разныхъ безпорядковъ и злоупотребленій по управленію Черноморскимъ флотомъ и

такимъ образомъ онъ неожиданно попалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ придуманную тогда севастопольскую чуму, которая, по его мнѣнію, никогда въ дѣйствительности тамъ не существовала и выражалась только тѣмъ, что всѣхъ покойниковъ, отъ какой-бы болѣзни они не умерли, даже женщинъ, умершихъ въ родахъ, увозили по ночамъ нарочно опредѣленными для этого людьми, вымазанными дегтемъ (мортусами) для преданія ихъ землѣ, даже не на кладбищахъ.

Самое-же гибельное послѣдствіе опрометчиваго признанія Севастополя зачумленнымъ было объявленіе города въ карантинѣ и строгое оцѣпленіе его со всѣхъ сторонъ.

Тяжесть этой мѣры, лишившая неимущихъ жителей Матроской Слободы загородныхъ заработковъ и вообще средствъ къ жизни, возбудила страшный бунтъ, вспыхнувшій весною 1830 года, вечеромъ того самого дня, когда Беллингсгаузенъ, по окончаніи возложеннаго на него слѣдственнаго производства, уже перебрался со своимъ семействомъ въ карантинъ для высиживанія въ немъ шести недѣль.

Доказательствомъ-же того, что чума въ городѣ вовсе не существовала, Беллингсгаузеномъ приводилось то обстоятельство, что, когда на пятый день послѣ бунта, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ лично прибылъ въ Севастополь, то онъ немедленно въ тотъ-же самый день приказалъ снять карантинъ и отъ мнимой чумы не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ изуродованныхъ труповъ коменданта генералъ-маіора Столыпина и другихъ жертвъ разъяренной толпы и равно труповъ разстрѣленныхъ и засѣченныхъ бунтовщиковъ.

6-го декабря 1830 года Беллингсгаузенъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы и при воспослѣдовавшемъ тогда раздѣленіи Балтійскаго флота на три дивизіи, былъ назначенъ начальникомъ 2-й флотской дивизіи, которая во время девятилѣтняго его командованія отличалась исполненіемъ сложныхъ эволюцій, причемъ Беллингсгаузенъ со свойственнымъ ему терпѣніемъ и любовью къ дѣлу достигъ значительныхъ результатовъ въ усовершенствованіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ, какъ въ парусныхъ работахъ и ученіяхъ, такъ и въ артиллерійской службѣ.

Къ тому-же времени относится изданное въ 1839 году морскимъ ученымъ комитетомъ сочиненіе его: „о прицѣливаніи орудій на морѣ, съ таблицею элевацій“. Это единственное, въ своемъ родѣ, сочиненіе, потребовавшее много усидчиваго труда, оцѣнивалось весьма высоко тогдашними знатоками дѣла, когда наука

артиллеріи, а въ особенности морской, не достигла настоящаго уровня своего.

15-го іюля 1839 года Беллингсгаузенъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта и Кронштадтскимъ военнымъ губернаторомъ.

Нелишне вспомнить здѣсь вкратцѣ о тогдашнемъ устройствѣ флотовъ и балтійскаго въ особенности.

Главное управленіе находилось въ Петербургѣ и состояло изъ начальника главнаго морскаго штаба князя Александра Сергѣевича Меншикова, не бывшаго никогда морякомъ, его канцеляріи и цѣлаго ряда департаментовъ: инспекторскаго, кораблестроительнаго, комиссаріатскаго, артиллерійскаго, гидрографическаго, медицинскаго, аудиторіатскаго и корабельныхъ лѣсовъ. Кромѣ того, существовалъ еще адмиралтействъ-совѣтъ, который въ то время не имѣлъ особеннаго вліянія на дѣла флота, а служилъ болѣе формальною инстанціею для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ и утвержденія разныхъ представленій.

Какъ выше изложено, въ балтійскомъ флотѣ находились три дивизіи, состоящія каждая изъ девяти экипажей по 1.000 человѣкъ; къ каждой изъ этихъ дивизій были причислены по девяти кораблей отъ 74 до 120 пушекъ, по шести большею частію 44-хъ пушечныхъ фрегатовъ и до 12-ти мелкихъ судовъ, какъ-то: корветовъ, бриговъ, шхунъ, тендеровъ, люгеровъ и нѣсколько мелкихъ пароходовъ; кромѣ того въ сороковыхъ годахъ были построены шесть колесныхъ боевыхъ пароходовъ. Всѣ эти суда, кромѣ малаго числа заказанныхъ за-границею и въ Финляндіи, строились въ Петербургѣ на адмиралтейскихъ и охтенскихъ верфяхъ и въ Архангельскѣ подъ непосредственнымъ надзоромъ главнаго морскаго начальства и кораблестроительнаго департамента, безъ всякаго участія главнаго командира кронштадтскаго порта.

По чисто бюрократическому устройству этихъ учрежденій, качества кораблей оказывались весьма неудовлетворительными, особенно по причинѣ полнаго отсутствія въ адмиралтействахъ запасовъ корабельныхъ лѣсовъ, вслѣдствіе чего корабли строились изъ совершенно сыраго лѣса и еще отъ недостатка сколько-нибудь знакомыхъ съ моремъ строителей. Неудивительно поэтому, что корабли, относительно долговѣчности, крѣпости и мореходныхъ качествъ, находились въ весьма плохомъ состояніи, между тѣмъ какъ главнымъ условіемъ для всякаго флота какъ въ настоящее время, такъ и тогда составляли быстроходные, крѣпкіе, обладающіе морскими качествами корабли.

Линейный корабль, служившій въ то время, безъ капитальной починки, у всѣхъ націй отъ 25-ти до 30-ти лѣтъ, никогда не служилъ у насъ болѣе десяти лѣтъ, послѣ чего, если онъ до этого срока неокончательно сгнилъ или развалился, ему предстояла еще тимбировка [1]) въ кронштадтскихъ докахъ.

Со времени вступленія Беллингсгаузена въ должность главнаго командира, онъ при широкихъ познаніяхъ и по честному отношенію своему къ дѣлу, постоянно указывалъ князю Меншикову на всѣ эти неурядицы, но послѣдній, страшась, главнымъ образомъ. испрошенія увеличенія морскаго бюджета и понимавшій весьма мало въ морскомъ дѣлѣ, склонялся болѣе къ совѣтамъ своихъ канцелярскихъ и департаментскихъ дѣятелей, вслѣдствіе чего вліяніе Беллингсгаузена на кораблестроеніе ограничивалось только тимбировкою кораблей въ Кронштадтѣ. Эти работы производились всегда подъ личнымъ его надзоромъ, а потому и корабельная архитектура въ балтійскомъ флотѣ, во время управленія его Кронштадтскимъ портомъ, за исключеніемъ употребленнаго дурнаго лѣснаго матеріала, сдѣлала большіе шаги впередъ и тимбировавшіеся корабли получали, по его указаніямъ, щегольскія формы, восхищавшія не только русскихъ, но и иностранныхъ моряковъ.

Кромѣ того, Беллингсгаузенъ произвелъ нѣкоторые интересные и весьма удавшіеся въ финансовомъ отношеніи опыты построенія новыхъ мелкихъ судовъ изъ уцѣлѣвшихъ частей старыхъ кораблей и фрегатовъ.

Въ началѣ управленія Беллингсгаузеномъ Кронштадтскимъ портомъ, въ адмиралтействѣ не находилось никакихъ запасовъ лѣса и корабли тимбировались изъ сырыхъ бревенъ, пригнанныхъ въ Кронштадтъ въ плотахъ, передъ самымъ окончаніемъ навигаціи.

Случалось даже, что по нераспорядительности главнаго петербургскаго управленія, сырыя бревна возились изъ Петербурга въ Кронштадтъ по льду, гужемъ, и только впослѣдствіи, за нѣсколько лѣтъ до смерти Беллингсгаузена, кронштадтское адмиралтейство по настоятельнымъ представленіямъ и требованіямъ его, стало наполняться болѣе значительнымъ запасомъ лѣса.

Въ совсѣмъ иномъ положеніи находился черноморскій флотъ, къ которому, по отдаленности его отъ Петербурга и за отсутствіемъ тогда удобныхъ сообщеній, невозможно было примѣнить во всей силѣ вредное вліяніе централизаціи управленія и потому принуждены были предоставить начальнику его адмиралу М. П. Лаза-

[1]) Капитальная починка, равнявшаяся почти постройкѣ новаго корабля съ употребленіемъ малаго числа уцѣлѣвшихъ частей прежняго корабля.
Бар. П. Г.

реву, какъ главному командиру Николаевскаго порта, въ которомъ корабли строились, болѣе значительный просторъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ пріемѣ поставленныхъ на флотъ матеріаловъ, послѣдствіемъ чего было блистательное положеніе кораблей черноморскаго флота, построенныхъ не подъ бюрократическимъ рутиннымъ надзоромъ, разныхъ департаментовъ и строителей, а подъ наблюденіемъ опытнаго и ученаго адмирала, по новѣйшимъ образцамъ и притомъ не изъ сыраго сосноваго, а изъ сухаго дубоваго лѣса.

Слѣдуя постоянно за развитіемъ корабельной архитектуры у другихъ націй, Беллингсгаузенъ, при отличавшемъ его передовомъ направленіи, въ концѣ сороковыхъ годовъ постоянно убѣждалъ князя Меншикова въ необходимости введенія и у насъ, наравнѣ съ другими морскими націями, пароваго линейнаго флота, но встрѣчалъ у князя въ этомъ полнѣйшій отпоръ, основанный на сомнѣніи въ пользѣ такой реформы и на значительныхъ расходахъ, сопряженныхъ съ нею. Тѣмъ не менѣе за годъ или два до смерти Беллингсгаузена, былъ построенъ винтовой фрегатъ „Архимедъ“, который въ первомъ-же плаваніи потерпѣлъ крушеніе, и затѣмъ приступлено было къ постройкѣ одного корабля съ паровымъ двигателемъ.

Весьма вѣроятно, что если-бы своевременно послѣдовали настоятельнымъ представленіямъ Беллингсгаузена о снабженіи кораблей паровыми двигателями, то нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, въ 1854 году, не пришлось-бы нашему балтійскому флоту играть такую скромную роль за стѣнами Кронштадта, блокированнаго англо-французскою эскадрою.

Съ 1841 года Беллингсгаузенъ почти ежегодно по 1851 годъ начальствовалъ надъ флотомъ въ составѣ двухъ дивизій въ числѣ до 40 вымпеловъ и, плавая по тѣсному фарватеру Финскаго залива и въ Балтійскомъ морѣ, довелъ балтійскій флотъ до высокой степени совершенства въ морскихъ эволюціяхъ и маневрированіи парусами и пушками.

Недаромъ императоръ Николай I называлъ Беллингсгаузена — мастеромъ своего дѣла.

При этомъ чувство чести, долга и боевое образованіе были развиты между чинами балтійскаго флота не менѣе, чѣмъ у черноморскихъ товарищей ихъ, что вполнѣ доказано при представлявшихся имъ рѣдкихъ случаяхъ отличиться, а именно, при защитѣ въ 1855 году Свеаборга, когда наша эскадра, состоявшая изъ нѣсколькихъ кораблей, выдержала жестокій огонь въ четверо сильнѣйшаго непріятельскаго флота и заставила его уйти съ весьма

значительными поврежденіями, и въ Петропавловскомъ портѣ, когда славный Изыльметьевъ съ горстью нашихъ храбрецовъ отразилъ грозную соединенную непріятельскую эскадру адмирала Паркера, застрѣлившагося на слѣдующій день.

Особенныя заботы Беллингсгаузенъ обращалъ на улучшеніе быта его любимцевъ матросовъ, съ прекрасными качествами которыхъ онъ въ особенности познакомился во время долгихъ плаваній своихъ въ дальнихъ частяхъ свѣта.

Въ то время, когда сѣкли вездѣ, не только въ арміи и во флотѣ и по судебнымъ приговорамъ, но сѣкли и народъ, и въ учебныхъ заведеніяхъ, онъ былъ врагъ тѣлесныхъ наказаній и преслѣдовалъ ихъ особенно строго, когда они употреблялись не за проступки и преступленія, а при ученіяхъ; „это, говаривалъ онъ, доказываетъ только постыдную лѣнь самого начальника, ибо вмѣсто того, чтобы дѣйствительно быть учителемъ и съ терпѣніемъ заставлять повторять одинъ или нѣсколько разъ неудовлетворительно исполненныя работы или упражненія, онъ полагаетъ скорѣе достигнуть исполненія своихъ требованій сѣченіемъ".

Нѣкоторые спеціалисты по части сѣченія, подражая черноморскимъ порядкамъ, примѣняли его даже коллективно, т. е. сѣкли поголовно, человѣкъ по 20 и 30, за оплошность одного или нѣсколькихъ.

Не менѣе Беллингсгаузенъ заботился о здоровьѣ и улучшеніи пищи нижнихъ чиновъ.

Въ то время матросы, находясь на берегу, получали обыкновенный солдатскій паекъ, въ который тогда мясная порція вовсе не входила, и на морѣ имъ отпускалась заготовленная комиссаріатскимъ департаментомъ морская провизія отличавшаяся отъ сухопутной не всегда доброкачественными ржаными сухарями; кромѣ того, отпускались не хорошо приготовленная солонина, топленое коровье масло, горохъ, ячневая и гречневая крупа. По несоотвѣтственности этой провизіи съ продолжительными плаваніями подъ парусами, продолжавшимися обыкновенно въ открытомъ морѣ до двухъ мѣсяцевъ, на флотѣ иногда развивалась цынга въ значительныхъ размѣрахъ.

Служившіе тогда на корабляхъ въ эскадрахъ навѣрное помнятъ въ хорошую погоду свистъ боцмана: „цынготныхъ наверхъ!" Послѣ чего несчастныя жертвы бережливсти высшаго начальства, опухшія и покрытыя синими пятнами, выползали на четверинкахъ или выносились на верхнюю палубу, для дышанія чистымъ воздухомъ. При первой возможности, эти несчастные отсылались въ

Кронштадтъ, гдѣ бо̀льшая часть изъ нихъ погибала въ госпиталѣ отъ недостатка деревенскаго живительнаго воздуха.

Для противодѣйствія этой страшной болѣзни, зачатки которой развивались у матросовъ уже на берегу отъ дурной пищи и отъ тѣсныхъ помѣщеній въ сырыхъ казармахъ, въ которыхъ находились скученными болѣе 25,000 человѣкъ, Беллингсгаузенъ не довольствовался формальными представленіями по начальству, а принималъ самостоятельно весьма дѣятельную инициативу, требуя отъ ближнихъ начальниковъ бдительнаго наблюденія за пищею нижнихъ чиновъ, въ чемъ онъ лично удостовѣрялся частыми посѣщеніями кухонъ и казармъ.

Кромѣ того, онъ для этой-же цѣли устроилъ, съ высочайшаго разрѣшенія, на гласисѣ крѣпости огороды для нижнихъ чиновъ.

По его-же представленіямъ, морская провизія значительно улучшилась печеніемъ сухарей и изготовленіемъ солонины въ Кронштадтѣ самими командами кораблей и увеличеніемъ морской матроской порціи квашенною капустою, а впослѣдствіи, во время исправленія должности начальника главнаго морскаго штаба генералъ-адъютантомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, относившимся вообще весьма сочувственно къ представленіямъ Беллингсгаузена, радости его не было конца, когда императоръ Николай I повелѣлъ отпускать и на берегу нижнимъ чинамъ флота значительную мясную порцію.

Кромѣ того, для противодѣйствія цынгѣ и улучшенія воздуха въ Кронштадтѣ, лишенномъ почти всякой растительности, по представленіямъ Беллингсгаузена, были устроены на огромныхъ пустопорожнихъ мѣстахъ скверы, а въ 1845 году, на дачѣ, купленной по его-же представленію, для морскаго вѣдомства близь Ораніенбаума, былъ устроенъ цѣлый барачный лазаретъ на 600 человѣкъ, не только для цынготныхъ, но и для всѣхъ реконвалесцентовъ кронштадтскаго госпиталя.

На этой дачѣ, для скорѣйшаго помѣщенія въ ней въ томъ-же 1845 году больныхъ, подъ личнымъ наблюденіемъ Беллингсгаузена, были устроены за баснословно дешевую цѣну большія палатки, замѣненныя впослѣдствіи, по мѣрѣ возможности, бревенчатыми бараками. Однако, и палатки уже принесли громадную услугу, когда въ 1847 году съ пришедшей изъ крейсерства въ Нѣмецкомъ морѣ дивизіи свезли 512 больныхъ цынгою, изъ которыхъ, благодаря живительному деревенскому воздуху умерло только два человѣка.

Въ 1843 году Беллингсгаузенъ былъ произведенъ въ адмиралы, а 1-го мая 1847 г., въ день пятидесятилѣтія службы его въ офи-

церскихъ чинахъ, высочайшимъ приказомъ по флоту онъ былъ назначенъ состоять при особѣ его императорскаго величества, причемъ императоръ Николай I удостоилъ его слѣдующимъ милостивымъ рескриптомъ отъ 1-го мая 1847 г.

„Ѳаддей Ѳаддеевичъ, въ ознаменованіе совершенной признательности моей къ неутомимой и всегда полезной службѣ вашей, я, при совершившемся нынѣ пятидесятилѣтіи дѣятельнаго служенія вашего, жалую вамъ вензелевое изображеніе имени моего на эполеты. Мнѣ особенно пріятно, въ этотъ достопамятный для васъ день, вновь увѣрить васъ, что заслуги ваши даютъ вамъ полное право на постоянную мою къ вамъ благосклонность. Николай".

Отличіе это въ настоящее время болѣе не существуетъ и, насколько помню, оно было дано въ царствованіе императора Николая I-го только Беллингсгаузену и ген.-отъ инф. кн. Шаховскому.

Усердный почитатель навтической и географической литературы, Беллингсгаузенъ слѣдилъ на всѣхъ языкахъ за всѣми новыми явленіями въ области морскихъ наукъ.

Его любви къ просвѣщенію обязанъ флотъ основаніемъ кронштадтской библіотеки, нынѣ одной изъ самыхъ богатѣйшихъ во всей Россіи, и хотя онъ дожилъ лишь до двадцатилѣтняго существованія этого полезнаго учрежденія, тѣмъ не менѣе онъ и въ этотъ короткій срокъ успѣлъ увидѣть плоды своего благотворнаго насажденія. Библіотека эта, наполненная уже тогда книгами по всѣмъ отраслямъ литературы на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, сдѣлалась источникомъ просвѣщенія для большей части молодыхъ офицеровъ, нашедшихъ въ чтеніи достойное препровожденіе времени, замѣнившее прежній разгулъ и поставившее морскаго офицера на ту высокую ступень интелектуальнаго развитія, которую онъ въ настоящее время занимаетъ во мнѣніи всей образованной Россіи.

Любовь его ко всему полезному, а особенно ко всему, что касалась морскаго искусства, была постоянна.

Самое живое участіе принималъ онъ въ снаряженіи судовъ для дальняго плаванія, содѣйствуя хорошему и скорому снабженію ихъ со стороны порта и давая командирамъ полезные совѣты, основанные на свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ двукратныхъ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ и болѣе чѣмъ полувѣковой опытности.

Въ особенности интересовала его экспедиція знаменитаго впослѣдствіи вице-адмирала Геннадія Ивановича Невельскаго, отправлявшагося въ моря, части которыхъ за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ были описаны самимъ Беллингсгаузеномъ, во время плаванія

его съ Крузенштерномъ. Беллингсгаузенъ снабдилъ его всѣми составленными имъ самимъ картами тѣхъ морей.

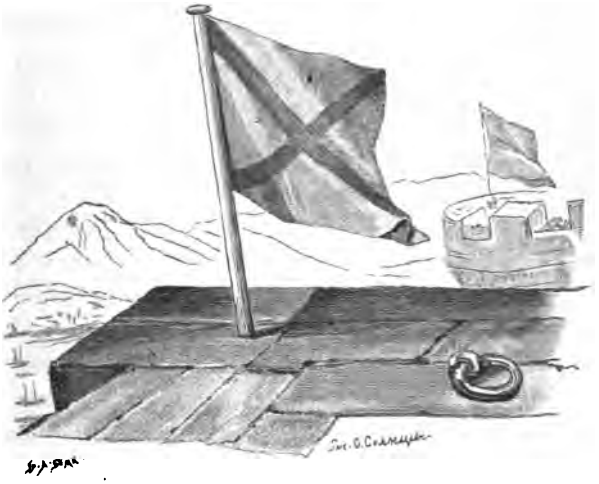
Легко доступный для каждаго, при ровности характера, пріемъ его всегда былъ ласковый и достойный, чѣмъ онъ пріобрѣлъ себѣ общую любовь какъ подчиненныхъ, такъ и знакомыхъ.

Проведши изъ семидесяти трехъ лѣтъ своей жизни—тринадцать съ половиною лѣтъ на морѣ, щедро надѣленный природою здоровьемъ, онъ умѣренною и дѣятельною жизнью сохранилъ его до глубокой старости и умеръ 13-го января 1852 года.

Участіе къ покойному было общее и выразилось со стороны офицеровъ тѣмъ, что они, несмотря на жестокую мятель и стужу, несли гробъ знаменитаго любимаго начальника отъ церкви до самой могилы, на разстояніи почти трехъ верстъ.

Любовь и уваженіе къ нему его подчиненныхъ и признаніе заслугъ покойнаго другими слоями общества выразились особенно, когда въ 1870 году, съ высочайшаго разрѣшенія, ему былъ сооруженъ въ Кронштадтѣ, на созданномъ имъ противъ морскаго собранія скверѣ, прекрасный памятникъ, изъ однихъ только добровольныхъ пожертвованій, представляющій бронзовую фигуру славнаго мореплавателя во весь ростъ.

Баронъ **П. Г.**



ГРАФЪ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ

1757—1835 гг.

Очерки изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX вѣка.

V [1]).

Въ противоположность „Бесѣдѣ“ и академіи, гдѣ пріютились отживающіе свой вѣкъ представители литературной старины, въ 1815 году молодые писатели пушкинскаго кружка основали свое „ученое общество „Арзамасъ“. Безвкусіе и педантизмъ „Бесѣды“ и академіи доставляли „арзамасцамъ“ неистощимый матеріалъ для насмѣшекъ, шутокъ и эпиграммъ; „Бесѣду“ величали „Словесницею“, бесѣдистовъ и академиковъ — халдеями; каждый изъ новыхъ членовъ „Арзамаса“ долженъ былъ, вмѣсто вступительной рѣчи, прославить кого-нибудь изъ халдеевъ; сохранилось извѣстіе, что Жуковскій въ своей вступительной рѣчи „восхвалилъ“ гр. Хвостова; но, къ сожалѣнію, эта рѣчь до сихъ поръ не напечатана и неизвѣстно даже, сохранилась-ли она гдѣ-нибудь. Басни Хвостова, по словамъ кн. Вяземскаго [2]), были въ „Арзамасѣ“ настольною и пстѣшною книгою; Жуковскій, вообще отличавшійся умѣньемъ отыскивать такого рода сочиненія и составлять на нихъ смѣхотворныя пародіи, всегда держалъ эти басни при себѣ и нерѣдко чер-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, стр. 569—589; т. LXXV, стр. 71—104.

[2]) „Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 473.

палъ въ нихъ свои „арзамасскія“ вдохновенія. Сохранилось нѣсколько забавныхъ пародій на эти басни, сочиненныхъ въ „Арзамасѣ“; онѣ составлены, большею частью, изъ стиховъ самого-же гр. Хвостова. Тамъ-же сочинена была слѣдующая надпись къ его портрету:

„Се Росска Флакка зракъ! Се тотъ, кто, какъ и онъ,
Ввыспрь быстро, какъ птицъ царь, несъ звукъ на Геликонъ;
Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ чтителя Хвостова,
Кой поле испестрилъ Россійска красна слова“.

Въ одномъ изъ стихотвореній Жуковскаго читаемъ:

„Нашъ поэтъ Пестовъ,
Неутомимый ткачъ стиховъ
И Аполлоновъ жрецъ упрямый
. . . . . .
. . . . о риѳмахъ разсуждалъ,
Свои творенья величалъ,
Лишь древнихъ сравнивалъ съ собою...“ [1]).

Онъ-же, описывая муки Парнасскаго ада въ посланіи своемъ къ Воейкову (1814 г.), представляетъ гр. Хвостова въ видѣ древняго Тантала:

„. . . . . Вотъ Хвостовъ
Межъ огромными ушами,
Какъ Танталъ среди плодовъ,
Съ непрочтенными стихами.
Хочетъ ихъ читать ушамъ,
Но—лишь губы шевельнутся,
Чтобы дать просторъ стихамъ,—
Уши разомъ всѣ свернутся!“ [2]).

Другіе члены „Арзамаса“ также писали забавныя эпиграммы на гр. Хвостова или сочиняли пародіи на его стихи. Батюшковъ воспѣлъ его вмѣстѣ съ прочими членами „Бесѣды“ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Хвала, читателей тиранъ,
Хвостовъ неутомимый!
Стихи твои, какъ барабанъ,
Для уха нестерпимы.
Летаетъ онъ и тамъ и сямъ,

---

[1]) Соч. Жуковскаго, изд. 1869 г., т. IV, стр. 483: „Плачъ надъ Пиндаромъ“.

[2]) Совр. 1856 г., т. 60, отд. V, стр. 50.

Повсюду волкомъ рыщетъ,
Пускаетъ притчей въ тылъ врагамъ,
Стихами въ уши свищетъ.
Онъ за поэму—прочь идутъ;
За оду—засыпаютъ;
Лишь за посланье—всѣ бѣгутъ
И уши затыкаютъ!" [1]).

Еще раньше, въ 1813 году, Батюшковъ предсказалъ литературную судьбу гр. Хвостова, сказавъ о немъ въ письмѣ къ Н. Ф. Грамматину, что онъ „пишетъ 40 лѣтъ и не знаетъ грамоты, пишетъ безпрестанно, и своимъ безславіемъ славенъ будетъ въ позднѣйшемъ потомствѣ". Въ разныхъ стихотвореніяхъ Пушкина нашъ писатель является подъ именами Свистова, Хлыстова, Визгова и проч. Въ посланіи „Моему Аристарху" (1816 г.) Пушкинъ говоритъ о немъ:

„Конюшій дряхлаго Пегаса,
Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
Служитель старенькій Парнасса,
Родитель старенькихъ стиховъ
И одъ не слишкомъ громозвучныхъ,
И сказочекъ довольно скучныхъ".

Въ стихотвореніи „Христосъ воскресъ" (1816 г.) встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее пожеланіе:

„Да не воскреснутъ отъ забвенья
. . . . . .
И Николевъ, поэтъ покойный,
И непокойный графъ Хвостовъ".

Наконецъ, Пушкину-же приписывается „Ода его с—ству графу Д. И. Хвостову", написанная, вѣроятно, около 1824 г. и снабженная многословными примѣчаніями, пародирующими примѣчанія Хвостова къ собственнымъ своимъ произведеніямъ. Ода эта состоитъ изъ четырехъ строфъ и начинается такъ:

„Султанъ ярится. Кровь Эллады
И рѣзво скачетъ, и кипитъ.
Открылись грекамъ древни клады,
Трепещетъ въ Стиксѣ лютый Питтъ..."

„Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славенороссовъ".

[1]) Библіогр. Зап., II (1859 г.), 322.

Въ Грецію явился Байронъ; но „недугъ быстропарный“ свелъ его въ могилу; потому Пушкинъ зоветъ Хвостова занять мѣсто Байрона:

„Онъ лордъ—графъ ты! Поэты оба!
Се, мнится, явне сходство есть—
Никакъ! Ты съ вѣрною супругой
Подъ бременемъ судьбы упругой
Живешь въ любви—и, наконецъ,
Глубокъ онъ,—но единобразенъ!
А ты глубокъ, игривъ и разенъ—
И въ шалостяхъ ты вправѣ пѣвецъ“.

Изъ прочихъ членовъ „Арзамаса“ всего болѣе потѣшался надъ Хвостовымъ А. Ф. Воейковъ. Извѣстный куплетъ въ „Домѣ сумасшедшихъ“:

„Ты-ль, Хвостовъ? къ нему вошедши,
Я вскричалъ: тебѣ-ль здѣсь быть?
Ты дуракъ—не сумасшедшій,
Не съ чего тебѣ сходить!“
„Въ Буало я смыслъ убавилъ,
„Лафонтена я убилъ
„И Расина обезславилъ!“
Быстро онъ проговорилъ“ [1]).

былъ только началомъ самаго безпощаднаго глумленія надъ бѣднымъ стихотворцемъ. Позже Воейковъ прибавилъ къ своему „Сумасшедшему Дому“ „Женское отдѣленіе“, гдѣ не пощадилъ и жены гр. Дмитрія Ивановича, ни въ чемъ неповинной. Въ своемъ „Парнасскомъ календарѣ“ [2]) онъ помѣстилъ Хвостова съ такимъ опредѣленіемъ: „оберъ-дубина Феба въ рангѣ провинціальнаго секретаря. Обучаетъ иппокренскихъ лягушекъ квакать и барахтаться въ грязи“. Несмотря на это, Воейковъ, вообще отличавшійся безцеремонностью, съ которою онъ переходилъ изъ одной партіи въ другую и принимался бранить то, чѣмъ наканунѣ восхищался, нисколько не затрудняясь, обращался къ гр. Хвостову съ разнаго рода просьбами, когда содѣйствіе сенатора могло помочь ему выйти изъ затрудненія. Напримѣръ, въ 1820 году, въ бытность свою профессоромъ русской словесности въ дерптскомъ университетѣ, Воейковъ имѣлъ въ сенатѣ тяжебное дѣло. Увѣренный, что стóитъ

[1]) „Русск. Старина“, изд. 1874 г., т. IX, стр. 590—591.
[2]) Тамъ-же, стр. 614.

только польстить сенатору-стихотворцу, чтобы заставить его дѣйствовать въ свою пользу, онъ обращается къ Хвостову съ слѣдующимъ письмомъ:

„М. г. графъ Д. И.! И вашему с—ству было-бы пріятнѣе, и мнѣ полезнѣе, если-бъ я, какъ малоопытный поэтъ, осмѣлился испрашивать отъ васъ, какъ отъ поэта увѣнчаннаго, наставленій въ стихотворствѣ или принесть мою сердечную благодарность за то наслажденіе, которое доставили вы мнѣ посланіемъ къ Ломоносову—новымъ превосходнымъ произведеніемъ пера вашего; но Провидѣнію угодно расположить иначе, и я, противъ воли, долженъ терзать избалованный сладкогласными стихами слухъ вашъ варварскимъ языкомъ стряпчихъ и подьячихъ“...

Изложивъ ходъ дѣла, Воейковъ заключаетъ письмо такъ-же, какъ началъ его:

„Сіятельнѣйшій графъ! Я не требую отъ васъ ни милости, ни снисхожденія къ ученику вашему въ поэзіи и къ академическому вашему товарищу; но требую строгаго, неумытнаго правосудія!... Дайте мнѣ слово, что вы будете присутствовать во время слушанія моего дѣла—и я буду совершенно спокоенъ. Съ высокимъ уваженіемъ и глубокою преданностью и пр. Александръ Воейковъ“.

Гр. Хвостовъ, однако, не забывалъ насмѣшекъ Воейкова, и отмѣтилъ въ своемъ реестрѣ полученныхъ писемъ: „Письмо о приказномъ дѣлѣ, въ коемъ письмѣ, послѣ сочиненія своего „Дома сумасшедшихъ“, не стыдится меня называть учителемъ своимъ въ поэзіи. Извѣстно, что мы другъ другу ни въ учители, ни въ ученики не годимся. Вотъ для чего я и сохранилъ сіе письмо“.

Тѣмъ не менѣе, онъ отвѣтилъ Воейкову, что, по своему обыкновенію, будетъ защищать справедливую сторону силою законовъ. Воейковъ, благодаря за это обѣщаніе, прибавляетъ:

„Теперь сдѣлавшись смѣлѣе, я покорнѣйше прошу позволить мнѣ иногда писать къ вамъ объ отечественной словесности, присылать вамъ мои опыты стихотворные, требовать вашихъ совѣтовъ, спрашивать вашего мнѣнія. Но только-ли? Въ университетской здѣшней и въ моей собственной библіотекѣ есть всѣ ваши сочиненія; не благоугодно-ли вамъ будетъ дополнить ихъ „Посланіемъ къ Ломоносову“ на русскомъ и французскомъ языкахъ? Мы примемъ сіе за самый лестный знакъ вашего благорасположенія“.

Гр. Хвостовъ называетъ это письмо „столь-же подлымъ, какъ и первое“, однако, въ одномъ изъ своихъ посланій хвалитъ Воейкова, говоря, что

„Онъ на каѳедрѣ свѣтъ, кустъ розовый въ садахъ,
„Противоборцамъ онъ въ журналѣ бичъ и страхъ“.

Вскорѣ у него завязалась переписка съ Воейковымъ, котораго онъ всетаки побаивался, какъ пересмѣшника, а потому и старался быть съ нимъ любезнѣе. Вскорѣ затѣмъ Воейковъ переѣхалъ въ Петербургъ и издалъ многотомное „Собраніе образцовыхъ сочиненій". Здѣсь помѣщено было много плохихъ стиховъ, но изъ сочиненій гр. Хвостова не было взято ни строчки. Это, конечно, сильно огорчило нашего стихотворца; но опасеніе насмѣшекъ со стороны Воейкова заставляло его сдерживаться. Между тѣмъ, въ 1827 г., Воейковъ началъ издавать новый журналъ „Славянинъ" и опять обратился къ обиженному имъ поэту за содѣйствіемъ:

„Имѣю честь препроводить къ в. с—ву 10 билетовъ на Славянина (такъ пишетъ онъ 14-го февраля 1827 г.): осмѣлюсь напомнить вамъ, что въ теченіе семи большихъ годовъ это первая моя до васъ покорнѣйшая просьба, и то вынужденная страстью восторжествовать надъ нѣмецкимъ пуделемъ и польскимъ псомъ [1]) и извиняемая вашимъ предупредительнымъ вызовомъ.

„Вы, съ грѣхомъ пополамъ, распространяли пуховый журналъ Дамскій; а мой будетъ гораздо, гораздо получше; итакъ, замолвивъ за него словечко друзьямъ вашимъ, любителямъ отечественнаго чтенія, вы будете только справедливы. А гдѣ-же, какъ не у васъ, искать справедливости противъ притѣсненій иноземцевъ?"

И гр. Хвостовъ подписывался на новый журналъ и разсылалъ билеты своимъ высокопоставленнымъ знакомцамъ; когда-же ему хотѣлось, въ вознагражденіе за содѣйствіе издателю, помѣстить въ журналѣ свои стихи, тогда онъ получалъ отъ Воейкова письма въ родѣ слѣдующаго:

„Любезнѣйшій графъ Анакреонъ Тибулловичъ! Вчерашній день, вечеромъ, у меня былъ Жуковскій, Карлгофъ, А. С. Пушкинъ, князь П. А. Вяземскій, много военныхъ генераловъ и отличныхъ писателей, когда принесли мнѣ превосходнѣйшее стихотвореніе ваше на русскую одежду придворныхъ дамъ. Я поспѣшилъ раздѣлить съ своими гостями небесное наслажденіе поэзіи. Всѣ были въ восторгѣ—и громкія рукоплесканія и гулъ одобренія долго не умолкали. Юношескій жаръ, пламенная любовь къ отечеству и огнь поэзіи соединены въ сихъ куплетахъ. Хвала вамъ, честь и слава, ура!

„Давъ в. с—ву отчетъ сей, прибавлю глубочайшее мое прискорбіе о томъ, что сіе знаменитое произведеніе анакреонтическаго

---

[1]) Подъ этими названіями нужно разумѣть Пезаровіуса и Булгарина, съ которыми Воейковъ имѣлъ большія непріятности изъ-за „Русскаго Инвалида". П. М.

пера вашего не можетъ быть у меня напечатано, поелику всѣ листки на нынѣшній годъ уже оттиснуты".

Товарищъ Воейкова по изданію „Сына Отечества", Гречъ, также не пропускалъ удобнаго случая посмѣяться надъ нашимъ стихотворцемъ. Въ „Біографіи" подробно говорится объ отношеніяхъ гр. Хвостова къ Гречу:

„Авторъ нашъ, несмотря на чувствительность свою, не могъ долгое время питать досады. Онъ скоро забывалъ неудовольствія, причиняемыя ему другими, а особливо литературныя, и всегда готовъ былъ, чему есть многіе опыты, не только къ ласковому обращенію, но даже оказывать пособія своимъ зоиламъ. Не послѣднимъ тому примѣромъ служитъ и издатель „Сына Отечества", который различными способами старался вывести изъ терпѣнія нашего автора, и все безуспѣшно. Клепалъ, будто-бы онъ (т. е. Хвостовъ) румянилъ и одѣвалъ актера, чтобы сдѣлать его болѣе похожимъ на издателя „Сына Отечества", на коего 1818 г. сочинена комедія однимъ молодымъ человѣкомъ, Борисомъ Федоровымъ, называемая „Ханжа". Графъ Хвостовъ оставался въ свойственномъ ему, по всѣмъ отношеніямъ, похвальномъ равнодушіи и молчаніи. Журналистъ сей личности, кои цензура не пропускала, вздумалъ въ убранствѣ похвалы при письмахъ своихъ сообщать автору для убѣжденія на одобреніе гг. цензоровъ (sic.). Сочинитель нашъ два раза отшучивался, возвращая его гостинцы; наконецъ, письмо съ таковыми-же непозволительными затѣями онъ возвратилъ товарищу его въ журналѣ А. Ф. Воейкову съ просьбою, чтобы онъ его именемъ запретилъ г. журналисту обременять автора таковыми грамотками".

Письмо это, однако-же, находится въ бумагахъ гр. Хвостова, хотя при немъ и нѣтъ той статьи, которую Гречъ хотѣлъ напечатать. Вотъ оно:

„Перечитывая различные журналы истекающаго 1820 года, съ удовольствіемъ остановился я на статьяхъ „Невскаго зрителя", и вознамѣрился сказать о семъ изданіи нѣсколько словъ въ первомъ нумерѣ „Сына Отечества" на 1821 годъ; но такъ какъ я долженъ при семъ случаѣ упомянуть о в. с — вѣ, то и считаю долгомъ испросить на то вашего соизволенія. Строгая цензура, щадя скромность авторовъ, не позволяетъ журналамъ называть ихъ по именамъ. Смѣю-ли утрудить в. с—во покорною просьбою о препровожденіи прилагаемаго при семъ листка къ цензору, чтобъ онъ зналъ, что вамъ эти выраженія не противны? Если-же в. с — ву неугодно сдѣлать сіе, то я долженъ буду отказаться отъ удоволь-

ствія напечатать сіи строки и ограничиться однимъ желаніемъ сказать сіи слова, внушенныя истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію, съ коими и пр. Николай Гречъ".

Но гр. Хвостовъ, какъ выше сказано, угадалъ истину въ статьѣ Греча и сдѣлалъ на этомъ письмѣ слѣдующую отмѣтку:

„Выраженія Греча были обо мнѣ ироническія, надуто-похвальныя. Ему хотѣлось, чтобъ я подписалъ самому себѣ непомѣрную похвалу и выше себя поставилъ Державина. Я этого не сдѣлалъ, отвѣчалъ ему рѣзко".

Изъ этого письма, между прочимъ, видно, что гр. Хвостовъ иногда прибѣгалъ къ содѣйствію цензуры, чтобы избавить себя отъ насмѣшекъ. Не даромъ онъ аккуратно посылалъ свои сочиненія Бирукову, Красовскому и др. О послѣднемъ въ бумагахъ нашего стихотворца сохранился интересный анекдотъ, рисующій тогдашніе литературные нравы.

„Статскій совѣтникъ, цензоръ и кавалеръ Александръ Ивановичъ Красовскій [1]), извѣстенъ каждому по трусливому своему характеру, по эпиграммѣ кн. Вяземскаго и посланіями, въ которыхъ его изобразилъ Александръ Пушкинъ. Я самъ, если-бы хотѣлъ, много могъ-бы каррикатурнаго о немъ прибавить. Онъ просматривалъ мой „Родовой Ковшъ", „Русскіе Мореходцы", „Науку о стихотворствѣ" и др., и, не взирая на уваженіе его ко мнѣ, почти при каждомъ стихѣ мечталъ видѣть оскорбленіе вѣры или престола, или двора. Сей непростительно осмотрительный человѣкъ, самъ недавно чуть-чуть не попалъ въ бѣду, и, сколько мнѣ кажется, безвинно. Онъ пропустилъ „Пѣснь Новгородцевъ", стихотвореніе Н. М. Языкова (см. „Сѣв. Пчелу" 1825 г., май, № 60). Злоумышленіе, подстрекаемое злорѣчіемъ, разгласило, что въ этой пѣснѣ, подъ именемъ древнихъ новгородцевъ, намекается на лица и обстоятельства нынѣшняго времени. Сего довольно: министръ народнаго просвѣщенія (Шишковъ) и военный генералъ-губернаторъ (Милорадовичъ) требовали отвѣта у цензора. Онъ славно отдѣлался: вчера, 7-го іюля (1825 г.), самъ читалъ мнѣ отвѣтъ, поданный имъ Александру Семеновичу (Шишкову) и письмо, по сему-же случаю писанное къ правителю его собственной канцеляріи князю Платону Александровичу Ширинскому-Шихматову. Отвѣтъ прекрасный, я доволенъ, что его прочелъ и что имѣю случай хоть нѣсколько оправдать Красовскаго. Отвѣтъ сей написанъ благо-

[1]) Подробная біографія его помѣщена въ „Русск. Стар.", изд. 1874 г., т. IX.

родно и просто. Оный безъ желчи, съ должнымъ почтеніемъ къ начальству, обличаетъ оное и безъ упрековъ показываетъ свою справедливость. Красовскій доказалъ выписками изъ „Исторіи Карамзина“ и другихъ лѣтописателей, также изъ „Пролога“, что содержаніе „Пѣсни Новгородцевъ“ Языкова есть историческое, и что точно рать Суздальскаго великаго князя Андрея Боголюбскаго была ослѣплена такъ, что воины, въ мракѣ ничего не видавшіе, поражали другъ друга. Въ сей-то пѣснѣ, по мнѣнію злокозненныхъ толкователей, находился намекъ на Новгородъ нынѣшній и на извѣстнаго вельможу (Аракчеева). Красовскій выпискою изъ Канона Богоматери ясно доказалъ, что въ одобренномъ имъ стихотвореніи стихотворецъ повѣствуетъ о XII столѣтіи и касается собственно до лица Андрея Боголюбскаго, слѣдственно, происшествіе историческаго содержанія, всѣмъ русскимъ и Европѣ извѣстное и каждогодно славимое на день Знаменія Богоматери, оправдываетъ совершенно пѣснопѣвца и цензора и не можетъ быть растолковано въ худую сторону. Второе нападеніе или вопросъ заключается въ томъ, для чего въ упоминаемой пѣснѣ Языкова языкъ не XII столѣтія, а нынѣшняго времени? Красовскій и тутъ мастерски отдѣлался, сказавъ, что пѣснь Игоря (сочиненіе Бояна) была преложена на нашъ языкъ многими сочинителями недавно въ стихи и прозу, на нынѣшнее разговорное нарѣчіе, объясняя, что первый оной прелагатель былъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ, и также въ свое время преложена синодальнымъ оберъ-прокуроромъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Я-бы на сей вопросъ коротко и ясно заключилъ словами велерѣчиваго Тредьяковскаго, что языкъ славянскій тяжело нынѣ слышится ушамъ нашимъ. И подлинно, въ наше время никто не станетъ читать стиховъ, написанныхъ языкомъ XII столѣтія“.

Несмотря на неудачи въ своихъ замыслахъ насчетъ графа Хвостова, Гречъ еще разъ попытался одурачить добродушнаго поэта—и на этотъ разъ планъ его удался. 29-го сентября 1821 г. онъ написалъ графу слѣдующее письмо:

„М. г. гр. Д. И. Позвольте мнѣ утрудить ваше с—во покорнѣйшею просьбою, которая состоитъ въ слѣдующемъ: я составляю „Исторію россійской литературы“, въ которую входятъ біографіи знаменитыхъ нашихъ писателей. Смѣю-ли всепокорнѣйше просить васъ о благосклонномъ сообщеніи мнѣ о жизни и трудахъ вашихъ для внесенія въ мою исторію, которая безъ сего не будетъ полна и достаточна. Мнѣ желательно было-бы имѣть свѣдѣнія о мѣстѣ и времени вашего рожденія и воспитанія, обозрѣніе вашей службы

отечеству и музамъ, т. е. хронологическое исчисленіе вашихъ сочиненій. Если ваши занятія не позволятъ вамъ удѣлить досуга на удовлетвореніе сей моей покорнѣйшей просьбы, то сдѣлайте одолженіе, укажите, по крайней мѣрѣ, вѣрные источники, изъ которыхъ-бы я могъ почерпать. Но я не сомнѣваюсь въ вашемъ благосклонкомъ снисхожденіи, и въ ожиданіи исполненія моей докучливой просьбы, остаюсь и пр. Н. Гречъ.

„P. S. Сія Исторія войдетъ въ мою учебную книгу россійской словесности".

Гр. Хвостовъ, конечно, желая попасть въ число „знаменитыхъ писателей", послалъ Гречу автобіографическую записку; но въ изданной Гречемъ книгѣ ему пришлось прочесть о себѣ слѣдующія строки:

„Графъ Д. И. началъ писать стихи около 1779 года и донынѣ неусыпно продолжаетъ бесѣдовать съ музами во всѣхъ родахъ поэзіи. Въ молодости своей писалъ онъ комедіи прозою и стихами; но потомъ поэзія лирическая, дидактическая и переводы французскихъ классическихъ поэтовъ сдѣлались главными предметами его занятій: трудно рѣшить, въ которомъ родѣ онъ превосходнѣе, нежели въ прочихъ. Полное собраніе признанныхъ имъ сочиненій и переводовъ напечатано въ 1818 г. въ П—бургѣ въ 4 томахъ... Многія россійскія и иностранныя общества приняли сего писателя въ свои члены; разныя его стихотворенія переведены на иностранные языки; безпристрастные критики въ отечественныхъ и чужеземныхъ журналахъ превозносили сего пѣвца и предсказывали ему безсмертіе" [1]).

Этотъ отзывъ такъ огорчилъ нашего поэта, что онъ до самой своей смерти не могъ забыть о тяжкой обидѣ, нанесенной ему Гречемъ, несмотря на то, что скоро помирился съ нимъ и даже опять сталъ посылать ему свои стихи, которыхъ тотъ, разумѣется, не печаталъ. Въ бумагахъ гр. Хвостова осталось нѣсколько замѣтокъ о книгѣ Греча; по своему обыкновенію, гр. Хвостовъ повѣрялъ свои тайныя мысли бумагѣ, не рѣшаясь высказывать ихъ вслухъ, чтобы не подвергнуться еще болѣе сильнымъ нападкамъ со стороны „зоиловъ". Вотъ, напр., собственноручная его „Выписка изъ Греча о графѣ Хвостовѣ: „трудно рѣшить, въ какомъ родѣ онъ болѣе успѣлъ или превосходенъ". Такъ говоритъ г. Гречъ. Если это эпиграмма, то она въ учебной книгѣ и исторіи о словесности не у мѣста. Если подлинно г. авторъ затрудняется, то можно помочь его жалкому положенію. Можетъ быть,

[1]) Опытъ крит. ист. русск. лит., Спб. 1822 г., стр. 212—213.

г. Гречъ не осмѣливается помѣстить гр. Хвостова въ число нашихъ лириковъ или баснописцевъ, то безбоязненно можетъ включить его въ число дидактиковъ: онъ полное имѣетъ на сіе право по количеству его посланій, по разнообразію оныхъ. также по плавности мыслей и по чистотѣ слога. Не мудрено, кажется, рѣшить. что посланіе его о баснѣ можетъ дать ему непостыдное мѣсто на Парнассѣ, тѣмъ болѣе, что о родѣ басни забыли по грѣхамъ законодатели вкуса Горацій и Буало. Къ сему посланію должно причислить и посланіе объ оперѣ и множество другихъ. Впрочемъ, гр. Хвостовъ имѣетъ полное право по заслугамъ своимъ требовать парнасской грамоты за переводъ Буало „Науки Стихотворной", а потомъ—въ сравненіи только съ современниками—за переводъ Андромахи".

Гораздо позже, въ 1828 году, онъ писалъ А. В. Склабовскому: „Гречъ выпускаетъ ложную систему, совершенно опровергающую корень языка нашего, и хвалитъ только тѣхъ, кого онъ любитъ или кого боится. Уже всѣ иностранцы расчухали его зловредное толкованіе и презрѣли его науку. Посмотрите, напримѣръ, мою біографію; что вы по оной объ упоминаемомъ авторѣ заключить можете? Иной подумаетъ, что онъ меня хвалитъ, а иной—и, кажется, съ большею справедливостью—что бранитъ. Вотъ и вся книга въ такомъ-же пристрастномъ и неосновательномъ духѣ писана".

Другіе журналисты того времени обыкновенно молчали о графѣ Хвостовѣ и старались только о томъ, чтобы, благодаря его за стихотворныя присылки, находить благовидные предлоги для возвращенія ихъ автору, а если и печатали иногда его стихи, то только въ крайнемъ случаѣ, не желая окончательно разобидѣть старика. Сколько разъ ему приходилось заискивать, унижаться, кланяться людямъ, которые надъ нимъ-же смѣялись, и сколько разъ онъ долженъ былъ съ грустью отмѣчать въ черновой книгѣ противъ того или другаго стихотворенія: „несмотря на усиленныя просьбы, ни въ одномъ журналѣ не напечатано—выдать отдѣльно".

Особенное неудовольствіе возбуждалъ въ немъ, какъ и во всѣхъ его кліентахъ, издатель „Московскаго Телеграфа"—Н. А. Полевой. Сначала гр. Хвостовъ посылалъ ему свои стихи для напечатанія въ „Телеграфѣ"; но Полевой умѣлъ отдѣлываться отъ него не хуже другихъ, такъ что ни одной строчки гр. Хвостова въ „Телеграфъ" не попадало, кромѣ тѣхъ выписокъ изъ его сочиненій, которыя иногда приводились въ комическихъ рецензіяхъ. Эти рецензіи до того разсердили гр. Хвостова, что онъ чуть не оффиціально жаловался на Полеваго попечителю московскаго универ-

ситета и сталъ называть издателя „Телеграфа“ не иначе, какъ „злобнымъ пасквилянтомъ“. Кліенты графа всѣ, болѣе или менѣе, жаловались ему на Полеваго; вниманіе публики къ „Телеграфу“ и дѣльное направленіе этого журнала были не по сердцу многимъ журналистамъ, лишившимся изъ-за него значительной доли подписчиковъ и не умѣвшимъ соперничать съ „Телеграфомъ“ серьезностію и интересомъ содержанія. Князь Шаликовъ ненавидѣлъ Полеваго за модныя картинки, прилагавшіяся къ каждой книжкѣ „Телеграфа“, видя въ этомъ нарушеніе мнимой привиллегіи „Дамскаго Журнала“; Макаровъ видѣлъ въ немъ развратителя нравовъ; вообще всѣ бездарные представители литературнаго застоя, къ какимъ принадлежали по большей части кліенты гр. Хвостова, вмѣстѣ съ наиболѣе видными изъ послѣднихъ „классиковъ“, употребляли всѣ усилія, чтобы повредить „Телеграфу“ и его издателю въ литературѣ, осыпали его самыми грубыми и плоскими насмѣшками и часто пускали входъ вовсе не литературныя средства, лишь-бы унизить и оскорбить противника. Макаровъ, кн. Шаликовъ, Лялинъ и др. старательно сообщаютъ своему меценату — гр. Хвостову всѣ литературныя сплетни, касающіяся Полеваго и его сотрудниковъ, и стараются втянуть старика въ журнальную полемику, въ родѣ той, какую постоянно велъ съ „Телеграфомъ“ Макарозъ, подвизавшійся въ „Дамскомъ Журналѣ“ подъ различными псевдонимами, мужскими и женскими, вѣроятно, для того, чтобы показать, что у Полеваго очень много противниковъ (напр. Старый словотолкъ, Житель Кудрина, Быстрицкій, Залыбѣдскій, Рязанка, Анна Перевитская и пр.). Но гр. Хвостовъ, по своему обыкновенію, велъ эту полемику не печатно, а письменно — въ своихъ записныхъ тетрадяхъ и письмахъ къ своимъ, друзьямъ; онъ сохранялъ всѣ письма, гдѣ говорилось о Полевомъ, и такихъ писемъ набралось немало; всѣ они заключаютъ въ себѣ брань и сплетни на новый журналъ. Вотъ, напр., выдержки изъ писемъ Макарова:

„Литературныя отношенія у насъ, по милости Полеваго, въ самомъ бранномъ положеніи. Не понимаю, кто даетъ ему право такъ оскорбительно браниться, и притомъ безъ пощады лицъ? Впрочемъ, брань есть профитъ его, и безъ брани весь журналъ его будетъ недѣйствительнымъ...“

„...Полевой, руководимый Вяземскимъ и другими, преданными сильной партіи Вяземскаго, не докончивши еще старой канонады, открылъ, какъ водится съ нимъ, весьма рѣшительную новую, и первый залпъ уткнулъ въ трудолюбіе Каченовскаго

грозитъ и другимъ многимъ, и низкая полемика, кажется, и на сей годъ будетъ въ своей тарелкѣ. Жаль старика Каченовскаго, человѣка истинно ученаго; но подведя и его подъ насмѣшку, въ нынѣшнемъ расположеніи умовъ нашихъ книгочетовъ, и ему могутъ сдѣлать непріятность и большой уронъ журналу казенному и такому журнальному патріарху, какимъ должно почесть умный и ученый „Вѣстникъ Европы".

Другой корреспондентъ гр. Хвостова, Петръ Лялинъ, немилосердно ругающій Полеваго, въ то-же время справедливо замѣчаетъ, что противникамъ „Телеграфа" хочется убавить число подписчиковъ на этотъ журналъ, и потому всѣ стараются, какъ рой пчелъ, жалить Полеваго, вынимающаго у нихъ медъ, не принявъ въ соображеніе, что безпрерывныя нападенія и рѣзкія выходки ненависти, подобно аукціонному торгу, набиваютъ цѣну лицу или вещи".

Кромѣ личныхъ причинъ неудовольствія на Полеваго, графъ Хвостовъ раздѣлялъ и общую ненависть къ „Телеграфу" стараго литературнаго лагеря, для котораго слово „романтизмъ" было синонимомъ государственнаго преступленія, а Полевой, какъ главный представитель новой теоріи въ критикѣ, являлся въ видѣ страшнаго злодѣя. Время, когда явился „Телеграфъ" (1825 г.), было временемъ жаркой борьбы классическаго направленія въ литературѣ съ романтическимъ. Новое направленіе выдвинуло блестящія молодыя силы; старое все болѣе и болѣе сознавало свою несостоятельность и всѣми силами старалось отстоять свое положеніе въ литературѣ. Старая, уже забытая, борьба изъ-за слога теперь возобновилась, принявъ другія формы и болѣе обширные размѣры. Какъ прежде, такъ и теперь, литературные консерваторы не отступали ни передъ какими средствами, ни передъ какими обвиненіями, лишь-бы сломить своихъ противниковъ. Въ бумагахъ гр. Хвостова сохранилось довольно много замѣтокъ о новой литературной „модѣ"—замѣтокъ, весьма характерныхъ, какъ выраженіе мнѣній не одного только гр. Хвостова, но цѣлаго литературнаго лагеря, къ которому онъ принадлежалъ. Нѣкоторые изъ представителей классицизма въ письмахъ своихъ къ гр. Хвостову съ достаточною ясностью высказываютъ свой взглядъ на романтическую поэзію:

„Скажите, ради Бога, пишетъ кн. Н. А. Цертелевъ, долго-ли будутъ потчевать насъ безстыдствомъ и таинственностью? Долго-ли самозванцы-небожители будутъ говорить языкомъ, котораго смертные не понимаютъ, а боги не хотятъ слушать? Что будетъ съ нашею литературою, если этотъ вкусъ еще нѣсколько лѣтъ процарствуетъ?... Не знаю чѣмъ ваше сіят—во теперь занимаетесь; а

доброе сдѣлали-бы дѣло, если-бы напомнили сынамъ огня и вдохновенья, что они бредятъ. Многіе были-бы вамъ благодарны; приходитъ до бѣды:

Не знаешь, право, что начать,
Кому въ поэзіи иль прозѣ подражать?...“

Главный представитель стараго направленія на поприщѣ критики, Мерзляковъ, писалъ гр. Хвостову (27-го апрѣля 1825 г.): „Что дѣлать, ваше сіят — во! — мы не принадлежимъ уже къ нынѣшнему вѣку, ибо у насъ, благодаря какой-то очаровательной нѣмецкой шалости, что недѣля, то новый вѣкъ литературы, и что авторъ, то новый преобразователь языка!—и вмѣстѣ новые роды, и новые законы для сочиненій!... но важная задача еще не рѣшена: что отъ нынѣшнихъ романтиковъ пріобрѣли языкъ нашъ, поэзія, вкусъ, и особенно нравственность (въ поэмахъ Цыганъ, Разбойниковъи Чернецовъ!!!) и что они теряютъ или уже потеряли!... Мы умремъ спокойно и отрадно, сіятельнѣйшій графъ, потому что видѣли великихъ пѣснопѣвцевъ, умѣли любить ихъ и имъ удивляться:—не знаю, увѣрена-ли самая большая часть изъ нынѣшнихъ партизановъ-литераторовъ въ томъ, что они переживутъ свою моду и свою славу, ибо она почти ни на чемъ не основана“.

Въ 1827 г., одинъ изъ молодыхъ представителей новой школы, извѣстный поэтъ Н. М. Языковъ, напечаталъ въ „Славянинѣ“ Воейкова (ч. III, стр. 388 — 390) „Посланіе графу Хвостову“, начинающееся стихами:

„Почтенный старецъ Аполлона!
Какъ счастливъ ты: давнымъ давно
Въ тѣнистыхъ рощахъ Геликона
Тебѣ гулять позволено...“

Здѣсь онъ сравниваетъ себя съ Хвостовымъ и говоритъ, что молодость и неопытность свели его съ истиннаго пути на путь романтизма, а потому онъ и проситъ уроковъ у стараго пѣвца:

„О, научи меня, Хвостовъ!
Отречься буйнаго союза
Тѣхъ утомительныхъ пѣвцовъ,
Чья—недостойная боговъ —
У Касталійскихъ береговъ
Шальная вольничаетъ муза.
Дай мнѣ классическій совѣтъ
Свой умъ настроить величаво —

Да увѣнчаюсь доброй славой
Я на Парнассѣ нашихъ лѣтъ".

Гр. Хвостовъ тотчасъ-же напечаталъ въ томъ-же журналѣ (ч. IV, стр. 30—32) отвѣтъ на это посланіе:

„Прими, восторга сынъ, поэтъ,
Которому я благодаренъ.
Прими классическій совѣтъ;
Онъ простодушенъ, не коваренъ...
. . . . . .
Представь премудрость на престолѣ,
Греми Екатерины мечъ.
На Альпы стань, когда Суворовъ,
Герой молніеносныхъ взоровъ,
Вѣщалъ устами грома рѣчь.
Пускай афинянъ басни, драки
Отринулъ вкусъ безмѣрно строгъ.
Представь Эдипа жалкій рокъ
Отъ рукъ свирѣпаго Шемяки...
. . . . . .
Пой рѣзвой юности игры
И хороводы, и пиры;
Пусть пробка съ потолкомъ сразится;
Веселый тѣша уголокъ,
Гдѣ въ чистомъ хрусталѣ струится
Вина шипящаго потокъ.
Пѣвецъ! постигни цѣль искусства,
Славь добродѣтели потокъ,
Страстямъ, пороку дай урокъ;
Тебѣ любви высокой чувства
Откроютъ истины предѣлъ,
Гдѣ Пиндаръ бралъ запасы стрѣлъ.
Языковъ! не проси совѣта
У старика глубокихъ лѣтъ,
Но если вуженъ--вотъ совѣтъ:
Въ десницу взявъ доспѣхъ поэта,
Напрасно время не губи,
Въ обителяхъ и музъ, и свѣта
Совѣтодателя люби".

Копіи съ посланія Языкова и съ своего отвѣта гр. Хвостовъ разослалъ всѣмъ своимъ знакомымъ, и получилъ много хвалебныхъ писемъ. Вотъ какъ, напр., отзывается объ этой стихотворной перепискѣ Александръ Абрамовичъ Волковъ (авторъ поэмы „Освобожденная Москва", и пр.):

„Вы выиграли самую трудную побѣду: вы обратили къ православію раскольника, т. е. романтика, какимъ былъ г. Языковъ.

Честь и слава прекрасному таланту вашему! Такая побѣда при нынѣшнемъ грѣховномъ направленіи словесности есть торжество всѣхъ благомыслящихъ людей! Дай Богъ, чтобы и впредь сіе чаще случалось! И мы тогда, хотя въ шутку, будемъ припѣвать: нашего полку прибыло, прибыло!"

Другой корреспондентъ гр. Хвостова, Евгеній Ив. Лялинъ, заходитъ въ своемъ восторгѣ еще дальше: „Посланіе къ вамъ Языкова (пишетъ онъ) прекрасно, но не столько по стихамъ, какъ по принятому имъ намѣренію отказаться отъ ереси романтизма, къ чему его, конечно, принудили блистательные успѣхи очаровательной классической музы вашей... Могущество истиннаго генія смиряетъ разрушительную власть времени и смѣлость эгоизма литературныхъ реформаторовъ, увлекающихъ ложнымъ свѣтомъ своимъ малодушную неопытность новичковъ Парнасса къ заслуженнымъ укоризнамъ безпристрастныхъ современниковъ и неумолимому забвенію правосуднаго потомства. Но, почтенный бардъ! если васъ не утомила ваша слава, то перунамъ музы вашей еще предлежитъ славное обращеніе къ истиннымъ догматамъ нашей литературы и главнаго ренегата-романтика, своенравіе коего слишкомъ далеко увело за границы свободы, дарованной ему снисхожденіемъ критики и предубѣжденіемъ вѣрующихъ въ одно только новое, въ число коихъ можно безъ грѣха включить большую часть и нашихъ калужскихъ идолопоклонниковъ, съ головами, вскруженными котильономъ и распаленными мазурками, безпрестанно бредящихъ одними только выученными панегириками недавно появившемуся Онѣгину, едва-ли переживущему тлѣніе тѣхъ листовъ, коимъ своеволіе поэта ввѣрило столько ошибокъ противъ языка и грамматики, сколько нужно къ убѣжденію потомства въ незнаніи автора падежей и склоненій".

Еще раньше Языкова, въ 1821 г., другой поэтъ—К. Ѳ. Рылѣевъ посвятилъ гр. Хвостову слѣдующее стихотвореніе:

Переводчику Андромахи.

(На случай пятаго изданія перевода сей прекрасной расиновой трагедіи).

Пусть современники красотъ не постигаютъ,
Которыми вездѣ твои стихи блестятъ;
Пускай отъ зависти ихъ даже не читаютъ
И имъ забвеніемъ грозятъ!
Хвостовъ! будь твердъ и не страшись забвенья:
Твой славный переводъ Расина, Буало,

Въ награду за труды и дивное терпѣнье,
Врагамъ, завистникамъ на зло,
Вѣнцемъ безсмертія вѣнчалъ твое чело.
Такъ, такъ; твои стихотворенья
Въ потомствѣ будутъ всѣ читать,
И слезы сожалѣнья
За претерпѣнныя гоненья
На мавзолей твой проливать" [1]).

Гр. Хвостовъ замѣчаетъ: „прекрасно; но ополченіе зоиловъ и даже невниманіе современниковъ не есть гоненіе. Гонимы были Тассъ, Галилей и другіе. Г. Рылѣевъ напечаталъ сіи стихи съ перемѣнами (см. „Сынъ Отечества" того времени) [2]), что лица мои смѣшны. Я примѣчаніе о семъ помѣстилъ въ примѣчаніяхъ къ одному изъ моихъ посланій. Рылѣевъ былъ еще тогда не на воздухѣ, и сказалъ, прочтя мое замѣчаніе: „Я пошутилъ, а ваше замѣчаніе пойдетъ въ потомство". Въ отвѣтъ ему отвѣчать надобно было:

„Потомства не страшись—его ты не увидишь!"

Перемѣны въ „Сынѣ Отечества" состояли въ слѣдующемъ: послѣ перваго куплета прибавленъ еще одинъ куплетъ:

„Не вѣрь зоиламъ симъ: они шипятъ изъ праха;
Ни дарованія, ни вкусъ имъ не даны,
Коль Герміона, Пирръ, Орестъ твой, Андромаха
Имъ кажутся смѣшны".

А въ послѣднемъ куплетѣ выпущенъ стихъ „За претерпѣнныя гоненія". Примѣчаніе, о которомъ говоритъ гр. Хвостовъ, находится во II томѣ его сочиненій, изд. 1821 г., стр. LIII: „Нескромные хвалители (говорится здѣсь) найдутъ вездѣ мѣсто къ привѣтствію; иные даже превозносили автора за то, что лица въ Андромахѣ его перевода инымъ казалися смѣшны, и что многіе его не читаютъ".

Итакъ, гр. Хвостовъ принялъ эти стихи за панегирикъ „нескромнаго хвалителя"; между тѣмъ, всякій читатель, знакомый съ литературною дѣятельностью Рылѣева, увидитъ, что это не болѣе, какъ шутка надъ наивнымъ стихотворцемъ, написанная его-же языкомъ. Отрывки изъ стихотвореній Хвостова, гдѣ говорится о

---

[1]) Это стихотвореніе, не вошедшее въ собраніе сочиненій Рылѣева, сохранено въ бумагахъ гр. Хвостова. Оно напечатано на отдѣльномъ полулистѣ синей бумаги съ полною подписью автора: „Кондратій Рылѣевъ".

[2]) „Сынъ Отеч." 1821 г., ч. 69, № 15, стр. 35—36 (безъ подписи).

зоилахъ, могутъ служить достаточнымъ подтвержденіемъ этого заключенія; на то-же указываетъ и самое помѣщеніе стиховъ Рылѣева въ журналѣ Греча и Воейкова, наиболѣе потѣшавшихся надъ гр. Хвостовымъ и нерѣдко сочинявшихъ ему ироническіе панегирики. Стихи Рылѣева просто пародируютъ отзывы самого Хвостова о своихъ произведеніяхъ.

Оставаясь до конца жизни вѣрнымъ послѣдователемъ правилъ классической піитики, гр. Хвостовъ постоянно ратовалъ противъ „нововводителей"; въ обширныхъ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ онъ оставилъ образцы своихъ апологій стараго направленія и нападокъ на новое; всего-же болѣе такихъ замѣчаній и отзывовъ находится въ письмахъ и запискахъ. Литературные взгляды гр. Хвостова, конечно, странны и смѣшны; но не слѣдуетъ забывать, что основная точка зрѣнія нашего писателя раздѣлялась цѣлою литературною и общественною партіею, считавшею въ своихъ рядахъ такихъ личностей, которыя имѣли большой вѣсъ если не въ литературѣ, то въ другихъ сферахъ; потому смѣшная сторона этихъ взглядовъ нерѣдко представляется очень невеселою...

Основной тонъ литературныхъ мнѣній гр. Хвостова высказанъ имъ въ слѣдующей замѣткѣ о самомъ себѣ:

„Семидесятилѣтній поэтъ, котораго публика не читаетъ и не знаетъ по невниманію къ произведеніямъ изящныхъ искусствъ, а иные безъ толку бранятъ и гонятъ за то, что пѣвецъ Кубры (т. е. я) вооружается на романтиковъ, которые не довольно что испортили въ словесности вкусъ и языкъ, портятъ нравы, вселяя въ мысли и сердца безначаліе и развратъ".

Вотъ что говоритъ онъ о Пушкинѣ:

„Я читалъ съ удовольствіемъ книгу, на сихъ дняхъ появившуюся, подъ названіемъ „Стихотворенія Александра Пушкина". Въ ней таланта много, остроты довольно, блеску еще болѣе; а шутки часто плоски или подлы. „Сожженное письмо"—образцовое произведеніе, достойное Тибулла и Проперція. „Ненастный день потухъ..." день проходитъ, кончается, исчезаетъ, а не тухнетъ. „Андрей Шенье—прекрасная пьеса; прекрасный языкъ, и сколько чувства! Жаль, что она вышла вскорѣ послѣ 14-го декабря и оттого инымъ показаться можетъ зажигательною. „Русалка" — пьеса безъ цѣли и очень соблазнительная. Кто споритъ, что поэзія Пушкина легка и пріятна, но часто лишена благонравія? Здѣсь монахъ, не взирая на строгость правилъ и обѣтовъ своего званія, прельстился молодою дѣвушкою. „Гробъ Анакреона" —тоже; но, по крайней мѣрѣ, Анакреонъ-многобожникъ и слыветъ 2,000 лѣтъ

сластолюбивымъ развратникомъ. „Черная шаль“. Виноватъ, я врагъ этой модной шали. Цѣль ея—убивство, для молодаго и нѣжнаго поэта она слишкомъ кровава. Происшествіе гнусное и нѣтъ ни одного благороднаго характера. Заключаю, что мнѣ статьи „Къ морю“ и „Наполеонъ“ не нравятся. Писаны во вкусѣ думъ Рылѣева, хотя слогъ не столько холоденъ и менѣе натянутъ. Автору, говорящему о величествѣ и ужасѣ моря, попались на ложку Байронъ и Наполеонъ. О послѣднемъ похвала не кстати. Онъ врагъ человѣчества и превозносимой свободы. Если Пушкинъ восхищается его геніемъ, то что такое геній безъ добраго сердца?“ „Посланіе къ Дельвигу“ [1]). Это сочиненіе, если принять его даже и въ мистическомъ смыслѣ, никуда не годится. Что за связь! Чтобы убѣдить современника нашего Дельвига, что онъ, упражняяся въ стихотворствѣ, оскорбляетъ дѣдушку своего, давно умершаго барона-рыцаря,—на что этого дѣдушку описывать глупымъ гордецомъ? а всего непростительнѣе — на что семинаристовъ или студентовъ, напоя пьяными, отправить на кладбище, подкупить сторожа, вырыть дѣдушки поэта — барона остатки плотяныя, сдѣлать изъ онаго скелетъ, подвергнуть суду законовъ сторожа, погубить его, а сей скелетъ, когда студентъ принужденъ былъ переселиться въ другой городъ, продавать по частямъ! Мнѣ очень жаль, что Пушкинъ сочинитель сего глупаго, можно сказать, посланія. Оно такъ непотребно, что если-бы стихи были прекраснѣйшіе, лучше Виргиліевыхъ, то и тогда-бы не годились никуды“.

„Графъ Нулинъ“. Поэма это или романъ въ стихахъ, или сказка—читатели сами разсудятъ; по мнѣнію моему, стихи въ стихотвореніи „Нулинъ“ и прозаическіе и гораздо слабѣе, нежели въ другихъ сочиненіяхъ Пушкина, и даже слабѣе Онѣгина“.

Интересно также сужденіе гр. Хвостова о „Горе отъ ума“:

„Комедія писана, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, прекрасно; слогъ чистъ, правиленъ и свободенъ. Остроты много; не менѣе я нашелъ живописи и сходства въ описаніи лицъ. Но все сіе относится только, такъ сказать, къ неловкости свѣтскаго общежитія и суть странности свѣтскія, а не пороки, т. е. не ханжество, не скупость и не злословіе, и слѣдственно комедія выходитъ, какъ „Недоросль“ Фонвизина, временная, т. е. поражающая недостатки, приличные одному времени по духу и обстоятельствамъ и воспитанію того столѣтія. Комедія сія имѣла въ журналахъ много превозносителей и много хулителей. Послѣдніе на вопросъ, для чего ея не печа-

[1]) „Прими сей черепъ, Дельвигъ...“

тают, скажут вмѣстѣ съ г. М. Дмитріевымъ, что нѣтъ ни одного благонамѣреннаго лица. Нельзя, чтобы въ цѣломъ обществѣ не случилося порядочнаго человѣка, который-бы предостерегалъ другихъ отъ шалостей, вѣтренности или разврата. Въ комедіи Грибоѣдова всѣ лица чудаки. Чацкій только злословецъ. Дѣйствіе во всю комедію спитъ, лица только-что разговариваютъ, хотя часто, какъ выше сказано, живо, умно, остро и забавно. Но характеры всѣ общіе: Софья Павловна, въ которую такъ влюбленъ Чацкій, столько развращенна, что недостойна быть на театрѣ. Грибоѣдовъ много отважился, что въ лицѣ благородной дѣвушки осмѣлился ее вывести на сцену... Нужно лицо въ комедіи, которое-бы интересовало, т. е. заманивало всѣхъ зрителей, и на которомъ-бы вертѣлись, какъ на оси, всѣ приключенія театральной завязки или романа. А Фамусовъ, Софья Павловна, Молчалинъ к самъ Чацкій едва-ли кого интересовать будутъ. Вообще повторить надобно, что въ цѣлой комедіи дѣйствія никакого нѣтъ, также и характеровъ".

Но всего любопытнѣе мнѣнія гр. Хвостова о критикѣ. Разсматривая эти мнѣнія, необходимо имѣть въ виду, что въ эпоху господства ложно-классическаго направленія критика была преимущественно формальная, т. е. обращала вниманіе не на внутреннее содержаніе даннаго литературнаго произведенія и отношеніе его къ современной дѣйствительности, а на внѣшнюю оболочку мысли— на языкъ и слогъ, грамматическую правильность рѣчи, условную структуру стиха, даже на опечатки. Содержаніе являлось на второмъ планѣ, особенно въ произведеніяхъ поэтическихъ; но и оно при этомъ подчинялось подробно разработаннымъ и строго опредѣленнымъ правиламъ піитики. Въ каждомъ произведеніи должны были находиться извѣстные признаки, на основаніи которыхъ оно подводилось подъ одну изъ безчисленныхъ категорій, на которыя дробилась „наука стихотворная". Задача критика состояла, слѣдовательно, въ томъ, чтобы указать достоинства и недостатки формы даннаго произведенія и затѣмъ отнести его къ тому или другому роду или виду. Всякая другая критика во времена гр. Хвостова считалась профанаціею искусства; вотъ одна изъ причинъ рѣзкихъ нападокъ на „Телеграфъ", явившійся органомъ новыхъ идей, противоположныхъ обычнымъ правиламъ Буало и Баттё. Другой критики гр. Хвостовъ и не признавалъ, и не понималъ, какъ и всѣ представители консервативнаго направленія въ тогдашней литературѣ. Кромѣ того, въ его сужденіяхъ о критикѣ ясно видно личное раздраженіе на ироническіе отзывы объ его собственныхъ произведеніяхъ. „Я люблю критику, говоритъ онъ, проповѣды-

валъ и торжественно утверждаю, что доколѣ не будетъ критики, дотолѣ не будетъ у насъ пѣвцовъ. Критика не есть зоильство; всѣ знаютъ, что я кроткій человѣкъ, удаляюся сваровъ, гнушаюся зоилами; но критику всегда себѣ за честь поставлю.. Система моя въ поэзіи — духъ, сила, подражаніе природѣ, удаленіе жеманства. Я почитаю поэта вдохновеннымъ, до недостатковъ его мнѣ дѣла нѣтъ; образцовый долженъ самъ для себя наблюдать чистоту, подражая въ семъ случаѣ Виргилію и Расину: они образецъ возможнаго совершенства".

Мнѣнія гр. Хвостова о критикѣ вообще и о своихъ критикахъ въ особенности (надо замѣтить, что печатныхъ критикъ на его сочиненія очень немного; всего больше рукописныхъ эпиграммъ, которыя скоро доходили по назначенію и распространялись въ обществѣ); всего подробнѣе изложены въ его „біографіи". Здѣсь, между прочимъ, говорится:

„Свойство гр. Хвостова самое кроткое, что открываетъ вся его жизнь домашняя и всѣ тѣ, кои имѣли съ нимъ сношеніе. Онъ весьма равнодушно сносилъ многія непріятности, поставя себѣ правиломъ, что для благополучія въ обществѣ надобно ближнимъ многое прощать. Но равнодушіе сіе, толикую дѣлающее честь мудролюбцу, всегда-ли было свойствомъ поэта? Къ сожалѣнію— нѣтъ. Отрицать нельзя, что насмѣшки, сатиры, пасквили, дѣйствуя на легкомысленную часть публики, крайне его огорчали. Правда, что будучи всегда управляемъ разсудкомъ, рѣдко отвѣтствовалъ на колкости, издаваемыя въ журналахъ, увидя, что нападки ихъ есть вражда, а цѣль—уловить для корысти вниманіе публики насчетъ извѣстнаго человѣка или писателя. И потому нерѣдко твердилъ стихи Крылова:

„Знать моська та сильна,
Что лаетъ на слона".

„Вражда сія имѣетъ свой хотя и не похвальный источникъ: гр. Хвостовъ, любя страстно словесность и поэзію, увидѣлъ, что молодые писатели, по слѣповѣрію къ нѣкоторымъ иностраннымъ образцамъ, отступя отъ своихъ предшественниковъ, каковыми онъ полагалъ относительно вкуса Хераскова, Богдановича и друг., и даже нарушая правила разсудка и вкуса, въ короткое время наводнили Парнассъ нашъ слезами, вздохами и, наконецъ, появились не только изнѣженные стихи, но и жеманныя мысли. Сіе самое побудило нашего автора послѣдовать въ стихахъ похвальному примѣру въ прозѣ почтеннѣйшаго Шишкова и ополчиться на

тѣ нелѣпости (хотя кротко, не именуя никогда лицъ и не выставляя даже стиховъ)... Модные стихотворцы скоро составили заговоръ, коего главная статья, по словамъ Мольера, была та, что кромѣ ихъ и друзей ихъ никто другой ума имѣть не можетъ. Безчисленная толпа подражателей къ нимъ присовокупилась; всѣ на Пиндѣ стали томиться, воздыхать, всѣ другъ друга стали превозносить похвалами, а тѣхъ писателей, кои слѣдовали правиламъ разсудка, осыпать ругательствомъ. Журналисты, слѣдуя похвальнымъ побужденіямъ своимъ, возрадовались счастливому времени и пустились вѣнчать лаврами большею частью тѣхъ, кои портили и поэзію, и языкъ и кои, черпая безъ разбора изъ книжнаго и разговорнаго источника, попирая словопроизводство и словоударѐніе, получали титло очистителей языка. Вотъ отчего въ нѣкоторыхъ журналахъ глубокое молчаніе о твореніяхъ нашего автора, а изрѣдка, иногда, подпускалась мнимая аттическая соль и личная колкость! Вотъ отчего въ Пантеонахъ, образцовыхъ сочиненіяхъ и проч. нѣтъ ни строчки, принадлежащей гр. Хвостову! Вотъ отчего эпиграммы на переводъ „Науки стихотворной“, который одинъ достаточенъ принесть довольную честь каждому сочинителю! Вотъ отчего нѣкоторые писатели того времени заключали: „мудрено сказать въ которомъ родѣ гр. Хвостовъ болѣе успѣлъ“, хотя, не говоря о другихъ родахъ, статьи, забытыя законодателемъ французскаго Парнасса: о баснѣ и объ оперѣ — даютъ нашему автору непостыдное мѣсто въ числѣ поэтовъ-дидактиковъ. Цѣнители сіи не заботились о томъ, хорошій-ли стихотворецъ гр. Хвостовъ, а только присягали ложному вкусу и своимъ видамъ не хвалить его. Ихъ дѣло было знать, что онъ не модный писатель, сего уже довольно. Сія зараза такъ сильно была вкоренена, что въ одномъ училищѣ начальникъ подвергъ наказанію ученика за то, что онъ читалъ на экзаменѣ стихи гр. Хвостова, а не наперсниковъ моды.

„Гр. Хвостовъ всегда былъ готовъ искренно любить и уважать питомца музъ безъ зависти и лести къ отличнымъ или средственнымъ дарованіямъ каждаго. Примѣчанія при его сочиненіяхъ доказать могутъ, сколько онъ заботился что-либо упомянуть къ чести поэтовъ современныхъ и вмѣстѣ удивлялся постояннымъ на него нападкамъ и молчанію насчетъ его трудовъ, говаривалъ: можно не читать худаго поэта, хулить его музу, смѣяться надъ его стихами, даже и въ печати, только пристойнымъ образомъ; но ненавидѣть безъ причины, кажется, не за что!

„Заслуги его на русскомъ Парнассѣ суть: ревность обратить писателей къ природѣ и древнимъ образцамъ. Онъ отъ каждаго

стихотворства всегда требовалъ особеннаго чувства и воображенія. Онъ самъ есть примѣръ плавности вообще, т. е. слога и мыслей. Правила Попія о критикѣ и собственныя посланія о притчѣ и оперѣ и правила, имъ самимъ въ его твореніяхъ разсыпанныя, увѣрятъ всѣхъ, что онъ первый направилъ поэзію въ Россіи правилами и образцами на ту благородную цѣль, для каковой она сотворена; нравственность, дары поэта, критика, языкъ и звучность были его отголоски. Изъ чего видно, что авторъ нашъ первый проповѣдовалъ и первый въ нашемъ отечествѣ водворилъ благоразумную критику".

Изъ этого видно, что наивный стихотворецъ дошелъ до такого самомнѣнія, что сталъ считать себя преобразователемъ литературы, и что всего забавнѣе — именно въ такое время, когда въ нашей литературѣ дѣйствительно совершалось преобразованіе, причемъ имени гр. Хвостова серьезно никто и не произносилъ. Но въ своемъ комическомъ увлеченіи онъ заходитъ еще дальше и пишетъ длинную записку „по случаю восшествія на престолъ императора Николая Павловича и объ мятежѣ, случившемся 14-го декабря 1825 года", въ которой объясняетъ все дѣло развратомъ въ литературѣ и прямо называетъ революціонерами всѣхъ тѣхъ, которые не хвалили его сочиненій. Вотъ содержаніе этой записки: сначала гр. Хвостовъ распространяется о французской революціи, прибавляя, что онъ всегда былъ чуждъ этой заразы и всегда громилъ крамольниковъ въ своихъ сочиненіяхъ. Причина французской революціи, по его мнѣнію, заключается въ корыстолюбіи, властолюбіи и жаждѣ чужаго достоянія, а средствомъ для осуществленія коварныхъ замысловъ служила развращенная словесность. Переходя затѣмъ къ Россіи, онъ видитъ здѣсь совершенно аналогичное явленіе: „если у меня спросятъ, говоритъ онъ, съ котораго времени сіе зло появилось въ Россіи?—отвѣтствую, что съ семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія; но тогда оно было въ колыбели: пустословіе, игра ума, ополчающаяся затѣйливо на древнія нѣкоторыя заблужденія и обычаи.... Не имѣя ни права, ни способовъ разсуждать о ходѣ, распространеніи и политическомъ наитіи зловреднаго безначалія въ любезномъ отечествѣ нашемъ, буду только говорить о явныхъ примѣтахъ, разсѣеваемыхъ (не взирая на строгость цензуры) въ ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и мѣсячныхъ листочкахъ.

„Словесность есть самое удобное средство къ разлитію въ обществѣ понятій, разрушающихъ всѣ основанія истинной мудрости, и тѣмъ болѣе, что она, представляя вещи съ одной часто стороны, удобно можетъ по наружности невиннымъ разсужденіемъ, хотя и

безъ всякихъ доказательствъ, поколебать въ слабыхъ сердцахъ истинныя начала вѣры, совѣсти и разсудка; словесность, о которой я могу разсуждать по сорокалѣтнему упражненію въ оной и по многимъ опытамъ съ нѣкоторою основательностію, какое у насъ въ послѣднія десять лѣтъ минувшаго столѣтія имѣетъ направленіе? Какая цѣль нашей поэзіи, какія правила ея, и есть-ли въ оной критика? Простые отвѣты на всѣ сіи вопросы легко удостовѣрятъ каждаго безпристрастнаго читателя, что послѣ Ломоносова и нѣкоторыхъ въ маломъ числѣ его послѣдователей большая часть нашихъ поэтовъ, по счастливому изреченію моему въ одномъ посланіи:

„Всѣ пишемъ какъ хотимъ, шутя надъ Аполлономъ".

„Тѣ поэты, коихъ я разумѣю, осмѣлятся-ли представить благородный характеръ въ избираемыхъ ими предметахъ и лицахъ? покажутъ-ли въ нихъ чувства и поступки, могущіе возвысить душу читателя и склонить его къ подражанію въ общественной, частной и приватной жизни великимъ примѣрамъ? Правило поэзіи—три единства—подъ именемъ педантизма нововводителями совершенно искореняются. Изящная природа, изображающая въ полной красотѣ высокую мысль, высокое дѣяніе или чувство, замѣняется какою-то общею природою и часто привлекаетъ состраданіе читателя на героя-преступника. Сколько лирическихъ сочиненій и мелочныхъ поэмъ, представляющихъ намъ кровавые плоды развращенныхъ сердецъ! Сочиненія, могущія попадаться въ руки прелестныхъ женщинъ, пріучаютъ ихъ, такъ сказать, къ окровавленному потоку мрачныхъ думъ. Преступники, разбойники и подобныя содержанія на зло изящной природѣ составляютъ въ наше время предметъ поэмъ не—эпическихъ. Изъ чего ясно слѣдуетъ (?), что цѣль поэзіи, со временъ Аристотеля донынѣ, должна служить наклоненіемъ къ добродѣтели и благонравію; но цѣль нововводителей совсѣмъ другая, именно—приготовленіе умовъ и сердецъ къ разрушенію всякаго порядка. Я спрашиваю: совершенно-ли перемѣнился въ наши времена языкъ Ломоносова? не тѣмъ-же-ли языкомъ изображаютъ свои мысли всѣ наши писатели? Какая нужда раздѣлять времена нашей поэзіи на разныя эпохи, и что всего лукавѣе—отдѣлять языкъ русскій отъ славянскаго? не для того-ли, чтобы яснѣе представить для каждаго состоянія и лица на первомъ, какъ всякому понятномъ, языкѣ свои заблужденія и найти соучастниковъ? На что перемѣнять языкъ? на что уничтожать роды поэзіи и отвергать правила единства и изящной при-

роды?—Прибавимъ о критикѣ. Сія знаменитая наука, толико полезная въ образованіи вкуса и даже просвѣщенія вообще,—въ какихъ она рукахъ находится? И что такое въ нашей словесности критика?

„Смѣло можно сказать, что неблагонамѣренные люди и журналисты завоевали у насъ критику и создали изъ оной или гнусную сатиру на иныхъ писателей, или панегирикъ модныхъ авторовъ. При разборѣ сочиненія не спрашивается—какая цѣль онаго, какія лицамъ приданы свойства, чувствованія и мысли. Часто похваляются разсужденія, мысли и чувствованія высокія въ устахъ преступниковъ. Стараются все, на правилахъ основанное, искоренять... Не ясно-ли, что сужденія словесности нашей и самый даже языкъ съ 1790 года имѣютъ свою особенную цѣль, удаленную отъ цѣли словесности, т. е. отъ пользы нравственной, распространенія вкуса и остепененія правильнаго языка?

„Не пристойно мнѣ говорить о самомъ себѣ, о моихъ слабыхъ дарованіяхъ и о посильныхъ произведеніяхъ; но, въ подтвержденіе предлагаемаго мною довода о томъ, что цѣль поэзіи и цѣль нововводителей совершенно различны, имѣю право сказать, что они сами дѣлаютъ предполагаемое мною раздѣленіе. Болѣе тридцати лѣтъ находясь членомъ Россійской академіи, издавъ 4 тома стихотвореній въ опредѣленныхъ родахъ, кои они называютъ классическою поэзіею, никогда и ни въ какихъ журналахъ не было отголоска о моихъ произведеніяхъ. Въ журналахъ, въ обозрѣніяхъ литературы при альманахахъ, имя мое едва-ли находится. Въ одной учебной книгѣ хотя упоминается обо мнѣ, но съ нѣкоторою насмѣшкою, именно, что нѣкоторые обѣщаютъ мнѣ безсмертіе. Впрочемъ, и здѣсь говорится только, и то мимоходомъ, о родѣ моихъ стихотвореній, а не опредѣляется ни мало о степени достоинства оныхъ и не упоминается вообще о недостаткахъ... Нѣтъ нужды извлекать молчаніе въ журналахъ (?) или краткія и часто язвительныя упоминанія о новыхъ хорошихъ моихъ сочиненіяхъ. Я все сіе исчисляю для показанія, сколько нововводители удалены были отъ прямой цѣли словесности, и потому нѣтъ нужды напоминать объ эпиграммахъ, которыя съ торжествующимъ удовольствіемъ отступники порядка и въ самой словесности разсыпали.

„Желаю убѣдить питомцевъ музъ, что неистовыя ополченія на А. С. Шишкова, знаменитаго благодѣтеля русской словесности, на меня и на другихъ почтенныхъ по авторству собратій, не иное что въ виду имѣли, какъ цѣль безначалія, препятствующую разсматривать и видѣть достоинства въ тѣхъ людяхъ, кои не могли по совѣсти, разсудку и опытамъ быть ихъ соучастниками“.

Подъ конецъ своей жизни гр. Хвостовъ, по просьбѣ С. Н. Глинки и кн. Шаликова, принялъ подъ свое покровительство бѣднаго слѣпаго поэта Н. М. Шатрова (1765—1841), автора духовныхъ стихотвореній, съ которымъ онъ былъ знакомъ уже давно. Въ 1831 г. онъ предложилъ Россійской академіи издать сочиненіе Шатрова, предоставивъ выручку отъ ихъ продажи въ пользу автора. Съ этихъ поръ начинается его переписка съ Шатровымъ, интересная какъ обмѣнъ мыслей двухъ представителей отжившаго свое время литературнаго направленія. Въ первомъ письмѣ (писанномъ рукою С. Н. Глинки) Шатровъ говоритъ:

„По собственному побужденію души своей, вы приняли участіе въ произведеніяхъ моихъ и въ горестномъ жребіи бѣднаго слѣпца. Если въ стихотвореніяхъ моихъ есть нѣкоторое достоинство, то нелестно скажу, что я обязанъ тѣмъ умнымъ бесѣдамъ, когда у Ф. Г. Карина собирались вы, Николевъ и Горчаковъ. А если въ псалмахъ моихъ сохраненъ отпечатокъ псалмовъ Давидовыхъ, то тѣмъ единственно обязанъ вашимъ псалмамъ, въ которыхъ безъ измѣненія духа священнаго пѣснопѣвца, дышетъ живое его вдохновеніе. Ж. Б. Руссо поднесъ-бы вамъ лавры свои".

При этомъ приложено два небольшихъ стихотворенія. Вотъ одно изъ нихъ:

„Слѣпой читалъ Хвостова,
И вотъ Хвостову судъ слѣпова:
Хвостовъ въ забвенье не падетъ,
Но, какъ пѣвецъ давно извѣстный,
Сложивъ съ себя покровъ тѣлесный,
Изъ время въ вѣчность перейдетъ".

Въ концѣ 1831 г. С. Н. Глинка писалъ гр. Хвостову: „Слѣпца Шатрова стихи отпечатаны. Надняхъ препровожу ихъ къ вамъ. Онъ восхищенъ вашимъ псалмомъ и будетъ отвѣчать звуками лирическими.

„Россійская академія увѣнчала серебряною медалью зрячаго крестьянина Слѣпушкина; какая-бы была для нея слава, еслибъ она хотя такою-же медалью наградила слѣпаго нашего поэта-ветерана! Шатровъ тѣмъ достойнѣе вниманья, что онъ, не зная никакого иностраннаго языка, умѣетъ выражать величественнѣйшія мысли. Суворовъ покровительствовалъ Кострову; вы, графъ,—вы племянникъ безсмертнаго героя! Итакъ, въ рѣчи животворной предложите о Шатровѣ въ первомъ засѣданіи, и, по примѣру вашего незабвеннаго дяди, будьте покровителемъ Шатрова! Рѣчь ваша о коренномъ русскомъ поэтѣ будетъ изъ знаменитѣйшихъ памятниковъ въ запискахъ академіи".

Гр. Хвостовъ, однако, не говорилъ этой рѣчи, а просто написалъ Шишкову, прося его помочь бѣдному поэту. По ходатайству Шишкова, сочиненія Шатрова поднесены были государю и поэтъ получилъ два перстня; объ этой наградѣ извѣстили гр. Хвостова С. Н. Глинка и кн. Шаликовъ; послѣдній пользуется этимъ случаемъ, чтобы замолвить словечко и за себя:

„Montrez-moi mon rival--et je cours l'embrasser...

вотъ вашъ девизъ,—такъ сказалъ Вольтеръ и такъ вы поступили съ слѣпымъ лирикомъ. Не скрою послѣ этого мысль, сверкнувшую въ головѣ моей при столь великодушномъ желаніи моего благодѣтеля дѣлать добро, чтобы и я удостоился что-либо получить отъ царскихъ щедротъ. Благотворное присутствіе Николая простиралось на бѣднаго Петра единственно по тому всеобщему восторгу, который былъ живо чувствуемъ и его вѣрноподданническимъ сердцемъ; что-же касается до прочаго, то вѣдь васъ не было здѣсь; а у меня въ цѣломъ мірѣ нѣтъ другаго мецената! Итакъ, мелькнувшая мысль состоитъ въ томъ, чтобы снова прибѣгнуть къ моему единственному покровителю: не найдется-ли имъ средство къ поднесенію императрицѣ моего журнала, нѣкогда имѣвшаго подобное счастіе по вашему благодѣянію! Слабая, дрожащая рука можетъ только присовокупить: преданнѣйшій навѣки душею и сердцемъ вашему с—ству Шаликовъ".

Кн. Шаликовъ не ошибся въ своихъ расчетахъ: „меценатъ" выхлопоталъ ему богатый перстень, а Шатрову—золотую медаль отъ Россійской академіи. Но сочиненія Шатрова въ продажѣ шли очень плохо: „мои стихотворенія не въ большомъ уваженіи у журналистовъ", пишетъ онъ гр. Хвостову, и съ грустью прибавляетъ:

„Время мастеровъ промчалось
И немного ихъ осталось:
Только меценатъ—Шишковъ,
Дмитріевъ, Крыловъ, Жуковскій,
Да почтеннѣйшій Хвостовъ!"

Такимъ образомъ, даже Пушкинъ въ 1832 г. не удостоился чести попасть въ число „мастеровъ" и въ этомъ Шатровъ, съ своей точки зрѣніи, былъ правъ: въ Пушкинѣ всѣ классики видѣли своего главнаго врага, главу новаго романтизма. Не даромъ Шатровъ собирался писать Шишкову посланіе

„О растлѣніи стиховъ,
О паденьи классицизма,
О возстаньи романтизма
И о языкѣ боговъ".

Гр. Хвостовъ, радуясь такому намѣренію слѣпаго поэта, пишетъ

ему длинное письмо на тему: „Порча вкуса въ нашей словесности дошла до крайней степени; мы близко варварства". Шатровъ вторитъ ему стихами:

„Всѣ таланты какъ упали,
Всѣ восторги какъ пропали,
Отъ свирѣли до трубы!"

Переписка продолжается въ томъ-же тонѣ взаимныхъ жалобъ и сожалѣній о „добромъ старомъ времени", когда въ литературѣ не было еще „модной заразы". Наконецъ, у Шатрова вырывается грустное сознаніе человѣка, чувствующаго, что онъ пережилъ самъ себя:

„Всему свое время—наше прошло".

Это давно слѣдовало понять и гр. Хвостову.

VI.

Въ продолженіе своей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности гр. Хвостовъ постоянно вращался въ обществѣ извѣстныхъ писателей; онъ былъ знакомъ почти со всѣми замѣчательными дѣятелями русской литературы конца XVIII и начала XIX вѣка; кромѣ того, по разсказамъ старшихъ своихъ современниковъ, зналъ многое и о такихъ писателяхъ, которыхъ уже не засталъ въ живыхъ. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ у него естественно явилась мысль заняться исторіею русской литературы—мысль, въ первое время выразившаяся въ планѣ словаря русскихъ писателей или, вѣрнѣе, дополненій и поправокъ къ извѣстному словарю Новикова. Задавшись этою цѣлью, гр. Хвостовъ въ 1801 и 1802 гг. началъ собирать біографіи русскихъ писателей, что̀ ему сдѣлать было не особенно трудно,—стоило только обратиться за содѣйствіемъ къ своимъ многочисленнымъ знакомымъ. Многіе изъ нихъ сообщали ему біографическія свѣдѣнія какъ о себѣ лично, такъ и о другихъ, живыхъ или умершихъ, писателяхъ. Въ числѣ лицъ, доставившихъ ему такіе матеріалы, встрѣчаемъ имена гр. А. И. Мусина-Пушкина, Т. С. Мальгина, архимандрита Евгенія (Болховитинова, впослѣдствіи митрополита кіевскаго) и др. [1]). Послѣдній самъ давно уже занимался собираніемъ матеріаловъ для исторіи русской литературы, а потому гр. Хвостовъ, начавшій съ 1804 г. изданіе журнала „Другъ Просвѣщенія", предложилъ ему придать своимъ замѣткамъ словарную форму и помѣщать въ но-

[1]) Библіогр. Записки, II (1859), 238—251.

вомъ журналѣ біографіи русскихъ писателей въ алфавитномъ порядкѣ. Евгеній охотно согласился на это предложеніе, и въ продолженіе трехъ лѣтъ успѣлъ напечатать въ „Другѣ Просвѣщенія“ 298 біографій (отъ А до К), въ числѣ которыхъ немало сообщенныхъ ему гр. Хвостовымъ. Дальнѣйшая судьба словаря Евгенія извѣстна: въ 1818 былъ изданъ словарь духовныхъ писателей; въ 1827 это изданіе было повторено; словарь писателей свѣтскихъ оставался неизданнымъ до 1845 года. Это обстоятельство, вѣроятно, и побудило гр. Хвостова въ 1826 г. снова приняться за составленіе словаря; въ это время онъ писалъ А. А. Писареву, прося его доставить свою біографію: „нѣсколько просвѣщенныхъ людей намѣреваются издать словарь русскихъ писателей, и доставили уже мнѣ множество записокъ; но что сіи записки значатъ? Онѣ, по большей части, оглашаютъ только то чины, то произведенія нашихъ прозаиковъ и стихотворцевъ или незаслуженныя ими похвалы, а чаще ругательство пристрастныхъ журналистовъ. Мнѣ совсѣмъ не то надобно, именно: мѣсто и время рожденія автора, послѣдній его чинъ въ военной или гражданской службѣ, почести литературныя и списокъ сочиненій, если можно—по годамъ, и когда и гдѣ напечатаны“.

Съ подобными-же просьбами гр. Хвостовъ обращался къ И. И. Дмитріеву, кн. Шаликову, Городчанинову, Перевозчикову и др. Въ бумагахъ его осталась слѣдующая замѣтка:

„19 марта 1826 г. въ собраніи Общества о Словарѣ [1]) гр. Д. И. Хвостовъ объяснилъ, что намѣреніе общества не то, чтобы составить жизнеописаніе каждаго сочинителя въ стихахъ или въ прозѣ. Не взирая на примѣръ г. Греча въ учебной книгѣ его, раздѣленіе словесности на эпохи и на степени, мнѣ кажется, излишне. Въ поприщѣ семъ вси бо текутъ, единъ-же пріемлетъ почесть. Вотъ опредѣленіе, справедливо обращенное къ нашему подвигу или намѣренію. Описаніе трудовъ каждаго сочинителя достаточно покажетъ степень его достоинства и славы. Особливо должно быть осторожну относительно живыхъ. Кто будетъ имѣть дерзость сказать живому и даже напечатать, что такой-то противъ такого-то второстепенный? Оставьте сіе „Сыну Отечества“, „Сѣверной Пчелѣ“ и ихъ собратіямъ. Мнѣ кажется, что раздѣленіе на степени при жизни обидно; писатели суть родъ раздражительный (irritabile genus vatum)“.

Въ то-же время въ „Дамскомъ Журналѣ“ (№ 9, стр. 121) на-

[1]) Кто были члены этого общества, къ сожалѣнію, неизвѣстно.
М. П.

печатано было объявленіе, приглашавшее писателей и лицъ, имѣющихъ возможность сообщить біографическія свѣдѣнія о какомъ-либо писателѣ, доставлять свои записки „Обществу для составленія словаря русскихъ писателей“. Князь Шаликовъ, напечатавъ это объявленіе, писалъ своему меценату:

„Отъ души поздравляю моего Иракла литературы съ предпріемлемымъ новымъ подвигомъ, и отъ сердца желаю счастливѣйшаго совершенія, блистательнѣйшаго увѣнчанія!... Но что скажу о себѣ? Біографія моя не представитъ ничего интереснаго: родился тогда-то, учился тамъ-то, служилъ тамъ-то, тѣмъ-то—и аминь. О слабыхъ трудахъ моихъ есть нѣчто въ учебныхъ книгахъ—и довольно. По чести, не знаю, что̀ могу доставить для вашего словаря, въ которомъ, между прочимъ, такъ лестно было-бы для меня видѣть имя свое! Перенесите меня изъ Гречевой кладовой въ свою храмину, и я заживу въ ней бариномъ!... Уголокъ, вами мнѣ отведенный, былъ-бы для меня многимъ, многимъ, и стоилъ-бы самой роскошной гостиной!“

Однако, это предпріятіе не осуществилось, вѣроятно, потому, что самъ графъ Хвостовъ скоро его оставилъ. Въ его бумагахъ осталось нѣсколько матеріаловъ для предполагаемаго словаря; но ихъ не такъ много, какъ слѣдовало-бы ожидать. Первое мѣсто между ними занимаетъ большая переплетенная тетрадь, въ которой переписанъ словарь Новикова съ бѣлыми страницами для дополненій и съ нѣкоторыми вставками. Изъ этихъ вставокъ заслуживаютъ вниманія собственноручно написанные гр. Хвостовымъ отзывы о Рубанѣ и о самомъ себѣ: „Рубанъ, Василій Григорьевичъ, род. 1739 г. (слѣдуетъ выписка изъ Новикова). Онъ имѣлъ искусство преобратить Иппокрену въ струи Пактоловы. Онъ не иначе восходилъ на Парнасъ, какъ для прославленія богатыхъ и знаменитыхъ особъ. Болѣе-же всего обогатился надгробіями, что и подало случай къ слѣдующей надгробной надписи:

Здѣсь Рубанъ погребенъ; онъ для науки жилъ;
Надгробописецъ бывъ, надгробье заслужилъ“.

„Хвостовъ, графъ, Д. И., тайный совѣтникъ и кавалеръ св. Анны 1-й степени, членъ Росс. Имп. Академіи, человѣкъ, имѣющій разумъ и дарованія, достаточныя свѣдѣнія и просвѣщеніе, пріобрѣтенное большимъ и успѣшнымъ чтеніемъ книгъ, что доказывается всѣми его сочиненіями, а особливо нравственными одами. Также онъ сочинилъ болѣе 200 притчей, изданныхъ въ Спб., 1802 года, въ которыхъ пристойная сему роду простота и разсказъ искусно совокуплены съ богатствами стихотворнаго воображенія и

духа. Онъ перевелъ Расиновы трагедіи „Андромаха“ и „Ифигенія“ первая напечатана въ Спб. 1794 года. Сочинилъ комедію Легковѣрный въ 3 д. въ прозѣ, „Руской Парижанецъ“ въ 3 д. въ стихахъ“, и пр. и пр.

Кромѣ этого черноваго словаря, есть еще нѣсколько отдѣльныхъ біографій, написанныхъ самимъ гр. Хвостовымъ, и нѣсколько краткихъ автобіографическихъ записокъ, доставленныхъ ему знакомыми писателями. Въ приготовленной для словаря біографіи Державина есть нѣсколько интересныхъ замѣчаній.

„Сей достопамятный въ лирическомъ родѣ поэтъ родился утѣшить Россію послѣ Ломоносова; жаль только, что мало имѣлъ времени украсить россійскую словесность безсмертными произведеніями своими. Занимая важныя мѣста и званія въ правительствѣ въ продолженіе трехъ царствъ, онъ не всегда могъ посвящать таланты свои лирѣ.... Всякій, кто имѣлъ обращеніе пріятельское съ Гаврила Романовичемъ, удостовѣрить можетъ, что крылатый умъ и душа его были всегда въ движеніи, посреди даже шумнаго общества (?). Извѣстные по преданію стишки, написанные въ пріятельской бесѣдѣ однимъ изъ его знакомыхъ, когда Д. былъ еще экзекуторомъ 1-го департамента сената, это доказываютъ:

„Въ сенатѣ должностью, а духомъ въ ратномъ полѣ
. . . . . .
Снаружи холоденъ, безпеченъ, простячекъ,
Но огненный внутри и мыслями высокъ;
Иль съ Пиндаромъ летитъ, или на стулѣ спитъ,
Или какъ вихрь бурюетъ“. . .

Сіи письменные стишки, на бумагу положенные безъ пріуготовленія и отдѣлки, схватили, однакожь, справедливо портретъ Д. Они, должно быть, сочинены около 1780 года, при самой зарѣ еще славы Д. Сей поэтъ въ молодости своей много писалъ, даже будучи унтеръ-офицеромъ л.-гв. Преображенскаго полка. Двое его сотоварищей ночью на часахъ предались объятіямъ Морфея. Сіе юношѣ, рожденному поэтомъ, подало случай написать стихотвореніе, изъ коего на памяти у многихъ современниковъ остались первыя двѣ строки:

„Одни несчастные—плачевная минута!—
Заснули на часахъ Батуринъ и Плохута“.

„Есть очень много стихотвореній Г. Р., которыя онъ писалъ въ молодости; но публика объ нихъ не знаетъ: они принесены, по благоразумію поэта, въ жертву Аполлону или находятся въ рукописи у тѣхъ любителей, которые безъ толку и разбору любятъ собирать все то, что было написано, особливо подъ вывѣскою знаменитаго человѣка“, и пр.

Наконецъ, въ бумагахъ гр. Хвостова есть одно письмо, изъ котораго видно, что нѣкто Шлунъ, въ продолженіе 25 лѣтъ, составлялъ біографическій словарь русскихъ ученыхъ, писателей и писательницъ. Вдова его, при посредствѣ А. В. Терещенко, предлагала гр. Хвостову пріобрѣсти этотъ словарь за 500 р., и часть рукописей Шлуна была у графа для просмотра; но, кажется, онъ не купилъ ихъ; по крайней мѣрѣ, въ бумагахъ его никакихъ указаній на дальнѣйшую судьбу этого словаря не находится, и вообще неизвѣстно что̀ сталось съ этимъ интереснымъ трудомъ.

Кромѣ словаря, гр. Хвостовъ задумывалъ издать большой сборникъ подъ заглавіемъ „Записки о словесности“. „Собираю запасы для исторіи словесности нашей, за которую журналистъ Гречъ такъ неудачно и такъ несчастливо взялся“, говоритъ онъ въ письмѣ къ митрополиту Евгенію. Въ составъ этого сборника должна была войти большая часть такъ называемой „ученой переписки“ графа, разборъ его сочиненій, имъ самимъ составленный, анекдоты о писателяхъ, шутки, эпиграммы и пр., и пр. такъ что если-бы этотъ планъ осуществился, то мы имѣли-бы одну изъ наиболѣе курьезныхъ книгъ, когда-либо выходившихъ въ свѣтъ. Но графу Хвостову въ то время, когда онъ задумалъ издать свои „Записки“, было уже 70 лѣтъ, потому этотъ сборникъ не былъ составленъ, хотя въ рукописяхъ графа отмѣчены и пронумерованы всѣ статьи, назначавшіяся для помѣщенія въ „Запискахъ о словесности“.

Изъ переписки гр. Хвостова видно также, что онъ хотѣлъ заняться біографіею Суворова, для которой имѣлъ много матеріаловъ; но затѣмъ, вѣроятно, передалъ эти матеріалы кому-нибудь другому, потому что въ его бумагахъ остались только копіи съ писемъ Суворова, давно уже напечатанныхъ.

VII.

6-го марта 1825 года, архангельскій епископъ Неофитъ, давнишній знакомый гр. Хвостова, писалъ ему:

„При вступленіи на епархію, когда я узрѣлъ мѣсто рожденія великаго Ломоносова, тотчасъ родилась во мнѣ мысль о сооруженіи ему памятника въ самомъ городѣ Архангельскѣ, гдѣ разные иностранцы, взирая на памятникъ, могутъ оживлять въ воображеніи своемъ генія россійской поэзіи. По временамъ сію мысль открывалъ многимъ гражданамъ, но безъ всякаго со стороны ихъ исполненія. Наконецъ, когда случайно повторилъ то-же въ бесѣдѣ съ г. граж-

данскимъ губернаторомъ. то онъ принялъ сіе съ удовольствіемъ, что я замѣтивъ, на другой-же день сдѣлалъ къ нему письменное отношеніе и просилъ его предложить о семъ градскому обществу. Съ согласія г. генералъ-губернатора, онъ немедля собралъ общество, и по предложеніи собрано въ краткое время до 4,000 руб.; между прочимъ. собирается еще сумма по уѣздамъ, какъ со свѣтской, такъ и съ духовной стороны. Еще купецъ устюгскій Аленевъ обѣщалъ собрать въ Устюгѣ до 1,000 р. Прошу васъ споспѣшествовать къ сему дѣлу ходатайствомъ вашимъ о сборѣ суммы съ ученаго сословія. Г. генералъ-губернаторъ отнесся о семъ къ г. министру народнаго просвѣщенія, между прочимъ, и о рисункѣ на предполагаемый монументъ".

Гр. Хвостовъ охотно взялся за это дѣло и сталъ усердно хлопотать о подпискѣ на памятникъ. Генералъ-губернаторъ архангельскій и вологодскій, Степанъ Ивановичъ Миницкій, писалъ ему:

„Преосв. архіерей Неофитъ извѣстилъ меня о намѣреніи в. с—ва споспѣшествовать намъ въ дѣлѣ предполагаемаго здѣсь памятника покойному Ломоносову. Поспѣшая принесть в. с—ву искреннѣйшую благодарность за столь лестное для насъ участіе ваше, имѣю честь вамъ, м. г., изъяснить, что о намѣреніи нашемъ соорудить здѣсь памятникъ Ломоносову довелъ я до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія, и до полученія отъ его высокопр — ства разрѣшенія, открыть формально подписку припошеніямъ считаю неприличнымъ. Но какъ в. с. изволили изъявить намъ желаніе ваше содѣйствовать сему дѣлу, то на первый случай прошу покорнѣйше оказать оное ходатайствомъ вашимъ у почтеннаго нашего министра Александра Семеновича [1]) по сдѣланному отъ меня его в.-пр—ству представленію, ибо желанія наши соорудить памятникъ Ломоносову хотя и усердны, но одни наши приношенія будутъ недостаточны, а потому и испрашиваемъ дозволенія открыть общую подписку".

По ходатайству гр. Хвостова, бывшаго въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Шишковымъ. высочайшее разрѣшеніе на подписку было получено очень скоро, въ концѣ марта того-же 1825 г. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ еп. Неофитъ увѣдомилъ гр. Хвостова; что у гражданскаго губернатора находится уже до 6,000 р. сбора на памятникъ; гр. Хвостовъ составилъ объявленіе о подпискѣ и разослалъ его въ разные журналы; Шишковъ обратился къ президенту академіи художествъ А. Н. Оленину съ просьбою рекомендовать художника, который могъ-бы взяться за исполненіе памятника. Олениинъ указалъ на старика-скульптора Ив. Петров. Мартоса, извѣст-

[1]) Шишкова.

наго памятникомъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ, — и Мартосъ дѣятельно принялся за работу. Въ слѣдующемъ году былъ уже готовъ и представленъ на высочайшее утвержденіе проектъ памятника, записанный у гр. Хвостова:

„Художникъ представляетъ Ломоносова стоящимъ на сѣверномъ полушаріи; начертанное имя „Холмогоръ“ напоминаетъ о мѣстѣ рожденія знаменитѣйшаго поэта Россіи. Положеніе фигуры выражаетъ изумленіе, которымъ пораженъ онъ, взирая на великое сѣверное сіяніе. Въ восторгѣ духа своего поэтъ желаетъ воспѣть величіе Божіе и принимаетъ лиру, подносимую ему геніемъ поэзіи. Вотъ минута, избранная для статуи Ломоносову, минута вдохновенія, произведшаго безсмертные стихи:

„Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ—
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ“.

„Вензловое на лирѣ имя императрицы Елизаветы Петровны означаетъ, что Ломоносовъ былъ пѣвецъ счастливаго ея царствованія“.

Въ бумагахъ гр. Хвостова находится много свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ. Видно, что подписка шла не особенно успѣшно. По смѣтѣ Мартоса, исполненіе памятника изъ бронзы, безъ перевозки и постановки на мѣстѣ должно было обойтись въ 47,000 р.; императоръ Николай Павловичъ пожертвовалъ 5,000 р., графъ Сем. Ром. Воронцовъ (дѣдъ котораго поставилъ памятникъ надъ могилою Ломоносова въ Александро-Невской лаврѣ)—2,000, академія наукъ и россійская академія — по 1,000 р., московскій университетъ и его округъ (по предложенію попечителя А. А. Писарева) — 679 руб. Въ числѣ жертвователей находятся: А. Ф. Малиновскій (25 р.), Ф. Ф. Кокошкинъ (25 р.), маіоръ Василій Пушкинъ (25 р.), титулярный совѣтникъ Иванъ Пущинъ (5 р.). Архангельскій гражданскій губернаторъ. Як. Фед. Ганскау, въ половинѣ 1827 г. писалъ гр. Хвостову, что „пожертвованія для великаго Ломоносова совсѣмъ прекратились; для совершенія ему памятника не достаетъ около 20 тысячъ рублей. Собранныя деньги отданы въ банкъ. И потому (прибавляетъ онъ) ежели вы, господа поэты, не возбудите въ публикѣ горячаго желанія дополнить недостающую сумму, то начатое дѣло придется оставить до тѣхъ поръ, пока деньги, находящіяся въ банкѣ, отъ пріумноженія процентами дозволятъ приступить къ исполненію“. Гр. Хвостовъ, желая помочь дѣлу, въ которомъ онъ принималъ такое участіе, сдѣлалъ довольно оригинальное

пожертвованіе: онъ написалъ оду слишкомъ въ 200 стиховъ „На памятникъ Ломоносову“ и выручку отъ ея распродажи пожертвовалъ на этотъ памятникъ. Выручка оказалась болѣе 3,000 р. Разумѣется, многіе покупали оду не ради ея самой, а ради той цѣли, на которую назначена была выручка; напр., въ спискѣ покупателей встрѣчаются имена президента академіи наукъ, гр. С. С. Уварова (100 р.), попечителя харьковскаго университета А. А. Перовскаго (100 р.), А. Н. Оленина (25 р.) и др.; но покупатели находились и другимъ способомъ: напр., учебный комитетъ харьковскаго университета предписалъ кіевской дирекціи училищъ пригласить училищныхъ чиновниковъ на полученіе оды гр. Хвостова по 2 р. 50 к. за экземпляръ; такое-же распоряженіе сдѣлалъ попечитель казанскаго учебнаго округа—Магницкій и московскаго—Писаревъ; поэтому нѣтъ ничего особенно удивительнаго въ томъ, что всѣ экземпляры оды гр. Хвостова были распроданы, чего никогда не случалось съ другими его сочиненіями. Сборъ пожертвованій продолжался три года съ половиною; наконецъ, 15-го декабря 1828 г. гр. Хвостовъ получилъ отъ Мартоса слѣдующее письмо:

„Къ в. с—ву, какъ ревнителю славы Ломоносова, идущему по путямъ его и извѣстному пѣснопѣвцу, спѣшу съ вѣстію, что памятникъ родоначальника нашихъ поэтовъ—совершенъ. Вчера происходили расплавка металла и самое отлитіе группы изъ бронзы. Это исполнено чрезвычайно счастливо — и я раздѣляю радость мою съ вами, м. г., какъ съ однимъ изъ первѣйшихъ и усерднѣйшихъ участниковъ въ предпріятіи сооруженія памятника“.

Копію съ этого письма гр. Хвостовъ сообщилъ Шишкову, съ просьбою „предложить россійской академіи о избраніи въ почетные члены оной справедливо славимаго Мартоса“. Просьба эта была исполнена.

П. О. Морозовъ.

1876 г.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ХРУЩОВЪ

род. 1806 г., † 1875 г.

Выдержки изъ его писемъ 1853—1859 гг. [1]).

„Хрущовъ лучшій генералъ изъ тѣхъ, какихъ я только зналъ при оборонѣ Севастополя".
Отзывъ кн. А. С. Меншикова.

Севастополь, 30-го марта 1854 г.

Войска, предназначенныя для обороны Крыма, начинаютъ подходить; вчера явились въ Севастополь гусары и весь городъ выбѣжалъ смотрѣть на нихъ, потому что здѣсь кавалеріи никогда не было. Около половины апрѣля ожидаютъ пѣхотную бригаду и тогда, вѣроятно, мы станемъ лагеремъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ весны и дуютъ сильные вѣтры. Надняхъ я сдѣлалъ довольно большую прогулку верхомъ по всѣмъ окрестностямъ Севастополя, чтобы знать мѣстность для движенія съ войскомъ, и мнѣ пришлось ѣздить по чрезвычайно крутымъ горамъ.

Здѣсь и прежде было все дорого, а теперь цѣна еще болѣе возвысилась, особенно на фуражъ и говядину. Вчера гусары покупали сѣно по рублю серебромъ за пудъ; овесъ продаютъ дороже пяти рублей четверть. Я посылаю за сѣномъ за 50 верстъ; скоро нигдѣ не будетъ сѣна. Въ прежніе годы здѣсь въ половинѣ апрѣля косили траву, теперь-же и признаковъ нѣтъ.

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1892 г., т. LXXIV, іюнь, стр. 593—607.

Севастополь, 6-го апрѣля 1854 г.

.... Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ напечатано телеграфическое извѣстіе изъ-за-границы, что Англія объявила намъ войну и Франція считаетъ себя въ войнѣ съ нами послѣ прекращенія дипломатическихъ сношеній. Ихъ непріязненныя дѣйствія уже обозначились: надняхъ подошелъ къ Севастополю пароходъ-фрегатъ, который захватилъ купеческое судно, снялъ съ него людей, испортилъ снасти и пустилъ на волю вѣтра.

За пароходомъ тотчасъ-же погнались, но онъ успѣлъ ускользнуть, потому что стихъ вѣтеръ. Англичане сдѣлали залпъ по нашему фрегату; наши отвѣтили. По дальности разстоянія снаряды не могли достигнуть. Единственное желаніе всѣхъ и моряковъ и пѣхотинцевъ встрѣтиться съ этими подлецами лицомъ къ лицу и поколотить ихъ.

Севастополь, 13-го апрѣля 1854 г.

.... Въ воскресенье пришелъ первый эшелонъ егерской бригады 17-й дивизіи и надняхъ придетъ вся бригада. Послѣ стоянки въ Москвѣ и русскихъ губерніяхъ имъ не понравится жизнь въ Севастополѣ, гдѣ надобно платить до $1^1/_2$ руб. сер. за пудъ сѣна.

Ты пишешь, мой другъ Наташа, что черезъ Тулу проѣзжалъ какой-то офицеръ съ депешами объ истребленіи 30-ти англійскихъ и французскихъ судовъ нашими моряками. Это совершенная дичь, нашъ флотъ и не думалъ трогаться изъ Севастополя.

Надняхъ распространились здѣсь непріятные слухи, что соединенный флотъ подошелъ къ Одессѣ и что, будто, стрѣляли по нашимъ батареямъ; но какъ оффиціальныхъ извѣстій по сему предмету еще нѣтъ, то я не могу ручаться за вѣрность молвы.

Въ субботу, на страстной недѣлѣ, пріѣхалъ сюда генералъ-отъ-инфантеріи князь Горчаковъ, бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири и командиръ тамошняго корпуса. Онъ принятъ вновь на службу и государь назначилъ его въ распоряженіе князя Меншикова, а свѣтлѣйшій, кажется, посылаетъ Горчакова въ Ѳеодосію. Въ фельетонѣ одного изъ послѣднихъ нумеровъ „Русскаго Инвалида“ напечатана интересная статья подъ заглавіемъ „Два проклятія Наполеона I“. Обратите вниманіе на эту статью.

Не помню, благодарилъ-ли я тебя, мой другъ Наташа, за корпію, которую я получилъ. Если мнѣ случится быть раненымъ, то эта корпія, приготовленная твоими руками, облегчитъ мои страданія лучше всякихъ лекарствъ.

г. Севастополь, 20-го апрѣля 1854 г.

Вы вѣрно знаете, друзья мои, что передъ праздникомъ соединенные флоты явились подъ Одессою и сдѣлали нелѣпыя предложенія г. Сакену о выдачѣ имъ купеческихъ судовъ; потомъ пострѣляли въ одну батарею, сдѣлали попытку на Пересыпь, которая не имѣла никакого результата, и удалились отъ Одессы. По дорогѣ зашли къ Евпаторіи и, наконецъ, въ прошлую пятницу явились предъ Севастополемъ. Два дня крейсировали очень близко, а теперь находятся въ виду херсонесскаго маяка.

Имѣютъ-ли непріятели какую-либо опредѣлительную цѣль, такъ-ли прогуливаются по Черному морю—мы не знаемъ. Конечно, флотъ нашъ не трогается изъ бухты, ибо непріятель гораздо сильнѣе.

На прошлой недѣлѣ я обѣдалъ у князя и его свѣтлость самъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ для передачи нѣкоторыхъ приказаній. Обращеніе его со мною очень любезно и онъ всегда называетъ меня по имени. Сказалъ однажды, что въ числѣ принадлежащихъ ему деревень есть Хрущовка.

Прощайте, друзья мои, сейчасъ пріѣдетъ ко мнѣ начальникъ дивизіи, чтобы ѣхать вмѣстѣ для осмотра нѣкоторыхъ позицій и выбора мѣста для лагеря по направленію къ херсонесскому маяку.

Лагерь близъ Севастополя, 27-го апрѣля 1854 г.

.... Осада Севастополя соединенными флотами продолжается, только корабли отошли нѣсколько далѣе и видны по временамъ за херсонесскимъ маякомъ. Столкновеній никакихъ не было. Надняхъ пароходы подходили довольно близко къ Балаклавѣ и произвели у насъ небольшую тревогу.

24-го числа, по приказанію князя, мой полкъ вышелъ въ лагерь и расположился на трехъ позиціяхъ для охраненія бухтъ отъ Севастополя до херсонесскаго маяка на протяженіи 10 или 12 верстъ. У меня теперь 4 орудія, но надняхъ будетъ 12. Я самъ стою при двухъ баталіонахъ на среднемъ пунктѣ.

Я всякую минуту готовъ сняться съ позиціи и выступить куда потребуется надобность. Къ сожалѣнію, надобно полагать, что англо-французы не осмѣлятся напасть на Севастополь.

Лагерь около Севастополя, 4-го мая 1854 г.

....Послѣдніе три дня мы не видали флотовъ, но надобно думать, что корабли не въ дальнемъ разстояніи отъ Севастополя, ибо по ночамъ слышны глухіе выстрѣлы, вѣроятно, сигнальные. Вчера

разнесся слухъ, что около береговъ Одессы сожгли англійскій пароходъ-фрегатъ, который ударился о камень противъ одной изъ нашихъ батарей; весь экипажъ взятъ. Если слухъ справедливъ, то красные мундиры находятся уже въ нашихъ рукахъ. Дай Богъ поболѣе.

.... Зная изъ прежнихъ писемъ, что англо-французскій флотъ блокируетъ Севастополь, вы, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ и боязнью ожидаете моихъ писемъ, но мы совершенно покойны и теряемъ всякую надежду подраться съ непріятелемъ. Это всѣхъ насъ огорчаетъ.

Лагерь близъ Севастополя, 11-го мая 1854 г.

....Несмотря на блокированіе Севастополя, нашъ пароходъ „Эльборусъ“ успѣлъ притти сюда изъ Николаева. О бомбардированіи Одессы въ страстную субботу вы знаете уже изъ газетъ; послѣ того одинъ пароходъ фрегатъ, осматривая берега, попалъ на мель и спустилъ флагъ. Такимъ образомъ у насъ теперь въ плѣну 250 англичанъ, въ числѣ коихъ 24 офицера. У капитана оторвало ногу.

Въ первый разъ красные мундиры попались въ плѣнъ къ русскимъ. Говорятъ, что англійскій адмиралъ Дундасъ смѣненъ и назначенъ другой, что между англичанами и французами въ Константинополѣ разногласіе и прочее.

Лагерь близъ Севастополя, 25-го мая 1854 г.

.... Непріятельскіе флоты не являются предъ Севастополемъ и мы достовѣрно не знаемъ гдѣ они теперь. Пишутъ, что адмиралы отложили до времени бомбардированіе Севастополя. Съ Дуная не имѣемъ особенныхъ извѣстій. Силистрія обложена и, кажется, осаждается.

Лагерь близъ Севастополя, 1-го іюня 1854 г.

.... Третьяго дня, въ Троицу, явились на нашихъ водахъ три непріятельскихъ парохода-фрегата, прошли мимо самыхъ бухтъ, вблизи которыхъ стоятъ баталіоны моего полка, и, не доходя до большой Севастопольской бухты, повернулись назадъ.

Тогда уже смеркалось; погода была прекрасная. Въ лагерѣ играла музыка, пѣли пѣсни и проч. Судя по разстоянію, надобно думать, что съ непріятельскихъ пароходовъ видѣли насъ и даже слышали, что мы весело проводимъ время. Съ наступленіемъ ночи они ушли, а между тѣмъ ночью-же вышли семь нашихъ пароходовъ, но нигдѣ уже не встрѣтили непріятеля.

Вчера утромъ я былъ въ городѣ и видѣлъ оконченныя недавно Айвазовскимъ двѣ картины Синопскаго сраженія въ большомъ размѣрѣ. Картины превосходны и представляютъ два момента сраженія.

Лагерь близъ Севастополя, 8-го іюня 1854 г.

.... 3-го іюля мы были свидѣтелями небольшаго морскаго сраженія между шестью нашими пароходами и тремя батарейными пароходами союзниковъ. Какъ стрѣляли съ дальнихъ дистанцій, то большаго вреда не сдѣлали ни судамъ, ни людямъ.

Изъ нашихъ оторвало ногу мичману Скорятину и двухъ офицеровъ контузило, три унт.-офицера ранены.

Лагерь близъ Севастополя, 18-го іюня 1854 г.

.... Иностранныя газеты болтаютъ, что нечестивые союзники не оставляютъ своего намѣренія атаковать Севастополь съ моря и сухаго пути, но, Богъ знаетъ, рѣшатся-ли они на такое дерзкое предпріятіе.

Надняхъ князь дѣлалъ моему полку небольшой маневръ.

Нашими противниками были гусары; а завтра или послѣзавтра дѣлаетъ смотръ полку.

Лагерь близъ Севастополя, 21-го іюня 1854 г.

....Въ теченіе этой недѣли у насъ не было никакихъ новостей, то есть соединенные флоты не подходили къ намъ, кромѣ нѣсколькихъ пароходовъ, которые постоянно крейсируютъ по Черному морю. При настоящихъ обстоятельствахъ, когда наши войска отступаютъ отъ Дуная въ Молдавію, можно ожидать, что англо-французы сдѣлаютъ какую-либо попытку на Крымъ.

Положительныхъ и вѣрныхъ извѣстій съ Дуная мы не имѣемъ и не знаемъ еще: рѣшились-ли коварные нѣмцы дѣйствовать противъ насъ.

Лагерь близъ Севастополя, 9-го іюля 1854 г.

.... Отъ насъ былъ посланъ хорошій ходокъ пароходъ „Эльборусъ“ для развѣдыванія о непріятелѣ. Это порученіе возложено было на кап.-лейт. Попова, который доходилъ почти до Босфора, захватилъ два турецкихъ купеческихъ судна, сжегъ ихъ и провезъ нѣсколькихъ человѣкъ; остальныхъ людей отпустилъ на лодкахъ.

Потомъ посланъ былъ другой пароходъ „Владиміръ“ къ Днѣстровскому лиману. Вчера вечеромъ онъ возвратился, но я еще не знаю что̀ онъ сдѣлалъ и что̀ видѣлъ.

Изъ княжествъ нѣтъ положительныхъ извѣстій гдѣ именно расположились наши войска послѣ отступленія отъ Дуная. Говорятъ, что австрійцы вступили уже въ Валахію. Вопросъ еще не рѣшенъ—будутъ-ли они за насъ или противъ насъ.

Здѣсь разнесся слухъ, что нашу бригаду хотятъ перевести въ Ѳеодосію и Керчь, но эта молва не подтверждается.

Бивакъ у с. Бурлюка, 5-го сентября 1854 г., 11 час. вечера.

Наконецъ, друзья мои, давно ожидаемые гости прибыли къ намъ. Первое извѣстіе о появленіи флота получено 1-го числа утромъ, а вечеромъ опредѣлилось, что флотъ, въ огромномъ числѣ судовъ, сталъ верстахъ въ 20-ти отъ Евпаторіи, противъ с. Саки и Кокмюгомъ. Тамъ нашихъ войскъ не было, а потому 2-го и 3-го числъ высажены непріятельскія войска безпрепятственно, въ числѣ около 50 т. Тамъ, по крайней мѣрѣ, показываютъ 11 французовъ, захваченныхъ казаками на фуражировкѣ. Есть и кавалерія—до 3 тыс.

Князь немедленно распорядился сосредоточеніемъ войскъ нашихъ у Бурлюка на отличной позиціи. Мой полкъ получилъ приказаніе выступить 2-го числа послѣ обѣда, а на другой день къ полудню я былъ уже на мѣстѣ, сдѣлавъ болѣе 40 верстъ; бо́льшую часть ночи шелъ сильный дождь. Теперь здѣсь находится 39 баталіоновъ пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи и 10 батарей. Всего приблизительно подъ оружіемъ до 30 т. пѣхоты, 2 т. кавалеріи и 80 орудій. Завтра ожидаемъ еще изъ Ѳеодосіи 2 баталіона, полкъ казаковъ и батарею артиллеріи. Непріятельскій лагерь отъ насъ въ 20 или 22 верстахъ; флотъ виденъ какъ на ладони—цѣлый лѣсъ мачтъ.

До сихъ поръ непріятели ничего не предпринимали, мы также, ибо занимаемъ превосходную оборонительную позицію.

Сегодня я, какъ дежурный по войскамъ, былъ утромъ у князя и онъ пригласилъ меня съ собою на рекогносцировку. Мы ѣздили верстъ за 8 впередъ и видѣли ясно непріятельскій лагерь. Передъ вечеромъ я также ѣздилъ съ княземъ по занимаемой нами позиціи. Его свѣтлость былъ очень веселъ, много говорилъ со мною и между разговоромъ спросилъ (въ первый разъ): „а что, адмиралъ пишетъ-ли къ вамъ?“ Я отвѣчалъ, что получаю письма очень часто и что онъ весьма интересуется что̀ у насъ дѣлается, прибавя — здѣсь ему все родное. „Прошу васъ, сказалъ князь, передать ему мой усердный поклонъ“. Я поблагодарилъ свѣтлѣйшаго за вниманіе. Письмо это пишу къ вамъ на барабанѣ. Если будетъ что-либо новаго къ утру, то сообщу...

.... Прощайте, друзья мои, благословите меня на бой, который

надобно ожидать въ непродолжительномъ времени, если, разумѣется, англо-французы сдѣлали высадку не для шутокъ.

Бивакъ на позиціи у д. Бурлюка на Алмѣ.

7-го сентября, около 10 часовъ утра, непріятели показались на высотахъ въ семи верстахъ отъ насъ въ большихъ силахъ. Кавалерія съ конноартиллеріею завязала дѣло часу въ четвертомъ пополудни, которое ограничилось перестрѣлкою изъ орудій и небольшою атакою, причемъ взятъ въ плѣнъ полковникъ французскаго генеральнаго штаба. Потеря у насъ самая незначительная. Пѣхота не принимала участія въ дѣлѣ. Всѣ непріятельскія войска провели ночь на занятой ими позиціи, разложивъ большіе огни. Весь день и ночь непріятельскіе пароходы стояли у занимаемыхъ нами высотъ близь самаго берега и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но снаряды не долетали. Ночь мы провели покойно.

10-го сентября. Лагерь на прежнемъ мѣстѣ у Камышевой бухты.

8-го числа, около 10 часовъ утра, непріятели начали наступленіе на нашъ фронтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали высаживать войска съ пароходовъ за нашимъ лѣвымъ флангомъ. Вскорѣ завязался сильный бой на всѣхъ пунктахъ; пароходы поддерживали высадившія войска безпрерывнымъ огнемъ изъ своихъ орудій. Какъ нашъ лѣвый флангъ былъ слабъ, то онъ не могъ держаться и началъ отступленіе. Правый флангъ и центръ долго удерживались на своихъ позиціяхъ и обратили въ бѣгство колонну, хотѣвшую перейти черезъ мостъ на Алмѣ; но войска, будучи сильно поражаемы изъ большихъ орудій и въ особенности выстрѣлами изъ штуцеровъ, которыхъ у непріятелей очень много, и видя отступленіе лѣваго фланга и обходное движеніе, также стали отступать. У насъ довольно значительная потеря, но и у непріятелей не менѣе того; доказательствомъ тому служитъ то, что они почти не преслѣдовали насъ. Мой полкъ, находясь въ резервѣ, не вступалъ въ бой, хотя былъ нѣкоторое время подъ жестокимъ огнемъ; у меня убитыхъ и раненыхъ до 25 человѣкъ.

9-го числа продолжалось отступленіе до высотъ позади Инкермана. Оба дня при отступленіи мой полкъ находился въ арріергардѣ съ 16 орудіями, но непріятель не тревожилъ меня. Сегодня всѣ сосредоточились на южной сторонѣ города, а меня послали занять прежнія позиціи у бухтъ.

.... Не знаю, скоро-ли дойдетъ до васъ это письмо, ибо не знаю, свободна-ли симферопольская дорога.

14-го сентября. На р. Бельбекѣ д. Отарки.

Мы вышли 12-го числа изъ Севастополя и вчера пришли сюда; непріятель занялъ высоты Бельбека и мы уже не имѣемъ сообщенія съ Севастополемъ. Скоро тронемся къ Качѣ.

Бивакъ предъ Севастополемъ, 19-го сектября 1854 г.

Мое послѣднее письмо было отъ 13-го числа съ позиціи на р. Бельбекѣ. На другой день мы передвинулись къ Бахчисараю. Послѣ того я имѣлъ порученіе отъ князя сдѣлать усиленную рекогносцировку съ 6 баталіонами къ Черной рѣчкѣ, но я не встрѣтилъ непріятеля, который сосредоточилъ всѣ свои силы на южной сторонѣ, занявъ Балаклаву и высадивъ тамъ войска. Съ сѣверной стороны всѣ убрались, но зато съ южной совершенно обложенъ. До сихъ поръ непріятели еще не предпринимали ничего противъ города, но завтра или послѣзавтра, вѣроятно, начнутъ дѣйствовать. Вчера мы пришли на сѣверную сторону бухты и такимъ образомъ сообщеніе съ городомъ возстановлено. Что будетъ далѣе—не знаю, но всѣ желаютъ скорѣе вновь подраться съ непріятелемъ. Вотъ уже 17 дней, что я живу на бивакахъ....

Позиція противъ ст. Бельбекъ, 22-го сентября 1854 г.

....Для усиленія гарнизона въ Севастополь введено 14 баталіоновъ, слѣдовательно, съ моряками тамъ будетъ около 30 тысячъ. Остальныя войска заняли позиціи отъ Бельбека до Инкермана. Князь Меншиковъ и князь Горчаковъ расположились при командуемой мною бригадѣ (я командую временно Волынскимъ и Минскимъ полками) и оба очень любезны со мною. Въ эти дни непріятели ничего важнаго не предпринимали, но говорятъ, что они приготовляются къ правильной осадѣ. Мы находимся теперь въ довольно выгодномъ положеніи, ибо сообщаемся съ городомъ и симферопольская дорога въ нашихъ рукахъ. Напротивъ, по моему мнѣнію, Сентъ-Арно сдѣлалъ большую ошибку, переведя армію на южную сторону. Къ намъ идутъ подкрѣпленія изъ Россіи: въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца будутъ уже въ Крыму одна дивизія кавалеріи и 12-я пѣхотная г. Липранди.

Позиція у ст. Бельбекъ, 25-го сентября 1854 г.

....Непріятели строятъ батареи и приготовляются къ серіозной осадѣ. Распространился слухъ, что ихъ главнокомандующій С.-Арно умеръ и Канроберъ принялъ начальство надъ войсками. Подкрѣпленія къ намъ слѣдуютъ быстро.

Позиція на Бельбекѣ, 30-го сентября 1854 г.

....Въ эти дни непріятели ничего особеннаго не предпринимали. Изъ города стрѣляютъ иногда по ихъ работамъ и пароходамъ, которые близко подходятъ. Главнокомандующій С. Арно дѣйствительно умеръ. Непріятели имѣютъ большой недостатокъ въ водѣ и фуражѣ; у насъ-же всего довольно. Теперь ожидаемъ только подкрѣпленій.

Позиція при ст. Бельбекъ, 3-го октября 1854 г.

....Надняхъ сынъ князя Меншикова поѣхалъ въ Петербургъ; къ намъ пріѣхало нѣсколько флигель-адъютантовъ. Старикъ князь неутомимъ и безпрестанно бываетъ на конѣ. Наши войска ни въ чемъ не нуждаются.

Позиція при ст. Бельбекъ, 6-го октября 1854 г.

3-го и 4-го сентября непріятели ничего особеннаго не предпринимали, но зато 5-е число будетъ памятно въ лѣтописяхъ военной исторіи, по огромному числу снарядовъ, выпущенныхъ съ обоихъ сторонъ. Съ 6-ти часовъ утра началась сильнѣйшая канонада, съ сухаго пути, а съ часу пополудни присоединилось къ оной бомбардированіе съ моря. Итакъ, съ 6-ти часовъ утра до 6-ти вечера, т. е. до сумерекъ, страшная пальба не умолкала. Разумѣется, и наши какъ сухопутныя, такъ и береговыя батареи дѣйствовали также безъ умолку.

Во все это время были иногда секунды, когда огонь прекращался, но цѣлой минуты рѣшительно не было. Вся окрестность была покрыта дымомъ. Мы съ своей позиціи могли видѣть все, не будучи подъ выстрѣлами.

Непріятельскіе корабли, наиболѣе французскіе, числомъ до 20-ти, смѣло подходили къ входу въ бухту и производили страшный огонь. Я полагаю, что имъ крѣпко досталось отъ нашихъ фортовъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что два корабля потоплены, но достовѣрность этого нельзя утверждать.

Къ удивленію, наши береговые форты и всѣ батареи потерпѣли очень мало и во все время не умолкали; наиболѣе досталось Константиновской батареи, какъ самой крайней. Потеря въ людяхъ также весьма незначительна, всего убитыхъ и раненыхъ до 500 чел.; въ городѣ не сожжено ни одного дома. Итакъ непріятели могли убѣдиться, что Севастополь трудно бомбардировать какъ съ моря, такъ и съ сухаго пути. Къ общему сожалѣнію, смертельно раненъ въ ногу ген.-ад. Корниловъ, принимавшій самое дѣятельное

участіе въ оборонѣ города. Черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ. У кап. Скоробогатаго оторвало обѣ ноги; онъ также умеръ.

Сегодня все было спокойно и только изрѣдка стрѣляли по батареямъ.

Позиція у ст. Бельбекъ, 9 го октября 1854 г.

.... 7-го, 8-го и сегодня канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась безумолку. Конечно, поврежденія въ городѣ есть, какъ равно и небольшая потеря въ людяхъ, но это ничего не значитъ. Всѣ наши батареи цѣлы и продолжаютъ дѣйствовать. Войска не имѣютъ ни въ чемъ недостатка. Большая часть дамъ выѣхала изъ города.

Позиція на высотахъ предъ Инкерманомъ, 15-го октября 1854 г.

.... Въ этотъ день на нашемъ лѣвомъ флангѣ, между Черною рѣчкою и Балаклавою, было славное дѣло, и непріятели много потерпѣли, въ особенности англійская кавалерія. Взято нашими три редута и 11 орудій. Въ этомъ дѣлѣ участвовала 12-я дивизія Липранди и часть 16-й. Мнѣ-же порученъ былъ авангардный отрядъ, стоящій у спуска къ Инкерману (три баталіона съ 20 орудіями), слѣдовательно, я не могъ участвовать въ дѣлѣ. Высоты по другую сторону Инкермана занимаютъ непріятели. Я и теперь тутъ нахожусь; весь городъ и бо́льшая часть непріятельской позиціи у меня передъ глазами.

Надняхъ должны прибыть къ намъ 10-я и 11-я дивизіи и тогда мы будемъ имѣть возможность атаковать непріятеля серіознымъ образомъ. Городъ и непріятельскія батареи продолжаютъ почти ежеминутно мѣняться чугунными гостинцами; по ночамъ выстрѣлы слышны изрѣдка; флотъ, послѣ неудачной канонады 5-го числа, стоитъ въ почтительномъ отдаленіи.

....Слухи, сообщенные вамъ братомъ насчетъ Волынскаго полка, не совсѣмъ справедливы, ибо въ буквальномъ смыслѣ слова онъ не былъ въ дѣлѣ 8-го сентября, но, находясь подъ сильными выстрѣлами, сохранилъ при отступленіи полный порядокъ и послѣ прикрывалъ общее отступленіе.

Севастополь, 21-го октября 1854 г.

Третьяго дня мой полкъ вступилъ въ Севастополь и занялъ бастіонъ № 4, что противъ бульвара.

Севастополь, 25-го октября 1854 г.

....До сихъ поръ Богъ хранитъ меня отъ непріятельскихъ бомбъ, ядеръ и пуль, которыя ежеминутно свистятъ надъ моею головою. Я провожу ночь на бастіонѣ, а день на бивакахъ близь театра. Вчера сдѣлано было нападеніе на англійскія батареи, устроенныя противъ корабельной. Дѣло было жаркое и непріятелямъ крѣпко досталось; впрочемъ, и у насъ была потеря.

Севастополь, 28-го октября 1854 г.

....Наши дѣла, друзья мои, послѣ послѣдняго письма нисколько не измѣнились. Непріятели попрежнему стрѣляютъ въ наши батареи и городъ, мы взаимно отвѣчаемъ имъ. Всевышній хранитъ меня до сихъ поръ. О пріѣздѣ великихъ князей я писалъ къ вамъ. Они живутъ на сѣверной сторонѣ и принимаютъ большое участіе въ раненыхъ.

Къ сожалѣнію, погода у насъ стоитъ теплая и тихая, иногда только бываютъ дожди.

Севастополь, 1-го ноября 1854 г.

У насъ началась осенняя погода, дождь и грязь. Конечно, и для насъ это не совсѣмъ пріятно, но для нашихъ непріятелей это гораздо чувствительнѣе. Жаль только, что нѣтъ еще морозовъ и бурь.

Въ военномъ отношеніи наше положеніе нисколько не измѣнилось въ послѣдніе дни и непріятели ничего особеннаго не предпринимали; они стрѣляютъ рѣже прежняго, особенно по ночамъ.

Вчера великіе князья были въ городѣ и слушали обѣдню. Ихъ высочества желали-бы посѣтить нашъ бастіонъ и другія батареи, но главнокомандующій не допускаетъ ихъ до этого, и весьма справедливо. О намѣреніяхъ непріятелей намъ ничего неизвѣстно: рѣшатся-ли они штурмовать городъ или уберутся во-свояси; одною-же бомбардировкою ничего не сдѣлаютъ, ибо съ 5-го октября пустили несмѣтное число всякаго рода снарядовъ, а наши батареи и городъ здравствуютъ попрежнему. Все, что испортятъ днемъ, починятъ ночью.

Севастополь, 4-го ноября 1854 г.

.... Я попрежнему нахожусь съ своимъ полкомъ на бастіонѣ № 4. Третьяго дня была сильная буря, отъ которой пострадало до 10 непріятельскихъ судовъ, изъ коихъ одинъ фрегатъ. Дай Богъ, чтобы подобныя бури случались чаще.

Несмотря на всѣ неудобства жизни, мое здоровье хорошо и Богъ спасаетъ меня отъ непріятельскихъ бомбъ, ядеръ и штуцеровъ.

Севастополь, 8-го ноября 1854 г.

Мой полкъ смѣнили съ бастіона и поставили въ резервъ, чтобы немного оправиться. Такимъ образомъ, послѣ 19-ти-дневной бивачной жизни, подъ непрерывнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, я спалъ прошлую ночь на хорошей квартирѣ, въ удаленіи отъ бомбъ, ядеръ и пуль. Англо-французы продолжаютъ рыть траншеи, но ничего важнаго противъ города не предпринимаютъ.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ бурю 2-го ноября у нихъ погибло до 30 судовъ, въ томъ числѣ два корабля, нѣсколько фрегатовъ и пароходовъ....

Севастополь, 11-го ноября 1854 г.

....Черезъ нѣсколько дней я снова займу бастіонъ съ своимъ полкомъ. Непріятели ничего новаго не предпринимали въ послѣдніе дни и мы находимся въ неизвѣстности: останутся-ли они здѣсь зимовать или отправятся во-свояси. Послѣднее было-бы гораздо благоразумнѣе съ ихъ стороны. Забавны толки провинціальныхъ политиковъ-воиновъ, о которыхъ ты пишешь ко мнѣ, любезный другъ Борисъ Петровичъ. Я совершенно согласенъ съ тобою, что эти толки, по крайней мѣрѣ, есть результатъ общей любви къ славѣ и успѣху нашего оружія.

Погода у насъ стоитъ довольно теплая, но дождь идетъ почти ежедневно; море покойно.

Великіе князья живутъ попрежнему при главной квартирѣ на сѣверной сторонѣ. Ихъ высочества посѣщаютъ часто госпиталь и перевязочный пунктъ и доставляютъ истинное утѣшеніе раненымъ.

Севастополь, 17-го ноября 1854 г.

....Мы продолжаемъ приводить въ оборонительное состояніе городъ; непріятели, повидимому, не хотятъ убираться отсюда. Дезертиры говорятъ о намѣреніи штурмовать городъ и даже назначили нѣкоторыя числа, которыя прошли весьма покойно.

Мнѣ кажется, что они будутъ такъ благоразумны, что не рѣшатся на такое отважное и рискованное предпріятіе.

Къ сожалѣнію, погода у насъ стоитъ довольно теплая и нѣтъ бурь.

Въ прошлое воскресенье великіе князья, послѣ обѣдни, здоровались съ людьми моего полка и благодарили ихъ за службу отъ имени государя. Со мною также сказали нѣсколько словъ.

Севастополь, 23-го ноября 1854 г.

Съ 19-го ноября мой полкъ опять занимаетъ бастіонъ № 4-го, но на этотъ разъ мы пробудемъ здѣсь недолго. Теперь здѣсь гораздо покойнѣе, чѣмъ прежде, ибо непріятели менѣе стрѣляютъ. Въ ночь на 21 число мои охотники, въ числѣ 50 человѣкъ, дѣлали вылазку на непріятельскія работы и тамъ перекололи болѣе 30 человѣкъ. Повидимому, непріятели не располагаютъ убираться отсюда, несмотря на весьма дурную погоду и болѣзни въ ихъ войскахъ. Вчера прибылъ въ главную квартиру ген. Сакенъ. Говорятъ, что онъ назначается командиромъ 4-го корпуса, вмѣсто Даненберга.

Севастополь, 30-го ноября 1854 г.

.... Одна новость—перемѣна начальника въ Севастополѣ: вмѣсто Миллера назначенъ новый командиръ 4-го корпуса ген. Остенъ-Сакенъ; этотъ генералъ извѣстенъ своими военными дарованіями, дѣятельностію и благочестіемъ.

Послѣ недѣльнаго отдыха на квартирѣ, я завтра опять отправляюсь на бастіонъ № 4-го на недѣлю.

Севастополь, декабря 1854 г.

Сегодня великіе князья уѣзжаютъ изъ Севастополя въ Петербургъ; но обѣщаютъ снова возвратиться сюда, если осада продолжится. Ихъ высочества своимъ присутствіемъ оживляли войска и облегчали страданія раненыхъ.

Третьяго дня я снова вступилъ на бастіонъ; съ жизнью на бастіонѣ я совершенно свыкся, какъ равно и мои солдаты. Труды аванпостной службы и непріятности дурной погоды для насъ ничего не значатъ.

Письмо это пишу къ вамъ изъ маленькой землянки, въ которой я помѣщаюсь съ начальникомъ артиллеріи 4-го бастіона капит. 1-го ранга Кутровымъ; его сегодня смѣнитъ к.-адм. Юхоринъ.

Севастополь, 14-го декабря 1854 г.

.... Семидневный терминъ (отъ 1-го до 8-го числа) на бастіонѣ я отстоялъ благополучно и Богъ хранилъ меня отъ пуль и прочихъ гадостей. Завтра полкъ опять идетъ на бастіонъ на семь дней. Государь очень милостивъ къ севастопольскому гарнизону; надняхъ объявлено въ приказѣ, что его величество, принимая во вниманіе труды наши, приказалъ считать намъ мѣсяцъ за годъ службы.

Мы ожидаемъ новыхъ подкрѣпленій и въ томъ числѣ егерскую бригаду нашей дивизіи.

Севастополь, 17-го декабря 1854 г.

Третьяго дня я снова занялъ бастіонъ съ своимъ полкомъ на недѣлю. Тамъ я устроилъ для себя и своего штаба славную блиндированную землянку, которую не должна пробить бомба.

Перестрѣлка наша съ французами продолжается попрежнему, въ особенности очень часто угощаемъ другъ друга бомбами и штуцерными пулями.

Переметчики продолжаютъ говорить о намѣреніяхъ непріятеля штурмовать городъ, но эту пѣсню мы давно уже слышимъ; впрочемъ, готовы каждую минуту встрѣтить непріятеля....

Севастополь, 31-го декабря 1854 г.

Сегодня оканчивается старый годъ и завтра наступаетъ новый; что-то онъ принесетъ намъ хорошаго, друзья мои? Будемъ-ли мы всѣ здоровы, будемъ-ли мы имѣть случай видѣться между собою? На старый, лично, я не могу пожаловаться, ибо былъ все время здоровъ, несмотря на всѣ трудности и опасности настоящей жизни, и въ этомъ году получилъ чинъ, который въ военномъ званіи очень важенъ.

Будущее-же извѣстно одному Богу; возложимъ на Него все наше упованіе.

Третьяго дня я снова занялъ бастіонъ съ своимъ полкомъ на недѣлю и здѣсь встрѣчу новый годъ. Въ настоящее время непріятели безпокоятъ насъ менѣе своими выстрѣлами и не предпринимаютъ никакихъ новыхъ работъ, но не думаютъ убираться отсюда. Отъ нихъ ежедневно являются дезертиры и нѣкоторые съ отмороженными ногами, хотя морозовъ еще не было....

Севастополь, 7-го января 1855 г.

Третьяго дня вечеромъ мой полкъ смѣнился съ бастіона и теперь я могу немного отдохнуть.

Въ ночь со 2-го на 3-е число сдѣлана была отъ насъ вылазка, въ которой участвовало моихъ 250 и матросовъ 100 человѣкъ. Эти вылазки въ небольшомъ числѣ людей дѣлаются для того, чтобы непріятеля держать въ постоянномъ страхѣ и готовности, что, разумѣется, его очень утомляетъ. Наши славно поработали штыкомъ въ непріятельскихъ траншеяхъ, перекололи много французовъ, привели 5 человѣкъ и принесли 35 ружей. Главнокомандующій остался доволенъ и при этомъ случаѣ весьма лестно отозвался о моемъ полкѣ и лично обо мнѣ.

Съ началомъ новаго года у насъ выпалъ довольно большой

снѣгъ и начались морозы, которые доходили до 12°, но со вчерашняго дня сдѣлалась оттепель....

Говорятъ, что князь сдѣлалъ представленіе къ военному министру о назначеніи меня бригаднымъ командиромъ въ 16-ю дивизію. Если государь согласится на это, то мнѣ предстоитъ скоро сдача полка.

Севастополь, бастіонъ № 4-й, 14-го января 1855 г.

.... У насъ въ послѣдніе дни распространились слухи о возможности скораго мира; дай Богъ, чтобы слухи были справедливы. Великихъ князей ожидаютъ сюда завтра или послѣзавтра.

Севастополь, 25-го января 1855 г.

....Я разстался съ 4-мъ баталіономъ и расположился съ полкомъ на Корабельной для охраненія 3-го и 4-го отдѣленій. Противъ этихъ частей непріятели почти вовсе не стрѣляютъ. Нѣсколько дней порадовали насъ морозы, но теперь опять грязь.

Севастополь, 1 го февраля 1855 г.

.... Наше положеніе нисколько не измѣнилось, ни мы, ни непріятели не предпринимаютъ ничего серіознаго; впрочемъ, въ это время года трудно дѣйствовать. У насъ послѣ небольшихъ морозовъ, которые продолжались нѣсколько дней, опять началась оттепель и грязь страшная. Что касается лично до меня, то я теперь имѣю весьма удобную квартиру и мы не имѣемъ ни въ чемъ недостатка. Солдаты имѣютъ ежедневно водку и говядину. Изъ газетъ вы знаете, что въ Вѣнѣ трактуютъ о мирѣ, но, Богъ знаетъ, чѣмъ окончатся эти переговоры. На добросовѣстность англійскаго министерства нельзя полагаться, да и со всѣми европейскими государствами надо трактовать, держа наготовѣ камень въ рукѣ.

Севастополь, 8-го февраля 1855 г.

.... Въ Севастополѣ идутъ дѣла попрежнему; въ послѣднюю недѣлю непріятели ничего не предпринимали, но теперь все вниманіе обращено на Эвпаторію. гдѣ собранъ довольно значительный корпусъ турецкихъ войскъ. Надняхъ была слышна тамъ канонада и говорятъ, что турокъ сильно поколотили. Предъ Эвпаторіею находится 8-я дивизія князя Урусова, Азовскій полкъ и драгунская дивизія Врангеля.

Пѣхотою командуетъ нашъ землякъ ген.-л. Хрулевъ.

Въ прошлую ночь подулъ сѣверный вѣтеръ и выпалъ небольшой

снѣгъ, при морозѣ до 3-хъ градусовъ. Подобная погода не совсѣмъ нравится нашимъ врагамъ.

Мы имѣли надежду на Австрію, но изъ послѣднихъ газетъ видно, что на нее нельзя полагаться; за то Пруссія и весь германскій союзъ не хотятъ слѣдовать низкой австрійской политикѣ.

Я назначенъ командиромъ 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи.

Севастополь, 15-го февраля 1855 г.

Поздравьте меня съ побѣдою, друзья мои, и съ тѣмъ, что я остался живъ и невредимъ. Въ ночь съ 9-го на 10-е число мнѣ поручено было занять позицію за Киленъ-балкою и устроить тамъ редутъ. Непріятель не тревожилъ меня какъ въ эту ночь, такъ и 10-го и 11-го чиселъ, но съ 11-го на 12-е, въ два часа ночи, отборныя французскія войска сдѣлали стремительную атаку на занятую мною позицію. Редутъ еще не былъ готовъ и я не имѣлъ ни одной пушки.

Волынцы, съ которыми я долженъ вскорѣ разстаться, встрѣтили французовъ огнемъ и штыкомъ. Страшный рукопашный бой продолжался около часу; кончилось тѣмъ, что отбили нападеніе на всѣхъ пунктахъ и непріятель, въ совершенномъ разстройствѣ, ретировался въ свои траншеи. Множество труповъ осталось на полѣ сраженія. Подробности вы прочтете въ газетахъ и я вамъ сообщу когда буду имѣть болѣе свободнаго времени; теперь-же вовсе не имѣю онаго. Я былъ въ большой опасности. но Богъ хранилъ меня.

Великіе князья и главнокомандующій осыпали меня благодарностію и его свѣтлость выразилъ, что это первое лучшее дѣло въ Крыму.

Севастополь, 18-го февраля 1855 г.

Въ дополненіе увѣдомленія моего о дѣлѣ, бывшемъ съ 11-го на 12-е февраля. посылаю къ вамъ, друзья мои, приказы ген.-ад. Сакена и князя Меншикова. Донесеніе объ этомъ дѣлѣ отправлено въ Петербургъ, вмѣстѣ съ подробнымъ донесеніемъ о бомбардированіи Эвпаторіи, подъ начальствомъ ген.-лейт. Хрулева. Обратите вниманіе на созвучіе нашихъ фамилій и на то, что оба туляки. Особенныхъ новостей у насъ нѣтъ.

Чувствуя себя нездоровымъ отъ напряженія и простуды, я рѣшился пробыть нѣсколько дней на квартирѣ, чтобы укрѣпиться въ силахъ.

Погода у насъ испортилась: то дождь, то изморозь и небольшой снѣгъ.

О назначеніи новаго полковаго командира нѣтъ еще въ приказахъ, а мнѣ желательно скорѣе сдать полкъ, хотя разстаюсь съ сожалѣніемъ съ храбрымъ полкомъ...

Приказъ главнокомандующаго сухопутными и морскими силами въ Крыму

12-го февраля 1855 г. № 48.

Товарищи! Воздвигаемый нами, но неоконченный еще редутъ, между Георгіевскою и Киленъ-балкою, доставилъ уже случай нѣкоторымъ изъ нашихъ сослуживцевъ помѣряться съ врагомъ въ упорномъ бою и порадовать всѣхъ насъ блистательнымъ успѣхомъ!

Въ минувшую ночь отборное непріятельское войско, изъ зуавовъ, венсенскихъ стрѣлковъ, морскаго баталіона и другихъ охотниковъ, составившихъ значительный отрядъ, съ полевою артиллеріею въ резервѣ, стремительною атакою на неоконченныя еще работы задумали сбить насъ съ избранной нами для редута мѣстности.

Храбрые товарищи наши четырехъ баталіоновъ Волынскаго пѣхотнаго полка и трехъ баталіоновъ Селенгинскаго, равно какъ и Черноморскіе пластуны встрѣтили ихъ батальнымъ огнемъ и ударили въ штыки!

Съ отчаяніемъ и упорствомъ три раза французы повторяли свой натискъ.

Штыки и рукопашный бой порѣшили дѣло! Непріятель съ значительною потерею, въ особенности офицеровъ, коихъ найдено у одного только рва редута 8 убитыми и 4 раненными, былъ отброшенъ въ бѣгство къ своей позиціи. Относя такой достославный отпоръ отчаяннаго непріятельскаго покушенія къ храбрости, хладнокровію и распорядительности общаго начальника войскъ, въ редутѣ находившихся, ген.-маіора Хрущова, мнѣ искренно пріятно поздравить его съ подвигомъ молодецкаго дѣла, въ которомъ всѣ ввѣренные ему чины оправдали ожиданіе государя императора.

Объявляю ген.-маіору Хрущову мою душевную признательность, равно командиру Селенгинскаго полка полковн. Сабашинскому, мужественно содѣйствовавшему успѣху, а также и всѣмъ гг. офицерамъ, съ честью и достойно исполнившимъ свой долгъ, нижнимъ-же чинамъ—мое русское солдатское спасибо.

Послав для выдачи молодцамъ 25 знаковъ отличія военнаго ордена, ожидаю дальнѣйшихъ представленій объ оказавшихъ особенные подвиги какъ гг. офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, чтобы достойно наградить ихъ и свидѣтельствовать о заслугахъ ихъ предъ государемъ императоромъ.

Объ успѣшномъ отпорѣ этомъ дѣлаю извѣстнымъ по всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ войскамъ.

Ген.-ад. кн. Меншиковъ.

Приказъ по Севастопольскому гарнизону

13-го февраля 1855 г. № 31.

Вчера, въ 2 часа ночи, французскими войсками произведенъ былъ приступъ на едва начатый постройкою редутъ между Троицкою и Киленъ-балками.

Находились на работахъ первые три баталіона Селенгинскаго полка, въ прикрытіи работъ Волынскій полкъ, въ завалахъ 36 пластуновъ 8-го черноморскаго баталіона.

Отрядомъ начальствовалъ ген.-маіоръ Хрущовъ, который показалъ сколько храбрости и спокойствія, столько и распорядительности.

Быстрота атаки французовъ, въ темную ночь, безъ выстрѣла, была изумительна; они сражались героями.

Бдительныя и неустрашимыя войска наши встрѣтили непріятеля батальнымъ огнемъ изъ-за туровъ начатаго редута и мелкой траншеи, и тотчасъ-же пустили въ работу русскій штыкъ.

Рукопашный бой длился около часу, грозный русскій штыкъ въ рукахъ удальцовъ нашихъ одолѣлъ отборныя французскія войска и осуществилъ отзывъ 12-го февраля: натискъ, загнавъ непріятеля въ Троицкій оврагъ, откуда онъ отступилъ поспѣшно въ свои траншеи.

До ста французскихъ тѣлъ остались въ нашихъ рукахъ, большею частію извѣстныхъ молодцовъ зуавовъ, въ числѣ коихъ 8 офицеровъ. Въ плѣнъ взято: капитановъ 2, поручиковъ и подпоручиковъ 3, нижнихъ чиновъ 19.

Слава Подателю благъ, благословившему наше оружіе!

Его свѣтлость г. главнокомандующій, оцѣнившій вполнѣ подвигъ, прислалъ предварительно въ отрядъ два ордена св. Владиміра 4-й степ. съ бантомъ и 25 знаковъ отличія военнаго ордена, для возложенія на болѣе отличившихся. Съ полнымъ сочувствіемъ поздравляю съ побѣдою начальника отряда ген.-маіора Хрущова и всѣхъ его сподвижниковъ, добросовѣстно подвизавшихся за вѣру, царя и отечество. Извѣщая ввѣренныя моему начальству войска Севастопольскаго гарнизона, предписываю приказъ сей прочесть во всѣхъ баталіонахъ, ротахъ и эскадронахъ.

Ген.-ад. баронъ Остенъ-Сакенъ.

Севастополь, 25-го февраля 1855 г.

Въ отношеніяхъ нашихъ съ непріятелемъ у насъ особенныхъ новостей нѣтъ, но съ наступленіемъ хорошей погоды они ожили и надобно предполагать, что скоро предпримутъ что-либо, а что именно, трудно угадать. Весьма большая-же новость заключается въ томъ, что нашъ главнокомандующій, по разстроенному здоровью, уѣхалъ въ Симферополь, предоставя командованіе войсками ген.-ад. Сакену; а сегодня распространился слухъ, что къ намъ будетъ скоро главнокомандующій южною арміею кн. (Мих. Дм.)

Горчаковъ. Также уѣхали отсюда великіе князья, получа извѣстіе о болѣзни императрицы.

Вотъ все, что я могу сообщить вамъ, друзья мои, на этотъ разъ. Послѣ неудачной попытки овладѣть занятою нами позиціею за Килен-балкою, непріятели ничего не предпринимали. Тамъ у насъ два редута почти готовы и вооружены. Они названы Волынскимъ и Селенгинскимъ.

О назначеніи мнѣ преемника еще нѣтъ высочайшаго приказа, а потому я продолжаю командовать Волынскимъ полкомъ.

Севастополь, 3-го марта 1855 г.

Горестное извѣстіе о кончинѣ нашего любимаго великаго государя получено въ Севастополѣ вечеромъ, 28-го февраля. На другой день всѣ войска присягнули новому императору, а вчера совершена была панихида по усопшемъ. Почти для всѣхъ эта печальная вѣсть была совершенно неожиданна: весьма немногіе знали за нѣсколько дней о тяжкой болѣзни государя, но надѣялись, что Богъ сохранитъ его драгоцѣнную жизнь для счастія Россіи.

Всевышній не внялъ нашимъ мольбамъ,—покоримся съ христіанскимъ смиреніемъ Его святому Промыслу.

Князь Меншиковъ уѣхалъ въ Николаевъ, а новый главнокомандующій еще не пріѣзжалъ; мы ожидаемъ его со дня на день.

Мы дѣлаемъ новый редутъ предъ Корнилова бастіономъ. Видя, что это новое укрѣпленіе будетъ наносить большой вредъ непріятелямъ, они обратили на него сильный огонь, а вчера, послѣ захожденія солнца, пробовали два раза атаковать его, но должны были отступить съ большимъ урономъ. Можетъ быть, въ нынѣшнюю ночь еще попытаютъ счастія. Подъ Эвпаторіею два эскадрона кавалеріи и четыре сотни казаковъ обратили въ бѣгство восемь турецкихъ эскадроновъ. Дай Богъ, чтобы съ нашей легкой руки нигдѣ не удавалось нечестивымъ союзникамъ...

Севастополь, 12-го марта 1855 г.

Вчера Севастопольскій гарнизонъ понесъ большую потерю: непріятельское ядро оторвало голову у контръ-адмирала Истомина, который съ сентября мѣсяца командовалъ 4-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи и жилъ постоянно на Корнилова бастіонѣ.

Истоминъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и энергическихъ защитниковъ Севастополя. Сегодня тѣло его предадутъ землѣ съ надлежащими почестями.

Въ ночь съ 5-го на 6-е марта, одинъ изъ моихъ (т. е. волын-

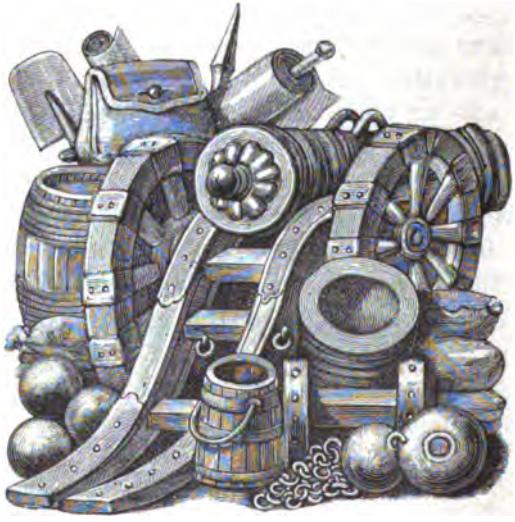
скихъ) баталіоновъ былъ опять въ схваткѣ съ непріятелемъ, который хотѣлъ сбить нашу цѣпь и овладѣть ложементами предъ Корнилова бастіономъ. Повидимому, французы очень гнѣваются, что мы построили три новыхъ редута и что ихъ попытки сбить насъ и воспрепятствовать работѣ не удаются. Чтобы излить свой гнѣвъ, они бросаютъ въ городъ множество ракетъ, бомбъ и ядеръ.

Вчера увѣдомили меня изъ штаба, что государь пожаловалъ мнѣ орденъ св. Анны 1-й степени. Награда большая, ибо я недавно произведенъ въ генералы и не имѣю Станислава 1-й ст. и Владиміра 3-й ст.

Нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ дѣлѣ съ 11-го на 12-е февраля, по рублю серебромъ и по три Георг. креста на роту.

О назначеніи мнѣ преемника нѣтъ еще въ приказѣ, а потому я продолжаю командовать Волынскимъ полкомъ.

Новаго главнокомандующаго князя Горчакова ожидаютъ сегодня вечеромъ.



ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ Н. И. КУЛИКОВА.

Петербургскіе театры въ 1820—1830-хъ годахъ.

А. М. Гедеоновъ. — Р. М. Зотовъ.

Послѣ превосходнаго директора императорскихъ театровъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина (подробно описаннаго въ моихъ московскихъ воспоминаніяхъ), А. М. Гедеоновъ, по праву, долженъ считаться вторымъ и послѣднимъ. Слѣдовавшіе за нимъ директоры были одинъ другаго неспособнѣе и хуже.

Кромѣ умѣнья управлять разнообразными сценами и улучшать ихъ, Александръ Михайловичъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ во многихъ другихъ отношеніяхъ: умный, энергичный, трудолюбивый, настойчивый, притомъ онъ былъ ловокъ и находчивъ до виртуозности. При воспоминаніи о немъ придется много говорить, а потому прежде опишемъ подчиненныхъ ему лицъ театральной администраціи, какъ доставшихся ему отъ прежняго директора князя Гагарина, такъ и самимъ имъ опредѣленныхъ.

Управляющій конторою театровъ Александръ Дмитр. Кирѣевъ не стоитъ и малаго воспоминанія въ отношеніи искусства и театра, но замѣчателенъ какъ одинъ изъ родоначальниковъ новаго поколѣнія—людей наживы. Этотъ господинъ памятенъ произведенною надъ нимъ самимъ метаморфозою: онъ, вступая на службу, явился къ директору во фракѣ пріятеля своего актера Брянскаго, а вышелъ изъ службы помѣщикомъ, домовладѣльцемъ и капиталистомъ!

Ведя умно и ловко конторскіе счеты и разсчеты съ подрядчиками, изъ коихъ англійскій магазинъ занималъ первенствующее мѣсто, особенно при блестящихъ роскошью балетныхъ обстановкахъ,

управляющій конторою Кирѣевъ умѣлъ въ этой мутной водѣ рыбу ловить. Впрочемъ, онъ обогащался еще большими процессами, которые умѣлъ, ловко быстро и навѣрняка выигрывалъ посредствомъ итальянскаго пѣнія. Онъ устроивалъ у себя разъ въ недѣлю вечера съ итальянцами, куда приглашались сановники изъ сената, юстиціи, прокуроры, предсѣдатель палаты, даже мелкіе чины изъ дѣловыхъ людей. Многимъ и тогда казалось страннымъ, какъ къ человѣку, не любившему, не знавшему музыки, первоклассные артисты являлись веселить даромъ даровую публику? Но эти многіе не разсудили того, что эти артисты получали аккуратно десятки тысячъ изъ конторы, начальникомъ которой былъ эксплуатировавшій ихъ господинъ; кромѣ того иностранцы, сами по себѣ, народъ вѣжливый и благодарный. Такъ вотъ каковъ былъ русскій театральный администраторъ: онъ искусству не принесъ ни малѣйшей пользы и не служилъ ему, но заставлялъ искусство служить своимъ цѣлямъ.

Начальникомъ репертуарной части былъ въ то время Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ,—замѣчательная личность, литераторъ и переводчикъ—онъ перевелъ для русской сцены множество комедій, драмъ и оперъ; романистъ — въ то время вся Россія читала его романы; аккуратнѣйшій человѣкъ и чиновникъ, отличавшійся особеннымъ умѣньемъ управлять труппою русскихъ артистовъ; наконецъ, воинъ—онъ въ 1812-мъ году своею охотою пошелъ въ ополченіе.

Не имѣя ничего родоваго или благопріобрѣтеннаго, онъ трудился неутомимо до самой смерти, содержалъ большое семейство и сумѣлъ дать дѣтямъ прекрасное образованіе. Мы не знаемъ предковъ Зотова, но, судя по лицу, онъ долженъ былъ быть не русскаго происхожденія, а монгольскаго: совершенно круглый обликъ лица, маленкіе прищуренные глаза, выдавшіяся скулы, желтосѣрый цвѣтъ лица... Но обратимся къ его театральной службѣ. Онъ тамъ былъ на своемъ мѣстѣ; его всѣ артисты уважали или, лучше сказать, боялись. Р. М. Зотовъ, при грубой выходкѣ талантливыхъ актеровъ или актрисъ, не горячился, не кричалъ, но потихоньку, да полегоньку умѣлъ при удобныхъ случаяхъ отомстить, проучить и показать заносчивымъ свою силу.

Черезъ это онъ держалъ первачей въ приличной субординаціи. При всемъ томъ Рафаилъ Михайловичъ былъ человѣкъ терпѣливый, хладнокровный, тихій и спокойный, а, между тѣмъ, настойчивый и твердый: онъ отлично зналъ характеры артистовъ и не поддавался имъ ни въ чемъ.

Мы приведемъ его столкновеніе съ актеромъ Толченовымъ и спросимъ: какъ-бы нынѣшніе заправилы поступили съ расходившимся трагикомъ, когда онъ, передъ началомъ спектакля, рѣшительно объявилъ, что не будетъ играть. Толченовъ, трагическій злодѣй, игралъ подобныя роли не иначе какъ въ красномъ трико, и вдругъ, о ужасъ! красное трико понадобилось въ другомъ какомъ-то театрѣ, а ему приготовили голубое или сѣрое! Обиженный, оскорбленный трагикъ изъ себя выходитъ; ругаетъ портныхъ, кричитъ на режиссера, что онъ своего дѣла не знаетъ, съ умысломъ роняетъ хорошія піесы...

„Я въ такомъ видѣ играть не буду! Къ чорту это тряпье!"—и бросаетъ въ портнаго трико.

—Однако, поторопитесь, Павелъ Ивановичъ, говоритъ режиссеръ: скоро начало, а вы до поднятія занавѣса должны лежать на сценѣ!

—Не лягу! Гдѣ начальникъ репертуара? Гдѣ Рафаилъ Михайловичъ?

—Тамъ, на сценѣ, только что пріѣхалъ, уходя говоритъ режиссеръ.

— Одѣвайте скорѣй! Я съ нимъ объяснюсь! кричитъ, торопливо одѣваясь, взволнованный трагикъ.

Выйдя быстро изъ уборной и подходя къ Зотову, говоритъ рѣшительно:

— Рафаилъ Михайловичъ! Я въ такомъ искаженномъ видѣ играть не буду!

—Не играйте, прехладнокровно отвѣчаетъ начальникъ; потомъ обратясь къ режиссеру: увертюру!

—Какъ увертюру? Я вамъ говорю серьезно, что такимъ голубкомъ я на сцену не выйду!

—Не выходите!

—Мѣсто, мѣсто, господа! Сейчасъ кончится увертюра! кричитъ режиссеръ... Зотовъ съ другими идетъ со сцены. Толченовъ, загородивъ ему дорогу, говоритъ скоро: что-же это за безпорядки! Я иду въ уборную раздѣваться!

— Идите и раздѣвайтесь!

— И уѣду домой!

— Уѣзжайте!

— Да вѣдь я начинаю піесу, я долженъ лежать на сценѣ!

— И ляжете...

— Да вы слышите-ли: ни лежать, ни играть я не хочу!

— Какъ хотите!

Зотовъ скрывается за кулисы, режиссеръ даетъ знакъ къ поднятію занавѣса, и въ то-же мгновеніе—огромный тучный злодѣй со всего размаху шлепается на полъ.

Рафаилъ Михайловичъ какъ романистъ плохо зналъ сердца людей, но какъ управляющій труппою онъ отлично зналъ актеровъ, съ которыми умѣлъ легко справляться и ладить.

Новый директоръ А. М. Гедеоновъ сначала обходился съ Зотовымъ деликатно, потомъ во всемъ противорѣчилъ ему: отмѣнялъ его распоряженія по назначенію спектаклей или ролей, а разъ страшно скомпрометировалъ его. Трагикъ В. А. Каратыгинъ и супруга его, талантливые и уважаемые артисты, сколько ни просили начальника репертуарной части о новой декораціи и нѣсколькихъ новыхъ костюмахъ для своей бенефисной піесы, онъ постоянно отказывалъ имъ именемъ директора, котораго увѣрилъ, что требуемые расходы вовсе не нужны, да и самыя піесы не стоятъ ихъ. Каратыгины рѣшились сами просить директора... вошли въ кабинетъ... Зотовъ за ними. Директоръ на всѣ ихъ горячія просьбы отказывалъ, наконецъ, на докучливость ихъ сказалъ: „Да и піеса у васъ выбрана въ бенефисъ плохая, на которую не стоитъ дѣлать расходы!“

— Извините, генералъ, но мы имѣемъ сценическую опытность и дурной піесы не возьмемъ въ бенефисъ, отвѣчала съ достоинствомъ Александра Михайловна.

— Я самъ не читалъ, а вотъ Рафаилъ Михайловичъ мнѣ объ этомъ сказалъ.

Гордо и съ упрекомъ взглянувъ на Зотова, умная артистка сказала:

— Теперь мы настоятельно просимъ, умоляемъ ваше превосходительство разрѣшить постановку піесы и ручаемся за успѣхъ и за множество полныхъ сборовъ: тогда вы сами увидите, какую ложь доносятъ вамъ,—и прибавила со слезами: неужели мы не заслуживаемъ вашего вниманія?

А гдѣ слезы, тамъ А. М. Гедеоновъ самъ не свой.

— Извольте, извольте, я все разрѣшаю. Рафаилъ Михайловичъ, представьте мнѣ монтировку піесы.

Тутъ Василій Андреевичъ, какъ трагикъ, не могъ воздержаться отъ сценической выходки и, въ знакъ благодарности, ляпнулъ нижеслѣдующую тираду:

— Вы, ваше превосходительство, поистинѣ, благодѣтельный начальникъ и добрѣйшій человѣкъ! Не даромъ мы съ женою вездѣ кричали, что подъ вашимъ управленіемъ процвѣтетъ русская сцена! Вы такой директоръ! такой начальникъ!

Гедеоновъ, нахмурясь съ видимымъ неудовольствіемъ, вдругъ сразу перебилъ его:

— Полноте, Василій Андреевичъ! А я навѣрно знаю, что вы и Александра Михайловна, со вступленія моего въ должность и до сихъ поръ, вездѣ ругаете меня, даже обоихъ сыновей моихъ, ничего вамъ не сдѣлавшихъ!

— Какъ!... что? Возможно-ли?... Это ложь, клевета! Клянемся Богомъ, честью, всѣмъ святымъ... Кто, кто взвелъ на насъ эту гнусную, подлую ложь? возопили отчаянными голосами пораженные артисты.

— Мнѣ сказалъ это почтенный человѣкъ.

— Кто? кто? Ради Бога, не скрывайте гнуснаго клеветника, умоляемъ васъ, скажите...

— Да нечего умолять: все это сказалъ—Рафаилъ Михайловичъ.

И что-же? Мертвая тишина. Трагики, съ трагическою походкою и презрѣннымъ взглядомъ на доносчика, гордо вышли изъ кабинета, а за ними и доносчикъ въ канцелярію.

Какъ ни силенъ былъ начальникъ репертуара при прежнихъ директорахъ, Гедеоновъ, допускавшій до себя артистовъ, отъ первыхъ до послѣднихъ, крѣпко тѣмъ ослабилъ силу Зотова. Притомъ, противодѣйствуя всѣмъ его распоряженіямъ, онъ довелъ подчиненнаго къ добровольному выходу изъ службы... но бывшій ополченецъ послалъ бывшему начальнику вызовъ на дуэль... Впрочемъ, это было уже описано,—знаемъ, что директоръ отказалъ ему отъ мѣста и отказался отъ дуэли.

Надо сказать, что на это мѣсто у директора былъ готовъ излюбленный человѣкъ, прожигавшій наслѣдство отца, бывшаго варшавскаго банкира; добродушный хлѣбосолъ, охотникъ до перекидыванія картъ налѣво и направо, до чего имѣлъ охоту и директоръ, почему сей послѣдній и предложилъ ему служить подъ своимъ начальствомъ. Впослѣдствіи, этотъ человѣкъ, по театру и по связямъ со знатью и съ капиталистами, былъ извѣстенъ всему Петербургу.

Это былъ начальникъ репертуарной части Александръ Львовичъ Неваховичъ.

Александръ Львовичъ Невахович.

Во всеоружіи знанія европейскихъ языковъ, что необходимо начальнику репертуара, А. Л. Невахович, особенно въ субботы, когда составлялся недѣльный репертуаръ, былъ на своемъ мѣстѣ. Сидя въ канцеляріи директора за столомъ и принимая отъ режиссеровъ всѣхъ труппъ рапортички съ назначеніемъ спектаклей на слѣдующую недѣлю, онъ въ большой разграфированный листъ вписывалъ репертуаръ на французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ языкахъ, а драматическія и балетныя — на русскомъ. Зато, кромѣ этого, никакимъ театромъ не занимался и только утопалъ въ итальянскомъ мірѣ, гдѣ влюбился въ пѣвицу Ассандри, на которой, оставивъ театральную службу, женился.

По театральнымъ воспоминаніямъ о немъ насчетъ служенія искусству, какъ и о г. Кирѣевѣ, говорить нечего; но какъ о человѣкѣ замѣчательномъ по добротѣ, по любезности, по веселому, беззаботному нраву, скажемъ нѣсколько словъ. Его зналъ весь интеллигентный міръ Петербурга, а никто никогда не видалъ его печальнымъ, задумчивымъ или съ кѣмъ-нибудь поссорившимся. Промотавъ все отцовское, онъ при казенной квартирѣ и скудномъ жалованіи жилъ всегда по-барски: обѣдалъ дома непремѣнно съ гостями; дѣтей воспиталъ прекрасно; самъ дожилъ до чина надворнаго совѣтника, а старшій сынъ его, Левъ Александровичъ, умеръ еще въ молодости въ генеральскомъ чинѣ; второй сынъ, Николай Александровичъ, морякъ, увѣшанный орденами русскими и всевозможными иностранными, счастливо служитъ по морскому вѣдомству; а какъ третій вышелъ неудачникъ, онъ отправилъ его въ Ташкентъ. Конечно, у Александра Львовича были дѣла, постороннія отъ службы: какъ выше замѣчено, онъ имѣлъ сношенія съ банкирами, капиталистами и съ лицами, высоко стоящими по служебной іерархіи... такъ что молва носилась, когда иностранцы пріѣзжали искать концессіи на желѣзной дорогѣ, имъ указывали на Александра Львовича: „вотъ черезъ этого господина можете устроить свои дѣла!“ Въ Петербургѣ онъ былъ особенно популяренъ, благодаря юмористическому таланту брата своего, Михаила Львовича, извѣстнаго издателя „Ералаша“, гдѣ Александръ Львовичъ фигурировалъ въ разныхъ смѣшныхъ положеніяхъ: то ѣдущимъ по Невскому въ колескѣ, съ поднятою шляпою, раскланивающимся на всѣ стороны, то скачущимъ на извозчикѣ по всему земному шару и кидающимъ визитныя карточки.

Послѣдніе года жизни А. Л. Неваховичъ поселился въ Берлинѣ, гдѣ и скончался.

П. С. Ѳедоровъ. — А. И. Храповицкій.

По выходѣ Неваховича въ отставку, должность начальника репертуара временно исполнялъ секретарь директора—Е. М. Семеновъ..., но скоро былъ смѣненъ министромъ, а на его мѣсто и на мѣсто управляющаго театральнымъ училищемъ былъ назначенъ Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ, ясно доказавшій пословицу: „ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ!“ У молодаго аристократа К* умерла молодая жена, дочь важнаго сановника, и на панихидѣ, между плачущими родными и печальными знакомыми, находился господинъ, неутѣшно плакавшій, такъ что отецъ покойной спросилъ у К*: кто это такой добрый и чувствительный человѣкъ?

— Мой пріятель по театру, переводчикъ водевилей..., впрочемъ, онъ вашъ подчиненный, служитъ въ управляемомъ вами вѣдомствѣ.—И вотъ, еще при Гедеоновѣ, упомянутый сановникъ тогда-же далъ пріятелю своего зятя два видныя мѣста: какъ драматургу—начальство репертуарной части, а какъ человѣку чувствительнаго сердца ввѣрилъ воспитаніе дѣтей, т. е. назначилъ начальникомъ театральнаго училища.

Теперь, прежде чѣмъ подробно изложить дѣянія превосходнаго директора, какимъ былъ лѣтъ тридцать А. М. Гедеоновъ, мы должны поговорить о нѣкоторыхъ помощникахъ администраціи. Тогда значеніе режиссеровъ какъ за-границею у насъ въ Россіи было не мыслимо: наши режиссеры только съ піесою въ рукахъ напоминали актерамъ о выходахъ на сцену, піесъ не обставляли, ролей не назначали, зато при каждой труппѣ были инспекторы, тоже ничего не понимавшіе при постановкѣ пьесъ. У французовъ отставной актеръ Мезьеръ, у нѣмцевъ почтенный старецъ Гельмерсенъ, у русской труппы А. И. Храповицкій; они были, какъ квартальные надзиратели, приставлены, чтобы смотрѣть за порядкомъ и тишиною между мелкими авторами. Въ паденіи иностранныхъ труппъ отчасти были виноваты эти инспекторы; но при Храповицкомъ русская драматическая труппа процвѣтала. Нигдѣ, даже въ Парижѣ, не было сцены, соединявшей великіе и разнообразные таланты во всѣхъ родахъ искусства, какъ въ Петербургѣ. Довольно назвать мужей и женъ, каковы были: Каратыгины, Брянскіе, Сосницкіе или — незамѣнимая В. И. Асенкова:

Офелія, Корделія, Дѣвушка-гусаръ, юнкеръ въ водевилѣ „Гусарская стоянка“, съ граціозною женственностію въ первыхъ роляхъ и съ мужскими ухватками и манерами — въ мундирахъ. Подобно ей былъ удивительный талантъ, игравшій въ операхъ и водевиляхъ молодыхъ и старыхъ. Это Н. С. Дюръ. А три сестры Самойловы, Мартыновъ, Максимовъ, Григорьевъ, Каратыгинъ 2-й; потомъ выпущенные изъ школы: Леонидовъ, талантливый трагикъ, и Марковецкій, замѣчательный комикъ; наконецъ, Нильскій и Сазоновъ, какъ послѣднія произведенія театральнаго училища... Зато провинція обогатила казенныя сцены талантами, какъ Давыдовъ, Савина, Варламовъ и много другихъ.

Хотя Храповицкій, по образованію и по уму, не могъ содѣйствовать такому счастливому сочетанію талантовъ, а театръ онъ обожалъ, каждый день бывалъ на репетиціяхъ, но въ постановку пьесъ не мѣшался, сознавая свою недостаточность въ образованіи. А какъ новыя піесы шли только въ бенефисы, то бенефиціанты, съ товарищами, съ авторами и переводчиками, сами составляли ихъ. Кромѣ любви къ сценѣ, Александръ Ивановичъ и самъ былъ великій трагикъ, по крайней мѣрѣ, считалъ себя таковымъ.

Онъ былъ женатъ на богатой вдовѣ, имѣвшей двухъ сыновей; они не любили его и только изъ уваженія къ матери не дурачили, хотя иногда и подтрунивали надъ нимъ. Разъ за обѣдомъ они спросили его:

— А что, Александръ Ивановичъ, Асенкова отвѣчаетъ вамъ?

— Какъ-же не отвѣчать, когда я спрошу о чемъ-нибудь... возразилъ онъ съ философскою серьезностью.

— Да мы не о томъ спрашиваемъ: въ театрѣ всѣ говорятъ, что вы ухаживаете за нею.

— И за нею и за другими мужчинами и женщинами съ талантами ухаживаю: это мой долгъ, моя обязанность!

— И будто на объясненіе въ любви она сказала, что вашъ красный носъ ей не нравится...

— Этого никогда не было, отвѣчаетъ Храповицкій тѣмъ-же хладнокровнымъ тономъ,—но тутъ супруга вступилась и разбранила сыновей.

Считая мужа великимъ талантомъ, она съ удовольствіемъ дозволяла въ своемъ домѣ устраивать домашніе спектакли, на которые собиралась даровая многочисленная публика и, въ угоду хозяйкѣ, награждала трагика громкими рукоплесканіями и вызовами.

Въ первый спектакль шелъ Гамлетъ, передѣланный Дюсисомъ изъ Шекспира, гдѣ принцъ датскій, при первомъ появленіи на

сцену, дрожа всѣмъ тѣломъ, у сердца держитъ урну, въ которой прахъ отца. Объ игрѣ Александра Ивановича лучше всѣхъ отозвался его камердинеръ Петръ, принесшій на другой день за кулисы казенный экземпляръ піесы, въ то время какъ вчерашній Гамлетъ отдыхалъ дома, разъ въ жизни не явясь на репетицію.

— Ну что, Петруша, какъ баринъ игралъ Гамлета? спрашивали актеры.

— Наичудесно! Каратыгина вашего за поясъ заткнетъ! Вѣдь баринъ, передъ выходомъ на сцену, такую производитъ штуку, какой никто изъ васъ не придумаетъ!

— Что-же, что такое?

— А то, какъ раскипятить, разгорячить себя передъ выходомъ...

— Какъ-же? Любопытно!

— Вотъ, примѣрно, вчера: я передъ нимъ держу питье и платокъ... вдругъ онъ говоритъ: „Петръ! Приготовься, дѣлай, что велю...“ Немного погодя и закричалъ: „Петръ, обругай меня!“ „Что-съ? Вы, баринъ, дуракъ...“ Не успѣлъ я кончить, какъ онъ правою рукою смазалъ меня по щекамъ, крича: „А! Ты ругаться!.. Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ!...“ Да въ ту-же минуту трепещущими ногами и съ дрожащимъ тѣломъ вылетѣлъ на сцену! Публика заорала! Ну, кто изъ васъ это сдѣлаетъ? Такъ сумѣетъ разгорячить себя.

— Никто, отвѣчали, смѣясь актеры. Да у насъ и жаровни, въ родѣ тебя, нѣтъ и не бываетъ.

Онъ на своемъ театрѣ сыгралъ нѣсколько ролей... Надоѣли пасынкамъ эти драмы и трагедіи... Они просили дать въ концѣ спектакля комедійку или водевильчикъ, въ которомъ и они, и друзья, и знакомыя барышни будутъ участвовать.

— Невозможно! Это значитъ профанировать искусство!

— Но вѣдь вы назначаете-же въ Александровскомъ театрѣ всегда послѣ драмы и трагедіи веселыя пьески?

— То простой, народный театръ... а у насъ благородный.

Ну, хорошо-же! Мы тебѣ зададимъ благородство съ интермедіею нашего сочиненія, подумали повѣсы. А въ это время репетировалась уже драма „Желѣзная маска“.

Послѣ 4 дѣйствія, Храповицкій, въ уборной снявъ маску, легъ въ спальнѣ отдохнуть; въ это время шалуны пасынки сажею вымазали внутренность маски. Можете вообразить, когда въ концѣ пятаго дѣйствія является король и, желая увѣриться—точно-ли заключенный имѣетъ съ нимъ сходство въ лицѣ, повелѣваетъ снять съ него маску... Ужасъ! Передъ публикою не то арапъ, не то чортъ, когда, по набѣленному лицу, отъ пота текли черныя полосы... Взрывъ

хохота! Но все умолкло, когда хозяйка въ страшномъ гнѣвѣ закричала: „опустите занавѣсъ! Бѣги, бѣги, Александръ, въ уборную... взгляни въ зеркало, на что ты похожъ!“

Занавѣсъ опустили. Гости изъ уваженія къ хозяйкѣ удержались отъ смѣха и торопились уйти... Но только вышли на улицу, начался неумолкаемый хохотъ по всѣмъ дорогамъ, даже на Невскомъ проспектѣ. Прохожіе сочли ихъ за сумасшедшихъ!

Это былъ послѣдній благородный театръ съ участіемъ А. И. Храповицкаго...

Хотя виновныхъ не открыли, но подозрѣніе пало на пасынковъ.

Александръ Михайловичъ Гедеоновъ.

Въ молодости онъ служилъ въ гвардіи; въ лѣта мужества, перейдя въ штатскую службу, сдѣлался постояннымъ жителемъ Москвы, гдѣ однажды держалъ итальянскую оперу. Служилъ онъ въ кремлевской экспедиціи, подъ главнымъ начальствомъ старика вельможи Николая Борисовича Юсупова, который, сдѣлавъ его своимъ помощникомъ, предоставилъ управленіе всѣми дѣлами въ его руки. Юсуповъ требовалъ только одного отъ своего любимца, чтобы онъ сидѣлъ съ нимъ въ ложѣ, абонированной на русскіе спектакли. Посвящая вечера такому сидѣнію, Гедеоновъ днемъ управлялъ ввѣреннымъ ему вѣдомствомъ, довольно важнымъ, по нѣкоторымъ отношеніямъ—самовластно и безраздѣльно. Особливо при посѣщеніи государемъ и царскою фамиліею Москвы, самъ министръ двора князь П. М. Волконскій, постоянно съ нимъ сообщаясь, замѣтилъ его и полюбилъ какъ умнаго и ловкаго дѣятеля.

Въ концѣ 1820-хъ или въ началѣ 1830-хъ годовъ, государь Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву и, по обыкновенію, назначилъ у себя день обѣда для московскихъ сановниковъ и для пріѣзжихъ высокихъ лицъ, и поручилъ министру пригласить гостей.

П. М. Волконскій съ Гедеоновымъ сдѣлали списокъ избранныхъ, разослали приглашенія, а къ генералъ-губернатору отправился съ приглашеніемъ Петръ Михайловичъ самъ; заставъ у него двухъ проѣзжавшихъ черезъ Москву петербургскихъ сановниковъ, пригласилъ и ихъ къ царскому обѣду. Утромъ, въ день обѣда, государь потребовалъ списокъ приглашенныхъ и когда министръ, взявъ оный отъ Гедеонова, подалъ его государю, вдругъ раздался сердитый голосъ Николая Павловича, когда онъ увидѣлъ въ числѣ приглашенныхъ одного генерала, котораго онъ терпѣть не могъ.

— Это что? Откуда ты выкопалъ эту развалину? И какъ ты смѣлъ включить его въ число моихъ гостей? кричалъ государь.

Министръ оправдывался нечаянною встрѣчею съ нимъ у князя Голицына.

— Такъ обѣдай-же съ нимъ самъ, а я хоть очень хотѣлъ видѣть московскихъ гостей, но буду обѣдать одинъ въ кабинетѣ.

Министръ, озадаченный такимъ неожиданнымъ результатомъ, взволнованный, блѣдный, удрученный, вышелъ отъ государя и встрѣтилъ Гедеонова, который сразу замѣтилъ странную перемѣну въ немъ и съ невольнымъ участіемъ сказалъ:

— Осмѣлюсь спросить, что̀ съ вами, ваше сіятельство?

— Ахъ, любезный Гедеоновъ.... я самый несчастный человѣкъ: во всю мою жизнь я не былъ въ такомъ безвыходномъ положеніи. При этомъ онъ разсказалъ все, что произошло у него съ государемъ. Гедеоновъ, подумавъ, сказалъ:

— Ваше сіятельство, позвольте мнѣ дѣйствовать, и я избавлю васъ отъ этой непріятности. Я сдѣлаю такъ, что непріятный гость самъ откажется и ни вамъ, никому никакой непріятности не будетъ!

— Какъ-же ты это сдѣлаешь?

— Теперь позвольте не объяснять моего намѣренія, но головою отвѣчаю, что непріятный для государя гость къ обѣду не явится, и все кончится благополучно къ вашему спокойствію.

— Послушай, Александръ Михайловичъ, если все такъ кончится, я вѣкъ не забуду такой услуги и сумѣю отблагодарить за нее, кончилъ князь, пожавъ съ чувствомъ руку умнаго подчиненнаго.

Гедеоновъ, раскланявшись съ министромъ, сейчасъ принялся за исполненіе придуманнаго имъ плана.

У него былъ на примѣтѣ придворный лакей, ловкій, способный на всѣ руки. Объяснивъ ему слегка въ чемъ дѣло, Гедеоновъ сказалъ, „какъ только начнется пріѣздъ гостей къ обѣду, я съ бумагами сяду при входѣ въ залъ у окна, выходящаго къ подъѣзду, а ты стой у стола, на которомъ чернильница и перья. Когда подъѣдетъ означенный гость—я кашляну, чтобы ты приготовился, а когда онъ будетъ входить сюда, я закричу: чернилъ и перо! Ты бросишься со всѣхъ ногъ, споткнешься и, падая на старика, обольешь чернилами его панталоны.

Все по сказанному и случилось. Гедеоновъ, вскочивъ съ бранью и крикомъ, начинаетъ бить неловкаго лакея, таскать за волосы такъ, что добрый сановникъ сжалился, вступился и сталъ уговаривать строгаго начальника, а лакей валяется въ ногахъ, прося прощенія.

— Не бей, не бей! Полно, Александръ Михайловичъ, я его прощаю, а ты перестань драться! Скажи Петру Михайловичу, чтобы извинилъ меня передъ государемъ, что я не по своей винѣ не буду на обѣдѣ.

Старикъ уѣхалъ. Обѣдъ прошелъ блистательно. Государь былъ веселъ.

Вскорѣ послѣ этого, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гедеоновъ былъ назначенъ директоромъ императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Прежде описанія его директорской дѣятельности, покончимъ съ его интересною характеристикою какъ человѣка умнаго, притомъ въ высшей степени ловкаго, находчиваго, но не скрытнаго, даже любившаго разсказывать и близкимъ и подчиненнымъ свои хитрыя продѣлки. Напримѣръ, когда государь Николай Павловичъ, уѣзжая за-границу, оставилъ правленіе наслѣднику цесаревичу, жившему въ это лѣто съ семействомъ въ Петергофѣ, тогда всѣ съ докладами ѣздили туда. Дубельтъ и Гедеоновъ однажды отправились въ Петергофъ, но Гедеоновъ скоро вернулся въ канцелярію, хохоча и крича: „какъ я надулъ Дубельта!“ При этомъ онъ разсказалъ намъ слѣдующее.

„Подъѣзжая къ Петергофу, видимъ мы въ коляскѣ катающихся съ генераломъ царскихъ дѣтей. Вдругъ изъ воротъ выѣхала фура съ огромнымъ котломъ: лошадь испугалась, бросилась въ канаву, коляска правыми колесами погрузилась туда-же и бокомъ повалилась на другую сторону канавы. Мы съ Дубельтомъ перелѣзли черезъ канаву и вытащили августѣйшихъ дѣтей на дорожку. Генералъ спросилъ насъ: „зачѣмъ вы пріѣхали? Наслѣдникъ цесаревичъ ночевалъ въ Петербургѣ. Чтобы не испугать его высочество телеграммою или письмомъ, прошу васъ, господа, заѣхать въ Аничковъ дворецъ и доложить государю о непріятномъ случаѣ, а главное о благополучномъ исходѣ его“.

Въ это время августѣйшія дѣти весело смѣялись.

— Вы слышите, господа? продолжалъ генералъ. Доложите-же государю наслѣднику, что все благополучно.

Мы поѣхали обратно. Не доѣзжая Аничкова дворца, Дубельтъ спустилъ меня у площади Александровскаго театра.

— Дойди, пожалуйста, пѣшкомъ, а я скорѣе переодѣнусь и явлюсь съ извѣстіемъ къ государю наслѣднику.

Я какъ былъ грязный—прямо во дворецъ, прежде всего извинился передъ цесаревичемъ и успокоилъ его насчетъ дѣтей, разсказавъ ему все. Наслѣдникъ благодарилъ меня и удостоилъ подать мнѣ руку.

Въ эту минуту входитъ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ,..

„Знаю, знаю все и благодарю!“, говоритъ ему наслѣдникъ цесаревичъ.

Я, раскланявшись, уходилъ... Дубельтъ злобно взглянулъ на мое грязное платье, а я съ улыбкою любовался его чистенькимъ голубымъ мундиромъ...“.

А. М. Гедеоновъ—какъ директоръ императорскихъ театровъ.

Назначенный, по выбору и рекомендаціи министра двора П. М. Волконскаго, директоромъ, Александръ Михайловичъ вполнѣ оправдалъ назначеніе министра.

Всѣ сцены были въ упадкѣ, только русская драматическая труппа блистала талантами, хотя и не имѣла хорошаго репертуара. Русская опера едва дышала, балетъ со старыми хореографическими созданіями Дидло не привлекалъ публику, да и самъ Дидло въ то время отъ старости впалъ въ дѣтство. Французская и нѣмецкая труппы ничего не предъявляли замѣчательнаго, исключая двухъ, трехъ талантовъ.

Обозрѣвъ все, сообразивъ такое незавидное поприще для будущей своей дѣятельности, А. М. Гедеоновъ пришелъ къ тому результату, что, кромѣ субсидій отъ двора, дирекціи самой надо поднять одну за другою сцену, собрать контрибуцію съ публики, т. е. увеличить сборы, начавъ блестящею постановкою балетовъ, которые въ такой обстановкѣ понравились Государю Николаю Павловичу въ 1820-хъ годахъ въ Москвѣ при директорствѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, что тогда-же Гедеоновъ, москвичъ, замѣтилъ и намоталъ себѣ на усъ.

Онъ такъ усердно принялся за балетное дѣло, что самъ присутствовалъ въ танцовальныхъ классахъ, и въ короткое время у него балетъ, особливо съ пріѣздомъ Тальони, превзошелъ всѣ европейскіе театры, что засвидѣтельствовали всѣ знатоки и путешественники.

Съ чего-же онъ придумалъ начать обогащеніе дирекціи? Съ бывшей въ загонѣ нѣмецкой труппы, гдѣ, впрочемъ, артисты были съ голосами, распѣвали легкія оперетки, а главное—къ этой семьѣ актеровъ принадлежалъ выдающійся, превосходный талантъ и пѣвецъ Голландъ!

Въ это время на парижской и на всѣхъ европейскихъ сценахъ производила фуроръ опера Обера и Скриба: „Нѣмая въ Портичи“, постановка которой на русской оперной сценѣ была немыслима

по революціонному своему элементу... Что-же дѣлаетъ предпріимчивый директоръ? Онъ задумалъ, во что-бы то ни стало, хотя на нѣмецкомъ языкѣ, поставить эту оперу въ Петербургѣ. Много было съ его стороны хлопотъ, исканій, просьбъ.

Сначала онъ обратился къ министру двора, какъ избравшему его въ директоры, представляя ему выгоды обогащеніемъ театральной кассы; напрасно униженно просилъ поддержать начало его службы блистательною обстановкою оперы... Князь Петръ Михайловичъ рѣшительно сказалъ:

„Эта ужасная опера въ Россіи невозможна и докладывать объ этомъ государю я не смѣю!“

Александръ Михайловичъ, какъ умница, пріѣхавъ въ Петербургъ на службу, первымъ долгомъ себѣ поставилъ сдружиться съ начальникомъ III отдѣленія, Л. В. Дубельтомъ... и они стали закадычными друзьями! Оба хитрые, оба умные (практически), оба слабые къ слабому полу, они, по пословицѣ, какъ „два рыбака узнали другъ друга изъ далека“, и укрѣпили дружбу рукомойствомъ: Александръ Михайловичъ открылъ ему доступъ въ театральное училище, куда по вечерамъ тотъ заѣзжалъ на чай къ надзирательницѣ, Румянцевой, гдѣ будто нечаянно встрѣчался съ воспитанницею Дашиговою...

Зато и Леонтій Васильевичъ платилъ ему важными услугами: первое, доставилъ ему свиданіе съ своимъ патрономъ Бенкендорфомъ насчетъ запрещаемой оперы и тутъ-же увѣрилъ вѣрившаго ему начальника, что ничего опаснаго не будетъ, даже и быть не можетъ, отъ представленія „Нѣмой въ Портичи“ на нѣмецкомъ языкѣ и ручался въ этомъ головою! Тогда Бенкендорфъ, принявъ ласково просьбу директора, обѣщалъ, переговоривъ съ министромъ двора, испросить разрѣшеніе на постановку оперы у государя Николая Павловича. И вотъ въ одно прекрасное (для директора) утро, съ сіяющимъ радостью лицомъ, вбѣгаетъ къ нему Дубельтъ и кричитъ: „посылай либретто въ цензуру подъ другимъ названіемъ, а „Нѣмую въ Портичи“ запрещаютъ!“

Директоръ, довольный и веселый, остритъ: „я назову ее „Нѣмая въ Порчѣ!

—„А какъ по либретто имя „Нѣмой?“

„Фенелла“.

—„Чего лучше... вотъ и назовемъ оперу „Фенелла“... согласенъ?“

— Еще-бы! Какъ ни зови, лишь хлѣбомъ корми..., а „Фенелла“ прокормитъ дирекцію не одинъ годъ!

Наконецъ, опера Скриба и Обера, поставленная съ великолѣпными декораціями, костюмами, съ огнедышащею горою, при отличномъ хорѣ и превосходной игрѣ дѣйствующихъ лицъ, съ блестящимъ небывалымъ успѣхомъ была представлена на императорской нѣмецкой сценѣ.

Въ главной роли Мазаньелло, по игрѣ и пѣнію, неподражаемъ былъ знаменитый актеръ и пѣвецъ Голландъ.

Фенеллу играла воспитанница театральнаго училища Марія Дмитріевна Новицкая, высокая, стройная красавица, превосходная пантомистка.

Она, какъ и Голландъ, много способствовала успѣху оперы.

Всего замѣчательнѣе былъ ансамбль въ игрѣ и дѣйствіи хора: кромѣ вновь принятыхъ въ составъ хора, вступили хористы-добровольцы, не только второстепенные актеры нѣмецкой драматической труппы, даже и заслуженный и пожилой уже тогда артистъ Видеманъ.

Вотъ эти-то господа, занявъ первую линію хора, до того дѣйствовали своею одушевленною игрою на прочихъ хористовъ, что сцена народнаго мятежа производила потрясающій эффектъ на публику.

Никогда, ни прежде, ни послѣ, даже до сихъ поръ, не было въ Россіи подобнаго театральнаго представленія: не только у Петербурга закружилась голова, но и у старушки Москвы въ головѣ зашумѣло! Молодежь тамошняя, имѣвшая хоть небольшія средства проѣхать въ дилижансахъ, не говоря о богатыхъ, спѣшила въ Петербургъ посмотрѣть „Фенеллу“... Даже такіе философы, какъ С. Т. Аксаковъ и сынъ его, Константинъ Сергѣевичъ, увлеклись стремленіемъ общаго потока! Да и вся интеллигентная Россія перебывала на представленіи взволновавшей всѣхъ оперы.

Театральная касса обогащалась.

Кромѣ того, русская драматическая труппа, при вступленіи въ директорство А. М. Гедеонова, блистала великими талантами на всѣ амплуа и дѣлала большіе денежные сборы.

Директоръ отказывалъ во всемъ для приличной постановки піесъ на сценѣ Александровскаго театра, а съ удовольствіемъ пользовался ея сборами, поддерживая оными дефицитъ французской труппы и умножая расходы балета.

Потомъ и французская труппа при Гедеоновѣ сдѣлалась превосходною, особенно, когда онъ ангажировалъ мужа и жену Алланъ, Бурбье, Вольнисъ, Арну-Плесси и много другихъ. А всего удивительнѣе его выборъ двухъ молодыхъ актеровъ, замѣченныхъ имъ въ Парижѣ, еще въ небольшихъ роляхъ, когда они только начинали

свое сценическое поприще. У насъ они, совершенствуясь годъ отъ года, сдѣлались любимцами публики, такъ что, по окончаніи службы въ Петербургѣ, ихъ съ распростертыми объятіями приняли въ парижскій театръ, въ Мольеровъ домъ, т. е. въ первый французскій театръ.

Эти превосходные артисты были Брессанъ и Бертонъ.

Не знаемъ навѣрное—директоръ-ли пригласилъ въ Петербургъ знаменитаго Рубини или онъ самъ, по совѣту друга своего М. Ю. Вельегорскаго, пріѣхалъ усладить нашу сѣверную столицу.

Рубини, первый въ мірѣ пѣвецъ, добрый, снисходительный, деликатный (какими и подобаетъ быть великимъ людямъ и театраламъ), онъ охотно согласился пѣть и играть съ тогдашнею нашею примаданною, М. М. Степановою. Потомъ при Александрѣ Михайловичѣ долго держалась превосходная итальянская опера. Да, повторяемъ, кромѣ бывшаго московскаго директора Ѳ. Ѳ. Кокошкина, А. М. Гедеоновъ былъ первый, а судя по слѣдующимъ за нимъ, съ увѣренностью можно сказать—и послѣдній хорошій директоръ русскихъ театровъ!

Иванъ Ивановичъ и Елена Яковлевна Сосницкіе.

По всей справедливости, первымъ и несравненнымъ актеромъ долженъ считаться Иванъ Ивановичъ Сосницкій, первый заговорившій со сцены человѣческимъ, натуральнымъ языкомъ. До него было много величайшихъ талантовъ, каковъ Дмитревскій, Яковлевъ, Зловъ, Шушеринъ, Каменогорскій, Екатерина Семеновна Семенова и другіе актеры и актрисы; но всѣ они, слѣдуя современной имъ рутинѣ въ подражаніи французскимъ знаменитостямъ, предавались изысканной, ненатуральной декламаціи, которую впослѣдствіи прозвали драматическою ходульною игрою. Во Франціи первый сбросилъ съ себя эту рутину и заговорилъ по-человѣчески геніальный Тальма, а у насъ Сосницкій.

Красивый, стройный, съ выразительнымъ и игривымъ лицомъ, съ пріятною и хитрою улыбкою, съ живыми и умными глазами, онъ превосходно игралъ роли молодыхъ людей—франтовъ, гвардейскихъ офицеровъ, знаменитыхъ баръ и забубенныхъ повѣсъ. Слѣдя за современными ему выдающимися личностями, по прекраснымъ военнымъ и свѣтскимъ манерамъ, по франтовству въ нарядахъ, какъ, напримѣръ, одѣвался извѣстный первый франтъ того времени графъ Соллогубъ (отецъ В. А. Соллогуба), Иванъ Ивано-

вичъ и самъ со сцены сдѣлался авторитетомъ въ одеждѣ, въ манерѣ, въ ловкости, какъ свѣтской, такъ и гвардейской молодежи.

А какъ неподражаемо танцовалъ онъ мазурку! Многіе изъ знати брали у него уроки танцевъ.

Это былъ любимецъ всей петербургской публики, пріятель извѣстныхъ писателей: Пушкина, Хмельницкаго и другихъ. Гречъ и Булгаринъ постоянно и безвозмездно присылали ему „Сѣверную Пчелу".

Въ началѣ 1820-хъ годовъ, онъ пріѣхалъ на, такъ нынѣ глупо называемые, гастроли—и вся Москва восхищалась его талантомъ и полюбила его, несмотря на то, что у нея былъ свой любимецъ, не менѣе талантливый на томъ-же амплуа—А. М. Сабуровъ. А что удивительно и рѣдко бываетъ: сценическіе соперники—во всю жизнь были искренними друзьями.

Какъ человѣкъ, Сосницкій былъ добръ, ласковъ, внимателенъ ко всѣмъ, особенно къ молодымъ начинающимъ талантамъ: училъ, совѣтывалъ, поддерживалъ ихъ. А какой онъ былъ радушный хлѣбосолъ! Кто изъ товарищей не пользовался его обѣдами! Кто чаще обѣдалъ у него, тѣхъ онъ больше любилъ, вѣря, что и они изъ любви къ нему это дѣлаютъ; а, между тѣмъ, самая трапеза Ивана Ивановича была вкусная и изысканная.

Иногда онъ задавалъ пиры избраннымъ писателямъ: Гоголю, Хмельницкому и другимъ. А извѣстнаго мавра-трагика Ольриджа онъ такъ угощалъ среди русскихъ артистовъ, съ содѣйствіемъ красавицы-актрисы Е. В. Владимировой, что пламенный мавръ чуть съ ума не сошелъ отъ нея! Первый восторгъ, когда она заговорила съ нимъ по-англійски, переводила ему привѣтствія, остроты, шутки товарищей; второй восторгъ—отъ ея искусной, прелестной игры на фортепіано, а при пѣніи ея, особенно когда она пропѣла англійскую пѣсню, третій восторгъ пламеннаго Ольриджи былъ неудержимъ: онъ влюбился въ Елизавету Васильевну, падалъ передъ ней на колѣни, цѣловалъ руки, провожалъ ее до квартиры и чуть насильно не вломился въ оную....

Къ вину Иванъ Ивановичъ не былъ пристрастенъ, но на пирушкахъ перепивалъ всѣхъ.

Съ женщинами Сосницкій особенно былъ счастливъ... Много у него было близкихъ знакомствъ, о которыхъ узнавали нечаянно, случайно, но самъ онъ никогда не хвастался своими побѣдами, хотя иногда было чѣмъ похвастать.

Одна дурная склонность была въ немъ—къ картамъ: проживая все и дѣлая долги, онъ надѣялся обогатиться выигрышемъ въ банкъ—и постоянно проигрывалъ.

Жена его, Елена Яковлевна, красавица и талантливая актриса. Неизвѣстно, какъ они жили въ началѣ брака, но скоро разошлись на разныя половины; жили своевольно, но дружно и не разлучались до смерти.

Она была кокетка, любила, чтобы всѣ влюблялись въ нее и ухаживали за нею, а сама была холодна. Пушкинъ сразу понялъ ее и написалъ ей въ альбомъ стихи, которые, разбирая въ настоящее время, удивляешься, какъ въ 4 строкахъ онъ съумѣлъ выразить всю ея характеристику: влюбленныхъ въ нее назвалъ дураками, да и не обращающихъ вниманія на ея очаровательныя улыбки, на огненные глазки—тоже. Вотъ стихи:

Е. Я. Сосницкой.

Вы соединить могли, съ холодностью сердечной,
Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей.
Кто любитъ васъ, тотъ глупъ, конечно,
Но кто не любитъ васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.

А. Пушкинъ.

Елена Яковлевна прекрасно играла молодыхъ женщинъ, потомъ знатныхъ дамъ, наконецъ, перешла на роли комическихъ старухъ. А въ комедіи Бомарше: „Женитьба Фигаро“, какъ мужъ, такъ и она были неподражаемые Фигаро и Сусанна, и въ этихъ роляхъ превосходили французскихъ артистовъ.

Василій Андреевичъ и Александра Михайловна Каратыгины.

Славный былъ трагическій актеръ В. А. Каратыгинъ! Высокаго роста, красивый и очень талантливый. Всѣ эти преимущества онъ наслѣдовалъ отъ отца, но не отъ роднаго, бывшаго режиссера драматической труппы, г. Каратыгина, а отъ знаменитаго трагика Алексѣя Семеновича Яковлева. Постоянно играя съ женою режиссера страстныхъ любовниковъ, они и въ жизни воспламенились страстью. Связь ихъ продолжалась нѣсколько лѣтъ, и что удивительно—ни для кого она тогда не была тайною! Пишущему разсказывалъ покойный историкъ А. В. Висковатовъ, какъ онъ еще кадетомъ часто видалъ, какъ къ его дядѣ, переводчику Дюсисова Гамлета, вечеркомъ, на чай, пріѣзжали Яковлевъ и Каратыгина, въ видѣ мужа и жены.

А почтенный артистъ, старикъ Г. И. Жебелевъ, полюбившій меня и давшій мнѣ много матеріала изъ жизни Алексѣя Семеновича, когда я писалъ драму „Актеръ Яковлевъ", разсказывалъ, что 12-ти-лѣтній Василій Андреевичъ, пріѣзжавшій съ матерью за кулисы, при выходѣ Яковлева изъ уборной на сцену, подходилъ къ нему, цѣлуя ему руку и говоря: „здравствуйте, папенька". Странныя были времена! Впрочемъ, Яковлева такъ цѣнили и уважали всѣ за талантъ и за славу, что ему многое позволялось.

Теперь обратимся къ сценической дѣятельности В. А. Каратыгина. Не было добросовѣстнѣе, усерднѣе, старательнѣе Василія Андреевича по отношенію къ искусству!

Бывало, на репетиціяхъ нѣкоторые изъ артистовъ едва разбирая роль читаютъ, а Каратыгинъ уже наизусть свою выучилъ. Много ролей у него было съ выдающимся, превосходнымъ исполненіемъ: „Міръ", „Людовикъ XI" и другіе.

Гамлета игралъ старательно, съ любовію, но по его колоссальному росту, грубому, громкому и непріятному голосу, эта роль не шла къ нему.

Притомъ онъ, въ противоположность Сосницкому, говорилъ ненатурально вообще, хотя игралъ хорошо, но, какъ говорится, ходульно! Съ тою-же вычурностію игралъ онъ и въ комедіяхъ Мариво, а въ Чацкомъ онъ, просто, былъ каррикатуренъ!

Каратыгинъ во всѣхъ роляхъ было одинаковъ, однообразенъ... Впрочемъ, зато его рутинные выходки и возгласы служили забавою товарищамъ; мы, говоря объ А. М. Максимовѣ, приведемъ пресмѣшной примѣръ.

Въ Гамлетѣ, Василій Андреевичъ проситъ брата Петра Андреевича: „Ты, Петя, повыше кончи фразу: „государь великій былъ онъ!!.." А самъ, какъ по нотамъ, съ высокаго до низкаго тона, продолжалъ такъ: „Человѣкъ онъ былъ! Изъ всѣхъ людей намъ не видать такого человѣка!"

Точно также и въ „Игрокѣ": когда Брянскій, игравшій Варнера, говоритъ объ убитомъ, Каратыгинъ, зажимая ему ротъ, кричитъ: „молчи! молчи!" Слѣдующую фразу онъ и Брянскаго проситъ возвысить тонъ: „такъ это ты?!" „Не я! А бѣдность и отчаяніе!!!" И такимъ манеромъ, онъ много заученныхъ мѣстъ неизмѣнно повторялъ по разъ избранной рутинѣ! Но несмотря на эти смѣшныя и глупыя выходки, онъ былъ талантливый, почтенный артистъ и любимецъ Александринской публики.

Какъ человѣка, его можно судить за крайнюю скупость! Перевезя свой единственный комодъ къ богатой невѣстѣ, А. М. Коло-

совой, и сдѣлавшись мужемъ ея, онъ, вмѣстѣ съ нею, накопилъ значительный капиталъ, которымъ не пользовался при жизни и рано умеръ. При его артистической фигурѣ, крѣпкомъ сложеніи и постоянномъ здоровьи, онъ поколебалъ свой организмъ отъ страха при смерти актрисы Гусевой во время спектакля!

Съ тѣхъ поръ, чувствуя себя сначала душевно больнымъ, потомъ и тѣлесно, но, по скупости, вмѣсто того, чтобы обратиться къ хорошему доктору, пригласилъ театральнаго не доктора, а лѣкаря, мальчишку, служившаго при дирекціи за право посѣщать даромъ спектакли.

Этотъ юноша, Чернявскій, даромъ практиковался и надъ богатымъ Василіемъ Андреевичемъ!

Когда-же ему дѣлалось все хуже да хуже, больной вспомнилъ, что на обѣдѣ у Жукова, три года тому назадъ, одинъ изъ гостей, расхваливая доктора, вручилъ Каратыгину карточку своего эскулапа. Василій Андреевичъ на всякій случай положилъ ее въ карманъ фрака, а теперь, по случаю опасной болѣзни, вспомнилъ, вынувъ оную, и пригласилъ гомеопата, который и уложилъ его въ могилу!

Какъ ни жалко вспомнить о ранней кончинѣ славнаго артиста, а нельзя безъ смѣха говорить о его и жены его скупости. Любимецъ публики любилъ обѣды, пиры и всѣ угощенія у другихъ, а у себя дома никого не принималъ во время трапезы. Такъ какъ нашихъ знаменитыхъ артистовъ посѣщали значительныя особы, то лакей какому-нибудь звѣздоносцу или военному генералу не осмѣливался отказать и отворялъ дверь въ гостиную. Хозяйка, Александра Михайловна, выскакивая изъ-за обѣда, занимала гостя разговоромъ, пока муженекъ доканчивалъ трапезу; когда-же онъ выходилъ въ гостиную, голодная женушка уходила въ столовую, на простывшую уже пищу.

Мужъ и жена Брянскіе.

Яковъ Григорьевичъ Брянскій былъ превосходный артистъ на своемъ амплуа (злодѣевъ), такъ-же хорошо игралъ императоровъ и королей съ своею благородною физіономіею.

Въ комедіи Шаховскаго „Эзопъ“ онъ отлично игралъ и читалъ басни, въ Эсмеральдѣ типично изображалъ урода Квазимодо, а въ Онѣгинѣ нельзя найти лучшаго мужа Татьяны, „важнаго генерала“.

Зять его Панаевъ помогалъ ему переводить „Отелло", прекрасно имъ сыгранаго. Голосъ у него звучный, серебряный, выговоръ чистый и ясный.

Супруга его, Анна Матвѣевна, красивая женщина, но не талантливая актриса, была только прилична въ нѣкоторыхъ роляхъ. Какъ человѣкъ, Брянскій былъ стоическаго нрава, не любилъ, да и не зналъ закулисныхъ интригъ, любилъ охоту, ловко стрѣлялъ изъ ружья и изъ лука.

Величкинъ.

Переутрировавшійся комикъ, любимецъ „райской" публики, вѣчный хлопотунъ, совершенный типъ Льва Гурыча Синичкина, при опредѣленіи на сцену дочки.

Н. О. Дюръ.

Вотъ молодой артистъ, съ великими способностями во всѣхъ родахъ сценическаго искусства! Онъ превосходно игралъ въ комедіяхъ, драмахъ, водевиляхъ, даже въ операхъ. Главное амплуа— молодыхъ франтовъ, повѣсъ и даже стариковъ. Лучшія его роли Жовіаля въ опереткѣ перевода Ленскаго: „Стряпчій подъ столомъ" и въ опереткѣ соч. Шнейдера, передѣланной на русскіе нравы Ѳ. А. Кони подъ названіемъ: „Студентъ-артистъ, хористъ и аферистъ". Честный, правдолюбивый человѣкъ, стройный, красивый танцоръ и музыкантъ, онъ былъ любимцемъ публики и нелюбимцемъ директора, когда женился на красавицѣ Новицкой (знаменитой Фенеллѣ), за которою началъ было волокитство сладострастный начальникъ. Раннюю кончину Николая Осиповича оплакивали и товарищи и публика.

Александръ Астафьевичъ Мартыновъ.

Это былъ геніальный самородокъ. Напрасно приписываетъ себѣ П. А. Каратыгинъ, въ своихъ запискахъ, будто онъ открылъ эту драгоцѣнную жемчужину... До 1837 года Мартыновъ игралъ съ Воротниковымъ Мирошку (въ интермедіи Филатка и Мирошка), да вторыя и третьестепенныя роли комическихъ стариковъ, а при вступленіи на службу новаго режиссера, оцѣнившаго сразу Мартынова, онъ перешелъ къ лучшимъ ролямъ.

Напримѣръ, Сосницкій, какъ первый комикъ, по праву игралъ въ новой піесѣ „Отецъ дебютантки“, переведенной для него Р. М. Зотовымъ, а въ то-же время въ Москвѣ для Живокини Д. Т. Ленскій передѣлалъ эту самую комедію въ водевиль на русскіе нравы, подъ названіемъ: „Левъ Гурычъ Синичкинъ“. Сосницкому слѣдовало и въ Петербургѣ играть роль Синичкина, но режиссеръ, взявъ піесу въ свой бенефисъ, назначилъ оную Мартынову. И какой вышелъ великолѣпный Левъ Гурычъ! Съ тѣхъ поръ всѣ первыя комическія роли принадлежали ему. Какъ онъ былъ хорошъ франтомъ Прындикомъ въ 3-хъ-актномъ водевилѣ Ленскаго: „Въ людяхъ ангелъ—не жена“. Режиссеръ просилъ В. Р. Зотова перевести Мольерова „Мѣщанина во дворянствѣ“ для Мартынова, а доктора В. И. Орлова (автора „Гусарской стоянки“) Мольера-же „Скупаго“, который больше подходилъ къ Мартынову, чѣмъ къ Щепкину. Онъ былъ превосходенъ въ роли Гарпагона!

Слѣдившій за нимъ другъ его и товарищъ режиссеръ еще въ Синичкинѣ замѣтилъ, хотя въ комически-драматической сценѣ, настоящую драматическую жилку, и въ свой бенефисъ, въ драмѣ П. П. Каменскаго „Гаррикъ“, назначилъ ему роль ламповщика, съ чувствомъ защищавшаго сестру свою, притѣсняемую актрису. Въ Москвѣ эту роль игралъ Садовскій, вызывая за драматизмъ рукоплесканія публики, и потомъ появился его гравированный портретъ въ этой роли.., а бѣдный Мартыновъ, хотя и игралъ такъ-же хорошо, но Александринская публика, судя его по прежнимъ ролямъ, за неподдѣльное чувство платила ему смѣхомъ. Александръ Астафьевичъ такъ огорчился, что бранился и плакалъ! Незадолго до ранней кончины своей, онъ превосходно сыгралъ драматическую роль въ драмѣ Чернышева „Отецъ семейства“; въ послѣдней онъ возвысился до трагическаго пафоса. Тогда только публика поняла его могучій талантъ!

Какъ человѣкъ, Александръ Астафьевичъ, съ дѣтства до ранней кончины, былъ пренесчастный человѣкъ.

Жизнь, радость и счастье только на сценѣ не разлучались съ нимъ.

Бѣдный его отецъ, изъ кучи дѣтей, по протекціи отдалъ его въ театральное училище, гдѣ онъ, не получа никакого образованія, былъ выпущенъ на маленькое жалованье, которымъ и поддерживалъ свою бѣдную семью.

Съ 1837 года, отличась на сценѣ, онъ получилъ прибавку жалованья, которою добрый папаша завладѣлъ вполнѣ.

Тутъ слабохарактерный Саша, имѣя нужду въ приличной одеждѣ, рѣшился, наконецъ, переѣхать на вольную квартиру. Отецъ начался съ нимъ тяжбу, кончившуюся тихо третейскимъ судомъ.

Мартыновъ былъ женатъ на дочери балетнаго Шелихова—Маріи Павловнѣ. Расточительная хозяйка любила устраивать балы, вечера или обѣды, съ фазанами. устрицами и дорогими винами! Страсть къ вину сгубила великаго артиста. Здоровье было плохое. долговъ много, денегъ не хватало, такъ что Мартыновъ, имѣя за плечами пятерыхъ дѣтей и массу долговъ. поѣхалъ уже съ совершенно надорваннымъ здоровьемъ на югъ Россіи зарабатывать деньги. Съ нимъ поѣхалъ А. Н. Островскій и привезъ трупъ геніальнаго артиста-страдальца! Тысячи народа провожали въ могилу любимца своего! А въ бенефисъ, данный дирекціею семейству покойнаго, любовь публики выразилась въ восторженныхъ апплодисментахъ первому пѣвцу итальянской оперы, г. Тамберлику, котораго заставляли нѣсколько разъ повторять прекрасно и съ глубокимъ чувствомъ выраженныя имъ на русскомъ языкѣ чувства въ воспоминаніе о великомъ актерѣ. Музыка выбрана самимъ Тамберликомъ изъ любимаго имъ романса „Ея ужъ нѣтъ“, а стихи передѣланы однимъ изъ драматическихъ писателей.

Вотъ стихи. передѣланные въ память Мартынова:

Его ужъ нѣтъ! (bis) любимца славы,
Кто такъ искусство уважалъ;
Кто изучалъ родные нравы,
Кто самъ творилъ, не подражалъ.
Его ужъ нѣтъ, любимца славы:
Цвѣтокъ безвременно увялъ!

Тебя ужъ нѣтъ (bis), ты взятъ могилой!
Мы покоряемся судьбѣ...
Но ты на вѣкъ, таланта силой,
Зажегъ въ сердцахъ любовь къ себѣ!
Тебя ужъ нѣтъ, товарищъ милый,
Но память вѣчная тебѣ!

Алексѣй Михайловичъ Максимовъ.

Съ Мартыновымъ многіе изъ публики искали знакомства, приглашали его къ себѣ. а вмѣстѣ и пріятелей своихъ, воображая, что онъ потѣшитъ всѣхъ.... но увы! Нашъ комикъ былъ неразговорчивъ, серьезенъ и наводилъ только скуку!

Вотъ А. М. Максимовъ, товарищъ и сверстникъ его, напротивъ, весёлый, забавный, болтунъ, шутникъ, былъ совершенно противоположнаго нрава и, поистинѣ, назывался душою общества. Откровенный въ разсказахъ о своихъ кутежахъ и запояхъ, онъ не щадилъ самого себя и не стыдился повѣствовать о нихъ! И удивительное дѣло: пьянствуя до бѣлой горячки, какъ говорится, до чортиковъ, онъ, вначалѣ Великаго поста, вдругъ какъ-бы перерождался: усердно молился и говѣлъ, такъ какъ былъ очень религіозенъ. Актеръ онъ былъ прекрасный на амплуа первыхъ любовниковъ, повѣсъ, знатныхъ баръ и офицеровъ. Ловкій, развязный, въ костюмахъ и подъ румянами казался даже хорошенькимъ, не смотря на страшную его худобу.

Лучшія его роли въ комедіяхъ: „Клевета", „Минутное заблужденіе". „Горе отъ ума", „Воспитанникъ любви"; также во многихъ водевиляхъ, а въ комедійкѣ: „Которая изъ двухъ?" онъ былъ, просто, неподражаемъ. Въ жизни добродушіе и откровенность Алексѣя Михайловича доходили до наивности.

Однажды, на актерскомъ подъѣздѣ Александринскаго театра стоялъ Максимовъ, вмѣстѣ съ другими, дожидаясь казенной кареты. Когда капельдинеръ прокричалъ: „подавай экипажъ Линской, Самойловой!", въ это время отъ Чернышева моста приближались похоронныя пустыя дроги. П. А. Каратыгинъ и закричалъ дрогамъ: „подавай экипажъ Максимова". Онъ первый больше всѣхъ смѣялся и никогда не обижался на разныя выходки товарищей.

Мы съ нимъ были въ гостяхъ у одного богача, вмѣстѣ съ И. П. Липранди. Иванъ Петровичъ Липранди, въ первый разъ видя Максимова въ обществѣ, заинтересовался имъ, разспрашивалъ его о многомъ, а подъ конецъ вечера, при слѣдующемъ разсказѣ Максимова о себѣ, хохоталъ до упаду.

„Когда я, разсказывалъ Максимовъ, послѣ пьянства велъ себя трезво, жена любовалась мною, но вотъ я снова закутилъ, скрываясь отъ нея... и, поздно ночью, освѣживъ себя сельтерской, даже простою водою, являлся какъ ни въ чемъ не бывало. А разъ, нагрузившись до-нельзя и все-таки желая обмануть ее, я началъ раздѣваться, аккуратно укладывая на стулья платье; потомъ сталъ на колѣни передъ образами и усердно молился, съ земными поклонами; потомъ какъ праведный хочу лечь въ постель,—жена, хохоча, говоритъ: „да сними шляпу-то, не забудь!"

Въ именины актрисы Е. И. Гусевой приглашались молодые артисты обоего пола къ именинному пирогу и къ обѣду. У старушки весело бывало. Новый молодой режиссеръ (пишущій эти

строки) тоже былъ приглашенъ, и вмѣстѣ съ Максимовымъ отъ Александринскаго театра въ Коломну должны были идти съ именинъ пѣшкомъ, такъ какъ у обоихъ денегъ гроша не было.

У именинницы была и М. Д. Дюръ, за которою режиссеръ волочился: заигрывая, вырвалъ у нея носовой платокъ на память; она, кокетничая, начала отнимать и, когда онъ незамѣтно передалъ платокъ Максимову, она принялась обыскивать похитителя. Тутъ Марья Дмитріевна серьезно и строго сказала: „не дурачьтесь, отдайте платокъ; тамъ въ узелкѣ завязана 5-ти рублевая ассигнація извозчику за карету".

Переглядѣвъ и ей показавъ всѣ концы платка, мы ничего не нашли: узелка съ ассигнаціею не оказалось. Она, сорвавъ съ меня часы, смѣясь, сказала: „если извозчикъ не повѣритъ мнѣ въ долгъ до завтра, я оставлю ему въ залогъ часы!"

Когда поздно ночью гости расходились, Максимовъ преважно закричалъ: „Извозчикъ!"; тотъ подлетѣлъ.

— Садись, бѣдняга-режиссеръ.

— Да вѣдь у тебя денегъ нѣтъ?

— А синенькая изъ бѣлаго платочка?

Режиссеръ не успѣлъ воскликнуть: „такъ это ты похитилъ деньги?", какъ Максимовъ перебилъ его, подражая тону и извѣстной нотѣ В. А. Каратыгина.

— „Не я, но бѣдность и отчаяніе!!"

Много о немъ анекдотовъ, много проказъ... но забудемъ эти мелочи жизни и пожелаемъ мира душѣ Алексѣя, славнаго артиста и превосходнаго человѣка!

Н. И. Куликовъ.

Артисты императорскихъ русскихъ театровъ

въ С.-Петербургѣ

въ 1858 г.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1892 г., т. LXXIII, книга январь, былъ помѣщенъ снимокъ съ фотографической группы старѣйшихъ артистовъ императорскаго русскаго драматическаго театра, снявшихъ съ себя, въ двухъ группахъ, портреты въ извѣстной петербургской фотографіи г. Деньера, въ 1858 г., для гастролировавшаго въ этомъ году въ С.-Петербургѣ знаменитаго артиста-мавра Айръ-Ольриджи.

Къ настоящей, августовской, книгѣ „Русской Старины“ мы прилагаемъ фототипическій снимокъ, исполненный въ мастерской фирмы „Шереръ и Набгольцъ“ въ Москвѣ, съ другой фотографіи-группы, также снятой по желанію Айръ-Ольриджи въ 1858 г., въ которую вошли слѣдующіе артисты императорскаго русскаго драматическаго театра: М. Максимовъ, И. И. Сосницкій, А. А. Алексѣевъ, П. А. Каратыгинъ, П. Е. Чернышевъ, И. Ѳ. Горбуновъ, П. И. Григорьевъ и П. И. Малышевъ.

Ред.

ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ.

«Законъ стушевывается произволомъ, а уваженіе къ праву личности замѣняется пренебреженіемъ къ нему» [1]).

Бываютъ такіе историческіе моменты, когда возобновленіе въ памяти картинъ «добраго стараго времени» получаетъ не только историческій, но и живой современный интересъ. Въ такія эпохи мрачное прошлое, вмѣсто того, чтобы быть урокомъ для современниковъ, показывающимъ корни общественныхъ золъ, является, вопреки исторической логикѣ, идеаломъ; о немъ вздыхаютъ, его рисуютъ свѣтлыми красками и стараются реабилитировать.

Для такого перемѣщенія идеаловъ изъ области будущаго въ прошедшее необходимо позабыть реальное содержаніе картинъ „добраго стараго времени“ и замѣнить ихъ фантастическими представленіями о хорошихъ порядкахъ и добрыхъ нравахъ, будто-бы процвѣтавшихъ на почвѣ крѣпостныхъ отношеній.

Въ такое время, когда старческая мысль отыскиваетъ идеалы въ прошедшемъ, какъ нельзя болѣе кстати вспомнить старину, смести архивную пыль съ картинъ „добраго стараго времени“ и показать ихъ всѣмъ, вздыхающимъ о старинѣ.

Но какія именно картины необходимы для этой выставки? Изображенія писателей-художниковъ не годятся—ихъ могутъ заподозрить въ фантастичности. Историческія изслѣдованія могутъ быть названы тенденціозными. Въ данномъ случаѣ нужны картины протокольнаго характера, удостовѣренныя такимъ

---

[1]) Предложеніе П. Н. Клушина херсонскому губ. правленію 23-го марта 1862 года.

лицомъ, котораго нельзя заподозрить ни въ увлеченіи фантазіею, ни въ тенденціозности.

Такимъ именно бытописателемъ старины является Павелъ Николаевичъ Клушинъ, бывшій въ шестидесятыхъ годахъ (съ 1861 года) херсонскимъ губернаторомъ, затѣмъ управляющимъ гражданскою частью на Кавказѣ и сенаторомъ. Его оригинальныя „предложенія“ херсонскому губернскому правленію даютъ рядъ яркихъ картинъ „добраго стараго времени“. Эти „предложенія“ были результатомъ ревизіи всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, произведенной Клушинымъ; они изложены дословно въ печатныхъ циркулярахъ, указахъ херсонскаго губернскаго правленія и сохранились въ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Херсонской губерніи; въ другихъ-же они или уничтожены, или проданы на вѣсъ вмѣстѣ съ массою „дѣлъ“, признанныхъ подлежащими уничтоженію.

Фактическая часть упомянутыхъ „предложеній“ чрезвычайно богата. Все, найденное при ревизіи, описано со всѣми подробностями, съ цитатами подлинныхъ выраженій чиновниковъ, оправдывавшихся въ обнаруженныхъ ревизіею беззаконіяхъ. Описанія найденныхъ безпорядковъ перемежаются біографическими свѣдѣніями о нѣкоторыхъ чиновникахъ, характеристиками ихъ служебной дѣятельности и юмористическими замѣчаніями.

Читая „предложенія“ Клушина, невольно вспоминаешь упреки, которые дѣлались Гоголю за тенденціозность и утрировку изображенныхъ имъ типовъ: въ „предложеніяхъ“ Клушина являются дѣйствующія лица: „Ревизора“, „Мертвыхъ душъ“ и повѣсти „О томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Вспоминается и другой упрекъ Гоголю, почему онъ не изобразилъ ни одного добродѣтельнаго чиновника — ихъ не было, они были невозможны, и если появлялся рѣдкій экземпляръ чиновника, который пытался дѣйствовать по закону, то его выживали изъ службы и были даже случаи оффиціальныхъ распоряженій не слушаться такого еретика-чиновника [1]).

Изложеніемъ фактовъ Клушинъ не ограничивался въ своихъ предложеніяхъ. Онъ указывалъ причины зла и средства для его устраненія. При изслѣдованіи причинъ найденнаго имъ „разстроя“, онъ не былъ поверхностнымъ наблюдателемъ, который, видя нарушеніе закона, полагаетъ, что

---

[1]) Указавъ на то, что непремѣнный засѣдатель тираспольскаго земскаго суда И — ко „давалъ дѣлопроизводству правильное законное направленіе“, заступая въ разное время должность исправника, Клушинъ говоритъ: „нельзя не подивиться, что бывшій исправникъ распоряженіямъ этимъ не только не сочувствовалъ, но даже разъ далъ предложеніе, воспрещающее суду руководствоваться началами, указываемыми непремѣннымъ засѣдателемъ“. Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года, № 1830.

зло заключается въ данномъ лицѣ и что, слѣдовательно, съ удаленіемъ его отъ службы, теченіе дѣлъ пойдетъ по руслу закона. Клушинъ безъ снисхожденія увольнялъ чиновниковъ, признанныхъ имъ негодными для службы [1]), а другихъ заставлялъ учить законы [2]); но онъ понималъ и указывалъ, что зло беззаконія заключалось не въ отдѣльныхъ личностяхъ, не желающихъ знать закона, а въ общемъ строѣ до-реформенной администраціи. Пораженный безурядицею во всѣхъ функціяхъ нераздѣльныхъ въ то время суда и администраціи, Клушинъ обнажалъ въ своихъ „предложеніяхъ“ корень этого зла.

Такимъ образомъ, „предложенія“ Клушина даютъ не только яркія картины „добраго стараго времени“, но и критику его основъ.

Чтеніе подъ рядъ упоминаемыхъ документовъ производитъ впечатлѣніе калейдоскопа, въ которомъ интересные факты смѣняются характеристиками лицъ и критическихъ замѣчаній. Устранивъ множество не имѣющихъ теперь интереса подробностей, мы сгруппируемъ этотъ богатый матеріалъ въ нѣсколько главъ, чтобы придать наибольшую рельефность частямъ той картины „добраго стараго времени“, которую изобразилъ Клушинъ.

Мы начнемъ съ типичныхъ лицъ, встрѣченныхъ имъ при ревизіи.

---

[1]) По поводу этихъ увольненій, Клушинъ говоритъ, что ему „пришлось встрѣтить не только отставаніе застарѣлыхъ идей о службѣ и азбучныхъ ея пониманій, но даже затѣтить сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ охотниковъ проводить вездѣ свое мнѣніе къ устраняемымъ по безполезности чиновникамъ, то, говорятъ, „бѣднымъ“, то—„семейнымъ“, то—„по-своему знакомымъ съ дѣломъ“ и, слѣдовательно, „вызывающимъ снисхожденіе“. Опора такого мнѣнія кроется, конечно, въ томъ весьма поверхностномъ взглядѣ на вещи, который никакъ не можетъ служить мѣриломъ насущныхъ потребностей цѣлаго общества и въ которомъ признаки гуманнаго начала не имѣютъ здѣсь мѣста снисходить злоупотребляющей или безпечно прозябающей на казенный счетъ личности чиновника ради его нуждъ и многочисленнаго потомства, въ то время, когда отъ направленія его страдаетъ цѣлая масса людей, обращающихся за помощью къ правительству, изъ которыхъ многіе, безъ сомнѣнія, при многочисленнѣйшихъ семействахъ и при совершенномъ отсутствіи средствъ къ пропитанію, обречены на болѣе тяжкія испытанія—это было-бы полное пренебреженіе къ юридической логикѣ и къ самымъ простымъ запросамъ о всестороннемъ развитіи общественной дѣятельности“. Предложеніе 13-го февраля 1862 года.

[2]) Въ указѣ херсонскаго губернскаго правленія 28-го декабря 1861 года за № 10196 перечислены лица, прикомандированныя къ губернскому правленію „для узнанія закона“.

I.

Чиновники, описанные Клушинымъ въ его предложеніяхъ, имѣли одну общую черту „добраго стараго времени“: невѣдѣніе закона и нежеланіе имъ руководствоваться. У каждаго свой законъ — собственное усмотрѣніе. Служба для нихъ только средство для полученія жалованья отъ правительства и даней отъ обывателя. Устои такого порядка казались имъ незыблемыми и они не вѣрили, чтобы ходъ дѣлъ „по старинѣ“, какъ выразился одинъ исправникъ, могъ измѣниться.

Вступивъ въ должность губернатора, Клушинъ предложилъ губернскому правленію предупредить всѣхъ, кого слѣдуетъ, о предстоящей ревизіи, и губернское правленіе особымъ циркуляромъ „о водвореніи законности и правильнаго теченія дѣлъ предписало всѣмъ подвѣдомственнымъ ему мѣстамъ и лицамъ съ тѣмъ, чтобы до предстоящей ревизіи озаботились приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ неправильностей, какія могутъ оказаться“.

Но чиновники взглянули на это предупрежденіе какъ на острастку, сдѣланную для видимости, и „водворенія законности и правильнаго теченія дѣлъ“ сдѣлано не было. Затѣмъ, послѣ осмотра присутственныхъ мѣстъ въ Одессѣ и Очаковѣ, Клушинъ пріостановился дальнѣйшею ревизіею и губернское правленіе сообщило о замѣчаніяхъ губернатора всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ „на тотъ конецъ, чтобы до предстоящей ревизіи его превосходительства въ прочихъ уѣздахъ Херсонской губерніи озаботились приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ неисправностей, какія могутъ оказаться“. (Указъ губ. правл. 28-го декабря 1861 г., № 10196). Но и это напоминаніе было только „пріобщено къ дѣлу“. Затѣмъ, послѣ ревизіи херсонскихъ магистрата и сиротскаго суда, Клушинъ снова пріостанавливается дальнѣйшею ревизіею, видя, что „нѣкоторыя присутственныя мѣста не только сколько-нибудь не поправились, но даже не заявили никакой попытки къ исправленію дѣлъ“. Затѣмъ уже „предваряетъ, что неисправные и безпечные неминуемо будутъ предаваемы суду и удаляемы по 3 п. 1239 ст. III т., такъ какъ предварительно употребленныя средства оказываются недѣйствительными и ни личныя его превосходительства самыя убѣдительныя просьбы, ни настоянія, ни указанія, циркулярами губернскаго правленія переданныя, ни послѣдствія ревизіи одесскихъ и очаковскихъ присутственныхъ мѣстъ не ведутъ къ желаемой цѣли“. (Указъ губ. правл. 8 марта 1862 г.).

Въ Одесскомъ уѣздѣ Клушинъ встрѣтилъ исправника Кар—ва, который жилъ въ свое удовольствіе и службою не занимался. Онъ ни разу не ревизовалъ дѣлопроизводства становыхъ приставовъ, которое, вслѣдствіе этого, „безпрепятственно пришло въ разстрой“. Клушинъ говоритъ, что

„на вопросъ о причинѣ такихъ упущеній, исправникъ г. Кар—въ чистосердечно отозвался, что онъ „не зналъ этого порядка“ и, слѣдовательно, чтеніемъ законовъ никогда не занимался. При встрѣчѣ со многими неисправностями суда, г. Кар—въ разъяснялъ причину ихъ тѣмъ-же отвѣтомъ или еще другимъ не менѣе откровеннымъ: „у насъ велось по старинкѣ“. Такъ собственными словами онъ обличалъ тѣсный кругъ своихъ служебныхъ знаній и неумѣніе оправдывать свое назначеніе, почему и слѣдовало-бы его устранить отъ должности, но какъ распоряженіе это предупреждено при семъ прилагаемымъ прошеніемъ г. Кар—ва объ увольненіи его въ отставку, то губернскому правленію предстоитъ поспѣшить удовлетворить такое желаніе, что, впрочемъ, не должно изъять его отъ отвѣтственности, если по дальнѣйшимъ соображеніямъ онъ будетъ подлежать за безпорядки въ судѣ [1]).

Подобныхъ-же исправниковъ Клушинъ встрѣтилъ въ Херсонскомъ и Ананьевскомъ уѣздахъ.

Херсонскій исправникъ „не выказался попеченіемъ по завѣдыванію уѣздомъ, гдѣ, по ст. 2293 ст. о зем. пов., не распредѣлены даже съ должною правильностью станціонные пункты и разгонъ лошадей производится безъ установленныхъ билетовъ, замѣняемыхъ доброю волею всякаго полицейскаго лица“. „Въ чемъ именно заключалась дѣятельность исправника по уѣзду земскій судъ находится въ положительной безизвѣстности, потому что онъ, по ст. 2741 т. II, никогда замѣчаній своихъ суду не передавалъ. Настольные реестры становыхъ приставовъ исправникомъ не только еженедѣльно, но никогда не свидѣтельствовались и, такимъ образомъ, строгость контроля за приставами замѣнялась дремотою и забвеніемъ закона со стороны того, къ иниціативѣ кого она непосредственно относилась [2]).

Ананьевскій исправникъ „въ теченіе восьмилѣтняго служебнаго поприща“, ни разу не обревизовалъ дѣйствія становыхъ приставовъ. „Такая неисполнительность своихъ обязанностей, говоритъ Клушинъ, главнымъ дѣятелемъ ананьевской земской полиціи г. Нов—мъ убаюкала, въ свою очередь, дѣятельность приставовъ, не пробуждая ихъ изъ летаргіи, въ которой исполненіе долга казалось какимъ-то темнымъ отвлеченіемъ, а занимаемая должность являлась только какъ средство для жизни [3]).

Къ тому-же типу бездѣйствующихъ принадлежалъ и ананьевскій городничій Гаг—е. Въ его отчетностяхъ дѣла и бумаги „показывались и обозначались въ цифрахъ, поставленныхъ наугадъ и безъ сознанія. Множество дѣлъ заброшено въ архивъ, откуда въ послѣднее время извлечена уже громадная масса неразрѣшеннаго производства; нѣкоторыя дѣла утеряны.

---

[1]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года, № 10672.
[2]) Предложеніе 23-го марта 1862 года.
[3]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года, № 1830.

Городничій дѣла держалъ на дому и, при переводѣ его въ Тирасполь, хаотическую груду ихъ привезъ въ полицію, не сдавъ какъ должно“ [1]).

По пріѣздѣ на ту-же должность въ Тирасполь, онъ „совершенно отрѣшилъ себя отъ знакомства съ дѣлами и потому о характерѣ личной его дѣятельности ни слова произнести не предстоитъ. Насколько онъ внимателенъ къ дѣламъ, это лучше всего можно заключить изъ разговора съ нимъ по дѣлу о взятомъ безъ письменнаго вида крестьянинѣ Гулькѣ, гдѣ онъ высказалъ, что этого дѣла не знаетъ, и въ причину неознакомленія съ нимъ поставилъ то, что „дѣло 1855 г. далеко ужь очень“. Основанія такой логики отыскать не трудно...“ [2]).

Но зато для пріятелей городничій Гаг — е готовъ былъ не исполнять распоряженій губернскаго начальства. „Такъ, напримѣръ, по дѣлу о взысканіи штрафа съ управляющаго тираспольскою питейною конторою за непредставленіе въ свое время ярлыковъ, взысканіе это полиціею отлагается за отзывами управляющаго, несмотря на то, что отзывы эти нѣсколько разъ уже отвергнуты казенною палатою, приказывающею взыскать деньги; такимъ образомъ, для г. городничаго голосъ управляющаго питейною конторою былъ почему-то слышнѣе, чѣмъ голосъ губернскаго административнаго учрежденія“ [3]).

У этого городничаго былъ письмоводитель М—скій, „человѣкъ, не годящійся для службы“. Его устранили отъ должности, но онъ, говоритъ Клушинъ, „вмѣсто того, чтобы получить должное возмездіе, беретъ жалованье, и съ прошлаго года преспокойно поживаетъ въ деревнѣ, ничего не дѣлая [4]).

Городничій въ Новогеоргіевскѣ Пост — съ откровенно заявилъ Клушину, что онъ „въ дѣла не вмѣшивается, потому что для этого есть письмоводитель, а такъ какъ онъ плохъ, то и дѣла плохо идутъ“. Письмоводитель былъ уволенъ и во время слѣдующей ревизіи въ 1863 г., когда Клушинъ замѣтилъ, что „есть улучшеніе сравнительно съ прошлымъ“, то городничій добродушно отвѣтилъ: „я докладывалъ вашему превосходительству при прошлой ревизіи, что нужно было письмоводителя перемѣнить: все отъ него зависитъ“.

Херсонскій уѣздный судъ состоялъ изъ больныхъ судей. „Члены суда, говоритъ Клушинъ, (кромѣ и. д. уѣзднаго судьи Соч—ва и и. д. секретаря Т—скаго) въ дѣятельности онаго вовсе не принимали участія: судья Б—новъ подверженъ хроническому недугу, засѣдателю Нев—скому также часто не здоровилось, засѣдатель Б—новскій тоже часто хворалъ или отсут-

---

[1]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 г., № 1830.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Тамъ-же.

ствовалъ, будто-бы по порученіямъ дворянской опеки, къ концу, однако-же, имъ не приведеннымъ, и по случаю исправленія имъ должности судебнаго слѣдователя, въ продолженіе которой рапортовался больнымъ, и ознаменовалъ ее лишь взятіемъ содержанія судебнаго слѣдователя“ [1]).

Члену одесскаго уѣзднаго суда К—ру, завѣдывавшему дѣлопроизводствомъ одесской дворянской опеки, послѣдняя, „по постановленію въ 1859 г., пробовала поручить повѣрку на мѣстѣ имѣнія князя Гагарина, но и эта проба не удалась: г. К—ръ до сихъ поръ (1861 г.) не выполнилъ распоряженія и хотя нерѣдко оставлялъ присутствіе суда подъ предлогомъ выѣзда изъ города по дѣламъ опеки, но ровно ничего не сдѣлалъ“ [2]).

Секретарь одесскаго уѣзднаго суда, на вопросъ Клушина о причинахъ недоставленія срочныхъ вѣдомостей, „отозвался, что доставленіе разныхъ отъ суда свѣдѣній слѣдуетъ обыкновенно по особымъ требованіямъ и распоряженіямъ, какъ будто для соблюденія всего того, что велитъ законъ, нужны еще особыя напоминанія. Такой отзывъ, впрочемъ, при разныхъ случаяхъ во время ревизіи пришлось слушать не отъ одного секретаря уѣзднаго суда,— и это ясно доказываетъ какъ должностныя лица мало знакомы съ законоположеніями и какъ мало они желаютъ изучать ихъ“ [3]).

При такомъ взглядѣ на службу, на способности чиновниковъ къ служебнымъ обязанностямъ не обращалось вниманія и на нѣкоторыхъ мѣстахъ сидѣли дряхлые старцы. Такъ, напримѣръ, въ херсонской городской полиціи: „изстари оставшуюся должность казначея отправляетъ чиновникъ Бунчукъ, пребывая въ таковой весьма почтенное число лѣтъ, начиная съ 1824 г. Для него назначенъ особый столъ съ отдѣльнымъ настольнымъ и другими документами, произвольно называемый вексельнымъ. Его превосходительство говоритъ произвольно, потому что дѣйствія по заемнымъ обязательствамъ должны сосредоточиться въ одномъ и томъ-же столѣ исполнительномъ. Въ особой комнатѣ, гдѣ изстари засѣлъ Бунчукъ для особой сферы дѣлопроизводства, находится шкафъ съ оригинальною надписью: „казначейская для храненія вексельныхъ дѣлъ и документовъ“, гдѣ дѣйствительно (противно 217 ст. II т.) и покоятся грудою помянутыя обязательства, не имѣя обертокъ съ надписями, къ какимъ дѣламъ они относятся“ [4]).

Въ тираспольскомъ земскомъ судѣ Клушинъ нашелъ „удрученнаго старостью секретаря г. Бал—го“ [5]). Въ тираспольскомъ магистратѣ уголовными дѣлами завѣдывалъ „малограмотный бургомистръ-столоначальникъ, принад-

---

[1]) Предложеніе 23-го марта 1862 г.
[2]) Предложеніе 23-го ноября 1861 г.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Тамъ-же.
[5]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 г.

лежащій къ числу тѣхъ типовъ, нравственныя силы которыхъ не задѣты и тѣнью образованія. При такихъ данныхъ остается обратить вниманіе особенно на то, что на такую жалкую обстановку магистрата не обратилъ вниманія номинальный блюститель правосудія г. уѣздный стряпчій Лит—новъ и что секретарь Конст—въ, занимая этотъ постъ съ 1844 года, не только не сознавалъ ея и не домогался измѣненія порядка въ дѣлопроизводствѣ, но тоже, видимо, сочувствовалъ ей, будучи не стѣсненнымъ среди такой круговой безсознательности хозяйничать по-своему, дѣлая что вздумаетъ, какъ въ отношеніи къ дѣламъ, такъ и въ отношеніи къ служащимъ“ [1]).

Членъ очаковской городской ратуши, завѣдывавшій дѣлопроизводствомъ, былъ „вовсе безграмотенъ“ [2]).

Письмоводитель одесской дворянской опеки, по аттестаціи Клушина, „болѣе безосновательно говорливъ, нежели соотвѣтственъ своему посту; о дѣлахъ опеки не составилъ себѣ никакого понятія, которое цѣлостно предоставилъ на долю вольнонаемнаго писца; отдалъ даже въ распоряженіе его ключъ отъ дѣлъ и при ревизіи поручилъ ему составленіе потребованныхъ свѣдѣній, самъ уйдя домой, какъ будто не его касалось дѣло“ [3]).

Члены присутствій дѣлами не занимались, предоставляя веденіе ихъ секретарямъ, даже писцамъ, а сами ограничивались подписываніемъ того, «что имъ поднесутъ». Такъ, въ херсонской городской полиціи, говоритъ Клушинъ, „направленіе дѣлъ и бумагъ весьма часто ложно, что происходитъ преимущественно оттого, что распоряженія на вступившихъ бумагахъ дѣлаются писцами, которыми они заносятся также и въ настольные. Присутствіе-же совершенно отрѣшило себя отъ этой обязанности, принимая на себя трудъ только все подписывать, что ему поднесутъ“ [4]).

Въ тираспольской градской полиціи „занятія дѣлами странно распредѣлены между канцелярскими служителями, облеченными полиціею въ санъ выдуманныхъ столоначальниковъ, руководимыхъ письмоводителемъ. Въ довершеніе такого распредѣленія, отъ полиціи совершенно отдѣлился своею дѣятельностью, въ противность ст. 4149—4165 т. II, помощникъ городничаго Ва — въ, ведущій свое дѣлопроизводство по тѣмъ-же особо заведеннымъ документамъ, какіе предназначаются обыкновенно для присутственнаго мѣста“ [5]).

Въ тираспольскомъ уѣздномъ судѣ канцелярскими служащими „исполняется неподлежащій трудъ членовъ писать резолюціи въ настольныхъ, воз-

---

[1]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.
[2]) Предложеніе 23-го ноября 1861 г.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Предложеніе 23-го марта 1862 года.
[5]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

лагаемый на нихъ, какъ засѣдатель За—скій промолвился, „потому что они лучше знаютъ дѣла“ [1]).

Въ одесскомъ земскомъ судѣ „множество постановленій подписано только секретаремъ или лишь непремѣннымъ членомъ, а исправникомъ, въ силу выясненныхъ уже взглядовъ его на службу, не подписано ни одного постановленія; такимъ образомъ, слѣдовъ его дѣятельности совершенно не видно ни въ судѣ, ни по исполненію обязанностей въ уѣздѣ“ [2]).

Въ херсонскомъ земскомъ судѣ «постановленія пишутся рукою писцовъ и притомъ часто весьма нетолково; подписываются они или однимъ членомъ или только исправникомъ» [3]).

Въ херсонскомъ магистратѣ «въ настольныхъ реестрахъ резолюціи пишутся даже писцами» [4]).

Въ херсонской дворянской опекѣ свидѣтельствованіе суммъ «ограничивалось часто подписомъ одного члена, а г. предводитель дворянства при свидѣтельствованіи никогда не былъ» [5]). Въ ананьевской дворянской опекѣ «при свидѣтельствованіи книгъ г. уѣздный предводитель дворянства не участвуетъ, въ основаніе чего ставится то, что «этого не велось прежде». По поводу такого объясненія Клушинъ замѣтилъ: «законъ не изглаживалъ этой мысли и въ старину, а если она не осуществлялась иногда и не осуществляется подчасъ теперь въ дѣйствительности, то этотъ обычай, кажется, подлежитъ измѣненію». «Въ настольномъ реестрѣ резолюціи пишутся писцами. О выѣздѣ г. предводителя дворянства изъ города и о пріѣздѣ его журналовъ въ опекѣ не составляется и такимъ образомъ эти выѣзды и пріѣзды происходятъ совершенно по домашнему, келейно» [6]).

II.

Дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ велись «по старинкѣ»; секретари и писцы, не спѣша, писали ненужныя бумаги и развлекались бесѣдами съ посѣтителями и сторожами [7]). По поводу этихъ бесѣдъ состоялся даже указъ губернскаго правленія (8-го марта 1862 г.), въ которомъ, между прочимъ, сказано: «приказали: внѣшности магистрата (херсонскаго) придать свойствен-

---

[1]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 г.
[2]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года
[3]) Предложеніе 23-го марта 1862 года.
[4]) Предложеніе 13 го февраля 1862 года.
[5]) Предложеніе 23-го марта 1862 года.
[6]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.
[7]) Сторожемъ въ херсонскомъ земскомъ судѣ „была баба“.

ную присутственному мѣсту обстановку [1]), выведя, такимъ образомъ, оный изъ незавиднаго положенія сельской избы и прекративъ для просителей свободный входъ въ присутствіе и бесѣду въ канцеляріи съ служащими, которымъ напомнить, что цѣль ихъ службы заключается въ усердныхъ занятіяхъ, а не въ праздномъ, неприличномъ для нихъ препровожденіи времени въ прихожей комнатѣ вмѣстѣ со сторожами».

Медленность движенія дѣлъ иллюстрируется въ предложеніяхъ Клушина многочисленными фактами, изъ которыхъ приводимъ слѣдующіе, наиболѣе характерные.

Въ херсонскомъ уѣздномъ судѣ найдены неоконченныя дѣла «о содержащихся арестантахъ Киченкѣ и Клюшниченкѣ, начавшіяся въ 1832 году». „О дѣлахъ прежнихъ лѣтъ, которыхъ у приставовъ наберется вдоволь, судъ не имѣетъ понятія и думаетъ нынѣ только затребовать о нихъ вѣдомости» [2]).

Въ херсонскомъ земскомъ судѣ, по словамъ Клушина, «медленность въ исполненіи поступающихъ разныхъ требованій разительная и судъ хорошъ ужь тѣмъ, что степень своего вниманія не уменьшаетъ, не увеличиваетъ какъ въ отношеніи къ сообщеніямъ равныхъ мѣстъ, такъ и въ отношеніи къ приказаніямъ начальства. Медленность, многосложность и, вообще, неправильность дѣлопроизводства въ земскомъ судѣ зависитъ преимущественно отъ причинъ, самимъ-же имъ порождаемыхъ и заключающихся въ лѣности скоро просматривать дѣла и соображать ихъ съ закономъ, да въ недостаткѣ практичности и вѣрности взгляда на возникающіе вопросы. Такимъ образомъ, вступающія въ судъ бумаги передаются приставамъ не въ подлинникѣ, какъ велѣно 2594 ст. II т., а въ копіяхъ или въ особыхъ предписаніяхъ, на что употребляется огромный и въ то-же время ненужный трудъ» [3]).

Въ ананьевской градской полиціи было найдено Клушинымъ «тянущееся съ 1839 года дѣло о неприписанныхъ ни въ какое званіе Липецкомъ и Пасицеліи объ окончаніи котораго приставу 1-го стана подтверждалось 69 разъ, и дѣло о взводимомъ на крестьянина Никольскаго крестьяниномъ Со-

---

[1]) Въ шкапу, находившемся въ присутствіи магистрата, какъ видно изъ акта 30-го января 1862 года, оказались: „1) остатки костей съ мертваго ребенка, отысканные въ погребѣ солдатки Ульяны Бѣлясовой; 2) вещи, найденныя у солдатки Вольхонкиной, принадлежащія протоіерею Перепелицыну; 3) разныя мелкія вещи, отысканныя у арестанта Петра Калашникова; 4) клещи, принадлежащія привозной Свято-Духовской церкви; 5) крючекъ, по дѣлу о нанесеніи рядовымъ Жуковымъ мѣщанину Соколову побоевъ; 6) желѣзный винтъ, найденный при обыскѣ оберъ-офицерскаго сына Семенова; 7) опечатанный тючекъ съ желѣзными вещами, неизвѣстно кому принадлежащій". (Предл. 13-го февр. 1862 г.).

[2]) Предложеніе 23-го марта 1862 года.

[3]) Тамъ-же.

колюкомъ поступкѣ, начавшееся съ 1843 г., объ окончаніи котораго подтверждалось тому-же приставу 19 разъ. Подтвержденія эти отозвались какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ, и не мало не заохотили бывшихъ тутъ въ разные годы приставовъ исполнять приказаніе [1]).

«Дѣло о приписке къ Троицкому селенію крестьянина Табака, начавшееся еще въ 1846 году, представлено въ одесскій уѣздный судъ для прекращенія, на основаніи 172 ст. XV т., только нынѣ» (въ 1861 году). Въ томъ-же судѣ «дѣла, производящіяся болѣе 10 лѣтъ, разъ въ годъ въ извѣстность не приводятся, несмотря на то, что ихъ наберется вдоволь» [2]).

Для иллюстраціи характера дѣлопроизводства тираспольскаго магистрата Клушинъ приводитъ слѣдующіе примѣры:

«Растянутое на 500 листахъ дѣло по начавшемуся въ 1839 году иску мѣщанина Колесникова объ отобраніи отъ купцовъ Поляковыхъ его наслѣдственнаго сада, завершилось журналомъ 15-го марта 1855 года, по которому сообщено въ земскій судъ объ оцѣнкѣ сада, о скорѣйшемъ исполненіи чего судъ побуждался предупрежденіемъ, что на дѣло это обращено вниманіе сената. Но это вниманіе, какъ оказывается, вовсе не занимало самый магистратъ, со стороны котораго пресѣклись затѣмъ всякія дѣйствія. Къ дѣлу о взысканіи мѣщаниномъ Розновскимъ денегъ съ мачихи своей, начавшемуся въ 1846 году, по журналу 11-го августа 1858 года, затребованы свѣдѣнія отъ сиротскаго суда и дополненіе отъ градской полиціи. Исполненіе въ эти мѣста, надобно замѣтить, послѣдовало 30-го іюля 1859 года, т. е. черезъ годъ!! Отвѣтъ отъ сиротскаго суда не доставленъ до сихъ поръ, несмотря на то, что судъ помѣщается въ сосѣдней къ присутствію магистрата комнатѣ и дѣлами его принялъ на себя обязанность завѣдывать магистрата-же секретарь г. Константиновъ и, слѣдовательно, свѣдѣніе могло быть взято не только скоро, но даже безъ всякой переписки» [3]).

Подобная-же медленность въ сношеніи съ сиротскимъ судомъ оказалась «по возникшему въ 1843 году дѣлу о взысканіи съ купца Старикова за содержаніе казенныхъ оброчныхъ статей 737 руб. 37 коп., къ которому затребованное по журналу 7-го марта 1861 года свѣдѣніе судъ доставилъ только при отношеніи 16-го марта нынѣшняго года (1862), полученномъ черезъ порогъ одной комнаты въ другую 22-го марта, т. е. черезъ четыре дня» [4]).

Въ одесскомъ уѣздномъ судѣ «наблюденіе за спѣшнымъ исполненіемъ требованій, въ ожиданіи которыхъ остаются дѣла, слабо. Такъ, по дѣлу объ

---

[1]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.
[2]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.
[3]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.
[4]) Тамъ-же.

имуществѣ помѣщиковъ Короваевыхъ, одесскому земскому суду сдѣлано послѣднее подтвержденіе 21-го іюля 1856 года. Такихъ случаевъ, по которымъ повторенія не было съ 1854, 1857, 1858 и 1859 годовъ, множество» [1]). Дѣло объ оставшемся имуществѣ чиновника Шостака, начавшееся съ 1857 г., «заброшено безъ всякаго вниманія, что, въ совокупности со многими другими подобными случаями, превосходно характеризуетъ и обозначаетъ степень заботы о дѣлахъ, которымъ, вмѣсто спѣшнаго исхода, ожидаемаго интересами частныхъ лицъ, суждено неопредѣленное время оставаться въ застоѣ, вслѣдствіе нерадѣнія лицъ служащихъ, порождая, такимъ образомъ, справедливый ропотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ошибочный взглядъ на правительственныя учрежденія» [2]).

Въ одесскомъ земскомъ судѣ «дѣло по претензіи чиновницы Костровской къ еврею Юдкевичу началось съ 1850 года, завершается пересылкою его между одесскою градскою полиціею и земскимъ судомъ, въ противность 125, 134 ст. II т. и 285 ст. XV т. 2 ч. Теперь по этому дѣлу заготовлена оссбая записка, по которой оно опять отсылается въ одесскую полицію. Дѣло о неисправностяхъ почтовыхъ станцій по Вознесенскому тракту и о грубостяхъ полковнику Траскину содержателемъ станціи, купцомъ Лейбовичемъ началось еще въ 1851 году съ распоряженія бывшаго въ то время начальника губерніи земскому исправнику, который въ 1856 году донесъ губернатору объ исправленіи непорядковъ на станціяхъ, а этотъ послѣдній въ 1857 году передалъ дѣло на распоряженіе губернскаго правленія. Правленіе-же, продержавъ его безъ всякой надобности пять лѣтъ (!!!) при указѣ, за № 4836, въ нынѣшнемъ году прислало въ земскій судъ будто-бы на основаніи 8 и 22 п. 2529 ст. II т. Впрочемъ, о медленности въ дѣйствіяхъ земскаго суда говорить нечего: она, вообще, разительна и проявляется не въ отдѣльныхъ только какихъ-нибудь случаяхъ, а составляетъ основной принципъ въ области разстроеннаго и совершенно запутаннаго дѣлопроизводства одесской земской полиціи» [3]).

Изъ числа „многихъ дѣлъ, неосновательно производящихся“ въ херсонскомъ земскомъ судѣ, Клушинъ отмѣчаетъ „дѣло, возникшее въ 1858 году, по объявленію херсонской мѣщанки Червяченковой о воровствѣ у нея будтобы женщиною Татаренковою 150 р. Предъявленіе помянутаго иска не сопровождалось никакими доказательствами, между тѣмъ Татаренкова попала въ тюремный замокъ, но какъ это случилось, по какому поводу, на основаніи какого акта, этого изъ дѣла и извлечь нельзя» [4]).

---

[1]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Предложеніе 23-го марта 1862 года

Во время поѣздки Клушина на ревизію коллежскій совѣтникъ Линке обратился къ нему съ просьбою ускорить движеніе дѣла, находившагося съ 1857 года въ губернскомъ правленіи, о взысканіи съ помѣщицы Кондратьевой 1,200 рублей. По справкѣ объ этомъ дѣлѣ оказалось, что „послѣдній предѣлъ его заключается въ постановленіи правленія 29-го сентября, по коемуторому рѣшено: „поставить на видъ бобринецкому земскому суду медленность въ исполненіи ожидаемаго отъ него къ дѣлу дополненія, съ обязательствомъ доставить его въ двѣ недѣли, о чемъ донести правительствующему сенату". Постановленіе это не было исполнено до послѣднихъ чиселъ ноября, т. е. въ теченіе многихъ двухнедѣльныхъ сроковъ, несмотря на бывшую многочисленность вольнонаемныхъ писцовъ, что вполнѣ доказываетъ не пользу отъ нихъ, а только вредъ, и если-бы не было обращено вниманія на дѣло, то, вѣроятно, покой его долго-бы еще не былъ нарушенъ. Изъ такого положенія дѣла ясно рождается вопросъ: чѣмъ разграничить, какою особою мѣрою опредѣлить теперь неаккуратность земскаго суда съ забывчивостью самого губернскаго правленія и какъ помирить медленность этого послѣдняго, на исполненіе журналовъ котораго 929 ст. 2 т. полагается конечный трехдневный срокъ, съ рѣзкимъ распоряженіемъ въ отношеніи къ суду?.. На это можетъ быть только тотъ одинъ отвѣтъ, что такой порядокъ вещей требуетъ перерожденія, въ которомъ рутина и бумажный механизмъ должны будутъ уступить мѣсто смыслу и правильности" [1]).

Въ григоріопольской градской полиціи „дѣло по не обусловленному должною формою и не сопровождаемому доказательствами прошенію мѣщанина Урсула объ обидѣ дочери его солдатомъ Бараномъ напрасно длится съ 1857 года, да и обвиняемый ушелъ уже въ войска и гдѣ теперь—неизвѣстно. Два дѣла о воровствѣ лѣса въ имѣніи Старыхъ Дубоссарахъ, возникшія по объявленіямъ управителя, совершенно бездоказательны" [2]).

Ревизія 1863 года въ бобринецкой городской полиціи обнаружила, что дѣло о взысканіи съ купца Мистюшина убытковъ за перебраніе межи началось съ 1853 года „съ безграмотнаго и незаконнаго составленія объявленія" и не было еще окончено въ 1863 году, и что „дѣло о взысканіи съ купца Корнисика 1,400 р., вмѣсто должныхъ мѣропріятій, наполнено ни къ чему не идущими отзывами и распоряженіями о приводѣ къ присягѣ, несмотря на строгій запретъ закона такъ дѣйствовать въ исковыхъ дѣлахъ. Хроника подобныхъ дѣлъ, обличая круговоротъ всѣхъ дѣлъ въ полиціи, даетъ полное основаніе судить о докладныхъ реестрахъ, переполненныхъ машинальными резолюціями, возбуждающими безцѣльную и безысходную переписку и нимѣю-

---

[1]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.
[2]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

щими въ основаніи своемъ исключительно смыслъ какъ-нибудь сбыть съ рукъ бумагу, да очистить нумеръ".

Въ елисаветградской градской полиціи тоже оказалась „ненужная отписка и, вообще, недостатокъ стремленія избѣгать письменности".

Елисаветградскій магистратъ писалъ по дѣлу мѣщанъ Сергіенковыхъ въ александрійскій земскій судъ 11 разъ, а по дѣлу мѣщанина Гольберга въ херсонскую городскую полицію 16 разъ. О „понужденіи" названныхъ мѣстъ къ отвѣтамъ писано было въ херсонское губернское правленіе по первому дѣлу тоже 11 разъ, по второму—16.

Для характеристики наклонности тянуть ненужныя дѣла, Клушинъ приводитъ слѣдующій фактъ. „Судебный слѣдователь 22-го августа 1863 года просилъ елисаветградскій магистратъ прекратить дѣло, начавшееся 30-го марта 1862 года по объявленію отставного рядоваго, хлопотавшаго о возвращеніи домой скрывшейся, будто-бы, по случаю беременности дочери мѣщанина Пр — ка Хаи, могущей, будто-бы, совершить дѣтоубійство. Доносъ по наслышкѣ, предположеніе безъ доказательствъ, сдѣланные чуть не полтора года назадъ, за которое время преступный фактъ могъ-бы уже объясниться — все это говорило лишь за дрянное направленіе доносчика и за основательность ходатайства слѣдователя о прекращеніи дѣла; но магистратъ отвѣчалъ мнѣніемъ противорѣчивымъ и рѣшилъ продолжать дѣло".

О дѣлопроизводствѣ у становыхъ приставовъ одесскаго уѣзда Клушинъ замѣтилъ слѣдующее: „медленность слѣдственныхъ дѣлъ, начатыхъ еще до изданія устава о судебныхъ слѣдователяхъ, далеко переходитъ опредѣленный 139 ст. XV т. ч. 2 мѣсячный срокъ. По дѣламъ просительскимъ прошенія, для объявленія заключеній кому слѣдуетъ, пересылаются изъ одного мѣста въ другое, рождая длинную нить ненужной письменности. Начинаются дѣла по такимъ жалобамъ и доносамъ, по которымъ, какъ по бездоказательнымъ, на основаніи 38 и 58 ст. XV т., не слѣдуетъ возбуждать производства. Дѣла о личныхъ обидахъ начинаются неуказаннымъ въ законѣ порядкомъ. Дѣла по частнымъ безспорнымъ документамъ попустому тянутся чрезвычайно какъ долго, сопровождаемыя огромнымъ, ни къ чему не ведущимъ письменнымъ производствомъ. Отступленія въ этихъ дѣлахъ особенно велики и часты, въ ущербъ кредиторовъ и справедливыхъ претендателей" [1]).

Бездѣятельность чиновниковъ и „ненужная отписка" простирались и на дѣла по взысканію недоимокъ.

„Ничтожное количество исполненныхъ порученій, замѣчаетъ Клушинъ, лучше всего говоритъ за степень дѣятельности чиновниковъ ананьевской земской полиціи, вполнѣ обличающихся въ лѣни и бездѣйствіи. Эта лѣнь и

---

[1]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

это бездѣйствіе ещё ярче выкажутся, если упомянуть здѣсь о ходѣ одного изъ самыхъ важныхъ вопросовъ касающихся полицейской дѣятельности, а именно, вопросы о взысканіи недоимокъ: къ 1-му января 1862 года ихъ было 101,556 руб. 26 коп., къ этому прибавляется еще новый окладъ 64,239 руб. 36½ коп., а взыскано въ теченіе нынѣшняго только 14,169 руб. 43¾ коп., къ прошлому-же 1861 году недоимки оставалось 100,832 руб. 10½ коп. Такія данныя, конечно, отнимаютъ у гг. чиновниковъ земской полиціи всякое основаніе оправдываться и произносить слово за свое усердіе, потому что противъ силы цифръ возраженія быть не можетъ“ [1]).

Въ одесскомъ земскомъ судѣ „всѣ дѣйствія по этому важному предмету (взысканію недоимокъ) завершались посылкою доставляемыхъ изъ казначейства выписокъ о недоимкахъ къ одному становому приставу съ тѣмъ, чтобы тотъ, списавъ для себя копіи, подлинныя передавалъ другому, а этотъ третьему, тѣмъ и кончалось сіе дѣло... Свѣдѣній, требуемыхъ § 38, т. III сборн. циркуляровъ мин. вн. д., о положеніи и благосостояніи плательщиковъ, не существуетъ. Таково было равнодушіе къ важнѣйшему вопросу, какимъ представляется вопросъ о недоимкахъ, и нельзя не подивиться подобному застою этого вопроса, тѣмъ болѣе, что съ нимъ тѣсно связаны интересы губернскихъ чиновниковъ, по ст. 553 т. V уст. под., за беззаботливость свою рискующихъ матеріальными лишеніями“ [2]).

Въ Херсонскомъ уѣздѣ, по словамъ Клушина, „главною причиною медленности и неуспѣха во взысканіи ихъ—вѣдомство казенной палаты. Уѣздное казначейство вѣдомостей о недоимкахъ, по ст. 2692 т. II, не доставляло и только при усиленныхъ настояніяхъ послало, въ декабрѣ мѣсяцѣ, имянной реестръ недоимкамъ, и то такой невѣрный, что появленіе его въ судѣ отозвалось большими недоразумѣніями. Въ реестрѣ этомъ показаны, во-первыхъ, имѣнія съ такими фамиліями владѣльцевъ, какихъ вовсе уже не существуетъ. Во-вторыхъ, въ реестрахъ о недоимкахъ, составляемыхъ въ казначействѣ, проглядываетъ нерѣдко замѣчательное противорѣчіе другимъ собственнымъ же его даннымъ. Противорѣчія эти и желанія добиться толка заставляли пристава 2-го стана лично для разъясненія дѣла быть въ казначействѣ, на замѣтки котораго, какъ онъ объяснилъ, г. бухгалтеръ Соляниковъ отозвался: „вы нашихъ счетовъ не знаете!“ Дѣйствительно, въ такомъ видѣ понять нельзя, потому казначейству необходимо слѣдуетъ привести эти счеты въ такое положеніе, чтобы ихъ уразумѣть могъ всякій“ [3])

---

[1]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.
[2]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.
[3]) Предложеніе 23-го марта 1862 года.

Въ 1863 году Клушинъ писалъ, что „уѣздныя казначейства хронически и вредно продолжаютъ страдать безпорядкомъ въ дѣлѣ веденія документовъ податнымъ недоимкамъ и ставятъ полицію въ такое безысходное положеніе, что отъ нея никакъ не будетъ зависѣть поставить это дѣло на ладъ. Цифры показываютъ не истину, а набросаны невниманіемъ казначействъ. Количество недоимокъ въ присылаемыхъ полиціи реестрахъ, окладныхъ листахъ и квитанціяхъ разнствуетъ въ большихъ размѣрахъ. Недоимка, падающая на помѣщиковъ, не отдѣлена отъ недоимки крестьянъ со второй половины 1861 года. На многихъ крестьянахъ, отказавшихся отъ земли и получившихъ увольнительныя свидѣтельства, казначейства все-таки насчитываютъ на нихъ подати и прочія повинности на прежнія общества“ [1]).

Для раскладки земскихъ повинностей не было необходимыхъ данныхъ: статистическія свѣдѣнія, доставляемыя полиціею, не имѣли никакой реальной цѣнности, а являлись плодомъ фантазіи. Въ засѣданіи губернскаго статистическаго комитета 7-го декабря 1861 года Клушинъ заявилъ: „убѣдившись въ невозможности собирать вѣрныя статистическія свѣдѣнія о губерніи чрезъ городскія и земскія полиціи, я призналъ совершенно необходимымъ для достиженія цѣли измѣнить существующій порядокъ собиранія статистическихъ свѣдѣній чрезъ полиціи и намѣренъ поручить секретарю комитета составить новый проектъ собиранія свѣдѣній“. А въ протоколѣ статистическаго комитета 21-го января 1862 года, подъ предсѣдательствомъ Клушина, разсмотрѣвшаго доставленныя отъ полиціи статистическія свѣдѣнія, сказано: „принимая во вниманіе совершенную невозможность составить необходимыя для комитета земскихъ повинностей свѣдѣнія, статистическій комитетъ полагаетъ: въ настоящее время относительно смѣты, на трехлѣтіе съ 1863 года возложенную на комитетъ по настоящему предмету обязанность, по совершенной невозможности исполнить, оставить безъ исполненія, предоставивъ комитету земскихъ повинностей руководствоваться, если только онъ признаетъ возможнымъ, собранными уже свѣдѣніями“.

Закончимъ эту главу предписаніемъ Клушина [2]), показывающимъ какъ недѣйствительны были всѣ его старанія возбудить дѣятельность полиціи по взысканію недоимокъ. „Двѣнадцать циркуляровъ, говорится въ этомъ предписаніи, въ которыхъ истощены всѣ средства увѣщаній, просьбъ, привели къ тому результату, что государь императоръ, разсматривая годовой отчетъ мой, изволилъ написать: „обратить вниманіе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ на такое увеличеніе недоимокъ“. Если отъ дня полученія этой бумаги до 1-го декабря не будутъ взысканы всѣ

---

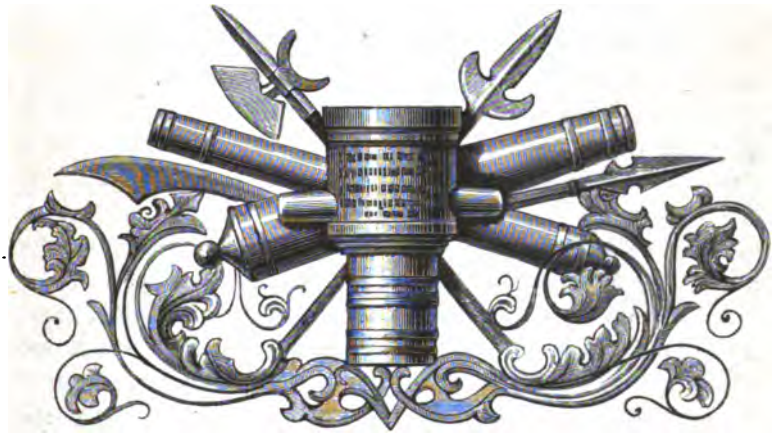
[1]) Предложеніе 16-го сентября 1863 года.
[2]) Отъ 30-го іюля 1863 года за № 14.

безъ исключенія недоимки, то 1-е декабря будетъ днемъ грустнаго окончанія служебной дѣятельности всѣхъ лицъ, не взыскавшихъ ея".

Но и этотъ грозный циркуляръ не подѣйствовалъ: къ 1-му января 1865 года, т. е. мѣсяцъ спустя послѣ назначеннаго въ немъ срока, недоимка въ губерніи составляла 161,416 руб. $8^3/_4$ коп. [1]).

И. С.

[Окончаніе слѣдуетъ].



[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ о состояніи Херсонской губерніи за 1864 г.

ИЗЪ ПОМѢЩИЧЬЯГО БЫТА XVIII-го ВѢКА [1]).

Разсказы по подлиннымъ дѣламъ.

Возмущеніе крестьянъ помѣщика Арсеньева

1724 г.

Волненіяхъ помѣщичьихъ крестьянъ при Петрѣ Великомъ сохранилось только одно извѣстіе, въ Полн. Собр. Зак., когда въ 1713 г., крестьяне царя Арчила Вахтангеевича въ селѣ Лысковѣ, Нижегородскаго уѣзда; ростовскаго архіерея въ селѣ Порѣчьѣ, Ростовскаго уѣзда; иноземца Вахрамея Меллера Вышегородской волости, Верейскаго уѣзда; бобыли Воскресенскаго монастыря, что на Истрѣ, и подмонастырнаго села Вознесенскаго «учинились вышеписаннымъ владѣльцамъ своимъ ослушны и отъ нихъ отложились» [2]). Ихъ велѣно было «бить кнутомъ».

Дальнѣйшія изысканія въ архивахъ, конечно, обнаружатъ нѣсколько случаевъ, подобныхъ указанному. Даже въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, гдѣ, по 1-й ревизіи 1722 года, было крестьянъ помѣщичьихъ всего 26 душъ [2]), они, случалось, открыто возставали противъ своихъ господъ. Доказательствомъ тому служитъ предлагаемый нами читателямъ документъ.

«Указъ его величества императора и самодержца всероссійскаго, въ Царевококшайскъ, къ судебному комисару г-ну Гразеву. Сего марта 9-го дня 1724-го году билъ челомъ его императорскому величеству, а въ свіяжской канцеляріи маэору и Свіяжской провинціи воеводѣ Тимоѳею Юрьевичу Сухо-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXV, стр. 225—237.

[2]) П. С. З., собр., т. V. Имен. ук. 24-го апрѣля., № 2668.

дольскому съ товарищи морскаго флота гардемаринеръ Алексѣй Петровъ, сынъ Арсеньевъ, подалъ челобитную, въ которой написано: въ нынѣшнемъ-де 1724-мъ году, въ прошедшемъ январѣ мѣсяцѣ, былъ-де онъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ отца своего Петра Еремеева, въ деревнѣ Крутомъ-Врагѣ, и изъ той деревни крестьяне отца его, не похотя быть ему въ послушаніи, а именно, Григорій Булыгинъ съ дѣтьми: съ Савельемъ, съ Герасимомъ, съ Максимомъ, умысля изъ той помянутой деревни ушли и присовокупя къ себѣ другихъ дворцовыхъ крестьянъ того-жъ помянутаго уѣзду, а которыхъ селъ и кто имяны въ собраніи были и хотѣли его убить до смерти [1]). И какъ-де прибылъ въ городъ Царевококшайскъ и усмотря-де ихъ такое собраніе, что они за нимъ жались, и онъ-де, Арсеньевъ, ушелъ отъ нихъ во время литургіи, въ соборную церковь. И чтобъ о сыску оныхъ крестьянъ учинить рѣшеніе. И сего-жъ марта вышеписаннаго числа, по указу его императорскаго величества и по приказу канцеляріи Свіяжской провинціи, велѣно противъ означеннаго прошенія о всемъ изслѣдовать въ Царевококшайску и о томъ послать къ тебѣ указъ. И какъ ты сей его императорскаго величества указъ получишь, и тебѣ-бъ о вышеписанномъ о всемъ изслѣдовать подлинно, и что по изслѣдствіи учинено будетъ, о томъ въ Свіяжскъ, къ мазору и воеводѣ Тимоѳею Юрьевичу Суходольскому съ товарищи писать». Слѣдуютъ подписи мазора Суходольскаго и капитана Долбилова, секретаря Ѳедора Андреева и канцеляриста Ивана Петрова. Далѣе подписи сбоку: «марта дня году 1724 г. Пошлины 25 копеекъ съ полуденгой 1-й взяты и въ приходъ записаны». Указъ писанъ на листѣ съ гербовыми клеймами по обоимъ полулистамъ. На второмъ изъ нихъ помѣта: «№ 6 объявленъ марта въ 22-го дня 1724 году. Записать въ столбъ, а показанныхъ крестьянъ сыскать и въ чемъ надлежитъ допросить, а въ Свіяжскъ отвѣтствовать».

Производства по указу намъ не случилось встрѣтить; но уже подача жалобы Арсеньевымъ, безъ всякой ея повѣрки, указываетъ на то, что тогдашнія нормальныя отношенія между крестьянами и сыномъ ихъ помѣщика были нарушены.

---

[1]) См. статью мою „Статистическое обозрѣніе народонаселенія Царевококшайскаго уѣзда, по бывшимъ народнымъ переписямъ". „Каз. губ. Вѣд." 1858 г. № 1, 7, часть неоф.

[2]) Повидимому, въ подлинникѣ, послѣ этихъ словъ слѣдовало быть указанію на присоединившихся къ крестьянамъ Арсеньева дворцовыхъ, или хотя упоминаніе, что свѣдѣніе это находится въ жалобѣ, но оно, по ошибкѣ писца, тамъ пропущено. А. П.

Торговля вольными людьми

въ XVIII в.

екабря 30-го 1791 года въ городъ Рославль, Смоленскаго намѣстничества, пріѣхали двое неизвѣстныхъ людей. Одинъ еще молодой человѣкъ, а другой уже пожилой.

Они остановились у питейнаго дома и начали тамъ пьянствовать. Рославльцамъ люди эти показались подозрительными, въ особенности младшій. Онъ былъ лѣтъ 20-ти, называлъ себя дворяниномъ, но по волосамъ на головѣ можно было думать, что не задолго до того подвергался бритью при отдачѣ въ рекруты. Едва пріѣзжіе успѣли потомъ въѣхать на квартиру, какъ были взяты и представлены къ городничему.

Пожилой былъ Ѳедотъ Гавриловъ, крестьянинъ изъ деревни Волковичей, брянской помѣщицы, ротмистрши Катерины Судейкиной. Молодой оказался недорослемъ изъ дворянъ, Прокофіемъ Ивановичемъ Лосинскимъ, изъ села Незнанова, Рославльской округи, находящагося верстахъ въ 8-ми отъ деревни Волковичей.

Прокофій Ивановичъ, въ 1791 году, разъ чуть было не удавилъ подпояскою жену свою. Его-же мать жаловалась на это. Лосинскій былъ отвезенъ въ рославльскій нижній земскій судъ; впрочемъ, дѣло не имѣло надлежащаго хода. Не было въ Лосинскомъ и разборчивости въ пріобрѣтеніи средствъ для жизни. Въ этомъ-же году, еще до случая покушенія на жизнь жены, онъ похитилъ у корнета Домашнева 70 рублей ассигнаціями и 5 рублей мѣдною монетою. По жалобѣ Домашнева, Лосинскій былъ допрошенъ, сознался въ кражѣ и возвратилъ деньги; тѣмъ дѣло и кончилось.

У городничаго Лосинскій высказалъ слѣдующее.

Весною 1791-го-же года, въ домѣ дворянки Анисьи Толпыгиной, Прокофій Ивановичъ познакомился съ брянскимъ дворяниномъ Львомъ Григорьевичемъ Судейкинымъ. 25-ти лѣтній Судейкинъ былъ уволенный изъ Суздальскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ, состоянія никакого не имѣлъ и жилъ у матери своей Катерины Судейкиной; впрочемъ, онъ рѣдко находился дома, а больше разъѣзжалъ по своему промыслу—подыскивалъ охотниковъ изъ свободныхъ людей и продавалъ ихъ за своихъ собственныхъ для по-

ставки въ рекруты. Въ этомъ дѣлѣ ближайшимъ помощникомъ его былъ 24-хъ лѣтній недоросль изъ дворянъ Семенъ Толпыга.

Судейкину и Толпыгѣ, хотя и не вдругъ, удалось сманить Лосинскаго продаться въ рекруты. Договорились, чтобы изъ денегъ, которыя получатся отъ продажи Лосинскаго, дать ему половину; остальныя должны были идти въ пользу продавцовъ. Въ первой половинѣ августа Судейкинъ и Толпыга пріѣхали ночью въ Незнаново и тайкомъ отъ семьи увезли Лосинскаго съ собою въ Орелъ. Здѣсь Судейкинъ выдалъ Прокофья Ивановича за своего дворовaго Ефима Иванова и продалъ за триста рублей повѣренному помѣщика Орлова. Отдатчикъ отъ Судейкина, дворовый помѣщика Бородовицына Осипъ Воробаевъ, приковалъ Лосинскаго къ себѣ за ногу и свелъ въ рекрутское присутствіе. Тамъ ему забрили лобъ.

Всего только четыре дня прослужилъ принятый въ рекруты Лосинскій. Тотъ-же Воробаевъ взялъ его съ часовъ при магазинѣ и свелъ къ Судейкину. Забритому выдали пять рублей, остальныя-же деньги Судейкинъ и Толпыга обѣщались отдать, когда у него заростетъ лобъ и увезли его въ село Жабово, Брянской округи, къ помѣщику маіору Ефиму Алексѣевичу Савину. У Савина Лосинскій пробылъ четыре дня и потомъ, по порученію Судейкина, уѣхалъ въ Смоленскъ къ зятю своему, отставному корнету Егору Кубышкину, чтобы склонить зятя подготовить также охотниковъ продать себя въ рекруты.

У зятя Лосинскій пробылъ до третьей недѣли рождественскаго поста, пока немного подросли волосы на лбу и, заручившись обѣщаніемъ Кубышкина найти охотниковъ, перебрался въ Рославльскую округу къ Судейкиной, а потомъ опять къ Савину. Въ это время самъ Судейкинъ и Савинъ уѣзжали въ городъ Орелъ для продажи въ рекруты трехъ человѣкъ; изъ нихъ одинъ былъ церковникъ изъ села Разрытаго и двое жителей Мглинской округи. Одного изъ послѣднихъ Судейкинъ продалъ за 375 рублей повѣренному ген.-аншефа Мих. Ѳед. Каменскаго, подъ именемъ бѣжавшаго крестьянина своей матери, Матвѣя Давыдова, а повѣренный сдалъ его въ рекруты за вотчину; другой выломалъ себѣ ногу. Его также представляли въ рекруты за вотчину Каменскаго, но онъ не былъ принятъ и возвращенъ съ выбритымъ затылкомъ. Третьяго, церковника, Судейкинъ пьяный за что-то побилъ и церковникъ бѣжалъ, вмѣстѣ съ поступившимъ въ рекруты подъ именемъ Давыдова.

Воротясь послѣ этой не совсѣмъ-удачной операціи домой, Судейкинъ и Савинъ отправили Лосинскаго опять къ зятю его Кубышкину, за обѣщанными охотниками. Но на этотъ разъ поѣздка Лосинскаго оказалась неудачна. Мы уже разсказали, какъ онъ и подводчикъ его, Ѳедотъ Гавриловъ, были задержаны въ городѣ Рославлѣ.

Судейкинъ и прочіе, оговоренные Лосинскимъ, не только не сознались, но,

поначалу, даже отпирались отъ знакомства съ нимъ. Самъ Ласинскій хотя и не разъ на очныхъ ставкахъ съ оговоренными утверждалъ разсказъ свой, но потомъ заявилъ, что онъ выдумалъ все на Судейкина по злости, молодости своей и незнанію законовъ, что не только не былъ забритъ въ рекруты, но даже не находился въ Орлѣ во время рекрутскаго набора.

Въ началѣ іюня 1792 года Судейкинъ и Лосинскій бѣжали изъ рославльскаго городническаго правленія, но въ слѣдующемъ-же мѣсяцѣ пойманы. Лосинскій объяснялъ, что его подговорили на побѣгъ Судейкинъ и Толпыга, оставшійся на свободѣ. Оба они говорили Лосинскому, что еще кого-нибудь подговорятъ поступить въ рекруты, сдадутъ его въ Курскѣ, потомъ уѣдутъ въ Кіевъ, изъ него за-границу, поступятъ въ польскую службу, а тамъ уже никакъ ихъ не сыщутъ.

Сильною уликою противъ Судейкина послужили свѣдѣнія изъ крѣпостныхъ книгъ. Оказалось, что Судейкинъ продавалъ въ разное время людей, доставшихся, будто-бы, по наслѣдству отъ матери, которая была жива. Въ 1790 году онъ продалъ князю Щербатову крестьянскаго сына Игната Ѳедотова; въ 1791-мъ,—того-же Ѳедотова опять князю Щербатову, дворовaго Ефима Иванова маіору Орлову и снова Игнáта Ѳедотова генералу Каменскому.

Справка съ дѣлами рекрутскаго присутствія подтвердила, что купленные отъ Судейкина люди сданы были въ рекруты новыми ихъ помѣщиками, а между тѣмъ люди, именами которыхъ пользовался Судейкинъ, оставались на лицо при его матери.

Въ Рославлѣ и по Клинской округѣ производилось дѣло о такой-же продажѣ корнетомъ Бряновымъ священническаго сына Петра Злагковскаго Этотъ Златковскій обнаружилъ, что въ 1791 году Судейкинъ подговорилъ малороссійскаго мѣщанина казака Матвѣя Придѣда и продалъ его въ Орлѣ приказчику Каменскаго за собственнаго крестьянина Ѳедотова, а потомъ, по сдачѣ Придѣда въ рекруты, вывезъ его изъ Орла и отпустилъ.

Долго тянулось дѣло за справками и неотысканіемъ нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ. Наконецъ, 8-го января 1797 года, орловская палата уголовнаго суда разсматривала его и признала Лосинскаго и Судейкина подлежащими лишенію дворянскаго достоинства, чина, который имѣлъ Судейкинъ, и ссылкѣ на поселеніе. Въ опредѣленіи своемъ палата назвала поступокъ недоросля изъ дворянъ Лосинскаго, дозволившаго подложно продать себя въ рекруты, произведеннымъ «изъ одного гнуснаго, дворянину неприличнаго, паче-же весьма законопротивнаго на злопріобрѣтеніе денегъ поползновенія».

Палата признала также, что крестьянинъ Ѳедотъ Гавриловъ зналъ о продажѣ людей Судейкинымъ и не донесъ, за что заслуживалъ-бы наказанія, но такъ онъ принадлежитъ матери Судейкина, а «по ней и ему, Судейкину, подвластный, то и вѣроятно, что онъ объ ономъ молчать принужденъ

былъ изъ безпосредственнаго къ Судейкину подобострастія, чего, въ правильномъ разсужденіи и въ уваженіи, что извѣтамъ таковыхъ людей, какъ Гавриловъ, на господъ своихъ, опрочь великихъ дѣлъ, ни въ какихъ дѣлахъ вѣрить не велѣно»—опредѣлила освободить Гаврилова отъ наказанія и отдать помѣщицѣ.

Судейкину и корнета Кубышкина палата освободила отъ суда по недостатку доказательствъ. Дворянинъ Толпыга, маіоръ Савинъ и прочіе пособники преступниковъ остались неотысканными. Палата распорядилась, чтобы, по розысканіи они отосланы были для сужденія въ уѣздный судъ.

Изъ разсказа нашего читатель легко можетъ убѣдиться, что въ исходѣ XVIII вѣка продажа вольныхъ людей за своихъ собственныхъ, для отдачи ихъ въ рекруты, была значительно развита между дворянами. Между охотниками продаваться такимъ образомъ встрѣчались даже дворяне.

Что-же было причиною, что такого рода занятіе было тогда въ обычаѣ? Неразвитость чувства чести въ средѣ мелкаго дворянства, нужда въ деньгахъ и неразборчивость въ средствахъ къ пріобрѣтенію ихъ, допущеніе у крѣпостныхъ дѣлъ совершенія актовъ на продажу безъ предварительнаго удостовѣренія о дѣйствительной принадлежности продавцу предмета продажи. При этомъ легкая возможность дать способъ къ побѣгу изъ службы забритому въ рекруты и укрыть его въ помѣстьѣ поддерживала въ продавшемся надежду на повтореніе этой операціи или, по крайней мѣрѣ, на то, что ему не придется долго остаться солдатомъ; а запрещеніе принимать въ рекруты вольнонаемныхъ оставляло охотникамъ на это только одно средство—дозволить продавать себя подъ видомъ крѣпостныхъ и давало дворянамъ хотя и незаконный, но выгодный промыселъ.

Продажа вольныхъ людей за собственныхъ случалась и гораздо ранѣе. Въ 1727-мъ году государственная военная коллегія писала въ губернскія канцеляріи [1]):

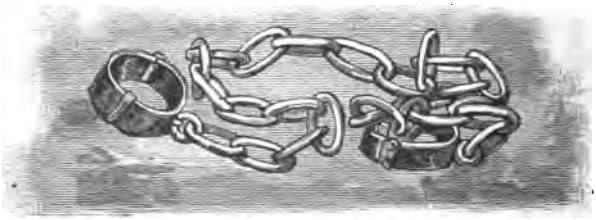
«Въ нынѣшнемъ 1727 году, февраля 21-го дня, въ военную коллегію, въ доношеніи Ярославской провинціи изъ воеводской канцеляріи написано: въ 1726 году московскаго драгунскаго шквадрона драгунъ Петръ Лехчановъ продалъ подлогомъ вмѣсто дворового своего человѣка, для отдачи въ рекруты, вотчины генерала-мазора князь Ивана Борятинскаго Ярославскаго уѣзду деревни Тарвопова крестьянину Василью Дементьеву, отпущеннаго отъ ярославскаго помѣщика Ивана Внукова дворового человѣка Никифора Чемаева, который допросомъ показалъ, что онъ въ Ярославлѣ, въ канцеляріи свидѣтельства душъ, въ 1723-мъ году, явился и сказку о себѣ подалъ, а въ подушной окладъ не положенъ, а въ 1726-мъ году нанялся у онаго Лех-

[1]) Изъ указа воронежской губернской канцеляріи 26-го іюня 1727 года воеводѣ Елецкой провинціи Кутузову.

чанова въ рекруты, назвався по наученію его, Лехчанова, дворовымъ его человѣкомъ, и для той отдачи онъ, Лехчановъ, продалъ его оному крестьянину Дементіеву, отъ котораго по той продажѣ былъ для отдачи въ рекруты и объявленъ. И оный Лехчановъ былъ сысканъ и допросомъ-же показалъ, что онъ тое подложную продажу учинилъ, и за то держанъ былъ въ ярославской воеводской канцеляріи подъ карауломъ и изъ-подъ караула бѣжалъ и въ Ярославлѣ-жъ пойманъ. По которой поимкѣ сказалъ за собою слово и дѣло и изъ Ярославля посланъ былъ для изслѣдованія въ Москву подъ карауломъ, и на дорогѣ у караульныхъ незнаемые люди отбили. И по указу блаженныя и вѣчно достойныя памяти ея императорскаго величества, военная коллегія приказали: „вышеозначенного Никифора Чемаева, которого драгунъ Лехчановъ продалъ подлогомъ генерала-маіора князя Борятинского крестьянину Василью Дементіеву, а отъ него объявленъ для отдачи въ рекруты, принять обрѣтающимся въ той провинціи офицеромъ для опредѣленія въ солдаты и отослать въ полкъ для того, показалъ онъ, Чемаевъ, допросомъ свободнымъ себя человѣкомъ, а изъ канцеляріи свидѣтельства душъ Санктпетербургской губерніи взять извѣстіе, оной Чемаевъ при свидѣтельствѣ душъ отъ кого явленъ-ли или собою явился и что о себѣ въ сказкѣ показалъ, и какое объ немъ рѣшеніе учинено, а драгуна Лехчанова, который оного Чемаева подложно продалъ, въ губерніяхъ и провинціяхъ сыскивать, и гдѣ сысканъ будетъ, оттуда выслать его въ Москву, въ военную контору за крѣпкимъ карауломъ, а изъ конторы для изслѣдованія отослать въ Преображенской приказъ, а какъ оттуда свободится, тогда въ подложной отдачѣ оного человѣка изслѣдовавъ, надлежащее рѣшеніе учинить по указу».

Здѣсь, по всей вѣроятности, вольноотпущенный Чемаевъ потому проданъ въ рекруты подъ видомъ крѣпостнаго, что онъ былъ прописной по ревизіи и не только не имѣлъ право лично наняться за другаго, но по закону самъ подлежалъ зачисленію въ рекруты. (П. С. З. Т. VII, 4145, п. 10, 4318, п. 3, 4335).

А. Пупаревъ.



КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Аммонъ, Ф. д-ръ. Гигіена беременности. Обязанности матери. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Спб. Ц. 1 р.

Ананьевъ, д-ръ. Абастуманъ и его цѣлебное значеніе. Тифл., 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

Афанасьевъ, М., д-ръ мед. По поводу азіатской холеры, ея предупрежденія и леченія. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: Беранже.—М. М. Сперанскій. Съ портретами. Спб., 1891 г. Ц. кажд. кн. 25 к.

Бородинъ, Н. Весна. Русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Булатовъ, П. Н. Какъ уберечься отъ холеры? Спб., 1892 г. Ц. 10 к.

Бурковскій, С. Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина. Новгородъ, 1892 г. Ц. 80 к.

Бюхнеръ, Людвигъ, проф. Искусство долго жить (макробіотика). По современ. научнымъ даннымъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Василевскій, полк. Руководство для штабъ-офицеровъ и капитановъ, подвергающихся испытанію при зачисленіи въ кандидаты на должности уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ. 3-е изд. Спб., 1892 г. Ц. 5 р.

Веберъ, К. Мукомольное дѣло. 2-е перераб. и значительно дополн. изданіе. Спб., 1892 г. Ц. съ атласомъ 10 р.

Виларе, А., д-ръ. Энциклопедическій медицинскій словарь. Переводъ подъ редакціею проф. И. Р. Тарханова. Вып. 4-й. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

* **Владиміровъ**, П. В. Первыя русскія писательницы XVIII вѣка и участіе русской женщины въ развитіи народной словесности и древне-русской письменности. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

„Въ добрый путь". Заграничный справочный календарь на 1892—93 гг. Изданіе «Русскаго Братства» въ Берлинѣ. Берлинъ, 1892 г. Ц. 2 р.

Галанинъ, М. И., д-ръ. О холерѣ. Общедоступное разъясненіе мѣръ противъ нея, личныхъ и общественныхъ. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.

Гинтервальднеръ, І. М. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Перев. подъ редакц. и съ приложеніемъ статьи профес. Э. Ю. Петри «Антропологическія коллекціи и наблюденія». Съ рисунками. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

* **Гоголь**, Н. В., и его новый біографъ. (По поводу книги г. Шенрока. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. І. Москва, 1892). Ѳ. А. Витберга. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

Гольмстенъ, д-ръ. Съ предисл. професс. П. **Здекауэра**. Холера. Предохранительныя

---

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины".

мѣры въ домахъ и семьяхъ. Изд. 2-е. 1892. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Григорьевъ, Н. И. Мѣры для борьбы съ холерою. Спб., 1892 г. Ц. 20 к.

Didon, R. P. Іисусъ Христосъ. Т. II. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

* **Древнее русское знаменное пѣніе и о разумномъ его исполненіи.** Составилъ Ново-Аѳонскаго Симона-Кананитскаго монастыря монахъ Иннокентій, Спб., 1890 г. Ц. 25 к.

Жуковскій, Б., д-ръ. Предупрежденіе и леченіе холеры у дѣтей. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

* **Жукъ**, В. Н. Что такое холера и какъ отъ нея уберечься. Популярный очеркъ съ 6-ю рис. холерныхъ бациллъ. Ц. 15 к.

Золя, Э. Погромъ (La Debâcle). Романъ. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Кирпотенко, А. П. Пришла весна,—пришла красна! (Иллюстр. естественно-научная библіотека. II). Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

* **Лиліенфельдъ**, В. К. Пояснительная записка по поводу дѣятельности и намѣченныхъ цѣлей Высочайше утвержденнаго товарищества для производства и примѣненія огнеупорнаго состава Ѳ. Г. Бабаева. Спб., 1892 г.

Липскій, А. А. Голодъ и вызываемыя имъ болѣзни. Спб., 1892 г. Ц. 35 к.

Maragliano, prof. Азіатская холера. 2-е русск. издан. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

* **Маріуполь и его окрестности.** Изданіе почетнаго попечителя Д. Ал. Хараджаева. Маріупополь, 1892 г.

Михневичъ, Н. П. Военно-историческіе примѣры. Издан. 3-е, исправл. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мордовцевъ, Д. Л. Между Сциллой и Харибдой. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

* **Настольная книга для народа.** Подъ редакціею И. П. Хрущова; въ четырехъ отдѣлахъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **Памятники древней письменности.** LXXXIV. Слово о погибели русскія земли. Вновь найденный памятникъ литературы XIII вѣка. Сообщеніе Хрисанѳа Лопарева. Спб., 1892 г., Ц. 50 к.

Панченко, В. К., д-ръ. Что дѣлать при холерѣ. Спб., 1892 г. Ц. 15 к.

Перль, Л. Реформа пассажирскихъ тарифовъ. Изслѣдованіе. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Пирлингъ, Павелъ. Россія и Востокъ. (Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софія Палеологъ). Спб., 1892. Ц. 1 р. 50 к.

Покровскій, Е. А. Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75.

Прессъ, А. А. Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Вып. 2-й. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

* **Путешествіе** академика Гильденштедта по Слободско-Украинской губерніи. Переводъ и предисловіе М. Н. Салтыковой, прим. Д. И. Багалѣя. Харьковъ, 1892 г.

* **Родословная** дворянъ Савеловыхъ (потомство Андроса). Л. М. С. Москва, 1892. Ц. 75 к.

* **Розенблюмъ**, В. Н. Въ борьбѣ съ холерою. Воспоминанія и совѣты, основанные на 46-ти лѣтнемъ личномъ опытѣ врача, практикующаго въ С.-Петербургѣ. Спб., 1884 г. Ц. 40 к.

* **Смоленскій**, П. О., д-ръ. Простѣйшіе и общедоступные способы изслѣдованія и оцѣнка доброкачественности съѣстныхъ припасовъ, воздуха, воды, жилищъ и проч. Съ 60 рис. въ текстѣ. Второе доп. изд. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Спутникъ охотника. Иллюстр. справочная книга-календарь для охотниковъ. М., 1892. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

«**Стоглавъ**». Иллюстрированный календарь на 1893 годъ. Спб. Ц. 35 к.

По желанію гг. заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетѣ. Цѣна переплетовъ: шагреневый съ коленкоромъ—80 коп., сафьяннокорешковый—50 коп.

☞ Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ «Русской Старины» безъ малѣйшаго замедленія.

Земля и люди. Всеобщая географія. Элизе Реклю. Т. VI. С.-Петербургъ. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. 1892. (Второе изданіе).

Превосходно составленный и изданный VI томъ труда г. Элизе Реклю долженъ имѣть для насъ особое значеніе, такъ какъ содержитъ въ себѣ описаніе Азіатской Россіи и средне-азіатскихъ ханствъ. Вся книга (700 страницъ) раздѣлена на слѣдующіе четыре отдѣла: 1) общая характеристика Азіи, 2) Кавказскій край, 3) Аралo-Каспійская впадина. Русскій Туркестанъ, независимая Туркменія, Хива, Бухара, страна по верхнему Оксусу, 4) Сибирь. Изданіе украшено 62 рис., по нашему мнѣнію своему не оставляющими желать ничего лучшаго; къ нему приложены три карты.

Обзоръ Закаспійской области за 1890 г. С.-Петербургъ. 1892.

Небольшая брошюра эта, представляющая лишь сборникъ оффиціальныхъ документовъ, и потому довольно сухая, наводитъ, тѣмъ не менѣе, на отрадныя размышленія. Всего двѣнадцать лѣтъ тому назадъ обширная страна къ востоку отъ Каспія представляла лишь дикую пустыню, служившую ареной для разбоевъ, грабежей и безчестныхъ проявленій полу-варварской жизни. Свирѣпый и отважный кочевникъ-туркменъ господствовалъ въ ней безконтрольно. Теперь та-же страна пересѣчена рельсовымъ путемъ, соединившимъ средне-азіатскіе оазисы съ моремъ, оживившимъ торговлю и промышленность. Сѣмена гражданственности и европейской культуры начинаютъ уже давать ростки, и нѣтъ сомнѣнія, что черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ край этотъ совершенно измѣнитъ свою первобытную физіономію.

И. С. Листовскій. Историческіе итоги. С.-Петербургъ. 1892.

Книга эта представляетъ собою квинтъ-эссенцію славянофильскаго міровоззрѣнія и какъ-бы обвинительный актъ противъ германской расы. Собственно говоря, это—компиляція, составленная изъ всѣхъ сочиненій, написанныхъ въ подобномъ-же духѣ. Особенно рѣзко очерчены отношенія къ намъ Пруссіи и ея стремленіе, подъ маскою дружбы къ Россіи, постоянно эксплуатировать послѣднюю и вредить ей.

При той тенденціозности, съ которою составлена книга г. Листовскаго, нельзя удивляться, что многіе изъ его „историческихъ итоговъ" страдаютъ пятнистостью, односторонностью и крайнимъ пристрастіемъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ книгу эту занесены и такіе, неподлежащіе сомнѣнію, факты, изъ отношеній къ намъ Германіи (особенно Пруссіи), которыхъ упускать изъ виду никакъ не слѣдуетъ и съ которыми нельзя не считаться. Въ этомъ смыслѣ трудъ г. Листовскаго не лишенъ поучительности.

Дорожныя замѣтки на пути по Монголіи въ 1847 и 1859 гг. Архимандрита Палладія. С.-Петербургъ. 1892.

Въ 1847 г. о. Палладій проѣхалъ черезъ Монголію по такъ называемому почтовому тракту, по новой и до тѣхъ поръ русскимъ и другимъ европейцамъ совершенно неизвѣстной дорогѣ. Второй дневникъ о. Палладія составленъ имъ былъ въ 1859 г., когда онъ во второй разъ возвращался изъ Пекина въ Россію. Дневникъ этотъ, представляющій собственно отрывочныя замѣтки, тѣмъ не менѣе имѣетъ большой научный интересъ. Особенно любопытны замѣчанія ученаго автора о развалинахъ древнихъ городовъ въ Монголіи и объ его поѣздкѣ на р. Керулену. Введеніе къ дневнику написано докторомъ Бретшнейдеромъ, а замѣчанія на дневникъ 1847 г.—профессоромъ А. М. Позднѣевымъ.

По Египту и Палестинѣ. Путевыя замѣтки Е. Э. Картавцова. С.-Петербургъ. 1892.

О Египтѣ и Палестинѣ на всевозможныхъ языкахъ столько уже было написано разныхъ научныхъ сочиненій: географическихъ, историческихъ, этнографическихъ и т. п., что сообщить какія-либо новыя свѣдѣнія объ этихъ странахъ было-бы довольно трудно. Впрочемъ, авторъ никакими научными цѣлями, при составленіи своей книги, и не задавался. По собственному его заявленію, онъ желалъ лишь подѣлиться съ читателемъ впечатлѣніями туриста, впервые посѣтившаго эти классическія страны, во многихъ отношеніяхъ столь близкія сердцу каждаго изъ насъ. Тѣ, которымъ мало приходилось читать о земляхъ фараоновъ и о современномъ положеніи обще-христіанскихъ святынь въ Палестинѣ, не безъ удовольствія ознакомятся съ ними въ живомъ и довольно обстоятельномъ повѣствованіи г. Картавцова.

И. О.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ПИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.— II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., *(10 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., *(51 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ *(31 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ *(28 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд. *(53 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ *(27 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе *(50 экз.)*, съ портр., 9 руб.
„Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ *(45 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ *(59 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1891 г., 12 книгъ *(45 экз.)*, съ портретами, 9 руб.

Издательница **Е. М. Семенская.** Времен. редакторъ **А. С. Лапшинскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать третій. СЕНТЯБРЬ. 1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Воспоминанія о польскомъ возстаніи и войнѣ 1830—1831 гг.** А. Л. Зедлица 503

II. **Императорскій московскій университетъ въ воспоминаніяхъ** Михаила Прохоровича Третьякова, 1799—1830 гг. Главы VI—VII. 533

III. **Путевые очерки и воспоминанія.** Поѣздка по Франціи и Италіи. (Окончаніе). Рукописъ изъ собранія С. Д. Полторацкаго . . 554

IV. **Александръ Петровичъ Хрущовъ,** 1806—1875 гг. Выдержки изъ его писемъ 1853—1859 гг. . . 593

V. **Доброе старое время.** Гл. III—V. (Окончаніе). Сообщ. И. С. . . 615

VI. **Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 гг.** В. М. Вонлярлярскаго. (Окончаніе). 631

VII. **Изъ замѣтокъ объ Южной Болгаріи** за время оккупаціи ея русскими войсками въ 1878—1879 гг. и о послѣдующихъ событіяхъ въ княжествѣ Болгарскомъ. Сообщ. П. С. Ивановъ. 685

VIII. **Яковъ Васильевичъ Толмачевъ,** ординарный профессоръ спб. университета, 1779—1873 гг. Автобіографическая записка . . . 690

IX. **Воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ.** Глава I. Сообщ. С. Н. Кулябка 725

X. **Путевыя записки мореходца И. М. Соловьева,** 1770—1775 гг. Поѣздка изъ исторіи русск. открытій въ Восточномъ океанѣ. Гл. I—II. Сообщ. П. П. Огородниковъ. . . . 745

XI. **Холера въ С.-Петербургѣ въ 1830 г.:** 1) Рапсодическія очерки и безпорядкахъ въ городѣ. — 2) Письмо Д. П. Свѣчина . . 738

XII. **Матеріалы и замѣтки:** На кончину Екатерины II (763). — П. С. Тургеневъ, письмо его къ И. А. Гончарову, 1854 г. (532). — А. Д. Кирѣевъ (767). — Н. М. Пржевальскій и В. И. Роборовскій (768). — Поправки (706).

XIII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портреты **Н. М. Пржевальскаго** и **В. И. Роборовскаго.** Гравированы художникомъ И. П. Матюшинымъ.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1892 г.

Можно получить «Русскую Старину» изд. 1891 г. (Осталось 43 экз.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1892.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1892 г.

Значеніе германо-французской войны 1870—71 гг. въ исторіи военнаго искусства. Критико-историческое изслѣдованіе. Часть I. Стратегія. Составилъ генеральнаго штаба полковникъ Н. Михневичъ. С.-Петербургъ, 1892 г. Ц. 3 руб.

Въ введеніи къ своему труду, авторъ, напомнивъ о томъ, что задача военнаго искусства состоитъ въ проведеніи непреложныхъ законовъ войны въ жизнь, т. е. въ практическомъ приложеніи ихъ, при данныхъ условіяхъ обстановки, указываетъ на необходимость возможно подробнѣе изучать современныя войны, конечно, серьезно оглядываясь и на предыдущія эпохи. Изъ послѣднихъ войнъ, говоритъ г. Михневичъ, наибольшее значеніе и пользу въ этомъ отношеніи имѣетъ германо-французская война 1870—71 гг. Она представляетъ собою особенно благопріятное для наблюдателя явленіе: въ ней столкнулись два равносильныхъ и равнокультурныхъ народа; многіе думали, что побѣда останется на сторонѣ Франціи и, вдругъ, совершенно неожиданно, ей въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нанесенъ былъ совершенный и страшный разгромъ. Причину побѣдъ нѣмцевъ авторъ опредѣляетъ превосходствомъ ихъ военной системы. При равныхъ, повидимому, культурныхъ условіяхъ, серьезный политическій строй Германіи вызвалъ къ жизни больше силъ какъ физическихъ, въ числѣ солдатъ, такъ и интеллигентныхъ, въ лицѣ командующаго элемента, чѣмъ и нанесъ страшное пораженіе противнику.

Настоящій трудъ (такъ говоритъ авторъ въ заключеніи своего введенія) не преслѣдуетъ послѣдовательнаго описанія событій войны 1870—71 гг.; онъ преслѣдуетъ другую цѣль: въ немъ будетъ представлено, по возможности, систематическое изслѣдованіе вопросовъ стратегіи и тактики, на основаніи опыта этой войны. При изслѣдованіи каждаго вопроса предпослана принципіальная его часть, а потомъ, на примѣрахъ изъ этой войны, выяснены способы примѣненія этихъ принциповъ, при современныхъ условіяхъ; чтобы корректировать выводы, приводятся примѣры рѣшеній тѣхъ-же вопросовъ въ другихъ войнахъ. Задавшись этою цѣлью, естественно придти къ раздѣленію труда на двѣ главныя части: стратегія и тактика. Въ порядкѣ послѣдованія этихъ вопросовъ имѣется въ виду, по возможности, выдержать программу этихъ отдѣловъ военной науки, принятую въ нашей арміи. Изученіе войны 1870—71 гг. по принятому предположенію должно выяснить, въ концѣ концовъ, значеніе ея въ исторіи военнаго искусства.

Заключивъ этими словами введеніе къ своему труду, авторъ, въ общихъ, но рельефныхъ чертахъ опредѣляетъ условія успѣха на войнѣ, предпославъ имъ тезисы Наполеона, Строганна и Клаузевица, и затѣмъ уже переходитъ къ разсмотрѣнію войны 1870—71 гг. въ стратегическомъ отношеніи, которое и составляетъ I-ю часть вышеназваннаго сочиненія.

По богатству содержанія, книга г. Михневича представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу военную литературу. Рекомендовать ее можно не только читающему обществу, вообще, но и преподавателямъ военныхъ наукъ. Надо къ этому прибавить, что она, какъ книга подобныхъ книгъ, далеко не страдаетъ сухостью изложенія, а, напротивъ, написана языкомъ живымъ и увлекательнымъ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга шестая. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Подобно пяти предшествовавшимъ, и шестая часть замѣчательнаго труда г. Барсукова отличается рѣдкою полнотою и занимательностью. Въ ней описаны жизнь и труды Погодина въ 1841—1842 годахъ, въ эпоху возникновенія его журнала „Москвитянинъ", просуществовавшаго недолго, но, на первыхъ порахъ, возбудившаго благосклонное вниманіе нашихъ оффиціальныхъ сферъ. Авторъ проводитъ читателя черезъ цѣлую галлерею современниковъ, пользовавшихся извѣстностью въ тогдашнемъ ученомъ и литературномъ мірѣ Россіи и состоявшихъ къ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ Погодину. Жизнь и понятія извѣстной части московскаго научно-литературнаго кружка сороковыхъ годовъ воспроизводятъ передъ нами на живыхъ образахъ и выдаются характеристическими чертами какъ къ дневникѣ Погодина, такъ и въ перепискѣ его съ разными лицами. Весьма интересно также описаніе

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» ИЗД. 1892 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1 ФЕВРАЛЯ 1892 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ А. Л. ЗЕЛАНДА

о польскомъ возстаніи и войнѣ

1830—1831 гг.

Прочитывая иногда съ большимъ интересомъ журналъ „Русская Старина“, мнѣ пришла охота привести въ порядокъ хранившіяся у меня замѣтки о приключеніяхъ со мною и впечатлѣніяхъ со дня возмущенія въ Варшавѣ въ 1830 г. до выѣзда моего изъ Польши въ 1833 г. Не до того мнѣ было въ то время, чтобы вести записки; я дѣлалъ замѣтки, выписки, и списывалъ, если попадется что замѣчательное.

По преклонности лѣтъ и разстроенному слишкомъ 46-тилѣтнею службою здоровью, я вынужденъ оставить нынѣ службу, и вотъ время дозволяетъ мнѣ заняться описаніемъ внечатлѣній давно минувшихъ лѣтъ, въ надеждѣ, что безыскусственный разсказъ мой, при незначительномъ, можетъ быть, историческомъ интересѣ его, все-таки можетъ заинтересовать читателей. Я сошелъ со сцены, живу преимущественно прошлымъ, и занятіе это доставитъ мнѣ самому пріятныя воспоминанія объ очаровательныхъ дняхъ беззаботной молодости, о разгульной походной жизни, о дружескихъ бесѣдахъ у пылающихъ костровъ и объ опасностяхъ, которыхъ мы тогда не замѣчали, увлекаясь мечтами о геройскихъ подвигахъ и предстоявшихъ наградахъ.

Возмущеніе 1830 и война 1831 годовъ такъ обстоятельно описаны въ переведенномъ впослѣдствіи на русскій языкъ сочиненіи Смита, что нѣтъ надобности въ подробномъ изложеніи хода событій. Такой трудъ мнѣ не по силамъ; я-бы желалъ передать только то, что́ самъ пережилъ въ то время или слышалъ отъ другихъ. Смитъ грѣшитъ въ одномъ: онъ, какъ землякъ графа Дибича, отстаиваетъ его сколько есть силъ, и не знаю почему сильно довѣряетъ реляціямъ, а кому неизвѣстно, что онѣ сочиняются и, по большей части, далеко уклоняются отъ истины. Читалъ я первыя двѣ части Смита въ 1840-хъ годахъ; а напечатаны онѣ въ Берлинѣ въ 1839 году. Помнится мнѣ, я не нашелъ одного обстоятельства въ сочиненіи этомъ, которое, по своему значенію, безъ сомнѣнія, повліяло на успѣхъ возстанія. Вотъ въ чемъ дѣло: изъ Литовскаго корпуса и изъ Гренадерскаго отряда, расположенныхъ по границѣ Царства Польскаго, православные переведены были, въ началѣ 1820-хъ годовъ, въ наши войска внутри имперіи, а изъ нихъ уроженцы Польши границъ 1772 года поступили въ составъ Литовскаго и части резервнаго корпусовъ. Вслѣдствіе такого административнаго распоряженія, эти войска, за исключеніемъ артиллеріи, красовавшіяся, какъ и польскія войска, желтыми воротниками и отворотами, составляли какъ-бы часть польской арміи. Русской рѣчи между офицерами не было слышно,—все ихъ знаніе русскаго языка ограничивалось изученіемъ командныхъ словъ. Въ артиллеріи этого перемѣщенія не было, и хорошо сдѣлали. У насъ были поляки и между офицерами, но они составляли между собою особые кружки и говорили по-польски, а съ нами вообще, въ квартирѣ-же командира роты въ особенности—всѣ говорили по-русски. До 1829 г. въ нашихъ ротахъ гренадерской бригады было почти три комплекта офицеровъ, составлявшихъ партіи: польскую и не польскую, пребывавшія не всегда въ добромъ согласіи. Иногда ссоры выходили изъ пустяковъ. Помнится мнѣ, какъ кто-то, полушутя, разъ замѣтилъ, что у поляковъ нѣтъ чести — и страшный споръ чуть не кончился дракою; а произошелъ онъ вотъ изъ чего: на польскомъ языкѣ есть честность (почцивосць), но слово „честь“ замѣняется латинскимъ „honor“, слѣдовательно оно позаимствовано.

Литовскій корпусъ имѣлъ одну уланскую, двѣ пѣхотныя дивизіи и батальонъ саперъ. Въ каждой пѣхотной дивизіи было

4 полка пѣхотныхъ и два егерскихъ съ комплектными батальонами, не такъ какъ въ настоящее время. Въ Бѣлостокской области были расположены два гренадерскихъ и одинъ карабинерный полки, входившіе въ составъ резервнаго корпуса съ гвардіею варшавскаго. Понятно, такія силы, при обстоятельствахъ выше изложенныхъ, представляли значительный шансъ заговорщикамъ. Конечно, поляки—не охотники здраво обсуждать шансы: они бросаются въ объятія революціи хронически. Наполеонъ I долго водилъ ихъ за носъ обѣщаніями золотыхъ горъ, но, наконецъ, въ 1813 году, когда самому пришлось плохо, онъ объявилъ присланной изъ Варшавы депутаціи слѣдующую непреложную истину: „votre nation porte sa ruine dans son caractère".

I.

Возмущеніе въ Варшавѣ

Я служилъ съ роднымъ братомъ, Иваномъ Львовичемъ, Литовской гренадерской бригады въ 1-й батарейной ротѣ, квартировавшей Бѣлостокской области въ г. Соколкѣ. Незабвенный братъ и другъ мой скончался въ началѣ 1850 г., въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба.

Осенью 1830 г. я былъ командированъ, вмѣстѣ съ подпоручикомъ Драчевскимъ, отъ 2-й легкой роты, въ школу юнкеровъ артиллеріи и саперъ, собираемой на зиму въ Варшавѣ, куда и прибыли мы въ началѣ октября. Школою командовалъ полковникъ польскихъ войскъ, и изъ числа 7-ми оберъ-офицеровъ, для очереднаго дежурства, насъ только трое было русскихъ. Сильно стали поговаривать о существующемъ заговорѣ и ожидаемомъ возмущеніи; нерѣдко подбрасывались угрозы и пасквили къ Бельведеру, въ которомъ жилъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, наконецъ прибили объявленіе объ отдачѣ его съ новаго года въ наймы. Польскіе офицеры косо на насъ поглядывали, не давали дороги при встрѣчѣ на узкихъ городскихъ тротуарахъ и мы нешутя стали совѣщаться о средствахъ защиты, если-бы возстаніе, какъ полагать надо было, вспыхнуло-бы ночью. Занимали мы съ Драчевскимъ квартиру на Фрета улицѣ, въ 4-мъ этажѣ обывательскаго дома; подниматься

приходилось по узенькой лѣстницѣ. Наверху въ сѣняхъ, около перилъ лѣстницы, хранились аккуратно въ равныя полѣнья напиленныя дрова. Въ такомъ видѣ дрова заготовлялись и отпускались въ Варшавѣ всѣмъ чинамъ, получавшимъ квартирныя деньги или квартиры въ натурѣ. Порѣшили мы, если на насъ нападутъ, забрасывать непріятеля дровами, а потомъ пустить въ дѣло бывшее у насъ оружіе, а именно: охотничье ружье, два пистолета и полусабли, уже отпущенныя. Литовскій корпусъ сталъ готовиться въ походъ, какъ говорили, въ Бельгію. Артиллерія затруднялась въ закупкѣ лошадей по военному положенію, почему нашъ ротный командиръ, полковникъ баронъ Ренне, раскомандировалъ офицеровъ въ разныя стороны для закупки лошадей, и въ томъ числѣ моего брата въ Варшаву. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что войска въ Варшавѣ не нуждались въ лошадяхъ, такъ какъ они постоянно оставались на военномъ положеніи. Братъ мой прибылъ въ Варшаву за двѣ недѣли до возстанія, остановился, конечно, у насъ и, купивъ своихъ 20 лошадей, 16-го ноября получилъ приказаніе представить ихъ на смотръ начальнику артиллеріи, генералъ-маіору Герштенцвейгу, 18-го числа, для чего дали ему 4-хъ человѣкъ польской конной артиллеріи, чтобы лошадей подстричь и вычистить.

Въ воскресенье, 15-го ноября, былъ отказанъ церковный парадъ, а потомъ и разводъ. Это тѣмъ болѣе всѣхъ удивило, что погода была хорошая и даже подмерзло. Говорили, что его высочество получилъ извѣстіе отъ государя императора о предстоявшемъ возстаніи и что по этому предмету происходило совѣщаніе. Предлагали снять съ оружія въ арсеналѣ штыки и курки, и если не потопить въ Вислѣ, то, по крайней мѣрѣ, отвезти куда-нибудь; но цесаревичъ, къ несчастію, не захотѣлъ принять подобной мѣры: онъ не могъ предположить, чтобы возстаніе могло принять грозные размѣры, когда, по его убѣжденію, въ числѣ начальства войскъ не было соучастниковъ въ заговорѣ. Къ счастію моему, я отдежурилъ въ понедѣльникъ 16-го ноября, а во вторникъ, т. е. въ день возстанія, дежурилъ въ школѣ польскій саперъ. Меня, Драчевскаго и брата моего пригласили въ этотъ день на вечеръ къ одному офицеру Волынскаго полка, состоявшему при отдѣленіи кантонистовъ въ Александрійскихъ казармахъ, гдѣ нынѣ цитадель. Братъ отказался, потому что

предположилъ въ этотъ вечеръ приготовиться въ дорогу, дабы на другой день тотчасъ послѣ смотра выступить съ лошадьми. Мы-же съ Драчевскимъ, принявъ приглашеніе, часовъ въ семь вечера усѣлись съ прочими гостями козырять. Насъ тутъ было человѣкъ 12, но играло 8 человѣкъ, за двумя столами, въ вистъ. Денегъ взялъ я съ собою всего 4 рубля серебряныхъ, для того, чтобы отмѣчать партіи, какъ въ старину дѣлалось.

Въ 9-мъ часу входитъ квартировавшій съ нашимъ хозяиномъ офицеръ Волынскаго-же полка и, найдя насъ спокойно игравшими, громко сказалъ: „господа, посмотрите что́ въ городѣ дѣлается! Я едва ушелъ изъ театра. Спасибо Хлопицкому: онъ своею благородною рѣшительностію положительно спасъ отъ плѣна всѣхъ русскихъ, бывшихъ въ театрѣ. Началось съ того, что изъ боковаго входа вошелъ въ театръ отставной 8-го линейнаго полка подпоручикъ Добровольскій въ мундирѣ конно-артиллерійскомъ, съ саблею наголо, и заревѣлъ, конечно, по-польски: „поляки, къ оружію, русскіе насъ рѣжутъ!“ Всѣ встали со своихъ мѣстъ, въ томъ числѣ и ротмистръ Безобразовъ, адъютантъ цесаревича; сидѣлъ онъ въ крайнемъ креслѣ около того мѣста, гдѣ вошелъ Добровольскій; поднявшись, онъ вскинулъ на плечи шинель и направился къ выходу, но Добровольскій его дерзко остановилъ, а Безобразовъ толкнулъ его такъ сильно въ плечо, что тотъ отшатнулся и очистилъ дорогу къ выходу; насъ не выпускали; мы бросились на сцену, но и тутъ были солдаты 4-го линейнаго полка, которыхъ Хлопицкій насилу урезонилъ“. Разсказъ этотъ насъ немало озадачилъ, а партнеръ мой, 30-тилѣтній юнкеръ польскаго гренадерскаго полка (родня какого-то писателя, человѣкъ очень образованный), спросилъ по-польски—можетъ-ли онъ дать честное слово, что все это такъ? Офицеръ отвѣтилъ ему по-русски: „поди и полюбуйся,—въ улицахъ бѣготня, давка и стрѣльба для возбужденія пьяной сволочи; арсеналъ освѣщенъ пожаромъ сосѣдняго строенія, а здѣсь на дворѣ полки вышли въ строй и заряжаютъ ружья“. Тутъ всѣ поднялись, чтобы убраться какъ Богъ поможетъ, а товарищъ мой по выпуску изъ корпуса Литовскаго полка, Андрей Одинцевъ—всегда веселый и беззаботный, не шутя предложилъ кончить роберъ, но братъ его, Алексѣй (впослѣдствіи губернаторъ въ Нижнемъ Новгородѣ), и всѣ прочіе взялись за шляпы, отыскали свои шинели и поспѣшили

убраться. На дворѣ мы дѣйствительно увидѣли, что Литовскій и польскій Гренадерскій полки въ строю заряжаютъ ружья. Въ городѣ была страшная кутерьма, пробраться домой не было надежды и не для чего было рисковать попасть въ лапы пьяной толпы, которая не прочь щегольнуть дешевою храбростію. Мы съ Драчевскимъ примкнули къ Литовскому полку, который, вѣроятно по предварительному распоряженію, вмѣстѣ съ Гренадерскимъ пошелъ на Марсовое поле. Командиръ полка, генералъ-маіоръ Энгельманъ, взятъ въ плѣнъ на пути къ полку; команду принялъ старшій полковникъ Грабе. На Марсовомъ полѣ мы не останавливались, но пошли дальше по направленію къ арсеналу, съ тѣмъ, чтобы его отстоять, но встрѣтился намъ командиръ этой бригады, польскій генералъ Жемирскій, крича по-польски: „куда идете? Князь приказалъ стоять и ждать приказаній". Грабе, чтобы исполнить приказаніе своего начальника, повернулъ полкъ; намъ-же казалось, что онъ могъ его, какъ полякъ, ослушаться, и, вѣроятно, мы-бы отстояли арсеналъ, въ которомъ хранилось 30,000 разнаго оружія; нельзя-же было не принять въ соображеніе, что распоряженіе, Жемирскимъ переданное, сдѣлано заблаговременно, когда нельзя было предвидѣть обстоятельствъ, открывшихся въ моментъ самаго возстанія.

Полки поставлены въ баталіонныя колонны, фронтомъ по направленію къ казармамъ Волынскаго полка, слѣдовательно Гренадерскій, какъ второй полкъ въ бригадѣ, сталъ на лѣвомъ флангѣ, т. е. къ сторонѣ городской. Жемирскій, не слѣзая съ коня, отъ него не отходилъ, уговаривая быть вѣрными и ожидать спокойно приказаній цесаревича.

Морозную ночь провелъ я на землѣ, завернувшись въ шинель, вѣтромъ подбитую; а голову, за неимѣніемъ фуражки, завернулъ въ капишонъ. Я сильно продрогъ и не могъ заснуть. Провизіи у насъ никакой не было; воды нельзя было добыть, а меня томила жажда. Литовскій полкъ посылалъ въ городъ патрули съ заряженными ружьями, но стрѣлять было запрещено (вѣроятно Жемирскимъ). Патрули приводили плѣнныхъ, но возвращались съ ранеными и потеряли убитымъ юнкера князя Оболенскаго. Этихъ плѣнныхъ направляли въ волынскія казармы, гдѣ ихъ до другаго вечера накопилось до 600 человѣкъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ полякъ гнуснаго вида, долго стрѣлявшій въ насъ

изъ окна угловаго дома, и когда его, наконецъ, отыскали и къ намъ привели, онъ упалъ на колѣна и клялся всѣми святыми, что стрѣлялъ не онъ.

При нашей школѣ были для учебныхъ занятій четыре шестифунтовыя пушки съ зарядными ящиками. По предварительному распоряженію, для этихъ орудій назначены были лошади и прислуга изъ артиллеристовъ 24-й и 25-й бригадъ, присланныхъ въ учебныя команды; ящики были укомплектованы зарядами. Орудія эти тотчасъ прибыли къ волынскимъ казармамъ, а по прибытіи Литовскаго полка намъ съ Драчевскимъ дали одно изъ этихъ орудій, которое мы зарядили ядромъ и навели вдоль улицы по направленію къ арсеналу, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности послать ядро—другое, и уже послѣ зарядить картечью.

Въ числѣ офицеровъ Литовскаго полка, съ которыми я здѣсь познакомился, были полковники: Бибиковъ и Пущинъ,—впослѣдствіи первый былъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса, а послѣдній командовалъ Дворянскимъ полкомъ.

Около полуночи Гренадерскій полкъ, за исключеніемъ гренадерскаго взвода перваго баталіона, передъ которымъ стоялъ въ это время Жемирскій, съ крикомъ ура бросился въ городъ, чтобы пристать къ мятежникамъ. Неистовства въ Варшавѣ возрастали; бездомная сволочь рыскала вооруженная по городу; молодежь бѣсновалась, рубила и стрѣляла наобумъ, но коноводы не дремали и работали по задуманному плану. Въ первую-же ночь умерщвлено семь польскихъ генераловъ, не успѣвшихъ принять начальство и участіе въ мятежѣ; въ числѣ сихъ жертвъ преданности дѣлу порядка были всѣми любимые генералъ-отъ-артиллеріи Гауке и генералъ-отъ-инфантеріи Потоцкій.

На слѣдующій день все-таки не чѣмъ было утолить голодъ и я чувствовалъ себя весьма не хорошо; чтобы утолить хотя жажду, я подъ вечеръ рѣшился примкнуть къ первой партіи плѣнныхъ и съ нею пробраться къ казармамъ. Съ жадностію принялся я пить воду безъ отдыха, такъ что караульный офицеръ вынужденъ былъ отнять у меня ковшъ, потомъ уложилъ на скамейку и прикрылъ солдатскими шинелями. Не знаю долго-ли пролежалъ я, но то вѣрно, что не могъ ни согрѣться, ни заснуть, какъ подошелъ ко мнѣ тотъ-же офицеръ со словами: «вставайте, мы ретируемся, ваши уже ушли». Вскочить и пуститься бѣгомъ

догонять Литовскій полкъ было дѣломъ минуты, и это усиленное движеніе меня нѣсколько согрѣло. Сдѣлали мы обходъ и соединились на Мокотовскомъ полѣ съ кавалеріею. Силы меня совершенно оставили: не разбирая мѣста, бросился я на землю и пролежалъ ночь, дрожа отъ холода въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Далеко до разсвѣта подошелъ ко мнѣ солдатикъ и говоритъ: „ваше благородіе, не угодно-ли похлебать горячаго?“ и съ тѣмъ вмѣстѣ подалъ манерочную крышку съ проткнутою чрезъ ушки палочкою. Я подвинулся къ солдатскому кружку, почерпнулъ изъ котла этого горячаго и, поднесши импровизированную ложку къ губамъ, сильно ожегся. Съ трудомъ пропустилъ я нѣсколько глотковъ этого снадобья, чтобы только не обидѣть добрыхъ солдатъ. Похлебка была болѣе чѣмъ отвратительна, да иначе и быть не могла: они сварили въ котлѣ кусокъ баранины изъ добытой на фуражировкѣ и вмѣсто соли положили въ котелъ пороху. Поблагодаривъ за угощеніе, пошелъ отыскивать учебныя орудія, которыя, какъ оказалось, примкнули къ 5-ой батарейной ротѣ, прибывшей не знаю въ какое именно время изъ Гуры-Кальваріи. Меня тотчасъ отправили на фуражировку, напоивши сперва чаемъ; команда моя рыскала долго по предмѣстью, съѣстнаго добыто мало, но зато дровъ и соломы захватили сколько могли. Прогулка эта меня нѣсколько обогрѣла, но потомъ я опять сталъ зябнуть, и могла-ли легкая шинель грѣть уже простуженнаго и въ такое время года? Товарищи сожалѣли обо мнѣ, но помочь не могли; около полудня казначей Литовскаго полка, поручикъ Малиновскій, прислалъ мнѣ мундиръ унтеръ-офицера его полка, котораго, какъ мнѣ сказали, цесаревичъ приказалъ разстрѣлять за какую-то покражу въ оставленномъ Бельведерѣ. Обрадованный подаркомъ, я надѣлъ мундиръ сверхъ сюртука.

Конечно, я прежде всего, примкнувъ къ артиллеріи, полюбопытствовалъ узнать что́ сталось съ великимъ княземъ. Разсказывали различно, но суть въ томъ, что онъ, чудесно спасенный находчивостію командира Фризе, удалился изъ Бельведера съ княгинею Ловичъ и своими приближенными, и провелъ эту страшную ночь за городомъ на дачѣ человѣка преданнаго. Напротивъ того, ждавшіе въ пріемной пробужденія его высочества генералъ Жандръ и вице-президентъ Любовицкій пали жертвами. Послѣдній былъ тотчасъ заколотъ ворвавшимися въ

пріемную подпрапорщиками, а Жандръ успѣлъ скрыться и спустился по другой лѣстницѣ во дворъ, гдѣ его тотчасъ растерзали. Не знаю, но думаю, что домъ, въ которомъ пріютился цесаревичъ, былъ по близости Мокотовской заставы, такъ что онъ могъ быть охраняемъ карауломъ отъ отряда.

Распоряженіе мятежниковъ напасть врасплохъ на нашу гвардейскую конно-артиллерійскую роту въ Скерневицахъ—не было выполнено; никто изъ отдѣльныхъ начальниковъ за это дѣло не взялся, чѣмъ доказывается несогласіе въ распоряженіяхъ коноводовъ. Гербель благополучно пришелъ съ ротою на Мокотово.

19-го ноября явился Хлопицкій и принялъ на себя званіе главнокомандующаго польской арміи.

Его высочество сообщилъ совѣту желаніе видѣться съ членами, чтобы узнать о требованіяхъ націи. Делегатамъ поручено просить возвращенія конституціи, присоединенія польско-россійскихъ губерній, узнать о намѣреніяхъ цесаревича и предписано-ли Литовскому корпусу вступить въ Царство Польское?

Прибывшая депутація получила слѣдующее письменное заявленіе:

1. Его высочество не имѣетъ намѣренія нападать на городъ войсками, подъ его начальствомъ состоящими, а въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій онъ обязуется за 48 часовъ извѣстить о томъ правительство.

2. Его высочество принимаетъ на себя ходатайство у его императорскаго величества короля милосерднаго забыть о всемъ случившемся.

3. Его высочество не давалъ повелѣнія Литовскому корпусу вступить въ Царство Польское.

4. Плѣнные будутъ освобождены.

Вскорѣ совѣтъ правленія замѣненъ временнымъ правительствомъ, которому его высочество предъ выступленіемъ отправилъ другое объявленіе:

„Позволяю польскимъ войскамъ, оставшимся мнѣ вѣрными, соединиться со своими“.

„Я выступаю съ императорскими войсками и удаляюсь отъ столицы. Надѣюсь на великодушіе польской націи; я увѣренъ, что войска мои на походѣ къ границамъ имперіи не будутъ тревожимы“.

„Охранность всѣхъ зданій, собственность разныхъ лицъ и особъ, оставшихся въ плѣну, я ввѣряю покровительству сей-же націи".

Содержаніе этихъ документовъ непріятно поражаетъ. Почему-же мы не обмѣнялись плѣнными?

Было при насъ польскихъ войскъ, оставшихся какъ-бы вѣрными: полкъ конно-егерскій, съ небольшимъ взводомъ гренадерскаго полка, 4 орудія конной артиллеріи, заблудившіяся какъ-то, и, наконецъ, офицерскій караулъ 4-го линейнаго полка, который, не уступая своего поста, кажется у замка, былъ сбитъ и, отстрѣливаясь, отступилъ къ Бельведеру. Этотъ караулъ не былъ возвращенъ полякамъ; онъ оставался все время кампаніи при Литовскомъ полку, а офицеръ впослѣдствіи награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.

21-го ноября вступили мы въ Гуры, и Хлопицкій разослалъ повелѣніе не преграждать отступленія его высочеству къ границамъ имперіи. Провожалъ насъ одинъ дивизіонъ конно-егерскаго полка, составлявшій бригаду съ нашимъ Уланскимъ, подъ командою нашего генерала Пенхержевскаго.

Надо согласиться, что положеніе наше въ это время было незавидное: мятежники, въ 4 дня стянувъ свои войска, весьма усилились, нашъ-же отрядъ состоялъ изъ 5—6 тысячъ и 28-ми орудій, но пѣхота разстрѣляла до половины свои патроны, а продовольствія у насъ не было; наконецъ, мы находились на лѣвомъ берегу Вислы, гдѣ въ то время не было крѣпости.

Въ Гурѣ, гдѣ имѣла постоянныя квартиры 5-я батарейная рота, дали мнѣ изъ ротнаго лазарета пестрый халатъ на паклѣ вмѣсто ваты. Я его надѣлъ сверхъ унтеръ-офицерскаго мундира и въ такомъ шутовскомъ нарядѣ, сидя на слѣдующемъ переходѣ на лафетѣ орудія, отдалъ честь его высочеству, обгонявшему отрядъ. Конечно, нарядъ мой поражалъ своею оригинальностію: халата нельзя скрыть, воротникъ съ унтеръ-офицерскимъ серебрянымъ галуномъ былъ виденъ, султанъ со шляпы потерянъ при первой суматохѣ въ Варшавѣ, а ножны полусабли до половины обгорѣли на бивакахъ; къ тому слѣдуетъ замѣтить, что я во все это время не имѣлъ случая умыться и физіономія закоптѣла отъ бивачнаго огня какъ у трубочиста. Въ этомъ-то положеніи мнѣ еще завидовали офицеры пѣшихъ полковъ въ томъ, что я

могъ садиться на орудійный лафетъ, а они въ первые дни возмущенія износили свои щегольскіе сапоги и принуждены были завертывать ноги кто въ чемъ могъ. Чтобы объяснить это быстрое уничтоженіе сапогъ, я долженъ сказать, что въ Варшавѣ носили, по тогдашней модѣ, сапоги безъ ранта, на тончайшей подошвѣ, а калошъ военные въ то время еще не употребляли.

На третьемъ переходѣ, во время привала, двое изъ нашихъ артиллеристовъ пошли въ деревню искать хлѣба, но возвратились съ пустыми руками: передовые нашего-же отряда забрали все, что было, кромѣ немолотой ржи. Не мало всѣ смутились, такъ какъ въ этотъ день мы ничего не ѣли, и почти съ завистью поглядывали на солдатъ, завтракавшихъ хлѣбомъ, еще изъ Варшавы вынесеннымъ. Добрые солдаты замѣтили о чемъ у насъ шла рѣчь и подали намъ горбушку хлѣба, около трехъ фунтовъ, которымъ семь человѣкъ братски подѣлились. Съ какимъ апетитомъ мы свой хлѣбъ съѣли—поймете только тотъ, кому случалось съ недѣлю голодать; но что значатъ 3 фунта хлѣба на 7 человѣкъ голодныхъ? Стоимъ и бесѣдуемъ о своемъ горѣ, не имѣя даже возможности покурить и тѣмъ заглушить голодъ; одинъ только Драчевскій не брезгалъ махоркою и часто подходилъ то къ одному, то къ другому съ просьбою дать покурить. Въ это время подходитъ ко мнѣ 5-й батарейной роты прапорщикъ Янчевскій съ приказаніемъ бригаднаго командира исправлять должность бригаднаго адъютанта, вмѣсто подпоручика Головина, взятаго въ штабъ его высочества для пополненія числа старшихъ адъютантовъ, изъ которыхъ нѣкоторые задержаны были въ Варшавѣ. Я засталъ барона Корфа за завтракомъ, получилъ приказаніе находиться при немъ и приглашеніе закусить.

Ген. Корфъ, какъ это прежде было, командовалъ въ то-же время и 5-ю батарейною ротою, слѣдовательно, проходя чрезъ Гуры, имѣлъ возможность запастить всѣмъ нужнымъ. Не знаю почему выборъ его палъ на меня, когда рота была богата гвардейскими офицерами; правда, между ними было много поляковъ, плохо даже объяснявшихся по-русски, но меня онъ все-таки мало зналъ. Такимъ образомъ, судьба свела меня съ генераломъ, при которомъ пришлось мнѣ прослужить почти три года. Онъ былъ большаго роста, худощавъ, держался прямо, дома всегда растегнутъ, внѣ дома непремѣнно застегнутъ на всѣ пуговицы

и крючки, и всегда при полусаблѣ; надо замѣтить, что въ то время воротники были очень высокіе, до четырехъ крючковъ, и верхніе для удобства не всегда застегивались. Генералъ былъ нрава чрезвычайно кроткаго, добръ, привѣтливъ, всегда вѣжливъ, а по службѣ былъ усерденъ и исполнителенъ до недантизма, — надо было видѣть до какой степени простиралась его нерѣшительность, когда по измѣнившимся обстоятельствамъ нельзя было сейчасъ-же исполнить какого-либо письменнаго повелѣнія, а для донесенія не доставало времени. Баронъ Корфъ кончилъ свое земное поприще въ званіи члена государственнаго совѣта.

На пути изъ м. Ричеваля по обыкновенію отрядъ нашъ растянулся по разнымъ путямъ, для удобнѣйшаго продовольствія, но ядро отряда составлялъ обозъ его высочества, заключавшійся въ большомъ числѣ экипажей. Въ одной каретѣ ѣхала княгиня Ловичъ. Впереди и позади всей этой вереницы экипажей слѣдовали по два эскадрона Подольскаго кирасирскаго полка и въ хвостѣ наша пѣшая артиллерія въ числѣ 16-ти орудій. Вдругъ разнесся слухъ, будто аріергардъ нашъ атакованъ. Адъютантовъ всѣхъ разослали для полученія свѣдѣній, а между тѣмъ подошли мы къ Козеницамъ, гдѣ экипажи были выстроены на рынкѣ въ колонну. Контръ-адмиралу Колзакову поручено занять княгиню, дабы она не замѣтила тревоги. Вправо изъ мѣстечка тянулась дорога, кажется, къ Радомъ. На лѣвой сторонѣ этой дороги поставлены были наши 16 орудій, а съ правой—кирасиры; болѣе подъ рукой ничего не было. Какъ бригадный адъютантъ, я былъ уже верхомъ на хорошей лошади генерала, на которой всю кампанію послѣ сдѣлалъ. Корфъ послалъ меня по шоссе до пригорка посмотрѣть не видать-ли чего. Доскакавъ до мѣста, мнѣ указаннаго, я замѣтилъ на разстояніи до 400 саженъ, вправо, по опушкѣ лѣса, тянувшуюся пѣхоту и призналъ ее за Волынскій полкъ; я также спѣшно возвратился и передалъ это Корфу. Его высочество, интересуясь, конечно, узнать что́ я тамъ увидѣлъ, подъѣхалъ къ намъ и спросилъ меня—точно-ли я въ этомъ увѣренъ, что это Волынскій полкъ? Я объявилъ, что могъ разсмотрѣть темные воротники и на киверахъ еловыя вѣтки (весь нашъ отрядъ имѣлъ такія вѣтки для отличія отъ польскихъ войскъ). Адъютанты стали возвращаться и донесли о фальшивой тревогѣ; недоразумѣніе произошло оттого, что бывшій въ хвостѣ дивизіонъ

конно-егерей окружилъ любимаго своего начальника генерала Пенхержевскаго, проводившаго свою супругу до аріергарда, такъ какъ она по болѣзни пожелала возвратиться въ Варшаву.

Первый нашъ ночлегъ подъ крышею былъ въ Пулавахъ, гдѣ мы имѣли дневку по случаю устройства переправы чрезъ Вислу. Въ первую ночь мы, артиллерійсты, вышедшіе изъ Варшавы безъ всего, улеглись въ шинеляхъ, а сорочки отдали хозяйкѣ вымыть. Она принесла ихъ утромъ вымытыми безъ мыла и не катанными. Драчевскій добылъ у хозяина бритву, но только началъ брить свою жесткую бороду, какъ бросилъ бритву; она, дѣйствительно, была до того тупа, что и я не рѣшился приступить къ операціи бритья. До сихъ поръ мы лишены были удовольствія курить, но здѣсь въ Пулавахъ можно было кое-чѣмъ обзавестись. Я купилъ себѣ простенькую трубку и табаку. Сигары въ то время мало употреблялись, а въ Польшѣ ихъ и достать нельзя было; нынѣшнія-же папиросы появились только около 1840 года. Сказали, что идетъ почта въ Россію; на всякій случай увѣдомилъ я отца своего, что живъ и здоровъ, но что участь брата мнѣ неизвѣстна; письмо запечаталъ пуговицею сюртука, и оно дошло по адресу. Въ Пулавахъ цесаревичъ посѣтилъ княгиню Чарторижскую, покровительницу всѣхъ заговоровъ, сынъ которой былъ уже членомъ временнаго въ Варшавѣ правительства. Вотъ какую занялъ должность любимецъ покойнаго императора Александра I, числившійся въ то-же время членомъ нашего государственнаго совѣта; но императоръ Николай, кажется, въ январѣ уволилъ его въ чистую отставку. Повсемѣстно принятая кокарда красовалась на шапкахъ прислуги княгини.

Покуда не перешли границы, мы знали все, что̀ въ Варшавѣ дѣлалось. Откуда, какъ, но „Варшавскій Курьеръ“ ходилъ у насъ по рукамъ. Изъ него мы узнали, что Хлопицкій настоятельнымъ требованіемъ диктаторства достигъ этого назначенія 23-го числа, и тогда онъ отправилъ князя Любецкаго и графа Езерскаго къ государю императору съ донесеніемъ о всемъ совершившемся и съ вѣрноподданнѣйшимъ испрашиваніемъ возвращенія конституціи Царству и дарованія подобной-же польско-россійскимъ губерніямъ, съ изъявленіемъ собственныхъ чувствъ преданности. Онъ не скрывалъ ни отъ кого, что дѣйствуетъ какъ вѣрноподданный короля своего. Онъ продолжалъ совершать опредѣленія прави-

тельства именемъ его величества; послалъ графа Замойскаго къ командиру Литовскаго корпуса барону Розену съ объявленіемъ, что по случаю отъѣзда депутатовъ въ Петербургъ и въ расчетѣ на водвореніе спокойствія безъ употребленія оружія, онъ надѣется, что не будетъ со стороны его никакихъ военныхъ дѣйствій. Всѣ нижніе чины, оставшіеся въ Варшавѣ плѣнными, въ томъ числѣ денщики мой и Драчевскаго, отведены, по приказанію Хлопицкаго, въ Брестъ-Литовскъ, корпуса ветерановъ капитаномъ Коссинскимъ, для передачи ихъ русскимъ властямъ. Странно, мы, оставляя волынскія казармы, оставили тамъ 600 плѣнныхъ, набранныхъ во время стоянки на Мокотовскомъ полѣ, и отдали ихъ такъ, безъ обмѣна на нашихъ плѣнныхъ.

Хлопицкій запретилъ приступать къ какимъ-либо мѣрамъ для поднятія литовскихъ провинцій и объявилъ прибывшимъ депутатамъ, что у него нѣтъ ни одного патрона къ ихъ услугамъ. Видя развитіе своеволія и несогласій, спутниковъ анархіи, онъ проникъ будущее и вознамѣрился привести все въ нормальное положеніе не оружіемъ, а подчиненіемъ себѣ своихъ соотчичей.

Изъ Пулавъ пошли мы, 25-го ноября, на Куровъ и Любартовъ, дабы удалиться отъ Люблина, гдѣ былъ штабъ уланской дивизіи и стоялъ одинъ полкъ. Переходъ былъ великъ и мы потому болѣе утомились, что шли весьма труднымъ проселкомъ, съ особенною поспѣшностію, для избѣжанія встрѣчъ съ мятежниками, о движеніи которыхъ носились слухи. Полагали мы выйти у Бяла на брестское шоссе, но на основаніи новыхъ слуховъ свернули и направились на Влодаву.

Когда мы подошли къ границѣ, разстались съ нами адъютанты его высочества графъ Замойскій и полковникъ Турно, которые сочли долгомъ проводить своего высокаго начальника. Остался при отрядѣ одинъ генералъ Рожнецкій, начальникъ тайной полиціи, человѣкъ, котораго вся нація ненавидѣла. За поимку этой личности объявлена была значительная награда. При проходѣ чрезъ мѣстечки, евреи, падкіе на деньги, указывали пальцами на Рожнецкаго, произнося въ полголоса: „Da ist er, da ist der Rosnetzki“. Онъ, чтобы вѣрнѣе перебраться чрезъ границу, нарядился въ мундиръ простаго улана, и присоединился къ квартирьерамъ того-же полка, и такимъ образомъ днемъ раньше отряда перешелъ границу. Мы перешли Бугъ изъ Влодавы во Владавку 2-го декабря.

На первомъ переходѣ изъ Влодавки, проходя селеніе, назначенное для ночлега главной квартиры, я зашелъ въ дежурство, чтобы списать приказъ на слѣдующій день. Артиллеріи слѣдовало пройти еще 4 версты. Я вошелъ въ большую комнату, гдѣ помѣстили дежурство, и замѣтилъ сидѣвшихъ въ дальномъ углу у стола, при одной свѣчѣ, генерала Герштенцвейга (исправлялъ должность дежурнаго генерала вмѣсто оставшагося въ плѣну Кривцова) и дежурнаго штабъ-офицера полковника Свѣчина, занятыхъ составленіемъ диспозиціи на слѣдующій день. Генералъ спросилъ: кто тамъ? и когда я назвалъ себя, онъ сказалъ Свѣчину: „вотъ кто,—нечего намъ голову ломать“, и, обернувшись ко мнѣ, продолжалъ громче: „Рейбницъ (начальникъ 25-й дивизіи) задержалъ во Владимірѣ капитана Колыско съ ремонтомъ; вы ѣдете туда принять этотъ ремонтъ“.—„Слушаюсь, ваше превосходительство, но позвольте мнѣ списать приказъ на завтра и доставить его моему генералу“.—„Это мы сами сдѣлаемъ, а вы поѣдете какъ только бумаги поспѣютъ“. Я сѣлъ въ уголокъ и, въ ожиданіи бумагъ, заснулъ. Часа чрезъ два Даніилъ Александровичъ вручилъ мнѣ предписаніе его высочества Рейбницу, подорожную и 5 червонцевъ, но сказалъ, что этихъ денегъ будетъ до Владиміра, болѣе дать не можетъ за неимѣніемъ денегъ, а на проводъ ремонта могу употребить деньги, которыя найдутся у Колыско; самъ онъ пусть остается во Владимірѣ подъ надзоромъ, онъ намъ не нуженъ,—„и такъ съ Богомъ, вы насъ застанете или въ Высоко-Литовскѣ или въ Брестъ-Литовскѣ“. Въ помощь мнѣ дали фейерверкера 24-й бригады. Вышелъ я на крыльцо и нахожу пару воловъ, съ проводникомъ. Костюмъ мой оставался все тотъ-же, и въ этомъ-то шутовскомъ нарядѣ пришлось ѣхать по подорожной на волахъ. Усѣлись мы въ крестьянскую повозку, употребляемую также для вывоза навоза въ поле, а проводникъ, шествуя возлѣ воловъ, правилъ безъ возжей командными словами: „лыска, цобъ“ и проч., но все его краснорѣчіе и понуканье ни къ чему не служило; волы шли ровнымъ шагомъ и дали мнѣ возможность отлично выспаться.

На слѣдующій день, часа въ 4 пополудни, въѣхалъ я въ какую-то деревню съ панскимъ дворомъ; явился войтъ, но объявилъ, что и тутъ лошадей нѣтъ, а воловъ онъ мнѣ тотчасъ дастъ. Тащившись уже 15 часовъ на волахъ, ѣзда эта мнѣ на-

доѣла, и я упросилъ войта сходить во дворъ, попросить у господъ лошадей до первой станціи, а прогоны обѣщалъ уплатить впередъ. Онъ возвратился съ отвѣтомъ, что меня просятъ господа пожаловать къ нимъ. Я приказалъ извиниться, такъ какъ я по причинѣ своего костюма не могу показаться; а мнѣ отвѣтили, что сынъ хозяйки только что прибылъ изъ отряда, и имъ все извѣстно, почему еще разъ настоятельно меня къ себѣ просятъ. Надо было уступить. Сбросивъ съ себя шлафрокъ и мундиръ унтеръ-офицерскій, я въ портупеѣ и легкой шинели пошелъ во дворъ, гдѣ былъ встрѣченъ на крыльцѣ Литовскаго полка прапорщикомъ Оберномъ, съ которымъ уже познакомился на бивакахъ. Мать и сестра его приняли меня весьма радушно, уговорили остаться ночевать и обѣщались на утро отправить на своихъ лошадяхъ до ближайшей почтовой станціи. Трудно было отказаться отъ такого привѣтливаго приглашенія; мы провели вечеръ пріятно, бесѣдовали о томъ и другомъ, а дамы пѣли разные романсы. Послѣ сытнаго ужина разошлись всѣ по своимъ комнатамъ; въ назначенной мнѣ спальнѣ нашелъ я чистое для себя бѣлье, изъ котораго взялъ только пару носковъ, такъ какъ мои почти уничтожились. Можно себѣ представить какъ я провелъ эту ночь, поужинавъ хорошо и въ роскошной постелѣ. Рано утромъ, поблагодаривши хозяевъ за ласковый пріемъ, сѣлъ я въ экипажъ со своимъ спутникомъ, и скоро выѣхали на почтовый трактъ изъ Бреста на Владиміръ. Передалъ я дорогою фейерверкеру, что давали мнѣ чистое бѣлье, но что я посовѣстился его взять, а между тѣмъ холстинковая сорочка моя совсѣмъ расползлась. Онъ предложилъ мнѣ одну рубаху, изъ числа хранящихся въ его ранцѣ; не хотѣлось мнѣ взять ее даромъ,—я убѣдилъ его взять съ меня 50 копеекъ съ придачею моихъ-же лоскутьевъ. На слѣдующей станціи, покуда запрягали лошадей, я имѣлъ величайшее удовольствіе надѣть хотя солдатскую, но чистую рубаху. Да, это удовольствіе пойметъ вполнѣ тотъ, кому случалось три недѣли походной жизни не смѣнять бѣлья.

Къ вечеру нашелъ я на одной станціи необыкновенную чистоту, предъ крыльцомъ чисто подметено и посыпано пескомъ. Смотритель мнѣ объявилъ, что ждетъ принца Виртембергскаго изъ Люблина, гдѣ онъ пребывалъ въ качествѣ начальника улан-

ской дивизіи польскихъ войскъ. Конечно, онъ переѣхалъ границу въ Устилугѣ. Не успѣли подать мнѣ лошадей, какъ подъѣхала карета принца. Узнавши отъ смотрителя о проѣздѣ офицера изъ отряда его высочества, онъ приказалъ попросить меня къ себѣ. Я вышелъ въ портупеѣ съ непокрытою головою, чтобы скрыть несчастный свой нарядъ. Въ каретѣ съ принцемъ сидѣла какая-то дама. По желанію его высочества, разсказалъ я все, что зналъ. Принцъ сдѣлалъ мнѣ нѣкоторые вопросы и, наконецъ, извиняясь въ томъ, что задержалъ меня, пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «теперь мы съ вами знакомы; если вамъ когда что понадобится, обратитесь ко мнѣ». Я какъ умѣлъ благодарилъ за вниманіе, и карета помчалась на свѣжихъ лошадяхъ, а я поспѣшилъ въ комнату обогрѣться. Разсказывали впослѣдствіи, что принца выпустили изъ Люблина послѣ даннаго имъ слова не воевать противъ своихъ, а между тѣмъ онъ во время кампаніи состоялъ при нашей арміи, вступилъ съ войсками въ Пулавы и потребовалъ у княгини Чарторижской какое-то наслѣдство. Она отказалась принять принца, но онъ вошелъ уже не какъ родственникъ, а какъ генералъ русской арміи. Княгиня приняла его, конечно, дурно и объявила, что все имущество отдано на алтарь отечества. Какъ-бы то ни было, но принцъ послѣ войны удалился за-границу, и протекція моя лопнула какъ мыльный пузырь.

По прибытіи во Владиміръ, я тотчасъ отправился къ генералу Рейбницу. Онъ съ своимъ семействомъ и адъютантами сидѣлъ за обѣдомъ, и когда доложили обо мнѣ, онъ вышелъ въ пріемную. Узнавши — кто и откуда я, онъ сказалъ: «вы давно не обѣдали и, конечно, не откажетесь отъ тарелки горячихъ щей, а послѣ разскажете намъ свои приключенія». Отдохнувши послѣ обѣда, я приступилъ къ пріему ремонта. Колыско служилъ въ польской конной артиллеріи; человѣкъ былъ онъ пожилой, больной, но патріотъ до фанатизма. По его просьбѣ разсказалъ я кое-что, такъ чтобы гусей не раздразнить; слушалъ онъ молча, но съ большимъ вниманіемъ. Передалъ онъ мнѣ одного унтеръ-офицера, 10 человѣкъ рядовыхъ, 59 лошадей и весьма мало денегъ, такъ что я опасался встрѣтить затрудненія въ проводѣ ремонта до мѣста назначенія.

Морозовъ уже не было и я засталъ здѣсь распутицу и грязь,

о которой до того и не слыхалъ. Всѣ улицы вмѣстѣ представляли какой-то резервуаръ жидкой лоснящейся грязи отъ 4 до 8 вершковъ глубины, окаймленный деревянными тротуарами. Сообщеніе по этимъ панелямъ возможно, но при переходѣ чрезъ улицу человѣкъ небывалый станетъ втупикъ. Жители мѣстные во время распутицы вооружаются высокими сапогами, которые, при помощи прикрѣпленныхъ къ нимъ петель, придерживаются руками, чтобы не потерять ихъ въ грязи. Приступая къ такому шествію, подбираютъ сперва верхнюю одежду. Вечеромъ, для съѣзда и разъѣзда офицеровъ, собирающихся у кого-либо провести вмѣстѣ время, нанимается что-то въ родѣ телѣги, везомой двумя волами. Сообщеніе оригинальное, но зато головы не сломаешь и не такъ испачкаешься.

Опасался я, чтобы поляки мои, по близости границы, не дали тяги съ лошадьми, и потому старался на ночлегахъ разстанавливать лошадей по многимъ небольшимъ конюшнямъ, а самъ съ фейерверкеромъ наблюдалъ, чтобы поляки не сходились. Засталъ я главную квартиру отряда въ Высоко-Литовскѣ, гдѣ и сдалъ людей и лошадей въ 5-ую батарейную роту. Поляковъ отправили во внутрь имперіи, а лошадей представилъ я на другой-же день его высочеству на смотръ. Князь спросилъ меня—я-ли привелъ ремонтъ, а потомъ, осмотрѣвъ внимательно лошадей, сказалъ: «спасибо, лошади хороши и въ тѣлахъ».

Здѣсь получилъ я пріятное извѣстіе, что оставшійся въ плѣну нашъ дивизіонный начальникъ генералъ-лейтенантъ Рихтеръ, какъ старшій въ чинѣ, представилъ его высочеству списокъ плѣннымъ офицерамъ, и донесъ, между прочимъ, что у подпоручика Зеланда отняты искупленныя имъ лошади и оставшіяся деньги, а самъ онъ находится въ плѣну. Извѣстіе это меня весьма порадовало: по крайней мѣрѣ, я зналъ, что братъ мой живъ, а Хлопицкій приметъ мѣры для безопасности плѣнныхъ.

Во время моего отсутствія нашихъ артиллеристовъ разослали по своимъ бригадамъ. Меня одного оставилъ Корфъ, въ качествѣ бригаднаго адъютанта или, пожалуй, исправляющимъ эту должность при немъ, начальникѣ артиллеріи. Впрочемъ, дѣло не въ степени должности,—онѣ всѣ были довольно миніатюрны, а вотъ въ чемъ: его высочество, по сердечной добротѣ, давалъ всѣмъ служившимъ при немъ въ Варшавѣ, изъ своей шкатулки, штабъ-

офицерамъ по 5 и оберъ-офицерамъ по 2 руб. серебра въ сутки столовыхъ. Эти деньги имѣли въ то время большое значеніе. Когда-же тронулись изъ Варшавы, денегъ у него не было, всѣ тѣ-же лица получали столъ изъ кухни цесаревича, сервировала обѣдъ каждому въ своей квартирѣ придворная прислуга, приносившая и бѣлье столовое и серебро, все съ гербомъ его высочества. Корфъ, какъ начальникъ артиллеріи, вѣроятно по случаю походнаго времени, получалъ также столъ, а съ ними я—ужъ не знаю по какому праву.

Изъ Петербурга прислано намъ, по варшавскому положенію, не взачетъ, годовое жалованье и выслуженное третное, такъ что я вдругъ получилъ около 175 голландскихъ червонцевъ. При такихъ средствахъ слѣдовало позаботиться объ обмундировкѣ. Я поѣхалъ въ Гродно; проѣздомъ взялъ въ Соколкѣ изъ оставленнаго тамъ моего имущества новое шитье на мундиръ и нѣсколько необходимаго бѣлья. Командировка моя въ Варшаву могла продолжаться не далѣе весны, а потому выѣхалъ я изъ Соколки налегкѣ, и оставилъ все въ домѣ инвалиднаго начальника капитана Калиновскаго.

Въ 8 верстахъ за Бѣлостокомъ я нашелъ свою роту въ м. Васильковѣ, на тѣсныхъ квартирахъ. Пріятно было встрѣтиться съ сослуживцами, но время было дорого. Я взялъ съ собою оставшагося въ ротѣ денщика брата моего, сдѣлалъ въ Гроднѣ обмундировку, нѣкоторыя закупки и поспѣшилъ въ Брестовицы (семь миль отъ Гродна), главную квартиру его высочества, куда отрядъ нашъ, между тѣмъ, уже прибылъ и расположился въ окрестностяхъ на тѣсныхъ квартирахъ.

Въ Гродно уже съѣзжалась главная квартира дѣйствующей арміи; по прибытіи-же туда главнокомандующаго, графъ Дибичъ не замедлилъ сдѣлать визитъ его высочеству въ Брестовицахъ. Къ пріѣзду поставленъ почетный караулъ отъ Волынскаго полка, и цесаревичъ встрѣтилъ Дибича у себя на крыльцѣ съ графнымъ рапортомъ. Дибичъ поцѣловалъ его въ звѣзду, удивился благовидности караула, чего никакъ не ожидалъ при обстоятельствахъ оставленія Варшавы, и они вошли въ комнату. Все это было при мнѣ, но что было дальше—не знаю. Говорили, что Дибичъ спросилъ князя—чѣмъ онъ желаетъ командовать, но тотъ сказалъ, что кромѣ своего отряда ничѣмъ командовать не желаетъ; потомъ

будто заговорили о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ и Дибичъ будто-бы выразился такъ, что польскую армію можно забросать шапками, и онъ расчитываетъ время кампаніи по числу переходовъ до Варшавы. Если такъ дѣйствительно было, то отзывъ такой не могъ понравиться вел. князю, командовавшему польскою арміею 15 лѣтъ. Какъ-бы то ни было, но послѣ сего свиданія отношеніи вел. князя къ Дибичу измѣнились, въ чемъ имѣли мы случаи убѣждаться.

До насъ дошелъ слухъ, что четыре офицера Самогитскаго полка передались полякамъ, застрѣливши своего ротнаго командира капитана Челова, единственнаго въ полку православнаго, за то, будто, что онъ не отдалъ имъ принятаго на роту жалованья. Они хотѣли переманить роту Челова чрезъ границу, но одинъ унтеръ-офицеръ догадался въ чемъ дѣло и открылъ товарищамъ измѣну офицеровъ. Господа эти назывались: Попроцкій, Сузинъ, Барскій и Скульскій. При полковомъ штабѣ Самогитскаго полка въ Бѣльскѣ собирали на зиму юнкеровъ съ трехъ полковъ; въ этой школѣ былъ я три зимы сряду для обученія юнкеровъ разной премудрости. Попроцкаго я лично зналъ, но онъ произведенъ въ этотъ полкъ изъ юнкеровъ Волынскаго полка; прочіе трое были моими учениками; изъ числа этихъ измѣнниковъ трое пропали безъ вѣсти, но Скульскій былъ въ числѣ сумасбродовъ, вошедшихъ въ 1832 году въ границы Царства для завоеванія Польши; долго бродилъ онъ, его преслѣдовали и, наконецъ, нашли въ трубѣ камина, въ домѣ его отца, помѣщика около Кнышина; болѣе года судили его въ Гроднѣ и тамъ-же казнили разстрѣляніемъ въ 1833 году. Конечно, на офицеровъ Литовскаго корпуса нельзя было положиться, и поэтому въ самомъ началѣ всѣ ненадежные переведены въ Москву, въ 4-й пѣхотный корпусъ, а взамѣнъ ихъ прислали другихъ изъ гвардіи, съ назначеніемъ ихъ командирами ротъ.

Въ половинѣ января пріѣхалъ къ намъ начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи—ген.-адъютантъ Сухозанетъ, предупредивши насъ о своемъ пріѣздѣ и о томъ, чтобы артиллерію не собирать. Иванъ Онуфріевичъ имѣлъ репутацію начальника тяжелаго, но мы, служившіе подъ начальствомъ цесаревича, знали его только по слухамъ. Собрались въ дежурствѣ и стали по старшинству. Дежурный генералъ Герстенцвейгъ, начальникъ

артиллеріи баронъ Корфъ, командиръ 5-й батарейной роты полковникъ баронъ Корфъ, командиръ 3-ей конной роты полковникъ Гербель, старшій офицеръ 5-ой батар. роты капитанъ баронъ Розенъ, командовавшій четырьмя учебными орудіями, и, наконецъ, на лѣвомъ флангѣ вашъ нижайшій слуга. Сухозанетъ вошелъ, Герштенцвейгъ встрѣтилъ его съ рапортомъ и представилъ всѣхъ по порядку. Онъ обратился къ намъ съ рѣчью краткою, но энергическою, требуя точнаго исполненія всѣхъ его приказаній, отнюдь не умничая, не разсуждая, и въ заключеніе сказалъ, что не оставитъ безъ вниманія усердной службы, но за малѣйшее невниманіе—„прошу извинить, да вы слыхали о Сухозанетѣ". Какова рекомендація!

При выступленіи изъ Гуры 5-го баталіона къ возмутившейся Варшавѣ, Корфъ отправилъ свою жену съ сыновьями къ ея отцу, пану Красозскому, проживавшему въ своемъ имѣніи Сандомирскаго воеводства. По прибытіи отряда нашего въ Брестовицы, Корфъ выхлопоталъ пропускной видъ крѣпостному своему человѣку и послалъ его къ женѣ съ письмомъ, приглашая ее пріѣхать къ нему для свиданія. Марія Осиповна была женщина со свѣтскимъ образованіемъ, милая, симпатичная, но только покуда не тронута чувствительная ея струна—патріотизмъ. Этой статьи въ ея присутствіи нельзя было затрогивать; она приходила въ иступленіе, и фанатизмъ польки-патріотки влагалъ въ ея уста рѣчи, противныя здравому смыслу. По этой-то причинѣ, полагаю, Корфъ хотѣлъ ее только выманить изъ Царства Польскаго. Она мужа своего любила, а потому не замедлила пріѣхать, взявъ съ собою старшаго сына, Ивана, лѣтъ, можетъ быть, четырехъ; а какъ младшій, Юзефъ, слишкомъ еще былъ малъ, оставила его у своего отца. Когда пришло намъ время выступить въ походъ, она полагала возвратиться къ отцу, но Корфъ объявилъ, что воспослѣдовалъ строжайшій приказъ никого не выпускать за границу Царства, и сколько онъ ни хлопоталъ—ничего не могъ сдѣлать. Слезъ было много, но покориться судьбѣ надо было, и она поѣхала въ имѣніе матери Корфа, въ Салу, около Нарвы. Положеніе ея было, конечно, незавидное: у старухи четыре сына находились въ дѣйствующей арміи, газеты читались съ жадностію и побѣдамъ нашимъ рукоплескали.

Предъ выступленіемъ отряда, камердинеръ доложилъ великому

князю о приказѣ по арміи, чтобы гг. генералы и адъютанты имѣли шляпы безъ султановъ, въ клеенкѣ и носили ихъ съ поля; но цесаревичъ сказалъ, чтобы шляны не зашивать, вынулъ султанъ, и надѣлъ ее по формѣ. Примѣру сему послѣдовалъ начальникъ штаба, генералъ-отъ-инфантеріи графъ Курута. Онъ не только всею душою былъ преданъ цесаревичу, но, можно сказать, боготворилъ его. Пережилъ онъ вел. князя около года, и какъ вѣрный другъ и преданный слуга похороненъ въ Стрѣльнѣ.

Между тѣмъ дѣла въ Польшѣ направились къ перевыву 42-хъ-дневнаго диктаторскаго правленія, имѣвшаго сильное вліяніе на замедленіе всѣхъ приготовленій къ войнѣ. Хлопицкаго лкбили и уважали, но рѣшительныя мѣры, діаметрально противоположныя влеченіямъ возмутившейся націи, отъ которой не могло ускользнуть истинное его намѣреніе — не допустить до окончательнаго разрыва съ Россіею, возстановили противъ него общественное мнѣніе. Раздраженіе усилилось съ возвращеніемъ въ новый годъ Езерскаго, привезшаго письмо графа Грабовскаго къ Хлопицкому о томъ, что его величество, благодаря его за преданность, требуетъ безусловнаго исполненія прокламаціи, обнародованной 6-го декабря.

Не могу не помѣстить здѣсь содержанія замѣчательной бесѣды государя императора съ гр. Езерскимъ, какъ онъ самъ представилъ ее сейму, послѣ чего она появилась въ „Варшавскомъ Курьерѣ".

14-го декабря вечеромъ Езерскій былъ принятъ въ присутствіи гр. Бенкендорфа. Государь изъявилъ свое сожалѣніе о событіяхъ варшавскихъ и сказалъ:

— „Этого я не ожидалъ; я любилъ поляковъ и полагалъ быть взаимно любимымъ... Могъ-ли я предвидѣть, продолжалъ государь, что войско польское, которое я такъ высоко цѣнилъ, честь и вѣрность коего равнялись его отвагѣ, таило въ груди зародышъ измѣны? Въ солдатахъ, умерщвляющихъ посѣдѣлыхъ своихъ начальниковъ, отказавшихся отъ знамени, чести, поправшихъ дисциплину и распространившихъ страхъ и смятеніе на городскихъ улицахъ, могу-ли я узнать воиновъ, всегда отличавшихся вѣрностью? На нихъ я расчитывалъ въ случаѣ опасности; въ войнѣ со всякою европейскою державою они составляли-бы мой авангардъ. Законъ чести и обычай народовъ

клеймятъ того позоромъ, кто оставляетъ свое знамя и измѣняетъ присягѣ. Сколь неограниченна была моя довѣренность, столь ужасна измѣна; я долженъ наказать зачинщиковъ толикихъ бѣдствій, но желалъ-бы пламенно, чтобы сама Польша очистилась отъ преступленія нѣкоторыхъ ея сыновъ противъ меня и своего отечества. Пусть водворятъ порядокъ, откроютъ преступниковъ, съ тѣмъ, чтобы съ нихъ взыскать, и тогда пусть явятся ко мнѣ съ полною довѣренностью дѣтей къ отцу, которому предоставлено право миловать. Исполненіе сего условія меня-бы чрезвычайно порадовало. На народныхъ представителяхъ лежитъ обязанность, опираясь на законы, взыскать за нарушеніе порядка, чтобы меня избавить отъ сей непріятной обязанности. Пусть предадутъ суду преступниковъ и самый легкій приговоръ послужитъ доказательствомъ, что они желаютъ взыскать за нарушеніе святости закона. Число провинившихся покуда невелико, бо́льшая часть войска не обнаружила измѣны, а 4-й полкъ, школа подпрапорщиковъ и саперный баталіонъ могутъ въ сраженіяхъ смыть свой проступокъ. Взгляните на моихъ гвардейцевъ, возставшихъ при вступленіи моемъ на престолъ,—они нынѣ наперерывъ стараются мнѣ доказать свою преданность, и я имъ вполнѣ довѣряю. Неужели я такъ страшенъ, такъ непримиримъ? Вы видѣли какъ я поступилъ съ весьма многими, принявшими участіе въ происшествіяхъ 1825 г.?“

Тутъ Езерскій замѣтилъ, что бо́льшая часть народа и войска не участвуетъ въ дерзкомъ предпріятіи горсти молодежи и что, по стеченію обстоятельствъ, народъ вынужденъ былъ принять настоящее положеніе.

— „Совершенно въ порядкѣ, возразилъ государь, что граждане вначалѣ вооружились и учредили національную гвардію для защиты своей собственности; но я не могу объяснить себѣ настоящее положеніе и вооруженіе всего Царства, новую конскрипцію и другія приготовленія къ войнѣ. Противъ кого вооружаются? Что означаютъ подкинутыя въ моихъ провинціяхъ прокламаціи, чтобы разстроить порядокъ и соблазнить моихъ солдатъ? Какъ согласить все это съ чувствами преданности ко мнѣ?“

Послѣ сихъ вопросовъ, Езерскій приписалъ все страху, овладѣвшему всѣми, нечаянностью событія. „Страхъ этотъ, продолжалъ онъ, при чувствахъ общей опасности соединилъ всѣхъ и

онъ можетъ быть устраненъ только милостивыми словами монарха". Осторожно намекнулъ онъ на желаніе націи: соединеніе польско-россійскихъ провинцій съ Царствомъ.

— „Я король польскій и хочу имъ остаться; никогда не соглашусь на предложеніе, требующее отъ меня уступокъ, въ особенности, когда онѣ требуются въ моментъ возстанія съ оружіемъ въ рукахъ. Сдѣлавъ это, я-бы забылъ священный долгъ, возложенный на меня Провидѣніемъ. Пусть мнѣ повѣрятъ, — я не желаю, чтобы безвинный пострадалъ за виновнаго. Представьте себя на моемъ мѣстѣ: могу-ли я, законный король моихъ подданныхъ, входить съ ними въ унизительные переговоры? Могу-ли допустить, чтобы они мнѣ указывали условія, на которыхъ желаютъ мнѣ подчиниться? Если-бы я былъ ничѣмъ болѣе, какъ королемъ польскимъ, я-бы теперь находился посреди васъ, но какъ императоръ Россіи я связанъ и не могу упускать изъ вида честь и достоинство монархіи. Я отнюдь не буду торопиться. Скажите мнѣ — какимъ образомъ устроить это дѣло такъ, чтобы принятая мѣра была достойна польскаго короля, который въ то-же время—императоръ россійскій,—болѣе я ничего не требую. Одно мое желаніе—затруднительность настоящаго положенія устранить самими поляками; посему я-бы желалъ имѣть здѣсь совѣтъ изъ сенаторовъ, депутатовъ и подданныхъ преданныхъ и достойныхъ уваженія".

Потомъ государь сказалъ, что всѣ находящіеся въ Россіи сенаторы Царства Польскаго созваны въ Петербургъ, почему повторяетъ свое желаніе, чтобы поляки сами подвергли взысканію тѣхъ, которые довели ихъ до крайней гибели.

„Я не хочу самъ наказывать, но поляки должны знать, что я непремѣнно требую удовлетворенія. Возможно-ли мнѣ все забыть? Могу-ли я не видѣть того, что произошло? Развѣ не было смертоубійствъ? Не оскорбленъ развѣ братъ мой? И по вашимъ законамъ — принявшіе въ мятежѣ участіе сдѣлались государственными преступниками. Наконецъ, отъ меня требуютъ возвращенія присоединенныхъ къ имперіи польскихъ провинцій; этого я никакъ не ожидалъ, и угрозами нельзя достигнуть невозможнаго. Могу-ли я — изъ состоящихъ подъ скипетромъ моимъ народовъ сдѣлать одному добро насчетъ другаго?"

Езерскій, видя нелѣпость своего заявленія, смѣшался и не

зналъ что́ отвѣчать; онъ извинился неопытностью въ политическихъ дѣлахъ, умолялъ государя забыть прошедшее и дать свободу своему великодушію.

— „Я издалъ манифестъ, сказалъ государь, онъ указываетъ мое намѣреніе относительно Польши, онъ указываетъ на какихъ условіяхъ вы меня увидѣть можете посреди васъ. Если непредвидимыя обстоятельства затруднятъ исполненіе нѣкоторыхъ его условій, то охотно соглашусь на уступку".

Наконецъ, государь сказалъ, что онъ, какъ король польскій, обязанъ подавить мятежъ и наказать преступниковъ; до сихъ поръ не нація, но только нѣкоторые измѣнники заслужили его неудовольствіе; но если она вооружится противъ него и сразится съ его войсками, то собственные-же пушечные выстрѣлы уничтожатъ Польшу.

Когда послѣ сего подалъ Езерскій письменный докладъ, въ которомъ изложены неудовольствія и требованія поляковъ, императоръ написалъ на немъ карандашемъ: „Я не измѣнилъ своей присягѣ; я исполняю свято всѣ свои обязанности въ отношеніи Царства, наслѣдованнаго мною отъ брата, со всѣми условіями конституціи, которую онъ по доброй волѣ призналъ приличною. Народъ измѣнилъ своей присягѣ и я, если пожелаю, могу считать себя свободнымъ отъ данной народу присяги. При всемъ томъ я этого не сдѣлалъ; вотъ все, что могу теперь сказать; поступить иначе было-бы съ моей стороны непростительною и безполезною слабостью и никто не въ состояніи меня къ тому побудить. Пусть положатся на меня и они будутъ счастливы; слова монарха, чувствующаго достоинство чести, заслуживаютъ довѣрія".

Такъ кончилась аудіенція, на которой государь откровенно высказалъ свое мнѣніе; но впослѣдствіи, послѣ акта детронизаціи и когда начались военныя дѣйствія, онъ при случаѣ такъ выразился: „я-бы сохранилъ конституцію польскую ради даннаго слова, и положеніе мое было-бы крайне затруднительно; но теперь они развязали мнѣ руки и упростили дѣло, разорвавъ своевольно хартію".

Езерскій возвратился въ Варшаву, какъ я уже имѣлъ случай сказать, въ новый годъ. Сеймъ былъ открытъ 7-го января, а на слѣдующій день вечеромъ, до избранія Радзивила,

Солтыкъ сдѣлалъ предложеніе о сверженіи дома Романовыхъ съ польскаго престола. Предложеніе принято молчаніемъ и положено пренія о немъ отложить. На сеймѣ 13-го января были сообщены извѣстія изъ Петербурга и Езерскій разсказалъ результатъ своего посольства. Шумъ и гвалтъ поднялись страшные; его упрекали въ малодушіи, даже называли измѣнникомъ. „Господа, возразилъ Езерскій, негодовать здѣсь въ Варшавѣ на императора или говорить съ нимъ самимъ въ Петербургѣ — совсѣмъ не одно и то-же". Наконецъ, всталъ маршалъ сейма графъ Островскій и сказалъ: „судя по извѣстіямъ, до насъ дошедшимъ, и прокламаціямъ фельдмаршала Дибича, безъ войны нельзя намъ достигнуть цѣли; не будетъ-ли довольно по привычкѣ или по страху считать Николая королемъ нашимъ; мы связаны только тою присягою, которую съ незапамятныхъ временъ давали однимъ свободно избираемымъ королямъ; посему предлагаю начать пренія по предложенію Солтыка". Братъ маршала, начальникъ національной гвардіи, поддержалъ предложеніе своего брата рѣчью. Воловскій предложилъ провозгласить независимость націи. Ледоховскій первый всталъ и во весь голосъ заревѣлъ: „довольно Николаю быть королемъ нашимъ!" Депутаты встали съ своихъ мѣстъ и кричали наперерывъ: „Николай намъ не король!" Присутствовавшіе въ залѣ и на хорахъ подхватили тотъ-же крикъ. Болѣе разсудительные были этимъ рѣшеніемъ поражены. Чарторижскій опустилъ глаза и былъ смущенъ. Одинъ Езерскій имѣлъ отвагу напомнить сейму законъ, по которому всякое предложеніе должно быть предварительно разсмотрѣно въ комиссіяхъ и тогда уже быть представлено сейму; но на него не обращаютъ вниманія, и поручаютъ секретарю сената написать декретъ детронизаціи. Вотъ его содержаніе:

„Нація польская единодушно на сеймѣ заявила, что она независима и имѣетъ право предложить корону польскую тому, кого считаетъ достойнымъ и въ комъ она увѣрена будетъ, что онъ пребудетъ вѣренъ присягѣ и сохранитъ права ея".

Приверженцы революціи требовали, чтобы всѣ сенаторы и депутаты тотчасъ подписали актъ. Многіе его подписали очертя голову, а бо́льшая часть изъ боязни. Итакъ всѣ вмѣстѣ приняли актъ, который бо́льшею частію націи не былъ одобренъ. Въ тотъ-же

день отслужили панихиду по жертвамъ возстанія 14-го декабря 1825 года. Впереди процессіи, проходившей по этому случаю по городу, несли французскую трехцвѣтную кокарду, какъ эмблему революціи.

Сеймъ еще дурилъ, переливая изъ пустаго въ порожнее, какъ вдругъ поразило его громомъ извѣстіе: „русскіе перешли границу“.

20-го января Дибичъ перенесъ свою главную квартиру въ Бѣлостокъ. Мы выступили 21-го при 25-ти градусахъ мороза Снѣгу было такъ много, что артиллерія при большихъ усиліяхъ сдѣлала въ первый день 6 верстъ, переночевала въ лѣсу, пришла днемъ позже въ Бѣлостокъ, и такимъ образомъ потеряла дневку. Главная остановка состояла въ томъ, что, по мѣстному обычаю, въ деревняхъ въѣзды и выѣзды охраняются воротами; изгородь и ворота занесены были сугробами, которые надо было расчищать для прохода артиллеріи. Вообще эти два перехода до Бѣлостока были крайне затруднительны: ѣздовые слѣзали, чтобы ногъ не отморозить, стремена завертывали кто чѣмъ могъ, но ноги страдали, что пришлось мнѣ самому испытать. Въ Бѣлостокѣ его высочество сдѣлалъ визитъ графу Дибичу. При выступленіи камердинеръ Кохановскій подалъ цесаревичу шляпу въ клеенкѣ, и на вопросъ: „что это такое?“ онъ доложилъ, что это на основаніи приказа по арміи. Вел. князь и Курута оставили шляпы въ клеенкѣ, но все-таки надѣли по формѣ. Говорили будто Кохановскій предварительно сказалъ графу, что зашьетъ имъ обоимъ шляпы, ибо всѣ прочіе какъ люди, а они одни въ колпакахъ.

Армія, въ числѣ 100 тысячъ, безъ сопротивленія перешла, 24-го и 25-го чиселъ января, границы Царства въ разныхъ пунктахъ отъ Ковна до Устилуга. Нашъ отрядъ слѣдовалъ чрезъ Высоко-Мазовецкъ, Нуръ къ Соколову. Тутъ Герштенцвейгъ подалъ цесаревичу 15-ти-дневный рапортъ, о состояніи войскъ для подписи. Великій князь, взглянувъ на рапортъ, спросилъ—„что это такое?“ и на отвѣтъ, что это графной рапортъ составленный по формѣ, разосланной при приказѣ по арміи, сказалъ: „это чушь, написать такъ, какъ у меня въ Варшавѣ было“.

До самаго Сѣдлеца, куда мы вступили 2-го февраля, почти не видать было жителей. Они до того были напуганы, что всѣ

кромѣ больныхъ и дряхлыхъ стариковъ гдѣ-то скрывались. Передовымъ войскамъ нашимъ подбрасывались значки съ надписью на польскомъ и русскомъ языкахъ: „за нашу и вашу свободу".

Армія польская отступала повсемѣстно, какъ будто желала для отпора сосредоточиться подъ Варшавою; однако-же, ее достигали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и у насъ завязалось, 5 го февраля дѣло подъ Калушинымъ, въ которомъ участвовали наши 4 учебныя орудія, почему и мы съ Корфомъ туда поспѣшили. Здѣсь я впервые ознакомился со свистомъ пуль и артиллерійскихъ снарядовъ. Его высочество въѣхалъ на возвышеніе и былъ зрителемъ сего дѣла, окончившагося съ наступленіемъ ночи; непріятелю удалось отступить къ Минску. Мы съ Корфомъ возвратились къ своему мѣсту около Сѣдлеца едва къ полуночи. Въ этотъ день выпало мнѣ сдѣлать верхомъ 70 верстъ. На слѣдующій день пришли въ Минскъ, а авангардъ былъ уже въ Дембе-Велке. 7-го числа было большое авангардное дѣло подъ Вавромъ, въ которомъ главное участіе принялъ 1-й пѣхотный корпусъ. Со стороны непріятеля распоряжался Хлопицкій, а съ нашей стороны самъ главнокомандующій. Наши заняли Вавръ и Выгоду, и Дибичъ съ Толемъ возвратились въ Милосну, въ 12-ти верстахъ отъ Варшавы. Въ дѣлѣ подъ Вавромъ раненъ картечью въ пятку Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ. Ногу ему отняли неудачно или онъ поторопился уѣхать, но въ Брестѣ пришлось ногу отнять повыше. Когда эта вѣсть дошла до начальника артиллеріи 2-й арміи, генерала-отъ-артиллеріи Яшвиля, онъ, говорятъ, сказалъ: „называютъ-же поляковъ безмозглыми, а они такой выдумали порохъ, что и Сухозанета достали". Надобно знать, что Сухозанетъ, будучи адъютантомъ Яшвиля, сдѣлалъ свою карьеру.

Въ этотъ день пришли мы въ Дембе-Велке. Дорогою Корфъ узналъ, что Сухозанетъ утромъ еще отдалъ въ 5 ую батар. роту плѣннаго ракетника, котораго, какъ оказалось, командиръ роты полковникъ Корфъ сдалъ въ первую попавшуюся на встрѣчу партію плѣнныхъ. Генералъ былъ недоволенъ распоряженіемъ своего брата и, назначивъ мнѣ гондлангера на лошади, приказалъ нагнать партію и возвратить плѣннаго. Партію нагналъ я въ Калушинѣ, посадилъ ракетника на лошадь моего гондлангера и возвратился съ нимъ къ отряду, далеко за полночь, сдѣ-

лавъ въ этотъ день болѣе 75-ти верстъ. Корфъ не спалъ; онъ лежалъ съ газетою въ рукахъ, поджидая моего возвращенія. Поляка отдали опять въ роту, но когда справились что́ съ нимъ дѣлать, приказали сдать въ первую партію плѣнныхъ, такъ какъ Сухозанетъ раненъ и никому неизвѣстно—почему онъ его задержалъ. Итакъ весь мой трудъ былъ напрасенъ.

8-го числа пришли въ Милосну, гдѣ Корфъ, за неимѣніемъ помѣщенія, расположился бивакомъ около дома, въ которомъ помѣщалось управленіе артиллеріею арміи. Начальникомъ всей артиллеріи былъ князь Горчаковъ.

Мнѣ сказали, что въ одной избѣ лежитъ убитый подъ Вавромъ адъютантъ Сухозанета гвардейской артиллеріи—поручикъ Лукинъ, сынъ извѣстнаго моряка-силача временъ Екатерины II. Я нашелъ его лежавшимъ на скамейкѣ въ сорочкѣ съ прострѣленною грудью. На досугѣ осмотрѣлъ я поле сраженія подъ Вавромъ. На непривычнаго видъ неочищеннаго поля сраженія производитъ непріятное впечатлѣніе. Наши были уже прибраны, но непріятельскихъ тѣлъ лежало множество. Мрачный день наводилъ на нихъ синеватую блѣдность; всѣ были въ однѣхъ сорочкахъ, принявшихъ синій цвѣтъ отъ маркаго сукна синихъ польскихъ мундировъ. Видѣть убитыхъ поляковъ въ одеждѣ можно было только во время сраженія, но нѣсколько спустя всегда находились охотники снимать съ нихъ все, за исключеніемъ одной сорочки. Безъ сорочки я не видѣлъ ни одного трупа.

А. Л. Зеландъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Письмо его къ И. А. Гончарову.

Суббота, 14-го (26-го) марта 1864 г. Парижъ, Rue de Rivoli, 210.

Любезнѣйшій Иванъ Александровичъ, я третьяго дня добрался досюда и пользуюсь первою свободною минутою, чтобы написать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на вашу послѣднюю записку. Если вы порадовались моему пріѣзду, потому что онъ положилъ конецъ возникшему между нами недоразумѣнію, то и я съ своей стороны не менѣе васъ порадовался возобновленію дружескихъ отношеній съ человѣкомъ, къ которому, не говоря уже объ уваженіи къ его таланту, я стою очень близко, въ силу общаго прошедшаго, однородности стремленій и многихъ другихъ причинъ. Мы вѣдь тоже немножко съ вами послѣдніе могикане. Повторяю, я душевно радъ тому, что чувствую снова вашу руку въ моей, и съ удовольствіемъ думаю объ обѣщанномъ вами посѣщеніи меня въ Базенѣ.

Благодарю васъ за помѣщеніе статеечки въ „Голосѣ“ будьте такъ добры, не забудьте „Сѣверной Почты“, а если это уже сдѣлано—примите мое спасибо.

Я остаюсь здѣсь около пяти недѣль и очень мнѣ было-бы пріятно получить отъ васъ письмо. Мнѣ приходится немедленно засѣсть за статью о Шекспирѣ, которая, если будетъ найдена удобною, прочтется въ день его годовщины. Сообщите какія вы найдете интересными новости. Не продернула-ли меня „Искра“ за мое летаніе? Появилась-ли „Эпоха“? Что происходитъ въ университетѣ? Здѣсь умы заняты послѣдними, весьма радикальными выборами; но о Польшѣ ни слуху, ни духу: c'est, какъ говорятъ французы, une question coulée; даже не совсѣмъ прилично упоминать о ней, какъ о прошлогоднемъ нарядѣ. Впрочемъ, я еще не успѣлъ почти ни съ кѣмъ видѣться: просидѣлъ часа два съ Мериме.

Пока, прощайте; крѣпко и дружески жму вашу руку и остаюсь преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

Сообщ. **А. Н. Гончаровъ.**

ИМПЕРАТОРСКІЙ МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

въ воспоминаніяхъ Михаила Прохоровича Третьякова

1799—1830.

VI [1]).

Теперь обращаюсь я къ университетскому благородному пансіону и начальнику его, прославленному едва-ли не до послѣднихъ (?) земли отечественной, Ан. А. Прокоповичу-Антонскому. Пансіонъ, какъ уже извѣстно, былъ основанъ прежнимъ университетскимъ начальствомъ въ 1779 г., для образованія благороднаго юношества и, какъ единственное въ то время заведеніе, скоро пріобрѣлъ большую извѣстность и славу. Ученье въ пансіонѣ было гимназическое, приспособленное къ свѣтскому общежитію. Антонскій, управляя пансіономъ съ 1791 г., умѣлъ мастерски угождать батюшкамъ и матушкамъ, ввѣрявшимъ ему своихъ дѣтей. До 1805 г. пансіонъ находился въ полномъ распоряженіи Антонскаго какъ по ученой части, такъ и по хозяйственной, но въ этомъ году незабвенный попечитель М. Н. Муравьевъ далъ пансіону особый уставъ и сблизилъ это заведеніе съ университетомъ. По новому уставу пансіонеры, кончившіе курсъ пансіонскаго ученія, имѣли право слушать въ университетѣ профессорскія

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXV, іюль, стр. 105—131; августъ, стр. 307—345.

лекціи и получать по экзамену ученыя степени, да и хозяйственная часть пансіона поступила въ завѣдываніе правленія университета. Кромѣ того всѣ воспитанники были обязаны въ воскресные и праздничные дни слушать въ университетской церкви божественную литургію. Этотъ новый и по всей справедливости отличный порядокъ не нравился Антонскому, ибо поставлялъ его въ зависимость университетскаго совѣта и правленія; да и бо́льшая часть батюшекъ-аристократовъ были недовольны тѣмъ, что младыя отрасли ихъ должны вступать въ сотоварищество студентовъ разнаго званія. Такъ продолжалось до 1818 г. Въ этомъ году Антонскій, пользуясь полною довѣренностію попечителя кн. Оболенскаго, убѣдилъ его дать пансіону другое устройство по всѣмъ частямъ. Положили ввести въ курсъ ученія чтеніе профессорскихъ лекцій, кромѣ медицинскихъ; пансіонерамъ, отличившимся успѣхами въ наукахъ и поведеніи, предоставить классные чины отъ 14-го до 10-го класса включительно и освободить ихъ отъ экзамена при производствѣ въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника; учредить новую должность директора пансіона, которую и принялъ на себя Антонскій; открыть для производства дѣлъ пансіонскихъ особое независимое отъ университета правленіе, и, наконецъ соорудить въ зданіи пансіона церковь. Долго министръ не соглашался на эти нововведенія; однако-же, по настойчивой просьбѣ попечителя, испросилъ на все высочайшее утвержденіе. Такимъ образомъ пансіонъ преобразовался въ сокращенный университетъ. Къ чему-же послужило такое преобразованіе? О, ко многому: и дѣти, и ихъ родители, и наставники—всѣ достигли до прекрасной цѣли: первые получатъ за деньги важныя права при вступленіи въ службу, а послѣдніе...., я зналъ, да и всѣмъ было извѣстно, что инспекторъ пансіона Д. и помощникъ его Чернявскій, племянникъ Антонскаго, имѣли у себя въ комнатахъ отъ 10-ти до 15-ти чел. воспитанниковъ за условленную плату. Эти воспитанники какъ-то лучше успѣвали въ ученіи и получали за то первыя награды. То-же дѣлали и надзиратели, только въ маломъ видѣ. Бываетъ-же время, когда и черное принимается за бѣлое. Такъ и въ настоящемъ случаѣ Антонскій увѣрилъ попечителя, что всѣ поименованныя выше лица заслуживаютъ благодарность отъ начальства за излишніе труды ихъ по надзору за избранными ими воспитанниками.

Въ 1818 г., генваря 9-го, кн. Оболенскій всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны первой степени, а въ апрѣлѣ 1819 г.—тайнымъ совѣтникомъ. И мое усердіе къ службѣ не осталось безъ должнаго воздаянія: въ февралѣ 1818 г. я получилъ отъ государя императора брилліантовый перстень, а 26-го февраля 1820 г.—орденъ Св. Анны 3-ей степени.

Воспоминая дѣла давно прошедшія, я считаю не излишнимъ сказать здѣсь, что министръ нашъ кн. А. Н. Голицынъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ къ себѣ государя императора, учреждалъ въ Россіи разныя религіозныя и благотворительныя общества; покровительствовалъ масонамъ; поощрялъ ихъ къ изданію масонскихъ книгъ и дружески бесѣдовалъ со всѣми являвшимися къ нему сектаторами. Однажды, въ которомъ году не упомню, явились къ кн. Оболенскому двое квакеровъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ кн. Александра Николаевича. Князь Оболенскій принялъ ихъ самымъ привѣтливымъ образомъ и пригласилъ за свою трапезу. Самъ кн. Оболенскій не зналъ по-англійски; но зато супруга князя, Софья Павловна, хорошо владѣла англійскимъ языкомъ и за обѣдомъ вела съ квакерами общій разговоръ весьма удовлетворительно.

Я зналъ, что кн. Оболенскій находился въ дружеской связи съ кн. Голицынымъ; зналъ, что они часто вели между собою собственноручную переписку; но что они писали другъ къ другу? Разумѣется, я не могъ читать писемъ кн. Голицына, но нѣкоторыя письма кн. Оболенскаго имѣлъ случай бѣгло просматривать. Въ нихъ нерѣдко упоминалось имя Фотія, архимандрита новгородскаго Юрьевскаго монастыря, приверженца гр. Аракчеева, и имя Филарета, впослѣдствіи митрополита московскаго, довѣренной особы кн. Голицына. Умный архимандритъ новгородскаго монастыря, Фотій, съ грубымъ чистосердечіемъ соединяя большую дальновидность, сильный дружбою Аракчеева, преданностію и золотомъ графини Орловой-Чесменской, дерзнулъ быть душою заговора противъ князя.

Тайно поддержанный и митрополитомъ Серафимомъ, онъ слѣдилъ за преподаваемымъ въ учебныхъ заведеніяхъ и вопилъ противъ неправославнаго, даже нехристіанскаго, направленія, которое оно принимаетъ. Три человѣка, находившіеся подъ начальствомъ Голицына и имъ облагодѣтельствованные—Магниц-

кій, Руничъ и Кавелинъ, имѣли также связи съ противниками его и втайнѣ строили ему ковы.

Когда все было готово, когда все назрѣло, одною книжкою, изданною библейскимъ обществомъ и пропущенною цензурою, какъ увѣряли меня, нанесенъ рѣшительный ударъ Голицыну. Въ ней, между прочимъ, сказано было, будто Спаситель нашъ, прежде земли, воплощался уже въ другихъ мірахъ и что у Богоматери, исключая Его, были другія дѣти отъ Іосифа.

Я не понималъ тогда, какимъ образомъ Фотій и Филаретъ обратили на себя вниманіе моего начальника. Между тѣмъ, судя по многимъ обстоятельствамъ, можно было заключать, что кн. Оболенскій принадлежалъ къ какому-либо масонскому обществу; но такое заключеніе мое оказалось впослѣдствіи времени ошибочнымъ, ибо когда, по высочайшей волѣ, взяты были отъ всѣхъ чиновниковъ московскаго учебнаго округа подписки, устранявшія ихъ отъ тайныхъ обществъ, тогда кн. Оболенскій письменно увѣрилъ, что онъ ни къ какому тайному обществу не принадлежитъ.

Что-же заставляло князя дѣйствовать въ пользу масоновъ? Однажды цензоръ Цвѣтаевъ усумнился въ одобреніи къ напечатанію книги „Тоска по отчизнѣ“. Кн. Оболенскій, узнавъ объ этомъ, далъ цензурному комитету предложеніе пропустить означенную книгу, что и было исполнено. Другой случай еще болѣе замѣчателенъ: чиновникъ Борисовъ, пріобрѣвшій право на нѣкоторыя книги извѣстнаго въ свое время масона Новикова, представилъ кн. Оболенскому рѣдкій экземпляръ изданной Новиковымъ книги „Божественная метафизика“ и испрашивалъ дозволеніе на напечатаніе ея новымъ изданіемъ. Кн. Оболенскій доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія министра и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что еще рано выпускать въ свѣтъ подобныя книги.

Въ началѣ 1819 г. кн. Оболенскій, находясь въ С.-Петербургѣ по дѣламъ московскаго учебнаго округа, получилъ отъ министра официальное увѣдомленіе, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: запретить напечатанную не задолго передъ тѣмъ книгу „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“, сочиненія Евстафія Станевича; цензору цензурнаго комитета, учрежденнаго при с.-петербургской духовной

академіи, архимандриту Иннокентію, одобрившему ту книгу къ напечатанію, сдѣлать выговоръ; а сочинителя Станевича выслать изъ С.-Петербурга въ 24 часа. Я находился въ то время съ княземъ Оболенскимъ въ С.-Петербургѣ и слышалъ отъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, заслуживавшихъ вѣроятія, что, по выходѣ означенной книги въ свѣтъ, она разсмотрѣна была вторично ректоромъ с.-петербургской духовной академіи, Филаретомъ, и признана имъ для православной церкви вредною, о чемъ и было доведено министромъ до высочайшаго свѣдѣнія. Послѣ этого происшествія, архимандритъ Иннокентій возведенъ былъ, 2-го марта 1819 г., въ санъ епископа пензенскаго и саратовскаго, а 10-го октября того-же года скончался. Весьма жаль, что въ описаніи жизни преосвященнаго, изданномъ въ 1821 г., не сказано ни одного слова о сдѣланномъ ему выговорѣ за одобреніе книги Станевича и о тѣхъ интригахъ, которыя, вѣроятно, пущены были входъ къ ея запрещенію, ибо извѣстно было, что Иннокентій, будучи ректоромъ с.-петербургской семинаріи, находился въ числѣ особъ, приближенныхъ къ князю Голицыну, пользовался его расположеніемъ и довѣріемъ такъ, что 1817 г. апрѣля 7-го сдѣланъ былъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Филаретомъ, членомъ главнаго правленія училищъ. Что-же заставило кн. Голицына удалить изъ С.-Петербурга Иннокентія, уже слабаго и больнаго? Не то-ли, что онъ покровительствовалъ Фотію? Впрочемъ, замѣчательно, въ высшей степени, что та-же самая книга „Плачъ на гробѣ младенца о безсмертіи души“, по увольненіи кн. Голицына отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, подвергнута была вновь разсмотрѣнію духовной цензуры, одобрена ею, и, по высочайшему повелѣнію, напечатана вторымъ изданіемъ. На заглавномъ листѣ ея выставлено одобреніе и перваго цензора, архимандрита Иннокентія,— слѣдовательно, онъ былъ правъ.

Лѣтомъ 1819 года я находился съ кн. Оболенскимъ при осмотрѣ учебныхъ заведеній Ярославской и Костромской губерній, а въ 1821 г.—калужской, тульской и рязанской гимназій. Ласковое и, можно сказать, дружеское обращеніе князя со всѣми учащими и учащимися поселило въ сердцахъ ихъ искреннюю къ нему любовь и уваженіе, тѣмъ болѣе, что никто изъ прежнихъ попечителей не удостоивалъ посѣщеніемъ своимъ ни одной

отдаленной отъ Москвы гимназіи и училища московскаго учебнаго округа.

Проѣхавъ изъ г. Рязани, въ сопровожденіи тамошняго директора училищъ, Ивана Михайловича Татаринова, въ село Любучи, Зарайскаго уѣзда, для осмотра вновь открытаго въ этомъ селѣ, по плану и распоряженію кн. Оболенскаго, училища, подъ названіемъ „Ларинскаго“, и при немъ сельскаго общественнаго банка на капиталъ, пожертвованный нѣкогда бывшимъ крестьяниномъ того села Ларинымъ, — мы встрѣчены были торжественно, близь училищнаго дома, едва-ли не всѣми жителями села Любучъ, съ хлѣбомъ и солью. Благодарность ихъ къ кн. Оболенскому за труды его по открытію въ селѣ Любучахъ училища и банка была столь велика, что многіе изъ крестьянъ, со слезами на глазахъ, цѣловали руки князя, плѣнившаго ихъ всѣхъ ласковымъ своимъ обхожденіемъ. Замѣчательно, что мы ужинали и ночевали въ домѣ крестьянина Ларина, родственника того незабвеннаго Ларина, который оказалъ родинѣ своей, осмѣливаюсь сказать, царское благодѣяніе.

Кромѣ поѣздки по губерніямъ, я четыре раза былъ съ кн. Оболенскимъ въ С.-Петербургѣ, по дѣламъ московскаго учебнаго округа, гдѣ исправлялъ сверхъ своей должности и должность младшаго письмоводителя, безъ всякаго за то вознагражденія. Однажды кн. Оболенскій взялъ меня съ собою къ нашему министру, кн. Александру Николаевичу Голицыну, со многими бумагами, планами и смѣтами предположенныхъ въ московскомъ университетѣ построекъ. Войдя съ княземъ Оболенскимъ въ обширный кабинетъ министра, ожидавшаго уже тамъ кн. Оболенскаго, я, по данному мнѣ отъ него заранѣе приказанію, разложилъ на министерскомъ столѣ всѣ привезенныя нами бумаги. Въ это время, кн. Оболенскій, какъ благородный начальникъ, отрекомендовалъ меня князю Александру Николаевичу съ самой лучшей стороны.

Князь Александръ Николаевичъ, взглянувъ на меня, изволилъ сказать: „я незнакомъ съ нимъ“. Послѣ такого высоконачальническаго привѣта кн. Оболенскій далъ мнѣ знакъ, чтобы я вышелъ изъ кабинета, что и было мною исполнено.

И прежде я не понялъ, и теперь не понимаю сказанныхъ мнѣ княземъ Александромъ Николаевичемъ словъ, что онъ не-

знакомъ со мною. Ужъ не то-ли они значатъ, что я не принадлежалъ къ тайному масонскому обществу?

Въ 1823 г. министръ, кн. Голицынъ, по ходатайству добраго начальника нашего кн. Оболенскаго, испросилъ у государя императора дозволеніе на поднесеніе е. в. докладной записки о награжденіи орденами трехъ только чиновниковъ московскаго учебнаго округа, особенно отличающихся на служебномъ поприщѣ, а именно: ректора московскаго университета Прокоповича-Антонскаго—орденомъ святыя Анны первой степени; директора училищъ Ярославской губерніи Абатурова—орденомъ-же св. Анны второй степени, и меня—орденомъ святаго равноапостольнаго князя Владиміра четвертой степени. Эти награды кн. Оболенскій считалъ столь вѣрными, что уже заранѣе поздравлялъ насъ съ высоко монаршею милостію. Но человѣкъ предполагаетъ и часто ошибается въ своемъ предположеніи. Такъ случилось и съ назначенными намъ наградами. Кн. Голицынъ, представляя государю императору докладъ для высочайшаго утвержденія, получилъ отъ е. в. неожиданное повелѣніе передать этотъ докладъ на разсмотрѣніе въ комитетъ министровъ. Хотя-же комитетъ и призналъ насъ достойными испрашиваемыхъ начальствомъ наградъ, но передалъ это дѣло, по тогдашнему порядку, гр. Аракчееву для представленія государю императору, чего Аракчеевъ не сдѣлалъ, дѣйствуя уже съ архимандритомъ Фотіемъ и другими особами противъ кн. Голицына. Такимъ образомъ, представленіе о нашихъ наградахъ, одобренное комитетомъ министровъ, осталось безъ окончательнаго утвержденія и предано забвенію.

Лѣтомъ 1824 г., въ деревнѣ, кн. Оболенскій неожиданно поздравилъ меня съ новымъ министромъ, объясняя далѣе, что кн. Голицынъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности, что духовныя дѣла поступили попрежнему въ вѣдѣніе святѣйшаго синода и что министромъ народнаго просвѣщенія утвержденъ адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ. Это извѣстіе очень огорчило меня, ибо я зналъ, что кн. Оболенскій не захочетъ долго служить съ такимъ начальникомъ, который не принадлежалъ къ Голицынской партіи. Впрочемъ, князь, зимою того-же 1824 г., ѣздилъ со мною въ С.-Петербургъ, познакомился съ Шишковымъ и, повидимому, остался имъ доволенъ; но, возвратясь

въ Москву, послалъ къ нему, Шишкову, 10-го февраля 1825 г., собственноручное письмо, коимъ просилъ увольненія отъ службы. На это письмо Шишковъ, отъ 26-го того-же февраля, прислалъ кн. Оболенскому слѣдующій отвѣтъ:

„По письму вашего сіятельства, отъ 10-го сего февраля, я имѣлъ счастіе докладывать государю императору объ увольненіи васъ, по желанію вашему, отъ службы. Е. в. благоугодно, чтобы вы оставались въ званіи попечителя московскаго учебнаго округа впредь до избранія на ваше мѣсто другаго попечителя.

„Извѣщая васъ, милостивый государь мой, о таковомъ высочайшемъ соизволеніи, присовокупляю, что государь императоръ, по уваженію предстательства вашего, высочайшимъ указомъ, въ 22-й день сего февраля на мое имя даннымъ, всемилостивѣйше повелѣлъ письмоводителямъ вашимъ, титулярнымъ совѣтникамъ Третьякову и Персону производить въ пенсіонъ: первому по тысячѣ, а послѣднему по пятисотъ рублей въ годъ изъ процентовъ съ капитала, составляемаго для пенсій чиновникамъ типографіи московскаго университета.

„Копію съ таковаго указа, для надлежащаго по оному исполненія, получите вы при особомъ офиціальномъ отношеніи. Съ совершеннымъ почтеніемъ и т. д. А. Шишковъ".

Эта великая, высокомонаршая милость весьма много обрадовала кн. Оболенскаго и, въ особенности меня, получившаго вѣрный кусокъ насущнаго хлѣба по самую смерть; радость моя еще болѣе увеличилась отъ того, что князь остался на своемъ мѣстѣ и, можетъ быть, на долгое время. Въ такой пріятной для меня надеждѣ, князь, въ началѣ августа того-же 1825 г., получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія, Шишкова, увѣдомленіе, что, высочайшимъ указомъ отъ 19-го іюля, его сіятельство уволенъ отъ должности попечителя московскаго учебнаго округа и что на его мѣсто опредѣленъ отставной генералъ-маіоръ Писаревъ. Я могъ замѣтить, что кн. Оболенскій не ожидалъ столь скораго рѣшенія на увольненіе отъ службы и притомъ безъ изъявленія ему высокомонаршаго благоволенія за свыше восьмилѣтнюю усердную службу его въ должности попечителя московскаго учебнаго округа, что относилъ къ интригамъ Шишкова, и былъ очень огорченъ его несправедливостію. Августа 12-го князь прекратилъ сношенія свои съ университетомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжест-

венно благодарилъ всѣхъ профессоровъ и, въ особенности, ректора за отличную и полезную службу ихъ во все время бытности его попечителемъ московскаго учебнаго округа. Члены совѣта, признательные къ князю за кроткое и благодѣтельное правленіе его для всѣхъ вообще чиновниковъ, избрали его единогласно почетнымъ членомъ московскаго университета и представили его сіятельству дипломъ на это званіе. Не забудемъ того, что кн. Оболенскій начальствовалъ надъ университетомъ въ такое время, когда попечители другихъ университетовъ: с.-петербургскаго—Руничъ и казанскаго—Магницкій открыли во ввѣренныхъ имъ университетахъ что-то похожее на инквизицію и гнали многихъ профессоровъ безъ всякаго милосердія. Не забудемъ и того, что кн. Оболенскій, пользуясь довѣріемъ къ себѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, кн. Голицына, умѣлъ оградить московскій университетъ отъ всѣхъ злыхъ навѣтовъ и нареканій, такъ что никто изъ профессоровъ не получилъ въ то время отъ высшаго начальства никакого замѣчанія насчетъ ученыхъ трудовъ своихъ; а, напротивъ того, многіе изъ профессоровъ, по ходатайству кн. Оболенскаго, были награждены чинами и орденами.

Итакъ, совѣтъ университета достойно и праведно избралъ кн. Оболенскаго почетнымъ членомъ московскаго университета.

Прощаясь со мною, кн. благодарилъ меня за успѣшное и вполнѣ удовлетворительное стараніе мое по многотрудной должности старшаго письмоводителя канцеляріи попечителя московскаго учебнаго округа, и увѣрилъ, что онъ никогда не забудетъ меня, въ чемъ и выдалъ мнѣ аттестатъ. Теперь, слѣдуя долгу чести и благодарности, я поставляю себѣ пріятнѣйшею обязанностью разсказать здѣсь объ одномъ рѣдкомъ и великодушномъ поступкѣ со мною достопочтеннаго начальника моего: всѣмъ извѣстно было, что князь, съ дозволенія министра, проживалъ каждое лѣто въ подмосковномъ селѣ своемъ до глубокой осени. Сначала нравилась мнѣ деревенская жизнь, но послѣ, а особливо въ дурную осеннюю погоду, я скучалъ иногда деревенскимъ однообразіемъ, что не укрылось отъ проницательныхъ взоровъ начальника моего. Однажды князь, окончивъ со мною дѣла, до службы касающіяся, обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: „я замѣчаю, любезный другъ, по лицу твоему, что ты недово-

ленъ мною; если такъ, то ты воленъ оставить меня и перемѣнить службу".

Не ожидая такого привѣта, я смѣшался, поклонился князю и вышелъ отъ него. Лишь только пришелъ я въ свою комнату, какъ князь потребовалъ меня опять къ себѣ и, ласково встрѣтивъ, сказалъ: „извини меня, любезный другъ, что я огорчилъ тебя; забудемъ прошедшее и останемся попрежнему друзьями!"

Съ этимъ словомъ князь обнялъ меня и разцѣловалъ. Слезы благодарности хлынули тогда изъ глазъ моихъ и оставили во мнѣ сладостное воспоминаніе о столь рѣдкомъ и великодушномъ поступкѣ со мною благороднаго князя.

Въ деревнѣ кн. Андрей Петровичъ провождалъ время какъ русскій баринъ и православный христіанинъ. Онъ вставалъ отъ сна довольно рано, уходилъ въ свой кабинетъ, выпивалъ тамъ чашку чая, выслушивалъ приказчика о ходѣ полевыхъ работъ и, наконецъ, часовъ въ восемь призывалъ меня для письменныхъ занятій по службѣ. Послѣ того князь, побесѣдовавъ нѣкоторое время съ семействомъ своимъ, отправлялся на поля, правя самъ бойкимъ иноходцемъ. Въ часъ пополудни обѣдалъ, потомъ отдыхалъ, однако-же, не долго. Въ пять или шесть часовъ ѣздилъ на охоту, разумѣется, въ хорошую погоду; въ 9 часовъ ужиналъ, а въ 10 ложился спать. Такъ проводилъ время почтенный князь Андрей Петровичъ въ подмосковномъ селѣ своемъ Троицкомъ—Ордынцѣ то-жъ. Весьма часто пріѣзжали къ князю братья его и сестры и гостили у него сколько имъ было угодно. Въ числѣ прочихъ посѣтителей находились: генералъ Муромцевъ, большой говорунъ, и нѣкто Митрофановъ, постоянно проживавшій въ лѣтнее время у князя и всегда сопутствовавшій ему на охоту. Бывали и другія особы: кн. Павелъ Павловичъ Гагаринъ, братъ супруги князя Андрея Петровича; кн. Сергій Ивановичъ Гагаринъ, великій агрономъ и скряга; кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій, съ красивою и пребойкою супругою своею. Вѣроятно, что кн. Андрей Петровичъ находился въ родствѣ съ кн. Вяземскимъ по матери своей изъ дому князей Вяземскихъ, и что по этому родству былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Карамзинымъ—женатымъ на побочной сестрѣ кн. Вяземскаго, а равномѣрно и съ другомъ Карамзина, Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, посѣтившимъ, кажется, два раза князя

Андрея Петровича въ сельскомъ уединеніи его. По вліянію этихъ-то замѣчательныхъ лицъ на кн. Оболенскаго опредѣленъ былъ въ 1817 г. въ службу университетской типографіи помощникомъ издателя „Московскихъ Вѣдомостей“ извѣстный въ Москвѣ любитель прекраснаго пола кн. Петръ Ивановичъ Шаликовъ; а директоръ училищъ Костромской губерніи, Грамотинъ, пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-ой степени.

Кромѣ означенныхъ выше особъ, пріѣзжалъ иногда обѣдать къ князю гр. Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, проживавшій въ великолѣпномъ селѣ своемъ Семеновскомъ, Отрада то-жъ, въ 25-ти верстахъ отъ имѣнія кн. Оболенскаго. Графъ Орловъ,— вельможа временъ Екатерины Второй, былъ родной братъ извѣстнаго нѣкогда смѣлаго временщика гр. Алексѣя Орлова, но уже устарѣлый и сгорбившійся. При гр. Владимірѣ Орловѣ всегда находился докторъ: сперва Геника, а потомъ Масленниковъ. Замѣчательно, что графъ во время обѣда вставалъ нѣсколько разъ изъ-за стола, выходилъ съ рюмкою вина въ другую комнату и тамъ медленно выпивалъ вино.

Но самымъ замѣчательнымъ посѣтителемъ кн. Оболенскаго былъ, какъ-то лѣтомъ, многоизвѣстный митрополитъ московскій Филаретъ. Онъ, бывши въ Коломнѣ, проѣхалъ оттуда проселочною дорогою въ княжое село, находившееся близь серпуховской дороги, вѣроятно—по приглашенію князя. Само собою разумѣется, что высокопреосвященный владыко былъ встрѣченъ священникомъ съ крестомъ и святою водою; осматривалъ церковь и, откушавъ у князя, отправился въ Подольскъ. Мнѣ очень досадно было на то, что я, сидя за обѣдомъ въ отдаленіи отъ митрополита и князя, не могъ слышать ихъ разговора.

VII.

Генералъ-маіоръ Писаревъ.—Милостивое его ко мнѣ отношеніе.—Инцидентъ на обѣдѣ у попечителя.—Ревизія фл.-ад. гр. Строгонова.—Пріѣздъ государя для коронаціи.—Удаленіе Прокоповича-Антонскаго отъ управленія пансіономъ.—Стихи студента Полежаева.—Посѣщеніе университета государемъ.—Соборная церковь въ с. Грузино.—Достопримѣчательности с. Грузина.

Возвратясь отъ кн. Оболенскаго въ Москву, я поспѣшилъ къ новому начальнику московскаго учебнаго округа, генералъ-маіору Александру Александровичу Писареву, съ дѣлами попечительской канцеляріи. Его превос—во, принявъ меня очень милостиво и благосклонно, вошелъ со мною въ продолжительный разговоръ по разнымъ предметамъ, касающимся до университета и его учебнаго округа, обнадежилъ меня въ своемъ покровительствѣ, приглашалъ за свою трапезу и далъ мнѣ право расходывать 4.000 р., опредѣленные на содержаніе канцеляріи попечителя, что кн. Оболенскій дѣлалъ лично самъ. Однимъ словомъ, я былъ въ восторгѣ отъ новаго начальника.

Писаревъ давно уже славился въ ученомъ свѣтѣ разными сочиненіями; былъ предсѣдателемъ общества исторіи и древностей россійскихъ и членомъ россійской академіи; отличался дѣятельностію; любилъ блеснуть порядкомъ, чистотою, и, вступивъ въ должность попечителя московскаго учебнаго округа, занялся личнымъ осмотромъ университета, благороднаго пансіона, типографіи, гимназіи и училищъ; посѣщалъ профессорскія лекціи, и обратилъ особенное вниманіе свое на казенныхъ студентовъ, ихъ жилыя комнаты, пищу и одежду.

Писаревъ, по какому-то непонятному для меня обстоятельству, бралъ меня всегда съ собою; приказывалъ мнѣ записывать дѣланныя имъ въ разныхъ мѣстахъ замѣчанія и представлять ему о нихъ краткія замѣтки. Я сталъ на виду у всѣхъ чиновниковъ; всѣ смотрѣли на меня какъ на перваго любимца Писарева и тогда уже жало зависти и клеветы начало пускать въ меня, ядовитыя стрѣлы свои. Въ такомъ новомъ, трудномъ для меня, положеніи я не зналъ кому мнѣ болѣе угождать: Писареву-ли, требовавшему отъ меня по всѣмъ дѣламъ точныхъ и вѣрныхъ объясненій, или профессорамъ и другимъ чиновникамъ? Слѣдуя долгу чести и совѣсти, я избралъ себѣ прямую

дорогу, говорилъ начальнику правду-матку, и всемѣрно старался, чтобы онъ дѣйствовалъ во всѣхъ случаяхъ сообразно съ уставомъ университета и предписаніями начальства. Сначала дѣла наши шли какъ нельзя лучше; но вскорѣ я убѣдился, что Писаревъ отличался легкомысліемъ, насмѣшливостію, краснобайствомъ; охотно выслушивалъ всѣхъ и каждаго; обѣщалъ просителямъ золотыя горы и забывалъ про свои обѣщанія. Явились льстецы, ласкатели—и пошла потѣха.

Хотя Писаревъ и пользовался добрымъ къ себѣ расположеніемъ министра народнаго просвѣщенія Шишкова и находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ директоромъ министерскаго департамента Языковымъ, но, при всемъ томъ, ему, т. е. Писареву, не было опредѣлено ни жалованья по должности попечителя, ни даже столовыхъ денегъ, производившихся прежнимъ попечителямъ: Голенищеву-Кутузову и кн. Оболенскому по 3,600 руб. въ годъ. Несмотря на это, Писаревъ съ помощью тещи своей, генеральши Дурасовой, завелъ у себя зимою по воскреснымъ днямъ довольно многолюдные обѣды, на которые являлись нѣкоторые изъ профессоровъ и другія особы разныхъ оттѣнковъ. На этихъ-же обѣдахъ находились по очереди по два студента казеннаго содержанія и по два воспитанника университетскаго благороднаго пансіона. Они собирались у меня на квартирѣ въ университетскомъ домѣ и вмѣстѣ со мною отправлялись къ е. пр—ству въ присылаемой отъ него ко мнѣ, въ извѣстное время, четвероместной каретѣ. Однажды, въ воскресный день, Писаревъ оставилъ у себя обѣдать пришедшаго къ къ нему по какому-то дѣлу извѣстнаго тогда въ ученомъ мірѣ литератора, купца, Николая Алексѣевича Полеваго. Лишь только сѣли мы за столъ, какъ явился въ столовую запыхавшійся отъ усталости кн. Петръ Ивановичъ Шаликовъ, но, увидя сидѣвшаго за столомъ Полеваго, сказалъ довольно громко, что онъ не можетъ обѣдать вмѣстѣ съ купчишкою, повернулъ назадъ, и скрылся изъ глазъ удивленнаго хозяина и хозяйки дома. Надобно знать, что Шаликовъ находился въ службѣ въ университетской типографіи, слѣдовательно былъ подъ начальствомъ Писарева. Какова-же дерзость подчиненнаго передъ своимъ начальникомъ!

Въ маѣ мѣсяцѣ 1826 г. осматривалъ университетъ, по высо-

чайшему повелѣнію новаго государя, флигель-адъютантъ е. в. гр. Сергій Григорьевичъ Строгоновъ. Случилось такъ, что въ это самое время профессоръ Давыдовъ читалъ вступительную лекцію свою „О возможности философіи какъ науки". Графъ Строгоновъ, выслушавъ лекцію, запретилъ дальнѣйшее чтеніе объ этомъ предметѣ. Такое неожиданное распоряженіе флигель-адъютанта гр. Строгонова произвело на всѣхъ членовъ университета сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, я имѣю причину полагать, что Писаревъ имѣлъ отъ директора Языкова свѣдѣніе о томъ, что бывшій министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ въ 1825 г. доносилъ императору Александру I-му, что открытое распространеніе философіи въ университетахъ ввергаетъ въ близкую опасность и церковь Господню и отечественное правленіе, а потому умолялъ государя уничтожить это зловредное ученіе въ самомъ его началѣ. Но при всемъ томъ Писареву не было извѣстно—этимъ-ли донесеніемъ руководствовался гр. Строгоновъ или чѣмъ-либо другимъ, а равно и о томъ, въ какомъ видѣ описалъ онъ государю все, касающееся до университета, ибо въ скоромъ времени пронеслась въ Москвѣ молва, что Писаревъ будетъ уволенъ отъ должности попечителя и на мѣсто его поступитъ графъ Строгоновъ.

Профессоръ Давыдовъ, лишившись внезапно каѳедры философіи, былъ назначенъ попечителемъ къ преподаванію, на время, высшей математики съ жалованьемъ, получаемымъ имъ по каѳедрѣ философіи; министръ Шишковъ, отъ 27-го августа, утвердилъ такое назначеніе. Но совѣтъ университета, по вторичномъ уже предписаніи министра, допустилъ Давыдова до преподаванія студентамъ высшей алгебры. Въ этомъ дѣлѣ, продолжавшемся цѣлый годъ, интриговалъ въ совѣтѣ университета профессоръ математики Щепкинъ, подозрѣвавшій, что Давыдовъ, покровительствуемый Писаревымъ, вытѣснитъ его, Щепкина, и вовсе изъ университета. Съ этого времени Щепкинъ обрушился на меня своимъ гнѣвомъ за то, что будто-бы я увлекалъ Писарева на сторону Давыдова во вредъ его, Щепкина [1]).

[1]) Давыдовъ занялъ въ 1831 г. каѳедру русской словесности, упразднившуюся кончиною проф. Мерзлякова. Казалось-бы, что Щепкинъ долженъ былъ быть доволенъ;—такимъ образомъ, онъ избавился отъ своего соперника;

Когда Москва ожидала съ нетерпѣніемъ новаго государя для священнаго коронованія и готовилась встрѣтить е. и. в. торжественнымъ образомъ, тогда и Писаревъ прилагалъ все стараніе свое къ приведенію университета и подвѣдомственныхъ ему училищъ въ блестящій видъ. Справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторые изъ профессоровъ весьма неохотно помогали Писареву въ его распоряженіяхъ и даже подшучивали надъ ними. Въ такомъ-то положеніи университетскихъ дѣлъ изволилъ прибыть въ Москву государь императоръ, съ высочайшею фамиліею и со всѣми министрами, въ числѣ которыхъ находился и нашъ престарѣлый министръ А. С. Шишковъ. По предварительному соглашенію съ Писаревымъ, Шишковъ остановился въ томъ-же домѣ, въ которомъ жилъ и Писаревъ, съ директоромъ канцеляріи своей, кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, и письмоводителями: Сербиновичемъ и Семеновымъ. Осмотрѣвъ университетъ и благородный пансіонъ, Шишковъ или, вѣрнѣе сказать, кн. Ширинскій-Шихматовъ, остался доволенъ первымъ, а въ послѣднемъ ничто ему не понравилось. Такая неожиданная непріятность заставила директора пансіона, заслуженнаго профессора Прокоповича-Антонскаго, удалиться отъ показанной должности. Князь Ширинскій и Перовскій убѣдили Шишкова и Писарева опредѣлить директоромъ пансіона начальника университетской типографіи Курбатова, женатаго на сестрѣ Перовскаго (побочной дочери бывшаго министра графа Разумовскаго), человѣка, не занимавшагося никогда воспитаніемъ юношества. Къ большему еще удивленію, оставили Курбатова и начальникомъ типографіи, что превышало уже власть министра, ибо на соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ должностей слѣдовало испросить высочайшее соизволеніе. Не ясно-ли послѣ такого дѣйствія Шишкова, что онъ допускалъ приближенныхъ своихъ дѣлать изъ себя что имъ было угодно.

За нѣсколько дней до священнаго коронованія государя императора, Шишковъ поручилъ Писареву сдѣлать ему представленіе о награжденіи самаго ограниченнаго числа чиновни-

---

но, при всемъ томъ, къ удивленію всѣхъ членовъ университета, онъ въ 1833 г. оставилъ вовсе университетъ и поступилъ учителемъ математики въ московскую гимназію. М. Т.

ковъ московскаго учебнаго округа. Писаревъ назначалъ мнѣ орденъ св. Владиміра 4-й степени, къ которому я уже былъ представляемъ отъ прежняго попечителя, но одинъ изъ письмоводителей министра присовѣтовалъ мнѣ просить слѣдующаго чина въ томъ предположеніи, что орденъ долженъ выйти по прежнему представленію. Итакъ, я рекомендованъ былъ къ чину коллежскаго ассессора въ числѣ шести только чиновниковъ московскаго учебнаго округа, которымъ испрашиваемы были другія награды. Писареву назначалъ министръ орденъ св. Владиміра 2-й степени. Мы полагали навѣрное, что удостоимся высокомонаршей милости, но скоро, однако-жъ, узнали, что государь не соблаговолилъ утвердить доклада министра о нашихъ наградахъ. Къ вящему прискорбію и министра и попечителя, кто-то изъ добрыхъ людей представилъ государю стихи студента Александра Полежаева, подъ названіемъ „Сашка“. Это стихотвореніе не что иное, какъ подражаніе Онѣгину Пушкина, самое грязное и развратное, въ которомъ помѣщено нѣсколько стиховъ противъ самодержавнаго правленія въ Россіи. Полежаевъ—побочный сынъ богатаго барина; воспитывался въ Москвѣ въ частномъ пансіонѣ, а оттуда поступилъ въ университетъ студентомъ при прежнемъ попечителѣ кн. Оболенскомъ и жилъ на хлѣбахъ у одного чиновника въ университетскомъ домѣ. Полежаевъ былъ взятъ подъ стражу и представленъ государю императору, по его повелѣнію. Его вел., по словамъ Полежаева, приказалъ ему прочесть предъ собою противозаконные стихи, и, видя раскаяніе своевольнаго юноши, назначилъ его въ военную службу на Кавказъ, съ выслугою. Надобно знать, что въ то время строго наблюдали за университетомъ и даже о шалостяхъ гимназистовъ при купаньѣ на Москвѣ рѣкѣ доведено было до высочайшаго свѣдѣнія; притомъ-же ни министръ нашъ, ни попечитель не имѣли счастья пользоваться довѣріемъ къ себѣ его вел. Этого мало: въ Москвѣ разсѣяны были слухи, что Писаревъ даже разстроилъ университетъ по всѣмъ частямъ. Я имѣю причину думать, что въ такомъ безславіи Писарева принимали дѣятельное участіе: прежній министръ кн. А. Н. Голицынъ, ставшій при новомъ государѣ первымъ царедворцемъ, и другъ его кн. А. П. Оболенскій. Они оба не жаловали ни Шишкова, ни Писарева, какъ приверженцевъ гр. Аракчеева.

Государь императоръ, послѣ священнаго коронованія, началъ осматривать разныя заведенія, въ Москвѣ находящіяся. Полагали навѣрное, что е. в. осчастливитъ и университетъ милостивымъ посѣщеніемъ своимъ, но когда и въ какое время? Писаревъ, желая встрѣтить государя приличнымъ образомъ, учредилъ въ университетѣ дежурство изъ двухъ очередныхъ профессоровъ; но эти ученые мужи роптали и тяготились благоразумными мѣрами начальника своего. Тогда Писаревъ самъ началъ просиживать въ университетѣ до 4-хъ часовъ пополудни и вполнѣ достигнулъ своей цѣли. 27-го сентября государь изволилъ прибыть въ университетъ. Писаревъ, какъ будто нечаянно тутъ случившійся, встрѣтилъ е. в. на парадномъ крыльцѣ. Удивленный такою встрѣчею, государь сказалъ Писареву:

„Вы меня ждали?“

— „Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Писаревъ, я нахожусь здѣсь по дѣламъ службы“.

Государь прошелъ въ столовую казенныхъ студентовъ, отвѣдывалъ ихъ кушанье, и, вступивъ въ большую аудиторію, замѣтилъ тамъ сторожа, почивавшаго сладкимъ сномъ. Писаревъ воспользовался этимъ случаемъ и, указывая на сторожа, доложилъ государю: „вотъ вѣрное доказательство того, что мы васъ не ждали“.

Его величество, осмотрѣвъ музей, прошелъ оттуда въ верхній этажъ въ студенческія комнаты. Хотя Писаревъ и успѣлъ въ самое короткое время обмундировать студентовъ на счетъ ихъ жалованья и устроилъ для нихъ прекрасную столовую и кухню, но постели студентскія, по недостатку денежныхъ средствъ, не были еще приведены въ должный порядокъ и представляли непріятное для глазъ разнообразіе. Къ счастію Писарева, государь отдернулъ одѣяло именно съ той кровати, на которой лежалъ довольно изрядный тюфякъ, съ чистою простынею. Замѣтивъ, что близъ Писарева находился кто-то въ университетскомъ мундирѣ, государь спросилъ: „какой это чиновникъ?“

„Инспекторъ казенныхъ студентовъ, адъюнктъ Тихоновичъ“, отвѣчалъ Писаревъ.

— „Такъ послать его въ Петербургъ для изученія устройства въ тамошнихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ“, изволилъ сказать государь и отбылъ изъ университета.

При этомъ случаѣ за нужное считаю изъяснить, что директоръ медицинскаго института профессоръ Мудровъ не участвовалъ въ распоряженіяхъ Писарева по устройству казенныхъ студентовъ, а все до этого предмета касающееся возложено было Писаревымъ на помощника Мудрова, адъюнкта Тихоновича, употребившаго особенную дѣятельность и благоразуміе при исполненіи распоряженій Писарева, а чрезъ то и снискавшаго себѣ полное его благорасположеніе.

Адъюнктъ Тихоновичъ, осмотрѣвъ въ С.-Петербургѣ военно-учебныя заведенія, привезъ оттуда рисунки всѣмъ вещамъ и описанія существующаго въ тѣхъ заведеніяхъ порядка. Писаревъ приступилъ немедленно къ новому устройству студентскихъ комнатъ и всего, до студентовъ касающагося, а также и воспитанниковъ благороднаго пансіона, что продолжалось около года, подъ бдительнымъ надзоромъ самого Писарева и избранныхъ имъ до того чиновниковъ. 2-го декабря 1827 г. Писаревъ представилъ министру, для поднесенія государю императору, подробный отчетъ по означенному предмету и ходатайствовалъ о награжденіи нѣкоторыхъ чиновниковъ, а въ томъ числѣ и меня знаками отличія. Не получая отъ министра болѣе мѣсяца отвѣта на представленіе свое, Писаревъ, въ половинѣ января 1828 г., самъ отправился въ С.-Петербургъ, взявъ съ собою меня и магистра Васильева. Тамъ прожили мы два мѣсяца, справлялись, хлопотали, ожидали всякій день царскаго рѣшенія на представленіе Писарева, и, не дождавшись, выѣхали изъ Петербурга съ пустыми карманами. Со станціи Чудово мы направили путь свой въ село Грузино къ гр. Ал. Андр. Аракчееву. Остановясь въ прекрасной сельской гостинницѣ, Писаревъ поспѣшилъ къ графу, уже извѣщенному о пріѣздѣ въ Грузино какъ самого Писарева, такъ и двухъ чиновниковъ, при немъ находившихся, а я съ товарищемъ начали хлопотать объ обѣдѣ. Въ это время явился къ намъ служитель графа и именемъ его просилъ насъ пожаловать къ его сіятельству. Переодѣвшись въ вицъ-мундиры, мы вступили въ домъ знаменитаго вельможи. Графъ, въ сопровожденіи Писарева, встрѣтилъ насъ въ пріемной комнатѣ, и, узнавъ наши чины и фамиліи, обошелся съ нами съ удивительною благосклонностію.

„Не угодно-ли вамъ, господа, осмотрѣть теперь-же мой домъ

и церковь, а послѣ пожаловать ко мнѣ обѣдать", сказалъ намъ графъ.

Отблагодаривъ его сіятельство за милостивый его пріемъ, мы, сопровождаемые вѣжливымъ проводникомъ, осмотрѣли все достопримѣчательное въ домѣ графа и вступили въ соборную церковь во имя св. апостола Андрея Первозваннаго. Эта великолѣпная церковь снабжена богатѣйшею церковною утварью, украшена прекрасною живописью и краснорѣчиво вѣщаетъ потомству о благодарныхъ чувствованіяхъ гр. Аракчеева къ благодѣтельствовавшимъ ему государямъ. Тамъ въ придѣлѣ на правой сторонѣ, мы увидѣли памятникъ, воздвигнутый графомъ офицерамъ гренадерскаго полка его имени, павшимъ со славою за отечество на поляхъ кровавыхъ битвъ; а на лѣвой сторонѣ—мраморный бюстъ императора Павла I съ надписью: „сердце чисто и духъ правъ предъ Тобою". Противъ этого памятника изготовлена могила для самого гр. Аракчеева, покрытая надгробнымъ камнемъ съ слѣдующею надписью: „на семъ мѣстѣ положено тѣло новогородскаго дворянина графа Ал. Андр. Аракчеева, родившагося 1769 г. сентября 23-го, умершаго..."; и прибавлены достопримѣчательныя слова: „да пребудетъ и по смерти прахъ мой у подножія твоего", то-есть императора Павла I. Нѣсколько далѣе хранится въ превосходномъ футлярѣ подъ стекломъ мундиръ императора Александра I, присланный графу отъ нынѣшняго государя (Николая I). Пройдя въ главную церковь, глазамъ нашимъ представились два портрета: свѣтлѣйшаго князя А. М. Меншикова, перваго владѣльца села Грузина, и гр. Аракчеева, получившаго Грузино отъ щедротъ императора Павла I. Смотря на портреты этихъ знаменитыхъ временщиковъ, рожденныхъ въ бѣдности, а потомъ возвеличенныхъ и прославленныхъ, пользовавшихся въ разное время неограниченнымъ довѣріемъ къ себѣ русскихъ самодержцевъ, я вспомнилъ слова премудраго Соломона: „суета суетъ и всяческая суета".

Возвратясь изъ церкви къ графу, мы увидѣли у него человѣкъ двѣнадцать гостей, въ числѣ которыхъ находился морской офицеръ съ женою. Графъ, получивъ докладъ, что кушанье поставлено, пригласилъ всѣхъ насъ въ столовую, посадилъ подлѣ себя по правую сторону жену моряка, а по лѣвую Писарева. Во время обѣда, графъ любезничалъ съ женою моряка; разговаривалъ

съ Писаревымъ и другими гостями; былъ веселъ, привѣтливъ и каждаго изъ насъ спрашивалъ: „не угодно-ли вамъ такого-то вина?“, получивъ въ отвѣтъ: „пожалуйте“, графъ наливалъ самъ вино и передавалъ гостямъ чрезъ красиваго мальчика, одѣтаго по-русски. По окончаніи обѣда, всѣ гости раскланялись гостепріимному хозяину и разъѣхались. Писаревъ хотѣлъ сдѣлать тоже, но графъ пригласилъ его и насъ въ церковь, самъ вынималъ изъ шкафовъ церковныя вещи, въ числѣ которыхъ находились сосуды высокой работы, вылитые изъ золота въ Парижѣ, по заказу и усердію графа, и, наконецъ, подвелъ насъ къ стеклянному футляру, въ которомъ хранится мундиръ Александра Благословеннаго; вынулъ этотъ мундиръ, поцѣловалъ его, и сквозь слезы сказалъ: „этотъ мундиръ принадлежалъ моему благодѣтелю, великому изъ владыкъ земныхъ и добрѣйшему изъ людей!“ Въ эту минуту я смотрѣлъ съ восторгомъ на благороднаго графа, столь великодушно чтущаго память добраго русскаго царя. Графъ дозволилъ и намъ облобызать драгоцѣнный мундиръ, а послѣ положилъ его въ футляръ.

Осмотрѣвъ церковь и всѣ богатства ея, графъ ввелъ насъ въ особое отдѣленіе, въ которомъ онъ, никѣмъ невидимый, присутствуетъ во время божественной службы, и шутя сказалъ: „здѣсь мы, ужъ вѣрно, всѣ православные“, т. е. между нами нѣтъ масоновъ.

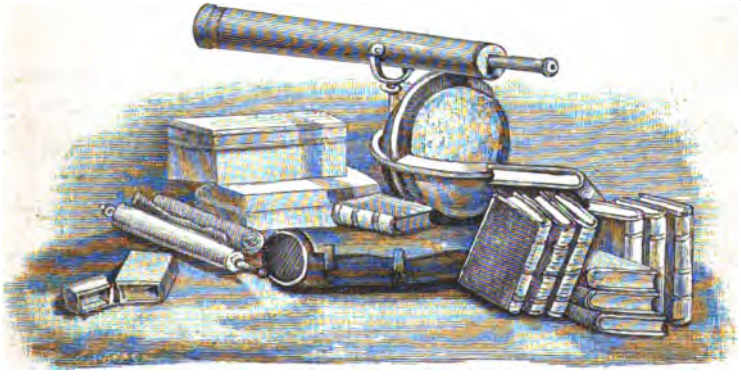
Въ этомъ отдѣленіи мы замѣтили нѣсколько церковныхъ книгъ и древнее паникадило, найденное въ землѣ при постройкѣ зданій для военныхъ поселеній. Писаревъ, какъ знатокъ русской старины, объяснилъ графу свое мнѣніе объ этомъ паникадилѣ и вызвался присылать въ Грузино „Труды общества исторіи и древностей россійскихъ“, что принято графомъ съ удовольствіемъ и признательностью. Изъ церкви провелъ насъ графъ къ рѣкѣ Волхову. На берегу этой рѣки, подъ прочнымъ шатромъ, хранится лодка, на которой императоръ Александръ съ графами Аракчеевымъ и Толстымъ изволилъ нѣкогда плавать по Волхову, что обозначено на самой лодкѣ металлическими литерами. Наконецъ, Писаревъ, отблагодаривъ графа за его гостепріимство, сталъ прощаться съ нимъ. Я и товарищъ мой сняли съ себя въ это время фуражки и въ почтительномъ отдаленіи готовились засвидѣтельствовать графу и нашу сердечную благодар-

ность за высокую честь, оказанную имъ намъ, малозначущимъ чиновникамъ. Графъ, взглянувъ на насъ, изволилъ сказать: „господа, накройтесь“, и потомъ продолжалъ: „если вамъ случится когда-нибудь ѣхать въ Петербургъ по дѣламъ службы или по своимъ надобностямъ, то прошу васъ не забыть меня; я буду вамъ радъ!“

Мы отвѣсили графу по низкому поклону и увѣрили его, что поставимъ себѣ за особенную честь исполнить его приказаніе. Такъ оставили мы Грузино и покатили въ Москву Бѣлокаменную. Дорогою много думъ тѣснилось въ головѣ моей про Аракчеева, имя котораго гремѣло по всей Руси и многими повторялось съ ненавистью и презрѣніемъ.

М. П. Третьяковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).



ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

Поѣздка по Франціи и Италіи.

(Рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго).

Недоумѣніе [1]).

Malum consiliam est quod mutari non potest.

Время купанья и леченья на эксскихъ водахъ миновало; вечера стали темнѣе, холоднѣе; снѣгъ напудрилъ вершины горъ; вольные и промышленники стали мало по малу разъѣзжаться; наконецъ, и я собрался. Мы отправились вмѣстѣ съ однимъ французомъ, который жилъ со мною въ одномъ домѣ; онъ все торопилъ меня, а я все медлилъ, и когда мы сѣли въ карету, онъ съ восхищеніемъ сказалъ: „enfin, nous voilà partis; nous emportons les clefs d'Aix!“ [2]). И дѣйствительно, кажется, мы выѣхали послѣдніе. Причиною-же тому было, что одинъ лозанскій помѣщикъ ввѣрилъ мнѣ любопытную рукопись, написанную г. де-Портетцомъ, въ коей часто упоминается о Ж.-Ж. Руссо. Авторъ манускрипта зналъ его, былъ съ нимъ въ сношеніяхъ и ненавидѣлъ его отъ всего сердца. Я списалъ бо́льшую часть достойнаго примѣчанія и впослѣдствіи

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1892 г. LXXV, стр. 256—299.

[2]) Наконецъ-то, мы уѣхали; мы увозимъ съ собою ключи Экса.

сообщу все читателямъ. Французъ, съ коимъ я отправился, назывался г. де-Больё; онъ былъ самый эксцентрическій человѣкъ, легковѣренъ до чрезвычайности, слѣдовательно, способный къ мистификаціи. Онъ писалъ журналъ своего путешествія, который, по возвращеніи въ Парижъ, безъ жалости къ публикѣ, предалъ печати подъ заглавіемъ: „Rélation véridique d'un voyage en Allemagne, en Suisse et en Italie“ [1]). Прошу читателей извинить, ежели я сдѣлаю маленькое отступленіе; но оно мнѣ необходимо, чтобы дать понятіе о характерѣ моего сопутника и о странностяхъ этого, между прочимъ, добрѣйшаго человѣка.

Еще въ прошломъ 18.. году встрѣтился я съ г. де-Больё въ Ахенѣ и потомъ въ Спа и въ Брюсселѣ, гдѣ мы видѣлись съ нимъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ ежедневно и почти ежеминутно. Во время пребыванія моего въ Ахенѣ, пріѣхалъ туда полковникъ Густавсонъ (бывшій король шведскій) и остановился въ гостинницѣ „Чернаго орла“, гдѣ я жилъ. Онъ пріѣхалъ на имперіалѣ дилижанса одинъ, безъ лакея, и занималъ маленькую комнатку или, какъ говорится у насъ въ Россіи, нумеръ, рядомъ со мною; обѣдалъ-же онъ почти всякій день за общимъ столомъ. Г. Больё, который жилъ въ другомъ трактирѣ, узнавъ о прибытіи столь замѣчательной особы, просилъ меня занять для него мѣсто за нашимъ столомъ, что я исполнилъ; но, на бѣду его, полковникъ Густавсонъ въ этотъ день обѣдалъ за-городомъ.

Товарищъ и землякъ мой Молоствовъ любилъ часто издѣваться надъ французскимъ туристомъ и увѣрилъ его, что сидѣвшій подлѣ него голландскій генералъ былъ эксъ-шведскій король; между тѣмъ, этотъ генералъ слылъ въ нашемъ обществѣ за великаго пустомелю и даже нѣсколько помѣшаннымъ. Надо было видѣть, съ какимъ любопытствомъ г. Больё вслушивался въ малѣйшіе разговоры своего словоохотнаго сосѣда, какъ онъ въ него вглядывался, съ какимъ подобострастіемъ ему услуживалъ и какъ усердно вносилъ въ свою записную книжку всякое слово, произнесенное голландскимъ генераломъ. Я помню, между прочимъ, что когда подали дессертъ, мнимый король, замѣтивъ, что персики и абрикосы были не зрѣлые, сказалъ: „о, если-бы я былъ королемъ! (sic), я-бы издалъ законъ, въ силу коего про-

[1]) „Правдивое описаніе путешествія по Германіи, Швейцаріи и Италіи“.

давцы незрѣлыхъ овощей и фруктовъ подвергались-бы равному наказанію, какъ и отравители (empoisonneurs), и приговорилъ-бы ихъ объѣдаться этими самыми незрѣлыми фруктами".

— „Слышите-ли, шептнулъ мнѣ на ухо Больё, какъ е. в. разсуждаетъ? какія мудрыя изреченія, государственныя идеи невольно проскакиваютъ изъ самыхъ простыхъ его разговоровъ!"

Мнѣ стало совѣстно, что мы ввели шутя бѣднаго Больё въ заблужденіе, тѣмъ болѣе, что онъ намѣревался напечатать свои путевыя записки, и я рѣшился на другой день открыть ему истину; но французъ не хотѣлъ вѣрить и полагалъ, напротивъ, что я этотъ разъ намѣренъ его мистифицировать и показать ему другаго гостя за короля, въ чемъ товарищъ мой М..... его увѣрилъ.

„Я знаю васъ, сказалъ онъ, вы не разъ надо мною подшучивали; вы, вѣроятно, намѣрены свести меня съ какимъ-нибудь мистификаторомъ, котораго вы пожалуете въ шведскіе короли, и надѣетесь, что я дамся въ обманъ, напишу нелѣпости и проч.".

Всѣ мои усилія были тщетны, Больё издалъ книжку свою и помѣстилъ въ ней подробный отчетъ всего того, что говорилъ мнимый полковникъ Густавсонъ; „et voilà comment on écrit l'histoire!" [1]).

Но вотъ мы отправились съ нимъ въ Шамбери. Онъ долженъ былъ ѣхать въ Туринъ; я-же былъ въ недоумѣніи и не рѣшался куда направить путь: воды эксскія возвратили мнѣ здоровье, въ деньгахъ у меня не было недостатка, особенныхъ дѣлъ никакихъ. Теперь мнѣ предстояли три дороги: я хотѣлъ объѣхать всю южную и юго-западную Францію и возвратиться скорѣе въ Парижъ, куда манили меня двухъ-лѣтняя привычка и наслажденія всякаго рода; 2) мнѣ хотѣлось посѣтить Швейцарію; 3) я имѣлъ также желаніе переѣхать Альпы, такъ что хотя-бы могъ сказать, что я видѣлъ Италію. Долго думалъ я и не рѣшался. Больё приставалъ ко мнѣ болѣе и болѣе. Наконецъ, пошли мы обѣдать à table d'hôte. Со мною рядомъ сидѣлъ докторъ Д..... изъ Турина; мы съ нимъ разговорились и я узналъ отъ него, что короткій знакомый и хорошій

[1]) И вотъ какимъ образомъ пишется исторія.

пріятель мой Шереметевъ пріѣхалъ въ Туринъ; я тотчасъ-же рѣшился отправиться туда, чтобы взглянуть хотя на одинъ итальянскій городъ.

Переѣздъ черезъ Монъ-Сени нѣсколько насъ утомилъ. Мы переѣзжали черезъ густое облако, такъ что не видать было ни зги; карета, хотя всѣ окна были подняты, наполнилась сырою мглою и мы промокли до костей. Одинъ г. Больё восхищался этимъ мокрымъ зрѣлищемъ и, подобно Иксіону, облеченный въ облако, еще привѣтствовалъ мглу прозою и стихами. Добравшись до вершины, мы нашли густой снѣгъ; въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ замѣтили слѣды животныхъ, что и напомнило мнѣ пороши роднаго края; я вздохнулъ, и вздохъ мой смѣшался съ воздухомъ въ 8 градусовъ мороза. Но картина внезапно измѣнилась, когда мы стали спускаться на другую сторону горы: воздухъ безпрестанно становился теплѣе, и мы съ восхищеніемъ глядѣли на развивающіяся передъ нами богатыя и плодоносныя нивы Піемонта.

Съ нами ѣхалъ итальянецъ, родомъ изъ Модены, старый воинъ, который изгнанъ былъ изъ отечества вслѣдствіе политическихъ происшествій и провелъ 10 лѣтъ на чужбинѣ; нынѣ, получивъ помилованіе, возвращался. Съ какимъ чувствомъ удовольствія смотрѣлъ онъ на южный край; какъ онъ наслаждался родною природою! Слезы орошали посѣдѣвшіе въ изгнаніи усы и онъ съ жаромъ восклицалъ: „Italia, Italia! o tu, cui fea la sorte, donno infelice di bellezza! Sai men bella, ma piu forte!“ и пр.

На другой день пріѣхали мы въ Туринъ.

Туринъ.

„Vous êtes Persan! — Comment est-il possible d'être Persan?“
Montesquieu, Lettres Persannes.

Не взирая на вѣковыя сношенія Россіи съ южною Европою, на умножающееся ежегодно число всероссійскихъ туристовъ и даже на итальянскій походъ Суворова, русскій все еще иногда бываетъ предметомъ невѣжественнаго любопытства итальянцевъ: на него глядятъ какъ на рѣдкое животное, на которое приходятъ смотрѣть, заплативъ 5 су за входъ. Я испыталъ это въ Туринѣ: лишь только узнали, что я русскій, всѣ взоры обрати-

лись на меня, табакерка, фуляръ, записная книжка, особенно-же кошелекъ; а также фуражка моя, хотя и купленная въ Парижѣ, казалась имъ необыкновеннымъ произведеніемъ московской промышленности; полдюжины смуглыхъ фигуръ обоего пола вперили на меня глупые взоры. Французъ, хотя одѣтъ былъ почти шутомъ, не обращалъ на себя никакого вниманія; всѣ почести безсмысленнаго любопытства предоставлены были мнѣ. За столомъ находились двѣ женщины, нѣсколько обывателей и офицеровъ, въ особенности сіи послѣдніе выпялили на меня очи и закидали самыми плоскими вопросами. Я былъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа и отвѣчалъ коротко, сухо и колко.

Вопросъ. Далеко-ли отсюда до Сибири?

Отвѣтъ. 33,333 мили и 3 трети.

В. Ѣдятъ-ли у васъ хлѣбъ, цыплятъ, спаржу и пр.?

О. Нѣтъ, не ѣдятъ, а кормятъ ими иностранцевъ и поросятъ

В. Говорятъ, что казаки ваши ѣдятъ сальныя свѣчи?

О. Да, но приправляютъ ихъ піемонтскими трюфелями.

В. Вашъ языкъ долженъ быть похожъ на турецкій?

О. Не столько на турецкій, какъ на готтентотскій.

Но я не стану болѣе надоѣдать читателямъ этимъ вздоромъ скажу только, что, не дождавшись конца ужина, я схватилъ длинную шапку въ охапку, бѣжалъ опрометью изъ столовой и заперся въ своей комнатѣ.

Пріятель мой, Шереметевъ, поѣхалъ, къ досадѣ моей, на охоту недѣли на двѣ, и я сталъ помышлять, какъ-бы мнѣ выбраться изъ этого скучнаго города, гдѣ улицы разрисованы съ приторною регулярностью шахматной доски, а жители показались мнѣ сущими пѣшками.

Вечеромъ отправился я въ театръ Кариньяно, гдѣ давали „Семирамиду“. Зала темная, грязная, но зато просторная. Тутъ произошелъ маленькій инцидентъ: одинъ англичанинъ надѣлъ шляпу во время антракта и не хотѣлъ снять ее, не взирая на увѣщеванія полицейскаго офицера, который, потерявъ терпѣніе, сшибъ ее съ головы его. Англичанинъ ударилъ полицейскаго, за что его хотѣли вывести, но онъ началъ боксировать противъ трехъ рачителей покоя и подбилъ имъ порядочно глаза и зубы; однакожъ, наконецъ, былъ выведенъ. Этотъ бой напомнилъ мнѣ происшествіе, случившееся въ присутствіи моемъ, за годъ передъ

симъ, тоже въ театрѣ и тоже съ англичанами. Такъ какъ я не пишу путешествія въ Италію назаказъ, а передаю все, что мнѣ приходитъ въ голову, то и прошу читателей не прогнѣваться, ежели я изъ Италіи перенесусь въ Бельгію.

Въ Брюсселѣ, въ театрѣ „du Parc“, французскіе актеры играли водевиль, названія коего не упомню. Тутъ есть одна сцена, въ которой актеръ прибѣгаетъ и объявляетъ другому, что пріятель ихъ бросился изъ окошка и упалъ на проходящаго ..... „Человѣка?“ спросилъ другой актеръ.—„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, на англичанина“. Эта шутка не понравилась тремъ великобританцамъ, которые, отобѣдавъ изобильно въ трактирѣ Belle vue, пришли въ театръ для прохлажденія жара, причиненнаго отъ испитаго ими шампанскаго; они начали свистать, топать, кричать и бушевать, бельгійцы стали унимать ихъ и—началась потѣха! Большинство голосовъ партера переодолѣло ихъ свистки и нѣсколько зрителей, схвативъ одного изъ англичанъ, болѣе всѣхъ бушевавшаго, понесли его къ дверямъ. Въ это время водворилась нѣкоторая тишина. Джонъ-Буля подняли за ноги, рыжая и раскраснѣвшаяся отъ гнѣва и вина голова его господствовала надъ всею публикою; тутъ онъ произнесъ громкимъ голосомъ и исковерканнымъ французскимъ языкомъ слѣдующій спичъ: „если между вами есть хотя одинъ человѣкъ не трусъ, то я буду ждать его завтра въ гостинницѣ Belle vue, отъ 7-ми часовъ утра до 2-хъ пополудни!“

Съ симъ словомъ бросилъ онъ имъ въ головы съ дюжину визитныхъ карточекъ; буйнаго англичанина унесли. На другой день онъ приклеилъ къ двери своей квартиры бумагу, на которой написалъ, что онъ тутъ и ждетъ дерзкихъ обидѣвшихъ его. Никто не пришелъ! и въ тотъ-же вечеръ англичане отправились торжественно въ театръ, озираясь какъ леопарды; но никто не подошелъ къ нимъ.

Переодѣтая красавица.

Сударыня, барыня, сядьте со мной рядомъ;
Сударыня, барыня, удостойте взглядомъ.
Прочь, прочь, отойди, какой безпокойный!
Русская пѣсня.

Я сидѣлъ погруженнымъ въ тяжелую думу и не рѣшался куда мнѣ направить путь. Если человѣкъ, не начертавъ себѣ предварительнаго плана, хочетъ вдругъ рѣшиться на неопредѣленный вояжъ, какое-то безпокойство обыкновенно овладѣваетъ имъ: то надо переждать погоду, то увѣдомить своихъ, то запастись тѣмъ-то. Такъ размышлялъ я, но, вспомнивъ итальянскую пословицу: „chi guarda ad ogni nuvola, non fu mai viaggio“, я нѣсколько пріободрился. Въ эту минуту постучался кто-то въ дверь; она отворилась и ко мнѣ вошелъ смуглый ветурино; онъ вздохнулъ, сталъ кашлять, и воздухъ заразился чесночными испареніями. „Я пришелъ къ вамъ съ предложеніемъ, сказалъ онъ, отъ молодаго падуйскаго студента, живущаго подъ вами; онъ ѣдетъ въ Миланъ и желаетъ имѣть сопутникомъ человѣка вашихъ лѣтъ, который могъ-бы защитить его отъ обидъ; онъ предпочитаетъ иностранца и военнаго, вы-же, говорятъ, гвардейскій капитанъ; онъ нанимаетъ всю карету и предлагаетъ даже заплатить за ваше мѣсто; такимъ образомъ вы можете даромъ ѣхать въ Миланъ.

Подумавъ нѣсколько, я отвѣчалъ, что, можетъ быть, соглашусь на это предложеніе, но платить намѣренъ самъ за себя. Прежде-же всего желаю познакомиться съ его студентомъ. Что-жъ, думалъ я, почему не съѣздить въ Миланъ, можетъ быть тамъ люди лучше и городъ веселѣе, чѣмъ здѣсь. Посмотрю, ежели падуйскій студентъ скромный и порядочный мальчикъ, недоумѣніе мое разсѣется и я поѣду въ Миланъ! Ветурино вышелъ и черезъ часъ возвратился, приглашая сойдти внизъ къ студенту. При первомъ взглядѣ юноша опустилъ прекрасные глаза, покраснѣлъ и молчалъ. Но какъ описать вамъ восхищеніе мое? „Chi mi dara la voce e le parole convenienti a si gentil

suggetto?“, когда я замѣтилъ, что мнимый студентъ былъ не что иное какъ очень пригоженькая молодая дама лѣтъ семнадцати.

Да, я долженъ признаться, что подобной красоты я мало встрѣчалъ въ моей жизни! Я былъ внѣ себя отъ радости. Вскорѣ вступилъ съ нею въ разговоръ; мало по малу она сдѣлалась смѣлѣе. „Меня зовутъ Юлій, сказала она; дядя мой долженъ былъ проводить меня до Милана, но онъ опасно занемогъ и остался въ деревнѣ; я-же долженъ спѣшить, а ѣхать одному страшно! Мнѣ сказали въ домѣ, что вы человѣкъ скромный и благовоспитанный, а потому я рѣшился просить васъ быть моимъ покровителемъ“.

Съ восхищеніемъ принялъ я предложеніе прелестнаго студента и спѣшилъ приготовляться къ отъѣзду, назначенному на завтрашній день, по утру въ 5 часовъ. Цѣлую ночь не смыкалъ я глазъ; таинственный спутникъ или спутница моя овладѣла моимъ воображеніемъ и въ 4 часа я уже былъ на ногахъ, а въ 5 въ каретѣ съ прелестнымъ товарищемъ. Трактирщикъ, провожая насъ, сардонически улыбался, поглядывая то на меня, то на мнимаго юношу.

Первыя минуты по вступленіи нашемъ въ карету прошли почти въ молчаніи. Спутница моя сѣла какъ можно далѣе отъ меня и на вопросы мои отвѣчала, потупя глаза, моносилабами [1]). Я долго любовался на прекрасную ея наружность; наконецъ, ободрился и сказалъ: „г-нъ студентъ! вы, кажется, боитесь меня; напрасно! я малый добрый, не обижу васъ и не дамъ въ обиду. Сядьте со мной рядомъ, взгляните на меня или удостойте взглядомъ“.

При сихъ словахъ взялъ ее за руку. Отдернувъ ее, она отвѣчала хотя, не совсѣмъ точно, словами пѣсни: „Прочь, прочь отойди! какой безпокойный!“, но почти въ этомъ смыслѣ, увѣряя однако-же, что отнюдь не боится меня. Черезъ четверть часа, мнѣ удалось разсмѣшить ее какимъ-то полновѣснымъ галлицизмомъ, и она ободрилась.

„Позвольте спросить—отъ чего у васъ такіе длинные волосы?“, сказалъ я, надо будетъ ихъ обрѣзать, а не то васъ примутъ за переодѣтую дѣвицу.

---

[1]) Односложно.

— У насъ въ университетѣ такой обычай, всѣ студенты носятъ предлинные локоны".

„А у насъ на Руси обычай, когда двое мужчинъ знакомятся, то они обнимаются".

Сказавъ это, я было подвинулся, чтобы похристосоваться съ нею, но моя плутовка ловко отвернулась, примолвивъ со смѣхомъ: „я не русскій студентъ".

„Ну право, я начинаю думать, что вы замаскированная дѣвица; если-бъ вы были дѣйствительно мальчикъ, то съ какой стати краснѣть и отворачиваться".

Но эта застѣнчивость не долго продолжалась; Юлій или Джулія была веселаго и рѣзваго нрава и скоро привыкла; однако-жъ, все-таки упорно настаивала, что она мальчикъ. Такимъ образомъ пріѣхали мы весьма поздно въ Версель, гдѣ довольно весело отужинали. Тутъ случилось еще нѣкоторое затрудненіе. Одна, посредственной красоты и довольно молодая француженка, ѣхавшая въ другой каретѣ, присоединилась къ нашему ужину и пристала къ намъ съ просьбою, чтобы мы взяли ее въ нашу карету.

„Мы сидимъ шестеро въ ужасной тѣснотѣ и ни одинъ изъ товарищей моихъ не говоритъ по-французски", сказала она. Джулія сначала потупила свои прекрасные глаза и не хотѣла никакъ согласиться, но француженка такъ приступила къ ней, что она чуть было не уступила, тогда я рѣшительно объявилъ, что пересяду въ ту карету. Француженка обратилась ко мнѣ и начала говорить мнѣ такія нѣжности, что во всякомъ-бы другомъ случаѣ я-бы растаялъ; но я имѣлъ въ виду слишкомъ интересную и оригинальную интригу съ однимъ изъ прелестнѣйшихъ существъ въ мірѣ и остался непоколебимъ, несмотря на то, что француженка намекала мнѣ, что я останусь очень доволенъ ею, что она наградитъ меня, но я отказалъ наотрѣзъ: „Timeo Gallico et dona ferenti".

Насъ хотѣли помѣстить, какъ всегда водится, для ночлега въ одномъ покоѣ, но студентъ рѣшительно отказался ночевать со мною въ одной комнатѣ. Я просилъ, умолялъ, сердился, угрожалъ, но увы! ничто не помогло. Она велѣла приготовить себѣ постель въ другой комнатѣ, рядомъ со мною. Я сталъ передъ дверью, долго не пускалъ ее, надѣясь, что выпитое за ужиномъ

вино послужитъ мнѣ посредникомъ для одержанія побѣды; заклиналъ ее самыми нѣжными выраженіями: parole di ammollire un cor di sasso! Но жестокая красавица оттолкнула меня, ринулась поспѣшно въ комнату свою, заперлась и начала смѣяться надо мною, припѣвая извѣстный припѣвъ изъ оперы „Il Barbieri di Seviglia"—Buona sera!

Съ неизъяснимою досадою закурилъ я сигарку, принялся писать свой журналъ и началъ слѣдующими словами: „Теперь я вполнѣ понимаю жестокія страданія Тантала", но перо вертѣлось въ рукахъ моихъ, я чувствовалъ судорожныя движенія въ пальцахъ; въ головѣ моей происходилъ какой-то шумъ, сердце мое билось сильно, удары его были какъ удары молота; казалось, оно хотѣло вырваться изъ груди моей. Словомъ сказать, я находился въ такомъ странномъ пароксизмѣ, что не могу описать его. Я помышлялъ уже кинуть упрямаго ребенка; во всякомъ случаѣ, рѣшился на другой день постращать ее, объявивъ, что я ѣду обратно въ Туринъ.... Вдругъ слышу вздохи, стенанія.... они увеличиваются ежеминутно; я сталъ вслушиваться,—стоны продолжаются, по временамъ красавица моя вдругъ вспрыгивала со стукомъ и вскрикивала: „Maledizione!" Подозрѣвая какія-нибудь плутни, я хранилъ молчаніе. Однакоже стенанія продолжались все болѣе и болѣе и превратились, наконецъ, въ сущіе вопли. Между тѣмъ настала глубокая ночь; колоколъ на башнѣ каѳедральной церкви Св. Евсевія прогудѣлъ полночь! Глубокая тишина царствовала окрестъ; лишь только слышны были вопли моей прелестной сосѣдки и, наконецъ, услышалъ я настоящіе визги и рыданья! Я потерялъ терпѣніе, быстро вскочилъ съ своего мѣста и подошелъ къ двери. Вдругъ слышу жалкій голосъ Юліи, обращенный ко мнѣ: Signore, Signore, venite qui,—gli stivale, gli stivale!

Я поспѣшилъ, — дверь отворилась и — что-жъ увидѣлъ я? Прелестную Юлію полураздѣтую, обливающуюся слезами и почти изнемогшую: она въ первый разъ въ жизни надѣла сапоги и узкіе, дорогою миньятюрныя ножки ея распухли и она никакъ не могла разуться; сапогъ остановился, не подаваясь ни взадъ, ни впередъ, притомъ-же сдѣлались судороги и послѣ неописаннаго мученія, она принуждена была прибѣгнуть къ моей помощи..... Тутъ скажу я какъ Іорикъ въ „Сантимен-

тальномъ путешествіи“ Стерна, въ самомъ концѣ послѣдней главы:

So that when I stretch'd out my hand,
I caught hold of the young lady's!

Минуты истиннаго наслажденія.

Прекрасный день, счастливый день!
И солнце, и любовь!
Баронъ Дельвигъ.

„Утро вечера мудренѣе“, сказалъ какой-то мудрецъ; но относительно меня эта поговорка оказалась несправедливою. Я провелъ вечеръ самый мудреный, утро-же было вовсе не трудное. Едва стало разсвѣтать, какъ мы уже отправились далѣе къ Навару. Прелестный день благопріятствовалъ намъ: „l'aura soave e l'alba rugiodosà“ смѣнилась блестящимъ солнцемъ, освѣщавшимъ одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстоположеній въ Европѣ! Лишь только мы усѣлись, Юлія, бросивъ на меня очаровательные и томные взгляды, стала мнѣ разсказывать, что она только-что четыре мѣсяца тому назадъ какъ вышла замужъ за пожилаго, хвораго офицера, служащаго въ карабинерахъ; невинный бракъ ея не измѣнилъ ни въ чемъ ея существа. Родители ея, люди недостаточные, требовали этого замужества, и она пожертвовала собою, соединясь на вѣки съ человѣкомъ ей антипатичнымъ (antipatico); хотя, впрочемъ, онъ добръ, невзыскателенъ и оставляетъ ее въ покоѣ. Она отправилась въ Туринъ для полученія суммы денегъ, послѣ выигранной тяжбы, и возвращается паки къ своимъ пенатамъ; мужъ ждетъ ее съ нетерпѣніемъ въ Миланѣ, но болѣе ждетъ денегъ. Она одѣлась въ мужское платье потому, что, ѣдучи изъ Милана въ одеждѣ своего пола, она вытерпѣла много непріятностей отъ молодыхъ людей, ей сопутствовавшихъ. Къ чему она присовокупила: „я спѣшила, потому что мужъ мой ждетъ меня; а теперь мнѣ такъ весело съ вами, что мнѣ хотѣлось-бы сдѣлаться жертвою какого-нибудь происшествія, чтобы замедлить наше путешествіе“.

Присемъ, она громко расхохоталась, восклицая: „sono una pazza! tradire il mio marito,—o!“

Что-жъ мудренаго? Мужъ ея, по словамъ ея, былъ вдвое

старше меня, притомъ-же калѣка; а она почти вдвое моложе меня: средняя пропорція имѣла наклоненіе въ мою сторону. На вопросъ мой: „какого нрава ея мужъ?“ она отвѣчала:

—„Cesta tedesca!“

„Жалѣю о тебѣ, сказалъ я, Italiano tedescato e un diavolo incranato!“

—„О, нѣтъ, возразила она, онъ добрякъ (buona pasta), хотя тяжелъ и скученъ (fastidioso, seccatore)“.

Я не буду описывать какъ мила, рѣзва, забавна была Юлія, какъ превосходно и нѣжно она пѣла; скажу только, что цѣль нашего путешествія быстро приближалась и меня это жестоко огорчало. Милая Юлія, желая утѣшить меня, сказала: „если ты дѣйствительно влюбленъ въ меня, то вернемся назадъ въ Туринъ; я напишу моему старику, что я занемогла, и мы проживемъ тамъ нѣсколько времени“.

Но вдругъ остановилась и воскликнула: „О, io insanita!“

Къ сумеркамъ, при звонѣ Ave Maria, притащились мы въ Навару и остановились въ гостинницѣ „Трехъ королей“ [1]). Ветурино предлагалъ везти, не останавливаясь до Милана, но мы разсудили за благо отвергнуть его лукавое предложеніе.

Доселѣ Юлія была весела, какъ весенняя пташка, но мысль о скоромъ приближеніи къ домашнему крову печалила ее, какъ ребенка: старый мужъ, грозный мужъ стережетъ пріѣздъ ея у порога гостинницы. Съ разсвѣтомъ опять отправились мы далѣе, когда-же вдали забѣлѣлись узорчатые мраморы миланскаго собора, сердце ея сильно затрепетало,—изъ рѣзвой нимфы сдѣлалась она грустною Мадонною:

„И вдругъ, картина измѣнилась!
У милой слезка покатилась
Изъ лѣваго ея глазка,—
Катилася, катилась
На щечкѣ въ ямкѣ поселилась,
Какъ будто въ лужицѣ вода!“

Когда мы подъѣзжали къ Буфалоро, Юлія увидѣла на дорогѣ довольно пожилую женщину, шедшую пѣшкомъ въ Миланъ;

---

[1]) Ich sah den Himmel offen,
Und auf Erden war mein Hoffen.

она остановила ее и предложила мѣсто съ нами въ каретѣ; тутъ мы условились съ нею, сдѣлавъ ей приличный подарокъ, что она въ Миланѣ будетъ утверждать, что она ѣхала съ нами отъ самаго Турина. Жестокая печаль овладѣла нами и сопровождала насъ до самыхъ воротъ трактира, подъ вывѣскою „Мальтійскаго креста“. Вдругъ, изъ-за дверей какой-то старичекъ, въ военномъ мундирѣ, лѣтъ за шестьдесятъ, съ клюкою въ рукѣ, высунулъ разцвѣтшіе два... глаза; сѣдые усы его защетинились отъ радости и онъ бросился обнимать Юлію. О, несправедливый рокъ! думалъ я, этотъ кощей обладаетъ юною красотою; эта поблекшая полынь опутала едва распустившуюся розу!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ въ изліяніи супружеской нѣжности и непродолжительнаго разговора тихомолкомъ между ними съ поглядываніемъ на меня, счастливый старикъ обратился ко мнѣ; я, видимо, смѣшался какъ воръ, пойманный въ покражѣ, и даже жалѣлъ, что не навострилъ лыжи, какъ вдругъ пожилой и неуклюжій ветеранъ воскликнулъ: „Grazia tante, signor capitano!“ Съ сими словами сталъ онъ меня благодарить въ самыхъ трогательнѣйшихъ выраженіяхъ за покровительство, оказанное мною молодой его супругѣ, и взялъ съ меня обѣщаніе посѣщать его, причемъ громко хохоталъ, полагая, что я, въ самомъ дѣлѣ, принималъ жену его за студента, и торжественно объявилъ мнѣ, что я ѣхалъ не съ мальчикомъ, а съ женщиною, его супругою. Я былъ весьма тронутъ изъявленіями нѣжнаго мужа и удостовѣрился, что добрыя дѣла никогда не остаются безъ возмездія.

Миланъ.

Früh schon ist mein Lauf beschlossen,
Doch das Glück hab'ich genossen,
Und das schönste Loos war mein!

Три раза старался я оставить Миланъ и каждый разъ отлагалъ мое намѣреніе. Надлежало разстаться съ... добрымъ мужемъ Юліи, который полюбилъ меня безъ всякаго милосердія. Почтенный старикъ оказывалъ мнѣ всевозможныя услуги изъ благодарности за ласки мои или, какъ онъ называлъ, милости мои къ его женѣ. Онъ угощалъ меня театромъ, пользуясь ло-

жею маркиза Литты, покровителя его; каждый вечеръ посѣщалъ я театръ Ла-Скала и для меня оставляли мѣсто въ этой ложѣ. Остерегаясь, однако-же, изъявлять слишкомъ живо милости мои прелестной супругѣ его, я въ публикѣ обходился съ нею холодно...

Однажды, какъ-то разговаривая съ Юліею, я не замѣтилъ, что старецъ подкрался къ намъ, и говорилъ ей: " ты, mia carina, adorabile amica" и проч. Обернувшись съ нѣкоторымъ смущеніемъ, увидѣлъ я глупо улыбавшуюся, морщинами исчерченную, фигуру его. Не знаю, вслушался-ли онъ или нѣтъ въ нашъ разговоръ, но онъ сказалъ добродушно: „продолжайте, мои милые".

„Представьте себѣ, пробормоталъ я, что я до сихъ поръ не могу отвыкнуть, мнѣ все кажется, что г-жа Сантини—мальчикъ и иногда забываюсь и обхожусь съ нею, какъ съ ученикомъ".

—„Tanto meglio!" [1]) промолвилъ добрый калѣка.

Я не хотѣлъ было упоминать фамиліи этой несиметрической четы, но такъ какъ она вырвалась изъ-подъ пера моего, то пусть останется и будетъ извѣстна читателямъ. Впрочемъ, какое дѣло, что она называлась такъ или инако. Ей-бы слѣдовало называться: la diva! и даже по-русски: диво! Не странно-ли, когда подумаешь, что все это произошло, какъ говорятъ французы, à propos de bottes!

Добрый супругъ Юліи водилъ меня также въ Casino di san Paolo, родъ англійскаго клуба, и, словомъ сказать, вымышлялъ всякаго рода удовольствія, чтобы угостить меня. Но разнообразіе увеселеній не разсѣевало мрачности моей; образъ Юліи безпрестанно представлялся воображенію моему; словомъ сказать, я былъ очарованъ, я пылалъ обворожительною любовью къ ней. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда нашего, однажды, рано по утру, явилось ко мнѣ, какъ лучъ утренней зари, обожаемое существо. Юлія опять со мною! Мужъ ея отправленъ былъ по службѣ въ Монца, гдѣ долженъ былъ провести сутки. Юлія, послѣ горькихъ слезъ, объявила мнѣ, что она рѣшилась оставить мужа и бѣжать со мною. Сначала я было рѣшился и хотѣлъ согласиться на предложеніе ея; пылкая страсть волновала мои чувства и внушала мнѣ мысли несообразныя съ моими правилами. Но, къ счастію, послѣ долгой борьбы, разсудокъ одер-

[1]) Тѣмъ лучше.

жалъ верхъ. Я сказалъ Юліи, что съѣзжу только въ Венецію по необходимымъ дѣламъ, возвращусь скоро назадъ, и мы потомъ придумаемъ средства никогда болѣе не разлучаться. Она упала въ обморокъ...

Разлука была отчаянная!..

Но задерну завѣсу! Я не намѣренъ писать романъ, хотя встрѣча моя съ Юліею, послѣдствія ея — переписка наша, вторичное свиданіе... потомъ ужасное событіе... могли-бы служить матеріалами самому интересному и даже ужасному роману. Но не мнѣ суждено описывать этотъ трогательный эпизодъ моей жизни; я не въ силахъ исполнить этой обязанности: одно воспоминаніе о сихъ сладкихъ и блаженныхъ минутахъ, за коими послѣдовали мгновенно тяжкія горести, приводитъ меня въ трепетъ и повергаетъ въ неизъяснимую печаль. Данте справедливо и превосходно выразилъ это чувство:

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria!

Лжецъ.

If any of the company entertain a doubt of my veracity, I shall only say to such: I pity their want of faith!
Baron Munchhausen.

Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Миланѣ, я рѣшился съѣздить въ Комо и потомъ опять возвратиться туда. Morgenstunde hatt Gold im Munde [1]), говорятъ трудолюбивые нѣмцы, а вовсе нетрудолюбивые итальянцы, держась также сей поговорки, безщадно будятъ насъ въ 4 часа утра: „Signore! la vitura e prompta!“, кричитъ нашъ автомедонъ въ ту минуту, когда сладчайшій сонъ разнѣживаетъ насъ и мы обязаны изъ теплой постели переходить въ холодную карету. Но какъ быть! Когда рѣшился странствовать по чужбинѣ, то надо подчиняться чужимъ обычаямъ безъ ропота.

[1]) Утро — хорошій совѣтчикъ.

Въ каретѣ съ нами сидѣлъ лекарь ирландецъ, который въ прошломъ году путешествовалъ въ Россіи,—былъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Нижнемъ. Сначала сталъ онъ молоть ужасный вздоръ о Россіи и разсказывалъ множество нелѣпыхъ анекдотовъ, не зная къ какой націи я принадлежалъ. Но онъ мнѣ показался еще забавнѣе, когда, узнавъ, что я русскій, началъ воздерживаться отъ болтовни; замѣтно было, что языкъ его чесался, что ему чрезвычайно хотѣлось полгать, но, смотря на меня, онъ мялся и вралъ нескладно,—онъ видѣлъ во мнѣ живую улику и поглядывалъ на меня весьма жалко, какъ будто прося меня задремать. Я сжалился надъ нимъ и притворился спящимъ. Полагая, что я заснулъ глубокимъ сномъ, путешественникъ нашъ началъ опять врать безъ всякаго милосердія. Между прочимъ разсказывалъ, что на границѣ отняли у него книги, въ числѣ коихъ одну подъ заглавіемъ: „Des différentes constitutions du corp humain“ [1]), а другую: „Captivité de S. M. Catholique“ [2]),—первую какъ политическую, а вторую—какъ богословскую. Я еще не мѣшалъ ему забавляться по той причинѣ, что это легко могло случиться, ибо таможенные досмотрщики не суть члены академіи,—и кто не безгрѣшенъ! Но онъ продолжалъ и утверждалъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ подалъ прошеніе первому лорду, chief justice, на главнаго директора таможни и что русскій милордъ послалъ за главнымъ директоромъ; сей послѣдній явился въ лентѣ и въ орденахъ. Lord chief justice безщадно разругалъ его, велѣлъ возвратить книги, а директора высѣчь кнутомъ. Дурно произнося французскій языкъ, великобританскій врачъ или враль сказалъ: „Il lui fit donner le noouth“; извѣстно, что англичане не выговариваютъ k передъ буквою u.

Я чуть было не расхохотался и хотѣлъ было проснуться, чтобы вывести лекаря на чистую воду. Но спустилъ ему этотъ разъ и онъ продолжалъ; распространяясь насчетъ строгости русскихъ начальниковъ, онъ присовокупилъ: „когда я проѣзжалъ мимо Варшавы, въ этотъ день производились маневры всему гарнизону, подъ ружьемъ было 100,000 человѣкъ!!! Глав-

[1]) „О различномъ строеніи человѣческаго тѣла“.
[2]) „Плѣненіе папы“.

ный начальникъ, замѣтя, что одинъ солдатъ дурно исправлялъ свою обязанность, бранилъ его нѣсколько разъ, билъ его, но видя, что солдатъ продолжаетъ худо дѣйствовать, подъѣхалъ къ нему и застрѣлилъ его изъ пистолета! Солдата отнесли хоронить, а маневры продолжались попрежнему, какъ будто ни въ чемъ не бывало!"

Тутъ я не вытерпѣлъ, поднялъ бодро голову и остановилъ на немъ мой взоръ! Лекарь вздрогнулъ и, казалось, хотѣлъ сказать мнѣ какъ въ Шекспировскомъ Макбетѣ: „Thou art too like the spirit of Banquo down!" [1]). Я съ нѣкоторымъ жаромъ сталъ ему доказывать несообразность его словъ и хотя онъ увѣрялъ меня, что былъ всему этому очевидцемъ, я доказалъ ему, что слова его—сущая и безсмысленная ложь.

„Какое довѣріе могутъ имѣть къ вамъ больные ваши, возразилъ я,—докторъ долженъ всегда держаться святой истины и я увѣренъ, что ежели кто изъ насъ здѣсь занеможетъ, то вашимъ совѣтамъ никто не послѣдуетъ. Вы, сударь, лечите больныхъ, жизнь ихъ бываетъ въ вашихъ рукахъ. Подумайте, какъ страшно имѣть дѣло съ лекаремъ-лжецомъ. Что-жъ касается до меня, еслибъ я былъ при смерти, то не принялъ-бы вашихъ пилюль!"

Грустно подумать, что иностранцы, посѣщающіе Россію, въ числѣ коихъ есть даже люди умные и образованные, по большей части смотрятъ на нашъ край съ неправильной точки зрѣнія. Главная причина этого заблужденія, мнѣ кажется, состоитъ въ томъ, что они пріѣзжаютъ въ Россію съ своими предубѣжденіями, съ своими понятіями объ общественномъ составѣ, о нравахъ и проч.: пріѣхавъ въ Петербургъ, они находятъ подражаніе европейскимъ обычаямъ, но неусовершенствованное, и судятъ сравнительно, полагая, что все недовершенное—дурно. Еслибъ Россія имѣла свое собственное просвѣщеніе, тогда-бы европейскіе странствователи судили-бы о ней не сравнительно и были-бы, вѣроятно, снисходительнѣе.

Какъ-бы то ни было, а съ сей минуты нашъ товарищъ, хотя и не переставалъ вовсе лгать, но не касался, по крайней мѣрѣ, нравственности и характера русскихъ; ложь его обратилась къ матеріальнымъ предметамъ, хотя онъ все поглядывалъ на меня съ недовѣрчивостью, какъ на тѣнь Банко. Между прочими чуде-

[1]) Ты слишкомъ похожъ на тѣнь Банко,—и проч.

сами сообщилъ онъ намъ слѣдующее: „монументъ Петра Великаго стоитъ на такой высокой скалѣ, что онъ кажется маленькою куклою; скала-же эта вдвое больше и выше театра La Scala“. Однажды на дорогѣ отъ Петербурга до Москвы настигъ его такой холодъ, что онъ, подъѣхавъ къ почтовому двору, спросилъ чашку кофе, не выходя изъ кареты; но когда ему поднесли чашку, кофе отъ сильной стужи обратился въ кусокъ льда, несмотря на то, что онъ находился только въ пяти шагахъ отъ почтоваго двора. Мы подъѣзжали къ мосту на рѣкѣ Аадѣ и я хотѣлъ ему сказать:

„Вотъ видишь-ли чрезъ рѣку этотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ, онъ кажется и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ,
До половины не дойдетъ,
Провалится и упадетъ!“

Но я довольствовался, пожавъ плечами, примолвить: „Eh voilà comment on écrit l'histoire!“ [1]).

Въ Лекко остановились мы въ гостинницѣ подъ вывѣскою: „Albergo di tre gemelle“. По-русски можно-бы сказать трехъ близнецовъ, но по-итальянски gemello и по-французски jumeau означаетъ двойственность, а не тройственность; а потому вывѣска и показалась мнѣ неправильною. Вообще я не люблю останавливаться въ трактирахъ подъ нелѣпыми названіями; мнѣ все кажется, что безсмыслiе вывѣсокъ отражается на хозяинѣ и на прислугѣ. Впрочемъ, нѣтъ правила безъ исключенія: я зналъ одну даму въ Москвѣ; она купила фортепіано у мастера, который на вывѣскѣ своей надписалъ: такой-то (имени этого чудака не упомню) фортепіанистъ и роялистъ; но за всѣмъ тѣмъ она купила превосходное фортепіано-рояль и осталась имъ очень довольна. По этому случаю припомню, что въ той-же столицѣ была лавка, въ которой продавались шкатулки; въ Россіи называютъ шкатулки по-французски „chatouilles“, разумѣется, тѣ только, которые говорятъ языкомъ французскимъ, смѣшаннымъ съ нижегородскимъ, потому что французы не по-

[1]) И вотъ какъ пишутъ исторію.

нимаютъ слова „chatouille“, а употребляютъ слово „nécéssaire“. Хозяинъ этой лавки начерталъ на вывѣскѣ слѣдующую надпись: „X-.. marchand de nécéssaires et chatouilleur de S. M. l'Impératrice des français“ [1]).

Заключеніе.

Non ¡uo far meglio, per distrarsi degl' impacci e dalle inquietudini, che viaggiar l'Italia.

Lettera di Ganganelli.

Симъ заключаю первую часть моихъ дорожныхъ приключеній. Я оставилъ Миланъ съ душевною горестью и въ ужасномъ волненіи.

Сердце мое изнывало; ничто не утѣшало меня, и впечатлѣніе, которое прелестное небо Италіи производитъ на людей сѣвера, притуплялось; очаровательныя (для другихъ) картины южной природы тяготили меня, мнѣ было душно! Я досадовалъ на великолѣпные ландшафты роскошной природы, на ароматическій воздухъ, на гармоническое и громкое пѣніе птицъ и на радостныя восклицанія моихъ товарищей. Все окрестъ меня веселилось, какъ будто на зло мнѣ, забавляясь моею горестью: „Au banquet de la vie infortuné convive“ [2]). Я одинъ сидѣлъ, потупя взоръ, и испускалъ глубокіе вздохи. Случалось-ли вамъ когда-нибудь, любезные друзья, во время глубокой печали, снѣдающей васъ, попасть внезапно и поневолѣ на великолѣпный пиръ, гдѣ все радуется, наслаждается, поетъ, кричитъ, хохочетъ и шумитъ— кромѣ васъ? О! вѣрно многіе читатели мои въ теченіе жизни своей бывали въ подобномъ положеніи, и эти читатели поймутъ меня.

Старинный истинный пріятель и землякъ мой, котораго я нечаянно встрѣтилъ въ Миланѣ, силою (силою дружбы) вывезъ меня изъ этого города и мы отправились въ обществѣ соотчичей

---

[1]) Торговецъ нессесерами и chatouilleur (шкатулочникъ, но по французски chatouiller значитъ не шкатулка, а щекотать) ея вел. императрицы Франціи.

[2]) Злополучный гость на жизненномъ пиру.

въ Венецію. Несмотря на душевныя страданія мои, я пораженъ былъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ Венеціи: „la quale e appunto come un vasto naviglio, che si riposa tranquillamente sull'acque". Мы въѣхали въ этотъ единственный городъ въ прекрасный вечеръ, на гондолѣ изъ фузины. Пробывъ около трехъ недѣль въ Венеціи, мы отправились черезъ Феррару въ Болонь, гдѣ осмотрѣвъ все любопытное, поѣхали во Флоренцію. Здѣсь провели мы мѣсяцъ среди шумныхъ удовольствій: „magorem minui, dolorem non potui".

Въ Римѣ ожидало насъ торжество юбилея. Многія тысячи богомольцевъ стекались со всѣхъ предѣловъ Италіи, покрывали всѣ пути, ведущіе къ столицѣ католическаго міра. Чудесный городъ сей истинно восхитилъ меня. Въ первое пребываніе мое здѣсь я провелъ цѣлый мѣсяцъ въ обозрѣніи полозины достопамятныхъ предметовъ; а на возвратномъ пути посвятилъ еще мѣсяцъ окончанію обозрѣнія какъ города, такъ и окрестностей его. Потомъ пустились мы по знаменитой via Арріа въ Неаполь, гдѣ я пробылъ три мѣсяца, и такъ полюбилъ волшебную Парѳенопу, что еслибъ важныя обстоятельства не требовали моего отъѣзда, я-бы прожилъ въ немъ неопредѣленное время. Изъ Неаполя поѣхалъ я одинъ опять черезъ Римъ во Флоренцію, гдѣ я прожилъ въ уединеніи и блаженствѣ пять недѣль... съ кѣмъ я тамъ встрѣтился—умолчу! Что произошло послѣ сихъ пятинедѣльныхъ наслажденій—останется также тайною моего сердца... Скажу только, что послѣ печальнаго происшествія, котораго описать я не въ силахъ и отъ котораго до нынѣ, при воспоминаніи, содрогается мое сердце, я впалъ въ жестокую болѣзнь; жизненныя силы мои истощались ежедневно; я видѣлъ приближавшуюся смерть и призывалъ ее, а она минула меня, и судьбѣ не угодно было этотъ разъ сдвинуть меня со свѣта; она опредѣлила мнѣ скитаться еще по волнующемуся міру съ душею, въ которую уже заронилось зерно скорби! Но я брошу покрывало на сей тяжкій періодъ жизни моей!...

...Пролежавъ шесть недѣль въ горячкѣ, я, наконецъ, отправился въ Пизу. Тутъ силы мои скоро совершенно возстановились и я направилъ путь мой въ Геную, гдѣ, проживъ около мѣсяца, поплылъ въ Ниццу, а оттуда въ Тулонъ, Марсель, Нимъ, Арль, Авиньонъ, и, объѣхавъ большую часть южной

Франціи, черезъ Ліонъ возвратился въ Парижъ. Вторую половину путешествія моего совершилъ я въ печальномъ расположеніи духа, а потому и не передаю ее вамъ, любезные друзья мои! Но посвящаю вамъ отчетъ всего того, что произошло со мною на пути моемъ отъ Парижа до Милана; прочтите съ снисхожденіемъ эти пустыя записки мои:

„Посвятивъ имъ полчаса,
Улыбнитесь мнѣ въ отраду;
Въ нихъ большія чудеса,
Только очень мало складу!“

Эпизодъ (изъ второй части). **Страшныя похожденія.**

Madness often bubbles truths, which make wisdom wonder.
Walter Scott.

Разскажу происшествіе, случившееся со мною на пути изъ Флоренціи въ Геную. Оно принадлежитъ ко 2-й части моихъ записокъ, относящихся къ южной Италіи, къ, несчастію затерянныхъ; а такъ какъ событіе это произвело на меня чрезвычайное впечатлѣніе, то я рѣшился составить его вновь на память.

Въ Sestri di Levante я помѣстился покойно одинъ въ купѣ дилижанса, намѣреваясь предаться глубокому сну. На дворѣ смеркалось. Я зѣвалъ, маялся и мечталъ о положеніи человѣка, находящагося въ совершенномъ уединеніи, чуждаго страстей, непричастнаго столкновеніямъ, пересудамъ, раздорамъ и житейскимъ волненіямъ: „въ пустынныхъ мѣстахъ будь самъ своимъ міромъ“, такъ выражается Тибуллъ; и дѣйствительно, когда не съ кѣмъ сообщаться, размышленія въ нашей головѣ встрѣчаютъ противорѣчія или соглашенія, какъ будто споришь съ кѣмъ-нибудь; такъ объяснилъ Фихте разсужденіе свое объ „Ich und nicht ich“, ясно доказывающій человѣческій дуализмъ,—созерцательныя и страдательныя способности, духовныя и тѣлесныя расположенія человѣческаго состава: „quiconque se suffit à lui même, ne veut nuire à qui que ce soit“ [1]), говоритъ философъ

[1]) Тотъ, кто довольствуется самимъ собою, не желаетъ никому вредить.

мнѣ антипатичный,—чудакъ Жанъ-Жакъ; но не взирая на чувства мои къ нему, я часто съ нимъ соглашаюсь, и въ этомъ случаѣ также раздѣляю его мнѣніе, чувствуя вполнѣ сколь одиночество бываетъ иногда усладительно: „дайте волю, волю, волю—и не надо счастья мнѣ“. (Лермонтовъ).

Между тѣмъ, карета вдругъ остановилась, ко мнѣ въ купé взошелъ человѣкъ похожій на знаменитаго виртуоза Паганини, лѣтъ за сорокъ, весьма блѣдный, съ нечесанными длинными черными волосами, всклокоченною бородою, какъ будто испуганный, встревоженный; онъ занялъ мѣсто рядомъ со мною. Посмотрѣвъ мнѣ пристально въ глаза, онъ какъ будто ощупалъ меня; прикосновеніе его произвело во мнѣ электрическое сотрясеніе. Когда-же онъ усѣлся и дилижансъ двинулся впередъ, онъ хриплымъ голосомъ извинился, что нарушилъ мое спокойствіе. Вскорѣ потомъ вступилъ въ разговоръ, говорилъ бѣгло, отрывисто и изложилъ съ откровенностію всѣ случаи странной и страшной его жизни: „Имя мое Leopold Malefico, родомъ я изъ Аячіо (Корсика), и не даромъ судьба нарекла меня такимъ мрачнымъ именемъ, ибо на все семейство наше наложено небесное проклятіе. Отецъ мой самый добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, отъ самаго рожденія до гробовой доски былъ подъ вліяніемъ людской ненависти и жертвою злобы враговъ своихъ. Мать моя, самая кроткая, цѣломудренная и добродѣтельная женщина, испытала самыя ужаснѣйшія горести.

„Она жила въ уединенномъ замкѣ, въ окрестностяхъ Monte Rotondo. Мужъ ея, капитанъ корабля, графъ Антоніо Малефико, бывалъ въ частыхъ и долговременныхъ отсутствіяхъ. Однажды когда онъ находился болѣе полугода въ морѣ съ кораблемъ своимъ, а жена его, обожавшая своего мужа, женщина замѣчательной красоты, проводила печальные дни, оплакивая долгое отсутствіе возлюбленнаго мужа и свое одиночество, въ одну необыкновенно бурную ночь страшныя предчувствія и видѣнія преслѣдовали ея воображеніе. Какъ вдругъ, въ полночь, шайка разбойниковъ вторглась въ ея обитель. Бо́льшая часть служителей и служанокъ была убита; домъ разграбленъ. Что-жъ сталось съ нею? Атаманъ, пораженный красотою ея, взялъ подъ свою защиту... насильственнымъ образомъ обезчестилъ несчастную графиню! Окрестные жители, встревоженные успѣвшею

бѣжать изъ зáмка женщиною, разогнали шайку и взяли въ плѣнъ многихъ разбойниковъ, въ томъ числѣ и атамана, который былъ приговоренъ на вѣчныя галеры.

„Вскорѣ потомъ мужъ возвратился; преступленіе атамана хранили отъ него въ глубокой тайнѣ. Однако-жъ мужъ замѣчалъ въ женѣ какое-то странное настроеніе; какъ будто умственныя силы ея слабѣли, разстраивались и, наконецъ, послѣ 9-ти мѣсяцевъ, считая отъ происшествія и 8-ми мѣсяцевъ отъ возвращенія графа, жена его разрѣшилась отъ бремени сыномъ; этотъ сынъ имѣетъ честь съ вами бесѣдовать".

Тутъ началъ онъ разсказывать злополучныя приключенія отца своего и собственныя свои: безпрерывныя неудачи, непреодолимыя бѣдствія и, наконецъ, жалостную кончину его. Между тѣмъ, молодой человѣкъ росъ въ безпрерывныхъ горестяхъ и въ постоянныхъ неудачахъ. На 22-мъ году онъ страстно влюбился въ юную прелестную Лору, которую онъ называлъ небеснымъ ангеломъ за красоту ея, умъ и сердце. Они страстно обожали другъ друга. День брака былъ назначенъ; казалось, что всѣ бѣдствія прекратятся и жизнь возобновится счастіемъ; но..... „L'avare Achéron ne lâche pas sa proie!" [1]). Вдругъ бѣдная Лора занемогла; женихъ ухаживалъ за нею бдительно, не покидалъ почти ни на секунду. Докторъ предписалъ ей порошокъ, и когда Леопольдъ поднесъ ей оный, уговаривая принять, Лора вскрикнула съ ужасомъ и отказалась отъ лекарства, говоря, что она чувствуетъ себя совершенно здоровою и что порошокъ погубитъ ее; но Малефико сталъ убѣдительно и со слезами просить ее такъ, что Лора рѣшилась, наконецъ, принять порошокъ. Затѣмъ послѣдовали ужасныя конвульсіи. И что-жъ? О горесть невыразимая! Малефико въ торопяхъ ошибся и далъ ей мышьяку!!! Бѣдняжка скончалась въ жестокихъ мученіяхъ.

Никакое перо не въ состояніи начертать отчаяніе жениха; онъ упалъ въ обморокъ, пролежалъ въ безчувственномъ состояніи нѣсколько сутокъ, и когда пришелъ въ себя, заболѣлъ бѣлою горячкою; въ бреду и бѣшенствѣ провелъ онъ около 4-хъ мѣсяцевъ. Къ несчастію, смерть миновала его. Глубокая неизъяснимая горесть оковала всѣ его умственныя и нравственныя силы.

---

[1]) Скупой Ахеронъ не упускаетъ своей добычи.

Онъ помышлялъ объ одномъ—умереть! и послѣдовать за предметомъ страстной любви своей; онъ призывалъ смерть ежеминутно и, наконецъ, рѣшился застрѣлиться. Отправясь ночью въ садъ съ заряженнымъ пистолетомъ, приставилъ его ко лбу, пистолетъ скользнулъ, выстрѣлъ принялъ другое направленіе, онъ упалъ въ обморокъ, а пуля убила спящаго отца его!!! Малефико былъ арестованъ, сужденъ какъ отцеубійца и въ заточеніи встрѣтился съ настоящимъ отцемъ своимъ—атаманомъ Тутъ началъ онъ разсказывать приводящія въ содроганіе про исшествія... Я воздержусь описывать подробности этого разсказа который разстроилъ меня чрезвычайно. Довольно того, что описано мною вкратцѣ, чтобы служить канвою романисту; онъ можетъ составить изъ дѣйствительныхъ происшествій приводящій въ ужасъ романъ.

„Однимъ словомъ, продолжалъ мой спутникъ, по подробномъ разсмотрѣніи моего дѣла и послѣ долговременнаго мучительнаго заточенія, судъ оправдалъ меня. Но невидимая судьба, какъ незримый палачъ, казнитъ меня постоянною безжалостною ежеминутною пыткою. Тѣнь законнаго отца—благодѣтеля моего и тѣнь злосчастной Лоры преслѣдуютъ меня денно и нощно. Я хотѣлъ кончить жизнь въ монастырѣ, но въ уединеніи страшные призраки терзали меня еще болѣе. Нынѣ-же намѣренъ я объѣхать весь свѣтъ, но и тутъ тѣни родныхъ убіенныхъ не оставляютъ меня“.

При сихъ словахъ онъ вскрикнулъ съ ревомъ: „surgiti mortui! Представьте себѣ,—продолжалъ онъ, что если-бы я сидѣлъ здѣсь одинъ, то непремѣнно на вашемъ мѣстѣ явилось-бы привидѣніе, не осязаемое, а видимое, съ горькою улыбкою и страшнымъ кровавымъ взглядомъ. Мнѣ кажется, что я уже вижу его обликъ, ожидающій отсутствія вашего, чтобы занять это мѣсто“.

Съ этими словами невыразимый ужасъ объялъ меня, дрожь пробѣжала по спинѣ моей, волосы встали дыбомъ и холодный потъ выступилъ на лбу моемъ. Оправясь нѣсколько, я объявилъ ему дрожащимъ голосомъ, что, къ сожалѣнію, долженъ буду разстаться съ нимъ въ Рапало. Онъ началъ слезно умолять меня остаться, хотѣлъ сопровождать меня всюду, на что я никакъ не соглашался, а совѣтовалъ ему нанять кого-нибудь, хоть вродѣ дядьки. На это онъ возражалъ, что ему нуженъ

человѣкъ, который внушалъ-бы ему симпатію, въ противномъ случаѣ онъ впадаетъ въ хандру, одурѣніе или бѣшенство.

„Я этому помочь не въ силахъ“, отвѣчалъ я, оживленный радостью отъ приближенія нашего къ станціи, коей огни уже ярко мелькали; хотя я весьма затруднялся при мысли что̀ мнѣ будетъ дѣлать среди ночи въ маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ никогда почти не останавливаются путешественники. Но вотъ мы уже въ Ра́пало; какъ вдругъ Малефико возопилъ дикимъ голосомъ: „Не пущу! я васъ не пущу!!“

Тутъ я самъ пришелъ въ бѣшенство: „dietro! miserabile pazzo!!“ (прочь! гнусный сумасшедшій!), закричалъ я въ свою очередь и, видя, что онъ съ упорствомъ крѣпился удержать меня, я схватилъ пистолетъ, которымъ запасся въ Террачинѣ, хотя онъ не былъ заряженъ, и навелъ его на него; онъ-же открылъ грудь свою, крича: „стрѣляйте, избавьте меня отъ ненавистной жизни, а свѣтъ отъ безмозглаго несчастливца!“

Уфъ! дилижансъ, наконецъ, остановился; кондукторъ отдалъ моего спутника двумъ карабинерамъ, онъ-же удаляясь сдѣлалъ мнѣ страшную гримасу и погрозилъ перстомъ.

Я снова занялъ свое мѣсто. Но повѣритъ-ли читатель, что мнѣ во все время мерещился несчастный, мнѣ казалось, что онъ сидитъ на прежнемъ мѣстѣ и продолжаетъ грозить мнѣ пальцемъ: я закрывалъ глаза, отворачивался, закуталъ голову въ шинель и все, кажется, слышалъ голосъ и прикосновеніе его. Въ ужасѣ я даже рѣшился было выскочить изъ кареты и бѣжать куда глаза укажутъ; сдѣлавъ одно сильное движеніе, я наткнулся на страшнаго сосѣда и закричалъ во всю мочь. Онъ взялъ меня за руки и спросилъ: „не больны-ли вы?“

Говорившій со мною былъ совершенно другой человѣкъ, который усѣлся на мѣсто сумасшедшаго, чего я въ смятеніи не замѣтилъ. Тутъ все объяснилось и мы доѣхали благополучно до Генуи, хотя не могу не признаться, что образъ и голосъ сумасшедшаго преслѣдовали меня всю остальную часть ночи.

Отрывки.

(Изъ второй части, которую слѣдуетъ привести въ систематическій порядокъ).

Вскорѣ по прибытіи моемъ во Флоренцію, я узналъ, что Ламартинъ занимаетъ мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ французской миссіи. Маркизъ де-ла-Мезонфоръ, (старый петербургскій мой знакомый), нынѣ французскій посланникъ при Тосканскомъ дворѣ, находится въ отпуску; Ламартинъ-же, служа при немъ секретаремъ, въ отсутствіе маркиза управляетъ миссіею. Надо полагать, что дипломатическая переписка французской миссіи не очень многосложна, потому что талантливый chargé d'affaires успѣлъ перевести поэму лорда Байрона „Child Harold". Въ этой поэмѣ Байронъ жестоко порицаетъ итальянцевъ, а переведшій ее оставилъ всѣ порицанія британскаго поэта во всей ихъ силѣ. Между прочимъ, одна изъ главъ поэмы оканчивается двустишіемъ:

„Je vais chercher ailleurs (pardonne, ombre Romaine!)
Des hommes et non pas de la poussière humaine!"

Вслѣдъ за появленіемъ перевода, полковникъ Пепе, изгнанникъ неаполитанскій, напечаталъ брошюру, въ которой онъ напалъ безпощадно на Ламартина, упрекая его въ неблагодарности къ Италіи, гдѣ его приняли съ блестящимъ гостепріимствомъ и радушіемъ. Брошюра заключала въ себѣ, притомъ, обидныя для французскаго поэта выраженія, что̀ и заставило Ламартина вызвать Пепе на дуэль. Пепе отвѣчалъ, что онъ изгнанникъ, не имѣетъ шпаги и драться поэтому не можетъ; тогда Ламартинъ, лежавшій въ постелѣ въ сильной лихорадкѣ, послалъ ему шпагу. На другой день они дрались,—Ламартинъ былъ раненъ въ плечо; перевязавъ рану, онъ тотчасъ-же поспѣшилъ къ вел. герцогу, палъ предъ нимъ на колѣни и просилъ не преслѣдовать Пепе и оставить его въ покоѣ, возлагая на себя всю вину этого поединка. Великій герцогъ былъ тронутъ рыцарскимъ поступкомъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, который тутъ-же послѣ усиленной просьбы изнемогъ и упалъ въ обморокъ. Публика послѣдовала чувствамъ своего государя и рукоплес-

кала великодушному поступку Ламартина. Этотъ необыкновенныхъ дарованій человѣкъ имѣетъ свои странности, болѣе отъ честолюбія происходящія. Рожденный съ огромнымъ состояніемъ и получившій за женою англичанкою значительное приданое, онъ все промоталъ и теперь принужденъ, на 73-мъ году своей жизни, просить, такъ сказать, милостыню у своихъ согражданъ подобно Велисарію, какъ онъ себя называетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ оказалъ великія услуги Франціи, особенно въ 1848 г., когда онъ былъ членомъ временнаго правленія и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ отвратилъ своимъ краснорѣчіемъ звѣрскія покушенія ярыхъ республиканцевъ. Кто не помнитъ его рѣчи, преисполненной самоотверженія и высокаго чувства, когда онъ съ энергіею отвергъ предложеніе депутаціи, пришедшей къ нему съ краснымъ знаменемъ; если помню, онъ сказалъ, между прочимъ: „Le drapeau tricolare a porté la gloire française d'un bout de l'univers à l'autre; tandis que le drapeau rouge a trainé dans le sang et dans la boue!“ [1]). Онъ требовалъ также уничтоженія смертной казни за политическія преступленія. Словомъ, его называли громовымъ отводомъ временнаго правленія тогдашней республики. Теперь посмотримъ на обратную сторону. Какъ политическій человѣкъ, онъ во многомъ не безгрѣшенъ. Жена его получала значительную пенсію отъ королевы Викторіи, и покуда продолжали платить эту пенсію, Ламартинъ въ рѣчахъ своихъ и писаніяхъ проповѣдывалъ союзъ съ Англіею и бралъ сторону этой державы. Вскорѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, выдача пенсіи прекратилась, и съ тѣхъ поръ поэтъ-ораторъ сталъ смотрѣть на Англію Юпитеромъ-громовержцемъ и нападалъ на нее безъ всякаго милосердія.

Далѣе, въ послѣдніе годы царствованія Луи-Филиппа, онъ составилъ заговоръ и сталъ во главѣ орлеанской партіи, какъ вдругъ вспыхнула революція 1848 г. и преобразила орлеаниста, бывшаго легитимиста—въ республиканца. Но что всего презрительнѣе, это то, что когда герцогиня Орлеанская бросилась къ Ламартину, въ поздній часъ, вечеромъ того страшнаго дня, когда дѣти ея исчезли въ буйной толпѣ въ камерѣ депутатовъ и

[1]) Трехцвѣтное знамя, возвѣщая славу французскаго имени, развѣвалось во всѣхъ частяхъ свѣта, красное-же знамя влачилось въ крови и въ грязи.

пропадали безъ вѣсти, а она сама оставалась безъ прибѣжища, подверженная опасности и умоляя его оказать ей покровительство и отыскать пропавшихъ юныхъ принцевъ, гордый трибунъ принялъ ее холодно и сурово и даже не просилъ сѣсть.

„Vous arrivez trop tard“ [1]), сказалъ онъ ей суровымъ тономъ. Вотъ какъ политическія страсти заглушаютъ самые благородные порывы! Какъ-бы то ни было, а кто былъ виновникомъ его разоренія? Онъ самъ, въ томъ нѣтъ никакаго сомнѣнія. Проживая въ двухъ своихъ помѣстьяхъ S-t Point Milly, въ Бургондіи, съ неслыханнымъ великолѣпіемъ, расточительностію и безрасчетливостію, онъ положилъ начало своему раззоренію.

Слава Шатобріана и лорда Байрона побудила его ѣхать на востокъ. Онъ на свой счетъ купилъ и снарядилъ корабль съ роскошью принца; расточалъ великоцѣнные подарки владѣльцамъ въ Сиріи, Палестинѣ и проч. Ему сопутствовали жена и единственная дочь; эта послѣдняя, 14-тилѣтняя прелестная дѣвица, утомленная путешествіемъ и климатомъ, скончалась въ Байрутѣ. Я встрѣчался съ нимъ и посѣщалъ его въ 1840-хъ годахъ. Однажды, находясь на вечерѣ у Эмилія де Жирарденъ, поздравилъ я его съ сочиненіемъ отличной поэмы его „Жоселенъ“ („Jocelyn“), причемъ, однако-же, рѣшился сказать ему, что я не совсѣмъ понялъ смыслъ нѣкоторыхъ его стиховъ; вспомнивъ наше свиданіе въ Эксѣ, онъ воскликнулъ: „Oh! c'est encore mon censeur, c'est mon Caton russe!“ [2]). На что я возразилъ: „Quand l'oracle de Delphe rendait ses prophéties, les communs des mortels les trouvaient souvent incompréhensibles!“ — „C'est bon, c'est bon, mon aimable professeur, mais dites moi, combien de fois avez vous lu mon Jocelyn?“ — „Une seule fois“, отвѣчалъ я. „Eh bien, en ce cas-là, je n'en suis pas surpris, puisque moi-même, je ne l'ai bien compris qu'après l'avoir lu trois fois“ [3]). Когда я про-

---

[1]) Вы пришли слишкомъ поздно.

[2]) Ахъ, это мой ценсоръ, мой русскій Катонъ!

[3]) Когда дельфійскій оракулъ изрекалъ свои пророчества, обыкновенные смертные находили ихъ часто непонятными.

„Хорошо, хорошо, любезный профессоръ, а скажите-ка, сколько разъ прочли вы моего Жослена“ — „Одинъ разъ“, отвѣчалъ я. „Въ такомъ случаѣ, меня это не удивляетъ, такъ какъ я самъ понялъ его хорошенько только прочитавъ три раза“.

силъ его растолковать мнѣ это странное для меня объясненіе, онъ сказалъ мнѣ, что пишетъ стихи по вдохновенію (d'inspiration) и только по многократномъ прочтеніи вникаетъ въ полный смыслъ идей, созданныхъ его воображеніемъ.

Многіе ошибочно полагаютъ, что итальянцы народъ самый набожный, въ чемъ я не согласенъ. Проживши между ними болѣе года, я удостовѣрился, что въ религіозныхъ понятіяхъ ихъ видно болѣе суевѣрія, нежели истинной вѣры, даже въ самомъ Римѣ, гдѣ высокомѣріе кардиналовъ и монсиніоровъ и льготы, коими они пользуются, внушаютъ болѣе негодованія и зависти, чѣмъ уваженія. Кавалеръ Фридрихъ Висконти говорилъ мнѣ въ Римѣ, что богослуженіе папы, его благословеніе съ балкона Ватикана дѣйствуютъ на народъ какъ зрѣлище, какъ театральное представленіе, а отнюдь не какъ духовный актъ. Онъ слышалъ самъ, и не однажды, между народомъ, падающимъ ницъ на площади при благословеніи св. отца, произносящихъ непотребныя ругательскія слова. Многіе въ простонародіи не знаютъ ни одного кардинала по имени; нѣкоторые даже и самого папу (Льва XII) называютъ все еще Піемъ VII-мъ. Странно, что іерархическіе чины духовенства отличаются чулками: простой аббатъ имѣетъ черные чулки; сдѣлавшись монсиніоромъ (прелатомъ), обувается въ фіолетовые; дослужившись до кардинала, является въ красныхъ чулкахъ и, наконецъ, папа носитъ бѣлые.

Смертныя наказанія иногда бываютъ ужасны. Я помню, въ Римѣ однажды казнили несчастнаго, который засталъ съ женою своею духовную особу, погнался за нимъ съ огромнымъ полѣномъ въ видѣ палицы и, догнавъ, сталъ бить его, покуда тотъ не испустилъ духа. Онъ приговоренъ быть казненнымъ такимъ же образомъ „legge di taglione". На піаццо (piazza di scellerate) палачъ началъ надъ нимъ эту варварскую экзекуцію. При первомъ ударѣ мнѣ сдѣлалось дурно, я вышелъ изъ толпы и пошелъ отдыхать по сосѣдству на Monte-Pincio, но и тутъ вопли страждущаго доходили до моего слуха, и я убрался домой. Народъ, особенно женщины, изъявляетъ вслухъ сожалѣніе о

казнимомъ преступникѣ, и чѣмъ болѣе онъ учинилъ преступленій, тѣмъ болѣе о немъ сожалѣютъ, потому что на томъ свѣтѣ будетъ ему хуже. Впрочемъ, папа, по обычаю, никогда не произноситъ смертнаго приговора. Вотъ какъ это дѣлается: римскій губернаторъ приноситъ къ его святѣйшеству приговоръ роты (ruota,—tribunale) и, прочтя его, стоитъ передъ нимъ полчаса; если святой отецъ въ продолженіе этого времени сохранитъ молчаніе, то значитъ приговоръ конфирмованъ; буде-же онъ чуть проговорится, тогда преступникъ помилованъ. Забавно, что когда губернаторъ желаетъ прощенія осужденнаго, онъ всячески старается заставить папу заговорить; онъ иногда прибѣгаетъ даже къ смѣшнымъ разсказамъ, тѣлодвиженіямъ и гримасамъ. Ну, не фарсъ-ли это? Впрочемъ, взявъ во вниманіе характеръ народа и фанатизмъ духовенства, надо-бы скорѣе удивляться, что религіозное суевѣріе не укореняется и не распространяется болѣе въ Италіи.

Уваженіе къ папѣ и престижъ его власти часъ отъ часу, видимо, слабѣютъ, хотя настоящій Наполеонъ (Ш) болѣе благоговѣетъ передъ нимъ, нежели дядя его, Наполеонъ I-й. Сей послѣдній велѣлъ безъ церемоніи арестовать Пія VII въ самомъ Ватиканѣ. Генералъ Радé схватилъ его за шиворотъ, стащилъ съ престола и посадилъ въ карету между двумя жандармами, которые привезли его въ Фонтенебло; тутъ содержали его какъ преступника, лишали всякаго комфорта, такъ что преосвященный владыка самъ штопалъ свои красные чулки. Наполеонъ I, желая вознаградить ген. Радé за этотъ подвигъ, возвелъ его въ дворянское достоинство, съ титуломъ барона; причемъ самъ нарисовалъ ему гербъ съ эксордомъ: „La raison détrônant la chimère“ [1]).

Въ Англіи, особенно въ Шотландіи, чуждой вліянію католицизма, неискоренимое суевѣріе господствуетъ во всѣхъ классахъ общества. Въ воскресенье, всѣ увеселенія, кромѣ пьянства, прекращаются; во всей Англіи въ этотъ день ѣдятъ черствый хлѣбъ и сама королева подчиняется обычаю не ѣсть свѣжаго хлѣба. Журналы не появляются въ воскресные дни, почта не

[1]) Разумъ, низвергающій съ престола химеру.

принимаетъ писемъ, а въ Шотландіи самыя желѣзныя дороги прекращаютъ свое движеніе. Когда герцогъ Гамильтонъ былъ при смерти боленъ, дочь его, маркиза Дугласъ, предлагала огромныя суммы дирекціи желѣзныхъ дорогъ въ Глясговѣ, чтобы поспѣть къ умирающему отцу; но директоръ пребылъ неумолимъ, страшась самъ сдѣлаться предметомъ народнаго гнѣва, и маркиза не застала уже отца своего въ живыхъ.

Такъ называемый „пороховой заговоръ" противъ парламента, когда лордъ Перси съ іезуитами намѣревался взорвать парламентъ на воздухъ въ 1605 г., 5-го ноября, посредствомъ слуги Перси Гаія Фовкса (Guy Fouwks), который впослѣдствіи оказался испанскимъ капитаномъ, до сего времени торжествуется сожженіемъ куклы Guy Fouwks'a. Парламентъ всякое 5-е ноября съ церемоніею сходитъ въ погреба парламентскаго зданія и очень серьезно осматриваетъ всѣ углы, чтобы удостовѣриться нѣтъ-ли гдѣ спрятаннаго пороха. Чучело Фовкса, при многочисленной толпѣ народа, при дикихъ восклицаніяхъ, предается сожженію. Однако-же, это чучело обыкновенно изображаетъ какое-нибудь политическое лицо враждебное Англіи, большею частію папу; въ послѣднія-же времена часто доставалось Наполеону и другимъ царствующимъ особамъ, не пользующимся благоволеніемъ милаго народа британскаго. Но перейдемъ къ Италіи. Тамъ съ религіозными понятіями народа смѣшиваются весьма странные и даже смѣшные предразсудки. Такъ, напримѣръ, когда кровь св. Януарія въ Неаполитанскомъ соборѣ не шипитъ, то это предвѣщаетъ великія бѣдствія. Когда священникъ выноситъ сосудъ съ кровью этого святаго и если химическій составъ, посредствомъ коего приводятъ кровь въ волненіе, не возымѣлъ еще ожидаемаго дѣйствія, народъ начинаетъ гнѣваться, кричать, бѣсноваться и ругаетъ св. Януарія самыми площадными и непотребными выраженіями, доходя до неистовства. Но лишь только кровь закипитъ, картина внезапно перемѣняется, народъ падаетъ ницъ и преклоняетъ колѣна, восклицая: „O santo santissimo Gennaro!"

У насъ былъ ветурино, который везъ насъ изъ Милана во Флоренцію, ужасный разбойникъ наружностію и нравомъ. Когда мулы его везли дурно, онъ начиналъ ихъ ругать самою безбожною бранью и доходилъ до иступленія, кусалъ ихъ за уши и

проч. Я помню, однажды онъ кричалъ во всю мочь: „Madona fatulla!“ и потомъ прибавлялъ, чтобы не сомнѣвались какую мадону онъ разумѣлъ: „ma vera, ma santa, ma santissima!“ Я видѣлъ процесію въ Vomero, близъ Неаполя, въ день Пасхи: это сущая комедія-фарсъ! Куклы въ ростъ человѣческій, представляющія Іоанна Крестителя, св. Марію Магдалину и еще другія (несутся въ процессіи). Кукла, представляющая Богородицу, покрыта съ головы до ногъ покрываломъ; люди, несущіе сіи куклы, бѣгаютъ взадъ да впередъ, наконецъ, является Іисусъ Христосъ, несомый двумя лазаронами, которые бѣгутъ опрометью, и когда Іисусъ приближается къ Богородицѣ, покрывало падаетъ и изъ-подъ него вылетаетъ множество птичекъ и голубей; тѣмъ кончается представленіе при громкомъ одобреніи зрителей. Въ Палермо та-же процесія, въ память св. Розаліи, достойна смѣха и вызываетъ непріятное чувство...

Въ Миланѣ, гдѣ нѣкоторыя обстоятельства заставили меня прожить долѣе, нежели я предполагалъ, мнѣ удалось ознакомиться нѣсколько съ обычаями того края. Люди, принадлежащіе къ высшему кругу, весьма милы, обходительны и даже наивны и откровенны; но притомъ иные весьма недовѣрчивы, что должно приписать опасенію австрійской полиціи, которая тяготѣетъ надъ всею публичною и домашнею жизнью. Если вы имѣли несчастіе возбудить подозрѣніе полиціи, то неотвязный сыщикъ слѣдитъ за вами, какъ мрачная тѣнь. Случится-ли, что вамъ нужно ѣхать куда-нибудь, таинственный лазутчикъ беретъ мѣсто въ томъ-же дилижансѣ или въ каретѣ, въ которую вы садитесь, для пріятной кампаніи и прилипаетъ къ вамъ какъ банный листъ, останавливается въ той-же гостинницѣ и слѣдитъ за вами всюду. Я зналъ одного миланца, котораго полицейскій агентъ проводилъ до самой Вѣны и тамъ передалъ директору полиціи, хотя онъ оказался впослѣдствіи невиннымъ и благо-

мыслящимъ. Даже дамы занимаются здѣсь этимъ ремесломъ, чуть-ли не ловчѣе непригожаго пола. Жаль, что прекрасный полъ упражняется такими гнусными художествами, разочаровывающими въ ихъ прелести!

Особенно въ Миланѣ, гдѣ онѣ обворожительны красотою, граціею и какимъ-то наивнымъ добросердечіемъ. Во всей Италіи не встрѣчалъ я такой очаровательной откровенности, какъ въ Ломбардіи; не понимаю, какъ нѣмецкій элементъ не испортилъ этой простодушной прелести. Каждая замужняя миланка, по прошествіи года брачнаго сожительства съ законнымъ супругомъ или послѣ рожденія перваго сына, беретъ любовника и публично проводитъ съ нимъ время почти неразлучно. Если-же которая изъ нихъ, особенно молодая и пригожая, не имѣетъ любовника въ условленный срокъ, то надъ нею смѣются и смотрятъ съ жалостью. Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ (князь Мих. *), во Флоренціи, былъ въ любовной связи съ маркизою В., которая вскорѣ родила сына. Вся аристократическая компанія города пріѣзжала публично и церемонно поздравлять князя * съ новорожденнымъ и, кажется, будто, самъ маркизъ, мужъ родившей, былъ въ числѣ поздравителей. Правда, князь былъ чрезвычайно богатъ и отъ него ожидали великія и богатыя милости въ пользу новорожденнаго отрока. Эти обычаи, кажется, не оставляютъ нѣкоторыхъ итальянцевъ и въ чужихъ странахъ. Я помню, что когда-то въ Москвѣ жилъ великолѣпный тузъ, богатѣйшій князь той-же фамиліи, жилъ, жилъ да прожилъ два огромныхъ имѣнія и, наконецъ, продалъ жену графу **, послѣ чего пошелъ почти по міру. Въ то время, когда онъ былъ чрезвычайно богатъ (имѣя слишкомъ 20 тысячъ душъ), онъ содержалъ г-жу Джуліани, жену италіянскаго музыканта. Однажды, въ какомъ-то обществѣ говорили о чрезвычайной расточительности и щедрости кн. А. Н. *, Джуліани, доказывая противное, сказалъ: „Le prince * est oune ladre, il me donne si peu et cependant mon premier est de lui“ [1]).

Здѣшнія дамы никогда не ревнуютъ мужей, а ревнуютъ любовниковъ и между влюбленными происходятъ здѣсь иногда

---

[1]) Князь *—скряга, онъ мнѣ даетъ такъ мало, а, между тѣмъ, мой первый ребенокъ его.

трагическіе случаи. Одна юная и пригожая графиня, замѣтя на балѣ, что любовникъ ея, французскій полковникъ Малербъ, волочился за другою, уѣхала домой въ бѣшенствѣ. На другой день, рано по утру, будятъ полковника и подаютъ ему письмо, въ которомъ его вызываютъ на поединокъ за неизвѣстную обиду; во имя оскорбленной чести назначаютъ ему немедленно пріѣхать съ секундантами и пистолетами въ казино „Яблоковъ", гдѣ обыкновенно происходятъ дуэли. Полковникъ тотчасъ-же посылаетъ за пріятелемъ и отправляется съ нимъ въ назначенное мѣсто. Въ казино находятъ они очень маленькаго человѣка, закутаннаго въ плащъ. Секундантъ этого малютки изъявляетъ желаніе друга своего и говоритъ: „пистолеты заряжены, 12 шаговъ измѣрены".

Когда-же пришлось стрѣлять, карликъ принужденъ былъ подойти ближе къ полковнику, который, взглянувъ на него съ любопытствомъ, въ изумленіи узнаетъ графиню Теодолинду, свою любовницу. Онъ хочетъ обратить все это въ шутку, но Теодолинда отвѣчаетъ ему съ презрѣніемъ. Онъ хочетъ подойти ближе, она наводитъ на него пистолетъ и съ яростью кричитъ: „трусъ, если ты ступишь одинъ шагъ, я выстрѣлю по тебѣ и положу тебя на мѣстѣ!"

Секундантъ сталъ ей объяснять, что „она вызвала, слѣдовательно право стрѣлять принадлежитъ вызванному".

„Я не виновата, что онъ робѣетъ!", и обратясь къ Малербу: „Извергъ! ты причинилъ мнѣ смертельное оскорбленіе! Если ты находишь, что бой неравенъ, вѣта комъ случаѣ—зарядимъ одинъ пистолетъ и бросимъ жребій, я не хочу возвратиться въ Миланъ живою или хочу застрѣлить тебя — и потомъ привезти лично моей соперницѣ извѣстіе о твоей смерти. Я могла-бы предать тебя кинжалу посредствомъ брави. Но вы, иностранцы, сейчасъ-же начнете кричать, что италіянки убійцы!"

Бѣдная дуэлистка была вскорѣ обезоружена и силою посажена въ карету, гдѣ она упала въ обморокъ и въ такомъ положеніи привезена въ свой палацо. Личная храбрость этой красавицы заставила французскаго полковника просить перевода изъ Милана, во избѣжаніе скандала.

Женщины въ Италіи вообще, и особенно ломбардскія, милы, страстны, нѣжны, вспыльчивы и ревнивы. Я во всей Италіи не

встрѣчалъ такихъ прелестныхъ дѣвицъ и дамъ какъ въ Миланѣ. Въ Неаполѣ, въ Венеціи, особенно-же въ Палермо и вообще въ Сициліи есть множество прелестныхъ женщинъ,—онѣ также любятъ страстно; однако, кровь африканская не допускаетъ сладкой нѣжности, а лишь бурную, ярую, неистовую страсть, болѣе соотвѣтствующую мужчинѣ. Что-же касается Венеціи, тамъ преобладаетъ особенный типъ, какое-то смѣшеніе миланскаго съ сицилійскимъ.

Бо́льшая часть мужчинъ не ревнива къ законнымъ ихъ сожительницамъ. Въ аристократическомъ кругу многіе женятся изъ расчета и послѣ рожденія перваго наслѣдника спѣшатъ эмансипировать своихъ женъ, чтобы самимъ волочиться за чужими женами. Тѣ-же, которыя остаются вѣрными своимъ супругамъ, дѣлаются предметомъ насмѣшекъ публики; что́ особенно бываетъ обидно дамамъ, ибо подъ этими насмѣшками подразумѣвается, что она, дескать, недовольно красива, недовольно мила и умна, чтобы найти себѣ обожателя.

Графъ де Сень-Марсонъ, бывшій другъ короля Карла-Альберта, которому онъ всѣмъ жертвовалъ, когда тотъ былъ принцомъ Кариньянъ, но потомъ, по воцареніи своего царственнаго друга, былъ приговоренъ имъ и кончилъ жизнь въ изгнаніи,—гр. де С. Марсонъ разсказывалъ намъ происшествіе, которое нѣкоторые приписывали англійскому лорду, но которое, по свидѣтельству графа, произошло съ піемонтскимъ маркизомъ П***, коротко ему знакомымъ. Въ одинъ прекрасный, а можетъ быть и мрачный, вечеръ маркизъ, возвратясь неожиданно домой безъ доклада, отправился прямо въ будуаръ жены своей. Приближаясь, онъ замѣтилъ въ измѣнническомъ зеркалѣ маркизу „dans le simple appareil d'une beauté qu'on arrache au sommeil"... и вмѣстѣ съ нею счастливаго обожателя и закадычнаго друга маркиза П***. Въ такомъ случаѣ, что́-бы сдѣлалъ оскорбленный мужъ—французъ, русскій и даже нѣмецъ?—онъ сталъ-бы бѣситься, шумѣть, бить, и, можетъ быть, предалъ-бы позорной смерти вѣроломную жену и ея обольстителя; англичанинъ-же потащилъ-бы къ суду, въ common plays, за преступный разговоръ—„criminal conversation".—Ни чуть не бывало! Не показавъ ни малѣйшаго гнѣва, маркизъ подошелъ къ зеркалу, сталъ поправлять измятое жабо, громко кашлялъ, чтобы дать время счастливому обожателю

скрыться въ уборную. Когда-жъ все было спрятано, маркизъ подошелъ къ женѣ своей, чуть живой отъ страха, и сказалъ ей хладнокровно: „какъ вы неосторожны! не заперли даже двери; ну если-бы посторонній или слуга взошелъ-бы вмѣсто меня“...

Впрочемъ, хотя весьма рѣдко, бываютъ и мужья, ревнивые до неистовства. Одинъ миланскій графъ служитъ этому примѣромъ. Жена его была одна изъ прелестнѣйшихъ дамъ миланскаго двора при принцѣ Евгеніи Богарне, графиня Антонія N. N. Всѣ восхищались ея красотою и любезностію; скромность и цѣломудріе ея ставили въ примѣръ прочимъ дамамъ. Однако-же, и она, наконецъ, не устояла противъ обольщеній князя де-ла С — на и забыла клятву о вѣрности, данную мужу своему за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Горничная, которая, по неосторожности фаворита, была въ секретѣ ихъ интимности, открыла все мужу. Графъ рѣшился отомстить ужаснымъ образомъ невѣрной женѣ и ея обожателю. Онъ нашелъ средство проникнуть въ одну больницу и съ намѣреніемъ отравилъ себя въ ней гнусною болѣзнью, которая перешла и къ его женѣ, а самъ, нѣсколько дней спустя, отправился въ Туринъ къ извѣстнѣйшему врачу, чтобы вылечиться и дать свободу влюбленнымъ. Хитрая служанка поспѣшила извѣстить князя объ отъѣздѣ мужа. Онъ летитъ къ прелестной Антоніи.... Послѣдствія пагубной и постыдной мести раздраженнаго мужа были мгновенны и ужасны....

Новая продѣлка.

На пути моемъ изъ Рима во Флоренцію я сидѣлъ въ дилижансѣ съ пятью особами; въ томъ числѣ были три дамы, двѣ рѣзвыя, очень юныя, дѣвицы, которыя надоѣдали намъ порядочно хохотомъ, пѣніемъ, дерзостію и безпрестанными движеніями. Весьма удивляло меня и нѣмца-доктора, моего сосѣда, что эти не дозрѣвшія дѣвчонки, дочери почтмейстера ближней станціи, хотя выказывали нѣкоторое воспитаніе, безпрестанно приправляли къ своей болтовнѣ восклицаніе: „cazzo“. Какъ-бы то ни было, я не обращалъ вниманія на молодыхъ повѣсъ, а вперилъ взоръ на одну изъ дамъ, синіору Чечилію; это была чрезвычайно при-

гожая женщина, лѣтъ 25-ти, со скромною, задумчивою наружностью рафаэлевой Мадоны; она читала со вниманіемъ молитвенникъ и объявила, что она вдова. Я сталъ за нею ухаживать и глядѣлъ хладнокровно на проказы двухъ дѣвчонокъ. Только однажды во всю дорогу она улыбнулась и показала рядъ зубовъ, бѣлыхъ какъ перлы, исправивъ со сладкою улыбкою смѣшную ошибку, сдѣланную мною на итальянскомъ языкѣ.

По прибытіи во Флоренцію, мы остановились въ одномъ и томъ-же трактирѣ; съ трудомъ, однако-же, подружились, а на третій день или ночь мы совершенно сблизились. Она сдѣлалась нѣжною, пламенною, но, разставаясь со мною, замаливала грѣхи свои съ колѣнопреклоненіемъ и слезами. Я уже сбирался ѣхать съ нею въ Геную, какъ вдругъ на четвертый день прихожу къ ней, стучусь,—она не отпираетъ и не отвѣчаетъ. Изумленіе мое было чрезвычайно и я рѣшился стать часовымъ у дверей ея. Не подозрѣвая моего присутствія, она отворила дверь и я порхнулъ къ ней въ комнату. Но, представьте мое удивленіе,—Цецилія съ гнѣвомъ оттолкнула меня! Я сталъ приставать, она погрозила мнѣ кинжаломъ.

„Умѣрьте гнѣвъ вашъ, сказалъ я скромно; если вы подозрѣваете меня, я могу оправдаться“, и, дѣйствительно, у меня не было на совѣсти никакой продѣлки; она мнѣ чрезвычайно нравилась и я не помышлялъ о другихъ. Наконецъ, дѣло объяснилось: доселѣ она не знала кто я, и считала меня за француза, но посѣтившій ее по утру аббатъ открылъ ей, что я русскій, и съ тѣхъ поръ она возненавидѣла меня.

„О, Боже мой!“, воскликнула она въ какомъ-то бѣшенствѣ, „какой непростительный, огромный грѣхъ я сотворила!—любить раскольника (uno scismatico). О! я никогда не замолю такого тяжкаго грѣха, душа моя пойдетъ прямо въ адъ!“

Тутъ горячія и изобильныя слезы полились изъ прелестныхъ ея очей. Всѣ мои моленія были тщетны; она объявила мнѣ, что не можетъ глядѣть на меня безъ отвращенія, совѣсть терзаетъ ее. Я было приступилъ къ ней въ великомъ азартѣ, но острый кинжалъ, рѣшительно на меня направленный, заставилъ меня отступить.

Наконецъ, она сказала мнѣ довольно покойно: „мнѣ нужно погрузиться въ размышленія (raccogliarmi in spirito) и испро-

сить помилованія отъ Бога". Потомъ присовокупила: „приходите часа черезъ три; можетъ быть, св. Мадона отпуститъ мнѣ прегрѣшеніе мое невольное,—о, очень невольное преступленіе!"

Я удалился въ отчаяніи, надѣясь, однако-же, что размышленія разсѣятъ этотъ пагубный предразсудокъ. Но, увы, надежды мои были напрасны: она скрылась неизвѣстно куда!

Джетатура.

Странный предразсудокъ джетатуры заражаетъ всю Италію; причемъ замѣчательно то, что онъ имѣетъ болѣе силы на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ, такъ что, приближаясь къ теплой полосѣ, онъ обнаруживается чаще и, наконецъ, въ Неаполѣ дѣлается почти всеобщимъ. Существуетъ цѣлая книга, сочиненная извѣстнымъ Николаемъ Волита: „Della Gettatura", гдѣ онъ доказываетъ основательность этого повѣрья: Юлій Цесарь, Цицеронъ, Виргилій и величайшіе мудрецы древности вѣрили въ джетатуру. Между многими доказательствами, авторъ основываетъ свое мнѣніе на способности нѣкотораго рода змѣи, которая, глядя на поющую птицу, однимъ взоромъ съ дерева притягиваетъ ее въ свою пасть.

Въ Неаполѣ всѣ, даже умные люди, вооружены рожками, большею частью кораловыми; они носятъ ихъ на часовой цѣпочкѣ, на булавкѣ, кольцѣ и проч. Чтобы разсѣять очарованіе, надо направить остріе рожка на человѣка, подозрѣваемаго въ „cattivo occhio". У насъ тоже между народомъ существуетъ суевѣріе, хотя не въ такой степени; у насъ говорятъ: „сглазилъ такой-то", и просто отплевываются отъ чародѣя. Король Фердинандъ, прадѣдъ нынѣ царствующаго Франциска II, прозванный Назоне, по причинѣ длиннаго носа, до крайней степени вѣрилъ джетатурѣ. Когда онъ давалъ аудіенціи, то не иначе входилъ въ залу, какъ вооруженный огромнымъ кораловымъ охранительнымъ двурожіемъ и направлялъ его на всѣхъ предстоявшихъ; часто случалось ему наткнуться на такіе быстрые глаза, что рога трепетали въ его перстахъ, тогда онъ немедленно оборачивался и обращался въ бѣгство. Вотъ еще случай, упомянутый въ этой книжкѣ. Въ 1824 году, Донъ Іо, директоръ

музея въ Портичи, слылъ джетаторомъ. Онъ просилъ и долго домогался аудіенціи у короля, который, страшась его бѣдоваго ока, въ продолженіе 8-ми лѣтъ отказывалъ упорно и не хотѣлъ принимать его. Наконецъ, друзья дона Іо и сама королева (или, лучше сказать, La Bracciana) убѣдительно упросили его принять директора музея. Аудіенція продолжалась 20 минутъ: король былъ во все время въ тревожномъ состояніи; вертѣлъ во время всей аудіенціи охранительные рога, и что-же?—въ слѣдующую ночь онъ умеръ отъ удара.

КОНЕЦЪ.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ХРУЩОВЪ

род. 1806 г., † 1875 г.

Выдержки изъ его писемъ 1853—1859 гг. [1]).

„Хрущовъ лучшій генералъ изъ тѣхъ, какихъ я только зналъ при оборонѣ Севастополя".
Отзывъ кн. А. С. Меншикова.

Севастополь, 11-го марта 1855 г.

.... Въ нынѣшнюю ночь было также славное дѣло: наши выгнали французовъ изъ трехъ траншей и нанесли имъ большой уронъ; я не участвовалъ въ дѣлѣ.

Князь Горчаковъ прибылъ сюда и вступилъ въ командованіе войсками, сдѣлавъ привѣтствіе защитникамъ Севастополя весьма лестнымъ приказомъ. Командиромъ Волынскаго полка назначенъ изъ Житомірскаго егерскаго полка Лушковъ, который не прибылъ еще сюда.

Севастополь, 18-го марта 1855 г.

.... Неисправны почты; послѣднія газеты изъ Петербурга мы имѣемъ только отъ 16-го февраля, тогда какъ прежде получали на десятый день.

Кажется, я писалъ о дѣлѣ, бывшемъ въ ночь съ 10-го на 11-е марта; послѣ того ничего особеннаго не происходило; кромѣ непрерывной перестрѣлки съ непріятелемъ, мы постоянно угощаемъ другъ друга бомбами, ядрами и пулями.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1892 г., т. LXXIV, іюнь, стр. 593—607; т. LXXV, августъ, стр. 431—450.

Вѣнскіе переговоры должны скоро опредѣлить: быть-ли миру или большой войнѣ. Говорятъ, что нынѣ англичане и даже самъ воитель Пальмерстонъ наклонны болѣе, чѣмъ французы, къ миру. Въ Вѣнѣ трактуютъ, а мы продолжаемъ драться—такъ и слѣдуетъ. Подкрѣпленія, направленныя новымъ главнокомандующимъ, идутъ къ намъ.

Мой преемникъ, полковникъ Лушковъ, до сихъ поръ не пріѣхалъ, а потому я продолжаю командовать Волынскимъ полкомъ.

.... Вотъ скоро годъ, что нечестивые союзники Порты начали свои непріязненныя дѣйствія противъ Россіи бомбардированіемъ Одессы и седьмой мѣсяцъ, какъ они у насъ въ гостяхъ....

Севастополь, 24-го марта 1855 г.

....Французы продолжаютъ сильно стрѣлять на новые редуты и Корнилова бастіонъ; мы платимъ имъ тѣмъ-же.

Что́ они предпримутъ для успокоенія своей военной чести—трудно опредѣлить. Попытки ихъ приблизиться къ нашимъ укрѣпленіямъ правильною атакою не удаются, броситься на отчаянный штурмъ слишкомъ рискованно и они уже имѣли нѣсколько случаевъ испытать что̀ значитъ русскій штыкъ; перенести войну въ поле—надобно много войска и другихъ средствъ. А между тѣмъ наши подкрѣпленія приближаются и мы скоро будемъ усилены слишкомъ двумя дивизіями.

Корреспонденты изъ арміи, чтобы сколько-нибудь успокоить публику, прибѣгаютъ къ наглой лжи. Напримѣръ, пишутъ, что въ ночь съ 11-го на 12-е февраля (о моемъ дѣлѣ) французы взяли вооруженный пушками редутъ, срыли его до основанія и даже овладѣли Малаховымъ курганомъ. Подобная ложь ниже всякой критики и должна заставить краснѣть самихъ французовъ.

.... Первые три дня Страстной недѣли мнѣ удалось отговѣть и вчера я пріобщился Св. Таинъ.

Надняхъ, къ общему сожалѣнію, убитъ храбрый капитанъ-лейтенантъ Серебряковъ, сынъ генералъ-адъютанта.

Севастополь, 28-го марта 1855 г. 5 час. пополудни.

Въ пятницу на Страстной недѣлѣ, пользуясь порученіемъ, даннымъ мнѣ на сѣверную сторону, я ѣздилъ на Бельбекъ и подышалъ немного свѣжимъ воздухомъ, послѣ пятимѣсячнаго карантина въ Севастополѣ; тамъ видѣлся со старымъ и новымъ дивизіонными начальниками ген. Моллеромъ и Жабокрицкимъ; перваго я невидѣлъ съ декабря, а послѣдняго съ октября прошлаго года, не-

смотря на разстояніе 8-ми верстъ. Въ этотъ-же день прибылъ мой преемникъ, и я уже не командую полкомъ.

Не знаю только, когда онъ приметъ его совершенно и дастъ мнѣ квитанцію. Въ субботу Волынскій полкъ перевели на первое отдѣленіе оборонительной линіи, и я переѣхалъ съ Корабельной на прежнюю свою квартиру, которая находится вблизи Николаевской батареи.

Въ воскресенье у заутрени былъ въ соборѣ, гдѣ познакомился съ начальникомъ штаба ген.-ад. Коцебу, который представилъ меня главнокомандующему. Все представленіе заключалось въ словахъ: „это генералъ Хрущовъ".

Князь Горчаковъ обошелся со мною ласково и спрашивалъ о прежней службѣ, потомъ подошелъ ко мнѣ другой разъ и спросилъ: „какой бригады я командиръ?"

Разгавливался у ген. Сакена и потомъ разгавливались у меня всѣ волынцы.

Въ 11-ть часовъ ѣздилъ на сѣверную сторону къ дежурному генералу Ушакову и начальнику штаба. Онъ просилъ меня отъ имени князя Горчакова скорѣе сдать полкъ, потому что главнокомандующій имѣетъ въ виду дать мнѣ какое-то порученіе. Сакенъ объявилъ мнѣ то-же самое. Не знаю и даже не догадываюсь въ чемъ будетъ заключаться это порученіе.

Говорятъ, что на первый день праздника посадили въ траншеи турокъ. Въ этотъ день, хотя была пальба, но довольно умѣренная; но зато сегодня съ пяти часовъ утра началась сильнѣйшая канонада по всей линіи. При большомъ дождѣ и самой ненастной погодѣ она продолжалась до полдня; послѣ 12 часовъ огонь немного ослабѣлъ, но несовершенно прекратился. Посмотримъ что-то будетъ завтра, не имѣютъ-ли непріятели намѣренія испытать приступъ?

29-го марта, 6 часовъ утра.

Ночь прошла благополучно и съ разсвѣтомъ не обнаружилось намѣреній непріятеля приступить къ чему-либо рѣшительному; пальба съ батарей умѣренная.

Письмо ваше, друзья мои, я получилъ, изъ котораго вижу, что вы посылаете ко мнѣ звѣзду. Благодарю васъ, но напрасно вы это сдѣлали: мнѣ прислали металлическую звѣзду, а въ другой рѣшительно нѣтъ никакой надобности. За корпію также благодарю, пока Богъ хранилъ меня отъ бомбъ и другой сволочи. Газеты и частная молва обѣщаютъ скорый миръ; но мы продолжаемъ драться и слушать ежеминутно раскаты выстрѣловъ....

Севастополь, 4-го апрѣля 1855 г.

Сегодня восьмой день, что проклятые французы бомбардируютъ Севастополь съ сухаго пути и только изрѣдка ночью подходитъ пароходъ и бросаетъ разомъ нѣсколько бомбъ и ракетъ. Въ послѣдніе два дня канонада была слабѣе прежнихъ дней. Если взять въ соображеніе число пускаемыхъ ими снарядовъ, то потеря у насъ не велика и къ утру всѣ батареи бываютъ въ полной исправности. Замѣтно, что наши подбиваютъ много орудій на непріятельскихъ батареяхъ. Въ прошлую ночь французы взорвали фугасъ передъ 4-мъ бастіономъ, который не причинилъ намъ никакого вреда.

Вчера сдалъ совершенно полкъ и получилъ квитанцію; теперь я свободенъ. Сегодня ѣздилъ являться къ дивизіонному и корпусному командирамъ въ Горгунъ и на Мекензіеву гору и завтра вступлю въ командованіе бригадою.

У васъ продолжаютъ говорить о мирѣ, но здѣсь непріятели, болѣе чѣмъ когда-либо, обнаруживаютъ враждебныя дѣйствія противъ насъ....

Полки моей бригады находятся теперь въ Севастополѣ, только на разныхъ дистанціяхъ. Мой преемникъ, полковникъ Лушковъ, черезъ нѣсколько дней послѣ своего прибытія, раненъ пулею въ правую руку. Пока не видно опасности, посмотримъ что̀ будетъ далѣе.

5-го апрѣля, утро.

Эту ночь я не былъ разбуженъ непріятельскими выстрѣлами и теперь почти нѣтъ пальбы. Сильный туманъ.

Севастополь, 7-го апрѣля 1855 г.

Сегодня порадовали меня пріятнымъ извѣстіемъ, что братъ Степанъ Петровичъ произведенъ въ адмиралы, вмѣстѣ съ Лишной (?) и Нахимовымъ. Послѣдній многихъ обогналъ, но онъ вполнѣ заслужилъ эту награду своею храбростію, дѣятельностію и распорядительностію.

Вчера хотя бомбардировка продолжалась, но слабѣе прежняго, а сегодня почти не было пальбы. Прошлую ночь наши тихонько подползли къ воронкѣ, образовавшейся отъ взрыва непріятельскихъ фугасовъ противъ 4-го бастіона, гдѣ засѣло до 200 французовъ, и почти всѣхъ перекололи.

О дальнѣйшихъ намѣреніяхъ непріятеля мы ничего не знаемъ, но, повидимому, они не рѣшаются на штурмъ; работы свои противъ 4-го и 5-го бастіоновъ продолжаютъ. Сегодня дѣлали движеніе къ

Чоргуну, но это должно быть одна рекогносцировка. Подробностей оной я еще не знаю.

Пока я не имѣю никакаго особеннаго назначенія кромѣ командованія бригадою, которая расположена въ Севастополѣ на 1-мъ и 3-мъ отдѣленіи оборонительной линіи. Я еще не успѣлъ ознакомиться съ своею новою частью.

8-го апрѣля.

Ночь провели мы довольно покойно и теперь огонь съ непріятельскихъ батарей весьма слабый.

О вѣнскихъ конференціяхъ здѣсь разные слухи; одни говорятъ, что переговоры прерваны по случаю неумѣстныхъ требованій Франціи и что Австрія объявляетъ себя нейтральною; другіе-же толкуютъ, что конференціи продолжаются.

Въ скоромъ времени вопросъ мира или войны долженъ рѣшиться.

Севастополь, 15-го апрѣля 1855 г.

Французы прекратили бомбардированіе Севастополя и теперь пальба производится обыкновенная, иногда чаще, иногда рѣже. Новыхъ намѣреній своихъ непріятель не обнаруживаетъ. Въ газетахъ осаду Севастополя называютъ осадою Трои,—дѣйствительно она безконечна.

У насъ передъ 5-мъ бастіономъ было нѣсколько ложементовъ, гдѣ помѣщались штуцерные. На Святой недѣлѣ французы заняли ихъ и срыли; а какъ видно, намѣреніе ихъ приблизиться отъ своихъ траншей къ этой мѣстности и сдѣлать тамъ осѣдлость, и какъ съ оной они могли-бы наносить намъ большой вредъ, то главнокомандующій лично приказалъ мнѣ занять эту мѣстность и, во чтобы то ни стало, устроить тамъ ложементы. Въ ночь съ 11-го на 12-е апрѣля, я вполнѣ исполнилъ приказаніе князя, не будучи слишкомъ тревожимъ непріятелемъ.

Въ продолженіе дня французы употребляли всѣ усилія, чтобы разрушить наши работы ядрами, и отчасти успѣли въ этомъ. На слѣдующую ночь мнѣ велѣно исправить ихъ, построить новыя и отбросить непріятеля въ случаѣ атаки. Для этого въ моемъ распоряженіи было пять баталіоновъ, т. е. съ небольшимъ 2,000 человѣкъ.

Съ наступленіемъ сумерокъ, лишь только часть моего отряда стала подходить къ ложементамъ, какъ непріятель бросился на нихъ изъ своихъ траншей и занялъ оныя, ибо войска не заняли еще своихъ мѣстъ; но черезъ 10 минутъ мы ихъ выбили оттуда. Французы пробовали нѣсколько разъ атаковать насъ, но безъ

успѣха и, наконецъ, вступили въ свои траншеи. Въ гнѣвѣ на свою неудачу и зная, что прикрытіе наше расположено на открытой мѣстности, французы открыли убійственный ружейный огонь изъ всѣхъ ближайшихъ траншей, и этотъ огонь продолжался до разсвѣта, то есть около восьми часовъ сряду, что, однако-жъ, намъ не воспрепятствовало исправить разрушенные ложементы и построить новые. Такимъ образомъ, я исполнилъ приказаніе главнокомандующаго: занялъ мѣстность, устроилъ ложементы и отбросилъ непріятеля. Наша потеря заключалась до 350 человѣкъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ 13 офицеровъ. И на этотъ разъ Богъ сохранилъ меня, а мы были подъ градомъ пуль....

Севастополь, 18-го апрѣля 1855 г.

Несмотря на всю болтовню газетъ, кажется, нѣтъ надежды на миръ, потому что представители западныхъ державъ осмѣливаются предлагать весьма унизительныя условія. Итакъ, возложивъ упованіе на Бога, будемъ драться со всѣмъ Западомъ, если это будетъ нужно.

Политика Австріи для меня совершенно непонятна.

Разсказываютъ, что на конференціи 29-го марта Буркене сказалъ, что въ настоящую минуту Севастополь сбриваютъ (ruser), намекая на счетъ начатой бомбардировки. Титовъ, улыбнувшись, отвѣчалъ: „Вамъ, конечно, извѣстно свойство бороды: чѣмъ чаще ее брѣютъ, тѣмъ она скорѣе растетъ".

Вчера главнокомандующій пригласилъ меня обѣдать и благодарилъ за исполненіе послѣдняго порученія.

Князь и начальникъ штаба Коцебу показали ко мнѣ много вниманія. Надняхъ флигель-адъютантъ привезъ изъ Петербурга Сакену графское достоинство, а князю Васильчикову (начальнику штаба гарнизона) и Тотлебену (начальнику инженеровъ) генеральскіе чины.

Я получилъ совершенно неожиданно письмо отъ Ростовцева. Вотъ начало онаго:

„Съ истиннымъ удовольствіемъ узналъ я о блистательномъ подвигѣ вашемъ. Мнѣ очень пріятно поздравить васъ, какъ бывшаго сослуживца, и съ отличіемъ, вами оказаннымъ, и съ царскою милостію, этимъ отличіемъ заслуженною".

Вотъ мой отвѣтъ г. Ростовцеву:

„Обязательное письмо вашего пр—ва, отъ 23-го марта, я имѣлъ честь получить вчера и спѣшу принести вамъ мою душевную благодарность за вашу память обо мнѣ и милостивое расположеніе,

которымъ вы удостаивали меня прежде, когда я служилъ подъ вашимъ начальствомъ, и удостаиваете нынѣ.

„Исполнивъ только свой долгъ, я слишкомъ уже награжденъ милостью царя и вниманіемъ ко мнѣ моего начальства въ арміи; а память и поздравленіе бывшаго столь многоуважаемаго начальника еще увеличили награду, ибо я осмѣливаюсь принять это какъ дань моимъ слабымъ заслугамъ и трудамъ на другомъ поприщѣ, подъ вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ.

„Позвольте мнѣ льстить себя надеждою, что вы не лишите меня и впредь своего благосклоннаго вниманія, а также позвольте поздравить ваше пр—во съ назначеніемъ васъ начальникомъ главнаго штаба его вел—ва и членомъ Государственнаго совѣта. Эти высшія назначенія дадутъ болѣе обширный кругъ вашей неутомимой дѣятельности и вашимъ добрымъ намѣреніямъ, которыя всегда клонились и будутъ клониться на пользу нашего любезнаго отечества и во славу обожаемаго Государя. Да дастъ вамъ Всевышній силу и крѣпость оставаться на долгое время вѣрнымъ и ближайшимъ исполнителемъ благихъ намѣреній его величества. Надняхъ главнокомандующій поручилъ мнѣ занять мѣстность впереди нашихъ укрѣпленій, построить тамъ ложементы и отстоять ихъ въ случаѣ нападенія непріятеля. Съ помощью Божіею, я исполнилъ съ точностію приказаніе князя. И на этотъ разъ Господь сохранилъ меня отъ непріятельскихъ пуль и ядеръ, которыми французы, по отбитіи ихъ, осыпали ввѣренный мнѣ отрядъ изъ своихъ траншей въ теченіе цѣлой ночи".

19-го апрѣля въ теченіе ночи ничего особеннаго не случилось.

Инкерманскія высоты на сѣверной сторонѣ Севастополя. 25-го апрѣля 1855 г.

Вотъ уже третій день, что я здѣсь живу въ палаткѣ и дышу свѣжимъ воздухомъ. Можете себѣ представить, друзья мои, какъ мнѣ отрадно здѣсь послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Севастополѣ. Отсюда я вижу весь городъ, слышу выстрѣлы, но они не достигаютъ до нашей позиціи. Главнокомандующій, имѣя въ виду, что занимающій Инкерманскія высоты ген.-лейт. Липранди долженъ отойти отсюда, въ случаѣ движенія непріятеля отъ Козлова или другихъ мѣстъ сѣверной стороны, приказалъ мнѣ ознакомиться съ этою мѣстностію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по особенному вниманію ко мнѣ, хотѣлъ доставить мнѣ возможность отдохнуть немного послѣ трудовъ севастопольской жизни, о чемъ князь мнѣ лично объявилъ. Вотъ по какому случаю я нахожусь здѣсь, а на долго-ли? не знаю.

Вчера я объѣзжалъ всю здѣшнюю позицію и осмотрѣлъ всѣ подступы отъ долины Черной рѣчки, а сегодня ѣздилъ на Мекензіеву гору къ корпусному командиру, брату главнокомандующаго. Онъ, а также графъ Сакенъ, ко мнѣ очень внимательны.

Непріятель 19-го числа овладѣлъ нашими ложементами, которые я построилъ 11-го и 12-го числа, что можно было предвидѣть, ибо французскія траншеи слишкомъ близки къ намъ. Жаль, но что-жъ дѣлать,—въ войнѣ безъ неудачъ нельзя обойтиться. Впрочемъ, это не составляетъ большой важности.

Прощайте, друзья мои, хотѣлъ-бы еще побесѣдовать съ вами, но писать очень трудно безъ стола.

.... Говорятъ, что въ Наполеона стрѣляли въ Парижѣ, но, къ сожалѣнію, не убили этого авантюриста.

Позиція на Инкерманскихъ высотахъ, 28-го апрѣля 1855 г.

Въ прошлую ночь была сильная пальба противъ 4 и 5 бастіоновъ, но я еще не имѣю свѣденія о причинѣ этой пальбы.

Завтра будетъ недѣля, что я живу здѣсь безъ особенныхъ занятій по службѣ и пока нѣтъ слуховъ, чтобы г. Липранди выступилъ отсюда съ своею дивизіею, хотя ему приказано быть готовымъ всякую минуту. Живу я въ палаткѣ, черезъ которую дождь не проникаетъ.

Сегодня ровно тридцать лѣтъ, какъ я произведенъ въ офицеры, а кто прослужилъ 30 лѣтъ, того можно назвать почти старикомъ,—время идетъ очень быстро.

Иностранныя газеты наполнены предположеніями о результатѣ вѣнскихъ конференцій, но по всему видно, что они не могутъ окончиться въ пользу мира. Начинаютъ уже говорить о дѣйствіяхъ съ другихъ пунктовъ, оставя отрядъ предъ Севастополемъ въ оборонительномъ положеніи, но я не вполнѣ этому вѣрю, тѣмъ болѣе, что непріятели продолжаютъ свои осадныя работы противъ нашихъ укрѣпленій.

Инкерманскія высоты, 6-го мая 1855 г.

.... Распространился слухъ, что часть непріятельскаго войска сажается на корабли для дѣйствія съ сѣверной стороны, но эта молва не подтвердилась, а потому генералъ Липранди остается по прежнему на Инкерманѣ. Я живу также здѣсь безъ особенныхъ занятій по службѣ и полагаю, что въ скоромъ времени мнѣ прикажутъ возвратиться въ Севастополь, ибо тамъ оба полка моей бригады.

По извѣстіямъ изъ Вѣны, нѣтъ никакой надежды на миръ, не

смотря на то, что общественное мнѣніе во Франціи и Англіи противъ этой войны. Надобно желать, чтобы во Франціи сдѣлалась революція и чтобы отправили куда-нибудь авантюриста-императора. Во французской арміи подъ Севастополемъ также общее неудовольствіе, такъ показываютъ всѣ дезертиры, которые являются къ намъ ежедневно.

Послѣ трехдневныхъ дождей, у насъ начались сильныя жары, что въ палаткѣ очень чувствительно.

Позиція у Чоргуна, 11-го мая 1855 г.

8-го числа главнокомандующій лично приказалъ мнѣ отправиться въ Чоргунъ для командованія тамошнимъ отрядомъ вмѣсто г.-л. Жабокрицкаго, который отозванъ къ своей дивизіи, расположенной въ Севастополѣ. Въ тотъ-же вечеръ я поѣхалъ туда, но былъ удержанъ на ночь въ Черкезъ-Корменѣ корпуснымъ командиромъ, братомъ главнокомандующаго, а 9-го утромъ прибылъ въ Чоргунъ, осмотрѣвъ по пути дороги, по которымъ предполагается отступать моему отряду въ случаѣ наступленія непріятеля въ значительныхъ силахъ.

Отрядъ мой состоитъ изъ полка пѣхоты, легіона греческихъ волонтеровъ, стрѣлковой роты, дивизіона артиллеріи, дивизіона гусаръ и полка казаковъ. Сверхъ того, въ моемъ-же вѣдѣніи состоятъ два полка казаковъ, расположенныхъ въ Байдарахъ и на южномъ берегу.

Позиція у Чоргуна весьма важная и требуетъ большой бдительности.

Вчера и сегодня я осматривалъ съ аванпостовъ всю непріятельскую позицію, а также и свою. Непріятельская на Сапунъ-горѣ и передъ Балаклавою сильно укрѣплена и почти недоступна для нападенія. Сегодня донесли мнѣ изъ Байдаръ, что до 60 пароходовъ и парусныхъ судовъ прошло по направленію къ Ялтѣ, а куда именно они направляются — до сихъ поръ неизвѣстно. Надѣюсь получить ночью донесеніе изъ Ялты.

.... Въ ночь на 11-е мая французы атаковали шесть разъ наши траншеи предъ 6-мъ бастіономъ и каждый разъ были отбиты. Ихъ потеря до 4 тысячъ.

Позиція близъ Чоргуна, 16-го мая 1855 г.

.... Я писалъ отъ 11-го числа, что непріятельскій флотъ проходилъ мимо южныхъ береговъ Крыма. Теперь извѣстно, что высажено 25,000 въ Керчь и говорятъ, что сдѣлана высадка около

Ялты, но послѣднее недостовѣрно. Какія-же непріятель имѣетъ дальнѣйшія намѣренія—мы не знаемъ, а у насъ вотъ что случилось.

13-го, рано утромъ, непріятельская кавалерія, болѣе 12-ти эскадроновъ, съ конно-артиллеріею, перешла на рысяхъ чрезъ каменный мостъ на Черной рѣчкѣ (въ 2-хъ верстахъ отъ Чоргуна), съ намѣреніемъ окружить стоящій недалеко оттуда нашъ баталіонъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ ударила на двѣ сотни казаковъ и эскадронъ гусаръ.

Кавалерія наша выдержала славно атаку превосходнѣйшихъ силъ, а батальонъ встрѣтилъ батальнымъ огнемъ и, отстрѣливаясь, отступилъ на гору. Въ то-же время огромная масса пѣхоты, около 40,000, развернулась по долинѣ Черной рѣчки. Видя, что непріятель имѣетъ намѣреніе обойти нашу позицію съ обоихъ фланговъ и какъ цѣль моего отряда была только наблюдательная, то я велѣлъ отступать и занялъ позицію въ 3-хъ верстахъ отъ Чоргуна, гдѣ и нынѣ нахожусь; мои аванпосты на высотахъ Чоргуна. Если непріятель предприметъ обходное движеніе, то я буду отодвигаться до Королезскаго ущелья, и тамъ уже остановлюсь.

Писать на бивакахъ довольно трудно, а потому прошу извинить, что я окончу письмо.

Позиція близь Чоргуна, 21-го мая 1855 г.

Съ 16-го числа у насъ ничего особеннаго не происходило. Иногда по ночамъ непріятель тревожитъ насъ, переводя на правую сторону Черной рѣчки нѣсколько баталіоновъ пѣхоты и эскадроновъ кавалеріи, но все ограничивалось перестрѣлкою съ казачьими аванпостами. Конечно, во все это время мы должны стоять въ полной готовности. Итакъ, всѣ ночи я провожу одѣтымъ и почти безъ сна.

Третьяго дня главнокомандующій осматривалъ наши позиціи на Бельбекѣ и въ Королезскомъ ущельѣ. Князь вызывалъ меня туда, чтобы отдать нѣкоторыя приказанія насчетъ отступленія моего въ случаѣ движенія непріятеля.

Вчера три парохода подходили къ Алупкѣ и высаживали туда до 200 турокъ, чтобы набрать зелени. Мы сохраняемъ свои сообщенія съ южнымъ берегомъ.

На Бельбекѣ, 29-го мая.

Четырнадцать ночей, проведенныхъ безъ сна, въ буквальномъ смыслѣ слова, не могли не имѣть вліянія на мое здоровье, а потому 26-го числа я подалъ рапортъ о болѣзни и на другой день вече-

ромъ, передавъ начальство надъ отрядомъ ген.-л. Бельгарду, отправился на Бельбекъ, что на большой дорогѣ, близъ бывшей почтовой станціи, въ трехъ верстахъ отъ Инкерманскихъ высотъ, гдѣ нынѣ расположена главная квартира.

Здѣсь хорошій воздухъ и большой садъ. Дней десять или двѣ недѣли отдыха могутъ возстановить и укрѣпить мои силы, и тогда я снова явлюсь на службу.

Новый французскій главнокомандующій Пелисье дѣйствуетъ съ большею энергіею, чѣмъ Канробер. 26-го числа, около пяти часовъ пополудни, послѣ жестокаго двухдневнаго бомбардированія, непріятели въ большихъ силахъ атаковали наши отдѣльные редуты Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій. Въ нихъ были небольшіе гарнизоны, а потому не могли долго держаться противъ огромныхъ силъ непріятеля, но непріятелямъ обошлось не дешево овладѣніе этими редутами,—они понесли огромную потерю и намъ досталось до 300 человѣкъ плѣнныхъ. Всѣ наши главныя укрѣпленія цѣлы и войска готовы встрѣтить непріятеля, когда онъ вздумаетъ атаковать Малаховъ курганъ или 3-й бастіонъ. Бомбардированіе Корабельной продолжается.

На Бельбекѣ, 2-го іюня 1855 г.

.... Непріятель укрѣпляется на занятыхъ имъ редутахъ 26-го мая, но еще не дѣйствуетъ съ нихъ. Въ послѣдніе дни огонь съ его батарей очень слабый.

Чистый воздухъ, прогулка по садамъ и свободная отъ служебныхъ занятій жизнь укрѣпляютъ мое здоровье. Надѣюсь, что черезъ короткое время я буду въ состояніи явиться вновь на службу, куда прикажутъ. Мой бывшій полкъ совершенно разстроенъ по случаю большой убыли въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ, а потому надняхъ его вывели на сѣверную сторону. Мой преемникъ умеръ отъ раны; вновь назначенный штабъ-офицеръ также долженъ умереть сегодня или завтра. Не знаю, кто теперь будетъ назначенъ. Моя бригада, командованіе которою я передалъ старшему изъ полковыхъ командировъ при отъѣздѣ изъ Севастополя въ концѣ апрѣля, находится теперь въ Корабельной части.

На Бельбекѣ, 8-го іюня 1855 г.

Поздравляю васъ, друзья мои, съ славною побѣдою, о которой, вѣроятно, дошло уже до васъ извѣстіе чрезъ курьера, посланнаго въ Петербургъ или, лучше сказать, дойдетъ прежде полученія этого письма. Непріятель, занявъ 26-го мая наши передовыя укрѣпленія, полагалъ, что можетъ идти на штурмъ главныхъ укрѣпленій

5-го іюня онъ произвелъ сильнѣйшую бомбардировку, а 6-го съ разсвѣтомъ двинулъ свои колонны на приступъ: на 1-й и 2-й бастіоны шли французы и турки, на доковую балку французы и на 3-й бастіонъ англичане, но наши славныя батареи и наши храбрыя войска, съ помощью Всевышняго, отбили непріятеля на всѣхъ пунктахъ. Онъ понесъ огромную потерю убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Наша потеря незначительна. Командовалъ войсками на Корабельной ген.-л. Хрулевъ, которому честь и слава.

Воображаю, какъ сконфужены непріятели и въ особенности Пелисье, на котораго полагали столько надеждъ и онъ самъ вѣрилъ въ несомнѣнный успѣхъ. Что-то онъ теперь предприметъ? Наши войска ободрились и выросли. Надняхъ мы ожидаемъ подкрѣпленій до 40 баталіоновъ.

Австрія объявила себя рѣшительно нейтральною и теперь намъ нѣтъ надобности держать много войскъ на западной границѣ.

Здоровье мое поправилось, т. е. я укрѣпился въ силахъ, и если не будетъ хуже, завтра явлюсь вновь на службу. Не знаю, куда мнѣ прикажутъ ѣхать: въ Севастополь, къ своей бригадѣ, или дадутъ другое назначеніе....

На Бельбекѣ, 13-го іюня 1855 г.

.... 9-го числа я являлся къ корпусному командиру, а сегодня былъ у главнокомандующаго по его приказанію. Князь принялъ меня хорошо и велѣлъ ѣхать къ своей бригадѣ въ Севастополь.

Отрядъ, которымъ я командовалъ до 27-го числа мая, отступилъ въ Королезъ, слѣдовательно прежнее мѣсто упразднилось—и слава Богу. Завтра я прощусь съ Бельбекомъ, гдѣ прожилъ болѣе двухъ недѣль очень покойно, и явлюсь къ графу Сакену.

Послѣ неудачнаго штурма непріятель до сихъ поръ не предпринимаетъ ничего серьезнаго и пальба въ Севастополѣ довольно слабая.

Впрочемъ, дезертиры показываютъ, что Пелисье не оставляетъ своего намѣренія штурмовать вновь городъ. Говорятъ, что войско его ненавидитъ.

Севастополь, 17-го іюня 1855 г.

14-го числа утромъ я перебрался снова въ Севастополь, гдѣ не былъ около семи недѣль. Графъ Сакенъ приказалъ мнѣ находиться на первомъ отдѣленіи оборонительной линіи подъ начальствомъ г. Семякина, бывшаго начальника штаба при князѣ Меншиковѣ. Теперь я живу въ блиндажѣ около 6-го бастіона; помѣщеніе довольно покойное отъ навѣсныхъ выстрѣловъ.

Пока непріятель не предпринимаетъ ничего серьезнаго и стрѣльба съ его батарей весьма слабая....

Севастополь, 22-го іюня 1855 г.

.... Я живу попрежнему очень покойно въ блиндажѣ около бастіона № 6-го. Мнѣ порученъ первый участокъ 1-го отдѣленія, а второй—князю Воронцову, который надняхъ прибылъ сюда изъ Петербурга для командованія егерскою бригадою 14-й дивизіи.

Непріятель не предпринимаетъ ничего важнаго, работы въ траншеяхъ продолжаются, огонь довольно слабый.

Въ первой половинѣ іюня къ намъ будутъ 4-я и 5-я дивизіи и до 20 дружинъ ополченія. Главнокомандующій англійскихъ войскъ лордъ Раглапъ умеръ отъ холеры. Слухъ о смѣнѣ Пелисье не подтвердился.

Вчера привезли изъ Петербурга награды старшимъ лицамъ за отбитіе штурма 6-го іюня.

Главнокомандующій сдѣланъ шефомъ полка, Сакенъ получилъ аренду, Васильчиковъ и Тотлебенъ—Георгія 3-й степ., Хрулевъ—Владиміра 2-й степ., Семякинъ—въ генералъ-лейтенанты и проч.

Севастополь, 29-го іюня 1855 г.

... Вчера, въ 6 часовъ вечера, на бастіонѣ Корнилова раненъ пулею въ голову доблестный защитникъ Севастополя адмиралъ Нахимовъ. Рана опасная и наврядъ онъ будетъ спасенъ. Весь севастопольскій гарнизонъ смотрѣлъ на Павла Степановича съ благоговѣніемъ и полною довѣренностью, а потому его потеря незамѣнима. Всѣ въ большомъ унынiи.

Въ послѣдніе дни непріятель стрѣлялъ съ своихъ батарей сильнѣе прежняго, но особеннаго вреда не наноситъ. Меня назначили помощникомъ начальника праваго фланга оборонительной линіи, т. е. перваго и втораго отдѣленія.

Севастополь, 6-го іюля 1855 г.

П. С. Нахимовъ скончался 30-го іюня, не приходя въ чувства, а 1-го іюля его похоронили вмѣстѣ съ Лазаревымъ, Корниловымъ и Истоминымъ. Главнокомандующій и весь Севастополь провожали его съ душевнымъ сожалѣніемъ.

По части военной у насъ нѣтъ ничего новаго и нельзя опредѣлить истинныхъ намѣреній непріятеля.

Я попрежнему живу въ блиндажѣ на оборонительной линіи съ однимъ полковымъ командиромъ, двумя флотскими штабъ-офи-

церами и своимъ ординарцемъ и, благодаря Бога, здоровъ. Бомбы, ядра и пули часто падаютъ около нашего дворца, но мы привыкли уже не обращать на нихъ никакого вниманія. По ночамъ спимъ мало, а днемъ сколько угодно.

.... По достовѣрнымъ слухамъ, отъ Петербурга къ намъ, т. е. въ 6-й корпусъ, назначается новый корпусный командиръ ген.-л. Липранди вмѣсто кн. Горчакова, брата главнокомандующаго.

Севастополь, 13-го іюля 1855 г.

... Дезертиры показывали, что сегодня должна открыться бомбардировка, но пока ничего нѣтъ. По ночамъ непріятели продолжаютъ бросать къ намъ множество бомбъ, гранатъ и ядеръ, но они не причиняютъ большаго урона. Что будетъ впереди—не знаемъ, ожидаемыя къ намъ подкрѣпленія еще не прибыли.

Привыкнуть можно ко всему, такимъ образомъ и мы привыкли къ бастіонной жизни. По вечерамъ собирается довольно большое общество около нашихъ блиндажей, гдѣ за стаканомъ чаю мы толкуемъ о всякой всячинѣ, смотря на полетъ бомбъ, которыя перелетаютъ черезъ наши головы, иногда весьма красивыми букетами. Такъ проходитъ вечеръ и цѣлая ночь.

Вы знаете, что у насъ мѣсяцъ считается годомъ, слѣдовательно мы уже довольно постарѣли; я имѣю лишнихъ семь лѣтъ, другіе-же имѣютъ болѣе десяти.

14-е іюля.

.... Въ продолженіе ночи ничего особеннаго не случилось.

Севастополь, 20-го іюля 1855 г.

.... Та-же жизнь на бастіонахъ, та-же перестрѣлка между нами и непріятелемъ. Въ послѣдніе дни большіе дожди, а потому грязно ходить по батареямъ.

Севастополь, 27-го іюля 1855 г.

.... Я живу попрежнему въ блиндажѣ и провожу время довольно хорошо. У насъ прекрасный бульваръ для прогулокъ по непрерывному ряду батарей оборонительной линіи и всегда есть большое общество.

22-го мы обѣдали въ редутѣ у князя Воронцова, а на другой день у начальника 1-го отдѣленія Зорина по случаю ихъ именинъ. Желательно, чтобы мнѣ не пришлось праздновать здѣсь свои именины. Надняхъ надобно ожидать бомбардированія и потомъ, можетъ быть, штурма. Впрочемъ, къ намъ прибыли двѣ дивизіи, 4-я и 5-я, и потому мы имѣемъ возможность предупредить непрія-

теля своимъ наступленіемъ на Черную рѣчку. Я говорю только: имѣемъ возможность, а будетъ то, что̀ разсудитъ и прикажетъ главнокомандующій.

Надняхъ умеръ послѣ кратковременной болѣзни К. А. Вукотичъ, бывшій дежурный штабъ-офицеръ черноморскаго флота. Онъ жилъ до сихъ поръ въ Севастополѣ и завѣдывалъ перевязочнымъ пунктомъ.

Севастополь, 3-го августа 1855 г.

.... Мы полагали, что сегодня для именинъ императора французы откроютъ бомбардировку, но оной не было. Флотъ салютовалъ и украсился флагами. Мое будущее письмо, вѣроятно, будетъ интереснѣе.

Третьяго дня князь Воронцовъ и я проходили по одной изъ переднихъ батарей. Штуцерная пуля, пролетѣвъ черезъ мою голову, ранила князя въ високъ, но не тронула черепа. Такую-же рану получилъ Нахимовъ, только двумя линіями глубже. Рана Воронцова не опасна

Севастополь, 8-го августа 1855 г.

4-го августа, въ день моего рожденія, главнокомандующій дѣлалъ наступленіе съ Мекензіевой горы на Черную рѣчку, но какъ наши войска встрѣтили сильное сопротивленіе, то князь не нашелъ возможнымъ продолжать наступленіе. 12-я дивизія, бывшая впереди, показала геройскую храбрость и, разумѣется, много потерпѣла.

Къ сожалѣнію, у насъ убиты генералъ-адъютанты: командиръ 3-го корпуса Реадъ и директоръ канцеляріи военнаго министра Вревскій, а также нач. штаба 3-го корпуса Веймарнъ.

Мы готовы были сдѣлать вылазку изъ города, но оная была отмѣнена. 5-го числа непріятель началъ бомбардировать бастіоны Корабельной стороны. Канонада продолжается до сихъ поръ, но нѣсколько слабѣе, чѣмъ прежде. Бастіоны городской части, гдѣ я нахожусь, пока не бомбардируются, хотя, по обыкновенію, по ночамъ непріятель и на нихъ пускаетъ много бомбъ. Надняхъ, къ намъ прибыла часть курскаго ополченія....

Севастополь, 11-го августа 1855 г.

....Слѣдствіемъ бомбардировки 5-го августа не было штурма и она уже прекратилась.

Впрочемъ, по временамъ, непріятели открываютъ сильную канонаду по разнымъ бастіонамъ. Сегодня, съ разсвѣтомъ, мы подорвали миною мортирную батарею. Взрывъ былъ очень удаченъ и, полагаю, нанесъ много вреда французамъ.

Севастополь, 17-го августа 1855 г.

....Непріятель продолжаетъ усиленно свои работы противъ бастіоновъ Корабельной части. Въ прошлую ночь мы удачными выстрѣлами взорвали пороховой погребъ на бывшемъ Камчатскомъ люнетѣ.

Мостъ черезъ сѣверную бухту оконченъ и съ 16-го числа началось движеніе по оному. Длина его 450 саженъ, ширина-же достаточна для проѣзда двухъ повозокъ. Непріятели съ большимъ неудовольствіемъ смотрятъ на этотъ мостъ и бросаютъ по направленію онаго много бомбъ, но до сихъ поръ они не причинили никакого вреда. Сегодня я въ первый разъ проѣхалъ верхомъ черезъ мостъ, чтобы быть на Константиновской и другихъ сѣверныхъ батареяхъ, откуда прекрасно видны непріятельскія работы за Карантинною бухтою. Кажется, они стараются устроить около древняго Херсонеса батарею для дѣйствія по рейду.

Разумѣется, она будетъ обстрѣливаться нашими сѣверными батареями и № 10. Время провожу я попрежнему.

Сегодня прибылъ къ намъ въ блиндажъ пятый сожитель, флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій. Около нашего блиндажа падаетъ очень много бомбъ, но, благодаря Бога, на него ни одна еще не упала. Впрочемъ, мы въ полной увѣренности, что бомба не пробьетъ его.

Севастополь, 24-го августа 1855 г.

....Въ іюнѣ мѣсяцѣ произведено было пять полковниковъ въ генералъ-маіоры, со старшинствомъ съ 24-го октября прошлаго года, а какъ я произведенъ былъ 6-го декабря, безъ старшинства, то они всѣ стали по спискамъ выше меня.

По этому случаю, по рапорту моему, главнокомандующій входилъ съ представленіемъ въ Петербургъ и, надняхъ, мнѣ дали старшинство съ 8-го сентября, то есть съ Алминской битвы.

До сего числа у насъ ничего особеннаго не было, канонада открывалась по временамъ на короткое время и, въ особенности, съ наступленіемъ сумерокъ; сегодня-же утромъ, въ $5^1/_2$ часовъ, вдругъ открылась сильная канонада по всей оборонительной линіи; ядра и бомбы летаютъ по всѣмъ направленіямъ.

Дезертиры говорятъ, что отъ взрыва пороховаго погреба на бывшемъ Камчатскомъ редутѣ французы потеряли до 500 человѣкъ, нѣсколько офицеровъ и двухъ генераловъ.

25-го августа.

Сегодня утромъ не успѣлъ отправить письма, потому что съ ночи до полдня оставался на 4-мъ бастіонѣ. Непріятели продолжаютъ упорную канонаду и, по временамъ, стрѣляютъ залпомъ изъ

всѣхъ батарей. До сихъ поръ мы думали, что штурмъ будетъ на Корабельную, а теперь находимся въ недоумѣніи, ибо 1-е и 2-е отдѣленія бомбардируются сильнѣе. Завтра годовщина Бородинской битвы—не предпримутъ-ли непріятели что-нибудь по этому случаю?

26-го августа, 8 час. утра.

Наше положеніе не измѣнилось; бомбардировка продолжается.

На сѣверной сторонѣ Севастополя, 29-го августа 1855 г.

.... День Бородинской годовщины окончился благополучно, а 27-го, около полудня, непріятель, послѣ жестокой канонады, бросился въ огромныхъ силахъ на бастіоны Корабельной стороны; 2-й и 3-й удержались, но бастіонъ Корнилова взятъ. Выбить оттуда непріятеля не могли, несмотря на всѣ усилія нашихъ войскъ.

Около трехъ часовъ пополудни, французы бросились изъ своихъ траншей на лѣвый флангъ 1-го отдѣленія. ген.-л. Семякинъ тотчасъ-же послалъ меня принять начальство надъ этимъ флангомъ. Французы успѣли занять часть редута Шварца, но ихъ въ скоромъ времени выбили оттуда; изъ рвовъ-же 5-го бастіона и люнета Бѣлкина они не могли взобраться на валъ. Къ $4^1/_2$ часамъ бой на нашемъ флангѣ окончился. Непріятель понесъ большую потерю, убѣжалъ въ свои траншеи и не рѣшился возобновить атаки; около 500 тѣлъ осталось на площади редута и во рвахъ нашихъ укрѣпленій; взято въ плѣнъ 1 шт.-офицеръ и 9 об.-офиц. На Корабельной ранены генералы: Хрулевъ, Мартинау и Лысенко, убитъ Юферовъ и взятъ въ плѣнъ Бунау (на Малаховомъ курганѣ). Главнокомандующій, считая безполезнымъ тратить болѣе войска для удержанія Севастополя, потому что ключъ позиціи—Малаховъ курганъ былъ въ рукахъ у непріятеля, приказалъ въ теченіе ночи оставить городъ. Выходъ изъ онаго на сѣверную сторону совершенъ въ отличномъ порядкѣ по мосту и на пароходахъ. Около 7 час. утра Севастополь былъ уже пустъ и горѣлъ во всѣхъ мѣстахъ. Пороховые погреба и главныя батареи взорваны.

Мнѣ, съ тремя полками, поручено было оставаться у баррикадъ городской части для прикрытія отступленія, но непріятель не преслѣдовалъ насъ. Я перешелъ послѣднимъ черезъ мостъ. Корабли потоплены.

Графъ Сакенъ оставался все время и, прощаясь со мною, сказалъ:

„Благодарю васъ за прекрасную службу въ Севастополѣ“.

Сейчасъ отправляюсь къ своей бригадѣ на Мекензіеву гору.

Позиція на Мекензіи, 31-го августа 1855 года.

.... 29-го числа я поѣхалъ къ своей бригадѣ на Мекензіеву гору и на дорогѣ узналъ, что главнокомандующій поручаетъ мнѣ временно 16-ю дивизію, въ командованіе которой я уже вступилъ.

Говорятъ, что князь хочетъ представить меня къ утвержденію командующимъ дивизіею, но наврядъ это можно будетъ сдѣлать, ибо почти всѣ бригадные командиры старше меня.

Въ день своихъ именинъ я обѣдалъ, по случаю полковаго праздника, въ одномъ изъ полковъ своей дивизіи, и насъ все время мочилъ дождь.

Погода у насъ стоитъ холодная и ненастная.

Ожидаемъ что̀ предприметъ непріятель: останется-ли онъ на прежней позиціи, предприметъ-ли наступленіе на насъ (что, впрочемъ, сомнительно), перенесетъ-ли военныя дѣйствія на другой пунктъ или, наконецъ, уберется совсѣмъ на зиму въ Турцію? Всѣ эти вопросы насъ очень интересуютъ.

По случаю новаго назначенія и по причинѣ разстройства полковъ дивизіи, которая, впрочемъ, отлично вела себя въ Севастополѣ, мнѣ много хлопотъ. Во всей дивизіи въ настоящую минуту вмѣсто слѣдуемыхъ быть 16-ти тысячъ штыковъ, не набирается и 4-хъ тысячъ. Зато эти люди славно обстрѣлены.

Говорятъ, что Пелисье раненъ.

Сѣверное укрѣпленіе, 5-го сентября 1855 года.

Я пробылъ на Мекензіевой горѣ, командуя 16-ю дивизіею, только три дня. Главнокомандующій, желая, чтобы войска, расположенныя на сѣверной сторонѣ, были подъ моимъ начальствомъ, поручилъ мнѣ командованіе 12-ю дивизіею и велѣлъ жить въ сѣверномъ укрѣпленіи. Теперь подъ моимъ вѣдѣніемъ состоитъ еще 10-я дивизія и 4 дружины курскаго ополченія. Мы занимаемся устройствомъ береговыхъ батарей по бухтѣ. Пока непріятель не стрѣляетъ по насъ.

Кажется, г. Липранди хлопочетъ, чтобы меня возвратили въ 6-й корпусъ.

Къ 8-му числу ожидаютъ генералъ-адмирала въ Николаевѣ и даже говорятъ, что самъ царь будетъ сюда.

.... Я живу въ комнатѣ и пока очень покойно, то есть до тѣхъ поръ, пока непріятель не предприметъ бомбардировки, а это можетъ случиться очень скоро.

Мы всѣ въ ожиданіи что̀ начнетъ Пелисье; намѣренія непріятеля еще не разгаданы.

Нѣкоторое время мы лишены возможности получать скоро письма и газеты, потому что почтамтъ переведенъ въ Бакчисарай.

Сѣверное укрѣпленіе, 13-го сентября 1855 года.

.... Непріятель началъ послѣ 6-го сентября пускать къ намъ много бомбъ. Я попрежнему командую 12-ю дивизіею и другими войсками, расположенными на сѣверной сторонѣ.

Главнокомандующій переходитъ завтра въ Королезъ, а большая часть главной квартиры—въ Бакчисарай.

Сегодня или завтра ожидаютъ государя въ Николаевѣ. Великій князь Константинъ Николаевичъ пріѣхалъ уже туда.

На сѣверной сторонѣ Севастополя, 19-го сентября 1855 г.

.... Я попрежнему живу на сѣверной сторонѣ, но только не въ укрѣпленіи, а въ палаткѣ, и командую здѣсь войсками. Въ нынѣшнемъ году холодное время наступило ранѣе, чѣмъ въ прошломъ году, въ особенности ночи очень холодны; а какъ еще не опредѣлено останемся-ли мы здѣсь на зиму, то и не приступаемъ къ постройкѣ землянокъ. Впрочемъ, это обстоятельство должно скоро опредѣлиться. Послѣ отправленія послѣдняго письма здѣсь не произошло ничего важнаго; непріятель ничѣмъ не обнаруживаетъ своихъ намѣреній. Только противъ лѣваго фланга нашей позиціи разработываетъ дорогу отъ Уркусты черезъ перевалъ къ Елисалѣ, но по трудности пути нельзя думать, чтобы непріятель предпринялъ наступленіе съ той стороны.

Генералъ-адмиралъ требуетъ въ Николаевъ бо̀льшую часть оставшихся здѣсь моряковъ и такимъ образомъ, можетъ быть, уѣдетъ отсюда Памфиловъ.

По послѣднимъ слухамъ, государь прибылъ въ Николаевъ и потребовалъ туда Васильчикова и Тотлебена, которые получили званіе генералъ-адъютантовъ. Другихъ новостей изъ Николаева не имѣемъ.

Позиція близъ сѣвернаго укрѣпленія, 25-го сентября 1855 года.

.... Что предприметъ въ нынѣшнемъ году непріятель и предприметъ-ли онъ что-либо серіозное—мы не можемъ опредѣлить. По сѣверной сторонѣ онъ стрѣляетъ нѣсколько слабѣе прежняго; до моей палатки бомбы не долетаютъ. По случаю скораго наступленія осени надобно подумать о постройкѣ землянки.

Позиція близъ Мекензіи, 1-го октября 1855 года.

.... Можетъ быть, до васъ уже дошли слухи, что непріятельскій флотъ въ числѣ 54-хъ винтовыхъ судовъ вышелъ изъ Камышевой бухты и 27-го числа остановился предъ Одесскою.

Видно было, что флотъ бралъ войска, слѣдовательно имѣютъ намѣреніе гдѣ-нибудь высадить оныя, а гдѣ именно—до сихъ поръ не опредѣлилось. Флотъ стоитъ передъ Одессою и до сихъ поръ ничего не предпринимаетъ. Очень натурально, что это обстоятельство насъ очень интересуетъ.

Вечеромъ 27-го числа мнѣ приказано было перейти съ 12-ю дивизіею на промежуточную позицію между Инкерманскими высотами и Мекензіею, гдѣ я и теперь нахожусь; но, вѣроятно, не надолго останусь здѣсь. Тутъ покойнѣе, чѣмъ на сѣверной сторонѣ.

2-го октября.

Говорятъ, что флотъ попрежнему стоитъ подъ Одессой.

Вчера я былъ на полковомъ праздникѣ въ Углицкомъ полку, гдѣ полковой командиръ угостилъ насъ на широкую руку. Сегодня осматривалъ авангардную позицію Мекензіевой горы, откуда прекрасно видно расположеніе непріятеля за р. Черною.

Позиція близъ Мекензіи, 7-го октября 1855 года.

Сегодня вечеромъ я получилъ предписаніе перейти завтра съ 12-ю дивизіею на Бельбекъ къ д. Зеленкой, но полагаю, что тамъ не останется долго дивизія,—опять куда-нибудь передвинутъ.

. . . Я былъ представленъ къ брилліантовой саблѣ и Георгію 3-го класса, но говорятъ, что мнѣ дали только первую награду.

Впрочемъ, графъ Сакенъ хочетъ ходатайствовать, чтобы дали и вторую.

Надняхъ я обѣдалъ у графа и онъ сказалъ мнѣ, что В. А. Метлинъ назначенъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота, а капитанъ 1-го ранга Будаковъ—начальникомъ штаба. О высадкѣ непріятелей у Кинбурна и о взятіи этой крѣпости вы, полагаю, слышали. Никакихъ подробностей этого дѣла я не знаю.

На нашъ лѣвый флангъ непріятель не напираетъ болѣе и отодвинулся на перевалъ изъ Байдарской долины. Я слышалъ, что тульское ополченіе уже въ Крыму, но не знаю гдѣ именно ихъ остановили.

.... Къ командуемой мною дивизіи прикомандированы три дружины, но только курскаго ополченія. Люди очень хорошіе, а офицеры плохіе. Несмотря на представленіе графа въ главномъ штабѣ арміи, находятъ затрудненіе представить меня къ утвержденію командующимъ дивизіею, ибо есть много старшихъ.

Позиція на Качѣ, близъ Бакчисарая, 13-го октября 1855 года.

.... 8-го числа мы перешли на Бельбекъ, а 11-го на Качу. Войска сосредоточили около Бакчисарая потому, что непріятель выходилъ изъ Евпаторіи въ значительныхъ силахъ, но какъ онъ

снова отошелъ къ Евпаторіи, то часть войскъ возвратили къ Бельбеку, а 12-я дивизія, какъ равно 10-я и 14-я оставлены около Бакчисарая. Мы сегодня только передвинемся на правый берегъ Качи. Нами командуетъ графъ Сакенъ, а тѣми войсками, которыя расположены противъ Севастополя и Черной рѣчки, г. Сухозанетъ.

Главнокомандующій со своимъ штабомъ перешелъ вчера въ Бакчисарай.

Позиція у д. Токылъ, 19-го октября 1855 года.

Я уже писалъ къ вамъ, друзья мои, что затруднятся утвердить меня командующимъ дивизіею, такъ и случилось. Главнокомандующій не могъ обойти нѣкоторыхъ изъ старшихъ генераловъ и назначилъ князя Химшеева; я-же долженъ отправиться къ своей бригадѣ, которая стоитъ на Мекензіевой горѣ. Но какъ Химшеевъ не прибылъ, а дивизіи велѣно выступить въ евпаторійскій отрядъ къ г. Шабельскому, то я повелъ оную. Сегодня я передалъ команду и завтра поѣду въ Симферополь на одинъ день, а потомъ на Мекензію.

Третьяго дня я благодарилъ главнокомандующаго и графа Сакена за брилліантовую саблю. Послѣдній сказалъ мнѣ, что представилъ вновь меня къ Георгію 3-го класса на основаніи статута и изъявилъ сожалѣніе въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, что не оставили меня у него въ корпусѣ начальникомъ дивизіи.

20 октябрь.

..... Сегодня утромъ я пріѣхалъ въ Симферополь и едва могъ найти одну грязную комнату на постояломъ дворѣ.

Позиція на Мекензіи, 25-го октября 1855 года.

На другой день пріѣзда своего въ Симферополь я отправился обратно на Качу и переночевавъ тамъ, 22-го числа прибылъ на Мекензіеву гору къ своей бригадѣ. Въ Симферополѣ сдѣлалъ нѣсколько покупокъ и поручилъ одному купцу, торгующему офицерскими вещами, выписать для меня для всегдашней носки саблю со стразами, вмѣсто брилліантовъ, а также звѣзду и крестъ съ мечами (Анны 1-ст.).

Корпусный командиръ Липранди встрѣтилъ меня, какъ всегда, очень ласково.

Нашъ корпусъ предположено въ концѣ будущаго мѣсяца вывести въ Россію, для формированія, но меня не хотятъ отпустить отсюда и, вѣроятно, переведутъ въ другую дивизію.

Конечно, мнѣ-бы очень хотѣлось немного отдохнуть послѣ годичныхъ трудовъ и опасностей, но въ военное время надобно служить

тамъ, гдѣ прикажутъ. Пока французы не предпринимаютъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій и даже оставили Кинбурнъ и Байдарскую долину.

Хорошо, если-бы въ теченіе зимы Англія поссорилась съ Франціею, къ чему есть много причинъ, или вспыхнула-бы во Франціи революція.

Позиція на Мекензіи, 29-го октября 1855 г.

Надняхъ мы узнали, что государь пріѣдетъ въ Крымъ и, разумѣется, всѣ были очень обрадованы. Дѣйствительно, его вел—о прибылъ вчера въ Бакчисарай, а сегодня осматривалъ позиціи и войска на сѣверной, Инкерманѣ и Мекензіи. Государь нѣсколько разъ благодарилъ офицеровъ и солдатъ за ихъ службу въ Севастополѣ. Ко мнѣ показалъ особенное вниманіе, два раза подалъ руку и поцѣловалъ, сказавъ:

„Благодарю тебя за все".

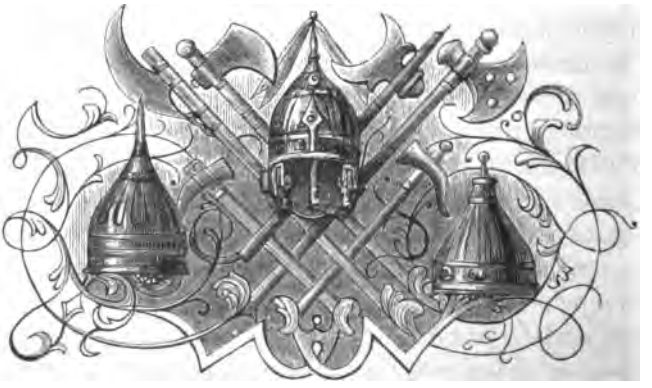
Войска приняли государя съ восторгомъ. Съ нимъ были великіе князья Николай и Михаилъ. Ихъ высочества обратились ко мнѣ какъ къ старому знакомому, спрашивали здоровъ-ли я, цѣлъ-ли я. Мое новое назначеніе командиромъ 2-й бригады 9-й дивизіи состоялось (полка фельдмаршала и кн. Горчакова).

Высочайшій приказъ послѣдовалъ 20-го числа. Теперь я ожидаю приказанія отправиться на Бельбекъ въ д. Зеленкой.

Завтра и послѣ-завтра государь осматриваетъ войска на другихъ позиціяхъ. Не знаю, придется-ли мнѣ увидѣть еще разъ государя. то есть здѣсь въ Крыму.

Непріятели ничего не предпринимаютъ и мы стоимъ покойно. Погода у насъ прекрасная, но надобно ожидать, что скоро начнутся дожди.

А. П. Хрущовъ.



ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ.

«Законъ стушевывается произволомъ, а уваженіе къ праву личности замѣняется пренебреженіемъ къ нему».

III [1]).

Изложеніе безпорядковъ, найденныхъ при ревизіи, Клушинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождаетъ краткою характеристикою общаго впечатлѣнія, произведеннаго на него тѣмъ или другимъ присутственнымъ мѣстомъ. Такъ, обозрѣнію дѣлопроизводства херсонскаго магистрата, въ которомъ „старинное канцелярское выраженіе „апробовали“ вмѣсто „слушали“ составляетъ принадлежность многихъ журналовъ“, Клушинъ предпосылаетъ слѣдующее замѣчаніе:

„Приступая къ очерку дѣятельности магистрата, я прежде всего не могу не выразить при этомъ впечатлѣнія, вынесеннаго изъ встрѣчи съ тою неподвижностью и съ тѣмъ пагубнымъ направленіемъ тутъ дѣлъ, предъ которыми умолкаетъ живое слово и возмущается всякое доброе чувство: совершенное непониманіе обязанностей, отсутствіе сознанія долга, невѣрная точка зрѣнія, запутывающая всякое дѣло, пренебреженіе къ чужому праву, ищущему въ судѣ для себя охраны и защиты—вотъ главные задатки воззрѣнія лицъ, по несчастію входившихъ въ черту этого присутственнаго мѣста. Какъ могло длиться на такихъ началахъ его существованіе? Это вопросъ, разрѣшеніе котораго остается замѣнить теперь лишь удивленіемъ, да скорбью о прошломъ“ [2]).

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXV, стр. 479—495.

[2]) Предложеніе 13-го февраля 1862 года.

Движеніе дѣлъ въ херсонскомъ магистратѣ „совершенно не подчиняется опредѣленнымъ для судебнаго мѣста обрядамъ, а хранитъ въ себѣ отпечатокъ какой-то своеобразной домашности и патріархальности“ [1]).

Въ херсонскомъ земскомъ судѣ „заводятся дѣла совершенно вздорныя, какъ и въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи, а, между, тѣмъ, отовсюду слышишь ложный ропотъ на кучу занятій, мѣшающихъ будто-бы держать дѣлопроизводство въ должномъ строѣ. Допускаются земскимъ судомъ весьма дружелюбныя отношенія съ помѣщичьими экономіями, которыя съ требованіями по своимъ нуждамъ обращаются на простой бумагѣ, да еще занумеровывая ихъ на подобіе правительственныхъ учрежденій, напримѣръ, какъ экономія помѣщика Энгельгарда, просившая такимъ образомъ земскій судъ раздѣлаться съ ушедшими съ полевыхъ занятій работниками... Въ земскомъ судѣ законъ стушевывается произволомъ, а уваженіе къ праву личности замѣняется пренебреженіемъ къ нему“. Въ заключеніе описаній безпорядковъ херсонскаго земскаго суда, Клушинъ замѣчаетъ: „пора снять плѣсень дѣдовскихъ обычаевъ, заквашенныхъ старообрядческою манерою плодить дѣла ради какихъ-нибудь цѣлей или безсознательно“ [2]).

Въ ананьевскомъ земскомъ судѣ „логика замѣняется неизвѣстно откуда позаимствованными лжемудрствованіями, а законъ—предосудительнымъ произволомъ“ [3]).

Одесскій земскій судъ „на каждомъ шагу обличается или въ важномъ упущеніи, или въ страшной невнимательности“ [4]).

„Очеркъ херсонской городской полиціи, говоритъ Клушинъ, можно обозначить весьма въ немногихъ словахъ: внѣшность ея отличается грязноватостью, а внутреннее содержаніе дѣлъ—разстроемъ и принятымъ за основаніе правиломъ дѣйствовать спустя рукава. Въ такой рамѣ находится тутъ блѣдная картина дѣлопроизводства, въ коемъ отступленіе отъ порядка и даже самыхъ обыкновенныхъ обрядовъ весьма тождественны земскому суду, но только еще ярче выдаются“ [5]).

О губернскомъ правленіи Клушинъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

„Губернское правленіе обладаетъ удивительнымъ умѣньемъ задерживать дѣла какъ у себя, такъ и у подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, при ревизіи которыхъ пришлось встрѣтить такое множество безпорядковъ, происшедшихъ исключительно отъ беззаботности и бездѣйствія губернскаго правленія, что выяснить ихъ приходится не иначе какъ въ особой вѣдомости... Губернское

---

[1]) Предложеніе 13-го февраля 1862 года.
[2]) Предложеніе 23-го марта 1862 года.
[3]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.
[4]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.
[5]) Предложеніе 23-го марта 1863 года.

правленіе тщательно соперничаетъ съ низшими мѣстами въ дѣлѣ соревнованія за безурядицу“ [1]).

„Правленіе не считаетъ для себя обязательными каждогодныя напоминанія низшаго присутственнаго мѣста и по предосудительному обычаю также не исключаетъ себя изъ круговой поруки за бездѣйствіе“ [2])

Обратимся теперь къ характернымъ подробностямъ безпорядковъ, найденныхъ Клушинымъ.

Въ херсонскомъ магистратѣ „число уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ по отчетностямъ показано было только 204, а бумагъ 4,412; но это, какъ объяснится ниже, только самый скудный процентъ относительно числа ихъ дѣйствительно существующаго и недобросовѣстно скрываемаго магистратомъ. Перечень уголовныхъ дѣлъ, обозначенный въ настольномъ 1861 года, заключается въ цифрѣ 221. Изъ этого числа 117 дѣлъ перенесены въ настольный нынѣшняго года; такимъ образомъ, 104 дѣла исключены изъ отчетности и считаются рѣшенными въ 1861 году; но на самомъ дѣлѣ оказывается, что бо̀льшая половина изъ нихъ, т. е. болѣе 50-ти, возвращены въ разныя мѣста еще для дополненія и въ противность закону, постановленному въ 293 и 285 ст. XV-го т. ч. 2 и 125 и 134 ст. т. II ч. 2; другая-же половина ихъ дѣйствительно получила окончаніе, но надобно замѣтить, что эту половину составляютъ лишь тѣ, не требующія широкихъ умозрѣній, дѣла, которыя вызывали легкія заключенія въ родѣ такихъ, чтобы „причислить кого-нибудь къ мѣщанству“, „окончить производство за мировою сдѣлкою“ или „на основаніи 172 ст. XV т. ч. 1“. Дѣла-же, по существу своему важныя, лежатъ себѣ преспокойно, и никто не хочетъ взяться за нихъ и дѣльно разрѣшить. Этотъ печальный образчикъ можно принять за весьма точный регуляторъ для опредѣленія характера всего дѣлопроизводства, всѣ частные случаи неправильности и медленности въ которомъ перечислить нѣтъ возможности, потому что для этого понадобились-бы цѣлыя стопы бумаги“.

„Время еще теряется здѣсь на соблюденіе страннаго, непостижимо откуда заимствованнаго, обычая заводить отдѣльныя отъ каждаго дѣла переписки, идущія подъ названіемъ „остатковъ дѣлъ“, формируемыя изъ разныхъ требующихъ и не требующихъ исполненія бумагъ и черновыхъ, составляемыхъ изъ дѣлъ, записокъ, независимо отъ тѣхъ, которыя находятся при подлинныхъ производствахъ. Насколько излишенъ такой трудъ, это въ силахъ разсудить всякій, ищущій въ правительственномъ мѣстѣ не фабрику бумагоуничтоженія, а извѣстную предназначенную ему цѣль. За веденіемъ такого лжепорядка трудился столоначальникъ уголовнаго стола Мор—скій, ставившій

[1]) Предложеніе 2-го апрѣля 1862 года.
[2]) Предложеніе 13-го февраля 1862 года.

причиною всѣхъ упущеній „кучу занятій“, и тогда-же успѣвавшій употреблять время на ябедническія прошенія“.

„Какъ ни великъ и какъ ни важенъ описанный хаосъ въ дѣлопроизводствѣ херсонскаго магистрата, но это только одна его половина. Цифра, опредѣляющая здѣсь число нерѣшенныхъ дѣлъ, далеко не вѣрна и много изъ нихъ заброшено въ архивъ, но еще большее множество такихъ покоится въ шкафахъ при столахъ. Такъ, на полкахъ шкафа при уголовномъ столѣ расположенъ рядъ столповъ съ надписями: „дѣла не исполненныя“ или: „дѣла, готовящіяся на ревизію“ съ 1848 года, т. е. съ года поступленія на должность столоначальника Мор—скаго, которыя изъ отчетности исключены, и никто не знаетъ не только сущности ихъ, но даже численности. То-же встрѣчается въ столѣ гражданскомъ. Кипа разныхъ актовъ, вынутыхъ неизвѣстно изъ какихъ дѣлъ и хранящихся въ секретарскомъ столѣ, а также 734 векселя, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ присутствіи и по канцеляріи, не записанныхъ, согласно 217 ст. т. II, по счету, по которымъ дѣла утратились изъ вида, объясняютъ нѣкоторымъ образомъ, хотя приблизительно, число гражданскихъ дѣлъ и въ то-же время ихъ направленіе“ [1]).

„Дѣлопроизводство тираспольскаго магистрата положеніемъ своимъ живо напоминаетъ дѣлопроизводство магистрата херсонскаго. Роспись не рѣшеннымъ дѣламъ доведена только до 1849 года. Число дѣлъ ко времени ревизіи считалось гражданскихъ 46, а уголовныхъ 165, изъ которыхъ 12 арестантскихъ съ 18 заключенными въ тюрьму преступниками. Но это количество дѣлъ вовсе невѣрно, потому что кромѣ ихъ помѣщаются въ шкапахъ еще фоліанты не числящагося по отчетности дѣлопроизводства. Кромѣ того, часть подобныхъ производствъ старинныхъ годовъ, начиная съ 1826 года, перемѣшана съ дѣлами сиротскаго суда и хранится въ крѣпко стянутыхъ запыленныхъ связкахъ, ускользнувшихъ отъ всякой заботы о нихъ. Эти-то факты и напоминаютъ положеніе херсонскаго магистрата, выражая собою не перечень простыхъ канцелярскихъ упущеній или какихъ-нибудь обрядовъ дѣлопроизводства, а полнѣйшее пренебреженіе къ обязанностямъ судебнаго мѣста, какое, не оправдывая сообщенной ему закономъ идеи, дѣлается, такимъ образомъ, складочнымъ пунктомъ тысячъ стопъ исписанной бумаги, обращающейся въ истлѣвшій хламъ, глядя на который по неволѣ рождается скорбь о безцѣльно истраченномъ трудѣ и негодованіе на безпечныхъ неисполнителей служебнаго долга, ставившихъ службу за ремесло, изъ коего извлекалось лишь удовлетвореніе личнымъ интересамъ... Мѣсто не позволяетъ здѣсь выяснить безурядицу еще многихъ другихъ дѣлъ, а потому остается здѣсь безъ всякаго преувеличенія выразить, что всѣ они подвержены горестной участи полнаго застоя и безхарактерности, исключающей всякую мысль о правиль-

[1]) Предложеніе 13-го февраля 1862 года.

ности судебнаго взгляда. По настольному реестру слѣдственнымъ дѣламъ, записаннымъ въ числѣ 170, въ графѣ рѣшенія дѣлъ пришлось найти только 4 отмѣтки, и то содержащія въ себѣ тѣ, нисколько не обличающія дѣятельности, свѣдѣнія, что одно дѣло о воровствѣ бродягою Запорожниковымъ лошади отослано въ одесскій земскій судъ, другое о подсудимомъ за воровство Бены возвращено къ слѣдователю; третье—о глухонѣмой Куцовой передано въ уѣздный судъ и только четвертое, и то пустое, о воровствѣ у чумаковъ 4 мѣшковъ овса и 2 мѣшковъ сухарей, рѣшено. Противъ другихъ дѣлъ въ графѣ рѣшенія виднѣется или обыкновенная, пользующаяся въ здѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ авторитетомъ, отмѣтка: „доложено присутствію къ разсмотрѣнію", или „составляется выписка", о которой совсѣмъ еще не задумано и т. п." [1]).

„Одесскій земскій судъ „количество дѣлъ и бумагъ опредѣлилъ ко времени ревизіи 3,675 и 13,302; но несмотря на такую громадность этихъ цифръ, ихъ все-таки нужно считать совершенно гадательными, потому что въ судѣ не ведется вовсе ни наряда по отчетности о дѣлахъ, ни росписи нерѣшеннымъ дѣламъ, требуемой 119 ст. 2 т., а все завершается наглядностію, и самъ судъ, незнакомый съ правильною отчетностью (ст. 235, 236, 909 II-го т.), пребываетъ въ невѣдѣніи въ отношеніи къ громадѣ находящагося на отвѣтственности его дѣлопроизводства, текущаго безъ всякаго порядка. Безсвязность его и гадательность сказанныхъ цифръ вполнѣ уясняются и подтверждаются тѣмъ, что въ послѣднюю пору поднято 104 дѣла прежняго времени, забытыхъ и безъ вниманія заброшенныхъ въ шкафахъ, и еще цѣлая груда такихъ дѣлъ лежитъ на полкахъ архива, поджидая разбора... Изъ постановленія того-же суда о производствѣ слѣдствія по дѣлу объ утонувшей въ Днѣстрѣ крестьянкѣ Фроловой открылась весьма замѣчательная вещь: имъ заключено: „объ утонувшей крестьянкѣ Фроловой увѣдомить начальника инвалидной команды". Основаніемъ этого увѣдомленія, какъ оказалось, былъ указъ херсонскаго губернскаго правленія отъ 31-го мая 1858 г. за № 6449, по которому полиція обязывалась о всѣхъ происшествіяхъ извѣщать военное вѣдомство. Оригинальность такого обязательства заставила обратиться къ соображенію дѣла въ правленіи. Оказалось, что командиръ херсонскаго баталіона въ 1858 году просилъ распоряженія губернскаго правленія о доставленіи полиціями начальникамъ инвалидныхъ командъ свѣдѣній о всѣхъ происшествіяхъ, а правленіе не замедлило выполнить это безусловное требованіе, не сообразивъ съ своей стороны буквальнаго смысла 486 и 487 ст. собранія постановленій изъ приказовъ по отдѣльному корпусу внутренней стражи, на основаніи которыхъ начальникамъ инвалидныхъ командъ слѣдуетъ сообщать только о происшествіяхъ, имѣющихъ связь съ военнымъ вѣдомствомъ" [2])

---

[1]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

[2]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

Въ херсонскомъ земскомъ судѣ „дается неправильное теченіе объявленіямъ частныхъ лицъ, подобно объявленію коллежскаго совѣтника Бѣляева о побѣгѣ служившаго у него крестьянина Дубровина, возбудившему нелѣпѣйшую переписку, переходившую къ становымъ приставамъ, въ херсонскую градскую полицію, ко всѣмъ частнымъ приставамъ, потомъ въ другія разныя мѣста и, наконецъ, побывавшую въ полиціи варшавской. Все это творилось совершенно машинально, безъ всякаго основанія, а ради только удовлетворенія брошенной на почву этой переписки пустой идеи, чтобъ отыскать разъѣзжающаго Бѣляева для объявленія ему о неотысканіи Дубровина“ [1]).

Въ ананьевскомъ земскомъ судѣ „всякій полученный указъ облекается отдѣльною оберткою съ названіемъ „дѣло“, тогда какъ указы и предписанія, не касающіяся какихъ-либо производствъ, должны составлять особый годовой нарядъ, равнымъ образомъ какъ и другія бумаги, не требующія исполненія. Принятіе на себя судомъ дѣлъ не подлежащихъ довершаетъ въ общей массѣ безурядицу ихъ. Такъ, 7-го февраля на свою заботу судъ принялъ высылку для разсчета съ питейною конторою проживающаго въ другой губерніи, а именно въ городѣ Балтѣ, дворянина Быковскаго, выразивъ, такимъ образомъ, хотя незаконное, но зато полнѣйшее сочувствіе къ просьбѣ акцизнаго управляющаго, адресованной даже на простой бумагѣ, вѣроятно, при совершенномъ упованіи на осуществившуюся въ самомъ дѣлѣ снисходительность суда среди домашнихъ обычаевъ дѣлопроизводства“.

„Содержать дѣла внѣ порядочности и законности помогаетъ здѣсь незнакомство съ законами; нежеланіе читать ихъ доказывается тѣмъ, что при ревизіи, лежащія въ присутственномъ шкафѣ, нѣкоторыя книги были еще не разрѣзаны и покрыты пылью, обнаруживающею неприкосновеніе къ нимъ рукъ человѣческихъ; незаслушанные циркуляры по ревизіямъ и предварительные передъ оной—довершаютъ это убѣжденіе“ [2]).

Въ херсонскомъ уѣздномъ судѣ „изъ числа остающихся нерѣшенныхъ дѣлъ бо́льшую часть составляютъ дѣла старыя, изъ которыхъ многія замѣчательны по своей громадности, такъ что простираются отъ нѣсколькихъ сотенъ до тысячи и болѣе листовъ, писанныхъ притомъ самымъ безтолковымъ слогомъ, блѣдными чернилами, неразборчивымъ почеркомъ, и произведены съ удивительными упущеніями и отступленіями отъ законнаго порядка. О старыхъ слѣдственно-уголовныхъ дѣлахъ не арестантскихъ нужно замѣтить еще, что отличительный признакъ ихъ заключается въ ничтожности поводовъ къ начатію, въ бездоказательствѣ обвиненій и въ неимѣніи виновныхъ, каковы дѣла о происшествіяхъ. Дѣлъ этихъ категорій бо́льшая часть; скоро закончить ихъ суду особенно мѣшаютъ принятые обряды составленія докладныхъ записокъ и изложенія мнѣній суда со всѣми подробностями обстоятельствъ

[1]) Предложеніе 23-го марта 1862 года.
[2]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

дѣлъ, въ существѣ не необходимыми. Другое обыкновеніе, существующее въ судѣ, также нѣсколько отклоняетъ трудъ служащихъ отъ дѣйствительно нужнаго,—это обыкновеніе заслушивать всякую бумагу журналомъ, тогда какъ, по смыслу ст. 180 т. II, журналы составляются собственно по тѣмъ входящимъ бумагамъ, которыя требуютъ исполненія, а о тѣхъ, которыя слѣдуютъ для пріобщенія къ дѣламъ, ничего не говорится и, слѣдовательно, ихъ записывать совершенно достаточно лишь въ настольномъ реестрѣ" [1]).

Въ ананьевскомъ уѣздномъ судѣ „цифру, опредѣляющую число дѣлъ въ судѣ, нерѣдко увеличивали дѣла, неправильно возникшія въ административныхъ инстанціяхъ. Какъ на образецъ въ этомъ родѣ можно указать на возникшее въ 1858 г. дѣло объ оскорбленіяхъ жены подполковника Куз — ва помѣщикомъ Вер — скимъ, потому что дѣло возымѣло неправильное движеніе отъ высшаго пункта губернскаго управленія. Г-жа Куз — ва о сказанномъ случаѣ обратилась съ прошеніемъ къ командиру своднаго кавалерійскаго корпуса, который, видя неумѣстность подачи жалобы, препроводилъ ее, 12-го декабря того года, за № 11,938, на распоряженіе управлявшаго тогда губерніею, разумѣется на распоряженіе законное, которое, по точному смыслу закона (ст. 2, 7 и 42 т. XV), имѣя въ виду исковой вопросъ, должно было завершить отказомъ въ просьбѣ, съ указаніемъ куда надлежало обратиться, но вмѣсто того просьба эта, внѣ всякаго порядка, препровождена была на заключеніе г. уѣзднаго предводителя дворянства для того, что „не признаетъ-ли онъ нужнымъ, чтобы о поступкахъ Вер — скаго произведено было формальное слѣдствіе". Г. предводитель необходимость эту, повидимому, сознавъ, такъ какъ слѣдствіе производилось и, въ довершеніе безполезности его, кончилось миромъ" [2]).

Въ одесскомъ уѣздномъ судѣ «общую отличительную черту дѣлъ составляетъ удивительная массивность ихъ, формировавшаяся подъ тяготѣніемъ невѣрнаго взгляда на слѣдопроизводство, утолщаемое ненужными пріемами слѣдователей или разсчетливыхъ, или неопытныхъ, или невнимательныхъ къ закону и къ потребности даннаго для разслѣдованія вопроса. Впрочемъ, это общій недостатокъ, общая вина прошедшаго и давнопрошедшаго» [3]).

«Дѣлопроизводство у становыхъ 1 и 2 становъ Херсонскаго уѣзда, подчиняясь направленію земскаго суда, поневолѣ приближается къ условіямъ дѣлопроизводства этого послѣдняго, который, какъ уже ранѣе было замѣчено, при лѣности внимательно разсматривать вступившія бумаги, безцѣльно передаетъ таковыя для какого-нибудь неопредѣленнаго исполненія приставу, имѣя лишь въ виду сбыть ихъ съ рукъ. О характерѣ старыхъ дѣлъ у становыхъ много говорить нечего: онъ выражается преимущественно въ неподвиж-

[1]) Предложеніе 23-го марта 1862 года.
[2]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.
[3]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

пости ихъ. Чтобы судить, насколько онъ интересенъ, я приведу здѣсь примѣръ, одинъ изъ многихъ подобныхъ. Земскимъ судомъ въ 1852 году поручено приставу 2 стана произвести слѣдствіе о найденномъ въ степи мертвомъ тѣлѣ неизвѣстнаго человѣка, о чемъ извѣстилъ командиръ 9 кавалерійскаго округа 15 августа того года; это сообщеніе командира въ распоряженіе земскаго суда составляло до сихъ поръ все производство и нѣтъ даже въ виду, какъ распорядились съ мертвымъ тѣломъ. На четвертой и въ то-же время на послѣдней страницѣ этого дѣла рельефируются слѣдующія заключительныя и весьма занимательныя надписи, сдѣланныя въ разные года мѣнявшимися приставами: «Въ семъ дѣлѣ перенумерованныхъ 4 листа». Приставъ Спановскій.—«Въ семъ дѣлѣ перенумерованныхъ 4 листа». Приставъ Волковъ.—«Въ семъ дѣлѣ перенумерованныхъ 4 листа». Приставъ Банковскій.—«Въ семъ дѣлѣ перенумерованныхъ 4 листа». Приставъ Ниценко.—«Въ семъ дѣлѣ перенумерованныхъ 4 листа». Приставъ Козьменко. Увѣренія, правда, очень убѣдительныя, но странно, какъ могли они убаюкивать контроль начальства» [1]).

Дѣлопроизводство у становыхъ приставовъ одесскаго уѣзда, «какъ безраздѣльное съ дѣйствіями земскаго суда, стоитъ подъ однимъ уровнемъ съ дѣлопроизводствомъ этого послѣдняго. Ни разу не подвергнувшееся ревизіи земскаго исправника, оно при этой безконтрольности успѣло придти въ такой хаосъ, что о немъ трудно составить опредѣленное понятіе. При совершенномъ отсутствіи отчетности о дѣлахъ и бумагахъ (вопреки 2648, 235, 236 и 909 ст. II т.), пристава не могли даже объяснить положительно сколько у нихъ дѣлъ и бумагъ и приблизительно опредѣляли ихъ» [2]).

«Въ соотношеніяхъ херсонской полиціи съ частными приставами вкралась вообще удивительная ненормальность, которая и составляетъ именно главную причину безпорядковъ въ дѣлопроизводствѣ, путаницы его и множества входящихъ и исходящихъ нумеровъ, распложенныхъ до громадныхъ цифръ. За пружину въ этихъ отношеніяхъ принята губительная для дѣла письменность, которой мысль закона въ полиціи-то особенно и не допускаетъ. Всякое порученіе приставу дается не иначе, какъ по особой бумагѣ, а отъ него часто подобнымъ-же образомъ сообщается квартальному надзирателю и такимъ-же путемъ возвращается опять обратно. Тогда какъ, по 4149, 4150 и 4169 ст. II т., частные пристава обязаны обыкновенно являться въ полицію для личнаго доклада дѣлъ, всякій по своей части, а не къ полиціейстеру на домъ для утреннихъ салютацій, какой порядокъ заведенъ здѣсь безъ всякаго основанія и пользы».

Сообразивъ всѣ подробности дѣлопроизводства у частныхъ приставовъ г. Херсона, оказывается, что оно вращается въ области тѣхъ-же непоряд-

[1]) Предложеніе 23 марта 1862 года.

[2]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

ковъ, какіе описаны въ дѣлопроизводствѣ самой полиціи и отражается чуть не на каждомъ изъ дѣлъ, начавшихся, какъ въ прежніе годы, такъ и въ послѣднее время» [1]).

Въ григоріопольской городской полиціи «постановленія въ настольныхъ заключаются нерѣдко въ выраженіи «пріобщить къ поточной перепискѣ», которая есть не что иное, какъ называемый въ законѣ нарядъ бумагъ, не требующихъ исполненія. Эти дѣла и переписки, подъ оригинальнымъ, неуяснимымъ названіемъ поточныхъ, ведутся, впрочемъ, почти во всѣхъ обревизованныхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ которыхъ потокъ слѣдственныхъ дѣлъ, безцѣльно и незаконно начатыхъ, даетъ гораздо болѣе основанія привить имя поточныхъ этимъ послѣднимъ» [2]).

Въ сословныхъ учрежденіяхъ, дворянскихъ опекахъ, Клушинъ обнаружилъ полное пренебреженіе къ интересамъ опекаемыхъ и заботливость объ интересахъ опекуновъ, которыхъ дворянскія опеки не подвергали законной отвѣтственности за неисполненіе ихъ обязанностей. По поводу этого Клушину было прямо высказано, что опекуны для того и принимаютъ на себя эту обязанность, чтобы не исполнять закона, и что если ихъ будутъ подвергать законной отвѣтственности, то никто не захочетъ быть опекуномъ.

Вотъ что объ этомъ говоритъ Клушинъ:

«Наблюденія за дѣйствіями опекуновъ заключаются въ сношеніяхъ чрезъ полицейскія учрежденія, на которыя такой трудъ законъ обязательно вовсе не возлагаетъ, полагая для неисправныхъ опекуновъ мѣры, указанныя въ 288 и 290 ст. X т. ч. I. Обычай задолжать полицію подобною, не предполагаемою закономъ, многосложною и притомъ совершенно безполезною перепискою существуетъ во всѣхъ опекахъ и сиротскихъ судахъ губерніи, почему губернскому правленію слѣдуетъ распорядиться о прекращеніи его, замѣнивъ оный законными распоряженіями о преданіи опекуновъ суду и о засеквестрованіи собственныхъ ихъ имѣній. Такихъ распоряженій, вездѣ говорятъ, избѣгаютъ, особенно потому, что послѣ этого никто опекунскихъ обязанностей принимать на себя не будетъ. Но мнѣніе это такъ слабо, что согласиться съ нимъ вовсе нѣтъ вѣрнаго основанія, такъ какъ всякому лицу, принимающему на себя обязанности опекуна съ намѣреніемъ честно ихъ выполнить, нечего страшиться преслѣдованія закона; если-же кто такимъ намѣреніемъ не проникнутъ, то дѣйствительно лучше ихъ на себя не брать, и въ этомъ разѣ преданіе суду или потеря своей собственности есть не что иное, какъ заслуженная кара, которую нужно всегда предвидѣть. Изъ этого слѣдуетъ, что причины отсутствія сказанныхъ распоряженій кроются въ другихъ данныхъ, допускающихъ дѣла весьма съ непріятною обстановкою, подобныя, напримѣръ, дѣлу по имѣнію умершаго помѣщика Аврамова. Опекунъ Кардаиичъ, какъ

[1]) Предложеніе 23-го марта 1862 года.

[2]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

открыто формальнымъ слѣдствіемъ изъ его отчетности, раззорилъ имѣніе продажею разной движимости, рогатаго скота и лошадей, почему слѣдователь сдѣлалъ представленіе въ херсонское губернское правленіе о наложеніи запрещенія на имѣніе опекуна Кардамича и членовъ опеки, но въ этомъ почему-то ему въ мартѣ мѣсяцѣ сего года было отказано» [1]).

«Беззаботность одесской дворянской опеки въ отношеніи къ находящимся на распоряженіи ея дѣламъ, жалкое положеніе этихъ послѣднихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жалкое положеніе опекаемыхъ имѣній, ярко выразились при разсмотрѣніи дѣлъ въ подлинникѣ. Бумаги, входящія въ составъ ихъ, не подшиты, разбросаны какъ пришлось, описей нѣтъ. Повѣрка имѣній въ натурѣ не производится и такимъ образомъ они отданы на долю случаевъ и произвола, потому что отчеты опекунами не доставляются не только своевременно каждый годъ, по 286 и 287 ст. X т. I ч., но даже по нѣсколько лѣтъ, а опека на это не обращаетъ никакого вниманія, суду опекуновъ не предаетъ, по 290 ст., имущество ихъ не секвеструетъ, исполненія обязательствъ, возлагаемыхъ на нее 251 и 256 ст. въ отношеніи къ малолѣтнимъ и къ опекунамъ, на себя не беретъ".

Не входя затѣмъ въ пространное перечисленіе недоставленныхъ отчетовъ, нужно только сказать, что ихъ за послѣдніе 1858, 1859 и 1860 гг., а равнымъ образомъ за разные прежніе годы, не доставлено очень много. Таково неутѣшительное положеніе считающихся въ большомъ количествѣ дѣлъ одесской дворянской опеки, лежащихъ въ завѣдуемомъ вольнонаемнымъ писцомъ шкафу, какъ будто покончennыя. Положеніе это тѣмъ менѣе извинительно потому, что вопросы, относящіеся до опеки, слишкомъ важны и должны считаться священными въ воззрѣніи тѣхъ, чьей заботы они касаются, такъ какъ съ ними исключительно связаны живые существенные интересы сиротъ и разныхъ, часто малоимущихъ, членовъ общества, обреченныхъ такимъ образомъ на страданіе и испытывающихъ тяжелый гнетъ бездѣйствія опеки и безпечности, а можетъ быть и преступнаго произвола опекуновъ» [2]).

Въ ананьевскую дворянскую опеку «отчеты опекунами не доставляются. Понужденіе опекуновъ къ своимъ обязанностямъ заключается не въ мѣрахъ, указанныхъ закономъ (т. X, ч. I, ст. 290, 251 и 256), а въ отпискѣ предписаніями, вовсе не ведущими къ цѣли и равнодушно встрѣчаемыми опекунами. Замѣчательную сторону дѣлъ по имѣніямъ малолѣтнихъ составляетъ отсутствіе метрическихъ свидѣтельствъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя имѣнія неумѣстно остаются въ опекѣ въ то время, когда лѣта наслѣдниковъ дозволяютъ имъ не только избраніе попечительства, но и снятіе опекунства [3]).

По поводу предупрежденія опекуновъ херсонскою дворянскою опекою о томъ, что на ихъ имѣнія будетъ наложенъ секвестръ въ случаѣ непредстав-

---

[1]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.
[2]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.
[3]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

ленія отчетовъ по опекѣ, Клушинъ замѣтилъ: «предупрежденіе это едва-ли не будетъ одно изъ тѣхъ подобныхъ предупрежденій, которыя сыплются обыкновенно очень щедро, а все таки ничего не дѣлается или, если дѣлается, то слишкомъ вяло. Мѣры-же, вызываемыя 290 ст. X т. ч. I, не принимаются, тогда какъ незаботливость опекуновъ давно-бы уже требовала примѣнить ихъ къ дѣлу. Дѣла въ опекѣ своевременно не оканчиваются. Такъ дѣло по управленію имѣніемъ наслѣдниковъ князя Баратаева, которымъ лѣта позволяютъ уже замѣнить опеку попечительствомъ и которые требованія такого рода не заявляютъ» [1]).

О равнодушіи предводителя дворянства къ дѣламъ опеки было упомянуто выше, въ концѣ первой главы.

Въ херсонскомъ сиротскомъ судѣ былъ тотъ-же непорядокъ, какъ и въ дворянскихъ опекахъ. Вотъ что говоритъ Клушинъ объ этомъ судѣ.

«Дѣла, своеобразность которыхъ заключается въ удивительной толщинѣ, образовавшейся среди пустой переписки, представляютъ собою наборъ бумагъ безъ описей, не скрѣпленныхъ и не приводящихъ производство ни къ какимъ результатамъ. Отчеты опекунами представляются не только несвоевременно, по ст. 280 и 287 т. X ч. I, но по многимъ изъ нихъ изрѣдка или даже никогда. Къ правильному теченію дѣлъ ровно ни съ чьей стороны заботы не видно. Градской голова, по 4560 ст. II т., предсѣдательствующій въ судѣ, чуждъ всякаго вмѣшательства въ нихъ. Гражданская палата, по праву, предоставленному ей 288 ст. X ч. I, никакого вліянія не оказываетъ» [2]).

IV.

Въ предложеніяхъ Клушина нерѣдки указанія на то, какими незаконными доходами существовали дореформенные чиновники и какъ организовано было въ присутственныхъ мѣстахъ казнокрадство съ одной стороны и взиманіе даней съ другой.

Мы уже видѣли, какъ покровительствовали дворянскія опеки и сиротскій судъ наживѣ опекуновъ насчетъ опекаемыхъ сиротъ. Въ этой главѣ мы приведемъ указанія Клушина на доходы полиціи и на незаконное веденіе хозяйственныхъ дѣлъ приказомъ общественнаго призрѣнія.

Становые пристава получали отъ обывателей такіе большіе доходы, что не брали своего жалованья. Клушинъ узналъ объ этомъ при ревизіи одесскаго земскаго суда. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ.

«Въ книгѣ штатныхъ суммъ къ 1861 г. перенесена сумма въ 1,137 р.

---

[1]) Предложеніе 23-го марта 1862 года.

[2]) Предложеніе 13-го февраля 1862 года.

$10^3/_4$ к., странно составившихся, между прочимъ, изъ невыданнаго въ разное время жалованья становымъ приставамъ и сельскимъ засѣдателямъ, послѣднимъ будто потому, что они не являлись на службу, за что, однако-жъ, судъ не подвергалъ ихъ тѣмъ взысканіямъ, которыя вызываютъ на себя уклоняющіеся отъ долга".

„Обстоятельство это достойно особеннаго вниманія: оно ясно выражаетъ, какъ мало иные гг. становые пристава нуждались въ слѣдовавшемъ имъ удовлетвореніи со стороны казны и, считая такимъ образомъ себя въ отношеніи къ ней не слишкомъ обязанными, жили безъ заботы быть исправными по службѣ, что, конечно, входило въ одну изъ причинъ тѣхъ безпорядковъ въ дѣлопроизводствѣ, которые встрѣчаются теперь на каждомъ шагу. Земскому-же суду никогда не приходило на мысль возбудить этотъ вопросъ и дать почувствовать подвѣдомственнымъ чиновникамъ, что правительство вовсе, въ свою очередь, не нуждается также въ лицахъ, которыя, сложа руки и не отвѣчая цѣли, лишь напрасно занимаютъ служебные посты" [1]).

„Книги для записки обывательскихъ подводъ, полагаемой 229 ст. IV т. уст. о зем. пов., ни въ судѣ, ни у приставовъ не ведется и нѣтъ станціонныхъ пунктовъ для земской гоньбы, въ каковыхъ, будто-бы, тутъ, по объясненію присутствующихъ, не чувствуется надобности, такъ какъ квартиры всѣхъ приставовъ расположены вблизи почтовыхъ станцій, черезъ каковыя и получаются слѣдующіе имъ пакеты, между тѣмъ, упускаются изъ виду посылки нарочныхъ, препровожденіе изъ селеній арестантовъ, разъѣзды полицейскихъ чиновниковъ по дѣламъ службы и разные экстренные нряды При разъясненіи этого вопроса г. старшій засѣдатель высказалъ, что „на наемъ лошадей при судѣ деньги отпускаются; но лошади все таки не содержатся, а вмѣсто того подрядчикъ платитъ исправнику по 50-ти руб. въ мѣсяцъ на усиленіе средствъ канцеляріи" [2]).

При ревизіи денежныхъ книгъ въ одесскомъ земскомъ судѣ оказалось, что „въ книгу переходящихъ суммъ къ 1861 году перешло изъ прежнихъ книгъ 6,560 руб. $29^1/_4$ коп.; эта сумма составлялась съ давняго времени по упущенію суда дѣлать о вступающихъ деньгахъ своевременныя распоряженія въ отсылкѣ ихъ куда слѣдовало. Деньги, тутъ значащіяся, вписаны на приходъ не рѣдко безъ постановленія суда. Бумаги, при которыхъ онѣ присланы, остаются не разрѣшенными еще съ 1841 г. и, образовавъ толстыя книги, остаются заброшенными въ шкафахъ и архивѣ. Объ отступленіяхъ противъ счетнаго устава въ книгѣ, о которой идетъ рѣчь, и говорить нечего; довольно сказать, что она представляетъ собою не законный денежный документъ присутственнаго мѣста, а домашнюю памятную книжку. Многія переходящія

[1]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.
[2]) Тамъ-же.

суммы, слѣдовавшія къ выдачѣ или отсылкѣ по принадлежности и, по ст. 218 т. II, въ приказъ общественнаго призрѣнія, хранятся въ судѣ десятки лѣтъ“ [1]).

Въ херсонскомъ магистратѣ „много обязательствъ и наличныхъ денегъ, слѣдовавшихъ къ отсылкѣ, не разосланы (ст. 285) и большею частью дѣла, по нимъ возникшія, утратившись изъ виду, при ревизіи не найдены; однихъ билетовъ кредитныхъ установленій, задержанныхъ съ 1842 г., 182 на 20,133 руб. 36 к.“ [2]).

Въ дубоссарской городской полиціи „въ книгѣ штатныхъ суммъ за февраль мѣсяцъ въ свидѣтельствѣ заключено, что въ февралѣ прихода и расхода не было, изъ документовъ-же открыто, что г. приставомъ Васильевымъ 17-го января получено изъ дубоссарской ратуши слѣдуемые нижнимъ чинамъ полиціи и пожарной командѣ за 1861 годъ жалованье, за обмундированіе и провіантъ 243 руб. 82¼ коп. и доставленные ему изъ тираспольскаго уѣзднаго казначейства 3-го февраля, чрезъ чиновницу 8-го класса Степаниду Македонцеву, на содержаніе полиціи на январьскую треть 65 р. 35 к.“ [3]).

Осмотръ пожарной команды въ Херсонѣ показалъ, что и по этой статьѣ полиція не упускала случая попользоваться. Клушину было представлено „50 человѣкъ нижнихъ чиновъ, обмундированныхъ въ разныхъ костюмахъ, несмотря на то, что въ прошломъ году 20-го декабря купецъ Кеслеръ, принимая на себя по контракту поставку амуничныхъ вещей, обязался представить матеріалъ для оныхъ не позже одного мѣсяца съ заключенія контракта и хотя получалъ квитанціи въ доставленіи матеріала, но объ этихъ квитанціяхъ едва-ли нельзя сказать только то, что бумага все терпитъ. Во всѣхъ 4-хъ трубахъ рукава испорчены, пропуская течь цѣлыми струями.

Люди къ дѣйствіямъ на пожарахъ совсѣмъ не пріучены, отличаются удивительною вялостію и безтолковостію относительно своего дѣла“ [4]).

Приказъ общественнаго призрѣнія, какъ извѣстно, завѣдывалъ благотворительными учрежденіями: больницами и богадѣльнями; но состояніе тѣхъ и другихъ было, какъ мы сейчасъ увидимъ, ужасное, потому что вниманіе приказа общественнаго призрѣнія было направлено совсѣмъ въ другую сторону.

Вотъ, напримѣръ, какова была ананьевская больница. При входѣ въ нее, Клушинъ нашелъ „груду грязнаго бѣлья, только-что снятаго больными, и возлѣ, на сквозномъ вѣтру, больнаго, не успѣвшаго еще совершить, по случаю пріѣзда начальника губерніи, общаго переодѣванія. Воздухъ въ больни цѣ спертый и пропитанный зловоніями; на окнахъ, полахъ, стѣнахъ—грязь,

---

[1]) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.
[2]) Предложеніе 13-го февраля 1862 года.
[3]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.
[4]) Предложеніе 23-го марта 1862 года.

паутина, пауки и пыль; бѣлье на больныхъ и койкахъ въ сальныхъ пятнахъ и отвратительно грязное; тюфяки старые въ заплатахъ; отсутствіе всякой заботливости о сохраненіи чистоты и предоставленіи больнымъ возможныхъ удобствъ разительно“ [1]).

Больница въ Берславѣ, „хотя помѣщеніе удобно, но содержится грязно; воздухъ въ больничныхъ камерахъ невыносимо тяжело-удушливъ; бѣлье на больныхъ дурно вымыто и частью вовсе не мытое; тюфяки залежалые съ неперебитою соломою, пропитанные разными нечистотами, заражаютъ воздухъ въ палатахъ; суконныя одѣяла положены, какъ видно, только на показъ; при встряхиваніи ихъ наполнилась комната облаками пыли. Нѣтъ вниманія ни состраданія къ больнымъ какъ отъ самого доктора, такъ и отъ смотрителя вмѣстѣ съ фельдшеромъ“ [2]).

Объ александрійской больницѣ начальникъ александрійской уѣздной команды сдѣлалъ слѣдующій отзывъ: „посѣщая больницу, я находилъ постоянно больныхъ одѣтыми въ такое платье, въ какомъ мнѣ рѣдко приходилось видѣть нищихъ, а именно: халаты въ лохмотьяхъ, рубахи въ заплатахъ, а подштанники и чулки до того ветхи, что ихъ нельзя уже починять, и нельзя съ точностью опредѣлить, были-ли они шиты изъ холста или изъ кусочковъ ветхихъ тряпокъ“ [3]).

Въ дубоссарской больницѣ „видна нечистота и неисправность во многихъ мѣстахъ, труба кухни выведена и низко чрезъ это, отъ накопленія въ ней дыма, дымитъ чрезвычайно въ кухнѣ и даже въ больничной палатѣ. Больные тифозною горячкою помѣщаются вмѣстѣ съ больными другой, легкой болѣзнью. Постельное бѣлье грязно. Въ комнатахъ воздухъ спертый [4]).

Больница въ Тирасполѣ, назначенная для больныхъ арестантовъ, „держится весьма нечисто и неопрятно. Помѣщеніе для кухни, отдѣльное въ особомъ флигелѣ, грязно въ высшей степени и съ угрожающимъ обвалиться потолкомъ, съ котораго падали клочки разнаго хлама въ готовившееся кушанье. Въ ней разбросана была обувь, заготовленная для больныхъ. Бѣлье на больныхъ грязно и не всегда выдается“ [5]).

Богадѣльня въ Бобринцѣ: „воздухъ въ комнатахъ спертый; бѣлье для призрѣваемыхъ чисто, потому что его надѣли за часъ передъ ревизіею; снятое бѣлье, найденное подъ тюфяками, до того грязно, что издаетъ зловоніе. Богадѣльнею завѣдуетъ какой-то мѣщанинъ, не признающій уничтоженія

---

[1]) Предложеніе 5-го декабря 1864 года.

[2]) Предложеніе 15-го іюня 1862 года.

[3]) Рапортъ начальника алекс. уѣзд. команды городовому врачу, 21-го февраля 1863 г., за № 187.

[4]) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

[5]) Тамъ-же.

тѣлеснаго наказанія и потому въ отношеніи призрѣваемыхъ употребляющій кулачную расправу“ [1]).

При ревизіи бобринецкой больницы, Клушинъ обратилъ вниманіе на контрактъ по продовольствію больницы, заключенный приказомъ общественнаго призрѣнія.

«Поразительная неумѣренность цѣнъ говоритъ Клушинъ [2]), допущенная при заключеніи контракта, лучше всего обличаетъ отсутствіе заботы приказа къ сохраненію казеннаго интереса, и что странно, такъ это то, что особенно пониженную цѣну встрѣчаемъ на предметы, рѣже употребляемые, а на предметы постоянно нужные—цѣну особенно высокую. Такъ, фунтъ чаю, никогда не требуемаго, стоитъ 1 рубль, т. е. такая ничтожная цѣна, какая въ Херсонской губерніи считается баснословіемъ; напротивъ, стоимость курицы, въ коей почти каждый день бываетъ запросъ, заключается въ 50 коп., вмѣсто обыкновенной цѣны ея въ Бобринцѣ 20 коп. и ниже. Въ этой-то несоразмѣрности цѣнъ на предметы нужные и ненужные и кроется оптическій обманъ, заставляющій подрядную систему поставки матеріаловъ для больницъ считать выгодною. Но болѣе всего здѣсь интересна стоимость мытья больничнаго бѣлья, въ прошломъ году простиравшаяся на сумму 825 р. 24 к. (больныхъ было 4—10 человѣкъ). Въ нынѣшнемъ году за мытье его заплочено въ январѣ 107 р. 90½ к., въ февралѣ 144 р. 79 к., въ мартѣ 145 р. 63 к., въ апрѣлѣ 148 р. 11 к., т. е. въ размѣрахъ, постоянно увеличивающихся и, повидимому, предвѣщающихъ къ концу года расходъ на этотъ предметъ еще въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ въ прошедшемъ году. Бросающаяся съ перваго взгляда невѣроятность и баснословность такихъ цѣнъ, за которыя можно произвести не мытье бѣлья, а сдѣлать новый весьма значительный запасъ его, заставили меня убѣдиться на мѣстѣ въ дѣйствительности расхода, упадающаго здѣсь на описываемый предметъ. Оказалось, что нанимаемая повѣреннымъ поставщика Іолоса прачка получаетъ за мытье бѣлья ежемѣсячно по 5 р., слѣдовательно въ годъ 60 руб. Добавляя къ этому на мыло и другія непредвидимыя надобности еще 100 руб., составится 160 руб. и это уже слишкомъ расточительно. Вычитая эту сумму изъ израсходованныхъ въ 1861 г. 825 р. 24 к., оказывается, что 665 р. 24 к. получаются поставщикомъ или Богъ знаетъ еще кѣмъ совершенно задаромъ въ видѣ неслыханныхъ во всѣхъ коммерческихъ операціяхъ процента болѣе чѣмъ 4 рубля на 1 рубль. Явленіе это представляется видимымъ злоупотребленіемъ. Злоупотребленіе это приказу выяснить почему-то не хотѣлось и этимъ однимъ уже превосходно характеризуется его направленіе».

Вслѣдствіе этой записки Клушина, бывшій генералъ-губернаторъ Коцебу,

---

[1]) Въ запискѣ, представленной генералъ-губернатору.

[2]) Тамъ-же.

въ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ въ херсонскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, высказалъ мнѣніе, что «слѣдовало-бы по этому дѣлу произвести формальное слѣдствіе, но если принять во вниманіе, что слѣдствіе это, вѣроятно, затянется на весьма долгое время и не обнаружитъ законныхъ доказательствъ многихъ злоупотребленій, ибо почти всѣ они такого рода, что съ точностью оцѣнить ихъ можно было только въ самое время ихъ совершенія, можно ограничиться строгимъ выговоромъ чиновникамъ». Съ этимъ мнѣніемъ, какъ видно изъ увѣдомленія генералъ-губернатора херсонскому губернатору отъ 28 іюля 1863 года, за № 7211,—согласился и министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь Валуевъ.

V.

Таковы картины «добраго стараго времени», когда администрація представляла такую «сильную власть», предъ которою законъ былъ безсиленъ. Клушинъ, возмущаясь тѣмъ, что во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ «законъ стушевывается произволомъ, а уваженіе къ праву личности замѣняется пренебреженіемъ къ нему», принималъ строжайшія мѣры для устраненія беззаконія и убѣдился, что всѣ онѣ не дѣйствительны и что только введеніе новаго принципа въ народное хозяйство можетъ дать ему прогрессивный ходъ. Онъ высказалъ это при открытіи перваго херсонскаго губернскаго земскаго собранія.

«Настоящая администрація, сказалъ Клушинъ, не могла развить силы губерніи и направить ихъ къ болѣе полезнымъ цѣлямъ, потому что не было равноправности мѣстностей, сословій и отдѣльныхъ лицъ на благосостояніе. Необходимо отрѣшиться отъ идеи, что представитель города, вѣдомства или сословія можетъ оправдать свое полномочіе и заслужить признательность избравшей его среды, отстаивая исключительныя выгоды своего вѣрителя, хотя-бы и въ ущербъ общимъ интересамъ. Такія кажущіяся выгоды составляютъ въ сущности конечную потерю для всего края. Часть населенія, отягощаемая свыше силъ, бѣднѣетъ и не можетъ быть прочнымъ звеномъ въ цѣпи общей жизненной дѣятельности страны, не говоря уже о нравственномъ разладѣ, возникающемъ отъ сознанія неравенства».

И. С.

ВОСПОМИНАНІЯ ОРДИНАРЦА О ВОЙНѢ 1877—1878 ГГ.

VI [1]).

Изъ Казанлыка въ Филиппополь.

Рано утромъ 3-го января позвали меня къ главнокомандующему.

„Съ 27-го декабря я не имѣю извѣстій отъ ген. Гурко, сказалъ мнѣ великій князь: поѣзжай въ нему, онъ двигается отъ Софіи на Татаръ-Базарджикъ, поздравь его съ производствомъ въ генералы отъ кавалеріи, и передай, чтобъ онъ торопился итти на Филиппополь, а что я форсированнымъ маршемъ пойду на Херманли и надѣюсь отрѣзать отступленіе арміи Сулеймана-паши на Адріанополь. Пойди къ Левицкому, онъ тебѣ передастъ бумаги и укажетъ какъ лучше ѣхать".

Я велѣлъ немедленно сѣдлать и поспѣшилъ явиться къ генералу Левицкому.

„Если вы отправитесь на Габрово, Ловчу и Орханіе, сказалъ мнѣ генералъ, то вы проѣдете очень долго. Я вамъ совѣтую воспользоваться южнымъ скатомъ Балканъ, двинуться на Калоферъ, войти въ связь съ разъѣздами колонны генерала Карцева, который спустился черезъ Траяновъ перевалъ, и затѣмъ уже пробираться далѣе къ ген. Гурко: онъ долженъ быть

[1]) Въ майской и іюльской книгахъ „Русской Старины" изд. 1892 г. мы помѣстили первыя пять главъ изъ воспоминаній В. М. Вонлярлярскаго о войнѣ 1877—1878 гг., засимъ, въ виду значительной обширности этихъ записокъ, редакція принуждена была выпустить изъ нихъ нѣсколько послѣдующихъ главъ и въ настоящей книгѣ „Русской Старинѣ" перейти прямо къ заключительнымъ главамъ Воспоминаній. Ред.

недалеко отъ Татаръ-Базарджика. Впрочемъ, дѣлайте какъ хотите. Сколько вамъ дать казаковъ?"

Я посмотрѣлъ на карту и рѣшилъ, что, дѣйствительно, выгоднѣе ѣхать на Калоферъ, такъ какъ туда вело шоссе, по которому можно было оріентироваться; объѣзжать кругомъ взялобы у меня дня четыре или пять, а въ это время много-бы утекло воды.

Я попросилъ дать мнѣ двухъ доброконныхъ казаковъ, и часа въ 4 дня съ денщикомъ и вьючною лошадью пустился въ путь.

Была чудная погода. На фруктовыхъ деревьяхъ уже были почки; чувствовалась въ воздухѣ ранняя южная весна. Я ѣхалъ бойко, желая скорѣе добраться до Калофера, вблизи котораго надѣялся встрѣтить разъѣзды генерала Карцева, а затѣмъ уже слѣдовать далѣе вмѣстѣ съ ними.

Прекрасное шоссе вело все время долиною рѣки Тунджи; направо и впереди грозно рисовались Балканы, а налѣво вдали виднѣлись отроги Малыхъ Балканъ. Въ сторонѣ отъ дороги я видѣлъ нѣсколько деревень, но ни черезъ одну изъ нихъ не пришлось мнѣ проѣзжать вплоть до Малко Села, небольшой деревни у самаго подножія Калоферскаго Балкана.

Здѣсь я рѣшилъ передохнуть съ полчаса и поискать нѣтъ-ли проводника, который, въ случаѣ надобности, могъ-бы провести меня горными тропинками. Мы поѣхали осмотрѣть деревню, которая оказалась совершенно пустою. Кто были ея прежніе обитатели? Мирные-ли братушки или-же турки, которые, узнавъ о плѣненіи арміи Вессель-паши, поспѣшили удалиться, боясь наказанія за всѣ злодѣйства, совершенныя надъ болгарами послѣ перваго набѣга генерала Гурко за Балканы?

Наконецъ, въ одной изъ хатъ мы увидѣли свѣтъ, крайне тому обрадовались и поспѣшили къ ней подъѣхать. Я велѣлъ вѣстовому постучаться, но вмѣсто отвѣта огонь потухъ. Мы принялись выламывать дверь, которая скоро подалась, и передъ нами предстали фигуры двухъ испуганныхъ братушекъ. Они, какъ оказалось, сами только-что прибыли на свое прежнее пепелище, покинутое ими еще въ іюлѣ, и не разобрали въ темнотѣ кто мы такіе: русскіе или турки. Между ними нашелся проводникъ; но ни осла, ни лошади у него не было, и ему пришлось итти пѣшкомъ. Дѣлать было нечего: лучше пѣшій, чѣмъ никого.

Луна уже взошла; начало морозить, когда мы выѣхали изъ Малко Села. Проводникъ произвелъ на насъ самое скверное впечатлѣніе: онъ былъ безъ носу. Гдѣ и какъ онъ его потерялъ,— я не освѣдомлялся, но эта отвратительная рожа при лунномъ освѣщеніи была поразительно похожа на вѣдьму. Братушки сообщили намъ, что нигдѣ русскихъ войскъ не видали, но слышали орудійные выстрѣлы въ сторонѣ Траяна. Мы шагомъ двигались впередъ; по сторонамъ шоссе тянулись поля, которыя смѣнялись фруктовыми садами. Тишина была полная: казалось, что не только люди, но и все живое бѣжало изъ этой опустошенной мѣстности. Вдругъ, направо, шагахъ въ 200-хъ, завидѣли мы мышкующую лисицу.

„Не къ добру это“, услышалъ я за собою разговоръ моего денщика въ вѣстовыми; люди на меня очень косились: они, очевидно, желали, чтобы я остался переночевать въ деревнѣ, а не ѣхалъ ночью дальше въ горы. Я-же дѣлалъ это изъ принятой снаровки ѣхать по незнакомой и опасной мѣстности именно ночью, особенно, если былъ проводникъ. Турки не любили разъѣзжать по ночамъ, и потому я находилъ, что подобное движеніе въ темнотѣ самое благоразумное.

Вскорѣ шоссе стало подниматься изгибами въ гору; мѣстность была замѣчательно красива: направо высился Калоферскій Балканъ, налѣво, внизу, ревѣла бурнымъ потокомъ Тунджа, которая здѣсь прорыла себѣ путь въ долину. Вездѣ былъ снѣгъ, и только къ югу чернѣли голыя верхушки скалъ, согрѣтыя за день лучами весенняго солнца. Рѣка эта, повидимому, никогда не замерзаетъ, благодаря своему страшно быстрому теченію; она пѣнилась межъ камней, и серебряныя брызги сливались съ яркою бѣлизною снѣга. Кругомъ все было дико, глухо, и эта дивная картина освѣщалась луною, которая ярко блестѣла на морозѣ и придавала всей окружающей мѣстности какой-то фантастическій колоритъ.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становилось холоднѣе, и ѣхать по застывшему шоссе было невозможно скользко. Мы елеле поспѣвали шагомъ за проводникомъ, который, къ нашему удивленію, очень мало скользилъ: онъ, повидимому, былъ настоящій горецъ. На подошвѣ его лаптей была привязана желѣзная полоса, въ видѣ креста, что-то среднее между конькомъ и поло-

зомъ. Я только теперь замѣтилъ у него это остроумное приспособленіе, чтобъ подыматься по гололедицѣ въ гору. Если-бы онъ былъ верхомъ на ослѣ, то значительно замедлилъ-бы наше движеніе, такъ какъ часто-бы отъ насъ отставалъ.

Наконецъ, ровно въ полночь достигли мы Калофера. Этотъ еще недавно цвѣтущій городъ былъ весь въ развалинахъ; въ немъ, какъ говорится въ св. Писаніи, не оставалось камня на камнѣ. Скверно было ѣхать по пустыннымъ улицамъ, гдѣ не только человѣческой души, но даже и собаки не было: все какъ будто вымерло. Вотъ развалины церкви, далѣе какая-то площадь... и все пусто, все безмолвно. Только топотъ нашихъ коней нарушалъ эту страшную тишину, и звонко раздавались удары подковъ по мерзлой дорогѣ. Обстановка была настоль таинственна и жутка, что я даже забылъ о непріятелѣ. Безносый проводникъ, какъ будто нарочно, привелъ насъ въ такое мѣсто, чтобъ показать всю тщетность мірской суеты.

Дѣло въ томъ, что во время перваго набѣга генерала Гурко за Балканы, болгары были увѣрены, что мы скоро займемъ Константинополь, возмутились, вырѣзали въ Калоферѣ все турецкое населеніе и разграбили ихъ дома. Вслѣдъ затѣмъ, когда генералъ долженъ былъ отступить, то турки заняли снова этотъ городъ и, въ свою очередь, вырѣзали всѣхъ болгаръ и разорили ихъ жилища: „око за око!“

Когда мы проѣхали черезъ эти развалины, передъ нами открылась дивная панорама долины р. Хіопса, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Надо замѣтить, что Калоферскій Балканъ—самая красивая и суровая часть этого горнаго хребта. Но некогда было восхищаться красотами природы. Шоссе поворачивало налѣво внизъ; проводникъ утомился, шелъ весьма медленно и тормозилъ наше движеніе. Я рѣшилъ его бросить, такъ какъ впередъ было видно на много верстъ, и поѣхалъ далѣе подъ гору. Холодъ сталъ настолько силенъ, что я чувствовалъ его сквозь бурку и полушубокъ; было, по крайней мѣрѣ, градусовъ 17 мороза. Несмотря на ужасную гололедицу, мы довольно быстро спустились въ долину и рысью двинулись по дорогѣ. Вскорѣ намъ стали попадаться мертвыя тѣла, одѣтыя въ синія куртки; это, вѣроятно, были раненые турецкіе солдаты, которые бѣжали отъ отряда ген. Карцева, занявшаго Траянъ. Смерть

сразила ихъ на пути. Почти всѣ лежали головами на югъ; они, очевидно, бѣжали и ползли, пока хватало силъ, опасаясь попасться въ плѣнъ, а затѣмъ такъ и застыли на морозѣ.

Въ верстахъ 5-ти отъ подножія горъ виднѣлось селеніе, къ которому подъ угломъ тянулась еще какая-то дорога. Я остановился и при свѣтѣ фонаря (который имѣлъ всегда съ собою во вьюкѣ) разсмотрѣлъ на картѣ, что это должна быть деревня Лыджа-Кіой. Крайне любопытно было знать кѣмъ занято это селеніе. Налѣво и направо отъ шоссе тянулись рисовыя поля,— я, чтобы миновать деревню, попробовалъ пробраться по нимъ, но они оказались такими вязкими, что и думать было нечего ѣхать иначе, какъ по дорогѣ. Оставалось продолжать движеніе впередъ на-авось, что мы и сдѣлали. Селеніе оказалось совершенно пустымъ, и мы на полныхъ рысяхъ его пролетѣли. Вскорѣ завидѣли мы снова деревню, которая, судя по картѣ, должна была быть Чукурлу, и на этотъ разъ кое-гдѣ свѣтились огоньки. Положеніе становилось серьезнымъ. Внимательно вглядываясь въ темноту, мы стали съ большою осторожностью шагомъ подвигаться къ деревнѣ и вскорѣ, къ удивленію и общей радости, наткнулись на нашего солдатика часоваго. Никогда, кажется я не былъ такъ радъ увидѣть сѣрую солдатскую шинель, какъ въ эту критическую минуту. На мое счастье, я нашелъ въ Чукурлу стрѣлковую роту, которая шла въ авангардѣ колонны ген. Карцева и заночевала въ этой деревнѣ.

Командиръ роты, къ сожалѣнію, не могъ дать мнѣ никакихъ свѣдѣній, гдѣ находится кавалерія ген. Карцева, но сообщилъ, что наканунѣ были слышны пушечные выстрѣлы немного западнѣе Филиппополя. Я почему-то вдругъ получилъ увѣренность, что это было приближеніе арміи генерала Гурко къ Филиппополю.

Кони мои утомились: я сдѣлалъ уже 70 верстъ; впереди предстоялъ еще далекій путь, и притомъ надо было не попасться въ руки отступающимъ туркамъ, а потому я рѣшилъ заночевать въ Чукурлу, чтобы продолжать движеніе на разсвѣтѣ. Я забрался въ какую-то пустую болгарскую хату, разостлалъ на полу бурку и часа два отдохнулъ. Мой заботливый денщикъ какимъ-то чутьемъ находилъ сѣно, онъ раздобылъ его и теперь, и наши проголодавшіеся кони съ жадностью набросились на кормъ. Поутру мы пустились далѣе. Хотя до Филиппополя оставалось

болѣе 40 верстъ, но пушечные выстрѣлы доносились къ намъ довольно ясно.

Отъѣхавъ верстъ 15 или 20 отъ Чукурлу, мы нагнали нашу пѣхотную часть — это была колонна графа Комаровскаго. Я подъѣхалъ къ нему, разсказалъ откуда и куда ѣду и спросилъ, не можетъ-ли онъ мнѣ указать гдѣ въ настоящее время находится генералъ Гурко. Графъ мнѣ объяснилъ, что его бригада не входитъ въ составъ Балканской арміи, а подчинена генералу Карцеву, что онъ не идетъ самъ на Филиппополь, но согласно диспозиціи сворачиваетъ вскорѣ къ востоку, на Чирпанъ.

„Я вамъ совѣтую ѣхать прямо на Филиппополь, прибавилъ онъ, уже второй день въ той сторонѣ слышна канонада. Да вотъ, кстати, захватите, пожалуйста, съ собою турецкаго парламентера съ двумя рядовыми, которыхъ мнѣ приказали туда препроводить. Въ моемъ распоряженіи кавалеристовъ нѣтъ, и мнѣ не съ кѣмъ ихъ отправить".

Я долженъ былъ на это согласиться, забралъ съ собою турокъ и рысью пустился далѣе. Мой отрядъ теперь значительно усилился и состоялъ изъ двухъ казаковъ, денщика и трехъ турокъ. Парламентеръ, какъ оказалось, былъ медикъ, житель Филиппополя; онъ довольно сносно говорилъ по-французски и объяснилъ мнѣ, что попалъ въ армію совершенно случайно, противъ своей воли, и никакихъ воинственныхъ наклонностей не имѣетъ. Онъ жаловался мнѣ, что страшно усталъ, и умолялъ ѣхать шагомъ. Что дѣлать, я долженъ былъ исполнить его просьбу, и это значительно меня задержало. Наконецъ, увидѣли мы Филиппополь и вскорѣ прибыли къ рѣкѣ Марицѣ, которая отдѣляетъ предмѣстья отъ самаго города. Мостъ былъ разрушенъ турками при отступленіи, и вездѣ вокругъ копошились наши солдатики, наскоро устраивая переходъ на козлахъ.

Оказалось, что ген. Гурко только-что вступилъ въ городъ. Я прибылъ въ Филиппополь ровно въ 2 часа дня, т. е. черезъ 22 часа послѣ отъѣзда изъ Казанлыка, въ теченіе которыхъ сдѣлалъ болѣе 110-ти верстъ. При отправленіи я разсчитывалъ войти въ связь съ кавалеріею генерала Карцева и пробраться къ Татаръ-Базарджику, близъ котораго, по даннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, долженъ былъ встрѣтить генерала Гурко, но на дѣлѣ никакихъ разъѣздовъ не встрѣтилъ. Мнѣ удалось, сверхъ всякаго

чаянія, найти генерала въ Филиппополѣ, спустя два часа послѣ того, какъ онъ туда прибылъ; но онъ пришелъ съ запада, а я съ сѣвера.

Однако, парламентеръ меня страшно связалъ. Я не могъ его оставить на произволъ судьбы, рѣшилъ спѣшиться, поручилъ конвойныхъ турокъ моему денщику и самъ поспѣшилъ съ медикомъ въ городъ, по только-что набросаннымъ черезъ рѣку мосткамъ. Не безъ труда нашелъ я квартиру генерала. Мой парламентеръ то и дѣло останавливался на пути разговаривать со знакомыми и, очевидно, былъ въ восторгѣ вернуться благополучно домой. Я ему объявилъ, что за него отвѣчаю, что буду принужденъ принять строгія мѣры, если онъ будетъ отъ меня отставать, и радъ былъ довести его въ коменданское управленіе, куда не безъ труда и сдалъ. Наконецъ, явился я къ генералу Гурко.

„Какъ вы сюда попали?“, обратился ко мнѣ генералъ, который отъ Ихтимана до Филиппополя шелъ форсированными маршами и крайне былъ удивленъ появленію ординарца главнокомандующаго.

Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ случайно, на выстрѣлы, но что, собственно, я былъ отправленъ изъ Казанлыка на Татаръ-Базарджикъ; что великій князь давно уже не имѣлъ отъ него извѣстій и крайне интересуется тѣмъ, что дѣлается въ Балканской арміи. Затѣмъ, я передалъ ему поздравленіе съ производствомъ въ генералы отъ кавалеріи, сообщилъ о плѣненіи всей арміи Весселъ-паши, о предполагаемомъ движеніи великаго князя на Адріанопольское шоссе, и испросилъ дальнѣйшихъ распоряженій.

„Останьтесь при мнѣ, отвѣтилъ генералъ: я немедленно пошлю къ главнокомандующему моего ординарца ротмистра Скалона. Сколько у васъ конвоя? По какой дорогѣ вы ѣхали?“

Я отвѣчалъ, что всегда ѣзжу съ 2-мя вѣстовыми и слѣдовалъ черезъ Калоферъ.

Затѣмъ, я былъ отпущенъ, поспѣшилъ вернуться съ моими лошадьми, довольно хорошо переправился въ бродъ черезъ р. Марицу и пріютился у знакомыхъ ординарцевъ генерала Гурко.

Здѣсь я услышалъ подробности лихаго набѣга на Филиппополь капитана л.-гв. драгунскаго полка Бурагò, который наканунѣ ночью въѣхалъ съ своимъ эскадрономъ въ городъ и заставилъ

начальствовавшихъ въ немъ пашей такъ поспѣшно обратиться въ бѣгство, что они даже оставили на столѣ только-что поданный для нихъ ужинъ: это было какъ нельзя болѣе кстати проголодавшимся офицерамъ. Бураго въѣхалъ съ пѣсенниками впереди, такъ самоувѣренно и смѣло, что турки приняли его за авангардъ всей нашей арміи, а, между тѣмъ, это была лишь рекогносцировка.

Филиппополь очень красиво расположенъ на р. Марицѣ; къ сѣверу вплоть до Балканъ растилается плодородная равнина, а къ югу возвышаются отроги Малыхъ Балканъ. Узкія улицы имѣютъ крутые спуски и по нимъ, во время гололедицы, ѣздить верхомъ довольно трудно. Здѣсь я убѣдился, что мой некованный на заднія ноги донецъ [1]) гораздо лучше шелъ по льду, чѣмъ другія кованныя лошади, при этомъ его замѣчательно крѣпкія копыта нисколько не пострадали отъ дальней ѣзды.

Наконецъ, 5-го января позвалъ меня генералъ Гурко и объявилъ, что на слѣдующій день я буду отправленъ къ великому князю.

6-го поутру я явился въ штабъ за бумагами, но мнѣ сказали, что раньше 2-хъ часовъ онѣ готовы не будутъ. Тогда я, не долго думая, велѣлъ денщику съ однимъ вѣстовымъ и вьючною лошадью немедленно ѣхать въ Чукурлу и тамъ выкормить лошадей, чтобъ дать мнѣ возможность доѣхать до великаго князя, не отдыхая, на перемѣнной лошади.

Только въ 3-мъ часу позвали меня къ генералу.

„Доложите великому князю, обратился онъ ко мнѣ, что армія Сулеймана-паши совершенно разсѣяна; намъ достались подъ Филиппополемъ съ бою 49 орудій и, кромѣ того, около 60-ти орудій, оставленныхъ непріятелемъ въ горахъ, захвачены кавалеріею генерала Скобелева I-го; турки въ безпорядкѣ отступили за Деспото-Дагъ. Сегодня я разставляю почту на Эски-Загру, чтобы войти въ связь съ главною квартирою. Я нашелъ въ городѣ крайне незначительные склады провіанта, у булочниковъ муки хватитъ только на 4 дня. 4-го и 5-го января мы потеряли въ бою 4-хъ офицеровъ убитыми и 15 ранеными, въ

[1]) Это былъ новый конь, пріобрѣтенный мною въ кавказской бригадѣ. еще въ Боготѣ, на смѣну бураго, котораго я бросилъ послѣ поѣздки 19-іюля въ Бѣлу съ донесеніемъ изъ-подъ Плевны.

томъ числѣ командиръ Преображенскаго полка князь Н. Н. Оболенскій раненъ въ ногу, а полковникъ того-же полка баронъ Стрезовъ смертельно. Литовскій полкъ болѣе другихъ пострадалъ, за то взялъ у непріятеля 23 орудія. 7-го января, если турки не помѣшаютъ, 2-ая гвардейская кавалерійская дивизія будетъ у Херманли. Ранѣе 10-го января не тронусь изъ Филиппополя, по случаю крайняго утомленія войскъ. Считаю движеніе колонны ген. Карцева на Чирпанъ неосновательнымъ. Доложите главнокомандующему, что я прошу прислать интендантскихъ чиновниковъ для устройства продовольственной части. Когда вы думаете быть въ Казанлыкѣ?"

„Завтра", отвѣчалъ я.

„Нѣтъ, ужъ вы постарайтесь раненько доспѣть къ великому князю", добавилъ генералъ, отпуская меня.

Въ 4 часа дня получилъ я изъ штаба бумаги и пустился въ путь. По дорогѣ я долженъ былъ еще заѣхать къ раненому кн. Оболенскому, который просилъ меня отправить телеграмму и письмо женѣ въ Петербургъ. Многіе другіе офицеры надавали мнѣ также массу телеграммъ и писемъ въ Россію; я уѣхалъ нагруженный, какъ настоящій почтарь, и только въ 5 часовъ пополудни выбрался, наконецъ, съ моимъ вѣстовымъ изъ города. Была тихая, теплая погода, я бойко поѣхалъ впередъ, расчитывая въ Чукурлу пересѣсть па свѣжую лошадь и съ другимъ вѣстовымъ немедленно двинуться далѣе. На дорогѣ попадались мнѣ группы вооруженныхъ болгаръ, которые, вѣроятно, собрались на мародерство или просто искали своихъ бывшихъ угнетателей, желая, въ свою очередь, поживиться на ихъ счетъ.

Вскорѣ стемнѣло. Въ 9-мъ часу вечера я шелъ крупною рысью и вдругъ замѣтилъ впереди подъ мостомъ какихъ-то людей, которые отъ меня прятались. Были-ли это мародеры братушки или бѣглые турки—кто ихъ знаетъ; объѣзжать было некуда, я ускорилъ ходу и благополучно проѣхалъ черезъ мостъ.

Во время войны мы какъ-то легко относились къ подобнымъ путешествіямъ самъ-другъ съ вѣстовымъ, но теперь, когда прошло 12 лѣтъ, и я хладнокровно объ этомъ думаю, то положительно не понимаю, какъ все это сходило намъ благополучно съ рукъ. Солдатскій образокъ меня, должно быть, хранилъ.

Въ 10-мъ часу я прибылъ въ Чукурлу, сдѣлавъ 40 верстъ

въ 4 часа съ небольшимъ, и, къ моему удовольствію, нашелъ тамъ Тычинскаго съ выкормленными и отдохнувшими лошадьми. Въ котелкѣ уже варилась курица съ рисомъ, которую проворный денщикъ гдѣ-то раздобылъ. Я возилъ съ собою во вьюкахъ котелокъ, соль, сухари и рисъ, куриц мы находили вездѣ и поваръ мой угощалъ меня преисправно куринымъ бульономъ. Теперь я, быть можетъ, не сталъ-бы ѣсть подобной похлебки, но тогда она казалась мнѣ твореніемъ самого Вателя.

На мое горе, заводная лошадь расковалась и потеряла подкову, а запасной не было, такъ какъ ее пришлось истратить въ Филиппополѣ. Это обстоятельство меня ужасно раздосадовало, пришлось передохнуть часокъ; тѣмъ временемъ я поужиналъ и даже минутъ на 15 успѣлъ заснуть. Затѣмъ я сѣлъ на моего стараго донца, который пришелъ подъ денщикомъ, взялъ другаго вѣстоваго и поспѣшилъ на Казанлыкъ; а Тычинскому велѣлъ отдохнуть и шагомъ добираться до главной квартиры.

Мы довольно бойко поѣхали и вскорѣ прибыли къ подножію Балканъ. Погода рѣзко перемѣнилась; вмѣсто чудной теплой весенней погоды, съ которою я выѣхалъ изъ Филиппополя, стало снова морозить. Поднялся вѣтеръ, который прохватывалъ меня насквозь. Гололедица была страшная: мы еле поднимались по гладкой, какъ стекло, обледенѣвшей поверхности шоссе. Во время подъема я хотѣлъ дать лошадямъ вздохнуть, но не могъ простоять на мѣстѣ и пяти минутъ, боясь простудить лошадей: вѣтеръ буквально пронизывалъ до костей. Чтобы облегчить спину лошадямъ, я съ версту прошелъ пѣшкомъ, а затѣмъ опять верхомъ потянулся далѣе. Снова пришлось мнѣ проѣхать черезъ пустынный Калоферъ и увидѣть чудную картину ревущаго подъ ногами горнаго потока. Здѣсь я далъ отдохнуть лошадямъ минутъ десять и на разсвѣтѣ уже былъ въ виду Малко Села. Лучи восходящаго солнца стали-насъ немного согрѣвать; я далъ еще разъ пыхнуть конямъ и, помня приказаніе генерала Гурко доспѣть пораньше къ великому князю, наддалъ ходу и въ 9 часовъ утра былъ въ Казанлыкѣ, сдѣлавъ 110 верстъ въ 16 часовъ.

Немедленно явился я къ главнокомандующему, доложилъ какъ и гдѣ нашелъ генерала Гурко, и передалъ буквально его слова.

„Въ которомъ-же часу ты выѣхалъ изъ Филиппополя?“ спросилъ меня великій князь.

Я отвѣчалъ, что въ 5 часовъ пополудни.

„Не можетъ быть, это ужъ слишкомъ скоро“, возразилъ главнокомандующій.

„Извольте, ваше высочество, справиться на пакетѣ штаба, на которомъ помѣченъ часъ, когда мнѣ его вручили“, отвѣчалъ я.

„Ну, ловко-же, дай я тебя поцѣлую“, добавилъ великій князь: „пойди и разскажи объ этомъ начальнику штаба“.

Дѣйствительно, по времени это самая быстрая моя поѣздка. Въ мирное время можно проѣхать и скорѣе, но при лучшихъ условіяхъ. Я выѣхалъ изъ Филиппополя въ растегнутомъ пальто, въ полную оттепель, переправлялся черезъ Балканы въ сильнѣйшую стужу, болѣе 15°, по страшной гололедицѣ, и тѣмъ не менѣе мой донецъ пришелъ довольно свѣжо, а черезъ три дня опять уже былъ подъ вьюкомъ.

Вечеромъ того-же дня прибылъ въ Казанлыкъ и Тычинскій. Этотъ человѣкъ, съ виду угрюмый и молчаливый, былъ замѣчательно расторопенъ, и я никогда не боялся, что онъ заблудится или отъ меня отстанетъ.

VII.

Адріанополь.—Заключеніе перемирія.

На другой день по возвращеніи моемъ изъ Филиппополя, прибылъ изъ Петербурга Н. В. Клайгельсъ, привезъ мнѣ письма отъ родныхъ и массу новостей. Вотъ уже десятый мѣсяцъ, какъ я разстался со своими, и мнѣ было крайне пріятно услышать отъ него что дѣлается дома. Но не долго пришлось намъ отдыхать. Вскорѣ была получена телеграмма, что 9-го января Адріанополь занятъ ген. Струковымъ, который съ летучимъ отрядомъ шелъ впередъ форсированнымъ маршемъ. Одновременно съ этимъ извѣстіемъ прибыли въ Казанлыкъ Намыкъ-паша и Серверъ-паша, въ качествѣ парламентеровъ, просить великаго князя заключить перемиріе.

Главнокомандующій отвѣчалъ имъ, что можетъ согласиться

только на миръ, испросивъ на то разрѣшеніе государя, на перемиріе-же не согласенъ. Не желая терять времени, его высочество велѣлъ всѣмъ войскамъ быстрыми маршами двигаться впередъ; главная квартира получила предписаніе итти на Херманли. Не помню навѣрно, но, кажется, выступленіе наше изъ Казанлыка было назначено на 10-е или 11-е января.

Въ тотъ моментъ, когда мы уже садились верхомъ, вбѣгаетъ ко мнѣ Максимъ и заявляетъ, что кучеръ нашъ бѣжалъ, захвативъ между прочимъ съ собою на память револьверъ Клайгельса, сѣдло и кое-что изъ вещей. Меня страшно взорвалъ этотъ поступокъ болгарина; случилось то, что я предвидѣлъ, и въ самый неудобный для насъ моментъ. Но дѣлать было нечего; я велѣлъ уложить побольше платья и бѣлья во вьюки и предоставилъ Максиму распорядиться какъ онъ хочетъ; я былъ увѣренъ, что невыносимый характеръ моего камердинера былъ одною изъ главныхъ причинъ побѣга нашего возницы, но отъ этого было не легче.

„Совѣтую тебѣ не отставать отъ обозовъ главной квартиры, сказалъ я Максиму, а то тебя никто искать не будетъ, да корми хорошенько лошадей; если застрянешь одинъ по дорогѣ, тебя, пожалуй, еще ограбятъ или убьютъ“.

Затѣмъ мы съ Клайгельсомъ сѣли на коней и уѣхали съ нашими денщиками, оставивъ сконфуженнаго Максима на произволъ судьбы; иначе мы поступить не могли: кто-же далъбы намъ теперь челозѣка, и притомъ это было прекраснымъ наказаніемъ за постоянное ворчаніе и сварливость старика.

Къ довершенію благополучія, на первомъ-же ночлегѣ мы увидѣли знакомое объявленіе: „Гг. адъютанты и ординарцы довольствуются по усмотрѣнію“. Это уже было совсѣмъ скверно, хуже чѣмъ въ командировкѣ. Тамъ ѣдешь одинъ, всегда найдешь и курицу и фуражъ, а здѣсь шла вся главная квартира и дивизіонъ казаковъ, которые высылали квартирьеровъ: поживиться уже было нечѣмъ.

Съ нами вмѣстѣ ѣхали и паши-парламентеры, которымъ великій князь предложилъ слѣдовать при главной квартирѣ, впредь до полученія отвѣта отъ государя—на какихъ условіяхъ можетъ быть подписанъ миръ.

Когда имъ объявили о занятіи Адріанополя, то на глазахъ бѣднаго Намыка заблистали слезы:

„Maintenant tout est perdu! Nous sommes à votre merci“, сказалъ онъ.

Вскорѣ прибыли мы въ Херманли, на станцію желѣзной дороги; великому князю составили поѣздъ, мы немедленно двинулись далѣе и 14-го января, около 2-хъ часовъ дня, прибыли въ Адріанополь, гдѣ его императорское высочество былъ встрѣченъ ген. Гурко. Быстро выгрузили мы лошадей, сѣли верхомъ и послѣдовали за великимъ княземъ, который торжественно въѣхалъ во вторую столицу Турецкой имперіи. При въѣздѣ въ городъ были устроены тріумфальныя арки; депутація отъ жителей, съ духовенствомъ во главѣ, привѣтствовала главнокомандующаго. Не только болгары и греки, но даже турки весьма радушно насъ встрѣтили. Въ окнахъ висѣли ковры, шали—городъ принялъ совершенно праздничный видъ.

„Штабъ-ротмистръ Лярскій“, подозвалъ меня ген. Гурко: „я слышалъ, что вы очень быстро доставили мое донесеніе великому князю въ Казанлыкъ“.

„Такъ точно, ваше высокопревосходительство, я прибылъ къ главнокомандующему въ 10-мъ часу утра“.

„Ну, это скоро, молодцемъ“, добавилъ, обыкновенно не щедрый на похвалу, генералъ, протягивая мнѣ руку.

Мы пріѣхали прямо въ конакъ, т. е. домъ губернатора. Это большое каменное двухъ-этажное зданіе съ высокими комнатами напоминаетъ наши провинціальныя присутственныя мѣста или дома дворянства.

Намъ съ Клайгельсомъ отвели тутъ-же грязную комнату, что-то въ родѣ архивной, въ которой почти всѣ стекла были выбиты, и двери не затворялись. Кто не желалъ воспользоваться этимъ удобнымъ помѣщеніемъ, могъ искать себѣ квартиру на волѣ. Мы разсыпались по городу. Я съ товарищемъ княземъ П. С. Оболенскимъ набрелъ на какой-то трактиръ, который былъ переполненъ офицерами всѣхъ родовъ оружія. Съ трудомъ добились мы чего-нибудь поѣсть и затѣмъ обратились къ греку-слугѣ, прося его указать гдѣ-бы могли переночевать. Услужливый грекосъ вызвался исполнить наше желаніе и привелъ насъ по узкимъ закоулкамъ въ какой-то домъ. Хозяйка, еврейка, приняла насъ съ большою предупредительностью и помѣстила въ комнатѣ, въ которой уже были два офицера: одинъ — телеграфистъ, а другой—чиновникъ военнаго вѣдомства.

Мы очень утомились за послѣдніе дни и потому немедленно завалились спать на какихъ-то жесткихъ скамейкахъ, носившихъ громкое названіе диванов.

Не успѣли мы заснуть, какъ послышался стукъ въ входную дверь, говоръ, хохотъ... Черезчуръ сообразительный проводникъ, оказалось, помѣстилъ насъ въ такой домъ, въ который мы вовсе не желали попасть. Несмотря на шумъ, который повторялся еще нѣсколько разъ, мы все-таки скоро захрапѣли. Но недолго суждено было намъ спокойно отдыхать. Ночью слышимъ мы крики: „gewalt! gewalt!“ Вбѣгаетъ наша хозяйка въ одномъ бѣльѣ, съ распущенными волосами и, коверкая слова, на всѣхъ европейскихъ языкахъ старается намъ что-то объяснить. Видя что ея старанія напрасны, что мы все-таки ея не понимаемъ, она отдергиваетъ съ окна занавѣсъ... На темномъ фонѣ ночи рѣзко выдѣлялось багровое зарево пожара. Слышался отдаленный шумъ суматохи и ружейная перекатная пальба... Живо вспомнилось 4-ое дѣйствіе изъ оперы „Гугеноты“. Иллюзія былабы полная, если-бы Валентина не была безобразна, какъ всѣ семь смертныхъ грѣховъ вмѣстѣ.

Однако, что-же это значило? Не атакуютъ-ли насъ турки? Мы всѣ четверо вскочили на ноги и стали обсуждать, что дѣлать. Въ незнакомомъ городѣ, версты за полторы отъ конака, гдѣ находился великій князь, мы врядъ-ли и нашли-бы ночью туда дорогу. Посовѣтовавшись между собою, мы рѣшили выгнать хозяйку изъ комнаты и продолжали спать до утра, а тамъ будетъ видно. Вотъ что значитъ усталость и какая-то удивительная безпечность, которая является послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія на войнѣ.

На слѣдующій день мы узнали причину пожара и ружейной трескотни.

Л.-гв. Московскій пѣхотный полкъ занялъ за городомъ оставленныя турками казармы, въ которыхъ всѣ окна были выбиты. Было довольно холодно, солдатики расположились въ обоихъ этажахъ и разложили огонь въ каминахъ, которые у турокъ устраиваются почти на полу. Отъ неосторожности полъ загорѣлся, люди въ безпорядкѣ бросились бѣжать и оставили массу патронташей и амуницію въ горящихъ залахъ. Патроны начали лопаться отъ жару и произвели ту страшную трескотню, которую

мы слышали ночью. Грохотъ увеличился еще отъ того, что на востокѣ вообще принято возвѣщать о пожарѣ выстрѣлами: жители, увидѣвъ зарево, начали палить на улицахъ; а такъ какъ у всѣхъ почти оказались ружья, заряженныя пулями, то подобные пожарные сигналы были небезопасны для проходящихъ, и многіе изъ любопытныхъ, которые бросились на улицу узнать въ чемъ дѣло, поплатились за свою излишнюю любознательность.

Это могло-бы случиться и съ нами, еслибы мы побѣжали ночью къ конаку, а потому принятое нами рѣшеніе, ждать до утра, оказалось самымъ благоразумнымъ.

Тѣмъ временемъ наши войска, не останавливаясь, двигались впередъ къ Константинополю. Главнокомандующій, несмотря на присутствіе парламентеровъ, торопился продвинуться какъ можно далѣе, пока не имѣлъ еще приказаній отъ государя заключить миръ.

Здѣсь мы впервые столкнулись съ дипломатіею, этимъ новымъ врагомъ, который впослѣдствіи безъ боя отнялъ у насъ почти все взятое у непріятеля съ такими трудами и лишеніями. Пришло извѣстіе о появленіи англійскаго флота въ Мраморномъ морѣ, этого перваго акта ужасной траги-комедіи, которая кончилась берлинскимъ договоромъ.

Появленіе просвѣщенныхъ мореплавателей ни на минуту не остановило движенія нашихъ войскъ къ Константинополю. 16-я пѣхотн. дивизія, подъ начальствомъ ген. Скобелева 2-го, продвинулась до Чорлу; Демотика была занята кавалерійскимъ разъѣздомъ, подъ командою поручика Миллера; а колонна генерала Чернозубова шла на Дюмурджинъ къ Эгейскому морю. Наконецъ, пришло приказаніе остановиться и заключить перемиріе.

19-го января 1878 года перемиріе было подписано. Главнокомандующій вышелъ въ обѣденную залу, куда собралась вся главная квартира и почти всѣ начальники частей, громко объявилъ объ этомъ и поздравилъ съ окончаніемъ войны. Оглушительное ура покрыло слова великаго князя, музыка заиграла гимнъ. Воодушевленіе и восторгъ были всеобщіе, хотя всякому изъ насъ хотѣлось торжественно войти въ Константинополь; но радость, что кончились всѣ лишенія и тревоги, была, кажется, еще сильнѣе. Въ этотъ-же вечеръ устроилась товарищеская

попойка, которая приняла грандіозные размѣры. Не мало было выпито разнаго вина подъ звуки пѣсенъ терскихъ казаковъ государева конвоя, и, какъ пишутъ въ оффиціальныхъ рецензіяхъ, „дружеская бесѣда длилась далеко за полночь". Не грѣхъ было отвести душу послѣ столькихъ мѣсяцевъ строгой жизни, какую мы вели въ главной квартирѣ, свято выполняя приказъ великаго князя, данный намъ въ Кишиневѣ.

Надо сказать, что еще 15-го января мы съ Клайгельсомъ переѣхали въ прекрасный домъ, покинутый турками, бѣжавшими при приближеніи нашихъ войскъ. Это было очень хорошее, чистое, уютное помѣщеніе, гдѣ мы отлично устроились сами и размѣстили лошадей. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали мы фургонъ и, наконецъ, къ нашему удовольствію, услышали, что обозы главной квартиры пришли въ Адріанополь. Мы пошли искать нашъ ковчегъ и наткнулись на слѣдующую картину. На улицѣ стоялъ фургонъ, запряженный заморенными лошадьми, и на облучкѣ, бросивъ возжи, сидѣлъ повязанный бѣлымъ платочкомъ Максимъ, въ ожиданіи, что его кто-нибудь выручитъ и укажетъ, гдѣ его господа. У него была такая смѣшная, жалостная фигура, что мы даже не имѣли силъ его ругать, хотя лошади пришли въ ужасномъ видѣ: не кормленныя, еле живыя и безъ одной подковы. Мы велѣли ему ѣхать за собою, провели до нашего жилища и, въ сущности, благословляли судьбу, что онъ все-таки добрался до Адріанополя.

Миръ долженъ былъ быть вскорѣ заключенъ, въ фургонѣ мы болѣе не нуждались, а потому поручили Максиму распродать весь нашъ перевозочный скарбъ и упряжныхъ лошадей.

Свободнаго времени было очень много. Мы почти каждый день бродили по городу, осматривали мечети; нѣсколько разъ я заходилъ на базаръ, гдѣ купилъ себѣ хорошихъ восточныхъ ковровъ и даже лазилъ на минаретъ мечети „Султанъ Селимъ", откуда открывался дивный видъ на окрестности. Ѣздилъ также за городъ осматривать редуты, которые турки настроили, чтобъ встрѣтить насъ какъ слѣдуетъ. Эти укрѣпленія были прекрасны, и не поторопись главнокомандующій двигаться впередъ изъ Казанлыка форсированными маршами, а займись онъ дипломатическими переговорами съ Намыкъ-пашею—мы-бы встрѣтили здѣсь, пожалуй, вторую Плевну.

Не мнѣ судить что̀ сдѣлала потомъ наша дипломатія, какую она извлекла пользу изо всѣхъ нашихъ побѣдъ; но не могу не констатировать факта, что мы шли впередъ вплоть до полученія приказанія изъ Петербурга остановиться.

Однако, мы скоро осмотрѣли всѣ достопримѣчательности Адріанополя и стали скучать отъ бездѣйствія. Боевая жизнь, полная интереса, держала постоянно въ напряженіи наши нервы; зато теперь наступила реакція, и намъ не на шутку захотѣлось домой.

Желая какъ-нибудь убить время, я принялъ предложеніе завѣдующаго награднымъ отдѣленіемъ полеваго штаба дѣйствующей арміи позаняться тамъ въ качествѣ волонтера и, дѣйствительно, повозился съ наградными списками.

Въ главной квартирѣ было не мало спортсменовъ; въ томъ числѣ — одинъ жандармскій полковникъ, баронъ Г., довольно удачно охотившійся и часто поставлявшій для личнаго стола великаго князя дичь, которая составляла, конечно, большое лакомство. Иногда въ такихъ случаяхъ жаркое для его высочества готовилось въ его юртѣ подъ наблюденіемъ покойнаго Д. И. Скобелева, который очень любилъ заниматься кулинарнымъ искусствомъ и, надо отдать ему справедливость, былъ замѣчательный знатокъ гастрономіи.

Черезъ барона Г. мы узнали, что въ окрестностяхъ Адріанополя, въ горахъ, прекрасная охота на оленей и кабановъ. Нашелся какой-то грекъ, который вызвался устроить облаву и отвѣчалъ за успѣхъ. Тогда мы обратились къ великому князю Николаю Николаевичу Младшему, просили его принять нашу затѣю подъ свое покровительство и исходатайствовать разрѣшеніе великаго князя отправиться на охоту. Согласіе главнокомандующаго воспослѣдовало, и мы дѣятельно принялись за приготовленія. Впередъ были высланы, подъ предводительствомъ барона Г. и грека-охотника, наши денщики съ лошадьми и человѣкъ 20 казаковъ, которые должны были пройти 50 верстъ до охотничьяго дома какого-то паши, ожидать тамъ нашего пріѣзда и приготовить народъ для загона. Для великаго князя Николая Николаевича Младшаго со свитою, состоявшею изъ 8-ми офицеровъ, были приготовлены двѣ большія коляски четверками, и выслана была на половину дороги подстава лошадей.

Въ самую минуту отъѣзда всѣ наши предположенія чуть не рухнули.

Съ 19-го января, т. е. со дня заключенія перемирія, наши дипломаты вели нескончаемые переговоры съ уполномоченными пашами. Хитрые азіаты надѣялись на вмѣшательство Европы и замѣчательно ловко тянули дѣло, а тѣмъ временемъ укрѣпляли Константинополь. Видя, что это можетъ окончиться плохо, и не желая давать туркамъ возможности настроить редуты, которые пришлось-бы потомъ брать силою, великій князь пошелъ на рѣшительный шагъ. Онъ изъявилъ султану желаніе перевести главную квартиру дѣйствующей арміи къ Константинополю, чтобы быть ближе къ Блистательной Портѣ и тѣмъ облегчить и ускорить переговоры. Не знаю, какъ было принято это предложеніе султаномъ, но фактъ тотъ, что великій князь получилъ приглашеніе пріѣхать въ Санъ-Стефано со всею главною квартирою.

„Вы можете, ребята, ѣхать“, объявилъ намъ великій князь, но знайте, что послѣ завтра, рано утромъ, мы выступаемъ изъ Адріанополя, смотрите, не опоздайте вернуться“.

Эти слова заставили насъ призадуматься; но все равно наши денщики уже отправились впередъ, жаль было пропустить случай хорошо поохотиться, и мы рѣшили все-таки ѣхать.

9-го февраля, поутру, была чудная погода; солнце ярко, свѣтило, еще лучше настраивая наше и безъ того прекрасное расположеніе духа; въ двухъ коляскахъ выѣхали мы изъ Адріанополя; хорошая дорога вела садами и обработанными полями, все было въ цвѣту. Весело болтая, незамѣтно добрались мы до подставы; перемѣнивъ лошадей, мы двинулись далѣе по такой-же открытой и ровной мѣстности.

Да гдѣ-же горы и лѣса? спрашивали мы другъ друга; вѣдь, тутъ не кабанамъ водиться, а куропаткамъ.

Наконецъ, завидѣли мы контуры холмовъ и въ сумерки только подъѣхали къ горамъ. Довольно узкая проселочная дорога извилинами подымалась по лѣсной чащѣ. Солнце уже давно сѣло, и наступила совершенная темнота. Вскорѣ появились мѣстные жители, арнауты, вооруженные съ ногъ до головы, которые желали привѣтствовать великаго князя и расположились потому шпалерами по обѣ стороны дороги. Красивыя, смуглыя

лица, эффектные національные костюмы, кой-гдѣ разложенные въ лѣсу костры придавали весьма много оригинальности нашей поѣздкѣ. Наконецъ, еще черезъ часъ мы пріѣхали на поляну, гдѣ находился охотничій домъ, и нашли уже тамъ барона Г., казаковъ, нашихъ денщиковъ и человѣкъ 700 вооруженныхъ жителей. Мы очутились въ 50 верстахъ слишкомъ отъ Адріанополя, въ мѣстности, гдѣ никогда русскихъ войскъ не бывало; населеніе въ этихъ горахъ мусульманское, состоящее изъ арнаутовъ и помаковъ, т. е. отуречившихся, принявшихъ мусульманство, болгаръ.

Увидя всю эту толпу, вооруженную съ ногъ до головы, мы стали побаиваться за отвѣтственность, которую несли передъ главнокомандующимъ, увлекши его сына на охоту. Въ виду того, что весь отрядъ нашъ состоялъ только изъ 10 офицеровъ, 25 казаковъ и денщиковъ, мы велѣли греку объявить народу, что никто изъ нихъ не можетъ участвовать на облавѣ вооруженный, и предложить имъ поутру сложить всю амуницію въ кучу. Сами-же мы помѣстились на ночлегъ въ охотничьемъ домѣ, поставили часовыхъ съ заряженными ружьями и прилегли отдохнуть совершенно одѣтыми и готовыми вскочить по тревогѣ. Однако, ночь прошла благополучно; чудное утро, перспектива хорошей охоты, чашка горячаго кофе заставили насъ мигомъ позабыть всѣ тревоги и опасенія.

Разговоры велись какъ дома, въ Россіи: какъ заводить людей, откуда нагонять и т. п. неизбѣжныя соображенія, безъ которыхъ не обходится ни одна облава. Мы кинули жребій, и мнѣ приходилось стоять слѣва отъ великаго князя.

Къ сожалѣнію, изъ 700 человѣкъ загонщиковъ осталось только человѣкъ 400, такъ какъ не всѣ согласились положить оружіе, обидѣлись и отказались участвовать въ облавѣ. Что дѣлать, надо было удовольствоваться тѣми, которые остались налицо.

Всѣ пошли пѣшкомъ по лѣсной тропинкѣ. Громадные дубы смѣнялись букомъ, а затѣмъ на вершинѣ горы попадались сплошныя хвойныя насажденія; это были, кажется, лиственницы или кедры.

Насъ вскорѣ остановили, разставили на номера и стали

заводить народъ. Густыя заросли, находившіяся передо мною, лишали меня возможности видѣть далѣе 20-ти шаговъ, но мѣсто было хорошее, и я надѣялся стрѣлять по звѣрю.

Наконецъ, раздались крики, загонъ тронулся; я взвелъ курки и, притаивъ дыханіе, сталъ ждать, пристально вглядываясь въ чащу и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Вдругъ, сзади меня вдали раздался выстрѣлъ, и я услышалъ знакомый свистъ пули; затѣмъ, немного погодя—еще и еще... Я хотѣлъ броситься къ великому князю, который стоялъ отъ меня въ 70-ти шагахъ, но въ это время хрустнули сухія вѣтви, и что-то большое черное полѣзло на меня изъ чащи. Охотничья страсть взяла верхъ, я замеръ и не сразу могъ разглядѣть какой идетъ на меня звѣрь: что-то въ родѣ слона или бизона, и вдругъ появляется передо мною во всей своей красотѣ огромный черный буйволъ! Мнѣ стало и обидно и смѣшно...

Дѣло въ томъ, что турки такъ поспѣшно бѣжали при приближеніи нашихъ войскъ, что распустили по лѣсамъ массу скота, который бродилъ безъ хозяевъ и почти одичалъ. Одинъ изъ подобныхъ полу-дикихъ экземпляровъ вышелъ теперь на меня. Съ буйволами я былъ уже хорошо знакомъ, такъ какъ и въ Горномъ Студнѣ моя палатка была разбита по сосѣдству съ хлѣвомъ, и я сразу узналъ это полезное животное, которое такъ любятъ и цѣнятъ болгары.

Такъ въ тотъ загонъ я болѣе ничего и не видалъ. Когда мы сошлись къ великому князю, то причина выстрѣловъ, которые я слышалъ у себя въ тылу, объяснилась: тѣ жители, которые не согласились положить оружіе и ушли домой, желали, вѣроятно, испортить намъ охоту и стрѣляли по тѣмъ мѣстамъ, куда мы должны были итти для послѣдующихъ загоновъ.

Этотъ маневръ имъ, къ сожалѣнію, удался. Мы сдѣлали 4 или 5 загоновъ и только одному изъ насъ, ротм. Цурикову, удалось стрѣлять по стаду кабановъ, остальные не сдѣлали ни одного выстрѣла; за то мы вдоволь налюбовались дивною мѣстностью, и вообще прекрасно провели время.

Однако, надо было торопиться возвращеніемъ въ главную квартиру; мы вскорѣ послѣ полудня кончили охоту и поспѣшили въ Адріанополь, куда и прибыли часовъ въ 9 или 10 вечера.

XIII.

Санъ-Стефано. — Константинополь. — Заключеніе мира. — Возвращеніе въ Петербургъ.

По возвращеніи въ Адріанополь, мы узнали, что на другой день, въ 7 ч. утра, должны уже быть на желѣзной дорогѣ, что лошади наши съ денщиками ѣдутъ съ нами, а обозъ съ вещами будетъ отправленъ впослѣдствіи.

Вмѣсто отдыха, пришлось укладывать вьюки и отдавать приказанія Максиму относительно его дальнѣйшаго передвиженія. Въ 7 часовъ утра, 11-го февраля, я уже былъ на станціи и самъ нагрузилъ своихъ 3-хъ лошадей; впопыхахъ я не успѣлъ выйти изъ товарнаго вагона, поѣздъ тронулся, и первый перегонъ я такъ и проѣхалъ.

Куда мы собственно направлялись, т. е. въ Санъ-Стефано или въ Константинополь, никто изъ насъ не зналъ: это хранилось въ тайнѣ.

„Не знаете-ли, куда мы ѣдемъ?“ обратился я къ одному изъ генераловъ, состоявшихъ при великомъ князѣ.

„Знаю, душа моя, только одно, что ѣдемъ впередъ, но куда и какъ насъ будутъ принимать—цвѣтами или пулями,—совершенно неизвѣстно“, отвѣчалъ шутливо генералъ.

Къ вечеру пріѣхали мы въ Чаталджу, гдѣ были встрѣчены почетнымъ карауломъ отъ 16-й пѣхотной дивизіи и М. Д. Скобелевымъ, отъ котораго великій князь принялъ рапортъ. Это былъ нашъ передовой постъ,—въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда уже находилась непріятельская цѣпь.

Вслѣдствіе недоразумѣнія или, быть можетъ, умышленно, турки отказались пропустить нашъ поѣздъ далѣе, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не имѣютъ распоряженія отъ сераскиріата.

Тогда случился весьма интересный фактъ. Главнокомандующій позвалъ къ себѣ Намыкъ-пашу и объявилъ ему ультиматумъ: если поѣздъ не будетъ пропущенъ добровольно, то онъ, великій князь, придетъ въ Константинополь съ боемъ. Паша немедленно телеграфировалъ объ этомъ султану.

Часа 2 или 3 прождали мы въ Чаталджѣ и, наконецъ, получили отвѣтъ, что можемъ безпрепятственно продолжать движеніе. Главнокомандующій съ ограниченнымъ числомъ свиты двинулся впередъ и явился, такимъ образомъ, авангардомъ всей арміи.

12-го февраля, утромъ, прибыли мы въ Санъ-Стефано. Погода была чудная, было даже жарко, пахло моремъ. Мы вышли изъ вагона и сѣли верхомъ; нѣсколько генераловъ, человѣкъ 10 офицеровъ и я, какъ дежурный, послѣдовали за великимъ княземъ. Мегметъ-Али-паша и Реуфъ-паша привѣтствовали его высочество, который милостиво протянулъ имъ руку и затѣмъ въѣхалъ въ Санъ-Стефано. Оба турецкіе главнокомандующіе пошли пѣшкомъ у стремени великаго князя, составляя тріумфальное шествіе на подобіе тѣхъ, какими римскій сенатъ награждалъ своихъ полководцевъ за одержанныя побѣды.

Мы прибыли, такимъ образомъ, на площадь, гдѣ его высочество остановился въ отведенномъ для него домѣ, принадлежавшемъ нѣкоему армянину Дадіану.

Главнокомандующій вскорѣ отпустилъ пашей и отправился верхомъ полюбоваться видомъ на Константинополь. Яркое южное солнце красиво освѣщало мраморную лазурь моря. Масса зеленыхъ водорослей, которыя просвѣчиваютъ сквозь воду, дѣйствительно, оправдываютъ названіе этого моря: „Мраморнымъ“. Вдали растилался Константинополь со множествомъ минаретовъ. Св. Софія была видна очень хорошо, и его высочество, который уже бывалъ въ Константинополѣ, указалъ мнѣ на этотъ древній византійскій памятникъ; при этомъ онъ снялъ шапку и перекрестился, всѣ послѣдовали его примѣру. Наконецъ, довелось русской рати снова дойти до стѣнъ Царьграда. Такимъ образомъ, завоеваніе было довершено мирнымъ путемъ, и только благодаря личной иниціативѣ и энергіи великаго князя.

Возвращаясь въ Санъ-Стефано, мы наткнулись на турецкій кавалерійскій разъѣздъ, который еще не успѣлъ отступить до нашего пріѣзда; онъ отдалъ честь великому князю.

Каждый день, подъ видомъ почетнаго конвоя главнокомандующаго, стали подбывать наши войска, и вскорѣ вблизи Константинополя сосредоточились довольно внушительныя силы,

которыя и заставили турокъ согласиться на всѣ условія Санъ-Стефанскаго мира.

Оставайся наша армія въ Адріанополѣ—еще надолго затянулись-бы наши переговоры съ Портою.

Мы помѣстились съ Клайгельсомъ въ маленькомъ домикѣ, а лошадей намъ удалось пристроить въ кочюшнѣ какого-то англичанина на берегу моря, откуда открывался дивный видъ. Между конюшнею и взморьемъ былъ роскошный садъ, такъ что наши кони послѣ Богота попали какъ въ земной рай.

Въ день прибытія въ Санъ-Стефано, насъ предупредили, что султанъ просилъ главнокомандующаго отпускать офицеровъ въ Константинополь не иначе, какъ въ статскомъ платьѣ, такъ какъ масса всякаго бѣглаго народа собралась въ городѣ, и полиція не въ силахъ предупредить могущіе возникнуть безпорядки фанатизированной черни, при видѣ русскихъ офицеровъ въ формѣ.

Я узналъ, что Д. И. Скобелевъ I-й съ нѣсколькими офицерами собирался въ Константинополь. Желая попасть вмѣстѣ съ ними, я пошелъ искать портнаго и нашелъ какого-то жида, у котораго купилъ готовое платье. Очень элегантно были мы одѣты. Напримѣръ: Дмитрій Ивановичъ былъ въ генеральскихъ чакчирахъ въ сапоги, полушубкѣ и мягкой пуховой шляпѣ—это называлось статскимъ платьемъ. Не лучше одѣлись и остальные офицеры, которыхъ нельзя было не узнать за версту по загорѣлымъ небритымъ лицамъ: мистификація была немыслима. Мы отправились по желѣзной дорогѣ и менѣе, чѣмъ черезъ часъ, были въ Константинополѣ. Съ вокзала мы пошли пѣшкомъ по мосту черезъ Золотой рогъ; множество каиковъ, беззвучно помахивая веслами, какъ чайки крыльями, сновали по этому рукаву Босфора. На улицахъ толпилась масса народу; всѣ смотрѣли на насъ съ большимъ любопытствомъ, но никакой непріязни не изъявляли. Съ какимъ наслажденіемъ мы зашли во французскій ресторанъ и по-европейски позавтракали — давно мы такъ не ѣли! Нашъ аппетитъ привелъ въ восторгъ француза повара. Затѣмъ мы пошли смотрѣть достопримѣчательности города и очутились передъ дворцомъ „Долма Бахче“.

„Господа, пойдемте смотрѣть дворецъ“, сказалъ кто-то изъ насъ.

Всѣ охотно на это согласились и подошли къ воротамъ. У насъ спросили имена и предложили пообождать, такъ какъ должны были, какъ оказалось, доложить объ этомъ самому султану. Узнавъ, вѣроятно, что между нами генералъ Скобелевъ, повелитель правовѣрныхъ прислалъ немедленно своего адъютанта съ приказомъ дать намъ возможность все осмотрѣть. Насъ повели по дворцовымъ заламъ, убраннымъ весьма роскошно, по-европейски, за исключеніемъ нѣсколькихъ, въ которыхъ по восточному обычаю были только диваны. Затѣмъ насъ пригласили въ аудіенцъ-залу, гдѣ обыкновенно принимаютъ пословъ, и просили сѣсть. Странно было видѣть въ подобной роскошной обстановкѣ наши ужасные маскарадные костюмы; я думаю, никогда ни ранѣе, ни послѣ насъ, эта зала не видала подобныхъ джентльменовъ. Вскорѣ появилось цѣлое шествіе придворной прислуги, въ роскошно расшитыхъ ливреяхъ, съ кофе и трубками. Каждому изъ насъ подали маленькую золотую чашку, осыпанную драгоцѣнными камнями; затѣмъ одинъ изъ негровъ подалъ трубку съ громаднымъ янтарнымъ мундштукомъ, украшеннымъ брилліантами, а другой, преклонивъ колѣно, зажегъ ее бумажнымъ фителемъ: все это было весьма чинно, съ достоинствомъ исполнено, и напоминало сцену изъ арабскихъ сказокъ. Затѣмъ мы поблагодарили флигель-адъютанта за оказанную намъ честь и, вернувшись въ Санъ-Стефано, доложили объ этомъ великому князю.

17-го февраля было назначено отрядное ученіе всѣмъ войскамъ, сосредоточившимся близъ Константинополя. Это ученіе съ пальбою произвело страшный переполохъ между жителями, которые полагали, что мы намѣреваемся нарушить перемиріе. Носились слухи, что паши слишкомъ затягиваютъ переговоры и что этотъ маневръ былъ сдѣланъ съ цѣлью принудить ихъ быть податливѣе. Наконецъ, мы узнали, что миръ будетъ объявленъ 19-го февраля, на парадѣ.

Къ 2-мъ часамъ дня всѣ войска были собраны на равнинѣ близъ Санъ-Стефано. Но хитрые и медленные во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ турки продолжали тянуть дѣло и не подписывали мира, увертываясь и придираясь къ мелочамъ. Такъ войска простояли подъ ружьемъ до 5-ти часовъ вечера. Всѣ были

увѣрены, что если договоръ подписанъ не будетъ, то мы пойдемъ на Константинополь штурмомъ. Въ 6-мъ часу великій князь сѣлъ на коня и шагомъ направился къ войскамъ. На пути догналъ насъ, въ колескѣ, ген.-адъютантъ Н. П. Игнатьевъ и доложилъ его императорскому высочеству, что миръ подписанъ. Великій князь снялъ фуражку и перекрестился, что сдѣлали и всѣ присутствующіе. Затѣмъ главнокомандующій галопомъ поскакалъ къ войскамъ, которыя встрѣтили его, какъ всегда, громкимъ, неумолкаемымъ ура. Великій князь объѣхалъ ряды, остановился на серединѣ плаца, далъ знакъ рукою прекратить клики и скомандовалъ:

„Гг. офицеры,—ко мнѣ!“

Мигомъ густая толпа окружила главнокомандующаго, который произнесъ при этомъ слѣдующія знаменательныя слова:

„Господь помогъ намъ окончить святое дѣло, и окончить его славно. Не себѣ я это приписываю, а вамъ. Что вы храбры, это еще не ставлю вамъ въ заслугу, такъ какъ русскому человѣку присуще быть храбрымъ. Но вы преодолѣли труднѣйшія препятствія, прославили тѣмъ себя на весь міръ и доказали на дѣлѣ, что лучше каждый изъ васъ ляжетъ, но выполнитъ возложенное на него приказаніе. Я это зналъ и потому ихъ и отдавалъ. Я въ васъ не ошибся! Я шапку передъ вами снимаю“.

При этомъ великій князь снялъ фуражку и наклонилъ голову до шеи лошади.

Въ отвѣтъ на эти милостивыя слова, какъ одинъ крикъ, вырвалось у всей собранной арміи ура, которое долго гремѣло и разносилось по окрестности. Окружавшіе главнокомандующаго офицеры пробовали даже поднять его на руки съ конемъ. Солдаты надѣли шапки на штыки и потрясали ими, другіе бросали ихъ на воздухъ — восторгъ былъ такой, что у многихъ навертывались слезы. Его высочество объѣхалъ снова всѣ части, при неумолкаемыхъ восторженныхъ кликахъ. Затѣмъ онъ остановился на серединѣ, гдѣ былъ приготовленъ аналой и ожидало духовенство въ полномъ облаченіи. Великій князь нѣсколько разъ подавалъ знакъ прекратить ура, но съ большимъ трудомъ удалось офицерамъ остановить солдатъ и водворить, наконецъ, тишину.

„Помолимся-же Господу Богу, даровавшему намъ побѣду надъ врагомъ“, сказалъ великій князь.

„На молитву, шапки долой!“ скомандовалъ его императорское высочество, и начался молебенъ.

Когда протодіаконъ провозгласилъ: „паки и паки преклонше колѣна, Господу помолимся“, и вся армія стала на колѣни, то не только турки, зрители, но даже англичане опустились и преклонили головы.

Послѣ провозглашенія многолѣтія „побѣдоносному всероссійскому воинству“, артиллерія салютовала и, по знаку великаго князя, всѣ шапки полетѣли вверхъ; снова грянуло ура, и на этотъ разъ съ такою силою, что, я думаю, было слышно въ самомъ Константинополѣ.

Затѣмъ войска построились къ церемоніальному маршу; не совсѣмъ стройно, но за то весело, дивнымъ, широкимъ, развязнымъ шагомъ проходили части. Это уже не былъ мирный смотръ: прострѣленныя шинели, прожженныя на Балканахъ у костровъ, черныя небритыя лица: все носило слѣды недавнихъ лишеній и трудовъ. Но, несмотря на разорванную одежду и почти полное отсутствіе сапогъ, что это было за войско!... Съ этими героями можно было смѣло итти впередъ; черезъ 2 часа Царьградъ былъ-бы нашъ, и передъ совершившимся фактомъ преклонилась-бы удивленная Европа!

Вскорѣ намъ разрѣшили ѣздить въ Константинополь въ военной формѣ, и мы рѣдкій день пропускали, чтобы не побывать въ городѣ, хотя на малое время. Вопреки опасеніямъ Блистательной Порты, турки относились къ намъ весьма благодушно. Мы ходили всюду безъ револьверовъ; посѣщали въ одиночку самые глухіе закоулки Стамбула, и не было примѣра какого-либо оскорбленія или непріязненной выходки со стороны населенія.

Рестораны и кафе-шантанъ, съ отдѣльною комнатою для рулетки, открыли гостепріимныя двери нашему офицерству, которое искало случая истратить все полученное за кампанію жалованье, оставшееся цѣлымъ, такъ какъ положительно некуда было его издержать во время похода.

„Ich bin der kleine Postillon“ насъ положительно преслѣдовало. Здѣсь, какъ и въ Плоэшти, его играли ежедневно во всѣхъ садахъ и кабакахъ и т. п. заведеніяхъ. Офицерство веселилось, но безобразій не было; трудно было только удержаться отъ столкновеній съ англичанами-офицерами въ статскомъ платьѣ, которые держали себя вызывающе и крайне нахально.

Однако, всѣ эти развлеченія вскорѣ порядочно намъ надоѣли. Когда-же домой? думалось каждому изъ насъ. Разнесся слухъ, что вскорѣ прибудетъ ген. Тотлебенъ, приметъ отъ великаго князя командованіе, и мы вернемся въ Петербургъ.

14-го марта состоялось свиданіе главнокомандующаго съ султаномъ. Уже давно объ этомъ поговаривали, но, вѣроятно, особыя дипломатическія соображенія заставляли оттягивать это посѣщеніе.

Намъ было приказано одѣть, въ первый разъ за всю войну, полную парадную форму, буде таковая еще имѣлась налицо. Каждый изъ насъ пріодѣлся, пообчистился и, такимъ образомъ, свита его высочества приняла должный блистательный видъ.

При отличной погодѣ, на „Ливадіи“ и „Константинѣ“ тронулись мы изъ Санъ-Стефано, прошли мимо турецкихъ броненосцевъ, стоявшихъ у входа въ Босфоръ, и бросили якорь противъ „Долма-Бахче“. Великій князь высадился съ его и. в. великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ и нѣсколькими генералами въ „Долма-Бахче“ и былъ принятъ въ этомъ дворцѣ султаномъ съ особою торжественностью. Тѣмъ временемъ вся остальная свита, которая была очень велика, такъ какъ въ ней находились всѣ начальники частей, переѣхала напротивъ, на азіатскій берегъ, въ бѣлый мраморный дворецъ „Бейлербей“, предоставленный въ распоряженіе его императорскаго высочества для принятія султана въ отвѣтной аудіенціи. Туда прибылъ съ нами почетный караулъ отъ гвард. флотскаго экипажа со знаменемъ и хоромъ музыки, и сталъ правымъ флангомъ къ Босфору у входа во дворецъ. Противъ него расположился турецкій почетный караулъ изъ дворцовой роты и пажей султана.

Вскорѣ на военномъ катерѣ причалилъ къ пристани великій князь.

„Смирно, на плечо! слушай, на кра-улъ!“ раздалась русская команда.

„Асъ-дуръ, селямъ-дуръ!“ скомандовали турки и отдали одновременно честь.

Главнокомандующій поздоровался съ моряками, обошелъ ряды обоихъ карауловъ, затѣмъ прослѣдовалъ во дворецъ, гдѣ выбралъ залу для пріема, и вскорѣ вернулся на пристань, чтобы встрѣтить султана съ подобающими почестями.

Спустя минутъ пять, плавно причалилъ къ „Бейлербею“ катеръ краснаго дерева съ золоченою рубкою. По личной командѣ великаго князя, оба караула и русскій и турецкій отдали честь; наша музыка заиграла походъ.

Султанъ, маленькаго роста, худощавый человѣкъ, въ черномъ однобортномъ суконномъ суртукѣ, съ брилліантовыми звѣздами на груди, въ красной фескѣ, высадился на берегъ и рядомъ съ нашимъ великимъ княземъ направился къ парадному дворцовому крыльцу.

Величественная осанка главнокомандующаго какъ будто конфузила повелителя правовѣрныхъ, который смотрѣлъ на все какимъ-то потухшимъ взоромъ.

Проходя мимо свиты, его высочество представилъ всѣхъ насъ султану, причемъ Абдулъ-Гамидъ прикладывалъ по восточному обычаю руку къ груди и ко лбу. Мы были удивлены своеобразнымъ турецкимъ придворнымъ этикетомъ. Когда султанъ подымался съ великимъ княземъ по лѣстницѣ, то впереди нихъ шелъ задомъ церемоніймейстеръ, ни разу не смѣя повернуться спиною къ своему повелителю; вѣроятно, долго надо практиковаться въ подобной эквилибристикѣ, чтобы не споткнуться и не упасть. Аудіенція продлилась минутъ двадцать. Султанъ, какъ оказалось, никакъ не ожидалъ такого радушнаго, блестящаго пріема и былъ совершенно очарованъ любезностью великаго князя.

На обратномъ слѣдованіи къ пристани, его величество былъ замѣтно веселѣе. Когда онъ вернулся на свой катеръ, то, вѣроятно, ему жаль стало разставаться такъ скоро съ великимъ княземъ. Онъ вышелъ изъ своей рубки и, вопреки намѣченному церемоніалу, просилъ главнокомандующаго сѣсть съ нимъ на катеръ.

„Съ большою охотою“, отвѣчалъ великій князь: „Николаша“, обратился онъ къ сыну, „садись со мною; Дерфельденъ, и ты тоже“, добавилъ его высочество дежурному адъютанту.

Итакъ, побѣдитель и побѣжденный поплыли вмѣстѣ по Босфору въ знакъ полнаго примиренія.

Вслѣдъ затѣмъ „Константинъ“ взялъ начальниковъ частей и почетный караулъ и ушелъ обратно въ Санъ-Стефано. „Ливадія“ осталась на якорѣ въ Золотомъ Рогѣ, и на ней ночевалъ великій князь съ частью свиты, а остальнымъ было разрѣшено провести ночь въ Константинополѣ. На слѣдующій день главнокомандующій осматривалъ конюшни султана, причемъ получилъ въ подарокъ семь чудныхъ арабскихъ жеребцовъ.

Великій князь, большой знатокъ и любитель лошадей, долго и внимательно смотрѣлъ на выводку. Оттуда, въ парадной коляскѣ султана, его высочество прослѣдовалъ на завтракъ къ германскому посланнику, князю Рейссу, а послѣ ѣздилъ на могилу султана Абдулъ-Азиса, съ которымъ былъ лично знакомъ со времени путешествія въ Іерусалимъ, еще задолго до войны.

На турокъ произвело отрадное впечатлѣніе, что великій князь, несмотря на то, что явился въ Константинополь побѣдителемъ, такъ сердечно отнесся къ праху покойнаго султана. Онъ снискалъ къ себѣ этимъ общее уваженіе мусульманъ.

Я забылъ сказать, что со времени взятія Адріанополя все турецкое населеніе поднялось и, съ семействами и имуществомъ, бѣжало въ Константинополь. Ихъ размѣстили по всѣмъ мечетямъ и ежедневно переправляли большими партіями на азіатскій берегъ; но все-таки трудно было лѣнивымъ, неповоротливымъ турецкимъ чиновникамъ справиться съ такою массою голоднаго народа.

Блистательная Порта обратилась къ великому князю съ просьбою дозволить этимъ бѣглецамъ возвратиться обратно на свои мѣста. Его высочество изъявилъ на то согласіе, и была составлена особая комиссія, въ которую вошли съ нашей стороны: драгоманъ Н. Д. Макѣевъ, одинъ чиновникъ отъ гражданскаго управленія Болгаріи Оленинъ и я, какъ докладчикъ главнокомандующаго и военный агентъ, а со стороны турокъ: Саликъ-паша, Насухи-бей, Оханесъ-ефенди и Насибъ-ефенди.

Съ этою комиссіею я провозился съ 1-го по 15-ое апрѣля. Не буду описывать всѣхъ скучныхъ подробностей нашихъ ежедневныхъ засѣданій; я имѣлъ возможность познакомиться при этомъ съ турецкими пріемами администраціи: они такъ томительно вялы и медленны, что просто выводили иногда изъ терпѣнія: Мы собирались то въ Санъ-Стефано, то въ Константинополѣ; намъ удалось, наконецъ, наладить это дѣло довольно хорошо, и ежедневно стали отправлять на родину цѣлые поѣзда и транспорты этихъ несчастныхъ бѣглецовъ.

Однажды Макѣевъ передалъ намъ приглашеніе къ обѣду отъ имени Саликъ-паши, который жилъ въ Скутари, въ собственной роскошной виллѣ. Мы съ большимъ удовольствіемъ согласились на любезное предложеніе и были рады случаю попробовать настоящей турецкой кухни.

Обѣдъ былъ назначенъ въ 4 часа, и мы съ Олениным аккуратно пріѣхали за Макѣевымъ въ помѣщеніе русскаго консульства въ Константинополѣ.

„Что вы такъ рано?“, встрѣтилъ насъ Н. Д.: „да это невозможно! По восточному обычаю пріѣзжать обѣдать въ назначенный часъ — верхъ безтактности; мы должны опоздать, по крайней мѣрѣ, на часъ или полтора: чѣмъ важнѣе гости, тѣмъ они должны долѣе заставить себя ждать“.

Почтенный драгоманъ былъ большой знатокъ Востока, мы ему безусловно подчинились и просидѣли въ зданіи консульства, чтобы набраться должной важности. Каикъ перевезъ насъ на азіатскій берегъ. Красиво рисовалась башня Леандра; граціозно рѣзвились на водѣ дельфины, выскакивая иногда совершенно на воздухъ; была дивная погода.

Всякій разъ, какъ приходилось переѣзжать Босфоръ, невольно брало раздумье: неужели это благодатное мѣсто никогда не будетъ въ нашихъ рукахъ?!

Мы высадились на берегъ и были встрѣчены людьми паши, которые опрометью бросились бѣжать въ гору, чтобы предупредить о нашемъ прибытіи. Черезъ 5 минутъ мы уже были у гостепріимнаго хозяина. Столъ былъ сервированъ по-европейски, но зато составъ обѣда былъ совершенно турецкій: блюдъ была

масса, рисъ фигурировалъ во всѣхъ видахъ; какъ особое лакомство подавали молодаго, почти новорожденнаго, жаренаго барашка, который былъ удивительно нѣженъ и вкусенъ.

Весьма радушно, чисто по восточному, насъ угощали, но обѣдъ тянулся невозможно долго—мы просидѣли за столомъ часа два; бесѣда велась на французскомъ языкѣ; Оханесъ-ефенди изъяснялся на немъ довольно хорошо, а П. Д. служилъ намъ переводчикомъ для разговоровъ съ Саликъ-пашею, который былъ истый турокъ стараго закала и ни слова ни на одномъ языкѣ, кромѣ роднаго, не говорилъ.

15-го апрѣля, въ страстную субботу, прибылъ въ главную квартиру ген.-адъют. Тотлебенъ. Въ этотъ день, вечеромъ, великій князь получилъ телеграмму отъ государя, съ извѣстіемъ о возведеніи его въ званіе фельдмаршала.

Въ маленькой греческой церкви встрѣтили мы Свѣтлый праздникъ. Заутреню совершалъ греческій архіерей въ сослуженіи съ духовникомъ великаго князя, пѣлъ хоръ походныхъ пѣвчихъ. Во время крестнаго хода мы, адъютанты и ординарцы, несли образа; бѣлая хоругвь главнокомандующаго съ надписью: „Съ нами Богъ“ входила въ составъ шествія.

Торжественно раздалось пѣніе „Христосъ Воскресе“ почти подъ стѣнами Царьграда, въ виду св. Софіи. Послѣ обѣдни великій князь христосовался со всѣмъ штабомъ, и затѣмъ мы весело разгавлялись. Носились слухи, что мы завтра или послѣзавтра уѣзжаемъ въ Петербургъ. Я прошу извиненія, что часто употребляю выраженіе: „носились слухи“; оно понятно только тому, кто бывалъ самъ въ свитѣ: никогда ничего положительнаго неизвѣстно, всегда все остается въ формѣ предположенія, а затѣмъ рѣшеніе выходитъ вдругъ, внезапно, и вотъ причина, почему приходится все время быть начеку.

Дѣйствительно, на слѣдующій день намъ было объявлено, что 17-го апрѣля мы отправимся на „Эрекликѣ“ въ Одессу, а главнокомандующій выйдетъ вслѣдъ за нами нѣсколькими часами позже на „Ливадіи“ съ начальникомъ штаба и адъютантами. Я побѣжалъ прощаться съ товарищами по комиссіи и въ хлопотахъ не попалъ на смотръ всей арміи, который происходилъ 17-го апрѣля близъ Санъ-Стефано. На этомъ парадѣ

войска прощались со своимъ главнокомандующимъ; картина какъ говорили очевидцы, была въ высшей степени трогательна, войска горячо любили великаго князя, и воодушевленіе было таково, что произвело на всѣхъ присутствующихъ неизгладимое впечатлѣніе. На суровыхъ, загорѣлыхъ лицахъ балканскихъ и плевненскихъ геройевъ блистали слезы.

Въ тотъ день я чуть не утонулъ въ Мраморномъ морѣ. Возвращаясь отъ Саликъ-паши домой, я увидѣлъ на набережной товарища ротмистра Бенкендорфа.

„Куда ты ѣдешь“, обратился я къ нему, когда тотъ садился въ каикъ, дожидавшій его у пристани.

„Да вотъ, хочу посмотрѣть отведенныя для насъ каюты на „Эрекликѣ“, поѣдемъ вмѣстѣ“, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я поспѣшилъ воспользоваться его предложеніемъ и спрыгнулъ въ каикъ.

„Ну, это напрасно ты такъ прыгаешь“, замѣтилъ Бенкендорфъ, любитель морскаго и рѣчнаго спорта: „продавишь, пожалуй, дно“.

Затѣмъ мы отвалили; четыре сильныхъ турка налегли на весла, и мы стали скользить по морю, направляясь къ пароходу, который стоялъ на якорѣ почти въ верстѣ отъ берега.

Вдругъ наши гребцы начали съ безпокойствомъ болтать по своему, стараясь намъ что-то объяснить. Оказалось, что, я, дѣйствительно, продавилъ шпорою дно каика, и онъ сталъ наполняться водою.

Мы велѣли немедленно повернуть къ берегу и еле успѣли добраться; каикъ затонулъ уже на мелкомъ мѣстѣ.

17-го вечеромъ мы покинули Санъ-Стефано. Максимъ отправился со мною, а Тычинскій съ лошадьми долженъ былъ слѣдовать вмѣстѣ съ лошадьми великаго князя.

Мы бросили якорь въ Константинополѣ, взяли какія-то бумаги изъ нашего консульства и затѣмъ поплыли по Босфору.

Этотъ проливъ, окаймленный съ обѣихъ сторонъ горами, покрытыми роскошною растительностью, въ которой бѣлѣютъ загородные дворцы и виллы всего знатнаго населенія Констан-

тинополя, дѣйствительно, оправдываетъ свою репутацію красоты. Я много путешествовалъ по Европѣ, бывалъ на Рейнѣ, но живописнѣе ничего не видалъ.

Вскорѣ прошли мы рядъ турецкихъ укрѣпленій, защищающихъ входъ въ Босфоръ, и вышли въ открытое море. Была чудная, тихая погода. „Эрекликъ", плавно покачиваясь, понесъ насъ къ берегамъ Россіи. Насъ ѣхало человѣкъ 14 ординарцевъ, мы сжились во время похода, было что вспомнить, много разъ бывали вмѣстѣ въ разныхъ передѣлкахъ. Это путешествіе не было похоже на то, какъ мы ѣхали въ Кишиневъ. Разговоръ и тутъ не умолкалъ, но это были все воспоминанія, все быль, а уже не плоды фантазіи:

„Бойцы вспоминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они",

не приминулъ ввернуть Евреиновъ.

У насъ составился уже давно офицерскій хоръ, и послѣ обѣда долго разносились по морю наши пѣсни. Мы привезли съ собою громадный репертуаръ чисто военныхъ пѣсенъ, который впослѣдствіи съ успѣхомъ замѣнилъ массу фабричныхъ сочиненій, которыя пѣвались въ войскахъ.

Меня предупреждали, что лихорадка моя вернется, если я поѣду по водѣ. Я объ этомъ забылъ, такъ какъ уже 5-й мѣсяцъ былъ совсѣмъ здоровъ.

Къ вечеру я почувствовалъ головную боль, приписалъ ее усталости и легъ спать ранѣе другихъ; но это оказался приступъ лихорадки, который меня свалилъ разомъ съ ногъ. Я промучился всю ночь. Поутру, благодаря заботамъ товарищей, меня перевезли съ парохода прямо въ свитскій вагонъ на станцію желѣзной дороги.

Я слышалъ, какъ во снѣ, восторженное ура, которое провожало главнокомандующаго. Такъ провалялся я два дня и только послѣ Бреста вышелъ изъ вагона.

„Ну что, Володя?" обратился ко мнѣ великій князь: „и ты сегодня вылѣзъ; однако, ты порядочно похудѣлъ".

Болгарская лихорадка имѣетъ удивительное свойство въ

одинъ день такъ перевернуть весь организмъ, что походишь на человѣка, только-что перенесшаго самую тяжелую болѣзнь.

22-го апрѣля прибыли мы въ Петербургъ. Я вернулся въ полкъ; а затѣмъ, 28-го ноября 1878 года, имѣлъ счастіе быть назначеннымъ адъютантомъ къ его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу Старшему.

В. М. Вонлярлярскій.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ОБЪ ЮЖНОЙ БОЛГАРІИ

за время окупаціи ея русскими войсками въ 1878 — 1879 гг. и о послѣдующихъ событіяхъ въ княжествѣ Болгарскомъ [1]).

Въ Филиппополѣ или, по-болгарски, Пловдивѣ нами введено было гражданское управленіе въ началѣ февраля 1878 года, такъ какъ только 3-го февраля состоялось, по приказу августѣйшаго главнокомандующаго, назначеніе генеральнаго штаба полковника Шепелева губернаторомъ, а меня вице-губернаторомъ, послѣ чего существовавшее тамъ, до нашего пріѣзда, военное управленіе подъ начальствомъ военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта А. Д. Столыпина, было упразднено.

Тамъ сформированы были совѣты: городской, соотвѣтствующій нашему городскому общественному управленію, судебный, замѣняющій окружный судъ, и окружной совѣтъ; въ родѣ нашей губернской земской управы. Въ члены этихъ учрежденій, равно и въ предсѣдатели таковыхъ назначены были мѣстные, весьма интеллигентные, болгары. Изъ состоявшихъ-же при губернаторѣ офицеровъ, преимущественно гвардейцевъ [2]), были назначены: полицей-

[1]) Автору настоящихъ замѣтокъ принадлежитъ также другая статья о Болгаріи — „Болгарское ополченіе и его сформированіе въ 1875—1879 гг.“, напечатанная въ „Русской Старинѣ“ изд. 1889 г., т. LXII, стр. 135—159; изд. 1890 г., т. LXVI, стр. 413—437. Ред.

[2]) Множество гвардейскихъ офицеровъ было прикомандировано къ гражданскому управленію, по ходатайству князя Черкасскаго, считавшихся кандидатами на гражданскія должности, именно, окружныхъ начальниковъ и полицеймейстеровъ въ городахъ, съ цѣлью избѣгнуть вызова чиновниковъ изъ Россіи, коихъ князь Черкасскій не считалъ вполнѣ благонадежными, между тѣмъ какъ въ гвардейскихъ офицерахъ онъ видѣлъ идеалъ честности.
И. С. И.

мейстерами въ городѣ и окружными начальниками по округамъ, соотвѣтствующимъ нашимъ уѣздамъ. Въ это время еще не было въ Пловдивѣ самыхъ почетныхъ и самыхъ интеллигентныхъ гражданъ, какъ, напримѣръ: Гешевыхъ, д-ра Чуманова, Якима Груева и др. Всѣ эти лица, еще съ половины 1876 года, находились въ Константинополѣ, куда они переѣхали какъ въ болѣе безопасное для своей жизни мѣсто, такъ какъ въ это время въ Филиппополѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ въ южной Болгаріи, турки своими свирѣпствами доходили до бѣшенства, по поводу проявившихся тамъ кое-гдѣ у болгаръ національныхъ движеній. Множество передовыхъ болгаръ, по одному простому подозрѣнію въ участіи въ національныхъ движеніяхъ,—хотя можно сказать, что въ то время и не было ни одного интеллигентнаго болгарина, который не думалъ объ освобожденіи Болгаріи отъ турецкаго владычества,—было повѣшено, какъ, напримѣръ, въ Филиппополѣ, Карловѣ [1]), Калоферѣ, Казанлыкѣ, Ески-Загрѣ, Сливнѣ, Ямболѣ и др., такъ и въ селеніяхъ. Это было страшное время, время ужасовъ и небывалаго террора!... Во всѣхъ городахъ главныя улицы и площади въ продолженіе 1876 года почти не освобождались отъ труповъ повѣшенныхъ болгаръ. Надѣвая петлю на шею этимъ несчастнымъ людямъ, турки приговаривали имъ: „вы ожидали прихода русскихъ гяуровъ, такъ пусть-же они и снимутъ васъ съ висѣлицы".

Бѣжавшіе въ Константинополь болгары осуждены были на такую-же участь, но ея они избѣгли только благодаря участію иностранныхъ консуловъ, способствовавшихъ имъ уйти съ мѣста жительства, особенно Гешевымъ, которые долго сидѣли въ тюрьмѣ въ Филиппополѣ и со дня на день ожидалось повѣшеніе ихъ; спасены-же они были только энергичнымъ вмѣшательствомъ англійскаго посла въ Константинополѣ, знавшаго молодыхъ Гешевыхъ какъ англійскихъ воспитанниковъ.

Масса такихъ-же вліятельныхъ и интеллигентныхъ болгаръ была сослана въ разныя мѣста въ Азіи, особенно въ Діарбекиръ, откуда остававшіеся еще въ живыхъ, такъ какъ множество ихъ тамъ погибло, измученные, были возвращены только послѣ заключенія знаменательнаго Санъ-Стефанскаго мирнаго договора, по требованію августѣйшаго главнокомандующаго [2]).

---

[1]) Въ этомъ городѣ почти-что всѣ мужчины были перевѣшаны. Однѣхъ только вдовъ бѣдныхъ и можно было видѣть тамъ въ 1878 году.

И. С. И.

[2]) Многіе сторонники сербовъ упрекали болгаръ въ томъ, что они не возстали противъ турокъ въ то время, когда сербы открыли свой бой съ Турціею;

Филиппополь—это самый интеллигентный городъ, жители котораго, кстати сказать, отличаются замѣчательнымъ гостепріимствомъ [1]). Еще въ 1840-хъ годахъ туда ѣздила молодежь изъ Сѣверной Болгаріи для изученія старо-греческаго языка, впослѣдствіи-же этотъ самый городъ, который еще въ то, не такъ далекое, время чуть-ли не слылъ за греческій городъ [2]), сдѣлался центромъ лучшихъ интеллигентныхъ силъ Южной Болгаріи. Здѣсь впервые возродилась мысль о возстановленіи своей духовной іерархіи, и лучшими представителями этого національнаго дѣла были южные болгары.

Въ это именно время, т. е. въ началѣ февраля (1878 г.), когда наши побѣдоносныя войска, во главѣ съ доблестнымъ августѣйшимъ главнокомандующимъ, стояли уже подъ стѣнами Константинополя и съ минуты на минуту ожидалось занятіе этого ключа восточнаго вопроса, болгары, хотя и не сомнѣвались въ освобожденіи своего отечества, съ нетерпѣніемъ ожидали заключенія мира и, главное, того, въ какихъ границахъ будетъ возстановлена многострадальная Болгарія. Вся надежда возлагалась въ этомъ случаѣ на одного изъ виновниковъ освободительной войны, бывшаго россійскаго посла при Оттоманской Портѣ—гр. Н. П. Игнатьева, на его знаніе Болгаріи, тѣмъ, болѣе, что незадолго до заключенія мира онъ собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о границахъ великой Болгаріи [3]). Наконецъ,

---

но почему-же сербы не воспользовались тѣмъ движеніемъ, которое болгары начали еще въ апрѣлѣ въ Южной Болгаріи? Нужно замѣтить, что почва въ Болгаріи въ то время была отлично подготовлена объѣхавшими ее не разъ въ качествѣ политическихъ апостоловъ молодыми болгарами, принимавшими участіе въ національныхъ движеніяхъ.

[1]) Я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю время, проведенное мною тамъ, и гостепріимство многихъ, особенно Цока Коблышкова и семейства Нешевой, въ домѣ коихъ я имѣлъ квартиру: въ началѣ у перваго, а затѣмъ, до выѣзда моего въ Сливну, въ домѣ второй. Чистота вообще въ домахъ обращаетъ на себя особенное вниманіе. Здѣсь выдѣлываются шелковыя кружева чрезвычайно изящной работы.

[2]) Вѣдь было-же время, и это не такъ давно, именно въ 1840-хъ годахъ, когда болѣе богатые болгары, занимавшіе видное положеніе, выдавали себя за грековъ, чтобы этимъ, съ одной стороны, такъ сказать, выдѣлить себя отъ другихъ своихъ горожанъ, а съ другой—пользоваться расположеніемъ турокъ. Даже многіе изъ переселившихся въ Россію болгаръ слыли за нѣжинскихъ грековъ.

[3]) Одесское болгарское настоятельство или, лучше сказать, олицетворяющій его Н. Х. Палоузовъ, такъ какъ онъ одинъ только и работалъ и давалъ инициативу по болгарскимъ дѣламъ, представилъ гр. Н. П. Игнатьеву всѣ свѣдѣнія о границахъ Болгаріи. **И. С. И.**

настало достославное въ исторіи Россіи и Болгаріи 19-е февраля, когда заключенъ былъ знаменательный С.-Стефанскій договоръ, образовавшій ту именно Болгарію, на которую болгары на этотъ разъ и расчитывали. Трудно описать торжество болгаръ, особенно болгаръ передовыхъ, интеллигентныхъ, тѣхъ именно болгаръ, которые не мало горькихъ испытаній перенесли, не мало жертвъ видѣли въ свою жизнь и не мало поработали за великое дѣло освобожденія своего отечества... Ликованія съ каждымъ днемъ усиливались въ Филиппополѣ, факельное шествіе по улицамъ, особенно передъ квартирами полковника Шепелева, какъ губернатора, моею, какъ вице-губернатора, генерала А. Д. Столыпина, воспѣванія „да живѣй нашъ царь-избавитель Александръ Николаевичъ, да живѣй великая Россія, да живѣй августѣйшій главнокомандующій, да живѣй Наслѣдникъ Цесаревичъ, генералъ Игнатьевъ“ и проч.... не умолкали ни днемъ ни ночью въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Дѣйствительно, это было слишкомъ знаменательное время, это было такое великое событіе, что нельзя было не восторгаться имъ, какъ и чувствами возрожденнаго народа. Сверженіе такого ига, которое тяготѣло надъ этимъ народомъ почти пятьсотъ лѣтъ—это есть, поистинѣ, величайшее событіе... Даже несчастные турки, оставшіеся въ Филиппополѣ, проникались какъ будто-бы этою радостью своихъ недавнихъ еще гяуровъ и какъ-бы готовы были присоединиться тоже къ этому торжеству. Такія великія событія, дѣйствительно, только вѣками совершаются...

Но вскорѣ послѣ этого великаго, историческаго 19-го февраля разносится роковая вѣсть, что западной Европѣ не понравился этотъ договоръ и что она зоветъ Россію въ Берлинъ на пересмотръ его... Нужно было видѣть озлобленіе болгаръ противъ Англіи, которую они, кажется, зубами готовы были растерзать. Англійскій делегатъ боялся показаться на улицу отъ одного стыда за столь вопіющее направленіе политики такого просвѣщеннаго народа, какъ англійскій. Болгары раньше еще знакомы были съ этимъ направленіемъ англійской политики: за годъ передъ тѣмъ, именно въ 1876 году, леди Странфортъ, жена извѣстнаго англійскаго посла въ Константинополѣ въ 1860-хъ годахъ, посѣтила много городовъ и селеній въ южной Болгаріи, вникала тамъ во все, была въ школахъ и церквахъ, предлагала богатые подарки на училища, отъ которыхъ въ нѣкоторыхъ городахъ даже отказывались, причемъ вездѣ увѣряла болгаръ, что Россія ничего хорошаго не въ состояніи сдѣлать для нихъ, совѣтовала имъ поэтому не расчитывать на Россію, которая имѣетъ одни только завоевательные виды, и что лучше имъ

держаться турецкаго правительства. Конечно, эта туркофилка не только-что ни въ чемъ не успѣла, но, напротивъ, еще болѣе озлобляла болгаръ противъ Англіи [1]).

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1878 года я поѣхалъ по губерніи, чтобы ближе познакомиться съ несчастнымъ положеніемъ разореннаго болгарскаго населенія и чѣмъ-либо помочь его горю. Первый городъ, куда я пріѣхалъ въ день моего выѣзда—это былъ Карлово. Здѣсь не столько пострадали дома, сколько мужчины, которыхъ турки успѣли перевѣшать. Вѣдь въ этомъ несчастномъ городѣ почти-что не осталось мужчинъ, такъ что Карлово состояло изъ однѣхъ только несчастныхъ вдовъ, бо́льшею частью нуждавшихся въ насущномъ кускѣ хлѣба, такъ какъ турки, уходя изъ этого города, съ наступленіемъ русскихъ войскъ, ограбили у нихъ все имущество. Меня обступила масса голодныхъ женщинъ и дѣтей: „помогнете, умираме отъ гладъ“, взывали онѣ ко мнѣ. Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ рукахъ, именно распорядился выдать изъ суммъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи городскаго совѣта, 10 тыс. франковъ, да тысячу четвертей хлѣба. Калоферъ, лучшій изъ городовъ, оказался безъ жителей, такъ какъ они бѣжали и не успѣли еще возвратиться, но бо́льшая часть его разорена, церкви и школы до половины были разрушены. Казанлыкъ — это прекраснѣйшій городъ, производящій розовое масло на сотни тысячъ рублей, также разоренъ, но бо́льшая часть жителей была уже на мѣстахъ. Въ то время здѣсь состоялъ окружнымъ начальникомъ гвардіи полковникъ Домети. Самыми несчастными и разореными городами оказались Ески-Загра и Ени-Загра. Болѣе 1,000 женщинъ и дѣтей явилось ко мнѣ въ Ески-Загрѣ съ рыданіемъ помочь имъ и спасти ихъ отъ голодной смерти. Къ счастію, въ городскомъ совѣтѣ оказалось до 25-ти тыс. франковъ, которые я распорядился роздать бѣднымъ и выдать имъ изъ магазина слишкомъ 1000 четвертей пшеницы. Въ Ени-Загрѣ я сдѣлалъ то-же самое, но тамъ оказалось только около 8,000 франковъ и около 500 четвертей пшеницы. Въ Ески-Загрѣ всѣ церкви, училища и лучшія зданія были разорены. Здѣсь дѣло учебное было поставлено отлично. Въ этомъ городѣ существовало что-то около 10-ти

---

[1]) Нужно только сопоставить это время тѣмъ грустнымъ событіямъ, слѣдовавшимъ одно за другимъ послѣ филиппопольскаго переворота 6-го сентября 1885 г., чтобы видѣть, насколько обстоятельства переработали политику. Вѣдь страхъ беретъ, вспомнивъ объ этихъ потрясающихъ событіяхъ, которыя такъ рѣзко перемѣнили на Востокѣ политическія роли...

И. С. И.

училищъ мужскихъ и женскихъ и всѣ они содержались на общественныя деньги, учительницы были мѣстныя болгарки, получившія образованіе въ Прагѣ. Этотъ городъ снабжалъ учительницами всѣ женскія училища въ другихъ городахъ Болгаріи. Меня не мало поражало то обстоятельство, что въ это именно время, когда городъ былъ разоренъ, когда оставалась масса несчастныхъ голодныхъ семействъ, въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ были открыты училища, въ которыхъ я нашелъ не мало учившихся дѣтей. Всѣ почти богатые болгары здѣсь были окончательно разорены. Когда въ іюлѣ 1877 года нахлынула орда Сулеймана, въ количествѣ болѣе 40 тысячъ турокъ, болгары, уходя-изъ своихъ домовъ, не успѣвали даже деньги свои захватить, а тѣ, которые могли захватить свои деньги, то, когда были застигнуты турками, бросали на дорогу цѣлые мѣшечки съ золотомъ. Много людей было здѣсь перерѣзано въ роковой день 19-го іюля, когда началось отступленіе отряда генерала Гурки, хотя и не малая масса другихъ была спасена въ этотъ день, благодаря геройской защитѣ браваго болгарскаго ополченія. Турокъ ни въ городахъ, за исключеніемъ Филиппополя, гдѣ осталось нѣсколько семействъ [1]), ни въ селеніяхъ во всей южной Болгаріи не осталось, такъ какъ всѣ они еще за нѣсколько дней до занятія нашими войсками края, ушли съ ограбленнымъ у болгаръ имуществомъ, которое, впрочемъ, у нихъ частью отбито было нашими передовыми отрядами, а частью они сами побросали, не имѣя возможности тащить его съ собою, а тѣмъ болѣе рогатый скотъ. Бо́льшая часть этого имущества была растаскана кѣмъ попало, но значительная часть его попадала въ руки интендантскихъ чиновниковъ. Все-же, что попало въ распоряженіе городскихъ и окружныхъ совѣтовъ, было продано [2]) съ аукціона и вырученныя отъ этого деньги составляли особенный запасный капиталъ, изъ котораго впослѣдствіи приходилось оказывать пособіе бѣднымъ жителямъ, не исключая и турокъ.

---

[1]) Это были такіе турки изъ богатыхъ и вліятельныхъ, которые расчитывали на защиту со стороны вліятельныхъ-же филиппопольскихъ болгаръ. Однако, двое изъ этихъ турокъ, одинъ по имени, кажется, Арифъ-Ефенди, не избѣгли горькой участи: обнаружено было, что они участвовали въ злодѣйствахъ до прихода нашихъ войскъ, поэтому, по распоряженію императорскаго комиссара, въ августѣ 1878 года они были арестованы и долго содержались въ тюрьмѣ, потомъ были приговорены къ смертной казни.

[2]) Въ вѣдѣніи филиппопольскаго городскаго совѣта было весьма цѣнное имущество, хотя съ аукціона продавалось за безцѣнокъ. Были замѣчательной работы ковры, женское бѣлье, особенно изящной работы шелковыя рубахи, которыя носятъ турчанки, также было громадное количество мѣдной посуды и проч. И. С. И.

Движимое имущество бѣжавшихъ турокъ, въ особенности такое, какое подвергалось порчѣ, также продавалось, но выручавшіяся отъ такого имущества деньги записывались на приходъ по книгамъ переходящихъ и принадлежащихъ разнымъ лицамъ суммъ, а затѣмъ впослѣдствіи, когда собственники такого имущества—турки—возвращались, то они получали вырученныя отъ продажи его деньги. Что-же касается до недвижимаго имущества, принадлежавшаго бѣжавшимъ туркамъ, то таковое возвращалось имъ только по представленіи ими документальныхъ доказательствъ о принадлежности имъ таковаго, какъ, напр.: водяныя и мукомольныя мельницы, чефлики, т. е. помѣстья съ постройками, виноградные сады, дома и проч. [1]).

Гражданское управленіе, все еще остававшееся въ С.-Стефанѣ, со смертью высокоавторитетнаго кн. В. А. Черкаскаго, въ виду ожидавшагося упраздненія его и назначенія императорскаго комиссара, находясь почти на исходѣ, теряло значеніе и даже энергію, тѣмъ болѣе, что временный его представитель оставался во все это время въ неизвѣстности относительно будущаго своего положенія, т. е. останется или нѣтъ въ управленіи императорскаго комиссара [2]). Вотъ почему и дѣла́ наши по вѣдомству гражданскому, можно сказать, до прибытія князя А. М. Дондукова-Корсакова и сформированія его управленія были въ полнѣйшемъ застоѣ [3]). Болгары все это время не переставали тревожиться слухами о предстоявшемъ берлинскомъ конгрессѣ, о предполагавшемся уменьшеніи срока окупаціи, объ уменьшеніи территоріи и пр.

---

[1]) Возвращеніе этого рода имущества представляло не мало затрудненій потому что турки владѣли недвижимыми имуществами безъ всякихъ рѣшительно документовъ, и когда пришлось разбирать процессы по этому предмету, то въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что эти имущества въ разныя времена были захвачены у болгаръ турками по праву сильнаго.

[2]) Впрочемъ, эта неизвѣстность разъяснилась тотчасъ-же по прибытіи въ С.-Стефано князя А. М. Дондукова-Корсакова: въ обнародованномъ спискѣ лицъ, предназначенныхъ княземъ въ его управленіи, онъ не значился, послѣ чего онъ такъ поспѣшно выѣхалъ изъ С.-Стефано, что почти никто изъ его сослуживцевъ не успѣлъ пожелать ему счастливой дороги. Такимъ образомъ пріятныя надежды исчезли.

[3]) Одинъ весьма крупный вопросъ, возбужденный относительно Бѣловскихъ лѣсовъ въ филиппопольской губерніи по претензіи къ компаніи Гирша, съ которымъ Филиппопольскій губернаторъ обращался къ заступавшему мѣсто завѣдывавшаго гражданскими дѣлами, остался въ томъ-же неопредѣленномъ положеніи. И. С. И.

Пріѣздъ въ С.-Стефано императорскаго комиссара нѣсколько успокоилъ болгаръ. Въ Филиппополѣ, въ началѣ мая, начались приготовленія къ пріему кн. А. М. Дондукова-Корсакова. Самый лучшій домъ въ Филиппополѣ, именно домъ доктора Рашко, былъ назначенъ городскимъ совѣтомъ подъ помѣщеніе князя.

Филиппопольскій губернаторъ былъ вызванъ въ С.-Стефано императорскимъ комиссаромъ, а я управлялъ губерніею. Наконецъ, послѣдовалъ и самый пріѣздъ князя комиссара. Встрѣча была необыкновенно торжественная и вполнѣ соотвѣтствовала знаменательному времени. Улицы и дома до самаго вокзала были украшены флагами и дорогими коврами, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ были воздвигнуты великолѣпныя арки съ надписями: „да живѣй Царь-Избавитель, добрѣ дошелъ княже". По пути отъ вокзала, въ разныхъ мѣстахъ, семь депутацій ожидали съ адресами: первую депутацію на перонѣ вокзала составляли предсѣдатель и члены городскаго совѣта, привѣтствовавшіе князя и поднесшіе ему на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ и соль; вторую депутацію въ залѣ вокзала составлялъ филиппопольскій митрополитъ Попаретъ, съ викаріемъ своимъ, Гервасіемъ; третью депутацію представлялъ греческій митрополитъ съ своимъ духовенствомъ; четвертую депутацію представлялъ католическій епископъ; пятую—составляли почетнѣйшіе греки, шестую—ученики съ учителями, затѣмъ армяне и турки, послѣднюю-же депутацію представляло женское училище, во главѣ съ своею учительницею Еленою Георгіевою. Вотъ одной этой учительницѣ и удалось [1]) привѣтствовать князя комиссара прочувствованною рѣчью, приведшею его въ восторгъ. Вотъ приблизительно какъ записана была мною въ мою памятную книжку сущность этой рѣчи: „Ваше высокосіятельство! Не только мы, взрослые, знакомые съ исторіею нашего многострадальнаго отечества, знающіе его славное прошлое, видѣвшіе и его злополучія, его великія, перу не поддающіяся страданія, насилія, глубоко цѣнимъ великое благодѣяніе, оказанное намъ славнымъ Царемъ-Избавителемъ, но и эти дѣти, только что начинающія читать и писать, чувствуютъ его и вмѣстѣ съ нами проникнуты глубочайшимъ благоговѣніемъ и благодарностью къ его императорскому величеству царю, матери-Россіи и храбрымъ воинамъ, кровью своею освободившимъ нашу, нынѣ уже счастливѣйшую, родину. Въ вашей свѣтлости мы видимъ царскаго избранника, который устроитъ нашу Болгарію такъ, чтобы она никогда болѣе не возвращалась

[1]) Каждая изъ всѣхъ означенныхъ депутацій начинала привѣтственную рѣчь, но сбивалась отъ овладѣвавшей ею робости. И. С. И.

въ то тяжелое положеніе, отъ котораго избавлена столь большими жертвами... Да живѣй Царь-Избавитель, да живѣй вся Россія, да живѣй и его избранникъ князь комиссаръ!"

Длинною, прочувствованною рѣчью привѣтствовалъ князя Александра Михайловича и экзархъ болгарскій, блаженный Іосифъ, въ церкви св. Богородицы, послѣ совершенія молебствія о здравіи государя императора.

Кн. Дондуковъ-Корсаковъ сразу произвелъ прекрасное впечатлѣніе на болгаръ, и симпатіи ихъ къ нему стали съ каждымъ днемъ усиливаться. Мягкое и всегда ровное со всѣми обращеніе князя, его необыкновенная доступность, чрезвычайная простота, его симпатичный, да притомъ необыкновенно живой характеръ—какъ разъ пришлись по вкусу болгаръ, которые, всегда въ восторгѣ отъ него, не разъ на рукахъ подымали его на ура [1]).

Такимъ образомъ, тревожное положеніе болгаръ съ пріѣздомъ императорскаго избранника превратилось пока въ весьма хорошее расположеніе духа подъ вліяніемъ хорошихъ впечатлѣній, которыя новое управленіе производило на болгаръ; они даже перестали вѣрить слухамъ о предполагаемомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, хотя, впослѣдствіи, какъ мы увидимъ дальше, слишкомъ много пришлось убѣждать ихъ подчиниться этому жестокому рѣшенію европейскаго ареопага.

Въ концѣ мая 1878 г. образовалось центральное управленіе россійскаго императорскаго комиссара такимъ образомъ, что при князѣ комиссарѣ состоялъ совѣтъ изъ шести членовъ, изъ коихъ одинъ управлялъ канцеляріею и дипломатическою частью императорскаго комиссара, другой—военнымъ отдѣломъ, третій—отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ, четвертый — отдѣломъ финансовъ, пятый — отдѣломъ юстиціи и шестой—отдѣломъ народнаго просвѣщенія. Въ Филиппополѣ тогда составилась международная комиссія, которая занята была выработаніемъ органическаго устава для такъ названной Восточной Румеліи.

Вслѣдъ за обнародованіемъ условій берлинскаго договора послѣдовало и номинальное раздѣленіе высшей власти, представителями которой стали: въ сѣверной Болгаріи, изъ которой образовалось

---

[1]) У князя комиссара, какъ въ Филиппополѣ, пока тамъ оставалось его управленіе, такъ, потомъ, и въ Софіи, обѣдало каждый день не менѣе 20 лицъ изъ состоявшихъ въ его управленіи. Управленіе императорскаго комиссара и завѣдывавшаго гражданскими дѣлами кн. В. А. Черкаскаго, а тѣмъ болѣе заступавшаго нѣкоторое время мѣсто послѣдняго, послѣ его смерти, представляло громадный контрастъ. И. С. И

болгарское княжество, императорскій россійскій комиссаръ, въ лицѣ князя А. М. Дондукова-Корсакова, въ южной-же, забалканской, Болгаріи, окрещенной въ „Восточную Румелію", генералъ-губернаторъ, въ лицѣ генералъ-лейтенанта А. Д. Столыпина, съ резиденціями: перваго въ Софіи, а втораго въ Филиппополѣ; но общими дѣлами въ обѣихъ половинахъ Болгаріи руководилъ императорскій комиссаръ не только de jure, но и de facto.

Что касается Македоніи, входившей въ составъ С.-Стефанской Болгаріи, для которой были предназначены какъ губернаторы, такъ и окружные начальники, въ лицѣ гвардейскихъ офицеровъ, состоявшихъ при софійскомъ губернаторѣ, со дня на день ожидавшіе приказанія, чтобы двинуться къ мѣстамъ назначеній, — то проекты реформъ, т. е. распространеніе нашего гражданскаго управленія въ этой части Болгаріи, остались только въ идеѣ [1]).

Реформы въ Болгаріи—устройство гражданскаго управленія, образованіе такъ названнаго земскаго войска и пр.—предполагалось произвести, по заранѣе составленному плану, въ два года, но состоявшійся къ этому времени берлинскій договоръ совершенно парализировалъ и измѣнилъ эти проекты такъ, что всю эту работу нужно было совершить въ назначенный этимъ договоромъ краткій срокъ нашей окупаціи, именно всего въ девять мѣсяцевъ.

Войско считалось первою необходимостью въ освобожденномъ краѣ, въ видахъ охраненія въ немъ порядка и безопасности, поэтому къ этой отрасли организаціи приступлено было прежде всего и съ наибольшею энергіею. Изданы были въ скоромъ времени и правила отбыванія воинской повинности [2]), по которымъ она стала обязательною для всего населенія отъ 20 до 30 лѣтъ, безъ различія вѣры и національности, а срокъ дѣйствительной службы опредѣленъ двухгодичный. Въ началѣ іюля того-же 1878 года приступлено уже было къ призыву 20,400 болгаръ, изъ коихъ 3,000 человѣкъ обращены были на укомплектованіе существовавшихъ дружинъ болгарскаго ополченія до тысячнаго состава каждая, а изъ другихъ 17,400 человѣкъ должны были быть сформированы новыя пѣшія дружины, сотни и артиллерійскія роты (батареи) болгарскаго земскаго войска, въ составъ котораго вошли слѣдующія части въ 5-ти ниженазванныхъ санджакахъ или губерніяхъ:

---

[1]) Въ то время никто, кажется, не считалъ не болгарскою этой части Македоніи.

[2]) Въ это время осуществилось и это желаніе Болгаріи, которое за время управленія князя В. А. Черкасскаго, какъ извѣстно, было отвергнуто.

И. С. И.

Въ Софійскомъ санджакѣ:

Симоковская пѣшая дружина № 4, Орханейская № 5, Софійская конная сотня № 1, артиллерійская рота (батарея) № 1.

Въ Видинскомъ санджакѣ:

Ломъ-паланская пѣшая дружина № 7, Враченская № 8, Видинская конная сотня № 2, артиллерійская рота (батарея) № 2.

Въ Тырновскомъ санджакѣ:

Сельвелійская пѣшая дружина № 10, Ловчинская № 11, Тырновская конная сотня № 3, артиллерійская рота (батарея) № 3.

Въ Рущукскомъ санджакѣ:

Рущукская пѣшая дружина № 14, Плевенская № 16, Разградская № 17, Силистрійская № 18, Рущукская конная сотня № 4, артиллерійская рота (батарея) № 4.

Въ Филиппопольскомъ санджакѣ:

Пловдивская пѣшая дружина № 21, Татаръ-базарджикская № 22, Хаскіойская № 25, Пловдивская конная сотня № 5, артиллерійская рота (батарея) № 5.

Въ Сливенскомъ санджакѣ:

Бургасская пѣшая дружина № 28, Сливенская конная сотня № 6, артиллерійская рота (батарея) № 6.

Всего 15 пѣшихъ дружинъ, 6 конныхъ сотенъ и 6 артиллерійскихъ ротъ (батарей)[1]).

За послѣдовавшими затѣмъ, въ теченіе времени до открытія перваго народнаго собранія, т. е. учредительнаго, нѣкоторыми измѣненіями, болгарское войско состояло изъ 21 пѣшей дружины, 8 батарей артиллеріи, 4 конныхъ сотенъ, одной саперной строевой учебной роты и одной роты осадной артиллеріи, т. е. численность болгарскаго войска къ концу 1878 г. простиралась до 21,000 болгаръ-воиновъ. Русскій-же кадръ для этой численности составлялъ: 394 офицера, въ томъ числѣ, впрочемъ, 135 оберъ-офицеровъ болгарскаго происхожденія и 2,694 русскихъ нижнихъ чина.

Важно то, что въ такое чрезвычайно короткое время можно было составить войско такой численности, какъ 21,000 человѣкъ, но еще важнѣе то, что, менѣе чѣмъ въ 6 мѣсяцевъ, можно было образовать изъ этого сыраго матеріала войско, котораго нельзя было различить по строю и по знанію службы отъ войска, существую-

[1]) Части эти сформированы въ составѣ: дружины въ 1,000 человѣкъ каждая, сотня въ 150 и батарея въ 250. И. С. И.

щаго десятки лѣтъ. Еще болѣе убѣждаетъ въ замѣчательной способности болгаръ къ военной службѣ и то обстоятельство, что въ первый годъ открытія въ Софіи военнаго училища, по плану русскихъ военныхъ училищъ, съ преподаваніемъ притомъ всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, сразу явилось въ Софію 250 такихъ молодыхъ болгаръ, изъ которыхъ туда могли поступить: 100 человѣкъ въ старшій классъ, а 150 въ младшій, такъ что къ маю 1879 г. 100 молодыхъ болгаръ выпущено было въ офицеры и назначены въ разныя части болгарскаго войска, а остальные 150 выпущены были уже въ маѣ слѣдующаго 1880 г. офицерами-же, съ назначеніемъ ихъ также въ разныя части болгарскаго войска. Да. кромѣ того, съ высочайшаго соизволенія, отправлено было изъ Болгаріи въ елисаветградское кавалерійское юнкерское училище 90 молодыхъ болгаръ и 42 въ разныя школы: техническую, пиротехническую (въ Петербургѣ) и оружейную (въ Тулѣ) [1]). Дѣло военное въ Болгаріи, такимъ образомъ, сразу поставлено было хорошо и, въ этомъ отношеніи, нельзя не признать за княземъ Александромъ Михайловичемъ Дондуковымъ-Корсаковымъ великой заслуги.

Къ этому времени императорскій комиссаръ, въ видахъ составленія запаснаго капитала на нужды княжества [2]), счелъ за благо продать въ однѣ руки, именно какому-то французскому негоціанту, Марешалу, дежму, т. е. десятую часть со всѣхъ произведеній Забалканской Болгаріи, т. е. такъ называемой Восточной Румеліи, за довольно крупненькую сумму, хотя впослѣдствіи эта продажа оказалась очень невыгодною, такъ какъ, до сдачи дежмы, цѣны на зерно, особенно на ячмень и овесъ, поднялись очень высоко, почти до 13 франк. за четверть, между тѣмъ какъ четверть этого продукта была продана чуть-ли не вчетверо дешевле. Эта невыгода выразилась еще и въ томъ, что дежма была продана съ доставкою отъ населенія на пункты, довольно отдаленные для селеній, какъ въ Енизагру, Ямболь и Бургасъ и т. д. Между тѣмъ, въ это время, когда нужно было свозить зерно на помянутые пункты, пошли дожди

---

[1]) Изъ этихъ, вышедшихъ изъ софійскаго военнаго училища въ 1879 и 1880—1881 годахъ, болгарскихъ офицеровъ, спустя немного времени, поступило въ академію генеральнаго штаба, артиллерійскую, инженерную и юридическую нѣсколько человѣкъ и окончили тамъ полный курсъ съ замѣчательными успѣхами.

[2]) Благодаря такой неусыпной заботливости князя А. М. Дондукова-Корсакова, въ кассѣ княжества онъ оставилъ, съ упраздненіемъ русскаго управленія, слишкомъ 20 милліоновъ франковъ наличныхъ средствъ.

И. С. И.

и развилась такая грязь, что четыре пары воловъ мѣстной мелкой породы едва тащили возъ съ 20 пудами груза.

Главное несчастіе состояло еще и въ томъ, что рогатый скотъ остался въ населеніи въ крайне ограниченномъ количествѣ, поэтому населеніе готово было просто на просто подарить всю эту дежму, лишь-бы не требовать отъ него такихъ жертвъ, какъ доставки таковой. За четверть овса покупщикъ, напр., платилъ не дороже 3-хъ франковъ, а доставка въ то время стоила вдвое дороже. По поводу этой доставки были большія затрудненія, да и не мало непріятностей пришлось испытать всѣмъ властямъ, которыя никакъ не могли исполнять одно за другимъ получавшихся строгихъ предписаній отъ главнаго центральнаго управленія о немедленной доставкѣ дежмы по назначенію, по недостатку въ населеніи перевозочныхъ средствъ. Были командированы по разнымъ округамъ чиновники, какъ для ознакомленія съ доставкою, такъ и для содѣйствія по этому дѣлу, но противъ невозможности идти было немыслимо. По этому предмету получились весьма интересные отчеты отъ г. П. Славейкова, состоявшаго тогда при мнѣ чиновникомъ особыхъ порученій и имѣвшаго порученіе содѣйствовать болѣе успѣшной доставкѣ хлѣба, въ виду постоянныхъ протестовъ со стороны антрепренера.

Въ сѣверной Болгаріи въ это время шла подготовительная работа по составленію проекта конституціи для имѣвшаго образоваться Болгарскаго княжества. Предварительно, князь комиссаръ пожелалъ знать мнѣніе болѣе интеллигентныхъ и передовыхъ болгаръ о той формѣ правленія, какая наиболѣе отвѣчала-бы современному духу и направленію болгарскаго народа. Составленный имъ затѣмъ проектъ конституціи былъ, какъ извѣстно, представленъ на воззрѣніе нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, а потомъ внесенъ на разсмотрѣніе учредительнаго собранія, долженствовавшаго, въ силу берлинскаго трактата, образоваться изъ такъ названныхъ „именитыхъ болгаръ“ [1]) въ Тырновѣ, которые частью были выбраны, а частью назначены императорскимъ комиссаромъ. Это-же самое собраніе должно было избрать и избрало князя болгарскаго изъ предложенныхъ ему кандидатовъ.

Шумные и ярые дебаты по разсмотрѣнію внесеннаго императорскимъ комиссаромъ въ это собраніе проекта конституціи извѣстны.

---

[1]) Въ это время въ Болгаріи болгаръ можно было раздѣлить на двѣ категоріи, а, пожалуй, и на три, именно: болгаръ интеллигентныхъ, болгаръ богатыхъ и на болгаръ простыхъ сельчанъ, такъ какъ въ Болгаріи никакихъ сословій не существовало и не существуетъ. И. С. И.

Еще въ этомъ собраніи изъ депутатовъ образовались двѣ непріязненныя между собою партіи: либеральная и консервативная, изъ которыхъ первая восторжествовала тѣмъ, что проектъ конституціи былъ совершенно измѣненъ и расширенъ до той формы либеральности, какой не представляла и не представляетъ на континентѣ Европы ни одна изъ державъ, существующихъ сотни лѣтъ на конституціонныхъ началахъ. Во главѣ этой партіи, т. е. либеральной, стояли, какъ извѣстно: Цанковъ, Каравеловъ, Балабановъ и др., а въ консервативной: Д. Грековъ, Бурмовъ, Начевичъ и др.

Въ южной-же Болгаріи, въ виду того, что, въ силу берлинскаго трактата, Оттоманская Порта имѣла право занимать проходы въ Балканахъ своими гарнизонами и что, стало быть, эта страна, наибольше пострадавшая и изъ-за которой и начата была война, не только-что должна была остаться турецкою провинціею, но и грозила ей опасность со стороны турокъ,—приводились въ исполненіе задуманные проекты относительно повсемѣстнаго образованія гимнастическихъ обществъ, осуществленію коихъ способствовалъ оставленный для населенія запасъ ружей Крнка до 80,000 штукъ съ громаднымъ запасомъ боевыхъ снарядовъ. Это дѣло попало въ руки слишкомъ выдававшагося въ то время военнаго и въ высшей степени симпатичнаго авторитета и поэтому оно доведено было до такихъ результатовъ, какихъ, кажется, отъ него никто и ожидать не могъ. М. Д. Скобелевъ, этотъ незабвенный и для Болгаріи доблестный генералъ сдѣлалъ чудеса въ этомъ дѣлѣ. Онъ усилилъ энергію въ болгарахъ и внушилъ имъ увѣренность въ силѣ народа образованіемъ гимнастическихъ обществъ. Такія общества должны были составить и составили каждый городъ и каждое селеніе, т. е. болгары отъ 20-ти до 60-тилѣтняго возраста въ каждомъ городѣ и въ каждомъ селеніи должны были войти въ составъ такихъ обществъ, такъ что оставленныя 80,000 ружей Крнка сразу получили надлежащее примѣненіе. Назначены были офицеры-инструкторы для обученія болгаръ военнымъ пріемамъ и, главнымъ образомъ, стрѣльбѣ. Два раза въ недѣлю всѣ болгары въ городахъ и селеніяхъ отъ 20-ти до 60-тилѣтняго возраста обязательно выходили на ученье, такъ что въ эти дни въ городахъ и въ селеніяхъ все пустѣло, такъ какъ другіе возрасты и женщины шли туда-же, чтобы любоваться рыцарствомъ своихъ людей. Часто зазывались на одинъ пунктъ по нѣсколько тысячъ гимнастовъ съ своимъ продовольствіемъ на два—три дня для маневровъ. Въ это время они занимались и земляными работами, копали рвы, воздвигали редуты, строили курганы, часто подъ проливнымъ дождемъ ,а

никогда не было случая, чтобы кто-либо изъ нихъ бросилъ работу и ушелъ-бы домой. Все это дѣлалось съ неимовѣрною любовью. Этимъ дѣломъ лично руководилъ генералъ Скобелевъ, часто проводившій съ гимнастами по два—три дня въ полѣ. Подготовка болгаръ къ самозащитѣ составляла идею генерала и онъ-же въ это дѣло вложилъ всю душу свою. Корпусъ, которымъ онъ командовалъ, его совсѣмъ уже въ это время не занималъ, такъ какъ русскія войска, говорилъ онъ, исполнили свою миссію, завоевавши край. Теперь намъ нужно поставить свое дѣло такъ, чтобы вся Европа убѣдилась, что берлинскій трактатъ, составляющій не болѣе какъ одну насмѣшку Запада надъ Россіею, не заставитъ болгаръ подчиниться туркамъ. И дѣйствительно онъ этого достигъ. Южные болгары, по крайней мѣрѣ, усвоили себѣ все необходимое для самозащиты, а главное—въ стрѣльбѣ они сдѣлали замѣчательные успѣхи, именно они достигли того, что слишкомъ 70% выстрѣловъ попадали въ цѣль.

Такимъ образомъ, при увѣренности въ своемъ правѣ на отдѣльное, независимое отъ турокъ, существованіе, 80,000 ружей придавали южнымъ болгарамъ слишкомъ большую силу, такъ что они рѣшили не допустить ни одного турка въ свою территорію, а въ случаѣ наплыва ихъ—вооруженною силою отбить ихъ и вообще драться до послѣдней капли крови за свою независимость.

Подъ вліяніемъ такого глубокаго сознанія своего права и своей силы, при своемъ сильномъ стремленіи къ объединенію, южные болгары не замедлили высказать свой протестъ берлинскому рѣшенію, какъ только приступлено было къ исполненію. Вслѣдъ за послѣдовавшимъ раздѣленіемъ власти между императорскимъ россійскимъ комиссаромъ въ Сѣверной Болгаріи и генералъ-губернаторомъ въ Южной-восточной Румеліи, приступлено было, прежде всего, къ передачѣ въ вѣдѣніе назначеннаго Оттоманскою Портою директора финансовъ денежной части, что̀ выразилось въ началѣ въ распоряженіи генералъ-губернатора въ томъ, чтобы русскія власти вносили въ мѣстныя казначейства доходы, съ тѣмъ, что изъ этихъ казначействъ они могли брать только назначенный имъ на содержаніе денежный кредитъ, такъ что денежная часть de facto считалась уже въ вѣдѣніи этого директора финансовъ, которому каждую недѣлю посылались вѣдомости о состояніи казначействъ. Такимъ образомъ, этотъ директоръ, какимъ былъ назначенъ нѣмецъ нѣкто Шмидтъ, живя въ Филиппополѣ и получая еженедѣльно вѣдомости, зналъ о состояніи этой части. Но ему вздумалось предпринять поѣздку по всѣмъ городамъ Восточной Румеліи для фактиче-

скаго пріема въ свое вѣдѣніе казначействъ, не сообразивъ, что этимъ онъ произведетъ непріятное впечатлѣніе на населеніе, которое съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе стало волноваться, узнавъ, что окупація снимается и русское управленіе будетъ замѣнено управленіемъ, подвѣдомственнымъ новому генералъ-губернатору, который имѣлъ быть назначенъ Портою, хотя населенію заранѣе было извѣстно, что такимъ генералъ-губернаторомъ будетъ назначенъ Алеко-паша или князь Богориди, ведущій свою генеалогію изъ болгаръ гор. Котла [1]). Но трудно было успокоить болгаръ Южной Болгаріи тѣмъ, что они болѣе не возвратятся въ то тяжелое положеніе, въ которомъ находились до этой войны съ Турціею: имъ мерещились турки съ тѣми жестокостями, съ какими они истребили все населеніе бѣднаго Батака, Перущицы и др. мѣстъ въ 1876 г. и Ески и Ени-Загры въ 1877 г., послѣ отступленія генерала Гурко съ своимъ передовымъ отрядомъ изъ предѣловъ Южной Болгаріи, поэтому болгары повсемѣстно стали готовиться къ бою съ турками. „Всѣ мы скорѣе костьми ляжемъ, вездѣ говорили они, чѣмъ допустимъ, чтобы хотя одинъ турокъ сталъ на обагренную нашею кровью нашу родную землю“. Въ началѣ власти не придавали ровно никакого значенія этимъ протестамъ и даже не считали болгаръ настолько отважными для того, чтобы допустить, что они способны предпринять что-либо серьезное. Но вскорѣ протестъ болгаръ принялъ слишкомъ серьезный характеръ и генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Столыпинъ, почти наканунѣ окончанія окупаціи и упраздненія русскаго гражданскаго управленія, поставленъ былъ между двухъ огней: или усмирять болгаръ посредствомъ войскъ или-же исполнить ихъ требованіе удаленіемъ изъ предѣловъ Южной Болгаріи директора финансовъ Шмидта,

---

[1]) Алеко-паша или князь Богориди — это братъ бывшаго каймакана Молдавіи до соединенія ея съ Валахіею въ 1857 г., сынъ знаменитаго князя самосскаго Богориди, происходящаго изъ болгаръ гор. Котла въ Балканахъ. Это былъ самый высшій сановникъ двухъ—трехъ султановъ, много хорошаго сдѣлавшій для Болгаріи. По назначеніи его генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи, депутація отъ Филиппополя встрѣтила князя Богориди, уже ѣхавшаго въ Филиппополь въ качествѣ генералъ-губернатора, на станціи Сеймены и заявила ему, что болгарское населеніе иначе не приметъ его какъ въ болгарской шапкѣ на головѣ, между тѣмъ какъ онъ ѣхалъ въ турецкой фескѣ, такъ что феску онъ бросилъ, но не надѣвая и шапки: наконецъ, подъѣзжая къ Филиппополю, онъ рѣшился насунуть на свою голову доставленную ему болгарскую барашковую шапку и тѣмъ успокоилъ болгаръ, которые привѣтствовали его на вокзалѣ въ Филиппополѣ. И. С. И.

котораго болгары называли турецкимъ пашею. Тѣмъ не менѣе, Шмидтъ не былъ остановленъ отъ своей поѣздки по Сливенской губерніи, начальникомъ которой я состоялъ въ это время. Пріѣздъ членовъ финансоваго комитета въ Ени-Загру 29-го ноября 1878 г., состоявшій изъ австро-венгерскаго и англійскаго комиссаровъ и директора этого комитета Шмидта, вызвалъ крупный протестъ со стороны всего населенія г. Ени-Загры и самого Ени Загрскаго округа. Какъ только члены этого комитета приступили къ провѣркѣ и пріему кассы казначейства, менѣе чѣмъ въ продолженіе одного—двухъ часовъ времени, зданіе окружнаго управленія, гдѣ помѣщалось казначейство, было окружено густою массою болгаръ, число которыхъ къ вечеру составляло болѣе 5 тысячъ обоего пола. Въ одинъ голосъ эта масса народа кричала: „вы пришли брать нашу кассу послѣ того, когда мы разорены, остались нищими, голодающими, а не тогда, когда намъ нужна была помощь противъ тиранства,—нѣтъ, денегъ своихъ вамъ мы не дадимъ, убирайтесь сами къ туркамъ. Берлинскихъ судовъ вашихъ мы не признаемъ“ и т. п. Послѣ такихъ угрозъ со стороны населенія, готоваго разорвать на куски всякаго, кто навязывалъ имъ прошлое, этимъ господамъ ничего не оставалось, какъ убраться обратно въ Филиппополь, съ полнымъ сознаніемъ въ душѣ основательности протеста до крайности разореннаго населенія. Этотъ безпорядокъ, который не могъ быть ни предусмотрѣнъ, ни предупрежденъ мѣстными властями, имѣлъ своимъ результатомъ циркулярное предписаніе генералъ-губернатора Восточной Румеліи, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „гг. окружнымъ начальникамъ должно быть извѣстно, что г. Шмидтъ назначенъ директоромъ финансовъ Восточной Румеліи не по распоряженію Порты Оттоманской, а по единогласному постановленію европейской комиссіи, въ составъ коей входятъ и русскіе делегаты: полковникъ Шепелевъ и князь Целетелевъ, а потому назначеніе это состоялось съ согласія нашего правительства, и сопротивленіе распоряженіямъ г. Шмидта и новаго финансоваго управленія будетъ почитаемо какъ сопротивленіе русской власти“... За распоряженіями въ такомъ-же строгомъ духѣ недостатка не было, тѣмъ не менѣе, однако, населеніе проявляло свои протесты въ болѣе серьезной формѣ, въ особенности-же въ Сливнѣ, а въ Карнабатѣ чуть не убили одного еврея-подрядчика, человѣка весьма интеллигентнаго, котораго населеніе приняло за Шмидта, такъ что несчастный этотъ человѣкъ спасъ свою жизнь только бѣгствомъ, хотя въ Айдосѣ, куда изъ Карнабата было сообщено о немъ по телеграфу, порядкомъ досталось ему.

Предъ вечеромъ 25-го февраля 1879 года пріѣхалъ въ Сливно изъ Адріанополя, на обратномъ уже пути въ Россію, главнокомандующій генералъ-адъютантъ Э. И. Тотлебенъ. Встрѣча была устроена ему чрезвычайно торжественная и сердечная: при въѣздѣ въ городъ стояли весьма изящно устроенныя тріумфальныя ворота съ надписями: съ одной стороны: „да живѣй нашъ Царь-Избавитель", съ другой: „да здравствуетъ доблестный главнокомандующій, славный защитникъ севастопольскій и герой плевненскій". По главной-же улицѣ до самаго дома, гдѣ я, въ качествѣ сливенскаго губернатора, духовенство, во главѣ съ сливенскимъ митрополитомъ Серафимомъ, городской и окружной совѣты, окружной и апелляціонный судъ во всемъ составѣ, встрѣтили генералъ-адъютанта Э. И. Тотлебена, коему хлѣбъ-соль поднесъ городской кметъ [1]) и гдѣ устроенъ былъ пріемъ главнокомандующему,—выстроены были шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы болгарскіе гимнасты съ ружьями въ боевомъ порядкѣ, числомъ около пяти тысячъ человѣкъ, которые стройностью своею и своимъ воодушевленіемъ, видимо, привели въ восторгъ генералъ-адъютанта Э. И. Тотлебена, которому на его энергичное привѣтствіе „здорово братцы"—въ одинъ голосъ чисто по-солдатски отвѣтили: „здравія желаемъ вашему высокопревосходительству". Вечеромъ въ тотъ-же день городъ Сливно далъ торжественный обѣдъ въ честь главнокомандующаго, на которомъ было болѣе 200 человѣкъ. На этомъ обѣдѣ первый тостъ за здравіе Государя Императора провозгласилъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, второй тостъ за здравіе Цесаревича Наслѣдника провозгласилъ я, какъ сливенскій губернаторъ, а сливенскій кметъ провозгласилъ тостъ за здравіе главнокомандующаго генералъ-адъютанта Тотлебена. Все время за обѣдомъ Эдуардъ Ивановичъ былъ необыкновенно веселъ и въ прекрасномъ расположеніи духа; съ бокаломъ въ рукѣ онъ пожелалъ процвѣтанія городу Сливно и всей Южной и Сѣверной Болгаріи, „которыя уже считаются, сказалъ онъ, и останутся, я увѣренъ, повторилъ онъ, свободными навсегда".

Проводы генералъ-адъютанта Тотлебена на другой день утромъ, 24-го февраля, были необыкновенно сердечны и торжественны [2]): сливенскія болгарки, узнавъ, что главнокомандующему

---

[1]) Городской голова.

[2]) Во время проѣзда генералъ-адъютанта Тотлебена, послѣ назначенія его главнокомандующимъ, отъ Бургаса въ Адріанополь, по пути ему устраивались населеніемъ весьма торжественныя встрѣчи, а въ с. Истральджѣ,

нравятся болгарскія домашнія издѣлія, наперерывъ шли и подносили ему свои ручныя работы, которыя Эдуардъ Ивановичъ очень благосклонно и съ удовольствіемъ принималъ и, благодаря, говорилъ: „издѣлія эти навсегда сохранятъ въ моей памяти эти драгоцѣнныя болгарскія мѣста, съ которыми я всю жизнь не разстался-бы, если-бы это отъ меня зависѣло". Съ самаго ранняго утра слишкомъ десять тысячъ гимнастовъ-болгарскихъ воиновъ стояли густыми шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы, по которой имѣлъ проѣхать главнокомандующій. Проѣзжая по этой улицѣ, долго и пристально всматривался въ этихъ новоиспеченныхъ болгарскихъ воиновъ, видимо любуясь ими, и, здороваясь съ ними, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ съ большою увѣренностью произнесъ, обращаясь къ представителямъ города: „ну, братцы-болгары, имѣя такую національную гвардію, вамъ уже нечего болѣе страшиться за судьбу вашей Болгаріи, вы сами сможете ее отстоять".—„Да живѣй Царь-Освободитель, да здравствуетъ его главнокомандующій", затрещало въ воздухѣ въ одинъ голосъ...

Но вслѣдъ за проводами главнокомандующаго, оставившаго населеніе въ самомъ лучшемъ настроеніи, началась и разыгралась весьма непріятная исторія. Проводивши главнокомандующаго за городъ, я возвратился въ свою канцелярію и усѣлся за письменный свой столъ, такъ какъ за однѣ эти сутки накопилось не мало бумагъ. Спустя часъ времени послѣ этого, ко мнѣ подходитъ управлявшій моею канцеляріею и проситъ меня взглянуть въ окно,

---

пока перемѣняли лошадей, устроенъ былъ молодежью національный болгарскій танецъ, на которомъ красовались молодыя болгарки въ своихъ чрезвычайно живописныхъ нарядахъ, чѣмъ онѣ обратили на себя вниманіе Эдуарда Ивановича, который очень расхвалилъ ихъ. Въ Ямболѣ былъ устроенъ городомъ въ честь главнокомандующаго торжественный обѣдъ, на которомъ представители населенія предложили многочисленные тосты за здравіе Государя Императора, Государя Наслѣдника, всей Россіи и доблестнаго главнокомандующаго; затѣмъ я, проводивши Эдуарда Ивановича и попрощавшись съ нимъ, отправился въ Сливно. На другой день явилась ко мнѣ депутація отъ с. Истральджи и просила меня отправить генералъ-адъютанту Тотлебену два женскихъ костюма, которые подноситъ его высокопревосходительству общество этого селенія. Принявъ эти костюмы, я тотъ-же часъ отправилъ ихъ съ предсѣдателемъ ямбольскаго окружнаго совѣта Станчовымъ къ генералъ-адъютанту Тотлебену въ Адріанополь при письмѣ и отъ него я на другой день получилъ телеграмму, въ которой онъ благодарилъ общество с. Истральджи за память. „Эти прекрасные живописные костюмы, говорилось въ этой телеграммѣ, я отправлю своимъ дочерямъ, которыя ими будутъ восхищены". И. С. И.

чтобы видѣть разгуливающую толпу народа на улицѣ и на площади. Спачала мнѣ показалось, что народъ толпится еще по улицѣ послѣ проводъ главнокомандующаго, поэтому, не обративъ никакого на это вниманія, я взялся вновь за свою работу. Но затѣмъ моментально вбѣжалъ ко мнѣ въ кабинетъ полицеймейстеръ съ докладомъ, что народъ узналъ, что Шмидтъ ночевалъ въ Ямболѣ и оттуда уже направился въ Сливно, чтобы принять кассу, поэтому потянулъ массами по дорогѣ къ Ямболю на встрѣчу Шмидту и что онъ предупреждаетъ о грозящей опасности. Въ виду этого, я поручилъ сливенскому вице-губернатору Римскому-Корсакову отправиться по направленію къ Ямболю и принять мѣры къ удаленію массъ народа съ дороги, внушивъ людямъ, что нарушеніемъ порядка они навлекутъ на себя отвѣтственность; поѣхать туда-же для внушенія народу о томъ-же благосклонно предложилъ свои услуги сливенскій митрополитъ Серафимъ, затѣмъ и я самъ отправился туда-же верхомъ. Но, по мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ по дорогѣ къ Ямболю, болгары, замѣчая меня издали, какъ-бы исчезали съ дороги и, повидимому, толпа все болѣе и болѣе уменьшалась, между тѣмъ, какъ оказалось, толпы сходили съ дороги, но тутъ-же не далеко отъ нея прятались за буграми въ полѣ, наконецъ, издали задался верхомъ на всемъ скаку вице-губернаторъ Римскій-Корсаковъ и доложилъ мнѣ, что когда за нѣсколько верстъ отъ Ямболя показался ѣхавшій въ экипажѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ и жандармовъ Шмидтъ, то разъяренная масса народа болѣе 10 тысячъ человѣкъ устремилась къ его экипажу, бросая въ ту сторону камнями, такъ что въ виду этой опасности Шмидтъ моментально повернулъ обратно, и хотя онъ его и догналъ, но не могъ совѣтовать ему ѣхать въ Сливно, потому что убѣдился, что его жизни грозитъ серьезная опасность: одни въ толпѣ, говорилъ Римскій-Корсаковъ, кричали, что это турецкій паша, другіе называютъ его англичаниномъ, третьи нѣмцемъ и т. п. Боясь за судьбу Шмидта въ Ямболѣ, гдѣ населеніе не въ лучшемъ настроеніи находилось по отношенію къ нему, я вновь предложилъ вице-губернатору Римскому-Корсакову поскакать обратно и, догнавъ Шмидта, оказать ему содѣйствіе къ поѣздкѣ обратно въ Филиппополь. Тамъ въ Ямболѣ также многочисленная толпа поджидала пріѣзда Шмидта, какъ оказалось, но она пріутихла, когда г. Римскій-Корсаковъ, догнавшій Шмидта и вмѣстѣ съ нимъ въ экипажѣ ѣхавшій, увѣрилъ людей, что Шмидтъ не коснется казначейства и уѣдетъ въ Филиппополь, куда онъ и отправился послѣ того, когда и начальникъ этапнаго отдѣла генералъ-

маіоръ Тихменевъ заявилъ ему, Шмидту, категорически, что ни одного русскаго солдата онъ не дастъ на усмиреніе болгаръ, потому что русскія войска пришли освободить, но не усмирять болгаръ и т. п.

Казалось-бы, что этотъ нахальный человѣкъ долженъ-бы былъ уже угомониться послѣ всей этой исторіи, тѣмъ болѣе, когда къ тому я донесъ генералъ-губернатору Восточной Румеліи о томъ, что выѣздъ Шмидта изъ Филиппополя, безъ сопровожденія его значительными войсками—немыслимъ, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ можетъ поплатиться жизнью, и что снаряжать русскія войска для охраны Шмидта, желающаго разъѣзжать по области по прихоти и даже далеко не съ доброю цѣлью, и тѣмъ давать поводъ къ вооруженному столкновенію ихъ съ болгарами—было-бы неумѣстно, тѣмъ болѣе теперь, наканунѣ окончанія окупаціи и упраздненія русскаго военно-гражданскаго управленія, когда мы должны оставить хорошее воспоминаніе о себѣ въ населеніи во всѣхъ отношеніяхъ. Но Шмидтъ имѣлъ въ своей головѣ иную цѣль: рискованными поѣздками своими по Южной Болгаріи онъ добивался безпорядковъ и даже цѣлыхъ происшествій, чтобы затѣмъ показать причиною всему этому русскія власти и требовать, такимъ образомъ, скорѣйшаго упраздненія русскаго и введенія новаго управленія. Такъ это и вышло. Спустя нѣсколько дней послѣ этого, Шмидтъ рѣшается пуститься черезъ Ямболь въ Сливно, но въ этотъ разъ уже подъ личною охраною самого генералъ-губернатора Восточной Румеліи и въ сопровожденіи делегатовъ англійскаго и австрійскаго. Это было такимъ образомъ: получаю я изъ Филиппополя отъ генералъ-лейтенанта А. Д. Столыпина телеграмму, извѣщающую меня о томъ, что онъ выѣзжаетъ въ Ямболь по дѣламъ службы, куда я и поспѣшилъ въ тотъ-же день вечеромъ, такъ что на другой день утромъ я уже встрѣтилъ его въ Ямболѣ на станціи желѣзной дороги. Выходя изъ вагона, Аркадій Дмитріевичъ представилъ мнѣ Шмидта и при этомъ спросилъ: „что вы на это скажете?“ Вопросъ этотъ я понялъ въ томъ смыслѣ—не предстоитъ-ли опасности для Шмидта? Вслѣдъ затѣмъ онъ прибавилъ: „вѣдь Шмидта я везу въ Сливно“—„Очень жаль“, отвѣтилъ я ему.—„Почему?“, спросилъ Аркадій Дмитріевичъ.—„А потому, отвѣтилъ я, что мы будемъ имѣть съ нимъ большія затрудненія“.—„Ну, пусть братушки попробуютъ, такъ я съ ними раздѣлаюсь по-своему“. Сказано и сдѣлано.

Отъ станціи желѣзной дороги мы отправились въ трехъ экипажахъ въ Сливно. При въѣздѣ въ городъ тамъ было все населеніе, во главѣ съ городскимъ управленіемъ, для встрѣчи генералъ-губернатора,

о пріѣздѣ котораго я телеграфировалъ изъ Ямболя еще наканунѣ. На этомъ мѣстѣ была поставлена тріумфальная арка, съ одною только надписью на ней: „Да живѣй нашъ Царь-Избавитель и вся Россія". Надо полагать, народъ не зналъ, что въ свитѣ генералъ-губернатора находится знаменитый герой дня. Генералъ-лейтенантъ Столыпинъ съ Шмидтомъ и делегатами австрійскимъ и англійскимъ заѣхали ко мнѣ на мою квартиру, помѣщавшуюся въ грандіозномъ двухъ-этажномъ домѣ какого-то сливенскаго, уже не существовавшаго на свѣтѣ, турецкаго паши, имѣвшемъ съ одной и другой стороны прекрасный садъ съ бьющими фонтанами, который, по своему положенію, господствовалъ надъ всѣмъ городомъ. Спустя часъ послѣ нашего пріѣзда, когда только-что усѣлись завтракать. влетѣлъ ко мнѣ сливенскій полицеймейстеръ и доложилъ мнѣ, что толпа народа окружила этотъ домъ и хотя онъ, полицеймейстеръ, принималъ мѣры къ удаленію толпы, явившейся съ демонстративными цѣлями, но толпа не только-что не удаляется, но постепенно все увеличивается, изъ чего я уже заключилъ, что народъ пронюхалъ о существованіи между нами Шмидта. Моментально я отправился къ воротамъ и, къ удивленію моему, я увидѣлъ густыя массы народа кругомъ дома по обѣимъ улицамъ. „Что вамъ нужно?" спросилъ я по-болгарски близко стоявшихъ ко мнѣ болгаръ. „Мы слышали, раздался голосъ, что съ генералъ-губернаторомъ къ вамъ пріѣхалъ какой-то турецкій паша или англичанинъ, чтобы взять нашу кассу, мы его не желаемъ и просимъ его изъ Сливно удалить". Какъ я ни разъяснялъ этой толпѣ, что сегодня пріѣхалъ сюда генералъ-губернаторъ, въ сопровожденіи англійскаго и австрійскаго делегатовъ европейской комиссіи и съ директоромъ финансоваго комитета Шмидтомъ, что Шмидтъ не турецкій паша, а членъ этой комиссіи, назначенный на эту должность съ вѣдома и согласія русскаго правительства, и просилъ разойтись по своимъ мѣстамъ, но толпа не расходилась и, убѣдившись въ невозможности удаленія ея, я поставленъ былъ въ необходимость, возвратясь, доложить генералъ-лейтенанту Столыпину объ этомъ случаѣ: „Какъ, вы не могли удалить эту толпу!", крикнулъ генералъ. Затѣмъ, моментально поднявшись съ мѣста, онъ пустился черезъ садъ къ воротамъ, за которымъ и я послѣдовалъ. Выйдя на улицу и подойдя очень близко къ толпѣ, генералъ весьма энергично потребовалъ, чтобы она немедленно разошлась по своимъ домамъ, но когда толпа даже съ мѣста не пошевельнулась. генералъ, еще ближе ставъ къ толпѣ и, указывая на себя, сказалъ: „Знаете-ли вы, что я—русскій генералъ, поставленный здѣсь

государемъ императоромъ?" Въ отвѣтъ на это раздались общіе голоса: „да живѣй русскій Бѣлый Царь, нашъ избавитель и покровитель, урра!", причемъ шапки полетѣли на воздухъ. Затѣмъ въ толпѣ послышались голоса: „Шмидта не желаемъ, пусть онъ изъ нашей земли удаляется!" Сильно взволнованный этимъ, генералъ Столыпинъ бросилъ толпу и, возвратившись въ комнату, составилъ лично и послалъ въ городъ Мустафу-пашу телеграмму командовавшему 4-мъ корпусомъ генералу Скобелеву, прося его немедленнаго пріѣзда въ Сливну. Но генералъ Скобелевъ, заранѣе предвидѣвшій эту исторію, уклонился отъ пріѣзда, по крайней мѣрѣ, отвѣчалъ, что по особо важнымъ дѣламъ онъ ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ оставить Мустафу-пашу, такъ какъ населеніе находится въ возбужденномъ состояніи и можетъ возникнуть кровавое столкновеніе между болгарами и турками [1]). Толпа, между тѣмъ, все больше и больше увеличиваясь, на другой день превышала уже 20 тыс. душъ обоего пола, стала бить въ набатъ, ночи проводила на улицѣ у разведенныхъ ею костровъ, словомъ, дѣло стало принимать большіе и серьезные размѣры. Генералъ Духонинъ, начальникъ штаба расположеннаго въ Сливнѣ и въ окрестностяхъ его корпуса, также уклонился отъ исполненія требованія генерала Столыпина, чтобы силою войскъ разогнать толпу, боясь кроваваго столкновенія съ народомъ, который мы пришли освободить, сказалъ генералъ Духонинъ, но не драться съ нимъ и тѣмъ оставлять въ немъ дурныя воспоминанія... Наконецъ, разогнать изъ Сливны многочисленную эту толпу отважно принялъ на себя полковникъ Кисяковъ, но, однако, болгарскія дружинныя войска, силою которыхъ онъ взялся вытѣснять болгаръ, по его командѣ только прошли по улицамъ, не тронувъ ни одного болгарина изъ толпы, которая стала разгуливать по всѣмъ улицамъ еще съ бо̀льшими ликованіями, дружно распѣвая:

Русскій царь е на земя та
Най великъ отъ всички прьвъ,

---

[1]) Этого съ нетерпѣніемъ ожидалъ незабвенный М. Д. Скобелевъ, по крайней мѣрѣ, онъ, не переставая, говорилъ, что русское оружіе не удовлетворено, что намъ нужно возобновить дѣло и занять Константинополь, хотя-бы даже только на 24 часа, чѣмъ подчиняться такъ зло уронившему нашъ военный авторитетъ берлинскому трактату. Онъ духомъ потрясенъ былъ, когда получилъ послѣднее рѣшительное приказаніе во чтобы-то ни стало выступить изъ г. Мустафы-паши, а потомъ и изъ всей Восточной Румеліи, такъ какъ съ этимъ исчезала всякая надежда на новые подвиги, составлявшіе его единственную мечту... Да кто, въ самомъ дѣлѣ, не былъ потрясенъ результатами этой знаменательной побѣдоносной войны?.. И. С. И.

Руссити ся наша братья,
Наша плоть и наша кръвъ,
Ты бяди ни покровитель
И защитникъ и спаситель.
О! държавный русскій царь,
Урра! Здравствуй, царь,
Православный господарь,
Урра! Здравствуй, царь,
Урра! Урра! Урра! Здравствуй, царь!

***

Катъ Россія нѣма втора,
Тяй могуща на свѣта,
Тя е наша та подпора,
Тя е наша та высота.
Ты бяди ни покровитель и пр.

***

Русска сила, русска воля,
Русска кръвъ и русски плоть
Ще избавятъ отъ неволя
Нашій подпалый народъ.
Ты бяди ни покровитель, и пр.

Домъ, въ которомъ остановился генералъ-губернаторъ съ делегатами и со Шмидтомъ, былъ положительно въ осадномъ положеніи. На телеграмму, посланную генераломъ Столыпинымъ генералъ-адъютанту Тотлебену въ Варну 28-го февраля объ этомъ упорномъ сопротивленіи болгарскаго населенія распоряженіямъ Шмидта, послѣдовалъ отвѣтъ: „проѣзжая третьяго дня черезъ Сливно, я нашелъ болгарское населеніе въ самомъ лучшемъ благорасположеніи духа, поэтому я считаю причиною того положенія, о которомъ вы сообщаете мнѣ, безтактность самого Шмидта". Когда прошло трое сутокъ и дѣло къ лучшему не подвинулось, генералъ Столыпинъ обратился ко мнѣ съ такимъ приказаніемъ: „распорядитесь, чтобы доставлена была сюда троечная кибитка, а я дамъ одинъ взводъ казаковъ и пусть Шмидтъ убирается немедленно въ Ени-Загру, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Филиппополь". Все это было сдѣлано и въ семь часовъ вечера Шмидтъ въ сопровожденіи взвода казаковъ убрался въ Ени-Загру. На другой день, утромъ, явился ко мнѣ сливенскій полицеймейстеръ съ докладомъ, что разгуливавшая по сливенскимъ улицамъ 20-тысячная толпа до одного человѣка исчезла, такъ что всѣ улицы, которыя еще наканунѣ были атакованы густыми массами народа, были совершенно уже пустыя. Слава Богу, что этимъ дѣло кончилось. Генералъ-губернаторъ, однако, не спѣшилъ съ своимъ выѣздомъ, такъ какъ онъ счелъ нужнымъ изготовить и издать приказъ, чтобы за допущеніе этихъ безпорядковъ

поставить на видъ губернской и мѣстной администраціи. Насколько это было умѣстно или неумѣстно, можно судить по вышеприведенной телеграммѣ генералъ-адъютанта Э. И. Тотлебена, такъ какъ въ ней, какъ нельзя лучше, указаны виновные въ этомъ дѣлѣ [1]). Дальнѣйшія волненія, распространившіяся по всей области Восточной Румеліи, давали себя чувствовать съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Населеніе стало уже открыто заявлять мѣстнымъ властямъ, что оно не подчинится добровольно берлинскому трактату, разъединившему его съ остальною Болгаріею, съ которою оно всегда было связано, даже во все время турецкаго владычества. Между тѣмъ, русскія войска стали выступать и русское гражданское управленіе начало замѣняться болгарскимъ управленіемъ, по крайней мѣрѣ, префекты, окружные начальники и полицеймейстеры въ городахъ были уже предназначены [2]). Русскимъ властямъ и войскамъ долѣе нельзя было оставаться въ странѣ, въ виду окончанія опредѣленнаго берлинскимъ трактатомъ срока окупаціи, вслѣдствіе чего одинъ за другимъ шли приказы о выступленіи, но въ то-же время нельзя было рѣшиться на оставленіе края при такомъ чрезмѣрно тревожномъ состояніи населенія. Нужно было явиться на помощь и въ этомъ положеніи. Довольно было одного мощнаго слова Царя-Освободителя, переданнаго народу, по порученію его величества, генералъ-адъютантомъ Н. Н. Обручевымъ, чтобы успокоить его.

---

[1]) За завтракомъ у меня, за которымъ сидѣли генералъ Столыпинъ, делегаты австрійскій и англійскій, директоръ финансоваго комитета Шмидтъ и я, мною получена была изъ Карнабата отъ предсѣдателя окружнаго совѣта, Попова, телеграмма, въ которой онъ сообщилъ мнѣ, что русскій полковникъ проѣзжалъ черезъ Карнабатъ съ какимъ-то штатскимъ, прилично одѣтымъ, господиномъ и, шутя, сказалъ одному мальчику въ домѣ, гдѣ онъ остановился, что его компаньонъ Шмидтъ—тотъ самый Шмидтъ, котораго народъ въ Сливнѣ разыскиваетъ. Мальчикъ принялъ за чистую монету эту шутку, побѣжалъ къ отцу своему и сказалъ ему объ этомъ, а тотъ далъ знать другимъ и, такимъ образомъ, моментально сбѣжалась цѣлая толпа народа, бросившаяся на мнимаго Шмидта, а, въ сущности, это былъ какой-то подрядчикъ-еврей, такъ что, несмотря на увѣренія полковника, что это вовсе не Шмидтъ, что это онъ сказалъ шутя, толпа растерзала-бы его, если-бы онъ не успѣлъ бѣжать.

[2]) Я самъ получилъ отъ генералъ-губернатора конфиденціальное письмо, въ которомъ онъ просилъ меня сообщить ему откровенно: желаю-ли я остаться на службѣ въ Болгаріи и въ такомъ случаѣ подать въ отставку отъ русской службы. „Нисколько не желая вліять на васъ по этому вопросу, сказано было далѣе въ письмѣ генерала Столыпина, я не могу скрыть передъ вами моего убѣжденія, что вы, по своему сочувствію и по своей опытности, принесли-бы не малую пользу Болгаріи, оставшись здѣсь на службѣ".

И. С. И.

5-го апрѣля 1879 г. пріѣхалъ въ Сливно ген. Обручевъ[1]) и въ тотъ-же день отъ его имени были приглашены почетнѣйшіе и вліятельные граждане г. Сливны, съ которыми Н. Н. Обручевъ вступилъ въ бесѣду, продолжавшуюся цѣлыхъ два часа....

Отвѣтомъ на авторитетную и полную энергіи рѣчь ген. Обручева, произведшую на слушателей — сливенскихъ почетныхъ болгаръ—самое успокоительное дѣйствіе, были дружныя и сердечныя восклицанія: „да живѣй на многая и многая лѣта нашъ Царь-Освободитель, да здравствуетъ и его посланникъ генералъ Обручевъ".

Такимъ образомъ, самый энергическій и самый воинственный городъ Сливно[2]) изъявилъ согласіе подчиниться берлинскому ареопагу только въ виду священной для болгаръ воли Царя-Избавителя. Нечего и говорить, что такъ поступили и всѣ другіе города Южной Болгаріи, которые посѣтилъ ген.-адъют. Обручевъ.

При въѣздѣ въ г. Ени-Загру 6-го того-же апрѣля, ген. Обручева съ хлѣбомъ и солью встрѣтилъ предсѣдатель окружнаго совѣта Стоянъ Сивковъ и произнесъ по-болгарски слѣдующее привѣтствіе: „позвольте поднести вашему высокопревосходительству отъ гор. Ени-Загры и его округа хлѣбъ-соль, въ знакъ нашей вѣчной глубочайшей благодарности, которою преисполнено населеніе къ братскому русскому народу и Царю-Освободителю за столь великія жертвы, принесенныя для нашего освобожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ просить васъ доложить его величеству, что его священное имя съ чувствами благоговѣнія будетъ произноситься нами и нашими поколѣніями и переходить въ нашемъ потомствѣ изъ рода въ родъ". Здѣсь генералъ Обручевъ сдѣлалъ нѣкоторое денежное пожертвованіе въ пользу бѣдныхъ [3]).

---

[1]) Квартира его устроена была у меня въ домѣ, который я тамъ занималъ, и въ его честь данъ былъ большой обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ пребывавшіе въ то время въ Сливнѣ генералы и штабъ-офицеры, представители мѣстныхъ судебныхъ и общественныхъ учрежденій и почетнѣйшіе граждане.

[2]) Сливно не разъ поднималъ знамя за свободу отечества. Еще въ 1828 г., когда уже отступали русскія войска, по заключеніи адріанопольскаго мира, Сливно, узнавъ, что по этому трактату никакихъ привилегій не выговорено для Болгаріи, началъ было серьезное патріотическое дѣло, но оно не получило большихъ размѣровъ вслѣдствіе того, что главнокомандующій совѣтовалъ сливенцамъ пріостановить свое возстаніе, такъ какъ оно является уже неумѣстнымъ и неудобнымъ послѣ того, когда русскія войска еще остаются въ краѣ. У сливенцевъ всегда на первомъ планѣ стояли патріотическія цѣли, которыя они высказывали всегда дѣломъ... И. С. И.

[3]) Въ самомъ несчастномъ положеніи находились Ени-Загра и Еска-Загра, въ коихъ болѣе чѣмъ на половину мужское населеніе было перерѣ-

По возвращеніи въ Сливну, ген.-ад. Обручевъ смотрѣлъ болгарскихъ гимнастовъ, собранныхъ изъ Сливны и окрестностей его въ значительномъ числѣ. Послѣ нѣкоторыхъ маневровъ, по командѣ генерала М. Д. Скобелева, началась стрѣльба изъ ружей Крнка, которая, по результатамъ своимъ, обратила на себя особенное вниманіе Н. Н. Обручева, изумленнаго прекрасными успѣхами гимнастовъ, какъ по части маневрированія, такъ и по части стрѣльбы, дававшей слишкомъ 70 проц. Свои впечатлѣнія генералъ Обручевъ занесъ въ свою памятную книжку.

Вслѣдъ затѣмъ Ник. Ник. Обручевъ выѣхалъ въ Бургасъ, посѣтивъ по пути Карнабатъ и Айдосъ. Изъ Бургаса, гдѣ генералъ также бесѣдовалъ съ гражданами и убѣдилъ ихъ въ необходимости помириться съ своимъ положеніемъ, онъ, въ сопровожденіи полковника А. А. Шепелева, отплылъ на пароходѣ въ Ялту для доклада о положеніи дѣлъ въ Восточной Румеліи императору Александру II.

Откланявшись на пароходѣ генералу Обручеву, я отправился въ Сливно, гдѣ, спустя нѣсколько дней, я получилъ телеграмму отъ императорскаго комиссара съ увѣдомленіемъ о назначеніи меня губернаторомъ въ Рущукѣ, куда мнѣ предлагалось немедленно отправиться. Въ это время въ Сливнѣ уже находился и прибывшій туда, назначенный сливенскимъ префектомъ, по органическому уставу Восточной Румеліи, шумленскій болгаринъ Тодоръ Икономовъ. Онъ явился ко мнѣ въ какой-то импровизированной имъ самимъ формѣ, съ черкесскою шашкою черезъ плечо, и просилъ моего распоряженія о сдачѣ ему дѣлъ сливенскаго губернаторства. Этотъ самый Тодоръ Икономовъ впослѣдствіи игралъ въ сферѣ партійныхъ интригъ довольно видную, но въ то-же время и слишкомъ двусмысленную, роль, переходя отъ одной партіи къ другой и перемѣняя свое направленіе. Впрочемъ, такою ролью не одинъ Икономовъ отличался, а и многіе другіе изъ политическихъ людей Болгаріи. Къ этому времени прибылъ въ Сливно и генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи, генералъ-лейтенантъ Столыпинъ, который присутствовалъ на молебствіи и водосвятіи, совершенныхъ сливенскимъ митрополитомъ, при освященіи площади, отведенной городскимъ совѣтомъ, по моему настоянію, подъ постройку зданія для сливенской реальной гимназіи, учрежденной, годъ тому назадъ, по моему-же ходатайству [1]).

зано турками, послѣ отступленія генерала Гурко съ отрядомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1878 года.

[1]) На это дѣло мною переданы были городскому совѣту разные остатки на сумму слишкомъ 100 тысячъ франковъ. И. С. И.

За все время существованія нашего гражданскаго управленія въ Южной и Сѣверной Болгаріи издавались, кажется, двѣ—три мѣстныя газеты, въ томъ числѣ одна въ г. Сливнѣ подъ названіемъ „Знамя", подъ редакціею мѣстнаго врача гомеопата Мирковича.

Путь свой на Рущукъ я рѣшилъ совершить черезъ Балканы, именно, черезъ Котелъ, Ески-Джумаю, Разградъ и т. д., но такъ какъ въ то время эти мѣста представлялись не совсѣмъ еще безопасными, то, по распоряженію генералъ-лейтенанта Столыпина, мнѣ данъ былъ взводъ казаковъ для сопровожденія до Ески-Джумаи. Выѣхалъ я 20-го мая изъ Сливны, представители коего, какъ и многихъ другихъ городовъ Сливенской губерніи, готовили мнѣ сюрпризъ: въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ очаровательной рощѣ, ожидали моего пріѣзда всѣ первенствующіе граждане, во главѣ съ сливенскимъ митрополитомъ высокопреосвященнымъ Серафимомъ. Тамъ за угощеніями и за бокаломъ мѣстнаго сливенскаго вина, мнѣ поднесли покрытый сотнями подписей, въ прекрасномъ бархатномъ переплетѣ, адресъ, въ которомъ выражена скорбь населенія за оставленіе мною края и благодарность за мою къ нему любовь. Еще разъ сердечно попрощавшись съ Сливенскою губерніею, въ лицѣ первенствующихъ болгаръ-патріотовъ и высокопреосвященнаго Серафима, я пустился въ путь, которому благопріятствовала прелестная майская погода. Эти необычайно сердечные, полные симпатіи, проводы еще болѣе тронули и безъ того разстроенныя мои чувства: меня еще болѣе стала мучить мысль, почему я не согласился остаться въ этой столь близкой моему сердцу странѣ, чтобы послужить ей, пока силы даютъ мнѣ возможность. Моего глубокаго грустнаго настроенія не въ состояніи были измѣнить даже и прелестныя мѣста Балкановъ по пути къ Котлу и Эски-Джумаи, которыя такъ хороши, такъ очаровательны, что, кажется, въ состояніи были-бы усладить чувства самаго грустнаго человѣка.

Въ Котлѣ я знакомыхъ не имѣлъ, тѣмъ не менѣе мнѣ была сдѣлана честь встрѣчею при въѣздѣ въ городъ со стороны представителей его, заранѣе, вѣроятно, извѣщенныхъ сливенцами о времени моего пріѣзда въ Котелъ. Здѣсь я переночевалъ въ домѣ, въ который привезъ меня городской кметъ. Этотъ городъ извѣстенъ своими домашними издѣліями, какъ, напримѣръ, особой ткани коврами, домашними сукнами, равно какъ овцеводами, имѣвшими свои громадныя стада овецъ въ Добруджѣ; онъ далъ нѣсколько болгарскихъ дѣятелей, какъ, напримѣръ, родоначальника князей Богориди, писателя и замѣчательнаго политическаго дѣятеля Раковскаго, генерала Кишельскаго и нѣкоторыхъ другихъ, принесшихъ не малую долю пользы дѣлу возрожденія болгарскаго народа.

Въ Рущукъ я пріѣхалъ на третій день, т. е. вечеромъ 22-го мая, и былъ встрѣченъ тамъ на станціи желѣзной дороги полицеймейстеромъ, извѣщеннымъ мною изъ Разграда о своемъ слѣдованіи, но оказалось, что ни генералъ Акимовъ, бывшій тамъ до того губернаторомъ, ни полицеймейстеръ не имѣли никакихъ свѣдѣній о томъ, что я назначенъ рущукскимъ губернаторомъ, такъ какъ приказъ императорскаго комиссара князя Дондукова-Корсакова объ этомъ назначеніи, состоявшійся 18-го числа того мая мѣсяца, еще не былъ тамъ полученъ, такъ что, только спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, я вступилъ въ должность рущукскаго губернатора. Первымъ моимъ долгомъ послѣ этого, было посѣтить митрополита, знакомство съ которымъ меня тѣмъ болѣе интересовало, такъ какъ о высокопреосвященномъ Григоріи я многое слышалъ pro и contra. Какъ оказалось, это — человѣкъ вполнѣ современный въ томъ смыслѣ, что онъ всегда шелъ по теченію, т. е. сообразно окружавшимъ его обстоятельствамъ, да едва-ли иначе онъ могъ-бы существовать въ Рущукѣ, гдѣ то и дѣло, что въ то время вѣшали то того, то другаго болгарина за дѣйствія и стремленія къ политической свободѣ отечества. Положеніе всякаго выдававшагося болгарина и тѣмъ болѣе, такого высокопоставленнаго духовнаго лица, какимъ былъ рущукскій высокопреосвященный Григорій, было самое не безопасное, такъ какъ достаточно было одного малѣйшаго подозрѣнія, чтобы попасть въ руки такого свирѣпаго турка, какимъ былъ въ то время извѣстный Митхадъ-паша, ни во что не ставившій жизнь всякаго болгарина. Я не сомнѣваюсь, что высокопреосвященный Григорій, судя по его объясненіямъ, дѣйствительно, не отказывался помочь всякому въ его горѣ тамъ, гдѣ была возможность, но были случаи, когда онъ не рѣшался даже слово замолвить о такихъ несчастныхъ болгарахъ, которыхъ, по обнаруженнымъ ихъ политическимъ дѣяніямъ, ожидала уже висѣлица, такъ какъ въ его ходатайствѣ, во всѣхъ такихъ случаяхъ, усмотрѣли-бы солидарность его съ такими лицами. Я, по крайней мѣрѣ, видѣлъ въ немъ выдающійся умъ и любовь къ своей паствѣ и къ Болгаріи, войска-же русскія онъ всегда встрѣчалъ и провожалъ весьма сочувственно, что выражалось въ его прекрасныхъ рѣчахъ, которыя не разъ я имѣлъ удовольствіе слышать.

По заведенному обычаю, на другой день послѣ моего вступленія въ управленіе губерніею, являлись ко мнѣ съ визитами всѣ пребывавшіе въ Рущукѣ иностранные консулы: англійскій, французскій, итальянскій, австро-венгерскій, германскій, греческій, персидскій и румынскій. Какъ ни любезны были всѣ эти господа, но

существовавшія съ Оттоманскою Портою капитуляціи, обязательныя и для Болгарскаго княжества, давали большой просторъ ихъ вмѣшательствамъ. Менѣе разборчивымъ и сдержаннымъ въ своихъ требованіяхъ, даже по частнымъ дѣламъ, являлся представитель республиканскаго правительства—французскій консулъ. Онъ офиціально требовалъ заставить турка-домовладѣльца продолжить ему наемъ своего дома, такъ какъ въ этомъ турокъ отказывалъ ему, а потомъ также офиціально требовалъ объ удаленіи русскаго офицера изъ дома, въ которомъ онъ имѣлъ квартиру по отводу, на томъ основаніи, что этотъ домъ онъ хочетъ нанять для своего помѣщенія.

На первыхъ-же порахъ моего пріѣзда нужно было приступить къ распоряженіямъ по устройству пріема князя болгарскаго, прибытіе котораго ожидалось въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Рущукъ, гдѣ не такъ давно свирѣпствовалъ извѣстный Митхадъ-паша, терроризировавшій было Дунайскій вилаетъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе украшался и принималъ праздничный видъ, готовясь встрѣтить перваго своего избранника на вновь возстановленный силою русскаго оружія престолъ болгарскій. Все съ каждымъ днемъ приходило въ восторженное состояніе. Рущукскія дамы шли наперерывъ одна другой въ стремленіяхъ представиться въ лучшихъ нарядахъ и выразить свои чувства восторга и радости первому своему князю: однѣ готовили рѣчи свои на французскомъ языкѣ, другія на нѣмецкомъ, третьи на своемъ національномъ и, въ концѣ концовъ, одна только дѣвица Петковичъ осчастливилась рѣчью на французскомъ языкѣ привѣтствовать князя Александра на рущукскомъ вокзалѣ.

Принцъ Александръ Батенбергъ прибылъ въ Рущукъ около 3-хъ часовъ дня 21-го іюня, въ сопровожденіи россійскаго императорскаго комиссара, ѣздившаго на встрѣчу ему на морѣ при слѣдованіи его на пароходѣ изъ Константинополя, а изъ Бриндизи принца сопровождалъ полковникъ А. А. Шепелевъ, оставшійся впослѣдствіи при немъ. въ качествѣ совѣтника. Послѣ выхода принца изъ вагона, первымъ я былъ представленъ ему императорскимъ комиссаромъ, затѣмъ ему поднесенъ былъ на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль представителемъ города Рущука, послѣ чего дѣвица Петковичъ отъ имени дамскаго общества привѣтствовала князя рѣчью на французскомъ языкѣ. Отсюда принцъ верхомъ на лошади, въ сопровожденіи имп. комиссара и всего населенія Рущука, отправился въ соборъ, гдѣ рущукскій митрополитъ совершилъ молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и его избраннику принцу Александру Батенбергу, причемъ привѣтствовалъ

его прочувствованною патріотическою рѣчью; изъ собора князь отправился въ приготовленное для него помѣщеніе, изящно убранное. Народъ ликовалъ отъ восторженныхъ чувствъ радости. Въ 7-мъ часу былъ сервированъ обѣдъ на 40 персонъ, въ числѣ коихъ былъ нашъ генеральный консулъ въ Бухарестѣ г. Якобсонъ и князь Кантакузенъ изъ Бухареста, въ качествѣ частнаго лица по личному знакомству съ принцемъ. Первый тостъ за принца, по желанію императорскаго комиссара, предложенъ былъ мною. Въ этотъ день подана была одна просьба принцу дочерью содержавшагося въ тюрьмѣ мѣстнаго болгарина Стефановича, но разрѣшеніе просьбы этой было отложено до прибытія принца въ Софію, такъ какъ до принесенія имъ присяги на вѣрность конституціи считалось не удобнымъ милованіе. На другой день, въ 8 часовъ утра, послѣдовалъ выѣздъ принца изъ Рущука въ Тырново, гдѣ онъ долженъ былъ выполнить присягу въ народномъ собраніи. За 10 верстъ отъ Рущука, именно въ Бѣлѣ, сервированъ былъ принцу завтракъ. По дорогѣ отъ Рущука до Бѣлы и далѣе до самаго Тырнова народъ всюду встрѣчалъ принца привѣтствіями.

Въѣздъ болгарскаго князя въ Тырново, эту древнюю столицу болгарскихъ царей, былъ самый торжественный. Представители города съ духовенствомъ, во главѣ тырновскаго митрополита Климента, встрѣтили князя за нѣсколько верстъ отъ города. Трудно описать все то, что происходило въ этотъ день и послѣ того въ древней болгарской столицѣ: не было ни одной живой души какъ здѣсь, гдѣ, пять почти столѣтій тому назадъ, пало царство болгарское, такъ и во всей Болгаріи, которая не была-бы проникнута восторженными чувствами радости. На другой день князь въ народномъ собраніи торжественно, въ присутствіи представителей иностранныхъ державъ, принесъ на болгарскомъ языкѣ присягу на вѣрность конституціи. Затѣмъ на третій день состоялся его выѣздъ въ новую болгарскую столицу Софію, гдѣ немедленно составлено было первое болгарское министерство, въ составъ котораго вошли: Ѳ. Бурмовъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ и президентомъ совѣта министровъ, М. Балабанъ—министромъ иностранныхъ дѣлъ, Д. Грековъ—юстиціи, Д. Начевичъ—финансовъ и Генчовъ—народнаго просвѣщенія.

Этому министерству заранѣе можно было предсказать близкій конецъ, въ виду того, что не вошедшіе въ составъ его представители либеральной партіи: Д. Цанковъ и П. Каравеловъ, самолюбіе коихъ этимъ крѣпко было задѣто, не могли забыть нанесеннаго имъ оскорбленія. Они не могли переварить не столько Бурмова, став-

шаго изъ недавняго обыкновеннаго экономa русской больницы при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ и президентомъ совѣта министровъ, сколько Д. Грекова, ставшаго министромъ юстиціи. Агитаціи противъ этого министерства начались съ самого момента его образованія, проявлявшіяся на шумныхъ митингахъ. На первомъ-же состоявшемся народномъ собраніи это министерство, за объявленіемъ ему недовѣрія, провалилось весьма скандально. Новое министерство сформировалось съ Д. Цанковымъ во главѣ, въ составъ котораго вошелъ и П. Каравеловъ, хотя онъ былъ далеко несимпатичный [1]) Цанкову человѣкъ. Тѣмъ не менѣе борьба партій не уменьшалась и страсти бушевали. Конституція въ рукахъ отважныхъ вожаковъ служила только средствомъ для вербовки партизановъ. Кто больше кричалъ за неприкосновенность конституціи, тотъ вдоволь пріобрѣталъ этихъ партизановъ и не по днямъ, а по часамъ усиливалъ свое вліяніе. Были такіе приверженцы конституціи, которые еще во второмъ народномъ собраніи стали возбуждать неудовольствіе противъ князя за нарушеніе будто-бы имъ конституціи, выражавшееся, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что онъ именовался не тѣмъ титуломъ, какой ему присвоенъ по конституціи, именно „свѣтлостью“, а „высочествомъ“. Какъ ни убѣждали ихъ другіе, что титулъ „свѣтлость“ былъ-бы присвоенъ князю болгарскому даже тогда, если-бы онъ былъ изъ простыхъ смертныхъ, въ родѣ первыхъ сербскихъ князей, какъ Кара-Георгій, Милошъ, Михаилъ и др., а вѣдь принцъ Батенбергъ уже по роду своему стоитъ выше „свѣтлости“ и имѣетъ титулъ „высочество“, и что если-бы Богъ помогъ болгарскому народу видѣть на престолѣ болгарскомъ „величество“, то это только возвысило-бы авторитетъ болгарскаго народа,—эти ярые поборники оставались непреклонны въ своихъ взглядахъ, что титулованіе князя высочествомъ, а не свѣтлостью, есть нарушеніе конституціи...

---

[1]) Этотъ несимпатичный человѣкъ агитировалъ въ народѣ противъ русскихъ болгаръ и открыто, ничѣмъ не стѣсняясь, высказывался противъ русскаго вліянія въ Болгаріи. Если принцъ Александръ Батенбергъ провинился передъ Россіею и такъ печально кончилъ, то этимъ постигшимъ его несчастіемъ онъ обязанъ этому человѣку, предпочитавшему играть двусмысленную роль во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Такъ отзывался о немъ покойный И. С. Аксаковъ. И. С. И.

При такомъ положеніи страны, когда министромъ-президентомъ могъ стать даже недавній больничный экономъ,—борьба изъ-за министерскаго кресла никогда, конечно, не прекратится.

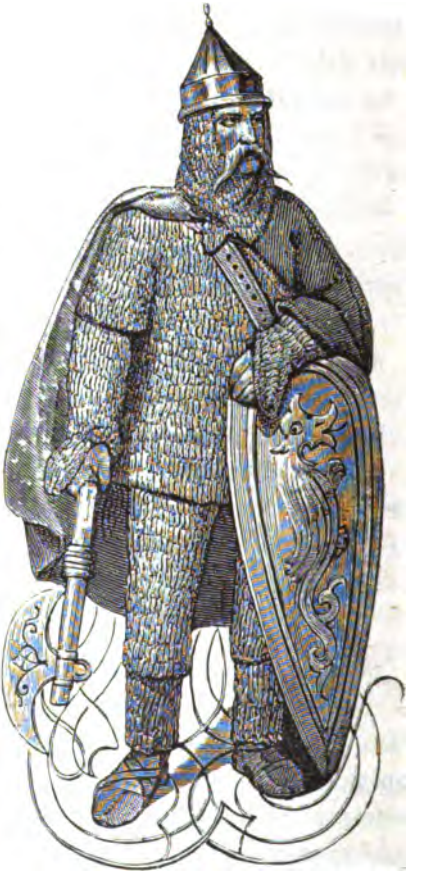
Если-бы можно было предвидѣть всѣ тѣ послѣдствія, съ которыми пришлось нынѣ встрѣчаться, то, конечно, можетъ быть, придумали бы какія-либо мѣры къ предупрежденію ихъ. Но, къ сожалѣнію, сильные того времени въ будущее этой страны не заглядывали; они не задавались даже мыслью, что русскіе устроители судьбы освобожденнаго народа скоро покинутъ страну, которая ближе стоитъ въ географическомъ отношеніи къ державамъ, не симпатизирующимъ усиленію вліянія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ; они принимали за чистую монету все то, что въ то время представлялось имъ въ глаза,—словомъ, они вѣрили всему тому, чему вѣрить не слѣдовало. Удивительно-ли послѣ этого, что эти лица повѣрили тому, что появленіе въ Плоэштахъ князя Э. Богориди имѣетъ политическое значеніе, и усмотрѣли въ знакомствѣ его съ нѣкоторыми болгарами намѣреніе со стороны послѣднихъ выдвинуть его въ кандидаты на болгарскій престолъ, въ то время, когда трудно еще вѣрилось въ возможность освобожденія Болгаріи. Между тѣмъ, какъ въ то время не было ни единаго болгарина по сю и по ту сторону Балкановъ, который-бы не ждалъ отъ русскаго царя не только освобожденія его отечества, но и устройства его, по усмотрѣнію этого-же Бѣлаго русскаго Царя. Всякія заявленія болгаръ, съ которыми они являлись, напр., въ Кишиневѣ или въ Плоэштахъ къ кн. Черкасскому, выражали одно лишь желаніе оказать содѣйствіе къ успѣшному веденію дѣла, начатаго во имя правды и освобожденія народа великодушнымъ русскимъ царемъ.

Въ великихъ дѣлахъ не обходилось и не обходится безъ ошибокъ, а тѣмъ болѣе и безъ недоразумѣній. Въ нынѣшнихъ-же отношеніяхъ между Болгаріею и Россіею существуетъ одно только недоразумѣніе, которое слѣдуетъ считать временнымъ и неестественнымъ. Во всякомъ случаѣ, болгарскій народъ сохранилъ и всецѣло во вѣки вѣковъ безусловно сохранитъ чувства глубокой благодарности къ Россіи за столь великое ея благодѣяніе—освобожденіе и политическое ея возрожденіе. Онъ дорожитъ Россіею, потому что безъ ея оружія онъ никогда не могъ быть освобож-

денъ, какъ и безъ ея покровительства цѣлость Болгаріи—немыслима. Я глубоко вѣрю, что Россіи съ Болгаріею въ авангардѣ предстоитъ еще исполненіе великаго историческаго подвига на Востокѣ. Дай-же Богъ, чтобы скорѣе возстановились между этими братскими народами тѣ-же тѣсныя, сердечныя, духовныя связи, которыя еще не такъ давно возбуждали зависть всего Запада.

Ив. С. Иванов.

12-го декабря 1891 г.
Кишиневъ.



ЯКОВЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ТОЛМАЧЕВЪ,

ординарный профессоръ Спб. университета,

род. 6-го октября 1779 г., умеръ 18-го января 1873 г.

Автобіографическая записка.

I.

Родился я 6-го октября 1779 года, въ слободѣ Липцахъ, Харьковской губерніи и Харьковскаго уѣзда, въ которой при церкви Рождества Христова отецъ мой былъ двѣнадцать лѣтъ причетникомъ-дьячкомъ. Прадѣдъ-же мой былъ дворянинъ, переселившійся изъ села Толмачевки, отстоящаго въ разстояніи около двухъ верстъ отъ города Курска, въ село Тишки, Харьковскаго уѣзда, съ частью своихъ крестьянъ, и, вступивъ въ духовное званіе, сдѣлался священникомъ. Родоначальникъ фамиліи дворянъ Толмачевыхъ былъ, вѣроятно, толмачъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, упоминаемый въ Исторіи Карамзина.

Первые четыре года моего дѣтства прошли безсознательно для меня. Помню только, что, будучи еще трехъ или четырехъ лѣтъ, я ходилъ иногда къ своему дѣду, отцу моей матери, зажиточному и грамотному крестьянину. Когда я проходилъ чрезъ другія дальнія деревни, жители сбѣгались смотрѣть на меня какъ на нѣкоторое чудо. Въ эти четыре года, не помню какъ и когда, началъ я учиться грамотѣ; но въ пять или шесть лѣтъ я зналъ уже напамять весь почти Часословъ и Псалтирь, которыми въ тогдашнее время, по большей части, начиналось и оканчивалось нерѣдко воспитаніе дѣтей. Изъ сихъ книгъ весьма много назидательнаго сохранила память моя во все теченіе моей долговременной жизни.

Послѣ четырехъ или пяти лѣтъ моего дѣтства оставшіяся воспоминанія весьма неутѣшительны: напримѣръ, я имѣлъ обыкновенною забавою лазить на высокія деревья и вынимать яйца изъ птичьихъ гнѣздъ или ходить по карнизу вокругъ церкви, держась одною рукою за зонтины, а другою доставая воробьиныя гнѣзда. Деревня, мѣсто жительства простаго необразованнаго народа, ежедневно подавала мнѣ случай знакомиться съ сельскими ребятишками, которые мало по малу пріучили меня бѣгать вмѣстѣ съ ними по улицамъ, дѣлить грубыя ихъ игры и забавы, лазить въ чужіе сады и огороды, гдѣ пойманный, къ своему несчастію, возвращался я домой или безъ рубашки или съ рубцами на тѣлѣ. Въ такихъ занятіяхъ ученіе не приходило мнѣ на умъ. Съ семилѣтняго возраста я началъ уже ходить изъ найма на чужую работу. Въ продолженіе лѣтняго времени я ходилъ полоть бакши и за работу получалъ по шести копеекъ въ день мелкою монетою. Эти деньги отдавалъ я своей матери въ пособіе. Товарищество съ дѣтьми малороссіянъ и сообщество въ работахъ съ ними имѣли то полезное для меня послѣдствіе, что я выучился хорошо говорить по-малороссійски. Дома я говорилъ по-русски съ отцемъ и матерью, которые были великоруссы. Знаніе малороссійскаго нарѣчія нынѣ помогаетъ мнѣ иногда при этимологическихъ изслѣдованіяхъ словъ языка русскаго.

Въ 1789 году отецъ мой былъ посвященъ въ священническій санъ въ сосѣднее бѣдное и малолюдное село Борщево. По своему безкорыстію онъ не имѣлъ почти никакого дохода и, будучи крайне бѣденъ, во всю свою жизнь не имѣлъ наемныхъ ни работниковъ, ни работницъ, исключая поденщиковъ, нанимаемыхъ иногда въ крайнихъ случаяхъ. Мои отецъ и мать сами трудились, а вмѣстѣ съ ними и всѣ дѣти. Однако, состояніе его теперь значительно улучшилось въ сравненіи съ прежнимъ. Прежде церковное поле отстояло отъ его дома около двѣнадцати верстъ и онъ мало занимался земледѣліемъ; но въ селѣ Борщевѣ оно было подъ рукою. Онъ началъ воздѣлывать свою часть церковнаго поля; вмѣстѣ съ нимъ и я началъ трудиться: пахать, косить, молотить, жать и т. д. По близости лѣса, возлѣ отцовскаго дома, я носилъ дрова большею частью на себѣ, особливо когда у отца не было лошади, и занимался всѣми сельскими работами, слѣды которыхъ остались доселѣ въ разныхъ признакахъ на моемъ тѣлѣ: на головѣ, на рукахъ, на пальцахъ, на ногахъ. Случалось нерѣдко, что я цѣлый день, въ зимнее время, въ одной рубашкѣ, стоя въ снѣгу по колѣни, въ лаптяхъ своей работы, рубилъ дрова въ лѣсу и не зналъ

никакой простуды; а въ лѣтнее время, окопавъ полусгнившіе пни дубовыхъ деревьевъ и взваливъ ихъ на себя, сносилъ ихъ съ горы домой. Если въ лѣсу встрѣчались мнѣ деревца, обращавшія мое вниманіе какою-нибудь своею климатическою рѣдкостью, я пересаживалъ ихъ въ отцовскій огородъ. Такіе труды принесли мнѣ въ жизни ту пользу, что укрѣпили мои тѣлесныя силы, пріучили къ терпѣнію, къ труду и дѣятельности. Справедливо сказалъ Виргилій: Labor omnia vincit. Improbus et duris in rebus egestus. Въ селѣ Борщевѣ была небольшая деревянная церковь, въ которой я въ воскресные и праздничные дни обыкновенно читалъ и пѣлъ и клиросѣ и лазилъ нерѣдко звонить на колокольню; за все эт крестьяне очень любили меня. Въ дни Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія рано утромъ я обыкновенно обходилъ весь приходъ съ поздравленіями, и за поздравленія пріобрѣталъ иногда сумму денегъ до пятидесяти копеекъ.

Когда я былъ уже тринадцати лѣтъ, открылась при церкви села Борщова вакантное пономарское мѣсто. Имѣя въ мысляхъ примѣръ отца, который прежде былъ причетникомъ, я рѣшился искать сего мѣста и пошелъ въ Бѣлгородъ просить архіерея объ опредѣленіи меня на это вакантное мѣсто, но къ моему горю одинъ изъ стариковъ, лишенныхъ священства, того-же села, упредилъ меня и занялъ сіе мѣсто.

Наступилъ мнѣ четырнадцатый годъ. Я началъ думать о своемъ будущемъ положеніи. Въ это время отъ духовнаго начальства предписано было понуждать отцовъ отдавать дѣтей своихъ въ училища. И я на четырнадцатомъ году былъ отданъ для образованія въ харьковскій коллегіумъ, въ которомъ обучались тогда преимущественно дѣти духовныхъ лицъ, нѣкоторыхъ купцовъ и дворянъ Въ первый годъ ученія, живя на квартирѣ на отцовскомъ, крайне бѣдномъ, содержаніи, я былъ ввѣренъ отцомъ частному надзору студента философіи Тишинскаго, который остался памятенъ мнѣ доселѣ только тѣмъ, что всегда сердился, когда я составлялъ маленькія тетрадки и вписывалъ въ нихъ латинскія слова и фразы. Тетрадки мои онъ иногда съ негодованіемъ рвалъ и бросалъ въ огонь.

На другой годъ моего ученія въ коллегіумѣ, я былъ принятъ, по уваженію моего поведенія и успѣховъ въ ученіи, на казенное содержаніе въ число бѣдныхъ учениковъ, жившихъ въ бурсѣ. Бурса того времени, находившаяся при харьковскомъ коллегіумѣ, была одноэтажное каменное строеніе, ни внутри, ни снаружи не бѣленое; она имѣла два поперечныхъ коридора, въ которыхъ по правую

и по лѣвую сторону было по двѣ обширныхъ комнаты. Въ четырехъ комнатахъ къ югу жили воспитанники, числомъ до шестидесяти и болѣе человѣкъ. Въ этихъ комнатахъ у стѣнъ были пристроены лавки, на которыхъ ученики высшихъ классовъ спали, а низшихъ классовъ ученики спали на полу. Больные лежали на лавкахъ вмѣстѣ между здоровыми. Больницы и кроватей въ бурсѣ вовсе не было. Однако, во все время ученія моего въ коллегіумѣ, въ теченіе пяти лѣтъ, не было ни одного умершаго ученика изъ числа семи-или восьмисотъ учившихся въ коллегіумѣ. О лекаряхъ и аптекахъ не было и помину. Комнаты въ зимнее время рѣдко отапливались. По недостатку дровъ возрастнѣйшіе воспитанники ходили иногда ночью на рѣку Лопать и съ мостовъ снимали мостовицы и ими отапливали комнаты.

Содержаніе воспитанникамъ было крайне бѣдное. Начальство не давало имъ ни бѣлья, ни одежды, ни обуви. Они ходили во всемъ своемъ одѣяніи, и лѣтомъ и зимою по большей части въ одной и той-же одеждѣ. Всегдашнею пищею ихъ были, въ обѣдъ постныя щи, ржаной хлѣбъ и сухари; въ ужинъ, гречневыя голушки, величиною каждая почти въ полфунта.

Образъ жизни воспитанниковъ былъ весьма трудный и тягостный. Они строго обязаны были вставать очень рано и каждый день, въ шестомъ часу утра, идти въ коллегіумъ учиться греческому языку. Разстояніе бурсы отъ коллегіума было около версты Мостовой и тротуаровъ въ то время еще нигдѣ не было въ городѣ Харьковѣ. Въ зимнее время ученики принуждены были ходить въ классы на лекціи греческаго языка ночью по дорогѣ, иногда запавшей глубокимъ снѣгомъ. Въ коллегіумѣ отъ самаго начала его постройки никогда не существовало ни одной печи. Чернила замерзали въ классахъ отъ холода и мы, желая написать что-нибудь, нагрѣвали чернильницы за пазухою теплотою тѣла.

Въ харьковскомъ коллегіумѣ въ низшихъ классахъ исключительно почти преподавались одни древніе языки: латинскій и греческій. Въ два года я сдѣлалъ такіе успѣхи въ латинскомъ языкѣ, что могъ уже на третій годъ порядочно понимать латинскихъ классиковъ. А третій годъ, находясь въ классѣ піитики, я прочелъ, сколько помню: Разговоры Эразма Ротердамскаго, какую-то священную исторію на латинскомъ языкѣ и Саллюстія: „Bellum Catilinarium et Iugurtinum, и пріобрѣлъ уже почетную извѣстность между учениками, своими сверстниками; родители нѣкоторыхъ изъ нихъ просили меня пояснять дѣтямъ ихъ уроки и платили мнѣ за годъ трудовъ по рублю и по два рубля. Первыя деньги, получен-

ныя мною за трудъ, употребилъ я на покупку платья для своей матери.

Четвертый и пятый годы моего учебнаго курса посвящены были риторикѣ, которой учились мы по книжкѣ Бургія на латинскомъ языкѣ и по книжкѣ Лежея, котораго латинскія рѣчи служили намъ образцами для подражанія и сочиненія рѣчей, также на языкѣ латинскомъ. Чтеніемъ русскихъ книгъ и русскою литературою мало мы занимались, потому что книжныхъ лавокъ еще не было въ Харьковѣ, а у частныхъ лицъ книги были большою рѣдкостью. Мнѣ памятно и теперь—съ какою жадностью студенты читали Полиціона и Бову-Королевича, перехватывая ихъ другъ у друга.

Четыре года жизни, проведенные въ харьковской бурсѣ и ознаменованные темными картинами бѣдности, доставляютъ мнѣ часто пріятныя воспоминанія,—какъ я, сидя въ уголкѣ на лавкѣ, закрывшись занавѣскою, училъ латинскія слова изъ Геслерова лексикона желая весь лексиконъ выучить наизусть. Какъ я, просидѣвъ за полночь при тусклой свѣчѣ, поставленной на крышкѣ сундучка, вслѣдствіе неимѣнія подсвѣчника, засыпалъ сидя, а догорѣвшая свѣча портила крышку сундучка, а иногда и близь лежавшія вещи

Въ 1799 г. указомъ святѣйшаго синода велѣно было начальствамъ духовныхъ семинарій черезъ каждые два года посылать въ академію по два ученика, для образованія и потомъ занятія учительскихъ мѣстъ въ семинаріяхъ. Для этой цѣли я и другой ученикъ, по окончаніи риторическаго курса, были посланы въ кіевскую академію продолжать науки. Въ этомъ одномъ изъ древнѣйшихъ высшихъ училищъ провелъ я четыре года съ большою пользою. Многіе того времени наставники академіи учились и образовались въ московскомъ университетѣ, а нѣкоторые —за-границею, въ чужихъ краяхъ.

Учащіеся въ академіи отличались хорошею нравственностью и благородствомъ обхожденія, которое въ другихъ духовныхъ училищахъ того времени было, сколько мнѣ извѣстно, довольно грубо.

Обучаясь въ академіи и зная цѣль своего назначенія, я старался, такъ сказать, всему выучиться; преимущественно-же я посвящалъ свое время изученію языковъ: греческаго, латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго и англійскаго. Кромѣ этихъ языковъ, въ теченіе четырехлѣтняго академическаго курса, я занимался философіею и богословіемъ, — науками, преподаваемыми въ то время въ академіи на латинскомъ языкѣ. Математическія лекціи, преподаваемыя въ академіи двумя учителями чистой и прикладной математики, не могли удовлетворять меня. Я рѣшился

самъ, безъ помощи учителя, пройти всѣ части математики. Полный курсъ Вейдлера на латинскомъ языкѣ послужилъ мнѣ первымъ основаніемъ моихъ математическихъ познаній, которыя пополнялъ я, при преподаваніи въ Харьковѣ въ званіи учителя, въ Петербургѣ въ званіи профессора, сочиненіями извѣстныхъ математиковъ. Другія познанія, какъ, напримѣръ, географическія, историческія и политическія, входящія въ кругъ умственнаго образованія, пріобрѣтались мною чтеніемъ. Я любилъ читать преимущественно философскія сочиненія, основанныя на естественномъ, здравомъ умѣ, а не на школьныхъ того времени затѣйливыхъ системахъ. Наиболѣе читалъ я французскихъ и нѣмецкихъ писателей, проводя надъ чтеніемъ книгъ дни и ночи. Такъ, напримѣръ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ прочелъ я двадцать шесть огромныхъ томовъ in quarto древней и римской исторіи Роллена и четыре тома исторіи Кревіера о первыхъ римскихъ императорахъ. При академическомъ домѣ, занимаемомъ бѣдными учениками, былъ залъ для библіотеки, состоявшей изъ многихъ полезныхъ и занимательныхъ книгъ; я пользовался ими, особенно читалъ много путешествій. Я прочелъ, сколько помню, тридцать шесть томовъ „Всемірнаго путешественника“ двадцать томовъ морскихъ путешествій, также путешествія Кука, Вальяна и другихъ путешественниковъ позднѣйшаго времени. Между книгами сей библіотеки я нашелъ на русскомъ языкѣ сочиненіе Роллена: „Способъ учить и учиться“. Прочитывая его, я узналъ, что одинъ французскій литераторъ выучилъ напамять всего Виргилія на латинскомъ языкѣ, а другой выучилъ и Виргилія на латинскомъ и Гомера на греческомъ языкѣ. Это чтеніе возбудило во мнѣ сильное желаніе подражать имъ. Я началъ учить наизусть Виргилія. Круглый годъ почти я занимался имъ, посвящая всякій день одинъ вечерній часъ на выучиваніе ста стиховъ; въ четверть часа я прочитывалъ ихъ, а въ три четверти часа выучивалъ. Выученные стихи повторялъ я всегда почти когда шелъ изъ квартиры въ академію на лекціи. Начиная съ перваго стиха, я могъ прочитывать безостановочно напамять: Буколики, Георгики и двѣ пѣсни Энеиды. Лѣтомъ, въ хорошіе весенніе и осенніе дни, любимымъ мѣстомъ моихъ занятій былъ Крещатикъ, на которомъ часто, съ первыми лучами восходящаго солнца, являлся я съ Виргиліемъ въ рукахъ.

Окончивъ Виргилія, желалъ я выучить и „Иліаду“ Гомера, но разнообразіе діалектовъ, огромность поэмы и близость оканчиваемаго мною академическаго курса были причиною, что я оставилъ въ самомъ началѣ это предпріятіе, выучивши нѣсколько стиховъ

Иліады. Нынѣ, однако, при этимологическихъ изслѣдованіяхъ, я извлекаю нѣкоторую пользу изъ діалектовъ Гомера и получилъ то убѣжденіе, что греческій языкъ его времени имѣлъ большое сближеніе съ коренным языкомъ славянскихъ нарѣчій.

Я также занимался сочиненіями рѣчей духовнаго содержанія и переводами съ иностранныхъ языковъ. Съ нѣмецкаго языка я перевелъ стихами „Geistliche Lieder“ Геллерта и „Bestimmung des Menschen“ Шпалдинга; съ французскаго языка: „Contrat social“ Жанъ-Жака Руссо и „Загробную переписку“ какого-то неизвѣстнаго писателя. Всѣ эти сочиненія остались въ рукописяхъ ненапечатанными.

Двѣнадцать человѣкъ, прибывшіе въ академію изъ шести семинарій, составляли особое, такъ сказать, между учащимися общество, подъ именемъ кандидатовъ. Мы помѣщены были на жительство въ академическомъ зданіи, на берегу Днѣпра; имѣли общій столъ и общую прислугу. Дружба молодости соединяла всѣхъ насъ единодушнымъ, радостнымъ чувствомъ юной жизни. Живя вмѣстѣ, мы, большею частью, вмѣстѣ дѣлали и свои прогулки. Пользуясь близостью Днѣпра, мы нерѣдко по водамъ его разъѣзжали на большихъ лодкахъ, переплывали на другой берегъ, гуляли по долинѣ между кустами ожины, пользуясь ихъ ягодами, или, во время широкихъ разливовъ Днѣпра, переплывали пространную долину до отдаленныхъ селеній, единственно для того, чтобы напиться молока. Во время одного подобнаго плаванія случилось съ нами страшное приключеніе, оставшееся въ числѣ незабвенныхъ воспоминаній. Оставивъ Кіевоподольскій берегъ Днѣпра, достигали уже мы до половины пространства разлившихся водъ, имѣя въ виду желанный противоположный берегъ, какъ вдругъ набѣжавшая туча съ бурнымъ вѣтромъ взволновала воды и наша лодка быстротою теченія понеслась по пѣнистымъ волнамъ вдоль Днѣпра, несмотря на всѣ усилія гребцовъ. Веселіе и смѣхъ измѣнились на вопль и плачъ нѣкоторыхъ между нами, болѣе оробѣвшихъ. Я помню, какъ мы переплывали черезъ вершины потонувшихъ деревъ и хватались за нихъ, чтобы удержаться. Наконецъ, буря нѣсколько затихла и мы достигли противоположнаго берега, спустясь внизъ по рѣкѣ верстъ около шести.

Мѣстами одиночныхъ моихъ прогулокъ были Крещатикъ и Царскій садъ, куда я, вставши очень рано, лѣтомъ, весною и осенью, въ свободные свѣтлые дни обыкновенно ходилъ по деревянной полусгнившей мостовой узкой улицы, недалеко отъ береговъ Днѣпра, между деревянными ветхими домиками, гдѣ все еще спало. На высотахъ Крещатика часто я наслаждался живописною картиною

восходящаго солнца. Пространная заднѣпровская равнина, озаряемая лучами утренняго солнца, представляла тихій, очаровательный и величественный видъ, какого послѣ нигдѣ не случалось мнѣ видѣть. Во время осеннихъ утреннихъ прогулокъ я имѣлъ привычку, взявши бѣлый хлѣбъ, ходить на Крещатикъ и тамъ завтракать, пользуясь ягодами съ шелковичныхъ деревъ, или, гуляя по тропинкамъ въ Царскомъ саду, отдыхать на ложѣ благовонныхъ орѣховыхъ и кленовыхъ листьевъ. Воспоминаніе о сихъ прогулкахъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ моей молодой жизни и нынѣ, въ глубокой старости, съ пріятностью иногда переноситъ мои мысли къ похожденіямъ прошедшей, невозвратной юности. Четырехлѣтнее время, проведенное мною въ Кіевѣ, было самымъ пріятнымъ періодомъ въ моей жизни.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1803 года я оставилъ Кіевъ. Нѣсколько человѣкъ товарищей, кандидатовъ, сопровождали меня за рѣку Днѣпръ, по пловучему мосту его, и, на его берегу посидѣвъ посмѣявшись и поплакавъ, простились мы навѣки. Послѣ того я уже никого изъ нихъ не видалъ.

II.

Въ 1803 г., по окончаніи академическаго курса наукъ, я возвратился изъ Кіева въ Харьковъ. Начальство коллегіума опредѣлило меня учителемъ піитики, математики, греческаго, латинскаго и французскаго языковъ и назначило мнѣ жалованья сто восемьдесятъ рублей за пятьдесятъ два часа преподаванія сихъ предметовъ въ недѣлю. Такое скудное жалованье рѣшился я дополнять содержаніемъ и обученіемъ пансіонеровъ изъ дворянскихъ дѣтей, съ которыми я, послѣ классныхъ занятій, часто принужденъ былъ заниматься до глубокой ночи.

Въ піитическомъ классѣ назначена была учебною книгою „Піитика Аполлоса“, изданная въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Языкъ, слогъ и стихи, приводимые въ ней для примѣра, были весьма устарѣлые. Я составилъ для учениковъ новое учебное руководство, подъ названіемъ „Русская поэзія“, которое книгопродавецъ Глазуновъ напечаталъ въ Москвѣ въ 1805 г. Въ 1806 г., по распоряженію начальства, я обязанъ былъ, вмѣсто піитики, преподавать въ высшемъ классѣ риторику, съ полученіемъ жалованья трехсотъ рублей и оставаясь въ то-же время учителемъ математики и французскаго языка. Въ это время составлена мною для учениковъ высшихъ классовъ французская грамматика, которой было напечатано

четыре изданія, одно послѣ другаго, въ Москвѣ, книгопродавцемъ Глазуновымъ. Кромѣ того, еще въ 1805 г., переведено мною съ нѣмецкаго языка и напечатано въ Харьковѣ сочиненіе Мендельзона „Von der Unkörperlichkeit der Seele", подъ русскимъ названіемъ „О духовномъ свойствѣ души человѣческой". Это сочиненіе я, по напечатаніи, посвятилъ харьковскому епископу Христофору Сулимѣ, который очень любилъ меня и много благодѣтельствовалъ моему отцу и тѣмъ родственникамъ моимъ, за которыхъ я имѣлъ случаи ходатайствовать передъ нимъ. Сей архипастырь былъ первымъ епископомъ въ харьковской епархіи и отличался высокимъ благородствомъ и добротою души. Однажды, онъ посовѣтовалъ мнѣ снести экземпляръ этого сочиненія ректору университета, Рижскому, котораго странный пріемъ, сдѣланный мнѣ, остался доселѣ въ моей памяти. По докладѣ обо мнѣ, когда я вошелъ въ комнату, Рижскій сидѣлъ въ креслѣ и что-то писалъ; оглянувшись на меня, продолжалъ писать и написанное маралъ. Прошло нѣсколько минутъ; наконецъ, встаетъ, подходитъ ко мнѣ, съ гордымъ видомъ школьнаго педанта, беретъ книжку и, не сказавъ ни слова, уходитъ. Вскорѣ послѣ этого случилось мнѣ опять быть у преосвященнаго Христофора и у него я встрѣтилъ того-же Рижскаго, который посовѣтовалъ мнѣ тутъ вновь перевесть для гимназій харьковскаго учебнаго округа съ латинскаго языка: логику, метафизику и нравственную философію Баумейстера. Я перевелъ и книгопродавецъ Глазуновъ напечаталъ ихъ въ Москвѣ.

Съ этого времени положеніе мое, въ хозяйственномъ отношеніи, постепенно улучшалось. Получая жалованья по званію учителя, плату за ученіе и воспитаніе пансіонеровъ, небольшой доходъ отъ сочиненій и продажи нѣкоторыхъ книгъ, я имѣлъ достаточныя средства и могъ прилично жить въ Харьковѣ и отцу помогать въ его деревенскомъ быту и въ содержаніи семейства. Я купилъ отцу у одного помѣщика домъ, который былъ перевезенъ въ село Борщово и устроенъ сообразно съ требованіями сельскаго быта. Купилъ я и себѣ, у другаго помѣщика, также домъ въ двадцати верстахъ отъ города и, перевезши его, построилъ въ саду на возвышенности, называемой Холодною горою, между садами помѣщика Квитки и купца Карпова. Стоялъ онъ на прелестнѣйшемъ мѣстоположеніи: городъ Харьковъ весь почти былъ въ виду; рѣка Харьковъ протекала вблизи, а изъ-подъ возвышенности, въ немногихъ саженяхъ отъ воротъ дома, вытекалъ широкимъ ручьемъ обильный источникъ чистой холодной воды, по ту и другую сторону котораго была зеленѣющая лужайка.

Молодыя лѣта всегда почти доставляютъ человѣку на старости пріятныя воспоминанія о себѣ. Несмотря на многочисленные тяжелые труды моей харьковской жизни, мнѣ пріятно теперь вспомнить о тѣхъ дружескихъ бесѣдахъ своихъ сослуживцевъ, которые своимъ чистосердечіемъ, откровенностію и остроуміемъ оживляли эти бесѣды. Въ сихъ бесѣдахъ, во время особенныхъ пріятныхъ случаевъ, какъ, напримѣръ, во время празднованья именинъ, нерѣдко принимали участіе духовныя лица, а иногда удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ преосвященный Христофоръ Сулима, бывшій, какъ я упоминалъ выше, первымъ епископомъ харьковской епархіи, потомокъ древней фамиліи графовъ Сольмсовъ, поступившій въ монашество изъ военныхъ офицеровъ,—человѣкъ образованный, умный, добрый, архипастырь примѣрно благодѣтельный.

Пріятно мнѣ также вспоминать и о томъ, какъ я въ лѣтнее свободное время посѣщалъ своего отца и въ жаркіе дни отдыхалъ подъ тѣнію вѣтвистыхъ яблоней, выросшихъ изъ тѣхъ зернышковъ, которыя я садилъ, будучи еще восьми или девяти лѣтъ, и выросшіе стебельки высаживалъ и пересаживалъ нѣсколько разъ на другія мѣста. Затѣмъ въ каникулярные дни точно также весьма пріятно проводилъ свободное время въ семействахъ тѣхъ помѣщиковъ, дѣти которыхъ или учились у меня или были пансіонерами. Дома ихъ были пріятными для моего отдохновенія послѣ школьныхъ трудовъ.

Въ 1808 году блаженной памяти митрополитъ Амвросій предложилъ комиссіи духовныхъ училищъ вызвать меня изъ харьковскаго коллегіума, а іеродіакона Филарета, по указанію ректора академіи, изъ московской Сергіевской семинаріи для занятія учительскихъ мѣстъ въ с.-петербургской академіи и семинаріи послѣ новаго преобразованія оныхъ. Меня, вѣроятно, митрополитъ Амвросій предложилъ вызвать по рекомендаціи Н. Н. Бантышъ-Каменскаго имѣвшаго въ то время, по учебной части, сношенія съ весьма многими лицами высшаго духовнаго начальства. По напечатаніи сочиненія Мендельзона въ 1806 году „О духовномъ свойствѣ души человѣческой“, я послалъ ему въ Москву одинъ экземпляръ, за который онъ благодарилъ меня письмомъ, въ коемъ, между прочимъ, было сказано имъ: „это сочиненіе не всякому по зубамъ“.

Въ началѣ 1809 года, во исполненіе указа святѣйшаго синода, я прибылъ въ Петербургъ и въ половинѣ января мѣсяца явился къ митрополиту Амвросію, а потомъ пошелъ къ ректору академіи, архимандриту Евграфу, у котораго изъ боковой комнаты вышелъ ко мнѣ іеродіаконъ Филаретъ, прибывшій прежде меня въ Петербургъ, и спросилъ у меня мою фамилію. Его смиренный видъ произ-

велъ во мнѣ какое-то темное весьма непріятное чувство, которое, какъ впослѣдствіи время объяснилось мнѣ, было таинственно-пророческое чувство души, предвѣщавшее мнѣ большія непріятности въ будущихъ моихъ сношеніяхъ съ Филаретомъ какъ по службѣ, такъ и по разнымъ случаямъ въ моей жизни.

Академія и семинарія помѣщались въ то время въ Невскомъ монастырѣ. По приказанію митрополита, назначены мнѣ были двѣ комнаты для жительства въ томъ зданіи, гдѣ помѣщались студенты и нѣкоторые преподаватели академіи. Четыре года я жилъ въ сихъ комнатахъ, не выходя почти изъ монастыря до января мѣсяца 1813 года, до того времени, когда я женился.

Помѣщеніе жительства преподавателей академіи и семинаріи было вообще стѣснительное. Это и нѣкоторыя другія причины, по прошествіи времени, побудили насъ, по примѣру монаховъ, имѣть общую трапезу. Мы сходились вмѣстѣ обѣдать и ужинать въ одну комнату, служившую намъ и кухнею и столовою. Участниками этой общей трапезы были: инспекторъ студентовъ архимандритъ Іона, бывшій потомъ митрополитомъ Грузіи, іеромонахъ Евгеній, впослѣдствіи бывшій архіепископъ ярославскій, іеромонахъ Леонидъ, бѣдственный переводчикъ Ансильона, бывшаго причиною его смерти, Филаретъ, сдѣлавшійся уже въ это время іеромонахомъ, потомъ митрополитомъ московскимъ, Ѳеофанъ, бывшій архимандритъ Донскаго монастыря, переведенный потомъ въ Лютиковъ монастырь по несчастному приключенію въ его управленіи монастыремъ, и, наконецъ, я, бывшій рас орядитель общей трапезы.

Въ скоромъ времени по прибытіи въ С.-Петербургъ, былъ я опредѣленъ комиссіею духовныхъ училищъ преподавателемъ русской словесности и математики въ семинаріи; въ академіи-же профессорскія каѳедры уже были заняты лицами, прежде меня прибывшими въ академію. Во время полученія указа святѣйшаго синода я не былъ въ Харьковѣ и не былъ извѣщенъ объ этомъ, ибо, пользуясь свободными праздничными днями Рождества Христова, Новаго года и Крещенія, я посѣщалъ и гостилъ у знакомыхъ помѣщиковъ Изюмскаго уѣзда.

Іюля 4-го дня возложена была на меня должность конференцъ-секретаря академіи и академическаго окружнаго и внутренняго правленія. Дѣла сихъ трехъ управленій мало оставляли мнѣ времени для литературныхъ занятій. Теченіе ихъ еще болѣе затруднялось новостію преобразованія училищъ, перемѣною дѣйствующихъ лицъ и интригами.

Духовныя училища зависѣли прежде отъ власти епархіальныхъ

архіереевъ, которые распоряжались ими по своему благоусмотрѣнію. Въ ихъ управленіи не было ни единства, ни единообразія. По введеніи новыхъ уставовъ въ семинаріяхъ и уѣздныхъ училищахъ, возникли, по новости ихъ, многія сомнѣнія и недоразумѣнія, по которымъ училищныя начальства требовали поясненій и разрѣшеній отъ академическаго правленія. По множеству училищъ, входившихъ въ округъ академическаго управленія, такихъ требованій и дѣлъ было очень много. Съ перемѣною ректоровъ академіи, положеніе дѣлъ и затрудненія въ управленіи измѣнялись. Первый ректоръ академіи, архимандритъ Евграфъ Платоновъ, былъ человѣкъ весьма благоразумный, опытный въ управленіи, справедливый и твердаго характера. Онъ любилъ меня и помогалъ мнѣ совѣтами и своими распоряженіями въ дѣлахъ затруднительныхъ. Въ ноябрѣ 1810 года, въ вечеру, я былъ у него съ дѣлами, долго бесѣдовалъ и пилъ чай съ нимъ. На другой день, рано утромъ, пришелъ я къ нему и спрашиваю келейника: „Всталъ-ли ректоръ?“ Келейникъ молча указываетъ мнѣ на него, сидѣвшаго въ кабинетѣ на софѣ въ видѣ человѣка, погруженнаго въ размышленіе. Въ прошедшую ночь смерть прекратила жизнь ему. На мѣсто его опредѣленъ ректоромъ архимандритъ Сергій, человѣкъ слабаго характера и малоопытный въ дѣлахъ управленія. При докладахъ и объясненіяхъ текущихъ дѣлъ въ правленіи, по новости ихъ для него, случалось нерѣдко мнѣ входить съ нимъ въ словопренія, чѣмъ онъ крайне огорчался и сдѣлался, наконецъ, весьма неблагорасположеннымъ ко мнѣ. Но въ 1813 году онъ былъ посвященъ въ архіерейскій санъ и уѣхалъ въ Кострому на епархію, а его мѣсто въ академіи занялъ архимандритъ Филаретъ Дроздовъ.

III.

Никто, можетъ быть, не имѣлъ столько случаевъ проникать за монашеское покрывало скрытнаго характера Филаретова и свойствъ его души, сколько я имѣлъ ихъ въ теченіе шести лѣтъ, служа съ нимъ вмѣстѣ сначала въ семинаріи, потомъ въ академіи. Сердце онъ имѣлъ холодное; правиломъ его было дѣлать свое—πραττειν τα ἑαυτα, что почиталось доблестью человѣка у древнихъ греческихъ философовъ, о которыхъ Платонъ говоритъ въ своемъ Хормидѣ. Въ теченіе шести лѣтъ я не видѣлъ ни одного добраго дѣла, сдѣланнаго имъ своему ближнему по движенію и по чистому чувству христіанской любви. Умъ у Филарета былъ проницательный, даль-

новидный, постоянно отвлеченный отъ всего того, что не вело къ предположенной имъ цѣли, къ достиженію коей, предусматривая препятствія, устранялъ ихъ предварительно. Всѣ движенія ума и сердца его исходили изъ центра собственной личности и изъ сферы его дѣйствій возвращались къ центру той-же самоличности. Филаретъ, будучи еще архимандритомъ, имѣлъ уже цѣлію своихъ стремленій московскую митрополію. Предвидя на пути своего быстраго возвышенія препятствіе себѣ въ епископѣ Августинѣ, викаріи митрополита Платона и даровитомъ проповѣдникѣ, онъ, при удобныхъ случаяхъ, старался очернить его, представляя его человѣкомъ будто-бы преданнымъ излишествамъ. Мнѣ случалось лично слышать и видѣть какъ онъ мимически представлялъ Августина—какъ Августинъ тоненькимъ голоскомъ приказывалъ келейнику подавать пуншу.

Во время кончины митрополита Платона, Филаретъ былъ еще архимандритомъ. Августину, викарію Платона, святѣйшій синодъ повелѣлъ продолжать управленіе московскою митрополіею и при семъ случаѣ возвелъ епископа Августина въ степень архіепископа, но архіепископа не московскаго, а уѣзднаго дмитровскаго. Такого событія въ исторіи русской іерархіи еще не бывало, чтобы епископовъ за ихъ заслуги жаловали въ санъ уѣздныхъ архіепископовъ. Августинъ былъ знаменитый проповѣдникъ своего времени, краснорѣчивый и вдохновенный витія.

Скоро послѣ сего случилось мнѣ быть у ректора академіи Филарета съ дѣлами для подписки ихъ и въ разговорѣ съ нимъ коснуться до Августинова повышенія въ архіепископы. Филаретъ отвѣчалъ мнѣ съ выраженіемъ явнаго удовольствія на лицѣ: „Да, Августинъ перескочилъ черезъ канаву, да ноги замаралъ“.

Филаретъ за свои дѣла и заслуги, самыя обыкновенныя, получилъ награды самыя необыкновенныя и самымъ необыкновеннымъ образомъ: будучи архимандритомъ, получилъ архіерейскую панагію, украшенную брилліантами; будучи также въ санѣ архимандрита получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, не имѣвъ прежде никакихъ орденовъ. Сказавши двѣ или три проповѣди въ домовой церкви своего покровителя, добрѣйшаго и благодѣтельнѣйшаго князя А. Н. Голицына, онъ успѣлъ исходатайствовать своему отцу наперсный брилліантовый крестъ въ награду не за какія-либо заслуги, но за проповѣди его сына, о каковомъ обстоятельствѣ, какъ о рѣдкомъ событіи, было обнародовано въ газетахъ, въ коихъ сказано, что эта награда дана отцу за проповѣди сына. Проповѣди Филарета холодны: въ нихъ нѣтъ чувства, нѣтъ сердца; въ нихъ

острый умъ играетъ, такъ сказать, до усталости словами, соединяя и противопоставляя ихъ разными извитіями; въ нихъ нѣтъ той духовно-жизненной силы христіанскаго чувства, которою ораторъ увлекаетъ сердца своихъ слушателей.

Филаретъ имѣлъ грудь слабую и голосъ незвучный, отзывавшійся нѣсколько носовымъ произношеніемъ, а потому декламація его какъ въ произношеніи рѣчей, такъ и въ классныхъ чтеніяхъ лекцій не могла производить особеннаго впечатлѣнія въ слушателяхъ. Это и было случайнымъ началомъ и одною изъ причинъ его неблагорасположенія ко мнѣ. Случилось, что онъ въ началѣ службы своей въ Невской семинаріи преподавалъ нѣсколько времени русскую словесность, а потомъ я замѣстилъ его. Ученики, какъ это обыкновенно бываетъ, говоря объ его и моемъ образѣ преподаванія лекцій, дѣлали и распространяли свои отзывы неблагопріятными для честолюбія Филарета. Съ этихъ поръ началъ я замѣчать въ Филаретѣ, во время общихъ нашихъ сходокъ для трапезованія въ обѣдъ и ужинъ, чувство какой-то непріязненности, отклонявшей его отъ собесѣдованія со мною. Сего чувства явно не обнаруживалъ онъ противъ меня, зная и видя, что митрополитъ Амвросій и рязанскій архіепископъ Ѳеофилактъ, два главныхъ дѣятеля и члены духовныхъ училищъ, особенно покровительствовали мнѣ, самъ-же еще онъ не стоялъ на уготовляемомъ пути повышеній, покровительствуемый силою могущества князя Голицына. Но когда онъ вступилъ на сей путь, сдѣлавшись ректоромъ академіи, онъ началъ открыто дѣйствовать противъ меня. Сперва началъ словесно жаловаться кн. Голицыну, что я препятствую ему управлять академіею; эта жалоба значила, что я смиренію его смиренно не поклоняюсь, высокому уму его не удивляюсь; потомъ началъ письменно дѣлать доносы на меня, не пропуская самыхъ ничтожныхъ случаевъ для обвиненія. Такъ, напримѣръ, однажды писецъ по ошибкѣ въ бумагѣ, посланной ему для подписи мною, вмѣсто словъ „Смоленской семинаріи“, написалъ „Могилевской семинаріи“. Филаретъ, возвративъ бумагу, прислалъ въ академическое правленіе письменный обвинительный актъ противъ меня, что я небрежно наблюдаю за дѣлами. Сей доносъ и другіе подобные остались для меня безъ послѣдствій. Но при окончаніи перваго академическаго курса, онъ получилъ благопріятный случай для себя достигнуть цѣли своего недоброжелательства ко мнѣ—вытѣснить меня изъ академіи и семинаріи. Онъ былъ назначенъ экзаменаторомъ моихъ учениковъ по классу русской словесности, преподаваемой мною въ семинаріи. По окончаніи экзамена, Филаретъ донесъ академическому правленію:

1) что мои ученики мало занимались своими сочиненіями, которыхъ было только сорокъ у каждаго ученика въ теченіе года; 2) что они не сочиняли большихъ рѣчей и 3) что студенты академіи, оканчивающіе курсъ наукъ, скоро могутъ замѣнить меня съ лучшимъ успѣхомъ въ преподаваніи. По полученіи сего доноса въ академическомъ правленіи, я возразилъ противъ втораго пункта и объявилъ, что ученики сочиняли большія рѣчи. Филаретъ сказалъ: „Зачѣмъ-же вы не показали мнѣ ихъ?"—„Зачѣмъ-же вы не спросили?" отвѣчалъ я. — „Это не моя обязанность", былъ его отвѣтъ. Скоро послѣ сего я оставилъ семинарію и академію и опредѣлился на службу по военному министерству въ аудиторіатскій департаментъ. Послѣ моего увольненія, въ скоромъ времени уволены были изъ семинаріи и другіе профессора, вызванные и опредѣленные комиссіею духовныхъ дѣлъ, и замѣнены студентами академіи. Изъ уволенныхъ одинъ, профессоръ Ивановъ, былъ послѣ екатеринославскимъ губернаторомъ, другой, профессоръ греческаго языка Вороновъ, поступилъ на службу въ канцелярію графа Аракчеева. Послѣдняя школьная сцена, бывшая у Воронова съ Филаретомъ, былъ споръ во время экзамена учениковъ изъ греческаго языка о значеніи глагола ἀπαγω. Въ разгарѣ спора послали на-домъ за греко-латинскимъ лексикономъ и, по справкѣ, оказалось, что Вороновъ правильно понималъ значеніе греческаго глагола ἀπάγω. Филаретъ, чувствуя неприличіе этой школьной сцены, обратился къ ученикамъ и приказалъ не выносить за порогъ бывшаго спора.

Въ послѣдніе два года моего служенія по духовному вѣдомству я началъ составлять „Правила словесности" и для опыта въ 1813 г. напечаталъ одну первую часть оныхъ, желая предварительно узнать какъ они по учебнымъ заведеніямъ будутъ приняты. Въ теченіе года 1,500 экземпляровъ разошлись большею частью по семинаріямъ. Въ 1814 г. я напечаталъ вторымъ изданіемъ эту первую часть, въ количествѣ также 1,500 экземпляровъ, но въ это время предписано было комиссіею духовныхъ училищъ, гдѣ Филаретъ уже былъ членомъ, чтобы семинарскія правленія не покупали никакихъ книгъ, не испросивъ предварительно на покупку оныхъ позволенія отъ комиссіи. Я расчелъ, что это постановленіе комиссіи было направлено противъ моего сочиненія, о которомъ Филаретъ отзывался невыгодно и студентамъ академіи, говоря съ обычнымъ своимъ словоизвитіемъ: „Эти правила требуютъ еще правилъ". Это было одною изъ причинъ, почему я, напечатавъ четыре части „Правилъ словесности", въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ, не сталъ повторять болѣе изданіе оныхъ; преимущественно-же

причиною было то, что самое содержаніе правилъ, выборъ примѣровъ, духъ церковнаго краснорѣчія, постепенность науки и системы ея были соображены въ семъ моемъ сочиненіи съ свойствомъ и цѣлію образованія воспитанниковъ въ духовныхъ училищахъ.

Въ 1814 г. опредѣлился было я на службу въ аудиторіатскій департаментъ, но еще нѣсколько времени занимался дѣлами академическаго правленія. Митрополитъ Амвросій весьма любилъ меня и оказывалъ мнѣ большое довѣріе. Когда являлся я къ нему для подписи бумагъ и журналовъ, онъ обыкновенно спрашивалъ меня: „что тамъ, есть-ли что-нибудь?“ Я указывалъ ему на статьи журнала, заслуживающія вниманія его, или отвѣчалъ: „нѣтъ ничего, ваше высокопреосвященство“, и онъ подписывалъ не читавши. Пользуясь благопріятными случаями докладовъ, я не пропускалъ и сдѣлать добро лицамъ извѣстнымъ ученостью и жизнію своею. При открывавшихся вакансіяхъ начальническихъ или ученыхъ мѣстъ въ академическомъ округѣ, я старался дѣлать указанія митрополиту Амвросію на таковыхъ лицъ для замѣщенія вакансій. Болѣе полвѣка прошло уже, а воспоминанія о сихъ докладахъ, о добротѣ и благорасположеніи ко мнѣ мудраго архипастыря—часто приходятъ мнѣ на умъ, съ отраднымъ чувствомъ для сердца. Одно изъ самыхъ пріятнѣйшихъ воспоминаній осталось для меня, когда онъ однажды, въ лѣтнее время, въ десять часовъ вечера прислалъ келейника за мною и сбъявилъ мнѣ: „Сегодня, сказалъ онъ, мы положили въ синодѣ вызвать въ здѣшнюю академію изъ тобольской семинаріи инспекторомъ студентовъ твоего Филарета“, который впослѣдствіи былъ кіевскимъ митрополитомъ. Слово „твоего“, употребленное митрополитомъ Амвросіемъ, служитъ доказательствомъ, что онъ считалъ меня Филарету или родственникомъ, или другомъ, или бывшимъ сослуживцемъ, но я зналъ Филарета только по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ П. Н. Турчанинова, который былъ знакомъ съ Филаретомъ въ Орлѣ и не разъ разсказывалъ мнѣ о притѣсненіяхъ, претерпѣнныхъ имъ отъ тамошняго епархіальнаго архіерея Досифея, въ бытность свою ректоромъ семинаріи.

Но съ сими пріятными воспоминаніями приходитъ мнѣ иногда на умъ и прискорбное событіе, отъ соучастія въ коемъ предохранило меня святое Провидѣніе. Однажды митрополитъ Амвросій, при моемъ докладѣ бумагъ ему, вручилъ мнѣ „Эстетическія разсужденія“ Ансильона, переведенныя студентами академіи подъ руководствомъ рязанскаго архіепископа Феофилакта и профессора эстетики, покровительствованнаго имъ, архимандрита Леонида, съ тѣмъ, чтобы я написалъ на это сочиненіе критику. Не отказываясь и не говоря

ни слова, я взялъ книгу, поклонился и ушелъ. Черезъ нѣсколько времени митрополитъ Амвросій спросилъ меня, написалъ-ли я критику? „По множеству дѣлъ въ правленіи, отвѣчалъ я ему, не успѣлъ я еще заняться ею".

Черезъ два мѣсяца послѣ сего появилась напечатанная критика Филарета на Ансильона. Въ опроверженіе этой критики архіепископъ Феофилактъ и архимандритъ Леонидъ написали весьма основательную антикритику. Послали въ типографію напечатать; напечатали нѣсколько листовъ, но, печатая послѣдній листъ, получили повелѣніе прекратить печатаніе антикритики и не выпускать въ свѣтъ листовъ напечатанныхъ, а Леонида велѣно удалить изъ академіи. Неожиданный ударъ врага-соперника такъ сильно поразилъ его, что онъ впалъ въ глубокое отчаяніе и чрезъ три дня сошелъ въ могилу. Жаль мнѣ бѣднаго Леонида! Его келія была смежною съ моею, и онъ почти каждый день посѣщалъ меня.

Подобныхъ событій, горестныхъ для воспоминанія, можно былобы не мало привести изъ шестилѣтняго періода моей служебной жизни вмѣстѣ съ Филаретомъ, но я не намѣренъ теперь описывать ихъ, предоставляя это будущему времени.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1814 г., когда я уже изнемогалъ въ силахъ подъ бременемъ непріятныхъ академическихъ и аудиторіатскихъ дѣлъ, пріѣхалъ ко мнѣ въ квартиру извѣстный поэтъ и патріотъ Василій Васильевичъ Капнистъ. Прежде онъ былъ незнакомъ лично мнѣ. Его посѣщеніе я считалъ всегда и теперь считаю дѣломъ Божьяго Промысла, избавившаго меня изъ омута монашескихъ интригъ и суетъ. Капнистъ пріѣзжалъ предложить: не желаю-ли я опредѣлиться секретаремъ къ министру народнаго просвѣщенія —графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому.

IV.

Опредѣлившись въ званіе секретаря къ особѣ министра, я считался на службѣ въ главномъ правленіи училищъ. Графъ Разумовскій и по характеру, и по уму, и по качествамъ сердца былъ истинный вельможа, во всемъ значеніи сего слова. Служа при немъ, я имѣлъ довольно свободнаго времени, которымъ пользуясь, составилъ третью и четвертую часть „Правилъ словесности".

До 1816 года въ главномъ педагогическомъ институтѣ не было каѳедры для преподаванія русской словесности, которую И. Н. Мартыновъ преподавалъ вмѣстѣ съ эстетикою, какъ часть сей

науки. По важности предмета, министръ графъ Разумовскій почелъ нужнымъ испросить высочайшее соизволеніе прибавить къ штату главнаго педагогическаго института новую каѳедру русской словесности и меня опредѣлить профессоромъ по сей каѳедрѣ.

Въ 1816 году и потомъ въ слѣдующіе годы главное занятіе мое было преподаваніе русской словесности въ педагогическомъ институтѣ; въ промежутокъ этого времени былъ я, между прочимъ, членомъ ученаго комитета при императорскомъ человѣколюбивомъ обществѣ, вмѣстѣ съ надворными совѣтниками: Блудовымъ и Ланскимъ, изъ коихъ первый былъ потомъ графомъ и предсѣдателемъ государственнаго совѣта, второй—графомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. По прошествіи одного года, я выбылъ изъ комитета и оставилъ редакцію журнала, издаваемаго симъ комитетомъ, которая возложена была на меня, какъ на члена. Въ свободные же часы дня я былъ преподавателемъ русской словесности возрастнымъ юношамъ и дѣвицамъ первыхъ домовъ знаменитѣйшихъ фамилій: Строгоновыхъ, Волконскихъ, Васильчиковыхъ, Бибиковыхъ и другихъ; а въ ночные-же часы посѣщали мои домашнія лекціи многіе даровитѣйшіе и образованнѣйшіе офицеры гвардіи. Съ душевнымъ удовольствіемъ я теперь вспоминаю о нихъ, изъ которыхъ многіе сдѣлались извѣстными своими заслугами отечеству, какъ имена: пяти родныхъ братьевъ Шиповыхъ—Сергія, Ивана, Александра, Дмитрія, Николая Павловичей и двоюроднаго брата ихъ Алексѣя Ивановича, имена Муравьевыхъ—Карсскаго и Амурскаго, Бурцова, Николая Николаевича Анненкова, Павла Николаевича Игнатьева, Ладыгина, адмирала Рикорда; съ грустью вспоминаю несчастныхъ: Пестеля, двухъ братьевъ Муравьевыхъ-Апостолъ, князя Оболенскаго и другихъ.

Кромѣ ночныхъ домашнихъ чтеній о русской словесности, я желалъ имѣть публичныя чтенія и публиковалъ о моемъ намѣреніи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“; но бывшій тогда директоръ департамента Поповъ, призвавъ меня, воспретилъ какъ дѣло опасное, именуя мое намѣреніе гордостью и киченіемъ духа. Другой подобнаго рода памятный случай былъ со мною, когда я, въ 1818 и 1819 годахъ, исправлялъ должность цензора печатныхъ книгъ. Однажды министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, призвалъ меня и говоритъ, что государь императоръ вчерашній день сдѣлалъ ему замѣчаніе, а министры въ комитетѣ ожесточенно напали на него за напечатанную статью въ журналѣ Яценкова: „Духъ Журналовъ“, въ которой говорится, что нынѣ всѣ народы требуютъ конституціи. Князь такъ былъ снисходителенъ, говоря со мною, что я не почелъ нужнымъ въ свое оправданіе сказать ему, что Яценковъ печатаетъ

въ своемъ журналѣ безъ моего одобренія, не желая подвергнуть его строгой отвѣтственности за ложную подпись моего имени. „Впередъ, сказалъ князь, приносите ко мнѣ на разсмотрѣніе подобныя статьи; Уварову не показывайте,—я лучше знаю духъ нынѣшней политики, нежели онъ".—Я поклонился князю и ушелъ.

Злая судьба еще разъ доставила мнѣ случай, по выходѣ изъ духовнаго вѣдомства, испытать долголѣтнее чувство неблагорасположенія Филарета ко мнѣ. Въ 1818 году былъ я членомъ и редакторомъ журнала въ ученомъ комитетѣ Императорскаго человѣколюбиваго общества, въ которомъ совѣтѣ былъ также членомъ и Филаретъ. Я былъ представленъ отъ комитета совѣту къ награжденію орденомъ св. Владиміра 4-й степени за труды по редакціи журнала. Филаретъ, вставъ съ мѣста, воодушевленнымъ краснорѣчіемъ своимъ убѣдилъ членовъ совѣта, что награждать за дѣла человѣколюбія не должно, потому что публика можетъ подумать, говоритъ онъ, что мы служимъ человѣколюбію изъ корыстныхъ видовъ, а не изъ чистыхъ побужденій сердца. По окончаніи года я оставилъ комитетъ и редакцію журнала. Бывшій помощникъ мой по редакціи журнала Авксентій Павловичъ Гевличъ, докторъ харьковскаго университета, человѣкъ умнѣйшій, добрѣйшій и честнѣйшій, принялъ на себя обязанность редактора журнала и чрезъ два мѣсяца получилъ за редакцію онаго орденъ св. Владиміра 4-й степени. По благородству души онъ былъ столько великодушенъ, что, получивши орденъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру благодарить меня, говоря: „я пришелъ благодарить васъ; я получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени за ваши труды по изданію журнала". Такая доброта души выше всѣхъ похвалъ. Впослѣдствіи А. П. Гевличъ былъ сенаторомъ.

Кромѣ оскорбленнаго чувства несправедливостью, была еще другая причина, побудившая меня оставить комитетъ. По уставу комитета всѣ члены обязаны были прочитывать статьи, назначаемыя къ печатанію въ журналѣ. Членами комитета были: я, коллежскій совѣтникъ Блудовъ и надворный совѣтникъ Ланской; предсѣдателемъ-же сего комитета былъ баронъ Фитингофъ, зять извѣстной придворной графини Ливенъ. Онъ, пользуясь покровительствомъ лицъ, близкихъ къ особѣ государя императора Александра I-го, представлялъ его величеству каждую ежемѣсячно выходившую книжку журнала, которая всегда была принимаема благосклонно и милостиво. Такая милость государя побудила барона Фитингофа представить меня совѣту Императорскаго человѣколюбиваго общества къ наградѣ за труды по изданію журнала, но, какъ я упоминалъ, въ наградѣ мнѣ было отказано, благодаря нерасположенію ко мнѣ

Филарета. Приступая къ печатанію первой книжки журнала, получилъ я для напечатанія статью, подъ заглавіемъ „О цѣли человѣколюбивыхъ обществъ“, присланную мнѣ отъ барона Фитингофа и никѣмъ не подписанную, такъ что я не зналъ: переводъ-ли это былъ или подлинное чье-либо сочиненіе Послѣдствія показали, что эта статья была переводъ г. Блудова съ французскаго языка, заимствованный изъ сочиненія Стурдзы. Печатая эту статью, я поправилъ въ одномъ мѣстѣ текстъ изъ св. писанія, неправильно переведенный, въ другомъ перемѣнилъ нѣсколько словъ для избѣжанія какофоніи. Блудовъ, увлеченный сильнымъ раздраженіемъ самолюбиваго и честолюбиваго характера, прибѣжалъ ко мнѣ въ квартиру; но, не заставъ меня дома, долго шумѣлъ и стучалъ о полъ суковатымъ костылемъ, называвшимся тогда „c'est droit de l'homme“. Чрезъ нѣсколько дней, въ засѣданіи комитета, Блудовъ потребовалъ, чтобы во второй печатаемой книжкѣ журнала мои поправки были припечатаны подъ названіемъ „errata“, что и было сдѣлано мною по его желанію. Но г. Блудовъ не удовольствовался исполненіемъ своего этого желанія. На основаніи комитетскаго устава, я обязанъ былъ каждую статью, назначаемую къ печатанію въ журналѣ, посылать предварительно членамъ комитета для прочтенія и одобренія. На посылаемыхъ статьяхъ г. Блудовъ писалъ на мой счетъ такія колкія критики, которыя крайне оскорбляли меня и разстраивали расположеніе духа. Съ этихъ поръ, особливо въ бытность свою товарищемъ министра народнаго просвѣщенія Шишкова, онъ много мнѣ вредилъ.

Въ 1819 году главный педагогическій институтъ преобразованъ и переименованъ въ университетъ. Профессора, занимавшіе каѳедры въ педагогическомъ институтѣ, остались тѣ-же, къ числу коихъ прибавлено нѣсколько новыхъ преподавателей. Мнѣ попрежнему назначено было преподавать русскую словесность. По новому положенію университета были въ немъ два начальника: ректоръ—по части учебной, и директоръ—по части экономической и по управленію. Первую должность занималъ профессоръ Балугіянскій, вторую дѣйствительный статскій совѣтникъ Кавелинъ. Неудобства, встрѣчавшіяся въ такомъ двойномъ управленіи, побудили начальство значительно измѣнить и дополнить уставъ университета. Это дѣло поручено было директору Кавелину и ректору Балугіянскому, профессору многосторонне-ученому, съ которыми я также участвовалъ въ семъ дѣлѣ въ званіи редактора.

Вскорѣ по учрежденіи университета, нѣкоторые профессора образомъ своихъ мыслей и преподаванія, несогласнымъ съ видами правительства, вынудили начальство исключить ихъ изъ универси-

тета; по сему случаю мнѣ велѣно было, кромѣ русской словесности, преподавать въ университетѣ и философію, которую я преподавалъ, какъ ниже будетъ показано, до управленія Шишкова министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Въ 1820 году я былъ назначенъ исправляющимъ должность инспектора въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, учрежденномъ въ 1817 году при главномъ педагогическомъ институтѣ. Съ 1817-го по 1820 годъ пансіонъ, по непростительной безпечности и по незнанію своего дѣла начальствующими въ ономъ, былъ доведенъ до чрезвычайныхъ безпорядковъ и до безобразія во всѣхъ отношеніяхъ. Почитая неумѣстнымъ и непріятнымъ описывать и вспоминать о нихъ, приведу въ доказательство явнаго разстройства въ пансіонѣ одно только то, что изъ числа ста человѣкъ воспитанниковъ, находившихся въ немъ по штату, исключено въ 1818 году за дурное поведеніе сорокъ пять воспитанниковъ, а въ 1819 году сорокъ семь. Двукратно я отказывался отъ предлагаемой мнѣ инспекторской должности, не надѣясь исправить усилившіеся безпорядки въ пансіонѣ, наконецъ, согласился, уважая просьбу директора пансіона г. Кавелина, много благодѣтельствовавшаго мнѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) принять исправленіе должности инспектора съ наименованіемъ исправляющимъ должность; 2) оставить за мною квартиру, занимаемую моимъ семействомъ въ зданіи университета на Васильевскомъ островѣ; 3) предоставить мнѣ учебную и воспитательную часть въ полное распоряженіе, безъ вмѣшательства директора въ дѣло воспитанія. Когда эти условія были приняты, я вступилъ въ управленіе пансіономъ, перемѣнилъ всѣхъ гувернеровъ и нѣкоторыхъ учителей, устроилъ во всемъ новый порядокъ и въ теченіе всего моего управленія не имѣлъ ни малѣйшаго неудовольствія со стороны воспитанниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не оставилъ пансіона не кончивши курса и не получивши по уставу права на чинъ 10-го или 12-го класса. За возстановленіе порядка и устройства въ пансіонѣ я награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Непрестанныя усилія напряженной дѣятельности сначала подѣйствовали было на мое здоровье, но съ теченіе времени, послѣдовательно возстановляемый порядокъ постепенно облегчалъ мнѣ трудность управленія и, наконецъ, многодѣльныя занятія обратились мнѣ въ привычку. Въ это время, какъ пансіонъ доведенъ былъ мною до настоящаго благоустройства, Руничъ исправляющій должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, заблагоразсудилъ въ угодность директору департамента, дѣйствительному статскому совѣтнику Попову, служившему въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначить на мое мѣсто его

свояка, отставнаго флотскаго лейтенанта Клемента, представивъ министру, что мнѣ неудобно посѣщать свое семейство, находящееся на Васильевскомъ островѣ. Благородный пансіонъ, подъ управленіемъ неопытнаго и неспособнаго къ образованію юношества моряка, опять впалъ въ большое разстройство; Клементъ отставленъ былъ отъ должности и повелѣно было никуда не принимать его на службу. Назначенъ былъ новый инспекторъ въ благородный пансіонъ — г. Бенидъ, человѣкъ довольно опытный въ дѣлѣ воспитанія, но пансіонъ былъ доведенъ до такой степени разстройства, что, по распоряженію начальства народнаго просвѣщенія, велѣно было, наконецъ, закрыть пансіонъ и переименовать его въ гимназію.

Въ 1822 году окончилъ я изданіе своего сочиненія „Правила словесности", начатое въ 1813 году. Многія были причины такого продолжительнаго печатанія. Въ томъ-же году напечаталъ я переводъ „Похвальнаго слова императору Траяну", сочиненіе Младшаго Плинія, посвятилъ его блаженной и безсмертной памяти императору Александру I и имѣлъ счастіе получить за него драгоцѣнный подарокъ отъ божественной и вѣчнопамятной государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Скоро послѣ сего времени случилось, что блаженной памяти императоръ Николай Павловичъ, бывши еще великимъ княземъ и начальникомъ гвардейскаго корпуса, назначилъ меня съ нѣкоторыми другими лицами преподавателемъ въ вновь учрежденной школѣ гвардейскихъ юнкеровъ и представилъ на высочайшее утвержденіе императору Александру I, который, читая списокъ представленныхъ преподавателей, остановился на моемъ имени и отозвался такъ лестно обо мнѣ, что его императорскому высочеству любопытно было узнать по какому случаю зналъ меня государь императоръ, и для удовлетворенія любопытства своего прислалъ ко мнѣ директора гвардейской школы генерала Годейна спросить меня объ этомъ. Чтобы вѣрнѣе сколько-нибудь дать отвѣтъ, я сказалъ, что государь императоръ недавно наградилъ меня милостиво за посвященіе его имени „Похвальнаго слова императору Траяну", переведеннаго съ латинскаго языка.

Находясь преподавателемъ военнаго слога въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, я усмотрѣлъ необходимость въ печатномъ руководствѣ такого содержанія, которое могло-бы до нѣкоторой степени удовлетворить вообще слушателей, имѣвшихъ неодинаковыя предварительныя понятія о словесности: иные окончили курсъ университетскаго воспитанія, другіе получили слабое домашнее образованіе. Для юнкеровъ и подпрапорщиковъ я составилъ и напечаталъ сочиненіе, въ трехъ небольшихъ книжкахъ, подъ назва-

ніемъ: „Военное краснорѣчіе“. Въ первой книжкѣ содержатся правила первоначальныхъ словесныхъ сочиненій; во второй—правила, относящіяся до сочиненій военныхъ; въ третьей,— примѣры, заимствованные изъ древнихъ и новыхъ военныхъ писателей. По выходѣ сего моего сочиненія въ свѣтъ, Гречъ и учитель кадетскаго корпуса Талызинъ напечатали, въ 1826 году, критику въ журналѣ „Сынъ Отечества“, весьма пристрастную, на которую я отвѣчалъ тремя брошюрками. Тотъ и другой критикъ имѣли особенныя причины, побуждавшія ихъ написать критику: Гречъ хотѣлъ отомстить мнѣ за то, что я, бывши членомъ комитета, разсматривавшаго учебныя пособія, не одобрилъ его русской грамматики, представленной имъ комитету для введенія въ число учебныхъ пособій для преподаванія въ училищахъ, а учитель Талызинъ, преподававшій кадетамъ лекціи по своей риторикѣ, не захотѣлъ преподавать словесность по моей книгѣ, по которой велѣно было ему преподавать ее отъ главнаго начальника учебной части корпуса. Онъ хотѣлъ сочиненіемъ критики унизить достоинства моего сочиненія, то перемѣняя мои слоги и вставляя въ текстъ свои собственные, то пропуская нѣкоторыя реченія и извращая смыслъ текста.

Комитетъ, упомянутый выше, составленъ былъ по высочайшему повелѣнію, 1826 года іюня 26 дня, въ началѣ царствованія блаженной памяти премудраго императора Николая I, по министерству народнаго просвѣщенія. Членамъ комитета повелѣно было разсмотрѣть учебныя книги, преподаваемыя въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Президентомъ-же онаго былъ назначенъ попечитель харьковскаго учебнаго округа Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, человѣкъ весьма образованный и благороднѣйшаго сердца. Членами были профессора университета: Чижовъ, я, Соколовъ, секретарь россійской академіи, и еще одинъ профессоръ. Бо́льшая часть учебныхъ книгъ была отдаваема комитетомъ на разсмотрѣніе мнѣ по преимуществу, какъ профессору словесности,—науки общей съ многими предметами, преподаваемыми въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Пользуясь симъ случаемъ и желая сдѣлать добро нѣкоторымъ ученымъ лицамъ, извѣстнымъ мнѣ своими педагогическими дарованіями и трудами, я старался рекомендовать ихъ комитету, предлагалъ на разсмотрѣніе ихъ сочиненія, которыя и были приняты въ число учебныхъ книгъ, несмотря на интригу нѣкоторыхъ педагоговъ-соискателей. За труды по сему комитету былъ я представленъ къ наградѣ. Высочайшее повелѣніе по сему представленію послѣдовало: представить къ награжденію когда комитетъ исполнитъ свою обязанность и окончитъ дѣла свои. Въ 1837 году комитетомъ были уже разсмотрѣны учебныя книги и пособія и высочайшее

повелѣніе по сему предмету комитетомъ окончательно было исполнено. Но съ 1837 года, въ продолженіе всего управленія министерствомъ, графъ Уваровъ не обращалъ никакого вниманія на существованіе комитета и высочайшее повелѣніе 1828 года о награжденіи меня за труды—оставалось безъ выполненія до вступленія князя Ширинскаго-Шихматова въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, который въ 1851 году испросилъ мнѣ высочайшую награду въ 3,000 рублей.

Равнымъ образомъ, по нерасположенію ко мнѣ изъ-за сочиненія Стурдзы—и представленіе его высочества Максимиліана, герцога Лейхтенбергскаго, о награжденіи меня въ слѣдующій чинъ, поданное графу Уварову, осталось безъ послѣдствій.

Между занятіями по комитету я имѣлъ время перевести съ французскаго языка логику Кизеветера, которая и была принята въ число учебныхъ книгъ, такъ какъ, когда ихъ разсматривали, то нѣкоторыя изъ нихъ признаны были годными для преподаванія, другія замѣнены новыми руководствами, составленными, по порученію комитета, посторонними учеными лицами или членами комитета.

Въ 1825 г. министръ народнаго просвѣщенія, кн. Голицынъ, въ числѣ немногихъ лицъ по учебной части, представилъ меня, помимо комитета министровъ, лично государю императору Александру I къ награжденію орденомъ св. Анны 2-ой степени съ бриллiантовыми украшеніями. Высочайшее повелѣніе о награжденіи меня симъ орденомъ передано было для исполненія въ комитетъ министровъ. Въ это самое время, князь Голицынъ уволенъ былъ отъ должности министра. Предсѣдатель комитета министровъ, графъ Аракчеевъ, вѣроятно, недовольный тѣмъ, что князь Голицынъ, по существовавшему тогда между ними враждебному отношенію, мимо его вѣдѣнія сдѣлалъ представленіе государю о наградѣ чиновниковъ по своему министерству,—не захотѣлъ выполнить высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго о награжденіи чиновниковъ. Онъ отнесся къ Шишкову, вновь назначенному министромъ вмѣсто князя Голицына, съ вопросомъ: „какого онъ мнѣнія объ этомъ дѣлѣ?“ Шишковъ отвѣчалъ, что онъ, по недавности вступленія въ министерство, не можетъ дать никакого мнѣнія объ этомъ. Такой отвѣтъ Шишкова послужилъ графу Аракчееву основаніемъ къ невыполненію высочайшаго повелѣнія о награжденіи меня и, вѣроятно, доставилъ самому Шишкову пріятный случай расплатиться со мною за критику, напечатанную мною въ журналѣ „Сынъ Отечества“ на его „Этимологическія словопроизводства“.

Въ короткое время своего министерства Шишковъ имѣлъ еще одинъ случай оказать мнѣ свое неблагорасположеніе. Удаленный

изъ казанскаго университета, профессоръ Пальминъ, бывшій прежде учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, человѣкъ безъ дарованій и познаній, подалъ просьбу Шишкову объ опредѣленіи вмѣсто меня преподавателемъ философіи въ с.-петербургскомъ университетѣ. Шишковъ, немедля, очень охотно выполнилъ его просьбу. Когда я по сему случаю пришелъ къ Шишкову, онъ сказалъ мнѣ: „у тебя было двѣ каѳедры, а Пальминъ былъ безъ мѣста“. Недолго, однако, Пальминъ занималъ профессорское мѣсто въ с.-петербургскомъ университетѣ. Сей неспособный преподаватель подвергся подобной-же участи, какой прежде былъ подверженъ Клементъ, мой преемникъ по благородному пансіону.

Вопросъ о наградѣ меня орденомъ св. Анны снова возникъ по слѣдующему случаю. Послѣ бывшаго экзамена юнкеровъ и подпрапорщиковъ, генералъ Годейнъ, директоръ школы, человѣкъ примѣрно доброй души, объявилъ мнѣ о своемъ желаніи представить меня къ наградѣ орденомъ св. Анны 2-ой степени. Я объявилъ ему, что министръ Голицынъ еще въ 1825 г. представилъ меня къ награжденію симъ орденомъ, но по сіе время представленіе его остается въ комитетѣ министровъ. Годейнъ сказалъ, что завтра-же онъ доложитъ о семъ великому князю. Великій князь доложилъ государю императору и государь приказалъ спросить: „по какой причинѣ дѣло о моемъ награжденіи такъ долго остается въ комитетѣ министровъ безъ разрѣшенія?“ Правитель дѣлъ комитета отвѣчалъ, что оно готово къ докладу его императорскому величеству; но по какой причинѣ долго оставалось дѣло въ комитетѣ онъ умолчалъ. Еще прошелъ годъ въ собираніи справокъ: всѣ-ли, со мною вмѣстѣ представленные къ наградамъ, находятся въ живыхъ. Наконецъ, въ 1828 г. я удостоился получить орденъ св. Анны, но безъ украшеній.

Въ 1826 г. я былъ выбранъ деканомъ историко-филологическаго факультета, а въ слѣдующемъ, 1827 г., я посланъ былъ визитаторомъ училищъ Калужской и Смоленской губерній, подвѣдомыхъ министерству народнаго просвѣщенія. При осмотрѣ калужской гимназіи, оказалось, что директоръ ея, Кояндеръ, растратилъ училищныя деньги, болѣе тридцати тысячъ, проигравъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ карты. Въ допущеніи сей растраты директору Кояндеру учителя гимназіи подвергались отвѣтственности по правиламъ храненія училищныхъ суммъ. Нищета бѣдныхъ, многосемейныхъ учителей, стѣсненныхъ властью директора, человѣка хитраго и имѣвшаго сильныя связи, возбудила во мнѣ жалость и рѣшимость по возможности отклонить отъ нихъ вину и защитить ихъ. Директоръ Кояндеръ въ тотъ-же вечеръ, какъ я пріѣхалъ въ Калугу, отравился. Калужская палата обвинила и меня въ растратѣ

денегъ, которыя всѣ, почти за нѣсколько лѣтъ до моего пріѣзда, были проиграны въ карты. Правительствующій сенатъ, по разсмотрѣніи дѣла, за неправильное рѣшеніе онаго, возложилъ взысканіе на судей калужской уголовной палаты.

Въ 1832 г. я былъ уволенъ отъ должности профессора въ университетѣ и оставленъ членомъ вышеупомянутаго комитета, которому повелѣно было разсмотрѣть учебныя книги и пособія. Въ 1839 г. былъ вызванъ изъ деревни, по волѣ блаженной памяти государя императора Николая Павловича, для обученія русскому языка е. и. в. герцога Лейхтенбергскаго. Лекціи, преподанныя ему по особой этимологической системѣ, напечатаны. Въ 1857 г. переведено съ французскаго языка и съ нѣкоторыми перемѣнами напечатано мною сочиненіе Мориссо, подъ названіемъ: „Размышленія христіанина, посвященныя ангелу-хранителю на каждый день въ теченіе мѣсяца“. Въ 1859 г. напечаталъ сочиненіе, подъ названіемъ: „Аналитическая филологія о составѣ и образованіи русскаго языка“, а въ 1861 г. напечаталъ переведенную съ латинскаго языка десятую книгу писемъ Младшаго Плинія, подъ названіемъ: „Переписка Плинія съ императоромъ Траяномъ“. Въ часы свободные отъ другихъ дѣлъ я занимался симъ авторомъ съ 1805 г., а теперь всѣ сочиненія его приготовлены къ печатанію.

Сверхъ вышеупомянутыхъ трудовъ, сообщалъ я въ нѣкоторые того времени журналы переводныя статьи, особенно съ греческаго и латинскаго языковъ, чаще всего въ журналъ „Древней и Новой Словесности“, о которыхъ „Journal de Débat“ отзывался съ лестною похвалою.

Як. Вас. Толмачевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. ПИРОГОВѢ,

1858—1861 гг.

I.

Въ истекшемъ 1891 г., 23-го ноября, исполнилось десять лѣтъ со времени смерти Н. И. Пирогова. Пользуясь этою годовщиною, я хочу возстановить въ своей памяти и представить вниманію читателей „Русской Старины“ то давно прошедшее время, когда Н. И. былъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, тѣ эпизоды гимназической и университетской жизни того времени, въ которыхъ мнѣ, въ бытность ученикомъ полтавской гимназіи и студентомъ кіевскаго университета, приходилось принимать непосредственное участіе и входить въ сношеніе съ Н. И., какъ попечителемъ учебнаго округа. Позволяю себѣ разсчитывать, что пересказъ мой только укрѣпитъ въ читателяхъ то высокое мнѣніе, какое они давно уже составили себѣ о свѣтлой, гуманной, исполненной огромнаго воспитательнаго значенія, геніальной личности знаменитаго хирурга-анатома, профессора, администратора, госпиталиста, клинициста, педагога, публициста, мироваго посредника, руководителя футурусами-профессорами, ученаго-новатора, проповѣдника и проводителя въ жизнь плодотворныхъ началъ добра и истины—Н. И. Пирогова.

Послѣдніе годы моего пребыванія въ гимназіи и первые въ университетѣ совпадаютъ съ знаменательнымъ періодомъ развитія самосознанія и обновленія русской общественной жизни въ концѣ 1850-хъ и началѣ 1860-хъ годовъ. Въ это-же время (1858—1861 гг.) и Н. И. былъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа. Указанное общественное направленіе очень живо отражалось на полтавской

гимназіи. Элементы для этого существуютъ всегда и вездѣ, но вызванные общественнымъ пробужденіемъ къ болѣе сознательной жизни они приходятъ въ движеніе, группируются, проявляютъ себя въ какой-нибудь подходящей дѣятельности. Такъ было и въ полтавской гимназіи, и въ учительской средѣ, и въ ученической. Одинъ изъ старыхъ учителей, строгій аскетъ, дѣлившій свое время между учениками и костеломъ, и другой, недавно переведенный въ полтавскую гимназію, человѣкъ большихъ способностей, увлекавшій учениковъ своимъ предметомъ (исторіею) и своей личностью,—пользовались глубокимъ уваженіемъ и неограниченнымъ довѣріемъ части учениковъ, съ увлеченіемъ относившейся къ господствовавшему въ то время общественному настроенію и рвавшейся на работу въ этомъ духѣ. Указанные учителя тоже относились къ намъ съ довѣріемъ и любовію, хотя и съ строгою требовательностью относительно занятій. Къ этимъ двумъ учителямъ примкнули еще три молодыхъ учителя, и эта группа въ пять человѣкъ была для насъ указаніемъ—гдѣ истина и справедливость въ гимназическихъ дѣлахъ и защитою нашихъ законныхъ ученическихъ интересовъ въ гимназическомъ педагогическомъ совѣтѣ. Такимъ образомъ, прогрессивная, „современная“, какъ тогда называли, группа образовалась въ учительской средѣ. Конечно, и среди учениковъ выдѣлилась группа „современниковъ“, особенно рельефно въ гимназическомъ пансіонѣ, гдѣ наиболѣе выдающихся прогрессистовъ было, конечно совершенно случайно, тоже пять человѣкъ. Явилось и дѣло для этой группы—это устраненіе изъ пансіонской ученической жизни всего грязнаго, грубаго, низкаго, подлаго. Это не могло не затронуть личныхъ интересовъ вліятельныхъ пансіонеровъ, и дѣятельность группы встрѣтила сильную оппозицію въ средѣ самихъ-же пансіонеровъ. И вотъ, въ маленькомъ міркѣ гимназическаго пансіона закипѣла самая заправская партійная борьба. Здѣсь не мѣсто, конечно, изображать ея ходъ, разныя ея перипетіи, хотя она и представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что и въ этомъ микрокосмѣ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вѣчная борьба Ормузда и Аримана, нравственнаго принципа и личнаго, часто очень искусно маскированнаго, совершенно незаконнаго интереса въ микрокосмѣ. Здѣсь довольно будетъ сказать, что въ числѣ особенностей „современниковъ“ было ихъ стремленіе къ знакомству съ русскою литературою и журналистикою. Все выдающееся въ ней читалось и обсуждалось на субботнихъ литературныхъ ученическихъ вечерахъ. А потому и „Вопросы жизни“ Пирогова сдѣлали намъ извѣстными имя и, отчасти, личность Н. И. И вотъ, въ 1859 г. старшіе наши

товарищи, поступившіе уже въ кіевскій университетъ, пишутъ намъ, чтобы мы непремѣнно поступали въ этотъ университетъ, такъ какъ попечителемъ въ Кіевѣ авторъ „Вопросовъ жизни“, а это открывало самыя заманчивыя и свѣтлыя перспективы для педагогическаго дѣла, бывшаго для многихъ изъ насъ цѣлью университетскаго образованія.

Скоро намъ пришлось на себѣ испытать что̀ значитъ, если во главѣ управленія учебнымъ округомъ стоитъ такой человѣкъ, какъ Н. И. Пироговъ. Дѣло было такого рода. Способнѣйшій изъ нашихъ товарищей, ученикъ 7-го класса (тогда послѣдняго въ гимназіи), пансіонеръ, аспирантъ на золотую медаль, въ бесѣдѣ съ дежурнымъ надзирателемъ въ пансіонѣ, обмѣниваясь остротами, какъ видно, очень ужъ удачно съострилъ надъ неособенно остроумнымъ собесѣдникомъ. Послѣдній обидѣлся и представилъ директору гимназіи рапортъ о дерзости пансіонера, будто-бы обозвавшаго его дуракомъ. Директоръ передалъ этотъ рапортъ на рѣшеніе педагогическаго совѣта, постановившаго уволить изъ гимназіи нашего товарища, о чемъ директоромъ изготовлено было представленіе попечителю учебнаго округа. Если-бы это постановленіе совѣта было утверждено, то способному ученику закрытъ-бы былъ доступъ въ университетъ. Въ виду того товарищи увольняемаго обратились къ обиженному надзирателю съ просьбою заявить директору, что онъ готовъ окончить миромъ это дѣло. Надзиратель самъ былъ ужъ нерадъ исходу своей жалобы, охотно согласился на такое заявленіе и отправился вмѣстѣ съ нами къ директору просить его не посылать представленія попечителю и, вообще, потушить это дѣло. Но директоръ на это не согласился, и представленіе было отправлено въ Кіевъ. Тогда товарищи увольняемаго послали отъ себя письмо Н. И., прося его принять участіе въ ихъ товарищѣ, хорошемъ и талантливомъ молодомъ человѣкѣ, совершенно случайно попавшемъ въ большую бѣду. Въ этомъ-же письмѣ былъ выясненъ истинный характеръ всего дѣла и указано на согласіе самого обиженнаго удовольствоваться просьбою товарищей объ извиненіи и не домогаться наказанія. Результатомъ этого письма было дозволеніе увольняемому увольниться по прошенію. Въ августѣ того-же года (1859 г.) этотъ молодой человѣкъ, вмѣстѣ съ своими одноклассниками по гимназіи, держалъ экзаменъ для поступленія въ кіевскій университетъ, въ которомъ и былъ выдающимся, по способностямъ и занятіямъ, сначала студентомъ, а потомъ и профессоромъ. Знаменательно, что отъ этого-же студента Николаю Ивановичу пришлось, при прощаніи съ кіевскимъ учебнымъ округомъ въ 1861 г., выслушать произведшую

на него сильное впечатлѣніе характеристику его вліянія на гимназистовъ старшихъ классовъ. Вотъ слова этого студента:

„Въ прежнее время одни начальники съ суровою строгостью требовали формальнаго уваженія къ старшимъ и вызывали въ насъ страхъ и вражду; другіе были маниловски мягки и тѣмъ располагали насъ къ неуваженію. Отсутствіе гуманныхъ принциповъ и взаимнаго уваженія въ обоихъ случаяхъ вело насъ къ своевольству. Вы внушили начальствующимъ, что возведеніе мелочей въ нравственную обязанность даетъ превратное понятіе о самой нравственности, что уваженіе заслуживается, а не требуется, что оно должно быть взаимно. Вы распространили въ нашихъ гимназіяхъ понятіе о законности. Я былъ въ седьмомъ классѣ, когда начались ваши преобразованія. Въ прежнее время въ высшихъ классахъ непризнанная самостоятельность мальчика проявлялась въ самыхъ уродливыхъ формахъ и вражда къ старшимъ достигала крайнихъ предѣловъ. Когда-же наше начальство стало постепенно проникаться духомъ вашего управленія, когда ученикъ въ недоразумѣніяхъ съ учителемъ сталъ надѣяться когда-нибудь выйти правымъ, въ насъ эта вражда стала стихать. Потому-то мы не враждебно, а съ любовью вспоминаемъ наши послѣдніе школьные годы.

„Я не буду, изъ лести къ вамъ, отрицать вліянія нашихъ лучшихъ наставниковъ, но скажу смѣло, что бо̀льшая часть этого вліянія узаконялась и самоотверженно поддерживалась вами. И безъ вашего участія гуманныя начала вошли-бы, конечно, современемъ въ наши гимназіи, но входили-бы неспокойно, насильственно, еще болѣе усиливая вражду къ старшимъ. Между тѣмъ, какъ при вашихъ преобразованіяхъ благія послѣдствія постепенно устанавливавшихся человѣческихъ отношеній между старшими и младшими сказались рано. Еще въ седьмомъ классѣ мы стали преслѣдовать нелѣпое молодечество и удерживать нашихъ своевольныхъ товарищей, стали понимать, что начальникъ—представитель закона, а не произвола. И въ ваше управленіе не было такихъ взрывовъ своеволія, какіе помнитъ каждый, помнящій свои прежніе школьные годы. И если вообще здѣшнее юношество теперь ранѣе прежняго сознало, что понятіе о свободѣ необходимо соединяется съ уваженіемъ къ себѣ и другимъ, то оно сознало это именно подъ вліяніемъ нравственнаго порядка, установленнаго вами въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ". („Сочиненія Н. И. Пирогова". Томъ 2-й, стр. 543—544).

Вспоминая эту прощальную рѣчь Н. И—чу, затѣмъ профессуру оратора, его ученыя работы и, вообще, его судьбу, нельзя не признать, что слова Н. И. въ его прощальной рѣчи студентамъ кіевскаго

университета: „если я и не довелъ ни одного изъ васъ до истиннаго счастья, то, по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ, по своей волѣ, несчастнымъ“, — вполнѣ вѣрны дѣйствительности, какъ это подтвердится и дальѣйшимъ разсказомъ. Въ данномъ случаѣ, гуманно, серьезно, вполнѣ по-человѣчески отнесшись къ молодому человѣку и просьбѣ его товарищей, Н. И. не закрылъ для него дороги къ истинному счастью, что и могло-бы быть результатомъ традиціоннаго, исключительно формальнаго, начальническаго отношенія къ дѣлу.

Подъ вліяніемъ духа времени, семейныхъ традицій, обаянія личностей и отношенія къ намъ, главнымъ образомъ, двухъ незабвенныхъ учителей полтавской гимназіи, подъ вліяніемъ чтенія и литературныхъ вечеровъ, — въ 6-мъ и 7-мъ классахъ нашей almae matris мы переживали тотъ періодъ формированія идеаловъ, характера и личности человѣка, какой переживается молодыми людьми обыкновенно въ университетѣ. Конецъ 1850-хъ годовъ былъ особеннымъ временемъ, когда 15-ти, 16-тилѣтніе юноши имѣли уже, каждый, свое опредѣленное міровозрѣніе и ясно представляли себѣ характеръ своей будущей дѣятельности. Многіе остались и поднесь вѣрны этому характеру, при всемъ разнообразіи ихъ профессій, положенія и, вообще, судьбы. Значительною опорою для сохраненія и развитія указаннаго характера въ университетѣ были профессора: Пл. В. Павловъ, В. Я. Шульгинъ, Н. Хр. Бунге и попечитель Н. И. Пироговъ.

Первымъ дѣломъ, въ которомъ проявилось, по поступленіи въ университетъ, наше стремленіе къ полезной общественной дѣятельности, стремленіе — чѣмъ-нибудь послужить обиженному исторіею народу наканунѣ его освобожденія отъ крѣпостной зависимости, — было устройство въ Кіевѣ воскресныхъ школъ. Идея объ этомъ устройствѣ, зародившаяся въ кружкѣ студентовъ изъ полтавской гимназіи, могла осуществиться только при согласіи на это попечителя учебнаго округа и сочувствіи его дѣлу воскресныхъ школъ. Такое именно отношеніе къ нашему предпріятію мы и встрѣтили со стороны Н. И. Изъ его „Дневника“ мы теперь знаемъ и мотивы, руководившіе имъ въ то время, когда онъ далъ согласіе на открытіе въ Кіевѣ воскресныхъ школъ, въ которыхъ преподавателями и руководителями были, главнымъ образомъ, студенты. Распространеніе образованія среди народа въ то время Н. И. считалъ одною изъ самыхъ насущныхъ, а послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, — и самою насущною государственною потребностью. Направленіе-же на это дѣло молодежи того времени, рвав-

шейся къ служенію народу, Н. И. считалъ необходимымъ въ виду открытія полезнаго исхода и урегулированія указанныхъ стремленій. Если-бы эта мысль Н. И. получила въ свое время возможность широкаго и повсемѣстнаго примѣненія, многія изъ послѣдующихъ прискорбныхъ явленій нашей эпохи, быть можетъ, были-бы предупреждены. Но Н. И. дѣлалъ что могъ, и нѣсколько десятковъ кіевскихъ студентовъ, съ нѣкоторыми горожанами и горожанками обучали по праздникамъ сотни дѣтей и взрослыхъ обоего пола грамотѣ, а грамотныхъ—толковому чтенію, правописанію и ариѳметикѣ. Разрѣшеніе открытія обусловлено было требованіемъ, чтобы кто-либо изъ профессоровъ принялъ на себя гарантію въ благонадежности учительства студентовъ въ воскресныхъ школахъ. Эту гарантію и принялъ на себя профессоръ русской исторіи П. В. Павловъ, пользовавшійся наибольшимъ довѣріемъ и симпатіями студентовъ, принимавшихъ участіе въ воскресныхъ школахъ, да и вообще своихъ слушателей. Такимъ образомъ, получила возможность существованія первая въ Кіевѣ воскресная школа на Подолѣ, въ помѣщеніи дворянскаго училища. Распорядителемъ въ ней былъ студентъ изъ полтавской гимназіи, впослѣдствіи профессоръ Нѣжинскаго лицея и директоръ кишеневской, бердянской и прилукской гимназій Ѳ. Я. Вороной, наиболѣе потрудившійся для осуществленія дѣла въ Кіевѣ. Наблюдателемъ во время ученія былъ смотритель училища, впослѣдствіи директоръ кіевской гимназіи, теперь уже умершій, Слѣпушкинъ. Вскорѣ открыта была и женская подольская воскресная школа, распорядителемъ которой былъ студентъ тоже изъ полтавской гимназіи, теперь директоръ 2-й одесской гимназіи К. А. Пятницкій, а преподавательницами нѣкоторыя изъ кіевлянокъ. Потомъ была открыта еще одна воскресная школа на новомъ строеніи, гдѣ занимались студенты изъ черниговской и житомирской гимназій. Средства для пріобрѣтенія учебныхъ пособій и принадлежностей пожертвованы были мѣстными гражданами. Преподавательскій-же трудъ былъ, конечно, даровой. Неграмотные обучались двумя студентами въ двухъ группахъ, а грамотные распредѣлялись между остальными, по 4—5 учениковъ на каждаго учителя.

Помню, въ одно осеннее дождливое воскресенье, въ сѣрыхъ поношенныхъ шинеляхъ, явились навѣстить нашу школу Н. И Пироговъ иинспекторъ округа М. В. Туловъ. Походили, послушали, поговорили съ распорядителемъ и ушли, нисколько не помѣшавъ занятіямъ. Это посѣщеніе только утвердило ихъ въ мнѣніи, что воскресныя школы, кромѣ блага, ничего другаго принесть не могутъ.

Съ согласія Н. И. Пирогова устроилась въ то время въ Кіевѣ, по

иниціативѣ учителя кіевской 1-й гимназіи г. Юркевича, и другое полезное дѣло—даровое приготовленіе въ университетъ лицъ, не имѣвшихъ средствъ пройти гимназическій курсъ. Эта школа или курсы помѣщались, въ свободное отъ гимназическихъ уроковъ время, въ зданіи 1-й гимназіи. Преподавателями были нѣкоторые учителя гимназіи и, главнымъ образомъ, студенты. Нѣкоторые изъ учениковъ этихъ импровизированныхъ курсовъ и поступили потомъ въ университетъ. Сочувствіе Н. И. этому дѣлу объясняется его взглядомъ на обязательность распространять образованіе во всѣхъ слояхъ общества, куда и гдѣ только есть возможность, и заботиться объ изысканіи средствъ дать эту возможность гдѣ ея нѣтъ. Была затѣмъ открыта студентами и ежедневная школа грамотности, съ цѣлью противодѣйствовать денаціонализаціи (полонизаціи), находившихся въ услуженіи въ Кіевѣ мальчиковъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Въ то время приходилось встрѣчаться съ такимъ явленіемъ, что какой-нибудь изъ этихъ мальчугановъ, одѣтый казачкомъ, съ презрѣніемъ относился къ русской и малорусской рѣчи, какъ къ чему-то низкому, мужицкому, и отвѣчалъ по-польски на вопросы на одномъ изъ указанныхъ языковъ. О полякахъ-же имѣлъ представленіе какъ о высшей, панской, расѣ и относился къ нимъ съ подобострастіемъ. Это, конечно, не могло не обратить на себя вниманія студентовъ малороссовъ и не вызвать съ ихъ стороны противодѣйствія денаціонализаціи путемъ обученія родному языку и воспитательнаго вліянія въ духѣ уваженія къ своей національности. Стремленіе учиться и учить въ то время было такъ велико, что, и помимо всякихъ школъ и курсовъ, во многихъ студенческихъ квартирахъ можно было встрѣтить обученіе грамотѣ въ одиночку. Квартирантъ студентъ обучалъ прислуживавшаго ему мальчика въ свободное для обоихъ время. Нѣкоторые изъ этихъ студентовъ были впослѣдствіи преподавателями въ открывшихся въ Кіевѣ курсахъ для подготовки народныхъ учителей. Вообще, въ то время всякій желающій учиться всегда находилъ лицъ, готовыхъ предложить даровое обученіе. Стремленіе послужить дѣлу образованія народа, развитію его самосознанія, развитію чувства уваженія къ себѣ было обычнымъ стремленіемъ учащейся молодежи того времени.

Н. И. Пироговъ „любилъ и уважалъ“ эту молодежь за указанное стремленіе и поддерживалъ осуществленіе въ жизни этого стремленія признавая за каждымъ право уваженія своей національности. А національный вопросъ не могъ не имѣть значенія въ кіевскомъ университетѣ того времени, когда поляки, и численно, и по очень

прочной корпоративной организаціи, составляли преобладающій элементъ среди студенчества. Кіевскій университетъ они считали еще своимъ и потому, что онъ былъ открытъ для нихъ, какъ сказалъ императоръ Николай, вмѣсто закрытаго виленскаго. По всѣмъ общестуденческимъ дѣламъ поляки дѣйствовали корпораціею, какъ одинъ человѣкъ, послѣ предварительнаго обсужденія и рѣшенія каждаго вопроса въ отдѣльномъ совѣщаніи. Это придавало имъ силу и самоувѣренность и вызвало и со стороны студентовъ-малороссовъ (великороссовъ и другихъ національностей было немного среди студентовъ и они, какъ группы, особаго значенія не имѣли) желаніе корпоративной силѣ противопоставить корпорацію. Готовымъ матеріаломъ, изъ котораго могла развиться такая корпорація, были естественныя группы студентовъ по гимназіямъ. Наиболѣе склоннымъ, дѣятельнымъ, обособленнымъ и организованнымъ былъ полтавскій кружокъ. Были и другіе кружки (волынцевъ, черниговцевъ и проч.), слившіеся потомъ въ одну малорусскую группу, къ которой впослѣдствіи присоединились и полтавцы. Для образованія такой корпораціи необходима была извѣстная свобода студенческой жизни, свобода сходокъ, совѣщаній. Въ этомъ отношеніи Н. И. Пироговъ, довѣряя студентамъ, предоставлялъ имъ полную свободу, и, надо сказать никогда не жалѣлъ объ этомъ, такъ какъ за все время его попечительства не было случая, чтобы кто-нибудь злоупотребилъ этимъ довѣріемъ, не оправдалъ его. Напротивъ, во многихъ случаяхъ (о нѣкоторыхъ я буду здѣсь говорить), оно оказалось нравственною силою, не дозволявшею возбужденной какимъ-нибудь происшествіемъ молодежи выйти изъ предѣловъ законности.

Н. И. Пироговъ, признавая большое воспитательное значеніе дѣловой корпоративной организаціи, сочувствовалъ и, даже, содѣйствовалъ ея развитію среди студентовъ кіевскаго университета. Онъ подарилъ имъ свою библіотеку, послужившую основаніемъ студенческой библіотеки, находившейся въ непосредственномъ завѣдываніи избранныхъ студентами-подписчиками библіотекаря и его помощника. Для помѣщенія библіотеки, лекторіи и квартиры библіотекаря и его помощника отведено было особое помѣщеніе въ зданіи университета. Скоро при библіотекѣ устроилась ссудо-вспомогательная касса, находившаяся тоже въ полномъ распоряженіи студентовъ, при посредствѣ избранныхъ ими изъ своей среды завѣдывающихъ. Всѣ эти выборы, составленіе правилъ и инструкцій, обсужденіе и рѣшеніе разныхъ вопросовъ требовали сходокъ и совѣщаній, которыя, въ большинствѣ случаевъ, и происходили въ большой залѣ лекторіи, а если собраніе было ужъ очень многолюдное (душъ въ 300), тогда

отводилась намъ для этого огромная 1-я аудиторія. Насколько могу припомнить теперь, то, конечно, на этихъ сходкахъ было иногда не безъ крика и шума, не безъ словоизверженія, но, въ результатѣ, все-же онѣ были дѣловыми собраніями, и наши библіотека, касса и другія дѣла велись недурно, какъ желательно, чтобы велись и большія общественныя дѣла. Противъ такихъ студенческихъ общественныхъ дѣлъ слышится еще иногда мнѣніе, что они мѣшаютъ заниматься. На это я долженъ сказать, что намъ они не мѣшали заниматься, основывая это свое утвержденіе на томъ фактѣ, что изъ тогдашняго полтавскаго кружка студентовъ (человѣкъ 20 съ небольшимъ), принимавшаго самое живое участіе во всѣхъ студенческихъ общественныхъ дѣлахъ, вышли извѣстные мнѣ: 3 профессора, инспекторъ учебнаго округа, консерваторъ минералогическаго кабинета (умеръ въ молодости за работою въ кабинетѣ), 2 директора среднихъ учебныхъ заведеній, 2 учителя гимназіи, докторъ, двое умерли студентами; судьба остальныхъ мнѣ неизвѣстна.

При этомъ надо замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ лицъ, кромѣ своей профессіональной дѣятельности, являлись и впослѣдствіи или иниціаторами, или участниками разныхъ общественныхъ предпріятій народно-просвѣтительнаго характера. И въ этомъ не безъ вліянія оказался тотъ широкій просторъ, который отводилъ этого рода дѣятельности Н. И. Пироговъ во время нашего пребыванія въ университетѣ. Постоянное упражненіе органа всегда содѣйствуетъ его развитію, а отсутствіе упражненія ослабляетъ и, подъ конецъ, атрофируетъ его. Не мудрено, что и въ данномъ случаѣ, стремленіе къ полезной общественной дѣятельности, встрѣтившее въ Н. И. такое содѣйствіе къ осуществленію, не заглохло въ насъ и въ послѣдующей нашей жизни. За это содѣйствіе, за довѣріе, любовь и уваженіе къ учащейся молодежи и она платила Н. И. и довѣріемъ, и любовью, и уваженіемъ, что сказалось (потокомъ прорвалось) при прощаніи съ Н. И., когда онъ оставлялъ постъ попечителя кіевскаго учебнаго округа,—но объ этомъ рѣчь еще впереди.

Такое отношеніе учащихся къ Н. И. Пирогову можно было замѣтить и во время его управленія округомъ, внимательно слѣдя за ходомъ студенческой жизни, такъ какъ поводовъ къ рѣзкому, бросающемуся въ глаза, проявленію этого отношенія въ обыденной университетской жизни не представлялось. Н. И., вообще, не любилъ торжественныхъ церемоній и никогда не собиралъ студентовъ для выслушиванія его рѣчей и нравоученій. Не имѣя какого-нибудь особеннаго дѣла къ Н. И., можно было кончить университетъ—и не увидѣть попечителя. Въ университетъ онъ приходилъ или на защиты дис-

сертацій, или на пробныя лекціи, или на операціи, но каждое его посѣщеніе ознаменовывалось какимъ-нибудь его замѣчаніемъ, имѣвшимъ вліяніе на существенное измѣненіе—улучшеніе какой-нибудь стороны университетской жизни и составлявшимъ предметъ разговоровъ въ университетѣ. Такъ, напр., посѣтивъ первый разъ защиту диссертаціи въ кіевскомъ университетѣ, онъ замѣтилъ, по окончаніи диспута, что впечатлѣніе защиты на него было такого рода, какъ будто онъ перенесся въ эпоху до Гутенберга, когда еще не существовало его изобрѣтенія. Диссертація въ то время представлялась въ университетъ обыкновенно въ небольшомъ числѣ рукописныхъ экземпляровъ, какой экземпляръ былъ поднесенъ и Н. И. при началѣ защиты. Съ тѣхъ поръ, я не запомню въ Кіевѣ случая защиты рукописной диссертаціи.

Н. И. Пироговъ цѣнилъ свои слова и безъ результата ихъ не тратилъ. Но когда надобность указывала, онъ не стѣснялся ни говорить, ни слушать говорящихъ (умѣть серьезно слушать—не всякому дано). Н. И. внимательно выслушивалъ и студентовъ и гимназистовъ. Такъ и мнѣ пришлось, скоро послѣ вступленія въ университетъ, осенью 1859 г., быть позваннымъ, вмѣстѣ съ двумя,—тремя другими товарищами изъ полтавской гимназіи, къ Н. И. по слѣдующему дѣлу. Въ томъ году императоръ Александръ II, посѣтивъ полтавскую гимназію, выразилъ свое неудовольствіе по поводу какого-то замѣченнаго имъ непорядка. Бывши въ этомъ-же году въ Кіевѣ, государь не заходилъ въ университетъ. Мы слышали, что и въ Харьковѣ въ университетѣ государь выразилъ студентамъ свое неудовольствіе. По отъѣздѣ государя изъ Кіева, Н. И. предположилъ поѣхать въ Полтаву для ревизіи гимназіи и другихъ учебныхъ заведеній. Передъ отъѣздомъ онъ позвалъ насъ, чтобы мы ему сообщили что знаемъ о полтавской гимназіи, охарактеризовали ее. Когда мы вошли въ залу, гдѣ на кушеткѣ лежалъ Н. И., читая газету, онъ подозвалъ насъ къ себѣ, не вставая съ кушетки и не бросая газеты. Мы стали рядомъ у его изголовья. Искоса взглянувъ на насъ, Н. И. обратился къ намъ со слѣдующими словами: „мнѣ сказали, что вы въ этомъ году окончили полтавскую гимназію и можете познакомить меня съ нею. Скажите что знаете“. Каждый изъ насъ, по очереди, какъ стояли, передалъ какъ умѣлъ, что зналъ, выбирая факты самые характерные, самые необходимые для вѣрнаго изображенія дѣйствительности. Къ этому отвѣту Николаю Ивановичу на его вопросъ о полтавской гимназіи мы отнеслись, какъ и теперь вспоминаю, вполнѣ серьезно и добросовѣстно, контролируя другъ друга, чтобы не сказать чего-нибудь лишняго. Когда послѣдній изъ

насъ окончилъ свой разсказъ, мы откланялись и ушли, припоминая что̀ каждый изъ насъ говорилъ и провѣряя другъ друга. Не знаю, пригодилась-ли на что-нибудь Н. И. наша характеристика полтавской гимназіи, но увѣренъ, что онъ не пожалѣлъ о своемъ рѣшеніи обратиться къ намъ за свѣдѣніями.

Въ томъ-же году, мнѣ пришлось еще разъ быть позваннымъ къ Н. И. Пирогову вмѣстѣ съ 9-ю студентами, избранными остальными для переговоровъ съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Васильчиковымъ, по поводу ареста группы кіевскихъ студентовъ, перешедшихъ въ томъ-же году изъ харьковскаго университета въ кіевскій. Въ числѣ арестованныхъ были и бывшіе полтавскіе гимназисты. Узнавъ объ арестѣ товарищей, полтавцы рѣшили созвать въ лекторіи сходку студентовъ, что и было исполнено въ тотъ-же день. На сходкѣ (поляки тоже принимали въ ней участіе) рѣшено было послать депутатовъ къ генералъ-губернатору не то съ просьбою о ходатайствѣ объ арестованныхъ, не то съ требованіемъ объясненій по поводу арестовъ (почему аресты производились безъ депутата отъ университета?.. и т. п.). Рѣшили послать 12 депутатовъ: 6 русскихъ и 6 поляковъ. Когда личный составъ депутаціи былъ выясненъ, оказалось, что въ числѣ поляковъ былъ избранъ студентъ извѣстный университетскому начальству не съ благовидной стороны: онъ былъ какъ-то присужденъ университетскимъ судомъ къ наказанію за участіе въ одномъ грубомъ и жестокомъ дѣлѣ: подкутившіе студенты высѣкли садовника. Николаю Ивановичу это дѣло и его участники были извѣстны. Не желая дискредитировать въ глазахъ начальства дѣло депутаціи изъ-за личнаго ея состава, одинъ депутатъ-малороссъ (распорядитель подольской воскресной школы) предложилъ указанному депутату-поляку выйти изъ состава депутаціи съ тѣмъ, что и предложившій это то-же выйдетъ, для уравненія въ депутаціи русскаго и польскаго элементовъ. На томъ и порѣшили и засѣданіе было прервано до возвращенія депутаціи отъ генералъ-губернатора. Депутаты разошлись по домамъ надѣть мундиры, условившись возвратиться въ университетъ, что̀бы оттуда уже всѣмъ вмѣстѣ отправиться къ генералъ-губернатору. Черезъ полчаса всѣ депутаты были уже налицо въ университетѣ; прочіе студенты тоже не расходились по домамъ. Распространился слухъ, что генералъ-губернаторъ знаетъ уже объ избраніи студентами къ нему депутаціи и рѣшилъ не принять ея. Депутаты ужъ выходили изъ университета къ генералъ-губернатору, какъ инспекторъ студентовъ пригласилъ двухъ изъ нихъ зайти къ нему и объявилъ, что попечитель, узнавъ о депутаціи, просилъ депутатовъ зайти къ нему. Это

приглашеніе сообщено было остальнымъ депутатамъ и мы отправились къ Н. И. Если память мнѣ не измѣняетъ, мы застали его въ той-же комнатѣ, лежащимъ на той-же кушеткѣ. „Вы, я слышалъ, обратился къ намъ Н. И., хотите идти къ генералъ-губернатору,— я вамъ этого не совѣтую. Передайте посылающимъ васъ, что все, что можно было сдѣлать въ пользу арестованныхъ вашихъ товарищей, я сдѣлалъ. Вы-же, вашимъ вмѣшательствомъ, можете только повредить и имъ, и университету: его могутъ закрыть. Подумайте объ этомъ, рѣшая что дѣлать, и сообщите вашимъ товарищамъ мой совѣтъ".

И только. Ни шума, ни крика,— совѣтъ, и только. Но этотъ совѣтъ—та нравственная сила, которая невидимо, безъ звука, управляетъ расходившеюся молодежью и предупреждаетъ бо̀льшія бѣдствія, въ данномъ случаѣ—вѣроятную гибель не одного человѣка и закрытіе университета. Возвратившись отъ попечителя, мы застали сходку ожидавшихъ насъ студентовъ въ сборной залѣ и сообщили имъ—зачѣмъ насъ звалъ къ себѣ Н. И. Въ отвѣтъ на наше сообщеніе, послышались упреки: „зачѣмъ вы ходили къ попечителю? мы васъ посылали къ генералъ-губернатору. Депутаты — лисицы: побоялись идти къ генералъ-губернатору и вильнули хвостомъ къ попечителю!" и т. п. Мы объявили, что не отказываемся идти къ генералъ-губернатору, если сходка, узнавъ о совѣтѣ Н. И., все-же рѣшитъ, чтобы мы шли къ князю. Но, въ виду мнѣнія Н. И., въ виду зависимости отъ нашего рѣшенія судьбы арестованныхъ и университета, мы находили, что не слѣдуетъ вмѣшиваться въ это дѣло. Не зайти-же къ Н. И., когда онъ звалъ насъ къ себѣ, мы не могли изъ уваженія къ его личности, а узнавъ его мнѣніе о нашемъ дѣлѣ, не могли не сообщить совѣта Н. И. пославшимъ насъ, по серьезности и важности значенія этого совѣта. При этомъ, мы повторили, что, все-же, считаемъ себя въ полномъ распоряженіи сходки. Пусть предлагаетъ, кто находитъ это необходимымъ, послать депутацію, и если сходка съ нимъ согласится, мы сейчасъ-же идемъ исполнить возложенное на насъ порученіе. Однако, никто этого не предлагалъ и только слышались возгласы: „ну, теперь это уже поздно. Отчего вы раньше не пошли? Оттого, что трусы!" и т. п. Сходка разошлась и депутаты пошли разоблачаться. Арестованные были отвезены въ Петербургъ, откуда одни возвращены въ Кіевъ, а другіе разосланы въ разные города сѣверныхъ губерній въ ссылку. Талантливѣйшій и симпатичнѣйшій изъ этихъ молодыхъ людей, Я. Н. Бекманъ, вызвавшій всеобщую любовь и въ мѣстѣ своей ссылки, не выдержалъ климата Архангельской губерніи и умеръ тамъ отъ

чахотки, глубоко опечаливъ этимъ всѣхъ знавшихъ его, а кто зналъ, не могъ его не любить. Предотвратить это печальное событіе и, вообще, улучшить положеніе арестованныхъ мы, конечно, не смогли-бы своимъ вмѣшательствомъ, а если не ухудшили его и не вызвали новой исторіи, съ печальными послѣдствіями какъ для себя, такъ и для кіевскаго университета, то этимъ мы обязаны обширному и глубокому знанію природы человѣка, высокой гуманности и педагогическому такту Н. И. И, вообще, во время управленія округомъ Н. И. всѣ, такъ называемыя, университетскія исторіи оканчивались благополучно, такъ какъ онъ не любилъ дѣлать изъ мухи слона и всякія вспышки молодежи гасилъ своею необыкновенною выдержанностью, хладнокровіемъ и спокойствіемъ, а не раздувалъ ихъ неумѣстными въ этомъ дѣлѣ горячностью, раздраженіемъ и суетливостью.

Какъ всегда и вездѣ, и на постѣ попечителя—„человѣкъ онъ былъ“, какъ характеризовалъ его въ прощальномъ словѣ профессоръ Шульгинъ.

С. Н. Кулябка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХОЛЕРА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

въ 1830 г.

Печатаемъ здѣсь два матеріала, относящихся къ посѣтившей въ 1830 г. Петербургъ холерѣ: 1) разсказъ очевидца о безпорядкахъ въ Петербургѣ, вызванныхъ этою страшною гостью, и 2) письмо Дмитрія Петровича Свѣчина, сообщенное въ редакцію его правнукомъ—Леон. Мих. Савеловымъ.

Ред.

I.

Проживши въ Петербургѣ пятнадцать слишкомъ лѣтъ, въ самые цвѣтущіе года моей жизни, когда страсти волнуютъ душу, когда увлеченіямъ нѣтъ границъ, я, какъ живой свидѣтель нѣкоторыхъ событій, вызывавшихъ тогда мое любопытство, на закатѣ лѣтъ жизни, не могу пройти молчаніемъ о томъ времени, когда появилась въ прекрасной столицѣ нашей первая холера. Это было лѣтомъ 1830 года. Не знаю, какъ прокралась она въ Петербургъ, не предъявивъ нигдѣ, какъ водилось тогда, своихъ письменныхъ видовъ о званіи и происхожденіи, и, скрываясь первоначально въ разныхъ подвальныхъ трущобахъ, принялась исподтишка уносить свои жертвы. Народъ, смотря на ея проказы, переносилъ ихъ сначала молча и терпѣливо. Но когда это безпаспортное чудовище обратилось лицемъ къ жителямъ столицы и начало пожирать людей уже безъ различія званія и состоянія, то правительство тотчасъ приняло свои мѣры и распорядилось захватить чудовище живое или мертвое и представить его на судъ всего медицинскаго факультета для допросовъ, откуда и какъ осмѣлилось она распоряжаться жизнью людей въ чужомъ государствѣ.

Между тѣмъ, до поимки ея, озаботились немедленно устроить при частяхъ особыя холерныя больницы, завести кареты для перевозки больныхъ, для чего составлены были особыя правила и разосланы по городу домовладѣльцамъ для руководства и свѣдѣнія. Жители Петербурга, завидя какъ двигались по улицамъ печальныя колесницы, до того были испуганы и упали духомъ, что торопились выѣздомъ на дачи и въ деревни, находящіяся въ окрестностяхъ столицы, въ которыхъ мѣстами устраивались тоже карантины, гдѣ дымомъ отъ горѣвшихъ костровъ хвороста и хвойнаго лѣса окуривали всѣхъ, что̀ и со мною случилось, когда я разъ очутился на берегу Невы у Саратовской колоніи. Нѣмцы въ этомъ отношеніи строги и аккуратны и не позволили раньше исполненія этой процедуры войти въ ихъ дома, когда я со знакомыми, въ числѣ которыхъ былъ и дамскій персоналъ, располагалъ у нихъ напиться чаю. Здѣсь, въ одномъ изъ домовъ, замѣтилъ я ящикъ съ винами и, намѣреваясь купить бутылку, обратился къ хозяину, но онъ сказалъ мнѣ, что вина эти, въ числѣ которыхъ было болѣе всего рому, не продажныя, а заготовлены для предстоявшихъ праздниковъ Троицынъ и Духова дней.

Петербургъ въ это время замѣтно опустѣлъ на половину; оставались въ немъ только рабочій классъ людей, котораго прибывало на лѣто изъ провинцій до ста тысячъ, если не больше, мастеровые, да маленькіе служащіе чиновники; но и эти послѣдніе, изъ опасенія страшнаго чудовища холеры, являлись въ канцеляріи и департаменты, чтобы только показать носъ. Торговля шла тихо и вяло. Многіе состоятельные купцы и иностранцы запирали лавки и магазины и уѣзжали съ семействами за городъ подальше. Простой народъ, по темнотѣ своей, не зная происхожденія холеры, думалъ сначала, что это какая-нибудь заграничная знаменитость, примадонна напримѣръ, прибывшая въ Петербургъ потѣшать публику и обирать русскія денежки, на которыя нѣмцы такъ падки; но когда замѣтилъ, что жертвами ея становится болѣе простой народъ, не повѣрилъ на слово холерѣ и, прислушиваясь къ говору неблагонамѣренныхъ личностей, задумавшихъ произвесть безпорядокъ, или, какъ говорится, половить рыбу въ мутной водѣ, запѣлъ другую пѣсню, въ родѣ той, что нѣтъ никакой холеры, что народъ умираетъ отъ отравы, которую подливаютъ и подсыпаютъ то въ воду, то въ растенія на огородахъ, и рузувѣрить въ этомъ его было не легко. Это я самъ испыталъ на своей прислугѣ, съ которою ничего не могъ сдѣлать: никакія убѣжденія не помогли мнѣ образумить ее.

Простой народъ, собравшійся на Сѣнной и въ Апраксиномъ

переулкѣ (который назывался тогда Обжорнымъ), какъ говорится загудѣлъ; онъ началъ останавливать холерныя кареты съ больными, слѣдовавшими въ больницы, которыя были ему не понутру и вытаскивая изъ нихъ больныхъ, уносилъ ихъ по домамъ и тѣмъ еще больше распространялъ заразу. Онъ останавливалъ на улицахъ и подозрѣваемыя имъ въ отравѣ будто-бы личности, въ особенности если одежда ихъ чѣмъ-нибудь отличалась отъ русскаго костюма, обращая въ особенности вниманіе на бѣлыя шляпы и на пестрые клѣтчатые шотландскіе плащи, которыя тогда были въ модѣ и молодежь и франты въ нихъ щеголяли. Народъ обыскивалъ у нихъ карманы и—Боже сохрани, если въ карманахъ ихъ находилъ бутылочки съ жидкостью, или порошки. Сначала производилъ онъ съ ними свою кулачную расправу, а потомъ, связавши руки, тащилъ въ полицейское управленіе и сдавалъ его какъ отравителя, нойманнаго съ поличнымъ. Конечно, по осмотрѣ медикомъ этой мнимой отравы, она оказывалась лекарствомъ изъ аптеки, прописаннымъ противу холерныхъ симптомовъ, и эти личности тотчасъ-же были освобождаемы, но помятые бока и синяки заставляли ихъ охать и сидѣть подолгу дома.

Что-же касается до холерныхъ больницъ, устроенныхъ правительствомъ съ благодѣтельною цѣлію, въ особенности для бѣдныхъ людей, то онѣ до того пришли простому народу не понутру, что онъ бросился на Сѣнной на больницу, разбилъ стекла въ окнахъ и, ворвавшись во внутренность, схватилъ доктора и избилъ его до того, что онъ вскорѣ отдалъ Богу душу; народъ-же, послѣ этого безобразія розошелся по домамъ, предварительно унеся кровати съ больными по ихъ квартирамъ.

Эта катастрофа до того напугала докторовъ, что они, пока не былъ водворенъ порядокъ, начали прятаться и не сказываться дома. Аптекари тоже опасались за свою жизнь, въ особенности когда узнали, что у Синяго и Харламова мостовъ аптеки подверглись нападенію черни и въ нихъ камнями выбиты были стекла.

Многіе были жертвами холеры отъ того, что не было подано своевременно помощи. Я самъ, живши на дачѣ въ Екатерингофѣ, не разъ испытывалъ на себѣ холерные симптомы и съ трудомъ могъ застать дома знакомаго мнѣ доктора, который два раза прописывалъ мнѣ свѣжій хорошій бифштексъ и рюмку стараго портвейна, объясняя при этомъ, что не слѣдуетъ морить себя голодомъ и не терять присутствія духа при видѣ двигавшихся по улицамъ холерныхъ каретъ и дрогъ съ покойниками.

Всѣ продѣлки и безобразія простаго народа были въ высшей

степени оригинальны; мнѣ разсказывали, что въ одномъ изъ кварталовъ города былъ схваченъ, вышедшій изъ аптеки, порядочно одѣтый человѣкъ, у котораго при обыскѣ нашли бутылочки съ какою-то жидкостью и, подозрѣвая въ немъ отравителя, подняли на руки и понесли по улицѣ, на которой была гауптвахта; караульный офицеръ, находясь въ это время на платформѣ, спросилъ: „куда, ребята, тащите вы этого человѣка?“

— „Топить, ваше благородіе, какъ отравителя“, отвѣчали ему.

„Да что вы, ребята, выдумали, сказалъ офицеръ, по нашему сначала слѣдуетъ хорошенько отодрать его, а потомъ ужъ утопить; давайте его мнѣ“.

— „Да и впрямь говоритъ капитанъ“, сказалъ кто-то изъ толпы, и схваченный былъ переданъ офицеру со словами: „хорошенько отваляйте его, ваше благородіе, а потомъ камень на шею, да и въ воду!“

Жизнь человѣка была на волоскѣ, если-бы караульный офицеръ не увидалъ несчастнаго съ платформы.

Узнавши о печальной катастрофѣ съ больницею на Сѣнной, я въ тотъ-же день вечеромъ, одѣвшись поскромнѣе, отправился изъ любопытства въ Апраксинъ переулокъ пошататься и послушать толковъ простаго народа, который здѣсь постоянно собирался по воскресеніямъ для свиданій со своими земляками. Здѣсь читались письма отъ родныхъ съ поклонами и благословеніями на вѣки нерушимыми отъ матушекъ, бабушекъ и тетушекъ; здѣсь подрядчиками нанимались рабочія силы, заключались условія и затѣмъ, наговорившись вдоволь, всѣ отправлялись по трактирамъ и харчевнямъ распивать до поту лица чаи и отписывать свои отвѣтныя грамоты по деревнямъ съ отправкою денегъ на уплату податей и на выписку паспортовъ. Для этой работы сидѣлъ и ждалъ ихъ уже въ заведеніяхъ особый классъ писакъ и строчилъ по просьбѣ ярославца или костромича на родину отвѣтныя грамоты, какъ двѣ капли воды похожія одна на другую, за что даромъ пилъ чай и получалъ отъ 5-ти до 10-ти коп. за каждую.

Апраксинъ переулокъ, или, какъ иначе называли его въ то время Обжорный, былъ своего рода биржею, гдѣ собирался и бесѣдовалъ простой народъ о дѣлахъ и думахъ своихъ.

Проходя весь вечеръ между этимъ простымъ народомъ въ особаго рода атмосферѣ, отъ которой спасался только набивая носъ нюхательнымъ табакомъ, я нигдѣ не видалъ блюстителей порядка и не замѣтилъ нигдѣ ничего такого, чтобы выходило особенно изъ ряда неблагопристойности, или благочинія, кромѣ звонкаго говора,

который вошелъ въ привычку у деревенскаго люда. Когда-же замѣтилъ, что толпы начали рѣдѣть и расходиться, то и я отправился домой. Слышалъ я при этомъ, что будто-бы отданъ былъ приказъ артиллеріи быть готовою, но ни ея, ни другихъ войскъ я нигдѣ не встрѣчалъ.

На другой день, въ 10-ть часовъ утра, я вышелъ со двора и направилъ путь свой къ Спасской церкви на Сѣнной, въ которой началась обѣдня. Здѣсь я увидѣлъ всю площадь, покрытую простымъ народомъ, гулъ котораго слышенъ былъ на далекомъ разстояніи. Но вотъ, часу въ 11-мъ, народъ какъ будто встрепенулся и замеръ, точно электрическій токъ пробѣжалъ: загремѣло въ воздухѣ ура и полетѣли съ головъ шапки. Это былъ пріѣздъ императора Николая Павловича, явившагося среди своего народа поговорить съ нимъ, какъ съ дѣтьми, о безпорядкахъ, которые онъ произвелъ въ прошлый день на Сѣнной и въ другихъ мѣстахъ. Императоръ, остановившись противу церкви, стоя въ коляскѣ, снялъ шляпу и, перекрестившись на церковь, обратился къ народу, окружившему его, съ слѣдующими словами:

—„Православные, что вы дѣлаете? Забыли Бога! Забыли обязанности ваши и производите безпорядки! На колѣни!“

Весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, опустился на колѣни и началъ креститься. Затѣмъ, когда государь произнесъ: „Ступайте по домамъ“, толпа моментально начала рѣдѣть, и черезъ полчаса Сѣнная площадь опустѣла.

II.

4-го іюля 1830 года.

Получа письма ваши, друзья мои, я много огорчился и никакъ не умѣлъ рѣшиться утѣшить васъ въ такомъ страшномъ бѣдствіи; тѣмъ болѣе, что всѣ пламенныя желанія замерзаютъ дорогою, такъ долго письма наши ходятъ. Между тѣмъ и къ намъ пожаловала гостья, и не одна, а съ такимъ прибавочкомъ, который весь городъ привелъ въ трепетъ, чернь взбунтовала и въ предубѣжденіи, что холеры не суще-

ствуетъ, но что полиція хватаетъ на улицахъ людей здоровыхъ и ихъ въ больницахъ отравляютъ ядомъ и даже кладутъ живыхъ въ гроба, кинулась на госпитали и ихъ раззорила, больныхъ выпустила, а многихъ лекарей убила до смерти, и это происходило въ одно время во всѣхъ концахъ города, на Сѣнной, въ Ямской, у Рождества, на Выборгской сторонѣ и на Васильевскомъ островѣ. На другой день пріѣхалъ государь изъ Петергофа и народъ усмирилъ; но на другой день его посѣщенія сцена перемѣнилась; когда уже всѣ больницы были разрушены, а смертность увеличилась, то народъ вздумалъ, что его отравляютъ ядомъ поляки, начали ихъ хватать на улицахъ, подозрѣвая, что они отравляютъ всѣ съѣстные припасы, квасъ и даже воду. Разставленные во всѣхъ мѣстахъ караулы, гдѣ скопища черни сбирались, сколько для успокоенія волненія, столько и для спасенія людей совершенно невинныхъ, тѣхъ, коихъ народъ хваталъ, забирали подъ караулъ и нѣсколько сотенъ отвели въ крѣпость, гдѣ ихъ допрашиваютъ, но что до сихъ поръ открылось — еще неизвѣстно, между тѣмъ двѣ трети города думаютъ, что отравленіе существовало въ самомъ дѣлѣ и еще продолжается; самые глупые разсказы безпрестанно подкрѣпляютъ народъ въ этомъ мнѣніи; эмиграція народа чрезвычайная и, какъ слышно, дорогою умираютъ какъ мухи. Можно ожидать, что холера распространится во всей Россіи.

Здѣсь больныхъ съ 18-го числа уже до 5,000 человѣкъ, а выздоравливаютъ очень мало, но лечатъ различно: отъ кровопусканія всѣ отстали, одинъ варшавскій докторъ далъ способъ лечить порошкомъ изъ Bismuthi, котораго даютъ 3 грана черезъ два или три часа, смотря по силѣ болѣзни, а руки и ноги трутъ виномъ, настоеннымъ стручковымъ перцемъ, пополамъ съ уксусомъ, и даютъ много пить мяты. Другіе, а больше простой народъ, начинаютъ пить прежде всего парное молоко, когда оное вырветъ, тогда даютъ чашку или двѣ чайныхъ масла деревяннаго и это также вырветъ, то отъ этого смягчающаго средства рвота и поносъ прекращаются. Многіе доктора увѣряютъ, что это средство не дурно, но надобно послѣ всѣхъ этихъ способовъ давать и Bismuthi. который во всякой аптекѣ приготовляютъ уже какъ слѣдуетъ съ сахаромъ.

Изъ нашихъ знакомыхъ отправилась Катерина Николаевна Злавацкая и много знатныхъ баръ: Степанъ Сергѣевичъ Зеленой (?) съ женою, княг. Куракина, Потоцкій, Ланжеронъ, Головлинъ, все старики.

Здѣсь продолжаются всѣ собранія въ департаментахъ и судебныхъ мѣстахъ; даже театры; но скука такая, что нельзя себѣ

вообразить; дворъ въ Петергофѣ и никто туда не попадаетъ безъ двухнедѣльнаго карантина.

Я, какъ вы видите, слава Богу, здоровъ; я сдѣлалъ надъ собою испытаніе, что болѣзнь не прилипчива, по крайней мѣрѣ, не ко всякому: я былъ у многихъ больныхъ, не только ихъ видѣлъ, но и щупалъ; однако, вліяніе воздуха чувствую какъ и другіе. Самое путное средство къ предохраненію есть умѣренность въ пищѣ и питьѣ; всякая зелень, плоды, квасъ очень вредны; я питаюсь почти однимъ бульономъ, изъ котораго дѣлаю кашицу, и пью хлѣбную воду съ сахаромъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашихъ писемъ...

Прощайте. Божіе благословеніе съ вами...

Сообщ. **Л. М. Савеловъ.**

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ МОРЕХОДА И. М. СОЛОВЬЕВА

1770—1775 гг.

Эпизодъ изъ исторіи русскихъ открытій въ Восточномъ океанѣ.

I.

Восточно-сибирскіе мореходы XVIII в.

Заслуги мореходовъ.—Характеристика ихъ.—Промышленныя экспедиціи на Алеутскіе острова. — Путевые записки, журналы и карты мореходовъ.— Мореходъ Соловьевъ и его Записки.

Въ исторіи открытія и присоединенія къ Россіи Алеутскихъ острововъ имя Ивана Максимова Соловьева играетъ не послѣднюю роль. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ предпріимчивыхъ „мореходовъ“ [1]) Восточной Сибири, которые съ половины прошлаго столѣтія [2]) совершили рядъ промышленныхъ экспедицій на Алеутскіе и другіе острова Восточнаго океана и къ сѣверо-западнымъ берегамъ „большой землицы“

---

[1]) „Мореходами“ назывались въ прошломъ столѣтіи въ Сибири собственно штурманы, а иногда командиры частныхъ судовъ. Нерѣдко мореходъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и „передовщикомъ“, т. е. „корабельнымъ приказчикомъ“, завѣдывавшимъ хозяйствомъ и торговлею экспедиціи.

[2]) Первыя свѣдѣнія объ Алеутскихъ островахъ доставлены 2-ой экспедиціею 1741 г. капитанъ-командора Витуса Беринга. Первую промышленную экспедицію на острова совершилъ въ 1745—1746 гг. мореходъ Мих. Неводчиковъ, на суднѣ „Евдокія“.

(какъ называли они материкъ Америки). Имя Соловьева стоитъ рядомъ съ именами Андріана Толстыхъ, Степана Глотова, Афанасія Очередина, Потапа Зайкова, Герасима Прибылова, Евстратія Деларова и другихъ извѣстныхъ мореходовъ XVIII в. Эти „новые" или „россійскіе аргонавты", какъ называютъ ихъ Давыдовъ [1]) и Берхъ [2]), плавали на купеческихъ судахъ первобытной конструкціи, не удовлетворявшихъ самымъ простымъ требованіямъ удобства и безопасности плаванія [3]), притомъ съ слабыми командами („промышленники"), набранными изъ подонковъ населенія восточно-сибирскихъ городовъ, незнакомыми съ морскою службою и непривыкшими къ ея строгой дисциплинѣ. Несмотря на все это, мореходы смѣло шли въ невѣдомыя имъ моря, перенося многія бѣдствія и отъ малаго знакомства съ искусствомъ мореходства, и отъ дурныхъ гигіеническихъ условій жизни на морѣ и на островахъ, и отъ столкновеній съ дикими туземцами.

Мореходы купеческихъ судовъ набирались изъ лицъ разнаго званія. Чаще всего встрѣчаемъ мореходовъ изъ купцовъ—или самихъ хозяевъ судна, или нанятыхъ ими бывшихъ и разорившихся купцовъ, заявившихъ себя уже раньше нѣкоторымъ знакомствомъ съ моремъ. Напр., извѣстный мореходъ Андріанъ Толстыхъ былъ селенгинскимъ купцомъ, Алексѣй Дружининъ—курскимъ, Никифоръ Трапезниковъ—иркутскимъ и т. д. Затѣмъ, часто являлись въ роли мореходовъ камчатскіе, охотскіе и якутскіе казаки, рѣже посадскіе люди разныхъ городовъ (извѣстный Евстратій Деларовъ былъ нѣжинскій грекъ) и крестьяне. Иногда-же мореходами бывали и спеціалисты штурманскаго дѣла: „штурманы" (извѣстный Потапъ Зайковъ и др.), „подштурманы" (Аф. Очерединъ, Дм. Полутовъ и др.) и „штурманскіе ученики", приписанные къ Охотску, Нижнекамчатску и др. портамъ и командированные портовыми властями на купеческія суда. Но и это были спеціалисты не высокаго разбора, и какой-нибудь опытный мореходъ изъ купцовъ стоялъ не ниже ихъ по морскимъ познаніямъ, а по практической опытности даже превосходилъ ихъ во многихъ отношеніяхъ. Нѣсколько разъ про-

---

[1]) „Двукратное путешествіе въ Америку" (Спб., 1810), I, 155.

[2]) См. предисловіе къ „Хронологической исторіи открытія Алеутск. острововъ" (Спб., 1823).

[3]) Интересныя свѣдѣнія о невѣроятныхъ морскихъ качествахъ судовъ („шитика", „шкерботы", „гукоры", „боты" и проч.) восточно-сибирскихъ мореходовъ см. у Берха (стр. 125 и др.), также въ „Ежемѣсячн. сочин. „Миллера (1764 г., генварь, стр. 45 и др.).

плававши по бурному Охотскому морю и около каменистыхъ береговъ Камчатки, Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ, мореходы настолько основательно изучали эти опасныя мѣста, что къ ихъ помощи нерѣдко прибѣгали впослѣдствіи даже военныя суда правительственныхъ экспедицій.

Но эта опытность давалась мореходамъ недаромъ. Для пріобрѣтенія ея они проходили тяжелую школу борьбы съ моремъ, гдѣ гибло множество человѣческихъ жизней и непроизводительно тратилась огромная масса труда. Эта борьба тѣмъ тяжелѣе обходилась для нихъ, что они шли на нее не во всеоружіи знанія и опытности, а какъ начинающіе, робкіе ученики. Нельзя поэтому слишкомъ строго относиться къ тѣмъ случаямъ, гдѣ обнаруживалось у нѣкоторыхъ мореходовъ XVIII в. удивительное невѣжество и крайняя наивность въ морскомъ дѣлѣ [1]). Ошибки мореходовъ вполнѣ извинительны, особенно если вспомнимъ, что шли они въ совершенно новыя мѣста, для которыхъ не было ни гидрографическихъ картъ, ни опыта прежнихъ мореплавателей, шли по однимъ догадкамъ, по смѣткѣ, и немудрено, если это русское „авось“ нерѣдко вело ихъ къ гибели....

Несчастія съ купеческими судами происходили постоянно. Они часто терпѣли поврежденія, а нерѣдко и полныя крушенія отъ постановки судовъ на мель и на подводные камни, отъ неумѣнья управлять парусами, становиться на якорь и т. п., и вообще отъ незнакомства съ океаномъ [2]). Берхъ приводитъ нѣсколько случаевъ крушенія судовъ, гдѣ ярко обрисовываются, съ одной стороны, слишкомъ скромныя познанія въ морскомъ дѣлѣ мореходовъ и очень дурныя морскія качества ихъ судовъ, а съ другой стороны—тѣ тяжелыя испытанія, какія приходилось нерѣдко переживать предпріимчивымъ промышленникамъ [3]).

---

[1]) „Двукратное путешествіе въ Америку“, I, 155—161.

[2]) Крайнимъ образчикомъ неумѣлости мореходовъ служитъ извѣстная въ этомъ отношеніи экспедиція подштурмана Вас. Олесова. Выйдя изъ Охотска въ августѣ 1783 г., на суднѣ „Св. Михаилъ“ (компаніи Шелехова и Голиковыхъ), Олесовъ ухитрился плыть до остр. Кадьяка 99 дней, тогда какъ даже при неблагопріятныхъ вѣтрахъ это плаваніе обыкновенно совершалось на парусныхъ судахъ въ 70 дней!.. (См Берха „Историч. извѣстіе о мѣхов. торговлѣ“, стр. 146). См. также Миллера „Ежемѣс. сочин.“, 1764 г., м. генварь, стр. 47.

[3]) См., напр., особенно выдающіеся случаи крушенія судовъ мореходовъ Игн. Студенцова и Андр. Толстыхъ (Берхъ, 32—35, 76—78). Послѣдній и погибъ во время плаванія вслѣдствіе неумѣлаго маневра съ судномъ.

Но хотя суда промышленниковъ гибли очень часто, люди таяли какъ снѣгъ, промыселъ звѣря не всегда былъ удаченъ и часто приносилъ хозяевамъ предпріятій одни убытки, однако все это не умаляло энергіи мореходовъ и они продолжали стремиться впередъ, постепенно открывая новыя земли и подчиняя ихъ „Россійской державѣ".

Конечно, въ этомъ стремленіи главную роль играли коммерческія побужденія промышленныхъ компаній восточно-сибирскихъ купцовъ [1]): они снаряжали (главнымъ образомъ въ Нижнекамчатскѣ и Охотскѣ, иногда въ Большерѣцкѣ, Анадырскомъ острогѣ и др.) въ океанъ свои суда съ цѣлью сравнительно легкой и вмѣстѣ съ тѣмъ богатой наживы „мягкою рухлядью" на островахъ Алеутскихъ и др. Звѣриные промыслы здѣсь были очень богаты въ прошломъ столѣтіи: въ огромномъ количествѣ водились бобры, котики, выдры, сивучи, нерпы, моржи, киты, также лисицы, песцы, россомахи, медвѣди и др. Съ теченіемъ времени количество ихъ, особенно морскихъ животныхъ, постепенно убавлялось. Это происходило не столько отъ избіенія ихъ русскими промышленниками, сколько отъ передвиженія самихъ звѣрей съ Алеутскихъ острововъ въ другія болѣе дикія и привольныя мѣста, гдѣ не могла достать ихъ рука человѣка.

Именно этимъ передвиженіемъ звѣрей и слѣдуетъ объяснить быстрое наступленіе русскихъ отъ Камчатки на юго-востокъ по островамъ океана и до береговъ Америки. Пока звѣри водились въ достаточномъ количествѣ у береговъ Камчатки, промышленники сидѣли здѣсь и не двигались дальше. Завоеватели Камчатки, говоритъ Берхъ [2]), нашли на восточномъ берегу полуострова и на ближайшихъ Курильскихъ островахъ множество бобровъ. Но какъ только русскіе стали ихъ сильно преслѣдовать, бобры вдругъ оставили Камчатскіе берега, и въ 1750-хъ годахъ не плавалъ уже здѣсь ни одинъ бобръ. На Курильскихъ островахъ они держались гораздо долѣе, но и здѣсь, особенно послѣ землетрясенія 1780 г., исчезли затѣмъ совершенно. Промышленникамъ пришлось обратиться на

---

[1]) Въ разсматриваемое время пріобрѣли извѣстность своею предпріимчивостію слѣд. лица, чаще другихъ посылавшія свои суда на Алеутскіе острова: иркутскій купецъ Никиф. Трапезниковъ, тотемскіе купцы Өед. и Алексѣй Холодиловы, Лальскіе (Вологод. губ.) Вас. и Иванъ Поповы, соликамскій Ив. Лапинъ, тульскій Аф. Орѣховъ, устюжскій Вас. Шиловъ, тотемскіе Петръ и Григ. Пановы и др.

[2]) „Историч. извѣстіе о мѣхов. торговлѣ". 137—139, 141, 143, 152.

востокъ, къ Алеутскому архипелагу. Сначала они занялись промыслами на ближайшихъ островахъ, но постепенное уменьшеніе звѣря заставляло ихъ подвигаться все далѣе и далѣе, такъ что въ 1780-хъ годахъ они уже приблизились къ берегамъ Америки и вскорѣ проникли въ Кенайскій заливъ, Чугатскую губу и дальше [1]).

За все время существованія частныхъ купеческихъ компаній (съ 1743 г. до 1799 г., когда учреждена россійско-американская компанія) вывезено ими съ алеутскихъ острововъ мягкой рухляди цѣнностію въ $10^1/_2$ милліоновъ рублей, да россійско-американскою компаніею добыто съ 1799 г. по 1823 г. мѣховъ на $35^1/_2$ милліоновъ. Болѣе половины этого количества мѣховъ пошло въ Китай, чрезъ Кяхту, гдѣ русское правительство получило торговыхъ пошлинъ болѣе 10 мил. рублей. Но кромѣ этого, собственно отъ амурскихъ купцовъ-промышленниковъ казна также имѣла большія выгоды, получая добытый ими ясакъ съ островитянъ и 10-ю часть собственно купеческой добычи мѣховъ [2]).

Алеутскія промышленныя экспедиціи принесли, однако, пользу не одной промышленности и казнѣ, но и наукѣ. Онѣ знакомили съ новыми странами, открытыми и присоединенными мореходами къ русскому государству. Въ этомъ именно и заключается значительная заслуга мореходовъ восточной Сибири. „Нѣтъ державы, говоритъ Словцовъ [3]), которая могла-бы оспаривать наше право перваго открытія острововъ Курильскихъ, Алеутскихъ и берега американскаго, съ шир. 66° до шир. 54°...“. Правда, полное и основательное изученіе этого края принадлежитъ собственно началу текущаго столѣтія и позднѣйшему времени, когда появились труды правительственныхъ экспедицій извѣстныхъ путешественниковъ Сарычева [4]), Давыдова и Хвостова [5]), Головнина [6]) и др., а также труды Шелехова [7]), Берха [8]), особенно извѣстнаго миссіо-

) То-же самое замѣчается и въ дальнѣйшей исторіи русскаго движенія въ Америкѣ. Уменьшеніе около 1810 г. боброваго промысла на сѣв.-зап. берегахъ Америки заставило русскихъ обратиться къ Калифорніи (гдѣ въ 1812 г. устроилась извѣстная русская колонія Россъ, на рч. Славянкѣ).

[2]) Берха „Ист. изв. о мѣхов. торговлѣ“, 167—169.

[3]) „Ист. обозрѣніе Сибири“ (изд. 1886 г.), II, 220.

[4]) „Путеш. по сѣв.-вост. части Сибири, Ледовит. морю и Восточн. океану“ (Спб., 1802), ч. II.

[5]) „Двукратн. путеш. въ Америку“ (Спб., 1810), чч. I и II.

[6]) „Путеш. вокругъ свѣта шлюпа „Камчатка“ (Спб., 1822). чч. I и II.

[7]) „Россійскаго купца... Гр. Шелехова 1-е странствованіе съ 1783 по 1787 г. изъ Охотска по Восточн. океану къ Американскимъ берегамъ“, съ приложеніемъ „Продолженія странствованія“ (Спб., 1793).

[8]) „Хронолог. исторія открытія Алеутскихъ острововъ“ (Спб., 1823) и др.

нера О. И. Веніаминова (впослѣдствіи митрополита Иннокентія московскаго [1]) и др. Но первое знакомство ученаго міра съ этими странами началось еще въ прошломъ столѣтіи и именно чрезъ посредство мореходовъ и передовщиковъ промышленныхъ компаній.

Толчекъ къ изученію новаго края дало само правительство, требовавшее отъ мореходовъ составленія обстоятельныхъ путевыхъ журналовъ, для представленія ихъ въ сенатъ. Интересную программу правительственныхъ требованій этнографическаго характера, обращенныхъ къ мореходамъ, представляетъ „указъ", выданный изъ канцеляріи охотскаго порта купцу Ив. Власову, представителю компаніи (купцовъ Орѣхова, Лапина и Шилова), снарядившей въ 1776 г. на Алеутскіе острова судно „Св. Павелъ" [2]). „Указъ", подписанный капитанъ-лейтенантомъ Саввою Зубовымъ, предписываетъ, между прочимъ, мореходу судна г. Измайлову и передовщику И. Луканину „отъ островныхъ народовъ извѣдать ласкою" свѣдѣнія о числѣ острововъ, о количествѣ населенія, о его вѣрѣ, обычаяхъ, характерѣ, пищѣ, платьѣ, торговлѣ, о чужеземныхъ морскихъ судахъ, объ ихъ строеніи и плаваніяхъ, объ оружіи и проч. Особенно любопытны вопросы о политической и соціальной жизни островитянъ: съ кѣмъ они воюютъ, какіе народы живутъ въ сосѣдствѣ и каковы отношенія между ними, кому и какъ подчинены островитяне, какіе несутъ налоги въ пользу своихъ правителей, какіе существуютъ у нихъ классы общества? и проч. и проч. Словомъ, программа очень обширная и обстоятельная. Интересенъ еще 10-й вопросъ: „каковъ имъ (островитянамъ) россійской народъ пріятенъ кажется и желаютъ-ли впредь съ нимъ видѣться и обхожденіе и торгъ имѣть?"...

Неизвѣстно, насколько удовлетворительно исполнили эту задачу Измайловъ и Луканинъ. Но относительно другихъ моряковъ мы знаемъ, что они довольно удачно справлялись съ этими требованіями правительства, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ путевыя записки и корабельные журналы, сохранившіеся до нашего времени. Мѣстныя сибирскія власти доставляли ихъ въ сенатъ, а отсюда они шли въ академію наукъ и въ адмиралтействъ-коллегію. Академія печатала лучшіе изъ доставленныхъ журналовъ. Такъ, относительно Алеутскихъ острововъ были напечатаны въ „Мѣсяцесловѣ" 1782 г. журналъ извѣстнаго морехода штурмана Потапа

---

[1]) „Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла" (Спб., 1840), чч. I и II.

[2]) Берхъ, 45—52.

Зайкова, 1772—79 гг., а въ „Мѣсяцесловѣ“ 1783 г. записки штурманскаго ученика Дм. Полутова, 1772—77 гг. [1]). Берхъ упоминаетъ о существованіи еще нѣсколькихъ журналовъ, которыми онъ отчасти пользовался [2]). Пользовались ими и члены академіи для своихъ ученыхъ работъ [3]).

Корабельные журналы, доставлявшіеся, главнымъ образомъ, въ адмиралтействъ-коллегію помимо своей научной цѣнности, имѣли немаловажное и практическое значеніе: они служили довольно удовлетворительнымъ руководствомъ для мореплавателей, отправлявшихся въ Восточный океанъ.

Кромѣ корабельныхъ журналовъ, особенную пользу приносили въ практическомъ отношеніи карты, составленныя нѣкоторыми изъ мореходовъ и казаковъ, посылавшихся на купеческихъ судахъ для сбора ясака съ алеутовъ. Берху [4]) извѣстны 4 карты, составленныя въ XVIII в. слѣдующими лицами: 1) казакомъ Савиномъ Пономаревымъ и промышленникомъ тотемскимъ купцомъ Петромъ Шишкинымъ (1758 — 59 гг.) [5]), 2) извѣстнымъ купцомъ В. И. Шиловымъ (1767 г.), 3) мореходами—„штурманами“ Пот. Зайковымъ (1772—79 гг.), 4) Измайловымъ и Бочаровымъ (1788 г.)

О картѣ Шилова адмиралтействъ-коллегія отозвалась такъ, свѣривши ее съ картою капитана А. Чирикова: хотя карта Шилова „и не можетъ быть почтена за точную и на правилахъ мореплаванія основанную, но для первыхъ началъ довольно изрядную“... Шиловъ былъ награжденъ за карту и вообще за свои промышленные труды на далекомъ востокѣ золотою медалью и проч. [6]).

О картѣ Потапа Зайкова Берхъ говоритъ, что это была первая карта, „которая познакомила сибирскихъ мореплавателей съ истиннымъ положеніемъ острововъ Алеутской гряды“.

Нѣтъ сомнѣнія, что и другіе мореходы составляли карты сво-

---

[1]) Берхъ, 87, 94.

[2]) Ibid., 37, 55—56, 130.

[3]) Напримѣръ, Ломоносовъ пользовался записками мореходовъ для своего проекта экспедиціи Чичагова 1764 г. (см. А. Соколова „Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова“ (Спб., 1854), 142—150 и др.

[4]) Берхъ, 37, 68—72, 90—91, 147—148.

[5]) Объ этой картѣ Шишкина упоминаетъ адмиралъ П. В. Чичаговъ въ своихъ „Запискахъ“ („Русская Старина“, 1886, X, 27); см. также Словцова „Ист. обозр. Сибири“, 11, 217.

[6]) Точно также были награждены золотыми медалями за свою промышленную дѣятельность и другіе восточно-сибирскіе купцы — Аф. Орѣховъ, Ив. Лапинъ, Петръ Пановъ и др.

ихъ открытій и путешествій, какъ для собственнаго употребленія, такъ и для представленія ихъ правительству. Къ сожалѣнію, свѣдѣній о нихъ не сохранилось.

Мало сохранилось и путевыхъ записокъ и корабельныхъ журналовъ восточно-сибирскихъ мореходовъ. Къ числу этихъ немногихъ уцѣлѣвшихъ записокъ принадлежатъ и хранящіяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, среди сенатскихъ дѣлъ прошлаго столѣтія, записки экспедиціи морехода Ивана Максимова Соловьева на Алеутскіе острова въ 1770—1775 гг. [1]). Записки представляютъ большой интересъ для исторіи и географіи этого края, еще такъ недавно принадлежавшаго Россіи... Описываемое въ нихъ путешествіе Соловьева было его 2-ю экспедиціею на Алеутскіе острова и 45-ю въ ряду извѣстныхъ доселѣ алеутскихъ промышленныхъ экспедицій прошлаго столѣтія [2]).

Но для уясненія многихъ событій и результатовъ этой второй экспедиціи Соловьева (1770—75 гг.), необходимо предварительно познакомиться съ его первою экспедиціею, очень памятною въ исторіи Алеутскихъ острововъ.

II.

Мореходъ И. М. Соловьевъ.

Память объ И. М. Соловьевѣ, какъ „истребителѣ“ алеутовъ.—Первыя столкновенія русскихъ съ алеутами.—Жестокость русскихъ промышленниковъ.—Экспедиція Бечевина.—Истребленіе алеутами экспедицій Дружинина, Медвѣдева и др.—„Экспедиція мести“, первая экспедиція Соловьева (въ 1764 — 1765 гг.). — Личность Соловьева. — Дальнѣйшія отношенія русскихъ къ алеутамъ.

Хотя промышленныя экспедиціи алеутскихъ мореходовъ принесли немало выгодъ русской торговлѣ и содѣйствовали развитію географическихъ знаній, тѣмъ не менѣе эти результаты далеко не искупаютъ тѣхъ жертвъ, какія понесли здѣсь, съ одной стороны, сами русскіе промышленники, гибнувшіе въ экспедиціи почти на половину, а съ другой стороны—несчастные алеутскіе инородцы,

---

[1]) См. „Дѣла сената по иностранной коллегіи“ книга № частный 539, № общій 4110, дѣло № 13, лл. 237 — 325. „Дѣло“ носитъ ошибочное заглавіе „о вновь найденныхъ Курильскихъ островахъ“. Но на Курильскихъ островахъ Соловьевъ былъ только мимоходомъ.

[2]) Берха „Хрон. ист. откр. Алеутск. острововъ“, стр. 2—86.

которымъ такъ тяжело пришлось пострадать во имя интересовъ чуждой имъ русской промышленности и во славу невѣдомыхъ имъ научныхъ знаній...

Въ исторіи отношеній русскихъ къ алеутамъ имя морехода И. М. Соловьева, или „Соловья", какъ называли его въ свое время [1]), получило очень печальную извѣстность, какъ жестокаго „истребителя алеутовъ". На его совѣсти лежитъ значительное количество погубленныхъ жизней... Соловьеву (какъ и другимъ мореходамъ прошлаго вѣка) пришлось быть однимъ изъ вольныхъ и невольныхъ орудій того неумолимаго историческаго закона, по которому соприкосновеніе болѣе или менѣе культурнаго народа съ народомъ первобытнымъ всегда влечетъ за собою неизбѣжную борьбу между ними, заканчивающуюся постепеннымъ уменьшеніемъ, а иногда и полнымъ истребленіемъ слабѣйшей народности.

Съ момента знакомства русскихъ промышленниковъ съ населеніемъ Алеутскихъ острововъ послѣднее стало значительно уменьшаться. По нѣкоторымъ даннымъ полагаютъ, что при открытіи русскими Алеутскихъ острововъ, населеніе ихъ простиралось до 25,000 чел. [2]). Хотя эта цифра сильно преувеличена [3]), но если возьмемъ даже половину ея и сравнимъ съ нынѣшнимъ количествомъ алеутовъ, около 4,600 туземцевъ и до 2,000 креоловъ [4]), то и тогда увидимъ, что алеуты слишкомъ дорого заплатили за вынужденное знакомство съ русскими...

Одною изъ главныхъ причинъ такого сильнаго и быстраго уменьшенія алеутовъ нельзя не признать вмѣстѣ со многими изслѣдователями именно истребленіе ихъ русскими промышленниками съ 1740-хъ до 1790-хъ годовъ. О. Веніаминовъ говоритъ, что, „по мнѣнію алеутовъ" (къ которому и онъ примыкаетъ), главными причинами исчезновенія алеутовъ были „междоусобія, русскіе и повѣтрія". Изъ этихъ трехъ причинъ „самое большее уменьшеніе народонаселенія алеуты приписываютъ русскимъ и именно Соловью или Соловьеву..." [5]).

---

[1]) О. Веніаминова „Записки объ о.о. Уналашкинскаго отдѣла", I, 127, II, 182.

[2]) „Географич.-статистич. словарь" П. Семенова, I, 71.

[3]) Она основана, главнымъ образомъ, на показаніяхъ камчатскихъ и охотскихъ казаковъ, собиравшихъ ясакъ на Алеутскихъ островахъ. Но извѣстно, что казаки всегда преувеличивали количество объясаченнаго ими населенія, „дабы придать болѣе важности своему открытію" (см. Берха, 55).

[4]) Эти цифры (по тому-же „Словарю" Семенова) относятся къ 1860 г. и касаются Алеутскихъ острововъ вмѣстѣ съ полуостровомъ Аляскою.

[5]) О. Веніаминовъ, II, 182.

Чтобы понять роль Соловьева въ этомъ ужасномъ дѣлѣ, нужно вернуться назадъ, къ первымъ русскимъ экспедиціямъ на Алеутскіе острова. Мирныя отношенія алеутовъ къ русскимъ продолжались недолго. Что именно подало первый поводъ къ раздорамъ: притѣсненія-ли и всякія насилія русскихъ, или стремленія свободныхъ доселѣ алеутовъ освободиться отъ чужаго ига? О. Веніаминъ думаетъ, что здѣсь было и то и другое: „первое, конечно, гораздо вѣроятнѣе, но нельзя совсѣмъ отвергнуть и послѣдняго. Но какъ бы то ни было, первыя непріязненныя дѣйствія были со стороны островитянъ..." [1]). Авторъ разумѣетъ здѣсь собственно позднѣйшія крупныя столкновенія алеутовъ съ русскими (истребленіе партіи Дружинина и др.). Но первоначальныя сравнительно мелкія стычки обѣихъ сторонъ вызывались чаще русскими, чѣмъ алеутами. Уже первая экспедиція на Алеутскіе острова мерехода М. Неводчикова, въ 1745—1746 гг., не обошлась безъ пролитія крови, виновниками которой были именно русскіе, а не алеуты. По возвращеніи судна Неводчикова въ Камчатку, экипажъ его былъ преданъ суду, по донесенію казака Шекурдина (бывшаго на суднѣ для сбора ясака на островахъ), обвинявшаго промышленниковъ въ жестокомъ обращеніи съ алеутами [2]).

Такъ неблагопріятно началось знакомство русскихъ съ алеутами. Если уже на первыхъ порахъ обѣ стороны не могли поладить между собою, то впослѣдствіи, когда естественно увеличились поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ, столкновенія становились все чаще и чаще, а обоюдныя жертвы дѣлались крупнѣе. Въ началѣ алеутамъ нерѣдко удавались убійства только одиночныхъ русскихъ промышленниковъ или истребленіе небольшихъ партій, удалявшихся для промысловъ и т. п. отъ своихъ судовъ [3]). Заговоры-же алеутовъ на всеобщее истребленіе русскихъ почти всегда заблаговременно открывались. Не столько осторожность русскихъ, вообще слишкомъ небрежно относившихся къ вопросу о силахъ алеутовъ и слишкомъ много надѣявшихся на себя, сколько отсутствіе единодушія и постоянныя междоусобія алеутовъ, спасали русскихъ отъ поголовнаго истребленія. Но это было именно только на первыхъ порахъ. Впослѣдствіи-же алеуты съумѣли спѣться между собою, найти предводителей общаго дѣла и составить довольно удачные планы истребленія русскихъ. Это относится къ тому времени,

---

[1]) О Веніаминовъ, II, 187.
[2]) Берхъ, 8–10.
[3]) См. подобные случаи—ibid., 18, 34, 39 и др.

когда русскіе успѣли проникнуть на бо́льшую часть Алеутскихъ острововъ и вездѣ вызвали своими дѣйствіями неудовольствія островитянъ. Немудрено, что все населеніе острововъ слилось тогда въ общемъ негодованіи на пришельцевъ, нарушившихъ его покой и свободу, и постаралось отомстить имъ.

А мстить русскимъ промышленникамъ было за что... они обращались съ алеутами самымъ безцеремоннымъ образомъ, иногда просто варварски... Изъ первыхъ промышленныхъ экспедицій особенно жестокими отношеніями къ алеутамъ отличилась экспедиція въ 1760—1762 гг. судна Бечевина „Гавріилъ“ [1]). Столкновенія русскихъ съ алеутами произошли, главнымъ образомъ, изъ-за того, что первые „учинили насиліе“ надъ алеутскими женщинами. Началась жестокая борьба между обѣими сторонами. Наибольшую жестокость проявило здѣсь самое властное лицо на суднѣ—сержантъ Пушкаревъ, посланный Большерѣцкою канцеляріею для сбора ясака съ алеутовъ. Изъ многихъ его варварствъ остановлюсь для примѣра на одномъ—послѣднемъ. Во время пребыванія судна у Камчатскихъ береговъ (на обратномъ пути), въ Бечевинской гавани, Пушкаревъ однажды отправилъ на берегъ за сбо́ромъ ягодъ 14 алеутокъ, захваченныхъ имъ на островахъ. Вслѣдъ за ними отправился въ лѣсъ и самъ Пушкаревъ. Что́ тамъ происходило—неизвѣстно. Но когда пришлось возвращаться на судно, двѣ алеутки скрылись и ушли въ горы. Пушкаревъ разсвирѣпѣлъ и убилъ одну алеутку на мѣстѣ... Остальныя (11 душъ), говоритъ Берхъ, видя такую жестокость, кинулись въ море и утопились!..“ Опасаясь, что это злодѣйство откроется, Пушкаревъ прибѣгнулъ къ новому варварству: вернувшись на судно, онъ велѣлъ бросить въ море всѣхъ бывшихъ тамъ алеутовъ (сколько именно—неизвѣстно), кромѣ двухъ толмачей!..

Жестокости промышленниковъ Бечевинской компаніи стали извѣстны правительству, какъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, вышеупомянутый (см. 1-ю главу) „указъ“ канцеляріи Охотскаго порта, данный въ 1776 г. Ив. Власову. Предписывая командѣ его судна обходиться съ островитянами „съ ласкою и привѣтствіемъ“ и избѣгать „варварскихъ поступковъ, грабежей и отъемовъ насильныхъ“, подъ страхомъ смертной казни, указъ говоритъ, что „Бечевинская компанія, бывшая на Алеутскихъ островахъ, тамошнимъ народомъ неописанныя обиды, разоренія и смертоубійства

[1]) Берхъ, 41—45, 50—52.

чинила...“ Экипажъ „Гавріила“ былъ преданъ суду (полковника Плениспера).

Вообще правительство не разъ старалось остановить безчинства промышленниковъ и побудить ихъ къ гуманности въ обращеніи съ инородцами. Такъ, въ рескриптѣ имп. Екатерины II, отъ 2-го марта 1766 г., сибирскому губернатору Д. И. Чичерину (по поводу экспедиціи Андріана Толстыхъ[1]), сказано въ концѣ: „промышленникамъ подтвердить, чтобъ они ласково и безъ малѣйшаго притѣсненія и обмана обходились съ новыми ихъ собратьями, тѣхъ острововъ жителями ..“ [1]). Но понятно, что грубые промышленники, люди очень невысокой нравственности [2]), не могли проникнуться такимъ человѣчнымъ взглядомъ на алеутскихъ дикарей и продолжали относиться къ нимъ съ прежнимъ варварствомъ. Насилія надъ женщинами, захватъ ихъ и даже увозъ съ острововъ, требованія чрезмѣрнаго ясака, грабежъ звѣриной добычи и даже скуднаго имущества алеутовъ, даровое пользованіе рабочею силою ихъ и пр. и пр., все это продѣлывали русскіе промышленники самымъ безцеремоннымъ образомъ, разсчитывая (и нерѣдко очень основательно) на полную безнаказанность.

Едва-ли не самыми частыми поводами къ столкновеніямъ бывали насилія надъ женщинами и требованія ясака. Въ послѣднемъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе экспедиція Афанасья Очередина, на ботѣ „Павелъ“, въ 1765—1770 гг. [3]) Жители о. Умнаки сначала приняли русскихъ очень дружелюбно, но какъ только Очерединъ заикнулся о ясакѣ, алеуты тотчасъ перемѣнили свое обращеніе съ русскими, оставшимися здѣсь зимовать. Вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній алеутовъ, русскіе стали терпѣть голодъ и болѣть цынгою. Весною Очерединъ все-таки отрядилъ нѣсколько человѣкъ для сбора ясака на сосѣднихъ островахъ. Ни одинъ изъ посланныхъ не вернулся къ судну... Когда извѣстіе объ этой экспедиціи дошло до Петербурга, Екатерина издала въ 1779 г. именное повелѣніе—не собирать ясака съ Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ...

Всѣ эти поводы къ неудовольствіямъ алеутовъ на русскихъ промышленниковъ скоплялись постепенно и, вызывая сначала сравнительно мелкія столкновенія, разрѣшились, наконецъ, открытыми военными дѣйствіями въ 1761—1762 гг., когда компанія нѣсколь-

---

[1]) Берхъ, 56, 57.
[2]) Сарычевъ, II, 22—24.
[3]) Берхъ, 78—80.

кихъ сибирскихъ купцовъ (Н. Трапезниковъ, В. Поповъ и др.) отправила на Алеутскій архипелагъ 4 судна, подъ командою мореходовъ: курскаго купца Алексѣя Дружинина, штурманскаго ученика Медвѣдева, Ивана Коровина и четвертаго неизвѣстнаго. Изъ 4 судовъ три погибли на островахъ почти со всѣми экипажами, а четвертое судно, хотя и вернулось, но съ очень незначительною добычею [1]).

На этой экспедиціи необходимо нѣсколько остановиться, такъ какъ она имѣетъ близкое отношеніе къ первой экспедиціи И. М. Соловьева.

Вскорѣ по прибытіи судовъ Дружинина и др. на острова, начались столкновенія безцеремонныхъ промышленниковъ съ алеутами. Недовольство на русскихъ все болѣе и болѣе скоплялось и вылилось, наконецъ, открытымъ заговоромъ. Искрою, вызвавшею алеутское возстаніе, было, говоритъ о. Веніаминовъ—наказаніе розгами одного изъ отданныхъ Дружинину аманатовъ, „тоенскаго сына“ [2]), что̀ алеутовъ „оскорбило до чрезвычайности...“ Тоены собрались на совѣтъ и порѣшили истребить русскихъ поголовно. Вскорѣ они произвели одновременное нападеніе на разбросанныя партіи русскихъ и почти совсѣмъ ихъ уничтожили. Нѣсколько оставшихся въ живыхъ русскихъ кое-какъ перебивались всю зиму, скрываясь въ пещерахъ о. Уналашки (на которомъ и произошло главное избіеніе дружининской партіи). Они пробыли здѣсь до прихода на о. Умнаку судна И. М. Соловьева, о которомъ извѣстилъ скрывавшихся русскихъ одинъ преданный имъ алеутъ. Только 6 человѣкъ спаслись изъ всей партіи Дружинина (самъ онъ также погибъ) и были вывезены Соловьевымъ въ Камчатку.

Разсказы уцѣлѣвшихъ русскихъ, выслушанные командами судна Соловьева и другихъ русскихъ судовъ, случившихся здѣсь (мореходa Степана Глотова и др.), вызвали страшный взрывъ негодованія противъ алеутовъ, разрѣшившійся ужасною местью русскихъ... Преимущественно Соловьеву и Глотову, находившимся вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ пострадалъ Дружининъ съ товарищами, „досталось,

---

[1]) Подробности этой несчастной экспедиціи см. у Берха („Хрон. ист. открытія Алеутскихъ острововъ“, 57—62), о. Веніаминова („Записки объ о.о. Уналашкин. отдѣла“, I, 117—131), Давыдова („Двукратн. путеш. въ Америку“, II, 107—108) и др.

[2]) „Тоены“, „тойоны“, якутское слово—старшины селеній, „старосты“, какъ переводитъ Соловьевъ въ своихъ запискахъ.

говоритъ о. Веніаминовъ, быть отмстителями и слишкомъ неумѣренными..." [1]).

Объ этой соловьевской „экспедиціи мести" сообщаютъ подробныя свѣдѣнія тѣ-же сочиненія Берха [2]), о. Веніаминова и Давыдова [3]).

Тобольскій купецъ Иванъ Максимовъ Соловьевъ отправился въ 1764 г. на Алеутскіе острова, въ качествѣ морехода на суднѣ „Петръ и Павелъ", принадлежавшемъ иркутскому купцу Уледникову, съ экипажемъ въ 68 человѣкъ. Выйдя 24-го августа изъ устья р. Камчатки, Соловьевъ очень счастливо и скоро дошелъ до о. Умнаки, куда прибылъ 16-го сентября. Не найдя здѣсь удобной якорной стоянки, онъ перешелъ на о. Уналашку, гдѣ сталъ въ Кошигинскомъ заливѣ. Бывая здѣсь еще раньше, Соловьевъ имѣлъ на островѣ знакомыхъ алеутовъ, которые не замедлили разсказать ему о гибели Дружинина, Медвѣдева и др. Алеуты передали также, что тоены трехъ ближайшихъ острововъ порѣшили истреблять всѣхъ русскихъ, пріѣзжающихъ къ нимъ, когда они, раздѣлясь на артели, отправятся на звѣриные промыслы. Это, однако, не испугало Соловьева и онъ собирался разослать свои артели, принимая въ то-же время мѣры къ отмщенію алеутамъ: собиралъ свѣдѣнія о виновныхъ селеніяхъ, устроилъ себѣ крѣпкое зимовье и проч. Не успѣлъ еще онъ вполнѣ приготовиться, какъ алеуты предупредили его и, подъ впечатлѣніемъ недавнихъ побѣдъ надъ русскими, напали на Соловьевское становище. Соловьевъ, готовый каждую минуту къ бою, отразилъ алеутовъ, положивъ на мѣстѣ 100 человѣкъ, истребилъ ихъ байдары и жилища.

Вскорѣ послѣ этого явились къ Соловьеву промышленники, спасшіеся изъ партіи Дружинина, разсказали о своихъ несчастіяхъ и еще болѣе вооружили русскихъ. Половину людей Соловьевъ оставилъ при суднѣ, а съ другою предпринялъ походъ противъ алеутовъ. Началось, говоритъ Берхъ, „ужасное кровопролитіе: большая часть виновныхъ въ убіеніи россіянъ заплатила за сіе жизнью"... Часть алеутовъ, около 300 человѣкъ, заперлась въ укрѣпленномъ жилищѣ. Соловьевъ сталъ обстрѣливать ихъ, но видя, что этимъ путемъ не выживетъ алеутовъ, заколотившихъ всѣ отверстія и входы, рѣшился на варварскую мѣру: положилъ подъ зданіе въ разныхъ мѣстахъ

---

[1]) Стр. 72—76.
[2]) Т. II, 187–190, 194.
[3]) . I, 10

кишки, начиненныя порохомъ, и поднялъ алеутовъ на воздухъ!.. Уцѣлѣвшихъ при взрывѣ русскіе перестряли изъ ружей и посѣкли саблями...

О. Веніаминовъ разсказываетъ такія-же ужасныя вещи. Кромѣ „многихъ частныхъ убійствъ", Соловьевъ истребилъ цѣликомъ двѣ байдары унимакскихъ алеутовъ и большую толпу уналашкинцевъ, спасавшихся съ женами и дѣтьми на островкѣ Яичномъ (или Орѣшкѣ). Послѣднее избіеніе „было столь жестоко, что море вокругъ островка сдѣлалось кроваво отъ бросавшихся и бросаемыхъ въ оное"... Особенною жестокостью отличился товарищъ Соловьева, Натрубинъ, который истреблялъ „безоружныхъ и часто совершенно безвинныхъ. И сказываютъ, что самъ Соловьевъ не столько погубилъ алеутовъ, сколько его товарищи, бывшіе на ближайшихъ островахъ"...

Впрочемъ, и о самомъ Соловьевѣ о. Веніаминовъ разсказываетъ слѣдующее: въ одномъ селеніи Соловьеву „пришло въ голову испытать: въ которомъ (человѣкѣ) остановится пуля?—и для этого онъ велѣлъ связать вмѣстѣ (т. е. одного за другимъ) 12 человѣкъ алеутовъ (вѣроятно, не совсѣмъ безвинныхъ) и выстрѣлилъ въ нихъ изъ штуцера или винтовки. Говорятъ, что пуля остановилась въ девятомъ"... Вообще, многіе алеуты (потомки Соловьевскихъ жертвъ) передавали о. Веніаминову, что русскія партіи Соловьева нерѣдко подстрѣливали алеутовъ „только для потѣхи", хотя другіе алеуты „совсѣмъ это отвергаютъ"...

Всѣ эти свѣдѣнія о неистовствахъ Соловьевской команды о. Веніаминовъ передаетъ, главнымъ образомъ, со словъ алеутовъ, у которыхъ онъ былъ миссіонеромъ; все это онъ „слышалъ отъ весьма многихъ, отчасти бывшихъ самовидцами или слышавшихъ отъ самыхъ товарищей Соловьева (я еще самъ видѣлъ многихъ алеутовъ изъ тѣхъ, которые видѣли самого Соловьева")...

Авторъ, понятно, весьма мягко и довѣрчиво относится къ показаніямъ своихъ духовныхъ чадъ, которые невольно преувеличивали прошлые грѣхи русскихъ. Это была сторона крайне обиженная и слишкомъ много пострадавшая отъ русскихъ: безпристрастнаго отношенія къ послѣднимъ нельзя было ждать отъ алеутовъ, даже при всей ихъ извѣстной симпатіи къ своему любимому наставнику и защитнику-миссіонеру. Во время пребыванія о. Веніаминова на Алеутскихъ островахъ еще не успѣли зажить раны, нанесенныя алеутамъ въ прошломъ русскими промышленниками, еще живы были очевидцы „экспедиціи мести" и родственники пострадавшихъ тогда лицъ. Старое негодованіе на русскихъ еще не улеглось совершенно и

подсказывало алеутамъ многія напраслины на давнихъ своихъ недруговъ...

Довѣріе о. Веніаминова къ алеутскимъ разсказамъ доходитъ до того, что ему „нисколько не кажется увеличеннымъ число алеутовъ, отправленныхъ на тотъ свѣтъ Соловьевымъ“: по словамъ Давыдова—3,000 душъ, а по Сарычеву — 5,000 душъ!.. Но Берхъ рѣшительно возстаетъ даже противъ первой цифры: „число сіе чрезъ мѣру увеличено“, говоритъ онъ. Въ разсказѣ своемъ Берхъ приводитъ (см. выше) два случая, когда Соловьевъ истребилъ 400 алеутовъ, а затѣмъ о числѣ остальныхъ избитыхъ говоритъ неопредѣленно, но несомнѣнно, что кромѣ этихъ двухъ массовыхъ избіеній Берхъ не знаетъ другихъ подобныхъ случаевъ. Между тѣмъ, онъ бралъ свои свѣдѣнія изъ разсказовъ и записокъ современниковъ Соловьева, знакомыхъ съ нимъ и его дѣятельностію и болѣе безпристрастныхъ, чѣмъ алеуты. Такъ, онъ пользовался въ данномъ случаѣ разсказами извѣстнаго сибирскаго купца-дѣятеля XVIII в., Ивана Савича Лапина, который хорошо зналъ Соловьева (впослѣдствіи служившаго у Лапина), и другихъ очевидцевъ „экспедиціи мести“. Русскіе промышленники того времени не стыдились своихъ варварскихъ отношеній къ алеутамъ и, конечно, Соловьевъ не скрывалъ отъ Лапина всѣхъ подробностей своихъ похожденій на островахъ. Лапинъ, въ свою очередь, хорошо былъ знакомъ съ Берхомъ и точно также не имѣлъ основаній скрывать отъ него правду. Вообще, мнѣ кажется, что хладнокровному и покойному Берху можно болѣе довѣриться въ этомъ вопросѣ, чѣмъ мягкому и сильно увлекающемуся о. Веніаминову, глубоко проникнутому началами христіанской любви къ своимъ бѣднымъ алеутамъ и во имя этой любви иногда погрѣшавшему противъ историческаго безпристрастія...

Что-же за личность была Соловьевъ и насколько именно его нравственнымъ свойствамъ нужно приписать это жестокое истребленіе алеутовъ? О прошломъ Соловьева и о его личности сохранились крайне скудныя данныя, мало уясняющія поставленный вопросъ. Берхъ называетъ Соловьева тобольскимъ купцомъ, какъ и самъ Соловьевъ называетъ себя въ своемъ корабельномъ „журналѣ“. Сенатское дѣло о 2-й экспедиціи Соловьева называетъ его „посадскимъ человѣкомъ“. Конечно, противорѣчія здѣсь нѣтъ: купецъ могъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и посадскимъ человѣкомъ. Какое торговое или другое дѣло велъ онъ въ Тобольскѣ неизвѣстно. Соловьевъ получаетъ извѣстность съ того времени, какъ попалъ въ Охотскъ, гдѣ началъ служить въ разныхъ купеческимъ компаніяхъ

въ качествѣ сначала рядоваго промышленника, а затѣмъ въ роли передовщика и морехода судовъ. Онъ много разъ плавалъ на Алеутскіе и другіе острова Восточнаго океана. Но изъ всѣхъ его экспедицій извѣстны только двѣ — первая (только-что разсказанная) въ 1764—1765 гг. и вторая въ 1770—75 гг., о которой сохранились нижеприводимыя путевыя записки Соловьева.

Нѣсколько данныхъ для характеристики личности Соловьева сообщаетъ Берхъ со словъ вышеупомянутаго И. С. Лапина. Вотъ подлинныя слова послѣдняго: „многократные и удачные походы Соловьева доставляли ему большіе прибытки, но какъ онъ былъ человѣкъ безрасчетный и не всегда трезвый, то въ каждую зиму, проведенную имъ въ Охотскѣ или Камчаткѣ, издерживалъ стяжаніе трехлѣтнихъ трудовъ своихъ и отправлялся въ новое путешествіе съ одними только долгами. Онъ несчастно окончилъ жизнь свою въ Охотскѣ“ [1]). Добавлю къ этому, что, по даннымъ сенатскаго дѣла о второй экспедиціи Соловьева (см. III главу), послѣдній былъ безграмотенъ. Понятно, что этотъ необразованный, безхарактерный и „не всегда трезвый“ человѣкъ не могъ сдержать дурныхъ инстинктовъ своихъ людей, набранныхъ изъ самыхъ низменныхъ слоевъ сибирскаго населенія. Недаромъ о. Веніаминовъ говоритъ, что „самъ Соловьевъ не столько погубилъ алеутовъ, сколько его товарищи“ [2]). Этому можно вполнѣ повѣрить, а потому нѣтъ основаній считать Соловьева какимъ-то кровожаднымъ звѣремъ, безцѣльно упивавшимся кровью своихъ жертвъ... Обстоятельства „извиняютъ“ его, и о. Веніаминовъ (стр. 193) и Берхъ (стр. 75—76) оправдываютъ жестокости Соловьевской партіи печальною „необходимостью“ дать „урокъ“ алеутамъ, истребившимъ партіи Дружинина и др., и тѣмъ обезпечить русскимъ дальнѣйшее пребываніе на островахъ. И, дѣйствительно, дальнѣйшая исторія алеутскихъ промышленныхъ экспедицій свидѣтельствуетъ, что съ каждымъ годомъ число нападеній алеутовъ на русскихъ значительно уменьшается и самый характеръ нападеній становится менѣе жестокимъ, а число жертвъ не такъ обильно.

Но все-таки даже сознаніе этой „государственной необходимости“ не можетъ оправдать потоковъ крови, пролитыхъ Соловьевскими промышленниками. Правда, мы знаемъ, что въ разсказахъ объ этомъ ужасномъ для алеутовъ времени есть много преувели-

---

[1]) „Хронол. исторія открытія Алеутскихъ острововъ“, стр. 76.
[2]) „Записки объ о. о. Уналашкин. отдѣла“, II, 190.

ченнаго. Но если здѣсь существуетъ хотя десятая доля правды, и та ложится позорнымъ пятномъ на памяти Соловьева и его сподвижниковъ...

Такую-же печальную память оставили по себѣ и другія русскія промышленныя партіи, бывшія на Алеутскихъ островахъ вскорѣ послѣ Дружининскаго погрома и въ одно время съ Соловьевымъ. Они отличились не меньшею жестокостью, чѣмъ Соловьевъ. Такъ, извѣстный мореходъ Степанъ Глотовъ „истребилъ почти безъ остатка всѣ селенія“ на южной сторонѣ о. Умнаки и др. [1]). Суда Протасова и Брагина также истребили множество алеутовъ. Особенную жестокость проявили промышленники перваго судна, уничтожившіе на о. Унимакѣ 4 большихъ селенія, гдѣ оставили въ живыхъ только всѣхъ молодыхъ женщинъ и нѣсколько молодыхъ мужчинъ... Подробности этого истребленія, сообщаемыя о. Веніаминовымъ, ужасны: алеутовъ стрѣляли какъ зайцевъ, давили юртами и т. п.

Послѣдующія промышленныя экспедиціи на Алеутскіе острова также „позволяли себѣ иногда крайнія жестокости“ [2]). Такъ продолжалось до 1790—93 гг., когда посѣтила острова правительственная экспедиція капитановъ Биллингса и Сарычова [3]), положившая предѣлъ всѣмъ ужасамъ, здѣсь совершавшимся. Иркутскій генералъ-губернаторъ поручилъ капитану Биллингсу разслѣдовать доходившія до него разными путями (между прочимъ, по донесенію сержанта Буйлова, находившагося на Алеутскихъ островахъ для сбора ясака) свѣдѣнія о жестокостяхъ русскихъ промышленниковъ. Биллингсъ передалъ разслѣдованіе по этому дѣлу капитану Сарычову, который и производилъ его въ 1790-мъ году на о. Уналашкѣ и др. Алеуты подтвердили справедливость донесеній Буйлова.

Съ этихъ поръ, особенно со времени учрежденія въ 1799 г. россійско-американской компаніи, вступившей въ управленіе Алеутскими островами и замѣнившей прежнія частныя промышленныя экспедиціи на острова, положеніе алеутовъ значительно улучшилось во многихъ отношеніяхъ.

Н. Н. Оглоблинъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

---

[1]) О. Веніаминовъ, II, 187—188.

[2]) Ibid., II, 190—194.

[3]) Сарычовъ, II, 21 и др.

НА КОНЧИНУ ЕКАТЕРИНЫ II,

урожденной принцессы Ангальтъ-Цербстской, императрицы и самодержицы всероссійской [1]).

Сѣверной Семирамиды уже не существуетъ, и вселенная лишилась, не скажу — величайшей изъ своихъ царицъ, этого было-бы слишкомъ мало, — но величайшаго изъ царей.

О Екатеринѣ, какъ и о многихъ другихъ принцессахъ, говорили, нѣчто ей надлежало выйти за маршала саксонскаго: тогда участь ея была-бы совсѣмъ иная! Она была-бы женою героя, но, съ его кончиною, она затерялась-бы въ памяти людей. Она была создана для болѣе блестящей сферы и судьба вознесла ее на подобающее мѣсто. Въ теченіе 35 лѣтъ женщина управляла одна со славою величайшею изъ всѣхъ извѣстныхъ имперій: устрашила могуществомъ своимъ гордаго властителя Китая, софа Персіи и всѣ мощныя силы владычества оттоманскаго. Подъ напоромъ ея геніи русскіе перестали довольствоваться плаваніемъ у печальныхъ береговъ Архангельска, по близости полярнаго полюса, или по тѣсному проливу моря Балтійскаго, или даже по океану, омывающему берега Германіи. Гордыя дѣти сѣвера отправились пожинать лавры на югъ, направляя свои пути до столбовъ геркулесовыхъ, до Дарданеллъ; приблизились къ вратамъ Константинополя и заставили содрогнуться султана на его престолѣ; въ то-же время, съ другой сто-

---

[1]) Этотъ панегирикъ, написанный на французскомъ языкѣ, старинным но весьма краснвымъ почеркомъ, несомнѣнно принадлежитъ перу какого-нибудь именитаго эмигранта, близкаго къ нашему двору, извѣстнаго лично покойной императрицѣ и ея преемнику—Павлу Петровичу. Подлинникъ сообщенъ редакціи И. Д. Павловскимъ. Ред.

роны, неустрашимыя войска Екатерины низвергали турокъ въ Крыму. Геній этой удивительной жены парилъ не менѣе того и надъ остальною Европою. Никогда и никому лучше ея не были извѣстны различные интересы державъ и никто не умѣлъ лучше ея соблюдать интересы своей имперіи и своей славы, какъ то свидѣтельствуютъ всѣ ея великія дѣянія. Никогда и никто еще не умѣлъ лучше ея отличать дарованія и примѣнять ихъ къ дѣлу. Военачальники, ею избираемые, казалось, воспринимали мужество вмѣстѣ съ возлагаемыми на нихъ порученіями. Войска ея гордились повиновеніемъ женщинѣ; она одна придавала министрамъ своимъ разумѣніе всѣхъ дѣлъ. Она создавала образовывала, одушевляла все, что къ ней приближалось. Щедрость ея равнялась ея генію: расточенныя ею благодѣянія неисчислимы! Можно было думать, что она обрѣла золотые рудники и алмазныя копи въ льдахъ Сибири. Удивленный симъ великодушіемъ, предѣловъ не вѣдавшимъ, одинъ извѣстный иноземецъ дозволилъ себѣ спросить ее—въ какомъ источникѣ она могла найти толикія сокровища? «Въ моей бережливости», отвѣтствовала ему Екатерина.

Ни единаго дня не проводила она безъ отдачи себѣ самой отчета въ своихъ издержкахъ, и щедроты завтрашняго дня соразмѣрялись сбереженному сегодня. Заботы о столь великой имперіи никогда не препятствовали этимъ счетамъ благотворительности; не въ ущербъ вдовы или сироты она упражнялась въ сей высокой добродѣтели: напротивъ, она преимущественно одѣляла вдовъ и сиротъ.

Предоставляемъ рѣзцу исторіи и суду безпристрастнаго потомства достойнѣе прославлять житіе столь блестящее и благодатное, для описанія котораго мы могли-бы снабдить матеріалами будущихъ Тацитовъ; но ради любви къ наукамъ мы обязаны бросить нѣсколько цвѣтковъ на могилу Екатерины. Чувство любви къ наукамъ почерпнула она во Франціи, гдѣ пребывала нѣкоторое время вмѣстѣ со своею матерью, во дворцѣ Вандомскомъ, близъ Люксембурга: здѣсь видѣла она Фонтенеля, патріарха нашей словесности, и всѣ великіе умы, которыми столица наша еще изобиловала въ то время. Съ тѣхъ поръ, сдѣлавшись обладательницею скипетра Петра Великаго, она со славою послѣдовала по стопамъ таковаго предшественника. Этотъ безсмертный царь слишкомъ поспѣшилъ принесеніемъ наукъ въ свое царство: науки смутились при видѣ столь великаго варварства, и, пересаженныя на почву не подготовленную, онѣ не вкоренились, зачахли. Явилась въ Петербургъ Екатерина—и онѣ освоились съ русскою природою: ея великодушіе ихъ воскресило; ея щедроты ихъ поощряютъ, очаровываютъ!

Россія не всегда была варварскою страною: греки водворили въ ней просвѣщеніе и оставили памятники, пришедшіе въ ветхость отъ времени и отъ небреженія невѣжества. Было суждено, чтобы женщина извлекла науки изъ-подъ развалинъ и обломковъ и возжгла свѣточъ Прометея въ дикихъ стра-

нахъ. Убѣждая русскихъ, что предки ихъ были люди просвѣщенные, она вселила въ нихъ вкусъ къ наукамъ. Для дарованія имъ образцовъ и учителей она привлекла изъ Парижа въ С.-Петербургъ ученыхъ и художниковъ: прелестныя письма, ея рукою начертанныя, приводили въ восторгъ все, что только тогда было блестящаго въ нашей словесности. Однимъ она посылала свои портреты, украшенные брильянтами; у другихъ, по чувству трогательной деликатности, она покупала ихъ библіотеки, заботливо предоставляя таковыя въ ихъ пользованіе: она благотворила всѣмъ тысячью различныхъ способовъ. Такимъ образомъ ея столица превратилась, въ наше время, въ отраднѣйшій пріютъ наукъ въ Европѣ; такимъ-то образомъ среди ужасовъ войны, стараніями Екатерины, цвѣли лавры Пермесса; она подала всѣмъ царицамъ единственный примѣръ въ мірѣ, объявляя себя музою наукъ и изящныхъ художествъ.

Для нихъ содѣлала она столько-же, если не болѣе того, что содѣлали Александръ, Августъ, король великій, Медичи и Людовикъ XIV. О, царица Великая, небомъ порожденная на славу нашему вѣку, на утѣшеніе намъ въ столь маломъ числѣ великихъ мужей, если-бы кто возмогъ хулить справедливыя сѣтованія мои о твоей утратѣ, то могъ-бы быть лишь варваръ. Души великія всегда одобрятъ сію слабую дань, приносимую мною твоему праху!

Но вы, августѣйшій сынъ ея, нынѣ сидящій на ея престолѣ, вы, коего я имѣлъ счастіе лицезрѣть и слышать въ Парижѣ, къ вамъ обращаю я мои безкорыстныя сѣтованія, исторгаемыя изъ сердца моего любовію къ словесности.

Мы видѣли прибытіе ваше во Францію подъ великимъ именемъ графа Сѣвернаго, которымъ вы были наречены самою вашею великою родительницею, ибо каждая мысль ея была проникнута величіемъ: печатка, ею вамъ врученная при отъѣздѣ вашемъ и изображавшая полярную звѣзду, была слѣпкомъ ея генія, точно также какъ и любви вашей къ ней. Вы достойно носили это прекрасное имя графа Сѣвернаго на берегахъ Сены: весь Парижъ восхищался вашей скромности и вашей вѣжливости; весь дворъ былъ въ восторгѣ отъ благородства и изящества, съ которыми вы говорили на нашемъ языкѣ. Помню, какъ вы уѣзжали изъ театра послѣ представленія прелестной трагедіи Расина и глаза ваши были увлажены слезами: слезы драгоцѣнныя, приносящія не менѣе печали какъ душѣ государя, такъ и чувствительности поэта! О, добродѣтельный повелитель столь обширнаго царства, если когда-либо слабое сіе описаніе достигнетъ рукъ вашихъ, примите благосклонно мою хвалу, ея не внушаетъ мнѣ какой-либо расчетъ человѣческій,—и дозвольте мнѣ къ сѣтованіямъ по вашей преславной родительницѣ присоединить пожеланіе вамъ: вся Европа обуяна ужасами войны; истощенные и страждущіе народы съ великими воплями просятъ мира. Счастливый обладатель столь обширной страны, вы можете даровать благо сіе міру: силою разума,

силою вашей кроткой власти вы можете обезоружить это множество гордыхъ бойцовъ... Пріобщите славу сію къ славѣ, завѣщанной вамъ Екатериною; вѣчное правосудіе обладаетъ великою силою, исходя изъ устъ великаго царя!

Могущественный сынъ Екатерины, дай намъ услышать ея восхитительный глаголъ! Мирная слава прославитъ тебя не менѣе кроваваго лавра войны! Милосердіе тебѣ сродно: воззри съ участіемъ на бѣдствіе людей; будь опять нашею полярною звѣздою, и признательность наша приложитъ послѣдній цвѣтокъ къ твоему вѣнку!

1797 г.

Поправки:

(См. „Рус. Стар." изд. 1892 г., книга іюль, статья: гор. Оленскъ, стр. 238—244)

	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стран. 240, сверху 2 строка:	Средне-Калымскъ	Средне-Колымскъ
Тамъ-же, снизу 1-я строка:	ронзошла	произошла
Стр. 243, снизу 14-я строка:	почлегахъ	наслегахъ
Тамъ-же, снизу 9-я строка:	Оз. Норьбѣ	оз. Нюрьбѣ
	Сунтирѣ	Сунтарѣ

Вездѣ, гдѣ напечатано рѣка Оленскъ, слѣдуетъ читать Оленекъ.

Фр. Ш.

Въ заголовкахъ статьи, напечатанной въ настоящей, сентябрьской книгѣ „Русской Старины": „Холера въ С.-Петербургѣ въ 1830 г.", на оберткѣ и въ текстѣ, стр. 738 и III, вкралась ошибка: напечатано: „въ 1830 г.", слѣдуетъ читать: „въ 1831 г.". Такая-же поправка должна быть сдѣлана въ годахъ на стр. 742, предъ письмомъ, и въ колонн.-титлахъ означенной статьи.

Александръ Дмитріевичъ Кирѣевъ.

Въ іюльской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 г. помѣщены Записки Михаила Николаевича Кирѣева, въ которыхъ говорится какъ былъ замученъ въ селѣ Родникахъ Пензенской губерніи нашъ прадѣдъ Михаилъ Михаиловичъ Кирѣевъ, о чемъ упоминаетъ и Пушкинъ въ своемъ Пугачевскомъ бунтѣ.

У Кирѣевыхъ были родовыя имѣнія еще тогда, когда существовало Пензенское воеводство. Когда было введено раздѣленіе на губерніи, Кузнецкая округъ отошла отъ Пензенскаго воеводства къ Саратовской губерніи.

Такимъ образомъ, одно изъ родовыхъ имѣній Александра Дмитріевича Кирѣева было въ Пензенской губерніи—упомянутое село Родники, а другое—въ Саратовской губерніи, село Дьячевка, оставленныя имъ дѣтямъ.

Изъ чего ясно, что у Александра Дмитріевича Кирѣева были родовыя имѣнія въ двухъ губерніяхъ въ бытность его управляющимъ конторою императорскихъ театровъ.

Софія Александровна **Эллисъ**, рожд. Кирѣева.

7-го августа
1892 г.

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКІЙ И В. И. РОБОРОВСКІЙ.

Замѣтка къ ихъ портретамъ.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1892 г., книги январь и мартъ, напечатаны были Воспоминанія о знаменитомъ нашемъ путешественникѣ Н. М. Пржевальскомъ, переданныя его ближайшимъ помощникомъ и сподвижникомъ въ его славныхъ экспедиціяхъ, В. И. Роборовскимъ (см. о послѣднемъ автобіографическую замѣтку въ упомянутой январьской книгѣ, стр. 217 и 218), причемъ въ мартовской книгѣ журнала текущаго года было помѣщено изображеніе Н. М. Пржевальскаго въ гробу и видъ его могилы.

Къ настоящей книгѣ „Русской Старины“ мы прилагаемъ портреты Н. М. Пржевальскаго и В. И. Роборовскаго, гравированные художникомъ И. И. Матюшинымъ.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1892 г.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

стран.

I. Императорскій московскій университетъ въ въ 1798—1830 гг., въ воспоминаніяхъ Михаила Прохоровича Третьякова. Главы I—VII . . . . 105—131, 307—345, 533—553

II. Воспоминанія А. Л. Зеланда о польскомъ возстаніи и о войнѣ 1830—1831 гг. Гл. I. 503—531

III. Русскіе достопамятные люди. Замѣтки и воспоминанія по поводу труда Д. Н. Бантыша-Каменскаго: „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, Спб., изд. 1847 г., и нѣкоторыхъ другихъ изданій того времени. (Рукопись изъ собранія Сергѣя Дмитріев. Полторацкаго) . . . . . 1—47

IV. Путевые очерки и воспоминанія. Поѣздка по Франціи и Италіи. (Рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго) . . . . 245—296, 554—592

V. Воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ, 1858—1861 гг. Сообщ. С. Н. Кулябка. . . . . 725—737

VI. Воспоминанія В. М. Вонлярлярскаго о войнѣ 1877—1878 гг. Главы VI—VIII (Окончаніе] . . . . . 533—664

VII. Въ Закаспійской области, 1879—1887 гг. Воспоминанія о М. Д. Скобелевѣ врача О. Ф. Гейфельдера . . . . . 181—216

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы, матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

I. Дѣло о „смертномъ боѣ“ подьячаго Микульшина, 1709 г. Сообщ. А. Востоковъ . . . 178—180

II. Явочное челобитье холопа на своего боярина, 1709 гг. Сообщ. А. Востоковъ . . . . . 47—48

III. Изъ помѣщичьяго быта XVIII в. Разсказы по подлиннымъ дѣламъ: 1. Смерть помѣщика Савина.—2. Секундъ-маіоръ Ромашовъ и его домоправительница.—3. Секундъ-маіоръ Анненковъ.—4. Возмущеніе крестьянъ помѣщика Арсеньева 1724 года.—5. Торговля вольными людьми въ XVIII в. Сообщ. А. Пупаревъ. 225—237, 496—502

IV. Путевыя записки морехода И. М. Соловьева 1770—1775 гг. Эпизодъ изъ исторіи открытій въ Восточномъ океанѣ. Главы I—II. Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ. . . . . 745—762

V. На кончину Екатерины II, урожденной принцессы Ангальтъ-Цербстской, императрицы и самодержицы всероссійской. Сообщ. И. Д. Павловскій. . . . . 763—766

VI. Письма императора Павла I къ Н. М. Бердяеву, екатеринославскому военному губернатору, 1796—1797 гг. Сообщ. А. Бердяевъ . 49—69

VII. Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, род. въ 1739 г., † 1814 г., и его письмо къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 1803 г. Сообщ. кн. В. Дабижа . 297—306

VIII. Карлъ Ѳедоровичъ Модерахъ, род. 1747 г., † 1819 г. Біографическій очеркъ. Сост. В. В. Тимощукъ . . . . . 364—372

IX. Императоръ Александръ I и король прусскій въ Англіи въ 1814 г. Выдержки изъ англійскихъ газетъ Юрія Васильевича Толстаго. 347—363

X. Станиславъ Романовичъ Лепарскій, комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ и Читинскаго острога, 1759—1838 гг. Біографическій очеркъ. Сост. Вѣра Тимощукъ. . . . . 143—177

XI. Холера въ С.-Петербургѣ въ 1830 г.: 1. Разсказъ очевидца.—2. Письмо Д. П. Свѣчина, сообщ. Л. М. Савеловымъ . . . . . 738—744

XII. Указъ изъ правительствующаго сената о наблюденіи, чтобы къ статскимъ дѣламъ не были опредѣляемы люди, не умѣющіе грамотѣ, 1831 г. Сообщ. А. Пупаревъ 70

XIII. Адмиралъ Ѳаддей Ѳаддеевичъ Беллингсгаузенъ, р. 1778 г., † 1852 г. Сообщ. баронъ П. П. Гершау . . . . . 373—395

XIV. Яковъ Васильевичъ Толмачевъ, ординарный профессоръ спб. университета, р. 6-го октября 1779 г., † 18-го января 1873 г. Автобіографическая записка . . . . . 699—724

XV. Александръ Петровичъ Хрущовъ, род. 1806 г., † 1875 г. Выдержки изъ его писемъ, 1853—1859 гг. . . . . 431—450, 593—614

XVI. Доброе старое время. Главы III—V. (Окончаніе). Сообщ. И. С. . . . . 479—495, 615—630

XVII. Изъ замѣтокъ объ южной Болгаріи за время окупаціи ея русскими войсками въ 1878—1879 гг. и о послѣдующихъ событіяхъ въ княжествѣ Болгарскомъ. Сообщ. И. С. Ивановъ 665—698

XVIII. Дмитрій Петровичъ Лебедевъ, 1851—1891 гг. Сообщ. Е. Некрасова . . . . . 217—224

XIX. Къ характеристикѣ его имп. выс. великаго князя Константина Николаевича, † 13-го января 1892 г. Сообщ. С. И. К. 346

XX. Городъ Оленскъ. Сообщ. Фр. Шперкъ . . 238—244
Поправки 766
XXI. Къ „Запискамъ доктора де-ла-Флиза“. Сообщ. Ѳ. А. Рахунковичъ 180
XXII. Къ статьѣ Е. С. Некрасовой: „Н. А. Герценъ въ перепискѣ съ А. Г. Кліентовой“. Сообщ. Ив. Немолякинъ 224
XXIII. Александръ Дмитріевичъ Кирѣевъ. Замѣтка. Сообщ. Софія Ал. Эллисъ, рожд. Кирѣева . 767
XXIV. Н. М. Пржевальскій и В. И Роборовскій. Замѣтка къ ихъ портретамъ 768

Исторія русской литературы.

I. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, 1757—1835 гг. Очерки изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX в. (Окончаніе). Сообщ. П. О. Морозовъ . . 71—104, 396—430
II. Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Первое изданіе его басенъ, 1809 г. Сообщ. Н. В. Масловичъ . . . . . 132—135
III. Харьковскіе баснописцы: Григорій Сковорода, А. Н. Нахимовъ и В. Г. Масловичъ. Сообщ. Н. В. Масловичъ . . . . . 136—142
IV. Воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ. (См. выше отдѣлъ: Записки и Воспоминанія).
V. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Письмо его къ И. А. Гончарову, 1864 г. Сообщ. А. Н. Гончаровъ 532

Исторія художествъ.

I. Театральныя воспоминанія Н. И. Куликова: петербургскіе театры въ 1820—1830-хъ годахъ 451—477

II. Артисты императорскихъ русскихъ театровъ въ С.-Петербургѣ въ 1858 г. Замѣтка . . . 478

Портреты.

I. Портретъ Михаила Дмитріевича Скобелева, † 25-го іюня 1882 г., съ фотографіи, исполненной 5-го февраля 1881 г., послѣ штурма Геокъ-Тепе. Гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 1).

II. Портреты Николая Михайловича Пржевальскаго и Всеволода Ивановича Роборовскаго. Гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 503).

III. Портретъ-группа артистовъ императорскихъ русскихъ театровъ въ Спб., въ 1858 г. Фототипическій снимокъ.
(При стр. 245).

Библіографическія замѣтки о русско-историческихъ книгахъ.

1. Императрица Марія Ѳеодоровна (1759 — 1828). Ея біографія. Сост. К. С. Шумигорскій. Томъ I. Спб. 1892. (На оберткѣ VII-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
2. Очерки Кореи. Составлено по записками М. А. Поджіо. Съ приложеніемъ карты полуостр. Кореи. Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
3. Исторія Апшеронскаго полка. 1700—1892 гг. Составилъ А. Богуславскій, штабсъ капитанъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка. 3 тома. Спб. 1892 г. (Тамъ-же).
4. Списки титулованнымъ родамъ и лицамъ Россійской имперіи. Изданіе департамента герольдіи правительствующаго сената. Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
5. Д. И. Эварницкій. Исторія Запорожскихъ казаковъ. Томъ I. Съ 22 рисунками. Спб., 1892 г. (На оберткѣ VIII-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).

6. Исторія 13-го лейбъ-гренадерскаго его величества полка за 250 лѣтъ (1642—1892). Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
7. Земля и люди. Всеобщая географія. Элизе Реклю. Томъ VI. С.-Петербургъ. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. (Второе изданіе). 1892 г. (Тамъ-же).
8. Обзоръ Закаспійской области за 1890 г. С.-Петербургъ, 1892 г. (Тамъ-же).
9. И. С. Листовскій. Историческіе итоги. Спб. 1892 г. (Тамъ-же).
10. Дорожныя замѣтки на пути по Монголіи въ 1847 и 1859 гг. Архимандрита Палладія. Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
11. По Египту и Палестинѣ. Путевыя замѣтки Е. Э. Картавцова Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
12. Значеніе германо-французской войны 1870—71 гг. въ исторіи военнаго искусства. Критико-историческое изслѣдованіе. Часть I. Стратегія. Составилъ ген. штаба полковникъ Н. Михневичъ. Спб., 1892 г. (На оберткѣ IX-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
13. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга шестая. Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
14. Бессарабія. Историческое описаніе. Съ высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Посмертный выпускъ историч. изданій П. Н. Батюшкова. Спб. 1892. (Тамъ-же).

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимаетъ на комиссію посторонніе изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получатъ книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Аболенскій, В., д-ръ. Самопомощь при азіатской холерѣ. Спб. Ц. 15 к.

Агинъ, А. Сто четыре рисунка къ поэмѣ Н. В. Гоголя «Мертвыя души». Изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. IV. Тифлисъ. Ц. вып. 20 к.

Булгаковъ, Ѳ. И. Альбомъ русской живописи. Картины и рисунки И. И. Шишкина. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Виларе, А., д-ръ. Энциклопедическій словарь. Переводъ подъ редакціею И. Р. Тарханова. Вып. V. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Волконскій, С., кн. Художественное наслажденіе и художественное творчество. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Галанинъ, М. И. Мѣропріятія противъ холеры русскаго и иностраннаго правительствъ и ихъ научныя основы. Спб. Ц. 2 р.

Грибоѣдовъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакц. Арс. И. Введенскаго. Спб., 1892. Ц. 1 р.

Гусевъ, А., проф. Любовь къ людямъ въ ученіи гр. Л. Толстого и его руководителей. Казань, 1892 г. Ц. 60 к.

Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Спб., 1892 г. Ц. 45. к.

Загоскинъ, Н. П., проф. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань, 1892. Ц. 60 к.

Ивановскій, Н. И. Критическій разборъ ученія безпоповцевъ о церкви и таинствахъ. Изд. 2-е. Казань, 1892. Ц. 1 р. 75 к.

***Лабутинъ**, И. Всемірная хронологія. Пособіе по курсу всеобщей исторіи. Ц. 10 к. Петроградъ, 1892 г.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ и статьею о Лермонтовѣ К. И. Арабажина. 2-е исправл. и доп. изд. съ рис. Кіевъ. Ц. 1 р.

Лесгафтъ, П. Основы теоретической анатоміи. Ч. I. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Люнъ, М., Вр. Холера. Отчего она происходитъ, какъ распространяется и какъ бороться съ нею. М., 1892. Ц. 30 к.

***Масловичъ**, Н. Житейскіе напѣвы. Куплеты.—Напѣвы.—Сцены.—Переводы. Изданіе 2-е. Значительно дополненное. Спб., 1892 г.

Мѣры, предохраняющія отъ заболѣванія холерою, способы дезинфекціи и леченіе. Наставленія медицинскаго совѣта м—ва внутр. дѣлъ. М. Ц. 15 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Издан. А. Гарбель и К°. Вып. 47. М., 1892. Ц. вып. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Бѣломоры

---

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины“.

и Соловки. Воспоминанія и разсказы. Изд. 4-е. Кіевъ. Ц. 1 р. 25 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Въ огнѣ. Повѣсть изъ послѣдней русско-турецкой войны. Съ рисунками. Кіевъ. Ц. 1 р.

Новыя правила о питейной торговлѣ, высочайше утвержденныя 5 мая 1892 г. М. Ц. 30 к.

Новыя правила о порядкѣ представленія къ чинамъ, орденамъ, медалямъ и пр. высочайш. наградамъ. Спб., 1892. Ц. 25 к.

Оглоблинъ, В. Н. Вода въ красильномъ производствѣ. М., 1892 г. Ц. 50 к.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія Т. IV, вып. 1-й. Филопоменъ и Титъ Фламининъ. (Дешев. Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Повторительный курсъ глазныхъ болѣзней. Кіевъ. Ц. 75 к.

Правила о раздробительн. торговлѣ крѣпкими напитками. М., 1892 г. Ц. 50 к.

Предохранительныя мѣры и первая помощь при азіятск. холерѣ у дѣтей. Кіевъ. Ц. 10 к.

Рапчевскій. И. Ф., д-ръ. Объ азіатской холерѣ. Двѣ научно-популярныя лекціи. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Рихтеръ, Евгеній. Соціально-демократическія картины будущаго въ Германіи. Вольное сатирическое подраженіе Бебелю. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Сенъ-Піеръ-де-Бернарденъ. Павелъ и Виргинія. Перев. съ франц. Ек. Бекетовой. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Слоущъ, Н. Д. Мнемотехника и искусство укрѣплять память. Одесса, 1892 г. Ц. 35 к.

Соловьевъ, Т. Теорія волевыхъ представленій. Отношенія ея къ спеціаціи и элеваціи органическ. міра. Спб., 1892. Ц. 2 р.

* **Труды** высочайше учрежденной Рязанской ученой архивн. комиссіи за 1891 г. Изданные подъ редакц. правителя дѣлъ А. И. Селиванова. Т. VI. Рязань, 1892 г.

***Труды** Рязанской ученой архивной комиссіи. Т. VII. 1892 г. № 3.

***Холмскій** народный календарь на 1893 г. Петроградъ, 1892 г.

Царскосельскія скачки (результаты). Сезонъ 1892 г. Спб. Ц. 20 к.

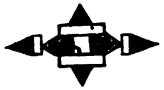
Ціолковскій, К. Аэростатъ металическій управляемый. М., 1892 г. Ц. 50 к.

Щербина, В. И. Изъ семейнаго архива. I. Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874 г.).—II. Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851 г.). Кіевъ. 1892 г.

* **Щербина.** В. И. Кіевскіе воеводы, губернаторы отъ 1654 по 1775 г. Кіевъ. 1892 г.

По желанію гг. заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетѣ. Цѣна переплетовъ: шагреневый съ коленкоромъ—80 коп., сафьянокорешковый—50 коп.

☞ Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ «Русской Старины» безъ малѣйшаго замедленія.



ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

АРХИВЪ КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА.

Книга третья, изданная княземъ Ѳ. А. Куракинымъ. подъ редакціею **М. И. Семевскаго и В. Н. Смольянинова.**

Съ прилож. портретовъ кн. Бориса Александровича Куракина († 1764 г.) и княгини Елены Степановны Куракиной († 1768 г.).

Книга украшена виньетками-рисунками почетнаго члена императорской академіи художествъ Ѳ. Г. Солнцева. 1892 г. XIX+438 стр.+XII.

Цѣна 3 руб., на веленевой бумагѣ 4 руб.

Складъ изданія въ Надеждинской конторѣ князя Ѳедора Алексѣевича Куракина—гор. Сердобскъ, Саратовской губ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. **Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ **1870** г., третье изд., *(10 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ **1876** г., второе изд., *(51 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ **1877** г., 12 книгъ *(31 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ **1878** г., 12 книгъ *(28 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ **1880** г., второе изд. *(53 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ **1881** г., 12 книгъ *(27 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ **1884** г., 12 кн. изд. второе *(50 экз.)*, съ портр., 9 руб.
„Русская Старина“ **1885** г., 12 книгъ *(45 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ **1888** г., 12 книгъ *(59 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ **1889** г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ **1890** г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб
„Русская Старина“ **1891** г., 12 книгъ *(43 экз.)*, съ портретами, 9 руб

путешествія Погодина по разнымъ сѣвернымъ губерніямъ, для ознакомленія съ ихъ древностями и разысканія историческихъ памятниковъ. Вообще, нельзя не сказать, что г. Барсуковъ владѣетъ добросовѣстно и умѣло воспользовался находящимся въ его распоряженіи богатымъ матеріаломъ и что книга его займетъ почетное мѣсто среди историческихъ изслѣдованій развитія науки и литературы въ нашемъ отечествѣ.

И. О.

Бессарабія. Историческое описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутрен. дѣлъ. Посмертный выпускъ историческихъ изданій П. Н. Батюшкова. Съ 3-мя фототипіями, 53-мя гравюрами и картою. Спб. 1892. 177+95 стр.

Имя Поппея Николаевича Батюшкова давно извѣстно русскому обществу по монументальному его изданію: „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ", первые четыре выпуска котораго, посвященные древностямъ на Волыни, вышли еще въ 1865 г., а послѣдующіе: V-й—въ 1872 г., VI-й—въ 1874 г. и послѣдніе два, VII-й и VIII-й, посвященные Холмской Руси — въ 1885 и 1886 гг.

Въ виду того, что „Памятники", составлявшее изданіе роскошное и дорогое, печатались въ ограниченномъ количествѣ и потому не могли имѣть широкаго распространенія, П. Н. Батюшковъ началъ съ 1887 г. другой рядъ изданій по историческому описанію западной Россіи,—болѣе дешевыхъ и потому болѣе доступныхъ большинству читателей. Такъ, въ 1887 г. вышла въ свѣтъ книга „Холмская Русь", въ 1888 г.—„Волынь", въ 1890 г.—„Бѣлоруссія и Литва" и въ 1891 г.—„Подолія". Только что вышедшій въ свѣтъ настоящій сборникъ „Бессарабія" начатъ печатаніемъ еще при жизни автора, въ концѣ 1891 г., но окончен уже послѣ его смерти († 20-го марта 1892 г.) однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ покойнаго—М. И. Городецкимъ.

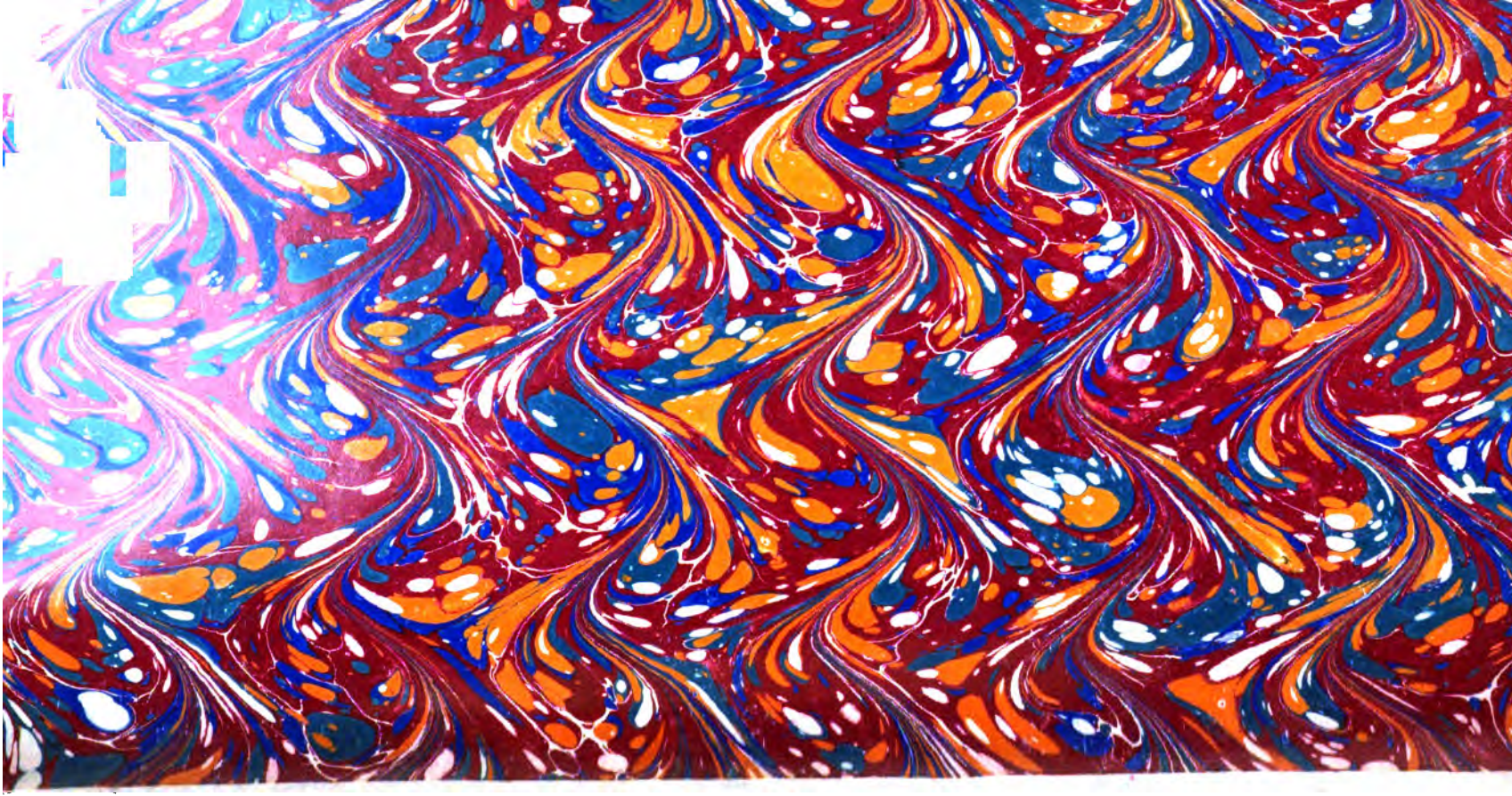
Тексту историческаго описанія Бессарабіи предпослано прекрасно составленный академикомъ Л. Н. Майковымъ біографическій очеркъ П. Н. Батюшкова, въ которомъ весьма рельефно очерчены заслуги его какъ на поприщѣ государственной службы, такъ и въ области научныхъ его изслѣдованій по исторіи нашихъ западныхъ окраинъ.

Привѣтствуя появленіе настоящей книги, составляющей такой-то прекрасный вкладъ въ русскую историческую литературу, какъ и всѣ предыдущія изданія, предпринятыя П. Н. Батюшковымъ, — пожелаемъ книгѣ самаго широкаго распространенія въ нашемъ обществѣ, особенно среди учащейся молодежи.

Въ заключеніе нашей бѣглой замѣтки укажемъ здѣсь общее содержаніе главъ, на которыя распадается сборникъ: Глава I. Появленіе русскихъ славянъ на историческомъ поприщѣ и въ предѣлахъ нынѣшней Бессарабіи до основанія Русскаго государства.—Глава II. Участіе придунайскихъ русскихъ славянъ въ образованіи русскаго государства отъ основанія его до образованія княжествъ Валахіи и Молдавіи.—Глава III. Образованіе и расширеніе славяно-румынскихъ княжествъ Валахіи и Молдавіи.—Глава IV. Внутреннее состояніе румынскихъ княжествъ, преимущественно Молдавіи: религія, церковь духовное просвѣщеніе, письменность и національныя отношенія и черты. — Глава V. Отношенія турокъ и татаръ къ Валахіи и Молдавіи и постепенное отдѣленіе отъ нихъ особой области Бессарабіи, непосредственно подчиненной владычеству турокъ.—Глава VI. Содѣйствіе русскаго народа и государства къ освобожденію Валахіи и Молдавіи отъ турецко-татарскаго ига, до воссоединенія Бессарабіи съ Россіей въ 1812 г.—Глава VII. Судьбы Бессарабіи подъ русскимъ владычествомъ съ 1812 года и до крымской войны 1853—1855 гг.—Глава VIII. Судьбы Бессарабіи послѣ крымской войны 1853 — 1855 гг. и до настоящаго времени.

Книга украшена превраснымъ портретомъ царствующаго Государя Императора, также весьма хорошо исполненными портретомъ покойнаго П. Н. Батюшкова и многими другими, весьма цѣнными, приложеніями, а именно: портретами и изображеніями историческихъ лицъ, видами мѣстностей и зданій и разными другими изображеніями. Въ концѣ книги помѣщена хромолитографированная карта Бессарабской губерніи.

А. Л.



THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
AUG 2 6 1987
2399385

Widener Library
3 2044 099 718 793